ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ

II

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

РЕДАКЦИЯ
В. В. ВИНОГРАДОВ (ГЛАВ. РЕД.), И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
С. А. МАКАШИН и М. Б. ХРАПЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 5

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГЕРЦЕН
И
ОГАРЕВ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 5

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

А. И. ГЕРЦЕН

Портрет маслом работы Н. А. Герцен (дочери), 1867 г.

Автокопия

Собрание Н. Ю. Герцен. Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим томом «Литературного наследства» продолжается публикация «пражской коллекции» архива Герцена и Огарева. Несколько документов извлечено из «софийской коллекции» (о ней см. ниже), а также из других собраний. Том посвящен целиком одной теме: *корреспонденты Герцена и Огарева*.

Большинство писем к Герцену и Огареву печатается полностью и составляет *первый раздел* тома. Всего публикуется 261 письмо от 73 корреспондентов. К этим письмам присоединено 8 ответных писем Герцена и Огарева. Менее значительные письма представлены во *втором разделе* тома в виде аннотаций. Это даст исследователям предварительную ориентировку в материале и облегчит его введение в научный оборот. Здесь аннотировано 127 писем от 47 корреспондентов. В «пражской коллекции» сохранились подлинники многих ранее опубликованных писем к Герцену и Огареву, в том числе писем В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и других. Тексты прежних публикаций этих документов сверены с автографами, и результаты изложены в кратких критико-текстологических обзорах, которые составляют *третий раздел* тома и охватывают 182 письма от 18 корреспондентов. Библиографический указатель всех опубликованных ранее писем к Герцену и Огареву составляет последний, *четвертый раздел* тома. В указателе учтены публикации 929 писем от 185 корреспондентов.

Эпистолярные материалы, собранные в настоящем томе, в своей совокупности являются крупнейшим документальным сводом, без которого теперь невозможно будет изучать русское революционное движение середины XIX в. и, в первую очередь, деятельность Герцена и Огарева. Хронологически публикуемые материалы ограничиваются датами 1836—1877. В подавляющем большинстве письма относятся к пятидесятым-шестидесятым годам и сосредоточиваются вокруг узловых проблем, связанных с изучением периода первой революционной ситуации в России, деятельности «Колокола», «Земли и воли», «молодой эмиграции».

Среди корреспондентов, письма которых печатаются в настоящем томе, представлены русские и иностранцы, старые московские друзья Герцена и Огарева и новые их знакомые—русские эмигранты и приезжие из России, активные участники революционно-демократического движения и люди весьма далекие от политической борьбы

Авторы большинства писем—русские революционеры: А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, Н. И. Утин, М. С. Гулевич, В. И. и И. И. Кельсиевы, Н. И. Жуковский, В. О. Ковалевский, П. Л. Лавров, Л. И. Мечников, В. М. Озеров, Артур Бенни, Н. А. Вормс, Н. Я. Николадзе, М. П. Сажин, Я. Н. Ханыков, А. Я. Щербаков, А. А. Криль, М. П. Лозинский, П. С. Мошкалов и др. Новые эпистолярные документы раскрывают связи Герцена и Огарева с революционно-демократической средой в России и в эмиграции, характеризуют идеологическую борьбу эпохи, сообщают новые данные по вопросу о путях и способах получения лондонским центром информации о положении в России, наконец устанавливают важные факты революционно-пропагандистской и конспиративной работы издателей «Колокола» и деятелей первой «Земли и воли». Особенный интерес представляет конспиративное письмо Николая Серно-Соловьевича, переправленное им в Лондон из Алексеевского равелина. Этот исключительный по содержательности и силе документ знакомит нас с затаенными мыслями и переживаниями выдающегося революционера, продолжавшего и в тюрьме сохранять неколебимую верность своим убеждениям. Письмо Николая Серно-Соловьевича вносит крупный вклад в изучение слабо документированного и мало освещенного в исследовательской литературе вопроса о взаимоотношениях двух русских революционных центров шестидесятых годов—петербургского и лондонского. Для выяснения того же вопроса важное значение имеет также письмо Н. Обручева. Большой интерес представляют письма Н. Утина, раскрывающие взаимоотношения издателей «Колокола» и одного из виднейших представителей «молодой эмиграции»

Особо следует сказать о письмах участника революционного движения шестидесятых годов—Василия Кельсиева, позднее вступившего на путь ренегатства. Значение публикуемых писем, разумеется, не в выражении мыслей и чувств Кельсиева, приведших его к отказу от служения революции, к капитуляции перед властью. Письма интересны с других точек зрения: они показывают, в каких трудных условиях протекала революционная деятельность Герцена и Огарева и заграничных агентов «Земли и воли» в период польского восстания 1863 г. и особенно после его подавления; они вскрывают всю иллюзорность ставки Кельсиева и его единомышленников на возмож-

ность привлечения к революционному делу старообрядцев; наконец, они содержат ряд новых данных, относящихся к истории «Земли и воли» и к подпольным связям революционной эмиграции с Россией.

Принципиальная важность и значительность вклада, вносимого письмами революционеров в изучение деятельности Герцена и Огарева, тем более велика, что эпистолярные связи издателей «Колокола» в свое время были преподнесены читателю в односторонних публикациях М. П. Драгоманова. Располагая всеми бумагами архива Герцена и Огарева, печатаемыми в настоящем издании, Драгоманов извлек из архива для своих женевских публикаций восьмидесятых и девяностых годов преимущественно письма людей, далеких от революции или активно враждебных ей. Он напечатал письма И. Аксакова, Анненкова, Громеки, Кавелина, Каткова, Кошелева, Мельгунова, Самарина, Тургенева, Чичерина и других, но обошел все письма революционеров, упомянутых выше. Таким образом, исследование русских связей издателей «Колокола» в течение длительного времени основывалось на искусственно суженной, тенденциозно ограниченной и в этом смысле фальсифицированной документальной базе.

Другая группа писем, публикуемых в настоящем томе, принадлежит людям иного общественного лагеря; тем не менее эти письма дают ценнейший материал для истории русского общественного движения, освещают многие кардинальные вопросы общественной борьбы и идеологических споров сороковых-шестидесятых годов, сообщают ряд весьма существенных новых фактов. Таковы, например, письма В. Р. Зотова, А. А. Чумикова. В этом же плане представляют интерес письма В. П. Боткина, С. С. Громеки, Н. А. Мельгунова, Н. И. Сазонова. Многие из этих писем связаны с вопросом об отношении Герцена и Огарева к русским либералам различных оттенков и знакомят нас с тем, как издатели «Колокола» пришли к полному разрыву с либерализмом. Особенно интересны в этом отношении письма замечательного русского просветителя Т. Н. Грановского. Несомненен интерес писем В. С. Печерина, вносящих немало новых штрихов в известный исследователям облик этого своеобразного эмигранта, чья идеология в свое время была искажена трактовкой М. О. Гершензона.

Среди публикуемых документов есть письма, вышедшие из-под пера людей, о которых исследователи до сих пор ничего или почти ничего не знали. К числу таких людей относятся, например, полковник И. В. Турчанинов и его жена. Будучи не в состоянии примириться с порядками русской жизни, Турчаниновы эмигрировали в Америку. Турчанинов принял там весьма деятельное участие в гражданской войне на стороне Севера. Письма Турчаниновых к Герцену чрезвычайно интересны резкой критикой социального уклада Соединенных Штатов.

Помимо писем к Герцену и Огареву, в первый раздел включено еще 15 документов, непосредственно связанных с публикуемыми письмами. Важнейшие из этих документов: 1) письмо Артура Бенни о конспиративной деятельности русских революционеров в 1862 г.; 2) два письма И. И. Кельсиева с описанием его побега из московской тюрьмы и последующего отъезда из России в эмиграцию; 3) два письма В. М. Озерова о Парижской Коммуне; 4) воззвание и два конспиративных письма Н. А. Серно-Соловьевича, связанные с попыткой поднять в 1866 г. вооруженное восстание в Сибири.

Несколько писем, публикуемых в настоящем томе, взяты, как сказано выше, из «софийской коллекции». Под «софийской коллекцией» мы разумеем ту часть рукописей из архива Герцена и Огарева, которая в восьмидесятые годы была передана сыном Герцена Драгоманову, увезена последним в Болгарию и после смерти Драгоманова осталась у его зятя, болгарского буржуазного историка И. Шишманова. После выхода в свет в 1953 г. 61-го тома «Литературного наследства» в софийской газете «Вечерни новины» (№ 172 от 23 июля 1953 г.) появилась заметка д-ра Петра Миятева, заместителя директора Архивного института Болгарской Академии Наук, в которой сообщалось, что попавшие к Шишманову документы Герцена сохранились и десять лет тому назад были переданы в Болгарскую Академию Наук. Вслед за этим Президиум Болгарской Академии Наук передал в дар Академии Наук СССР все документы из архива Герцена и Огарева, находившиеся в фонде И. Шишманова. В начале 1954 г. они были доставлены в Москву. Все представляющие научный интерес неизданные рукописи «софийской коллекции», насчитывающей 82 «единицы хранения» с общим числом более 700 листов, будут опубликованы на страницах третьего «герцено-огаревского» тома «Литературного наследства» (т. 63).

Ученые Советского Союза высоко ценят тот вклад в дело изучения литературного наследия Герцена и Огарева и вообще русского революционного движения середины XIX в., который Болгарская Академия Наук внесла своим даром. Факт передачи этих драгоценных документов Академии Наук СССР является красноречивым примером плодотворности братских связей, взаимного сотрудничества между учеными Болгарии и Советского Союза.

ПИСЬМА
К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫ — ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Публикуемые ниже пять писем московских друзей Герцена и Огарева, С. И. и Т. А. *Астраковых*, представляют собой лишь незначительную часть обширной многолетней переписки семьи Астраковых с Герценом и Огаревым.

Братья Астраковы, Николай и Сергей, были сыновьями вольноотпущенника, мелкого чиновника-копииста Московского уездного правления питейного сбора Ивана Васильевича Астракова. Герцен и Огарев познакомились со старшим из братьев — Николаем — в студенческие годы. Николай Иванович Астраков (1809—1842) с 1827 г. был студентом физико-математического отделения Московского университета и в 1831 г. окончил университет со званием кандидата. Он давал уроки математики Сатину и через него сблизился с членами кружка Герцена—Огарева. Научные интересы Н. Астракова выходили далеко за пределы того отделения, студентом которого он числился. В аттестате Н. Астракова отмечено, что помимо курса физико-математических наук он прослушал большинство курсов словесного и нравственно-политического отделений. Преподавая после окончания университета, вплоть до своей смерти, математику в учебных заведениях Москвы, Астраков продолжал и научные занятия. В 1836 г. он защитил магистерскую диссертацию. Ему принадлежит несколько переводов в журнале Павлова «Атеней», статьи в научных сборниках и небольшой труд «Об образцовой ферме», опубликованный в № 9 «Отечественных записок» за 1841 г. В 1837 г. он женился на своей двоюродной сестре Гатьяне Алексеевне.

С Н. Астраковым был особенно дружен Герцен. Как указывает в своих воспоминаниях Татьяна Алексеевна, Герцен из ссылки вел с Н. Астраковым оживленную переписку, обсуждая многие научные вопросы. К чете Астраковых — Николаю Ивановичу и Татьяне Алексеевне — Герцен на всю жизнь сохранил чувство глубокой симпатии и признательности, нашедшей свое отражение на страницах «Былого и дум».

Т. А. Астракова (1814—1892) была не только близким другом Герцена, Огарева и их семей (особенно горячая дружба связывала ее с женой Герцена, Натальей Александровной), но и неизменной участницей их московского кружка. Демократические убеждения Астраковой сочетались с прямолинейностью характера. Самому Герцену порою приходилось выслушивать от Татьяны Алексеевны справедливые упреки в барстве, которое проскальзывало иногда в его поступках. Разделяя убеждения Герцена, Татьяна Алексеевна порвала со всеми его бывшими друзьями, когда они постыдно капитулировали перед реакцией. Надо было иметь незаурядное гражданское мужество, чтобы в условиях последних лет царствования Николая I продолжать сношения с Герценом. На имя Астраковой поступала через М. К. Рейхель корреспонденция Герцена в Россию.

К 1850-м гг. относится начало литературной деятельности Астраковой. В 1857 г. в «Современнике» была опубликована ее автобиографическая повесть «Воспитанница», несколько небольших повестей напечатаны в «Москвитянине», в «Лит. прибавлениях к „Русским ведомостям“». Перу Астраковой принадлежат «Воспоминания о Тропинине» («Литературные прибавления к „Московским ведомостям“», 1857), под руководством которого она занималась живописью в начале тридцатых годов.

Герцен и Огарев внимательно следили за литературными выступлениями Астраковой. В письме к Герцену от 20 января 1858 г. (IX, 59—62) Татьяна Алексеевна благодарит его за критические замечания о ее повести, просит в дальнейшем читать го, что будет ею написано, и откровенно высказывать свое мнение.

Одно из публикуемых писем принадлежит младшему брату Н. И. Астракова — Сергею Ивановичу (1816—1867). После женитьбы брата С. И. Астраков поселился в его семье и прожил в ней до конца жизни. «Воспоминания» Т. А. Астраковой дают ценный материал для изучения его биографии. «Воспоминания» эти, представляющие значительный историко-общественный интерес, дошли до нас, к сожалению, только в виде отрывков, включенных в мемуары Т. П. Пассек «Из дальних лет». Отрывки из воспоминаний Астраковой содержат также многочисленные цитаты из писем Герцена и Огарева к С. И. Астракову.

С. Астраков получил домашнее образование в полном объеме гимназического курса, вероятно, под руководством своего старшего брата Николая. В 1835 г., сдав вступительные экзамены, он был зачислен на физико-математическое отделение Московского университета (АМГУ, Дела Правления, оп. 1 ст., д. № 142) и в 1840 г. закончил университет кандидатом (АМГУ, Дела Правления, оп. общая за 1840 г., д. № 217). С Герценом и Огаревым Астраков сблизился уже после того, как они возвратились из ссылки. Молодой человек, только что окончивший университет, привязался к друзьям своего старшего брата и вошел в герценовский кружок. Преподавая математику в Александровском институте и других учебных заведениях, давая, кроме того, частные уроки, Астраков в течение всей жизни не мог, однако, выбиться из тяжелой нужды. Преподавание было для него вынужденным занятием, единственным источником заработка. Его истинным призванием была механика: многосторонне образованный человек, Астраков был охвачен страстью к изобретательству.

С. Астраков особенно близко сошелся с Огаревым в 1848—1855 гг., т. е. тогда, когда Огарев, поселившись сначала в своем пензенском имении, а затем на Тальской писчебумажной фабрике, занялся хозяйственной деятельностью. В ту пору Герцена в России уже не было; между старыми московскими друзьями обозначились глубокие идейные расхождения, и Астраков был для Огарева самым близким человеком на родине. Как можно судить по тем отрывкам из писем Огарева к Астракову, которые сохранились в «Воспоминаниях» Астраковой, а также по письмам Астракова к Огареву (они хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), Астракова связывала с Огаревым глубокая дружба, основанная на взаимной симпатии и общности научных интересов. В 1849 г., в письме из Крыма Огарев, вспоминая о проводах, которые устроили ему и Н. А. Тучковой-Огаревой С. И. и Т. А. Астраковы, писал: «В ту минуту я понял, Сергей, что между нами есть страшно много точек соприкосновения, симпатий, даже теоретических. Я думаю, что последними шутить нельзя, в самом-то деле, только они несколько просветляют личность, они делают для нас человека симпатичным или нет» («Полярная звезда» гр. Салиаса де Турнемир, 1881, № 2, стр. 22).

Письма Огарева к Астракову из Крыма содержат подробное изложение планов научной работы, многочисленные вопросы из области физики, химии, математики, ответа на которые Огарев ждал от Астракова.

Астраков был ближайшим советчиком Огарева во всей его хозяйственной деятельности, имевшей характер социального эксперимента. Мысль привлечь Астракова к этому делу подал Огареву Герцен. В ответ на письмо Огарева, где он сообщал свои хозяйственные планы, Герцен писал Огареву из-за границы 3 августа 1847 г.: «Огарев, что бы тебе завести переписку и даже выписать к себе на время Астракова? он — отличный агроном и, сверх того, агроном-прогрессист. Он мог бы много сделать пользы даже и заводу, ибо механик велий. Подумай об этом» (V, 49). Но принять непосредственное участие в замыслах Огарева Астракову не пришлось. Между ними шла долгая переписка о переезде Астракова на Тальскую фабрику в качестве управляющего, он даже отправился для переговоров по этому поводу к Огареву, но против этого плана, как указывает Астракова, возражала Н. А. Тучкова-Огарева — план так и остался невыполненным.

Тем не менее Астраков принимал самое деятельное участие в практической и теоретической разработке мероприятий для преодоления технических трудностей, вставших перед Огаревым. Однако размах его изобретательской мысли далеко выходил за пределы практических вопросов, вытекавших из потребностей хозяйственной деятельности Огарева. Известная нам переписка и другие материалы не позволяют с исчерпывающей полнотой судить о глубине и оригинальности изобретательской мысли Астракова. По письмам видно, что, начиная с сороковых годов, Астраков упорно трудился над усовершенствованием паровоза, над теоретической разработкой проекта воздушного снаряда и воздушного шара.

Деятельность Астракова была в высшей степени характерна для сороковых-пятидесятых годов XIX в. Задача, которую он поставил перед собой,—способствовать усовершенствованию путей и средств сообщения, была связана с задачей более общей, с борьбой за развитие производительных сил России, и в условиях крепостничества неизбежно перерастала в борьбу против политики реакционеров-крепостников и иностранных спекулянтов.

Но патриот-изобретатель не мог сломить организованного сопротивления бюрократических верхов. Многочисленные попытки Астракова проложить путь своим изобретениям оказались безуспешными. Так, например, вычисления, относящиеся к проекту воздушного снаряда и воздушного шара, он послал петербургским математикам, но дальнейшая судьба их неизвестна. С одним из своих проектов Астраков хотел попасть на прием к царю, когда распространился слух, что у царя будут приемные дни.

Переехав в Лондон, Огарев (так же как и Герцен) продолжал настойчиво интересоваться судьбой изобретения Астракова. — «Что твой проект? — спрашивал Огарев в письме от 6 октября 1856 г. — Отчего не подаешь прямо великому князю? Кратчайший путь...» («Полярная звезда» гр. Салиаса де Турнемир, 1881, № 3, стр. 63). Узнав, что Астраков был принят К. В. Чевкиным — главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий и одновременно членом Комитета для рассмотрения предложений о сооружении железных дорог, Герцен в августе 1856 г. писал Астракову: «Теперь жду от тебя известий, что из этого вышло. Не медли, ты знаешь, как мне дорог твой успех» (VIII, 326). В том же письме Герцен просил Астракова прислать ему свою статью — с тем, чтобы представить ее в Королевское общество. Астраков послал в Лондон несколько статей. Сообщая Астракову о том, что статьи получены, а также о своих хлопотах в Лондоне по поводу проекта, Огарев высказывал сомнение — следует ли посылать статьи в английскую Академию и можно ли публиковать их в России в «Журнале путей сообщения». Он опасался, как бы проектами Астракова не воспользовался кто-нибудь помимо автора («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 64—65).

Сохранившиеся отрывки из писем Герцена и Огарева к Астракову показывают, что друзья информировали его о выдающихся достижениях европейской научной и технической мысли (например, о паровом плуге) и — в качестве контраста техническому прогрессу — Герцен описывал потрясающую нищету лондонских трущоб.

В конце пятидесятых годов обрывается известная нам переписка Астраковых с Герценом и Огаревым. О судьбе проектов Астракова мы не располагаем никакими сведениями. «У С(ергея) много останется дельных бумаг, — писала Татьяна Алексеевна, — разберут их и после, может, и оценят...». Н. А. Тучкова-Огарева в своих «Воспоминаниях», характеризуя С. Астракова, называет его жертвой судьбы-мачехи, помешавшей ему приложить к делу свои дарования. «...Этот духовно и физически сильный человек угас в чахотке» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, Л., 1929, стр. 103). Можно сказать, что царская Россия действительно была «судьбой-мачехой» для Астракова. Разночинец, сын только что вырвавшегося из крепостной неволи крестьянина, Астраков, благодаря упорству и таланту, получил университетское образование, но отсутствие средств и непреодолимый бюрократизм правящих кругов не позволили ему практически осуществить свои многочисленные научные замыслы. Интерес, который проявляли Герцен и Огарев к работам Астракова, значение, которое они им придавали, уже сами по себе свидетельствуют

о содержательности этих работ. Настоящая публикация должна привлечь внимание исследователей истории отечественной науки и техники к С. Астракову, одному из талантливых русских людей, не получивших возможности практически реализовать свои изобретения для блага народа.

Астраков не принимавший непосредственного участия в общественно-политической борьбе, был, однако, человеком передовых демократических убеждений. До конца жизни он в идейном отношении остался близок Герцену и Огареву. Получив известие о смерти Астракова, Огарев 23 июля 1867 г. писал Герцену: «Вчера получил твое письмо от 19-го и портрет Сергея, за который благодарю Натали из глубины сердца. Грановский для меня уже одно из тех воспоминаний, которые меня волнуют до мозга костей; а Сергей еще больше. С Гр(ановским) мы, может, разошлись бы, а с Сергеем никогда» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 446). Памяти С. Астракова Огарев посвятил известное стихотворение «Студент», проникнутое пафосом революционного служения народу.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 70 и 230).

1

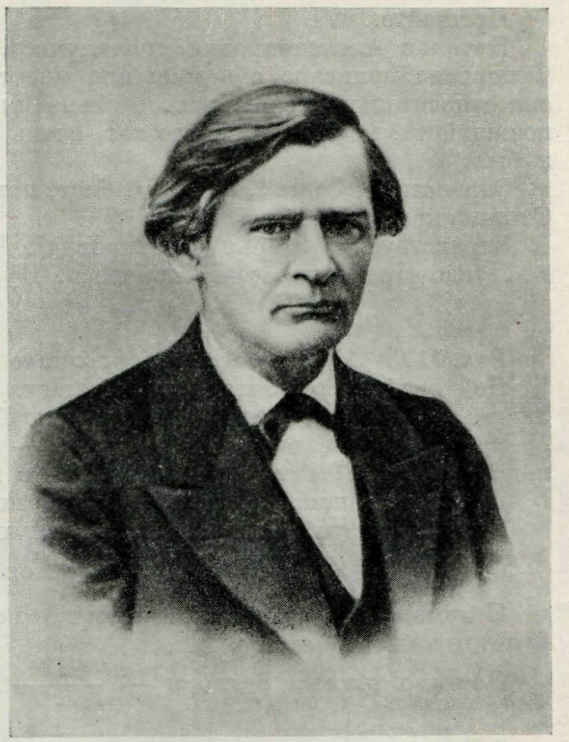
С. И. АСТРАКОВ — ГЕРЦЕНУ

(Москва. Около 11/23 октября 1848 г.)[1]

Здравствуй, Герцен, здравствуйте, Наталья Александровна. Много я слышал от Марьи Федоровны об вас и того и другого, и пятого и десятого, а все-таки не могу составить ясного понятия об вас, как вы там и что и пр., т. е. дело вовсе не то, что если бы вас видел сам. Ведь еще не прошло двух лет, как вы уехали из Москвы, а как вспомнишь все, так кажется — два века прошло; сколько было такого, о чем хотелось сказать тогда и уже теперь вовсе не хочется, — сколько есть теперь, о чем бы с удовольствием сказал бы и то и сё и, по всей вероятности, до тех пор пока увидимся уж непременно расхочется об этом говорить. Что за время такое теперь? Мне иногда кажется, что в пять дней теперь иное больше переживешь, чем прежде в пять лет. А потом рассмотришь эти пять дней, увидишь, что они очень обыкновенны и естественны и что идут себе своим порядком (беспорядочным). Я теперь, писавши это письмо, чувствую себя совершенно одинаково с тем проповедником, который, чтобы сказывать хорошо проповеди, съел библию, а потом пришел на кафедру и чувствует, что все-таки не может ни слова сказать и, наконец, подумав немало, сказал, указывая на живот: «Благочестивые слушатели, тут много, да вон не лезет». Так и я теперь: в голове много, да на бумагу нейдет, да и *не хочет*.

В самом деле, черт знает до какой степени всегда размечешься и не знаешь, что сказать. В настоящее время, т. е. 11/23 октября, я заинтересован мыслию такою: Сатин задумал издавать энциклопедию по всем отраслям человеческих знаний; мысль превосходная, но до какой степени мудрено исполнимая. Сначала думал он выдавать ее тетрадями листа в два печатных и чтобы она имела характер такой, чтобы она служила руководством для всякого человека, который только грамоте знает, но теперь уже думает выдавать книжками, довольно толстыми, и уже намеревается писать статьи так, чтобы в каждой было как можно больше специальности и удобоприложимости. В этом предприятии думают деятельно участвовать Грановский, Корш, Фролов, Кетчер, Огарев, по части химии Лясковский [2], и всякое другого даяние да будет благо. Насчет цифры и механики я думаю мароковать. Что из этого будет, не знаю. С 49 года будет издаваться [3]. Теперь мне поручено составить план или вроде плана наук физико-математико-естественных и их приложения, чем я теперь и занят.

С. И. АСТРАКОВ
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва



Наконец, я теперь понял эту задачу о работе, о которой я имел глупость во время *t* с тобой, Герцен, спорить. Теперь я вывел из законов механики; действительно, если один работник срабатывает в единицу времени работу *a*, то *n* работников в ту же единицу времени сработают работу $na+\alpha$, где α есть прибыток, зависящий от того, что работают не один, а *n* человек, и про существование этого α я спорил, но теперь убедился. И, сверх того, еще почти нашел закон, что ⟨если⟩ будут работать *mn* работников, то они в ту же единицу времени сработают работу $mna+m\alpha+\beta$ и что это возрастает в геометрической прогрессии, где знаменатель содержания есть логарифм числа работников, т. е. если один работник срабатывает *a*, то два работника сработают $2a+\lg 2a$, а три сработают $3a+\lg 2a+\lg 3a=a(3+\lg 2+\lg 3)$ и т. д., вообще *n* работников сработают $na+\lg 2a+\lg 3a+\lg 4a+\ldots\lg na=a(n+\lg 2+\lg 3+\lg 4+\ldots\lg(n-1)+\lg n)$. Вот какая формула; она выведена мною из частного вопроса о перемещении данного груза на известное расстояние; насколько она верна и обща для всех работ, не знаю; но что это есть так, против этого никто не спорит. И какова же мерзость это — вся работа $a(\lg 2+\lg 3+\lg 4+\ldots\lg n)$ [4] отдавалась и отдается не дай ⟨*I нрзб*⟩ фабриканту или заводчику. Черт знает, что это за вещь такая! Не могу утерпеть и не сказать про свое ребячество, я все еще как ребенок, попадется что-нибудь эдакое — согласие цифры с действительностию, ну я и пошел хандрить. Ну как, в самом деле, эдакая вещь, как логарифм в анализе отвлеченном и совершенно искусственная, вдруг является в действительности и рекомендует себя вот таким-то чиновником? Черт знает, а я всегда изумляюсь над этим; не умею помирить отвлеченности с действительностию.

Ну, вижу, ты думаешь, попал теперь на колею и прощай, хоть кидай письмо, не дочитавши; так сам остановился, не хочу надоедать да некогда: 9-й час, пора бежать к Редкину в класс [5].

Прощайте.

Наталья Александровна, пожалуйста, не верьте ничему, что Марья Федоровна написала обо мне; она мне сказывала, что, между прочим, она относительно меня и моего изменения сообщила—да и в Париж, так, пожалуйста, не верьте. Я все тот, очень обыкновенный и такой же, как и был.

Здравствуй, Саша [6], что ты, брат, помнишь ли сколько-нибудь меня? Откликнись как-нибудь.

Здравствуйте, Марья Каспаровна[7]. Что же вы не едете в Москву? Луизе Ивановне очень кланяюсь. Ну, всё! Прощайте.

Весь ваш С. А.

Рукой Т. А. Астраковой (адресовано Н. А. Герцен):

Не хочется оставлять белую бумагу. Сколько я тебе записочек прилагаю, сколько тебе и читанья и хлопот будет с ними.

Что-то все нездоровится, душка, — старость пришла, и то болит и другое, хоть бы скорее на покой — в могилу.

Прощай, однако! Писать-то вовсе нечего.

Крепко обнимаю тебя, крепко целую.

Твоя Т. Астракова

Я думала, что тебе будет приятно получить от М. Ф.[8] записочку, и потому вытребовала у нее.

Послано письмо октября $\frac{\text{ст. ст. } 11}{\text{нов. ст. } 23}$.

[1] В письме упоминается, что со времени отъезда Герцена за границу «не прошло двух лет». Это дает возможность уточнить дату письма: Герцен, как известно, выехал за границу 19 января 1847 г.

[2] Николай Эрастович *Лясковский* (1816—1871) — профессор фармакологии и химии, ученый аптекарь Московского университета.

[3] Это издание осуществлено не было.

[4] Выведенная С. И. Астраковым математическая формула работы имеет чисто механистический характер и лишена научного значения.

[5] *Бежать к Редкину в класс*, т. е. в Александровский сиротский институт, в котором Астраков был преподавателем. — Петр Григорьевич *Редкин* (1808—1891) — юрист, профессор Московского университета, подавший в отставку в связи с известной «крыловской историей» (см. ниже примеч. 2 ко второму письму В. П. Боткина); в то время Редкин занимал должность инспектора классов института.

[6] *Саша* — сын Герцена.

[7] *Марья Каспаровна* — Рейхель.

[8] *М. Ф.* — Марья Федоровна Корш.

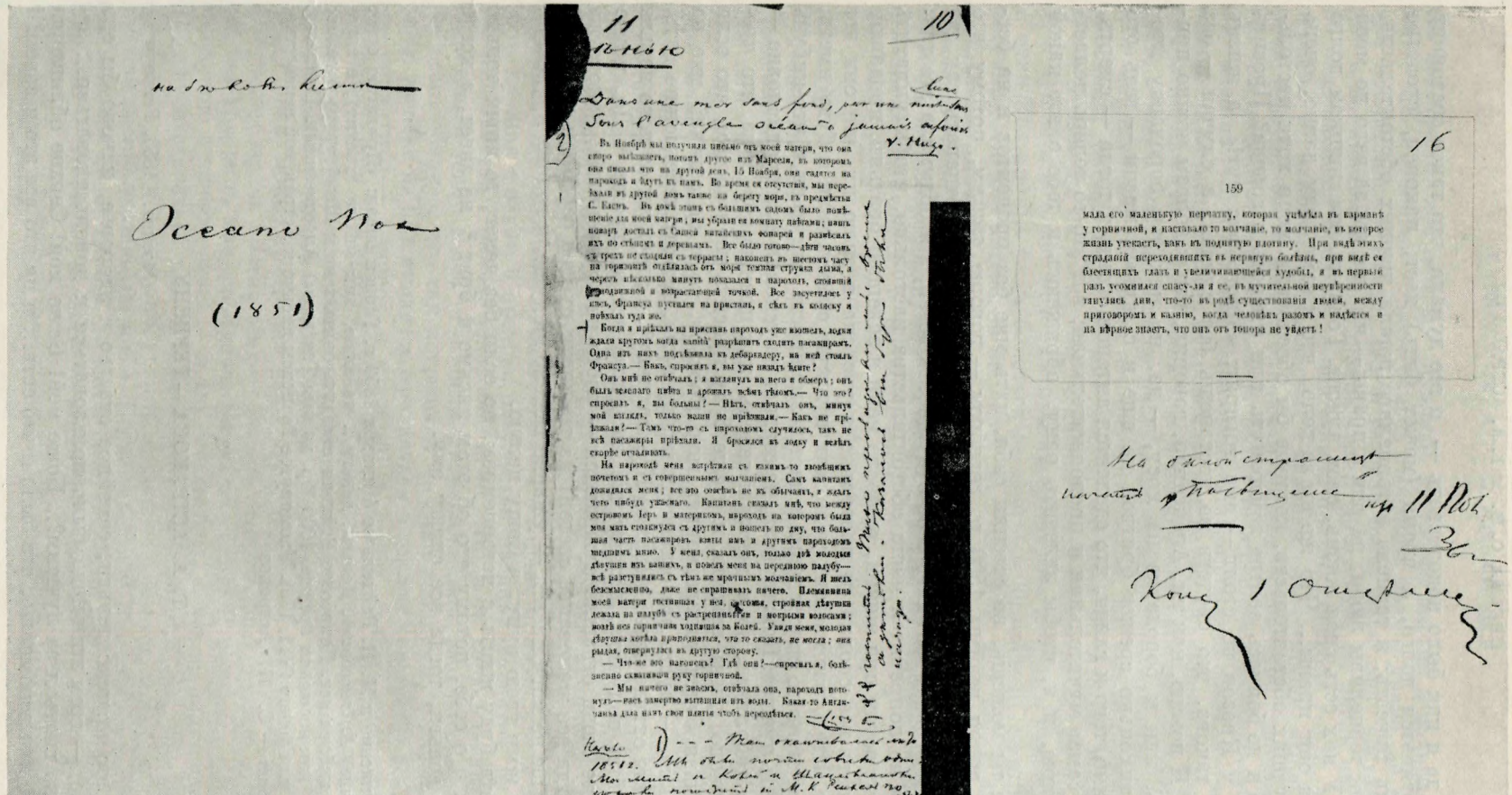
2

Т. А. АСТРАКОВА — ГЕРЦЕНУ

(Москва.) 1852. Декабря $\frac{11}{23}$

Скверная вещь *нужда*. Мы себе болтаем и то и сё, надеясь на то и сё, стараемся не думать о незваной гостье, принимаем все меры уничтожить ее присутствие, а она себе все теснее и теснее подвигается к вам, все крепче и крепче сдавливает вас в своих могучих объятиях; вы бьетесь, задыхаетесь, снова встрепенетесь, и всё вдали как будто видите светлую точку — надежды, не подозревая, что это оптический обман; и как страшно тяжело, когда на вас рухнет целая гора: сначала это оглушит, потом приходишь в отчаяние, видя, что ничто не поможет, что все погибло, и, боже мой, как страшно погубить жизнь из-за копейки! Да, потому только, что нет средств вещественных, у вас гибнут все средства душевные.

Когда я писала прошлое письмо, мне и в голову не приходило, что я стою уже над бездной, и не подозревала, что мне придется писать это



Oceano Nox

(1851)

11 Ноябрь

10

Въ Ноябрѣ мы получили письмо отъ моей матери, что она скоро выѣзжаетъ, потомъ другое изъ Марсели, въ которомъ она писала что на другой день, 16 Ноября, они садятся на пароходъ и идутъ къ намъ. Во время ея отсутствія, мы переѣхали въ другой домъ также на берегу моря, въ предмѣстьи С. Кесть. Въ домѣ этомъ съ большимъ садомъ было помѣщеніе для моей матери; мы убрали ея комнату цвѣтами; нашъ поваръ досталъ съ Сашей китайскихъ фонарей и развѣсилъ ихъ по стѣнамъ и деревьямъ. Все было готово—двѣ часовъ съ тремя не спящими съ террасы; наконецъ въ шестомъ часу на горизонтѣ отдѣлилась отъ моря тонкая струйка дыма, а черезъ нѣсколько минутъ показался и пароходъ, стоявшій неподвижной и возрастающей точкой. Все засуетилось у насъ, Франсуа пустился на пристань, я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ туда же.

Когда я пріѣхалъ на пристань пароходъ уже вошелъ, лодки ждали кругомъ когда капитанъ разрѣшитъ сходить пассажирамъ. Одна изъ нихъ подъѣхала къ дебаркадеру, на ней стоялъ Франсуа.— Какъ, спросилъ я, вы уже назадъ ѣдите?

Онъ мнѣ не отвѣчалъ; я вглянулъ на него и обмеръ; онъ былъ мертваго цвѣта и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.— Что это? спросилъ я, вы больны?— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, минуя мой взглядъ, только наши не пріѣхали.— Какъ не пріѣхали?— Тамъ что-то съ пароходомъ случилось, такъ не всѣ пассажиры пріѣхали. Я бросился въ лодку и всѣхъ скорѣе отчалилъ.

На пароходѣ меня встрѣтили съ какимъ-то зловѣщимъ почетомъ и съ совершеннымъ молчаніемъ. Самъ капитанъ дожидался меня; все это отличалось не къ обычаю, и вдали что нибудь ужаснаго. Капитанъ сказалъ мнѣ, что между островомъ Іеръ и материкомъ, наперекоръ на которомъ была моя мать столкнулся съ другимъ и вошелъ по дну, что большая часть пассажировъ взяты имъ и другимъ пароходомъ медленно идущимъ. У меня, сказалъ онъ, только двѣ молодыя дѣвушки изъ нашихъ, и повелъ меня на переднюю палубу— всѣ разступились съ тѣмъ же мрачнымъ молчаніемъ. Я шелъ безсмысленно, даже не спрашивая ничего. Племянница моей матери гостившая у нея, высокая, стройная дѣвушка лежала на палубѣ съ растрепанными и мокрыми волосами; возлѣ нея горничная ходившая за Колей. Увидя меня, молодая дѣвушка хотѣла приподняться, что то сказать, не могла; она рыдая, отвернулась въ другую сторону.

— Что-же это? Гдѣ она?—спросилъ я, болѣзненно сжимая руку горничной.

— Мы ничего не знаемъ, отвѣчала она, пароходъ потонулъ—насъ чудомъ вытащили изъ воды. Какая-то Англичанка дала намъ свои платья чтобъ переодѣться.

16

159

мала его маленькую перчатку, которая уцѣлѣла въ карманѣ у горничной, и настало то молчаніе, то молчаніе, въ которое жизнь утекаетъ, какъ въ поднятую плотину. При видѣ этихъ страданій переходившихъ въ первую болѣзнь, при видѣ ея блестящихъ глазъ и увеличивавшейся худобы, я въ первый разъ усомнился спасу-ля я ее, въ мучительной неувѣренности тянулись дни, что-то въ родѣ существованія людей, между приговоромъ и казнію, когда человѣкъ разомъ и надѣется и на вѣрное знаетъ, что онъ отъ топора не уйдетъ!

На обратной странице почтовые постановления на 11 Ноября

Конец 1 отделения

СТРАНИЦЫ «БЫЛОГО И ДУМ» (ГЛАВА «OCEANO NOX») С АВТОРСКОЙ ПРАВКОЙ ГЕРЦЕНА

«Полярная звезда на 1859 год»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

письмо; да и как было подозревать — я все думала, что такое состояние дел протянется долго, а время (может быть) даст, наконец, средства отвратить тяжесть; я терпела и терпеливо ждала лучших обстоятельств, но не так терпеливы люди, да они и правы — что же им за дело до моей жизни? У них есть своя жизнь, свои нужды. Говорят, мы слишком долго ждали, и они правы... Что же им за дело, что я сама жду давно, очень давно лучших обстоятельств, которые бы обеспечили меня хотя настолько, чтоб я не боялась завтра замерзнуть или умереть с голода? Просить помощи у Крезов не стоит — они говорят: «Много вас тут!», а жизнь пришла такова, что средств не достанешь без случая, а случая — без средств. Я помню, как ты, Александр, говорил, что к долгам можно привыкнуть, как к бородавке на носу, — да, но как эту бородавку кто-нибудь тихонько срежет бритвой да еще и с живым мясом — ведь это нестерпимо, того и гляди, что сделается антонов огонь, и тогда — смерть, смерть, самая мучительная и продолжительная; вот это-то теперь делается со мною, и я, чтобы залечить рану, обращаюсь к тебе с вот какой просьбой.

Если ты можешь, не стесняя себя, дать мне без процентов и на бессрочное время взаймы 1500 р. серебром — говорю *взаймы*, потому что я обдумала уплату и потому, что такие суммы нельзя отдавать так, на ветер, когда надо обдумать тебе будущность детей, а я обдумала это так: что если не поправятся наши обстоятельства настолько, чтобы уплатить эту сумму детям при жизни, то после меня я завещаю братьям, продавши дом, отдать все сполна, и настолько я уверена и знаю их, что они это сделают. Итак, вот на этих условиях и такую сумму, если я буду иметь, то это от многого спасет меня и даст возможность очнуться и что-нибудь придумать лучшее. Пожалуйста, не сердись за условия и за предисловие — я много наболтала, но я скажу и теперь, как прежде говорила, что *просить* тяжело, очень тяжело, и я еще буду просить тебя об том, что если тебе нельзя будет удовлетворить мою просьбу, то и не отвечай мне на это письмо, — пусть это останется между нами. А если тебе можно дать, то пришли оттуда через М⟨арью⟩ К⟨аспаровну⟩, а здесь ни от кого нельзя ни копейки получить, потому что *ни у кого* нет ни гроша [1]. Да, нонче и богатые люди страшно нуждаются — часто нет гривенника; каково же нам, когда все жалованье состоит из тридцати рублей серебром в месяц?!

Больше не могу писать — ужасно тяжело на душе, и голова кружится. Крепко жму твою руку, а Сашу целую.

Ответа буду ждать с нетерпением, но если без денег, то пиши только о детях и о себе, потому что об этом письме и брат [2] не знает, а когда получу деньги, тогда все скажу ему.

Т. А.

[1] В письме к М. К. Рейхель от 4 января 1853 г. Герцен писал: «Прилагаю ответ к Тат⟨ьяне⟩ Ал⟨ексеевне⟩. Деньги, деньги... не знаю, как suffira ⟨хватит⟩, а впрочем, тут выбора нет. Попросите Рейхеля съездить опять-таки к Шомб⟨ургу⟩ и велите послать, как посылали прежде, 1000 фр. на имя Тат⟨ьяны⟩ Ал⟨ексеевны⟩. Прилагаю цидулку для денег» (VII, 170). Упомянутое Герценом письмо к Астраковой неизвестно.

[2] *Брат* — С. И. Астраков

3

Т. А. АСТРАКОВА — ГЕРЦЕНУ

⟨Москва.⟩ 1853. Генваря $\frac{8}{20}$

Да, это правда: деньги, семейное счастье и здоровье, каково бы оно ни было, — всем этим надо было пользоваться и довольствоваться... зачем было гнаться за лучшим?.. Боже мой! Боже мой! Сердце обливается кровью, как вспомнишь, что было и что есть... и на что все это и зачем?!!

Из некоторых слов сестры [1] и теперь из твоего письма я начинаю понимать, что в *ее* жизни [2] разыгралась страшная драма, драма, за которую она поплатилась жизнию. Так и должно было быть: она, чистая, высокая в понимании и в исполнении своих убеждений, не могла изгибаться по воле людской прихоти — она стояла прямо, смотрела гордо, терпела, терпела и, наконец, сломилась... Странная, неотступная мысль душит меня (мысль, быть может, слишком гордая, слишком самонадеянная, но, тем не менее, неотступная до того, что я решаюсь ее высказать тебе). Мне сдается, что я духовно была очень близко связана с *ней*, что ни с кем и никогда не была *она* так откровенна, как со мною; была ли то невольная симпатия или она чувствовала мое влечение безграничное к *ней*, только часто и много *она* говорила со мною о таких вещах, о которых, вероятно, если никому еще, так очень немногим говорила; вот эти-то размышления породили, должно быть, во мне мысль, что если бы я была *там*, возле *нее* — драмы бы не было. Много значит постороннее лицо, но преданное всей душой и готовое на все, чтобы предупредить зло! И я чувствую, что у меня хватило бы силы бороться за нее! — и боже мой! Как страшно вздумать, что все это могло бы быть, но... не было, а *ее* нет, и ничем не поправишь того, что уже совершилось. Фу! Как тяжело и душно!.. Так бы и расшиб голову, — а душа так и замирает, и голова трещит.

И что же! Везде люди, во всем они, — им мешает чужое счастье — они всё хотят разрушать, а не сооружать.

Сплошного зла стоит твердыня!
Царит бессмысленная ложь!

Поневоле скажешь старинным высокопарным слогом: «О люди! Порождение крокодилов!»[3]. И после этого сто́ит сближаться с людьми? разве для того, чтобы после проклинать и их, и себя, и всё на свете... Я теперь очень помню твою умнейшую фразу: «*Чем ближе* (с человеком), *тем дальше*, и наоборот». И это непреложная истина. Есть исключения, но они так ничтожно малы, что их нельзя брать в расчет. С тех пор, как я разошлась с известными господами (разумеется, без всякой разумной причины), я уже гляжу на новые встречи с известным arrière-pensée *, стараюсь быть любезна, мила и с затаенною желчью принимаю дружбу, которою так легко дарят, чтобы после с гордостию сказать (как и сказала про меня одна известная дама [4]): «Как ей в голову пришло, чтобы *я* могла бы ть дружна с нею!», а прежде, разумеется, наедине (вероятно, из предусмотрительности), она же упрекала меня, что я не верю в ее дружбу и сама так холодна к ней — и когда я поверила, она расхохоталась... Но что всего обиднее, что так погрешают не одни женщины, а даже и мужчины: лучшие из них стыдятся признаться в теплом чувстве — все, вишь, это романтизм — смешной и нелепый! и, чтобы не быть смешными, они делаются гадки и подлы. С нетронутой, незараженной и теплой душой остался, кажется, один твой брат Огарев — он не стыдится слезы, которая выбежит у него из глаза от горя или радости.

Да боже мой!.. а *ее*-то все нет и нет... и нет... и эта мысль еще более возбуждает желчь против всех — против этих гнусных друзей. Я помню, как *она* говорила мне, собираясь уезжать: «Таня! Я уезжаю с радостию: мне душно и тяжело здесь — я так *всех* люблю, а они не понимают меня! Не могу я сделаться тем, чем они хотят, да и на что? Год, два разлуки образумят их, и тогда они увидят, с какою полнотою я люблю всех, и как они несправедливы ко мне!». Бедная! бедная! Как обманулась она — они и теперь ее не поняли, да они и недостойны ни понять, ни оценить ее. Мир им! — чтобы не сказать чего-нибудь хуже. Одно скажу я: как ни

* задней мыслью (франц.)

скверно умереть самому, но переживать друг за другом близких душе — невыносимо сквернее...

А ведь не будь люди-то гадки, будь *ей* потеплее, поприветнее здесь, она бы, верно, не уехала, и, может, кто знает! не было бы того, что есть... Смотрю на *ее* портрет — так и смотрит на меня, как живая, улыбается так мило, и слышу, как говорит мне: «Глупенькая моя Таня! да о чем же ты плачешь — ведь мы увидимся скоро, скоро... ну, не плачь же!». — Эх! Зачем нет у людей в душе и сердце дверки, в которую бы можно было заглянуть, — тогда бы не было ни недоразумений, ни ошибок. Странное желание иногда душит меня — я бы вот сходила на ее могилу, выплакала бы на ней все свое горе об ней, и, кажется, легче бы было, тише бы стало горе при могильной тиши, и, быть может, добрее бы стала, а то вот желчь так и кипит, так злость и разбирает — посмел бы кто теперь мне сказать что про нее! Чувствую, что я наделала бы глупых грубостей... впрочем...

Ну, да будет. Вчера отослала твое письмо по твоему желанию. Дай же руку, крепко, крепко, горячо жму ее. Не смею надеяться на свидание, но желать его не перестану до конца жизни.

Спасибо за готовность исполнить мою просьбу; разумеется, я верю, верю всему, что ты говоришь, и думаю, что я виновата, — не подумавши написала тебе; ты поправил сам мою ошибку — действуй, как знаешь и как лучше и удобнее [5]. Одним словом: можно — хорошо, нельзя — не надо. Теперь-то я и поняла невозможность исполнения вдруг. Не прими мои слова за щепетильность: обстоятельства и люди переменили меня — я уже проще начала смотреть на вещи. 1000 франков я еще не получила, и как и по какому документу я получу их? ⟨В письме об⟩* этом ничего нет.

Далее адресовано сыну Герцена—Саше:

Целую тебя, Саша, расти, учись — авось когда-нибудь увидимся. С⟨ергей⟩ тебя крепко целует; он озабочен — приехали наши из деревни, а тут пора еще и на службу надо. У нас страшные морозы настали — холодно и внутри и снаружи.

На обороте 4-го л.: Саше.

[1] В переписке с Герценом Астракова называет сестрой Н. А. Тучкову-Огареву, а Огарева — братом.

[2] *В ее жизни*, т. е. в жизни Натальи Александровны Герцен.

[3] Цитата из трагедии Шиллера «Разбойники», действие I, сцена 2-я.

[4] *Известная дама*—М. Л. Огарева.

[5] Речь идет, очевидно, об ответном письме Герцена, посланном Астраковой через М. К. Рейхель 4 января 1853 г. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

4

Т. А. АСТРАКОВА — ГЕРЦЕНУ

⟨Москва. Конец марта — конец апреля 1853 г.⟩ [1]

Всякий раз, как прочту твое письмо, так из глубины души подымается желчь... Отрадно было подумать, что есть на земле счастье. Я верила в ваше счастье — и что же?.. Фу! пропасть, как в самом деле люди-то гадки; страшно становится — ни одного живого лица: всё обман, везде эгоизм, самый гнусный, и угождают и любят — и всё, всё для себя только, ни одной капли искреннего чувства; глядя на все это, начинаешь бояться за себя; того и гляди, что и сам сделаешься таким же скотом — а не хотелось бы! Мир божий хорош весь, и люди хороши, и грустно за

* Край листа оборван, и слова, взятые в скобки, читаются предположительно. — *Ред.*

них, и жаль их, и хотелось бы обнять их, сказать им, что они заблудились, не туда пошли — пробудить в них чувства, поплакать с ними, примириться снова и на всю жизнь... и как бы все светло стало, весело... Не тут-то было; на первый же привет ответят отвратительным смехом, а если заметят или, лучше, почуют инстинктом, что в вас натура чище, выше их, так закидают каменьем... Я ясно помню — как-то мы с *ней*[2] говорили о разных близких лицах, более женских, горевали о них, и *она* шутя сказала мне: «Смешно, Таня, сказать, а как-то чувствуется,

ДОМ НА ПЛЮЩИХЕ (ТЕПЕРЬ № 52) В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ АСТРАКОВЫМ. ВИД СО ДВОРА

Фотография 1930-х гг.

Литературный музей, Москва

что, право, ведь мы с тобою лучше их всех умеем и чувствовать и понимать». — И *она* сказала правду (по крайней мере, относительно себя), а ее-то и не умели понимать самые близкие или, лучше, которых она считала близкими. Не могу пересилить в себе ненависти к одному из здешних лиц, которое она любила и уважала и была убеждена в взаимном уважении; и это лицо мне, лично мне, отнеслось об *ней*, чистой и прекрасной, так, что, право, стоило ему плюнуть в лицо...[3] Бывают же мерзавцы на свете, обернутые в благородную обертку. Мне так всё и все надоели, что, кажется, бежал бы, куда глаза глядят. Если бы мы свиделись с тобою, вот бы хорошо было всем... да, наговорились бы тогда....

Всеми силами буду стараться переслать портрет, и всего вероятнее через банкира, да и вернее. А письма — разве с сестрой, но с другим ни с кем нельзя, да и ненадежно: пожалуй, бросят — все подлецы, трусы и мерзавцы, всё люди великого полета — берегут (где не нужно) свою личность. Много взяли твое письмо? — помнишь? Вот всё такие. Понимаю, до какой степени тебе хочется иметь ее портрет, но будь же терпелив

и снисходителен — пожалей меня, у меня он единственный, и я его срисую сама — не в работе дело, был бы похож. Отдать срисовать — да кому и как, и не знаю, и похож ли будет, а я сама-то лучше сделаю сходство. Так потерпи же, пока я срисую его; я бы тотчас же принялась рисовать, как получила твое письмо, но должна была проманкировать неделю: я очень хворала; думала вовсе слягу — это меня ввело в хандру: при наших средствах хворать серьезно нельзя, но теперь, спасибо, я опять на ногах, хотя здоровья нет порядочного, непрерывные тревоги не дают окрепнуть духом, ну и тело слабеет — да туда и дорога: лучшего время, видно, не дождешься, ни уснуть, ни съесть спокойно не удастся — зачем же и жить? а для духовного мира не стоит — все отравлено во всех отношениях; одного жаль — брата, тяжело мне за него; кажется, бы душу свою продал, чтобы купить ему жизнь, да нет, ничего не удается. Вот его мысль, о которой он мечтал (о воздухном снаряде), осуществилась Эриксоном, а он остался при мечте. Так его и паровоз останется, и пустит его когда-нибудь другой, а он все будет в тени, ни сыт, ни голоден, ни жив, ни мертв, и как извозчичья лошадь бегать по урокам, чтобы добыть себе скверный, черствый кусок хлеба — так всегда бывает с этими людьми. Вот и в Николае — сколько было предприимчивости, чего, чего он ни придумывал, да так и лег в могилу, ничего не сделавши, так и С(ергей)... У С(ергея) много останется дельных бумаг, разберут их и после, может, и оценят, и воспользуются, и скажут — вот был гениальный человек! Что же из этого? Стоит жить, мучиться, страдать для того, чтобы после сказали: «Жаль, что его не поняли при жизни!». Прекрасная награда, нечего сказать. На моих глазах тает Сергей, тают и его способности — иногда вспыхнет искра творчества, а средства и пришибут ее — ну и опять хандра, хворость... так и погаснет. А жаль его — натура-то славная, вовсе не рядовая. Видно мне придется пережить все, что я уважала и любила в свою жизнь, и останусь я будто столб верстовой. А тяжело пережить всех — что же будет тогда со мною? Старость, одиночество, нужда... Впрочем, последнее лучше всего поможет сделаться совершенным животным, и тогда все забудется. Какие прекрасные надежды впереди — самая блестящая будущность. А всё люди, всегда и во всем они виноваты. Впрочем, что толковать: и сам не прав во многом — так уж, видно, писано.

Вчера я писала это письмо, а сегодня мне пришло в голову утром накинуть слегка абрис *ее* портрета — он удался, по крайней мере нам кажется, что он похож. Я и придумала: пока я соберусь выслать оригинальный портрет, дай пошлю этот, — разумеется, он нехорошо нарисован, но если ты его найдешь похожим, уж этого довольно; он многое напомнит тебе — и Соколово, и тогдашнюю жизнь, и мало ли что, и ты, верно, будешь доволен моей выдумкой, и я буду довольна [4].

Сестру с братом ждали сюда по делам, но они остались до весны за дорогами — я переслала к ним письмо и ответ от Марьи Каспаровны. Ну, что же еще сказать? Скучно, грустно и тяжело. Крепко всех люблю вас, крепко обнимаю. Взглянешь на картинку, прочтешь на ней: «*Когда-то мы с вами увидимся*?» — и грустно станет, и слеза выступит, и с горечью проглотишь эту слезу. А ведь, получивши эту картинку, еще была надежда на свидание даже с нею. Впрочем, когда я получила ее последнее письмо, в котором она звала меня, я почти была уверена, что я буду у нее и мы поживем вместе... Ах, как скверно, скверно на душе до мочи нет! Дай руку! Да, когда-то мы увидимся! Страшно не хочется вымолвить роковое слово — *никогда*, но, кажется, оно верно.

Посылаю письмо *не франкированное*, чтобы лучше дошло. Самое дружеское объятие и рукожатие от Сергея ⟨*далее рукой С. И. Астракова*:⟩, который сам рукоприкладствует. Хотелось бы много кой-чего переболтать, да язык не шевелится. Хотел было приехать О⟨гарев⟩ в Москву, да что-то задержало опять до просухи. Так досадно. А как скушно — прелесть и для большего удовольствия еще в Москве холера.

[1] Дата определяется упоминанием о холере в Москве. Холерная эпидемия вспыхнула в конце марта 1853 г. 3 мая 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель, имея очевидно в виду именно это письмо Астраковой: «В Москве сильная холера. Письмо от Тат. Ал. совершенно без новостей» (VII, 216). Таким образом, письмо могло быть написано не ранее конца марта и не позже конца апреля 1853 г.

[2] *С ней*, т. е. с Натальей Александровной Герцен.

[3] Вероятно, речь идет о Н. Х. Кетчере.

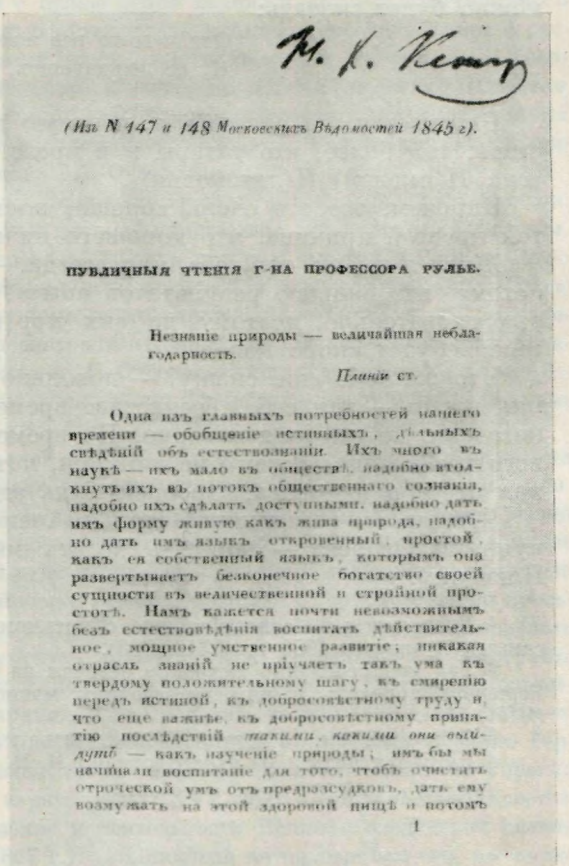
[4] В письме к М. К. Рейхель от 11 февраля 1853 г. Герцен писал: «Да вот что я вас попрошу: когда будете писать к Тат. Ал., напишите, чтоб она *непременно* отправила на ваше имя портрет N⟨atalie⟩ Горбунова, в раме. Скажите, что я усильно прошу об этом» (VII, 183). Судьба этого портрета неизвестна.

5

С. И. АСТРАКОВ — ОГАРЕВУ

⟨Москва.⟩ Март, 31-е ⟨1857 г.⟩[7]

Давно я не писал к тебе, Огарев, да и ты тоже предавно не писал ко мне, — что ты и все вы и как? ничего не знаю. Я думал, что вот весна



(Изъ № 147 и 148 Московскихъ Вѣдомостей 1845 г).

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ Г-НА ПРОФЕССОРА РУЛЬЕ.

Незнаніе природы — величайшая неблагодарность.

Плиній ст.

Одна изъ главныхъ потребностей нашего времени — обобщеніе истинныхъ, дѣльныхъ свѣдѣній объ естествознаніи. Ихъ много въ наукѣ — ихъ мало въ обществѣ, надобно втолкнуть ихъ въ потокъ общественнаго сознанія, надобно ихъ сдѣлать доступными, надобно дать имъ форму живую какъ жива природа, надобно дать имъ языкъ откровенный, простой, какъ ея собственный языкъ, которымъ она развертываетъ безконечное богатство своей сущности въ величественной и стройной простотѣ. Намъ кажется почти невозможнымъ безъ естествовѣдѣнія воспитать дѣйствительное, мощное умственное развитіе; никакая отрасль знаній не пріучаетъ такъ ума къ твердому положительному шагу, къ смиренію передъ истиной, къ добросовѣстному труду и, что еще важнѣе, къ добросовѣстному принятію послѣдствій *такими, какими они выйдутъ* — какъ ученіе природы; имъ бы мы начинали воспитаніе для того, чтобъ очистить отроческой умъ отъ предразсудковъ, дать ему возмужать на этой здоровой пищѣ и потомъ

1

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ Г-НА ПРОФЕССОРА РУЛЬЕ». ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ: «Н. Х. КЕТЧЕРУ»

Оттиск из «Московских ведомостей», №№ 147 и 148 от 8 и 11 декабря 1845 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

придет и мы увидимся, но Сат⟨ин⟩ говорит, что и думать нельзя об этом,—это неловко; при прощанье ты думал и располагал иначе, а выходит еще иначе [2]. Не знаю, как ты, а по-моему, не мешало бы заглянуть на Девичье поле не только тебе, но всем вам, по той простой причине, что и у нас барометр подымается и, может, погода разгуляется и будет тепло и, следовательно, и для здоровья хорошо—право. Мне кажется, что человек есть животное такое, которое способно переходить из одной широты в другую и акклиматизироваться там или сям и способно ассимилировать себя по условию и условия ассимилировать для себя,—но по натуре же человек есть животное, которое очень любит побывать там и сям и снова возвратиться на место рождения, — это, кажется, так, по-моему, — а впрочем, может, я и вру, т. е. гляжу на это с известной только точки зрения и под влиянием собственного чувства. А во всяком случае, не мешает вам всем взглянуть на Девичье поле — и теперь это, кажется, сделать очень легко, — стоит только захотеть.

Что тебе скажу о себе? Должно быть ничего. Я все это время был занят устройством снаряда и состряпал его. Теперь остается только попробовать, что и думаю я на днях сделать, если позволит погода, или уже после Святой. Я надеюсь получить результаты удовлетворительные, но что именно выйдет — напишу, когда сам узнаю. О предложении моем, которое я представил Чевкину [3], не могу ничего сказать, потому что вот уже почти семь месяцев и ни слуху и ни духу,—вероятно, и здесь произойдет то же, что и у Гофмана, т. е. ровно ничего, и я все буду находиться в ожидании, — не правда ли, как это приятно; по крайней мере, можно будет сказать:

Она чего-то все ждала
И, не дождавшись, умерла [4].

Разумеется эта *она* есть я, и такую вольность в стихах можно допустить, тем более, что татары и в прозе допускают ее, и называют тебя «*она* Н⟨иколай⟩ П⟨латонович⟩».

Впрочем, все это очень хорошо, но вообще-то довольно скверно, по той простой причине, что хорошего ничего нет.

Живу я теперь так себе, как всегда, — теорию снаряда не оканчиваю, потому что ожидаю результатов опыта, и поэтому не оканчиваю статьи и, следовательно, поэтому до сих пор не высылаю к тебе. Думаю, что теперь будет скоро конец.

Что же тебе еще скажу? — довольно пусто все; внешняя и внутренняя жизнь — так себе, бесцветна: временем очень скверно, а временем не очень, но все-таки скверно. По временам мутит 1-е июля, но еще до него три месяца. Ничего не пишется, потому что одичал и давно не слыхал от тебя ни слова. Прощай, будь здоров.

Что же вы замолкли, Наталья Алексеевна? Хоть бы вы иногда понукнули Огарева — чай есть десять минут свободных вспомнить про Плющиху.

[1] Датируется по сопоставлению с письмом Герцена к С. И. Астракову, написанным в августе 1856 г. (VIII, 326).

[2] Так неопределенно Астраков отвечал на приглашение Огарева, поддержанное Герценом, приехать к ним на «родину машин», «взглянуть, как где работают» (VIII, 327).

[3] О *Чевкине* см. во вступительной статье к настоящей публикации.

[4] Неточная цитата из стихотворения И. И. Козлова «Безумная».

АРТУР БЕННИ — В. И. КЕЛЬСИЕВУ и ГЕРЦЕНУ

Публикация С. А. Радина

Журналист, переводчик и революционный деятель шестидесятых годов Артур *Бенни* (1840—1867) впервые встретился с Герценом в 1858 г., вскоре после своего приезда в Лондон. В 1857 г. он выехал из Польши (Царства Польского) в Англию к родственникам матери-англичанки, вскоре принял великобританское подданство и стал работать в Вульвичском арсенале.

Под влиянием Герцена революционные настроения Бенни усилились, и он решил посвятить себя практической революционной работе. Летом 1861 г. он приехал с этой целью в Россию, в Петербург, где выдавал себя за герценовского эмиссара. В действительности, однако, Герцен не имел отношения к тем политическим планам, которые начал осуществлять Бенни. Особой близости с Бенни у Герцена ни в это время, ни впоследствии не было. И, вероятно, самое большее, что мог Герцен поручить Бенни, — это содействовать распространению изданий Вольной русской типографии в России. Но Бенни занялся, вскоре по приезде из Лондона, другим делом. Он предпринял поездку по России с целью сбора подписей под «конституционным» адресом Александру II. Другой целью путешествия являлось изучение условий русской жизни, — совершенно незнакомых Бенни, — с точки зрения нужд и задач революционной пропаганды. Предприятие это окончилось полной неудачей. Неловкое и неумелое ведение дела привело к тому, что в демократических и революционных кругах нашлись люди, у которых политическая честность Бенни вызвала сомнение. В нем стали подозревать шпиона III Отделения.

Стремясь себя реабилитировать, Бенни отправился осенью 1861 г. в Лондон. Незадолго до поездки, в специальном письме, привезенном из России Тургеневым, Бенни просил Герцена санкционировать работу, которую он вел в России. Этого Герцен не мог сделать. Он отказался от всякого участия в подготовке адреса царю и не дал Бенни никаких писем, которые подтвердили бы его будто бы особые полномочия и близкие отношения с редактором «Колокола». Однако, поскольку никаких подозрений в причастности Бенни к III Отделению лично у Герцена не было, — Бенни были даны при вторичном отъезде в Петербург различные «комиссии» (XI, 276).

Неудача, постигшая Бенни весной 1863 г. в его попытке завязать отношения с руководителями начавшегося польского восстания, усилила распространение компрометировавших его слухов. Тогда Бенни, измученный всеобщим недоверием, решил в целях оправдания потребовать у центрального комитета «Земли и воли», а также у польского комитета, организации суда над собой и «полного разбирательства» дела о преследующей его клевете. В этой связи Бенни обратился к Герцену с двумя просьбами: поддержать его требование «о суде и полном разбирательстве» и прислать в качестве «оправдательного документа» находившуюся за границей у эмигранта П. В. Долгорукова рукопись первого номера «тайного журнала» «Русская правда», который Бенни, «вместе с тремя лицами», начал издавать весной 1862 г. По каким-то причинам общественный суд над Бенни не состоялся. Что же касается позиции Герцена в этом деле, то, как уже сказано, он не верил в шпионство Бенни, но упрекал его в «опрометчивости и желании играть роль» (XVI, 267). С полной отчетливостью Герцен сформулировал свое отношение к деятельности Бенни в следующих словах в письме к сыну от 26 октября 1867 г.): «Я никогда не подозревал его, но также

не имел слишком большого желания поручиться за все то, что он делал тогда в России» (XX, 32—33. — Подлинник на французском языке).

Замешанный в «процессе 32-х», Бенни был в 1865 г. арестован, а затем, как иностранный подданный, выслан за границу. Он обратился к Герцену за помощью, и Герцен принял участие в его судьбе. Находясь в Италии в качестве корреспондента одной английской газеты, Бенни участвовал в сражении гарибальдийских войск с папскими и французскими войсками при Ментане 3 ноября 1867 г., был ранен и вскоре скончался.

Публикуемые письма существенно дополняют не только малоисследованную биографию Бенни, но и наши представления о конспиративной деятельности русских революционеров начала шестидесятых годов. Особенно интересно в этом отношении письмо к В. И. Кельсиеву; в нем сообщаются любопытные данные, относящиеся к технике связи лондонских революционеров с Россией, и другие факты.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 71 и 215).

1

В. И. КЕЛЬСИЕВУ

С.-Петербург. $\frac{7\text{-го}}{19\text{-го}}$ февраля 1862

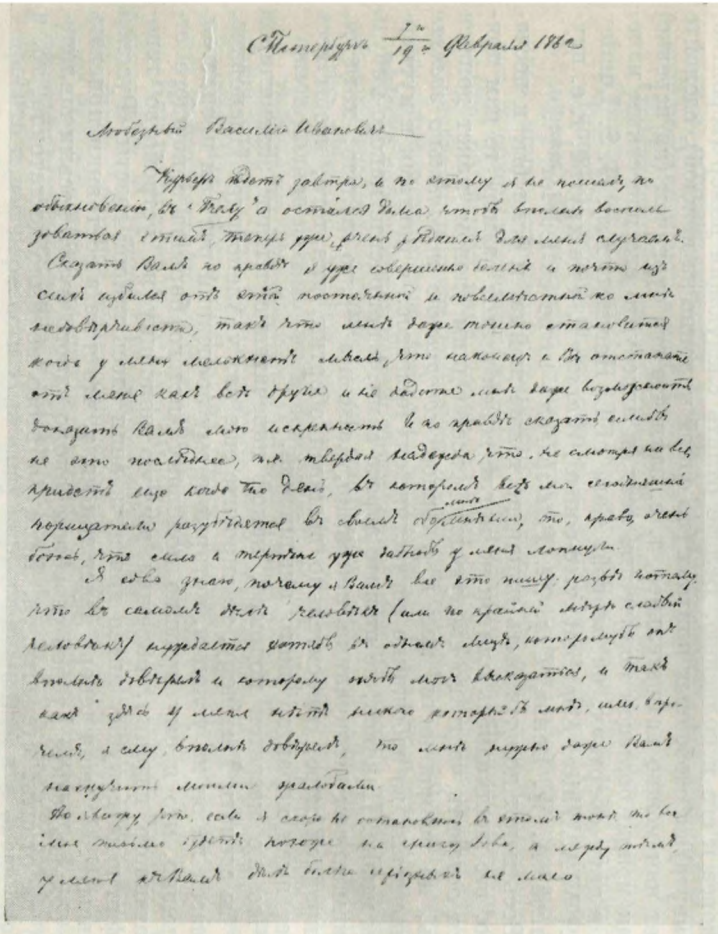
Любезный Василий Иванович,

Курьер едет завтра [1], и поэтому я не пошел, по обыкновению, в «Пчелу», а остался дома, чтобы вполне воспользоваться этим теперь уже очень редким для меня случаем. Сказать вам по правде, я уже совершенно болен и почти из сил избился от этой постоянной и повсеместной ко мне недоверчивости, так что мне даже тошно становится, когда у меня мелькнет мысль, что, наконец, и вы отстанете от меня, как все другие, и не дадите мне даже возможность доказать вам мою искренность. И по правде сказать, если бы не это последнее, т. е. твердая надежда, что, несмотря на всё, придет еще когда-то день, в котором все мои сегодняшние порицатели разубедятся в своем обо мне мнении, то, право, очень боюсь, что сила и терпение уже давно бы у меня лопнули [2].

Я едва знаю, почему я вам все это пишу; разве потому, что в самом деле человек (или, по крайней мере, слабый человек) нуждается хотя бы в одном лице, которому бы он вполне доверял и которому он бы мог высказаться, и так как здесь у меня нет никого, который бы мне, или, впрочем, я ему, вполне доверял, то мне нужно даже вам наскучить моими жалобами.

Но я вижу, что если я скоро не остановлюсь в этом тоне, то все мое письмо будет похоже на книгу Иова [3], а, между тем, у меня к вам дел, более серьезных, немало.

Собственно путного я не успел еще ничего сделать со времени моего вторичного приезда сюда [4]. Приезжая сюда, у меня было еще, кроме герценского письма, отказывающего во всяком участии в деле адреса [5], и вашего *энциклического*, письмо, тоже общее, от Долгорукова и частное — к Анненкову от Тургенева [6]. Кроме того, как я вам, кажется, уже написал прежде, Тургенев дал мне подлинник составленного им адреса [7]. Люди, которым я показывал эти документы, сначала, казалось, доверяли мне и было даже вошли в сношения, более серьезные, со мною, но вдруг отшатнулись от меня, как я потом узнал, вследствие писем от Александра Ивановича, в которых он отказывался от всякого не только ручательства, но почти знакомства со мною. Я думаю, что вы согласитесь со мною, что после этого мне не оставалось больше ничего делать, как положить мои документы в сторону и стараться приобресть доверие посредством успеха в других, лишь только от меня зависящих предприятиях.



С Петербург 7/19 Февраля 1862

Любезный Василий Иванович

Курьер вчера завтра, а не сегодня я не писал, не отвлекайся, в «Колу» я оставил Вам только вчерне составленный отчет, теперь еще время у Вас мне служащее.

Сказать Вам по правде я уже совершенно больной и почти изнемогаю от этих постоянных и невыполнимых мною требований, так что мне даже точно становится жаль у меня молоканство левое, что называется, и Вы опасаетесь от меня как всех других и не даете мне даже возможности доказать Вам мою искренность и по правде сказать сильно не дано последнее, ни твердой надежды, что, не смотря на все, придет еще хоть два дня, в которые все мои сомнения перестанут разрушаться в своей окончательности, то, право, очень боюсь, что силы и терпение уже совсем у меня лопнули.

Я сам знаю, почему и Вам все это пишу, разве потому, что в самой моей разбитой (или по крайней мере слабой человеку) природе остался во мне один человек, которому он вполне доверяет и которому часто мог высказаться, а так как здесь у меня нет никого вокруг себя, или скорее, я сам вполне доверяю, то мне иногда даже Вам надоедать своими жалобами.

До завтра, или, сам я скоро не останусь в отчете, так как мне очень трудно будет кончить его, а завтра утром у меня Вам еще будет страниц не мало

Разумеется сами собою, что будущий Ваш фельетон чисто русский, что так мало заметно в корреспонденциях других уважаемых и московских газет.

У Kelsiev'a я просил корректурных, только отдать Герцену, объяснив, что английские учреждения с чужих слов. Но сам я только потому, что самому, как только переговорю окончательно с Герценом.

Больше ничего у меня сегодня к Вам нет. Кланяйтесь от меня Варваре Тимофеевне и детям, не забывающим меня. Пишите скоро и не только Вы, но и

Ваш

Артур

Считаю долгом предварительно заметить, что, если Вам найдется какой-нибудь друг, будь он особенно близок Вам, чтобы отвергать его, то прошу Вас не пользоваться мной, в противном же случае, не забудьте отослать пакет самому Вам Кельсиеву.

Курьерам пишите совсем без адреса, только с фамилией и словами: to be called for не вкладывая в конверты, но для случая подобных Вам моих писем:

на Гороховой улице,
у Каменного моста
Дом Алтиева
кварт. № 26.

Прощайте

АВТОГРАФ ПИСЬМА АРТУРА БЕННИ К В. И. КЕЛЬСИЕВУ ОТ 7/19 ФЕВРАЛЯ 1862 г

Листы первый и последний

Центральный осударственный а рхив Октябрьской революции, Москва

В перевозе «Колокола» и трюбнеровских книг, как вы знаете, мне вовсе не посчастливилось. После этой первой несчастной попытки, о которой я вам писал, когда пакет развязался в курьерском мешке и произошел большой скандал при Напире [8], он сам и все остальное посольство меня совсем чуждаются и не хотят больше иметь никакого дела со мною. Напишите мне, пожалуйста, не знаете ли вы ничего про судьбу этого пакета, о котором мне потом говорил Michele [9], что он был отправлен назад в Лондон, в Foreign office * [10]. Из варшавских пакетов я тоже не получил ни одного; я даже не знаю, сколько вы их отправили туда. Одним словом, напишите мне, как можно поподробнее, все то, что, с своей стороны, знаете об этом деле.

Чтобы этим окончить все, что у меня есть сказать вам насчет перевоза «Колокола», я прибавлю только еще, что теперь даже нет у меня никакого практического плана sur le tapis **, что при отъезде Покровского, одного из университетских ссыльных, в Архангельск [11] я надеялся воспользоваться им для гаммерфестского пути, но что с тех пор, как его перевели в Онегу, у меня и это лопнуло. Молодому Герцену скажите, однако, что я совершенно согласен с его мнением, что, хотя Гаммерфест — очень далекий путь для *современных* номеров, но для годовых экземпляров он может быть очень полезен. Но об этом больше при открытии навигации, с наступлением лета [12].

После серьезного и, я надеюсь, по возможности, тщательного обдумывания всех шансов pro et contra, я пришел к тому заключению, что из всех покуда известных мне средств самый удобный и, вместе с тем, самый практический — это придуманный вами план об отлитии papier mâché стереотипов и о перепечатывании «Колокола» с них уже здесь. Если вы только согласны с моим мнением, то, умоляю вас, приступите поскорее к его исполнению. Велите отлить следующий номер (вероятно, с 1 марта) на особенных плитках (по одной колонне на каждой), сделайте пакет как можно потщательнее, т. е. заклейте его сургучом (на веревке) в как можно большем количестве мест, и адресуйте его известным манером в двух обертках, на первой: Care of L. Hertslett *Esq.* [J. S. Lumley *Esq.*] W. A. White, *Esq.* Brit. vice-consul. *Warsaw* [13], а на другой, т. е. внутренней: A. W. Benni, *Esq. St. Petersburgh*—to be called for***.

Весь пакет должен быть никак не толще дюйма, и если бы, к несчастию, все шестнадцать плиток не могли войти в этот размер, то вам придется оставить часть до следующего раза. Одним словом, пакет должен быть, по возможности, мал и, главное, *совершенно тщательно завязан и запечатан*, во избежание несчастия, случившегося с книгами в курьерском мешке. Наконец, не пишите адреса сами, а попросите какого-нибудь знакомого вам англичанина (например, Ralston'а [14]) это сделать, хотя бы, по крайней мере, относительно внешней обертки, для того, чтобы весь пакет имел характер чисто английский.

Что же касается подрыва, какой напечатание тысячи экземпляров мог бы сделать Трюбнеру, то спросите еще раз у Александра Ивановича, согласен ли он на условия, которые я ему последний раз сам предлагал, а именно, что я ему пришлю половину чистого барыша с каждого отпечатанного издания, обращая другую половину на устройство типографии и на покупку литер для печатания здесь тайной газеты «Русской правды» [15]. У меня теперь денег так мало, что я не в состоянии прислать вам больше десяти рублей серебром (около одного фунта восьми шиллингов) на *отлитие стереотипов*. Если бы этого не было достаточно, то, я

---

* Министерство иностранных дел (англ.).
** для рассмотрения (франц.).
*** *to be called for*—до востребования (англ.).

надеюсь, вы мне не откажете, если вы только можете сами, и прибавите следующие еще деньги. Я же возвращу их вам при первой возможности.

Деньги эти я вам присылаю через Н. Альбертини (которому я вчера дал, не зная об отъезде курьера, письма к вам и к Александру Александровичу — впрочем, оба совершенно невинные, ибо Альбертини боится обыска при выезде через границу). С Альбертини вы можете говорить о всем, однако кроме papier mâché стереотипов и «Русской правды» [16]. Я был бы особенно рад, если бы вы ему высказали ваше откровенное мнение, какое бы оно ни было, обо мне. Это для меня очень важно, так как он мог бы передать его здесь другим, и потому еще, что он пользуется здесь известным значением.

Александру Александровичу скажите, чтобы он читал мое письмо cum grano salis *: разумеется, что его uncle ** — Александр Иванович и что Mr. Argyle — не кто иной, как вы [17]. То же самое передайте и Ralston'у. Нынешнее письмо я посылаю (для сохранения английского характера в посольстве) на его имя. Если он вам его принесет нераспечатанное, то отдайте ему приложенную для него записку [18].

Г-ну Ковалевскому [19], если он только еще в Лондоне, скажите, что г. Бакст, против моего ожидания, мне ни в чем не помог и ни с кем не познакомил. По всему видно, что и он предубежден против меня. К Шелгуновым я еще никак не успел попасть. Никто не хочет или не может познакомить меня с ними, и поэтому письмо г. Ковалевского к ним все еще находится у меня. На всякий случай этому ⟨!⟩ виноват не я. Точно так же г. Якоби не познакомил меня с костромским господином (фамилию его я уже забыл), с которым мне следовало переговорить насчет приезда сюда Варвары Тимофеевны. Якоби, между тем, уехал, и я не знаю, к кому обратиться в этом деле [20]. Впрочем, мне кажется, что вы раздумали и бросили план о своей поездке на Дон к раскольникам, хотя я, с своей стороны, усердно распространял слух о вашей предстоящей поездке к мормонам [21].

От Чахчиани [22] я не имею еще никаких известий, не знаю даже, застрял ли он в Париже или строит уже каменный дом в Галаце?

Теперь к делам более частного или, лучше сказать, личного свойства. Во-первых, мне нужно просить у вас прощения, ибо ясно, что вы обиделись моим, впрочем совершенно неосновательным и несправедливым, как я потом убедился, упреком, будто пакет развязался в курьерском мешке по вашей вине, оттого что вы его будто не опечатали сургучом. Развязавшийся пакет, помнится, я еще сам ⟨отнес?⟩ в Foreign office, так что вся вина в этом деле лежит на мне одном. Доказательство того, что вы считаете себя обиженным, я вижу в том, что вы мне не пишете даже при самом удобном случае, как, например, при приезде сюда Satow'a [23], через которого, между тем, вы бы могли так легко прислать не только самое полное письмо, но и несколько «Колоколов».

Потом, вы мне ничего не пишете насчет моего предложения перенести ваши услуги, как корреспондента, от «Русского инвалида» в «Северную пчелу». Чтобы мое письмо не дошло до вас—почти невозможно, потому что я его передал в руки, совершенно верные.

Как вы знаете, я оставил «Инвалид» и работаю теперь вместе с Ничипоренкой в «Пчеле». Кроме отмечивания иностранных газет для переводчиков, я пишу обыкновенно одну или две передовые статьи в день, так что с концом месяца я надеюсь оправиться немножко в денежном отношении. Перешедши в «Пчелу», мы решили с Андреем Ивановичем [24] просить и вас перенести туда вашу корреспонденцию, и я знаю, что и он

---

* здесь — с пристальным вниманием (лат.).
** дядя (англ.).

писал вам по этому поводу. Английскую корреспонденцию я бы желал разделить следующим образом между вами и Ralston'ом, чтобы каждый из вас писал нам одно письмо в неделю: вы — письмо содержания чисто политического (разумеется, с должным вниманием на цензуру). Характер письма может даже быть в значительной степени либеральным, выстерегаясь, быть может, только слишком резких выражений насчет монархизма и христианства, хотя и в этом отношении опыт покажет вам гораздо лучше всех моих объяснений, что пропустит и что вычеркнет цензор.

Разумеется само собою, что взгляд ваш на вещи должен быть чисто русский, что так мало заметно в корреспонденциях других здешних и московских газет. У Ralston'а я хочу просить корреспонденции более общественные, объясняющие английские учреждения и нравы и проч. Но об этом напишу ему самому, как только переговорю окончательно с Усовым [25].

Больше, кажется, у меня сегодня к вам нет ничего. Кланяйтесь от меня Варваре Тимофеевне и всем, не забывшим меня. Пишите скоро и «не поминайте лихом»

вашего А. Б.

Считаю почти лишним прибавить, что если вы найдете какой-нибудь другой, более удобный способ для пересылки стереотипов, то прошу вас воспользоваться им; в противном же случае не забудьте снести пакет *самому* в Foreign office.

Курьером пишите ко мне всегда без адреса, только с фамилиею и словами: *to be called for* на внутреннем конверте; но для случаев, подобных Satow'скому, прибавляю вам мой адрес [26]:

на Гороховой улице, у Каменного моста
дом Оливье, кварт. № 26.

Прощайте.

[1] Как видно из дальнейшего, речь идет о дипломатическом курьере великобританского посольства в Петербурге.

[2] Бенни пишет о совершенно неосновательных подозрениях его в связях с III Отделением (см. об этом в предисловии к настоящей публикации). 11 января 1862 г. В. И. Касаткин писал Е. И. Якушкину: «Бенни действует снова, хотя привезенные им удостоверительные грамоты далеко не удостоверяют его особых свойств» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 49). 5 декабря 1861 г. в «памятной записке» для Н. М. Владимирова Герцен писал, явно имея в виду Бенни: «Сказать, что все, знающие меня, но которым я не даю писем рекомендательных к кому-нибудь из серьезных людей,—может, и прекрасные люди, но я за них не отвечаю. Пусть сами исследуют каждого» (XI, 360; ср. также письмо к Н. М. Владимирову от 25 ноября/7 декабря 1861 г. — XI, 361). Через полтора года Герцен писал сыну: «Артур Бенни прямо говорил, что все предпринимается с моим согласием. Он, действительно, сумасшедший; для чего он все это делает? Подозрений дурных я не имею, но il se remue beaucoup trop»* (8/20 мая 1863 г. — XVI, 264). В. И. Кельсиев утверждает, что слух о шпионстве Бенни первым распустил В. И. Касаткин («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 326). Едва ли Касаткин был одинок; скорее, поведение Бенни дало ряду лиц одновременно повод для подобных подозрений. Характерно, что этот слух дошел и до III Отделения, которое сочло его «пустым и вздорным» (XV, 410).

[3] «*Книга Иова* многострадального»—часть библии.

[4] Приблизительная дата *вторичного приезда* Бенни из Лондона в Россию определяется на основании следующих слов из письма Герцена к М. К. Рейхель от 4 ноября 1861 г.: «Бенни теперь уж опять в Петербурге и имеет много комиссий» (XI, 276). Ср. в справке III Отделения о Бенни: «... в октябре 1861 г. уезжал на некоторое время в Лондон и Париж» (XV, 408).

[5] Имеется в виду письмо Герцена к Бенни, датированное 19 ноября 1861 г. (XI, 341—342). Лемке полагал, что это письмо не было послано, так как «Бенни

* он суетится сверх меры (франц.).

приехал в Лондон, и ответ оказался ненужным» (XI, 342). Комментируемые строки свидетельствуют об ошибочности или неточности этого утверждения: Бенни получил герценовское письмо, «отказывающее во всяком участии в деле адреса», и привез это письмо в Петербург.

[6] Из этих писем ни одно не известно, в том числе и «энциклическое», т. е. циркулярное, письмо Вас. Кельсиева. О том, что И. С. Тургенев передал через Бенни письмо П. В. Анненкову, известно также из записки его к Н. Н. Рашет (написана между февралем и маем 1862 г. — См. «Щукинский сборник», вып. VII, 1907, стр. 326, или «Тургенев и его время», вып. I, 1923, стр. 305. О датировке письма см. С. А. Рейсер. Артур Бенни, 1933, стр. 119).

[7] Авторская копия «адреса» сохранилась среди неизданных бумаг парижского архива Тургенева. На документе рукой Тургенева написано: «Проект адреса государю, писанный в 1860-м году. Он был вручен Бенни,—но впоследствии истреблен» (André Mazon. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Paris, 1930, p. 60). П. Л. Лавров в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» сообщал о том, что Бенни привез в Петербург проект конституции, написанный Тургеневым («Вестник народной воли», 1884, № 2, стр. 94—95).

[8] Лорд Френсис *Непир* (Napier, 1819—1898) — в 1860—1864 гг. великобританский посол в Петербурге.

[9] Очевидно, речь идет о консуле *Мичеле* (Michele) или же об атташе великобританского посольства *Т. Мичеле* (Michell). См. «Annuaire diplomatique de l'empire de Russie pour l année 1862». St.-Pétersbourg, 1862, p. 57.

[10] *Из этих и следующих строк видно, что Бенни старался использовать для связи* «Вольной русской типографии» в Лондоне с Петербургом свои знакомства в великобританском министерстве иностранных дел в Лондоне, в посольстве в Петербурге и в консульстве в Варшаве. Первая попытка окончилась неудачей; в дальнейшем связь этим способом также налажена не была, повидимому вследствие нежелания Герцена ею пользоваться. «Бенни как-то устроил, — пишет в «Исповеди» В. И. Кельсиев, — что „Колокол“ можно было пересылать ему через английское посольство в Петербург, — мы не посылали» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 351).

[11] Бенни пишет о М. П. Покровском — участнике петербургских студенческих волнений, высланном в начале декабря 1861 г. в Архангельскую губернию.

[12] *Гаммерфест* — город и незамерзающий порт на севере Норвегии. Повидимому, *гаммерфестский путь* доставки «Колокола» в Россию, как и другие проекты Бенни, реализован не был.

[13] *Дж. С. Ламлей* состоял в это время секретарем великобританского посольства в Петербурге, а Уильям *Уайт* — вице-консулом в Варшаве. См. цит. выше «Annuaire...», p. 57. Кто такой *Гертслетт* — неизвестно.

[14] О связях одного из первых английских славистов *В. Ральстона* (1829—1889) с кругом Герцена и о попытках Бенни вовлечь его в задуманный им план пересылки «Колокола» в Россию сведений в литературе не было.

[15] Перепечатка «Колокола» в России с матриц не осуществилась. Об издании подпольной газеты «Русская правда» см. примеч. 9 к третьему письму Бенни.

[16] Эти строки письма характерны как показатель известного недоверия Бенни к Н. В. Альбертини, связанному с либеральными кругами. Уехав за границу в начале февраля 1862 г., Альбертини пробыл там более года. Пять месяцев он прожил в Лондоне, где часто посещал Герцена, Огарева, Кельсиева и других эмигрантов. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 881—891.

Александр Александрович — здесь и ниже — сын Герцена.

[17] В. И. Кельсиев жил в это время в Лондоне на Argyle Square («Заря», 1871, № 6, стр. 20).

[18] Записка Бенни к Ральстону, вложенная в это письмо, неизвестна и вероятнее всего была сожжена в 1887 г., когда Ральстон уничтожил бо́льшую часть своего огромного архива. См. «Лит. архив», вып. III, Л., 1951, стр. 366—367.

[19] Имеется в виду Владимир Онуфриевич *Ковалевский*, известный впоследствии ученый-палеонтолог. О его революционной деятельности в шестидесятые годы и взаимоотношениях с Герценом см. ниже в настоящем томе. — *Бакст* — несомненно Владимир Игнатьевич *Бакст*, видный деятель студенческого движения, владелец типографии в Петербурге, связанный с кругами «Земли и воли». См. о нем в статье Б. Козьмина: Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48.

[20] Имеется в виду Павел Иванович *Якоби* — врач-психиатр, деятель революционного движения шестидесятых годов, приятель В. О. Ковалевского. Слова: «*Якоби между тем уехал*» — относятся к отъезду Якоби в Польшу, где он принял участие в восстании и был тяжело ранен. — Кто такой *костромской господин* — неизвестно. — *Варвара Тимофеевна* — жена В. И. Кельсиева.

[21] На Дон Кельсиев не ездил, а, тайно приехав в начале марта 1862 г. в Россию, побывал лишь в Петербурге и Москве. *Мормонами* Бенни в данном случае иносказательно называет раскольников.

[22] Это лицо неизвестно.
[23] О ком идет речь — не установлено.
[24] *Андрей Иванович* — Ничипоренко (1837 — 1863), участник революционного движения шестидесятых годов, член общества «Земля и воля».
[25] *П. С. Усов* в 1860—1864 гг. был редактором «Северной пчелы». В «Библиографическом списке литературных работ В. И. Кельсиева», составленном М. М. Клевенским («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 262—264), не значится ни одна его корреспонденция как в «Русский инвалид» (они, очевидно, были), так и в «Северную пчелу». Точно так же неизвестно, осуществилось ли сотрудничество в этих изданиях В. Ральстона.
[26] Так как В. И. Кельсиев в начале марта 1862 г. нелегально приехал в Петербург, то очевидно, что отвечать на это письмо Бенни он не стал, а разрешил интересовавшие Бенни вопросы при личной встрече. Самое же письмо Бенни Кельсиев передал Герцену, в архиве которого оно и сохранилось.

2

— ГЕРЦЕНУ

(Петербург.) 26 марта/7 апреля 1863

Наконец-то и на *моей* улице праздник! А я уже думал было, что не дождусь никогда ответа от вас на мое длинное-предлинное письмо, писанное около года тому назад [1], и что придется писать вам теперь, решительно не зная вашего взгляда на меня. Слава богу, что ваша записка от 26 августа [2], которую я получил только сегодня, то есть через семь месяцев (вот как мой любезный братец исполняет возлагаемые на него поручения) [3], объясняет мне многое в нашем взаимном положении и позволит мне писать вам гораздо свободнее и откровеннее, чем я бы иначе имел возможность это сделать. Сперва, однако, еще два слова в ответ на ваше письмо. Второе ваше предположение совершенно верно: я действительно не получал от вас ни одной строки в продолжение всего минувшего года, разве кроме двух строчек, требующих подробного описания моего последнего путешествия из Лондона сюда [4]. Что же касается вашего первого предположения, будто я сержусь на вас (мне почти совестно писать эти слова), то оно столь же неверно. Помилуйте, за что же мне было сердиться на вас? Что вы меня не поняли, что вы позволили другим наклеветать на меня и что, следовательно, я сам ошибся в моем взгляде на вас — это было для меня совершенно ясным, и я старался объяснить вам это еще в моем февральском письме прошлого года; но ведь за ошибку в оценке человека можно только сердиться—или, лучше, жалеть—самого себя, а уж никак не его. Наконец (и я надеюсь, что все наши отношения, с тех пор, как я вас знаю, позволяют мне говорить прямо без опасения быть подозреваемым в глупом поползновении на лесть) ваша деятельность слишком полезна для России, да и ваша личность, несмотря на наше estrangement *, всегда была для меня слишком симпатична, чтобы я когда-нибудь мог серьезно вздумать сердиться на вас. Что в моих письмах к В. И. [5] сквозила глубокая злоба к моим здешним клеветникам и даже некоторое чувство огорчения при мысли, что вы так легко согласились оставить меня in the lurch ** — то это очень вероятно, и если вспомнить все, что я пережил в эти два года, я вовсе не намерен отказаться от этого. Да, при воспоминании всех мучительных и отвратительных подробностей последних двух лет, я могу сказать прямо, что я не желаю таких мучений и злейшему моему врагу, и мне кажется, если бы вы знали хоть про десятую их долю, то вы бы кричали несколько громче (хотя бы с колокольни, как вы сами выражаетесь) и понятнее. Ведь у вас,

---

* взаимное отчуждение (англ.).
** в беде (англ.).

АРТУР БЕННИ
Фотография 1862 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Александр Иванович, голосище такое здоровенное, что его, слава богу, слыхать по всей святой Руси, коли только захотите; и мне трудно поверить, чтобы здешние кружки моих знакомых могли продолжать так систематически злобствовать и клеветать против меня, если б они услыхали от вас хоть одно слово в мою пользу. Но ведь дело не в том, тем более, что даже одно из ваших писем обо мне (впрочем, не слишком лестное для меня, если судить с того, что мне передали о его содержании) совершенно неожиданно послужило в мою пользу перед комиссиею. Оно было писано к старшему С.-С.[6], и мнение, высказанное вами обо мне, должно быть, было так невыгодно для меня, что Потапов принял его за достаточное prima facie * доказательство моей непричастности, и на этом основании отстаивал в комиссии, чтобы я не был арестован [7]. Как видите, it is an ill wind indeed that blows nobody any good **. Извините, пожалуйста, что я расписался так длинно о вещах, которые, разумеется, не могут интересовать вас столько, сколько меня; но я так рад вашему предложению сдать всю эту тяжелую историю в архив или, даже лучше, забыть ее совсем, что я хотел покончить с нею за раз. Поверьте мне, я рад вашему, хотя и запоздалому, письму столько же из-за общего дела, сколько из чисто личного великого удовольствия, которое оно мне доставило сегодня. Я говорю «из-за общего дела», потому что, действительно, мое здешнее положение такое, что я бы часто мог быть полезным как лично вам, так и делу вообще; разумеется, я не мог да и не желал делать ни то, ни другое, пока я не знал вашего мнения обо мне от вас самих.

Теперь — ad res graviores ***.

О происшествиях последних шести месяцев, о следственной комиссии и V департаменте Сената, о Валуеве [8] и о Потапове, и о многом, многом другом я бы мог сообщить вам интересные и, вероятно, новые подроб-

---

* очевидное (лат.).
** нет худа без добра (англ.).
*** к более важным делам (лат.).

ности [9], но не делаю этого по следующим двум причинам. Во-первых, если бы план, который я вам сейчас опишу, не удался, то я могу это сделать в моем следующем письме, а в противном случае, сами эти факты потеряют очень много своей важности и интереса. План состоит вот в чем.

Дня через три или четыре, то есть как только мы успеем кончить необходимые приготовления, я с двумя товарищами (доктором и офицером) отправляемся в Вильно, а оттуда к ближайшей, так называемой «шайке» [10]. После покупки всего необходимого остается у меня еще рублей серебром шестьсот, которые мы берем с собою или для передачи в тамошнюю польскую казну или же для другого непредвиденного употребления. Паспорт в удостоверение наших намерений и проч. мы надеемся получить от здешнего польского комитета. Разумеется, я бы не думал entretenir * вас подобными пустяками, как приставание еще трех человек к польскому восстанию, если бы я не имел твердой надежды, что дело не окончится этим. План наш состоит, главным образом, в том, чтобы оставить за собою след и доставлять другим возможность присоединиться к нам. С этою целью я переговорил с тем малым числом моих здешних знакомых, с которыми я еще могу говорить о подобных предметах; пути сообщения мы устроили таким образом между Петербургом и Вильно и Петербургом и заграницею (вы легко поймете, как важно для нас, чтобы наше предприятие, если оно только удастся, получило как можно больше известности как в России, так и в Европе), что они совершенно в наших руках. Главное состоит, разумеется, в том, чтоб в скорейшем, по мере возможности, времени собрать около себя довольно значительное количество людей, более или менее способных, которые бы могли в самом деле взять на себя имя «русской дружины» в рядах польского восстания. Такая дружина послужила (бы), во-первых, в глазах поляков самым убедительным доказательством истины того положения, что русские и русское правительство — две вещи, совершенно разные, а между тем вы сами хорошо знаете, как малое число поляков понимает это теперь, несмотря ни на «Колокол», ни на частые расстреливания русских офицеров в Польше. Но последствий гораздо более важных можно ждать от этого плана (разумеется, предполагая полный его успех) для самой России. Уничтожение выкупа и наделение крестьян землею, уже введенное в западных губерниях, не может остаться без влияния и на соседние русские губернии. Вот почему на случай возмущения в одной из пограничных великорусских губерний так важно было б иметь готовую организованную хоть и не силу, но, по крайней мере, точку опоры или кадр, состоящий из сотни или двух привыкших уже заранее к партизанской войне людей. Эти и другие подобные соображения, которые вы легко дополните сами, склонили нас к принятию нашего плана: к исполнению его мы намерены приступить в будущий понедельник. Я нарочно высказал эти соображения (и прошу вас поверить, что я мог бы подкрепить их и другими столь же сильными, если б не недостаток времени и места), собственно потому, чтобы вы могли видеть, что наш план не следует приписать одному только ребяческому нетерпению и желанию пофрантить и потешить почтенную публику. Нет, план этот возник у меня с самого начала польского восстания (во время которого я был в Польше), и чем более я о нем думаю и говорю с соучастниками в его исполнении, тем яснее становится для меня, что, без каких-нибудь совершенно исключительных несчастий, успех его зависит единственно от нашей собственной распорядительности и уменья вести дела вообще. И это последнее обстоятельство заставляет меня возвра **

---

* занимать (франц.).

** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

[1] Это письмо Бенни к Герцену неизвестно.
[2] Записка Герцена к Бенни от 14/26 августа 1862 г. неизвестна.
[3] Из этих слов следует заключить, что письмо Герцена для Артура Бенни было передано через Карла Бенни, студента-медика, учившегося в это время в Париже. См. «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению». Л., 1940, стр. 167.
[4] Записка Герцена к Бенни с требованием описать поездку из Лондона в Петербург неизвестна.
[5] Речь идет, несомненно, о В. И. Кельсиеве. За исключением опубликованного выше письма от 7/19 февраля 1862 г., письма Бенни к нему неизвестны.
[6] Это письмо Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу неизвестно. Возможно, однако, что имеется в виду письмо Герцена от 7 декабря 1861 г., адресатом которого Лемке обозначил Н. М. Владимирова (XI, 361).
[7] Речь идет о начальной стадии так называемого «процесса 32-х». Арестован Бенни в это время, действительно, не был: вероятно, имело значение его великобританское подданство и второстепенная роль в деле. Арест Бенни последовал лишь весной 1865 г., первоначально по долговому иску, и лишь затем, уже после приговора, его делу был придан политический характер. А. Л. *Потапов* — управляющий III Отделением.
[8] П. А. *Валуев*—в это время управляющий министерством внутренних дел.
[9] Бенни намекает здесь, в частности, на «процесс 32-х», начавшийся в июле 1862 г.
[10] Поездка в Вильно и проект присоединения к польским повстанцам не осуществились. Кто такие два товарища Бенни (*доктор* и *офицер*), не установлено. Возможно, что один из них — доктор — П. И. Якоби; см. также ниже упоминание о нем в письме В. О. Ковалевского Герцену.

3

ГЕРЦЕНУ

⟨Петербург.⟩ 3/15 мая 1863 — пятница

Не удивляйтесь ни тому, что несмотря на мое последнее прощальное письмо к вам я пишу вам еще раз, ни тому, что и это письмо пишется не в пинских лесах (где я имел надежду быть уже теперь), а все еще в Петербурге [1]. Причиною этому отчасти вы сами, и поэтому я даже не считаю нужным извиниться за то, что пишу вам в том же тоне и о том же предмете, как последний раз, не дождавшись вашего ответа, — если только вы намеревались дать мне ответ. Но у меня остается уже очень мало времени до отправления этого письма, и потому я постараюсь как можно хладнокровнее и короче изложить вам в чем дело.

Через одного из членов предполагаемой мною экспедиции русских к польскому восстанию с целью образовать там русскую дружину (план, о котором я вам писал подробно в одном из моих последних писем) я узнал сегодня из здешнего комитета, и то почти официальным образом, не только, что мне не могут дать визы или паспорта на дорогу, но еще *что польский центральный комитет объявил мое имя в числе шпионов* [2]. Вы можете сказать, что вам до этого нет дела и что я или вел себя непростительно глупо или действительно человек подозрительный, с которым вы не желаете иметь никакого дела. Я говорю, что вы можете это сказать и, если строго и подробно разбирать ваше поведение относительно меня в продолжение последних двух лет, то я даже нисколько не удивлюсь, если вы в самом деле ответите именно так. Но как бы вы в подобном случае ни были буржуазно правы, я постараюсь доказать вам в немногих словах, что такой поступок был бы с вашей стороны в обширном и человеческом смысле нечестен; да, Александр Иванович, — просто-напросто нечестен. Мне кажется, вы меня знаете слишком хорошо, чтоб подумать, что я употребляю столь резкие слова из-за какого-то глупого и тщеславного удовольствия обращаться cavalièrement * с личностью подобной величины и значения, как вы. Я хорошо знаю, что если бы я мог отложить написание этого письма до завтрашнего дня и если б я мог

* бесцеремонно (франц.).

вполне собраться с мыслями, то оно вышло бы и гораздо спокойнее и складнее. Но, во-первых, неожиданный для меня случай, который представился мне сегодня для отправления этого письма, требует его окончания через несколько часов, а во-вторых, я даже не очень жалею, что волнение, в котором я пишу это письмо, даст вам хоть некоторое понятие об адской муке, которую я терплю с сегодняшнего утра.

Но прежде всего позвольте мне рассказать вам l'historique * всего дела. В начале нынешнего года я был в Польше, чтобы еще раз проститься с моим отцом, который и умер у меня на руках. На возвратном пути я пробыл несколько дней в Варшаве у моих родных и, полагая, что я бы мог быть полезен польскому комитету, исполняя какие бы то ни было его поручения или на дороге или в Петербурге (восстание вспыхнуло было два дня после моего приезда в Польшу) [3], я старался сблизиться и поговорить с каким-нибудь членом комитета или его представителем (delegowany, как их называют в Варшаве). При помощи моих родственников и знакомых это последнее было довольно легко. Я объяснил делегованному вкратце мое положение, подозрения, существующие на мой счет в Петербурге, разговоры, которые я имел с Потаповым, и les avances **, которые он мне делал, и неопределенный способ, с которым я их принимал, и, следовательно, возможность, какую я имею войти с ним в более интимные отношения (я просил гр. Сальяс [4] рассказать вам подробно всю эту прошлогоднюю интригу и поэтому полагаю, что она вам вполне знакома). После некоторых других, менее важных вопросов, в том числе и одного о моих русских знакомых, когда, кроме вас да Тургенева, я имел неосторожность назвать и Европеуса, делегованный просил меня на первый раз выхлопотать только русский паспорт в Петербурге и прислать его по указанному мне адресу в Варшаву. В самый день после этого свидания я уехал в Петербург, только, по причине испорченности железной дороги, в дилижансе до Ковно, а оттуда по железной дороге в Петербург. На дороге, то есть в станциях в Пскове и в Петербурге, я совершенно неожиданно (по крайней мере в первый раз) и внезапно встретился лицом к лицу с моим делегованным. Я упоминаю об этом факте потому, что на нем основано в значительной мере подозрение на мой счет. Между тем, для меня трудно понять, что другое оставалось мне делать? Я сообразил еще в Пскове, что подойти и заговорить с делегованным—может гораздо скорее обратить на него внимание, тем более, что я не мог знать, не следит ли кто-нибудь в то же время за мною [5]. Наконец, в моих глазах разговор с ним в публичном месте послужил бы гораздо более рациональным поводом к обвинению меня, чем мое явное нежелание говорить с ним или даже узнавать его при свидетелях. Между тем не так рассудил мой делегованный: по его мнению, мое вторичное отворачивание служило явным доказательством моего шпионства, и из опасения, что я слежу за ним тут же, он (как потом сам рассказывал) счел нужным переменить четыре раза извозчиков, и это, разумеется, принимается за еще новое доказательство моей виновности.

Я, между тем, ничего этого не подозревая, переменил мои планы единственно настолько, что, убедившись в ненужности уже паспорта, прекратил всякие хлопоты около его приобретения и стал ожидать посещения делегованного, основываясь на его обещании, данном мне в Варшаве. Делегованный, между тем, не только не явился, но, напротив, стал, как я узнал, наводить обо мне справки, и то именно у таких людей, которые менее всех знают меня, или, лучше сказать, по-настоящему не знают меня вовсе. Несмотря на то, что я предупредил его еще в Варшаве насчет

---

* историю (франц.).
** предложения (франц.).

моей здешней репутации, делегованный счел собранные им сведения совершенно достаточными и с этим уехал во-свояси. Во время, однако, его пребывания здесь, когда я убедился, что мне его больше ждать нечего, я послал к нему копию нескольких находящихся у меня писем Тургенева, кн. Долгорукова, Кельсиева и ваших, в том числе и вашего последнего, тогда только что полученного мною [6].

Вот все дело с мельчайшими, насколько я их помню, подробностями. И на основании этих-то данных польский центральный комитет, как я вам уже сказал, счел себя вправе объявить меня шпионом и, разумеется, этим самым нанес моей репутации и здесь последний удар. Для меня теперь остается только один вопрос: что делать? — Не говоря уже о том, что всякая возможность пристать к восстанию теперь прекращена, мне решительно невозможно и невыносимо оставаться дольше и здесь в подобном положении. Пока глупые студенты-мальчишки да литературные пьяницы клеветали и сплетничали на меня один глупее другого — беда была небольшая; когда я раз обтерпелся с постыдным клеймом, которое они старались прицепить ко мне, мне оставалось только молча презирать их, зная хорошо, что придет же, наконец, время разъяснений и правды. Но теперь, когда уже всеми признаваемые авторитеты и настоящие государственные силы, как центральный комитет русский и польский, попадают на мой счет в ту же гнусную ошибку, как мальчишки и пьяницы, — тогда, действительно, дело становится для меня серьезным.

Вследствие этого, я требую одного и, кажется, немногого. Я требую *суда*, но суда полного и откровенного, full, searching and inquisitive *, как говорят у нас; мне не нужно ни видеть ни даже непосредственно иметь дело с комитетом; пусть он только назначит хоть кого-нибудь от себя с достаточною legitimation **; но пусть я, наконец, увижу и услышу моих обвинителей, пусть мне будут представлены категорически все пункты, в которых меня обвиняют, и пусть я имею возможность отвечать на них столь же прямо. Мне кажется, что я действительно требую немногого и, во всяком случае, не более, нежели мне предоставляют самые основные законы цивилизованного общежития, — право судебной защиты.

Теперь моя просьба или, лучше сказать, мое требование к вам. Я не хочу, чтобы вы за меня поручились, даже чтобы вы говорили в мою пользу. Нет, этой ошибки я второй раз не сделаю. В моем длинном, предлинном письме, писанном в январе прошлого года[7], я вам объяснил и доказал, что вся моя ошибка состояла в том, что я слишком рассчитывал как на проницательность вашего ума, так и на нравственную храбрость вашего характера. Как все люди, а в особенности молодые, я сделал ту страшную ошибку, что судил о вас по себе: для меня все мои действия и поступки со времени моего первого знакомства с вами были совершенно ясны и последовательны, и я сделал непростительную глупость полагаться настолько на вас, чтобы подумать, что они одинаково ясны и для вас,— но, по крайней мере, за эту глупость я поплатился горько — да, право, горько. Но не в том дело. — Итак, я прошу от вас не поручительства, но чего я убежден, что я имею право требовать от вас, это того, чтобы вы потребовали этого суда у здешнего комитета[8] (к *польскому* я обращусь лично, и я уверен, что они мне не откажут в удовлетворении). Мне самому этого решительно сделать нельзя, так как все, буквально *все*, что бы я ни делал, хотя бы только высморкался, — все перетолковывается и принимается за какую-нибудь тончайшую хитрость с моей стороны. Вы поймете, что при таком положении мне невозможно сделать хоть малейший шаг; право же мое требовать эту услугу от вас я основываю-

* полного, тщательного и пытливого (англ.).
** правомочностью (англ.).

на вашем собственноручном письме. Вы говорите, что вы «кричали с колокольни и с крыш»; если так, т. е. если вы по крайней мере убеждены, что я имею всю prima facie evidence * на моей стороне, то вы не можете, да, *не можете* отказать мне в случае представить эту evidence ** для очищения моего осрамленного имени.

A propos, одна из моих pièces justificatives *** находится за границей, именно у П. В. Долгорукого. Это рукопись первого номера «Русской правды», тайного журнала, который я собирался издать вместе с тремя лицами еще в феврале и марте прошлого года [9]. Копию с первого номера я послал Долгорукому в Париж; это было недавно после моего объяснительного письма к вам, и поэтому я считал невозможным писать вам до получения вашего ответа. Издание «Русской правды» было сперва остановлено по недостатку денег, а потом (после появления «Молодой России») совсем брошено. Единственная еще существующая копия первого номера находится у Долгорукого. — Я вас усердно прошу, пошлите ему приложенную записку [10] (я не знаю его настоящего адреса) и по получении моей рукописи пришлите ее сюда прямо в комитет вместе с вашим требованием о моем суде и полном разбирательстве [11].

Приложенные записки И. И. Кельсиева — те самые, о которых он говорит в своем письме к брату, которое я недавно отправил. Вы можете их печатать в каком хотите виде — извлечения из них по первоначальному плану здесь не сделано никакого [12].

[1] См. примеч. 10 к предыдущему письму.

[2] В литературе нет сведений о том, что польское народное правительство официально объявило Бенни шпионом: речь идет о широко распространенном предубеждении против него. См. примеч. 2 к напечатанному выше письму Бенни к Кельсиеву.

[3] Польское восстание началось 10/22 января 1863 г. Значит, Бенни приехал в Польшу около 8/20 января. Эта поездка осталась, видимо, неизвестной III Отделению. В материалах дела «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» (1 экспед., д. № 230 за 1862 г., ч. 151, «О великобританском подданном Артуре Бенни», л. 12) имеются сведения лишь о поездке Бенни в Польшу, относящейся ко времени не ранее ноября 1863 г.— несомненно, это была вторая его поездка (там же; см. также М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 182—183).

[4] Бенни имеет в виду Е. В. Салиас де Турнемир (Евгению Тур).

[5] Соображения Бенни были вполне резонны. Он имел все основания заподозрить, что за ним учрежден секретный надзор, который и действительно был установлен с 21 сентября 1862 г. При возвращении Бенни в Петербург он был обыскан не менее восьми раз (см. С. А. Рейсер. Артур Бенни. М., 1933, стр. 63 и 65).

[6] Повидимому, речь идет о записке Герцена от 14/26 августа 1862 г. См. примеч. 2 к предыдущему письму.

[7] Выше (см. письмо от 26 марта/7 апреля 1863 г.) Бенни называет это письмо «февральским». Оно неизвестно.

[8] *Здешним комитетом* Бенни называет петербургский комитет «Земли и воли».

[9] В середине марта 1862 г. в Петербурге вышел нелегальный листок под названием «Русская правда», с обозначением — «№ 1». Через месяц появился второй листок под таким же названием, с обозначением — «№ 2». Оба эти листка, являющиеся большой библиографической редкостью, были перепечатаны М. К. Лемке в его книге «Очерки освободительного движения „шестидесятых годов"» (цит. изд. стр. 441—444). Лемке не имел возможности установить, кем именно были изданы листки «Русской правды». Публикуемые письма Бенни отчасти разрешают этот вопрос. Выясняется инициативная роль Бенни в издании «Русской правды».

[10] Записка Бенни к П. В. Долгорукову неизвестна.

[11] Об отношении Герцена к этим просьбам см. в его письме к сыну от 13/25 мая 1863 г. (XVI, 267).

[12] О каких записках И. И. Кельсиева идет речь и были ли они Герценом напечатаны — не установлено.

---

* очевидность доказательства.

** очевидность (англ.)

*** оправдательных документов (франц.).

В. П. БОТКИН — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Три публикуемых письма Василия Петровича *Боткина* (1811—1869) относятся к 1847—1848 гг. В этих письмах нашла свое отражение та острая политическая дискуссия об исторической роли буржуазии, которая разгорелась в это время среди участников бывшего московского кружка Герцена и Грановского. Непосредственным поводом к дискуссии послужило письмо Герцена к М. С. Щепкину из Парижа («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212) и его «Письма из Avenue Marigny».

Известно, что в «Письмах из Avenue Marigny», предназначенных для печати, Герцен дал острую критику буржуазной цивилизации и господствующего класса общества — буржуазии. В результате первого непосредственного знакомства с европейской жизнью Герцен пришел к убеждению, что «буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности» (V, 133). Поднятые Герценом вопросы самым непосредственным образом были связаны со спором о путях исторического развития, о движущих силах истории — в Европе, где разгоралась буржуазно-демократическая революция, и в России, где все более обострялся кризис феодально-крепостнической системы. Позиции, занятые участниками этого спора, сделали явственной принципиальную непримиримость между революционной и либеральной идеологией.

Из всех участников московского кружка Герцена и Грановского, встретивших с неудовольствием «Письма из Avenue Marigny», Боткин наиболее последовательно и четко выступил, с позиций либерализма, против герценовской оценки буржуазии.

Герцен критиковал буржуазию как революционер и социалист. Он обличал буржуазную цивилизацию и желал ее уничтожения потому, что эта цивилизация была основана на материальном и духовном порабощении трудящихся масс. Но в то же время герценовская критика буржуазии отражала в полной мере его идеализм в понимании исторического процесса. Не обладая правильными представлениями о закономерности в смене общественных формаций, Герцен не понимал исторической роли капитализма. В этот период он рассматривал буржуазию вне связи с экономическими законами развития общества и поэтому полностью отрицал ее прогрессивную роль. Белинский, в присутствии которого Герцен писал некоторые «Письма из Avenue Marigny», сумел обнаружить эти слабые стороны позиции Герцена. Ненавидя, как и Герцен, капиталистическую цивилизацию ненавистью демократа-революционера, жаждущего социалистического переустройства общества, Белинский расходился с автором «Писем из Avenue Marigny» в понимании исторической роли буржуазии, считая, что рассматривать буржуазию как нечто единое, не делая различия между крупной, средней и мелкой буржуазией,— неправильно.

Исходные позиции Боткина в его полемике с Герценом были совершенно иными. Уже в эти годы Боткин выступил как открытый противник социализма. В первом из публикуемых писем от 25 ноября 1847 г. Боткин с удовлетворением привел слова Герцена, содержащиеся в его письме к Грановскому из Парижа: «В голове у меня становится как-то темно». Слова эти Боткин толковал как отказ Герцена от социалистических идей, как выход «из царства отвлеченных решений, в которых все ясно

и распределено». Либерал Боткин не понимал духовной драмы Герцена. Приехав в Западную Европу «демократом, революционером, социалистом» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10), Герцен еще до поражения революции 1848 г. начал разочаровываться в известных ему разновидностях утопического социализма и в готовности буржуазной Европы к социалистическому переустройству общества. Боткин же и скептицизм Герцена понял как отход от социализма. В этой связи очень характерно отношение Боткина к диалогу Герцена «Перед грозой», в котором Герцен в блестящей литературной форме изложил свое философское понимание кризиса буржуазной цивилизации, раскрывшегося перед ним в Западной Европе. Очень высоко оценив художественные достоинства статьи «Перед грозой», Боткин в публикуемом письме от 16 сентября 1848 г. заявил свою полную солидарность с Герценом в оценке затронутых в этой статье вопросов и противопоставил ее «Письмам из Avenue Marigny». Мировоззрению Боткина в этот период не чужды были элементы критики современных форм европейской жизни, буржуазной морали, религии. Найдя в статье Герцена отражение пессимистического взгляда на буржуазную Европу, Боткин приветствовал эти настроения Герцена как глубоко родственные ему самому. Между тем скептицизм Боткина не имел ничего общего со скептицизмом Герцена. В. И. Ленин вскрыл характер герценовского скептицизма, показав, что скептицизм был для Герцена только формой перехода к более высокой ступени понимания исторического процесса, понимания исторической необходимости классовой борьбы пролетариата. Для Боткина же скептицизм был одним из проявлений его либеральной идеологии. Боткин был одним из предшественников тех русских либералов, которые прикрывали «свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена» (В. И. Ленин. Там же). Убежденный противник социализма, Боткин пытался доказать Герцену беспочвенность его критики буржуазии. Он убеждал Герцена в том, что утопический социализм абстрактно трактует классовые противоречия в буржуазном обществе. Революция 1848 г. заставила его сделать вывод, что борьба идет не между буржуазией и народом вообще, а между «собственностью и пролетариатом», пролетариат же, в понимании Боткина, не мог быть созидателем социального прогресса. Для Боткина капиталистическая цивилизация, при всех ее пороках, являлась вершиной человеческой цивилизации. «Дай бог, чтоб у нас была буржуазия!»—вырвалось у него в письме к П. В. Анненкову от 12 октября 1847 г. («П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 551). Это восклицание хорошо передает социально-политические симпатии Боткина. Отмежевываясь открыто от социализма, он в эти годы еще старательно подчеркивал свои демократические симпатии, свое сочувствие страданиям народа. Но декларации не подкреплялись делами. Интересы народа были, по существу, глубоко безразличны Боткину. В то время как Герцен в «Письмах из Avenue Marigny» искал социальное учение, способное указать трудящимся массам конкретные пути к уничтожению существующего социального гнета и с этих позиций критиковал современную буржуазную политическую экономию, которой нет дела до обездоленного человека, которая «выродилась в торговую смышленность», в искусство наживы,—Боткин, напротив, видел «великую заслугу» буржуазной экономической науки в открытии законов, «управляющих в промышленности», и противопоставлял буржуазную политическую экономию социалистической критике капитализма (письмо Боткина к П. В. Анненкову от 26 ноября 1846 г. — «П. В. Анненков и его друзья», стр. 525). Ничтожнейшая административная реформа, новое уложение о городском самоуправлении, умилила Боткина. Он объявил новое уложение «большим прогрессом», особенно подчеркивая, что оно исходит от правительства (там же, стр. 523).

Мирный прогресс Боткин противопоставлял борьбе народных масс. Ратуя за капиталистическое развитие России, он мечтал о превращении дворян в буржуа-предпринимателей, а монархии феодальной — в монархию буржуазную. Дальнейшая политическая эволюция Боткина привела его впоследствии в лагерь реакции.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 73).

1

Москва. 25 ноября 1847

Вчера вечер и нынче утро провел я за письмом к тебе [1], — написал много о всем, послал его на почту, а посланный воротился скоро с известием, что потерял письмо дорогою. Можешь представить, как мне досадно, — досадно потому, что я решительно не могу написать тебе снова такое же большое письмо, да и жаль мне еще его: я был доволен им. — Между тем, получил я вечером сегодня письмо от Анненкова; он пишет мне, что послал тебе мое к нему письмо [2], где я писал ему о несчастном случае с Грановским. К счастию, никаких опасных последствий не будет;

В. П. БОТКИН

Рисунок неизвестного художника, 1848 г.

Местонахождение оригинала неизвестно.
Воспроизводится по фотографии

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

теперь остается только синята под правым глазом — и понемногу проходит. Он уже выезжает и на днях обедал у меня. Но, вероятно, перед ненастьем он будет страдать сильною болью в проломанной скуле, а по близости боль будет отзываться и в голове. Из моего письма к Анненкову ты также знаешь, что во время болезни Грановского умер отец его, оставивши ему в наследство одни долги. Дни и ночи, проведенные Елизаветой Богдановной у постели этого возмущающего душу человека, потом ушиб Грановского, который в первые два-три дня возбуждал самые сильные опасения, — словом, все эти тревоги потрясли ее слабое здоровье, и доктора объявили, что грудь у ней очень расстроена и что непременно надо летом ехать в Эмс укрепить ее водами. Вследствие этого Грановский и задумывает летом ехать за границу и старается теперь изобрести средства

на эту поездку... изобретение нелегкое! Сердце сжимается от всего этого, Герцен.

22 ноября собрались мы праздновать твои именины и рожденье Огарева, который за два дня перед этим приехал сюда [3]; но празднованье было невесело, потому что Грановский прислал сказать, что он не может приехать по причине сильной боли в голове. И мы выпили за твое здоровье, и здоровье автора «Кто виноват», и Крупова, а об авторе писем из «Avenue Marigny» было умолчано[4], и даже никто о нем голосу не подал. Кстати: ты говоришь, что написал статейку «На пароходе» [5], но что ты недоволен ею. А я уверен, что она очень хороша, уверен потому, что ты очень доволен был своими письмами из Парижа. В одном из писем твоих к Грановскому есть одна фраза: «В голове у меня становится как-то темно» [6]. Эта фраза для меня, напротив, доказывает, что ⟨ты⟩ действительно начинаешь входить в процесс европейской жизни и что царство отвлеченных решений, в которых все ясно и распределено, оканчивается.

Ну что еще сказать тебе, саго? Холера в Москве почти кончилась, да и вообще действовала не сильно. Замечательно, что она ходила больше около Москвы-реки, а число умерших за Москвой-рекой с лишком вдвое больше числа умерших во всех других частях города. Из наших друзей и знакомых все здравствуют: двое были атакованы холерою — Валентин Корш и Сергей Иванович Астраков, — но теперь совсем здоровы.

Из новостей литературных нечего сообщить тебе интересного, разве то, что Самарин написал в некотором роде славянский манифест (в «Москвитянине») в форме замечаний на «Современник», т. е., собственно, на статью Кавелина и Белинского [7]. В сущности, все тот же мистико-общественный туман. Выпиши себе в Рим книгу Гакстгаузена — «Studien über Russland» (я не помню в точности названия) [8] — очень интересна. — Тебе известно, что указателями автора была славянофильская партия: она составила ему точку зрения его. Автор видит факты (только с этой стороны книга замечательна), а толкует их вкось и вкривь; романтические инстинкты немецкие просвечивают в каждом его взгляде. — Я напишу «Современникам» насчет посылки журнала в Рим, если можно. Мой сердечный и искренний поклон Наталье Александровне — неужели и этот кроткий, южный воздух не восстановит ее здоровья? Крепко жму руку Марии Федоровне. — Корши и дети их здоровы. Николай, брат, вам низко кланяется и хотел сам писать к вам.

Поздравляю тебя с Римом, — что до меня, я могу жить только или в Париже, или в Риме. Обнимаю тебя крепко.

Твой В. Б.

На характеры, действующие «На пароходе», я замечу только, что напрасно ты сделал немца скептиком. Скептицизм — не в немецкой натуре, и едва ли ты знал хоть одного немца-скептика, едва ли видел когда-нибудь одну книгу немецкую скептическую. Промелькивает иногда скептицизм у Гейне, но слабо и робко. Немец, по существу своему, преимущественно верующий; посмотри-ка, как они веруют в свой Geist *, — что твой прежний Иегова. Скептиками всегда были одни англичане — il faut un certain courage pour être sceptique, et les Anglais ont surtout le courage de leurs opinions **. А о Крупове скажу тебе, что я не знаю, доставляло ли мне чтение чего-либо такое живое удовольствие, — больше, — наслаждение, как эта гениальная шутка! Это превосходно, упоительно.

---

* дух (нем.).

** чтобы быть скептиком, требуется известная смелость, англичане же особенно смелы в своих мнениях (франц.).

Так хочется, Герцен, в Рим, что инда тоска берет!

Прощай, спешу на почту: вчера вечером не дали мне писать — пришли кое-кто и просидели до двенадцати часов.

Твой В. Б.

Антонине Федоровне Кавелиной[9] несколько лучше, но она очень слаба.

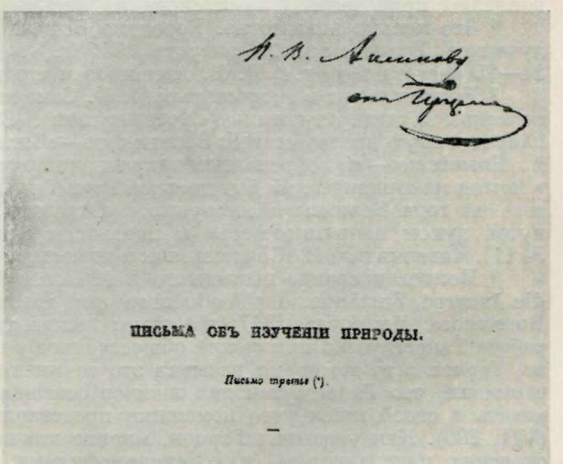
Представь: твое письмо из Ниццы ко мне шло сюда двадцать два дня!! По крайней мере я сужу так по тому, что оно от 13 ноября, следовательно 1 ноября нашего стиля, а я получил его 23 ноября.

[1] Настоящее письмо — ответ на не известное нам письмо Герцена из Ниццы от 1/13 ноября 1847 г. На публикуемое письмо Герцен ответил из Рима 31 декабря 1847 г. (ответ опубликован в книге «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 39—43).

[2] Боткин имеет в виду свое письмо от 12 октября 1847 г. к П. В. Анненкову, жившему тогда в Париже; опубликовано в книге «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 550—554.

[3] Огарев жил в это время в своем пензенском имении Старое Акшено.

[4] «Письма из Avenue Marigny», позднее вошедшие в цикл «Письма из Франции и Италии», были напечатаны в №№ 10 и 11 «Современника» за 1847 г. Своими впечатлениями о первых трех письмах, опубликованных в № 10 «Современника», Боткин поделился с Анненковым в письме от 12 октября 1847 г. (цит. изд.). Считая главным недостатком писем Герцена «неопределенность точки зрения», Боткин критиковал их с позиций буржуазного либерализма. Убежденный противник социализма, Боткин, выражавший на словах симпатии к рабочему классу как классу угнетаемому, видел в буржуазном строе вершину общественной организации. Отрицательное отношение Боткина к «Письмам» Герцена вполне разделяли Кавелин и Корш, считавшие буржуазный строй идеалом для общественного развития России. Несколько сложнее была в этом вопросе позиция Грановского. Как историк он относился критически



ПИСЬМА ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ.

Письмо третье (*).

—

Греческая философія.

Востокъ не имѣлъ науки; онъ шелъ фантазіей и никогда не устанавливался на столько, чтобъ привести въ ясность свою мысль, тѣмъ менѣе развилъ ее наукообразно; онъ такъ распылялся въ безконечную ширь, что не могъ дойти до какого-нибудь самоопредѣленія. Востокъ блеститъ ярко, особенно издали; но человѣкъ тонетъ и пропадаетъ въ этомъ блескѣ. Азія — страна антагонизма, противорѣчій; она мягка, ни въ чемъ не знаетъ мѣры,—а мѣра есть главное условіе согласнаго развитія. Жизнь восточныхъ народовъ проходила или въ брожевіи страшныхъ переворотовъ, или въ косномъ покоѣ однообразнаго повторенія. Восточный человѣкъ не понималъ своего достоинства: отъ-того онъ былъ или въ правѣ являющійся рабъ, или необузданный деспотъ; такъ и мысль его была или слишкомъ-скромна, или слишкомъ-высокомѣрна; она—то перехватывала за предѣлы себя и природы, то, отрекаясь отъ человѣческаго достоинства, погружалась въ животность. Религіозная и гностическая жизнь Азіатцевъ полна безпокойнымъ метаньемъ и мер-

(*) Первыя два письма напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» нынѣшняго года (томъ XXXIV).

1

«ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ» (ПИСЬМО ТРЕТЬЕ). ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ: «П. В. АННЕНКОВУ ОТ ГЕРЦЕНА»

Оттиск из «Отечественных записок», № 7, 1845 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

к внеисторическому пониманию буржуазии, проявленному Герценом. Но отрицательное отношение Грановского к «Письмам из Avenue Marigny» было вызвано не столько их содержанием, сколько легкой, подчас шутливой формой. «В них слишком много *фривольного* русского верхоглядства. Так пишут французы об России»,— писал Грановский Н. Г. Фролову 7 ноября 1847 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 424). Июньские события 1848 г. объяснили Грановскому ту страстность, с какой Герцен критиковал буржуазию. В первое время и Огарев опасался, что, «несмотря на многое скорбное и удушливое», с чем Герцен «необходимо должен был столкнуться» при первом же знакомстве с европейской жизнью, он «слишком немного обратил внимания на Staat in seiner politiko-œkonomischen Entwickelung» *. «Боюсь,— писал Огарев Герцену 8/20 июня 1847 г.,—чтоб Gesamtheit ** фактов и целость развития не скрылись перед тобою за теоретическими неудовольствиями» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 764).

[5] «*На пароходе*» — небольшая статья юмористического содержания, над которой Герцен работал в ноябре 1847 г. Статья осталась незавершенной и до нас не дошла. В ответ на замечание Боткина о характере действующих лиц в «статье» Герцен писал 31 декабря 1847 г.: «Статейку „На пароходе“ не могу писать. Я ее поправлял, поправлял, да и испортил, а сначала было очень смешно, да и черновую имел глупость бросить в Ницце. Может, и налажу. Я читал исправленное Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ексеевичу Тучкову⟩, он смеется крепко» «А. И. Герцен. (Новые материалы», цит. изд., стр. 41). Н. М. Мендельсон, комментируя это письмо Герцена от 31 декабря 1847 г., утверждал, что «На пароходе» является не чем иным, как статьей «Перед грозой (Разговор на палубе)», вошедшей в книгу «С того берега». Как установлено М. М. Клевенским, речь идет о двух разных произведениях. «Совершенно очевидно,—писал Клевенский,—что в книгу „С того берега“ Герцен включил очерк „Перед грозой (Разговор на палубе)“, который он окончил в Риме 31 декабря 1847 г. и содержанием которого остался доволен. По содержанию этого очерка над ним никак нельзя было „крепко смеяться“. Небольшое же произведение „На пароходе“, исполненное юмора и упоминавшее как-то о голохвастовском „Бычке“, было написано в первоначальном виде в ноябре 1847 г. в Ницце. Герцен потом „испортил“ его (по его мнению) поправками, потерял черновик—и в конце концов оставил его незавершенным» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 205).

«Разговор на палубе» помечен: «Рим, 31 декабря 1847 г.». В этот день в Риме и были написаны приведенные нами слова из письма к Боткину.

[6] Это письмо неизвестно. Вероятно Боткин имеет в виду то письмо Герцена, полученное Грановским 24 августа 1847 г., о котором Боткин писал Анненкову 24—25 августа 1847 г. («П. В. Анненков и его друзья», цит. изд., стр. 549).

[7] Боткин имеет в виду статью Ю. Ф. Самарина «О мнениях „Современника“ исторических и литературных» («Москвитянин», 1847, № 2, подпись — «М...З...К...»), направленную против статей: Белинского—«Взгляд на русскую литературу 1846 года», А. Никитенко—«О современном направлении русской литературы» и К. Д. Кавелина—«Взгляд на юридический быт древней Руси». В одиннадцатой книжке «Современника» того же года Белинский выступил с «Ответом „Москвитянину“» — статьей, проникнутой духом непримиримости к идеологии славянофильства («Современник», 1847, № 11). Кавелин в № 12 «Современника» тоже напечатал статью «Ответ „Москвитянину“».

[8] Полное название вышедшего в 1847 г. сочинения Гакстгаузена: «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands». Hannover, 1847 (два тома; третий том вышел в 1852 г.). Признавая, что работа Гакстгаузена привлекла общественное внимание к русской поземельной общине, Герцен в то же время называл это сочинение «дико-реакционным трудом» и подчеркивал, что Гакстгаузен дал лживое освещение крепостного нрава, стараясь «доказать в своей книге, что помещики представляют патриархальную главу общины» (VII, 280). Как указывал Герцен, мнение это поддерживалось «плантаторами из московских панславистов», т. е. славянофилами.

[9] Жена К. Д. Кавелина, сестра Е. Ф. Корша.

2

31 августа / 12 сентября 1848. Москва

Пожалуйста, не упрекай меня за такую, повидимому непростительную, медленность в ответе. Твое письмо получено с месяц назад [1], а я все не соберусь отвечать тебе, не соберусь потому, что на душе слишком много, а письмо твое требует ответа обстоятельного. Но я отвечать на него не стану по причинам, которые не нужно пояснять тебе. Вот это-то чув-

---

* государство в его политико-экономическом развитии (нем.).

** совокупность (нем.).

ство и заставляло меня молчать. Но,—подумал я, наконец, — как же не подать ему голоса, как же не сказать ему, что друзья его всё так же любят его (хоть он знает это и без уверений) и ждут—не дождутся его возврата? И вот, только вследствие этого беру перо, чтоб сказать тебе что-нибудь о нашем житье. Ты знаешь ведь, — о варвар! — что письма твои

ГЕРЦЕН

Фотография 1861 г. с надписью неизвестной рукой: «Василию Петровичу Боткину от Феба»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

для нас дороги, а пишешь бог знает как редко, а мы — что нам сказать тебе? Крыловская история [2], как ты знаешь, кончилась; Редкин получил отставку и горько скучает по университету; Корш без места, а «Московские ведомости» издает фактор типографии Дмитриев вместе с Дмитрием Павлычем [3]. Кавелин уехал искать службы в СПб. и пока должен был взять место в Министерстве внутренних дел. Один Грановский, слава богу, остался в университете. Министр не выпустил его, был с ним чрез-

вычайно приветлив, внимателен. На днях Грановский едет по приглашению его к нему в деревню [4]. Надо тебе сказать, что вся эта история и ее окончание произвела в мнениях порядочных людей Москвы и Петербурга впечатление самое неудачное; не было ни одного голоса, одобрявшего их поступок, а все называли его поступком мальчишеским, каков он и есть в моем понятии. Но дело кончено; прошедшего не воротишь. Да, кончено; а смотря на бедного Корша, который потерял весь свой юмор и не знает, *чем будет жить с троими детьми...*, но я об отставке их не могу рассуждать холодно. Может быть, с какой-нибудь точки они и хорошо поступили, только я до сих пор не могу понять эту точку.

Странно, брат, весть о смерти Виссариона [5] сначала нисколько не поразила меня: я ждал ее; видел, как этот в высшей степени страстный человек стал ко всему равнодушен; его ничто не занимало, он примирился вполне с своим женатым положением, жаловался только на свое здоровье—и видимо гас. Последние месяцы тяжко было быть с ним. А теперь мысль, что уже нет его, вдруг обдает душу таким жгучим чувством, что задыхаешься. О журналах петербургских не считаю нужным писать тебе: они сделались чисто сборниками переводов с иностранного [6]. По всему видно, что ты еще не скоро сбираешься сюда — впрочем, сколько нам ни обещает наслаждения твое присутствие, поживи, брат, там до тех пор, пока можно; будет время отдохнуть от всех страшных дней, пережитых вами в последнее время. — Да, вот что: М. С. Щепкин просил меня напомнить Тургеневу об обещанной им комедии для его бенефиса. Но где теперь Тургенев? В Лондоне или Париже — не знаю [7]. Авось ты можешь проведать его жительство, и если проведаешь, то непременно передай ему поручение Михайла Семеныча, да немедленно, не откладывая.

Как мне ни хочется сделать это письмо сколько-нибудь интересным для тебя, но решительно не могу. Что, например, стану отвечать я на строки, присланные вами, Наталья Александровна? Долгим и грустным пожатием руки — больше нечем; но не могу не прибавить: «Eppur si muove!» *

Впрочем, ты не спеши торжествовать надо мною: если я так восставал на твои нападения на буржуазию, так только потому, что решительно не мог открыть, с какой точки ты нападаешь на нее. Такого рода нападения мне понятны были с точки зрения социалистов. Теперь события уяснили все теории: дело идет между собственностью и пролетариатом. События показали, что вопрос о буржуазии и народе был только построением теоретическим, неясным. Но об этом предмете — после.

Огарев уехал, наконец, в деревню, куда сбирался с зимы. Он до того влюблен, что стал совершенным брамином. А так как любовь его разделена, то я считаю положение его совершенно счастливым [8]. На днях ожидают сюда Марью Федоровну [9] — то-то будет вестей от вас!

Пока прощай! Жму вам от всего сердца руку, добрая Наталья Александровна.

Ваш В. Боткин

А где наш милый signor Paulo [10]? Ты в последнем письме пишешь об его отъезде, — но куда? На север или юг? Известите, пожалуйста. А если он еще с вами, то обнимите его за меня.

Наш маленький здешний кружок прибудет: в сентябре переедет в Москву Фролов [11]: один из лучших людей, каких мне случалось только встречать.

Грановский и Корш живут еще на даче; двадцать три версты от Москвы.

---

*«А все-таки вертится!» (итал.).

[1] Это письмо Герцена неизвестно.

[2] О скандальной истории, происшедшей в семье профессора Московского университета Н. И. Крылова; о вызванной этой историей отставке профессоров университета К. Д. Кавелина и П. Г. Редкина; об уходе из редакции «Московских ведомостей» Е. Ф. Корша — см. IV, 428 и V, 182—183.

[3] *Дмитрий Павлович*—Голохвастов, в 1847—1849 гг. попечитель Московского учебного округа, двоюродный брат Герцена.

[4] *Министр*—С. С. Уваров, в подмосковной усадьбе которого (Поречье) часто бывали профессора Московского университета.

[5] Белинский умер 26 мая 1848 г.

[6] После образования так называемого «комитета 2 апреля», учрежденного сверх обычной цензуры для надзора за всей литературой и искоренения крамолы, передовые русские журналы «Современник» и «Отечественные записки», лишенные возможности продолжать печатание произведений писателей «натуральной школы», вынуждены были заполнять номера по преимуществу переводной беллетристикой.

[7] И. С. Тургенев был в это время в Париже. Для бенефиса Щепкина он писал пьесу «Нахлебник» (V, 247).

[8] Боткин имеет в виду роман Огарева с Е. В. Салиас де Турнемир, урожденной Сухово-Кобылиной (Евгенией Тур).

[9] Марья Федоровна *Корш* находилась в это время в пути, возвращаясь из-за границы, куда уехала вместе с Герценом и его семьей.

[10] *signor Paulo* — Павел Васильевич Анненков. В письме к Грановскому и к Е. Ф. и М. Ф. Корш от 6 сентября 1848 г. Герцен писал: «Ан(ненков) хотел ехать 6, но остался, ибо 8, т. е. 26 августа, именины Наташи...» (V, 238).

[11] Николай Григорьевич *Фролов* (1812—1855). См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, по указателю.

3

16 сентября (1848 г.). Москва [1]

Марья Федоровна прислала мне сегодня письмо для отсылки его на почту (они живут очень далеко от нее), оно пойдет к вам в Париж; это сильно подстрекает меня сказать вам несколько слов. А главное, мне необходимо сказать тебе, что я считаю «Перед грозой» [2] — одними из превосходнейших страниц, какие мне случилось читать в моей жизни. Читая их, я несколько раз оставлял тетрадь и ходил по комнате, чтоб дать успокоиться слишком взволнованному чувству; часто я не мог продолжать чтение от слишком стремительной полноты наслаждения. Это превосходно! Под этим бы Дидро подписал свое имя. Читая эти немногие страницы, я как будто переживал в себе всю историю — и мне становилось то невыносимо тяжко, то отрадно. Никогда еще глубочайшие проблемы жизни и истории не были поставлены с такою неумолимою яркостию и упорством, и никогда еще содержание, доступное только самой отвлеченной диалектике, не принимало таких простых, общепонятных форм. Никто не предупредил меня в пользу этой статьи. Сатин, передавая ее мне, даже отнесся о ней очень равнодушно. Не знаю, может быть я увлекаюсь, может быть даже ошибаюсь, но верно то, что она возбудила во мне энтузиазм. Может быть, это оттого, что вопросы эти меня часто занимают и что я сошелся с тобою в их разрешении. Но как это написано, что это за язык, что за яркость мысли и выражения, — мне стыдно и очень неловко говорить тебе похвалы в глаза, но я не могу скрыть в себе моего энтузиазма, точно так же, как я не мог скрыть перед тобою моих нападок на твои письма из Avenue Marigny. С величайшим удовольствием прочел я твое письмо от 1 июня (исторический обзор событий 24 февраля) [3]. В нем не было ничего для меня нового, но оно превосходно по изложению, свойственному только одному тебе. Боже мой, Герцен, какой бы ты был журналист! Для меня до сих пор было высшим мастерством в этом роде — статьи Марраста [4] об иных заседаниях старой палаты, но теперь твои письма заслонили их. Не могу я только во всем согласиться с тобой касательно твоего письма от августа [5]. Я понимаю, что события слишком тяжко ложились на твою душу, чтоб можно было дать место философскому созерцанию, но, прости меня, в этом письме я не вижу основы, грунта.

Конечно, они есть там, но как чувство, как стремление, как совокупность всего, что есть лучшего и благороднейшего в современной природе человека. Ты напрасно причисляешь меня к партизанам bourgeoisie; никогда я им не был, и ничто так не противно мне, как дух и нравственность буржуазии. Я очень хорошо понимал нападения социалистов на буржуазию, но вне социализма эти нападения мне казались несостоятельны. Вне социализма — ка́к ни нападайте на нее, никак не выйдешь из cercle vicieux *. Мне казалось, ты нападал на нее вне социализма, и оттого я не мог открыть грунта в твоих нападках. Но об этом поговорим после [6]. Заметь, как ни плохо Национальное собрание, но оно очень бы радо было отделаться одними прекрасными чувствами, да теперь дело-то не в чувствах, а в практических учреждениях, в экономических расчетах. Ты знаешь слова Наполеона: «Ce que j'admire surtout c'est l'impuissance de la force à organiser quelque chose» **. Но полно. От всего этого мочи нет, — душно и тяжко, словно присутствуешь перед трагедиею, где все гибнет — и доброе, и злое.

Жму ваши руки от всего сердца.

В. Б.

Анненков уже в Петербурге.

Мне кажется, что цензура пропустит «Перед грозой». Во всяком случае, надобно будет дать ее цензору в рукописи [7].

[1] Год определяется содержанием письма.

[2] Статью «Перед грозой» Герцен переслал в Москву с М. Ф. Корш. Автографическая рукопись ее неизвестна.

[3] Первое письмо из цикла «Опять в Париже» от 1 июня 1848 г. (VI, 613—624). В нем описывается февральская революция 1848 г.

[4] Арман *Марраст* (1801—1852) — французский политический деятель и публицист. Боткин имеет, вероятно, в виду статьи Марраста в парижской газете «National», редактором которой он являлся.

[5] Третье письмо из цикла «Опять в Париже», от 28 августа 1848 г. (VI, 649—657).

[6] Отношение Боткина к той критике буржуазии, с которой выступал Герцен, вызывало со стороны Герцена иронические реплики. Так, например, в письме к московским друзьям от 2 августа 1848 г., рассказывая об июньских событиях, Герцен восклицал: «Все защитники буржуазии, как вы хлопнулись в грязь!» («А. И. Герцен. Новые материалы», цит. изд., стр. 46), а в письме от 6 сентября 1848 г. саркастически спрашивал: «Защищает ли Боткин буржуазию?» (V, 236).

[7] Статья «Перед грозой», как и другие статьи, составившие книгу «С того берега», в это время в России, разумеется, легально выйти не могла и впервые была издана на русском языке только в Вольной русской типографии в Лондоне в 1855 г.

---

* порочного круга (франц.).

** «Что меня особенно поражает — это бессилие власти организовать что-либо» (франц.).

ПАУЛИНА ВИЛЬКОНСКАЯ — ГЕРЦЕНУ

Публикация И. М. Белявской

Паулина *Вильконская* (1815—1875) — польская писательница, автор воспоминаний о жизни Варшавы сороковых годов, а также сентиментальных повестей. В начале пятидесятых годов Вильконская переехала в имение Секерки Познанского повета, откуда 30 мая 1863 г. и было послано публикуемое письмо. Оно являлось ответом на не известное нам письмо Герцена, к которому был приложен портрет одного из погибших участников восстания 1863 г., как явствует из письма Вильконской — русского. По всей вероятности, это был портрет А. А. Потебни: Потебня принимал активное участие в восстании и погиб в конце марта 1863 г. Из письма видно, что вместе с портретом Герцен прислал Вильконской какие-то статьи на русском языке. Этим объясняется просьба Вильконской выслать ей французский перевод. Вероятно, речь шла о лл. 161 и 162 «Колокола» (от 15 апреля и 1 мая 1863 г.): там были напечатаны краткое извещение о гибели Потебни и посвященная его памяти статья Огарева «Надгробное слово».

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 129).

Перевод с французского.

(Секерки. 30 мая 1863 г.)

Горячо благодарю вас, милостивый государь, за ваше любезное и сочувственное письмо, а также за портрет почившего героя. С умилением смотрела я на него — да будет благословенна эта братская кровь.

Избиение, истязания жертв, аутодафе и все эти ужасы, внушающие отвращение, множатся с каждым днем. Неужели милосердия более не существует?

Не зная русского языка, прошу вас, милостивый государь, не отказать в любезности выслать мне французский перевод. Я читаю по-немецки, а также немного по-английски, но все же отдаю предпочтение французскому языку.

Так как прусской полиции все кажется подозрительным, я просила вас писать адрес по-немецки. По той же причине адресую это письмо Трюбнеру и К⁰ через познанскую почту. Быть может, это покажется вам смешным, но, *обжегшись на молоке, дуют на воду* [1].

Примите, милостивый государь, уверения в совершеннейшем моем уважении.

Паулина Вильконская

30 мая 1863.

[1] У Вильконской бывали уже неприятности с полицией. Говоря о своих опасениях, Вильконская, по всей вероятности, имеет в виду следующее: в сентябре 1848 г. ее муж, писатель Август Вильконский, был арестован, а в 1851 г. получил предписание немедленно оставить Варшаву и Царство Польское. Именно после этого Вильконские и поселились в Секерках Познанского повета.

Н. А. ВОРМС — ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Об авторе публикуемых писем, участнике революционно-демократического движения шестидесятников, поэте Николае Александровиче *Вормсе* (1845—1870), мы не располагаем никакими биографическими сведениями, за исключением тех — скудных и не всегда достоверных, — которые находим в воспоминаниях Л. Е. Оболенского («Литературные воспоминания и характеристики». — «Исторический вестник», 1902, № 1, стр. 106—120). Л. Е. Оболенский — известный в свое время журналист либерально-народнического направления, друг молодости Вормса и его товарищ по гимназии.

В 1854 г. Вормс поступил в гимназию в Орле. В Орел он был привезен матерью из Севска, где отец его служил исправником. По свидетельству Оболенского, Вормс и в это время и позднее отличался «брезгливой сдержанностью и холодностью» по отношению ко всем, кроме немногих избранных, к которым принадлежал сам автор воспоминаний. «Среди толпы, — пишет Оболенский, — он жил совершенно уединенной жизнью, вечно погруженный в свои думы и в свои тетради» (стр. 111).

Мрачное настроение Вормса и его замкнутость особенно возросли под влиянием двух событий, которые произвели на него сильное впечатление. Когда ему было семнадцать лет, у него умерла мать; он «едва не сошел с ума». Вторым событием, тяжело отразившимся на душевном состоянии Вормса, было преследование со стороны классного надзирателя, невзлюбившего его. Вормс писал стихи, стараясь скрывать это от начальства. Заметив, что Вормс все время что-то пишет и тщательно запирает написанное, надзиратель решил произвести у него обыск. Вормс, в столе которого, кроме стихов, хранились интимные сувениры, напоминавшие ему о матери, отказался отдать надзирателю ключ от стола. Тогда надзиратель позвал двух сторожей и приказал им силою отнять у Вормса ключ, висевший у него на шее под одеждой. Что происходило далее, Оболенскому осталось неизвестным: то ли Вормса подвергли телесному наказанию, то ли наказание лишь угрожало ему. Во всяком случае, Вормс чрезвычайно болезненно пережил этот случай.

Гимназические порядки изменились с назначением нового, молодого директора, повидимому, испытавшего на себе воздействие передовых педагогических идей. Гимназисты начали издавать рукописный журнал, где помещали статейки, рассказы, стихотворения — и Вормс, наряду с Оболенским, был одним из наиболее усердных сотрудников.

Вскоре по каким-то причинам он перешел в черниговскую гимназию. Там он продолжал выпускать журнал и присылал номера Оболенскому. «Это был уже настоящий журнал с критикой, с общественной хроникой и даже с иностранной политикой. Вормс писал горячие статьи о Кавуре и Гарибальди, он зачитывался „Современником“ и тогдашними газетами» (стр. 120).

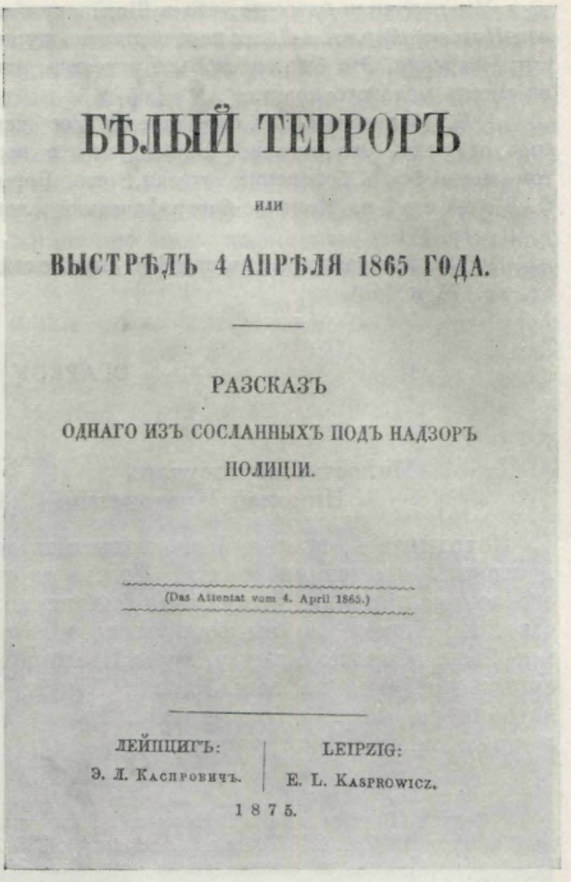
Вот то немногое, что рассказано о Вормсе в воспоминаниях Оболенского. Последующая жизнь Вормса нам очень мало известна.

В середине шестидесятых годов Вормс жил в Москве. В это время он относился резко отрицательно к существовавшим политическим порядкам. Уже в 1864 г. III Отделение заинтересовалось Вормсом, получив сведения о том, что он собирает в Москве средства для помощи ссыльным полякам (ЦГИА. Дело III Отделения, 1 эксп., 1863 г., № 23, ч. 611). Как выясняется из статьи Вормса, напечатанной

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СТАТЬИ Н. А. ВОРМСА «БЕЛЫЙ ТЕРРОР ИЛИ ВЫСТРЕЛ 4 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА»

Первоначально напечатана в «Колоколе» 1867 г., лл. 231—236

Титульный лист



БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ

ИЛИ

ВЫСТРѢДЪ 4 АПРѢЛЯ 1865 ГОДА.

РАЗСКАЗЪ

ОДНАГО ИЗЪ СОСЛАННЫХЪ ПОДЪ НАДЗОРЪ ПОЛИЦІИ.

(Das Attentat vom 4. April 1865.)

ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. Каспровичъ. | LEIPZIG: E. L. Kasprowicz.

1875.

в «Колоколе» под названием «Белый террор», он был связан с ишутинским кружком и, повидимому, лишь случайно уцелел во время массовых арестов, произведенных в Москве после покушения Каракозова на Александра II. В октябре 1866 г., когда процесс каракозовцев закончился, Вормс уехал за границу.

Литературная деятельность Вормса началась еще в России. Первым произведением его, появившимся в печати, было, насколько известно, письмо «Из Севска», напечатанное в № 33 «Современной летописи» Каткова за 1862 г. Позже Вормс сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Искре», «Модном магазине» и других журналах. Литературная деятельность Вормса не прервалась и после отъезда за границу. Он и оттуда присылал свои стихотворения в русские журналы.

Поселившись в Швейцарии, Вормс сблизился с русской эмиграцией. В «Колоколе», как мы уже упоминали, была напечатана его большая статья под названием «Белый террор», представляющая собою весьма ценный источник для изучения каракозовского дела. Не погрешив против требований конспирации, автор статьи сумел подробно охарактеризовать кружок Ишутина и революционную работу, проведенную кружком, а также в какой-то степени и отношение общества к делу ишутинцев. В заключение Вормс сообщал некоторые подробности о деле каракозовцев, разбиравшемся в Верховном уголовном суде. Эта часть статьи была основана на рассказах подсудимых, с которыми Вормсу удалось повидаться после процесса.

В 1868 г. Вормс серьезно заболел; болезнь заставила его на время оставить Швейцарию и переехать в Ниццу (XX, 164, 259). Однако это не помогло: болезнь Вормса прогрессировала, и в феврале 1870 г. он умер. 6 марта 1870 г. в № 64 «Санкт-Петербургских ведомостей» появилась краткая заметка:

«Мы получили известие, что в Швейцарии скончался молодой русский стихотворец *Николай Вормс*...» Далее перечислялись журналы, в которых Вормс помещал свои стихотворения. Это был, насколько известно, единственный в русской прессе отклик на смерть молодого поэта.

Л. Е. Оболенский (цит. соч., стр. 106) сообщает, будто Вормс умер двадцати одного года от роду. Это неверно: Вормс умер в возрасте двадцати пяти лет. В другом месте сам Оболенский указал, что Вормс родился в 1845 г. См. также: С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. VI, стр. 171.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 74 и 140).

1

ОГАРЕВУ

Veytaux-Chillon
1866 г. $\frac{20}{8}$ декабря

Милостивый государь
Николай Платонович!

Потрудитесь, пожалуйста, известить меня, к какому числу я должен доставить окончание статьи «Белый террор»? [1] Я до сих пор не писал его по той причине, что у меня болели пальцы, отмороженные еще в детстве. Не можете ли вы возвратить мне рукопись первой половины, что мне было обещано Александром Ивановичем? Повторяя еще раз просьбу скрыть мое имя не только от публики, но и от лиц, заслуживающих доверие редакции «Колокола»[2], прошу вас принять уверение в совершенном моем к вам уважении.

Н. Вормс

[1] Статья Вормса «Белый террор» была напечатана в «Колоколе», лл. 231-232 от 1 января 1867 г., 233-234 от 1 февраля и 235-236 от 1 марта того же года.

[2] «Белый террор» напечатан за подписью «Один из сосланных под надзор полиции». Вормс в ссылке никогда не находился, и подпись эта была придумана с конспиративной целью.

2

ОГАРЕВУ

Veytaux-Chillon
1867 г. 12 января

Ваши замечания, многоуважаемый Николай Платонович, я нахожу совершенно справедливыми. Действительно, фразы, помеченные вами, не только не идут к делу, но могут сильно вредить. Но о фразах и каких-нибудь ничтожных эпизодах я и не толкую, что было бы слишком мелочно-самолюбиво с моей стороны. Я только боюсь, чтобы вы не опустили факта, повидимому мелкого, но, в сущности, довольно крупного, пройти молчанием который невозможно, например «о добровольно политических». Фамилий их я не называю — не к чему, но вам сообщу две, принадлежащие самым ярким и выдающимся личностям: Воронкова и m-me Шарль. Из них первая обвиняла себя в подговариваньи на убийство Муравьева, другая выдала чемодан, зарытый возле ее дачи, с книгами Худякова и Малинина (к счастью, бумаги и переписку сожгли) [1]. Это безобразно-карикатурные личности, выдающие себя за нигилисток, эмансипированных женщин и пр., пр., были посмешищем и того кружка, к которому они прикомандировали себя. И много наберется подобных «незаметных» фактов. Стихи за *доказательство* быть приняты не могут даже русским правительством: мало ли пишется стихов, и если пишу их и я, то это не может доказывать, что стихотворение «К К.» написано именно мною.

Но за новую улику или, верней, за указание они могут быть приняты. И потому, если вы находите, что они ничего не прибавляют и не убавляют и не придают ничего статье, то исключите их [2]. Рассказ о «наделистах»— совсем иное дело. Он не вымышлен как факт, и даже не вполне передает содержание действительно ходившего в народе слуха, и крайне важен как выражение народного понимания. Может быть, он и пущен в ход лицом не из простонародья, но я этого положительно не знаю; важно и то, что рассказ этот прошел в массу именно в день 3 сентября, а не раньше [3]. О поступке Ник⟨олаева⟩ [4] я иначе не мог высказаться; совершенно тождественно со мною высказывались и лица, подлежавшие Верховному

ДОМ НА УГЛУ ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ И ЦВЕТНОГО БУЛЬВАРА В МОСКВЕ (теперь № 2). ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИЛИ ВСТРЕЧИ ЧЛЕНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППЫ Н. А. ИШУТИНА и Д. В. КАРАКОЗОВА

Фотография 1926 г.

Музей революции, Москва

уголовному суду, с которыми я виделся перед отъездом из России *. Петерсон возмутительно гадок [5]; в отношении к подобным лицам не следует церемониться, в особенности, если они могут вредить, а ведь Петерсон на свободе. Дело бы вообще не раскрылось и настолько, насколько оно раскрыто, если бы не Ермолов, Мотков и Дм. Иванов [6]. Мотков хуже Ермолова и Иванова, что уже вам известно. Но надо заметить, что до Вс. Костомарова никто не доходил [7]. Говорить так, как я говорил об этих людях, меня заставила необходимость, неизбежная и неотразимая. Для меня это было очень уяснено: всех их я знал, с некоторыми был довольно близок. Я также и о заговоре должен был сказать и *доказать*, что его не существовало: причина слишком очевидная. Заключительные строки необходимы для замаскировки [8]. Я был совершенно искренен, говоря о крайней литературной слабости моей статьи. Дело в том, что переписка для меня убийственная вещь, и я не мог писать «Белый террор» начерно и поработать над ним. Но, зная мою слабую

* Они-то и сообщили мне всю вторую половину «Белого террора», которая еще не напечатана и у вас находится. — *Примеч. Н. А. Вормса.*

грудь, которая, вдобавок, болела в те дни, когда я писал «Белый террор», и которая удивительно скоро утомляется до дурноты, вы извините мне недостатки этой статьи и исправите, где нужно, слог, может быть непозволительно хромающий... Я нахожу, что редакции «Колокола» необходимо в конце статьи, где говорится о 3-й категории [9], сделать серьезный запрос и правительству, и тем людям, которые могут сообщить об участи этой категории, что сделали с ней? Очевидно, что теперь уже «comedia finita» * во всяком случае и что большинство освобождено, но что же сделано с меньшинством? Я не упомянул фамилии, например, Шарова [10], чрезвычайно хорошей личности, которого комиссия решила «упечь» (это сказал Поздняк [11] Плещееву, которого после допроса по делу о музыкально-литературных утрах в Артистическом клубе [12] он пригласил к себе обедать), Киндякова [13], Колачевского [14], Шредера [15] и очень многих других, чисто из боязни скомпрометировать их (есть причины). Я о многом *должен* был умолчать. В самом выборе фактов я был очень осторожен, сообщая только полученные из очень верных и непосредственных источников. Я желал бы видеть корректуры: Александр Иванович присылал мне. Впрочем, особенной нужды в этом не вижу и убедительно прошу не стесняться. Послезавтра перебираюсь в Веве. К Мечникову [16] я не заходил, так как не знаком с ним и не знаю, захочет ли он моего знакомства. Слухи о том, кто автор «Белого террора», вряд ли могут далеко пойти: меня никто не знает, а говорит один только Веньери [17].

До свиданья, будьте здоровы и верьте искренней преданности.

Н. Вормс

P. S. Теперь мой адрес следующий: Vevey, rue du Lac, № 35, pension Borel-Giroud.

[1] О таких «добровольно политических» Вормс в своей статье писал: «В мирное время они сгорали не менее пламенною жаждой попасть в так называемые нигилистки, для чего и совершали разные изумительные деяния, достойные кисти гг. Клюшникова и Стебницкого». После же покушения Каракозова «сами обвиняли себя в ужасных замыслах и в небывалых преступлениях» («Колокол», л. 235-236, стр. 1930).

Юлия Александровна *Воронкова* привлекалась к дознанию по каракозовскому делу за участие в Обществе взаимного вспомоществования, не разрешенном властями, и была выслана из Москвы. — София *Шарль-Функ*, вдова чиновника, привлекалась к дознанию по тому же делу и была отдана под негласный надзор полиции.

Иван Александрович *Худяков* (1842—1876) — видный революционер середины шестидесятых годов, автор работ по фольклору и по истории, имевших пропагандистский характер Он возглавлял в Петербурге студенческий кружок, находившийся в сношениях с московским кружком Ишутина. Худяков привлекался по каракозовскому делу и был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь; ссылку отбывал в Верхоянске.

Орест Владимирович *Малинин* — член ишутинского кружка, привлекался по каракозовскому делу, был приговорен к ссылке в Сибирь. Отбывал ссылку в Енисейской губ. В 1870 г. получил разрешение возвратиться в Европейскую Россию, а в 1872 г. был освобожден от полицейского надзора.

[2] Стихотворение, о котором идет речь, в «Колоколе» напечатано не было.

[3] *«Наделисты»* — искаженное и переосмысленное слово «нигилисты». Вормс приводил в своей статье рассказ одного своего приятеля, присутствовавшего при казни Каракозова на Смоленской площади в Петербурге. По словам этого приятеля, один из рабочих, тоже присутствовавших при казни, говорил ему: «Есть, братец ты мой ⟨...⟩ сехта такая, и называется она наделистами, значит всех наделить землей хочет» («Колокол», л. 233-234, стр. 1909).

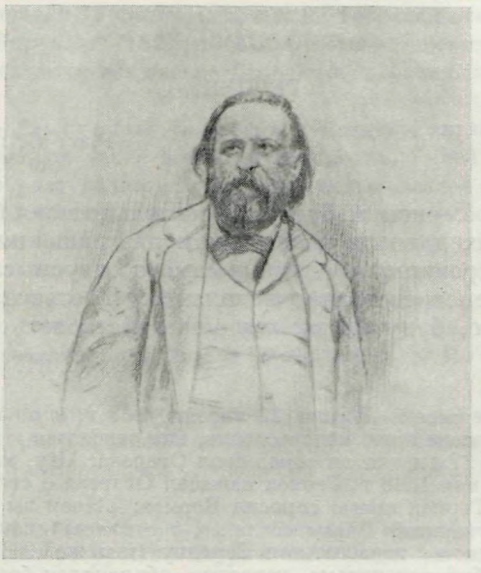
[4] Про Н. Ф. *Николаева*, судившегося по делу каракозовцев и осужденного Верховным уголовным судом на 12 лет каторжных работ, Вормс рассказывал, что он смело излагал на суде свои революционные убеждения. «Поступать так, как поступал Николаев, — писал по этому поводу Вормс, — значит собственными руками выдавать себя врагам и завязывать петлю на своей шее ⟨...⟩ Гораздо доблестнее уйти от врагов, вырваться здравым и невредимым из их лап...» («Колокол», л. 233-234, стр. 1911).

* «комедия окончена» (итал.).

[5] Подсудимый Николай Павлович *Петерсон* (1844—1919) действительно давал откровенные показания и был приговорен к шестимесячному заключению в крепости; срок заключения был сокращен, и 2 декабря 1866 г. Петерсона освободили. Впоследствии он стал судебным деятелем.

[6] Откровенные показания давали многие из каракозовцев, в том числе подсудимые, перечисленные Вормсом.

Петр Дмитриевич *Ермолов* (1845—?) как член террористической группы «Ад» был приговорен к каторжным работам на десять лет; по отбытии каторги был переведен на поселение в Якутскую область; в 1884 г. ему разрешили возвратиться в Европейскую Россию. Осип Антонович *Мотков* (1846—1867) был приговорен к работам в крепостях на четыре года. Дмитрий Львович *Иванов* (1846—?) был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь; ссылка была заменена отдачей в солдаты; впоследствии Иванов сделался видным геологом.



ГЕРЦЕН

Офорт М. В. Рундальцева, 1905 г.

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

[7] Всеволод Дмитриевич *Костомаров* — предатель, сыгравший гнусную роль в судебных процессах М. Л. Михайлова и Н. Г. Чернышевского: он выступил в качестве лжесвидетеля и изготовил подложные документы, на основании которых Чернышевский был приговорен к каторжным работам.

[8] В заключение своей статьи Вормс, желая помешать правительству установить, кто был подлинным автором статьи «Белый террор», утверждал, будто ему предстоит ссылка в «гиперборейские страны» («Колокол», л. 235-236, стр. 1931). См. примеч. 2 к письму № 1.

[9] Лица, привлеченные к дознанию по делу Каракозова, были по степени виновности разделены на три категории. В третью категорию включили арестованных, не подпавших под Верховный уголовный суд «по неважности обвинения»; дела их были разрешены в административном порядке.

[10] Иван *Шаров* — бывший студент Московского университета, привлекавшийся к дознанию по делу каракозовцев, но от ответственности освобожденный.

[11] *Поздняк* или *Позняк* — член московской следственной комиссии по делу каракозовцев. Вормс так характеризовал Позднякa: «...самый злостный и более всех остальных образованный сыщик-следователь. Он прошел огонь и воду; был *либералом* — рекомендация вполне достаточная» («Колокол», л. 231-232, стр. 1892).

[12] В феврале 1866 г. в зале Артистического клуба состоялось литературно-музыкальное утро, устроенное в пользу бедных студентов Петровской земледельческой академии; в числе других выступали поэт А. Н. Плещеев (один из распорядителей клуба), драматург А. Н. Островский и артист Пров Садовский. Во время следствия по делу каракозовцев члены ишутинской «Организации», студенты Петровской академии Ф. В. Борисов и А. Е. Сергиевский, показали, будто сбор с литературно-

музыкального утра поступил в кассу «Организации». Показания Борисова и Сергиевского вызвали особое расследование, но следственной комиссии не удалось найти подтверждения этим показаниям.

[13] Петр *Киндяков* — студент Московского университета; привлекался к дознанию по делу каракозовцев за участие в Обществе взаимного вспомоществования, организованном ишутинцами; был от взыскания освобожден.

[14] Андрей Николаевич *Колачевский* привлекался к дознанию по тому же поводу, что и Киндяков, и был отдан под негласный надзор полиции. В 1869 г. Колачевский был арестован по нечаевскому делу и предан суду, но по недостатку улик оправдан. В 1888 г. он издавал в Москве либерально-народнический журнал «Эпоха»; в том же году он умер.

[15] О *Шредере* никаких сведений найти не удалось

[16] Вормс имеет в виду Л. И. *Мечникова*; о нем см. ниже в настоящем томе.

[17] *Веньери* — ницкий знакомый Герцена, упоминания о котором см. XX, 129, 130, 197, 264 и 268.

3

ГЕРЦЕНУ

Place Grimaldi, 5, au troisième
‹до 22 апреля 1868 г.›

Я прошу вас, г. Герцен, избрать относительно меня более прямой путь, т. е. вместо тайных доносов посредством разглашения о нашем знакомстве всякому встречному болтуну самого двусмысленного свойства, донести на меня непосредственно начальнику Третьего Отделения: тогда я, по крайней мере, буду знать, *как* мне действовать [1].

Н. Вормс

[1] Герцен получил письмо Вормса 22 апреля 1868 г. и на него не ответил (XX, 259—260). Однако Герцена живо интересовало, как относятся к этому письму русские эмигранты в Женеве. 27 апреля он спрашивал Огарева: «Ну, как вы рассудили дело Вормса?» (там же). 1 мая 1868 г. Герцен извещал Огарева о своей случайной встрече с Вормсом в Ницце. Герцен прямо спросил Вормса: «Зачем вы пишете мне глупые и наглые письма?» Смущенный Вормс сослался в ответ на информацию, полученную им от какого-то русского, неизвестного Герцену (там же, 266).

Недопустимо грубый тон письма, вероятно, объяснялся болезненным состоянием Вормса. Герцен, возмущенный этим письмом, высказывал предположение, что Вормса натравливает на него какой-нибудь провокатор (там же, 260).

Кого имел в виду Вормс, говоря о «болтуне самого двусмысленного свойства», выяснить не удалось.

Г. Н. ВЫРУБОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. П. Анциферова

В собрании сочинений Герцена напечатано восемнадцать писем его к Григорию Николаевичу *Вырубову* (1843—1913). Ответные письма в печати не были известны. Ниже публикуются два письма Вырубова, сохранившиеся в «пражской коллекции».

Г. Н. Вырубов — буржуазный философ и публицист, активнейший проповедник позитивизма. Из России он уехал в ранней молодости, в 1864 г., во Францию, где впоследствии (в 1889 г.) натурализовался. Герцен познакомился с двадцатидвухлетним Вырубовым в ноябре 1865 г. в Женеве при следующих обстоятельствах: Вырубов вместе со своим другом, Е. В. де Роберти, написал брошюру «Несколько слов о положительной философии» и послал ее Герцену. Герцен, прочитав брошюру и приглашая Вырубова к себе, писал: «...Одно право на будущее России — ненужность христианства —вы наметили, а социальный быт пропустили; за что же, говоря о Добролюбове очень хорошо и справедливо, вы забыли Чернышевского? Но об этом при свиданьи» (XVIII, 247).

Так началось знакомство Герцена с Вырубовым, продолжавшееся — и в форме личных встреч, и в форме переписки—в течение всех последних лет жизни Герцена, хотя и с большими интервалами (переписка относится, главным образом, к 1867—1869 гг.).

В 1867 г. основным вопросом, который обсуждался в письмах Герцена к Вырубову, был вопрос о научно-литературных и журнальных замыслах молодых флорентинских ученых и сына Герцена —Александра Александровича. Герцен рекомендовал флорентинской группе объединить свои усилия с парижской и организовать общий орган. Вырубов, однако, фактически уклонился от этого и основал (совместно с Литтре) свой журнал позитивистского направления. Дальнейшая переписка свидетельствует о весьма резких идейных разногласиях Герцена и с самим Вырубовым, и с его журналом.

В литературе уже указывалось, что «Воспоминания» Вырубова, опубликованные в «Вестнике Европы» (1913, №№ 1—2), дают весьма тенденциозное освещение личности, взглядов и деятельности Герцена, выдержанное в либерально-позитивистском духе. В частности, публикуя в составе своих воспоминаний письма Герцена, Вырубов безоговорочно трактует их как свидетельство самых близких отношений с Герценом «до самого конца его, увы, слишком короткой жизни» («Вестник Европы», 1913, № 1, стр. 57).

Однако, сопоставив это утверждение с отзывами Герцена о Вырубове в письмах к третьим лицам (Огареву, А. А. Герцену, Бакунину), легко убедиться, что, несмотря на внешне дружественные отношения, никакой идейной близости между Герценом и Вырубовым не было. «Французом и доктринером» неоднократно называет Герцен Вырубова в письмах к Огареву и к сыну (XX, 17, 18 и 24).

В июле 1868 г., прочитав статью Вырубова «Paris et Londres», Герцен сказал о ней: «Что за колоссальная пошлость» (XXI, 19). В том же 1868 г., в ноябрьском номере французского «Колокола» Вырубов в письме в редакцию протестовал против наименования «нигилист», данного ему Герценом в одной из статей (Герцен употреблял это слово по-своему: сторонник атеизма и социализма). «...Дружба ‹с Вырубовым›, вероятно, кончится: я его помял», — писал по поводу этого инцидента Герцен сыну

и дочери (XXI, 183). 26 января 1869 г. Герцен пишет Вырубову, что во многом с ним не согласен (XXI, 276). Особенно резко отзывался Герцен о Вырубове осенью 1869 г. «С Вырубовым (...) поспорил до колкостей. Он, т. е. Вырубов, просто ненавидит все русское и унижает в глазах французов», — пишет Герцен 28 августа 1869 г. (XXI, 432). О том же см. в письме от 6 октября 1869 г. (XXI, 498). Герцена возмущал Вырубов, который в раскаленной, предгрозовой обстановке Парижа накануне 1870—1871 гг., как истый филистер, «всем доволен, все объясняет, все понимает, ни в чем не сомневается, ни о чем не печалится» (XXI, 502). «Вырубов,—пишет Герцен, — меня не тешит, а бесит (...), он доктринерством съел свое сердце и к окружающему относится как адвокат или прокурор. Минутами он мне ненавистен» (XXI, 509).

Приведенные отзывы Герцена о Вырубове показывают, что принимать «Воспоминания» Вырубова за документ, точно воспроизводящий существо взаимоотношений автора с Герценом, нельзя. Напротив, необходимо исследовать и критически проверить «Воспоминания», а это станет возможным лишь в том случае, если будут обнаружены все ответные письма Вырубова.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 75).

1

Париж, 23 июня 1867

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Извините, что так долго не отвечал, но был совершенно болен, даже отчасти опасно болен. Нарыв в горле, кроме того что причинял жестокую боль, отгонял и сон и всякую возможность есть что бы то ни было. Вследствие этого я теперь чрезвычайно слаб, едва волочу ноги.

То, что вы сообщаете мне о позитивном журнале во Флоренции, как можете себе представить, весьма меня интересует [1], и я с нетерпением жду г-на Baum-Ritter'a [2], чтобы потолковать об этом поподробнее. Очень буду рад, если можно будет слить это с нашим предприятием и не делать друг другу конкуренции.

Печатать наш журнал в Женеве не представляется никакой возможности [3]: мы теперь печатаем в Versailles, и то встречаются уже затруднения всякого рода в пересылке корректур и проч. Первый наш номер от всех этих затруднений опоздает даже несколькими днями.

Очень сожалею, что вы уезжаете 1-го июля [4], потому что мне прежде первых чисел выехать отсюда никак нельзя; надо выпустить журнал, а хотелось бы пожать вам руку и потолковать с вами.

Лугинина [5] давно я не видел, не знаю решительно, что он делает. К нему приехал отец; он, вероятно, водит его dans les monuments *, впрочем, он, кажется, до августа, во всяком случае, не возвращается в Россию.

Много благодарю за присылку «Колокола»; ваш отзыв о выстреле мне очень понравился [6], лучше об нем ничего нельзя было сказать.

Как только выйдет наш номер (обратите в нем внимание на политическую статью Littré [7]), пришлю вам его в Женеву; если вас там уже не будет, вы, вероятно, распорядитесь, чтобы вам его прислали куда следует. Напишите, пожалуйста, ваш адрес во Флоренции. Простите за бессвязность и короткость письма, но так слаб, что не могу продолжать.

Искренно уважающий вас

Г. Н. Вырубов

---

* по достопримечательностям (франц.).

Г. Н. ВЫРУБОВ
Фотография 1866 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] В письме от 17 июня 1867 г., на которое отвечает Вырубов, Герцен сообщал, что несколько молодых людей собираются издавать во Флоренции новый позитивистский журнал, под редакцией Габриэля Моно. В связи с этим он и спрашивал Вырубова, начинавшего издавать с Литтре в Париже журнал «Revue de la Philosophie positive», не возникнет ли конкуренция между обоими органами и не целесообразно ли будет слить их в один (XIX, 368—369).

[2] О *Baum-Ritter'e*, «милом и очень больном поляке», с которым Герцен незадолго до того отправил Вырубову записку, в переписке Герцена сохранилось несколько беглых упоминаний.

[3] В том же письме от 17 июня 1867 г. Герцен рекомендовал Вырубову перенести печатание «Revue de la Philosophie positive» в Женеву, оставив редакцию в Париже, так как опасался, что журнал может подвергнуться репрессиям со стороны французского правительства.

[4] Герцен сообщил Вырубову, что уедет из Женевы не ранее 1 июля (XIX, 370).

[5] В. Ф. *Лугинин* (1834—1911) — один из организаторов Гейдельбергской читальни; в шестидесятых годах близкий знакомый Герцена и Огарева.

[6] Речь идет о статье Герцена в «Колоколе», л. 243 от 15 июня 1867 г. — «Выстрел 6 июня», по поводу покушения Березовского на Александра II (XIX, 351—352).

[7] П.-М.-Э. *Литтре* (1801—1881) — французский ученый-позитивист (философ, филолог, историк), популяризатор и издатель сочинений Огюста Конта.

2

Париж, 5 апреля 1869

Любезный Александр Иванович!

Весьма радуюсь вашему намерению съездить хоть на рекогносцировку в Брюссель; радуюсь, во-первых, потому, что вы проездом, вероятно, будете в Париже, и я, следовательно, вас хоть мельком увижу, а, во-вторых, потому, что рекогносцировка, вероятно, убедит вас в удобообитаемости бельгийской столицы и побудит вас основаться в нашем соседстве (отсюда в Брюссель всего часов семь езды). Что касается до климата, то он, действительно, хуже парижского, т. е. холоднее, но, по наведенным справкам, оказывается, что тиф и другие эпидемические болезни там вовсе не так часты и не так страшны [1].

Вы не пишете, когда именно собираетесь туда; знаю только, что вы 20 апреля едете в Геную, но куда оттуда — никак не мог разобрать. Если вы пробудете некоторое время в Генуе, дайте ваш адрес, на тот случай, что придется писать.

Вы прекрасно сделали, что протестовали в русских газетах против нелепого слуха о вашем возвращении в Россию через отца Раевского [2]; надо, впрочем, сказать правду, что слух этот выдумали венские, а не русские газеты. Мне вчера рассказывал один господин, на днях из Вены вернувшийся, что там какая-то газета в подробности рассказывала своим читателям, в какой именно гостинице вы останавливались, в каком трактире обедали и сколько раз были в посольстве. Совершенно не постигаю, на чем основан этот фантастический рассказ.

Я в последнем письме своем не отвечал на ваш вопрос относительно Бальера [3], потому что его не было в Париже и что вернулся он только дня три назад из Италии. До сих пор я его еще не видал; как только увижу, передам вам его ответ. Сообщите, о чем приблизительно идет речь в том, что вы хотите издать, — специально ли о 48 годе или вообще о разных материях; он, вероятно, это спросит; ваше желание писать в «Revue moderne» [4] едва ли принадлежит к числу выполнимых. Kératry, ее редактор, вращается в клерикальной партии. Два раза был я у него по делу и два раза нашел в его кабинете одних попов. На днях принял он статью одного моего знакомого, и статью уже начали печатать, но один из аббатов, окружающих Kératry, нашел ее слишком вольнодумною, и статья не была напечатана. «Revue des Deux Mondes» скорее подходяще, тем более, что «Revue moderne», как ходят слухи, держится на ниточке. У Buloz'a [5] сохранилось известное благочиние в форме, известное спокойствие слога, можно обо всем говорить.

Тургенев [6] был здесь на несколько дней и был с поклоном у отца Литтре; он как-то в последнее время вместе со своим приятелем Viardot [7] пускается в философию. Я его не видал, да, признаться, не имею никакого особенного желания видеть. Говорят, что мудрый Корш [8] тоже тут — вероятно, зайдет ко мне; он, не знаю почему, ко мне очень расположен и писал несколько раз весьма чувствительные письма.

Очень рад, что микроскоп вам понравился; не беспокойтесь о платеже; когда-нибудь заплатите, всего лучше проездом через Париж, если не получите вексель до вашего отъезда из Ниццы. Получили вы, наконец, книгу Наке [9]? Он за нее, как вы уже, вероятно, видели из газет, просидит четыре месяца. Получили вы номер брюссельской «Liberté», который я вам давно уже послал? Лугинин здесь, усердно работает в лаборатории с девяти часов утра и до самого позднего вечера, вследствие чего я его весьма редко вижу. Он поручил мне вам кланяться.

Мой усердный поклон вашей дочери. Скажите ей, если она беспокоится, что следы вариолид [10] пройдут непременно — это только дело времени. Мое почтение Нат. Ал. Огаревой и искренний привет вашему сыну, когда его увидите. Убедите его побывать в Париже, хотя он и не любит французских физиологов; он найдет здесь немало интересных для него вещей. Крепко жму руку.

Искренно преданный вам
Г. Н. Вырубов

[1] В письме от 29 марта 1869 г., на которое отвечает Вырубов, Герцен писал ему о своем намерении отправиться «к лету на рекогносцировку в Брюссель», где он собирался обосноваться. Герцен выражал опасение, что в Брюсселе «климат больно скверен и вечные лихорадки и тифы» (XXI, 348).

[2] В том же письме Герцен спрашивал Вырубова, читал ли тот провокационную статью в «Биржевых ведомостях», № 44 от 1869 г., в которой сообщалось, будто Герцен через священника русского посольства в Вене Раевского хлопотал о разрешении возвратиться в Россию. 14 марта 1869 г. эта же газета опубликовала опровержение, при-

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА НА 1857 ГОД». ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ:

«Мальвиде в знак памяти от издателей»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

сланное самим Герценом (XXI, 333—334. См. также «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150).

[3] Г. *Бальер* — парижский издатель.

[4] «*Revue moderne*» — парижский журнал, начавший выходить в 1868 г. под редакцией Эмиля *Кератри* (1832—1905) взамен журнала «Revue germanique».

[5] Франсуа *Бюлоз* (1803—1877) — издатель известного парижского журнала «Revue des Deux Mondes».

[6] И. С. Тургенев.

[7] Луи *Виардо* (1800—1883) — французский литератор, муж Полины Виардо.

[8] Валентин Федорович *Корш* (1828—1893) — редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», в которых в течение долгого времени сотрудничал Вырубов.

[9] Речь идет о книге французского ученого и политического деятеля Альфреда *Наке* (1834—1916) «Religion, propriété, famille», 1869, за которую французским правительством он был пожизненно лишен гражданских прав и приговорен к тюремному заключению. Письмо Наке к Герцену с приглашением участвовать в Женевском конгрессе Лиги мира и свободы напечатано в «Вестнике Академии наук», 1945, № 1-2, стр. 24—25.

[10] *Вариолид*, правильнее *вариолоид* — форма натуральной оспы, в наиболее легких случаях похожая на ветряную. О болезни Н. А. Герцен (дочери) см. в декабрьских письмах Герцена к Огареву за 1868 г. (XXI, 241 и след.).

И. С. ГАГАРИН — ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. П. Анциферова

Автор публикуемого письма, Иван Сергеевич *Гагарин* (1814—1882) — эмигрант, попавший под влияние католицизма.

Гагарин принадлежал к той части русской аристократии, которая находилась в оппозиции к самодержавно-бюрократическому правительству.

2 ноября 1844 г. Герцен записал у себя в дневнике: «Гагарин-католик сделался иезуитом; он хочет натурализироваться во Франции и потом, сделавшись священником, возвратиться в Россию ⟨...⟩ Русский, развивающийся до всеобщих интересов, готов схватиться за всякий вздор, чтоб заглушить только страшную пустоту» (III, 358). По позднейшему выражению Герцена, Гагарин «бежал в католицизм, чтобы не задохнуться» в николаевской России (X, 249).

Гагарин, происходивший из родовитой дворянской семьи, начал свою деятельность на дипломатическом поприще — сперва в Вене, а потом в Мюнхене, где сошелся с Шеллингом. Большое влияние оказал на него П. Я. Чаадаев; сближение с Чаадаевым определило весь дальнейший жизненный путь Гагарина. В Петербурге он общался с Пушкиным и знакомил его с поэзией Тютчева; в конце тридцатых годов примкнул к оппозиционному «кружку шестнадцати», к которому принадлежал и Лермонтов.

В те годы Гагарин был противником крепостного права и деспотического николаевского режима. Но, размышляя о судьбах родины и о служении ей, Гагарин, представитель космополитических традиций русской знати, не знал России и был глубоко чужд русскому народу. Характерно прозвище Гагарина в светском кругу: «Парижанин».

То обстоятельство, что отдельные представители образованного дворянства в России увлекались католицизмом, не могло не заинтересовать Герцена. Католицизм совершенно чужд не только русским, но и большинству славян — таково было глубокое убеждение Герцена. О П. Я. Чаадаеве и В. С. Печерине, которые ошибочно усматривали в католицизме силу, способную помочь освободительной борьбе, Герцен в 1864 г. писал как о «людях, отчаявшихся в России», с которыми, по его словам, можно было «сходиться» лишь в одном — «*в осуждении императорского режима, установившегося при Николае*» (XVII, 233).

Интерес Герцена к оппозиционному течению в среде русских католиков-аристократов отразился в повести «Долг прежде всего». В этой повести Герцен описал типичного для своего времени молодого богатого дворянина Анатоля Столыгина, обращенного польскими иезуитами в католичество. Объясняя причины «обращения» Столыгина, Герцен пишет: «...В русских я камнем не брошу — они могут с отчаяния идти в католицизм, пока в России не начнется новая эпоха» (VII, 463—464).

В литературе не раз указывалось, что в образе Анатоля Столыгина отражены некоторые черты личности и биографии В. С. Печерина (см., напр., в предисловии Ю. А. Красовского к публикации ранней редакции «Долга прежде всего», в «Лит. наследстве», т. 61, стр. 27). Мы, со своей стороны, думаем, что в образе Столыгина обобщены также и некоторые характерные особенности личности и жизненной судьбы И. С. Гагарина.

Причины, вызвавшие переход в католичество героя герценовской повести Столыгина и московского знакомого Герцена — Гагарина, вполне совпадают. «Понять можно, — записал в своем дневнике 8 января 1843 г. Герцен, имея в виду И. С. Гагарина: — аристократ, вероятно, не получивший серьезного образования (как Анатоль Столыгин. — *Н. А.*), ни сильного таланта, между тем, ум и горячее сердце, — бог привел взглянуть на Францию, на Европу. Дома-то черно, страшно. Путь человечества неизвестен. Основные, краеугольные начала современного взгляда, автономия разума, история — terra incognita. А тут случайная встреча с иезуитом, с безумным католиком; перед непривычным глазом развертывается в первый раз учение, мощно развитое из своих начал (которые вперед втесняет своим авторитетом), — и удивленный человек предается вымершему принципу» (III, 89).

Таков и Анатоль Столыгин. Но на этом сходство биографий Гагарина и Столыгина не кончается: герой повести Герцена был обращен в католицизм польским графом, носящим имя *Ксаверия*; Гагарин же был обращен графом *Ксаверием* Браницким, членом «кружка шестнадцати».

Об интересе Герцена к «кружку шестнадцати», отразившемся в повести «Долг прежде всего», свидетельствует, быть может, также и самый выбор фамилии для героя повести — *Столыгин* (А. А. Столыпин — друг Лермонтова, видный член этого кружка).

В 1860 г. Гагарин напечатал в парижском журнале «Correspondant» известное «Философическое письмо» Чаадаева и отправил оттиск Герцену. В письме от 21 июля 1860 г. Герцен благодарил Гагарина за этот подарок («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 308). Через два года, выпустив в свет избранные сочинения Чаадаева, Гагарин также послал их Герцену, сопроводив публикуемым ниже письмом. 19 июня 1862 г. Герцен снова поблагодарил Гагарина, отметив, что книга доставила ему «истинное удовольствие» (там же, стр. 306—310).

Этим и завершились отношения Герцена с эмигрантом-иезуитом Гагариным. Как признавал сам Гагарин в публикуемом письме, его и Герцена «разделяла бездна».

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 76).

Paris, 18, rue de Portes.
11 juin 1862

Милостивый государь
Александр Иванович,

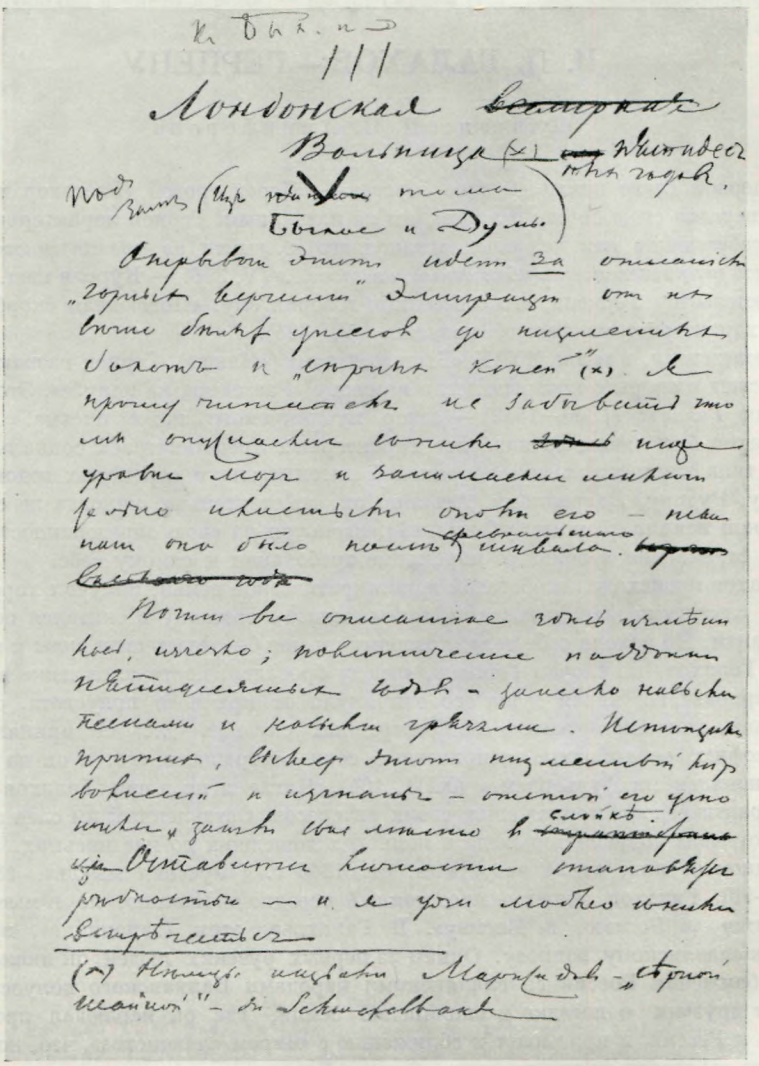
Честь имею известить вас, что я сегодня отправляю по почте на ваше имя вчера вышедшие в свет избранные творения Чаадаева [1]. Чтобы читатель мог бы поближе познакомиться с этою примечательною личностию, я приложил к книге портрет [2] нашего общего покойного друга. Я имею несколько экземпляров этого портрета на большой бумаге; вам, может быть, будет приятно иметь этот портрет, а мне очень приятно будет доставить черты Петра Яковлевича. Только я опасаюсь, чтобы не повредить гравюры, если ее свернуть; по этой причине я прошу вас дать мне знать, нельзя ли вам ее доставить каким-нибудь другим способом; например, нельзя ли ее передать кому-нибудь в Париже с тем, чтобы она была к вам доставлена при удобной оказии [3].

Я знаю, какая бездна нас разделяет, но память Чаадаева и искренняя ваша и моя дружба к нему служат между нами звеном и, как мне кажется, если поближе приглядеться, не единственным; нападая на все гадкое и мерзкое, вы делаете дело благое и богоугодное, а если вы иногда и стреляете на то, что не заслуживает ваших упреков и вашего негодования, я убежден, что это происходит оттого, что дым и пыль сражения, оттого, что отдаление не позволяют вам разобрать разные знамена. Поэтому прошу вас не почитать пустою фразою уверение моей к вам душевной преданности и глубокого сочувствия.

Иван Гагарин
О(бщества) И(исуса) [4]

[1] Речь идет о книге «Избранные сочинения Петра Чаадаева» («Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff publiées pour la première fois par le P⟨rince⟩ Gagarin, de la Compagnie de Jésus», Paris — Leipzig, 1862).

[2] К «Избранным произведениям» Чаадаева был приложен его портрет, гравированный X. Steifensand'ом.



ЛИСТ РУКОПИСИ «БЫЛОГО И ДУМ»

Глава «Лондонская вольница пятидесятых годов»

Из бумаг Герцена и Огарева, полученных АН СССР в дар от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»)

[3] В ответном письме Герцен писал Гагарину, что у него уже есть большой портрет Чаадаева, и просил портрет не присылать.

[4] Герцен сообщал Огареву 14 июня 1862 г.: «Князь-иезуит Гагарин прислал письмо с большими симпатиями и пишет, что отправил ко мне Чаадаева *избранные* сочинения. Это — жихаревские бумаги, вероятно. Получил ли ты?» (XV, 210). Действительно, бумаги, о которых идет речь, были переданы Гагарину для публикации М. И. Жихаревым, племянником Чаадаева.

И. П. ГАЛАХОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. П. Анциферова

В первой главе книги «С того берега» — «Перед грозой (Разговор на палубе)» Герцен передал свою беседу с лицом, им не названным. Герцен характеризовал здесь своего собеседника как человека, жаждущего «...выйти *из нравственного бессилия, из жалкой неприлагаемости убеждений, из хаоса...*» (V, 396. — Курсив наш. — *Н. А.*). По свидетельству Герцена, его собеседник говорил ему: «Повсюдная скорбь — самая резкая характеристика нашего времени» (V, 394).

Впоследствии, в главе XXIX «Былого и дум» («Наши»), Герцен назвал имя человека, беседы и споры с которым легли в основу «Разговора на палубе». Это был Иван Павлович *Галахов* (1809—1849) — автор публикуемого ниже письма.

Галахов был одним из наиболее характерных представителей социально-исторического типа «лишних людей» дворянской интеллигенции сороковых годов. Подобно Бельтову, Рудину, Лаврецкому, Агарину он, действительно, никогда не смог выйти из «жалкой неприлагаемости убеждений», несмотря на свою образованность, высокие идейные стремления и большие моральные требования к самому себе.

Галахов происходил из богатой аристократической семьи, получил хорошее образование, служил недолго в гвардии, затем вышел в отставку и скитался по зарубежным странам. Не находя себе дела, которому он мог бы отдать свои силы и приложить знания, Галахов, по словам Герцена, «всюду бросался; постучался даже в католическую церковь, но живая душа его отпрянула от мрачного полусвета, от сырого, могильного, тюремного запаха ее безотрадных склепов. ⟨...⟩ он принялся, было, за философию; ее холодные, неприветные сени отстращали его, и он на несколько лет остановился на фурьеризме» (XIII, 104). Нигде и ни в чем Галахов не нашел сферы практического приложения своих интересов. Оставленный им след запечатлен лишь в отзывах современников да в немногих дошедших до нас письмах.

В одном из них, от 24 августа н. ст. 1845 г. («Русская мысль», 1892, № 7, стр. 95—96), Галахов пишет о предстоящей поездке в Италию, но в мыслях своих переносится «в Россию, в Москву». В Галахове, этом «западнике», пробудился интерес к славянскому вопросу. Одним из первых русских людей он явился сторонником сближения России со славянскими народами Балканского полуострова. Он сообщает друзьям о поездке в славянские земли, где он наблюдал пробуждение интереса к России, и призывает к сближению с «миром славянства», что, по его мнению, было «обязательно для русских». Однако Галахов оставался совершенно свободен от политических тенденций славянофилов. В неизданном письме (20 сентября 1845 г.) он, вспоминая о своих московских друзьях, которые в то время странствовали за границей, писал: «Все приятели в разброде; будто все стремятся к теснейшей связи, а между тем не нашли, чем держаться в кучке и всех как бы насильно расталкивает в разные стороны». Выражая надежду, что в Москве «дружнее идет и спор и согласие», он заканчивал элегическим раздумьем: «Чем дальше в лес, тем больше дров — и похоже на то, что надо остаться у опушки и предоставить сильнейшим работникам прорубить светлую просеку» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 77).

В середине сороковых годов Галахов жил жизнью кружка Герцена, разделяя все интересы его московских друзей, с которыми встречался и на лекциях Грановского и в салоне М. Д. Ховриной. Посещал он также дом Герцена в Сивцевом вражке. Галахов сделал свой щедрый взнос в фонд журнала, который должен был явиться

органом кружка, но не был разрешен царем. В цитированном письме от 24 августа 1845 г. Галахов с благодарностью вспоминал о своем общении с Герценом и его семьей: «Могу ли я измениться и позабыть вас, когда в Москве более и ближе всего было с вами». Московские друзья отзывались о Галахове всегда с большой симпатией. «Чудный, прекрасный человек; как-то на нем иногда хорошо остановить глаза и душу: так все благородно и чисто в нем», — писал Герцен (III, 276); «Благородный человек

И. П. ГАЛАХОВ (?)
Рисунок Х. Я. Рейхеля 1844 г. в альбоме, подаренном Огаревым Герцену. Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

теплый человек, ему можно дружески протянуть руку...»,—восклицает о Галахове Огарев («Русская мысль», 1889, № 4, стр. 12).

Общение Галахова с семьей Герцена возобновилось в Париже в 1847 г. В мае этого года состоялось венчание Галахова с англичанкой Элизой Боуэн. Герцен и Анненков были шаферами на этой свадьбе. В конце ноября того же года Герцен, проездом в Италию, провел около трех недель с Галаховым в Ницце. Тогда-то и возникли между ними те «долгие разговоры», которые получили отражение в книге «С того берега». «Я читал его начало Галахову,—рассказывает Герцен в „Былом и думах“;—он был тогда очень болен, видимо таял и приближался к гробу. Незадолго до своей смерти он прислал мне в Париж длинное и исполненное интереса письмо. Жаль, что у меня его нет, я напечатал бы из него отрывки» (XIII, 107).

Умер Галахов в 1849 г. в Страсбурге. О его смерти Герцену сообщил Грановский: «Вчера привезли нам известие о смерти И. П. Галахова. Еще одним благородным человеком стало менее...» («Т. Н. Грановский и его переписка», цит. изд., т. II, стр. 446). На это письмо Герцен отвечал Грановскому: «Смерть Галахова, которую я узнал из твоего письма, нас всех огорчила. Да, он был не только благородный человек, но человек, бездну страдавший. Он все вопросы выносил годы целые в груди своей, для него решения, до которых он доходил, не были шумихой. К тому же у него был весь склад ума, юмор самобытный и необыкновенный...» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 70). Все здесь изложенное свидетельствует о том, что в главе «Перед грозой» Герцен очень точно передал мысли Галахова, отразил его натуру, неспособную к действию, его мечтательность, дисгармоническое восприятие жизни и вместе с тем его жажду сохранить хоть какое-либо «верование» (XIII, 107).

В романе «Кто виноват?» Герцен возбудил вопрос: на ком лежит историческая ответственность за появление таких «лишних людей». Корни этого социального явления он усматривал в крепостническом строе. Устами своего Бельтова Герцен высказал то, что о себе мог бы сказать и Галахов: «Моя жизнь не удалась, — по боку ее. Я точно герой наших народных сказок ⟨...⟩ ходил по всем распутьям и кричал: „Есть ли в поле жив-человек?“ Но жив-человек не откликался ⟨...⟩ Я и ушел с поля...» (IV, 337). Так с поля ушел и Галахов, «не бросивши векам ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда».

Первое из публикуемых нами писем Галахова к Герцену было послано из Ниццы 13 декабря 1847 г. Бóльшая часть его посвящена изложению проекта освобождения крестьян, составленного кн. Голицыным, с которым Галахов познакомился в Ницце. Для нас в данном случае представляет интерес не столько сам проект (он отразил мнения либерального дворянства, заинтересованного не в улучшении судьбы народа, а в получении помещиками новых возможностей для их хозяйственной и предпринимательской деятельности), сколько сочувственный отзыв о нем Галахова, который видит его главную ценность в том, что «капиталы придут в движение, государство обогатится, крестьяне со временем освободятся, вполне владея землей,—все это без потрясений». Ранняя смерть Галахова помешала выявлению тех разногласий по коренному вопросу русской жизни между ним и Герценом, которые, судя по этому письму, были неизбежны.

Вспоминая в «Былом и думах» о своем последнем свидании с Галаховым в Италии в конце 1847 г., Герцен писал: «Итальянское движение закипало тогда, он был увлечен им. Вместе с взглядом, исполненным иронии, он хранил романтические надежды и все еще рвался к каким-то верованиям» (XIII, 107). К этому именно времени и относится второе публикуемое нами письмо Галахова.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 77).

1

Ницца. 13-е декабря 47

Очень прискорбно было нам узнать, любезный друг, что Наталья Александровна мучилась лихорадкой и что дети у вас также были нездоровы. Надеемся, что в эту минуту все эти невзгоды уже прошлые и что и возвратившимся здоровьем и внутренним спокойствием глаза, чувства и умы ваши раскрылись на все прекрасное и грандиозное в Риме. За Св. Петра с площадью и фонтанами, за Ватикан и вид на город с Monte Pincio можно простить сор улиц, тесноту Corso и убогость магазинов,—магазинам стыдно в Риме украшаться выставкой. Поживи, здоровый и неозабоченный, et vous m'en direz des nouvelles*. Мы тихо проживаем здесь дни; погода была чудесная, летняя—мучительные и неприличные насморки прошли, и я чувствую себя и посвежее и покрепче.—Вечера большей частию остаемся дома у исправного камина, к которому приходит также

* и вы мне о нем порасскажете (франц.).

греться давнишний мой приятель Пржездецкий. Он недавно сюда приехал, останется месяц, а к карнавалу будет в Риме.—Я снабжу его рекомендацией к вам; вы найдете в нем благородного и образованного человека; он паспортный поляк из Подольской губ. и жил в Петербурге[1]. С Тучковым ты, вероятно, виделся на пути? Скажи ему и его семейству, пожалуйста, искреннее приветствие от нас. Здесь я познакомился с кн. Голицыным из Москвы, женатым на гр. Толстой. Это тем замечательно, что он читал мне свой проект об освобождении крестьян, который посылает к государю. Проект составлен умно; вот его главные положения: оставить крестьянам настоящие их усадьбы и выгоны и, кроме того, наделить каждую душу двумя десятинами пахотной земли, за что брать с души по 8 р. сер. оброку. При заключении такого условия на 47 лет крестьяне делаются обязанными и приобретают право покупать землю и откупаться прежде срока с двумя десятинами и усадьбой, заплатив восьмирублевую подать за все годы вперед. Через 47 лет крестьяне, в силу условия, делаются свободными и собственниками в совокупности отведенной им земли и перестают платить всякую подать. До истечения срока власть помещика ограничивается полицейским судом, но неисправный в платеже крестьянин обращается в крепостное состояние. Учреждается в губернии банк, в который, по цене 200 р. сер. за душу и отведенные участки, закладываются освобождающиеся имения. Банк выдает владельцу 4% облигации в 200 р. сер. по числу душ, за вычетом себе в фонд 20% со всего капитала для своих операций и за уплатой опекунскому совету облигациями суммы, у него занятой под имение. После сего у владельца остается еще в руках половинное количество облигаций, приносящих ему 4%, и он уже не знает опекунского совета, а после 47 лет и отчисленные в банк 20% ему возвращаются. Губернский банк платит проценты из получаемых им 8 р. сер. с оброков, ибо ему они вносятся, а не помещикам, и погашает долги опекунскому совету и совершает выкуп облигаций посредством операций на фонд, ему предоставленный. Лишь кредит облигаций, огражденных имениями, утверждается, их станут покупать на биржах, и помещики для обработки своих полей вольным трудом, или для иных предприятий будут всегда в состоянии выручить значительные деньги, теряя, разумеется, 4%. Капиталы придут в движение, государство обогатится, крестьяне современем освободятся, вполне владея землей,—все это без потрясений.—Помещик, если может и хочет,—может и больше земли отвести крестьянам, но после 47 лет только 2 десятины на душу будут собственностию крестьян.

Боюсь, что из моего краткого объяснения ты не будешь в состоянии составить себе ясного понятия о проекте, а распространяться не в силах, ибо рука утомляется от долгого писания. Проект основан на плодотворной мысли о мобилизации недвижимостей посредством банка и облигаций. Если доберешься до толку у меня, то сам разовьешь начала в последствия и сложности. Голицын принимает три разряда имений—пахотные, промышленные и около столиц,—и последние платят больше при одинаковом количестве земли. Проект дозволит учреждать банки на каждые закладываемые в них 10 тысяч душ. Верит крепко в пользу меры, и в самом деле в ней много хорошего. Хотя en gros* хотелось сообщить тебе[2].

Теперь прощайте, мои дорогие, будьте же здоровы и веселы и напишите нам поскорее—в самом деле нетерпеливы узнать, как все у вас идет. Elisa жмет вам обоим и М. Ф. дружески руку, скоро сама напишет, любит вас по моему примеру и без примера, как вы заслуживаете, и я у Натальи Александровны целую несколько раз ручки и прошу не унывать. Пройдет противная лихорадка, и на душе и кругом все станет светло. Adieu.

Ваш Галахов

---

* в общих чертах (франц.).

[1] Александр *Пржездецкий* (Przezdziecki, 1814—1871), польский писатель, историк и археолог. Много работал в заграничных архивах и библиотеках по разысканию и изучению материалов по истории Польши (см. S. Orgelbranda. Encyklopedia powszechna, т. XII, Warszawa, 1902, стр. 387).

[2] *Голицын*—повидимому Леонид Михайлович Голицын (1806—1860), владелец усадьбы Карабиха Ярославской губ., приобретенной в 1862 г. Н. А. Некрасовым, действительный статский советник и камергер, в последние годы был директором Московского тюремного комитета.

Текст составленного им проекта освобождения крестьян не был опубликован, и никаких сведений о нем в литературе не имеется. Судя по изложению Галахова, по своим принципам проект Голицына близок к проекту Редакционных комиссий, легшему в основу Положений 19 февраля 1861 г. По мнению акад. Н. М. Дружинина, Голицыным несомненно руководили классовые помещичьи интересы, но в 1847 г., когда идея ликвидации феодальных отношений и сохранения за крестьянами земельного надела была мало распространена в дворянской среде, его проект мог показаться Галахову очень прогрессивным и открывающим перспективы мирного решения крестьянского вопроса.

2

Перевод с французского:

Ницца, 3 февраля ‹1848 г.›[1]

Только что, чудеснейшим жарким и сверкающим утром, узнали мы, что народ Обеих Сицилий [2] преодолел упорство короля и что последний манифестом предписал подготовку конституции [3]. Вам это стало известно раньше нашего, но добрая весть так меня обрадовала, что, подавив вздох сожаления по отношению к Северу [4], спешу вас с нею поздравить. Итак, отстающие оказались впереди, теперь и остальным придется тоже что-то предпринять. Из бури и гнета возникнет порядок, родится деятельность, дыхание станет свободнее, и это приведет умы в гармонию с прекрасной землей Италии. Да здравствует культура и права человека. Вижу отсюда, как в Чивита-Веккия вздувается парус, который доставит вас, полных благожелательности и интереса, в Неаполь [5]. Прощайте, обнимаю вас, будьте здоровы.

И. Г.

Приписка Элизы Галаховой:

Присоединяюсь к чувствам моего мужа, но вместо того, чтобы обнять *вас*, обнимаю г-жу Герцен, а вам сердечно жму руку.

Э. Г.

P. S. Мы недавно писали вам, но я боюсь, что не написала ваш адрес. Итак, если вы нашего письма не получили, оно должно быть на почте — с тех пор, как мы его отослали, прошло около недели.

[1] Письмо написано Э. Галаховой под диктовку ее мужа.

[2] Королевство Обеих Сицилий (Неаполитанское королевство) — до 1860 г. самостоятельное государство — состояло из двух частей: острова Сицилии и южной части Италии. Его столицей был Неаполь.

[3] В январе 1848 г. в Палермо вспыхнуло народное восстание, перекинувшееся в Неаполь. Король Фердинанд II вынужден был согласиться на конституцию, которая была введена 10 февраля.

[4] Север Италии с Ломбардией и Венецией принадлежал Австрии. Лишь Сардинское королевство (Пьемонт) сохранило самостоятельность. В начавшейся борьбе за объединение Италии Галахов ожидал решительных действий от сардинского короля Карла-Альберта, который, однако, медлил с объявлением войны Австрии (война была объявлена 24 марта 1848 г.).

[5] Герцен с женой выехали из Рима в Неаполь 5 февраля 1848 г.

В. А. ГОЛЬШТЕЙН и В. Н. СМИРНОВ — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Владимир Августович *Гольштейн* (1849—1917) и Валериан Николаевич *Смирнов* (1848—1900) — студенты медицинского факультета Московского университета. В 1869 г. они принимали деятельное участие в так называемой «полунинской истории», т. е. студенческом протесте против назначения на место знаменитого терапевта Захарьина бездарного Полунина, и были на два года исключены из университета. После этого они завязали связи с московскими нечаевцами и намеревались организовать революционные студенческие кружки в Московском университете, за что были привлечены к судебной ответственности. Получив в июне 1871 г. повестку с требованием явиться в суд по нечаевскому делу, Гольштейн и Смирнов бежали вместе с А. Эльсницем за границу и поселились в Цюрихе. После того, как Нечаев был арестован швейцарской полицией и выдан русскому правительству, Гольштейн и Смирнов совместно с Бакуниным, А. Эльсницем, З. Ралли, В. М. Озеровым и Л. Гольденбергом опубликовали в Цюрихе два протеста против действий швейцарских властей, противоречивших международному праву. Протесты эти в переводе на русский язык напечатаны в книге Р. М. Кантора «В погоне за Нечаевым» (2-е изд. Л., 1925, стр. 137—144).

Об этих воззваниях («брошюрах») и идет речь в публикуемом ниже письме Гольштейна и Смирнова к Огареву. Из их письма мы узнаем, что Огарев со своей стороны намеревался напечатать в женевской газете «Suisse radicale» протест против выдачи Нечаева. Привел ли он это намерение в исполнение, выяснить не удалось.

Впоследствии политические пути Гольштейна и Смирнова разошлись. Смирнов был сторонником Лаврова и одним из ближайших сотрудников газеты и сборников «Вперед!», издававшихся Лавровым; Гольштейн же сблизился с Бакуниным и входил в редакцию бакунистской газеты «Работник». В восьмидесятых годах и Гольштейн и Смирнов отошли от политической деятельности.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 146).

(Цюрих, 2 сентября 1872 г.)

Милостивый государь,

Просим вас распространить посылаемые вам брошюры о Нечаеве. Просим вас также, когда будет напечатан обещанный вами протест в «Suisse radicale», прислать нам экземпляров 100 номера этой газеты, contre remboursement *, по следующему адресу: Zürich, Fluntern, Pension Frauenfeld, in die russische Bibliothek **.

Владимир Гольштейн
Валериан Смирнов

Цюрих, 2 сентября 1872

---

* наложенным платежом (франц.).

** Цюрих, Флюнтерн, пансион Фрауэнфельд, русская библиотека (нем.).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. С. ГОНЧАРОВА с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ

Публикация П. Г. Рындзюнского

В русских революционных кругах шестидесятых годов была широко распространена идея необходимости объединения всех оппозиционных элементов, в частности установления контакта со старообрядцами, для подготовки революционно-демократического натиска. В 1862—1864 гг. в практическом разрешении этой задачи приняли участие Герцен и Огарев, вступившие в непосредственные сношения с главарем наиболее влиятельной группы старообрядцев, проживавших в Добрудже, которая находилась тогда под владычеством Турции, — казаком-некрасовцем Осипом Семеновичем *Гончаровым* (он же Гончар, или, по его личной подписи, Осип Ганьчеров; род. ок. 1793 — ум. 1880). Некрасовцы — русские казаки, предки которых выселились за границу во время подавления восстания Кондратия Булавина в 1708 г. Гончаров родился в Турции, в казачьем поселении Кара-Бурну; одно время он вместе с частью некрасовцев жил в России, на территории Бессарабии, затем опять переселился в Турцию.

Главенствующее положение Гончарова среди добруджских поселенцев было связано с его материальным достатком, способностью к ведению дел казацкого общества, а также умением приспособляться к властям и влиятельным лицам в Турции. «Русское себе на уме, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человека, привыкшего с детских лет к полному бесправию и к соседству сильных врагов, долгая жизнь, проведенная в борьбе, в настойчивом труде, в опасностях, — все это так и сквозило из-за мнимо простых черт и простых слов седого казака», — так записал впоследствии Герцен свое впечатление о Гончарове в Лондоне (XIV, 408).

Оказывая помощь и содействие врагам России и русского народа — турецким властям, польской монархо-аристократической эмиграции и французским дипломатам, Гончаров добился их расположения. Во время Крымской войны он, по заданию состоявшего на службе Турции польско-украинского националиста М. И. Чайковского (Садык-паши), сформировал отряд из казаков в помощь Турции и впоследствии выполнял задания турецкой администрации, имевшие враждебный по отношению к России характер. Гончаров отличался чрезвычайной ограниченностью политического кругозора: все его поведение определялось узкими потребностями религиозной группы, к которой он принадлежал. «В сущности для него было все равно, — писал о Гончарове Герцен, — он пошел бы равно ⟨...⟩ с Россией и с Турцией, лишь бы это было выгодно для его некрасовцев» (XIV, 409). Для Герцена, как и для других русских революционеров, осталось тайной, что Гончаров был связан и с представителями царского правительства: получаемые им письма от русских эмигрантов он представлял русскому консульству в Измаиле (XVII, 282—285).

Сношения Герцена и Огарева с Гончаровым не ограничивались перепиской. От их имени вел переговоры с Гончаровым В. И. Кельсиев (см. отчет об этих переговорах в публикуемых ниже письмах Кельсиева к Герцену и Огареву).

В «Былом и думах» описана и личная встреча Герцена и Огарева с Гончаровым, приехавшим по их приглашению в Лондон 14 августа 1863 г. и проживщим в доме Герцена почти неделю (XIV, 407—409).

Из всей переписки Герцена и Огарева с Гончаровым до сих пор было известно только два письма их к Гончарову — от 10 марта и 4 июня 1864 г. (XVII, 131—135,

280—282). Ни одного письма Гончарова к Герцену и Огареву известно не было, хотя некоторое представление об этих письмах можно было получить из краткой характеристики их в «Былом и думах».

Теперь материалы о сношениях Герцена и Огарева с представителем зарубежного старообрядчества пополняются, прежде всего, одним важным документом — письмом-памяткой, адресованным Гончарову. Письмо это не имеет подписи и написано неизвестной нам рукой, но из содержания письма видно, что автором его был один из тех, кто посвящал Гончарова в программные установки русской революционной демократии и принадлежал к видным участникам и организаторам революционного движения. Публикуемый документ из «пражской коллекции», как можно думать, является копией с не дошедшего до нас оригинала. Из возможных авторов этого письма-памятки естественнее всего остановиться на Огареве на том основании, что, во-первых, именно ему особенно была близка идея революционной агитации среди старообрядцев, и, во-вторых, письмо это резюмирует основное содержание тех статей и обращений к старообрядцам, которые публиковались в «Общем вече» его главным редактором—Огаревым. Сама форма этого письма, с отсутствием в нем обычных при заочных сношениях людей, уже лично знакомых друг с другом, вводных (кроме обращения) и заключительных слов, наталкивает на мысль, что письмо это, имеющее заголовок «Памятный листок», резюмировало лондонские беседы с Гончаровым и было вручено ему по окончании переговоров. Указанные соображения позволяют предположительно датировать это письмо-памятку августом 1863 г.

Необходимость письменного закрепления того, что Гончаров должен был усвоить сам и передать от имени русской революционной эмиграции другим старообрядческим деятелям, вытекала из той особенности Гончарова, которая была подмечена В. Кельсиевым, а именно, что он очень трудно и непрочно усваивал общие и сколько-нибудь сложные понятия, выходящие за рамки старообрядчества.

Из вновь публикуемых писем Гончарова Герцену и Огареву два, отправленных им из Марселя, написаны незадолго до его приезда в Лондон; в них запечатлены его колебания относительно этой поездки (см. о ней в письме В. И. Кельсиева от 11 июня/30 мая 1863 г., публикуемом в настоящем томе, и его «Исповедь»—«Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 368—369). Интересны в этих письмах замечания Гончарова о его попытках пропагандировать необходимость союза старообрядцев с русскими революционерами. Письма Гончарова показывают, насколько В. И. Кельсиев в своем первом письме из Турции преувеличивал степень подготовленности Гончарова для политической работы совместно с революционной организацией и как прав был Герцен в своем настороженном к нему отношении.

Основное содержание последних двух писем — описание трений между Гончаровым и Кельсиевым в связи с отказом Гончарова содействовать устройству русской типографии в Константинополе, а также по поводу подачи адреса Александру II от имени зарубежных старообрядцев. Письма относятся к зимним и весенним месяцам 1864 г.: именно с этого времени дошедшие до нас материалы переписки становятся двусторонними. Однако общение Герцена и Огарева с Гончаровым не могло быть продолжительным: верхушка зарубежного старообрядчества вскоре открыто выразила свое отрицательное отношение к освободительному движению.

В семидесятых годах Гончаров несколько раз приезжал в Россию, а в 1879 г. он получил разрешение правительства вернуться на родину и поселился в городе Хвалынске.

Письма Гончарова, написанные «каракульками семнадцатого столетия» (XIV, 407) и совершенно неграмотные, приведены в соответствие с современными орфографическими нормами. Отдельные характерные особенности правописания и лексики Гончарова, впрочем, сохранены. См. на стр. 73 настоящего тома воспроизведение автографа письма Гончарова от 21/9 июня 1863 г., дающее полное представление об «орфографии» всех его писем.

Письма печатаются по автографам и рукописной копии «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 77 и 207).

1

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ

‹Марсель. 21/9 июня 1863 г.›

Его сиятельству господину Герцону [1].

Прошу, ваше сиятельство, у вас извинения, что я осмелился написать вам краткое уведомление. Имел я счастие видеться Василием Ивановичем, господином Кельсием, и некоторые слова у нас происходили для усево странствующего миру по всему шару земном [2], и он мне, ваше сиятельство, объяснил о вашем усердии и попечении о мире предлагаемом [3], но мир мало понимает свою пользу, и я также занимался самыми этими делами для мирской пользы, но, слава богу, стали помаленьку молодой народ узнавать свои ошибки, но мне самому хотелося ваше чесное лице видеть и целовать чесную десницу вашу, но только, ваше сиятельство, объясню вам свое намерение первое, что мы людии маломощные, а туда надо иметь издержки [4]. Но только прошу вас всепокорнейше, ваше сиятельство, не откажите своей предражайшей в любве и усердия своего, уведомьте мене своим письменным чесным начертанием у город Марсель, и я вам посылаю письмецо г. Кельсия [5], только прошу убедительно первой почтой уведомьте мене непременно, я ожидать буду ежеминутно. Ваш покорный слуга навсегда Осип Ганьчеров сыном своим Софроном Осиповичем земно кланяемся и завочно целуем чесной зрак лица вашего. По адресу посылайте у Марсель на Филиппа Долина с передачею Гонечерову.

Месяца июня 9 числа
Марсель

Другим почерком:

9/21 juin 1863

Mon adresse:
Chez Philippe Dollin, Commissionnaire. Rue Sainte, 25.

[1] По поводу обращений Гончарова к Герцену, как к «его сиятельству», «графу» и «князю», не только в письмах, но и в устных беседах, между ними состоялся следующий разговор, переданный в «Былом и думах»: «С чего же, Осип Семенович, вы выдумали меня называть графом?». — «А Христос тебя знает, как величать; ты, небось, в своем деле во главе стоишь. Ну, а я — того, человек темный, ну и говорю: граф, т. е. сиятельный, т. е. голова» (XIV, 408).

[2] Имеются в виду сторонники преследуемых вероучений, вынужденные из-за гонений жить за рубежом.

[3] О содержании своих бесед с Гончаровым В. И. Кельсиев подробно рассказал в письме от 11 июня/30 мая 1863 г., публикуемом в настоящем томе.

[4] Ссылка Гончарова на недостаток средств для поездки в Лондон была лишь предлогом, чтобы скрыть действительные причины колебаний по поводу вступления в сношения с Герценом. Поездка Гончарова во Францию, по уверению Кельсиева, была связана с его коммерческими делами.

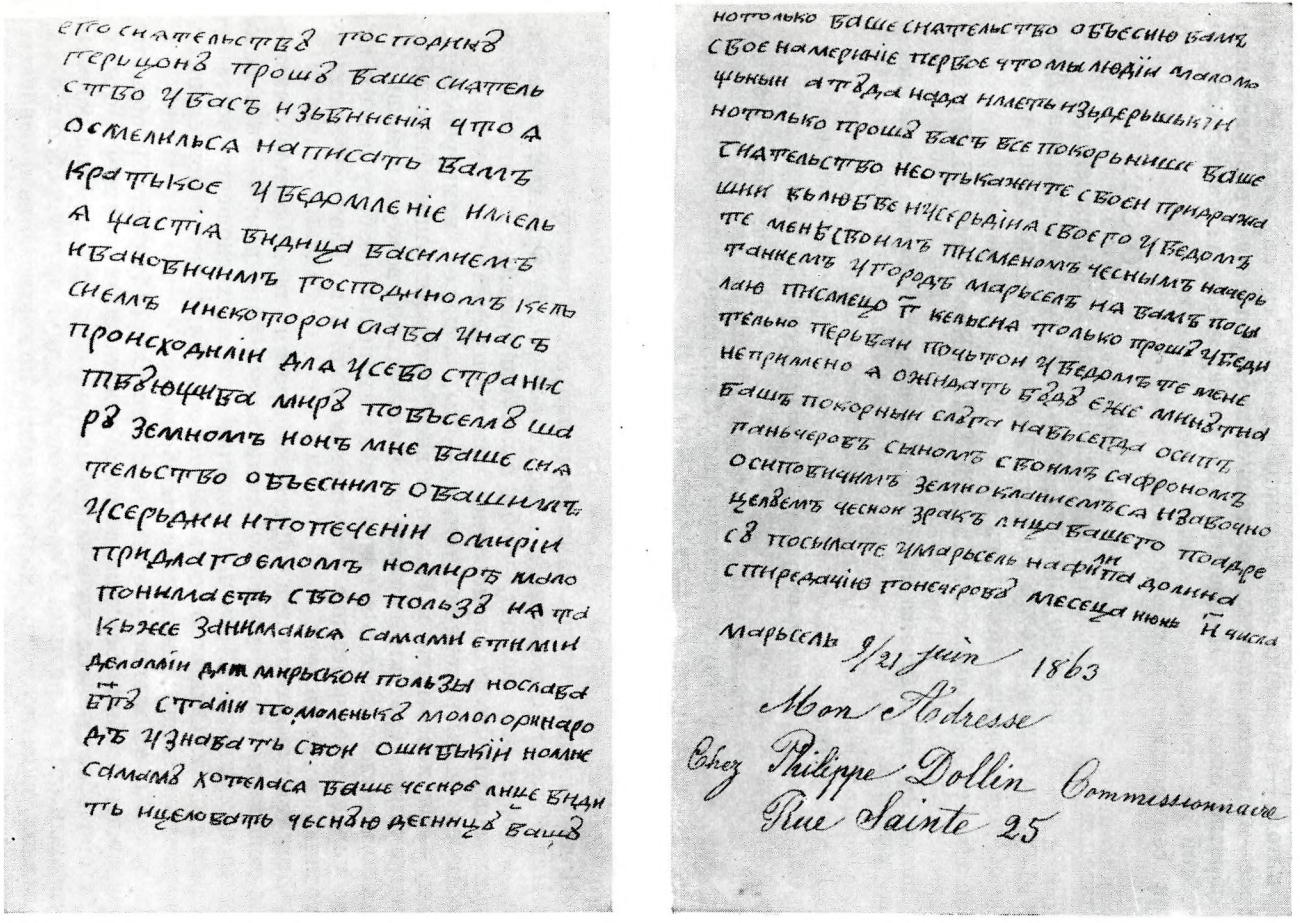
[5] Письмо В. И. Кельсиева Герцену от 11 июня/30 мая 1863 г., публикуемое в настоящем томе.

2

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ

‹Марсель. 30/18 июня 1863 г.›

Его сиятельству Герцону из братиими вашими. Желаю я вам, от искренней моей любве усердия моего, о Христе радоватися навсегда и пребывать вам у мире и любве нелицемерном и у тишине небурной, и желаю вам многолетнего здравия на неисчислимые лета. И при сем объясню вам: пущенное письмо ваше [1] получил я справно и распечатывал, и прочитал, и облобызал вашей чесное руки начертание и рассматривал ваше попечение и усердие о своем отечестве, но только



АВТОГРАФ ПИСЬМА О. С. ГОНЧАРОВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 21/9 ИЮНЯ 1863 г.
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

более надо полагать на судьбу и на промысл божий, что он не оставит нас, страждущих, своим святым промыслом; надо терпеть, а не отчаиваться. А это пишете, что еще у феврале месяце писали ко мне,—то я не помню, получал или нет, потому что много из разных мест получаю письмы, можа и забыл, усево не припомню. А ехать мне у Лондон, верно, не придется, потому—наследник мой упрашивает мене, что скучится без мене, а уторое—издержки лишние; но только прошу покорно вас уведомить мене обратно письмом. Я еще пробуду у Марселе дней пятнадцать, на фатере той же стою.

При сем остаюся вашею слугою

О. С. Г.

Благополучен месяца июня тридцатого числа по-европейски.

Только прошу покорно, пишите попростее, а то трудно разобрать вашу руку; что ниже писано было — где Огарев — это лучше разберу.

На обороте другим почерком:

Mon adresse: Osip Gancharoff. Chez Ph. Dollin. Rue Sainte, 25. Marseille.

[1] Письма Герцена и Огарева к Гончарову, о которых говорится в этом письме, нам не известны.

3

ОГАРЕВ (?) — ГОНЧАРОВУ

(Лондон. Август 1863 г.) [1]

Другу нашему Осипу Семеновичу

Памятный листок

1) Надо нам сообща приложить все старания о созвании старообрядческого Собора.

2) Надо учредить между нами правильную переписку.

3) Надо, чтобы московские и иные старообрядцы присылали все сведения, которые они желают, чтобы были напечатаны, и таким путем, чтобы мы знали, что все присланное нам достоверно.

4) Людей, вами рекомендованных, — мы, а людей, нами рекомендованных, — вы и все ваше в России и вне России живущее общество будемте принимать братски и посильно оказывать им всякую помощь.

5) С обществом «Земли и воли», имеющим целью свободу веры и выборное управление, через нас в сношение входить по нашему обоюдному усмотрению, когда нужно.

6) Для усиления общества нашего мы просим старообрядцев участвовать в денежном сборе, хотя бы самым малым размером: 1) на помощь гонимым и ссыльным, 2) на поддержание взаимных сношений через посылаемых людей. Общество, с своей стороны, будет везде поддерживать и оказывать помощь гонимым старообрядцам.

Я не прочь от мысли, чтобы у вас при Старообрядческом обществе был учрежден особый сбор для помощи политически гонимым и ссылаемым, а при обществе «Земли и воли» особый сбор для помощи гонимым и ссылаемым старообрядцам. Учредив это, мы друг другу сообщим о том, что сделано, и да послужит наше взаимное пожертвование к основанию нашего союза.

7) А союз наш следующий:

То число людей из дворян, которые считают свое сословие отдельно от народа за общий вред и по выборам в Земское управление и по имущественным правам, никакой отлички между собой и народом не признают, то число людей, соединясь между собой, братски соединяется и со всеми

людьми, жаждущими свободы веры и за веру гонимыми, ради того, чтобы совокупными усилиями достигнуть до созвания Земского собора, который признает свободу веры и выборное управление сел и городов.

[1] Основания для предполагаемой датировки приведены во введении к публикации.

4

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(Константинополь. 2 февраля 1864 г.) [1]

Ваше сиятельство, пречестнейший князь Александр Иванович, желаю вам всех благ. При сем прошу вас, извините меня за долговременное мое к вам неизвещение об наших обстоятельствах, потому что я нахожусь по всяк час в великом беспокойствии, до того, что мало и в доме бываю, ибо по вашему же наставлению я обсудил в кругу своих достопочтеннейших лиц написать о веротерпимости российскому государю-императору, которое письмо подал я чрез константинопольского посланника, но, к несчастью моему, не имел при себе чернового письма, дабы мог предъявить вашему агенту Кельсиеву, который, благодаря его бесчеловечной совести, что сумел было заплатить за добро злом. Извольте рассмотреть, что в нем написано противное; он же, не зная содержания его, обратился к Садык-паше [2] и прочим большим начальникам, к которым мы же обрекомендовали его как человека честных правил, и наустил их, что будто бы я написал против поляков, а притом же будто бы совращаю задунайских переселиться в российское верноподданничество [3], предлагая им, чтобы послали к нам следственную тайную комиссию, которая бы исследовала секретно во всех добруджских жителей о всех моих действиях, и не окажется ли кто-либо уличить меня хотя какими бы то ни было злоумышленностями; конечно, что кто более за мир прилагает старания, тому всегда бывает более враждебных людей; тем еще более сам он изъявил согласие быть членом в следственной комиссии; наделали кутерьмы по всему Цареграду.

Где же у него совесть, что мы ему оказывали пособие во всех нужных случаях, а он в знак благодарности приискивал случая вовсе разорить меня при старости лет, огорчился, что мы до сего время не успели устроить типографии, в которой они могли бы поместить себя [4]. Вашему сиятельству известно, что эта вещь легко устроена быть не может, и я всегда ему объявлял, что нужно прежде всего сделать союз в народе и собрать капитал, потом и дело начинать по порядку, а не вдруг; они же, я и сам не знаю за что, начали наносить таковые злоумышленности раздражительные в главных турецких министрах, которых я во всю жизнь мою не думал иметь над собою, — оболгали меня изменником государства. Только, к счастию моему, судьба всевышнего бога возбудила в сердце моем нечаянную мысль — в последних числах ноября месяца отправиться в Константинополь; прибыв на место, дознал, что сделано в Порте ужасное волнение против жизни моей, обратился я к г. Кельсиеву, и он объявил мне, что довольно знает, насколько вознегодовала на меня турецкая власть; советовал мне обойтить всех с визитами и предлагая, чтобы я извинился пред ними; спасибо ему за ласку, когда вовсе не признаю себя виновным.

Ваше сиятельство, тяжело, скорбно показалось переносить таковые неудовольствия напрасно. Но как я знаю по чистой своей совести, что никто меня в том уличить не может, отправился к Садык-паше, который с первых слов начал упрекать меня, что будто бы я был в Санкт-Петербурге лично у государя и много тому подобными словами оговаривался

со мною; наконец видит, что не сделано мною против Турции никаких вредных поступков, тогда начал предлагать мне, чтобы я написал от себя просьбу великому визиру и попросил бы его, чтобы дозволил г. Кельсиеву производить следствие между добруджскими жителями. Конечно, что я, не предчувствуя за собою ничего вредного, а притом же вижу, что Кельсиев вовсе изгибает без куска хлеба, не желая отмстить за его возмущение, и тот же день написал кому следует, чтобы было поручено ему сделать следствие. И как только объявил ему Садык, что он назначен следователем, то он, не ожидая письменного поручения, поспешил отправиться в Тульчу, а за неимением чем расходовать до Тульчи, вынужден был я помочь ему 300 пиастров [5], а к тому один из русских церковных служителей сделал побор в миссии русской и у константинопольского и варновского русских консулов в помощь русского семейства, собрал еще 15 турецких лир[6], и отправили его с семейством в Тульчу 7-го числа декабря месяца. По отправке его ужасно удивила меня его константинопольская невоздержная жизнь; сколько он израсходовал денег, будучи один человек, боже, боже мой, кто бы не удивился — словно он с хлебом их поедал. Было выслано ему из Москвы чрез Тульчу 185, и занял он у русского ⟨*1 нрзб*⟩ 2600 пиастров и у одного доктора 500 пиастров, получил от поверенного вилковского [7], у которого был иногда за торжемана и переписал по-французски несколько бумаг, 10 722 же от польского агента Иордана — от 6000 до 7000 левов [8], не уплатил старой хозяйке, где жил и питался, 3000; в настоящее время откель выехал и оставил ящик с некоторыми мелочами, не заплатил хозяину 1500 левов. А кроме того, еще и на стороне есть достаточное число долга, чего я подробности описать не могу. Но желаю вам всего лучшего благоспешения. Затем посылаю сердечно искренний поклон Николаю Платоновичу Огареву и супруге его, Наталье Алексеевне.

Благодарю вашу милость за ваших добросовестных агентов, которые, много сочувствуя оказанной им добродетели, выдумали возмущать правительство, которое всегда ближе расположено к нам, нежели к ним, и мы, надеясь на бога, что никогда не может лжа попрать истины.

Оставайтесь благодаря бога живы и здравы в благополучии.

После этого усего пишу от горести и досады моей его сиятельству Александру Ивановичу и Николаю Платоновичу свое несчастное изнурение через Василия Ивановича, только нехай ему бог воздаст свое воздаяние на оном свете, только богом вас прошу не пустить сие дело у свет, чтобы оно у вас, это дело, и умерло. Василий Иванович у нас у Туль че находится теперь, но хотя оно для меня и худо, пожалуй, но я ему добра желаю — выслал ему муки и прочего по силе моей, но только успехи его плохие — сам не видал, а ⟨от⟩ прочих слыхал, что стал пьянством ошибаться. Я писал садразану [9], чтобы он выдал ему бумагу для узнания секретных дел — это делал для его Аливон [10] банкир и Садык-паша, и мне приказали, чтобы я писал садразану, от имени моего, я так и сделал; они его секретно послали, чтобы узнавал, усе дела им доносил, а он огласил другим порядком. Аливон и Садык-паша недовольны остаются, им только спросить у Аливона и у Садык-паши об нем и обо мне, хотя они со мною года два у спору были, только прошу покорно узнать от них мою верность и справедливость, а это я удивляюся, сколько он денег у один год провел у Цареграде, много остался должен — или вам он высылал? Дивиться надо, сколько он денег провел у один год.

Господа вы мои милые, посылаю я вам адрес, что я в Россию подавал — можа, и ошибка есть, рассмотрите, что у мине сколько разуму стало, так и писал, а Василий Иванович у другом смысле туркам показал, только бог с ним, я с вашего позволения писал о терпимости веры, а он

О. С. ГОНЧАРОВ
Гравюра И. И. Матюшина
с рисунка П. Ф. Бореля
«Русская старина», 1883, № 4

обратил у другую сторону; я, слава богу, усе начальство турецкое принимает мене с уважением. Это усе оставим, только земно усем вам кланяюся и завочно целую чесные главы ваши и Наталии Алексеевне з детушками вашими кланяюся, и сыну Герцанову кланяюся. Еще прошу покорно засвидетельствовать мое почтение их сиятельству Петру Владимировичу Долгорукову. При сем прошу у вас у всех прощения ⟨и⟩ извинения, что я по-мужицки вам пишу.

При сем остаюся ваш покорный слуга навсегда

О. С. Г.

Месяца февраля 2 числа
Царьград

Только буду ожидать вашего чесного ответа нетерпеливо.

[1] Бóльшая часть письма, до абзаца «После этого усего», написана другой рукой, вероятно, под диктовку Гончарова.

[2] *Садык-паша*—М. И. Чайковский, эмигрант, из польских помещиков на Украине; состоял в то время на турецкой службе (см. о нем ниже, на стр. 187). Гончаров находился в долговременной связи с Чайковским и пользовался через него покровительством турецких властей. Инцидент Гончарова с В. И. Кельсиевым и турецкими властями по поводу подачи задунайскими старообрядцами адреса Александру II описывался В. И. Кельсиевым по-другому (см. «Исповедь», стр. 371—373, и письма В. И. Кельсиева Герцену и Огареву, публикуемые в настоящем томе).

[3] Дело по «прошению атамана Гончарова о дозволении казакам, живущим в Добрудже, перейти в Россию» рассматривалось русским правительством еще в начале 1861 г. (см. «Собрание постановлений по части раскола», СПб., 1875, стр. 579 и 582).

[4] О неудачах с организацией в Константинополе русской типографии для печатания революционных прокламаций и другой литературы см. в публикуемых в настоящем томе письмах И. И. и В. И. Кельсиевых, а также в «Исповеди» В. И. Кельсиева (цит. изд., стр. 369—370). Ближайшей причиной неудачи был недостаток денег, но наибольшее влияние оказало, конечно, скрытое нерасположение к революционному делу со стороны старообрядческой верхушки, от которой в значительной мере зависела организация типографии.

[5] *Пиастр* — турецкая монета, одна сотая часть лиры.

[6] *Лира* — турецкая монета.

[7] *Поверенный* крестьян села Вилково, Семен Ильич Васильев. О нем и «вилковском деле» см. в «Исповеди» В. И. Кельсиева (цит. изд., стр. 368) и в его письмах в настоящем томе.

[8] *Лев* — болгарская монета, имевшая хождение в Турции.

[9] *Садразан* — высший государственный чин в Турции.

[10] *Алеон* — турецкий банкир, по национальности француз; был в тесных отношениях с французскими дипломатами и польской дворянско-аристократической эмиграцией. См. о нем в «Исповеди» В. И. Кельсиева (цит. изд., стр. 381—382) и в его же статье «Польские агенты в Цареграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 269).

5

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(Дер. Журиловка, Добруджа. 24 мая 1864 г.)

Его сиятельству Александру Ивановичу и Николаю Платоновичу с усеми честными семействы вашими, желаю вам от истинной моей любве и усердия моего. Искренно и любезно кланяюся и завочно начертанный и честный зрак лиц ваших целую и желаю вам многолетнего здравия на неисчислимые лета и в делах ваших — благих, и скорых, и счастливых успехов, и при сем изъясню вам: пущенное письмо ваше через г-на Жуковского[1] получил я справно и облобызал и сломил печать и прочитал любезно и усе ваши писаные слова положил у своем сердце. Мое неразумие, что адрес, мною писанный, не сообразителен с вашим высоким разумом: я писал, я думал, что привлечь царя во смирение, а вы пишете ко мне, что писано не по хорме, но прошу за это извинения. Только пишете, что вам позволить написать черновой адрес и прислать ко мне, то прошу покорно выслать ко мне, только пишите поразвязней, а то трудно прочитывать, ибо мы мало учены разным рукам писанию, а за Василия Ивановича пишете — я ему письмо ваше давал читать; а за дела его не могу сказать, только он на кунаке [2] у апаши завсегда бывает и с нами хорошо обходится. Упередь была ошибочка, но судьбой божией прошло, а это пишете, что российские старообрядцы лондонских издателей «Колокола» клябе предают; нам этого неизвестно. У нас на вербной неделе был казанский епископ Пафнутий [3] и архидьякон белокриницкий Филоредь [4], и были они у Василия Ивановича и много разговаривали обо всем, а за что — неизвестно нам.

Еще посылаю низкий поклон его сиятельству Петру Владимировичу Долгорукову и Наталии Алексеевне и малюточке вашей, которую я на руках носил, а письмы присылать прямо у Тульчу на агента французского г. Жуковского с передачей ко мне.

При сем остаюся ваш доброжелатель и покорный слуга

Г а н ь ч е р о в

Месяца мая 24 числа Журиловка

[1] *Жуковский* — майор, польский эмигрант, живший в Тульче. См. о нем ниже, на стр. 180.

[2] *Кунак* — присутственное место.

[3] *Пафнутий* — казанский старообрядческий епископ, сторонник Белокриницкого митрополита. О его приезде в Тульчу В. И. Кельсиев писал в статье «Польские агенты в Цареграде» («Русский вестник», 1870, т. 85, стр. 271).

[4] *Филоредь* — Филарет Захарóвич — архидиакон и видный деятель Белокриницкой митрополии. См. о нем в настоящем томе на стр. 216—218.

СИМЕОН ГОРСКИЙ — ОГАРЕВУ И ДРУГИМ ЭМИГРАНТАМ

Перевод Л. Р. Ланского

Автором печатаемого ниже письма является молодой болгарский патриот Симеон *Горский*, принявший решение покинуть Турецкую империю и вступить в ряды деятельных борцов за освобождение Болгарии. С юношеским энтузиазмом приветствует он Огарева и его единомышленников, в которых справедливо видит выдающихся революционеров, беспредельно преданных борьбе с деспотизмом. «Я хотел бы соединить свои усилия с вашими,—пишет Горский,—чтоб служить Сербии и Болгарии так, как вы делали это для России и Польши».

Ответное письмо Огарева неизвестно. Остается неизвестной и дальнейшая судьба Симеона Горского.

Печатаемое письмо является новым документальным свидетельством влияния русских революционных деятелей на южнославянское освободительное движение.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 148).

Перевод с французского

Константинополь (Пера). Апрель 1873

Милостивые государи!

Если дозволено молодому человеку, неизвестному, бедному и совершенно не имеющему покровителей, едва выходящему из светлых дней юности, чтобы радостно броситься в житейское море, — если ему дозволено избрать себе руководителя, который управлял бы его сердцем и вел его твердо к цели, — прошу вас, господа, извинить вольность, с которой я обращаю к вам эти строки.

Я болгарин. Тырново, благородное и древнее Тырново, было свидетелем моего рождения. С самого детства судьба приговорила меня к жизни вдали от родины, вдали от родной земли, вдали от соотечественников. Но око провидения бодрствовало надо мной: я вырос и видел, как разгорается во мне священный огонь патриотизма, которым я проникся под небом Болгарии.

Мне теперь только восемнадцать лет. В моем возрасте кровь горяча, страсти неукротимы, душа тверда и непоколебима, сердце благородно и великодушно; в моем возрасте, сжигаемый огнем энтузиазма, преисполненный любовью к идеалу и ревностью ко всему, что ведет к славе, волнуемый одновременно тысячью разнообразных чувств, человек оказывается внезапно перед двумя дорогами: одна дорога — дорога удовольствий, сладострастия, власти и богатства; она широка, роскошна, она нас развлекает некоторое время, но ее благоухания обманчивы; под покровом поддельного счастья она прячет гнусность и подлость, но подконец она отравляет жизнь и ведет к бездне. Другая — покрыта терниями, мрачна, неровна и лишена радостей, окутана мраком, обещает страшнейшие утраты и пересечена тысячами бездн; вначале она нас ужасает и воздвигает непреоборимые препятствия нашей энергии, но она венчает старость и ведет к бессмертию.

Я избрал вторую дорогу. Поприще, на которое я вступаю, угрожает гибелью; однако я устремляюсь на него с такой страстью, я так убежден в непоколебимости своего характера, так мало страшусь будущего, святость моих намерений кажется мне столь очевидной, что я все готов отдать в жертву делу, которому буду служить. Что́ мне до всего остального?

На горизонте взволнованного моря, в которое ладья моей жизни брошена на волю волн, я вижу мрачные тучи, угрожающие мне, быть может, великими бедствиями, суровыми испытаниями... Тщетные предчувствия! Тщетные угрозы!.. Я хозяин своей жизни, я посвящаю ее долгу, и ничто в мире не может помешать мне в этом.

Не раз, в часы мечтаний, я размышлял о своей судьбе и искал такого уголка на земле, где я мог бы один, в любви, мире и свободе, спокойно выполнять свои обязанности и идти по пути, начертанному мне совестью. Это столь желанное убежище, наконец, найдено мною. Женева, мирная и независимая Женева, привлекла к себе мои взгляды: я распознал в ней город свободы, справедливости и братства, сердце мое увидело в ней приют бедности и чести, пристанище добродетели и невинности. Этот город явится для меня новой родиной и, возможно, заставит меня позабыть горечь изгнания.

Господа, к вам, выбравшим себе это же местопребывание, к вам, нашедшим гостеприимство у великодушного и сочувствующего народа, решил я присоединиться. Да, я приеду; я хочу посвятить свою жизнь и свои силы служению человечеству; я хочу начертать свое имя на стенах храма свободы; я сам хочу принести свою долю жертвы на алтарь всемирного освобождения; наконец, если когда-нибудь искупительный трофей будет вознесен над развалинами этого мрачного здания тирании, я хочу иметь удовольствие сказать себе: «И я, и я содействовал этому делу возрождения!»

Вы внушили мне, господа, — ибо в этом я должен вам признаться,— вы внушили мне еще издавна сильнейшую к себе привязанность. Когда в часы мучительных колебаний я не знал, к кому обратить свои взоры, когда, терзаемая тысячью разных тревог, душа моя приходила в смущение, надежда исчезала из моего сердца и чело мое омрачалось, внезапно яркий луч освещал мою голову, разжигая угасший пыл, придавая ему ту непоколебимую силу, которая вовлекала его в поток жизни, сверкающей, исполненной славы: лучи этого света до меня доходили от вас.

Моя душа исполняется глубочайшего восхищения к вам каждый раз, когда я вспоминаю, какой пример твердости, величия, патриотизма и настойчивости вы всегда представляли своим поведением. Постоянно руководимые справедливостью и правдой, вы всегда были преданы интересам человечества и жертвовали всем для их защиты. Ничто не приводило вас в отчаяние, ничто не могло положить предела вашей неустрашимой твердости. Россию, вашу родину, никогда не покидали вы мыслью: день и ночь трудились вы для ее благополучия; вы ничего не пожалели для улучшения судьбы своих соотечественников. Долгое время русский народ склонялся под мрачным скипетром тирании; долгое время зловещий хищник деспотизма парил над ним. Вы сделали все, вы употребили все свои силы, чтоб поразить его. Если вы еще не достигли этого, если вы еще полностью не переделали общественный строй в России, — строй, утвержденный на крови и мраке, составляющий позор нашей эпохи, — вы, по крайней мере, можете радоваться тому, что потрясли его основы, содействовали распространению успехов братства и независимости среди угнетенного народа, униженного монархией и аристократией, этими двумя бичами Востока. Вы можете радоваться тому, господа, что рассеяли все

ужасы невежества и фанатизма или дали первый сигнал этому благородному и святому делу.

Вы показали своим соотечественникам бездну, в которую они свалились, и средства спастись из нее; вы извлекли их из того состояния отупения, в которое они впали под гнетом деспотии. Наконец, постоянные и ожесточенные враги рабства, вы указали русским дорогу свободы и счастья, несмотря на клеветы, оскорбления, лживые обвинения и проклятия, которыми осыпали вас ваши враги, несмотря на бешенство и злобу ваших преследователей.

Я хотел бы, господа, быть рядом с вами, чтобы вы смогли прочесть на моем лице, как далеко простирается мое восхищение вами. Разрешите мне, прошу вас, излить в этих строках чувства, которые вы разбудили в глубине моего сердца. Я восхваляю вас, господа, за то, что вы всегда проявляли величайшую преданность своей родине. Я восхваляю вас за то, что вы всегда были борцами за всеславянское дело, что вы всегда были великодушны, справедливы, непреклонны в своих внутренних убеждениях. Я восхваляю вас за то, что вы всегда были человеколюбивы и полны сочувствия к нуждающимся. Я восхваляю вас за то, что вы всегда были великими демократами, заклятыми врагами всемогущего московского трона. Я восхваляю вас за то, что вы преодолели все преграды, воздвигнутые русской аристократией против вашего рвения; за то, что вы вступили в смертный бой с мрачной политикой петербургского правительства; за то, что вы восстали против ужасной формулы царского деспотизма: «Быть посему!». Наконец, господа, я восхваляю вас за то, что вы предпочли добровольное изгнание в чужую страну—презренному и жалкому существованию в России.

Вот каков голос моей совести, вот что все люди, любящие свою родину, говорят вам моими устами, вот какое благоговение питало к вам мое сердце.

Не удивляйтесь же поэтому, если в желании следовать вашему примеру, которое вы возбудили во мне, и в моей робкой неопытности я решился явиться, чтобы стать под ваше знамя; не удивляйтесь, если, верный поклонник всех ваших начинаний, всех дел, которые вы поддерживали, я явлюсь, чтобы выбрать вас в свои руководители и покровители.

Вы будете моими наставниками: вы научите меня, как жить в изгнании, в несчастии, в вечной ссылке, как можно все выстрадать за родину. Вы научите меня, как довести до конца великую миссию, которую я сам на себя возложил. Там, подле вас, я буду нечувствителен ко всем жестокостям, которые судьба может мне ниспослать, я стану презирать все беды, я буду выше горестей и страданий. Там, наконец, мое перо, смоченное желчью негодования, покарает без всякой жалости восточную тиранию и в ненависти, как и в любви, в угрозах, как и в преданности, будет решительно и неумолимо.

Итак, я покидаю свою родину, я оставляю свою родную землю. Но что говорю я? Свою родину? Ах! небеса, которые внимают мне в этот миг, бог, который знает все мои чувства и который читает в глубине моего сердца, бог знает, сколько горьких слез я пролил, покидая отеческий кров. Он видел мое горе, мое отчаяние. Он знает, что мое грустное прощание прерывалось мрачными рыданиями, что моя душа стенала в молчании.

Но таково было веление судьбы, и закона ее нельзя избегнуть: надобно было отправляться... Отправляться, не имея никакой надежды на возвращение. Судите, каково было мое положение, господа; я оставляю родину, как оставляют мрак Тартара, я покидаю домашний очаг, как покидают ад!..

О, я должен, наконец, во всем вам открыться. Господа, не свою родину, а Турцию покидаю я; но моя родина принадлежит теперь туркам, она закована в цепи под троном деспота-мусульманина. Моя родина — страна, где кровь течет непрестанно, ибо эта страна порабощена жестоким и варварским владычеством турок. Эта азиатская орда рыщет безнаказанно по дунайским землям, оскверняет имя наших предков и держит нас под кровавым ярмом.

Итак, моя родина—это Турция, и Турция мне отвратительна, и Турцию я ненавижу более всего на свете, и я скорей предпочел бы жить среди каннибалов, чем среди оттоманов.

Да, господа, здесь воля тирании распоряжается всем: здесь даже закон — лишь образ деспотизма, символ рабства. Здесь все — гнусность, и мрак, и мерзость. Справедливость изгнана отсюда, невинность преследуется, честь приносится в жертву криводушию, а добродетель почитается злодеянием. Здесь бедность носит траур, заслуги презираются, слабый угнетен. Здесь произнесение слов «справедливость» и «патриотизм» является преступлением. Здесь хаос, жуткая бездна, в которой люди стенают среди всевозможных ужасов. Горе здесь тому, кто хочет жить честно, кто не умеет подличать перед вышестоящими, льстить им и, в свою очередь, подобно хищной птице, высасывать кровь из нижестоящих. Общественные интересы здесь принесены в жертву удовольствиям фанатичного и невежественного султана, громадные дворцы которого являются убежищем порока и гнуснейшей праздности и который сам окружен кровожадными коршунами, палачами его подданных. Наконец, здесь поистине общественная сумятица, где никто не избавлен от всяческих насилий, где самые святые права всегда подлейшим образом поруганы, где свобода совести постоянно оскорбляется исступленным суеверием... Вот что представляет собою Турция; об этом знает весь свет, господа, но существуют еще и вещи, которые человечество не знает, вещи, которые рука отказывается запечатлеть на нескольких окровавленных страницах!..

После всего этого, бога ради, господа, могу ли я остаться в Турции? Скажите мне, кто на моем месте действовал бы иначе, чем я.

Я выполняю свой долг...

Моя совесть требует, чтоб я ехал...

Могу ли я остаться?.. Испуганные моим решением, трепеща за мою судьбу, мои друзья говорили мне: «Останься, останься, бога ради! Не отправляйся искать гибели на краю земли, не заставляй нас погружаться в печаль! Останься в Турции, умоляем тебя!».

Увы! мой долг и моя совесть одержали победу над просьбами тех, кто мне дороже всего на свете, мой патриотизм одержал победу над советами тех, за которых я пролил бы всю кровь, текущую в моих жилах!

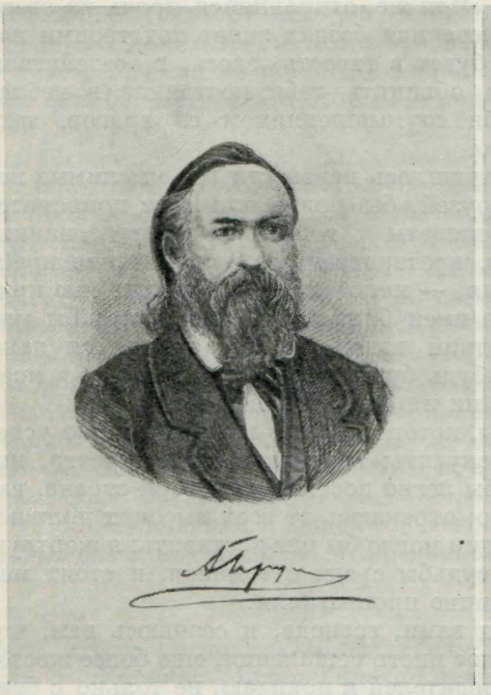
Я приношу еще и другие жертвы, но они показались бы мне сущими безделицами, если бы в глубине души я не слышал голоса самых жестоких сожалений... Ах, родители мои, отец мой, мать моя, я их также покидаю! Родители мои, которым я обязан жизнью, родители мои, воспитавшие мое сердце и душу, родители мои, всегда проявлявшие ко мне неистощимую доброту, ничего не жалевшие для моего образования, родители мои, наконец, чьи отеческие советы сверкают подобно факелам перед моим взором, — я удаляюсь от них!

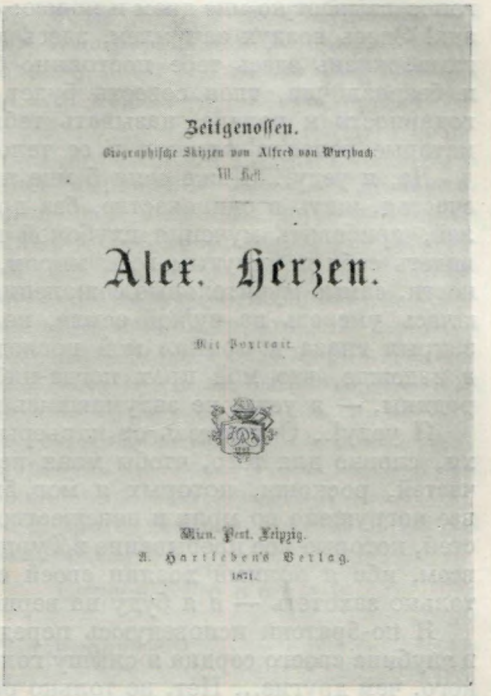
Я удаляюсь от них! Ах, если бы для того, чтоб заслужить их прощение, мне нужно было отдать жизнь, если бы для того, чтоб получить их благословение, нужно было похоронить себя целиком, низвергнуть в небытие чело, которое жаждет лавров, мою голову, наконец, мою дерзкую голову, которая в своем стремлении к славе и счастью посмела вынашивать столько замыслов преобразований и свобод,—если бы нужно было

сделать все это, чтобы угодить им, я бы охотно пожертвовал собою, осчастливленный возможностью удовлетворить их, воссылая мольбы за их благополучие и процветание.

Но они желают мне счастья, это я, их старший сын, являюсь предметом их молений ко всемогущему, это я — их надежда, гордость, утешение их старости. Они любят меня нежно, они хотели бы отдать часть своих дней, чтобы удлинить ими жизнь мою.

Итак, я паду к их ногам, омою их своими слезами и, вымаливая их прощение, я буду заклинать их именем бога, теми слезами радости,





АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК АЛЬФРЕДА ВУРЦБАХА, 1871 г.
Очерк издан в серии «Zeitgenossen» («Современники»)
Фронтиспис и титульный лист книги

которые они проливали над моей колыбелью, я буду их заклинать тем, что мое счастье отдалено от неба моей родины, что моя честь и моя юность изгоняют меня на чужую землю, что мой долг, столь же непоколебимый, как моя совесть, осуждает меня на изгнание из-под отеческого крова.

Вот как я буду говорить с ними, чтоб утешить их старость в разлуке со мной. Они меня отпустят—в этом нет сомнения, они меня простят, они не смогут остаться бесчувственными к моим мольбам.

Но что бы ни произошло, если вся природа, вся земля обратятся против меня, я уеду, живой или мертвый, я покину Турцию. Я скорей соглашусь, преисполненный отчаяния, покончить с собой, проклиная провидение, чем хоть чем-нибудь поступиться в этом.

Пусть я увижу своих друзей, своих братьев даже, на коленях передо мной, пусть даже они обвинят меня в неблагодарности, я останусь непреклонен... Как! продолжать жить в Турции?.. Чем я провинился, чтобы

отравлять свою юность горечью бесчестия, губить свое чистое и невинное сердце в мрачных обиталищах сладострастия и распутства, погружаться, на утре дней своих, в ужасы варварства? Что я совершил, в каком преступлении я виновен, чтобы навсегда угасить в своей душе это пламя искренности и честности, этот священный огонь, который в меня заронен еще в колыбели, который должен одушевлять меня в течение всей моей жизни и сопровождать до могилы? Какое злодеяние совершил я, чтобы жить в подлости, бесчестии, оставаясь глухим к крикам собственной совести, к упрекам собственной чести?

Нет, нет, отныне я не могу больше жить в Турции, ибо таинственный голос взывает ко мне днем и ночью: «Иди же, отправляйся прочь из этого ада! Здесь воздух зачумлен, здесь мрачная бездна зияет под твоими ногами, жизнь здесь тебе постоянно будет в тягость, здесь, в бездействии и безразличии, твоя совесть будет обвинять тебя постоянно в неблагодарности к родине, называть тебя соумышленником ее врагов, тех, которые вонзили кинжал в ее тело.

Да, я уеду!.. Даже если б мне пришлось перенести все мыслимые несчастья, жить в одиночестве, без друзей, без поддержки, без покровителей, прибавить мучения глубокой нищеты к горечи вечного изгнания, видеть себя покинутым всем миром, претерпевать самые жестокие крайности, самые мучительные сожаления, — наконец, если бы даже мне пришлось умереть на чужой земле, не имея близ себя никого, кто бы мне закрыл глаза и принял мой последний вздох, не имея утешения даже в надежде, что мой прах когда-нибудь будет возвращен под небо моей родины, — я уеду, не задумавшись ни на одно мгновение.

Я уеду!.. Отрекаюсь от карьеры, которая сулит мне блестящие успехи, словно для того, чтобы меня искусить; отрекаюсь от богатства, почестей, роскоши, которых я мог бы легко достигнуть в этой стране, где все погружено во мрак и невежество; отрекаюсь от всех высоких должностей, которые мое пребывание в Турции могло бы мне доставить; я жертвую всем, ибо я полный хозяин своей судьбы среди оттоманов, и стоит мне только захотеть — и я буду на вершине процветания.

Я по-братски исповедуюсь перед вами, господа, и сознаюсь вам, что в глубине своего сердца я слышу голос иного сожаления, еще более жестокого, чем другие... Нет, не только родителей я покидаю, не только с братьями и друзьями прощаюсь я... Небеса, покровительствующие моей юности, дали мне ангела-хранителя, божественное дитя; возле меня был серафим, нежный и непорочный, который, в то время как мрачная грусть и черная тоска овладевали моим духом, один во всем мире являлся облегчать и утешать мою душу. То была нежная подруга моей жизни; она делила со мной мои тайные горести, она всегда умела вносить покой в мое сердце. Когда, несмотря на мою юность, горесть погружала меня в уныние, омрачала мое чело, когда я видел вокруг себя лишь убийства, тиранию, преступления, подлости, страдания, когда я изнывал под грузом самых жестоких волнений и самой мучительной боли, она, лишь она одна, являлась и садилась рядом со мной, и единым взглядом, единым словом вносила утешение, вселяла надежду в мое сердце...

Увы! нам пришлось расстаться! Нам пришлось расстаться! Но небо милосердно; рано или поздно оно сжалится над нами: быть может (и это моя самая сладкая надежда, самая святая моя мечта), быть может когда-нибудь мы снова увидим друг друга, полные счастья, дышащие любовью, миром и блаженством,— в тех краях, где мы проливали лишь горькие слезы!

. . . . . .*

---

* *Многоточие в подлиннике так же как и на следующей странице.*

О Турция! страна нищеты и позора, я покидаю тебя! Несмотря на кровавые жертвы, к которым ты меня принуждаешь, я скоро уеду! Прими же от меня вместо прощания презрение, проклятия — в знак вечной памяти. Ты, делающая меня глухим к голосу природы, принуждая меня бежать от того, что мне дороже всего на свете, ты, сделавшая мое сердце нечувствительным к голосу любви и дружбы, ты, подвергшая меня тысячам смертей еще до настоящей смерти, — если для свершения моих желаний недостаточно того, чтобы ты погибла, да вооружит меня господь местью, дабы я стал орудием твоей муки, спасителем болгарского народа. Да будет имя твое навсегда пригвождено к позорному столбу истории, покрыто бесчестием, и да будешь ты и в грядущих веках предметом отвращения, и да передастся, наконец, память о твоем падении из поколения в поколение, дабы потомство вспоминало, что есть бог-мститель, который — рано или поздно — наказует преступления людские.

. . . . . .

Простите мне, господа, столь пылкое выражение моего негодования. Я кончаю свое письмо с душой, исполненной надежды; через разделяющую нас пропасть мне слышится тайный голос, говорящий, что вы протянете мне руку и поможете выйти из бездны, в которой я нахожусь. Вы предприняли, господа, священную задачу — воздвигнуть искупительный трофей над развалинами мрачного здания тирании. Я хотел бы соединить свои усилия с вашими, чтоб служить Сербии и Болгарии так, как вы делали это для России и Польши. Согласитесь ли вы взять меня под свое покровительство? Конечно, да, я в этом уверен заранее, и, ожидая вашего ответа, я никак не могу допустить, чтобы молодой человек, преданный интересам человечества и жертвующий всем, чтобы положить и свою долю на алтарь всеобщего освобождения, был отвергнут вами.

Полный доверия к вашей отеческой доброте, господа, я остаюсь вашим пламенным почитателем и преданнейшим слугой.

Симеон Горский

Мой адрес: Господину Константину Великову,
Ученику Лицея Галата-Сераи.
Для г-на Симеона Горского
Константинополь (Пера).

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Я. З. Черняка*

Переписка Герцена с Грановским — один из наиболее содержательных источников для изучения общественной мысли сороковых и начала пятидесятых годов. Как известно, в сороковых годах в кружках Белинского и Герцена, в Петербурге и в Москве, а также в обществе Петрашевского, начали вырабатываться те идеи, в которых отразился энергично развивавшийся процесс демократизации общественного движения и литературы. Складывалась разночинная идеология, и это неизбежно вызывало расслоение в лагере русского просветительства, к которому принадлежал Грановский. Разумеется, в сороковых годах многое в этом процессе еще протекало в неустоявшихся формах. В документах, характеризующих тот период, когда, по определению Ленина, «*все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом» (Соч., т. 2, стр. 473), отражено еще не размежевание политических партий, а лишь предвидение будущего решительного размежевания. Различные, более или менее острые разногласия и столкновения по отдельным, иногда важнейшим коренным вопросам характеризуют начавшуюся борьбу двух основных лагерей в русском общественном движении середины XIX века—революционно-демократического и буржуазно-либерального.

Белинский первый — и с наибольшей силой и страстью — в знаменитом письме к Гоголю выразил антикрепостнические, антидворянские настроения крепостного крестьянства и сформулировал цели и направление революционной борьбы. Он был, как говорил Ленин, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223), но именно *предшественником*. Герцен, начиная с 1841 г., шел плечо к плечу с Белинским. Герцен свидетельствует, что молодежь—передовые студенты, слушатели Грановского, читатели «Отечественных записок» — видела в Белинском и в нем самом представителей боевого материалистического мировоззрения. Он прямо говорит, что студенты «начали восставать» против «романтизма» Грановского. «Они хотели непременно,— вспоминал Герцен, — чтоб я склонил его на нашу сторону, считая Белинского и меня представителями их философских мнений» (XIII, 188).

Но Белинский и Герцен не только явились зачинателями борьбы против идеализма в философии; они явились идеологами революционного преобразования страны. Грановский же в борьбе с крепостным правом и самодержавием оказался не в силах подняться до последовательных, решительных выводов своих друзей; он был и остался просветителем, но не революционером. На этой-то почве неизбежно должны были возникнуть и развиться глубокие принципиальные и тактические разногласия между Герценом и Грановским.

Письма Грановского равно интересны и для характеристики замечательной дружбы двух крупнейших руководителей русской общественной мысли той поры, и для характеристики серьезных идейных расхождений между ними.

Необходимо, однако, оговорить одно существенное обстоятельство. Переписка Герцена и Грановского сохранилась лишь частично. В точности неизвестно даже количество

---

* Письмо Грановского от июля — августа 1849 г., печатаемое под № 2, сообщено М. Ю. Барановской.

писем, которыми они обменялись после отъезда Герцена за границу. Дошло же до нас всего *девять* писем, полученных Герценом от Грановского с 1847 по 1855 г. В это число не входят ни приписки Грановского, сделанные в письмах других членов «московского кружка», ни коллективные письма, в которых принимал участие Грановский, ни еще одно «большое письмо» 1851 г., не дошедшее до Герцена (оно погибло во время кораблекрушения у Гиерских островов). Из указанных девяти писем сам Герцен напечатал в «Полярной звезде на 1859 год» только пять, сделав к тому же в каждом из них более или менее значительные купюры. Несколько выдержек из писем привел он еще раньше в некрологе Грановского «На могиле друга», опубликованном в «Полярной звезде на 1858 год». Таким образом, при жизни Герцена ни одно письмо Грановского не было опубликовано полностью. В 1936 г. в сборнике «Звенья» (VI, 1936, стр. 355—364) *три* письма были напечатаны полностью, по автографам (июнь 1849 г., июль 1849 г. и 1851 г.). В настоящую публикацию они не входят. Остальные шесть печатаются ниже по подлинникам, сохранившимся в «пражской коллекции» (№№ 1, 3, 4, 5, 6) и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (№ 2).

Выдержки из писем Грановского были впервые приведены Герценом в тексте «Былого и дум». Те главы «Былого и дум», в которых Герцен создает портрет Грановского, служат для этих выдержек своеобразным и очень важным комментарием.

В литературе, посвященной Герцену, неоднократно указывалось уже, что рассказ Герцена о Грановском, о годах дружбы и близости с ним, о «теоретическом разрыве», последовавшем в 1846 г., и о их дальнейших сношениях в те годы, когда Герцен оказался за границей, — не полон. Герцен не раскрыл в соответствующих главах «Былого и дум» всего содержания ожесточенных «злых» споров, происходивших на даче в Соколове и приведших к «разрыву». Он считал себя вправе отобрать из массы фактов, которыми располагал, наиболее выразительные и яркие и передать с их помощью лишь атмосферу и напряжение возникших разногласий, умолчав о многих, существенных, с исторической точки зрения, сторонах этих разногласий. Знаменитые страницы «Былого и дум», повествующие о столкновениях мнений и лиц в «московском кружке», дают правдивый и художественно точный *образ* всего происшедшего, но на действительное *политическое* содержание споров они только намекают. Между тем, разногласия эти разделили друзей на два стана. Один, возглавлявшийся Герценом, развивал материалистические взгляды; другой, во главе с Грановским, продолжал цепляться за романтизм и идеализм. Герцен же в своих воспоминаниях изображает дело так, будто он нападал «только» на научную непоследовательность Грановского, требуя большего мужества в признании объективной истины, хотя бы она и была неутешительной для лица, и т. д. Конечно, Герцен дает понять читателю, что спор с Грановским о вере в бессмертие души не исчерпывал тех действительных разногласий, которые бурно нарастали в их кругу. И все же о том, что в Соколове, при участии Белинского, а через год при участии Огарева, между Герценом и Грановским велись острые споры об «отношении к народности», т. е. о перспективах революционного пробуждения народа, что в действительности речь шла об общих проблемах философии материализма того времени, что революционные выводы, которые Герцен сделал из философского материализма, были неприемлемы для Грановского, что социализм и его судьбы в России и на Западе явились предметом обсуждения,—мы узнаем не непосредственно из «Былого и дум», а из воспоминаний П. В. Анненкова, свидетеля и участника «подвижных конгрессов» в Соколове, как он назвал летние съезды друзей (см. П. В. Анненков. Замечательное десятилетие, главы 25—27),и из воспоминаний И.И.Панаева (ч. 2, гл.V).

Умолчания Герцена не были случайными пропусками. На исходе 1857 г., когда создавались главы III части «Былого и дум», Герцен не мог говорить об этих предметах в печати с полной откровенностью: безопасность членов «московского кружка» требовала от него осторожности. Связан он был также необходимостью соблюдать особый такт относительно тех участников споров — Кетчера, Корша, Боткина, —

которые постепенно превращались из друзей в противников. Надежда на то, что некоторые члены кружка станут сотрудниками и корреспондентами только что основанного «Колокола», тоже побуждала Герцена к величайшей сдержанности. Все взятое вместе мешало ему полным голосом рассказать о Грановском.

Очень сдержанно и кратко рассказал он и о своей переписке с Грановским. «Передо мною лежат три-четыре письма, которые я получил от Грановского в последние годы, — пишет Герцен; — какая разъедающая, мертвящая грусть в каждой строке!» (XIII, 117). Он приводит далее выдержки из писем, несколько изменяя даты, и, произвольно соединяя отдельные места из разных писем, демонстрирует перед читателем «мертвящую грусть», но умалчивает о том, что Грановский в тех же письмах не только выражал свои дружеские чувства, но и жестоко полемизировал с ним, Герценом. Публикуя в 1859 г. письма Грановского и Белинского, Герцен сделал специальную оговорку: «Я должен предупредить, что я счел необходимым очень многое из писем Белинского и из писем Грановского не печатать» («Полярная звезда на 1859 год», стр. 199).

Теперь мы имеем возможность напечатать письма Грановского к Герцену полностью, без купюр. Написана большая часть из них во второй половине 1848 г. и в последующие годы, т. е. после поражения революции в странах Западной Европы. Жестокая реакция и разгул полицейского террора в России в 1849—1851 гг. тоже отразились на этих письмах. Грановский оставался непримиримым врагом деспотизма Николая I; письма его дышат ненавистью к угнетателям просвещения и литературы; в одном из писем он с огромным волнением говорит о преследовании молодежи, об угрозе закрытия университетов (письмо 1849 г., см. «Звенья», VI, 1936, стр. 359—361). Именно это письмо Герцен особенно охотно и подробно цитирует; здесь Грановский выступает с лучшей своей стороны, в качестве передового профессора Московского университета, друга и учителя оппозиционно настроенной молодежи, в качестве «*просветителя нации*», как назвал его впоследствии Чернышевский.

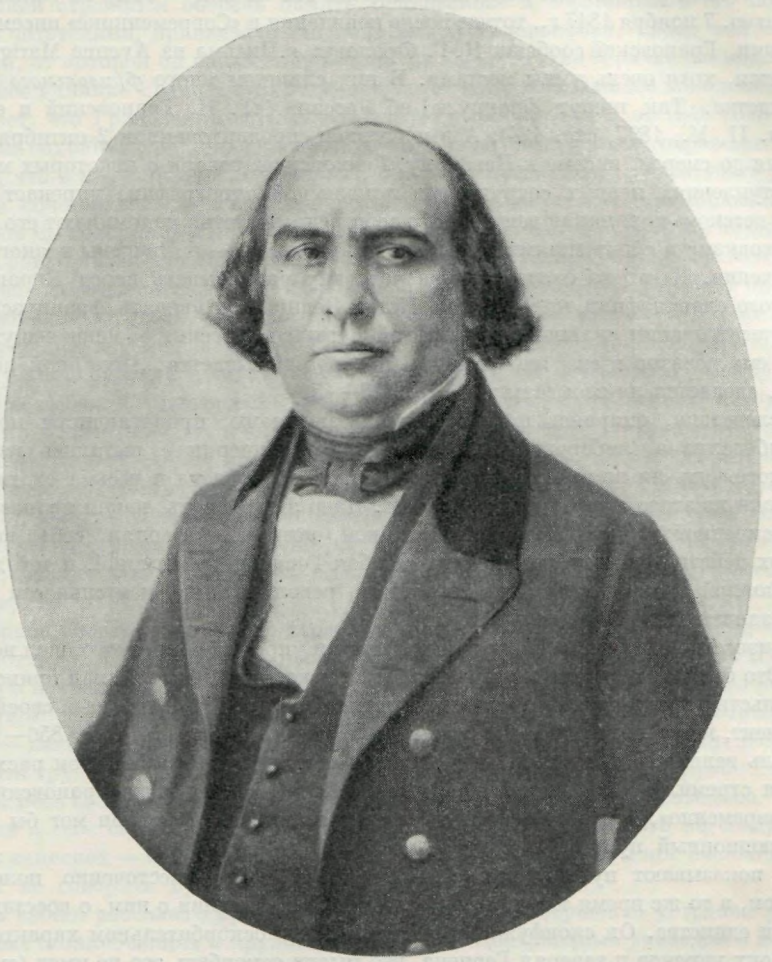
Однако по отношению к социально-политической действительности Запада позиции Герцена и Грановского не совпадали. Острая критика европейской буржуазии, которая прозвучала в первых же письмах Герцена из Франции и Италии, была чужда Грановскому. Он увидел в ней легкомысленное отрицание исторически прогрессивной роли «третьего сословия» — роли, которая, по мнению Грановского, далеко еще не была сыграна до конца.

Грановский продолжал борьбу с идеями Герцена и позже, когда Герцен —в частных письмах и в брошюре «Развитие революционных идей в России» (1851) — впервые формулировал, прямо и косвенно, задачи революционной агитации. Отклик Грановского на эту брошюру был чрезвычайно суров: «Зачем писал ты твою несчастную книгу о России? (...) — спрашивал он. — Ее получат и прочтут пять или шесть аристократов (...) Ты своею книгой (...) отнял у нас окончательно право на возможность напоминать русской публике о Белинском (...) Кроме новых строгих мер и новых стеснений ты ничего не доставил нам...» («Звенья», VI, 1936, стр. 356—357).

Свои суровые упреки Грановский заканчивал словами: «Не могу более писать. Сердце сжато и голова горит при мысли, что *ты*, а не другой сделал это. Не ты ли восставал на иностранцев, писавших о России, не обращая внимания на наше положение и называя лица по именам? А ты поступил хуже. Никто столько не повредил нам, как ты. Да! не благие плоды принесла до сих пор русская эмиграция (...) А знаешь ли, как любила тебя русская молодежь, как уважала тебя за то, что написано тобой по-русски. И все это должно погибнуть под влиянием жалкой брошюры» (там же, стр. 358).

Герцену было больно читать подобные обвинения. Чувства, вызванные этим письмом, отчетливо выразил Огарев. На подлиннике есть позднейшая надпись Огарева, сделанная после его приезда в Лондон в 1856 г.: «Не жги этого письма, Герцен, сохрани его, как хранят в памяти печальные события. Николаевский террор частью оправдывает его. Нам остается только простить и страшно пожалеть, что Он умер, не покаявшись. Что-то душит, Герцен, и плакать хочется» (там же).

Весной 1853 г., основывая типографию, Герцен обратился к друзьям с призывом поддержать его. Ему ответили молчанием или резкими порицаниями. Через четыре года в передовой статье первого листа «Колокола» Герцен заговорил об этом вслух, разумеется, никого не называя по имени. «Ответа не было, — с горечью писал он,— или хуже—до меня доходили одни порицания, один лепет страха,осторожно шептавший мне, что печатание за границей опасно, что оно может компрометировать и наделать



Т. Н. ГРАНОВСКИЙ
Фотография, 1850-е гг.
Исторический музей, Москва

бездну вреда; многие из близких людей делили это мнение» (VIII, 526). Из публикуемых нами писем вытекает, в частности, что именно Грановский использовал поездку М. С. Щепкина за границу в 1853 г., чтобы попытаться уговорить Герцена прекратить работу Вольной русской типографии.

Грановский неодобрительно высказывался и о первых воззваниях Герцена, выпущенных Вольной типографией в 1853 г. «Менее всего понравился здесь „Юрьев день!“ *, — писал Грановский. — Зачем ты бросил камень в Петра, вовсе не заслужившего твоих обвинений, потому что ты привел неверные факты. Чем долее живем

* В названии брошюры Грановский ошибся. Он имеет в виду «Крещеную собственность», вышедшую тем же летом 1853 г. Здесь Герцен писал, что Петр I запер сельскую общину «замком немецкой работы» (VII, 270).

мы, тем колоссальнее растет пред нами образ Петра. Тебе, оторванному от России, отвыкшему от нее, он не может быть так близок и так понятен...» (см. письмо № 6). Однако, упрекая Герцена в этих нападках на Петра, сближающих его со славянофилами, Грановский вместе с тем выражает восторг перед талантом Герцена, находит в его даровании черты гениальности.

В эти же годы, все более обостряя свои нападки на Герцена, Грановский доходит до оценок весьма резких. Мы напомним вкратце две из них — одну из самых первых и последнюю. 7 ноября 1847 г., тотчас после появления в «Современнике» писем Герцена из Франции, Грановский сообщал Н. Г. Фролову: «„Письма из Avenue Marigny“ мне не нравятся, хотя очень умны местами. В них слишком много *фривольного* русского верхоглядства. Так пишут французы] об России» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 424). А в последнем, продиктованном 2 октября 1855 г., за два дня до смерти, письме к Кавелину, Грановский, говоря о некоторых малоудачных выступлениях первых сотрудников лондонской типографии, упрекает Герцена в «самом детском» понимании вещей. «Его собственные статьи напоминают его остроумными выходками и сближениями, — пишет Грановский, — но лишены всякого серьезного значения. И что за охота пришла человеку разыгрывать перед Европою роль московского славянофила, клеветать на Петра Великого и уверять французских *refugiés* в существовании сильной либеральной партии в России. У меня чешутся руки отвечать ему печатно в его же издании (которое называется „Полярной звездою“). Не знаю, сделается ли это» (там же, стр. 455—456).

Впоследствии, опираясь на авторитет Грановского, пропагандисты монархического либерализма (либералы типа Кавелина и Чичерина) пытались изобразить Грановского чуть ли не инициатором их нападок на Герцена и весьма охотно приводили строки из этого предсмертного письма. Надо ли говорить, какая пропасть лежит между искренней и чистосердечной критикой, которую позволял себе по поводу отдельных действительных или мнимых ошибок Герцена Грановский, и той демагогической, полной вражды и клеветы «критикой» революционной деятельности Герцена, которой занимались Чичерин и Кавелин!

Как известно, Герцен, несмотря на протесты и упреки Грановского, шел неуклонно вперед. Это была та пора его деятельности, когда каждый день начинал приносить ему доказательства правильности избранного пути. Уверенность Герцена в своей правоте в тот момент, когда он писал о Грановском в «Былом и думах» (т. е. в 1856—1857 гг.), была столь велика, что, вспоминая с величайшей тяжестью в душе свои расхождения с ним, он стремился, тем не менее, убедить себя и других, будто Грановский заблуждался «временно», будто он признал бы свою неправоту, будто он мог бы вступить на революционный путь.

Как показывают публикуемые письма, Грановский, ожесточенно полемизируя с Герценом, в то же время тянулся к нему, мечтал о свидании с ним, о восстановлении дружбы и единства. Он сконфуженно раскаивался в оскорбительном характере некоторых своих упреков и заверял Герцена, что мысли оскорбить его не имел (см. письмо № 5). Он оправдывал себя необходимостью призвать Герцена к соблюдению осторожности.

Создавая литературный портрет Грановского, Герцен не скрывал и не оправдывал его заблуждений и слабостей и подчеркивал, что Грановский признавал свою неправоту в спорах 1846 г., что он отрекался от романтических заблуждений, что он готов был пересмотреть свои ошибочные взгляды. В главе «На могиле друга» Герцен, как и Огарев в послании «Мертвому другу», написанном одновременно и включенном Герценом в состав главы, с искренней скорбью говорят о несостоявшемся примирении с Грановским; примирению помешала, как они полагали, только смерть. В тот момент Герцен и вообразить себе не мог, что либеральные друзья его — Кетчер, Корш и другие — через некоторое время вполне обнаружат свою реакционную сущность и вынудят его назвать их «загнившим поколением». Все это определилось позже, чем написан был портрет Грановского в «Былом и думах». Только в 1862 г., после реакционных выступлений «московских друзей», Герцен с полной отчетливостью увидел сущность ошибок Грановского. «... С Грановским умерла Москва, и, может, это—счастие для

Грановского, что он умер»,—писал Герцен в сентябре 1862 г. Сатину, характеризуя поведение «москвичей» (XV, 473).

Неправильные суждения, высказанные Грановским в письмах, Герцен при жизни Грановского считал ошибками, если и не случайными, то все же не такими, которые должны определять объективное значение деятельности Грановского. Вот почему об этих ошибках Герцен говорит мимоходом, вскользь, как об отдельных срывах.

Герцен стремился оберечь память Грановского и восстановить его облик перед новыми читателями, привлеченными лондонской типографией, перед той молодежью в России, от которой он начал получать после 1856 г. такие горячие письма. Он рисует громадное влияние Грановского на университет и «на все молодое поколение». Он подчеркивает, что Грановский «сумел в мрачную годину гонений от 1848 года до смерти Николая сохранить не только кафедру, но и свой независимый образ мыслей, и это потому, что в нем с рыцарской отвагой, с полной преданностью страстного убеждения стройно сочетавалась женская нежность, мягкость форм и та примиряющая стихия, о которой мы говорили» («Полярная звезда на 1858 год», стр. 113). Дав в печать эти страницы, Герцен писал в ноябре 1857 г. М. К. Рейхель: «Теперь печатаются мои „Записки" и именно о Грановск‹ом›; я вам пришлю в листах. Там вы найдете о нем превосходное стихотворение Огарева; желаю знать, как они вам, — многие будут недовольны... Но вперед, „об истине глася неумолимо"..., но со всей полнотой любви» (IX, 47). Итак, задача у Герцена была такая: рассказать о Грановском неумолимую *правду*, но *со всей полнотой любви*. Герцен и нарисовал правдивый образ Грановского, который не был «боец как Белинский», сила которого была «не в резкой полемике, не в смелом отрицании», а «в положительном нравственном влиянии» и, главное, «*в постоянном глубоком протесте против существующего порядка в России*» («Полярная звезда на 1858 год», стр. 113). Вместе с тем Герцен не скрыл от читателей своего убеждения, что «Грановский по всему строению своей души, по ее романтическому складу, по нелюбви к крайностям, скорее был бы гугенот и жирондист, нежели анабаптист или монтаньяр» (там же, стр. 113).

Герцен сперва рассказал о стремлении Грановского примириться, признать свою неправоту (гл. XXIX) и лишь после этого — о «теоретическом разрыве» (гл. XXXII). Говоря о некрологе «На могиле друга», Герцен сообщал Рейхель: «Сто раз переписывал главу (которой у вас нет) о размолвке ‹с Грановским. — *Я. Ч.*›, я смотрел на каждое слово, — каждое просочилось сквозь кровь и слезы. Я год обдумывал, начать или не начинать труд такой интимный и такой страстный, что, начавши, трудно было остановиться. Весь вопрос состоял: „Исповедуешься ли ты перед своей совестью, что ты чувствуешь в себе силу и твердость сказать всю истину?" Из этого не следует, что все в моих записках — само по себе *истина*, но истина для меня, я мог *ошибиться*, но уже не мог не говорить правды» (IX, 81).

Из своего рассказа о Грановском Герцен почти совершенно устранил упоминания о личных столкновениях в кружке после 1846 г. Центральным эпизодом в истории этих отношений был разрыв в 1849—1850 гг. между Грановским и Огаревым. Об этом Герцен пишет очень кратко: «...Гораздо позже между Грановским и Н., которые пламенно, глубоко любили друг друга, протеснилась сверх теоретической размолвки какая-то недобрая полоска, но мы увидим, что и она, хотя поздно, но совершенно была снята» («Полярная звезда на 1858 год», стр. 117).

Герцен стремился показать читателю, что не только в личных отношениях развитие событий привело к смягчению былых конфликтов, но что и «теоретический разрыв» закончился, как ему казалось, признанием со стороны Грановского своей неправоты. Однако в действительности этого разрыва не только не удалось смягчить, но с течением времени он становился все ощутимее и резче, в особенности в сфере политической. Участники некогда тесного кружка, понимая неизбежность возникших расхождений, в то же время глубоко от них страдали. Ранняя смерть Грановского заставила Герцена и Огарева с особой остротой почувствовать непоправимость того отчуждения друг от друга, которое возникло между ними троими в дни памятных «споров 1846 года».

О том, какую глубокую боль вызвало в Герцене известие о смерти Грановского, мы знаем из «Былого и дум». Глубоко скорбел и Огарев. Об этом свидетельствует

следующее неизданное письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Е. С. Некрасовой от 3 декабря 1903 г.:

«Кажется, я вам когда-то писала, что на последней станции ⟨перед Москвой⟩ письмо от моего зятя ⟨Н. М. Сатина⟩ к сестре: „Елена,—писал он коротко,—Грановский умер". Она вскрикнула и повторила: „Умер". Тогда страшно вспомнить, что было с Огаревым, он то рыдал, то, желая подавить свои рыданья, кусал себе пальцы до крови, не говорил, не смотрел ни на кого, и так вплоть до Москвы. Там он ежедневно ходил на могилу и стал сильно пить» (ЛБ, ф. Е. С. Некрасовой).

Биографы Грановского подчеркивают, что и он тяжко страдал от разрыва с самыми близкими своими друзьями. О том же говорят печатаемые ниже письма.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 80) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ф. 345, ед. хр. 1, л. 25 и об.).

1

⟨Москва. Начало сентября 1847 г.⟩ [1]

Опять романтизм, скажешь ты, может быть, прочитав это письмо. Пусть будет по-твоему, Герцен. Я остаюсь неизлечимым романтиком. Сегодня у меня потребность говорить с тобой. Ночь так хороша; Лиза до двух часов мне играла Моцарта; душа настроена тепло, как давно не была. И потом твой Крупов!

Я его слышал от тебя прежде, но он мало произвел на меня впечатления, не знаю почему. В «Современнике» он напечатан с большими выпусками, а я не могу его начитаться. Знаешь ли, что это гениальная вещь [2]. Давно я не испытывал такого наслаждения, какое он мне дал. Так шутил Вольтер во время оно, но в Крупове более теплоты и поэзии [3]. Мне от него повеяло тобою и днями, проведенными в Покровском и в деревянном доме Яковлева [4]. Он снял у меня с души что-то ее сжимавшее, от чего ей было неловко с тобою. Мне кажется, что я опять слышу твой смех, Герцен, что я опять вижу тебя во всей красоте и молодости твоей природы. Зачем же было надевать на себя маску bourgeoisie [5], которую ты так гонишь во Франции? Я не отвечал на бо́льшую часть твоих писем, потому что они производили на меня нехорошее действие. В них какой-то затаенный упрек, неприязненная arrière-pensée *, которая поминутно пробивается наружу. То же чувствовал, кажется, и Корш [6], хотя мы не говорили с ним об этом. Твои прежние насмешки над близкими тебе не были обидны, потому что в них была добродушная острота; но ирония твоих писем оскорбляет не самолюбие, а более живое и благородное чувство [7]. Не лучше ли было прямо написать к нам, пожалуй, жесткое письмо, если ты не был нами доволен, но ты рассыпал свои намеки в письме к Татьяне Алексеевне [8] и т. д. Это было нехорошо, Герцен. Последние дни твои в Москве могли доказать тебе, что соколовские сцены [9] не оставили следов и сколько любви и преданности оставил ты за собой. Корш умеет шутить и острить, когда его дети больны при смерти [10], но он плакал, провожая тебя. Неужели ты не оценил и не вспомнил [11] этих недешевых слез? К чему же повторять смешные обвинения в отсутствии деятельной любви, в апатии и пр. и пр. Мы не писали к тебе. Но разве твои письма из Парижа вызывали к ответу? Что мне за охота спорить с тобою о настоящем значении bourgeoisie? Я говорю об этом с кафедры довольно. Я человек, до крайности личный, т. е. дорожу своими личными отношениями, а эти отношения к тебе были нелегки в последнее время. Дай же руку, carissime! **

---

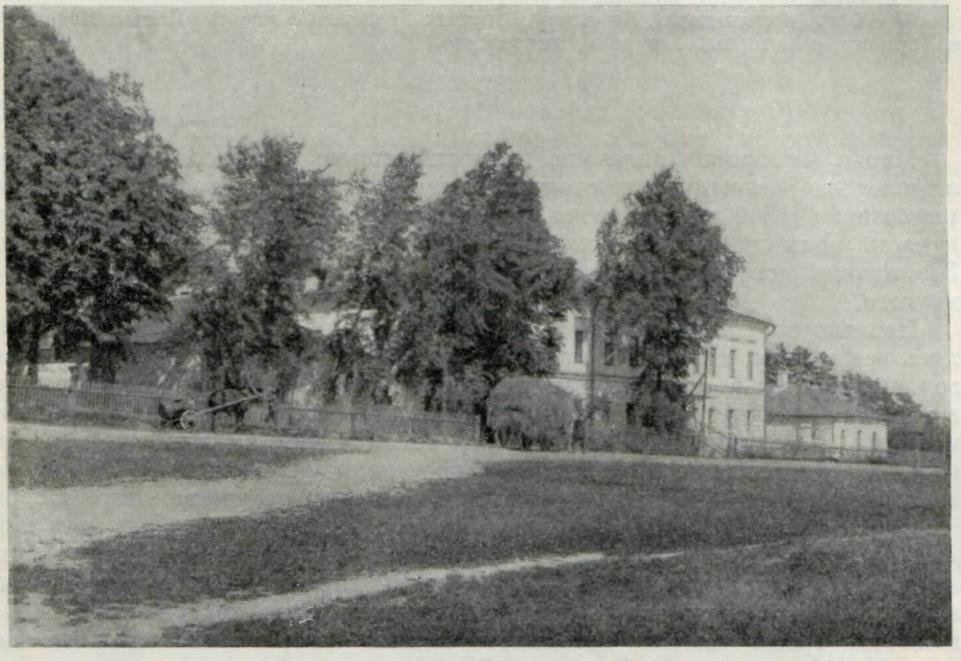
* задняя мысль (франц.).
** дорогой мой (итал.).

Да здравствуют записки д⟨октора⟩ Крупова, они были для меня и художественным произведением и письмом от тебя. Из них я опять услышал твой голос, увидел твое лицо.

Жду с нетерпением писем из Avenue Marigny—и от тебя также. От Огарева получил вчера. Он все хозяйничает, но теперь прибавил к хозяйственным педагогические занятия. Ты, вероятно, знаешь, какого рода [12].

Наталье Александровне пожми от меня крепко обе руки. Когда же увижу вас, друзья мои? Покамест будьте счастливы, прощайте! А Крупов дивно хорош! Марье Федоровне [13] рукожатие.

Кавелин пишет тебе подробно о развязке истории с Крыловым [14].



ПОДМОСКОВНАЯ ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ. ЗДЕСЬ 19 ЯНВАРЯ 1847 г. ПРОИСХОДИЛИ ПРОВОДЫ, УСТРОЕННЫЕ Т. Н. ГРАНОВСКИМ И ДРУГИМИ МОСКОВСКИМИ ДРУЗЬЯМИ УЕЗЖАВШЕМУ ЗА ГРАНИЦУ ГЕРЦЕНУ

Фотография, 1937 г.

Литературный музей, Москва

[1] Дата определяется содержанием: «Записки доктора Крупова» напечатаны в сентябрьской книжке «Современника» за 1847 г., «Письма из Avenue Marigny» — в октябрьской книжке того же журнала. На письме надписи Герцена: *В 1847* и *NB*.

[2] Герцен, печатая письмо в «Полярной звезде на 1859 год», стр. 214, передал это место в следующей редакции: «Знаешь ли, что это просто гениальная вещь».

[3] Герцен напечатал это место в «Полярной звезде» в следующем виде: «Так шутил Вольтер во время оно и сколько теплоты и поэзии», устранив слова Грановского о преимуществе «Доктора Крупова» перед произведениями Вольтера.

[4] При печатании, опустив фамилию «Яковлев», Герцен сделал к этому месту примечание: «Грановский говорит о доме, в котором мы жили до кончины моего отца».

[5] Это место в «Полярной звезде» передано так: «Зачем же было надевать на себя какую-то *буржуазную* маску, которую ты так гонишь во Франции». К приведенным словам Герцен сделал примечание: «Я этого упрека никогда не мог понять и относил его к дамским размолвкам перед нашим отъездом, об них я упомянул вскользь». См. «Былое и думы» в «Полярной звезде на 1858 год», стр. 191.

[6] Евгений Федорович *Корш* (1810—1897) — в сороковых годах приятель Герцена. Корш придерживался либеральных взглядов и на этой почве резко разошелся с Герценом.

[7] Это место в «Полярной звезде» напечатано в следующем виде: «оскорбила самолюбие и более живое...»

[8] Татьяна Алексеевна *Астракова* — см. ее письма к Герцену, публикуемые в настоящем томе.

[9] В «Полярной звезде» напечатано: «Соколовские споры»; в этой же фразе в «Полярной звезде» опечатка: «Последние дни твои в многом...» (вместо: «в Москве»).

[10] Слова «при смерти» Герценом в печати опущены.

[11] Слова «и не вспомнил» Герценом в печати опущены.

[12] Все, что относится к Огареву, опущено Герценом в «Полярной звезде». Письмо Огарева, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Помощь голодающим», М., 1892, стр. 524—525. «Педагогические занятия» — хлопоты об устройстве «Народной политехнической школы» в Старом Акшене. В упомянутом письме Огарев торопил Грановского, прося помочь ему поскорее подыскать учителя для этой школы.

[13] *Марья Федоровна*—Корш.

[14] Абзац, посвященный Кавелину, опущен Герценом в печати. Письмо Кавелина к Герцену, о котором идет речь, неизвестно.

2

(Июль—август 1849 г.) [1]

Марья Федоровна дала мне прочесть письмо твое, Герцен. От него зазвучали все романтические струны, какие есть в душе моей. От прежнего романтизма (1846 года) я отделался, но у меня еще усилился романтизм в части моих личных привязанностей. От этого не хочу отделываться. Это лучший, светлый и святой угол в сердце, куда я ухожу от всего другого.

Недавно случилось мне быть в доме Гагариной [2]. Предо мной поднялись все вы: ты, Наталья Александровна, Сашка и *тогдашние мы*. Я не говорю, как ты, что личные отношения выше всего, да и ты говоришь это в горькую минуту, но я теперь живу личными отношениями, воспоминаниями... Хорошо было бы еще раз сойтись нам на этом свете. Этой надежды нет более во мне, да и вообще у меня мало надежд. Но в числе верований, поддерживающих лично меня, одно из главных — вера в тебя и в твою дружбу. (18)46 год прошел для меня мучительнее, чем для вас, но я вышел из него здоров. Слава богу. А внутренняя связь с тобою и Огаревым еще укрепилась. Если бы нам пришлось встретиться, мы, вероятно, не разошлись бы более в понятиях. Для нас обоих прошло, кажется, время опытов, догадок и чаяний — пора знать досконально и не бояться узнанного. Саго, как будто мир стоит для нашего удовольствия? Он сам по себе. Это, конечно, неприятно, да ведь не переменишь. А Монталамбер [3] недавно доказал как $2 \times 2 = 4$, что мир собственно стоит для того, чтоб человеку было похуже. Я писал тебе до отъезда твоего из Франции и адресовал Rue Chaillot. Дошло ли это письмо? [4]

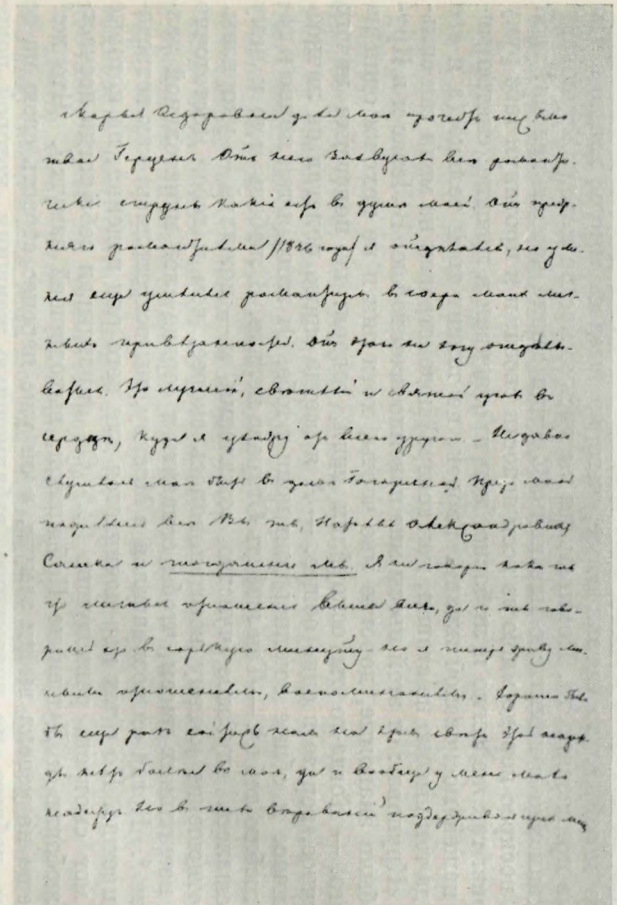
[1] Письмо датируется приблизительно; основание для датировки дают те строки, где говорится о письме, отправленном по парижскому адресу до отъезда Герцена из Франции. Отъезд произошел в двадцатых числах июня 1849 г. См. примеч. 4.

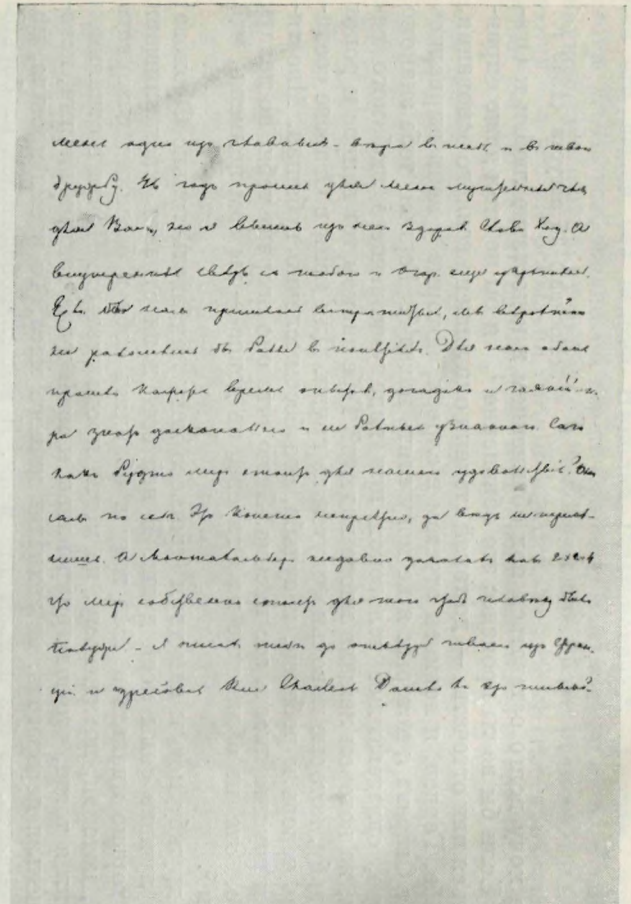
Возможно, что комментируемый текст — это только начало письма, которое Грановским отправлено не было, а было заменено новым — от 25 августа (см. следующее письмо). Подлинник публикуемого отрывка сохранился не в архиве Герцена, а в бумагах Станкевичей (ГИМ).

[2] В доме Гагариной, в Гагаринском переулке в Москве, Герцен с семьей жил короткое время в 1842 г. («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена». М., 1909, стр. 29).

[3] Шарль *Монталамбер* (1810—1870) — клерикал, политический деятель, идейный руководитель иезуитов и католической партии (ультрамонтанов) во Франции при Луи-Филиппе и Наполеоне III.

[4] Письмо, о котором говорит Грановский, известно. Оно напечатано в сборнике «Звенья», VI, 1936, стр. 362—363. Герцен получил его в Швейцарии, куда письмо было переслано в конце июля 1849 г., и отвечал на него 2—5 августа 1849 г. (см. «А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 69—71). Герцен покинул Париж и Францию около 20 июня из-за полицейских преследований. В это время на Rue Chaillot № 111 жила мать Герцена, Луиза Ивановна Гааг. Этот адрес указал Грановскому





АВТОГРАФ ПИСЬМА Т. Н. ГРАНОВСКОГО К ГЕРЦЕНУ ОТ ИЮЛЯ—АВГУСТА 1849 г.
Исторический музей, Москва

Герцен в письмах от 12—14 мая 1849 г. как наиболее прямой и действительный до октября (там же, стр. 67). На квартиру Гааг в июне явилась парижская полиция — арестовать Герцена, но уже не нашла его там (V, 266). Адрес, таким образом, стал известен полиции и поэтому был заменен швейцарским.

3

⟨Москва.⟩ 25 августа ⟨1849 г.⟩

Не хочу долго оставаться под обвинением в недостатке любви к Огареву. Если бы не ты произнес это обвинение [1], я бы не стал даже оправдываться или отвечать, — до такой степени оно лишено всякого основания. Но тебе, Герцен, я повинен отчетом в словах, которые у меня вырвались насчет Огарева и которых я не могу взять назад [2]. Герцен, тебе знакомо чувство, овладевающее человеком при виде умирающего любимого ребенка, на котором лежало много надежд? Тебе знаком тот вопрос и ропот на судьбу, которые невольно рвутся из груди. Для меня в Огареве соединились теперь и ребенок, и судьба, его бессмысленно губящая. Мне тяжело и грустно писать это письмо. Знаю, что оно огорчит тебя, но делать нечего. Это не обвинение на Огарева, не донос — ты сам поймешь, что в нем [3].

В дружбу мою к вам двум (третьего могу прибавить только Фролова) ушли лучшие силы моей души. В ней есть доля страсти, заставлявшая меня горько плакать в 1846 году и обвинять себя в бессилии разорвать связь, которая, повидимому, не могла продолжаться. Почти с отчаянием заметил я тогда, что вы прикреплены к моей душе такими нитями, которых нельзя перерезать, не захватив живого мяса. То время прошло, но, смею сказать, не без пользы для меня. Я вышел победителем из борьбы с худшею стороною самого себя. Того романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось следов. Зато все, что было романтического в самой натуре м⟨оей⟩ *, то органическое, чего не выедает мысль, вошло в мои личные привязанности. Помнишь ли ты письмо мое по поводу Крупова? [4] Оно написано в памятную мне ночь. С души сошла черная пелена, твой образ воскрес передо мною во всей ясности своей, и я протянул тебе руку в Париж так же легко и любовно, как протягивал в лучшие, святые минуты нашей московской жизни. Герцен, не талант твой только (а я его никогда так высоко не ставил, как теперь) подействовал на меня так сильно из «Крупова»: от этой пьесы мне повеяло всем тобою. В Левке и в Крупове были знакомые, дорогие мне черты, хотя они и не похожи один на другого. — Когда-то ты оскорблял меня, говоря: не полагайте ничего на личное, верьте в одно общее. — А я всегда много полагал на личное. Но личное и общее сошлись для меня в тебе. От этого я так полно и горячо люблю тебя [5]. — Так любить Огарева нельзя. В любовь мою к нему примешалось глубокое чувство сожаления и — пожалуй — укоризны. Мое отношение к нему восстановилось скорее, чем к тебе. Достаточно было нескольких писем, чтобы сгладить в сердце след мучительной размолвки [6]. Когда он возвратился в Москву, мы встретились, как встречались прежде. Но с тех пор начинается для него ряд падений, на которые я не мог смотреть равнодушно ⟨...⟩ Он оправдывал себя тогда несчастною любовью к Душеньке Кобылиной, выходившей замуж [7]. Что же? Она еще не успела выйти замуж, а он уже перенес страсть свою на ее сестру, добрую, но ничтожную, взбалмошную женщину, которой покорился, как некогда Марье Львовне. Она уехала с ним в деревню. Там разыгралась новая драма. Тучков в его присутствии оскорблял нагло графиню, а он молчал. Он мог не любить ее, но должен был оградить от обид. Остальное вы знаете. Я не верю в счастие Natalie [8] и в любовь Огарева.

* Письмо, повреждено.

Это увлечение, источник которого—душевная праздность. Я слышал от него такие же страстные речи о Кобылиной и Салиас. И все это так недавно. А между тем он говорил о своих улучшениях по имению и не только разорялся, но давал разорять крестьян своих. Маршев ссылал на поселение его людей без ведома Николая Платоновича [9]. Герцен, noblesse oblige *. Не того ждали мы все от Огарева. Я не требую от него занятий наукою, трудов каких-нибудь, а человеческого, благородного существования. За что же осуждена Natalie платить за поэтические прихоти Огарева? За что на Сатина пало так много нелепых подозрений, заподозрена

ДОМ ГУРЬЕВА НА ДРАЧЕВСКОЙ УЛИЦЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ ТРУБНАЯ УЛИЦА, № 32). ЗДЕСЬ в 1842—1843 гг. ЖИЛ Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Фотография, 1930-е гг.

Литературный музей, Москва

его честь? Оттого, что Огарев не хотел взять на себя труда устроить свои дела и, свалив хлопоты на других, спешил в Крым насладиться новым счастием [10]. Его легкомыслие доходило до жестокого эгоизма. Вот отчего у меня вырвались те слова, которые подали тебе повод к обвинению на меня. Я люблю Огарева не менее прежнего, но иначе, не так хорошо, не так легко. Я измучился во время его последнего пребывания здесь. Да и время ли так жить, как он! Преступно петь в его лета: ich singe wie der Vogel singt **. Amen ***. Не могу более писать об этом. Ему я не мог высказать всего, что было в сердце: наши отношения в сию минуту ни довольно ясны, ни довольно равны.

Дайте вашу руку, Наталья Александровна. Зачем же *дребезжит струна, связывавшая нас?* Во мне она крепка, как в день вашего отъезда. Или вы приняли за признак безвыходной слабости, тупого отчаяния горькое чувство, которое высказывалось в моих письмах к вам? Да, у меня много горя на душе, всякого горя, мало надежды, — но я не дам себя

* положение обязывает (франц.).
** я пою, как птица поет (нем.; строка из «Певца» Гёте).
*** Аминь (лат.).

легко задавить ни горю, ни безнадежности. У меня есть труд да личные связи мои. Завтра ваши именины. Я выпью за вас и помяну вас. Жаль, что вы потеряли кольцо мое. Авось пришлю вам новое, — знаете, вроде тех, какие были у старика Рейхеля. А зачем же дребезжит струна? Скажите мне прямо. Оскорбил я вас чем в письмах моих? Может быть, вы сердитесь на то, что у вас переманили учителя истории [11]. О чем жалеть? Плохая, оказывается, наука — *история*. А *все-таки* я *люблю* ее, только с болью.

Благодарить ли тебя за предложение, Герцен? [12] Спасибо, друг. Может быть, деньги понадобятся, но не так много. Возьму тогда. Корш уехал в Петербург, Кетчер — в Пильниковский переулок, а Марья Федоровна никуда не ездила, сидит у нас и сидя кланяется вам. Все вам кланяются.

Ваш Т. Грановский

На обороте 2-го листа:
Monsieur Monsieur Alexandre Hertzen
à Genève. Hôtel des Bergues.

Почтовые штемпели: «Moscou août 26 1849».
«Franco Grenze. Aus Russland».
«Berlin 10 Sept.». «Genève 21 Sept. 49».

[1] Упрек Герцена, о котором говорит Грановский, содержался в письме от 2—5 августа 1849 г. Герцен писал: «...скажу тебе откровенно: в обоих письмах твоих меня как-то болезненно удивили твои отзывы насчет Николая Платоновича (...) Сверх того, в твоих отзывах я не вижу прежней любви к нему» («А. И. Герцен. Новые материалы», цит. изд., стр. 69).

[2] Слова осуждения по адресу Огарева «вырвались» у Грановского в письмах к Герцену от июня и июля 1849 г. («Звенья», VI, 1936, стр. 361 и 363). В них в сжатом виде изложен тот же «обвинительный акт» против Огарева, с теми же преувеличениями, что и в комментируемом письме.

[3] Герцен, отвечая на это письмо, писал Грановскому 21 сентября 1849 г.: «Что тут говорить: разумеется, многое больно и грустно в том, что ты пишешь насчет Ог(арева); я думаю, теперь это не так. Скажу одно слово: не лицо виновато, а с одной стороны — фатализм среды, а с другой — натура человека вообще. В этом, брат, убедись раз навсегда и не тереби личные отношения, потому что непременно дойдешь до того, что отпрянешь с негодованием» (V, 279). Дописывая 24 сентября это же письмо, Герцен, продолжая спор, говорит: «Сейчас получил письмо от Ог(арева); вот кстати-то пришло к нашей переписке. Я читаю его письмо и в душе отпускаю все прегрешения его. Какая свежесть, сила понимания! сколько реализма в его поэзии и сколько поэзии в его реализме! (...) Для меня истинно удивительно, как он так юн, полон душевной деятельности; эдакую натуру, видно, не скоро сломаешь» (V, 282).

[4] Письмо «по поводу Крупова» см. выше (письмо № 1).

[5] Отрывок из этого письма от слов «В дружбу мою к вам двум...» до слов «так полно и горячо люблю тебя» приведен Герценом в «Былом и думах», гл. XXIX (2) «На могиле друга», с некоторыми изменениями.

[6] Переписка Огарева с Грановским, продолжавшаяся после «теоретического разрыва» 1846 г., свидетельствовала о том, что философско-политическое расхождение становилось все более глубоким, хотя внешне отношения возобновились. См. письма Огарева к Грановскому за 1847 г., особенно за январь—февраль («Звенья», I, 1932, стр. 114, 116, 120—123 и др.).

[7] Весной 1848 г. Огарев, действительно, как пишет Грановский, оказавшись в Москве и узнав, что Евд. Вас. Сухово-Кобылина выходит замуж, дал волю своему давно, казалось бы, преодоленному чувству безнадежности. Он начал в это время сильно пить. В июле или начале августа 1848 г. он вернулся в Старое Акшено, а в ноябре туда же по его приглашению приехала Е. В. Салиас с детьми и гувернанткой. Роман Огарева с Е. В. Салиас продолжался недолго.

[8] *Natalie*—Н. А. Тучкова, жена Огарева.

[9] *И. И. Маршев* —побочный брат Огарева. В начале 1848 г. Огарев приобрел Тальскую фабрику, взял Маршева себе в «компаньоны», доверил ему большую сумму — 58 000 р. и предоставил кредит до 10 000 руб. сер. Маршев обманул доверие Огарева. Огарев стремился отстранить его от дальнейшего участия в управлении фабрикой и привлечь к суду, но плут оказался сильнее, и Огареву пришлось

«откупаться» от Маршева. Однако ни один случай ссылки крепостных Огарева на поселение нам неизвестен.

[10] Огарев отправился в Одессу в надежде нелегально уехать морем за границу к Герцену. Только после неудачи этой попытки он вместе с Наталией Алексеевной перебрался в Крым. Клевета же на Сатина, о которой пишет Грановский, распространялась пензенскими крепостниками, чиновниками и жандармами и привела в феврале 1850 г. к аресту Огарева, Тучкова, Сатина, Селиванова и к возникновению известного дела «О безнравственных поступках пензенских дворян». Их обвиняли в организации «коммунистической секты». Тот факт, что Грановский упоминает о клевете на Сатина, показывает, что пензенский губернатор сумел заранее распространить в Москве сплетни, порочащие Тучкова, Огарева и Сатина.

[11] Грановский имеет здесь в виду свое выражение в одном из предшествующих писем: «Обнимаю детей ваших. Учить их истории более не хочу. Не стоит. Довольно с них знать, что это глупая, ни к чему не ведущая вещь» (см. «Звенья», VI, 1936, стр. 363).

[12] Герцен предложил Грановскому деньги, в частности — для поездки за границу.

4

(Москва. Май — июнь 1851 г.) [1]

Пользуюсь наскоро, чтобы сказать вам несколько слов, друзья мои. Какой-то добрый немец берет письмо мое для доставления вам. Он едет через несколько часов.

Кроме отрывочных сведений, сообщаемых Мельгуновым, мы ровно ничего не знаем об вас. Возвратились ли вы из Испании и где намерены жить этот год?

Мельгунов писал, между прочим, что ты, Герцен, разошелся с Гервегом [2]. У тебя так мало близких отношений теперь, что разрыв этот должен был быть вдвойне тягостен. Много нужно внутренней силы в настоящем твоем положении [3].

Если бы здешние друзья твои могли отправиться en pèlerinage * к тебе, они пошли бы все и привели бы с собою много лиц тебе неизвестных. О тебе осталось исполненное любви воспоминанье не в одних нас, близких тебе. Я должен был раздать все бывшие у меня портреты твои (кроме одного, парижского) разным юношам. Есть негодяи, бранящие тебя, потому — бедны умом и подлы сердцем.

Книги твои дошли до нас [4]. Я читал их с радостью и с горьким чувством. Какой огромный талант у тебя, Герцен, какая страшная потеря для России, что ты должен был оторваться от нее и говорить чужим языком; но, с другой стороны, я не могу помириться с твоим воззрением на историю и на человека. Оно, пожалуй, оправдает Гайнау[5] и tutti quanti **. Для такого человечества, какое ты представляешь в статьях своих, для такого скудного и бесплодного развития не нужно великих и благородных деятелей. Всякому правительству можно стать на твою точку зрения и наказывать революционеров за бесплодные и ни к чему не ведущие волнения. Все, что ты писал до сих пор, бесконечно умно, но оно обличает какую-то усталость, отрешено от живого движения событий. Ты стоишь одиноко. Ты, скажу без увлечения, значительный писатель, у тебя есть условия сделаться великим писателем, но то, что было в России живого и симпатичного для всех в твоем таланте, как будто исчезло на чуждой почве. Ты пишешь теперь для немногих, способных понять твою мысль и не оскорбиться ею. Скоро едут мои знакомые за границу, они привезут тебе большое письмо [6]; там расскажу подробнее обо всех нас и скажу, может быть, еще что-нибудь о книгах твоих.

Мне открывалась возможность ехать на Лондонскую выставку, но она мелькнула только. Наши все тебе и Наталье Александровне кланяются. Детей обнимаем. Лиза была крепко больна. Жму вам обоим крепко руки.

Ваш Т. Г.

---

* в паломничество (франц.).

** всех подобных (итал.).

На полях 1-го листа приписано[7]:

Открывается возможность получить ответ от тебя. По получении этого письма напиши тотчас по следующему адресу: Madame Margarete Wesendank auf Krakau bei Krefeld. Письмо будет мне доставлено.

На обороте 1-го листа: Александру Ивановичу.

[1] Датировано Герценом в «Полярной звезде на 1859 год»: «Весною 1851 г.» (на подлиннике ошибочно помечено Герценом: *1850 №. №.* 20 июня 1851 г. Герцен писал жене, излагая мысль Грановского, высказанную в комментируемом письме: «Грановский ждет еще, что я сделаюсь великим писателем... Нет, моя будущность переломлена» (VI, 411). Мы полагаем, что строки эти написаны вскоре после получения данного письма, чем и определяется приблизительно время его отправки (с оказией), а значит, и написания: май—июнь 1851 г.

[2] Письмо Н. А. Мельгунова Грановскому о разрыве Герцена с Гервегом (происшедшем в начале января 1851 г.) неизвестно.

[3] Герцен впервые писал друзьям в Москву о событиях своей семейной драмы, повидимому, 19 июня 1851 г. — в ответ на комментируемое письмо (см. VI, 411). Письмо Герцена в печати неизвестно. Строки, посвященные разрыву с Гервегом, в печати Герценом были опущены.

[4] Грановский имеет в виду книги Герцена «С того берега» и «Письма из Франции и Италии», вышедшие впервые на немецком языке в Гамбурге в 1850 г.

[5] Фамилия *Гайнау* (Haynau), австрийского фельдмаршала, палача революционного движения в Италии и Венгрии, запятнавшего себя чудовищными зверствами, была, очевидно, неправильно прочтена Герценом. По крайней мере, печатая письмо, он воспроизвел фамилию Гайнау неправильно: Генау. Сколько-нибудь заметного деятеля с такой фамилией мы не нашли ни в одном справочнике того времени. Лемке считал начертание Генау опечаткой и без оговорок превратил Гайнау в Гейнцена (см. VI, 412), имея в виду публициста-республиканца Карла-Петра Гейнцена. Это — недоразумение. Грановский говорит именно о генерале реакции, Гайнау (фамилия написана совершенно четко). В скептицизме и горечи, с какими Герцен критиковал буржуазную революцию 1848—1849 гг., Грановский совершенно неосновательно усмотрел опасность соскользнуть на путь косвенного оправдания реакции.

[6] К этому месту Герцен сделал в «Полярной звезде на 1859 год» примечание: «В конце 1851 г. Грановский написал мне длинное письмо; письмо это, отданное в Париже моей матери, погибло вместе с нею 16 ноября».

[7] Приписка в печати была опущена Герценом.

5

(Москва. Август 1853 г.)

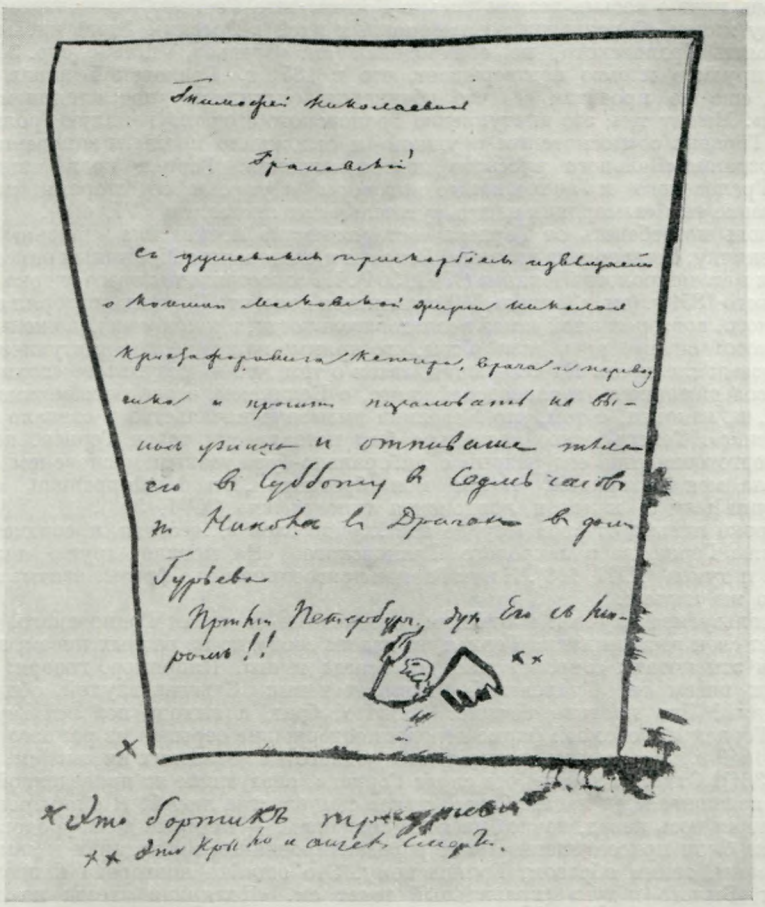
М. С.[2] доставит тебе это письмо и передаст изустно вести о нашем житье. От Мель(гунова)[3] я узнал то, что до нас доходило только в неясных слухах и толках. Много горя пережил ты в эти годы. Оно не сломило тебя. Легче было бы нести его с друзьями, но у тебя достаточно сил, чтобы справиться с жизнию одному. Лучшей, отраднейшей мечте моей в настоящее время, надежде еще раз видеть тебя и обнять твоих детей, кажется, не суждено сбыться. Поездка за границу все более и более становится для меня трудною.

Если письмо, написанное мною по поводу книги твоей, тебя оскорбило, прости меня. Оно вылилось в минуту очень горькую, под влиянием толков и сплетней о книге, которой в то время я еще не читал [4]. С другой стороны, ты многое забыл о России и, естественным образом, должен смотреть на многое не теми глазами, какими смотрим мы и смотрел бы ты сам, если бы остался с нами. Даль значительно изменяет предметы. Во всяком случае, письмо мое было написано не с целью оскорбить тебя — такая мысль мне никогда не приходила в голову. Я просто хотел заставить тебя подумать об осторожности. Она у нас очень нужна [5].

Судьба не поражала твоих здешних друзей такими ударами, какие ты испытал, но доедает их понемногу, закалывая булавками. Сердце ноет при мысли о том, чем мы были прежде и чем стали теперь. Вина пьем много по старой привычке, но веселья в сердце нет [6]. Недавно проехал здесь Огарев, мы его не видали. Говорят, что он также хандрит и скучает.

Еще раз жму тебе руку. При воспоминании о тебе сердце молодеет. Не знаю, какое впечатление произвела бы на нас обоих наша встреча, но никого из живущих не люблю, после Лизы, так, как люблю тебя. Мне кажется, я освежился бы духовно, проведя несколько часов с тобою. Обнимаю детей твоих. Прощай.

Твой Г.



ШУТОЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕЕЗДЕ Н. Х. КЕТЧЕРА В ПЕТЕРБУРГ. АВТОГРАФ ГЕРЦЕНА И Т. Н. ГРАНОВСКОГО

Кетчер уехал из Москвы 23 октября 1843 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Рукою Е. Б. Грановской:

И я обнимаю и вас и детей, милый Герцен! Не теряю надежды увидеть вас еще раз в жизни, а до тех пор издалека буду делить с вами и горе и радость.

Е. Грановская

[1] Датируется на основании следующих данных: год проставлен Герценом на первом листке: (*1853. Лондон.*) Цитируя отрывок из этого письма в «Былом и думах», Герцен сообщал: «Осенью 1853 года он ⟨Грановский⟩ пишет...». Дату можно уточнить, так как из переписки Герцена известно, что привезенные М. С. Щепкиным письма московских друзей, в том числе и комментируемое письмо Грановского, были получены им в двадцатых числах августа 1853 г. В Париже письма были переданы

М. К. Рейхель и ею пересланы в Лондон. Сам же Щепкин приехал в Лондон позже, только 3 сентября

[2] *М. С.* — Михаил Семенович Щепкин.

[3] Неясно написанное начало фамилии мы читаем: «Мель», т. е. Н. А. Мельгунов. В 1853 г. по вызову III Отделения Мельгунов приезжал в Россию для объяснений по делу Н. Ф. Павлова. В 1850—1852 гг. Мельгунов был близок к Герцену. Он был среди тех немногих лиц, которым Герцен особенно доверял (см. письма Мельгунова в настоящем томе). Грановский говорит здесь о семейной драме Герцена, о которой рассказал ему Мельгунов.

[4] Речь идет о весьма резком письме Грановского Герцену, написанном в 1851 г. по поводу книги «О развитии революционных идей в России». Этого письма Герцен, щадя память Грановского, не обнародовал (см. «Звенья», VI, 1936, стр. 356 и сл.). Комментируемое письмо подтверждает, что в 1851 г. Грановский напал на книгу Герцена, еще не прочитав ее, что обвинения «вылились» «под влиянием толков и сплетней». Между тем, это выступление Грановского сыграло немалую роль в отношениях Герцена с «московским кружком» и осложнило планы и намерения Герцена в деле создания «Вольного русского книгопечатания». Герцен квалифицировал это письмо Грановского и аналогичные выговоры и упреки со стороны «москвичей» как желание ему «намордник надеть ругательными письмами» (VI, 462).

[5] Вновь потребовать от Герцена «осторожности» московские «друзья» поручили М. С. Щепкину, ехавшему за границу. Встречи и разговоры с Щепкиным описаны самим Герценом в его некрологе Щепкина (XVI, 504). Из сопоставления этого очерка с письмом Грановского 1851 г. (см. «Звенья», VI) становится ясно, что Щепкин повторял аргументы Грановского, повторял в той самой последовательности, в какой они изложены в письме Грановского: сперва речь шла о том, что прямые политические выступления увеличивают осведомленность III Отделения, затем о том, что в результате «похвал Белинскому», содержащихся в герценовской книге, о Белинском стало невозможно говорить в печати, и, наконец, о том, что Кавелина вызывало начальство и сделало ему «предупреждение». Теперь ясно, насколько был исторически точен Герцен, перечисляя этапы, подготовлявшие его разрыв с либерально-буржуазным московским кружком: «...сначала моя эмиграция, потом моя брошюра „Du développement des idées révolutionnaires“ и, наконец, лондонская типография» (XVI, 506).

[6] Строки письма от слов «сердце ноет...» до слов «...веселья в сердце нет» процитированы Герценом в некрологе Грановского «На могиле друга», включенном в «Былое и думы» (XIII, 118). К ним Герцен присоединил две фразы, взятые из других мест того же письма.

Воспользуемся случаем и отметим, что цитаты из писем Грановского, которыми заключает свои воспоминания Герцен, взяты им свободно из разных писем; а справки, которыми эти цитаты сопровождены, не всегда точны. Например, говоря: «Одно из последних писем он (Грановский) заключает так: „Слышен глухой, общий ропот, но где силы? Где противодействие? Тяжело, брат, а выхода нет *живому*“» (XIII, 118), — Герцен в свободной форме передает содержание отрывка из раннего письма — от июня 1849 г., а совсем не «заключение» «одного из последних писем» (см. «Звенья», VI, стр. 361). Отметим также, что слова Герцена, следующие за приведенной цитатой: «Быстро изнашивает на нашем Севере дикое самовластие людей. Я с внутренней боязнию осматриваюсь назад, точно на поле сражения, — мертвые да изуродованные...», по ошибке были присоединены Лемке в редактированном им издании к самой цитате и приписаны, таким образом, Грановскому. Эта ошибка повторена в последующих изданиях «Былого и дум» (правильный текст см. «Полярная звезда на 1858 год», стр. 124).

6

(Москва. Конец мая — начало июня 1855 г.)[1]

Годы прошли с тех пор, как мы слышали в последний раз живое слово от тебя. Отвечать не было возможности. Над всеми здешними друзьями твоими висела туча, которая едва рассеялась. Надолго ли? Бог знает. Но утешительного мало и впереди, хотя живется как-то легче.

Из сочинений твоих некоторые дошли и к нам с большим трудом и в большой тайне. Друзья твои прочли их с жадностию, любовью и грустью. От них веет нашею прошлою, общею молодостью и нашими несбывшимися надеждами. Многого хотели! а на чем помирила нас судьба?! Менее всего понравился здесь «Юрьев день». Зачем ты бросил камень в Петра [2], вовсе не заслужившего твоих обвинений, потому что ты привел неверные факты. Чем долее живем мы, тем колоссальнее растет пред нами образ

Петра. Тебе, оторванному от России, отвыкшему от нее, он не может быть так близок и так понятен. Глядя на пороки Запада, ты клонишься к славянам и готов подать руку Хомякову или Аксакову. Поживи ты здесь, и ты сказал бы другое. Надобно носить в себе много веры и любви, чтобы

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Фотография, принадлежавшая Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

сохранить какую-нибудь надежду на будущность самого сильного и крепкого из славянских племен. Наши матросы и солдаты славно умирают в Крыму, но жить здесь никто не умеет. Многое услышишь от П(икулина).

Еще одно замечание по поводу твоих сочинений. Если ты хочешь действовать на мнение у нас, не печатай таких вещей, как песня Соколовского [3]. Она оскорбила многих, которые иначе остались бы довольны

книгою и согласились бы с нею. Вообще, имей более в виду твоих читателей и берегись неверных фактов, которые у тебя часто проскакивают.

Но довольно общего, перейдем к частному. У меня опять проснулась надежда когда-нибудь видеться с тобою и пожать тебе крепко, братски руку. Может быть, через год. Сколько перемен, сколько горя, сколько утрат со дня нашей разлуки.

Что сказать тебе? Память о тебе свято сохранилась в кружке твоих друзей. Когда случай сводит нас вместе, рассеянных теперь, твое имя чаще всех других раздается между нами. Где-то увидим тебя? Только не здесь.

Твой —

Приписка Н. Х. Кетчера:

Да, сильно и горько чувствуют друзья твои, что тебя недостает им. Скверно, тягостно и мучительно положение их в бесплодной и неприязненной или совершенно индифферентной стране; но я уверен, что тебе еще тягостнее даже и в благодетельных климатах. Что там ни говори, а я убежден, что ты сросся с нами, как мы с тобой; что нас не заменит тебе никто — ни самая горячечная деятельность, в которую ты бросаешься. Если б ты был с нами или мы с тобой — ты поспорил бы, поругался, поставил бы несколько бутылок шампанского за прочет и наверное не напечатал бы многого или напечатал бы, да не так. И мы не доходили бы так часто до временной апатии. Податель, мой сынишка [4], передаст тебе все живее и подробнее и даже представит в лицах. Что, Сашка, Наташа — выросли, развились так, что и не узнаешь? До нас даже и слухи о твоем житье-бытье доходят чрезвычайно редко и смутно. Обнимаю тебя от души и крепко, крепко жму руку — и зачем не могу сказать: до свидания!— Прощай!

Надпись рукой Герцена на 1-м листе:

Последнее письмо Грановского. №.

[1] Печатая письмо в «Полярной звезде на 1859 год», Герцен датировал текст так: «1854 г.». Мы полагаем, что Герцен ошибся и что письмо следует датировать 1855 г.: в тексте содержится упоминание о поездке П. Л. Пикулина за границу. Об этой поездке имеются точные данные. Пикулин был у Герцена в середине августа 1855 г. Какое-то время он до поездки в Лондон прожил в Вене (VIII, 195, 201, 228) — по нашим расчетам около двух месяцев. Следовательно, из России он уехал в начале июня 1855 г. Может ли быть, чтобы письмо, написанное в 1854 г., дожидалось оказии столь длительное время? Кроме того, мог ли Грановский сообщать о предстоящем отъезде Пикулина за границу в 1854 г., в разгар Крымской войны, до смерти Николая I, когда всякие поездки за границу по частным надобностям были крайне затруднительны? Мы полагаем, что письмо Грановского написано не в 1854, а в 1855 г., скорее всего непосредственно перед отъездом Пикулина, т. е. в конце мая или в начале июня.

[2] Грановский ошибся. См. вступительную статью к настоящей публикации, стр. 89, примечание.

[3] Песенка В. И. Соколовского «Русский император в вечность отошел...» была напечатана Герценом в книге «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера» (первые три части «Былого и дум»). Книга вышла в свет в Лондоне осенью 1854 г.

[4] *Сынишка* — П. Л. Пикулин, называвший, в свою очередь, Кетчера «мой родитель».

С. С. ГРОМЕКА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Имя Степана Степановича *Громеки* (1823—1877) в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов было хорошо известно в русских литературно-общественных кругах. В прошлом жандармский офицер, Громека в начале царствования Александра II вышел в отставку и занялся журналистикой. Подобно многим другим, Громека был подхвачен волной либеральной оппозиции к существовавшему политическому режиму, которая была одним из проявлений нараставшей в стране революционной ситуации. Его деятельность как публициста была проникнута духом либерального обличительства.

Первые же выступления Громеки в 1857—1858 гг. на страницах «Русского вестника» с серией разоблачительных статей о полиции привлекли к себе внимание общественности уже самой необычностью этой темы для русской печати. К 1858 г. относится первое и единственное выступление Громеки в «Современнике». Его статья в № 7 «Современника» — «Польские евреи» вызвала журнальную полемику и в результате — полный разрыв Громеки с «Современником». Добролюбов в своей статье «Торжество благонамеренности, или обвиненный „Современник“ и оправданный г. Громека в деле о неуважении еврейской народности» («Современник», 1858, № 10) резко высмеял претензии Громеки на роль защитника прав еврейского народа (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 228).

В 1859 г. Громека поступил на службу в «Русское общество пароходства и торговли» и переехал в Одессу, где помещалось правление этого акционерного общества. Здесь с января 1860 г. под его редакцией начал выходить «Листок» этого общества. Громека выступал в редактировавшейся им газете поборником «законности» и гласности в коммерческих делах, пропагандировал идеи «свободного» буржуазного предпринимательства. С 1861 г. статьи Громеки опять появляются в столичных журналах и газетах. Он перенес теперь свою деятельность главным образом в «Отечественные записки» Краевского, где вел отдел «Современной хроники». В то же время Громека стал чиновником Министерства внутренних дел. 7 марта 1861 г. он был зачислен на должность начальника отделения департамента общих дел, возглавлявшегося в то время графом П. А. Шуваловым, будущим управляющим III Отделения.

Первое из четырех публикуемых писем относится к одесскому периоду жизни Громеки, остальные написаны в апреле—мае 1861 г., т. е. в первые месяцы его службы в Министерстве внутренних дел. Эти письма составляют лишь случайно сохранившуюся часть вероятно обширной переписки Громеки с Герценом. Между первым и вторым публикуемыми письмами— перерыв почти в полтора года, в течение которого связь Громеки с Герценом не прекращалась. В период 1859—1861 гг. Громека был одним из весьма активных и хорошо осведомленных корреспондентов Герцена. Пользуясь своим широким знакомством в кругах литературных и чиновно-бюрократических, а позднее используя непосредственно свое служебное положение крупного чиновника Министерства внутренних дел, Громека имел возможность снабжать Герцена авторитетной информацией, содержавшей немало фактов, обличавших государственный аппарат самодержавия и политический быт правящих кругов.

Живя в Одессе, Громека систематически информировал Герцена о действиях новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа А. Г. Строганова.

Информация Громеки давала Герцену материал для разоблачения в «Колоколе» ретроградной политики и чудовищных злоупотреблений высшей царской администрации, для разоблачения закулисных интриг, разыгрывавшихся вокруг подготовлявшейся реформы. Собственная позиция Громеки в этом решающем вопросе политической жизни того времени выражена им в отзыве о Ю. Ф. Самарине как о деятеле крестьянской реформы. «Славный барин: дай бог ему побольше сил; я на него более всего надеюсь» (см. письмо от 11 декабря 1859 г.). В идейной эволюции Громеки отчетливо выражен процесс укрепления политических связей русского буржуазного и помещичьего либерализма со славянофильством. В письме к Ивану Аксакову, написанном незадолго до смерти, Громека восторженно приветствовал его политическую деятельность, подчеркивая при этом, что славянофилы, все политические убеждения которых заключались, по его собственному выражению, «в трех словах: самодержавие, православие, народность», «вынесли на плечах своих святую Русь из крепостного омута и поставили ее лицом к лицу с ее великой исторической задачей» (ГПБ, бумаги И. С. Аксакова, 13/123). Те элементы «западничества», которые проскальзывают в публикуемых письмах Громеки, например, упрек Герцену за суровую критику «западной науки», т. е. буржуазной цивилизации, отстаивание буржуазной свободы личности, — без следа испарились, уступив место оголтелому шовинизму.

Либерализм Громеки, выраженный в публикуемых письмах в резкой критике правительственной политики, в изъявлении горячего сочувствия к деятельности Герцена, носил с самого начала монархический характер. Громека был далек от какой-либо критики самодержавия в целом. Цель его была совсем иной: он старался использовать «Колокол» для «улучшения» самодержавия. Для этого Громека усиленно привлекал внимание Герцена к обличительным фактам. Здесь и коммерческая афера петербургского генерал-губернатора Игнатьева, и подвиги коломенского предводителя Скорнякова, и беззаконные действия виленского генерал-губернатора Назимова, санкционированные царем, и т. п. Призывая Герцена «отделать» наиболее отъявленных реакционеров — «этих графов Шуваловых, князей Паскевичевых, Тимашевых и всех флигель-адъютантов николаевского времени», Громека в то же время просит его поберечь тех, на кого возлагает некоторые надежды либеральный лагерь, как, например, кандидата в управляющие III Отделением графа П. А. Шувалова. Написанное Громекой от имени Шувалова письмо к шефу жандармов кн. Долгорукову об уничтожении тайной полиции говорит о том, что Громека был в это время сторонником преобразований, которые должны были превратить Россию в буржуазную монархию. Письмо было предназначено для передачи царю.

Громека восторженно приветствовал манифест об «освобождении» крестьян статьей в «Отечественных записках» под названием «Современная радость России». И в публикуемом письме к Герцену он заявляет, что «крестьянский вопрос окончился с честью для правительства», а ответственность за тот кровавый разгул, который последовал за объявлением Положений, несут «аристократы, снова завладевшие умом и волею слепого барина», т. е. царя.

Однако многочисленные и разнообразные факты, сообщавшиеся Громекой Герцену, получали в «Колоколе» совсем иное звучание, приобретали характер обвинительного акта против политической системы самодержавно-помещичьего строя. Так, знаменитая передовая статья «Колокола» от 15 мая 1861 г. «Русская кровь льется!», где Герцен целиком привел ту часть письма Громеки от 18 апреля 1861 г., в которой он сообщал о кровавом подавлении бездненского восстания, звучит как беспощадное разоблачение царизма и призыв к революционной борьбе.

С наибольшей отчетливостью подлинные политические симпатии Громеки обнаружены им при характеристике русской общественной жизни и оценке ее политических лидеров. Переход Каткова с либеральных позиций на реакционные, наметившийся к 1861 г., еще несколько смущал Громеку, что не мешало ему, однако, выступать с ним единым фронтом против революционно-демократической журналистики. Прочно закрепившийся в «Отечественных записках» Краевского Громека вел оттуда ожесточенную борьбу с «несимпатичным» для него «Современником», в первую очередь с идейным руководителем журнала — Чернышевским.

ВОССТАНИЕ В СЕЛЕ БЕЗДНА

Картина маслом Е. Н. Сапиро и Д. Э. Виницкого, 1951 г.

Литературный музей, Москва

Наивно-обывательская критика Громекой «теории разумного эгоизма» Чернышевского (см. письмо от 20 мая 1861 г.) скрывала за собой непримиримую ненависть либерала ко всему революционно-демократическому лагерю, возглавлявшемуся «Современником». «Современник» зло высмеивал Громеку с самого начала его журналистской деятельности, справедливо видя в нем ярко выраженного представителя либерального обличительства. Начиная с первого неудачного выступления Громеки в «Современнике» в 1858 г., Добролюбов пользовался каждым случаем, чтобы осмеять Громеку, который стал постоянным объектом сатирической критики «Свистка» в борьбе с либеральной журналистикой. Об «адской силе» статей Громеки по поводу полиции иронически писал Добролюбов в своем пародийном стихотворении «Наш демон» («Свисток», № 2 в апрельской книжке «Современника» за 1859 г.). Некрасов в стихотворном предисловии к циклу статей «Что поделывает наша внутренняя гласность» («Свисток», № 6 в декабрьской книжке «Современника» за 1860 г.) иронизировал над «деятелем» прогресса Громекой, который «заметно двинул нас вперед». Но главный удар нанес Громеке Чернышевский. В «Полемических красотах» Чернышевский дал отповедь Громеке за его клеветнические выступления против «Современника» на страницах «Отечественных записок». В статьях 1861 г. «Новые периодические издания», «Опыты открытий и изобретений» Чернышевский вскользь, но уничтожающе высмеял «борца» за гласность и прогресс — «пламенного г. Громеку».

Симпатии Громеки на стороне таких деятелей, как буржуазный националист Костомаров и либерал Кавелин. Громека считал, что если бы не случайные обстоятельства, заставившие Костомарова и Кавелина отойти на время от активной общественной деятельности, им могла бы по праву принадлежать руководящая роль в политической жизни.

Все свои надежды Громека, по его словам, возлагал на Герцена как признанного руководителя русского общества. Громека, как и другие либералы до их полного разрыва с Герценом, видел его главное значение — в силе влияния на правительство, в обличении наиболее вопиющих проявлений политического деспотизма и социального гнета. Но это не исключало стремления либералов использовать авторитет Герцена в своей борьбе против революционно-демократического лагеря.

Громека пытался представить Герцену как «литературные дрязги» то глубокое идейное размежевание, которое происходило в русской журналистике в результате нараставшей в стране крестьянской революции.

Публикуемыми четырьмя письмами Громеки ограничивается известная нам переписка его с Герценом. Ни одно письмо Герцена к Громеке до нас не дошло. Единственное указание на отношение Герцена к Громеке в этот период, кроме самого факта использования в «Колоколе» почти всех сведений, содержащихся в публикуемых письмах, мы находим в письме Н. В. Альбертини к Громеке из Лондона от 16/4 апреля 1862 г. К этому времени либерализм Громеки почти полностью иссяк. Политические события русской жизни толкали его все более вправо. Продолжая печататься в «Отечественных записках», он начал в 1862 г. переговоры с Катковым о сотрудничестве в «Московских ведомостях», которые должны были перейти к Каткову с января 1863 г. Герцен, относившийся до этого времени к Громеке как к полезному и добросовестному информатору «Колокола», усмотрел в этих переговорах доказательство отсутствия у Громеки «политического чутья и политической честности». Переговоры с Катковым, хотя и не увенчавшиеся успехом, знаменовали начало открытого перехода Громеки в лагерь реакции. Уже в том же году Громека одним из первых в русской либеральной журналистике начал ожесточенный поход против «Колокола». В № 5 «Отечественных записок» за 1862 г. появилась статья Громеки «Аннопольское дело», в которой он опровергал материал, помещенный под этим же заголовком в л. 13 приложения к «Колоколу» — «Под суд!» от 22 апреля 1862 г. В то же время Громека успешно делал свою бюрократическую карьеру как ответственный чиновник Министерства внутренних дел. В 1863 г., в разгар польского восстания, он выдвигается в качестве одного из ближайших сотрудников статс-секретаря по польским делам Н. А. Милютина. Политическое разоблачение Громеки Герцен дал впервые в «Письмах к будущему другу» (1864), где поставил его в один ряд с Аскоченским и Катковым. Однако в эти годы

новый этап административной деятельности Громеки только начинался. Отличившись как председатель комиссии по крестьянским делам в одной из губерний Привислинского края, Громека становится крупным государственным чиновником — более десяти лет он был губернатором Седлецкой губернии (вышел в отставку незадолго до своей смерти, в 1877 г.). На посту седлецкого губернатора Громека получил широкую известность как беспощадный руссификатор, расстреливавший и разорявший население, «воссоединявший» крестьян-униатов с православною церковью. За эту «безустанную, деятельнейшую борьбу... по униатскому делу», как говорил о своей деятельности Громека, он получил чин тайного советника и денежную награду от царя. «Подвиги» Громеки были отмечены и Герценом. В № 9 «Kolokol'a» от 15 июня 1868 г. (XX, 376) Герцен поместил заметку «Groméka le persécuteur, Groméka l'ortodoxe et furieux bysantin» («Громека преследователь, Громека правоверный и яростный византиец»), которая подводила итог политической биографии одного из так называемых «деятелей прогресса».

Публикуемые письма С. С. Громеки к Герцену были с купюрами и искажениями напечатаны М. П. Драгомановым в 1883 г. в женевском «Вольном слове» (№ 57). Публикацией этой тенденциозно воспользовался сотрудник «Русского вестника» — агент правительства и Священной дружины А. П. Мальшинский в статье «Герцен и его корреспонденты» для дискредитации помещавшихся в «Колоколе» материалов («Русский вестник», 1889, № 5, подпись: А. М—ский). В настоящем издании письма Громеки к Герцену впервые публикуются полностью.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 81).

1

11 декабря ⟨1859 г.⟩ Одесса

Высокоуважаемый Александр Иванович!

Письмо ваше вместе с припиской Николая Платоновича [1] было для меня таким подарком, ценность которого в моих глазах не имеет пределов. Хотя все, что вы оба пишете обо мне, я не могу принять иначе, как за любезный комплимент, но в громоносных устах ваших комплимент — вещь невыразимо приятная. Я давно слыхал от людей, лично вас знающих, о вашем добром, русском радушии, но не смел ожидать, чтобы оно простерлось на меня в такой степени. Мне даже совестно, что вы меня, рекрута на той службе, на которой вы так давно служите полководцем, — чествуете ни за что, ни про что. О, если б я мог сделать под вашим знаменем несколько походов и побывать в открытом, честном бою, — но когда это будет и дождемся ли мы этого времени? Вот, говорят, Модест Андреевич делается с нового года министром цензуры — какой огромный шаг вперед [2].

Я очень благодарен вам за то, что вы не напечатали переписки моей со студентами [3], хотя, признаюсь, история эта так мне надоела, что я сам, если б мог, не удержался бы, вероятно, от того, чтобы ее не напечатать. Но что всего забавнее, наши российские власти опрокинулись на меня не хуже одесских студентов и, придравшись к этой истории, отказали мне в просьбе издавать политическую газету [4] и даже хотели взять назад позволение на издание коммерческой газеты Общества пароходства и торговли [5]. Но, как бы то ни было, жертва, принесенная мною одесскому юношеству, кажется, не пропала даром. (Жертвой я разумею неудовольствие студентов, между которыми я был до тех пор любим.) Студенты, кажется, серьезно оглянулись на самих себя, особенно после вашего воззвания, исполненного такой теплоты и силы [6]. Некоторые из студентов стали горячо взывать к товарищам, что ⟨надо⟩ приняться за дело и науку.

О гнусной брошюре Елагина слыхал, но еще не успел прочитать[7]. А читали ль вы письмо корреспондента «Journal de St. Pétersbourg» [8] — это произведение так и пахнет Тимашевым, даже собственные слова и выражения его есть там; я уверен, что это писано по наущению этого великого мужа; письмо это очень похоже на замечания против меня *гражданского чиновника* [9], писанные под диктовку того же Тимашева. Кстати, отчего вы никогда не отделаете нашу *юную административную Россию* — этих графов Шуваловых, князей Паскевичевых, Тимашевых и всех флигель-адъютантов николаевского времени? Ужаснее этого народа я ничего не знаю. Эти господа вместе с бывшими воспитанниками Училища правоведения составляют, как известно, цвет и надежду нашего правительства, цвет, которого смрад более удушлив и заразителен, чем старая, выдохшаяся вонь Орловых и Паниных с братиею. Эти люди все против освобождения крестьян, все против гласности, хотя по наружности отличные ребята: пустота в сердце, пустота в голове — вот их заслуги. Граф Шувалов [10], например, боясь крестьянского вопроса, бросился в акционерные компании и вместе с Игнатьевым перебили у С.-Петербургской думы проект о новом общественном освещении газом; отняли, таким образом, доход у города и роздали акции друзьям, так что в день раздачи акций никому из желающих не дали даже понюхать [11]. Когда я был в Петербурге, об этом говорили громко, и старик Жемчужников [12] прямо называл все это дело подлостью. — Когда энтузиаст Иаков [13] возвысился, перейдя с расчетом на сторону освободителей, граф Шувалов (обер-полицеймейстер) [14] стал во главе интриги, домогавшейся свергнуть Иакова и захватить дело в руки своей партии предложеньем, которое бы показалось еще более либеральным, с намерением, разумеется, дело потушить впоследствии, пользуясь слабостью государя. О, если б вы знали все гнусные интриги и все колебания, которым подвергался этот несчастный вопрос вначале. Теперь я ничего не знаю, что́ там творится, стал отрезанным ломтем; теперь я перешел в чернорабочие из-за куска хлеба, и, признаюсь вам, тоска меня душит и грызет. В Одессе, кроме фрахта да пшеницы, ничего не услышишь, никто решительно ничем не интересуется, за исключением двух-трех человек. Цензура в руках Строганова [15], — без него строчки написать нельзя. Да и писать-то некогда: день-денской занят, как поденщик.

Сию минуту получил 57-й и 58-й номер «Колокола» — чудесный номер! Начинаю понимать ваших немцев [16], но, признаюсь, все еще думаю, что вы опрокинулись на всю западную науку за западную жизнь; вне социальной науки вы не видите другой; правда, что́ толку в науке, которая обезобразила общественные отношения? Но давно ли стала Европа заниматься социальными вопросами? Зато другие вопросы — личные, например, не она ли подняла и разработала? А ведь без ответа на вопрос личный не было бы вопроса общественного! Ведь вся задача в том, чтоб согласить теперь ответы на оба вопроса. На долю русских выпал второй, и тут нельзя не согласиться с неотразимыми доводами вашими.

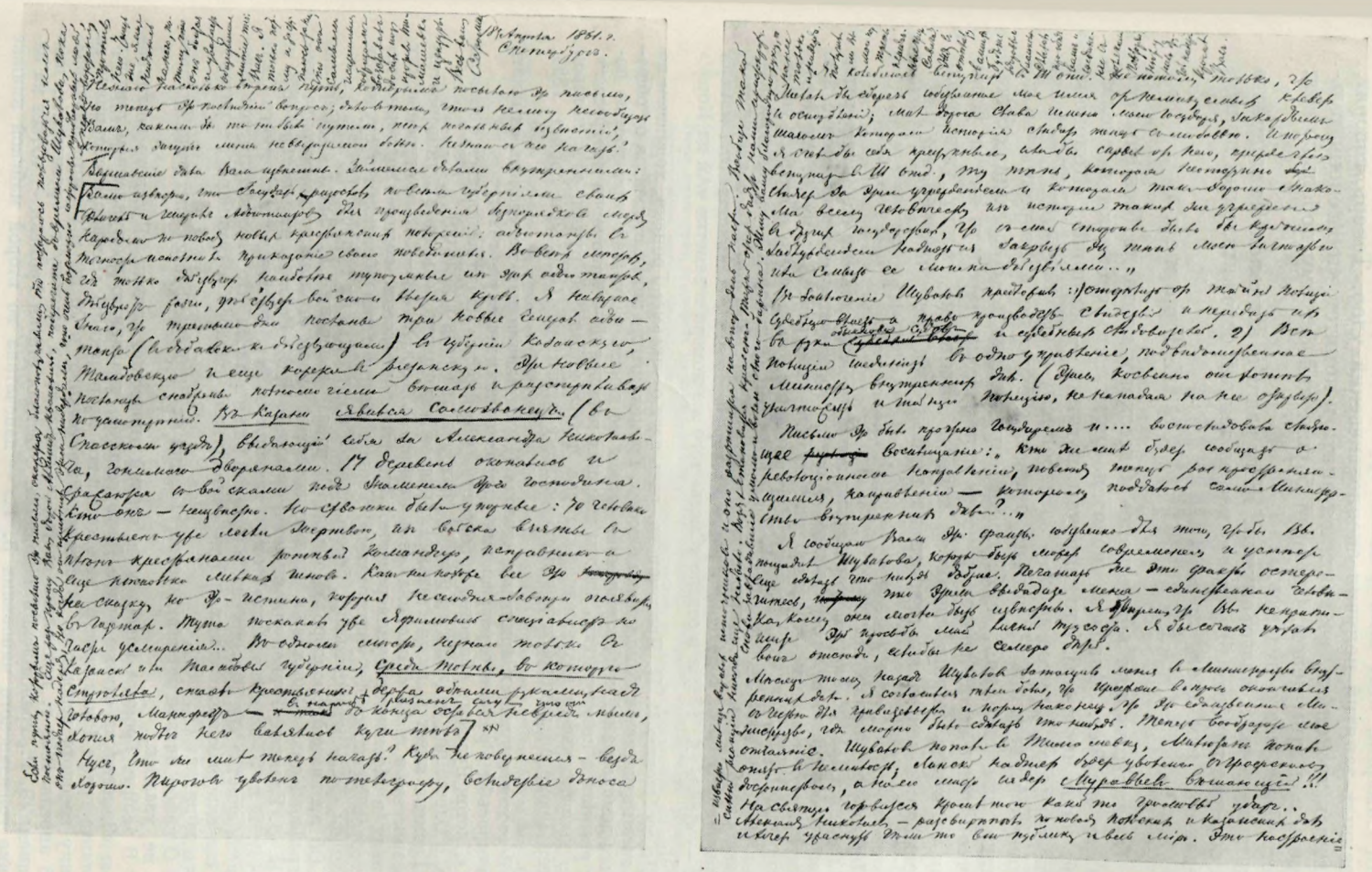
Опять спешу и чувствую, что говорю нескладно. Если теперь Строганова не проймет «Колокол», то, вероятно, он несокрушим [17].

Посылаю вам историю убиения царевича Алексея Петровича [18]; вероятно, вы еще не имеете этой книги; документы необыкновенно интересные, и потому спешу послать вам эту книгу вместе с третьим томом чтений [19].

Говорят, Модест Корф, будущий великий цензор, выразился недавно, что гласность есть дикий зверь, выпущенный из клетки.

Слыхали ль историю Безобразова? [20]

В Одессе убийства и грабежи неслыханные. Лучше было бы Строганову заняться этим делом, чем цензурою.



АВТОГРАФ ПИСЬМА С. С. ГРОМЕКИ К ГЕРЦЕНУ ОТ 18 АПРЕЛЯ 1861 г.

Отрывок из этого письма с описанием событий в селе Бездна Герцен включил в свою статью «Русская кровь льется!», напечатанную в «Колоколе» л. 98-99 от 15 мая 1861 г. Текст, предназначавшийся для печати, взят Герценом в скобки

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Юрий Самарин, этот благородный труженик крестьянского вопроса, от усиленных занятий получил апоплексический удар. Теперь, говорят, оправившись несколько, возвратился опять в комитет, чтобы окончательно умереть над этим делом. Славный барин: дай бог ему побольше сил; я на него более всего надеюсь.

Будьте здоровы и благополучны. Жму ваши и Николая Платоновича руки и еще раз глубоко благодарю вас за теплый освежительный привет.

Преданный вам всем сердцем

С. Громека

NB. О закрытии для «Колокола» Одесского порта не беспокойтесь: ничего не сделают. Впрочем, носятся слухи, что собираются сделать набег на наши пароходы. Это, впрочем, пустяки — на привоз «Колокола» у нас не сердятся, другое дело — за переписку с «Колоколом» [21]: Ивана Федоровича Миницкого [22] сильно прижали было по подозрению за доставление вам сведений; губернский предводитель Касьянов обещал публично *дойти* его; Строганов тоже начал было наседать, но я успел кое-как смягчить первые перуны; теперь обвинение ходит уже *около* меня самого; я успел их отвести на первый раз довольно удачно.

[1] Письмо это неизвестно.

[2] 12 ноября 1859 г. Главное управление цензуры было отделено от Министерства народного просвещения и преобразовано в особое государственное учреждение для исключительного и непосредственного заведывания цензурой. Барону М. А. Корфу было поручено представить проект нового учреждения, названного «Главным управлением книгопечатания». Однако представленный им проект царем утвержден не был, и 12 декабря 1859 г. Корф был освобожден от возложенных на него обязанностей.

Герцен использовал сообщение Громеки в передовой л. 60 «Колокола» от 1 января 1860 г. — «1860» (X, 191) и в отделе «Смесь» того же номера в заметке «Ай да Корф!» (X, 195).

[3] По сообщению М. П. Драгоманова, речь идет о «письме» Громеки, ходившем по рукам среди студенческой молодежи Одессы. Громека отговаривал студентов от общественных демонстраций и выступлений, «чтобы не давать излишней горячностью повода к реакции и не утруждать работы старших поколений — „пионеров прогресса“». Письмо вызвало чье-то возражение, которое также ходило по рукам, и в котором «„пионер Громека“ подвергся довольно резкому осмеянию» («Вольное слово», 1883, № 57).

[4] В соответствующих архивных «делах» III Отделения нам не удалось отыскать следов просьбы Громеки о разрешении издавать политическую газету.

[5] «Листок Русского общества пароходства и торговли» начал издаваться с января 1860 г. в Одессе под редакцией Громеки (выходил два раза в неделю).

[6] Громека имеет в виду статью Герцена «Синхедрион московских университетских фарисеев» в л. 55 «Колокола» от 1 ноября 1859 г. (X, 135—142) о студенческих волнениях в Московском университете. Зло высмеяв «военно-судные наклонности» профессоров Московского университета, Герцен вместе с тем обратился к студентам с призывом «быть осторожными», беречь силы и не тратить их попусту.

[7] Об анонимной брошюре «Искандер-Герцен», вышедшей в 1859 г. в Берлине (типография Карла Шультце) и принадлежавшей перу оголтелого ретрограда цензора Н. В. Елагина, Герцен упоминает в письме к М. К. Рейхель от 4 ноября 1859 г. (X, 144). В л. 57-58 «Колокола» от 1 декабря 1859 г. по поводу этой книги была помещена заметка «От Искандера», в которой Герцен писал, что он отказывается отвечать «на сквернословие каких-нибудь синодальных писарей и семинарских риторов старого порядка» (X, 165).

[8] О каком письме корреспондента «Journal de St. Pétersbourg» идет речь, установить не удалось.

[9] В 1859 г. Громека поместил во второй январской книжке «Русского вестника» статью «Заметка на статью графа Ржевусского», вызванную выступлением генерал-адъютанта графа Ржевусского, негодовавшего на редакцию «Военного сборника» за критику военного ведомства. В защиту Ржевусского в № 80 «Русского инвалида» от 16 апреля 1859 г. появилась статья «Замечание на заметку г. Громеки...», подписанная: «Э. Г., гражданский чиновник». Ответная статья Громеки — «Ответ на замечание гражданского чиновника Э. Г.» — напечатана во второй майской книжке «Русского вестника» за 1859 г.

[10] Речь идет об Андрее Павловиче *Шувалове* (1816—1876), петербургском губернском предводителе дворянства.

No. 98 & 99. THE BELL. MAY 15, 1861.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Бываетъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Цѣна (за двойной листъ) 1 шл. Получается въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 98 & 99.

15 Мая 1861.

У Трюбнера & Co., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tebartowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price One Shilling.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Русская кровь льется.—Отечественный совѣтъ.—Прискорбныя потерянныя (Окончаніе).—Проникновеніе Александра Ген.—Мормонизмъ въ Черниговѣ.—Бюджетъ на 1860 годъ. Смѣсь: Управляющій Коммиссіонскими.—Духовные и свѣтскіе доносы.—Гонимые университеты. Секретный манифестъ.—Васильчиковъ и Рейнгардтъ.—Финляндская конституція.—Игнатьевъ.—Арцимовичъ и Бутковъ.—Вирна нотте.—Министръ Аланской.—Телеграфъ.

РУССКАЯ КРОВЬ ЛЕТСЯ!

Да, русская кровь льется рѣкой!..... и есть прѣсныя души, робкіе умы, упрекающіе насъ въ выстраданныхъ нами словахъ проклятья и негодованія!

Правительство все могло предупредить, и польскую кровь и русскую, а теперь за свою шаткость, за свое непониманье, за свое неумѣнье ни въ чемъ идти до конца—убиваетъ толпы нашихъ братій.

Ужасомъ, слезами наполняютъ насъ новости, идущія со всѣхъ сторонъ. Бѣдные, бѣдные крестьяне! Вѣдь въ Европѣ не подозрѣваютъ, что такое значитъ у насъ усмиреніе солдатами, генералъ-адъютантское, флигель-адъютантское усмиреніе. Одна надежда на солдатъ и на молодыхъ офицеровъ. Тяжело носить оружіе, на которомъ запеклась кровь своихъ родныхъ, отцовъ, матерей, братьевъ.

Мы останавливаемся, темно передъ глазами, мы боимся дать голосъ всему что стонетъ въ насъ, мы боимся высказать все что бродитъ на сердцѣ. ...

Передадимъ сначала факты.

Вотъ отрывки изъ писемъ, безъ всякаго измѣненія:

"Вамъ извѣстно, что государь разослалъ по всѣмъ губерніямъ своихъ флигель и генералъ-адъютантовъ. Адъютанты исполняютъ порученіе. Въ нѣсколькихъ губерніяхъ дѣйствуютъ розги, дѣйствуетъ войско и льется кровь. Я навѣрное знаю, что третьяго дня посланы три новые генералъ-адъютанта (въ добавокъ къ дѣйствующимъ) въ губерніи Казанскую, Тамбовскую и еще кажется въ Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочіемъ вѣшать и разстрѣливать, по усмотрѣнію. *Въ Казани явился Самозванецъ*, (въ Спасскомъ уѣздѣ), выдающій себя за Александра Николаевича, гонимаго дворянами. *Семнадцать* деревень окопались и сражаются съ войсками подъ знаменемъ этого господина. Кто онъ—неизвѣстно. Но схватки были ужасныя: 70 человѣкъ крестьянъ уже легли жертвою, изъ войска взяты въ плѣнъ крестьянами ротный командиръ, исправникъ и еще нѣсколько мелкихъ чиновъ. Какъ ни похоже все это на сказку, но это истина, которая не сегодня-завтра появится въ газетахъ. Туда посланъ Ефимовичъ, спеціалистъ по части усмиренія.. *

Въ одномъ мѣстѣ, не знаю только въ Казанской или Тамбовской губерніи, среди толпы, въ которую стрѣляли, стоялъ крестьянинъ держа обѣими руками, надъ головою, манифестъ — въ народѣ разнесся слухъ, что онъ до конца остался невредимымъ, хотя подлѣ него валились кучи тѣлъ."

* Извѣстный своей экспедиціей противъ Унковскаго и Европеуса.—Ред.

Изъ второго письма.

Почти повсемѣстно крестьяне страшно недовольны новымъ временно-обязательнымъ положеніемъ, во многихъ мѣстностяхъ отказываются вѣрить, что объявляемый имъ манифестъ подлинный; такъ на пр. флигель-адъютантъ гр. Олсуфьевъ, посланный въ одну изъ западныхъ губерній, встрѣченъ былъ подобнымъ возраженіемъ, и когда для убѣжденія крестьянъ сослался на то, что онъ адъютантъ государя, то въ толпѣ заговорили, что они не знаютъ настоящій-ли онъ адъютантъ или переодѣтый. Олсуфьевъ счелъ лучшимъ аргументомъ противъ этого приказъ солдатамъ бить крестьянъ прикладами, а затѣмъ пороть розгами.

Въ Петербургской губерніи, въ имѣніи генерала Ольхина, противъ крестьянъ, по общему отзыву совершенно правыхъ, была употреблена военная сила и несчастнымъ жестоко досталось.

Въ Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, возстали крестьяне вотчинъ гр. Уварова, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ; посланная противъ нихъ рота принуждена была отступить; въ рукахъ крестьянъ остались исправникъ, становой, юнкеръ и нѣсколько рядовыхъ; два батальона посланы для усмиренія.

Въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, между раскольниками появился пророкъ, выдававшій себя за государя: цѣлые округи до 10,000 крестьянъ, большею частью государственныхъ взволновались; посланная военная сила не привела ни къ какому результату, сраженія не было. Губернаторъ Козлининовъ и генералъ свиты Апраксинъ отправились съ 12 ротами. Апраксинъ приказалъ *стрѣлять* баталіоннымъ огнемъ: 70* тѣлъ осталось на мѣстѣ, пророкъ остался по удаленіи крестьянъ, стоя на колѣнахъ и держа надъ головою новое положеніе. Апраксинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи полномочія дѣйствовать при нарушеніи порядка именемъ государя, и поступать съ виновными по полевому военно уголовному уложенію на правахъ

* Тоже количество показано въ телеграммѣ "Таймса" отъ 11 Мая.

«КОЛОКОЛ» СО СТАТЬЕЙ ГЕРЦЕНА «РУССКАЯ КРОВЬ ЛЬЕТСЯ!»; В НЕЕ ВКЛЮЧЕН ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА С. С. ГРОМЕКИ ОТ 18 АПРЕЛЯ 1861 г.

Л. 98-99 от 15 мая 1861 г.

[11] Разоблачение деятельности петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева, в том числе его махинаций с акциями страхового общества (Громека сообщает о них неточно), дано в л. 64 «Колокола» от 1 марта 1860 г., в отделе под рубрикой «Из Петербурга».

[12] Михаил Николаевич *Жемчужников* (1788—1865) — член особого присутствия сената, в прошлом петербургский гражданский губернатор.

[13] Так Герцен именовал в «Колоколе» Я. И. Ростовцева.

[14] Петр Андреевич *Шувалов* (1827—1889) — петербургский обер-полицеймейстер, в дальнейшем управляющий III Отделением, а с 1865 по 1874 г. — шеф жандармов.

[15] Александр Григорьевич *Строганов* (1795—1891) с 1855 по 1864 г. был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

[16] Громека имеет в виду статью Герцена «Русские немцы и немецкие русские», опубликованную в лл. 53, 54, 56, 57-58 и 59 «Колокола» от 1 октября — 15 декабря 1859 г. (X, 87 — 126), в которой Герцен дает уничтожающую оценку буржуазной культуры Запада и антинародной политики самодержавия, а также излагает утопические идеи «русского социализма».

[17] Обличение деятельности графа Строганова (см. примеч. 15) было начато Герценом опубликованием в л. 22 «Колокола» от 1 сентября 1858 г. «Письма к графу Строганову», за присылку которого Герцен благодарил некоего «К. О.». Начиная с л. 39 от 1 апреля 1859 г., одесские материалы начинают появляться в «Колоколе» систематически.

[18] Речь идет о книге Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», т. VI. «Царевич Алексей Петрович». СПб., 1859. Герцен откликнулся на эту книгу в статьях «Новости из России» — л. 71 «Колокола» от 15 мая 1860 г. (X, 313—314), в предисловии к «Запискам» И. В. Лопухина (X, 376—380) и в предисловии ко второму выпуску «Исторического сборника Вольной русской типографии» (XI, 15—19).

[19] «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1859, июль — сентябрь, кн. 3. В этой объемистой книге помещены, наряду с различными историческими документами и исследованиями, материалы о Пугачеве, об освобождении крестьян, русские народные былины и т. п.

[20] Владимир Павлович *Безобразов* (1828 — 1889) — экономист, либеральный публицист. Вероятно, Громека имеет здесь в виду ту «историю», по поводу которой Герцен запрашивал читателей в л. 62 «Колокола» от 1 февраля 1860 г., — справедливы ли сведения о состоявшемся якобы решении Комитета министров с запрещением Безобразову печататься.

[21] Эти слова документально подтверждают, что Громека использовал пароходы Русского акционерного общества пароходства и торговли как для транспортировки «Колокола», так и для пересылки корреспонденций.

[22] Иван Федорович *Миницкий* — учитель Одесской гимназии. В списке корреспондентов «Колокола» имя Миницкого до сих пор не упоминалось (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 572—620).

2

18 апреля 1861 г.
С.-Петербург

Не знаю, насколько верен путь, которым посылаю это письмо, но теперь это последний вопрос; дело в том, что я не могу не сообщить вам, каким бы то ни было путем, тех печальных известий, которые жгут меня невыразимою болью. Не знаю, с чего начать? Варшавские дела вам известны [1]. Займемся делами внутренними: вам известно [2], что государь разослал по всем губерниям своих флигель- и генерал-адъютантов для произведения беспорядков между народом по поводу новых крестьянских положений: адъютанты в точности исполнили приказание своего повелителя. Во всех местах, где только действуют наиболее тупоумные из этих адъютантов, действуют розги, действует войско и льется кровь. Я наверное знаю, что третьего дни посланы три новые генерал-адъютанта (вдобавок к действующим) в губернии Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, в Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочием вешать и расстреливать по усмотрению. *В Казани явился самозванец* (в Спасском уезде), выдающий себя за Александра Николаевича, гонимого дворянами. Четырнадцать деревень окопались и сражаются с войсками под знаменем этого господина. Кто он — неизвестно. Но схватки были упорные: семьдесят человек крестьян уже легли жертвою, из войска взяты

в плен крестьянами ротный командир, исправник и еще несколько мелких чинов. Как ни похоже все это на сказку, но это — истина, которая не сегодня — завтра появится в газетах. Туда поскакал уже Яфимович, специалист по части усмирения... [3] В одном месте, не знаю только, в Казанской или Тамбовской губернии, *среди толпы, в которую стреляли*, стоял крестьянин, держа обеими руками над головою манифест, — и так * до конца остался невредимым, хотя подле него валялись кучи тел [4].

Ну-с, что же мне теперь начать? Куда ни повернешься — везде хорошо. Пирогов уволен по телеграфу, вследствие доноса князя Васильчикова киевского в его годовом отчете государю, что Пирогов завел какой-то самосуд между гимназистами и ограничил права директоров в наказании учеников (резолюция государя: *ни с чем не сообразно и доказывает всю неосновательность попечителя!*). Впрочем, эту резолюцию и текст посылаю в литографированной копии, которые разосланы по высочайшему повелению всем губернаторам в назидание, как следует писать отчеты. Дело в том, что Пирогов, отъявленный демократ, не сошелся с княгинею Катериною Васильевною Васильчиковою, урожденною кн. Щербатовой, которая управляет киевским краем вместо мужа [5].

Тимашев (слушайте!), *после неоднократных* попыток уничтожить III Отделение или доказать необходимость его уничтожения, подал в отставку, уведомив кн. Долгорукова [6], что не может долее оставаться в учреждении, которое с окончанием крестьянского вопроса становится бессмысленным. (Передаю со слов людей, выдающих все это за чистую правду.) Государь очень немилостиво отнесся к этому поступку Тимашева и велел его уволить в бессрочный отпуск, а на его место назначил графа Шувалова. Это назначение было для Шувалова неожиданным ударом; он привык беречь доброе имя, вынесенное им из весьма скользкого места петербургского обер-полицеймейстера; с другой стороны, страшно было «Колокола» и его беспощадных стрел; с третьей стороны, невозможно было и отказаться, по правилам придворной логики (Шувалов воспитывался во дворце и состоит в нем домашним человеком, хотя это не мешало ему быть до сих пор порядочным человеком). Все это заставило его написать письмо к Долгорукову и просить объяснить государю причины, почему он гнушается III Отделением. Прежде чем я приведу вам отрывки из этого письма, должен сказать, что ни государь, ни Долгоруков *до сих пор не понимали* (бедные!), что̀, собственно, нехорошего в III Отделении, и простодушно верили, что нерасположение это почерпнуто из «Колокола» и других революционных изданий. Чтобы рассеять это заблуждение, с одной стороны, а с другой — чтобы не рисковать самому быть зачисленным в красные, Шувалов оставлял неприкосновенною тайную полицию, а старался в письме своем разбить *«тайный суд, находящийся в руках тайной полиции»*. Вот отрывки из этого письма [7]:

«Всякая полиция, в сущности, тайная, и не она страшна для честных людей; страшен тайный суд, право следствия и право ареста, находящиеся в руках тайной полиции. Люди, обязанные охранять спокойствие государства, всегда склонны видеть во всем опасность и преувеличивать значение каждого факта. Такова уже человеческая натура, и если подобная склонность ничем не будет умеряема и отрезвляема, если люди, обязанные подозревать всех и каждого, не только не обязаны подкреплять свои подозрения судебными доказательствами, но, напротив, имеют право при первом подозрении подвергнуть каждого аресту, то весьма естественно, что они легче других людей могут впадать в ошибки и несправедливость. Если же от этих самых людей будут зависеть допрос подо-

---

* *Слова* и так *Герценом для публикации в «Колоколе» зачеркнуты; сверху написано им*: в народе разнесся слух, что он

зреваемых и представление заключений по допросам, то уже нет никакой надежды к исправлению их *ошибок и увлечений* и для невинно заключенного исчезнет всякая возможность правильной защиты. Вот почему при имени III Отделения всякий чувствует невольный трепет и смущение... Страшно в нем не то, что оно делает, а то, что оно *может* сделать. А может оно во всякую минуту вторгнуться в каждый дом и семейство, схватить оттуда какую угодно жертву и заключить в каземат, извлечь из этой жертвы какое угодно признание, не прибегая к пытке, и потом может представить государю все дело в таком виде, в каком пожелает...

Ваше сиятельство! Такое точно учреждение, но только под другим названием, оставило по себе страшные воспоминания в истории католического Запада и у нас во время Бирона. Это же самое учреждение недавно оттолкнуло неаполитанцев от любви к своему законному государю. Оно же прославилось во времена кроткой и мудрой Екатерины II именем Шешковского. Вот почему Александр Благословенный тотчас по вступлении на престол издал манифест об уничтожении тайной канцелярии и о предании самой памяти ее вечному забвению... В прошедшем году государь повелел отделить судебную власть от земских и градских полиций. Если эта власть оказалась вредною в руках обыкновенной полиции, то оставлять ее далее в руках тайной полиции было бы совершенно несправедливо, особенно теперь, когда крестьянский вопрос решен.

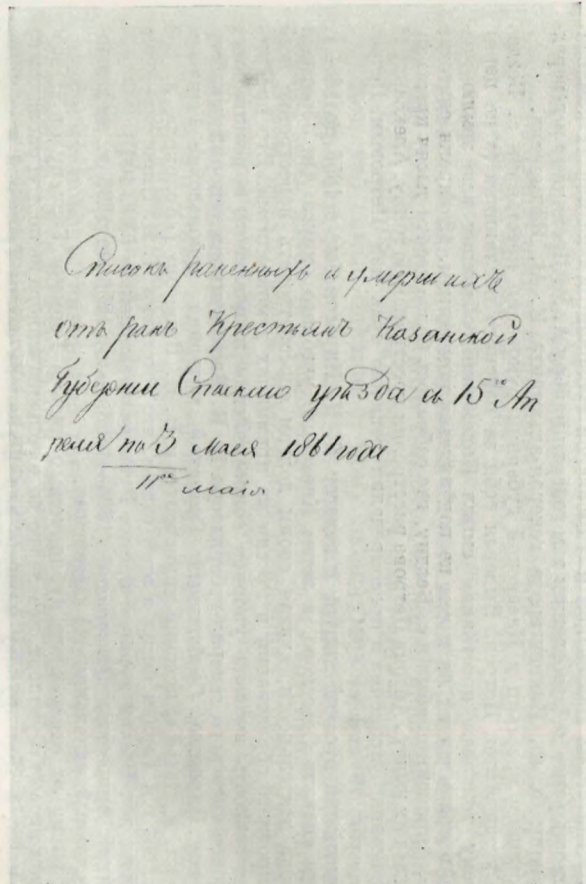
Я колеблюсь вступить в III Отделение не потому только, что желал бы сберечь собственное мое имя от неминуемых клевет и оскорблений; мне дорога слава имени моего государя, за каждым шагом которого история следит теперь с любовью. И потому я счел бы себя преступным, если бы скрыл от него, прежде чем вступить в III Отделение, ту тень, которая неотступно следует за этим учреждением и которая так хорошо знакома всему человечеству из истории таких же учреждений в других государствах, что с моей стороны было бы крайним заблуждением надеяться закрыть эту тень моею личностью или смыть ее моими действиями...».

В заключение Шувалов предложил: 1) отделить от тайной полиции судебную власть и право производства следствий и передать их в руки обыкновенных судов и судебных следователей; 2) все полиции соединить в одно управление, подведомственное министру внутренних дел. (Этим косвенно он хотел уничтожить и тайную полицию, не нападая на нее открыто.)

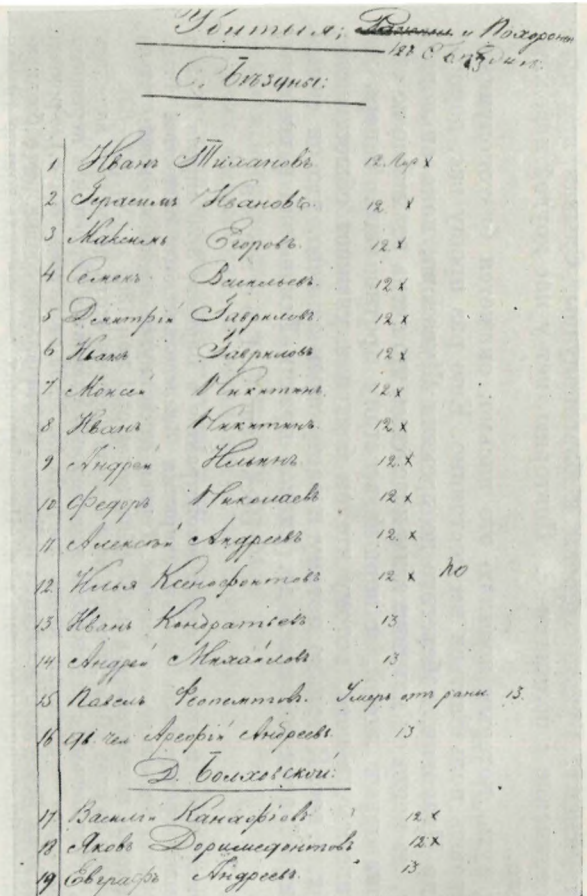
Письмо это было прочтено государем и... воспоследовало следующее восклицание: «Кто же мне будет сообщать о революционном направлении, повсюду теперь распространяющемся, направлении, которому поддалось само Министерство внутренних дел!..»

Я сообщаю вам эти факты, собственно, для того, чтобы вы пощадили Шувалова, который, быть может, современем и успеет еще сделать что-нибудь доброе. Печатать же эти факты остерегитесь, потому что этим выдадите меня — единственного человека, кому они могли быть известны. Я уверен, что вы не припишете эти просьбы моей личной трусости. Я бы сейчас уехал вон отсюда, если бы не семеро детей.

Месяц тому назад Шувалов затащил меня в Министерство внутренних дел. Я согласился тем более, что крестьянский вопрос окончился с честью для правительства, и потому, наконец, что это единственное министерство, где можно было сделать что-нибудь. Теперь вообразите мое отчаяние. Шувалов попал в Тимашевку; Милютин [8] попал опять в немилость; Ланской на днях будет уволен с графским достоинством, а на его место сядет *Муравьев вешающий*!!! На святую готовится, кроме того, какой-то громовой удар. Александр Николаевич рассвирепел по поводу польских и казанских дел [9] и хочет ужаснуть чем-то всю публику и весь мир. Это настроение известно мне из верных источников, и оно разрешится на второй



Списокъ раненныхъ и умершихъ отъ ранъ Крестьянъ Казанской Губерніи Спасскаго уѣзда съ 15го Апреля по 3 Мая 1861 года



11го Мая

Убитыя; ~~Раненыя~~ и Похоронены 12го Сентября

С. Бѣзды:

1	Иванъ Тихановъ	12 Апр.	x
2	Герасимъ Ивановъ	12	x
3	Максимъ Егоровъ	12	x
4	Семенъ Васильевъ	12	x
5	Дмитрій Гавриловъ	12	x
6	Иванъ Гавриловъ	12	x
7	Моисей Никитинъ	12	x
8	Иванъ Никитинъ	12	x
9	Андрей Ильинъ	12	x
10	Федоръ Николаевъ	12	x
11	Алексѣй Андреевъ	12	x
12	Илья Ксенофонтовъ	12	x по
13	Иванъ Кондратьевъ	13	
14	Андрей Михайловъ	13	
15	Павелъ Феопемптовъ	Умеръ отъ раны	13
16	Ф. чел. Арефій Андреевъ	13	

Д. Болховской:

17	Василій Канафіевъ	12	x
18	Яковъ Доримедонтовъ	12	x
19	Евграфъ Андреевъ	13	

СПИСОК КРЕСТЬЯН, ПОГИБШИХ ПРИ УСМИРЕНИИ ВОЛНЕНИЙ В СЕЛЕ БЕЗДНА. СОСТАВЛЕН В АПРЕЛЕ—МАЕ 1861 г.

Находится в «Деле спасского уездного исправника». Заглавный лист и первая страница списка

Музей Татарской АССР, Казань

день Пасхи. Вообще такой сильной реакции никогда еще не было. Воздух становится красен. Тяжкий отчет дадут наши аристократы, снова завладевшие умом и волею слепого барина. Жму вашу благородную руку, на нее только и надежда.

Получили ли вы мои портреты, переданные чрез Савича? [10] Жду в отплату ваших. Будьте здоровы и благополучны. Слыхал про обед ваш и соединение с поляками [11]. Повторяю, нет у нас другой надежды, кроме вас.

Если путь, которым посылаю это письмо, окажется благополучным, то постараюсь пользоваться им постоянно. Еще раз прошу вас, дорогой Александр Иванович, поберегите до времени Шувалова, пока он подает надежду, но когда он изменит этим надеждам, что очень возможно со стороны придворных людей, я первый восстану против него. Теперь же я еще надеюсь на него, потому что он боится и уважает общественное мнение, т. е. вас. Я только потому и заступаюсь за него, что он самым искренним образом восставал до сих пор против Тимашевки и цензуры.

Весь ваш С. Громека

[1] Громека имеет в виду расстрел демонстрантов в Варшаве 8/20 апреля 1861 г. Демонстрация протестовала против закрытия Земледельческого общества. Было убито и ранено несколько сот человек. Герцен откликнулся на это событие статьей «Mater dolorosa», появившейся в л. 97 «Колокола» от 1 мая 1861 г. (XI, 82—83).

[2] Начиная со слов «Вам известно...» и кончая словами «хотя подле него валялись кучи тел», текст письма с некоторыми изменениями напечатан Герценом в передовой статье «Колокола» — «Русская кровь льется!» (л. 98-99 от 15 мая 1861 г.). Громека первым сообщил Герцену о восстании в Бездне. Официальное сообщение о бездненских событиях было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» только 19 мая 1861 г., т. е. позднее, чем статья в «Колоколе».

[3] В связи с крестьянскими волнениями, охватившими после объявления Положений смежные уезды Пензенской и Тамбовской губерний, Александр II командировал в помощь ранее действовавшим там генерал-майору А. М. Дренякину и генерал-майору барону Ф. Ф. Винценгероде генерал-адъютанта Н. М. Яфимовича.

[4] Восстанием крестьян в Казанской губернии руководил крестьянин с. Бездна Спасского уезда Антон Петров. Выдавая себя за царского посланника (а не царя), он по-своему толковал крестьянам смысл Положений, объявляя всю землю крестьянской, и призывал их ни в чем не подчиняться помещикам. 12 апреля свитский генерал гр. Апраксин прибыл в с. Бездну, где собралось более десяти тысяч крестьян, и после отказа их выдать Антона Петрова расстрелял крестьянскую толпу. Александр II одобрил действия Апраксина и предопределил решение суда над Петровым. Петров был расстрелян 19 апреля 1861 г.

[5] Крупнейший русский хирург и педагог Н. И. Пирогов был с 1856 по 1861 г. попечителем сначала Одесского, а затем Киевского учебного округа. Он обратился к этого рода деятельности, считая своим долгом способствовать перестройке всей системы народного образования в России на принципах демократизма. Его прогрессивная деятельность вызвала упорное сопротивление и ненависть в реакционных кругах. Донос киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова ускорил неизбежную отставку Пирогова. Сообщенный Громекой материал использован Герценом в «Колоколе», в статье «Киевский университет и Н. И. Пирогов» («Колокол», л. 100 от 1 июня 1861 г.). Герцен писал в этой статье, что «отставка Н. И. Пирогова—одно из мерзейших дел дураков против Руси развивающейся» (XI, 104).

[6] Василий Андреевич *Долгоруков* (1804—1868) — с 1856 по 1866 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

[7] Как видно из следующего публикуемого письма Громеки Герцену от 11 мая 1861 г., текст письма Шувалова, незадолго до того назначенного на пост управляющего III Отделением, к Долгорукову написан для Шувалова самим Громекой и сообщен им Герцену с согласия Шувалова. Герцен откликнулся на сообщение Громеки об отставке Тимашева и назначении на его место Шувалова заметкой в «Колоколе» л. 98-99 от 15 мая 1861 г.: «Buona notte, buona notte» * (XI, 100).

[8] Николай Алексеевич *Милютин* (1818—1872) был с 1859 г. товарищем министра внутренних дел. Уволен в отставку вместе с Ланским в апреле 1861 г. в связи с общим усилением реакционного курса правительства.

[9] *Казанские дела* — события в селе Бездна.

---

* «Доброй ночи, доброй ночи» (итал.).

[10] Алексей Николаевич *Савич* (1810—1883) — известный русский астроном, университетский товарищ Герцена, участник герценовского студенческого кружка.
[11] 10 апреля 1861 г. Герцен устроил обед в честь «начала освобождения крестьян». Однако празднование совпало с получением известия о расстреле демонстрации в Варшаве. Герцен не произнес заготовленной заранее речи, а вместо того заявил на обеде о своей солидарности с поляками. Текст речи, оставшийся до сих пор неизвестным, обнаружен в «пражской коллекции». См. об этом в следующем томе «Лит. наследства».

3

11-е мая 1861 г. С.-Петербург

Сейчас я читал, перечитывал и опять читал вашего «*Роберта Оуэна*» — и глаза мои до сих пор полны слез восхищения и гордости, что такая статья написана по-русски [1]. Я начинаю подозревать, что вы не человек: люди обыкновенно имеют привычку *стареть*, вы же постоянно *молодеете*, и ни годы, ни испытания, ни тоска по вашей рабствующей родине не действуют на вас. Так смело взглянуть в лицо истине, так ярко и метко схватить ее черты — и при этом столько любви и страсти — это выше всяких выражений. У меня нет слов благодарить судьбу за утешение, ниспосланное мне этой статьей в ту самую минуту, когда сердце разрывается на части от убийств, все в бóльших и бóльших размерах совершаемых нашим *благодушным* царем.

Простите мне это признание. Я знаю, как оно глупо, я знаю, что такие похвалы неприятнее нападок. Но вы сами сказали, что таких людей, как вы, *нечего щадить*.

Отрадно было вздохнуть на вашей статье. Утешительно думать, что у нас в Лондоне *свой король есть*. И когда б вы знали, как боятся этого короля наши цари и царьки! Еще недавно Александр Николаевич, получив «Колокол» в присутствии гр. Шувалова, сказал ему *со вздохом*: «Вот что более всего *вредит нам*!». Еще бы! И этот человек, с гордостью и упрямством разрешающий и приказывающий убийства, вздыхает от «Колокола»!

С прошлою почтою я передал вам через других (самому писать было некогда) о подвигах *коломенского* предводителя *Скорнякова* [2]. Вы знаете также о бойне, произведенной Апраксиным в Казанской губернии, но вы еще не знаете, до какого *благодушия* дошел наш Александр II. Известия, которые он получал отовсюду о действиях своих адъютантов, были таковы, что самые близкие к нему люди уверены были, что Апраксину не сдобровать. А он — ангел! — повесил Апраксину Владимира на шею, вместо того, чтобы его самого повесить [3]. Сотрудника же Апраксина — спасского предводителя *Молоствова* пожаловал двумя наградами: орденом и чином (несмотря даже на то, что он в отставке: нарушение военных приличий неслыханное!) [4].

Недурен также следующий поступок его. Вы, вероятно, слыхали, что я, стесненный голодом, вынужден был поступить на службу и поступил (после крестьянской реформы) в Министерство внутренних дел. Первая бумага, которую мне довелось составлять к докладу царю, была по следующему поводу: виленский генерал-губернатор Назимов жаловался на предводителей дворянства: виленского — *графа Тишкевича* и белостокского — *Саковича*, что они ведут себя неприлично в политическом отношении: Тишкевич заказал обед на 1500 человек *простолюдинов* к светлому празднику, а жена его принимала участие в подписке в пользу семей убитых в Варшаве. За это Назимов выслал графа и его жену в деревню под полицейский надзор и просил, чтобы его удалить от службы (а также и Саковича, который присутствовал при панихиде в память варшавских убиенных).

Доклад составлен был мною в следующем виде: «Такой-то Назимов поступил так-то и просил о том-то. Представляя о сем, министр считает

долгом доложить, что: *по закону предводители увольняются не иначе, как по суду и с разрешения Сената*». Доклад был возвращен ко мне со следующею отметкою министра Ланского (это был последний его доклад): «Государь приказал исполнить согласно ходатайству Назимова», т. е. уволить, против закона*.

Мною получены сведения из губерний, *где производились кровопролития*, что там крестьяне собираются перебить *бояр и начальных людей*. Sic!

Кстати, о Шувалове: с тех пор, как он перешел в III Отделение, я его не видал и ничего не знаю, что он намерен делать. Очень может быть, что теперь и вправду не время уговаривать *Сашу* [5] об уничтожении тайной полиции, а может быть Шувалов уже и примирился с своим положением и таинственною властью, что я ему предсказывал. Но когда он шел туда, он очень искренно боялся «Колокола» и от чистого сердца благодарил меня за письмо, из которого отрывки я уже сообщил вам. Правда, у него не хватило духу адресовать это письмо прямо государю, как это было условлено сначала (он адресовал его к кн. Долгорукому, который, однако, прочитал его государю), но кто же от этих господ станет требовать гражданского мужества? Убить и расстрелять двести крестьян у них всегда достанет духу, а сказать правду в глаза человеку **

[1] «*Роберт Оуэн*» — один из очерков, вошедших в «Былое и думы». Напечатан в шестой книге «Полярной звезды на 1861 год», вышедшей около 15 марта 1861 г.

[2] Корреспонденция о коломенском предводителе Скорнякове напечатана Герценом в л. 110 «Колокола» от 1 ноября 1861 г. в статье «К делу о прикреплении крестьян к свободе».

[3] О награждении Александром II С. Ф. Апраксина за его действия по подавлению бездненского восстания сообщалось в «Колоколе», л. 102 от 1 июля 1861 г., вероятно после полученных дополнительных сведений.

[4] Сообщение Громеки о Молоствове напечатано в «Колоколе», л. 101 от 15 июня 1861 г., в обзоре писем о «подробностях Казанского дела».

[5] Александра II.

4

20 мая 1861. Петербург

Изнывая под тяжестью кровавых известий и разрушенных надежд, я перечитываю вашу книгу «За пять лет», и она подкрепляет мои силы. Года два тому назад я еще не так понимал вас, как следует, и слова ваши не так глубоко ложились на сердце, как теперь. Уроженец Малороссии, я мало интересовался общинным вопросом и крепко стоял за личность, хотя чувствовал, что на вашей стороне сила правды. Но в течение последнего года я пережил перелом и отошел от «Русского вестника», хотя очень люблю Каткова как человека. Не мог я пристать к «Современнику», потому что не нахожу ничего симпатического в нем и даже, — признаюсь откровенно, — он меня отталкивает своим безотрадным неверием в людей, своим отсутствием любви и эгоизмом. Я поселился в «Отечественных записках» как на плоскости, ничем не занятой и пустынной. Впрочем, и тут я, по всей вероятности, временный гость, потому что никогда не простирал претензии на звание писателя и нисколько к нему не приготовлен. Всю жизнь я был человеком дела и схватился за слово только тогда, когда казалось возможным высказать его. Теперь и эта возможность исчезла. Теперь пора бы приняться за дело, но как, с кем, за какое дело? *** Где те проснувшиеся силы, где та *дикая дерзость замыслов и надежд*,

---

* Далее густо зачеркнуты две строки.

** Конец письма не сохранился.—*Ред.*

*** Дела, пожалуй, много, но с завязанным ртом и связанными руками — плохо как-то делается. — *Примеч. Громеки.*

МОГИЛА АНТОНА ПЕТРОВА В СЕЛЕ АНТОНОВКЕ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР (РАНЕЕ СЕЛО БЕЗДНА СПАССКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Фотография, 1920-е гг.

Музей Татарской АССР, Казань

о которых вы говорили в пятом письме («Россия и Польша»)?[1] Вот мы подошли к берегу: крестьянский вопрос решен, христолюбивое воинство стреляет и сечет крестьян точно так, как стреляло и секло при Николае. Весь берег залит кровью, слезами, разрушенными надеждами, а мы молчим или занимаемся сплетнями и скандальчиками. Немного только нажала правительственная рука — и мы присмирели и разошлись в разные стороны, как будто так много сделали, что пора на отдых...

Я читал ваше доброе письмецо к Андрею Н**[2], в котором вы не одобряете *наших* замыслов перебраться к вам. Боже мой, сколько у вас любви к людям! Откуда вы берете ее, как стаёт вас на всё и для всех? А посмотрите, что у нас делается: кружки, сплетни, вражда друг к другу, как будто вся литература из иноплеменников, как будто ей нечего любить сообща, не с кем бороться соединенными силами!

Я часто повторял вам в письмах моих, что у нас одна только надежда — на вас. Это не фраза. Если бы вы были среди нас — вы были бы русским Гарибальди, а теперь нам остается читать ваше евангелие и ждать, пока вы расшевелите нас. Мне кажется, что вы уж много занимаетесь правительством и чересчур мало — нами. Нас нужно подгонять — мы привыкли к этому. А на правительство надежды нет никакой: оно окончательно свихнуло с ума.

Ужас обнимает меня, когда подумаю, что мы так еще слабы и разрозненны, так далеки от энергической оппозиции, что еще два-три нажатия — и мы опять утешимся и погрузимся опять в мелкие сплетни и словопрения. А вы, стоя далеко, полны таких надежд, такой силы, такой всеобъемлющей любви и ненависти! Скажите: где же у нас хоть капля такой силы? Чернышевский, который несколько времени тому назад (а для многих и теперь) считался апостолом среди молодежи, он, человек несомненной честности, — что он сделал, чтобы вдохновить молодежь? Он

проповедует открыто, что все люди мошенники и эгоисты; он говорит, что сам себе не верит и никому не советует доверять ему денег — какое единство, какую силу может вдохнуть такое учение? Катков — человек благородный, талантливый и горячий, но неисправим в своем западничестве. Костомаров мог бы быть центром для нас, но предался науке, одной науке. Кавелин совсем отбился да и понес ужасную потерю, после которой не скоро оправится. Где же собираться, где отвести душу, где подкрепить силы и надежды? Одна надежда на вас — на вашу неистощимую энергию, на ваши неслабеющие громы, на вашу вечно юную, вечно свежую любовь и веру в Россию.

Простите мне эти новые излияния. Мне так тяжело в моем одиночестве, в моем бессилии, в моей тяжелой обстановке: с одной стороны, семеро детей и жена в нужде, с другой — подлая необходимость ходить ежедневно в департамент и писать глупейшие бумаги, с третьей — кровь и стоны, с четвертой — литературные дрязги... Так бы и кинулся в первый омут, в первый водоворот.

Посудите сами: Щапов, казанский профессор, сказал студентам горячее слово и требовал панихиды по убиенным мученикам Спасского уезда. Его велели схватить (и как подло схватили: услали в командировку и захватили на первой станции — боялись взять в Казани)*[3]

[1] «„Россия и Польша“. Ответы статьям, напечатанным в „Przeglad Rzeczy Polskich“». Вошло в сборник «За пять лет» (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера. London, 1860, стр. 109—192.

[2] Речь идет об Андрее Ивановиче Ничипоренко (см. о нем на стр. 27—28 и 30 настоящего тома). Письмо к нему Герцена неизвестно.

[3] О панихиде в Казани в связи с расстрелом крестьян в селе Бездна было сообщено в л. 100 «Колокола» от 1 июня 1861 г. Получив более подробные сведения, редакция «Колокола» в следующем номере, в обзоре писем о «Подробностях казанского дела», сообщала о выступлении Щапова и его аресте. История ареста Щапова сообщается Громекой неточно (был арестован не «на первой станции» от Казани, а с Нижнем-Новгороде).

* Конец письма, повидимому, не сохранился. — *Ред.*

М. С. ГУЛЕВИЧ — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор публикуемого письма, Михаил Семенович *Гулевич*, он же *Зрачков* (ум. в 1874 г.) — дворянин по сословной принадлежности, участник русского революционно-демократического движения шестидесятых годов, политический эмигрант. В конце пятидесятых годов Гулевич учился в Харьковском университете и был близок к революционному студенческому кружку Я. Н. Бекмана, М. Д. Муравского и других. В 1860 г., когда участники кружка были арестованы, Гулевич избежал ареста, так как причастность его к кружку осталась неизвестной следователям. Однако Гулевичу пришлось расстаться с Харьковским университетом. Полгода он странствовал по югу России, полгода провел в Москве, где посещал лекции в университете. В конце 1860 или в самом начале 1861 г. Гулевич переехал в Петербург и поступил вольнослушателем в университет, продолжая, как и в Москве, добывать себе средства к жизни преподаванием; между прочим, он был учителем сына А. П. Керн. «Он хорошая, честная, разумная натура»,— записала Керн о Гулевиче в своем дневнике (А. П. Керн. Воспоминания. Л., 1929, стр. 379).

Недолго пришлось Гулевичу пробыть вольнослушателем Петербургского университета. Осенью 1861 г. произошли известные студенческие волнения, университет был закрыт, а студенты, принимавшие участие в сходках и демонстрациях, подверглись аресту. В числе арестованных оказался и Гулевич. Сперва он был заключен в Петропавловскую крепость (12 октября), а затем, по недостатку мест, переведен в один из казематов Кронштадта (17 октября). Без малого два месяца провел он, как и другие арестованные студенты, в заключении и лишь в конце года (6 декабря) был выпущен на волю; при этом ему угрожала высылка на родину, «где больной, старой матери нечего есть, где он ее содержал своими уроками в Петербурге!» (там же, стр. 383—384). Однако Гулевичу удалось найти себе поручителя, и благодаря этому он остался в столице.

Находясь в заключении, Гулевич сблизился с другими арестованными студентами и сделался заметной фигурой в студенческой среде. Когда его освободили, он был выбран членом комитета II отделения Литературного фонда, созданного официально для того, чтобы организовать помощь нуждающимся студентам, а неофициально — чтобы поддерживать связь между студентами закрытого в то время университета и обеспечить им возможность постоянных сношений друг с другом (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 221).

Весной 1862 г. в Петербурге происходила большая подготовительная работа по созданию тайного общества «Земля и воля». Гулевич сделался членом петербургского отделения общества. Он принадлежал к пятерке, возглавлявшейся Н. И. Утиным, товарищем его по заключению в Кронштадте. Известно, что Гулевич принимал некоторое участие в работе типографии, организованной тайным обществом, и поддерживал связь со своими революционно настроенными московскими знакомыми, вошедшими в состав московского отделения «Земли и воли». В 1863 г. некоторые из них были арестованы. Из показаний арестованных стало известно об их сношениях с Петербургом, в частности через Гулевича. У него был произведен обыск, причем «никакой предосудительной переписки не оказалось». Гулевич был оставлен на свободе. Когда же его вызвали на допрос, выяснилось, что после обыска Гулевич, занимавший в это время место

канцелярского служителя в Красносельской удельной конторе, «согласно прошения по болезни уволен в Крым, но к законному сроку не воротился, почему департаментом уделов уволен в отставку». Обнаружить местопребывание Гулевича жандармам не удалось.

Вероятно поездка в Крым была предпринята Гулевичем для того, чтобы через Черное море бежать за границу; это ему и удалось. Как и большинство тогдашних эмигрантов, Гулевич направился в Швейцарию. Он прибыл в Женеву в середине июля 1864 г. и встретился там с Н. И. Утиным (см. в настоящем томе письмо Н. И. Утина к Огареву от 25 июля 1864 г.). Гулевич принимал деятельное участие во всех предприятиях так называемой «молодой эмиграции». Был он знаком и с Герценом, детей которого одно время обучал (XX, 41).

Гулевич был не чужд литературе. В 1862 г., в связи с празднованием тысячелетия России, он написал сатирическую «Сказку о Митяях», не пропущенную в свое время цензурой, но получившую широкое распространение в рукописи («Сказка о Митяях» впервые была опубликована И. Н. Захарьиным (Якуниным) в № 11 «Исторического вестника» за 1901 г.; перепечатана в его же книге «Встречи и воспоминания». СПб., 1903, стр. 353—368).

Однако зарабатывать на жизнь литературным трудом за границей ему не удавалось. Приходилось жить уроками и случайным незначительным заработком. К тому же Гулевич был больным человеком и, вследствие этого, часто оставался без работы. Тяжелые условия жизни заставили его в 1866 г. обратиться к царскому правительству с просьбой разрешить ему возвратиться в Россию. В этой просьбе Гулевичу было отказано (см. XVIII, 216—218). Однако об обращении его к царскому правительству стало известно эмигрантам, и они произвели расследование. Очевидно, при расследовании выяснилось, что жизнь в условиях эмиграции для этого больного и лишенного средств человека была действительно очень трудна. Из письма Герцена к Огареву от 3 августа 1868 г. видно, что эмигранты «простили» Гулевича (XXI, 34).

В течение нескольких лет после этого эпизода Гулевич влачил жизнь, полную лишений. 2 мая 1874 г. он покончил с собой, выбросившись из окна своей квартиры в припадке нервного расстройства.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 149-а).

25 июня ⟨1865 г.⟩

Посылаю вам, Николай Платонович, полученное мною окончание дела об Андрущенке [1]. В конце вы видите приписку, написанную приславшим, — просит не печатать. Я думаю, что действительно следует подождать, во-первых, потому, что дело теперь затянулось — московский жандарм Воейков прислал в Питер новое донесение; во-вторых, потому, что напечатание дела *теперь* прямо укажет на переславшего. Его напечатать можно будет только тогда, когда оно перейдет к министру юстиции.

Я говорю про полное печатание дела; но об этом деле столько говорили в России, о нем так много знают, что, мне кажется, можно и должно напечатать *о нем*.

Засим желаю вам здоровья.

М. Гулевич

[1] *Дело об Андрущенке*, упоминаемое в настоящем письме, — записка, составленная властями на основании произведенного ими расследования о московских членах тайного общества «Земля и воля». Кроме И. А. Андрущенко (умер до суда, 6 сентября 1864 г.), к делу было привлечено еще тридцать семь человек; закончилось оно в 1866 г. судебным процессом, слушавшимся в сенате. Записка эта была составлена в 1864 г. в следственной комиссии по окончании следствия. Кем-то, при посредстве Гулевича, она была сообщена редакции «Колокола» и напечатана в листах 208—215 (с 15 ноября 1865 г. по 1 марта 1866 г.). Даты выхода этих листов «Колокола» позволяют установить, что публикуемое письмо написано в 1865 г. Как мы видим, редакция «Колокола» согласилась с пожеланием Гулевича — опубликовать записку позже, во избежание провала того лица, которое переслало ее Гулевичу.

ГРУППА АРЕСТОВАННЫХ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КРОНШТАДТСКОЙ КАЗАРМЕ

Фотография, конец ноября 1861 г.

Изображены (слева направо, сидят): 1-й ряд—Ф. И. Ковалинский, В. Евтушевский, Я. Исарлов, М. С. Гулевич; 2-й ряд—Н. Я. Николадзе, П. Алхазов, Вис. Гогоберидзе, Г. Церетелли (стоят): 1-й ряд—Ав. Челокаев, И. А. Пиотровский, Н. Фатуровский, Дав. Гогоберидзе, Вл. Дукельский, Кир. Лордкипанидзе; 2-й ряд—караульные солдаты, офицер

Исторический музей, Москва

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. В. и В. П. ДОЛГОРУКОВЫХ с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ

Публикация Н. Н. Захарьина

Известный эмигрант князь Петр Владимирович *Долгоруков* (1816—1868) писал Герцену и Огареву довольно часто. Судьба всей этой переписки неизвестна. В «софийской коллекции» сохранилось (в черновике) одно письмо Герцена к Долгорукову. В «пражской коллекции» оказалось три письма Долгорукова — одно к Герцену и два к Огареву. Печатая эти письма, мы присоединяем к ним еще два—адресованных Герцену сыном П. В. Долгорукова, Владимиром Петровичем; автографы этих писем находятся также в «пражской коллекции».

Письма Огарева к Долгорукову до нас не дошли. Известны лишь два черновых наброска писем, в записной книжке Огарева и на отдельном листке (первое опубликовано в собрании сочинений Герцена, потому что Герцен внес в текст ряд дополнений и поправок—см. XVI, 147—148; второе не опубликовано, но аннотировано в «Описании рукописей Н. П. Огарева», находящихся в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, М., 1952, стр. 158, № 308).

Несомненно, что и писем Герцена к Долгорукову было гораздо больше, чем нам известно. В собрании сочинений напечатано всего двенадцать писем (если не считать указанного выше совместного письма Герцена и Огарева), из них около половины—пригласительные записки.

По немногим разрозненным письмам, разумеется, нет возможности судить в целом о взаимоотношениях Герцена и Огарева с Долгоруковым, фигурой достаточно сложной.

Отпрыск одного из древнейших княжеских родов России, своеобразный представитель феодально-аристократической фронды, Долгоруков очутился за рубежом на положении эмигранта из-за своих нападок на режим Николая I и Александра II. Он широко развернул в эмиграции свою деятельность публициста-памфлетиста, выступая с разоблачением монархии Романовых и придворных кругов и стал издателем нескольких политических журналов — «Будущность», «Правдивый», «Листок». Он выступал также в качестве историка, собирателя и публикатора документов, вскрывающих закулисную сторону жизни российского двора. Он, наконец, вмешивался в жизнь революционной эмиграции шестидесятых годов, и именно здесь реакционная сущность княжеской оппозиции заметнее всего. Долгоруков, например, натравливал швейцарское правительство на эмигрантов, в частности на Элпидина, у Долгорукова были крайне резкие столкновения с эмигрантами-поляками и т. д.

Отрицательное в целом отношение Герцена к Долгорукову временами настолько обострялось, что полный разрыв между ними становился неизбежным; но потом острота конфликта сглаживалась и связи возобновлялись.

Одно из таких столкновений, вначале имевшее весьма острый характер, а затем смягчившееся, произошло незадолго до казни Д. В. Каракозова, в августе 1866 г. Суть столкновения, происшедшего на политической почве, становится впервые известной благодаря публикуемому письму Герцена к Долгорукову от 21 августа 1866 г.

Интересный документ этот не оставляет места сомнениям о причинах разрыва отношений с Долгоруковым в 1866 г. Как пишет Герцен, он не может «оправдать образ

действий», принятый Долгоруковым, и считает себя обязанным прямо высказать свое осуждение этому «образу действий». Из содержания письма явствует, что ему предшествовали еще по крайней мере два эпистолярных документа, не дошедших до нас: письмо Герцена, осуждающее поведение Долгорукова, и ответ Долгорукова. Предметом этой переписки было, без сомнения, положение дел в России. Под влиянием события 4 апреля 1866 г. и наступившей вслед за тем глубокой общественной и правительственной реакции в стране Долгоруков, повидимому, предъявил со своей стороны какие-то

БУДУЩНОСТЬ.

(L'AVENIR.)

№ 1. 1860 ГОДА. 15 СЕНТЯБРЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Зрѣлище настоящаго положенія Россіи грустно и больно для всякаго человѣка съ душою, а тѣмъ болѣе для Русскаго. Край, одаренный богатствами природы, досель еще отчасти непочатыми; народъ одаренный умомъ здравымъ и ясными, способностями самыми разнообразными, благородствомъ характера, добротою душевною, и между тѣмъ, въ какомъ плачевномъ и унизительномъ положеніи находятся нынѣ этотъ народъ и этотъ край! Что видимъ мы въ Россіи?

Правосудія вовсе нѣтъ: надобно пройти черезъ десять инстанцій, съ пачкою кредитныхъ билетовъ въ рукѣ, чтобы встрѣтиться, въ одиннадцатой инстанціи, съ Царскимъ произволомъ, который самовольно распоряжается имуществомъ и личностію своихъ рабовъ, въ насмѣшку именуемыхъ подданными.

Администраціи правильной, разумной не существуетъ; мѣсто ея заступаютъ прихоть и грабежъ; чиновная орда и тайная полиція самовольно и всевластно распоряжаются въ странѣ, занимающей девятую часть земнаго шара, безстыдно грабятъ и притѣсняютъ добрый и благородный народъ русскій.

Дворянство находится въ положеніи рабскомъ, невыносимомъ. Дворяне ничто иное, какъ привилегированные холопы: ихъ имущество, личная свобода и самое личное достоинство совершенно преданы на произволъ: прихоти Царской, грабежа чиновничьяго и самоуправства тайной полиціи.

Купечество, еще болѣе дворянства угнетаемое, отѣснено законами, не сообразными съ духомъ вѣка.

Мѣщанство подвержено всевозможнымъ оскорбленіямъ.

Крестьяне, коимъ обѣщано *улучшеніе быта ихъ*, и которые имѣютъ полное право, не только на одно улучшеніе быта, но и на свободу, ожидаютъ исполненія слова, Царемъ имъ даннаго. А между тѣмъ, труды редакціонной коммиссіи явно клонятся къ сохраненію работы обязанной, то есть полу-рабства, положенія невыносимаго и невозможнаго, особенно въ ту критическую эпоху, которую Россія переживаетъ въ настоящее время.

Духовенство предано на произволъ безусловной прихоти высшихъ пастырей Церкви, которые, въ свою очередь, преданы на произволъ безусловной прихоти правительства.

Свободы вѣроисповѣданія не существуетъ; отсутствіе ея служитъ обильнымъ источникомъ дохода для тайной полиціи и чиновной орды, отъ коихъ старообрядцы и прочіе раскольники покупаютъ деньгами свое спокойствіе.

Войско, наши храбрые и великодушные солдаты, плохо содержимы, безпрестанно обкрадываемы и сверхъ того позоримы тѣлесными наказаніями.

Винный откупъ разоряя и развращая народъ, являетъ примѣръ систематически — организованнаго, правительственнаго грабежа, почти неслыханнаго въ лѣтописяхъ міра.

Финансы въ разстройствѣ: частный кредитъ поколебленъ, государственный кредитъ въ полномъ упадкѣ; въ бюджетѣ постоянный дефицитъ, а между тѣмъ деньги государственныя, кровныя деньги народа русскаго, тратятся въ подарокъ любимцамъ недостойнымъ, неспособнымъ и всѣми презрѣнными.

Цензура, строгость коей безпрестанно возрастала въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ, совершенно подавляетъ гласность. Безъ помощи гласности, правительству нѣтъ никакой возможности знать злоупотребленія, а мнѣнію общественному нѣтъ никакой возможности наблюдать за дѣйствіями чиновниковъ. При отсутствіи этого контроля возможна только одна форма правленія — деспотическая, азіатская, подъ косою и страдаетъ Россія!

Какимъ же образомъ выйти изъ этого положенія ужаснаго, унизительнаго и опаснаго вмѣстѣ?

Корень зла, въ Россіи, гнѣздится не въ людяхъ, а въ образѣ правленія. Какихъ людей ни назначай, при нынѣшнемъ образѣ правленія они не въ состояніи будутъ совершить ничего дѣльнаго и прочнаго. Улучшить этотъ образъ правленія отъ живущихъ и гнилыхъ людямъ невозможно, а онъ,

«БУДУЩНОСТЬ», ЖУРНАЛ, ИЗДАВАВШИЙСЯ П. В. ДОЛГОРУКОВЫМ В ЭМИГРАЦИИ

Первый номер от 15 сентября 1860 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

обвинения к революционно-демократическому движению, к его участникам «нигилистам», к «нигилизму» вообще и предложил Герцену поддержать его. Герцен ответил на это предложение так, как и должен был ответить подлинный революционер. Он не только отверг предложение Долгорукова и заявил о своей солидарности с революционной демократией, но и известил своего корреспондента о прекращении отношений с ним до того времени, в которое он иначе взглянет на дело. Весьма примечательны в публикуемом письме слова Герцена: «...Я телом и душой не

только принадлежу к нигилистам*, но принадлежу к тем, которые вызвали их на свет».

Мы не знаем, когда начались и как протекали объяснения между Герценом и Долгоруковым. Однако нам известен их результат: в той или иной форме Долгоруков несомненно изменил свою позицию, «иначе взглянул на дело», к чему его призывал Герцен. С октября 1866 г. его имя вновь появляется в «Колоколе» — Герцен печатает специальную заметку, рекомендующую вниманию читателей брошюру-памфлет Долгорукова против М. Н. Муравьева (XIX, 64). Долгоруков вновь принимает участие в подготовке «Смеси» и обработке корреспонденций в «Колоколе». Так сгладился и этот конфликт.

Отношения Огарева с Долгоруковым были, в сущности, столь же холодны, как и отношения Герцена. В бумагах Долгорукова, унаследованных в 1868 г. Станиславом Тхоржевским, нашлись «особо завернутые и надписанные: „Lettres de Mr Nicolas Ogarew (l'émigré)"**». Тхоржевский принес их Огареву. Сообщая об этом Герцену, Огарев писал: «...мои письмы к Долгорукову. Что я мог к нему писать? Я хотел отдать их, не развертывая, назад, но Тхоржевский этим бы обиделся. Я их сейчас просмотрел. Всякие (с Лондона начиная) ответы на приглашения на обед и т. п. Но вот попадаются имена с заглавной буквой, которых не могу припомнить, и времена, которые захватывают за сердце. Я сберегу их до нашего свидания, вместе пересмотрим. Но должны быть *позднейшие более ругательные письмы*: этих его сиятельство не сберегло» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 516, письмо от 9 февраля 1869 г. Курсив наш. — *Н. З.*).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 82 и 149б) и «софийской коллекции».

1

П. В. ДОЛГОРУКОВ — ОГАРЕВУ

‹Лондон.› 2 мая 1865

Любезный друг Николай Платонович, в субботу отправятся через Роттердам по Рейну до Мангейма и по железной дороге petite vitesse *** от Мангейма через Гетельберг и Базель до Женевы моя библиотека и мебель, всего *пятьдесят шесть* colis ****. Уплата будет производиться в Женеве. Все это отправлено на имя ваше, и потому вкладываю в это письмо вексель на имя ваше в *две тысячи франков* из лондонского отделения Швейцарского генерального банка в главную контору этого же банка в Женеве. Вексель от 1 мая, за № 5803 и за подписью Фрейлиграта [1].

Пан и я просим вас всех, по получении этого моего письма, *более не писать к нам.* Тхоржевский будет в Женеве в конце будущей недели, но писать к нему не нужно.

Письма Александра Ивановича от 23 и 27 апреля я получил [2].

Мое почтение Наталье Алексеевне, поклоны Герцену и Касаткину, и дружески жму вам руку.

[1] Письмо написано в связи с переездом редакции «Колокола» из Лондона в Женеву. Вслед за Герценом и Огаревым, которые перевели в апреле 1865 г. типографию на континент, снялся с места и Долгоруков.

[2] Письмо Герцена от 23 апреля 1865 г. в печати неизвестно; письмо от 27 апреля — см. XVIII, 88—89.

---

* Словом «нигилизм» Герцен пользовался для условного обозначения всего революционно-демократического движения шестидесятых годов — его идеологии, его деятелей (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 381).

** «Письма Николая Огарева (эмигранта)» (франц.).

*** малой скоростью (франц.).

**** тюков (франц.).

2

П. В. ДОЛГОРУКОВ — ГЕРЦЕНУ

Женева, 30/18 сентября 1865

Почтеннейший Александр Иванович, сейчас получил ваше письмо [1], в котором вы пишете, что к вам приезжала княгиня Голицына и говорила, будто мой отказ дать денег Александру Александровичу Серно-Соловьевичу основан на том, что вы мне будто бы говорили, *что это дело — нечистое* и что вы мне будто бы говорили о займе г. Черкесова у Виктора Ивановича Касаткина... Все это... *басни* (чтобы выразиться возможно вежливее) [2].

С княгинею Варварою Александровною Голицыною я не знаком и даже никогда не встречался. Вчера утром был у меня ее знакомый, г. Якоби, и просил пятьсот франков взаймы для Александра Александровича Серно-Соловьевича, прибавляя, что в исправности уплаты поручатся княгиня Голицына, г-жа Шелгунова и он, г. Якоби (как вы видите, все лица, заслуживающие полного доверия) [3].

Отказ мой основан был, как я сказал г-ну Якоби, на двух причинах: во-первых, на неимении лишних денег; во-вторых, на моем *решительном намерении не вмешиваться ни под каким видом и никоим образом в дела Александра Александровича Серно-Соловьевича*, потому что вы и Виктор Иванович Касаткин, вмешавшись в эти дела, навлекли себе хлопоты и неприятности. Но я не говорил, что я слышал от вас, будто это «дело нечистое», потому что, не будучи *лжецом*, не имею привычки приписывать кому бы то ни было *речей небывалых*...

По той же самой причине не мог я сказать, что слышал от вас о займах г. Черкесова у Виктора Ивановича Касаткина, потому что не вы мне об них говорили... Занять деньги и отказать в выдаче векселя—поступок весьма предосудительный, но от кого я слышал об этом поступке г. Черкесова, я не скажу, потому что нимало не обязан отдавать отчетов ни княгине Голицыной, ни ее друзьям... Не будучи мальчишкою, я не имею привычки *сплетничать*...

Об Александре Александровиче Серно-Соловьевиче я никогда не слыхал ничего предосудительного, но *денег давать ему отказываюсь и в обстоятельства его никогда не буду вмешиваться ни под каким видом*, тем более, что, приняв в них участие, я был бы вовлечен в сношения с такими лицами, с которыми решительно не хочу иметь ни малейшего знакомства...

Письмо мое можете сообщать всем и каждому.

Искренно вам преданный
Петр Долгоруков

[1] Это письмо Герцена в печати неизвестно.

[2] Вопрос о помощи А. А. Серно-Соловьевичу имел в это время, ввиду его болезненного состояния, весьма срочный и острый характер.

[3] В. А. *Голицына* — урожденная Зайцева, по второму мужу Якоби — участница революционного движения шестидесятых годов. Об А. А. *Черкесове* и П. И. *Якоби* см. на стр. 280 и 29 и 33 настоящего тома.

3

ГЕРЦЕН — П. В. ДОЛГОРУКОВУ

21 августа 1866
7, Q⟨uai⟩ M⟨ont⟩ B⟨lanc⟩,
G⟨enève⟩[1]

Почтеннейший кн⟨язь⟩ П⟨етр⟩ Вл⟨адимирович⟩,

Письмо ваше сильно огорчило меня. Я верил, что наш голос заслуживал иного внимания, в чистоте наших намерений вы не сомневаетесь. В моей совести я не могу оправдать образ действия, принятый вами.

Я должен был это высказать, иначе ввел бы вас в заблуждение. Писавши к вам, я думал, что вы поступили сгоряча и что вам самим досадно. Ответ ваш показывает, что я ошибся. Писать разбор на ваше письмо и взвешивать слова я не стану, замечу только одно. Как же вы не заметили, что я телом и душой не только принадлежу к нигилистам, но принадлежу к тем, которые вызвали их на свет. Не теперь же я стану отрекаться от всего прошедшего своего, когда правительство обращает на нигилизм всю свирепость свою. Ни в нигилистов, ни в Каракозова я, конечно, не пущу камнем. До того времени, почт⟨еннейший⟩ кн⟨язь⟩ П⟨етр⟩ Вл⟨адимирович⟩, в которое вы иначе взглянете на дело, позвольте мне замолчать и совершенно устраниться. Вы оцените сами, что при этих обстоятельствах мы не можем завтра у вас обедать — искренно благодаря за приглашение и искренно сожалея о том. Не забудьте, что тут для меня нет ничего личного, тут замешана моя религия, и не вы, князь, будете меня упрекать за то, что я ей верен[2].

С истинной преданностью

А. Г.

[1] Копия неустановленным почерком. Возможно, что это письмо, писанное под диктовку Герцена.

[2] Некоторые отголоски происшедшего столкновения можно найти в ряде писем Герцена второй половины 1866 г. Так, например, за день до даты настоящего письма (20 августа 1866 г.) Герцен сообщал Н. А. Огаревой: «Я писал Долгор⟨укову⟩ пространное письмо, жду ответа» (XIX, 44). Полученный ответ был, очевидно, настолько неудовлетворителен, что и вызвал комментируемое письмо. Через месяц — 18 сентября 1866 г. — Герцен писал о своих женевских впечатлениях М. Мейзенбуг в следующих выражениях: «Канканы, долгорукиады и прочие плеяды» (XIX, 60). Наконец, в конце года, 16 декабря, в письме к Г. Н. Вырубову Герцен, повторяя жалобы на Женеву, говорит: «Хуже кабака нет в мире. Кн. Долг⟨оруков⟩ неистовствует по временам... и это рассеивает» (XIX, 139).

4

Н. В. ДОЛГОРУКОВ — ОГАРЕВУ

Воскресенье, 17 февраля 1867

Любезный Николай Платонович, посылаю вам корректуру [1].

Я получил сегодня письмо, очень любопытное, насчет Горчакова и великого князя Константина.

События в наше время идут столь быстро, что откладывать печатать их до 1 апреля невозможно. Я полагаю, что нужно было бы издать № 237 «Колокола» не 1 апреля, а 15 марта, в один лист [2]. Конец моего письма займет там $^1/_2$ листа; ваша статья — $^1/_4$ листа [3], а там не пришлет ли чего-либо Герцен, или, если нет, мы подберем факты из русских журналов [4]. Оттягивать печатание неудобно.

Ваш преданный
Долгоруков

[1] Долгоруков послал корректуру своей статьи «Письмо из Петербурга», напечатанной в лл. 235—237 «Колокола».

[2] Огарев запросил Герцена о выпуске л. 237 «Колокола» за две недели до намеченного ранее срока. Герцен отвечал: «Без сомнения, надобно издать 15-го ⟨марта⟩, если есть материал...». Лист вышел из печати 15 марта 1867 г. (XIX, 219).

[3] Продолжение статьи Огарева «Частные письма об общем вопросе».

[4] Отдел «Смесь» в л. 237 «Колокола» составлен из сообщений газет «Одесский вестник», «Голос» и др. В том же листе напечатаны заметки о «ссылке втихомолку» П. Л. Лаврова и Н. В. Альбертини, о бегстве арестованного участника движения 60-х годов С. Я. Жеманова, а также заметка о выходе в отставку шести московских профессоров — С. М. Соловьева, И. К. Бабста, Б. Н. Чичерина и др. «Смесь» составлена частично Огаревым, частично Долгоруковым. Одна заметка — ⟨«Общество поджигателей»⟩ — подписана именем Герцена (XIX, 244—245).

30 ІЮНЯ 1861 ГОДА.

ИСКРА

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ГОДЪ III. № 24.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъ воспоминаній объ Англіи. *Н. Огурчиковъ.* — Дачная элегія. *Обезпокоенное Ока.* — Телеграфъ. Русское Богатство. — Наши книги. *М. М. Семиполотовъ.* ИСКОРКИ. Хлопоты отца надъ невѣстой. *К. ——ой.* — Путешествіе. Гимназія. Дѣло Любви.

РИСУНКИ И. Степанова, Вас——ва, Н. Е. Розенко, М. М. Знаменскаго и В. І. Лаптинскаго.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АНГЛІИ.

Меня хорошо англійскія женщины
И знатныя особы знали.
Пушкинъ.

Вы меня простите, сказалъ я, а мнѣ кажется, что вы отнесли принадлежащее къ людямъ, которые съ ужаснымъ трудомъ гнутъ простыя вещи, потому что не просто за нихъ принимаются, при первомъ препятствіи теряются, рвутъ себѣ волосы на головѣ, принимаютъ крайнія мѣры или вовсе никакихъ. Иногда это очень хорошіе люди, даже прекрасные люди — но не для Бога такого генерала или оператора! Не счастію, наше дѣленіе не такъ кровопролитно.

Я помню, какъ тѣхъ двадцать тому назадъ, я спалъ рядомъ съ комнатой одного изъ моихъ друзей. Дѣло было въ деревнѣ и крыша, рѣзко опятнаго цвѣта, была съ течью. Съ вечера пошелъ проливной дождь — онъ дождь совѣтся крѣпко — я услышалъ, но черезъ часъ времени, шумъ долго разбудилъ меня. Что такое? пора, воры! Я сталъ прислушиваться: сосѣдъ молился, у него была давняя сырь, а вскочилъ и сосѣдъ всякаго перепалъ бросился къ нему. Съ растопленными окнами, работалъ онъ надъ какой-то странной задачей. Въ его горницѣ было два предмета, на одной онъ сидѣлъ, на другой была непокрытая новой замѣсью точекъ. Пріятель мой достать кашу-то въ одной рукѣ и стекляный матрацъ какъ-то стоймя, пока онъ держалъ его—на-право держался трубомъ, но какъ только онъ отходилъ—палка падала и матрацъ снова ложился на растяжку.

— Что это у тебя? сказалъ горячка спросилъ я.

— Да, горячка, точно... съ прохладнымъ тюфякомъ часъ кажется.

— Что съ нимъ?

— Да тутъ, братецъ, какъ-то трудно на словахъ. Совѣтъ исторіи. Я хочу хочу его растянуть конь я, чтобъ знать что такое, какъ онъ поставленъ и не удержано, проклятая палка упадетъ, досадно—не лишь же я, пока не устрою.

— Что-жъ ты провалъ-то не подложилъ, чтобъ на все не тогда?

— Тебѣ ты просто? просто не догадался.

Англичанъ опять нравился на двухъ одному туристу—литератору хотѣ по одному поводу, мы двое обѣдали въ *Неллингтонѣ*, т. е. мы и одинъ издатель журнала. Издатель, великая туристъ и себѣ не первую розку хересу, просилъ его прислать какого нибудь идіору о Лондонѣ, Англіи, Шотландіи. Туристъ, полюбивъ тщательно напиваніе на видъ подписаннаго синтоса (*) въ рогъ отвѣчалъ: «Ей Богу, лучше писать!»

— Вы писали прозу письма изъ Кенигсберга, изъ Штеттина даже.

— Мало-ли что прежде. Съ умилительнымъ пѣлы на надпорты, всѣ на себѣ кидать по Европѣ, все сами видѣть. Говорятъ, что опять подпишутъ сряду — плюю тора. Теперь, батюшки, не подъѣзжаю какимъ-нибудь замѣчаемъ о построенной паровозной или — сначала въ Ноготь, теперь ни-кто все-таки, какой пріѣзды, спѣрку въ гостиной—«Какъ вамъ нравится? Жизнь становится все пошлѣе и пошлѣе! Вотъ у русскихъ странное преимущество. И въ самомъ дѣлѣ, только тѣмъ какъ Англичане пайцы печать на камнѣ, противуполо тѣмъ какъ Англичане пайцы печать на камнѣ, противуполо чересъ Нѣмцевъ, а лекъ запрещаетъ сходиться въ Альбертъ театръ, а не такъ о чемъ писать.

— Вы меня простите, сказалъ я, а мнѣ кажется, что вы отнесли принадлежащее къ людямъ, которые съ ужаснымъ трудомъ гнутъ простыя вещи, потому что не просто за нихъ принимаются, при первомъ препятствіи теряются, рвутъ себѣ волосы на головѣ, принимаютъ крайнія мѣры или вовсе никакихъ. Иногда это очень хорошіе люди, даже прекрасные люди — но не для Бога такого генерала или оператора! Не счастію, наше дѣленіе не такъ кровопролитно.

подплывшій трупъ, купилъ его и какой коронеръ съ большимъ почетомъ, самъ сидя идетъ, весь въ трауръ, наконецъ, и потомъ является въ обществѣ съ свидѣтельствомъ о кончинѣ и похоронахъ родного брата; словомъ, удалилъ дѣло такъ хорошо и такъ хорошо его прежде подготовилъ, что деньги получилъ, да на всякій случай, тотчасъ застраховался въ другомъ обществѣ. Нѣтъ онъ жилъ на деньги, полученныя послѣ своихъ собственныхъ похоронъ и придумывалъ, какъ ему снова получить капиталъ: самъ судьба помогла ему. Тулитъ онъ въ Римъ-ндъ, на берегу Темзы; глядь, сутки полицейскій, мальчишки — всплыло мертвое тѣло, никто не знаетъ его такой. Идутъ доложатъ—и обомлѣлъ. «Господи, кричитъ онъ, это лучшій другъ мой, это... это...» и называетъ мертваго своимъ именемъ. На слѣдствіи Коронеръ онъ присягнулъ, никто ему не возражалъ; оказалось, что у него было завѣщаніе отъ друга и именно онъ ему оставилъ капиталъ страховаго общества. По несчастію дѣло открылось, и его отдали подъ судъ.

Въ заключеніе, на закуску, я прибавлю одно маленькое событіе, но чрезвычайно характеристическое и необычайно германское. Какой-то нѣмецъ, живущій въ Лондонѣ, застрахался и долженъ былъ, въ извѣстные сроки, вложить сумму при жизни. Денегъ у него не было, вложить онъ не могъ. Общество пристало къ нему: онъ просилъ отсрочку—ему отказали. Тогда онъ написалъ, что если онъ еще разъ откажутъ и прикажутъ описывать его имѣніе, то онъ застрѣлится и лишитъ ихъ капитала.

Англичане приняли это за бравду и послали брокеровъ. Нѣмецъ не шутилъ—и застрѣлился.

— Разскажите еще что-нибудь, я волю перемѣнить бутылку.

— Согласенъ — на бутылку, на разсказы позвольте до другого раза.

Н. Огурчиковъ.

ДАЧНАЯ ЭЛЕГІЯ.

1.

Ужъ за Невою гонною
День сбросилъ свой покровъ,
Волною благовонною
Повѣяло съ садовъ,
Сѣвшихъ денницу яркую,
Ночь бѣлая пылаетъ;
Сливаетъ встрѣчалась съ боркою,
Послѣдній парозокъ.
Туманъ клубами носится, —
Какъ зеркало Невы;
Отъ Илеры доносятся
Гулъ музыки едва.

2.

Какъ будто среди свѣтлаго
Сошла на дачный міръ
Изъ сказокъ серебристая
Безмолвствуетъ трактиръ,
Съ кувалень фляги пестрые
Опущены давно;
Шарманокъ звуки острые
Не просятся въ окно,
Чухонецъ съ тарантайкою
Проходитъ у воротъ,
Да писарь съ балалайкою
У пристани поётъ.

3.

Тамъ, тамъ, въ тѣни аллеи,
У дачи на крыльцѣ,
Сижу я въ *замѣшаніи*,
И съ краскою на лицѣ.
Сижу въ тоскѣ, съ плаѣтною
Мечтой — на одинъ;
Тропинкой чуть замѣтною
Придешь-ли ты ко мнѣ?
Въ рукѣ съ увялой розою,
(Залогъ твоей любви)
Твержу я *русской прозою*:
— «To be or not to be!»

4.

Вдали пѣвицы отважные
Нырнютъ по рѣкѣ,
Рожли звуки влажные
Чу!... поютъ вальсекъ...
Бѣгутъ на далеко длинную
Изъ дачъ, со всѣхъ сторонъ,
Идутъ холодной чинною
Четы нѣмецкихъ женъ.
Надѣвъ капитанъ строенную
Бредутъ едва сколзя —
На поэтъ вуалью темною
Тебя узнать нельзя...

5.

Твой домикъ подъ березами
Мнѣ видѣлъ не задачъ:
Такъ сдѣлалъ темный съ розами,
И тѣснился къ цвѣтамъ,
И замѣчалъ сквозь
Играть съ вѣтерками...
Гдѣ часто ночи цѣлыя
Сидишь ты подъ окномъ
Съ болтливою истомою,
Глажу туда и жду,
Но тѣнь твою знакомую
Не вижу и въ саду.

6.

Я жду... Въ нетерпѣніи
Напрасно взоръ блуждалъ;
До зари въ нетерпѣніи
Я всѣхъ искусалъ.
Я мялъ съ тоской безплодною,
Съ раздраженіемъ пылкимъ...
Нотъ скорости холодною
Повѣяло съ Невы.
Природу всю, украдкою
Я можно проклиналъ,
А холодъ лихорадкою
По тѣлу пробѣгалъ.

ЖУРНАЛ «ИСКРА», № 24 ОТ 30 ИЮНЯ 1861 г. ЗДЕСЬ ЗА ПОДПИСЬЮ «Н. ОГУРЧИКОВ» БЫЛА НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНГЛИИ»

Начало и конец статьи

5

В. П. ДОЛГОРУКОВ — ГЕРЦЕНУ

⟨Берн. 6 июля 1868 г.⟩

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Отец очень трудно болен. Если б вы приехали с ним проститься, я уверен — ваше посещение доставило бы ему много удовольствия. Говорю «проститься», ибо Фогт приговорил отца... Доставьте больному удовольствие видеть своего друга!

От всей души уважающий вас

В. Долгоруков[1]

6 июля 1868 Hôtel Tomson Bern

[1] 7 июля 1868 г. Герцен писал Огареву: «Получил письмо от сына Долг⟨орукова⟩ с просьбой от отца приехать проститься...» (XXI, 13). Герцен выехал в Берн для прощания с Долгоруковым 10 июля и возвратился в Люцерн 13 июля (XXI, 15—16). Умер Долгоруков 17 августа 1868 г.

6

В. П. ДОЛГОРУКОВ — ГЕРЦЕНУ

⟨Montreux.⟩ Hôtel des Alpes, № 1 et 2
Septembre 868

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Хотя я и написал пану Тхоржевскому передать вам, что творят или хотят творить *наши*, тем не менее, не зная когда он увидит вас, я пишу вам, чтоб известить вас о следующем. Озеров хочет, чтоб я ехал к государю в Дармштадт и объяснил Адлербергу или Шувалову, что сталось с бумагами покойного батюшки. Мне кажется, самое простое будет, если я им объявлю, что, в силу завещания батюшки, я не пользуюсь бумагами его и хотя знаю Тхоржевского и вас, но, не будучи бандитом, не чувствую себя способным явиться к вам с ножом и под страхом смерти требовать от вас отдачи вашей собственности; тем не менее, я к *ним* не поеду, а если будут настаивать, то еще успею подумать и сообразить свое поведение [1].

Пока я поселился в Montreux, в Hôtel des Alpes, под скромным именем Monsieur D. *Naveau*, на что у меня есть довольно уважительные причины.

С чувством глубокого уважения жму вашу руку. Преданный вам

К⟨нязь⟩ В. Долгоруков

[1] Бумаги Долгорукова перешли по его завещанию к С. Тхоржевскому. Как явствует из публикуемого письма, еще в 1868 г. на сына Долгорукова был оказан нажим с целью побудить его добиться передачи этих бумаг в распоряжение царского правительства. О том, что такое намерение существовало, свидетельствует вся дальнейшая история этого архива. Осенью 1869 г. шеф жандармов П. А. Шувалов направил в Женеву специального агента III Отделения К.-А. Романа. Действуя под именем «издателя Н. В. Постникова», он приобрел у Тхоржевского бумаги покойного князя, дав обязательство издать их (см. аннотацию писем Постникова в отделе «Аннотации»). Он действительно для виду издал на французском языке обесцвеченную и фальсифицированную брошюру в качестве II тома «Мемуаров» Долгорукова — «Mémoires de feu le prince Pierre Dolgoroukow», t. II, Bâle et Genève, 1871. Самые бумаги Долгорукова исчезли бесследно. Повидимому, они были уничтожены в III Отделении. (Подробнее об этом эпизоде см. в книге: Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. 2-е изд., Л., 1925.)

Н. И. ЖУКОВСКИЙ — ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Три публикуемых письма Николая Ивановича *Жуковского* (1842—1895), видного участника женевской эмиграции шестидесятых — семидесятых годов, очень существенны для выяснения одного из принципиальных вопросов русского революционного движения — истории взаимоотношений Герцена и Огарева с представителями «молодой эмиграции». Жуковский эмигрировал из России летом 1862 г. в связи с грозившим ему арестом по делу раскрытой правительством в Петербурге тайной типографии студента П. Д. Баллода. В Лондоне он встретил дружеский прием со стороны Герцена и Огарева. Первые годы своей эмигрантской жизни Жуковский был занят транспортировкой изданий Вольной русской типографии в Россию. Для этой цели он поселился, по указанию Герцена, в Дрездене. С 1864 г. Жуковский жил в Швейцарии, и его имя было неизменно связано со всеми начинаниями «молодой эмиграции», направленными на установление совместной деятельности с издателями «Колокола»: он был участником так называемого женевского съезда русской революционной эмиграции (1864) и переговоров Герцена и Огарева с Н. И. Утиным и Л. И. Мечниковым о совместном издании журнала под старым названием «Полярная звезда», символизировавшим преемственность революционных традиций (1867).

В первом из публикуемых писем Жуковского (датируется нами концом сентября 1867 г.) нашла свое отражение острая политическая дискуссия между Герценом и Огаревым и «молодой эмиграцией» — о перспективах русской революции. Оценка положения дел в России, объективные возможности крестьянской революции и, в связи с этим, задачи революционной пропаганды — таков круг политических вопросов, затрагиваемых Жуковским в его письме. Та часть письма, в которой он останавливается на упомянутых выше вопросах,— непосредственный отклик на цикл статей Огарева в «Колоколе», «Частные письма об общем вопросе» и, в особенности, на последнюю статью этого цикла — «Письмо между четвертым и пятым», напечатанную в лл. 237, 239 и 240 (март—май 1867 г.). «Письма» Огарева разрабатывали теорию социализма вообще и основ «русского социализма» и отвечали на вопрос «что делать?», который ставила перед Герценом и Огаревым «молодая эмиграция».

Указывая, что окончательное переустройство русской жизни, то есть переход всех земель, помещичьих и казенных, в руки крестьянских общин, возможно только революционным путем, Огарев не видел, тем не менее, необходимых для этого «революционных средств». По мысли Огарева, необходимо было путем широкой организации народного кредита всемерно углублять начавшийся в России процесс «ликвидации» помещичьей и казенной поземельной собственности и передачу ее в собственность крестьянских общин. Эта ошибочная точка зрения являлась следствием неправильной оценки правительственных реформ и их социальных результатов. Огарев полагал, что отчуждаемая часть помещичьей земли является экономической основой для социалистического развития общины, в то время как в действительности земля переходила в руки сельской и городской буржуазии. На ошибочность этих представлений Огарева справедливо указал в первом из публикуемых писем Жуковский, подчеркнувший, что, хотя правительство поневоле хочет «улучшить быт крестьян», «воли мужику из этого не выйдет потому, что все-таки правительство не может перестать быть дворянским и братьев своих дворян будет поддерживать во что бы то ни стало».

Высказывания Жуковского о неизбежности крестьянской революции, успех которой может быть обеспечен только при условии, что в народные массы будет внесен «элемент науки, с одной стороны, и с другой — элемент политических факторов», свидетельствуют о том, что существующее представление о Жуковском, как безоговорочном последователе Бакунина, чрезмерно упрощено и не совсем точно. Отводя ведущую роль революционной разночинной интеллигенции в крестьянской революции, Жуковский, как мы видим, обращал особое внимание Огарева на необходимость революционной пропаганды и «умственного развития» революционной интеллигенции. Участию Огарева в этой работе он придавал большое значение. Вот почему в момент прекращения издания «Колокола» он вновь возбуждает вопрос об организации заграничного русского органа, который должен был, по его представлению, продолжить дело «Современника».

Как видно из этого письма, переговоры Герцена и Огарева с представителями «молодой эмиграции», начатые в январе 1867 г., о совместном издании журнала, продолжались и осенью в дружеском, доброжелательном тоне и были направлены на дальнейшее обсуждение программных установок для нового журнала. Выступление Серно-Соловьевича в мае того же года с брошюрой «Наши домашние разногласия», содержавшей резкую критику позиций Герцена, не повлекло за собой полного разрыва Герцена и Огарева с представителями молодой революционной эмиграции.

Активная роль Жуковского в переговорах об организации заграничного революционного органа не была случайной. И в дальнейшей своей деятельности Жуковский принимал участие в ряде изданий политических эмигрантов.

В конце 1867 г. Жуковский близко сошелся с Бакуниным, переехавшим тогда в Женеву. Вместе с Утиным они организовали журнал «Народное дело» (1868). Вслед за Бакуниным Жуковский покинул «Лигу мира и свободы» и вошел в созданный Бакуниным «Альянс» — женевскую секцию I Интернационала, из которого вышел в 1872 г., после исключения из Интернационала Бакунина.

Жуковский не порывал в эти годы своих отношений с Огаревым. Как видно из второго публикуемого письма, он связывал Огарева не только с представителями «молодой эмиграции», но и с лицами, на время приезжавшими из России. Жуковский принял активное участие в бакунинско-нечаевской агитационной кампании 1869 и 1870 гг., в которой, как известно, руководящая роль принадлежала и Огареву.

Последнее из публикуемых писем конца 1869 г. отражает беспокойство Огарева по поводу происходивших в России арестов по «нечаевскому делу». Сообщаемые Жуковским сведения, несомненно, являются дополнением к какой-то более ранней, вероятно, устной информации по этому вопросу. Из письма Огарева к Герцену от 22 декабря 1869 г. известно, что Огарев посылал Жуковского «за Женеву осведомиться, что и как случилось, какие аресты в Петербурге, что за обыск у Черк(есова) в лавке и т. д.» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 571).

Письмо 1 печатается по автографу «софийской коллекции», письма 2 и 3—по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 150).

1

(Конец сентября 1867 г.)[1]

Дорогой Николай Платонович!

Начинаю письмо следующей новостью, полученной на днях из Петербурга:

«Кельсиев, решившись возвратиться в Россию, был доставлен в III Отделение, где ему и начали предлагать вопросы. Вместо устных объяснений он просил позволения дать ответы письменно. Согласились. Он написал целую книгу. Государь имел терпение прочитать ее до конца, и на полях сделана пометка: „От суда и следствия освободить„. Кельсиев будет писать в „Отечественных записках“ и хочет напечатать свою исповедь...»

А Мартьянов-то [2] думал, что земский царь будет «его выслушивать» — и вдруг эта доля выпадает Кельсиеву. Раскольничий мир не поднес ему

Годъ Второй. № 13 Январь 1876.

РАБОТНИКЪ

ГАЗЕТА ДЛЯ РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ

Письма, статьи и деньги посылаются на слѣдующій адресъ: André Pelliquet, rue des Glacis-de-Rive, 9, Geneve.

ПѢСНЯ О ЗЕМЛѢ И ВОЛѢ

(на голосъ „вникъ по матушкѣ по волгѣ")

Какъ со матушки со Волги,
Со широкаго раздолья,
Поднялась толпой-народомъ
Сила русская сплошная.

Поднялась спокойнымъ строемъ
Да какъ кликнетъ громкимъ кличемъ:
Добры молодцы идите,
Добры молодцы сбирайтесь
Съ бѣла моря ледянаго,
Со степнаго Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украйнѣ по казацкой

Отстоимъ мы нашу Землю,
Отстоимъ мы нашу Волю,
Чтобъ Земля намъ да досталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!

Н. Огаревъ.

ГАЗЕТА «РАБОТНИК» (№ 13, ЯНВАРЬ 1876 г., ЖЕНЕВА). ЗАГЛАВНАЯ СТРАНИЦА СО СТИХОТВОРЕНИЕМ ОГАРЕВА «ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ» (ОТРЫВОК ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗАБЫТЬЕ») И ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ НА СЮЖЕТ ЭТОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

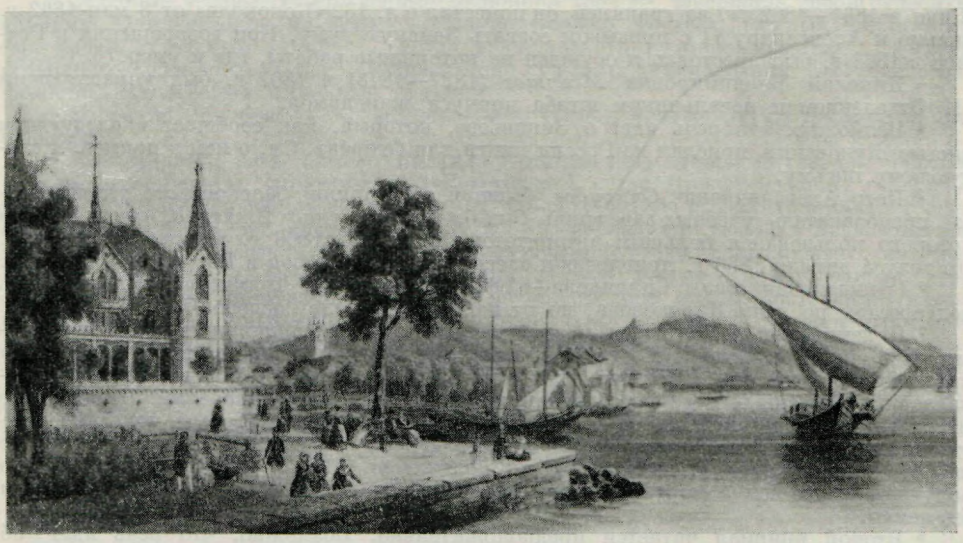
Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

«ореола» (а уж как ждал-то его В. И.!) — пришлось идти за венцом в переднюю Мезенцова[3]; этим путем гораздо легче сделаться великим человеком.

Письмо, переданное мне Тхоржевским, я поручил З.[4] — будьте уверены, что оно дойдет по назначению. По руке я узнал, чье оно. Уже давно говорил я Спиридову [5], что писать ему в Москву до поры до времени не следует, таково решение его жены [6]. Переписка очень повредила ей по следствию. Но Спиридов находится в таком ужасном положении, что едва ли может решиться совсем не писать, а потому потрудитесь внушить ему, чтоб он писал хоть пореже. Следствие еще не кончено, жена его под надзором полиции; попадись какая-нибудь ничтожная записка на почте — вот и новая беда.

Что перестройка русская только и может быть крестьянскою — в этом ни малейшего сомнения нет и быть не может. Правительство везде поневоле «хочет улучшить быт крестьян»; в Польше оно дало землю 350 000 крестьянским семьям; стоит остзейским немцам попробовать перекинуться на сторону Бисмарка — и посмóтрите, что часть земель их перейдет к жмудинам и латышам [7]. Все это чрезвычайно хорошо, но воли мужику из этого не выйдет потому, что все-таки правительство не может перестать быть дворянским и братьев своих дворян будет поддерживать во что бы то ни стало. Вот почему я думаю, что волю народ возьмет только сам и без Пугачева дело не обойдется. Но для того, чтоб Пугачев имел успех, ему надо принять в свои ряды недостающий народу элемент науки, с одной стороны, и, с другой—элемент политических факторов (если можно так выразиться), без которого не может удержаться социальный строй. Неудача Разина служит верным тому доказательством. Где же наука и политические факторы-исполнители, которые нужны народу? Мне кажется, что эти элементы заключены в городском интеллигентном пролетариате, все больше и больше скопляющемся в Петербурге и Москве. Вот почему я и не разделяю вашего взгляда на него. Прежде всего скажу вам, что он не дворянский, а по преимуществу семинарский с дворянской и чиновничьей примесью — разночинцы. Со скамей семинарий и духовных академий, из-за столов разных полицейских управлений и городовых ратуш начала молодежь копиться в Петербурге уже с 1857 года. Освобождение крестьян прихлопнуло мелкопоместных; им стало нечем кормить детей — родительская злоба росла пропорционально убыли грошей в мошне — семья сделалась еще отвратительнее, еще тяжеле — и вот молодые девушки, заслышав, что в столицах работу дают и учат и книги дают читать, пошли десятками в Петербург и Москву. Прошу вас войти в их круг. Это всё душой народу преданные люди; но они теперь, в особенности теперь, ничего не умеют, ничего не знают — *и нечего им есть*. Стать на землю они бы и хотели (О.Г.⟨?⟩ [8] говорит, что в Москве находились люди, приглашавшие молодежь идти на их земли и заводить земледельческие общины; но смуты последние помешали, с одной стороны, а с другой вожаки воспротивились такому движению, чтоб не давать революционной силе тратиться. — Мнение глупое, которое, конечно, осталось бы бессильным). Допустим, что молодежь и хочет стать на землю, но это в настоящее время неисполнимо. Правительство не позволит из боязни сближения молодежи с народом, да и община земли не уступит, потому что у самой мало. Остается одно средство стать на землю: купить ее на Амуре да и организоваться в общину. Денег нет! Да и хорошо ли, что все пойдут вон из России; без копошащейся за свободу молодежи нельзя обойтись в России. Вот почему против проекта переселения на Амур страшно восстал недавно сосланный Юрасов[9]. Как же поддержаться пролетариату? Городской ассоциацией, мануфактурной артелью. Это до поры до времени единственное средство [10]. Я уже сказал, что счи-

таю разночинцев будущими политическими факторами, проводителями и водворителями новой жизни. Пролетариат этот нужен народу, а потому-то он меня и интересует. Кроме нужд экономических, пролетариат терпит и от обеднения умственного, которое замечается все больше и больше. Дух революции, дух страстной ненависти к официальной России и дух преданности к социальной религии в нем жив еще сильно; но по мере удаления поколений от «Современника» содержание начинает тратиться, дело сводится все больше к формализму, а отсюда все безобразия. Пролетариат начинает утрачивать мысль, и это потому, что ему решительно нечего читать, не у кого учиться! Молодые люди носятся



ВЕВЭ
Раскрашенная литография, 1866 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

с Фурье, Прудоном, Консидераном, Сен-Симоном и просят переводить им отрывки, Фурье сводится на какие-нибудь фразы о своднях-утешительницах. Только ясное изложение исторически всех учений социализма, изложение критическое и основательное, может положить конец этому безобразию потому, что только так (мне кажется) и можно выяснить религию социализма. — Вот, по-моему, задача первого отдела «Полярной звезды». Второй отдел должен представлять картину развития социальной жизни из русской общины, т. е. должен пытаться объяснить, как из земледельческой артели должна тут же в селе выйти община индустрии, община торговли. До сих пор говорилось об этом только вскользь, а теперь надо построить целую систему жизни социальной на русской общине. Такая постройка пойдет рядом ошибок и промахов, но надо когда-нибудь начать их делать, иначе вопрос наш, при всей своей жизненности, начинает словно замирать. Третий отдел. Практические попытки Запада, т. е. ныне действующие в Европе ассоциации. Их устройство, их успехи, неуспехи. — Вот о чем нужно думать и что нужно узнать городскому интеллигентному пролетариату для того, чтобы с успехом послужить крестьянской революции. — Кто же поддержит умственное развитие пролетариата? Только заграничная пресса. Он может стать интеллигенцией социализма, живущего на русском поле. И я вместе с вами считаю это поле началом всего — но прошу же и вас

обратить внимание на интеллигенцию социализма, без которой полю обойтись нельзя, без которой оно будет изнывать под тяжестью своего проклятого земского царя с его баскаками, норовящими надеть на себя маску социализма.

А что же список нужных вам книг?

Мои все жмут вам руку. Душой вам преданный

Н. Жуковский

[1] Письмо может быть датировано довольно точно благодаря фактам, сообщаемым о Кельсиеве.

[2] Петр Алексеевич *Мартьянов* (1834—1865) — сын крепостного крестьянина. Живя в 1861—1862 гг. за границей, он поместил в л. 132 «Колокола» от 8 мая 1862 г. письмо к Александру II с призывом созвать Земскую думу. При возвращении в Россию в 1863 г. был арестован и осужден на каторжные работы, где и умер.

[3] Николай Владимирович *Мезенцов* (1827—1878) в 1867 г. был управляющим III Отделением и начальником штаба корпуса жандармов.

[4] Возможно, что речь идет о Зиновьеве, который, как сообщает в следующем письме Жуковский, прислал из России книги для Огарева. См. о нем в примеч. к следующему письму.

[5] Петр Александрович *Спиридов*, бывший воспитанник Московского университета, преподаватель учебных заведений, был близок к кружку Ишутина, среди членов которого пользовался большим авторитетом. В январе 1866 г. выехал за границу. По делу 4 апреля 1866 г. привлечен к следствию, но на вызов в Россию не вернулся.

[6] Гражданская жена Спиридова—Софья Дмитриевна Теликовская находилась под арестом по делу Каракозова, но от наказания была освобождена.

[7] Полемизируя с Огаревым против переоценки им социального значения правительственных мероприятий по крестьянскому вопросу, в частности — проведения крестьянской реформы в Польше (указом от 19 февраля 1864 г.). Жуковский подчеркивает вынужденный и демагогический характер этих преобразований. Приводимые Жуковским цифры нуждаются в уточнении. В результате реформы польские крестьяне получили 2 миллиона моргов из помещичьих и казенных земель, но это не внесло радикального улучшения в их положение. 129 197 крестьянских дворов получили менее чем 3 морга на двор, около 500 тысяч крестьян — остались совсем без земли.

[8] Второй инициал читается предположительно. Возможно, что речь идет об Ольге Степановне Левашовой, сестре жены Жуковского.

[9] Дмитрий Алексеевич *Юрасов* (1842—?) — участник обществ «Организация» и «Ад». По процессу Каракозова приговорен к ссылке в каторжные работы на десять лет. Каторгу отбывал в Александровском заводе.

[10] Первые практические попытки революционеров в организации пропагандистских коммун нашли полную поддержку у Огарева (см. об этом в т. 61 «Лит. наследства» — «О пропагандистских земледельческих коммунах» и в настоящем томе, в публикации писем А. А. Криля).

2

8 января 1868
Vevey. Chemenin

Посылаю вам, дорогой Николай Платонович, «Временник Российской империи» и Судебный указатель [1]. Прислал их Рагозин [2]. Есть для вас и календарь на 68 г., да я забыл захватить его из дома. Получили ли вы четыре тома уставов? [3] Их прислал Зиновьев [4].

Мы всё еще надеемся вас видеть. Как потеплее будет, так вы приезжайте к нам дня на два отдохнуть: мы будем рады, а гулять есть где.

На днях приехал с Ветлуги и В. Н. Левашов [5]. Он совсем хороший человек, но пришиблен безуспешностью своей работы на пользу крестьянства и потому все рисует мрачными красками, как, впрочем, и все приезжающие теперь из России; но я думаю, что насколько лет пять тому назад преувеличивали, говоря в сторону плюса, так теперь преувеличивают к минусу крестьянские настроения. Если вы к нам не соберетесь, что будет прискорбно, так надо В. Н. к вам привезти.

Ваш Жуковский

Тхоржевскому общий поклон посылаем и тоже зовем в Chemenin.

[1] Огареву были посланы следующие издания: «Статистический временник Российской империи», т. I. СПб., изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866; А. К о к о в ц е в. Алфавитный указатель к судебным уставам 20 ноября 1864 г., изд. 2. СПб., 1867.

[2] Виктор Иванович *Рагозин* (1825 — ?) служил управляющим волжского пароходного общества «Дружина». 7 июня 1862 г. был арестован по делу о «распространении возмутительных воззваний». По постановлению следственной комиссии «за способствование пропаганде среди крестьян в прибрежьях Волги» был выслан в том же году под надзор полиции в Н.-Новгород, а затем переехал в Костромскую губернию. С этого времени отошел от участия в революционном движении, хотя и продолжал оставаться в оппозиции правительству. В 1864 г. получил разрешение на переезд в Петербург; освобожден от надзора в 1868 г. Впоследствии сделался крупным нефтепромышленником.

[3] Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., завершили собой судебную реформу. Они состояли из четырех самостоятельных уставов, каждый из которых был издан отдельным томом: 1. Устав гражданского судопроизводства, 2. Устав уголовного судопроизводства, 3. Учреждение судебных установлений, 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

[4] Вероятно, это брат А. С. Жуковской и О. С. Левашовой, урожденных Зиновьевых.

[5] Повидимому, речь идет о Василии Николаевиче *Левашове* (1814— ?), либерально настроенном помещике Макарьевского уезда Нижегородской губернии, неоднократно избиравшемся на дворянских выборах: в 1854 г. был Ардатовским уездным предводителем дворянства, в 1865 г. — Семеновским уездным предводителем дворянства. Макарьевский и частично Семеновский уезды расположены на реке Ветлуге («приехал с Ветлуги»). Сплошные лесные массивы этого района, при очень небольшом количестве пахотной неплодородной земли, составляли казенную и помещичью собственность. Даже официальные источники должны были признать, что положение крестьян этих уездов «не обеспечивалось получаемым ими наделом в соразмерности его с повинностями» («Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом», под ред. А. С. Гацискаго, т. I. Н.-Новгород, 1867, стр. 59). Проведение реформы в этом районе затянулось на много лет и сопровождалось упорной борьбой крестьян с помещиками.

3

(Вена.) 31 декабря (1869 г.)[1]

Дорогой Николай Платонович! Простите великодушно; с книгой вышла преглупая штука. Самому мне отлучиться было невозможно, а девушка, которой я поручил отнести, забыла мое поручение и оставила книгу у себя на столе. Теперь посылаю ее вам [2]. Вложенное письмо прошу вас отослать Герцену, я не знаю его адреса [3]. Я прошу его помочь княгине 500 франками, которые через месяц будут возвращены[4].

В России аресты продолжаются [5]; в Петербурге арестовано до шестидесяти человек, в Москве — до сорока. В Петербурге, между прочим, арестован Негрескул.

Преданный вам Ж у к о в с к и й

[1] Год уточняется по сообщению об аресте 4/16 декабря 1869 г. М. Ф. Негрескула, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 286.

[2] О какой книге идет речь — установить не удалось.

[3] Герцен жил в это время в Париже.

[4] Речь идет о близкой к русским эмигрантским кругам в Швейцарии княгине Зое Сергеевне Оболенской, у которой муж отнял детей с помощью швейцарской полиции (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 563). Герцен принял большое участие в судьбе Оболенской. В письме к М. К. Рейхель от 9 октября 1869 г. он писал, что «бросил Швейцарию за гнусные поступки с Оболенской, за подкупленных адвокатов и жандармов. Я в Париже это дело поднял, но наши революционные утяты и бараны ничего не умеют делать и пропустили все сквозь руки» (XXI, 501). Отрицательно оценивая все мероприятия «молодой эмиграции» в деле Оболенской, Герцен отказал в просьбе Жуковского, переданной через Огарева (там же, 547).

[5] Имеются в виду аресты по нечаевскому делу.

В. Р. ЗОТОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация А. Н. Дубовикова

Литературная деятельность Владимира Рафаиловича *Зотова* (1821—1896)— известного в свое время петербургского писателя, журналиста и редактора, — так же, как и его биография, не подвергалась до сих пор научному исследованию. Неизученными поэтому остаются и общественно-политические взгляды Зотова. Как литератор он был тесно связан с органами печати либерального направления. Однако Зотов не без сочувствия относился и к некоторым формам демократического и революционного протеста. Оппозиция самодержавию толкала порою Зотова на поступки, выходившие далеко за пределы того, что было типично для российских либералов. Примечателен в этом отношении эпизод, сообщаемый народовольцем Н. А. Морозовым. В своих воспоминаниях Морозов рассказывает, что Зотов принял к себе на хранение архив обществ «Земля и воля» и «Народная воля» (Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. II, М., 1947, стр. 431—436 и 511). Объясняя поведение Зотова и других либералов, оказывавших ту или иную помощь народовольцам, Морозов пишет: «Все они сочувствовали исключительно *политической* (а не социальной) части нашей деятельности и были готовы помогать нам лишь постольку, поскольку мы способствовали расшатыванию абсолютизма в России» (там же, стр. 456). Справедливость этой оценки подтверждается всей историей отношений Зотова к Герцену, — историей, которая ещё может быть существенно дополнена публикуемым письмом.

В 1867 г. Зотов рискнул нелегальным путем отправить письмо к Герцену. Этот факт да и самое содержание письма свидетельствуют, что Зотов принадлежал к тем немногим русским деятелям, которые и во второй половине шестидесятых годов, в условиях суровой политической реакции, продолжали поддерживать опасную связь с Герценом.

Зотов познакомился с Герценом в 1846 г. у Краевского. Рассказывая об этом в своих воспоминаниях «Петербург в сороковых годах», он отметил глубокое впечатление, которое произвел на него «этот богато одаренный природою человек и писатель» («Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113). Он высоко оценил «превосходный» роман «Кто виноват?» и «Записки доктора Крупова», причислив эти произведения «к разряду необыкновенных явлений в нашей литературе по глубине мысли, проникнутой общечеловеческим чувством» («Очерк библиографической истории русской словесности в 1847 году», статья вторая. — «Литературная газета», 1848, № 6, стр. 88). В 1857 г., когда запрет, наложенный Николаем I на заграничные поездки, был отменен, Зотов, как и многие другие писатели, ездил за границу и бывал у Герцена. В Лондоне Герцен водил его на митинги и в клубы, знакомил с тогдашними политическими деятелями («Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113). Упоминания о приезде Зотова мы находим в июльских письмах Герцена 1857 г. (VIII, 551—552; IX, 10). Н. А. Морозов в названных выше мемуарах сообщает, что при первой же встрече с ним Зотов показал ему коллекцию нелегальных произведений и по поводу сборника «Русская потаенная литература XIX века», изданного Герценом и Огаревым, заметил: «Почти все это было собрано мною в России и мною же отвезено Герцену для напечатания» (Н. А. Морозов. «Повести моей жизни», цит. изд., т. II, стр. 433). В этом утверждении содержится, конечно, большая доля преувеличения, к которому вообще был склонен Зотов (достаточно сослаться на переданный в тех же воспоминаниях Н. А. Морозова рассказ Зотова о его дружеских встречах с Пушкиным,

Гоголем и другими знаменитостями). Но нет ничего невероятного в том, что он действительно передал Герцену некоторые списки нелегальных произведений русских писателей, тем более что антиправительственное стихотворение самого Зотова «Шарманка» было напечатано в «Колоколе» (л. 5 от 1 ноября 1857 г.) и, повидимому, доставлено Герцену самим Зотовым в тот же приезд (см. об этом в работе: М. Клевенский. Герцен-издатель и его сотрудники. — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 591—592).

Во второй раз Зотов посетил Герцена в Женеве весной 1867 г. (не позднее конца мая), о чем он кратко упоминает в тех же воспоминаниях («Не забыть мне и последних бесед наших еще через десять лет в Женеве, на берегу ее синего озера... Но обо всем этом говорить еще рано» («Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113). Некоторый свет на содержание этих бесед проливает публикуемое нами письмо. Очевидно, Герцен использовал встречу с Зотовым, чтобы через его посредство найти возможность печататься в России. «Зачем в России нельзя печатать моих статей, — ну, хоть без подписи?» — спрашивал он М. П. Погодина в письме из Ниццы 13 августа 1867 г. (XIX, 432). Выполняя поручение Герцена, Зотов сообщает ему о согласии Краевского и своем собственном пойти навстречу этому желанию и намечает детальный план конспирации. Остается неизвестным, был ли осуществлен Герценом этот план и послал ли он Зотову какие-либо материалы для напечатания в газете «Голос» и журнале «Отечественные записки», которые издавал Краевский. Заметим кстати, что вскоре Герцену удалось через посредство А. П. Пятковского напечатать несколько своих фельетонов под общим названием «Скуки ради» за подписью И. Нионский, в журнале «Неделя» (№ 48 за 1868 г. и №№ 10 и 16 за 1869 г.; см. XXI, 152—179 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 137—145 и 287).

Зотов переслал свое письмо через Алексея Осиповича *Баумана*; в конце письма Бауман приписал несколько строк. Он занимался в Петербурге издательской деятельностью. С начала пятидесятых до середины восьмидесятых годов он издавал мелкие журналы, иллюстрированные книги, месяцесловы, календари и пр., рассчитанные на широкий сбыт. В частности, он был издателем «Иллюстрации» и других еженедельников, которые редактировал Зотов с 1858 по 1876 г. Бауман, иностранец, ездивший за границу лечиться, мог, разумеется, без всякого риска перевозить через границу нелегальную корреспонденцию. В статье С. Шубинского «Пятидесятилетие литературной деятельности В. Р. Зотова» дана характеристика Баумана, основанная, повидимому, на информации самого Зотова: «Издатель Бауман был франкфуртский спекулятор, бравшийся за все, чтобы нажить деньги: открывавший увеселительные заведения в окрестностях столицы, писавший и издававший музыку, занимавшийся фотографиею и составлением медицинских брошюр и кончивший тем, что, превратив еще раз «Иллюстрированную газету» и «Воскресный досуг» сначала в «Иллюстрированную неделю», потом в «Иллюстрированный вестник» и в «Неву», бежал из Петербурга, обобрав не только горсть доверчивых подписчиков, но и бедных сотрудников, получавших нищенский гонорар за свои работы» («Исторический вестник», 1890, № 11, стр. 508).

О том, в какой степени Герцен был заинтересован в установлении литературных связей с Россией, свидетельствует быстрота, с которой он отвечал Бауману на его письмо, полученное 5 октября. Ответное письмо Герцена, датированное 8 октября 1867 г., было напечатано М. К. Лемке, как «письмо к неизвестному». Теперь, зная письмо Зотова, мы имеем возможность с полным основанием утверждать, что «неизвестный» этот — А. О. Бауман. Вот текст письма Герцена: «Письмо, которое вы были так добры, что переслали мне в Женеву, я получил. Содержание вы его знаете. Пробу сделать я готов, т. е. прислать какую-нибудь небольшую рукопись, если Кр аевский) напечатает ее, не исказив, и пришлет гонорар книгопродавцу Георгу (George, Genève, Corraterie, pour remmettre à M-r V. Zagorsky). Когда и кому ее доставить и как? Не напишете ли об этом сюда, просто на мое имя и по адресу, как написано. Еще раз благодарю, ваш А. Гер<цен>» (XX, 20—21).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 130).

Петербург. 5/17 сентября 1867

Мой приятель отправляется за границу, и я пишу к вам несколько строк. Прежде всего о деле. Печатать статьи, о которых вы говорили, может здесь один Краевский — и он очень рад будет сделать это. Надобно только, чтобы, посылая статью, вы приложили к ней письмо хоть от Иванова, — только не Желудкова [1], — с изъяснением, что сей муж и писатель, живя в Лозанне, Вевее или в другом каком месте (полагаю, что женевский климат вреднее для здоровья, чем те вышеназванные места) и лечась от ран или геморроя, желает посвятить досуг свой отечеству и готов высылать свои измышления, за посильное вознаграждение, в редакцию такого-то издания — хоть «Отечественных записок», что ли, или мою — это все равно. Адресовать можно прямо на имя редакции. Не худо, если бы при письме с приложением статьи были и некоторые биографические подробности — о жизни и прохождении службы автора.

Первую статью в этом роде можете, впрочем, прислать прямо на имя Alexis Baumann, куда именно? еще не знает он теперь и сам, ибо едет лечиться, и в Дрездене ему скажут, куда направить стопы. Поэтому в конце сего послания вы найдете приписку, сделанную его рукою, в которой он уведомит, куда к нему писать и когда он пустится в обратный путь. В конце октября он, во всяком случае, рассчитывает уже быть в Петербурге. С ним вы можете послать мне что́ хотите, и, во всяком случае, если не успеете доставить ему статью, то черкнете мне несколько слов.

С тех пор, как я виделся с вами, произошло много важных событий, начиная с атентата * 6-го июня [2] до... ну хоть до прекращения «Колокола». Здесь вообще думают, что оный не возобновится [3], и последние номера его за нынешний год не могли — скажу откровенно — возбудить к нему расположения, давно угасшего в публике. Хоть бы и статья в нем об атентате: многие находят, что она очень слаба и уклончива. Цареубийство, конечно, дело скверное, как и вообще всякое убийство. Но чем же лучше и народоубийство всякого рода, в котором с таким успехом подвизаются разные венценосцы? Больше всех против Березовского вопиют разные потомки и родственники душителей Павла, а ведь задавить ночью семерым одного человека — надо гораздо меньше храбрости, чем поднять на другого руку, при тысячах народа, почти без всякого шанса к спасению — в случае удачи или неудачи. А ведь павловские туги (thugs) [4], совершив свое дело, очень спокойно разошлись по домам. Два монарха, поссорясь между собою из-за дипломатической гримасы, сделанной которым-нибудь из них, лишают живота тысячи своих ни в чем не повинных подданных — и этого никто, даже история, не называет преступлением, а доведенный до крайности или полупомешанный фанатик, вообразивший, что с заменою одного властителя другим изменится традиционный порядок вещей на свете, — неслыханный злодей, изверг рода человеческого!

...не диво ли, что боги
За беззакония его к нам столько строги!

а поэтому немудрено, что конец его известен:

приговорили —
и на костер вола взвалили.

А в то же время самые невинные и благодушные поэты, как Василий Андреевич Жуковский, в простоте сердца, в самых цензурных своих произведениях высказывают иногда наивнейшим образом такие фразы,

* покушения (франц. attentat)

В. Р. ЗОТОВ
Фотография, 1860-е гг.
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

которые могут быть приняты за самую горькую иронию. Так, почти в то же время, когда Крылов писал свою басню «Мор зверей», Жуковский переводил балладу Бюргера «Ленору», первые строки которой гласят:

С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась, доколь
Они не помирились.

Как хорошо это *за что-то*, после чего кровь льется, льется до тех пор, пока монархам не вздумается помириться!..

На эту тему «Колокол» мог бы сказать многое, но это еще не главное. Он упал в общем мнении более всего от его пристрастия к полякам, от того, что защищали их во всяких случаях quand-même *, в ущерб явной справедливости. Угнетенные и гонимые, конечно, заслуживают участия, но не тогда, когда они гнетут и гонят других. Ливчак писал, чтобы редактор «Колокола» посмотрел и разузнал, что делают поляки в Галиции с бедными крестьянами, а «Колокол» посмеялся только над плохим русским языком Ливчака и отвечал, что не будет ничего читать и узнавать. Разве это ответ? Обвинению редактора в поджигательстве никто не верит, но все верят, что он скорее поляк, чем русский, что он с намерением скрывает все их дурные стороны и поступки, печатает все статьи за них и ни одной против них, верит всему, что пишут их защитники, и ничему, что говорят об них самые беспристрастные люди. Нет ничего ужаснее вражды между братьями; но если посреди увлечений племенной ненависти нельзя сохранить строгой справедливости, зачем же брать безусловно сторону поляков, разделяя все их заблуждения, преувеличения, ошибки и дурные дела?.. Вот вам мнение большинства, еще так недавно вполне сочувствовавшего «Колоколу», а теперь отзывающегося о нем в выражениях, гораздо более жестких, чем те, которые я привел [5]. А поверьте, что если глас народа и не божий глас, то, во всяком случае, он заглушил звон «Колокола» криком общего неодобрения, и теперь

* несмотря ни на что (франц.).

к «Колоколу», слишком слезно плачущему о Польше, гораздо более идет середина, чем начало его эпиграфа: mortuos plango * [6].

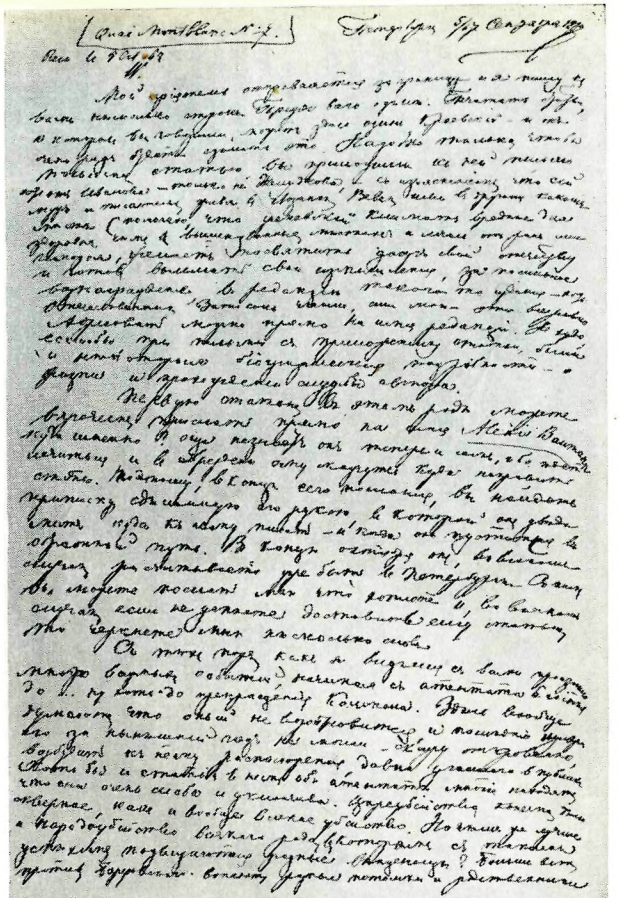
Что сказать вам о нашем положении вообще? Оно весьма неутешительно — и печальнее всего наши финансы. Мы, действительно, очень недалеки до банкротства. Неспособность и бездарность Рейтерна равняются разве только его упрямству и упрямству, с которым его держат на месте [7]. Каждая новая мера его — верх нелепости: заем под железную дорогу, покупка золота — все это не удается, потому что задумано глупо, исполнено бестактно. Теперь он готовит новый заем, с лотереею по 25-ти руб. за билет, чтобы вытянуть последние деньги у бедняков. Сторублевый билет был не по карману многим, по 25 рублей скопит всякий ремесленник, лакей украдет их у барина — и все снесут в государственный банк. Что будет потом? — об этом они не думают. На наш век хватит. Теперь, впрочем, делается сомнительно: хватит ли? и потоп легко может начаться не после нас, а с нас прямо, да и Ноев у нас не обретается, чтобы построить ковчег спасения. Государь не возвращается из Ливадии, потому что нездоров, что не мешает ему, однакоже, делать дипломатические несообразности, говоря языком дипломатии: любезничать с Фуад-пашою, посылать ему александровские ленты, отправлять братца в Константинополь в гости к султану[8]. Внутри администрация валит, как всегда, через пень-колоду; никакой системы в управлении, ни малейшей последовательности, ничего твердого, положительного, постоянного. Хоть бы гнулись уж куда ветер подует, а то нет: и поретроградничать хочется, и полиберальничать позыв бывает — но и то и другое является некстати, в неумелых, неуклюжих попытках, так и хочется сказать, изменив немного стихи поэта:

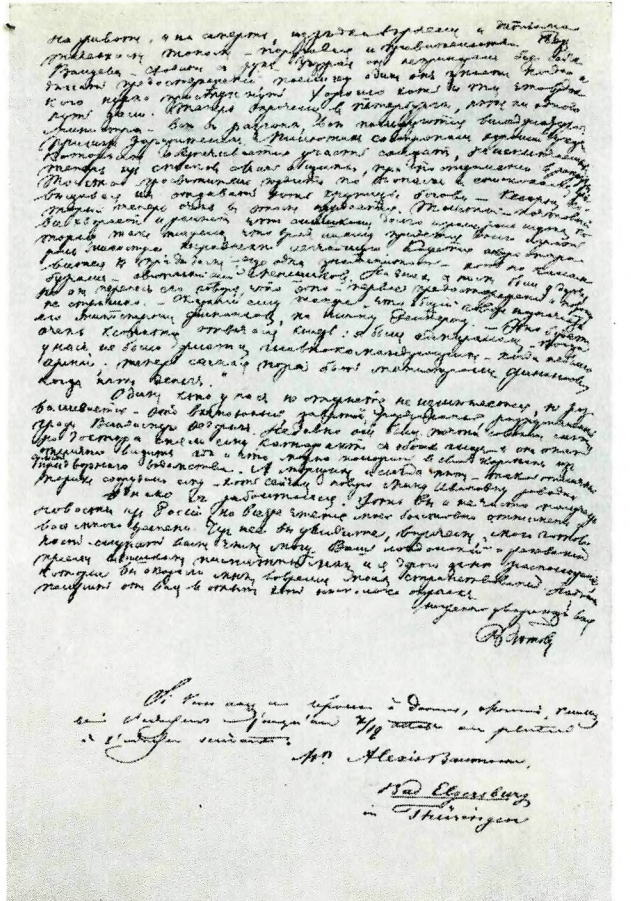
Нет ни в чем вам благодати,
И во всем у вас разлад:
И умны-то вы некстати,
Да и глупы невпопад[9].

Чем кончится это царство безалаберности — сказать трудно. Но что от нее приходится плохо и управляющим, и управляемым — это ясно, а что такой правительственный сумбур не может же вечно продолжаться — это еще яснее. Грустно только, что государственная разладица господствует и в обществе. Порядочных людей в нем еще меньше, чем порядочных идей, а последних теперь со свободою печати (liberté de la presse — liberté de presser chacun comme on veut ** — августейший каламбур покойного Михаила Павловича) что-то и вовсе не встречается. Журналы ругаются между собою не на живот, а на смерть, изредка, впрочем, и дипломатическим тоном, поругивая и правительство. Без Валуева — сходит с рук. Уезжая, он не приказал без себя делать предостережений, поелику один он знает, когда и кого нужно пристукнуть. Хорошо хоть и то, что вздохнуть дали. Теперь, впрочем, в Петербурге нет ни одного министра — все в разгоне, все пользуются виледжиатурой ***. Пример заразителен. Милютин состряпал хороший указ, которым обеспечивается участь солдат, не исключаемых теперь из списков своей общины, при поступлении в рекруты [10]. Толстой-просветитель [11] ездит по попам и епископам, усовещевая их отдавать хоть крупицы боговы — кесарю, который теперь очень в этом нуждается. Толстой-почтовый [12] все хворает и жалеет, что слишком долго играл роль шута, которая так тяжела, что вряд ли ему придется долго играть роль министра, несравненно

---

* мертвых оплакиваю (лат.).
** свобода тиснения — свобода притеснять каждого, как вздумается (франц.).
*** отдыхом на даче (от итал. «villeggiatura»).





АВТОГРАФ ПИСЬМА В. Р. ЗОТОВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 5/17 СЕНТЯБРЯ 1867 г.

Листы первый и последний

Сверху помета неизвестной рукой о получении письма; внизу приписка рукой **А. О.** Баумана

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

легчайшую. Кажется, скоро отправится к прадедам еще одна знаменитость— хоть по каламбурам — светлейший Меншиков [13]. На днях с ним был удар, но он перенес его, говоря, что это — первое предостережение и потому не страшно. Сказали ему также, что общий говор назначает его министром финансов, на смену Рейтерну. «Это будет очень кстати, — отвечал князь, — я был адмиралом, когда у нас не было флота, главнокомандующим, когда не было армии; теперь самая пора быть министром финансов, когда нет денег».

Один, кто у нас не стареет, не изменяется, не разваливается — это вечно юный, завитой, раздушенный, разрумяненный граф Владимир Федорыч [14]. Недавно он был почти совсем слепым, но доктора сняли ему катаракт с обоих глаз, и он опять отлично видит, где и что можно положить в свой карман из сумм придворного ведомства. А морщин и следа нет — такой отличный парик соорудили ему — хоть сейчас новую Мину Ивановну [15] заводи.

Однако я заболтался. Хоть вы и не часто получаете новости из России, но все же чтение моей болтовни отнимет у вас много времени. Из нее вы увидите, впрочем, мою готовность служить вам, чем могу. Ваш лондонский и женевский прием слишком памятны мне, и я дорого ценю расположение, которое вы оказали мне во время моих странствований. Надеюсь получить от вас в ответ хоть несколько строчек.

Искренно уважающий вас
В. З о т о в

Приписка на этом же листе рукою А. О. Баумана:
Si vous avez une réponse à donner, Monsieur, veuillez bien l'adresser jusqu'au 7/19 octobre au plus tard à l'adresse suivante:

Mr Alexis Baumann, Bad Elgersburg in Thüringen *
Надпись о получении неустановленным почерком:
Reçu le 5 oct. 67. W.

На л. 1, в левом верхнем углу, Зотовым надписано:
Quai Mont Blanc, № 7.

[1] *Иванов-Желудков*—псевдоним В. И. Кельсиева, которым были подписаны его статьи, присланные им из-за границы и напечатанные в 1866—начале 1867 г. в «Отечественных записках» и «Голосе». (О Кельсиеве см. ниже, на стр. 159—218 настоящего тома). Обращаясь к Герцену, Зотов должен был уже знать о «покаянии» Кельсиева, отдавшегося в руки русских властей 20 мая и доставленного в Петербург 3 июня 1867 г. Этим, повидимому, и было вызвано шутливое предостережение, сделанное Зотовым Герцену по поводу будущего псевдонима.

[2] 6 июня 1867 г. в Париже поляком Березовским было совершено покушение на Александра II. Герцен поместил в «Колоколе» (л. 243 от 15 июня) заметку «Выстрел 6 июня», в которой писал: «...Ни вопль безумных крикунов, ни брань сильных мира сего не заставят нас ни превозносить этого рода попыток, влекущих за собою страшные бедствия, ни произнести слова осуждения мученикам, которые обрекают себя на смерть и которых совесть чиста, именно потому, что они фанатики» (XIX, 351—352). Далее Герцен, предвидя, что шовинистические антипольские тенденции в русском обществе неизбежно усилятся, заявлял, что выстрел Березовского не будет иметь никакого влияния на дух и направление «Колокола».

Герцен последовательно осуждал тактику индивидуального террора. Язвительные же выпады Зотова против тирании самодержавия были всего лишь проявлением либерального фрондерства, отнюдь не исключавшего верноподданнического угодничества (см., например, в цитированных выше воспоминаниях Зотова его слащавый рассказ о благородстве и великодушии Александра II).

[3] Герцен объявил о временном (до 1 января 1868 г.) перерыве издания «Колокола» в предисловии к л. 244-245, вышедшему 1 июля 1867 г. После этого перерыва издание «Колокола», действительно, уже не возобновилось.

---

* Если будет ответ, благоволите, милостивый государь, направить его не позднее 7/19 октября по следующему адресу: г-ну Алексею Бауману, Бад Эльгерсбург, в Тюрингии (франц.).

ПОКУШЕНИЕ БЕРЕЗОВСКОГО НА АЛЕКСАНДРА II В ПАРИЖЕ, 6 ИЮНЯ 1867 г.
«Illustrierte Zeitung», № 1253 от 6 июля 1867 г. (верхний рисунок)
«The Illustrated London News», № 1431 от 15 июня 1867 г. (нижний рисунок)

[4] *Туги* — душители (от англ. «thugs»), название одной из изуверских сект в Индии.

[5] Польский вопрос, со всей прямотой и принципиальностью поставленный Герценом в 1863 г., не сходил со страниц «Колокола» и в последующие годы. Именно это имел в виду Ленин в статье «Памяти Герцена»: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество" отвернулось от „Колокола", Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13).

Зотов, излагающий в своем письме «мнение большинства», довольно точно характеризует отношение русских либералов к «Колоколу» в последние месяцы его существования. Сам он тоже считает линию, проводимую «Колоколом», ошибочной, хотя в его высказываниях и нет той резкости и непримиримости, которая была свойственна в ступлениям политических противников Герцена.

И. Н. Ливчак — редактор украинского националистического журнала «Страхопуд», издававшегося в Вене. Зотов имел в виду его статью «Что такое Польша?» (см. XIX, 359) и письмо к Герцену, которое было перепечатано в «Колоколе» с саркастическими комментариями. Отказ «Колокола» от полемики с Ливчаком объясняется тем, что Герцену была ясна политическая физиономия этого врага польского народа, реакционера, скорбевшего о Галиции, лишенной «своего царя» и «своего дворянства» (см. в л. 243 «Колокола» от 15 июня 1867 г. заметку «Меньшие братья шалят на вакациях» — XIX, 360—361).

[6] Полный текст латинского эпиграфа к «Песне о колоколе» Шиллера, откуда Герценом был взят девиз «Колокола», читается так: «Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango» («Живых призываю, мертвых оплакиваю, молнии отвожу»). Шиллер заимствовал этот текст из традиционной надписи на колоколах средневековых храмов.

[7] М. Х. Рейтерн был министром финансов с 1862 по 1878 г. В эти годы финансы России находились в крайне тяжелом состоянии. Рейтерн делал тщетные попытки несколько улучшить это положение. Чтобы укрепить падающий курс кредитного рубля, в 1867 г., по предложению Рейтерна, Государственному банку было предоставлено право покупать звонкую монету (русскую и иностранную), а также золото и серебро в слитках. Среди других мер им был выдвинут вопрос о передаче Николаевской железной дороги в частные руки — Главному обществу российских железных дорог, что и было осуществлено в 1868 г. Начало этой операции было положено в 1867 г. выпуском облигаций Николаевской железной дороги на сумму 75 миллионов рублей («заем под железную дорогу»).

[8] В августе—сентябре 1867 г. царское правительство вело переговоры с Турцией о судьбе острова Крита, где греческое население подняло восстание против турецкого владычества. Царское правительство предлагало следующее: Турция должна отказаться от Крита, остров должен быть присоединен к Греции. Во время этих переговоров Александр II, находившийся в Крыму, встретился 21—24 августа с турецким министром иностранных дел Фуад-пашой; как сообщалось в русских газетах, паша «удостоился очень милостивого приема» и был награжден знаками ордена Александра Невского. С этими же переговорами связан был и состоявшийся в середине сентября дипломатический визит в Константинополь наместника Кавказа в. к. Михаила Николаевича. Нерешительность русского правительства и неблагоприятная для восставших позиция «великих держав» привели к тому, что Турция, жестокими мерами подавив восстание, сохранила свое господство над Критом.

[9] Перефразированная эпиграмма Пушкина: «Нет ни в чем вам благодати...»

[10] В соответствии с новым «Положением об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов» (оно было разработано военным министром Д. А. Милютиным и утверждено 25 июня 1867 г.) солдаты, увольняемые с действительной службы получали свои прежние гражданские права и могли приписываться к городским или сельским обществам. Кроме того, они получали право на денежное пособие от казны и некоторые льготы (см. «Исторический очерк деятельности военного управления в России», сост. Шильдером и Хорошихиным, т. IV. СПб., 1880, стр. 526—527).

[11] *Толстой-просветитель* — Д. А. Толстой, министр народного просвещения и обер-прокурор святейшего синода, ярый реакционер.

[12] *Толстой-почтовый* — И. М. Толстой, министр почт и телеграфов.

[13] *Светлейший Меншиков* — А. С. Меншиков, занимал крупные посты в армии и флоте; во время Крымской войны он был главнокомандующим. Никакими военными способностями он не обладал; современники прозвали его «героем проигранных сражений». Зато репутация его как находчивого остряка и каламбуриста стояла высоко.

[14] *Граф Владимир Федорыч* — В. Ф. Адлерберг, министр императорского двора, известный хищениями и казнокрадством.

[15] *Мина Ивановна* — Буркова, любовница Адлерберга. Тем, кто давал крупные взятки, она доставала через своего покровителя выгодные должности, награды, титулы и проч. Герцен не раз упоминал о ней в «Колоколе».

В. Н. КАШПЕРОВ — ОГАРЕВУ

Публикация Е. И. Канн-Новиковой

Композитор Владимир Никитич *Кашперов* (1827—1894) познакомился с Огаревым в самом конце сороковых годов. Он служил в это время в Симбирске чиновником особых поручений при губернаторе. Но служебная карьера нимало не влекла к себе Кашперова — страстного любителя музыки. Под непосредственным влиянием Огарева Кашперов решился оставить службу и сделаться музыкантом-профессионалом.

Общность музыкальных интересов содействовала сближению Кашперова с Огаревым. Огарев горячо интересовался сочинениями Кашперова и сам знакомил его со своими музыкальными опытами. Он излагал ему устно и в письмах свои музыкально-эстетические взгляды; Кашперов перелагал его стихотворения на музыку. Учитывая романтическую настроенность молодого музыканта, Огарев подсказал ему благодарный сюжет для первой оперы — пушкинских «Цыган» и сам взялся написать либретто. Этот творческий контакт оказался чрезвычайно полезным для Кашперова. Опера Кашперова и Огарева «Цыганы», начатая в 1850 г. и законченная в сентябре 1855 г. (см. неизданное письмо Кашперова к Огареву от 14 сентября 1855 г., — ЦГЛА, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 101), была встречена сочувственным вниманием самого Глинки, находившегося в это время в Берлине; Глинка даже пригласил Кашперова к себе, желая помочь ему усовершенствоваться в музыкальном мастерстве («Русский архив», 1869, т. 7, стлб. 1143). Опера эта, однако, никогда поставлена не была, и рукопись ее не сохранилась. Не суждено было Кашперову также завершить свое музыкальное образование под руководством великого русского музыканта — вскоре Глинка скончался в Берлине, на руках у своего ученика.

Со смертью Глинки для Кашперова начинается пора творческих блужданий. Он переезжает в Италию и пишет здесь несколько опер в итальянской манере. Некоторые из них были поставлены за границей и в России и пользовались успехом, впрочем, недолговременным.

14 мая 1860 г. Огарев писал П. В. Анненкову: «...Кашперов поставил в Милане „Marie Tudor“ с большим успехом, на что Головин уже напечатал, что русские аплодировали, а итальянцы свистали» («Звенья», III—IV, 1934, стр. 409).

В то же время Огареву, как и самому Кашперову, становилось все более ясно, что развитие русского оперного искусства неосуществимо вне проложенного Глинкой пути освоения национальных тем. «Кашперов просит у меня либретто русское, — писал Огарев П. В. Анненкову в 1858 г. — Намекни мне хотя на какой-нибудь эпизод из русской истории или на легенду, из чего можно бы составить либретто не нелепое. Что я способен уладить сюжет сценически и музыкально, — в этом я сам в себе не сомневаюсь. Но лишь бы он был. ⟨...⟩ А хотел бы я потрудиться и для Кашперова, и потому, что хочется что-нибудь русское в музыке, не так, как было доселе. Я думаю, что не нужно в музыке брать один народный песенный мотив; он по натуре своей для целой оперы длинен и скучен. Я хочу только склад русский ⟨...⟩. На запрос о либретто — отвечай рассудительно и категорически. Мне это внутренно нужно» (там же, стр. 396).

По каким-то причинам Огареву не пришлось написать либретто для русской оперы Кашперова. Однако он постоянно направлял внимание композитора на русские сюжеты·

Под прямым воздействием Огарева Кашперов, еще находясь в Италии, обратился к русским темам: написал музыку к драме Островского «Воевода» и приступил к работе над оперой «Гроза» по одноименному произведению Островского; впоследствии, уже находясь в России, он написал оперы «Боярин Орша» по Лермонтову (1880) и «Тарас Бульба» по Гоголю (1887). Однако всем этим операм нехватало центральной объединяющей идеи, того чисто «русского склада», о котором писал Огарев.

Несколько лучше выполнил Кашперов эту задачу в своих романсах; наиболее примечательные из них написаны на стихи Огарева. Таковы, например, «Дорожная песня» («Дорога»), сочиненная Кашперовым еще в период симбирских встреч с поэтом, и «Сон девушки» (отрывок из поэмы «Сны»).

Много плодотворнее оказалась просветительская деятельность Кашперова — преподавателя и теоретика русского хорового пения, оставившая значительный след в истории русской музыкальной культуры.

Дружеское чувство к Кашперову и неизменный интерес к его судьбе Огарев сохранил до конца своих дней. «Не знаешь ли, — спрашивал Огарев в письме к сестре за несколько лет до смерти, — что-нибудь о моем приятеле Кашперове, который был чиновником особых поручений, когда я был в Симбирске, но под моим влиянием удалился от службы и обратился к музыке, к которой имел талант, и поставил оперу (помнится, в Москве), обещался прислать, но давно известий от него не имею. Если что узнаешь о нем — напиши» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 610).

Что же касается Кашперова, то его отношение к Огареву рельефно выражено в следующих строках неизданного письма от 14 сентября 1855 г.: «Хоть мы с вами и по различным идем дорогам, но, раз скрестившись, перекресток остался и отозвался так в душе моей, как ничто еще в жизни не утешало, — писал Кашперов Огареву. — Жаль, что вы поставлены в исключительное положение. В вас так много любви к людям, что всеми силами души жалеешь о вашей исключительности, узнавши вас покороче» (ЦГЛА, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 101).

Публикуемые шесть писем Кашперова к Огареву, в которых, до известной степени, проявились демократические тенденции их автора, представляют интерес не только как материал для малоизвестной биографии композитора, но и для характеристики музыкально-эстетических взглядов Огарева.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 151).

1

Lago di Como. Tremezzo
Villa Carlotta
14 февраля 1864

Дорогой мой Николай Платонович!

Медлил я ответом потому, что не хотел наводить на вас грустного расположения духа, в котором я находился.

Наташа [1] наша не выжила и 14 дён и умерла после сильных страданий...

Адель [2] поправляется, ей теперь идет 4-я неделя после родов.

Она всем вашим дружески кланяется.

Я ради развлечения принялся круто за работу и почти ни об чем другом не забочусь, в полной уверенности, что весенняя война за нас похлопочет.

В минуты отдохновения я ухожу с детьми в горы и рвем весенние цветы.

Кстати, у нас сильно жарко сегодня — солнце так и печет.

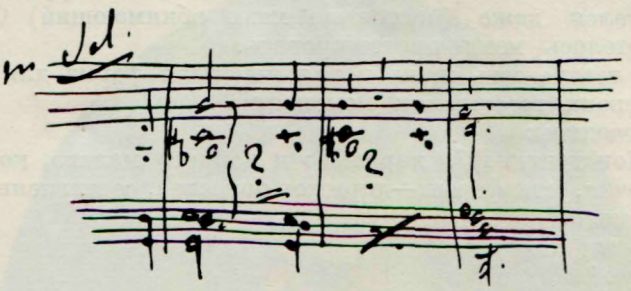
Когда-то вы приедете погреться с нами на итальянском солнце?..

Обнимаю вас крепко, дорогой мой друг, пожмите за меня дружески руки Наталье Алексеевне и Герцену.

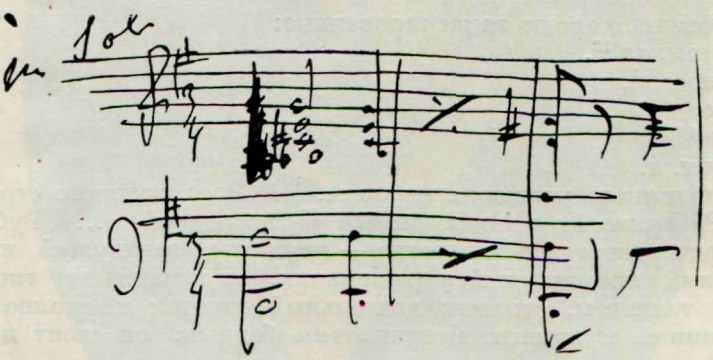
Весь ваш В. Кашперов

P. S. Правда ли, что Бакунин в Турине? Меня спрашивает Valerio [3]. Кстати, может ли Valerio получить несколько номеров «La Cloche» [4]— он сильно жаждет его. Если да, то адресуйте Como, Lorenzo Valerio.

В последнем музыкальном произведении, которое вы мне прислали, *ритм есть*, но ошибок гармонических немало, и видно, что это не описки, а так было задумано —



Не понимаю, зачем вам понадобился вычурный диссонанс,—тем более, что он вовсе не подготовлен ничем...



Как *педаль* на *re* это еще простительно, да и то в крайности [5].

[1] *Наташа* — дочь Кашперова.

[2] *Адель Николаевна* — жена Кашперова, урожденная Бекетова.

[3] Лоренцо *Валерио* — итальянский государственный деятель, депутат пьемонтской палаты. Во время высылки Герцена из Пьемонта в 1851 г. горячо выступал в его защиту.

[4] Из письма Герцена Кашперову от 12 декабря 1862 г. (XV, 567) видно, что «La Cloche» был Валерио послан.

[5] Из какого музыкального произведения Огарева приведены эти отрывки, установить не удалось. Цитируемая музыкальная фраза отличается свежей и своеобразной гармонией и едва ли заслуживает столь резкого и безоговорочного осуждения.

2

15 июня 1865
Lago di Como. Tremezzo

После вашего последнего письма [1], дорогой мой Николай Платонович, хотелось бы повидаться с вами, обнять вас крепко, крепко и поплакать вместе...

Хорошо сделало ваше последнее письмо, что пропало [2], а то в Петербурге я иной раз не знал, куда деваться от тяжелых забот и глубоко грустных зрелищ... Но натуру бог дал, видно, крепкую, так что я прожил пять месяцев в Петербурге и здоровьем не покачнулся, лишь обозлился несколько—и сделался несколько сдержаннее...

«Консуэло» [3] я еще не поставил. Адлерберг (старик) [4] просил меня оставить у него мою партитуру и выхлопотал мне у государя вознаграждение за проезд и прожитие в Петербурге (1000 руб.), потому что дирекция (гр. Борх) [5] потребовала от меня исполнения итальянцами нескольких отрывков, которые, несмотря на разные немецкие помехи, все-таки весьма удались с итальянцами.

Что я должен был претерпеть от милых немцев-русских, это невыразимо! Лягался даже (постоянно меня обнимающий) Ф. Толстой [6], которому хотелось меня протежировать.

«Русский театр» есть лишь новая немецкая форма для удобнейшего прикрытия своих германских монополий.

За исключением:

Лядова (Константина) [7], хорошего и доброго малого, которого немцы держат, конечно, для формы—дирижер оркестра, составленного исключительно из немцев,

Кондратьева [8]
Никольского [9]
Васильевых [10]
Петрова [11] } старье,—
Леонова [12] }

всё — немцы, хорошо замаскированные:
Михайловская [13],
Платонова [14],
Бианки [15],
Шредер [16]

и т. д.

Достоин всякого уважения — это А. Н. *Серов*, которого страшно преследует *Рубинштейн* с *Кологривовым* [17] (последний ⟨...⟩ Рубинштейна и непроходимо вредное существо — наушник, завидущий и страшно честолюбивый промотавшийся дворянчик, игравший на виолончели). Серов — с талантом, страшно деятельный человек и вполне развитой и образованный музыкант; будучи *очень* бедным, он стоит независимо и гордо . . . . . *

Впрочем, я чувствую, что таким образом заболтаюсь без конца.

... Вообще насколько мне удалось заглянуть в дела нашей родины **

Приписка на полях:

Теперь кончаю увертюру новую для «Консуэло» и новый финал.

[1] Это письмо, в котором Огарев, повидимому, сообщал о смерти детей Герцена — близнецов Алексея и Елены, неизвестно.

[2] Это упоминание о не дошедшем до адресата письме Огарева непонятно.

[3] «*Консуэло*» — опера Кашперова на сюжет одноименного романа Жорж Санд. Опера была закончена в Италии в 1865 г. и в том же году поставлена в Венеции. Предполагаемая постановка «Консуэло» в Петербурге не осуществилась. На петербургской сцене шел (и то короткое время) только один акт из этой оперы.

[4] Владимир Федорович *Адлерберг* — министр императорского двора.

[5] Александр Михайлович *Борх* — директор императорских театров.

[6] Феофил Матвеевич *Толстой* — композитор-дилетант и музыкальный критик реакционного толка, ярый приверженец итальянской музыки. См. характеристику Ф. Толстого, принадлежащую К. И. Чуковскому, в «Лит. наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 569—620.

[7] Константин Николаевич *Лядов* — дирижер и композитор; отец композитора Анатолия Лядова.

---

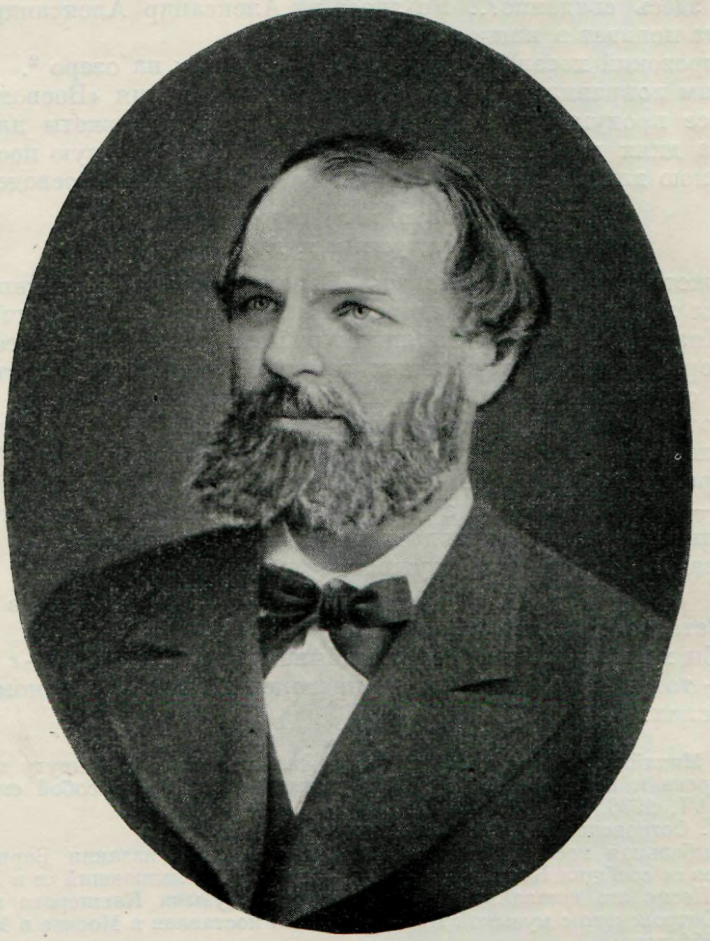
* Многоточие в подлиннике.—*Ред.*

** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

[8] Геннадий Петрович *Кондратьев* — певец-баритон, дирижер и оперный режиссер; в течение сезона 1867/1868 гг. исполнял партию Тихона в опере Кашперова «Гроза».

[9] Федор Калинович *Никольский* — известный тенор. На премьере оперы Кашперова «Гроза» Никольский исполнял партию Бориса.

[10] Кого здесь имеет в виду Кашперов, не установлено.



В. Н. КАШПЕРОВ
Фотография, 1870-е гг.
Частное собрание, Москва

[11] Осип Афанасьевич *Петров* — великий русский певец (бас). Тот оттенок пренебрежения, с каким Кашперов отзывается о Петрове («старье»), несправедлив: в 1865 г. Петров находился еще в полном расцвете своего замечательного таланта.

[12] Л. И. *Леонов* (Шарпантье) — известный певец (драматический тенор).

[13] *Михайловская* (Лейброк) — второстепенная певица Мариинского театра (колоратурное сопрано).

[14] Юлия Федоровна *Платонова* — рожденная Гардер — талантливая оперная певица (драматическое сопрано).

[15] Валентина *Бианки* (по мужу Фабиан) — известная оперная певица, родом из Швейцарии. Она обладала голосом, редким по мощи и диапазону.

[16] Ольга Эдуардовна *Шредер* — певица (сопрано), жена известного дирижера и композитора Э. Ф. Направника.

[17] Василий Алексеевич *Кологривов* — виолончелист, один из организаторов и активных деятелей Русского музыкального общества, возглавлявшегося А. Г. Рубинштейном.

3

20 июля 1865
Lago di Como. Villa Carlotta

...*Грибовские [1] пишут (т. е. Петр Михайлович с женой и нашей племянницей), что в сентябре будут здесь; как бы хорошо было, если бы устроить здесь свидание?.. Не знает ли Александр Александрович Герцен, когда попадет в наши края?

А. Островский хотел на осень приехать к нам на озеро [2].

Как вам понравился его бытовой этюд — комедия «Воевода»?

А я все продумываю и передумываю разные сюжеты для русской оперы. На днях перепишу и пришлю вам «Колыбельную песню», написанную мною для Островского, на слова его песни в «Воеводе» [3]:

Баю, баю, мило внучоночек,
Ты спи, усни и т. д.

Не можете ли вы мне прислать «Вероисповедание молокан»? [4]

Как вы ладите с вашим здоровьем, Николай Платонович?

Чай Лиза [5] доставляет порядком работы Наталье Алексеевне? [6]

Я теперь, кроме музыкальных занятий, занимаюсь со старшими и почти не отпускаю их от себя. Андрей [7] больно уж резов. Кстати, он просит поцеловать его друга — Ольгу Герцен...

Этим летом я написал две интродукции, которые можно бы назвать и увертюрами, но по форме они не подходят под это название.

Одна — для «Consuelo», а другая — к «Rienzi»[8], потому что первая, мною написанная, мне казалась неудовлетворительной.

Жму вам и всем вашим дружески руки.

Весь ваш В. К а ш п е р о в

Что Тата теперь рисует?

Если бы хоть ваша юная семья побывала у нас осенью — с m-lle Meysenbug, — то и это было (бы) драгоценнейшим подарком для нас и Грибовских.

[1] Петр Михайлович *Грибовский* принадлежал к симбирскому кругу друзей и знакомых Огарева и пользовался в начале пятидесятых годов особой его симпатией («Звенья», VI, 1936, стр. 370).

[2] А. Н. Островский в 1865 г. за границу не поехал.

[3] «Колыбельная песня» Кашперова вышла в свет в издании Бернарда (СПб., 1865). Напев ее сообщил Кашперову А. Н. Островский, слышавший ее в Костромской губернии. Песня эта вошла во вторую редакцию музыки Кашперова к «Воеводе». «Воевода» Островского с музыкой Кашперова был поставлен в Москве в Малом театре в начале 1886 года.

[4] Кашперов имеет в виду вышедшую в 1865 г. за границей брошюру «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами». Издателем, а может быть и автором брошюры был Н. А. Шевелев. Критический разбор этой брошюры дал Огарев в лл. 206 и 207 «Колокола» от 15 октября и 1 ноября 1865 г.

[5] *Лиза* — дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой.

[6] *Наталья Алексеевна* — Тучкова-Огарева.

[7] *Андрей* — старший сын Кашперова.

[8] «*Rienzi*» — опера Кашперова, написанная на либретто одноименной оперы Рихарда Вагнера. В 1863 г. она была поставлена во Флоренции.

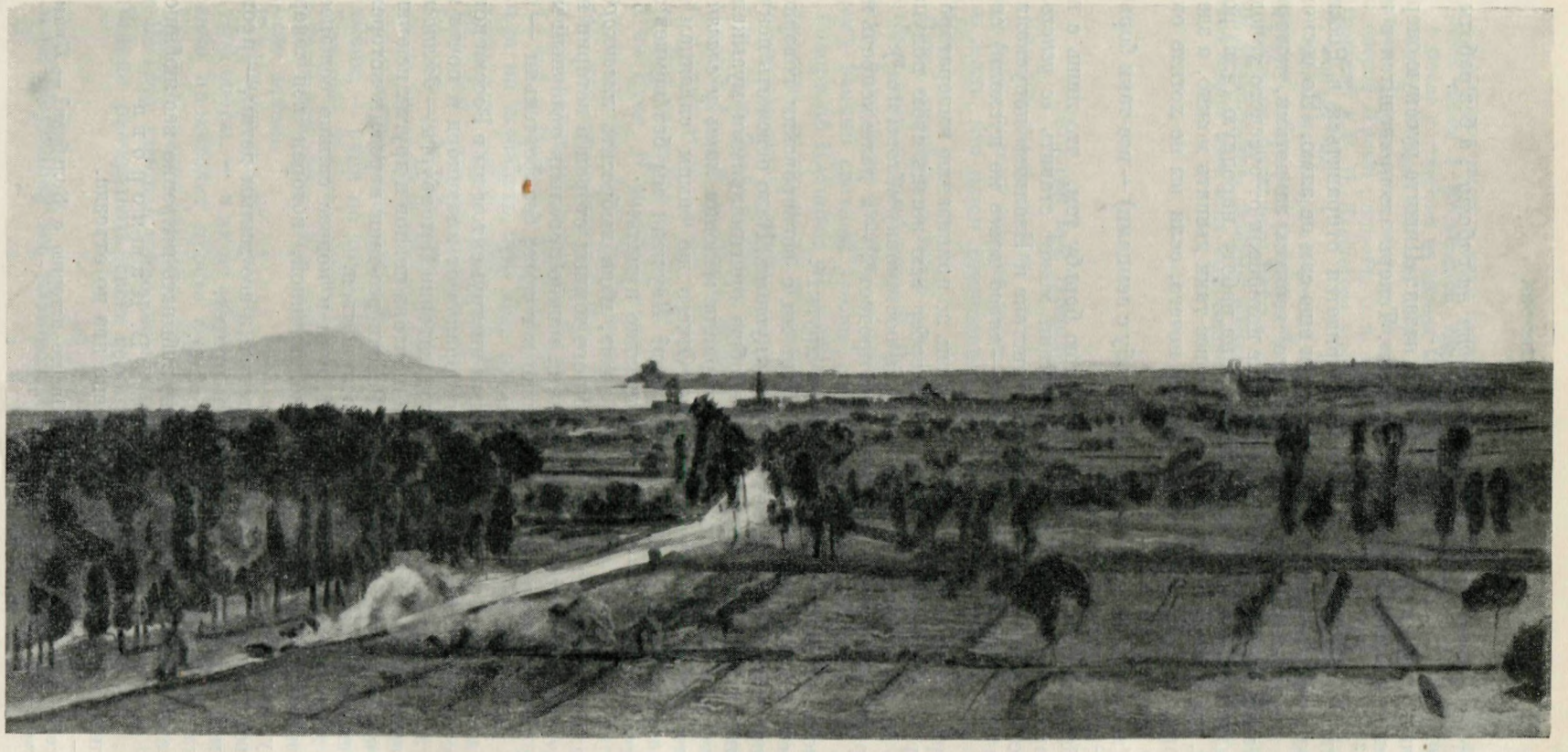
4

9 сентября 1865
Tremezzo. Lago di Como. Villa Carlotta

Искренно сожалею, дорогой мой Николай Платонович, что и этот год мы, кажется, с вами не увидимся.

---

* Начало письма, в котором Кашперов сообщает свои семейные новости, нами опускается.—*Ред.*



ПЕЙЗАЖ С ДОРОГОЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ НЕАПОЛЯ

Картина маслом А. А. Иванова

Русский музей, Ленинград

И денег-то у меня нет, да и некогда—*зовут на работу*[1], а без работы—жить не могу, да и детей пустишь по миру.

Вы были правы, пиша мне три года тому назад: «Пишите русскую оперу; нечего наполнять итальянские репертуары». Теперь это приводится в исполнение [2].

Вероятно, около 25-го этого месяца придется отправиться в Россию и тотчас за работу,— какова она будет, я еще сам не знаю. Но весною, вероятно, попаду-таки к вам, потому что вернусь за детьми, которые останутся пока еще здесь, чтобы доро́гой не потерпели от русского холода.

Одно утешительно, что отправляюсь я на работу народную (для) родного края, где хотя и много гнусного, но все-таки дышать можно, а здесь ко [illegible]итору, да еще русскому, — делать нечего, если вы не хотите окунуться по шею в грязь...

У нас (несмотря на мою страшную борьбу с немцами) — все-таки борьба возможна; здесь же она немыслима...

Республиканец *Вагнер* заканчивает свою борьбу тем, что лишь с помощью королевской дружбы и его полиции может ставить «*с успехом*» (на первое представление в Мюнхене «Тристана и Изольды» допускались лишь придворные и известный кружок,—*народ* вовсе не пускали) свои оперы.

Демократ Верди известен в Париже лишь по приказанию императора...

Банкир и гениальный музыкант Мейербер всю жизнь свою покупал успехи (в Милане он дал 140 000 фр. — за постановку «Crocciata»[3]).

Всемирный композитор Россини — *все* продает*, — и даже непрочь надуть кого вам угодно и когда угодно.

Этот последний факт печальнее всех других[4].

Современное искусство недалеко уйдет ни с вагнеровским говорком под шум оркестра, ни с вердиевскими кликушами. Надо освежить искусство новыми народными мотивами и вообще оригинальными музыкальными приемами. Талантливые немцы черпали мелодии *лишь у славян*... и разрабатывали их по преимуществу. Отчего же самим славянам не взяться за разработку своих материалов? Неужели мы без немцев не сумеем ничего сделать? — Это оскорбительно думать.

Чтобы освободиться от немецкого ярма, надо выбросить *клавикорды* из музыкального искусства,—и тогда много темных сторон в истории нашего искусства изменится. С фортепьянами можно прослыть отличным музыкантом, не слыша ни одной ноты ясно в голове; без фортепьян — не музыкант ничего не сделает в музыке.

Понимаете ли вы, что с этим мизерным инструментом мы в России доведены до того, что у нас целая толпа генералов от клавикорд и почти ни одного музыканта. Вот почему и в консерватории Петербурга — *девяносто восемь* пианистов, а остальные десятка полтора певцов и других исполнителей, так что музыкальнее всех в России все-таки народ, к которому наши неучи стыдятся хорошенько прислушаться.

Адель жмет всем вашим дружески руки и подчас сильно сожалеет, что не может единого шагу с своей полдюжиной, которая вся теперь, слава богу, здорова.

Наталье Алексеевне и Герцену — также и его милым детям, — прошу передать мой задушевный и искренний привет.

Все кланяются усердно m-lle Meysenbug.

Жму вам дружески руки и прошу не забывать искренно вас любящего

В. Кашперова

Напишите мне, пожалуйста, словечка два до отъезда.

---

* Он себя продавал дамам не раз. Знаете историю с Кольбран? — *Примеч. автора письма.*

[1] Кашперов имеет в виду полученное им приглашение приехать в Москву преподавать пение в Московской консерватории, открывшейся в следующем, 1866 г.

[2] После постановки на сценах Петербурга и Москвы в 1865 г. пьесы Островского «Воевода» Кашперов задумал оперу на этот сюжет и сочинил несколько музыкальных номеров. Однако в том же году он прекратил работу над «Воеводой» и начал работать над оперой «Гроза» (либретто Островского). Об этом см. статью В. Киселева «А. Н. Островский и В. Н. Кашперов» в сб. «Островский и русские композиторы», М.—Л., 1937, стр. 67—92.

[3] Опера Мейербера «Il Crociato in Egitto» («Крестоносец в Египте») была впервые поставлена с большим успехом в Венеции, в 1824 г.

[4] Упреки, брошенные Кашперовым по адресу Вагнера, Верди, Мейербера и Россини, основывались, главным образом, на досужих анекдотах, во множестве слагавшихся вокруг имен этих выдающихся композиторов.

5

17 сентября 1865
Villa Carlotta

Дорогой мой Николай Платонович!

Как мне жаль, что вы не так поняли мои слова, как я их думал! Мне жаль себя, потому что не умею высказать ясно того, что думаю, но *более всего* жаль, что наши отношения хоть на короткое время могли поколебаться.

Ваша личность и ваши отношения ко мне составляют одну из самых светлых сторон моей жизни. Вы сами знаете, до какой степени вообще жизнь бедновата светом, и потому поймете, с какой тщательностью я берегу всякий светлый уголок, доставшийся мне на долю.

Говоря об Каткове: «Как жаль, что он такой подлец, потому что он незаменим», я никак не думал да и до сих пор не думаю, что «Московские ведомости» — орган помещичества [1]. Помещики-крепостники его сильно не любят (а впрочем, вам это лучше знать). Я хотел сказать вышесказанной фразой, что жаль видеть на Руси оппозиционную *единственную* силу с авторитетом, и та — насквозь подлец, а что она *незаменима*, так это факт. Вот уж скоро три года, как Катков джигитует, и никто его не осилил на Руси. Я сам был свидетелем, как великие петербургского мира ищут в газетах лишь катковские статьи... Мою фразу следовало бы, кажется, так переиначить: «Как жаль, что на Руси не найдется столько сильного человека, который бы мог вывести катковщину», а потом прибавить, что у Каткова несомненный талант — ловкость и смётка — и что нельзя не пожалеть, что весь этот арсенал употребляется на мерзости, и, кроме зла, ничего не приносит.

Впрочем, едва ли в настоящую минуту возможно судить по газетам об России—русский народ впервые зажил с недавнего времени *по-своему* и еще до употребления газет не дорос, хотя его деятельность по деревням и селам несравненно прочнее и важнее всей современной журналистики в России, — судя по тому, что я видел и слышал последнее время.

Хотелось бы подслушать всю эту подземную, покамест еще глухую работу народа русского,— и именно теперь, а то, пожалуй, утратишь самое дорогое время.

Искреннее спасибо вам за умные и правдивые замечания относительно русской оперы, — я их не забуду [2]. А знаете ли, на Руси моя колыбельная песенка производит просто фурор между исторусскими? [3]

Еще раз крепко обнимаю вас и жму руки Наталье Алексеевне, Герцену и m-lle Tatà, которая у нас забыла свой гребень, так что я и в России буду постоянно расчесывать свою голову герценовским гребнем.

Весь ваш В. К а ш п е р о в

M-lle Meysenbug все кланяются.

[1] Это письмо Кашперова к Огареву неизвестно.
[2] Письмо к Кашперову, о котором идет речь, очевидно, содержало в себе дальнейшее развитие мыслей Огарева о задачах русского оперного театра.
[3] См. примеч. 3 к письму 3.

6

Москва (1866—1867 гг.) [1]
Консерватория

Дорогой мой, пользуюсь единственным случаем обнять вас и сказать вам, что моя работа идет удачно, — я дружно работаю с консерваторскими профессорами и дописываю оперу[2].

Уроки дают мне от 200 до 350 рублей. в месяц.

Единственное тяжелое чувство — это не получать ваших дружеских писем; если будет случай, то не забудьте.

Жена и дети здоровы — просят дружески поклониться вашим. Многое хотелось бы сказать, но время не дает.

Будьте здоровы и счастливы.

Искренно вас любящий
В. Кашперов

[1] Дата определяется предположительно, по содержанию письма.
[2] Повидимому, речь идет об опере «Гроза», о которой см. выше в настоящей публикации.

В. И. КЕЛЬСИЕВ — ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМА ФИЛАРЕТА ЗАХАРО́ВИЧА

Публикация П. Г. Рындзюнского

Деятельность Василия Ивановича *Кельсиева* (1835—1872) протекала довольно долгое время в основном русле революционного движения. Поэтому изучение этой деятельности представляет несомненный научный интерес, несмотря на то, что впоследствии Кельсиев отрекся от революционных взглядов. В «Исповеди» — документе, созданном под арестом, для шефа жандармов *, Кельсиев всячески принижал свою агитационную работу, как плод незнания жизни народа, как результат различных более или менее «вздорных» — с точки зрения нового, «обращенного» Кельсиева — попыток поднять массы на восстание против самодержавия. В действительности же Кельсиев в 1860—1863 гг. принимал активное участие в революционной работе. Характер и объем этого участия до настоящего времени остаются не вполне ясными, главным образом потому, что сам Кельсиев, сделавшись ренегатом, в извращенном виде представил свою прежнюю деятельность — и в «Исповеди» и в последующих автобиографических произведениях, начиная с книги «Пережитое и передуманное» (СПб., 1868).

Сын бедного чиновника, Кельсиев в 1855 г. окончил Петербургское коммерческое училище и в том же году был зачислен студентом на только что открытый факультет восточных языков Петербургского университета. Одновременно Кельсиев поступил на службу в Российско-американскую компанию. В 1858 г. он, вместе со своей женой Варварой Тимофеевной, урожденной Щербаковой, отправился в длительную служебную командировку в один из городов Аляски. Из-за болезни жены ему пришлось задержаться в пути в английском городе Плимуте. В мае 1859 г. Кельсиев переехал в Лондон. Здесь он сблизился с Герценом и Огаревым. В ноябре того же 1859 г. Кельсиев заявил генеральному русскому консульству, что остается в Лондоне на положении политического эмигранта. Как показывал Кельсиев впоследствии, он, уезжая из России, уже был революционно настроен. И все же в решении Кельсиева остаться в Лондоне, несомненно, имелся и элемент случайности. Нечеткость его политических позиций, идейная незрелость, вероятно, являлись причиной того, что Герцен и Огарев, оба *не советовали* ему переходить на положение эмигранта («Пережитое и передуманное», стр. 311).

Высказывания, с одной стороны, Кельсиева, с другой—Герцена и Огарева, свидетельствуют о том, что между ними никогда не было полной идейной близости— ни когда Кельсиев жил в Лондоне, ни когда он поселился в Турции. Герцен постоянно отзывался о Кельсиеве в значительной степени критически. Обобщающую и, как всегда, поразительно яркую характеристику Кельсиева Герцен дал в специально посвященной ему главе «Былого и дум» (XIV, 400—410). Герцен писал там, что Кельсиев вошел в революционное движение искренне, со страстным сознанием «экономической неправды современного государственного строя» (XIV, 403), но это сознание не привело его к объективному постижению действительности; «...в скептическом ощупывании Кельсиева сохранялась какая-то примесь мистических фантазий», — писал Герцен (XIV, 401). Влечение ко всему неясному, «таинственному» обусловило его

---

* «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 265—442; далее обозначается: «Исповедь».

преимущественный интерес к историко-религиозным темам. Герцен отметил присущее Кельсиеву «темное стремление к социальным теориям» (XIV, 403).

Даже в тех областях знания, в которых Кельсиев считал себя специалистом, он, по существу, оставался дилетантом. Как писал Герцен, он «учился всему на свете и ничему не научился дотла, читал всякую всячину и надо всем ломал довольно бесплодно голову. От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрел никакой нити поведения» (XIV, 401).

В Лондоне Кельсиев прожил до осени 1862 г. Здесь окончательно определилась область политической деятельности, которая влекла к себе Кельсиева в то время, когда он примыкал к революционному лагерю. Его занимало старообрядчество и другие вероучения, подвергавшиеся гонению и, несмотря на это, довольно широко распространенные в народной среде.

Вплотную вопросами старообрядчества и сектантства Кельсиев занялся после того, как получил от Герцена документальные о них материалы. «Раз вечером, — пишет Кельсиев, — отдавая мне на пересмотр разные бумаги, он ⟨Герцен⟩ вдруг остановился и сказал: „Да постойте, вы, богослов — как он меня в шутку называл с тех пор, как я принялся за библию * — просмотрите-ка заодно и документы о раскольниках. Они у меня давно валяются, прочесть я их все не соберусь, а мне говорили, что они очень интересны ⟨...⟩ Посмотрите, может что и найдется извлечь из них для „Колокола“». И он вытащил мне огромнейший тюк рукописей, о котором он бы и не вспомнил, до сих пор, думаю, если б не шум, наделанный незадолго перед тем книгою Щапова о расколе» («Исповедь», стр. 284—285). Этот рассказ правдив; Герцен в очерке «Кельсиев», вошедшем в «Былое и думы», пишет: «Мы ⟨...⟩ передали ему кипу бумаг, полученных нами в разное время по части старообрядцев. За издание их и приведение в порядок Кельсиев принялся со страстью...» (XIV, 404). Действительно, начиная с 1860 г. и вплоть до конца 1862 г., в Лондоне вышли подряд четыре выпуска «Сборника правительственных сведений о раскольниках». Материалы «Сборника...» сохраняют до сих пор большое научно-исследовательское значение, но вводные статьи составителя (имеющиеся в первых трех выпусках), в которых выразилось понимание Кельсиевым общественно-исторического содержания преследуемых вероучений, лишены научной основы.

В понимании старообрядчества и оценке его как одной из разновидностей общественного движения Кельсиев разошелся с Герценом и Огаревым. Отношение Герцена и Огарева к старообрядчеству определялось их передовой идейной позицией — позицией материалистов-просветителей, Кельсиев же подходил к старообрядчеству с существенно иной точки зрения, без той последовательности и ясности, которыми отличались идейные руководители революционно-демократического движения. В противоположность Герцену и Огареву, усматривавшим в религиозной догматике старообрядцев лишь реакционное начало, вопреки этой правильной точке зрения, Кельсиев стал на скользкий путь иносказательного толкования религиозных догматов и поисков в них глубокого социально-революционного смысла. Это приводило его к совершенно фантастическим построениям. Недаром Герцен писал о нем: «Он был нигилист с религиозными приемами, нигилист в дьяконовском стихаре» (XIV, 401). Безмерная идеализация религиозного движения и преувеличенные представления о «мощи» старообрядчества как общественной силы отчетливо проявились в упомянутых вводных статьях Кельсиева к материалам по истории старообрядчества, изданным в Лондоне. Раскол привержен, по словам Кельсиева, «очень чистым политическим началам», которые старообрядчество «надеется рано или поздно осуществить» (вып. I, стр. XXVIII). (Кельсиев при этом оговаривал, что он не имеет в виду некоторых сект, которые, по его словам, лишь «выродки раскола».) Идеализация религиозных движений с еще большей силой давала о себе знать во вводной статье ко второму выпуску. О сторонниках некоторых сект Кельсиев писал здесь, что они «совершенные республиканцы и даже социалисты» (вып. II, стр. VI). Он сильно преувеличивал силы старообряд-

---

* Кельсиев перевел под псевдонимом «Вадим» первые книги библии с древнееврейского на русский язык. Перевод издан Н. Трюбнером в 1860 г. — *Ред.*

цев, уверяя, что «черниговские старообрядцы раз уже чуть-чуть не опрокинули императорскую Россию и теперь, в другой раз, потрясают ее своим белокриницким отцом Кириллом» (там же, стр. 6—7). Рассказывая о широте распространения старообрядчества, о крепких будто бы связях его приверженцев друг с другом и о якобы чрезвычайном могуществе заграничного центра старообрядчества «поповщинского» толка в Белой Кринице (на территории Буковины, находившейся тогда под владычеством Австрии), Кельсиев высказал мысли, которые определили его дальнейшие действия.

Вопреки многократным заявлениям Кельсиева, глубоких знаний о расколе у него не было, тщательного изучения раскола он не производил. Его наблюдения были поверхностны, крайне субъективны и, как заметил Герцен, окрашены в мистические тона. При всем том, нельзя не отметить, что интерес Кельсиева к изучению религиозно-общественных движений определялся, в первую очередь, его поисками широкой социальной опоры для развертывания революционной борьбы, страстным желанием найти революционные элементы в народе.

Укрепившись в мнении о возможности привлечения старообрядцев к революционному делу, Кельсиев весной 1862 г. (с начала марта по конец мая) нелегально, под именем турецкого купца Василия Яни, ездил в Россию. Цель поездки, по словам Герцена, состояла в том, чтобы «завести прочные связи с раскольниками» (XIV, 405). Но имелись в виду и другие цели: налаживание путей для революционно-пропагандистской работы и координация усилий русской эмиграции и революционеров в России по созданию единой революционной организации. В соответствии с этим Кельсиев виделся не только с главарями старообрядчества, как, например, с Павлом Прусским, но и с братьями А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичами и с В. И. Касаткиным.

Сведения о революционной работе Кельсиева во время его пребывания в Петербурге и Москве содержатся в пяти его письмах, отправленных в Россию с Ветошниковым вскоре после возвращения Кельсиева в Лондон и попавших, как известно, в руки правительства. Письма были адресованы А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичам, И. И. Шибаеву, Н. Ф. Петровскому, Н. М. Владимирову и О. М. Белозерскому (см. М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 29—39). Кроме того, из публикуемых выше писем Артура Бенни мы впервые узнаем, что Кельсиев, находясь в Петербурге, разработал план печатания лондонского «Колокола» в России с матриц, посылавшихся конспиративным путем, и что он принимал участие в задуманном Артуром Бенни и частично осуществленном выпуске прокламаций «Русская правда» (см. стр. 23—36). Очевидно, таким образом, что в 1862 г. Кельсиев находился в курсе главных революционных замыслов и был их активным исполнителем.

Однако и тогда, во время наибольшего подъема политической деятельности Кельсиева, сказывалось противоречие его взглядов со взглядами руководителей революционно-демократического лагеря. В основе расхождений лежали отмеченные пороки идейной позиции Кельсиева. Немалое значение имели и некоторые особенности его личности.

Кельсиев по характеру своему был мало пригоден к политической деятельности, хотя и мнил себя выдающимся стратегом и организатором. Берясь за самые разнообразные и нередко труднейшие задачи, он не доводил решения ни одной из них до конца, бросая прежнюю ради новой, более заманчивой и «грандиозной». Именно эту черту в характере Кельсиева имел в виду Добролюбов, когда писал о нем в своем дневнике «Одно, что мне в нем не нравится, это излишняя прихотливость в отношении к собственной жизни. Может быть, впрочем, что и это в нем есть следствие внутренних сил, которые ищут себе выхода и рвутся в разные стороны» (запись от 20 января 1857 г.).

Возвратившись в Лондон, Кельсиев совместно с Огаревым и Герценом работал над первыми номерами нового издания «Общее вече», но вскоре разошелся с основными редакторами. В спорах о направлении «Общего веча» явственно сказалось глубокое расхождение между Кельсиевым, с одной стороны, и Герценом и Огаревым — с другой, в вопросе о том, как включить старообрядцев в освободительную борьбу. Огарев настаивал и настоял на том, чтобы «Общее вече» выходило в качестве приложения к «Колоколу», что определяло светский характер нового журнала и его

направление. Огарев настоял также на том, что в журнале не будет места для богословской полемики между толками и сектами, что «Общее вече» будет воспитывать чувство гражданского протеста в приверженцах преследуемых вероучений и послужит их объединению для борьбы против общего врага — самодержавия.

По плану же Кельсиева, подсказанному ему заправилами старообрядчества, схоластическая богословская полемика должна была занять в «Общем вече» первое место, а статьи политического содержания — последнее, что, разумеется, совершенно исказило бы облик нового журнала как органа революционной демократии, призванного пропагандировать идеи свободомыслия и просветительства.

Смутные, в основном фантастические представления о старообрядческом движении явились отправным пунктом самостоятельной политической деятельности Кельсиева; ими, в частности, он руководствовался, предпринимая осенью 1862 г. поездку в Турцию. Кельсиев надеялся сблизиться там с выселившимися из России старообрядцами и использовать их для прочных связей с революционными элементами в России. Вместе с тем, Кельсиев в своих планах исходил из несостоятельных замыслов своеобразного «соперничества» с Герценом и Огаревым, продиктованных характерным для него тщеславием и преувеличением своих возможностей («Исповедь», стр. 289).

Сам Кельсиев об обстоятельствах и целях своей поездки в Константинополь писал следующим образом: «Тревожные ожидания, необходимость заводить новые связи и расширить наше влияние на старообрядцев, надежда заинтересовать в нашем деле липован (т. е. старообрядцев, живших за рубежом.—*П. Р.*), наконец, желание осмотреть, на что можно и на что нельзя рассчитывать, — все это, вместе с досадой на неудачный исход поездки в Россию, заставило меня ехать в Турцию и в дунайские княжества, где живет огромное множество русских, и откуда я надеялся устроить сношения с Петербургом и Москвой» («Исповедь», стр. 353).

По признанию самого Кельсиева, Герцен и Огарев старались удержать его от поездки в Турцию. «Герцен и Огарев,—писал Кельсиев в «Исповеди»,—наотрез отказали мне в разрешении ехать (...) Возражения их были те, что подобная поездка не имеет определенной цели, что если раскольникам нужно, они и сами приедут, сами попросят завести типографию с церковным шрифтом, сами заведут у себя склады» («Исповедь», стр. 288). Со своей стороны, Герцен вспоминал в «Былом и думах» об отъезде Кельсиева из Лондона: «Я писал ему длинное письмо, убеждая его не ездить, а продолжать работу. Но страсть к скитанию, желание подвига и великой судьбы, мерещившейся ему, были сильнее, и он уехал» (XIV, 406).

Что же мешало Герцену и Огареву одобрить поездку Кельсиева?

Сам по себе замысел образования опорного пункта революционной эмиграции вблизи русской границы, на прямом пути к тем местам, которые считались главными очагами прошлых и будущих народных движений, мог быть одобрен Герценом и Огаревым. Поиски новых средств для надежной и скорой доставки агитационной литературы в Россию они тоже могли приветствовать. Аресты среди революционеров в 1862 г. нарушили многие связи. Назревавшие события в Польше с каждым днем осложняли пути доставки в Россию агитационной литературы через западную границу. Скептическое отношение Герцена и Огарева к замыслам Кельсиева определялось их более трезвым взглядом на старообрядческую среду, а также их анализом сложной политической обстановки в Турции, где сильны были происки польской аристократической эмиграции. Положение дел в Константинополе требовало, чтобы лицо, представлявшее там русскую революционно-демократическую эмиграцию, обладало ясностью политической мысли, трезвостью расчета, умением быстро ориентироваться, закаленностью в борьбе, то есть именно теми качествами, которыми не обладал Кельсиев.

В Константинополе Кельсиев прожил с октября 1862 г. по декабрь 1863 г. В июле 1863 г. в Константинополь приехал его брат Иван Иванович — выдающийся молодой революционер, член «Земли и воли», бежавший в Москве из-под ареста, а 29 августа приехала из Лондона жена В. И. Кельсиева, Варвара Тимофеевна, с дочерью Малушей (Марией). Вскоре после этого, примерно во второй половине сентября, Иван Кельсиев переехал в Тульчу, куда, в начале декабря, последовали за ним и Василий Кельсиев с семьей.

Среди публикуемых писем Василия Кельсиева к Герцену и Огареву к константинопольскому периоду относятся первые три письма—от июня и июля 1863 г. Это не все письма, которые Василий Кельсиев писал в это время в Лондон: не дошли до нас письма конца 1862 г. и первой половины 1863 г. (вероятно, самые ценные для изучения

ГЕРЦЕН
Фотография, 1850-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

революционной деятельности русской эмиграции); не дошли и ответные письма Герцена и Огарева, посылавшиеся Василию Кельсиеву в Константинополь.

Письма Кельсиева 1863 г. из Константинополя показывают, что уже в это время он был охвачен сомнениями в правильности и осуществимости революционного дела. Большую роль в тяжелой истории ренегатства Кельсиева сыграло общее понижение тона общественной жизни внутри России, порожденное спадом революционной волны и временным усилением реакционного лагеря. Кельсиев преувеличивал последствия политики правительства, ставшего на путь реформ. Отрицание революции у него сопровождалось усиливающимся тяготением к славянофильству. Свойственные этому

консервативному течению, особенно публицистике Ивана Аксакова, черты псевдодемократизма облегчали постепенный переход Кельсиева, как и других людей его типа, в стан реакции.

В Тульче произошло событие, наложившее печать на всю дальнейшую жизнь Кельсиева. В июне 1864 г. от тифа умер его брат Иван. Кельсиев очень тяжело перенес эту потерю. После смерти Ивана Кельсиева распалась организованная им, вместе с братом, русская эмигрантская колония в Тульче. Молодой эмигрант, приехавший в Тульчу из Лондона по совету Герцена и Огарева, П. И. Краснопевцев, покончил с собой; многие члены колонии разъехались. В апреле 1865 г. Тульчу покинул сам Кельсиев с семьей и переехал в Галац в надежде, как он рассказывает в «Исповеди», добыть средства и переселиться обратно в Европу. Но в Галаце сильно бедствовавшего Кельсиева постигли новые несчастья: летом и осенью 1865 г. умерли, один за другим, его двое детей и жена. От этих ударов Кельсиев уже не оправился. «Жизнь вас страшно раздавила», — писал Герцен Кельсиеву (XVIII, 281). С этого момента Кельсиев впадает в то состояние отчаяния, которое способствовало и его окончательному политическому упадку.

Тульчинский период представлен в нашей публикации пятью письмами Кельсиева, относящимися к февралю, июню и июлю 1864 г.

Его последующие двухлетние скитания за границей отмечены полным отходом от революционной работы и несостоятельными попытками войти в науку. В это именно время он начал сотрудничать в русской умеренно-либеральной и реакционной прессе.

Кельсиев даже не сообщил Герцену о своем переезде из Тульчи в Галац, и первое время письма к нему из Лондона и потом из Женевы продолжали посылаться по старому адресу. Из письма Огарева от 17 октября 1865 г. мы узнаем, что Кельсиев вообще не писал лондонским друзьям после смерти брата почти полтора года. Последнее письмо Кельсиева из Тульчи датировано 25 июля 1864 г., а следующее из Галаца—только 26 октября 1865 г. Кельсиев не отзывался на настойчивые просьбы Герцена и Огарева сообщать о своих делах, он не ответил Огареву и на уведомление о смерти двоих детей Н. А. Огаревой. Помимо Герцена и Огарева к Кельсиеву обращалась и Наталья Александровна Герцен, но и она не получила ответа.

Период скитаний Василия Кельсиева (после того, как он покинул Тульчу, и до того, как он перешел русскую границу), в настоящей публикации представлен пятью письмами: тремя — из Галаца, написанными в октябре и декабре 1865 г., и двумя — из Вены, написанными в апреле и в июне 1866 г. Но, конечно, это возобновление переписки не означало возобновления политической связи с центром русской революционной эмиграции. Переписка возникла вновь при чрезвычайно тяжелых для Кельсиева обстоятельствах и вызвана была чувством крайнего одиночества. Герцен и Огарев, как и отмечал сам Кельсиев, были единственными людьми, могущими оказать ему не только материальную, но и моральную поддержку. Венские письма Кельсиева завершают сохранившуюся в «пражской коллекции» его переписку с Герценом и Огаревым; возможно, что она дальше и не продолжалась.

Уехав летом 1866 г. из Вены, Кельсиев бесцельно скитался по разным местам юго-восточной Европы: жил в Венгрии, Галиции, в ноябре 1866 г. перебрался в город Яссы.

19 мая 1867 г. Кельсиев явился в Скулянскую таможню на границе Румынии и России и добровольно отдал себя в руки царских властей, по выражению Герцена, «в качестве запрещенного товара, просящего конфискации и поступления с ним по законам» (XIV, 401). Так кончился эмигрантский период жизни Кельсиева.

В России он, после недолгого пребывания в тюрьме, получил прощение, — правительству было выгодно пребывание на свободе уже не опасного для него раскаявшегося «государственного преступника». В последующем Кельсиев жил литературным трудом, помещая в разных журналах путевые очерки и автобиографические рассказы; выпустил он также книгу воспоминаний «Пережитое и передуманное» и несколько исторических романов.

Умер Кельсиев под Петербургом в октябре 1872 г. в большой нужде.

* * *

Литературные работы Кельсиева уже давно используются исследователями в качестве источника для знакомства с жизнью и деятельностью русских революционеров за рубежом: в них запечатлены многие существенные черты той обстановки, в которой протекала деятельность русской революционной эмиграции, и прежде всего — Герцена и Огарева.

Однако известным до сих пор литературным работам Кельсиева присущ один большой недостаток: почти все они написаны в то время, когда автор уже перестал участвовать в революционной работе и сдался на милость царского правительства.

Статьи Кельсиева, напечатанные в русских журналах после его возвращения в Россию, были написаны в духе, соответствовавшем его новому положению—положению бывшего революционера, кающегося в своей прежней деятельности. Они были приноровлены к запросам и требованиям читателей консервативных или умеренно-либеральных журналов.

Естественно, что не только взгляд на пережитое, но и ретроспективное изложение самих фактов несли на себе печать новых обстоятельств жизни Кельсиева.

Особенно строгого критического подхода требует к себе «Исповедь» Кельсиева — обширный автобиографический документ, написанный Кельсиевым в III Отделении, под арестом, для шефа жандармов П. А. Шувалова. Однако для контрольной проверки этих сочинений Кельсиева, служивших и продолжающих служить немаловажным источником для выяснения фактической истории общественного движения шестидесятых годов, исследователям не хватало до сих пор материалов*. Сохранившиеся в «пражской коллекции» и впервые публикуемые ниже четырнадцать писем Кельсиева к Герцену и Огареву 1862—1866 гг. существенно восполняют этот пробел. Значение писем для критической оценки ранее опубликованных материалов велико. Правда, оно несколько уменьшается тем, что и в этих письмах Кельсиев не вполне откровенен. Он опасался, что письма могут на пути к адресатам попасть в ненадежные руки; возможно, что и не со всеми сторонами своей деятельности в Турции он хотел знакомить лондонских друзей. В письмах встречаются, например, такие замечания: «Не хочу вверять бумаге своих источников» (письмо от 29/17 июня 1866 г.); некоторые лица обозначены лишь инициалами или сокращенными именами, многие важные факты политической деятельности Кельсиева либо совсем не затронуты, либо описаны в самых общих чертах. Видимо, печальный опыт с передачей писем в Россию через Ветошникова не прошел для Кельсиева даром.

Письма Кельсиева содержат много материала для характеристики жизненных обстоятельств и процессов идейной эволюции их автора, которые привели его к глубокому моральному и политическому падению. Как всякий ренегат, Кельсиев старался найти оправдания для своей деградации. Потерю веры в революцию и свой отход от революционной работы он пытался поставить в зависимость от «объективных» исторических причин. С большим упорством нагнетая в своих письмах эти «объективные» причины, Кельсиев фактически склоняется перед силами реакции, переоценивает последствия правительственных реформ и тем самым клевещет на русский народ.

Резкие клеветнические выпады Кельсиева против прогрессивных общественных сил, против русского народа и всего славянства, так же как и восхваление им сил реакции, нельзя читать без чувства глубокого внутреннего протеста и отвращения. Вместе с тем нельзя забывать, что такая позорная эволюция от революционной деятельности к ренегатству и клевете на дело революционеров была свойственна не одному

---

* Писем Кельсиева периода его эмиграции до настоящего времени было известно немного. Назовем упомянутые пять писем Кельсиева 1862 г. к революционным и общественным деятелям в России, захваченные при аресте Ветошникова (М. К. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 29—39), письмо 1864 г. к Д. В. Аверкиеву («Русская старина», 1882, № 9, стр. 634—637) и письмо к архимандриту Кириллу («Православный собеседник», 1867, № 2, стр. 114—120). Литературные работы Кельсиева учтены в специальном «Библиографическом списке», составленном М. Клевенским («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 262—264).

Кельсиеву, а целой группе временных попутчиков освободительного движения, тем, кто входил в него лишь в годы общенародного подъема и отказывался от служения народу в период спада общественной волны. Неустойчивость таких попутчиков и их последующая измена создавали большие трудности для дела Герцена и Огарева. Поэтому изучение идейной эволюции таких людей входит как одна из составных частей в исследование обстановки революционной работы вождей демократического движения. Письма Кельсиева для такого изучения могут явиться богатым и ярким материалом.

Читатель заметит, что, заявив о своем неверии в революционное дело, Кельсиев долго еще продолжал в какой-то мере служить ему. В этом сказывалась типичная для него непоследовательность; скептицизм в теоретических вопросах довольно долго сочетался у Кельсиева с практической революционной работой. Если отрешиться от всего, что сказано в письмах Кельсиева из Константинополя и Тульчи о его субъективных взглядах и настроениях, и собрать в один фокус все, что говорится там о его практической революционной работе, то перед нами предстанет фигура активного участника революционной борьбы, непосредственно связанного с Герценом и Огаревым, чья работа в 1862—1864 гг. в какой-то части еще входила как органическое звено в общее дело русских революционеров. Не скептические рассуждения Кельсиева, а имеющие объективное историческое значение факты его участия в выполнении коллективных революционных замыслов определяют главную ценность его писем из Турции.

Из первых же писем мы узнаем, например, что Кельсиев в Турции хлопотал о распространении революционных изданий Герцена, в частности — через посредство старообрядцев. В одном из писем Кельсиев говорит о «массе листов», пущенных в ход в Волыни через О. С. Гончарова. Мы узнаем также о его попытке отправить воззвания в Одессу для широкого распространения по России.

К сожалению, в «пражской коллекции» не сохранилось одно из первых писем Кельсиева от ноября 1862 г., отправленное из Константинополя. Это важное письмо являлось своего рода отчетом Кельсиева о том, что́ ему удалось сделать, и содержало план дальнейшей деятельности. Но случайно кое-какие данные о содержании этого письма сохранились. 10 ноября 1862 г. Бакунин, анализируя содержащийся в письме Кельсиева план, сообщал Герцену: «Письмо Кельсиева я прочел, и оно совсем помирило меня с ним ⟨...⟩ Раскрыть во что бы то ни стало широкие и постоянные сообщения с Россиею стало делом первой и ближайшей необходимости ⟨...⟩ Время есть сила, которую терять непростительно ⟨...⟩ Я рад, что вы решились, наконец, послать Бакста в северную Германию, и предлагаю вам послать *Жуковского* на восток, отчасти на помощь Кельсиеву, отчасти и преимущественно с самостоятельным поручением ⟨...⟩ Вы видите из письма Кельсиева и, вероятно, догадывались прежде, что для нас на востоке плодовитого дела тьма,— как политического, так и коммерческого,— и что оба тесно между собою связаны. Пропаганда на староверов в Турции и в Австрии и через них на Россию, устройство складочного места и правильной торговли через Константинополь и Галац на Одессу, устройство правильной пропаганды через Кавказ на войско кавказское и далее на Дон — и я прибавлю еще, устройство правильной торговой пропаганды через армян на Тифлис и на Волгу даже до Нижнего-Новгорода. На все это, при всей ревности Кельсиева, его одного не станет» («Письма М. А. Бакунина к Герцену и Огареву». Женева, 1896, стр. 90—91. Уточнено по автографу, хранящемуся в «пражской коллекции»).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что письма Кельсиева к Герцену и Огареву вплоть до конца 1862 г. были посвящены, главным образом, вопросам продолжения революционной пропаганды, а также транспорту и сбыту лондонских изданий в России. Активное участие Кельсиева в делах революционной пропаганды в этот период не вызывает сомнений. Но и позднее, уже после начала польского восстания, в самый напряженный момент деятельности «Земли и воли», т. е. в феврале—мае 1863 г., Кельсиев участвовал в осуществлении планов общества.

Из писем мы не получаем также сведений о наиболее значительном эпизоде его практической революционной деятельности этого периода — о составлении им

прокламации «Слушная пора приходит» *. Эта прокламация, датированная 19 февраля 1863 г., была издана Кельсиевым литографским способом в виде отдельного листа, а затем перепечатана в «Общем вече» в № 12 от 8 марта 1863 г. (автотипическое воспроизведение прокламации см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 323; публикацию текста см. XVI, 105).

Тот экземпляр прокламации, с которого была сделана перепечатка в «Общем вече», сохранился в «пражской коллекции»; на нем рукою Огарева написано отсутствующее в оригинале название — «От старообрядцев народу русскому послание» и приписка, воспроизведенная в журнале: «Сейчас получили листок, оттиснутый старообрядцами, и перепечатываем его гражданской печатью, к сожалению, не имея церковных букв. Заглавие придумано нами. В оригинале только восьмиконечный крест. С радостию и упованием видим мы, как земская мысль растет в старообрядчестве. Мы ручаемся за то, что между старообрядцами, издателями этого листа, и старообрядцем, поместившим у нас свои три письма, нет никаких сношений, а между тем стремления совпадают. Видно время пришло».

В «Исповеди» Кельсиев упоминает очень глухо и нарочито небрежно о составлении им революционной прокламации. Стремясь создать впечатление, что это его самое значительное революционное дело не имело серьезных реальных последствий, Кельсиев сообщает, что чуть ли не все экземпляры прокламации будто бы «пошли на самовар». В действительности это было не так. Из писем Кельсиева мы узнаем о том, что он сам предпринимал меры для распространения революционной литературы на юге России; нет сомнения, что среди этой литературы была и собственная прокламация Кельсиева.

Политическая деятельность Кельсиева в Турции, судя по его письмам, не ограничивалась тем, что он составлял прокламации и распространял революционную литературу. Он сообщал Герцену и Огареву о сборе среди старообрядцев материалов для «Общего веча», информировал о чинимых правительством притеснениях, о присылке старообрядцами денег в фонд помощи революционерам.

Вел он среди старообрядцев и пропаганду, посвящая их в основные пункты революционной программы общества «Земля и воля». Так, например, он пытался привлечь к движению известного добруджского старообрядца Ф. С. Гончарова (Гончара), о котором см. выше, на стр. 70—78 настоящего тома. Кельсиеву казалось, что это ему удалось и что Гончаров сделался сторонником Герцена; он считал это своей большой победой, так как Гончаров, по его тогдашнему мнению, имел на старообрядцев «страшное влияние». Однако Кельсиев безмерно преувеличивал влияние Гончарова на старообрядческую массу. Ему казалось в это время, что Гончаров усвоил все основные пункты программы революционной демократии: лозунги Земского собора и «Золотой воли». Совсем иную, гораздо более правильную характеристику Гончарова дал Герцен на основе впечатлений от кратковременного общения с ним в Лондоне (XIV, 407—409). В ней он отметил чрезвычайную узость взглядов и беспринципность этого видного деятеля старообрядчества.

Наконец в плане той же практической революционной деятельности Кельсиев собирал из разных источников, в том числе от крестьян — выходцев из Новороссии, сведения о крестьянских движениях в России.

В «Исповеди» Кельсиев уверял шефа жандармов, что он будто бы еще в Константинополе, перед отъездом в Тульчу, навсегда распрощался с политической деятельностью и окончательно разочаровался в революционных замыслах. Соответственно этому утверждению описывались им дела и настроения в Тульче: они с братом и женой будто бы мечтали лишь о развитии просвещения в Добрудже, об устройстве там гимназии, о введении правильного пчеловодства, садоводства и т. д. «Легко было нам на душе, рады мы были нашему удалению от политических бурь, будущность была светла...»,—

* Первое слово прокламации не может считаться точно установленным. В литографированном первоначальном тексте написано: «Случная пора» от слова «случай». В печатном же тексте «Общего веча» (№ 12) читаем: «Слушная пора» (от «слух» в смысле, «сигнал»). Это выражение жило в народе и часто употреблялось в революционных прокламациях шестидесятых годов.

писал Кельсиев в «Исповеди» (стр. 380). Здесь, как и при описании жизни в Константинополе, Кельсиев, несомненно, не говорил всей правды.

В противоречии с этими показаниями «Исповеди» публикуемые письма содержат ряд фактов, свидетельствующих, что и в тульчинский период революционные настроения еще не вполне выветрились у Кельсиева. Настроением подъема проникнуто, например, первое из дошедших до нас тульчинских писем — письмо от 23 февраля 1864 г. Здесь встречаются фразы, которые резко противоречат предыдущим заверениям: «Сил у нас гибель и надежд много: пусть идут к нам товарищи». Организуемую им с братом эмигрантскую колонию Кельсиев называет «революционным консульством в Тульче». Даже в письмах из Галаца, почти накануне сдачи царским властям, позиция Кельсиева не вполне устойчива. Уже заявив в письмах о своем отходе от революционного дела, он, вслед за тем, соглашается на предложение Герцена распространять русские заграничные издания, в том числе «Колокол».

Для дела Герцена и Огарева в эти критические годы спада массового движения в России и резкого усиления реакции даже и такой неустойчивый человек, как Кельсиев, представлял собой какую-то ценность. Как видно из нескольких дошедших до нас писем Герцена и Огарева к Кельсиеву *, они не переставали заботиться о нем, как о человеке, попавшем в тяжелые условия жизни: отправляли ему литературу и деньги, убеждали Кельсиева не делать скороспелых заключений, не предаваться пессимизму. Они старались вдохнуть в Кельсиева бодрость, приобщить его к полезной для общего дела работе.

В то же время ответственное представительство русской революционно-демократической эмиграции на готовящемся Славянском съезде в 1864 г. Герцен и Огарев поручают не Василию Кельсиеву, а его брату Ивану — одному из лучших представителей молодого поколения революционеров (см. о нем специальную публикацию в этом томе).

Письма Кельсиева содержат ценный материал для изучения одной из малоосвещенных сторон революционной практики 1860-х годов — попыток отдельных революционеров привлечь на свою сторону главарей старообрядчества. Конечно, попытки эти были обречены на неудачу. Старообрядцы не являлись революционной силой: буржуазные элементы, получившие в их среде значительное развитие, характеризовались отсутствием революционности, типичным для всей русской буржуазии. Однако это важнейшее обстоятельство долгое время не сознавалось даже руководителями русской революционной борьбы в конце 1850 — начале 1860-х годов. Надеясь найти старообрядцах наиболее активные антифеодальные элементы русского народа, рассчитывая на особую решительность старообрядцев в будто бы «привычной» для них борьбе с царизмом, революционеры-демократы ошибочно представляли себе старообрядчество однородной «патриархальной» средой, не учитывая глубокой классовой дифференциации, которая в пору кризиса феодально-крепостной формации привела к резким внутренним расхождениям в этой среде. Расчеты на революционность старообрядчества не оправдались, и обращение к старообрядческой среде, естественно, не увенчалось успехом.

Кельсиев был одним из тех немногих практиков революционного движения, которые упорно и долго пытались осуществить контакт со старообрядцами в целях развертывания освободительной борьбы в самих народных массах. В публикуемых письмах достаточно полно зафиксирован опыт работы Кельсиева со старообрядцами из зарубежных русских поселений. Опыт этот, несмотря на длительные и упорные старания Кельсиева, оказался неудачным, да он и не мог оказаться иным.

Подобно другим представителям радикально-демократической интеллигенции, увлекавшимся поисками революционных элементов в старообрядческой среде, Кельсиев, по существу, не знал этой среды, не понимал общественного и идейного содержания старообрядчества. Одним из результатов этого незнания явилось то, что косная среда

---

* Письма Герцена см. в Полн. собр. соч., под ред. Лемке; письма Огарева — в «Русской старине», 1889, кн. 1, стр. 84—90 (о неточностях этой публикации см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 913). Подлинники писем Герцена и Огарева хранятся в ИРЛИ.

приверженцев «старой веры» оказала отрицательное влияние на самого Кельсиева. Быт оторванных от своего народа русских поселян-старообрядцев в Добрудже отличался крайней отсталостью; замедленное хозяйственное развитие сочеталось у них с низкой культурой и чрезвычайной забитостью. Многочисленные старообрядческие монастыри, распространявшие свою реакционную идеологию в русских поселениях Добруджи, отдавали массу рядовых крестьян в полное материальное и духовное порабощение местной буржуазии и местному начальству, соединявшему в себе власть административную с властью церковной..

Свои впечатления от быта русских старообрядческих поселений за рубежом Кельсиев без всяких оснований переносил на весь русский народ, на всю Россию. Такие представители культурно отсталой, реакционной по своим взглядам буржуазно-эксплуататорской прослойки, каким был О. С. Гончаров и ему подобные, казались Кельсиеву типичными представителями народа. На этой предпосылке и были основаны его клеветнические суждения о русском крестьянстве, встречающиеся в публикуемых письмах.

Старообрядческое движение в середине XIX в. переживало полосу глубокого кризиса. Расхождение между буржуазной верхушкой старообрядчества и рядовой массой его приверженцев, состоявшей, главным образом, из крестьян, в то время чрезвычайно усилилось. Развалу старообрядческого движения способствовали также постоянные распри отдельных иерархов, поддерживаемых конкурирующими между собой группами русской буржуазии. С наибольшей отчетливостью развал старообрядческого движения был виден в «поповщине», а с «поповщиной» Кельсиев соприкасался ближе всего. В руководящей части этого толка крупная буржуазия была представлена особенно широко, оказывая на главные центры старообрядческой церковной организации безраздельное и решающее влияние. В период буржуазных реформ, последовавших за первой революционной ситуацией, русская буржуазия стремилась устранить все, что осложняло ее отношения с дворянским правительством. Это стремление отражалось и в политике заправил старообрядчества: в обращениях к царскому правительству они спешили заверить его в своей преданности самодержавию. В шестидесятых годах многие старообрядцы открыто переходили в стан реакции, в том числе и те, кто в годы революционной ситуации в какой-то мере соприкасались с освободительным движением.

Внутреннее разложение старообрядчества с особой отчетливостью сказалось в том, что его заграничный центр потерял влияние в России. Между московскими старообрядцами и белокриницким митрополитом Кириллом произошел острый конфликт. Этому конфликту Кельсиев уделяет довольно много места в своих письмах Герцену и Огареву. Московское старообрядчество прежде всего перестало поддерживать белокриницкого митрополита потому, что не желало вступать в столкновения с властями из-за «недозволенных» сношений с заграничным центром. Немалое значение имело тут и нежелание московского купечества отдавать свои средства на поддержание этого центра. Денежные домогательства белокриницкого митрополита раздражали москвичей. Герцен и Огарев ясно видели, в какой степени главари старообрядчества далеки от народа, зависимы от буржуазии, консервативны и беспринципны.

Сам по себе конфликт между белокриницким митрополитом Кириллом и московским епископом Антонием Огарев рассматривал как результат провокации со стороны русского правительства, для которого эта борьба, ослаблявшая старообрядческое движение в целом, была выгодна. Однако в своих статьях в «Общем вече» Огарев осуждал поведение москвичей. Он полагал, что независимо от тех или других черт личности неудачливого митрополита Кирилла, само по себе существование старообрядческого центра за рубежом, где он недосягаем для правящих в России властей, — важное условие сохранения оппозиционности старообрядчества. По мнению Огарева, если центр старообрядчества и следует организовать в Москве, то только втайне от властей.

Кельсиев не смог найти правильной линии поведения по отношению к старообрядцам. Обращаясь к их различным деятелям, к архидиакону Филарету Захарóвичу, Осипу Гончарову и другим, Кельсиев терпел неудачу за неудачей. Обещая вначале содействие, они затем обнаруживали свою неспособность или нежелание заниматься политическими вопросами, а некоторые, используя возможность выслужиться перед

царским правительством и пользуясь доверчивостью Кельсиева, секретно осведомляли агентов русского правительства о замыслах революционеров.

Как уже говорилось выше, взгляды Кельсиева на старообрядчество существенно отличались от взглядов Герцена и Огарева. Соответственно различна была и их реакция на неудачи попыток привлечь старообрядцев к революционному делу. Свободный от тех неоправданных увлечений, которыми вначале был полон Кельсиев, Герцен отнесся спокойно к этим неудачам. Он писал Кельсиеву 13 декабря 1865 г.: «Что раскольники оказались демосоками на свой манер, а не на ваш, это еще не беда. В отношениях неверующих к фанатикам всегда бывает хромая нога» (XVIII, 281).

Значительное место в письмах Кельсиева занимают сообщения о деятельности польской аристократической эмиграции в Турции. Этой теме Кельсиев уделил много внимания и в «Исповеди» и не раз освещал ее в журнальных статьях, напечатанных в России (см. особенно: «Польские агенты в Царьграде» в журнале «Русский вестник», 1869, № 6, 9, 11, 1870, № 1 и «Из быта польских эмигрантов» в журнале «Всемирный труд», 1869, № 1). По вполне понятной причине освещение деятельности польских эмигрантов в письмах Кельсиева к Герцену и Огареву существенно отличается от сказанного им в статьях для журналов, рассчитанных на читателя из среды буржуазно-дворянской интеллигенции. В письмах отрицательное отношение к польским эмигрантам-аристократам в Турции, с которыми имел дело Кельсиев, таким, как завсегдатай английского и французского посольств Владислав Иордан, Владислав Замойский, Витольд Чарторыйский и другие, обусловлено закономерной неудачей попыток привлечь их к активному участию в подготовке революции в России, а в публицистике рассказ об этих попытках, естественно, отодвигался на второй план.

Трения с польской аристократией возникали и по иному поводу. Во время своего пребывания в Турции Кельсиев пытался организовать революционную агитацию среди горцев Кавказа, ведших войну с Россией, распространяя между ними герценовские издания. Для этого предполагалось использовать польских эмигрантов, находившихся на Кавказе. Эти неудавшиеся замыслы Кельсиева явились результатом его неумения анализировать обстановку и находить правильную линию поведения: подвизавшиеся на Кавказе отдельные поляки-авантюристы являлись агентами Англии и Франции. Кельсиев постепенно осознал авантюристский, глубоко антинародный характер происков польской аристократической эмиграции на Кавказе (вместе с нею действовала и черкесская эмиграция в Турции, состоявшая преимущественно из феодальной и родовой верхушки). В поздних статьях Кельсиева можно найти ценный фактический материал, показывающий, как эта монархически-дворянская эмиграция предавала интересы народа. Отдав себя в услужение английским и французским правящим кругам, подчиняясь их колонизаторским вожделениям, эмигранты-аристократы раздували братоубийственную вражду между народами, выдавая ее за освободительное движение (см., например, «Польские агенты в Царьграде». — «Русский вестник», 1869, № 6, стр. 521). Осознав это, Кельсиев все же не понял до конца главного: прочное соединение народов Кавказа с русским народом в одном государстве отвечало исконному тяготению этих народов к великому русскому народу и прогрессивно сказывалось на их внутренней жизни; если бы не объединение с Россией, народы Кавказа были бы поглощены отсталой Турцией и попали бы в рабство к английским и французским колонизаторам.

Таковы главные темы публикуемых писем Кельсиева. Современный читатель сумеет правильно отнестись к заключенным в них реакционным и клеветническим оценкам русского революционного движения. Временный спад этого движения, во время которого и были написаны публикуемые письма, на рубеже 1870—1880-х гг., сменился новым мощным подъемом, второй революционной ситуацией; сам уже этот факт непосредственно опровергает реакционные «прогнозы» Кельсиева,—в этих же письмах читатель найдет и отражение тех существенных элементов внешней обстановки деятельности Герцена и Огарева, без учета которых эта деятельность не может быть правильно понята.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 83 и 152).

1

(Лондон.) Пятница, 18 июля 1862

Милостивый государь
Александр Иванович,

Я не знаю, чем вас смутила эта критика Мартьянова, чрезвычайно странная по тону и показывающая его полное незнание старообрядческих отношений [1]. Ради бога, напишите, когда вас, хоть завтра или в воскресенье, можно будет застать дома в случае, что я не застану вас сегодня.

В. Кельсиев

P. S. Вот несколько замечаний:

Человеку, твердящему, что надо вырезать всех дворян, нечего толковать о *сеянии раздора* в семье русского народа. Где я сею этот раздор? Чем я обидел единоверцев? Какие нечестные меры принял я, чтобы «подслужиться» какому-нибудь согласию?

Особые меры для поддержания и расширения единоверия состоят в отдаче единоверцам икон, моленных, богаделен старообрядческих, в дозволении старообрядцам делаться единоверцами и в запрещении единоверцам выходить в старообрядчество. Сколько человек пошли в Сибирь и на Кавказ вследствие желания правительства расширить единоверие. Этим единоверие *опозорено* в глазах народа, и от этого оно *падает*, что говорит сам Сопелкин, один из главных столпов единоверия. Что я не имею ничего против честного и искреннего единоверия — доказательство, что я объявил об издании «Слова единоверца к православному»[2], и я не знаю, какой искренний единоверец не согласится с моими замечаниями, напечатанными в «Общем вече».

Тон Мартьянова неприличен, как неприлично и то, что он послал это письмо к вам, а не ко мне. И что это значит, что «льстить одному согласию могут только эгоисты и интриганы из *личных* выгод»? и что значат вообще разного рода незаслуженные намеки? Я не имею фактов, но оставляю за собой право думать, что Мартьяновым руководило личное чувство против меня и оскорбленное самолюбие, что с народом говорит человек не из народа, т. е. Кельсиев, а не Мартьянов.

В. К.

[1] Во время непродолжительной работы Кельсиева в «Общем вече» у него возник острый конфликт с одним из сотрудников герценовских изданий — Петром Алексеевичем Мартьяновым (о котором см. на стр. 138 настоящего тома). Об этом инциденте Кельсиев не раз рассказывал на страницах своих автобиографических сочинений (например: «Исповедь», стр. 293—295, 343; «Из рассказов об эмигрантах» в журнале «Заря», 1869, № 2, — здесь П. А. Мартьянов выведен под фамилией П. А. Артемьева). Однако нигде Кельсиев сколько-нибудь точно не передал самого существа конфликта: ему не хотелось после возвращения из эмиграции лишний раз напоминать, что он когда-то стоял на радикальных позициях. Как раз в этом эпизоде правда была на стороне Кельсиева, и публикуемое здесь письмо его, датированное 18 июля 1862 г., позволяет уяснить подлинное содержание конфликта. Конфликт произошел из-за статьи, помещенной в первом номере «Общего веча» и озаглавленной «Донос иже по делам веры фискальствующего купца Сопелкина». В статье полностью воспроизводилась «Записка», составленная в сентябре 1861 г. для Министерства внутренних дел крупным московским купцом-старообрядцем, перешедшим в 1854 г. в единоверие, В. А. Сопелкиным. Сопелкин многочисленными статьями, помещавшимися в реакционной печати и переполненными клеветой на прежних одноверцев, усердно служил господствующей церкви и жандармам. «Записка» же, опубликованная в «Общем вече», показала всем, что Сопелкин не брезговал и тайными доносами в полицию. Разоблачение Сопелкина как одного из видных представителей единоверия—главного орудия реакции в борьбе против свободы религии—имело большое общественное значение. Публикуя «Записки» Сопелкина, Кельсиев снабдил документ остро критическими примечаниями (они подписаны инициалами: «В. К.»); эти примечания и вызвали резкие возражения со стороны Мартьянова; повидимому, более всего задели Мартьянова следующие слова примечаний: «Как же это не понимать, что единоверие падает именно оттого, что его поддерживает правительство, и что всякое согласие может усиливаться только когда ему не на кого другого рассчитывать

кроме как на свои собственные силы». «Сколько пошло в Сибирь и на Кавказ, чтоб порадовать благочестивое царское сердце», — писал в другом месте своих комментариев Кельсиев.—«Да оттого-то и падает и позорится единоверие, что правительство то и дело принимает особые меры для его поддержания» («Общее вече», № 1, стр. 6—8).

Мартьянов справедливо почувствовал в словах Кельсиева осуждение теории «единения народа» с «земским царем», во власти которой он целиком находился. Антимонархический характер примечаний, сделанных Кельсиевым, был неприемлем для Мартьянова, в идеологии и чувствах которого сочетались самые резкие антидворянские настроения с наивной крестьянской верой в «хорошего царя».

Прочитав только что вышедший номер «Общего веча» (датирован 15 июля, но был отпечатан, повидимому, несколькими днями раньше), Мартьянов сделал на полях газеты ряд критических замечаний и послал этот экземпляр Герцену в сопровождении следующего письма:

Милостивый государь
Александр Иванович!

Я не *люблю* вмешиваться там, где меня не спрашивают. Но некоторые вещи в «Вече» так близко коснулись сердца, что тотчас же сделал заметки, и весь номер посылаю к вам. Покажите Николаю Платоновичу и Кельсиеву. Я буду рад, если я ошибаюсь, хоть бы после пришлось выслушать: «Как же этого не понимать?». Но шутки в сторону, ей-ей мне кажется мерзким такой образ действия — как можно ни за что, ни про что оскорблять несколько миллионов единоверцев, тыкая им беспрестанно в глаза поддержкой правительства?

Неужели все то погано, что не теснится правительством? все то подлежит оскорблению?

По моему мнению, не беда попасть темной ночью в незнакомую местность, если человек пойдет ощупью; а если ни с того ни с сего вообразит, что он знает очень хорошо, что́ кругом его находится, и пойдет во всю прыть, то или себе нос разобьет, или кругом себя бед наделает...

Ваш покорный слуга
П. Мартьянов

17 июля 62
London

Герцен переслал письмо Мартьянова и его критические заметки Кельсиеву — очевидно, в сопровождении своей записки, которая не сохранилась. Публикуемое письмо является ответом Кельсиева Герцену по этому поводу.

На следующий день, 19 июля, Герцен переслал все эти материалы Огареву, жившему в это время в окрестностях Лондона (XV, 359). Как отнесся Огарев к существу возникшего спора, сведений нет, но известно, что он счел нужным указать Кельсиеву на необоснованность его недовольства тем, что замечания и письмо Мартьянова были сообщены не ему, Кельсиеву, а Герцену и Огареву. Об этом свидетельствует следующая надпись, сделанная Огаревым на обороте приведенного выше письма: «*Разумеется, ни заметки на „Вече", ни это письмо—не секрет ни для кого, Василий Иванович, не худо раздумать об этом*».

[2] В конце первого номера «Общего веча», в сообщении «Еще от издателей» (стр. 8), содержалось уведомление о том, что в ближайшее время в числе других книг, предназначенных для старообрядцев, выйдет в свет книга под названием «Слово единоверца православному». Насколько известно, это издание в печати не появилось.

2

Четверг $\frac{11 \text{ июня}}{30 \text{ мая}}$ 1863. Константинополь

С пароходом, который повезет это письмо, отправляется в Марсель Осип Семенович Гончаров [1]. Он будет в Париже, а по всей вероятности и в Лондоне; по крайней мере, я надеюсь, что убедил его предпринять это путешествие именно для свидания с вами. В Париже он побывает у А. Замойского [2], у Калинки [3], у Коссиловского[4] — хорошо бы вам было написать им, чтоб и они натолкнули его на поездку к вам. От свидания его с вами я жду огромных результатов. Я его подготовил к пониманию наших вопросов, сколько мог, т. е. из последователя польских идей сделал его приверженцем земского собора, «золотой воли» [5] и т. п. Эти идеи для него новы, но он начинает их понимать и начинает им сочувствовать,— свидание с вами довершит мою работу, что будет чрезвычайно выгодно

для общества «Земли и воли». Надо слышать отзывы об нем старообрядцев, чтобы оценить его страшное влияние. Без него не обходится ни один собор, ни один богословский или житейский вопрос. Если он примкнет к обществу, все передовые люди примкнут к нему. Вы сами увидите его — и, поговоривши с ним, поймете эту личность. Но вот вам на всякий случай мои наблюдения, которые могут вам пригодиться. Гончар — ум по преимуществу практический, мало склонный к абстракциям; разговор с ним об исполнении чего-нибудь легче, чем рассуждение о годности или негодности каких-нибудь учреждений. Он взялся распространять ваши

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ПЕРА, ЛЕСТНИЦА ЮКСЕК-КАЛДЫРЫМ

Фотография, конец 1880-х гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

издания, не спрашивая, что́ вы проповедуете, и если в чем недоволен на вас, так это, что вы не высылали ему книг и журналов для продажи. Сегодня он вздумал расспрашивать меня о Долгоруком[6] и о Бакунине — я рассказал ему, в чем мы не сходимся с ними. Гончар выслушал внимательно и заключил сожалением, что умные люди не могут сойтись. Словом, это мешок — что положишь, то и несет, и в этом отношении он человек весьма драгоценный. Ему надо задать работу, предоставив подробности исполнения на его собственный произвол, — и он исполнит отлично.

Польское влияние на него теперь прекратилось, как вы и сами увидите; кроме нашего, другого нет да и не предвидится, — стало, надо ковать железо, пока горячо, тем более, что поповцы считают его каким-то

Маццини[7], политических дел мастером, и без его совета едва ли решатся на какой шаг, особенно заграничные. Одна Москва не совсем зависима от его влияния, что для нас очень невыгодно, так как в настоящее время во всех политических и сектаторских согласиях является стремление выйти из-под влияния заграничных деятелей. Это я уже замечаю на нашей молодежи, по ее отзывам о «Колоколе» и по *нежеланию* покупать заграничные издания; и по тому, что вам расскажет Гончар, вы увидите, что то же самое происходит и в их быту — спросите его, что случилось с белокриницким митрополитом Кириллой [8]. Но несмотря на это возбуждение деятельности и самостоятельности в России, значение Гончара все-таки остается огромным и почти равняется вашему. Обстоятельство это Гончар знает и очень благоговеет перед собой — выслушайте его рассказы, и вы увидите, как он смотрит на самого себя. Грешный человек, признаюсь, я пользовался и пользуюсь этой слабой струною старика и наигрываю на ней с большим успехом. Я с участием выслушиваю его жалобы, не спорю с ним ни в чем, не пускаюсь в противоречия, а между тем до сих пор делал и делаю из него все, что нужно. Приобретению его для нашего дела я придаю огромную важность и именно поэтому очень бы желал, чтоб он съездил к вам. Но не забудьте, что здесь, в Турции, существует в неприкосновенности старое гостеприимство, что поляки Замойский и Чарторыйские [9] избаловали его своей дружбой, что Гончар ищет связей с важными и влиятельными людьми. Познакомьте его с стариком Маццини, с m-me Швабе [10]; если можно покажите его, как диковину, Кобдену [11], Мильн-Эдвардсу [12], Стансфельду [13] и кому знаете; он любит рисоваться. Я вперед уверен, что он выйдет от вас совершенно очарованный вами, т. е. исполнителем каждого вашего предписания, и будет хвастаться знакомством с вами, как до сих пор хвастался Замойским и Чарторыйским; и если я вам указываю, чем бы вы могли окончательно завоевать его, то это только как роскошь ваших действий относительно его. Хитер и осторожен он свыше всякой меры, но ласковое слово имеет на него неотразимое влияние, и под его влиянием он становится и доверчив, и откровенен. Этот раз он приехал сюда сердитый на меня, с целью намылить мне голову за Разноцветова [14], но теперь мы помирились, и он опять поверяет мне свои секреты. О Поликарпе [15] ему ни слова. Я вижу, что он знает об нем, потому что он мне каждый раз задает об нем вопросы, но я ему нарочно не говорю ничего, чтобы он понял, что и я с ним хитрю, чтобы доставить ему удовольствие подумать, что его не проведут. О способе моей пропаганды он сам расскажет: я ничего ни ему, ни другим не проповедую во имя общих идей, во имя разума — я допрашиваю его об старине, об их порядках, выпытываю, что ему особенно нравится в наших народных учреждениях, и затем, осмысливая ему эти порядки и учреждения, возвожу их в принцип и даю как догмат. Эта система действует довольно удачно и имеет то преимущество, что народу кажется она своею, простою, божескою. Я испытал эту систему на Гончаре и на многих других, словесно и письменно. (Заметьте, что Гончару я почти не открываю моих связей, хотя и знаю, что ему все будет известно, что мимо его ничто не пройдет — своим мнимым недоверием я завоевываю его.)

Вообще, мне кажется, что его приезд и его личность должны сильно заинтересовать вас. Он вам откроет совершенно новый и любопытный мир идей и быта и освежит вас.

От личности Гончара перехожу к своей собственной. Я долго не писал вам, потому что все около меня крушилось и рушилось; были минуты, когда казалось, что все потеряно и что ни до чего не добьешься. Боюсь, что письмо затянется, но все-таки расскажу, что я пережил.

1) Пуще всего подкосило меня польское хвастовство об их здешнем значении и влиянии. Знай я вперед, что это влияние существует только

в их воображении, я не осмелился бы рассчитывать, что вилковское дело кончится скоро [16]. Иордан [17] и К° уверили меня, что все в их руках, а на деле оказалось, что они даже шагу не ступят, чтоб что-нибудь сделать, а если и ступят, то это не имеет ни на кого влияния. Веря им, я долго был слеп, и долго не хотелось мне разубеждаться; когда я должен был, наконец, понять их ничтожество, я взялся сам за дело и растолкал его так, что оно задвигалось и движется быстро. Я втерся теперь всюду, завален работой по горло, но с тем вместе должен был потребовать платы за свой труд, и об этом у меня идут теперь переговоры с вилковцами, которые и подходят к концу. Все это не совсем приятно.

2) Вы знаете, что они натрубили и мне и вам о своих связях на Кавказе. Поручить черкесам *продажу* ваших изданий, кажется, нельзя, потому что они и чересчур дики и не имеют обычая платить деньги: торговля у них дело неизвестное [18] — так, по крайней мере, говорит Иордан. Я ничего не знаю, потому что он порвал все мои сношения с черкесами, так как им преступно и подло было бы сноситься с врагом всего благородного и человеческого — с москалем. Не подумайте, что я преувеличиваю, и не сомневайтесь, что он умнейший и благороднейший и развитейший человек изо всей здешней эмиграции. Дело распространения изданий и прокламаций он все-таки не оставил, а взял его на себя — я не имел причины спорить с ним: шло бы дело, а я ли, другой ли будет работать — разницы нет. Дело и шло. Жил у него агент на Кавказе, 18-летний мальчик, беглый прапорщик Козерадзский [19]— человек, которого даже я, при всей моей снисходительности, не пустил бы к себе в дом — смесь Трубецкого [20] с Эберманом [21], с примесью низкопоклонства padam do nog *. Этот несчастный был послан в горы агентом для распространения «Колокола» и для подания черкесам советов в образовании их правительства! Черкесы приняли его превосходно, даже слушались его, возили его как посланника из аула в аул. Козерадзский торжествовал и писал Иордану трогательнейшие письма, в которых называл его отцом и благодетелем, — одним словом, все шло отлично, но, на беду для нашей пропаганды, посланный стал входить в конфуз: сапоги у него плохи, зрительной трубы нет, пистолетов нет и т. п., и вот, не предуведомляя Иордана, он решил съездить в Константинополь запастись всей этой важностью здесь (на счет эмиграции) и воротиться во всем величии в горы. Иордан взбесился, увидав его, но решился снова отправить, разумеется без зрительных труб; на этой вторичной отправке настаивал в особенности я, потому что нужно же было иметь там хоть простого приказчика. Козерадзский отправился, доехал до Трапезунда — и воротился. Почему он воротился, несмотря на все его подробные рассказы, я не понимаю. Не то у него денег не хватило, не то рекомендательные письма не подействовали, не то шанкр в горле — словом, на Кавказе нет более посланника, и все дело остановилось. Козерадзский теперь, кажется, уже в Польше или где-нибудь в Молдавии. На счастие, дело теперь как будто поправляется. На прошлой неделе три ссыльных поляка и один русский чиновник, замешанный в одном ребяческом политическом деле, бежали сюда из Саратова [22]. Двое из них отправляются на Кавказ, но я еще не ручаюсь, что им разрешат заняться «Колоколом», хотя они весьма охотно взялись бы за это дело. Поляки здешние, т. е. Иордан, объявили мне на-днях, что так как мы не свергаем до сих пор Александра Николаевича с престола за его зверства в Польше и так как мы не приносили покаяния, так как мы окончательно оказываемся не людьми, а смесью обезьяны с гиеною и т. д., то все должно быть порвано с нами, что благородные люди не должны вмешиваться в дела подобных существ... Третьего дня он отказался переправить для меня

* припадаю к ногам (польск. — формула приветствия).

несколько прокламаций в Одессу, объясняя, что это уже не нужно *для поляков*,— и все это делается у нас при самых вежливых отношениях и при личном уважении ко мне и к вам. Если бы мне кто за год сказал, что подобные вещи возможны, — я назвал бы того или сумасшедшим, или клеветником, а теперь я только удивляюсь, и, не сердясь и не обижаясь, занимаюсь наблюдениями надо всеми этими выходками, как Александр Александрович над своими медузами [23]. Но я, положим, поставил своей специальностью изучение всяких сект и умопомрачений — а если то же самое творилось и творится в Польше над нашими войсками? Кого судить тут и как судить? Разве страсти или кислоты и щелочи подлежат суду? Тут надо отстраниться и остаться зрителем, потому что вашего голоса не услышат, а если и услышат, то не послушают. Впрочем, отправляющиеся на Кавказ — люди толковые и не фанатики; я думаю, они сами настоят на распространении там «Колокола», и имею причины это думать.

3) С Гончаром чуть не вышло у меня раздора, т. е. я чуть не потерял его уважения, вследствие одного случая, которым я, впрочем, в глубине души весьма доволен. Не с кем было мне послать в Тульчу огромную пачку прокламаций, «Колокола» и письма: в подобных случаях я обыкновенно обращался к Иордану, а он отдавал посылки какому-нибудь поляку, который едет в Тульчу. На беду или на счастье — уже и решить не умею — попалась моя посылка некоему Разноцветову [24], добруджскому казаку, человеку, испивающему по три бутылки коньяку в день, но пьяным никогда не бывающему; это человек взбалмошный, забулдыга, удалой малый и личный враг Гончара. Любопытно стало ему, что́ у него за посылка, он ее распечатал и нашел сотни три «Слушно́й поры» [25]. «Слушная пора» пришлась ему по вкусу, он возьми да по всем кабакам в Тульче и прибей ее — поймите, какая катавасия из этого вышла. Народ смутился и, как говорит Гончар, стал роптать, что его тревожат до поры до времени, что еще рано и т. п. А Разноцветов между тем объявил во всеуслышание, что он имеет поручение от «Земли и воли» собирать народ и вести его на Москву — учреждать земский собор. Нацепил он на себя саблю, сел на коня да и давай разъезжать по Тульче воеводой. Все это творилось на Святой, спьяна, но волнение пошло большое, и листы наши распространились отлично. На счастье мое, письма, которые были в этой посылке и которые Разноцветов тоже распечатал, не содержали в себе никаких указаний, а одну догматику нашей проповеди. Но Гончар страшно рассердился на меня за эту штуку; приехал сюда очень надутый, долго дэлал мне намеки и укоризны, но теперь снова помирились и опять секретничаем. Он вам сам расскажет всю эту историю, а она наделала было мне страху, потому что грозила подкосить их доверие ко мне.

4) Но это всё дела уже конченные и исправленные — вот что хуже всего мучит меня. Старообрядцы хотят выслужиться. Они бьют челом монгольскому хану [26], готовясь отложиться от него при первой возможности, — это наша национальная политика, тут плетью обуха не перешибешь. Они хотят добиться лестью свободы веры, и поэтому они теперь все в заговоре — вести себя хорошо перед правительством. Это именно заговор, такой же заговор, как у мужиков — не соглашаться на грамоту, а ждать второй, золотой воли, если не от царя, то от Наполеона (это ожидание распространяется со дня на день, — я это знаю через новороссийских беглых) [27]. Уже все было подготовлено, как я вам и писал, чтобы и статьи в «Вече» шли, и протесты, и были бы денежные сборы [28]— как вдруг Москва подала адрес [29] — и все мигом изменилось. Убеждения остались прежние, готовность помогать делу та же, но все тишком, негласно; долго ли это продлится — не знаю, но тут, что мы ни делай, никакой демонстрации не вызовем — надо смириться и перетерпеть. Наши же прокламации они теперь употребляют друг против друга. У них идет теперь большая

«бунтация» с митрополитом, который ездил против их желания в Москву. Чтобы заставить его выбраться из Москвы, они припугнули его «Слушной порой». «Как ты, владыко святый, въехал в Москву, так и листы эти появились; уж не ты ли их поотбивал? уезжай-ка по добру по здорову, пока цел». Что вы тут сделаете? Одно что хорошо, что все-таки, благодаря этим адресам, теперь каждому, и старому и малому, стало известно, что их в чем-то оклеветали, что на что-то подбивали, а листы ходят своим чередом, а над адресом своим они сами подсмеиваются. Но это настроение старообрядцев пройдет и приведет нас к лучшему, а что выйдет из направления наших

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ГАЛАТСКИЙ МОСТ
Фотография, конец 1880-х гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

журналов и из общего настроения молодежи? Воля ваша, я тут вижу чрезвычайно мало утешительного. Во все и во вся въедается какое-то доктринерство, чопорное благоразумие — собачья старость. С упадком тона в журналистике—упала и мысль; точно все меняется на гроши. Неужели же отживается уже золотой век русской мысли и русского развития? Катков, должно быть, страшно силен или, по крайней мере, ловок — я вижу его влияние на морской молодежи [30]. Прекрасные, преблагородные молодые люди ругают «Колокол» и не хотят читать его потому, будто бы, что вы описываете в нем какие-то семейные скандалы и т. п. Эта клевета имеет страшный успех. Торговля заграничными изданиями падает со дня на день, и я покуда не вижу, как поддержать ее. Тут нужен какой-то маневр, а какой — я не знаю. Одна надежда на староверов, на черноземную силу. Мы переживаем тяжелую, удушливую эпоху, духи вызываются, но образы их очень еще смутны, не разобрать, что они — Гавриилы или Мефистофели... Новостей нет. В России все спокойно. Народ ждет воли от французов. Польское восстание на Украйне идет, по газетам, хорошо, а по частным известиям — народ против панов. Какое счастье для этой шляхты, что у нас все мирно. Наше восстание имело бы совершенно другой

характер — это были бы подвиги беспоповцев около Динабурга, действовавших чисто по-русски, по-разиновски и по-пугачевски [31]. Озлобление против поляков страшное [32]. В Саратове ссыльным полякам приятели их русские советовали выбираться до жаров, т. е. до пожаров, боясь, чтобы народ не разорвал их в клочья. В Новороссии, впрочем, народ смотрит на дело равнодушнее и, кажется, непрочь бы пристать к полякам, если бы они дали ему землю. На Дону что-то готовится, но что именно — не известно, а гул в народе идет.

Витольд Чарторыйский здесь — человек чахоточный, слабый, недеятельный. Гибель поляков стекается сюда со всего востока, едет в Тульчу и перебирается за границу. Какой капитан Сераковский убит? Неужели наш знакомый? [33]

Книги и журналы посылайте в Тульчу Жуковскому [34]. Сюда несколько номеров «Колокола» на имя Иордана.

Жене не пишу этот раз. Бесконечно благодарю ее за альбом — жаль только, что нет ее портрета. Брата думаю выручить, только не знаю, где он [35].

Затем до следующего письма — я страшно утомлен, особенно этим вилковским делом, которое отнимает у меня и лучшее время и лучшие силы. Прощайте, крепко обнимаю вас.

P. S. Гончар явится к Чернецкому.

[1] Осип Семенович *Гончаров* (он же Гончар). О нем и о его поездке в Лондон см. в публикуемых выше письмах его к Герцену и Огареву.

[2] Граф Андрей *Замойский* — крупный землевладелец, один из видных представителей аристократического крыла польского национально-освободительного движения. Противник наделения крестьян землей и массовой освободительной борьбы. В начале польского восстания Замойский был выслан русским правительством за границу и поселился в Париже.

[3] Валериан *Калинка* — польский историк, секретарь Чарторыйского (см. примеч. 9). Вместе с Бакуниным участвовал в известной морской экспедиции в 1863 г.

[4] *Коссиловский* — бывший офицер русской армии, был тесно связан с главарями польской аристократической эмиграции, субинспектор польской Батиньольской школы в Париже.

[5] «*Золотая воля*» — та настоящая воля, которую ожидали крестьяне, т. е. действительная и полная ликвидация феодальных отношений, а не реформа 1861 г., проведенная крепостниками. Лозунг «золотой воли» был популярен в народе во время массовых движений начала шестидесятых годов.

[6] Петр Владимирович *Долгоруков* (см. о нем на стр. 126—132 настоящ. тома) одним из первых, среди деятелей эмиграции, в политических целях предпринял шаги для связи с верхушкой старообрядчества белокриницкого толка. Гончаров, ввиду умеренности взглядов Долгорукова, повидимому, больше дорожил контактом с ним, чем с Герценом.

[7] Джузеппе *Мадцини* (см. ниже в настоящем томе его письма к Герцену).

[8] *Кирилл* (Киприан Тимофеев) — второй митрополит белокриницкой («австрийской») иерархии. Желая укрепить свое положение главы старообрядческой «поповщинской» церкви, Кирилл в начале 1863 г. предпринял поездку в Москву. Здесь его отношения с конкурентами достигли крайней остроты. Во главе противников Кирилла стоял епископ владимирский Антоний, претендовавший на управление всероссийскими церковными делами. По инициативе Антония, Собор российских старообрядческих епископов в Москве в «Объявлении» 28 февраля, перечислив проступки Кирилла и его подручного — архимандрита Сергия, указал, что Кирилл не может управлять делами российских епархий, «не согласуясь» с епископами, находившимися в России. «Объявление» грозило Кириллу отлучением и запрещало ему и архимандриту Сергию священнослужение. 10 марта Собор предложил митрополиту Кириллу немедленно выехать из Москвы. Неудачу белокриницкого митрополита Кирилла в Москве и имел в виду Кельсиев.

[9] Владислав *Замойский* и Владислав и Витольд *Чарторыйские* — видные представители польской аристократической эмиграции в Турции. Они были противниками народного движения и ориентировались на интервенцию западных держав. О политической деятельности Замойского и Чарторыйских и об их так называемых «партиях» Кельсиев много писал в «Исповеди» (стр. 348, 349, 364 и др.), в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1869, № 9, стр. 297) и в других сочинениях.

[10] М-me *Швабе* (полная фамилия— Салис-Швабе) — лондонская приятельница семьи Герцена.

[11] Ричард *Кобден* — английский текстильный фабрикант, политический деятель, либерал.

[12] Анри *Мильн-Эдвардс* — французский ученый-естествоиспытатель.

[13] Джемс *Стансфельд* — английский политический деятель, либерал, член Палаты общин. В 1863 г. он был лордом адмиралтейства.

[14] Об инциденте с *Разноцветовым* см. примеч. 24 к этому же письму.

[15] *Поликарп* — Поликарп Петрович Овчинников. Под этим своим «мирским» именем, в звании кагульского купца 1-й гильдии, тайно приезжал в Лондон в конце 1861 г. старообрядец Пафнутий, епископ коломенский (1827—1907). С ноября 1861 по январь 1862 г. Пафнутий встречался с Герценом, Огаревым, Кельсиевым, Бакуниным и другими; встречи эти описаны Кельсиевым в «Исповеди» (стр. 298—307). В 1865 г. Пафнутий присоединился к господствовавшей церкви и начал вести агитацию против раскольников. Вместе с реакционным профессором Московской духовной академии, будущим сподвижником Победоносцева, Н. И. Субботиным, он написал статью «Раскол как орудие враждебных России партий» (отд. изд., М., 1866), в которой встреча с Герценом в Лондоне и другие факты изображены искаженно и в реакционном духе. В конце семидесятых годов Пафнутий вновь вернулся в старообрядчество.

[16] *Вилковское дело* — дело о рыбных ловлях, принадлежавших селу Вилково. Это село, расположенное на левом берегу Дуная, было населено русскими. После объединения Молдавии и Валахии в полусамостоятельное румынское государство, село перешло к Молдавии, а ловли остались за Турцией. Через своего поверенного — С. И. Васильева, помощником которого стал Кельсиев, вилковцы вели длительные хлопоты в Константинополе о разрешении им пользоваться ловлями попрежнему. Вилковское дело давало Кельсиеву денежные средства, в которых он очень нуждался. Однако участие Кельсиева в вилковском деле, помимо материальной заинтересованности, диктовалось, по его признанию, и другими соображениями: «Мне хотелось убедить фактом турецких русских в нашем влиянии, захватить их дела в наши руки, быть им полезными и таким образом сделать их орудием наших планов» («Исповедь», стр. 368).

[17] Владислав *Иордан* — полковник, один из польских эмигрантов-аристократов, принадлежавших к «партии» Чарторыйского (см. о нем в «Исповеди», стр. 354). Учитывая большое влияние Иордана на государственных деятелей Турции, Кельсиев надеялся с его помощью быстро закончить дело вилковцев.

[18] Кельсиев имеет в виду эмигрантов-черкесов, живших в Константинополе. Надеясь транспортировать лондонские революционные издания через Кавказ, Кельсиев рассчитывал, что таким образом эти издания будут доходить до населения России, в частности — до казаков.

[19] Характеристику *Козерадзского.* Кельсиев дал в «Исповеди»: «Это был мальчик не старше девятнадцати лет, крохотный и умом и ростом, который напроказил что-то в полку и бежал из Одессы в Цареград без всяких целей — просто по глупости» (стр. 360). Козерадзский находился в полной материальной зависимости от Иордана; тот отправил его на Кавказ агитировать против России за союз с польскими националистами, в интересах их подлинных хозяев — французской и английской буржуазии.

[20] Николай Платонович *Трубецкой* — князь, штабс-капитан гвардейской артиллерии. В конце 1860 г. он прибыл в Лондон и поступил в типографию Герцена наборщиком. В семидесятых годах Трубецкой оказался в России. Сведения о его жизни отрывочны и противоречивы. Они собраны в статье М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 609).

[21] Владимир Михайлович *Эберман* (1842—?) — английский подданный, уроженец Нижнего-Новгорода. В юности он выехал за границу и был наборщиком у Герцена, пока не стало известно, что он предлагал свои услуги русскому правительству в качестве секретного осведомителя. Впоследствии Эберман был учителем в Тульче в молоканской школе, в которой работали и братья Кельсиевы. Герцен предлагал удалить его оттуда как шпиона русского правительства. О своем отношении к Эберману и об отношении к нему Герцена Кельсиев подробнее говорит в «Исповеди» (цит. изд., стр. 291, 379 и др.). В 1866 г. Эберман возвратился в Россию.

[22] *Три ссыльных поляка* — это два брата Сливовские и Сташевский. — *Один русский чиновник* — Заборовский. В апреле 1863 г. они бежали из Саратова в Турцию. Один из братьев Сливовских сделался секретарем франко-польской экспедиции на Кавказ; впоследствии он жил в Тульче и работал с Кельсиевым в школе. В 1867 г., когда Кельсиев вернулся в Россию, Сливовский находился в Молдавии. Константин Заборовский до эмиграции работал писцом в Саратовском уездном казначействе. После своего бегства в Турцию дважды в течение того же 1863 г. пытался нелегально проникнуть в Россию с агитационными целями и был задержан русскими властями: первый раз в Одессе, второй — в Керчи. На следствии Заборовский признался, что в Константинополе он был связан с Кельсиевым.

[23] Сын Герцена, Александр Александрович, был естествоиспытателем.

[24] Григорий Михайлович *Разноцветов* — один из зажиточных казаков в Добрудже. Он служил в казацком полку, сформированном во время русско-турецкой войны польско-украинским националистом Чайковским для действий против русских войск; там он дослужился до чина поручика. Об инциденте с Разноцветовым Кельсиев писал в «Исповеди» (стр. 362) и в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 263).

[25] «*Слушна́я пора*» — одна из основных революционных прокламаций «Земли и воли», датирована 19 февраля 1863 г. См. о ней во вступительной статье.

[26] *Монгольский хан* — русский царь Александр II.

[27] Кельсиев имеет в виду дошедшие до него слухи о том, что в некоторых местах крестьяне совершенно неосновательно надеялись на благоприятное для них вмешательство Наполеона III.

[28] Издатели «Общего веча» призывали посылать в журнал статьи и протесты по поводу притеснений со стороны правительства и господствующей церкви, а также деньги в фонд, созданный для помощи революционерам и для развертывания революционной агитации.

[29] Речь идет о верноподданническом адресе Александру II от главарей московского старообрядчества (в том числе крупнейших московских купцов). О нем писалось в журнале «Общее вече» № 18 от 18 июня 1863 г.

[30] Кельсиев, вероятно, имеет в виду молодых офицеров русского морского флота, с которыми он мог встречаться в Константинополе.

[31] Речь идет о выступлениях крестьян в Белоруссии, Литве, Латвии и других западных районах России против местных помещиков. О выступлении крестьян старообрядцев-беспоповцев в районе Динабурга (Даугавпилса, Латвия) писалось в «Общем вече», № 17 от 1 июня и № 19 от 10 июля 1863 г.

[32] Не разобравшись в социальной основе движения, как движения, в первую очередь, антикрепостнического и трактуя его лишь как национальное, Кельсиев повторяет здесь реакционный вымысел буржуазно-дворянской печати.

[33] Имеется в виду Сигизмунд Игнатьевич *Сераковский* (1826—1863) — один из видных руководителей демократического крыла восстания в Польше и Литве, друг Чернышевского и Герцена. В результате тяжелого ранения, полученного в бою, Сераковский был взят в плен русскими войсками и казнен 27 июня 1863 г. Герцен посвятил ему несколько статей (XVI, 406 и др.).

[34] *Жуковский* — майор, польский эмигрант. Служил в Тульче агентом во французской компании почтово-пассажирских сообщений «Messageries impériales». Через него пересылались письма и печатные издания русской эмиграции (см. «Исповедь», стр. 389 и ответы В. Кельсиева на вопросы следственной комиссии—там же, стр. 431—432). Возможно, что Жуковский был секретным осведомителем царского правительства (XVIII, 160).

[35] Когда Василий Кельсиев писал это письмо, брат его Иван уже совершил побег из московской тюрьмы и тайно жил в Москве, готовясь к отъезду за границу. Приехал он в Константинополь и встретился с Василием Кельсиевым в июле 1863 г. Подробнее об этом см. в настоящем томе, в публикации писем Ивана Кельсиева.

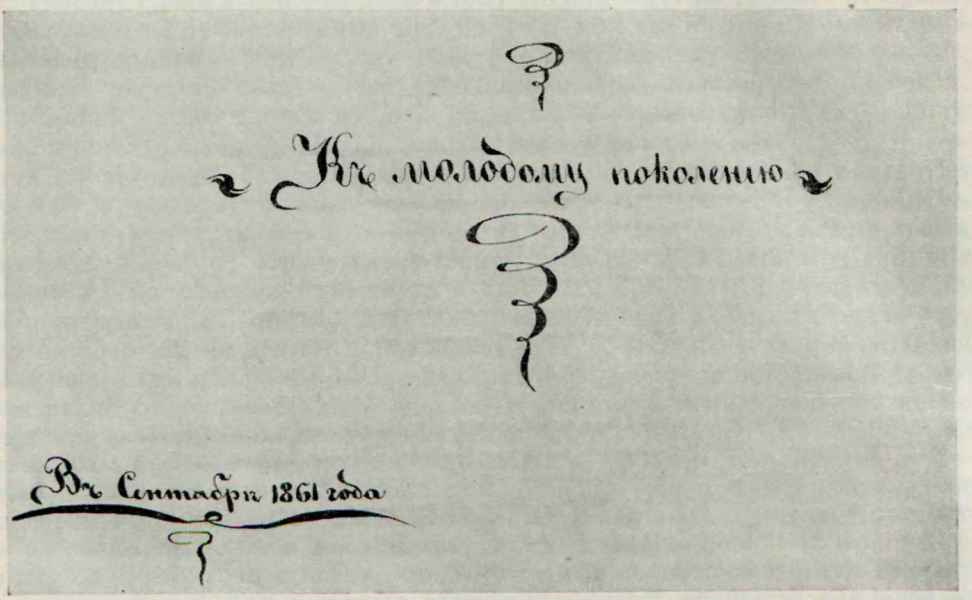
3

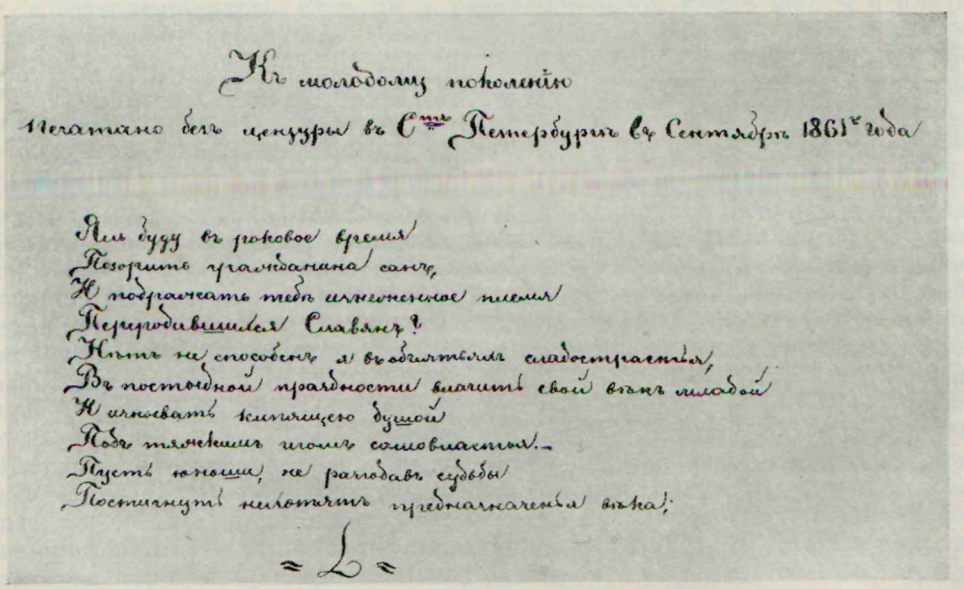
$\frac{\text{20 июня}}{\text{2 июля}}$ 1863. Константинополь

И бедный наш Абихт тоже погиб [1]. Теперь чья очередь? А здесь у меня на глазах каждый день то тот, то другой отправляется на убой, или, что еще хуже, на агитаторство. Сделал все возможное, чтобы остановить одного девятнадцатилетнего мальчика, который отправляется в Новороссию, на Дон и на Волгу агитаторствовать — не слушает и едет, не зная ни вопросов, ни дела, не имея ни образования, ничего, кроме детского огня и чистоты [2].

А между тем, я даже и не знаю, время ли теперь какой-нибудь подспудной деятельности, нужна ли «Земля и воля» и все прокламации. Взгляните, как все свернуло в другую сторону. Исчезли сословия, партии, направления, все слилось в одно целое, и если куда примыкает, то это, без сомнения, к заявлению московской молодежи, вызванному «Днем» [3]. По-моему, это заявление должно иметь громадную важность: оно сблизит равно и «День» и «Современник», и Каткова и Павлова; мало того, к нему легко пристегнутся и старообрядцы и мужики *, кто хотите. Духи,

* *В подлиннике*: мужиков.—*Ред.*





ПРОКЛАМАЦИЯ «К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ». СПИСОК, СОХРАНИВШИЙСЯ В БУМАГАХ ГЕРЦЕНА, 1861 г.

Листы первый и второй

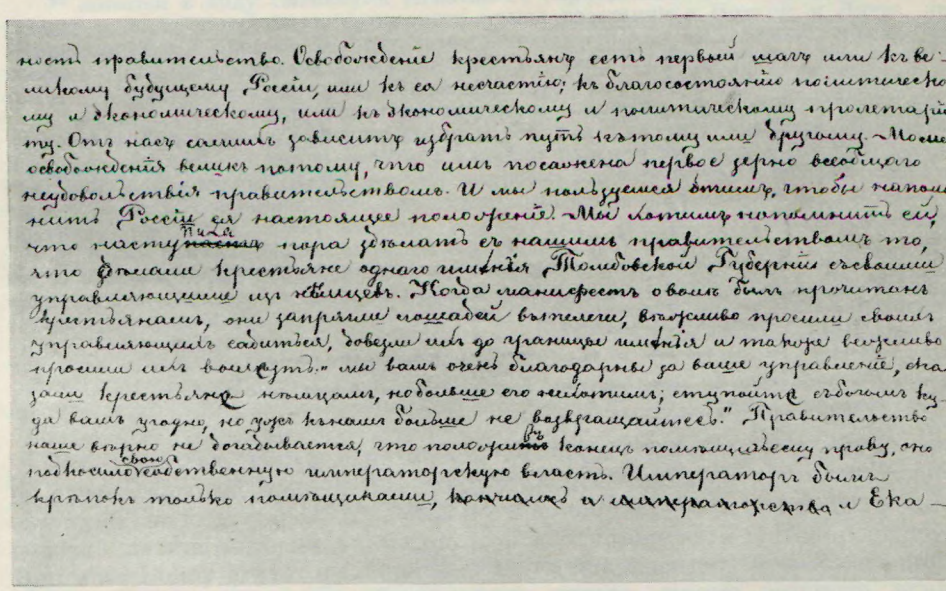
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

2.

И неготовятся для будущей борьбы,
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ.
На бѣдствія страдающей отчизны
И нечитаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ,
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ возставъ
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И въ дурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Риги.

Рылѣевъ.

Когда манифестъ о волѣ былъ уже готовъ и оставалось только объявить его, русское правительство прежде всего струсило;- оно испугалось своего собственного дѣла,- ну а если вся Россія поднимется? если народъ пойдетъ на чинный дворецъ? И рѣшили объявить народу волю въ великомъ посту,



ность правительство. Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастію; къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или другому. Моменъ освобожденія великъ потому, что имъ посажена первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ. И мы пользуемся этимъ, чтобы напомнить Россіи ея настоящее положеніе. Мы хотимъ напомнить ей, что наступила пора здѣлать съ нашимъ правительствомъ то, что дѣлали крестьяне одного имѣнія Тамбовской Губерніи съ своими управляющими изъ нѣмцевъ. Когда манифестъ о волѣ былъ прочитанъ крестьянамъ, они запрягли лошадей въ телеги, вѣжливо просили своихъ управляющихъ садиться, довезли ихъ до границы имѣнія и также вежливо просили ихъ вылезть." мы вамъ очень благодарны за ваше управленіе, сказали крестьяне нѣмцамъ, но больше его не хотимъ; ступайте съ богомъ куда вамъ угодно, но ужъ къ намъ больше не возвращайтесь." Правительство наше вѣрно не догадывается, что положивъ конецъ помѣщичьему праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть. Императоръ былъ крѣпокъ только помѣщиками, кончилось и императорство и Ека-

ПРОКЛАМАЦИЯ «К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ». СПИСОК, СОХРАНИВШИЙСЯ В БУМАГАХ ГЕРЦЕНА, 1861 г.

Листы второй об. и четвертый об.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

действительно, выкликнуты, и многие из них намекали на земский собор, на свободу слова и т. п., но дело в том, что они ждут всего этого от правительства, а не от собственных сил. Что это? или это народный смысл, отеческое предание — или вековое рабство? Я думаю, что это чистый расчет, так как реформы сверху обойдутся несравненно дешевле реформ снизу. На поляков злятся пуще всего за то, что они остановили ход спокойного внутреннего развития. Народ ловит агитаторов, как в Тамбовской губернии [4], оттого, что они враги царя, т. е. отвлекают его от занятий и советуют народу пуститься на рисковое, вместо верного, сулят журавля в небе, предлагая упустить синицу из рук. Не знаю, как вам видно из ваших краев, а отсюда я чую недобрый конец «Земли и воли». Все комитеты, которые я завел было с целию примкнуть их к общей организации, пошатнулись и пали духом [5]. Если что и осталось — то разве из боязни ренегатства, но ни энергии, ни деятельности ждать нечего. Можно бы еще обратиться к крайне юной молодежи, но это не стоит того, а все, что посерьезнее, положительно отшатывается. «Колокола» и листов у меня теперь никто не просит, а если и просит, то просто от нечего делать почитать или из вежливости; критиковать «Колокол» начинают смелей, придираясь к словам и подкапываясь под недомолвки — видно, что прежнее безусловное доверие потеряно, вследствие нападок Каткова и К°. И не забудьте, что я рассказываю вам все это о людях, весьма и весьма неглупых и порядочных, но это-то меня и бесит, поэтому-то я и заключаю, что дух времени чересчур силен. Тут решается вопрос громадной важности: «Заявление» молодежи, т. е. славянофилы во главе движения—или «Земля и воля», т. е. революционеры. Есть ли у революционеров какие шансы осилить славянофилов, заслужить доверие публики и народа, есть ли у них уменье на это? Перейдет ли книжное и отвлеченное изложение их догматов в народное сознание? Можно ли верить в успех людей, которые самой народной пропаганде сумели, в прокламациях своих, придать что-то иностранное, западноевропейское? Что они ни пиши, что они ни проповедуй, но во всех их словах, волей или неволей, вы читаете между строк не столько желание земли и воли для народа, сколько желание подышать революцией, разыграть конвенты, гильотину, Jeu de paume *[6]. У них средство затемняет цель, республика дороже им самого дела. Об них едва ли нельзя сказать того же, что А. И. говорит о героях 48 года, разница только в том, что наши развитее, но подкладка одна и та же. И вот почему народ не сочувствует им и называет их смутниками, возмутителями. А теперь посмотрите, как ловко принялся за дело Аксаков [7]. Без тайных обществ, без фраз, не задевая монархизма и не вызывая никого на риск, он добьется той же «Земли и воли», того же земского собора и отделения Польши. Что он не согласен на отделение западных губерний — это еще не беда; он верит, что они вполне русские, да вдобавок, что Россия даст им больше, чем Польша, что отдать их Польше на основании требования дворянства было бы несправедливо. Но допустим, что он и неправ, зато он народен и, следовательно, силен. Что ему дает особую, страшную силу — это его объявление врагом народа всякого, кто добивается кровавого переворота; этим он приобретет сочувствие и дворян, и народа, и правительства, потому что все боятся революции, а страх революции уже создавал у нас молодежь, катковствующую и чичеринствующую. Молодежь готова была пристать куда и к кому угодно, только бы не к революционерам, и шла за всяким, кто подымал знамя. Теперь Катков и К° едва ли не убиты; разве они изменятся, что тоже в настоящее время возможно. Что же остается делать «Земле и воле»? Борьба ее будет совершенно напрасна и разве задержит мирное развитие, к которому адресы вынуж-

* игру в мяч (франц.).

дают правительство. Я верю и понимаю, что шесть человек[8] могут нарушить европейское равновесие, но для этого необходимо, чтоб они веровали тому же, чему веруют массы, и чтобы не отличались от масс ни в выборе средств ни в определении цели. Тогда самый неразвитый человек, при известной доле энергии, увлечет за собою толпу. Отчего польскиеи венгерские отцы отечества — такие ничтожные личности в наших глазах, что нам с ними даже говорить скучно? Дело не в их личности, а в их сочувствии стремлениям масс, и они могут потрясти мир, тогда как мы, титаны в отношении их по нашему пониманию и развитию, — мы бессильны. Точно так и «Земля и воля». Она—чужая народу: ее последователи или не русские или не нынешнего поколения. Славянофилы действительно чувствуют то же, что и народ, и поэтому сильны. А тут и возникает to be or not to be *. С кем из них идти — с тем ли, кто правее, или с тем, кто толковей. Тут середины нет, но при выборе невольно приходит на память «Молодая Россия», которая по-своему была очень права и в то же время крайне неприложима. «Земля и воля» умеренней, но вы слышите, как к ней относятся, и невольные сомнения закрадываются: мессия это, который нас спасет, или просто искренний визионер, искренно обманывающий и себя и нас.

Если вы провидите эти тайны, разрешите их и мне, да и в «Колоколе», а то руки опускаются, и делать не знаешь что начать; все сдается, что роль сыграна, по крайней мере старой роли нечего продолжать, разве из желания выносить поминутные fiasco. Новое время — новый способ деятельности, старый никуда не годится. Напишите, как у вас идет продажа «Колокола», а особенно узнайте, как идут дела у Долгорукова, Блюммера [9] и братии. Здесь торговля совершенно прекратилась, и никто ничего не берет; вопрос в том: вы одни поражены этим застоем или и прочие. На листы народ начинает смотреть как-то враждебно. Я недавно слышал от поклонников жалобу, что поляки «больно прокудничают», всяких листов пораспускали в народ и уж так-то все хают да хают, что народ на них крепко зол. Потом ходят слухи, что много русских передались полякам с тем, чтоб бунтовать народ, поджигать, убивать. Ходят слухи, что иностранцы из зависти к России наняли каких-то людей писать письма народу и т. п. Что вы тут сделаете с этой стихийной силой, разве — укреплять правительство? Исход? Исход? Надо же идти с кем-нибудь, а «Земля и воля» отжила свой век. Страшно подумать, что это могло случиться — столько напрасных усилий и жертв,—а на деле выходит так. Скажите же, как тут быть и что тут делать?

Новостей у меня здесь нет — разве эмиграционные польские сплетни, которые нечего и рассказывать. У поповщины идет буря. Митрополит Кирилла с Сергием чуть не отлучены от церкви за самовольную поездку в Москву[10] без спросу собора, так как ни один епископ не имеет права покидать своей епархии. Белая Криница — дело конченное. В ней нуждались и клали на нее капиталы только покуда не развелось епископов в России, а когда их поразвелось достаточно — значение митрополита пропало. Митрополит, однако, не хотел уступить своего значения главы церкви и постоянно вмешивался в московские дела, и вмешивался всегда некстати, чем подготовил против себя общее раздражение. Главный недостаток церковного их устройства состоит в недостатке главы церкви в России, т. е. патриарха или митрополита в Москве, чтоб был *хозяин*, как они говорят. Кирилла года два тому назад поставил было им Антония Владимирского [11], но Антоний не был принят, потому что Кирилла поставил его без совета прочих владык. Нынешнюю зиму вопрос поднялся снова, и Кирилла имел неосторожность сунуться в Москву без соборного зазыва—

* быть или не быть (англ.).

это его окончательно погубило. На беду его, его приезд сопровождался появлением воззваний, которые как-то приписали ему. Теперь дело его плохо. Он устранен собором от дел, а по русскому настоянию австрийское правительство нарядило над ним следствие, в котором его будут допрашивать обо всем его путешествии, где и у кого останавливался. Дело выйдет дурное, и хорошо бы, если б вы напечатали в «Общем вече» эту историю [12]. Что здесь всего безобразней— это неосторожность нашего правительства подымать гонение на старообрядцев именно когда они подают ему адресы. Кстати. Откуда идет этот слух о школах? У них почти вовсе нет школ, что же тут осматривать? Или разве нельзя просто и прямо дать им свободу вероисповедания?

Непричастие Кириллы к революционным делам можете объявить смело и прямо: я не входил с ним ни в какие сношения именно потому, что он не имел и не имеет голосу и что вся задача поповщины состоит в настоящее время именно в том, чтобы покончить с Белой Криницей, так как в ней более нет нужды. Белая Криница — дело истории.

Еще расскажу вам вещь — только это к сведению. Не знаю, какого вы мнения об этом соединении польского дела с черкесским. Я вижу тут только лишнее запутывание польского вопроса. Эти адресы Виктории, эти митинги [13] наделали черкесам гибель зла, а именно: заставили наши войска усерднее заняться покорением левого фланга. Помните, я вам писал об ярлыках, пришпиленных к трупам убитых стариков и детей, в которых говорилось: пускай вам теперь помогает английская королева, и т. п. [14] Это навело такой ужас на черкесов, что они чуть-чуть не порвали с Иорданом. Здешняя черкесская политическая эмиграция, нечто вроде польской, сумела, однако, поддержать дело, но народ смотрит на него совершенно иначе. Почти каждый день народ бежит в Турцию, по 80, по 100, по 150 семейств, так что черноморский берег, вероятно, скоро совершенно опустеет, и Кавказ покорится сам собою [15]. Оно и лучше, по крайней мере один конец будет, а то агония слишком тяжела.

Тем не менее, Иордан все-таки работает: он уже давно приискивает какого-нибудь офицера, который бы устроил в горах польские отряды из беглых солдат и сделал бы этим и помощь черкесам и диверсию. Нашелся один и скоро едет [16]. Не знаю, посылать мне с ним листы или не стоит того; человек-то он очень способный, но следует ли нам долее связывать наше дело с польским, когда эта связь возбуждает общее негодование, т. е. портит наше собственное дело? Знаю, что справедливость требует этой связи, но не всякая истина приложима. Вы видите, в какой загадке я стою: я путаюсь совершенно ввиду совершающихся событий — да и не я один... Если у вас есть практическое разрешение, давайте его немедленно в «Колоколе», а то, право, становишься похожим на римского философа, окруженного назареями. Если уж действительно «другие люди в мир пришли»— останется только подавать на высочайшее имя прошение, соблаговолите, дескать, сослать в Камчатку на вечное поселение; и если соблаговолят, т. е. если будет возможность миновать крепость или петлю, то больше ничего не останется; не жить же за границей из одной оппозиции, и из оппозиции бессильной, а Камчатка все же — своя сторона. Как бы я хотел, чтоб у вас нашелся ответ! Но едва ли.

Покуда пройдет этот дикий взрыв любви к государству, много воды утечет, а правительство так и сыплет реформами. И отменение телесных наказаний, и учреждение народной стражи [17], и близкая надежда на земский собор. Оно при всяких запрещениях несчастного «Времени» [18], при всем своем свирепстве в Польше, при всех мерзостях завоевывает и завоевывает народ, а тут еще и публика передалась ему. И эта передача, внося в него новые силы, ободряя его нравственною поддержкой и заверяя, что не вступит в борьбу с ним, заставит его идти быстрее и смелее вперед.

Баба... а дело идет своим чередом. Не мытьем, так катаньем, а свое возьмется, и Россия превратится в такую же монархическую республику, как Англия, с такими же фиктивными и обрядными учреждениями.

Письмо мое чересчур вытянулось, а то порассказал бы вам кое-что о Чайковском, Садыке-паше, — вот тоже личность-то! этакой мы еще не видали, но об нем до следующего раза [19].

Кланяйтесь моей бедной, несчастной жене и ради всего святого поддержите ее еще немножко. Знаю, что я не имею на это никакого права и что я злоупотребляю вашей дружбой, но это проклятое вилковское дело связало меня так по рукам и по ногам, что и шевельнуться нельзя. Бросить его — жаль, значит потерять заработанное; держусь же только потому, что жду близкого конца. Теперь дело все стоит за созванием конференции посланников, которая уже подтасована, и все посланники, а равно и их секретари, обещали написать туркам весьма энергичную ноту, — я всех их лично расшевелил, ко всем вхож, кроме, разумеется, русского, с которым ведет дело сам Семен [20].

Кланяйтесь низко всем вашим. Только как же они расползлись — кто в Италии, кто в Швеции, а я в Турции. Крепко обнимаю вас.

В. Кельсиев

[1] Генрих *Абихт* — поляк, участник восстания 1863 г., казнен в Варшаве. Одно время, в 1858—1859 гг., уже эмигрантом, Абихт работал в типографии Герцена в качестве наборщика. На его казнь Герцен отозвался в «Колоколе» гневной статьей «Подлые» (XVI, 311—312). Впоследствии Кельсиев посвятил ему статью: «Эмигрант Абихт» («Русский вестник», 1869, кн. 1, стр. 228—251), которую Герцен назвал «отвратительною» (XXI, 328).

[2] Речь идет о Константине *Заборовском* (см. о нем в письмах №№ 2 и 4 и примеч. к ним), о его первой попытке — после того, как он эмигрировал — проникнуть в Россию через Одессу.

[3] «*День*» — еженедельная газета славянофильского направления; издавалась в Москве И. С. Аксаковым с октября 1861 г. О заявлении группы московских студентов в газету «День» в 1863 г. Герцен писал в «Колоколе» (XVI, 326). «Заявление» отнюдь не выражало политических настроений большинства студенчества. Оно было написано от имени тех студентов, которые отрекались от идейной связи с революционной эмиграцией и принимали славянофильскую программу; оно было признаком глубокой дифференциации, происходившей в студенческой среде (см. об этом в материалах следственного дела П. А. Шипова и И. И. Кельсиева, опубликованных в издании «Политические процессы 60-х годов», под ред. Б. П. Козьмина). Отзыв Кельсиева о «Дне» сделан им как раз в то время, когда Герцен вел энергичную борьбу с этим органом, клеветавшим на революционеров и их дело.

[4] О поимке агитаторов-поляков в Тамбовской губернии, при участии некоего старообрядца М. Кораушева, писали в 1863 г. старообрядцы Спасского уезда Тамбовской губернии в своем верноподданническом адресе царю (XVI, 394).

[5] Кельсиев, очевидно, имеет в виду те связи, которые он установил с отдельными представителями общественного движения в Москве и Петербурге во время своего нелегального пребывания в России весною и летом 1862 г.

[6] Имеется в виду известное выступление депутатов Национального собрания Франции 20 июня 1789 г. в «зале для игры в мяч», где они собрались после того, как по приказу Людовика XVI был закрыт зал заседаний. Здесь депутаты дали клятву не расходиться, не добившись конституции.

[7] Речь идет об И. С. *Аксакове* и его реакционной националистической позиции, которая особенно четко проявилась во время польского восстания 1863 г.

[8] Очевидно подразумевается «Русский центральный народный комитет» общества «Земля и воля».

[9] О Л. П. *Блюммере* см. ниже, в отделе «Аннотации».

[10] О поездке белокриницкого митрополита Кирилла и архимандрита Сергия в Москву в 1863 г. см. примеч. 8 к предыдущему письму.

[11] *Антоний Владимирский* (Андрей Илларионович Шутов) — бывший беспоповец, казначей Преображенской федосеевской общины в Москве. Перейдя в поповщину, Антоний принял сан владимирского и московского епископа и управлял общероссийскими делами старообрядческой церкви. В результате внутренней борьбы среди старообрядцев он был временно отстранен от дел. После поражения, понесенного митрополитом Кириллом в 1863 г. в Москве, Антоний, главный конкурент Кирилла, вновь стал наиболее влиятельным лицом в старообрядчестве поповщинского согласия.

[12] В «Общем вече», № 21 от 1 сентября 1863 г. помещена статья Огарева «О вводе во искушение (Письмо к старообрядцам поповщинского согласия)». В статье специально рассматривается конфликт между московскими старообрядцами и митрополитом Кириллом.

[13] *Эти адресы Виктории, эти митинги...* — имеется в виду ряд враждебных России фальшивых политических демонстраций, инспирированных польскими эмигрантами-аристократами (Иорданом и др.), действовавшими как прислужники Англии, агенты ее захватнической политики. Адрес «черкесов» английской королеве Виктории был составлен в связи с поездкой «делегации» черкесов и абхазцев в Лондон в конце 1862 г. Обращение также было инспирировано представителями польских эмигрантов-аристократов. Целью «делегации» являлось предложить Англии вмешаться в войну на Кавказе. «Делегация» состояла из трех стариков и возглавлялась (в Англии) известным авантюристом, полковником Т. Лапинским (см. о нем примеч. 2 к следующему письму).

[14] Об этих вымышленных или чрезвычайно раздутых французской и английской вражеской пропагандой записках Кельсиев подробнее говорит в «Исповеди» (стр. 359).

[15] Эмигрировала в Турцию во время войны преимущественно феодальная и родовая верхушка горцев северо-западного Кавказа. Проводя свою антинародную политику, черкесы-феодалы сопротивлялись присоединению Кавказа к России и потерпели поражение в войне.

[16] По всей вероятности, *Сливовский* (см. примеч. 22 к предыдущему письму). Летом 1863 г. он был секретарем в экспедиции поляков и французов на Кавказ под предводительством Превлодского («Исповедь», стр. 360).

[17] Отмена телесных наказаний была объявлена законом 17 апреля 1863 г. Однако, согласно этому закону, телесным наказаниям могли быть подвергнуты крестьяне по приговорам волостных судов, а также штрафные солдаты и матросы, каторжане и ссыльнопоселенцы.

Упоминание Кельсиева о народной страже, видимо, вызвано было начавшимися реформами в области устройства армии и полиции. В первую очередь, согласно манифесту от 1 сентября 1862 г., были изменены условия рекрутского набора; кроме того, производились и некоторые преобразования полиции (указ от 25 декабря 1862 г.).

[18] Издававшийся братьями Достоевскими «почвеннический» журнал «Время» был запрещен из-за статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», напечатанной в апрельской книжке 1863 г. В статье по недоразумению было усмотрено проявление сочувствия польским повстанцам.

[19] Михаил Илларионович *Чайковский* (1804—1886) — польский помещик на Украине. Принимал участие в восстании 1830—1831 гг.; после разгрома восстания эмигрировал, жил в Париже, где сблизился с «партией» Чарторыйского. Перешел на сторону врагов украинского и русского народа, агентов и проводников турецкой и французской захватнической политики. Поселившись в Турции, принял магометанство и имя *Садык-паша*.

В отличие от других польских реакционно-националистических деятелей, Чайковский был не чужд украинского дворянского национализма, проявлявшегося в идеализации казачества и казацкого «вольного» быта. В 1872 г. Чайковский получил разрешение вернуться в Россию, принял православие и поселился в Киеве.

[20] *Семен*—Семен Ильич Васильев, поверенный вилковцев. — О *вилковском деле* см. примеч. 16 к предыдущему письму.

4

(Константинополь.) $\frac{11}{23}$ июля 1863

Эти дни я совершенно ошеломлен и никак не могу придти в себя — передо мной сидит мой брат, который налетел на меня, как снег на голову[1]. Я под рукой тишком подготовлял его бегство и ждал его не раньше, как недель через шесть, а он, не дожидаясь моих содействий, сам вышилил окно в своей тюрьме и ушел. Из его письма вы узнаете подробности. Приезду его я очень рад — и лично и для дела. У него много энергии, желания быть полезным, а главное — есть связи. Еще бы жена да дочурка явились сюда, и жизнь моя была бы совершенно полна.

Наконец, листы, «Колокол» и проч. в моих руках. Чудак Л.[2] оставил их в Париже, а из Парижа прислали их сюда, не предуведомив, какого рода посылка, и ящик чуть-чуть не попал в цензуру, т. е. чуть-чуть не подвергся сожжению. Счастье только спасло его. С этим Л. случилась здесь весьма глупая история. Вы знаете, что он вез 200 карабинов черкесам.

Демократы здешние, устраивавшие тульчинскую экспедицию, уговорили его отдать им эти карабины для польского дела, не спрашивая черкесов. Л. имел слабость уступить им, чем сильно уронил и себя и их в глазах черкесов, которые, узнав дело, объявили, что они и добром отдали бы это оружие полякам. Как бы то ни было, карабины отправились из Константинополя в числе 200, а в Тульчу приехали, превратившись, каким-то чудом контрабандиста-грека, в виде 40 старых русских ружей. Исход экспедиции вы знаете; устроить ее безобразнее было бы мудрено. В ней участвовало 300 человек под предводительством Милковского [3] и некоего полковника Лаского, личности весьма посредственной. Израсходовано на нее 400 000 франков. Повстанцы были одеты в мундиры, шли с оружием, толпой — и все это в такое время, когда можно было бы хоть целую армию провести в Польшу, одев ее просто мужиками, жнецами или косарями. Устраивали дело демократы партии Высоцкого. Высоцкий, бывший месяца три военным министром при народном правительстве, поручил дело своим здешним агентам, Сокольскому и Валерию Пржевлоцкому, и дал им патенты на агентство. Из этого происходили здесь прекомичные сцены и ссоры. Кто здесь польский агент? Йордан, который утвержден Народным правительством через Чарторыйских, или Сокольский? Кончилось дело ссорами, попреками — а первый блин вышел комом.

Писал я вам как-то об одном младенце, отправлявшемся на эмиссарство; уговорить его я не мог — и молодец отправился. В Одессе он делал все, что не нужно, на таможне объявил, что едет закупать черкешенок для одного паши, ходил в польский театр, знакомился со студентами. Полиция стала его следить, а как на паспорте его было имя Константин Яковлев, то она и поняла немедля в чем дело: она смекнула, что Яковлев непременно родственник Александра Ивановича, обошлась с ним в высшей степени вежливо, не обыскивая его, не трогая его бумаг, и выпроводила его обратно в Константинополь. Теперь он сидит здесь и думает снова пуститься в путь... Фамилия этого молодца—Заборовский[4].

Начинают ходить слухи, которым я не совсем доверяю, а именно, что поповщина, живущая в юго-западных губерниях, сочувствует и помогает восстанию. Эту весть Заборовский слышал от одесской полиции, потом Витольд Чарторыйский получил письма с Волыни... Если это правда, стало быть Гончарова труды и масса листов, пущенных там в ход, взяли-таки свое.

...Писем ни мне, ни брату не удалось кончить порядком, Витольд пришел и задержал.

До следующей почты.

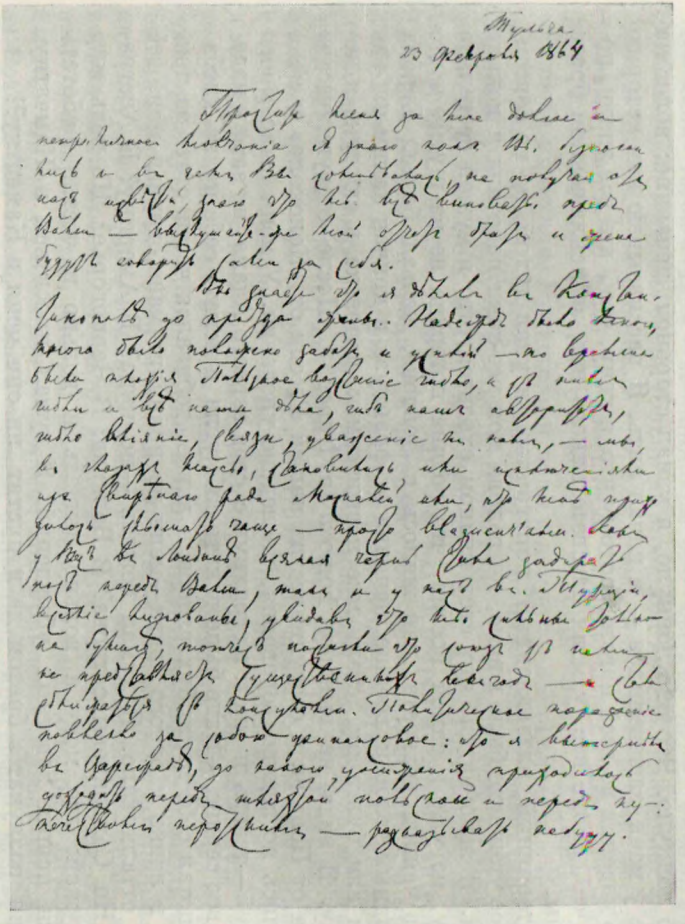
[1] И. И. Кельсиев приехал в Константинополь 2/14 июля 1863 г. См. приложение к письмам И. И. Кельсиева на стр. 253—258 настоящего тома.

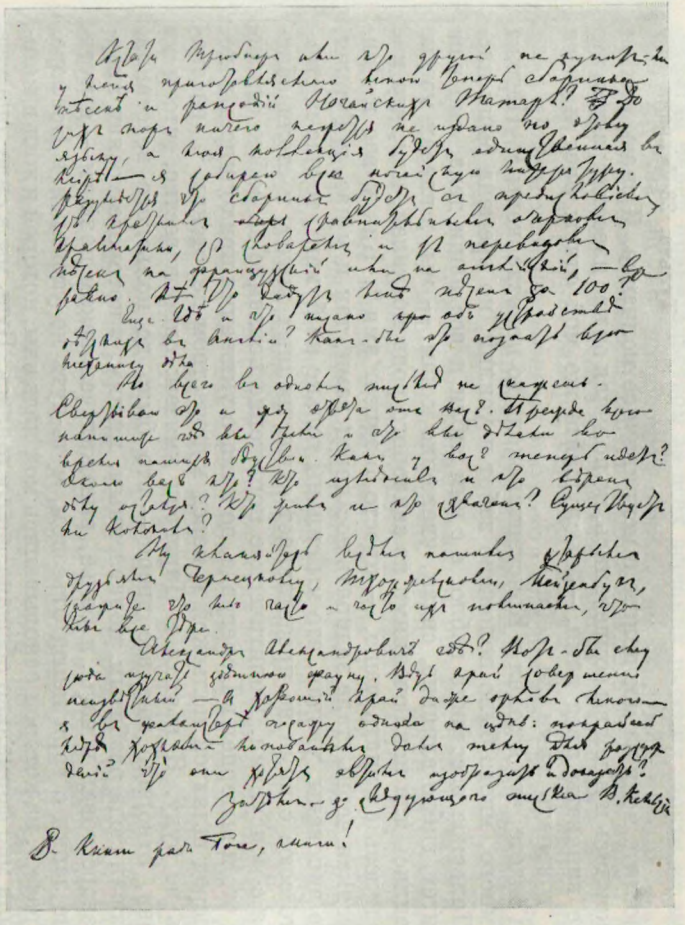
[2] Повидимому, Кельсиев имеет в виду польского эмигранта полковника Теофила *Лапинского* (1827—1886), известного своей политической беспринципностью. Герцен писал о нем: «Лапинский был в полном смысле слова кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с „белыми“ и „красными“, с чистыми и грязными... Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо» (XIV, 449. См. также В. Кельсиев. Польские агенты в Царьграде. — «Русский вестник», 1869, № 6, стр. 544; «Исповедь», стр. 359 и сообщение В. Тренина «Полковник Лапинский и его мемуары»—«Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 539—571).

[3] Сигизмунд *Милковский* (1824—1915) — видный деятель польского национально-освободительного движения, писатель-демократ, известный под псевдонимом «Теодор-Томаш Еж».

Об экспедиции Милковского из Тульчи в Польшу для поддержки восстания и доставки туда английского оружия, предназначавшегося ранее черкесам, Кельсиев рассказал впоследствии в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1869, № 9, стр. 299).

[4] О первой попытке Константина Заборовского проникнуть в Россию см. в предыдущем письме Кельсиева; см. также примеч. 22 к письму № 2.





АВТОГРАФ ПИСЬМА В. И. КЕЛЬСИЕВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1864 г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

5

Тульча. 23 февраля 1864

Простите меня за мое долгое и неприличное молчание. Я знаю, как вы беспокоились и в чем вы сомневались, не получая от нас известий; знаю, что мы все виноваты пред вами, — выслушайте же мой отчет: брат и жена будут говорить сами за себя.

Вы знаете, что́ я делал в Константинополе до приезда жены [1]. Надежд было много, много было положено забот и усилий, но времена были плохие. Польское восстание гибло, а с ним гибли и все наши дела, гиб наш авторитет, гибло влияние, связи, уважение к нам, — мы, в глазах массы, становились или исключениями из свирепого рода москалей, или, что мне приходилось слышать чаще, — просто blagueur'ами *. Как у вас в Лондоне всякая чернь стала задирать нос перед вами, так и у нас, в Турции, всякие липованы, увидав, что мы сильны только на бумаге, тотчас постигли, что союз с нами не представляет существенных выгод, и стали сближаться с консулами. Политическое поражение повлекло за собою финансовое: что я вытерпел в Цареграде, до какого унижения приходилось доходить перед шляхтой польской и перед купечеством перотским [2], рассказывать не буду. Я въехал в Цареград князем: одно известие, что я из Лондона, отворяло мне все двери — это было до польского восстания. Я выезжал сюда разбитым, подавленным, нищим, у которого хозяин квартиры заарестовал и часы, и белье, выезжал человеком падшим — я чуть-чуть не запил с горя перед отъездом, чуть-чуть не утопился в Босфоре. Типография, на которой основывались мои надежды, которой я жил и которая была мне формально обещана, не состоялась. Будь мы в силе, она уже давно бы существовала, но когда из князя я сделался грязью, тогда хорошие отношения с нашим правительством оказались несравненно выгоднее, и дело лопнуло. Что оно лопнуло, я узнал стороной, нечаянно: волос на голове у меня зашевелился — я начал пить. Я рассказываю вам историю своего падения во всей наготе, потому что я хочу, чтоб вы всё знали, потому, что, кроме вас, у меня на свете никого нет, за исключением брата и жены.

Потерянный, раздавленный, поруганный, я упал духом, но не совсем. Главное утешение было в вине, но голова моя все-таки работала и искала исхода. Я ясно видел, что свет клином сходится, что я чужой не только Западу, но уже и самой России, что родина потеряна не на шутку и что жить в чаянии возврата, как жилось в Лондоне, нельзя более. Европа и западный человек вообще, начиная от француза и кончая каким-нибудь греком или булгаром, стали мне невыносимы: человека в сюртуке я ненавижу. Я вида не выношу homo à la franca**. После отступничества Запада от Польши и отступничества нашей России от «Колокола» у меня разбились последние верования, последние упования. У меня было много иллюзий—теперь я чист: я стряхнул с себя ветхого Адама, но зато и надорвал свое сердце.—Надо было искать себе угла и искать себе куска хлеба. Я хлопотал себе место бухгалтера в лавке, добивался чести стать за прилавок в лавке у одного жида—меня не приняли: меня, друзья мои, всё и вся отталкивало. Я думал бежать — но куда? В Америку? В Австралию? На Сандвичевы острова? В Белград? В Черногорье? Но ведь мир мне чужой: где могу я вольно дышать и вольно и честно работать во имя наших заветных убеждений? Я думал проситься в Камчатку, но меня разлучат с братом да и пустят ли они меня в Камчатку?!

Но, как водится, случай и некоторая доля собственного старания выручили меня из беды и решили за меня все вопросы — теперь я на

---

* хвастунами (франц.).

** человека французского типа.

службе его величества Султана-Абдула, Азиса-Хана, теперь я законный ходатай перед правительством за всех здешних русских, почти их начальник и едва ли на следующей неделе не сделаюсь членом здешнего губернского правления. Я теперь власть и сила в здешнем краю, барин, хозяин, gentleman и получаю видимые знаки сочувствия и уважения линован в виде рыбки, сахару, серн и т. п., и т. п. Я нечто вроде начальника палаты государственных имуществ или палаты уделов. Я теперь не только хочу, но и могу пристроить здесь весь бедный люд нашей эмиграции.—Но к делу.

Случилось это довольно оригинально. Я просил Чайковского (Садык-пашу) похлопотать мне о каком-нибудь месте, но места не выходило, за неимением мною никакой специальности. Вдруг Порта потребовала от Садыка сведений, как и почему некрасовцы подали адрес Александру Николаевичу, просят у него возвратиться в Россию и ругают поляков [3]. Садык сообщил мне это обстоятельство и предложил мне ехать в Тульчу следователем. Я ухватился за это предложение — оно давало нам и хлеб, и возможность спасти виновных. Но, покуда комиссия наша наряжалась, мне удалось отменить ее. Я поставил вопрос так: от добра люди не уходят; ergo, если уходят, стало быть, им нехорошо в Турции — прикажите мне узнать их обиды. Виноватых же карать и преследовать нечего — и по науке известно, что преступление есть следствие, а не самостоятельный факт. Я же поселюсь в Тульче, сближусь с народом, узнаю его нужды, вам стану подавать рапорты, а там подам и проект организации всего русского населения. «Но ведь вам нужно жалованье?» — «Что пожалуете, всем буду доволен». — «Однако?» — «Ну хоть по 100 fr. в месяц». — «Отправляйтесь». — И я очутился в Тульче.

Но мне не удалось взять с собою письмо великого визиря, назначающее меня «*начальником и защитником всех русских перед местными властями*». Оно пришло сюда только на прошлой неделе. Пришлось изучать край и ладить с начальником его, как умею. Здесь есть обычай — средневековый, как и все здесь средневековое, — требовать к паше (губернатору) всех мало-мальски странных приезжих и допрашивать их, как и зачем они сюда приехали. Потащили и меня к допросу, но на счастье паша здешний, Рашид-паша, человек чрезвычайно порядочный и очень развитый; знакомы мы были с ним еще в Цареграде [4]. Передав ему цареградские новости о событиях в Порте и при дворе, о ходе польского вопроса, я приступил прямо к делу: прибегаю к гостеприимству правительства Высокой Порты—я бродяга, я потерял свое отечество, потому что крепко любил его, но я не сумел сделаться ренегатом собственных убеждений, проповедовать вырезку поляков etc., etc., и потому мне нет места в России—меня ждут там или тюрьма, или пули. Но я люблю русский народ, а край здешний почти чисто русский, нечто вроде Сибири, — я сюда приехал с твердым намерением купить здесь землю, поселиться здесь с семьей, а может быть и с некоторыми друзьями, которые сюда понаедут. Интерес мой — защищать выгоды этого края, я здешний гражданин. Русские здесь ропщут, что обижены они вашим правительством — позвольте мне быть их адвокатом. Для меня и для партии «Колокола», к которой я принадлежу, необходимо иметь на земле уголок, заселенный русскими, но не подвластный России. Будьте уверены, что мы не заплатим злом за ваше гостеприимство, что мы не вмешаемся в ваши распри с булгарами и т. п., что мы сделаем все возможное для привлечения сюда колонистов из России. Мы заведем здесь школы, больницы, типографии, может быть газету. Для пропаганды нашей теперь не время, но время это придет, и мы ею займемся, я вас предупреждаю, но мы займемся ею так, что не введем в неприятности ни вас лично, ни Высокую Порту. Я прошу у вас одного — позволения поселиться здесь и быть ходатаем за русских, за

это позвольте мне быть вам полезным. Чтобы вполне познакомить вас с направлением нашей партии, вот вам по экземпляру прокламаций, которые я уже целый год распространяю в вашем краю. — «Хорошо, живите у нас, только какой же вы подданный?» — «Покуда никакой, но я ...» — «А, никакой!» — «Но уж если я поселяюсь у вас, то думаю, что лучше всего и прямей всего признать себя подданным его величества султана; я знаю, что иностранцы вводят вас постоянно в хлопоты, а за гостеприимство я не хочу делать вам неприятности. Если натурализироваться правильно будет затруднительно, то позвольте мне самому позаняться этим — у меня мигом будут документы; я на это уже приобрел некоторый навык». — «Нет, нет; стоит только взять наш тескерé (паспорт), и все кончено. Но как же вы приехали сюда? Не может быть, чтоб у вас вовсе не было паспорта?» — «У меня есть паспорт; извольте взглянуть, — но он почти фальшивый: я его достал еще будучи в Англии. Извольте». — «Ну, вы, однако, видали виды: и что, вас не поймали?» — «Никак нет. Так можно мне водворяться здесь и ходатайствовать по делам?» — «Можно, только шуму лишнего не делайте, а я очень, очень рад вашему приезду. Народ здесь русский, языка его я не знаю, дел их не понимаю. Приходят ко мне с толмачом, дела толком не объяснят, на словах — одно, на бумаге — другое; я путаюсь и при всем желании сделать добро для края — ничего не могу. Будьте вы посредником между мною и ими. В неделю вы узнаете об всем, что здесь творится, более меня. Помогайте мне, пожалуйста».

И вот, в трескучий мороз, без белья, без мебели, без посуды, сделался я ходатаем на конакé (конáк — губернское правление и канцелярия генерал-губернатора). А тут жена захворала и выкинула — я исправлял по обыкновению должность бабки — а тут от грязи вши напали на нас. Скверно было. Лежали мы все четверо — я, жена, брат, Малушка[5] — почти на голом полу, зуб на зуб не попадал от холоду — и, погоревавши о своих бедах, все-таки затягивали марсельезу и «Ça ira». Так-то началась новая жизнь и так-то заложено наше революционное консульство в Турции.

Утверждение мое пришло только на прошлой неделе; Гончар привез его и теперь славословит, что это он меня в люди вывел. Вчера я беседовал об этом с пашей, и вот что он мне сказал: «На-днях кончаются наши праздники (теперь у них рамазан: днем не едят, не курят, ночью море разливанное и ночью же присутственные места открыты), я очень рад вашему назначению. Мы сделаем вместе много добра русским, постараемтесь дать им прочную и елико возможно выгодную для них организацию. По этой бумаге вы Москов-баши — голова русских, их начальник, представитель, защитник, вы их атаман. Все их дела в ваших руках. Раздача им паспортов должна быть передана вам. Но только старайтесь быть в ладу с ними, чтобы не только правительство, но и сами они признали вас своим атаманом. А для этого по всем их делам ходите ко мне, и я сам, чтоб помочь вам, стану их посылать к вам. А потом мы объедем вместе их казацкие села. Вы же, как вы и сами желаете, объезжайте их прежде меня и подайте мне подробное статистико-историческое описание каждого из них. Помогайте мне; я хочу сделать добро краю, давайте работать вместе — а я поддержу вас, в чем могу. Ведь я сам собирался писать в Порту, чтоб вам дали должность, но Гончар предупредил меня».

Зде кончается повесть о том, како сии зловредные и нечестивые фармазоны завелись и устроились в Тульче и како они чарами своими турок (сиречь агарян) околдовали. Аминь. От зде же начинается повесть о том, како сии фармазоны нечестивии оумыслиху и остальцев древляго благочестия, а равно и духовных христиан[6] в веру свою совратити, како они лукавые, аки беси грешнику во аде, радуются и руками плещут, а Василий Иванов, старший, это значит даже и пляшет, бесем угождая, егда они кого в свое лжеучение уловят. Описано все по-тонку.

Отцы и братии, чтуще богомерзкую повесть сию, не хулите, но бога для чтите и исправляйте.

Когда мне в Цареграде Садык предложил ехать в Тульчу и жить там, все смущения мои о выборе угла на земле разлетелись, тогда я задумал устроить *жи́ло* для всех бедствующих порядочных людей нашей эмиграции. План этот, рассмотренный и апробованный и братом и женою, повергаю на ваше благоусмотрение.

ДОМ В ЛОНДОНЕ, ГДЕ ЖИЛ ГЕРЦЕН
Фотография, 1850-е гг.
На переднем плане Герцен в семейном кругу
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Мужики говорят, что та семья богата, в которой работников много. Стало быть, надо собираться в одну семью, все доходы в общую казну, все расходы общие: стол, дом, стирка белья и проч. — общие.

Так мы уже и устроились с братом, и в результате то, что у нас уже есть и самовар, и со свечи снимаем не пальцами, и постели есть — словом, живем in a gentlemanlike manner * и можем хоть завтра же взять на свое иждивение еще человека. Если у вас в Лондоне есть эмигранты, порядочные люди, желающие честно жить и честно работать, пусть едут к нам, хоть и не поодиночке, а гуртом. Мы найдем всем занятие и приют. А там посмотрят—могут войти в наше жи́ло—ладно; нет — нет. А мы с братом заводим фаланстеру на весьма прочных основаниях: даже на-днях землю купим под эмиграцию. Жизнь здесь дешева, земля нипочем, на £ 5

* на джентльменский манер (англ.).

можно купить место чуть не в Charing-Cross [7] величиною. Постройка здешняя, камыш, обмазанный глиной, стоит тоже немного. Дом, как ваш фулямский [8], можно выстроить много за £20. Цены вздорные. Воз лучших дров стоит не дороже 10 левов, а 1 лев (пиастр, турецкий грош)=2 д. Мясо стоит 3 лева за óку (óка=3 фунтам), и все так. Сторона здесь привольная, нетронутая, непочатый угол. Коли будет не в труд, узнайте у Суздальцева [9], что стоят в Лондоне: 1) тряпки, 2) рога, 3) кости, 4) копыта, 5) щетина, 6) рыбий клей, 7) навоз коровий — ведь возят же гуано в Англию. Есть ли теперь издатели русских книг за границей? Куда бы мне сбыть описание некрасовцев? [10] Здесь человеку, который хочет трудиться, можно легко зарабатывать кусок хлеба: пусть сюда едут под мое начальство.

При жиле мы думаем завести *детскую*, род воспитательного дома для сирот — и это уже начато. Кажется, я скоро *куплю* у одного пьяницы-вдовца трех мальчиков и одну девочку за ведро водки; и дети-то очень талантливые, мы их и выцивилизуем; а там еще найдутся, а там еще. Главное, только нужно усыновлять их законным порядком, чтобы после родители не имели права гнать их за плуг, женить и выдавать замуж.

Теперь насчет пропаганды. По всему, что я знаю, слышу и вижу, время для нее неподходящее. Надо пообождать, когда уймутся волнения страсти, когда очунеет мать земля русская. До тех пор мы пропагандируем исподволь, приучаем дикарей к себе и к нашему образу мысли. Мы делаем все возможное, чтоб приласкать их и приучить к себе. Чаек попиваем с ними, — а самовар — отличное орудие пропаганды, — помогаем им, в чем можем. Докторов здесь нет — мы и лечим, беда только, что нет ни книг, ни руководств — ничего, ровно ничего. Христом-богом заклинаю Тхоржевского, ну далеко ли от него до Regent's Circus, где контора Messageries Impériales*; пусть он сбудет туда мои книги с надписью: à Monsieur Vassily Ivanoff Kelssyeff Moscoff-Bachi à Toultcha, Turquie Danube или, еще лучше, à Monsieur Joukovski, с передачей. Без книг мы здесь погибаем. И лично погибаем, и теряем влияние. Этих липован и молокан надо бить обухом по лбу — увидит, что книг много, — и почувствует и возблагоговеет. Если можно, пришлите и вы что-нибудь к моим книгам, особенно по хирургии, медицине, политической экономии и по садоводству. Не достанете ли у кого цветочных семян? Кстати, думаем заняться здесь одомашнением кой-каких птиц. Сил у нас гибель и надежд много: пусть идут к нам товарищи — а воды светлые Дуная уже в руках теперь у вас!

За книги мои в Лондоне, разумеется, платить ничего не следует.

Трюбнер плачет. Успокойте его. До сих пор я все хожу с пилой да с молотком. Некогда было. Как только освобожусь — сейчас за грамматику. Да он же и в убытке не останется: я этим временем сделал чрезвычайно любопытные наблюдения о изменении губных, зубных и свистящих звуков в славянских наречиях, а за промедление мое все это внесу даром в рукопись.

Кстати. Трюбнер или кто другой не купит ли у меня приготовляемого мною теперь сборника песен и рапсодий ногайских татар? До сих пор ничего, кажется, не издано по этому языку, а моя коллекция будет единственная в мире — я собираю всю ногайскую литературу. Разумеется, что сборник будет с предисловием, с кратким сравнительным очерком грамматики, со словарем и с переводом песен на французский или на английский, — все равно. Что дадут мне песен за 100? [11]

Еще. Где и что писано об устройстве детских в Англии? Как бы это познать всю механику дела?

---

* Имперская экспедиционная контора (франц.).

Но всего в одном письме не скажешь. Свертываю это и жду ответа от вас. Прежде всего напишите, где вы были и что вы делали во время наших бедствий. Как у вас теперь идет? Около вас кто? Кто изменил и кто верен делу остался? Кто жив и кто схвачен? Существует ли «Колокол»?

Ну, кланяйтесь всем нашим старым друзьям — Чернецкому, Тхоржевскому, Мейзенбуг. Скажите, что мы часто и часто их поминаем, что мы всё те же.

Александр Александрович где? Вот бы ему сюда изучать здешнюю фауну. Ведь край совершенно неизвестный. А хороший край, даже орлов много — я в фаланстере посажу одного на цепь: по крайней мере, хохлам и липованам дам тему для рассуждений: что̀ они хотят эвтим изобразить и доказать?

Затем — до следующего письма.

В. Кельсиев

P. S. Книги, ради бога, книги!..

[1] Варвара Тимофеевна *Кельсиева* с дочерью Малушей приехала из Лондона в Константинополь 29 августа 1863 г. (XVI, 466; ср. «Исповедь», стр. 370).

[2] *Пера*—торговый квартал Константинополя,

[3] Текст адреса старообрядцев-некрасовцев, поданного царю от имени всех старообрядцев, живущих в разных странах, был сообщен Герцену и Огареву Гончаровым. Адрес, напечатанный в сочинениях Герцена (XVI, 466—468), не содержит никаких выпадов против поляков; наоборот, авторы его вымаливают там «прощение» полякам. Однако Кельсиев уверял Герцена, что текст адреса, отправленного Гончаровым Александру II, отличался от того текста, с которым Гончаров ознакомил Герцена. Герцен и Огарев, как видно из их критических замечаний, осуждали прошение старообрядцев за то, что написано оно с «самоуничижением», что в нем не хватает «резкого требования», которое заставило бы русское правительство посмотреть на старообрядцев «как на силу» и не свысока (XVII, 131—135).

[4] О тульчинском «губернаторе» *Рашид-паше* Кельсиев подробнее сообщает в «Исповеди» (стр. 376—377).

[5] *Малушка* (Мария) — дочь В. И. и В. Т. Кельсиевых; умерла в Галаце осенью 1865 г. в возрасте около пяти лет («Исповедь», стр. 397).

[6] *Остальцы древлего благочестия* — старообрядцы; *духовными христианами* именовали себя сторонники разных так называемых рационалистических сект (из них в Тульче более всего было молокан).

[7] *Charing-Cross* (Чаринг-Кросс) — площадь в Лондоне.

[8] Дом, в котором жил Герцен и где его посещал В. И. Кельсиев, находился в Фуляме (Fulham) — предместье Лондона (см. «Исповедь», стр. 274).

[9] Владимир *Суздальцев* жил в Лондоне вместе с братом, общался с Герценом и лицами, окружавшими Герцена. Содержал коммерческую контору (XVI, 149).

[10] Специальное «описание некрасовцев», составленное Кельсиевым, в печати не появлялось, хотя некрасовцам Кельсиев посвятил многие страницы своих этнографических работ.

Некрасовцы — русские казаки, жившие в Турции (названы по имени булавинского атамана Игната Некрасова, бежавшего за границу с группой казаков в 1708 г. во время подавления восстания).

[11] Упоминаемый Кельсиевым сборник песен издан не был.

6

Тульча. 27 ⟨?⟩ ию⟨ня⟩ * 1864

Невеселую новость сообщу я вам на этот раз. Наши ряды то и дело редеют: кто изменяет нашей вере, кто идет в каторгу, кто в могилу. Одним из нас меньше на свете. Одного эмигранта уже нет — на прошлой неделе я похоронил своего брата. Он умер 9/21 июня, во вторник, около восхода солнца. Захворал он, как только я начал оправляться. Сначала все уставал, хандрил, дремал целый день, потом слег в постель, и начался жар

* Край письма оборван. В дате письма явная описка: «21».

и бред. Я пригласил того самого Dr. Morelli, который воскресил меня из мертвых; но Morelli, очевидно, не понял болезни — он лечил его одними пальятивами. Впрочем, к 9 июня брат начал поправляться и ночь провел так хорошо, что жена моя, сидевшая у его постели, будит меня на смену (а мы поочередно дежурили около его) словами: «Ивану Ивановичу очень хорошо, кажется следующую ночь не приведется сидеть». Я встал не торопясь, напился чаю, так что с четверть часа брат оставался один в своей комнате. Жена легла спать и тотчас же заснула. Дело было на самой заре, чуть брезжило. Вхожу в его комнату и вижу, что он мечется по постели. Я поправил его одеяло и спокойно сел за книгу. Если б мне в эту минуту сказали, что ему грозит катастрофа, — я бы расхохотался: накануне ему было лучше, а жена мне сказала, что ночь он спал хорошо. Но беспокойное метанье становилось сильней и сильней — я начал сомневаться, бросил книгу и стал всматриваться. Страшное подозрение мелькнуло у меня в голове: я разбудил жену и служанку; служанку отправил за доктором, но было слишком рано, она не достучалась и вернулась ни с чем. Агония начала слабеть, глаза подкатились: оставалось кинуть кровь — я послал за цирульником, а сам прорезал вену перочинным ножом. Кровь не пошла. Цирульник явился — но было уже поздно — я не дал ему тревожить умирающего, у которого уже охолодели руки. Конвульсия кончилась; начался хрип. Слабей, слабей и совсем перестал. Я закрыл глаза покойнику. Тут пошли хлопоты об обмывании, могиле, о восковых свечах, о гробе и прочее, что, спасибо обряду, несколько отвлекает ум от мысли о страшном горе. Похороны были на другой день: к вечеру 9 июня труп уже испортился. Собрался небольшой кружок близких знакомых, поляков и мужиков-малороссов (липованам и молоканам нельзя ходить на чужие обряды), пришел протопоп Харитон и поп Илья, притащили кресты и хоругви — и, на высокой горе, откуда виден и Дунай, и Бессарабия, и маковки измаильских церквей, закопали первого эмигранта, сложившего свои кости на чужой земле.

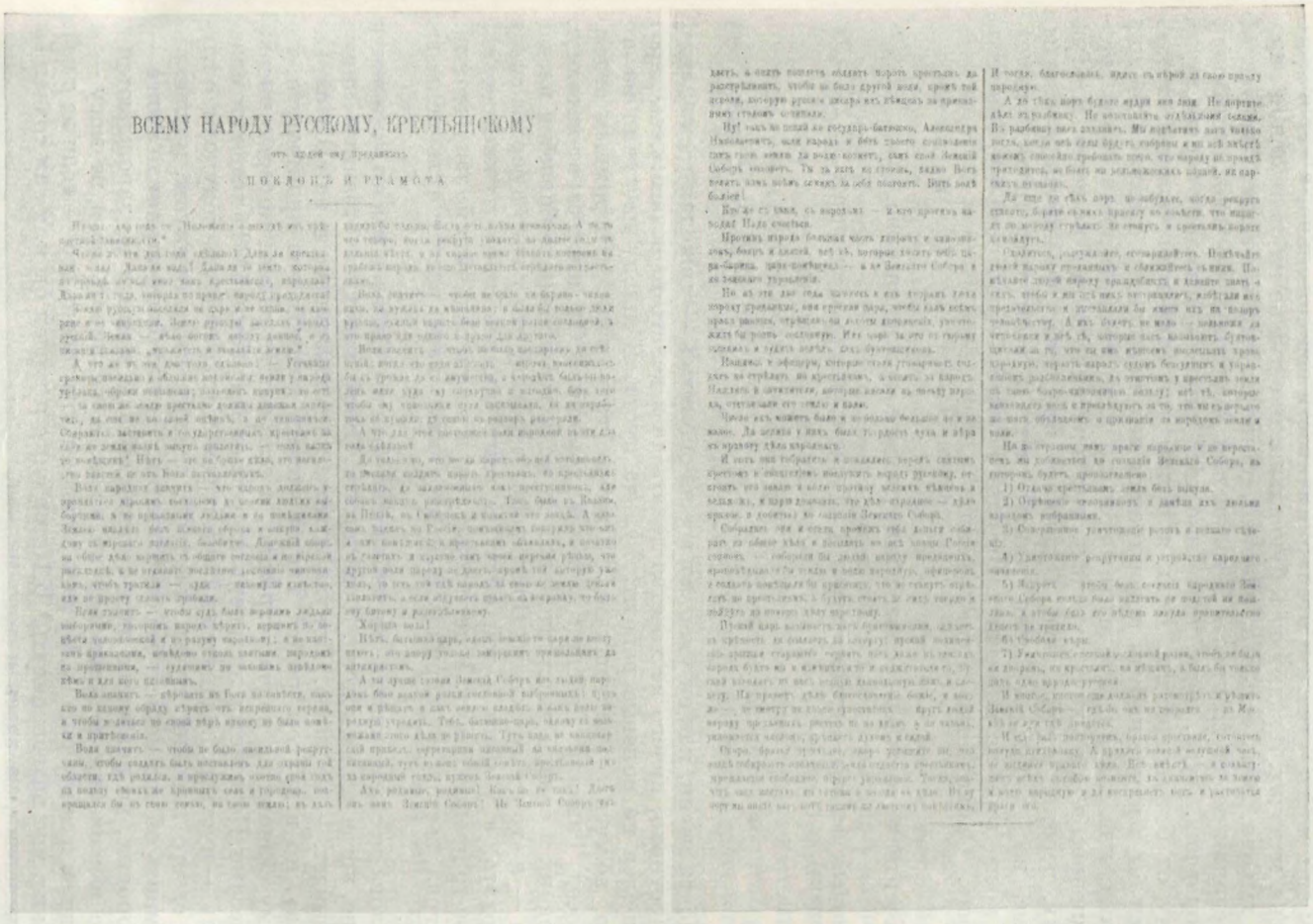
И вот я один-одинехонек с своею семьей; а я так было привык иметь подле себя не только брата, но друга. Вы не знали его, а это был святой человек: ум, сердце, энергия — все было, и в двадцать три-то года свалиться и протухнуть! Это был поэт. Я ужасно жалею, что не заставил его записать своих стихотворений. Была у него вакхическая песня, полная страшного отчаяния. Как пел он, вовсе не владея голосом! И как тосковал он в этой Тульче, как рвался он к вам! Точно чувствовал, что не сдобровать ему в этой дикой стороне.

Блаженны верующие. Вы верите, что Россия скоро очнется от чумы. Я не стану спорить с вами, но во мне нет этой веры — я потерял Россию, я вижу Пруссию и Staatsphilosophie *. Свет клином сошелся для меня, дорогие друзья мои. Был еще якорь у меня, была еще сильная, хорошая привязанность, да и той нет, и та лопнула. Вы спрашиваете, не переменил ли я мнения? Я — тот же, но я не вижу возможности, чтоб дело не пошло по диагонали сил; а сила не на нашей стороне, а на стороне прусских начал: a Prussia, Russia—alles mir gleich **. Я всем чужой, и все мне чужое. Здесь есть европейцы, но все европейское мне чуждо. Куда я дену свою голову? Зачем я не издох в двадцать три года, как он, а он распорядился, может быть, и удачно.

«Jetzt wohin?»***—спрашиваю я себя, как Гейне [1],—и нет ответа, свет клином сошелся. Здесь у меня есть официальная деятельность — например, разобрать дело об изнасиловании, выручать людей из тюрьмы,

---

* государственную философию (нем.).
** Пруссия, Россия — мне все равно (нем.).
*** «Теперь куда?» (нем.).



ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ, КРЕСТЬЯНСКОМУ

от кого им преданных

ПОКЛОН И ГРАМОТА

ЛИСТОВКА ОГАРЕВА и А. А. СЛЕПЦОВА «ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ, КРЕСТЬЯНСКОМУ ОТ ЛЮДЕЙ ЕМУ ПРЕДАННЫХ ПОКЛОН И ГРАМОТА», 1863 г.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

мирить и судить всяких дураков, усовещевать не попавшихся фальшивых монетчиков и конокрадов, наконец, спорить хоть о perpetuum mobile со всякими самоучками-механиками, но всего этого мало, все это тесно. Силы еще много, отваги и предприимчивости еще довольно, а тут я задыхаюсь в мелочах. Я задыхаюсь буквально, мне душно на свете, и я не вижу себе выхода. Ведь есть же, наконец, такие отчаянные вещи, как ученые экспедиции во внутренность Африки или Австралии, — но в экспедицию не попадешь. Куда, куда, дайте мне хоть намек — я голову теряю, с ума схожу от безвыходности. Будь я поляк или западный человек, я вмешался бы в какие-нибудь конспирации или повстания, сделался бы или Орсини, или славянским агитатором, но я не уважаю достаточно западных вопросов, я не хочу дурачиться, а в русские дела я не верю. Я с ума схожу, дорогие друзья мои. Напишите мне хоть что-нибудь поскорей. Кроме вас двоих, у меня никого нет. Я всем этим людям чужой. Они моего горя не понимают. Вы одни поймете — дайте же мне братскую помощь. Одиночество душит меня.

В. К.

Хотите новость? — сейчас было легкое землетрясение.

[1] «*Jetzt wohin*?» — стихотворение Г. Гейне из цикла «Романцеро» (ч. 2 — «Ламентации»).

7

Тульча. $\frac{4}{16}$ июля 1864

Почти месяц, как он умер, а я все не опомнюсь — тяжелая тоска давит, все противно, ничего не хочется делать да и делать-то нечего: весь народ разошелся на полевые работы, Тульча пуста. В школу поступил на его место, вожусь с ребятишками. Другую хату взял, с огромным садом. И сосед Гаврила Лебедь [1] у меня хороший. Он протестант-методист, кожевник и святой действительно. От меня всё правды добивается насчет веры — а что я ему скажу? Благо верит человек, что у него в сердце сидит благодать, а у меня и той нету. К чему мне разбивать чужие сердца? и свое-то крепко болит. У него тоже сад, и какой сад, дикий, запущенный: виноград вьется по абрикосовым деревьям, маис растет чуть не выше меня.

Слова не с кем сказать, а я избалован был им. Слова и мысли спираются в душе, когда нет им исхода. Я сел писать. Пишу какую-то странную книгу; что́ выйдет? — не знаю. Покуда похоже на Апокалипсис и на «Divina Comedia», но в другом роде [2]. Таким адским хохотом все проникнуто, что самому становится подчас страшно, а есть также главы, которые писаны со слезами. Печатается ли теперь по-русски за границей? Я б хотел это напечатать — пусть их подавятся нашим горем, хоть раз пусть подумают о глубине своего падения, пусть, наконец, поймут, что они глупы, подлы, что вспомнить об них нельзя без отвращения. Но это будет странная книга — у здоровых, не разбитых людей такие образы в мозгу не зарождаются и такие выражения не приходят на язык. А не писать ее я не могу — я только ей и живу теперь. Бумага заменяет мне теперь его — если не с ней, с кем же мне разговаривать? В Петербурге я нашел бы или сам создал бы себе человека, а здесь и того нельзя.

Вы отчего не пишете мне? «Колокола» я совсем не вижу, а он бы был мне большим утешением. Я его не получаю с ноября [3]; ни я, ни епископ Аркадий [4]. Один поляк, Вейс, просит выслать ему «Głos wolny» [5]; ответа нет, а он — человек хороший — на меня теперь обижается. A propos, чтоб не забыть, где теперь откупщик Рюмин? Мой сосед Лебедь — бывший его крестьянин.

Молокан один приехал сюда на-днях из Симбирска — обозревает он ихние церкви, очень умный и влиятельный человек. На-днях едет он в Петербург, хлопотать о свободе вероисповедания. Спрашивал у меня помощи и совета. Я, разумеется, не отказал — говорил ему, чтоб сошелся он с прочими согласиями. Но, увы нам, он думает только о внутреннем просвещении благодатию святого духа; остальное же все — прах и суета. Гончар руки ломает, что нас в Москве ругают. Но я плохо ему верю—тот адрес, который он подавал, был написан не так, как он вам его послал. У меня на это факты есть. Впрочем, мы с ним приятели и всё в любви объясняемся.

Жиды здешние хотят выбрать меня своим покровителем, хохлы хотят иметь меня своим представителем. На-днях, кажется, засяду от русских обществ заседателем при следственном приставе. Идут переговоры об назначении мне жалованья от общества. Бедный народ меня любит, богатые побаиваются и делают разные каверзы. Здесь есть пролетариат — бурлаки. Это всякие бездомные бродяги, которых страшно эксплуатирует купечество. При мне стало посмирней — знают, что я правого отстою. Русские с русскими у турок теперь не судятся — не пускаю, сам сужу *с стариками, дружески, за чаем или за стаканом здешнего вина, где-нибудь* в шинке. Из тюрем много невинных повыпускал. Губернатор у нас новый— Сабри-паша, а Рашид-паша теперь генерал-губернатором в Видине.

Живу с мужиками, с мужиками с утра до вечеру. Приехали бы вы сюда хоть на месяц посмотреть мужиков. Нет, дорогие мои, это умный народ, но у него не то в голове, чего мы хочем. У них в уме желание, чтоб русский царь французу да поляку нос утер, плачут и ропщут, что телесного наказания у нас нет, что полиция ни во что не мешается, что политических шпионов нет, что власть слаба; толкуют, что надо начальству повиноваться. Скажите им что-нибудь: «Мы люди маленькие, мы ничего не сделаем, ты вот с купечеством потолкуй — коли они согласны будут, и мы не прочь». А какое презрение к бедным и к бурлакам! Одно, чем довольны они здесь,— это равенством, а равенство здесь полное, бурлак садится рядом с кем угодно, мужик садится у паши, полковник пьет кофей с солдатом, лакей протягивает вам руку, понятия о барине нет — и то охают, что на них страху нет, — народ балуется. Довольны одним — это отсутствием поземельной собственности. Покуда ору землю — она моя; перестал орать — через три года приходи орать ее кто хочет — царская вся земля, как они говорят. Дворы, впрочем, собственность, а земля — нет. Веротерпимость полная, и этим все довольны, хотя старообрядцы-поповщинцы и поругиваются между собою крепко — раздорники с папежниками [6] — и делают доносы и подвохи, но это оттого, что они разделились недавно очень. В России веротерпимость, царская земля и равенство весьма осуществимы, но как их добиться? Слова «бунт», «мятеж» им ненавистны. За мир стоять считают сумасшествием. Они смеются надо мной, что я за них хлопочу, и сами же плачут, что их обижают греки и болгары. Скверно все это. Пишите мне, друзья мои, и присылайте «Колокол».

Жму ваши руки.

В. К.

[1] Гавриил Васильевич *Лебедь* — уроженец Тамбовской губернии, бывший крепостной крестьянин, сектант. Он несколько раз менял вероисповедание. За рубежом, подпав под влияние миссионера епископального методистского согласия, Лебедь перешел в методизм и принял французское подданство («Исповедь», стр. 392).

[2] Вероятно об этих своих литературных работах писал Кельсиев своему товарищу, Д. В. Аверкиеву, в декабре 1864 г.: «Форма изложения у меня несколько мистическая — я рассказываю невероятные анекдоты об открытии жизненного элексира, о магии, о гномах, о жителях планеты Марса и т. п., но под этими аллегориями я ставлю вопросы о возможностях и о полезностях. Смешай воедино По, Гуливера, Герцена и Чернышевского и прибавь юмор Сервантеса и желчь Данта — и ты придешь

к некоторому понятию о слоге и о содержании моих произведений» («Русская старина», 1882, № 9, стр. 635). Кельсиев просил устроить это его сочинение, под псевдонимом, в какой-либо журнал, выходящий в России. Более всего ему хотелось поместить его в «Современник», к которому, как он пишет, у него были особые симпатии. Насколько известно, подобное сочинение Кельсиева в печати не появлялось.

[3] В связи с этим сообщением Герцен писал Тхоржевскому 7 августа 1864 г.: «Кельсиев пишет, что „Колокол" не приходит и письма тоже. Пошлите ему три последних № на Жуковского» (XVII, 318).

[4] *Аркадий* («мирское» имя — Андрей Родионович Шапошников) — епископ Славский, видный представитель белокриницкой иерархии. Жил в Славском монастыре близ Тульчи. О нем и о своих связях с ним много говорит Кельсиев в «Исповеди» и в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 271—273 и др.). Одно время Аркадий поддерживал связи с русской революционной эмиграцией, руководствуясь узкими интересами укрепления старообрядческой церкви. По своим политическим взглядам Аркадий, как и вся верхушка белокриницкого старообрядчества, был крайне консервативен. Для того чтобы выслужиться перед царским правительством, перед которым Аркадий хлопотал о разрешении вернуться в Россию, он передавал сведения и документы революционной эмиграции русским дипломатическим представителям (XVII, 280—288). Умер Аркадий в 1868 г.

[5] *«Głos wolny»* — газета, издававшаяся в Лондоне, орган демократических кругов польской эмиграции. Редактором «Głos wolny» был в 1863 — 1864 гг. известный польский революционер Антон Жабицкий, о котором см. в примеч. 4 к письму 11.

[6] Две спорящие стороны старообрядцев-поповцев дали друг другу обидные прозвища, которые за ними и закрепились: «раздорники»—не признающие белокриницкой иерархии, «папежники» — признающие ее.

8

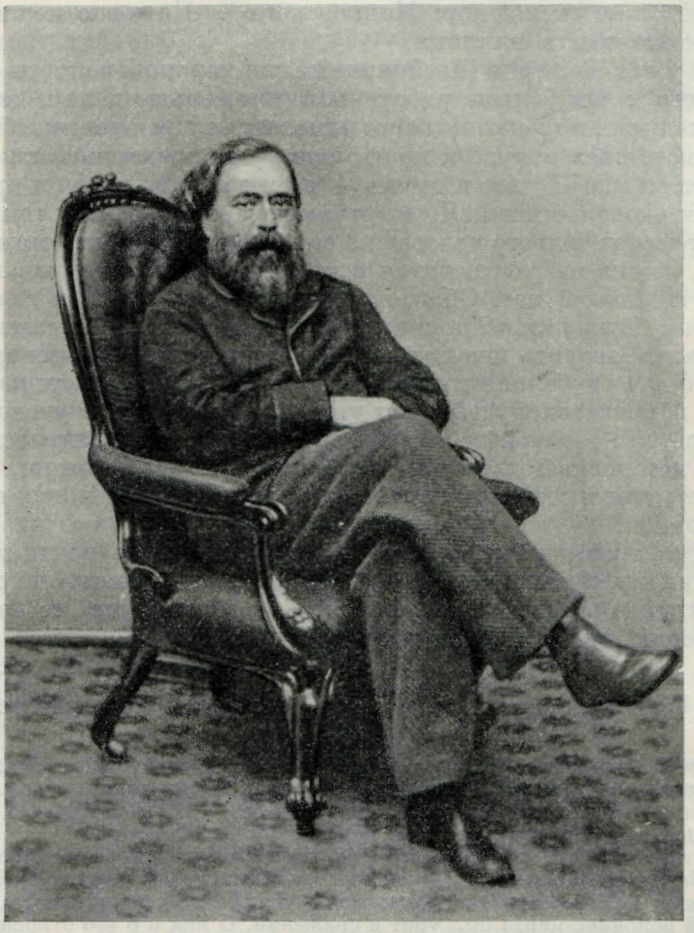
$\frac{11}{23}$ июля 1864
Тульча

Жена больна, и Малушка тоже больна. Не знаю, что из меня выдет, но нравственный переворот совершается. Я не горюю уже, слез нет — одна глухая злоба кипит. Мысль, что все непрочно, не дает мне покою. Все тленно и все разрушится — и дорогие мне люди, и заветные дела. Разума в природе нет, а сила у нее страшная. Если б мы могли переделать свой организм, так чтоб не болеть, не стареть и не мереть, был бы еще выход, но мы не знаем достаточно ни химии, ни физики, ни даже физиологии. Мы плывем по этому беспредельному в пространстве и времени Океану на плохо сколоченном плоту — волны срывают то того, то другого из нас, рухнет и плот наш. Что наша наука? наши страдания? наши истины? Они ведь не достанутся в наследство каким-нибудь жителям Марса или Меркурия — прахом пойдет наше наследство. Все это какая-то бессмысленная игра в кровь и в слезы — и смешно, и гадко, а главное — не нужно.

И вот на душе холод, на губах хохот. Блаженни верующие, и проклятье уму человеческому! Как отлученный какой бродишь по комнате. Кругом больные, да если б и не больные, то все-таки приговоренные к казни, все-таки не мои. И природа эта — все, все, что я вижу, и люди эти все, и я сам — не больше как призрак, как временное химическое и механическое скопление вечно изменяющегося вещества. — Что из меня выдет — не знаю, но перелом совершился, я чувствую, что я уже не тот и что моя молодость уже кончилась. Ни веры, ни упований, ни свежести душевной. Сначала я боялся с ума сойти, каждый нерв дрожал, и в глазах мутилось, но острая боль перешла в хроническое ледяное спокойствие, ум занялся беспощадным анализом всех верований и всех принципов, и все сводит к нулю. Дня не проходит, чтоб я чего-нибудь не казнил, становлюсь все свободней и свободней и, разумеется, все бедней и бедней. А одиночество мое здесь полнейшее, слова и мысли девать некуда — говорить мне не с кем. Спасибо судьбе еще, что грамоте знаю да досуга много. Как закипит это холодное отчаяние — сажусь и пишу.

Теперь, спасибо вам, повеселей стало. В.[1] приехал в понедельник 6/18 июля. Я ему очень рад. Он славный малый и чрезвычайно симпатичный,

но все-таки это не такой товарищ, как брат был. Знаете ли вы, как обидно, когда надо толковать каждый вздор, разводить каждое слово, иначе вас не поймут по недостатку сведений. С ним то и дело спотыкаешься в беседе — ничему не учился. Но все-таки мне крепко понравилась эта свежая коренастая натура, без ран, без сомнений, без фраз. Он мне напомнил Потебню [2], так и дышит верою — и все это так просто, без рисовки.



ОГАРЕВ
Фотография, конец 1860-х гг
Исторический музей, Москва

Я, разумеется, не выдерживаю и исправляю уже при нем должность Мефистофеля, а зачем — и сам не знаю. Пусть бы себе веровал, все ж лучше и легче. С приезда своего он прежде всего занялся моим хозяйством, которое после всех этих болезней в страшном запущении — дотронуться ни до чего не хочется, — и распоряжается всем удивительно ловко и проворно. Крепкое спасибо вам за него.

Занятия ему еще не мог приискать. Первое — потому что языков не знает, второе — теперь весь почти город ушел на жнива и на рыбальство, никого решительно нет здесь, надо будет подождать несколько недель, пока соберется народ. В одном будьте покойны — такие люди с голоду не умирают. Это натуры деятельные, цельные, сложа руки сидеть не любят.

Насчет безопасности здесь нечего сомневаться, покуда турки — турки, до тех пор мы обеспечены Кучук-Кайнарджийским трактатом, по которому Россия и Турция выдают только разбойников, воров и фальшивых монетчиков, а сектантов и политических преступников, прибегших под высокую руку белого царя или под сень престола наместника аллахова, не выдают [3].

Вот вам новость—у нас будет на днях русский консул, какой-то Кудрявцев. Когда приедет, напишу о нем подробнее. Консульство заводят здесь вследствие экспедиции Милковского [4]. На наше положение здесь это не может иметь влияния.

Какой у вас офицер в Швейцарии? Если хороший человек — прислали бы вы и его [5]: чем больше работников, тем больше дела и тем выгодней. В., кажется мне, по некоторым его намекам, человек денежный. Я советую ему присмотреться покуда к краю, а там уже предпринимать что-нибудь.

Привез он мне «Былое и думы» — я их давно не читал и прочел теперь с большим удовольствием. Я так отвык говорить с вами и так рад был послушать рассказ живого человека о его болях и скорбях, что слезы навертывались у меня на глаза, читая вашу книгу. Но какая же тоска в этой пустыне, где людей нет. Образованные люди, которых я видел с выезда из Парижа, были только поляки да разные европейцы; сами знаете, что это за народ. Говорить мне можно было только с братом, говорить вольно, не приискивая удобопонятных выражений. Не найдется ли какого-нибудь грамотея в наше захолустье? вот что нам нужно, нас за ученость так уважают здесь, что обращаются ко мне за справками по религиозным спорам и ждут с нетерпеньем приезда моих книг. Вы спрашиваете, получил ли я их?—нет; как и с каким пароходом вы их послали и как я их получу без накладной?

A propos, Эберман был при смерти болен, а теперь почти совсем выздоровел. Какова ирония матери-природы! Каково уменье надругаться над всем святым и чистым! Юноши дохнут — вóроны лет пó двести живут. Злость берет, тупая, бессильная злость.

Жму руки ваши. В. К.

P. S. Гончар в Цареграде, и потому письмо к нему еще не передано [6].

[1] Михаил Семенович *Васильев* — офицер, поручик пехотного полка. В 1863 г. он эмигрировал, не желая принимать участие в подавлении польского восстания. О нем Кельсиев писал в «Исповеди» (стр. 382—383) и в воспоминаниях «Пережитое и передуманное», где Васильев выведен под именем С. М. Мудрова.

[2] Андрей Афанасьевич *Потебня* — русский офицер, революционер, активный деятель общества «Земля и воля», один из инициаторов офицерской организации в Варшаве. В 1863 г. Потебня участвовал в борьбе на стороне восставших поляков и во второй половине марта был убит в сражении. О нем и о его отношениях с Герценом и Огаревым см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 538 и 557.

[3] Указание В. Кельсиева неточно. По ст. 2 мирного договора России с Турцией, заключенного в Кучук-Кайнарджи в июле 1774 г. (Первое полное собрание законов, т. XIX, № 14164, стр. 957—967), выдаче подлежали люди, совершившие преступление на родине и укрывающиеся в пределах другой страны. Исключение делалось лишь для лиц, принявших в России православие, а в Турции — магометанство.

[4] Об *экспедиции Милковского* см. письмо № 4 и примеч. 3 к нему.

[5] Какой офицер имеется в виду, нам неизвестно; очевидно, о нем речь шла в несохранившемся письме Герцена и Огарева из Лондона.

[6] Письмо Герцена и Огарева Гончарову от 4 июля 1864 г. (XVII, 280—282).

9

Тульча. 25 июля 1864

Крепкое вам спасибо за ваши письма: не оставляйте ими меня — кроме вас, у меня никого нет.

На этот раз пишу весьма коротко: вчера был занят процессами, ночь проспал, до почты остается часа два. Большое письмо к вам я начал, но

не успел кончить, вы получите его через неделю. Письмо это будет содержать его биографию [1].

В.[2] малый хороший, но Мартьянов был несравненно ученее его. Самолюбие, т. е. оскорбленное самолюбие, вопиет у него больше, чем у Мартьянова, что весьма естественно. Я делаю, разумеется, все возможное, чтоб сойтись с ним, но он упрям. Вы сами знаете, как я и жена легки на знакомства, но на этот раз против нас идет вопиющее самолюбие, которое не прощает нам нашего знания, отчего, например, бывает гром и молонья. Он развивается malgré lui *, но развивается с болью. Надо дойти до того, чтоб он явно признал себя учеником хоть в языках, хоть в географии— и мы не теряем надежды. Мы ведем дело весьма мягко и весьма уступчиво, прощая все взрывы обидчивости, и думаем, что успеем. Но кто он? Он это скрывает, и от этого между нами и им стена. Русский он или поляк? по-моему — поляк. Я достаточно знаю по-польски, чтоб не подметить в его речи ошибок, которых русскому нет возможности сделать. Иногда даже подозрения закрадываются в голову. Воля ваша, но выводите меня из недоразумения. Как и через кого вы его знаете?

Отчего я «Колокола» не получаю? Как его Тхоржевский посылает? На Жуковского все доходит — отчего ж «Колокола» нет?

Книги, спасибо вам, получены.

Вчера прибыл сюда консул. Я с ним познакомлюсь — этого требуют местные условия, самое чувство самосохранения и желание иметь наши журналы. Паша расхохотался, когда я ему сказал, что мы, эмигранты, боимся консула. «Прежде чем вас арестовать, он должен отнестись ко мне, а я в Стамбул. Припомните, что на это нужно время, и припомните нашу ненависть к Москов(ии). Вы лучше вот что сделайте, если вы дорожите нашим гостеприимством,—наблюдайте, чтоб он не сманивал здешний народ на выход в Россию. Эмиграция здесь в абсолютной безопасности, будьте в этом уверены».

Где ваш женевский офицер? Где Гижицкий? [3] а здесь нет ни одного учителя музыки. Где остальные?

Пожалуйста, не забывайте письмами.

Крепко обнимаю вас. В. К.

Еще минута — еще несколько слов. Бывали ли вы в положении, что надо каждое слово обдумывать? Вы скажете: «Фрейшюц, Байрон, Шиллер, Чернышевский» — и вас спрашивают: кто это?

Помните, как-то, в начале нашего знакомства, вы спросили меня за обедом, читал ли я «Divina Comedia»? Я тогда, обидчивый,— седые волосы тогда еще не показывались,— отвечал вам оскорбленным голосом: «Разумеется, читал». Вопрос ваш я принял за личную обиду, за презрение ко мне. И вот теперь, в этой богоспасаемой Тульче, нет человека, который знает эти слова, нет человека, который знает, что такое Гегель, что такое психология, метафизика, патология, диафрагма, 1789 год, «Ça ira», студенческая история — надо толковать об азбуке, когда на душе и на уме чтение по верхам. Поляки здешние, французы и итальянцы кой-какие меня понимают, но между мною и ими — бездна, мне противен разговор с ними, как христианину противна беседа жидов, как протестанту противна беседа католиков.

И вот с утра до вечера я с человеком, который очень умен, но который меня и *моего* не в силах понять; вы велите быть ему отцом — я исполняю это елико возможно гуманно, но мне нужны не только ученики — учеников у меня и без него много, — мне нужен равный, иначе слово в груди спирается, мысли деваться некуда. А верст на 300 кругом живой души нет.

---

* против воли (франц.).

Мысль вянет, материалов ей нет, а ей нужно постоянное возбуждение. Пришлите сюда хоть одно развитое существо—иначе нам нет спасения: будет у нас кружок, тогда всякие В. легко разовьются, а то он станет всякое возражение наше принимать за личность.

Одиночество — такая вещь, что вынести ее нет возможности. Воля ваша, но я думаю наутек отсюда, у меня силы нет, я тупею и пошлею. Мне начинает мерещиться Гейдельберг и Тюбинген — там, по крайней мере, наши студенты есть, и там слово мое исход найдет. А я сказал бы молодежи кое-что новое, недаром у меня седой волос показался; я кое-что пережил и кое о чем передумал.

Дайте мне человека, хоть на время, иначе я уйду отсюда. Я задыхаюсь.

В. К.

На полях рукой В. Т. Кельсиевой:

Дорогая Наталия Алексеевна [4], на этот раз пишу только несколько строк. В. И. торопится на почту. Лихорадка меня оставила, но слабость еще очень сильна. Малуша совершенно здорова. Пришлите, пожалуйста, ей карточки детей, если у вас есть; она каждый день толкует об них. Вербуйте к нам эмигрантов — зима приближается, а с ней и работа всем найдется.

Следующий раз напишу больше и все подробнее. Благодарю Н. А.[5] и m^elle^ Meysenbug, что помнят нас, мой искренний поклон. Руки еще как-то не ходят. Пишите, пожалуйста, пишите.

Ваша В. К.

[1] Очевидно, речь идет о биографии брата Василия Кельсиева — Ивана Ивановича. Просьба прислать ее содержалась, повидимому, в несохранившемся письме Герцена к В. И. Кельсиеву (о том, как Герцен относился к Ивану Кельсиеву, подробнее см. в настоящем томе, во введении к публикации писем И. И. Кельсиева Герцену и Огареву). С подобной же просьбой — прислать материалы для биографии И. И. Кельсиева — после его смерти обращался и Огарев к Е. В. Салиас; он писал, что жизнеописание молодого революционера должно быть составлено и опубликовано.

[2] Речь идет о *Васильеве*. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[3] Евгений Казимирович *Гижицкий* — студент Московского университета, участник студенческого движения; весной 1862 г. он был сослан в Мензелинск и оттуда в мае 1863 г. бежал за границу. В конце 1863 г. и в начале 1864 г. Гижицкий находился в Швейцарии в самом бедственном положении. Позднее отошел от движения, возвратился в Россию и выступал в реакционной печати с клеветническими статьями о революционной эмиграции.

[4] *Наталья Алексеевна* — Тучкова-Огарева, с которой Варвара Тимофеевна Кельсиева (жена В. И. Кельсиева) близко познакомилась в Лондоне.

[5] *Н. А.* — Наталья Александровна, дочь Герцена.

10

$\frac{14}{26}$ октября ‹1865 г.› Галац

Вчера я получил ваше письмо от 17 октября nouveau style * [1], ergo ** переписываться через Австрию несравненно выгодней. Вы всё требуете от меня известий—мне тяжело писать вам, потому что, кроме последних скверностей, мне нечего вам сообщить. Молчать хотел бы я, но вы требуете правды — будьте же готовы выслушать страшную новость.

Finit est. ***

Занавес упал в передпрошлое воскресенье, в 12 часов пополудни. Драма выдержана до конца с полным сознанием. Ни слез, ни упреков на судьбу, ни молитвы. Это была титаническая натура, детского в ней не было. «Не плачь! не плачь!» говорила она, кладя мне руку на голову, а я стоял на коленях и рыдал, — вы знаете, что значит, когда мужчина рыдает.

---

* нового стиля (франц.).

** следовательно (лат.).

*** Все кончено (лат.).

— Не плачь! скажи мне, от чего я умираю? Чем я больна? Помнишь, ты обещал предупредить меня, когда еще мы были женихом и невестой...

— У тебя страшная чахотка, скоротечная чахотка. У тебя легкие сгнили, тебе дышать нечем. Еще час—полтора, и ты задохнешься. Я держу свое слово — слово, сказанное в юности нашей.

— Не плачь, не плачь, ничего — я умру на твоих руках.

Я сам задыхался от бешенства...

— В памяти ли ты? ты так дорожила своим сознанием, вся жизнь наша была жизнью мысли.

Она кивнула головой.

— Я хочу умереть в полном сознании...

ЛИПОВАНСКАЯ РЫБАЦКАЯ ДЕРЕВНЯ В ДОБРУДЖЕ
Фотография, 1910—1913 гг.

А уж руки и ноги были холодны. Лоб остывал, отвратительный холодный липкий пот выступал на лице, на шее и на груди.

— Дитя мое, дитя мое, еще не утратила ты сознания?

Она все кивала мне головой, мысль ясна была, насколько возможно у умирающей.

Кашель опять наступил: «Три спину — три, как при родах трешь...».

Когда кашель прошел, она замахала руками и указала на одеяло, которое лежало в ногах. Я понял. Я свернул его, положил ей за спину — она постоянно сидела. Я спросил подушку у сиделки, та меня не поняла и вместо подушки притащила ширмы — я скверно говорю по-молдавски, но за ширмы я ей был благодарен: нас другие больные не видали. Мы вдвоем остались. Она опять махнула рукой. Я сел подле нее, протянул руку, она легла мне на плечо — холодная, потная. Так прошло еще с полчаса.

— Дитя мое, в памяти ли ты?

— Не плачь.

Вдруг она откинулась, глаза уставились на окно, дыхание стеснилось. Вы знаете, как у умирающих гортань перекатывается и как останавливается последнее дыхание.

Вдруг голова свалилась на правое плечо. Глаза были попрежнему ясны. То же беззлобное лицо, то же выражение résignée * — неужели ж все кончено? Я тронул голову— рот разинулся.

Прошло еще не знаю сколько времени — сомнения не было. Я вышел из-за ширм[2].

«A murit!» ** —сказал я сиделке. — Она всплеснула руками и бросилась за фельдшером. Фельдшер, поляк, мой большой приятель, захлопотался: «Сейчас позову сторожа перетащить ее в мертвецкую...».—«Оставь — я это сам справлю»,—и я взял труп на руки, перенес, раздел.

В понедельник утром сделали диссекцию. Оба легкие сгнили почти на треть сверху. Я и в гроб положил, я и на кладбище проводил. Там в ее могилу кого-то другого успели уж упрятать. Пришлось новую могилу копать. Могильщики пьяны. Наконец выкопали. Взял я гроб, поставил в могилу — могила коротка. Я вытащил — стали опять копать, опять я спрыгнул — опять поставил гроб, опять тесно. Третий раз — опять и тесно и узко, а уж ночь, звезды на небе, заря горит, Дунай сверкает внизу. Четвертый раз спустил я ее в могилу — и все могила тесна. Я встал на гроб и протанцовал на нем какой-то каннибальский танец — гроб вошел в могилу. И пошел я, сирота, один-одинехонек в город, без горя, без радости, ничего не понимая, ничему не сочувствуя, всем чужой да и самому себе чужой. И таким я остался и остаюсь. Мне одного еще недостает для этого полного отрешения от мира — это оскопления, и я не знаю, следовать мне или не следовать совету и мольбам моих приятелей-скопцов. С жизнью у меня, очевидно, покончено — я вольная птица, отпетый человек, я из рода людского выэмигрировал. Диогена и Пахомия Великого[3] я теперь понимаю как нельзя ясно. Для кого, для чего я живу? Во имя чего я живу? Меня ничто на свете не вяжет. Я как-то писал вам, что у меня Mut verloren *** [4], а теперь даже и этим не страдаю. Я одним страдаю — да и то не болезнь — я опустился, обрюзг, обленился. Мне лень уйти отсюда с панорамой, хоть на панораму у меня и хватило бы денег, и я, может быть, долго здесь еще просижу. Без энергии, в апатии — ничего не поделаешь. Даже и наука чужда как-то мне стала; разбираю втихомолку разные психологические вопросы, — здесь говорить даже не с кем: я одинок, как не знаю какой отшельник. Сердце влечет меня к вам; там, у вас, жизнь, мысль, литературная и умственная деятельность; там мог бы я публичные лекции кой о чем прочитать; от вас до Парижа недалеко — до университета. Я завидую вам, что вы, счастливцы, на Западе, но у меня нет энергии даже на то, чтоб заработать те несколько грошей, которые на дорогу нужны, а тем более нет силы духа пуститься наудалую, как я вам писал. Не то что в Женеву идти, мне до харчевни пообедать дойти лень. Насилу силы набрал вам написать, — не вините ж меня, что я молчу и молчать буду. Requiem мой пропет. Газеты высылайте по французской почте на Franz Sowinsk. Strada Portului, Galatzi. Gasthaus. Здесь все читатели собираются. Только при первой посылке пришлите ему ваши кондиции *по-польски*.

Надпись на полях:

Адрес на доктора.

[1] Письмо Герцена и Огарева В. И. Кельсиеву от 17 октября 1865 г. см. в «Русской старине», 1889, № 1, стр. 186—187.

[2] 15 октября н. ст. 1865 г. жена В. И. Кельсиева, Варвара Тимофеевна, скончалась от туберкулеза. Смерть наступила через несколько недель после смерти дочери Кельсиевых — Малуши (Марии) в Галаце, где незадолго до того умер и их сын.

О тяжелых потерях, понесенных Кельсиевым, Герцен и Огарев отзывались в своих письмах с большим сочувствием. Смерть В. Т. Кельсиевой, к которой Герцен и его

* безропотное (франц.).

** умерла (молдавск.).

*** мужество потеряно (нем.).

семья относились с большой симпатией, была отмечена Герценом некрологом в «Колоколе» — «Две кончины». «Безропотно, самоотверженно, кротко, без фраз вынесла эта твердая, превосходная женщина добровольную ссылку, страшную бедность и всевозможные лишения», — писал Герцен в некрологе (XVIII, 249). Ср. текст этого письма Кельсиева с текстом соответствующей главы «Былого и дум» (XIV, 411).

[3] *Диоген из Синопа* (414—323 до н. э.) — древнегреческий философ кинической школы, представитель крайнего скептицизма. *Пахомий Великий* (ум. в 348 г.) — египтянин, деятель христианской церкви, автор древнейшего строго аскетического монастырского устава.

[4] Из стихотворения Гёте «Gut verloren—etwas verloren».

11

Галац. $\frac{31 \text{ октября}}{11 \text{ (!) ноября}}$ 1865 * [1]

Et tu quoque Brutus! ** — имею я полное право воскликнуть, даже, может быть, перевирая знаменитую фразу, по моему невежеству в латыни. Мало моей бедной голове, моему избитому сердцу, что здешняя сволочь то места мне дает, то карьеру мне стряпает, то невест мне сватает, — но вот и вы, последние изо всего моего имущества, вы — люди с головой и с сердцем — вы тоже не выпускаете меня отсюда. Что вы мне указываете на то, что англичане, голландцы etc. пускают корни в землю? Руками и ногами открещиваюсь я (да и вы тоже, entre nous soit dit ***) от этой завидной способности осесть. Может быть, фибрин и церебрин еще и сыроваты у меня — tant mieux pour moi ****—значит, я вперед иду. Неужели же вы, подобно Мишле, находите прелесть в homme baissé *****, в специалисте! Что вы! Ваше ли письмо лежит передо мною? Спору нет, что там, где англичанин и братия сумели бы что-нибудь *сделать*, я ничего не сделаю, но, ради «С того берега» и всех «Nocturno», зачем *делать*? Почему деятельность обязательна? Почему надо быть жрецом чего-нибудь? Что мы за слуги, за дядьки этого рода человеческого, из которого мы выросли, как бабочка из гусеницы? Что мы за поляки, рабы matki Polski ****** или, говоря вашим же языком, что мы за кариатиды будущего?

Отчего ж думаете вы, Николай Платонович, что *так* нельзя сдаваться ни перед тюрьмой, ни перед природой? Что ж я буду против рожна прати, истощать силы свои, чтоб повернуть историю, которая лезет и прет себе своим бессмысленным путем через пень в колоду. Но, скажете вы, gutta cavit lapidem *******,—пожалуй, мне и удастся, тогда-то что ж? Что ж *мне*-то из того, что я страсбургский собор заложу?

Нет, родные мои, я бросаю свою кирку и заступ, снимаю передник, смываю с себя известку и ретируюсь — судите меня, как хотите, лгать ни перед собой, ни перед вами я не могу. Я работал, другие работали — дело не шло, то-есть шло по-своему. Везде являлись какие(-то) нежданные, причудливые линии, камень оказывался то чересчур хрупок, то чересчур слоист, рабочие не ладили между собой, погода мешала... я бросил все, сел на камень и задумался о деле. Мысль — то́ же дело, та́ же работа; уменье понимать—ars magna ********. И вот я не зодчий больше, я публика при работах, я критик. И чем же мне быть, как не критиком, мне — адепту неудач, искусившемуся в потерях? Я жить хочу, чтоб мыслить и понимать: это мое пес plus ultra *********. Строить я не могу, потому что не имею

---

* *В подлиннике описка*: 1856.
** И ты, Брут! (лат.).
*** между нами говоря (франц.).
**** тем лучше для меня (франц.).
***** Здесь в смысле: «человеке ограниченном» (франц.).
****** матери Польши (польск.).
******* капля долбит камень (лат.).
******** высокое искусство (лат.).
********* Здесь: предельное желание (лат.).

на гривенник доверия к материалу. Я бы в сумасшествии подписку дал, если бы стал снова деятелем, — я, так близко — и на практике и наукой, изучивший этот народ. Он у меня и здесь перед глазами, в своих нестрядинных рубахах, с портами за голенищами, с бородами, до которых ножницы не касаются. Мало я с ним в Тульче возился? — и доверием пользовался, и уважение снискивал, — глазам моим все открыто, передо мной даже завесы скопчества раздвигались... Я ли не изучал его историю, его верованья, песни, сказки? Не добился ли я до того, что самозванца предсказал чуть ли еще не в Лондоне — а вы помните, что говорит Bucley о возможности исторических предсказаний, и вы знаете тоже, что народ не верит смерти наследника [2].

Истина обязательна, но еще более обязательно знание. Я вижу, куда воротит дело. Я вижу, как растет буржуазия, как идея о государстве, и без того крепкая и присущая этому народу, развивается и формулируется с неумолимым успехом. Я вижу, что монархизм день от дня крепче и крепче запускает корни в их головы—мне Пруссия видится в будущем — черты ее уже резко выделились в настоящем хаосе. А дальше — 100 против 1 кладу — дальше новый Магомет, Joe Smith, должен явиться и сочетать в своей личности идею царя и бога.

Вы скажете, что я ошибаюсь...

Я от души желал бы этого — но я знаю, а знание обязывает. И не даром досталось мне это знание — случалось в этой стороне даже жизнью рисковать, чтоб только повидать... Да, это совершенно особенный, самостоятельный народ, такой самостоятельный, как египтяне, как китайцы. Это не то, что какие-нибудь румуны или славяне, которых можно так легко переливать в французские или немецкие формы, это народ—особняк, материк. Он так же оригинален, как Австралия, и не может обходиться без кенгуру и утконосов. «Мы совсем особый народ,— говорят здешние мужики, — где ж им всем противу нас! Француз, точно, хитрый, а всё против нас не будет. Мы — другое, совсем другое...» А что́ это другое, они не могут себе выяснить. «Русский человек правды ищет», — объяснил мне один липован, и объяснил чрезвычайно метко. Да, они правды ищут и ищут искренно, только по-своему. Чтоб дойти до нашей правды, надо наше знание, нужны годы чтения и мышления, а без этого фундамента — наша правда копейки не стоит. Есть у меня ученики, на которых я делал опыты, — лучше молчать, лучше таить истину, чем губить людей полузнанием. Знаете ли, что́ первое вводит здесь цивилизацию на Востоке? Костюм à la franca, биллиард, мошенничество, пьянство, игорные и публичные дома, — это факт.

Зачем я Тульчу бросил, спрашиваете вы. Да ведь брат помер, артель рухнула, ведь мне слова живого не с кем там сказать было. Жизнь Робинзона Крузо или миссионера не лишена своей прелести и даже весьма полезна, но все в меру. В уединении мысль формулируется, крепнет, приобретает оригинальность, но надо ж ее поверить. И вот все наковальни, по которым бьет мой молот, не выдерживают удара. Нужно силы померить — силы бродят, силы покоя не дают. Витязи выезжали во чисто поле переведаться с змеем Тугарином, с злым татарином бусурманином — им исход нужен был; богатырю без богатыря не живется. На ком же я здесь проверю свои тьмы тем выводов, которые мне не дают покою? Мое чистое поле — Женева, Париж, Лондон, — и я отправляюсь. Я жду только полного возвращения энергии, которое, кажется, совершится очень скоро — я уже слышу в себе ее голос и на-днях покупаю тулуп, теплую шапку и двигаюсь. Что меня вяжет? Что меня останавливает? Разве упрек ваш в нестойкости, который в моих глазах похвала. Лучше свернуть знамя, чем биться, зная, что дело проиграно. Coûte que coûte *, но я не могу более вести этой

---

* Чего бы это ни стоило (франц.).

ДУНАЙ. СУЛИНСКИЙ РУКАВ

Гравюра по рисунку В.-Г. Бартлетта, 1847 г. Из книги William Beattie «Le Danube illustré»

«Запрещенные книги провозятся в Россию через дельту Дуная, там, где Дунай разветвляется на два рукава: один течет под Тульчей, другой под Измаилом и образуют остров (...), с которого окрестные поселяне зимою вывозят камыш, а вместе с тем перевозят иногда книги, которые заблаговременно доставляются тульчинскими эмигрантами» (Из секретного рапорта Тульчинского консула А. Сорокина к министру иностранных дел Н. К. Гирсу, 1880 г.)

отшельнической жизни. Нужда грозит мне там... Может быть, но и здесь я живу не красно. Я так привык к жизни циника и так закалил свое здоровье, что меня ничто не берет, а если что и возьмет — то мне терять нечего. Надо ж где-нибудь сложить свою буйную голову, здесь ли, там ли, но все ж хотелось бы проверить свои выводы. Да и еще одно, не век же мне вековать здесь, рано или поздно придется ж отсюда выбираться, чего ж ждать? Пока я жив, пока ум светел и силы во всем развитии, ни ревматизмов, ни болей нет никаких — не лучше ль мне махнуть, не говоря худого слова, прямо вокруг света от нечего делать. Швейцарию, Францию, Англию и Америку я одними публичными лекциями обтеку. Языки, правда, я плохо знаю, но всё настолько, что поймут. А что мне делать и как быть в испанской Америке, в Индии, в Китае, в Японии, то дальше будет видно: довлеет бо дневи злоба его. Одна голова — не бедна: лег—свернулся, встал — встряхнулся, — что ни говори Тхоржевский, который вечно плачется на сиротство. A propos — где он? Не у вас в Женеве? Мой нижайший поклон ему: Jean qui rit à Jean qui pleure *[3].

Что вам дался этот Гончар? Его влияние на Москву равняется влиянию, скажем, Жабицкого[4] на Польшу. За границей теперь дел никаких нет. Все это tempi passati **, заднее число. Вы знаете, что́ наш друг Поликарп и К° учинили там [5]. Здесь одно толкуют: мы народ темный, как они там в Москве сделают, так и мы пойдем. Есть, разумеется, и оппозиция, но такая тьма непроходимая состоит в главе ее, что ничего с нею не поделаешь. Впрочем, пускай другой, способнейший, занимает мой пост — может быть, я ошибаюсь, но я подаю в отставку.

Место мое в Тульче было потеряно еще в прошлом году, и я горд тем, что меня лишили жалованья. Это были проделки Гончара и Садыка. Первый враждует на меня, зачем я вытащил из тюрьмы нескольких его врагов и зачем не допускал религиозных преследований, другой — зачем я не вербовал ему солдат и не пропагандировал его гетманства над Добруджей. Ни того, ни другого нельзя было сделать, даже при всем желании, потому что масса ненавидит их обоих до невозможности, до того, что недавно отказались даже от самоуправления из боязни плетей Гончара и Садыка, а прошлой зимой чуть не взбунтовались против нововведенных conseils communaux ***, считая их интригой этих двух личностей. Я остался без жалованья, но этим меня не выжили — я продолжал занимать свое место на конаке и все-таки был первым по всем русским делам. Жил я уроками и платою за ходатайство, за адвокатство; доход был скудный, но была, по крайней мере, надежда вступить снова в коронную службу. Весной этой, чуть ли не вследствие ходатайства Игнатьева[6], последовало секретное предписание паше не допускать меня ни в службу, ни к заведению школ, ни к основанию типографии — и вытеснять меня, чем можно, из вмешательства в общественные дела, потому что я эмигрант. «Vous devez être homme remarquable,—сказал мне паша в утешение,—comme on vous remarque» ****. Что было делать? Остальное вы знаете.

Конец концов тот: какого ж рожна сидеть мне в этом болоте без цели, без нужды, без дела? Нищеты, что ли, мне бояться на Западе! Все ж уж если приходится зарезываться, то лучше ж вострым ножом, чем тупым, а здесь все до невозможности тупо. Одумываться мне нечего. Сегодня был первый мороз, через месяц санный путь установится, и я пойду. Ходят же люди с обозами — отчего ж и мне не попробовать, тем более, что мне необходимо нравственно даже переменить эти места, а то с ума сойду от воспоминаний.

---

* От Жана смеющегося—Жану плачущему (франц.).
** прошедшие времена (итал.).
*** коммунальных советов (франц.).
**** «Должно быть, вы человек замечательный, если вас замечают» (франц.).

Что до Жуковского—это безупречный человек[7]. Васильев в Тульче не знаю что делает, опять ваксу какую-нибудь. Насчет Каткова — заслуживает ли он возражения? Я объясняю себе эту статью желанием окончательно развязать меня со старообрядцами[8].

Затем обнимаю вас.

P. S. Через Австрию пишите: письмо вы отправили 30 октября, а сюда оно пришло 4 ноября — чего ж скорей?

[1] Это письмо Кельсиева является ответом на письмо к нему Герцена и Огарева от 29 октября 1865 г. (XVIII, 241—242).

[2] Кельсиев имеет в виду смерть старшего сына Александра II, цесаревича Николая Александровича, 12 апреля 1865 г., в Ницце.

[3] «*Jean qui pleure et Jean qui rit*» — герои одноименной поэмы Вольтера.

[4] Антон *Жабицкий* (ок. 1810—1871) — польский эмигрант, видный деятель демократического лагеря. После польского восстания в 1861—1864 гг. Жабицкий жил в Лондоне и редактировал газету демократического направления «Głos wolny». Дружески общался с Герценом. Впоследствии Жабицкий сделался членом Генерального совета I Интернационала. Исходя из своих антидемократических позиций, Кельсиев отрицал возможность идейного влияния революционеров-демократов на народ, чем и было вызвано его неправильное замечание о Жабицком.

[5] О старообрядческом деятеле Поликарпе Петровиче *Овчинникове* (Пафнутии Коломенском) см. примеч. 15 к письму № 2. В 1865 г. Овчинников и несколько других видных старообрядцев обратились в православие, на что предварительно испросили разрешения у московского митрополита Филарета. Именно это событие в старообрядческом мире имеет в виду Кельсиев.

[6] В 1864 г. посланником России в Турции был назначен Н. П. Игнатьев.

[7] Герцен в письме к Кельсиеву выражал сомнение в надежности Жуковского как посредника в их переписке (XXII, 139)

[8] Кельсиев имеет в виду передовую статью в № 183 газеты Каткова «Московские ведомости» за 1865 г. об «Агенции Герцена в Тульче». Статья была наполнена грубыми измышлениями о деятельности братьев Кельсиевых в Тульче и о их связях с Герценом; там, в частности, утверждалось, будто оба брата — участники поджогов в России в 1865 г. Статья Каткова была одной из многих аналогичных статей, распространявшихся в реакционной печати того времени, но именно она задала тон полицейской травле и провокациям. Герцен откликнулся на эту кампанию рядом гневных статей, опровергая не только свое участие в поджогах, но и участие Кельсиевых (XVIII, 203—211 — здесь приведена почти вся статья Каткова; пропущенные места восполнены в комментарии Лемке — XVIII, 211, 236, 243 и др.). В комментируемом письме Кельсиев отвечает на предложение Герцена «ругнуть» Каткова. Хотя Кельсиев отказался выступить в печати с опровержением катковской клеветы, но его письмо дало основание Герцену в статье «Агентство в Тульче» (XVIII, 243) еще раз категорически отрицать участие Кельсиевых в «поджогах».

12

Galatz. $\frac{27}{15}$ декабря 1865

Письмо ваше от 15 декабря я получил вчера[1]. Крепко благодарю вас за ваши строки — все легче вздохнулось, хоть я и не могу все-таки согласиться с вашим взглядом на жизнь. Как хотите, а одна мысль о вечности позади и вечности впереди, о бесконечности пространства кругом, о необходимой гибели земного шара, а с ним вместе и всей цивилизации, и всех вопросов, трудов, знаний — все мне дает право на отвращение и на философский квиетизм. Работать, разумеется, надо, потому что надо есть, но это не идеал, а необходимость — и необходимость прескверная. Я работаю, даже на днях делаюсь administrateur et rédacteur responsable du «Journal de Galatz»*[2], сверх того уроки даю, факторствую, но все это, подчиняясь горькой необходимости, просто, чтоб тянуть канитель жизни, так как больше делать нечего и так как средства не позволяют отдаться исключительно науке. Вы говорите, чтоб я писал,— у меня много написано,

* управляющим и ответственным редактором «Галацкой газеты» (франц.).

и я продолжаю писать. Готовое я вышлю на днях — если можно, напечатайте где-нибудь: мне деньги дозарезу нужны, потому что во время всех этих бед я совершенно расстроился, так расстроился, что ваши 200 fr., за которые не знаю какое спасибо сказать вам, будут мне великою помощью. Передайте их здешнему банкиру Michel Abramovitz, который теперь в Женеве — Pension Flaegel, Rue Fatio, и вексель перешлите мне по старому адресу.

«Молокан» ваших[3] вышлите *мне сюда* в числе 25 экз. Теперь зима, много сбыту не будет. «Колокол» вышлите в числе 10 экз. *мне*, а не Жуковскому, так как в Тульче сбыт невозможен по безграмотности и по бедности населения. Почему Жуковский не посылает мне «Колокол» — я не понимаю, mais le fait est*, что я все лето его даже в глаза не видал.

С женщиной, о которой я писал вам, я покончил. В этой пустыне мне нужно было какое-нибудь существо, которое было бы ко мне привязано, которое ходило бы за мною — и теперь у меня пуговицы не оборваны и носовые платки в порядке... Вы в меня камнем не бросите за это.

Затем крепко обнимаю вас и всех ваших, — отчего только вы мне ничего об них не пишете?

Не оставляйте меня вашими письмами и поминайте меня, отпевшего себя заживо.

Весь ваш.

P. S. На векселе поставьте мое имя так: Vasili Ivanoff Kelssyeff.

На обороте 2-го листа: A monsieur monsieur Ogareff. Boissière. Genève. Suisse.

[1] Это письмо опубликовано с датой 13, а не 15 декабря (XVIII, 281).

[2] О начале своей работы в «Journal de Galatz» Кельсиев в позднейшей статье рассказал следующее: в Галаце он встретился с некиим Биркенштейном, австрийским евреем, адвокатом, маклером, ростовщиком, литератором и агентом австрийского Министерства иностранных дел, который предложил Кельсиеву издавать этот журнал «с барышами пополам». Журнал должен был выходить на молдавском и французском языках и «содержать в себе преимущественно коммерческие, портовые сведения и, затем, разбирать вопросы местной политики» (В. К е л ь с и е в. Из быта польских эмигрантов. — «Всемирный труд», 1869, № 1, стр. 100).

[3] Речь идет о книге: «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами». Женева, Вольная русская типография, 1865. Автором ее был Николай Александрович Шевелев. В «Исповеди» В. Кельсиев дал резко отрицательный отзыв об этой книге. Просьба Кельсиева выслать ему двадцать пять экземпляров «Молокан» — ответ на предложение Герцена взять эту книгу для распространения.

13

Вена. 23 апреля 1866
7, Hafner Steig

Наконец-таки раскланялся я с этим Востоком по крайней мере на несколько лет. Вышло так, как я ждал. Перелет птиц, весенний ветер, почки на деревьях принесли мне обратно мою решимость—грязь и застой стали противны, я пошел в порт, добыл себе место на пароходе и покатил по Дунаю. Проезд мне ничего не стоил, есть действительно возможность путешествовать на шарамыжку... В другое время я, может быть, и посовестился бы ездить даром, но мне так душно было и так было страшно за свои умственные способности, что я ни перед чем не остановился. Я выехал, сам не зная куда, — без цели, без маршрута, рассчитывая, что везде лучше, чем в глуши, но по дороге мало-помалу составил себе проект остановиться в Вене на несколько месяцев для окончательного изучения славянских наречий и, главное, мифов. У меня ужасно много сделано по русской мифологии, и я хочу проверить свои открытия при помощи здешних

* но дело в том (франц.).

ученых — Миклошича [1] и т. п. Здесь же я кончу или, лучше сказать, переделаю свою грамматику, хотя она и готова к печати [2]. Затем займусь санскритом, зендом и всякими тому подобными мертвечинами, повторю китайский и и... далее не знаю, что сделаю. Мне хочется и славянские земли объездить для окончательного уразумения этого замечательно не способного ни к чему племени, которое само собой ничего не могло и не может создать[3]; потом есть у меня проект смахать в Индию для изучения тамошних мифов и сект; потом есть еще разные поползновения, но все это потом; покуда надо учиться и coûte que coûte * стать студентом в здешнем университете, о чем я завтра же и начинаю хлопотать. Удастся — хорошо, не удастся — буду заниматься не в аудитории, а подле ее, что,

ТУРЕЦКОЕ КАФЕ В РУЩУКЕ
Гравюра по рисунку В.-Г. Бартлетта, 1847 г.
Из книги William Beattie «Le Danube illustré»

в сущности, все равно: здесь не Восток, здесь есть библиотеки и есть ученые.

Теперь к вашей дружеской помощи прибегаю — вы мне столько раз помогали, не откажите и теперь. У меня связей никаких нет ни с Петербургом, ни с Москвой; все, что было, порвалось в эти четыре года на Востоке, а у меня единственное средство существования может быть корреспонденция в журналы — другим я заняться не могу ничем. Контора, перевод, служба — это тот же Галац; уж лучше ж веревку на шею, лучше прекратить существование личности, чем увечить ее. Я отказался наотрез от всех служебных предложений, даже очень и очень хороших, которые мне делались последнее время, я не хочу ни карьеры, ни даже обеспеченной будущности — вся моя забота идет о хлебе насущном, то-есть 100—150 fr. в месяц, а это мне может доставить любая газета, дав мне по фельетону

* любой ценой (франц.).

в неделю. Я не бог знает какой писатель, но все же не хуже и не глупее наших московских и петербургских фельетонистов и довольно имею запасу о чем писать. Этого я и ищу теперь, поищите и вы для меня; у вас бывают же всякие литераторы — если нужно, то я даже и статью на пробу пришлю[4]. Только от политических корреспонденций я вынужден буду отказаться — во мне в самом деле замер интерес ко всему преходящему и частному, только общие законы мира вообще и человеческого духа в особенности задевают меня за живое, поэтому я не могу, у меня мысль не шевелится, язык не ворочается, перо не подымается писать о Бисмарке и Шлезвиг-Голштейне, о Венеции и о Мексике — я могу писать нечто вроде «Reisebilder»*, вроде «Sentimental Travel» **, только на свой лад.

Если б галацкие мальчишки не употребили моих рукописей на свои надобности вообще и на змеи в особенности, я бы теперь же вам выслал кой-какие образчики моих произведений, а то у меня хорошего ничего не осталось; даже из романа моего вытащили середину; мое изложение системы старообрядчества пропало — а да ну их с Востоком!

Что это в Петербурге вышло? Вот история-то как поворачивает! Не знаю, как вы смотрите, а по-моему, Александр Николаевич будет бессмертен, как Петр III. У событий своя логика, а у русских, у этих европейских индейцев, и подавно своя. И надобно ж, чтоб мужик его спас[5]. Да, цари теперь будут земские — только лучше ли это будет царей дворянских? Великое время переживает этот народ, и как ни будь публикой — невольно вздрогнешь и задумаешься над его судьбами: он, действительно, заслуживает глубокого изучения.

Затем, дайте мне совет — писать мифологию по-русски или не по-русски? Хотелось бы по-русски, да как сбыть — меня финансовый вопрос сильно задевает. A propos, здешние газеты отметили меня *rentier!* — о, сарказм, Witz *** венский.

Пишите ко мне, и будет кто ехать сюда — посылайте ко мне: я ужасный охотник знакомиться и собирать вести, а мне об вас, об вашем житье-бытье, вот уже четыре года никто не рассказывал, а сами вы ничего не пишете. Адрес мой: Herr Wuletič, J. Hafner Steig, Innerstadt, für W. Iwanoff.

Затем до свиданья.

Василий Желудков[6]

[1] Франц *Миклошич* (1813—1891) — филолог, славист, автор известной «Сравнительной грамматики славянских языков».

[2] Возможно, что речь идет о грамматике, которую Кельсиев начал составлять в 1862 г. в Лондоне по заказу Трюбнера (XIV, 411).

[3] Клеветнический отзыв Кельсиева о славянах — результат его перехода на реакционные антидемократические позиции.

[4] По поводу литературных работ Кельсиева и его просьбы о содействии для устройства его статей в петербургском журнале Герцен в своем ответном письме от 9 мая 1866 г. писал следующее: «Если вы, в самом деле, бросили дела мира сего и начали снова изучать китайскую азбуку, если это не натяжка, завидую вам. Вы понимаете, что при теперешних обстоятельствах о работе в петер‹бургских› журналах через нас и думать нечего. Напишите что-нибудь для «Колок‹ола ». Мы вам заплатим фр. по 10 за колонну, или для предполагаемой «Поляр‹ной› Звезды» (XVIII, 389).

[5] Кельсиев имеет в виду покушение на жизнь Александра II, совершенное 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозовым. Рассуждения Кельсиева связаны с тем, что помешавший Каракозову О. И. Комиссаров являлся по своей сословной принадлежности крестьянином. Дворянско-монархическая пропаганда старалась представить Комиссарова как выразителя настроений всего крестьянства.

[6] Один из псевдонимов Василия Ивановича Кельсиева, по девичьей фамилии его матери.

---

* «Путевых картин» ‹Гейне› (нем.).

** «Сентиментального путешествия» ‹Стерна› (англ.).

*** острота (нем.).

14

Вена $\frac{29}{17}$ июня 1866
Himmelfartgasse, № 19

Пророк сказал горе: ко мне иди — гора не пошла; пророк сказал: я сам пойду к ней.

Вы не пишете[1], ergo я пишу к вам. «Русский вестник» меня печатает[2] — я получил об этом отношение за № 555; *за секретаря* подписал какой-то Иванов — благоговейте перед порядком.

Увлечение мое продолжается, хотя я не перестаю сознавать, что глупо делаю, увлекаясь; но все-таки эти славянские дела дают мне занятье, своего рода пьянство, если хотите, — я увлекаюсь, потому что кровь кипит, сердце бьется, и ум перед ними умолкает. Третьего дня мне стукнуло 31 год,—но седина в бороду, а бес в ребро—видно так на роду написано было.

Приготовительные работы по этнографии словаков почти кончены. Как получу деньги, так пускаюсь в путь, несмотря на войну. Объезжу Угорскую Русь и заберусь в Галицию, куда меня очень зовут для описания и для ознакомления с ними русской публики[3].

Пишу теперь и в «Голос» и в «Петербургские ведомости», не мудрствуя лукаво — так, как хотят сами славяне и румуны. В «Голосе» я — И. Ж., в «Петербургских ведомостях» — Казакли, в «Русском вестнике» — Иванов-Желудков, в «Отечественных записках» — Прислављев[4].

«Колокола» я не получал ни одного номера, а при теперешних обстоятельствах это даже и хорошо, потому что здесь из кожи вон лезут, чтоб устроить союз с Россией.

Кельсиев очень хорошо сделал, что умер[5], — если б несчастный явился сюда, как он мечтал, его бы выдали; здесь все дышит преданностью Петербургу: если б один человек узнал об его пребывании здесь — он бы погиб. Царство небесное покойнику, и de mortuis aut nihil, aut bene *.

Катков пал в общественном мнении, и хотя «Московские ведомости» снова будут его[6], но катковский период кончен, это я знаю ex ipse fonte **, хотя не хочу вверять бумаге своих источников.

В предстоящем свидании государя с Наполеоном[7] главною темою будет передача Польши по левую сторону Вислы Пруссии или Австрии, но петербургские симпатии клонятся более к передаче Пруссии, то есть к онемеченью Польши. Если вы об этом сообщите кому следует, чтобы были готовы и подняли трезвон, то, по-моему, сделаете хорошо: Пруссия погубит несчастный народ, а Австрия, при всех ее недостатках, все-таки бессильна против национальностей. Я бы сам дал об этом знать в Париж, но не знаю, кто там теперь, и боюсь писать, чтоб не повредить делу. Восточная Галиция будет присоединена к России — в Петербурге это вопрос решенный, и он вполне совпадает с желаниями и стремлениями самих хохлов; стало быть, против этого ничего и сказать нельзя, я же в качестве корреспондента отечественных газет пишу pro ***. Известия эти примите за совершенно верные; со временем я вам объясню, каким путем я их приобретаю, но теперь не время.

Пишите ко мне по прежнему адресу, но дайте свой толковый; я, как вы знаете, плох в иностранных языках, а тем более в орфографии ваших немецких имен и в французском названии улиц. Дайте мне понятный адрес, чтоб я не сбивался, а то жалко, если мои письма не будут доходить до вас. Ко мне пишите по прежнему.

Весь ваш
И. Ж.

---

* о мертвых или ничего или хорошо (лат.).
** из первоисточника (лат.).
*** за (лат.).

P. S. Лихорадка снова трепала и очень сильно, но теперь отстала. Я попрежнему не лечился, предоставив все делу организма, который и действительно победил. Но исхудал я страшно — что называется, лица на мне нет. Ничего, снова отжирею. Как у вас идет, что здоровье Н. П.?

[1] Последнее из известных нам писем Герцена и Огарева В. И. Кельсиеву от 24 мая 1886 г. (XVIII, 405—406).

[2] В 1866 г. в «Русском вестнике» были опубликованы две статьи В. Кельсиева под псевдонимом В. Иванов-Желудков: «Русское село в Малой Азии» (в № 6) и «Словацкие села под Пресбургом» (в № 7).

[3] В различных органах печати шестидесятых годов появлялось немало очерков Кельсиева, основанных на его наблюдениях, сделанных во время поездок по Галиции. Многие из этих очерков вошли в книгу: «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева». СПб., 1868.

[4] В «Библиографическом списке литературных работ В. И. Кельсиева», составленном М. Клегенским («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 262—264), статьи Кельсиева, помещенные в «Петербургских ведомостях», в том числе под псевдонимом Казакли, не зарегистрированы; не числятся также и статьи в «Отечественных записках», под псевдонимом Прославлев.

[5] Кельсиев с конспиративной целью говорит здесь о себе как об умершем, предполагая, что письмо его может быть перлюстрировано австрийской полицией.

[6] В «Московских ведомостях» появилась статья, в которой автор задел некоторые правительственные органы. Это вызвало «предупреждение» со стороны Министерства внутренних дел. Катков не согласился со сделанным ему замечанием и отказался напечатать «предупреждение» в своей газете, заявив, что отказывается дальше выпускать «Московские ведомости». В июне 1866 г. состоялась встреча Каткова с Александром II; царь одобрил его издательскую деятельность, но вместе с тем указал на необходимость более гибкой трактовки некоторых политических вопросов. Вскоре после этого разговора «Московские ведомости» вновь стали выходить под редакцией Каткова.

[7] Свидание Александра II с Наполеоном III произошло в Париже в мае 1867 г., куда царь вместе с Горчаковым приехали по приглашению французского правительства на открытие Всемирной выставки. Свидание сопровождалось переговорами по международным вопросам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА ФИЛАРЕТА ЗАХАРОВИЧА к В. И. КЕЛЬСИЕВУ и Н. П. ОГАРЕВУ (?)

Публикуемые по подлинникам «пражской коллекции» два письма архидиакона старообрядческого Белокриницкого монастыря Филарета *Захаро́вича* (ум. в 1901 г.) относятся к тому времени, когда Филарет Захаро́вич состоял в числе руководителей старообрядческой, так называемой белокриницкой, иерархии. Живя в Белокриницком монастыре, он исполнял должность секретаря-письмоводителя при малограмотном митрополите Кирилле и фактически самостоятельно вел все основные дела митрополии. Филарет Захаро́вич несколько раз приезжал в Москву, где безуспешно вел борьбу со старообрядческими епископами, выходившими из подчинения заграничному центру старообрядчества.

Учитывая влиятельное положение Филарета Захаро́вича в старообрядческой митрополии и его, сравнительно с другими главарями старообрядчества, большую просвещенность, русские эмигранты именно через него рассчитывали установить связь с заграничным центром белокриницкой иерархии. Сначала к нему обращался П. В. Долгоруков, затем В. И. Кельсиев, а по отъезде последнего в Турцию завязавшуюся кратковременную переписку поддерживали с ним Герцен и Огарев.

Вместе с группой видных старообрядческих деятелей Захаро́вич в июне 1865 г. перешел в господствующее вероисповедание и стал усердным гонителем всех противников казенной церкви. Но еще до своего открытого перехода в официальную церковь Захаро́вич секретно сотрудничал с ее агентами, в частности — с Н. И. Субботиным, ярым реакционером, будущим сподвижником Победоносцева, автором многочисленных «обличительных» по отношению к старообрядчеству работ, содержащих клеветнические вымыслы о сношениях «партии Герцена» с зарубежными старообрядцами. Разу-

мается, революционные эмигранты, ведя переписку с Филаретом Захаро́вичем, не знали о его действительных настроениях и тайной осведомительской деятельности.

Оба публикуемых ниже письма Захаро́вича не имеют обращений; имена адресатов могут быть восстановлены лишь по содержанию. Первое письмо — от 28/16 августа 1862 г. — пришло в Лондон в то время, когда В. И. Кельсиев выехал уже оттуда в Константинополь, и потому оно попало к Герцену. Поскольку в письме сообщалось о посылке Филарету какой-то литературы, Герцен запросил об этом остававшуюся на некоторое время в Лондоне жену В. И. Кельсиева, Варвару Тимофеевну. Содержание ее ответа Герцен зафиксировал на листе письма Филарета. Эта его пометка, видимо, предназначалась для Огарева, который обычно, в качестве главного редактора «Общего веча», вел дела со старообрядцами. Второе письмо — от 7/19 октября, — вероятно, адресовано Огареву, хотя не исключена возможность и того, что оно предназначалось Герцену.

История сношений русских эмигрантов с Филаретом Захаро́вичем на основании печатных сведений, исходивших из реакционного лагеря, коротко изложена М. К. Лемке (XVI, 468—471). Теперь мы можем внести соответствующие исправления в эти сведения, в частности — в даты писем, поскольку у Лемке они даны неправильно.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 218).

1

В. И. КЕЛЬСИЕВУ

Белокриница. 28/16 августа 1862

Милостивый государь!

Письмо ваше от 15/3 июля [1] имел счастие получить с великим удовольствием, и весьма мне приятно войти с вами в сношения, но, к сожалению, прописанные в вашем письме листки не дошли до меня, потому не могу знать ваше намерение и соответствовать вашему желанию столь долго, пока не воспользуюсь славным вашим издаванием, почему прошу удостоить меня присланием оного.

Наслышан я, что отпечатаны в Лондоне на русском языке: «Стоглавый собор» [2], бывший в Москве при царе Иоанне Грозном, и сочинение Мельникова «О русском расколе» [3]. Если это верно, то усердно прошу вас при посылании мне вышеупомянутых листков выслать также из помянутых книг по одному экземпляру с прописанием надлежащей цены обоих.

Я с получением оных тотчас вышлю вам деньги с благодарностию.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

Филарет Захаро́вич

Мой адрес: Philaret Zacharowicz. Metropolitän Sekretär zu Fontina alba Austria Sereth Bucowina.

Помета Герцена:

Если те листы не пришли, то как послать книги? Вар. Тимоф. пишет, что Вас. Ив. обещал ему «Раск.»[4], *но забыл* послать. А послал «Вече» и «Кол.». Как прикажете?

[1] Письмо, на которое отвечает Филарет Захаро́вич, нам неизвестно.

[2] «Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059)». Лондон, Вольная русская типография 1860. С предисловием Агапия Гончаренко.

[3] «Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для в. к. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857)», напечатана в «Сборнике правительственных сведений о раскольниках, составленном В. Кельсиевым», вып. 1. Лондон, 1860, стр. 167—198.

[4] Сборник правительственных сведений о раскольниках (см. предыдущее примечание).

2

ОГАРЕВУ (?)

7/19 октября 1862

Милостивый государь!

Первые листки, посланные мне г. Кельсиевым, задержаны были в гор. Черновицах в почтамте. Куверт правительством открыт, и даны были листки в цензуру на рассмотрение, которая признала их за вредные и по законам запрещенные, в силу сего областной председатель предписал уездному начальнику учинить тайное исследование и допросить меня, по какому случаю получаю я те листки? Вследствие такового предписания 14 сентября является ко мне уездный начальник с обыском, но, разумеется, нужных ему листков более у меня не нашел, потому что я их еще не получал; вместо того он забрал присланные мне князем Долгоруковым номера журналов «Будущность» и «Правдивый» и один экземпляр «Правды о России» [1]. Это все отослал он в Черновицы, а мне назначил впредь не решаться иметь с вами переписку, в противном же случае подвергнусь законному наказанию, как подозренный в политическом отношении. По сей причине, хотя не могу более писать к вам прямо отсюда, но, во избежание прекращения иметь с вами сношения, посылаю это письмо посредством находящегося в * моего знакомого, — потому, если это письмо получите, тогда, без сомнения, можете прислать мне как листки, равно и желаемые мною книги чрез того же знакомого, только посылка должна быть снабжена двумя кувертами: на первом мой адрес, а на другом нижезначенный моих знакомых. Письмо ваше от 27/15 сентября [2] только было показано мне в присутственном месте, а не вручено, но я успел просмотреть и заметить ваш адрес.

Примите уверение в искреннем моем к вам уважении.

Архидиакон Филарет З а х а р о́ в и ч

Адрес на знакомых моих: Sr Wohlgeboren dem Herrn August v. Wladár in Wien, Seilerstätte, № 801 et 802.

Или: Sr Wohlgeboren dem Herrn Georgi v. Andrejew etc. Cilli. Steiermark.

[1] Журналы П. В. Долгорукова «Будущность» и «Правдивый» издавались в начале 1860-х гг. в Париже. Книга «Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым», вышла в 1860 г. на французском, а в 1861 г. — на русском языке.

[2] Письмо, упоминаемое Филаретом Захаро́вичем, до нас не дошло.

* Пропуск в документе. — *Ред*

И. И. КЕЛЬСИЕВ — ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМА к В. Т. КЕЛЬСИЕВОЙ

Публикация П. Г. Рындзюнского

Среди русских революционеров-демократов шестидесятых годов немало лиц, еще не вполне знакомых. Долгое время к таким полузнакомцам принадлежал и Иван Иванович *Кельсиев* (1841—1864) — брат Василия Ивановича Кельсиева, участник студенческого движения 1861 г. в Москве, член общества «Земля и воля», потом — политический эмигрант, погибший совсем молодым, двадцати трех лет от роду, в далекой Тульче. Известны краткие, но очень благожелательные отзывы Герцена об Иване Кельсиеве. Герцен называл его «прекрасным даровитым юношей» (XVIII, 205), «энергическим представителем университетской молодежи» (XVI, 436), а в некрологе писал: «Молодой Кельсиев был человеком с большим талантом и с большой энергией» (XVII, 328). Герцен издали внимательно следил за Кельсиевым, сообщал в «Колоколе» и в письмах к родным о переменах в его судьбе. С большим уважением и любовью отозвался о Кельсиеве и Огарев, уведомляя о его безвременной смерти Елизавету Васильевну Салиас. В ответном письме Салиас, связанная с Кельсиевым давней дружбой, тоже отзывалась о нем как об «энтузиасте», как о «натуре бескорыстной и высокой» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 832—834).

Герцен и Огарев согласились на предложение Н. И. Утина уполномочить Кельсиева выступить от их имени на Славянском съезде, который должен был состояться в Константинополе весной 1864 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 612). Это показывает, что они питали к своему молодому соратнику большое доверие и считали его способным в сложной обстановке отстоять их политическую программу. До сих пор о Кельсиеве было известно немногое, но и это немногое позволяло угадывать в нем интересную и яркую фигуру революционера-демократа шестидесятых годов.

Сохранившиеся в «пражской коллекции» пять писем Кельсиева Герцену и Огареву из Константинополя и Тульчи, относящиеся ко второй половине 1863 и к началу 1864 г., подтверждают и пополняют данную выше характеристику. Кельсиев выступает в письмах к Герцену и Огареву как один из незаурядных представителей молодого поколения революционеров-разночинцев, как один из лучших учеников Чернышевского. Письма Кельсиева обогащают нас новым ценным материалом для изучения взаимоотношений так называемой «молодой эмиграции» с испытанными вождями революционно-демократического лагеря.

* * *

Иван Кельсиев (как ранее его брат), окончив в 1860 г. Петербургское коммерческое училище, где он получал образование в качестве стипендиата Московского приказа общественного призрения, поступил по обязательству на службу в этот приказ. Одновременно он как вольнослушатель посещал Московский университет. В 1861 г. Кельсиев был одним из наиболее активных радикальных и демократически настроенных участников студенческого движения. 12 октября 1861 г., когда протестующая толпа студентов стояла на площади перед домом московского военного генерал-губернатора, Кельсиев, в составе делегации из трех студентов, отправился к генерал-губернатору для переговоров и обратно к товарищам уже не вернулся: он был арестован. В 1862 г. Кельсиева судили и выслали в гор. Верхотурье Пермской губернии. Затем,

когда при обыске у студента П. Шипова была обнаружена революционная статья Кельсиева, которую, как выяснилось впоследствии, Кельсиев намеревался отправить в Лондон для опубликования в «Колоколе», он был арестован вновь, на этот раз уже на месте своего поселения. В августе того же года Кельсиев был доставлен жандармами в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость, а в ноябре уже находился в Москве, и его допрашивали в шестом департаменте сената. Приговор был вынесен 12 марта 1863 г. Кельсиеву предстояло отправиться обратно в Верхотурье. Но перед отправкой в ссылку он выпилил оконную решетку в Пречистенском «частном доме», где тогда содержался, и бежал. Это произошло 25 мая 1863 г., а спустя два месяца Кельсиев был уже недосягаем для царского правительства — он находился в Константинополе, у своего брата Василия.

Такова внешняя сторона первого периода революционной деятельности И. И. Кельсиева. За короткий срок, насыщенный событиями, он, несомненно, получил серьезные навыки профессионального революционера. Следственное дело, возникшее после второго ареста Кельсиева (см. «Дело П. А. Шипова и И. И. Кельсиева» в книге: «Политические процессы шестидесятых годов», т. I, под ред. Б. П. Козьмина. М.—Пг. 1923), показания молодого революционера на суде, статья для «Колокола», неоконченное и неотправленное письмо из Верхотурья к Салиас, — позволяют довольно обстоятельно познакомиться с его идейным развитием.

Следователям Кельсиев попытался внушить, будто за короткий срок — с осени 1861 по лето 1862 г. — он пережил быструю эволюцию политических воззрений. Он ссылался на бурные события, свидетелем и участником которых был в это, по его выражению, «тряское время». На следствии и на суде молодой революционер держался с большим достоинством и смелостью. Он открыто заявил, что не знает «более чистого и достойного учения, как социализм и республиканская теория...» («Политические процессы», цит. изд., стр. 118), однако им была проявлена разумная осторожность, и некоторые его заявления на суде, несомненно, были продиктованы желанием не увеличивать без нужды меру репрессий.

Как уверял Кельсиев судей, до выступления студентов Московского университета в октябре 1861 г. общественно-политические вопросы не интересовали его и он был углублен в отвлеченные философские построения: увлекался Гегелем, разделяя его «крайний индифферентизм». Перелом произошел якобы перед самым выступлением, в 1861 г. Свидетельством революционных настроений, овладевших им, по его словам, внезапно, является статья, предназначавшаяся для «Колокола». Статья эта действительно написана в самом радикальном духе и с большим юношеским задором. «Резкость выражений — моя стихия...»,—сообщал Кельсиев на следствии (там же, стр. 116). Когда написана эта статья, в точности неизвестно, вероятнее всего, накануне студенческих волнений или же в первые дни после них, чем и объясняется ее ярко выраженный боевой дух.

Как известно, выступление студентов сопровождалось горячими спорами и серьезными трениями между отдельными группами студенчества; более или менее явственно обозначались два крыла — либеральное и радикальное; эти две группы по-разному относились и к администрации и к вопросу о способах действий. В статье Кельсиева большое место отводится обличению людей половинчатых, болтунов, трусливо уклоняющихся от решительных действий, чье участие в движении только вредит ему. Эта тема ставилась во всех последующих политических рассуждениях Кельсиева и постепенно приобретала все более конкретное содержание: Кельсиев обличал либералов, призывал отмежеваться от них, пытался вскрыть их антиреволюционную сущность.

Главным врагом, с которым надо бороться, Кельсиеву представляется самодержавное государство: царь, бюрократы и генералитет. Дворянство, по его мнению, не столь опасно. «Стоит только уничтожить Зимний дворец—и дворянство, этот проводник всех мерзостей, обильно истекающих из государственной помойной ямы, потеряет все свое значение» (там же, стр. 77—78).

Далее статья ставит вопрос о средствах и способах совершения революционного переворота. Здесь возникает вторая основная тема, которая, как и тема борьбы с либерализмом, типична для всех политических высказываний Ивана Кельсиева. Это —

вопрос о роли народной массы в грядущей революции, о степени ее подготовленности к участию в перевороте.

Передовые люди уже выходят на борьбу, рассуждает Кельсиев, но масса народа еще молчит, она не осознала своей силы. Однако народ «можно привести в сознание» или, во всяком случае, добиться от него молчаливого сочувствия революционерам. Ряды революционеров пополняются новыми и новыми выходцами из народа. Жестокое подавление в 1861 г. восстаний, вспыхнувших в ответ на царскую «волю», научило народ понимать, кто его враг, и ослабило веру крестьян в «добродетель» царя. «...Ожесточение народа сильно...» (там же, стр. 80). Существенным, по мнению Кельсиева, является и то, что в войско — «единственный оплот деспотизма» — все более проникают элементы, враждебные существующему строю. Ивану Кельсиеву казалось, что революционный переворот может быть совершен в непродолжительное время: в десять лет все должно быть окончено, причем этот срок он считал максимальным.

Своими показаниями на следствии Кельсиев стремился создать такое впечатление, будто вскоре после того, как им была написана первая статья, политические воззрения его резко изменились, будто бы он даже перестал быть революционером. Однако это не вязалось с откровенно высказанным на допросах непримиримым отношением к царизму и к существующим социально-политическим порядкам, а также с собственным заявлением Кельсиева, что он считает себя социалистом и республиканцем. Пытаясь подтвердить свои слова о якобы происшедшей в нем кардинальной перемене, Кельсиев ссылался на захваченное при аресте письмо к Е. В. Салиас де Турнемир. Однако содержание этого неоконченного письма вовсе не могло свидетельствовать о спаде революционных настроений. Кельсиев и в этом документе продолжал резко высказываться по всем злободневным вопросам политической жизни. В статье, предназначенной для «Колокола», тема обличения либералов подавалась, главным образом, в форме осуждения моральных качеств людей, принадлежащих к определенной психологической группе.— людей половинчатых, нерешительных, нестойких, а в письме к Салиас Кельсиев осуждал либерализм уже как особое идейно-политическое течение. И свою корреспондентку, несмотря на дружеские чувства к ней, он причислял к представителям этого течения. «Я отрекся от верований и убеждений вашей стороны и перешел на сторону радикалов», — заявил Кельсиев Салиас (там же, стр. 111). Содержательнее стал и демократизм Кельсиева: молодой революционер сделал шаг вперед к пониманию социальных отношений, обличая меньшинство, присваивающее продукты труда большинства.

Но наибольшее развитие в письме к Салиас получил второй вопрос, остро интересовавший Ивана Кельсиева, — вопрос о том, как относится к революционному движению народная масса. Наблюдая события общественной жизни, Кельсиев осторожнее, чем в своей статье для «Колокола», решал здесь вопрос о том, когда именно включится народ в активную политическую деятельность. В статье для «Колокола» утверждалось, будто «все логические посылки идей уже лежат в сознании массы» (там же, стр. 80), будто «масса» незамедлительно поддержит выступления отдельных передовых людей и потому переворот можно начать теперь же, а в 1862 г., в письме к Салиас, говорилось о неподготовленности народа к активной и сознательной исторической деятельности, о необходимости предварительно сократить расстояние между народом и его передовыми представителями. Соответственно новому утверждению, вопрос о возможности немедленного переворота снимался сам собой.

Революционный демократ-просветитель, Кельсиев не мог до конца понять объективную закономерность исторического развития и потому ставил степень готовности масс к революции в зависимость главным образом от ее культурного уровня и общеморального воспитания, а не от социально-экономических предпосылок. Следует, однако, подчеркнуть, что свое революционное просветительство Кельсиев сознательно противопоставлял либеральному культурничеству, неизбежно ведущему к примирению с действительностью. «И не надо, следовательно, успокаивать человечество, расхваливая его современный быт, надо от человека требовать большего, чем то, что мы в нем видим...»,— говорил Кельсиев на допросе (там же, стр. 119). Этот тезис вошел непоколебленным и во все последующие политические высказывания Кельсиева.

Побегом из заключения 25 мая 1863 г. начался новый период жизни молодого революционера. Позади остались почти двадцать месяцев тюрьмы и ссылки. Как раз в то время, когда велось второе дело Кельсиева, осенью 1862 г., активизировалась деятельность общества «Земля и воля». Кельсиев отдал себя в полное распоряжение Центрального комитета; первоначально он готовился стать агентом общества на месте ссылки, но затем, тоже с согласия Центрального комитета, решил бежать за границу. Бегство произошло при прямой поддержке Комитета (см.«Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах». Под ред. В. Базилевского. Париж, 1905, стр. 114—116, 129—130 и др.). О том, как совершилось бегство, как Кельсиев попал в Турцию, а также о его первых еще смутных планах дальнейшей деятельности до сих пор было известно лишь из письма к Е. В. Салиас, написанного Кельсиевым вскоре после приезда в Константинополь («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 105—110). Теперь в нашем распоряжении находятся еще два письма Ивана Кельсиева — к жене его брата, Варваре Тимофеевне, где обстоятельства побега и первоначальные планы на будущее описаны очень подробно (см. приложение к настоящей публикации).

Маршрут, избранный Кельсиевым для побега за границу, был определен революционной организацией. Более короткий путь — через Петербург и Лондон — был отвергнут не по соображениям безопасности, как это хотел представить сам Кельсиев в позднейших своих письмах, или, во всяком случае, не только по этим соображениям. Пробыв в Москве после бегства из тюрьмы две недели, Иван Кельсиев отправился в Ярославль, потом на пароходе вниз по Волге и далее —в Таганрог, а оттуда — морем в Константинополь. Путешествовать по многим городам России, задерживаясь в некоторых из них на несколько дней, было, во всяком случае, не более безопасно, чем ехать коротким путем через западную границу. Примечательно, что Кельсиев посетил именно те места, которые он, как и многие тогдашние революционеры, считал главной базой будущего народного движения (Поволжье, Придонье, Новороссия), и те города, где активно действовали местные комитеты «Земли и воли».

Повидимому, Кельсиев неспроста задерживался в некоторых городах, например в Нижнем-Новгороде, где он жил, «ожидая три дня отбытия парохода». Несомненно, что там, как и в других местах, он находился в деятельном общении с людьми, причастными к революционному делу. Из Нижнего-Новгорода он прислал письмо студентам, членам московского студенческого кружка, которые помогли ему бежать. Допрошенный по делу И. Андрущенко А. Ильинский сумел утаить от следственных органов содержание письма Кельсиева, сославшись на то, что оно якобы было «темно и загадочно» («Материалы...», стр. 153). Выяснение конкретных обстоятельств поездки Ивана Кельсиева по России летом 1863 г., закончившейся бегством за границу, существенно для понимания, во-первых, его идейной эволюции и, во-вторых, его последующей революционной деятельности. Оценка перспектив народных движений в разных местах юга и юго-востока России, указание на лучшие или, напротив, менее надежные пути для распространения пропаганды и агитации, критика работы Центрального комитета общества «Земля и воля» как руководителя местных организаций — все это могло стать содержанием публикуемых писем Кельсиева к Герцену и Огареву из Турции главным образом потому, что он опирался на собственные непосредственные впечатления, накопившиеся во время совершенного им опасного путешествия. Кельсиев приблизился к практике революционной работы, и это помогло ему, в частности, избавиться от некоторой абстрактности, присущей его ранним политическим высказываниям.

Понятно, что в первые дни эмиграции у Кельсиева не было еще сколько-нибудь ясных перспектив на будущее, однако письма этих первых дней полны оптимизма. Кельсиеву хотелось возможно скорее включиться в практическую революционную работу. В первые же дни эмиграции он написал письмо Центральному комитету «Земли и воли», посвященное критике недостатков в работе Комитета (письмо это до нас не дошло). Кельсиев стремился в центр русской революционной эмиграции — в Лондон; Константинополь был для него лишь промежуточной станцией. Сам он объяснял свое стремление попасть в Лондон желанием жить там же, где, как он предполагал, жил его брат, но этому объяснению противоречит то обстоятельство, что и после

неожиданной встречи с братом в Константинополе он попрежнему продолжал стремиться в Англию. Однако, как раньше ради продолжения революционной пропаганды Кельсиев готов был отказаться от побега из тюрьмы и отправиться на место ссылки в Верхотурье, предоставляя решить этот вопрос Центральному комитету «Земли и воли», так и теперь он самоотверженно отказался от переезда в Лондон и остался в Турции, желая принести как можно больше пользы революционному делу.

Для того чтобы правильно представить себе обстановку, в которой оказался Кельсиев, следует иметь в виду отношения, сложившиеся у него с братом Василием, тоже политическим эмигрантом. Братья, как видно, помогали друг другу, но идейной близости между ними не было и не могло быть. Ко времени встречи братьев в Константинополе Василий Кельсиев находился уже во власти сомнений, вскоре приведших его в лагерь реакции (см. его «Исповедь» в т. 41-42 «Лит. наследства» и письма к Герцену и Огареву, публикуемые в настоящем томе); столкновение между Василием Кельсиевым и его полным революционной энергии братом было неминуемо. «Тогда он был весь проникнут так называемым нигилизмом, хотя не в такой безобразной форме, до которой доходили другие, и горячо защищал возможность привести в исполнение все, что было задумано и нами и нигилистами, — рассказывал впоследствии о первых днях жизни брата в Турции Василий Кельсиев. — Мои отрицания глубоко оскорбляли его юную, верующую душу, и он настаивал, чтобы я продолжал начатое. Я не мог, — он сам взялся за работу и стал писать письма влиятельным старообрядцам с изложением наших стремлений» («Исповедь», цит. изд., стр. 370). Естественно, что споры между братьями не замолкали и после их переезда в Тульчу. Отзвук этих споров слышится в письме Василия Кельсиева к старому его товарищу Д. Аверкиеву («Русская старина», 1882, № 9, стр. 635).

Сопоставление идейной эволюции двух братьев напрашивается само собою; оно тем более оправдано, что коренные расхождения между ними отразили известную дифференциацию в том общественном круге, к которому оба они принадлежали прежде и представители которого еще недавно действовали единым революционным строем.

К сожалению, мы не имеем возможности с полной точностью датировать корреспонденцию Ивана Кельсиева: сам он дат на своих письмах не проставил, а мы не располагаем достаточно подробными биографическими сведениями о нем, которые могли бы помочь нам эти даты проставить. Однако по основным этапам единственного года, проведенного Кельсиевым за границей (года, который оказался в его жизни последним), пять публикуемых нами писем можно распределить с достаточной уверенностью. В Константинополь Кельсиев приехал 14/2 июля 1863 г. (эта дата неизменно повторяется во всех первых письмах Кельсиева из Константинополя; указанная М. Клевенским в комментариях к «Исповеди» Василия Кельсиева дата приезда Ивана Кельсиева — 27 июля ст. ст. 1863 г.— очевидно, неверна). Пожив там некоторое время вместе с братом, а потом вместе с братом и его женой, Варварой Тимофеевной, Иван Кельсиев перебрался в Тульчу. (Варвара Тимофеевна приехала в Турцию с маленькой дочерью,—по указанию Герцена в письме к М. Мейзенбуг—XVI, 466, — 29 августа н. ст. 1863 г.). Обосновался Иван Кельсиев в Тульче ранее Василия. К сожалению, точное время переезда им нигде не указано, а между тем оно очень важно для датировки писем. Иван Кельсиев переехал в Тульчу приблизительно во второй половине сентября 1863 г.: в своем первом письме из Тульчи он указывает, что не виделся с Василием уже $2^1/_2$ месяца; в следующем письме, относящемся к тому времени, когда Иван Кельсиев жил еще один, описываются такие события, которые не могли произойти за короткий срок (например, устройство молоканской школы); брат же его отправился в Тульчу из Константинополя 7 декабря 1863 г.

На основании этих приблизительных расчетов мы датируем письма Ивана Кельсиева из Константинополя так: первое письмо, адресованное Герцену, написано, повидимому, в первой половине сентября 1863 г. (Герцен уехал из Лондона в Италию 15 сентября), второе — Огареву — во второй половине сентября того же года.

Как сказано выше, в Константинополь Кельсиев явился полный необычайной энергии и оптимизма. Его первое, весьма содержательное письмо к Герцену проник-

нуто революционным патриотизмом, глубокой верой в народ. В этом письме Кельсиев высказывает убеждение, что формулы либералов не в состоянии увлечь народ, потому что эти формулы «только в больном мозгу оскопленных нравственно эксплуататоров могут родиться».

Как видно из этого письма, Кельсиев постепенно осознавал зависимость общественных взглядов и политических программ от материальных интересов различных групп населения. Дворянско-буржуазные течения характеризуются и осуждаются им теперь не с их моральной стороны, как раньше. Теперь он вскрывает ограниченность и нереальность либеральной программы («формул», по его терминологии), подчеркивая, что эта программа не выходит за пределы экономических интересов дворянина и буржуа, а потому неминуемо отделяет либералов от народа, который тоже борется за свои реальные интересы. Замечания Кельсиева о материальной основе политических программ, выдвигаемых представителями эксплуататорских групп населения в противоположность идеям подлинно демократическим, свидетельствуют о том, что в понимании классовой экономической основы идейно-политической борьбы он сделал крупный шаг вперед по пути, проложенному учителем всей революционно-демократической молодежи, Н. Г. Чернышевским.

Важнейшее явление в русской общественной жизни шестидесятых годов — размежевание лагерей революционно-демократического и либерально-буржуазного, быстро переходившего на открыто реакционные позиции,— вот основной стержень политических рассуждений Кельсиева в его первом письме Герцену, написанном в эмиграции. Оно не могло не заинтересовать издателей «Колокола».

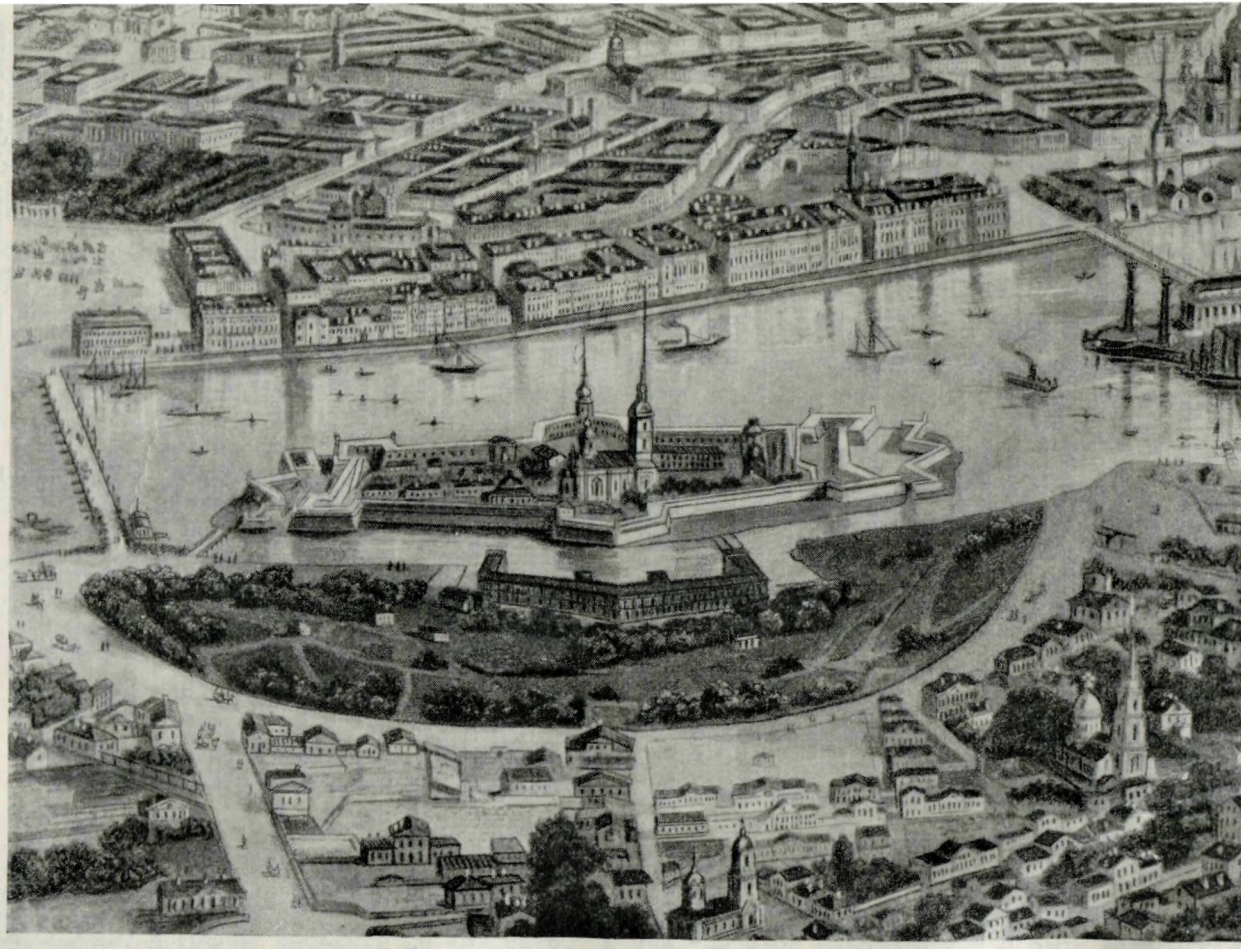
Кельсиев призывал Герцена и Огарева более четко определить свою позицию по отношению к обоим противостоящим лагерям. «„Колокола“ место не в немецких книжных лавках, — писал Кельсиев Герцену в сентябре 1863 г. (письмо № 1), — место „Колокола“ в семинариях, корпусах, институтах и университете. Там он у места, там он родит дело, а в дворянских гостиных все, что он может родить, так это разве один хор, да теперь он и хора не родит...». Призывая Герцена не делать уступок либералам, Кельсиев указывал на их слабость, на их оторванность от народа. «Мы же социалисты и крайние сторонники народа, мы революционеры», — так сам Кельсиев определял свою идейно-политическую позицию в это время.

Замечателен анализ расстановки основных сил в общественной борьбе, сделанный Кельсиевым. Молодой революционер разъясняет, что заигрывание с либерализмом со стороны дворянства и буржуазии обусловлено временными обстоятельствами и происходит лишь постольку, поскольку некоторое усовершенствование существующего строя может способствовать обогащению дворян и буржуа. Революция невыгодна дворянину и купцу, они на нее не пойдут. А отсюда следует и необходимость определенной политической тактики: нельзя проповедовать республику во дворцах, а социализм — на «бирже»: «с нами пойдет народ, а кроме народа мы никого не поведем за собою».

Большое место в письме Ивана Кельсиева к Герцену занимают вопросы о том, как расширить пути доставки агитационной литературы из-за границы в Россию и какого типа издания должна выпускать Вольная русская типография. Расширить публикацию доступной для широких народных кругов агитационно-пропагандистской литературы — вот за что ратует Иван Кельсиев. Выпуская одни только такие книги, как «С того берега» или «За пять лет», указывает он, нельзя привлечь на свою сторону народ. Подобные требования, адресованные Герцену, были характерны для многих представителей революционной «молодой эмиграции» того времени.

Письмо Ивана Кельсиева к Герцену по своей общей идейно-политической направленности и строгой принципиальности примыкает к „Письму из провинции“ Русского человека», вышедшему из круга Чернышевского. Кельсиеву принадлежит видное место среди тех представителей «молодой эмиграции», которые помогли Герцену в годы трудных испытаний преодолеть колебания в сторону либерализма и остаться на революционно-демократических позициях.

Вопрос о старообрядцах и приверженцах других преследуемых вероучений, вопрос о возможности вовлечь их в широкое общественное движение тоже занимал большое место в письмах Ивана Кельсиева в Лондон.



ВИД НА ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Литография, 1860-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотографии Исторический музей, Москва

В «Исповеди» Василий Кельсиев рассказал, что брату Ивану пришлось заменить его в сношениях со старообрядцами Не следует думать, однако, что идею установления связи со старообрядцами Иван Кельсиев воспринял от Василия Кельсиева; она давно была распространена в революционной среде.

Уже в то время, когда Иван Кельсиев писал Герцену свое первое письмо из Константинополя, была ясна двойственность своеобразной среды приверженцев «старой веры». С одной стороны — книжники, главы сект и толков; в них Иван Кельсиев видел врагов, потому что они являлись твердыми «союзниками существующего порядка»; окостеневшие догматы были им дороже жизни. С другой стороны — рядовая масса сектантов и старообрядцев; защита догматов веры для них не имела большого значения, они руководствовались лишь непосредственными материальными интересами. (Иван Кельсиев формулировал это положение несколько упрощенно, в духе распространенного тогда в демократических кругах механистического материализма.) Тактика революционеров, по мнению Ивана Кельсиева, должна была исходить из этого коренного различия между «книжниками» и «простолюдинами-раскольниками». Иван Кельсиев не отказывался от того, чтобы пытаться воздействовать на оба полюса. В «книжниках» можно приобрести себе союзников, но «на первую только половину войны». Если же не оказывать непосредственного воздействия на демократические круги старообрядчества, то во второй половине войны они будут увлечены «книжниками», которые к этому времени станут врагами революции, «и реакция выйдет на славу».

Важнейшую задачу пропагандиста-революционера Кельсиев видел в работе среди «простолюдинов-раскольников». При этом он надеялся не только оторвать массу от консервативной верхушки старообрядчества, но рассчитывал на нечто большее: «Действуя таким образом, растолковав простому народу все выгоды нашего полного учения, мы подготовим в самом расколе оппозицию против его строгой и окостенелой догматики». Таким образом, Кельсиев стоял на правильной революционно-просветительской позиции: в борьбе за свое освобождение народные массы будут разрывать религиозные путы.

Иной была позиция Василия Кельсиева. Для него старообрядчество до конца оставалось народным общественным течением. Когда же он столкнулся с глубоким консерватизмом верхушки старообрядцев, разочарование послужило ему источником для реакционной клеветы на весь народ и было использовано им как моральное оправдание своего перехода в стан реакции.

Помимо сказанного, то же письмо Ивана Кельсиева Герцену содержит соображения о практических вопросах революционной работы, в частности — об организации конспиративных путей для ввоза агитационной литературы в Россию, об издании «Колокола» и «Общего веча», о подготовке старообрядческого Собора. Все последующие письма Кельсиева в Лондон, в сущности, лишь развивают отдельные положения этого наиболее содержательного из его писем.

В письме Огареву из Константинополя Кельсиев ставит вопросы текущей работы, в том числе — вопрос об организации типографии в Тульче. Наиболее интересны его соображения о предполагавшемся старообрядческом Соборе. Уже летом или осенью 1863 г., в ту пору, когда писалось письмо к Огареву, у Кельсиева возникли серьезные сомнения в возможности и целесообразности созыва Собора. Однако вопрос о Соборе все-таки не был снят, и потому Кельсиев счел нужным высказать свои соображения о подготовке к нему. В связи с подготовкой к созыву Собора Кельсиев намерен был осуществить свою идею воздействия на оба полюса старообрядческой среды. Если на Соборе будет присутствовать десять-пятнадцать человек начетчиков и заправил старообрядчества, общение с которыми только компрометирует революционеров, полагал он, Собор окажется чуждым массе. Поэтому «нужно две вещи: Собор и волнение в старообрядческой массе, которое выказывало бы участие всех старообрядцев в этом Соборе».

Сказанное Кельсиевым о Соборе еще раз подчеркивает демократизм молодого революционера, его стремление активизировать широкие народные круги.

Два первых (недатированных) письма Ивана Кельсиева из Тульчи относятся к ноябрю или к началу декабря 1863 г. (писались они, когда Василия Кельсиева еще

не было в Тульче, а приехал он туда в декабре 1863 г.). Последнее письмо Ивана Кельсиева из Тульчи написано весной, вероятно в марте следующего года. 25 марта 1864 г. Герцен сообщал сыну, что через Кельсиева им получена записка от Эбермана для передачи Левестаму (XVII, 141). Это — та самая записка, о которой сообщал Иван Кельсиев в заключительной части своего последнего письма. (В письме Герцена сыну речь идет, правда, о Василии Кельсиеве, но Иван Кельсиев переслал записку от имени обоих братьев.) Все три письма, отправленные Иваном Кельсиевым из Тульчи, адресованы, видимо, Огареву.

Письма конца 1863 г. написаны после длительных и тяжелых испытаний, перенесенных Кельсиевым на новом месте. Его удручали не столько личные невзгоды и тяжелая материальная зависимость от чуждых ему людей, торгашей и попов, сколько вынужденный перерыв в революционной работе, которой он посвятил всю свою жизнь. Тяготила его и затруднительность сношений с Россией. Более всего удручала Ивана Кельсиева чрезвычайная культурная отсталость зарубежных старообрядцев, дух рабского подчинения бедных богатым, младших — старшим. С большой остротой изобличал он быт добруджских старообрядцев. В письмах и «Исповеди» Василия Кельсиева такой выразительной картины старообрядческого быта мы не найдем.

В противоположность Василию, Иван Кельсиев не призывал к примирению с действительностью; он попрежнему относился к жизни активно; он продолжал придерживаться того принципа, который был сформулирован им еще во время следствия: «надо от человека требовать большего, чем то, что мы в нем видим». Однако для него характерны высказывания против революционного авантюризма: «роскошь» революционного переворота доступна, по его убеждению, лишь «после будничного и черноработного занятия — сбора медных грошей», то есть после постепенной подготовки.

Несколько неожиданно в письмах Кельсиева звучат слова о том, что «аристократию» он предпочитает народу. Однако такая фразеология отнюдь не свидетельствует, разумеется, об отходе от демократизма.

«Мой идеал — аристократическая республика, в которой *все* аристократы, а черни *вовсе нет*» (подчеркнуто мною.—*П. Р.*). Эти слова Ивана Кельсиева еще раз убеждают нас в том, что он попрежнему твердо занимал позицию последовательного революционера-демократа, просветителя, призывая активно вмешиваться в жизнь, переустраивать ее революционным путем. Доказывая необходимость распространять «аристократизм», он призывал лишь к широкому распространению в народе культуры и просвещения.

Демократическая позиция Ивана Кельсиева определила его углубленный интерес к народной жизни. В своих письмах из Тульчи он отмечал факты расслоения крестьянства, рождение нового типа противоречий в крестьянской среде. Разумеется, выводы, сделанные им, не могли выходить за пределы того понимания общественных вопросов, какое было свойственно передовым людям его времени. Но несомненно, что высказывания Кельсиева об «аристократии» были вызваны желанием бороться с идеологией тех писателей и общественных деятелей, чье преклонение перед «народностью» являлось не чем иным, как преклонением перед темнотою, забитостью, некультурностью народа.

Борьба с такого рода тенденциями в ту пору была весьма своевременной: они являлись одной из распространенных форм перехода интеллигенции из революционного лагеря в реакционный; пример такого перехода находился у Ивана Кельсиева перед глазами — Василий Кельсиев с его культом «народности» в реакционно-славянофильском духе.

В первом письме Огареву из Тульчи Кельсиев сообщает и о своих связях со старообрядцами. Он в это время несколько изменил отношение к их верхушке. В противовес сказанному в более ранних письмах, он считал теперь, что «книжники более либеральны, чем старообрядец из массы». Такая неправильная мысль могла явиться у Кельсиева, во-первых, под влиянием тяжелого впечатления от быта, материальной и идейной порабощенности рядовых старообрядцев и, во-вторых, под влиянием радушного приема, оказанного ему в местном центре старообрядцев, в Славском скиту близ

Тульчи. Кельсиев не знал о той двуличной политике, которую вел по отношению к нему, как к представителю революционных кругов, живший в этом скиту старообрядческий епископ Аркадий (письмо Кельсиева епископу Аркадию было передано епископом русскому консульскому агенту в Измаиле—см. XVII, 282—285). Правда, Кельсиев отчасти догадывался и сам, что несколько преувеличил «свободомыслие» старообрядческих монахов-начетчиков, уверяя, будто они не будут мешать революционному делу. Несомненно, во всяком случае, что при более длительном и близком знакомстве с жизнью старообрядцев разных толков и разных социальных кругов Кельсиев окончательно уверился бы в том, что старообрядчество по своей глубоко реакционной сущности не может стимулировать общественную активность и сознательность.

Существенные подробности об организации в Тульче «фаланстера» — общины русских эмигрантов — передал Кельсиев в своем последнем письме. Задачи общины видел он совсем не в том, в чем видел их Василий Кельсиев. Не узко культурнические цели, а активно революционные были для Ивана Кельсиева на первом плане.

Как известно, Герцену приходилось энергично отбиваться от лжи и клеветы, распространявшейся Катковым и его сподвижниками по поводу «агентства Герцена в Тульче». Письма Ивана и Василия Кельсиевых показывают, чем в действительности была колония революционных эмигрантов в Добрудже. Революционный «фаланстер», в сущности, находился еще в проекте, и цели его, четко сформулированные Кельсиевым, разумеется, ничего общего не имели с теми целями, которые приписывали ему клеветники.

За исключением одного чернового, не имеющего конца письма Огарева к Кельсиеву (предполагаемая дата: апрель 1864 г. — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 612), другие письма к нему Огарева и Герцена исследователям неизвестны. Из писем же самого Кельсиева видно, что от лондонских друзей он получал призывы к бодрости и наставления в работе, что он и его корреспонденты обсуждали программу и тактику общества «Земля и воля». Кроме того, Герцен и Огарев оказывали Ивану Кельсиеву, так же как и его брату, денежную помощь.

Кельсиев всеми мерами старался поддерживать связь с Центральным комитетом общества «Земля и воля» и с примыкавшими к нему московскими и другими кружками. В письмах в Россию он критиковал руководство и высказывал свои соображения о методах действия революционного общества.

Письма Кельсиева в Лондон позволяют установить, что́ именно рекомендовал он в этих не дошедших до нас посланиях комитету «Земли и воли»: он призывал укрепить связи с народом и усилить контакт с революционной эмиграцией, стремился поддержать радикальные настроения в обществе, побудить его к действию.

Иван Кельсиев, как и его брат, был сдержан в своих письмах, опасаясь выдать русскому правительству сведения о работе революционеров в России. Поэтому мы из публикуемых писем, к сожалению, можем узнать лишь немногое о связях с комитетом Ивана Кельсиева в период его эмиграции, но ценен сам по себе факт, выясняющийся из этих писем, что сношения между ними не обрывались.

Кельсиев, один из лучших представителей нового поколения революционеров-разночинцев, проявлял глубокое понимание преемственности идей и борьбы революционных поколений. Он критиковал позиции издателей «Колокола», но критика эта носила искренний дружественный характер; она не только противопоставляла старой программе «Колокола» новый строй мыслей, характерный для нового этапа революционного движения, но в то же время содействовала сохранению единства в революционных рядах.

Смерть Кельсиева (он умер в Тульче от тифа 21/9 июля 1864 г.) подробно описана его братом («Исповедь», стр. 380—381; см. также стр. 195—196 настоящего тома). Герцен и Огарев считали необходимым собирать материал для биографии безвременно погибшего революционера, справедливо полагая, что жизнь его может служить поучительным примером для всех, кто посвятил себя революционному делу.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 84 и 153).

1

ГЕРЦЕНУ

(Константинополь, сентябрь 1863 г.)

Душевно благодарю вас, многоуважаемый Александр Иванович, за ваш привет [1]. Живую силу, разумеется, грех было не спасать; но сила мыслима только в деле, и критерий ее — количество сделанного; где больше сделано, там сила больше, лучше; в этом и было сомнение: сомневался — где больше сделать можно. Вы спрашиваете: что я намерен делать. Прямо ответить на это не могу, потому что особенного плана, отличного от всех прочих, не имею; буду делать пропасть всяких дел, а что именно — это скажет минута. Пока написал к Центральному комитету большое послание, в котором я изложил кое-что о том, что я думаю о его деятельности и что, по моему мнению, должно в настоящее время занять его деятельность [2]. С братом мы стараемся об устройстве издания староверческих книг; написали Гонч⟨арову⟩ подтверждение о созвании Собора [3], причем просили сообщить имена и адресы всех влиятельных в расколе лиц; когда О. С. Гонч⟨аров⟩ напишет нам, о чем просим, тогда примемся за составление посланий к главам сект. Я жду первого удобного случая, чтобы отправиться на границу и устроить постоянный контрабандный путь. Быть может Центральный комитет согласится на печатание популярных брошюр в Константинополе, о чем передал ему свои соображения; тогда издания эти пойдут двумя путями, совершенно соответственными самому назначению книг для народного чтения: один путь через сухопутную турецкую границу, до самой Москвы, по непрерывному ряду старообрядческих селений; другой — через Таганрог по Дону и Волге, для распространения между православным и старообрядческим населениями Поволжья. Я не могу пока согласиться с вами, чтобы путь через Константинополь был не один из самых удобных. Что до «Колокола» — вы, пожалуй, правы, но для «Общего веча» и изданий для простого народа путь через Турцию — естественный путь, ибо Турция ближе, чем другая какая земля, к Поволжью и к цепи старообрядческих селений, идущей от Москвы к юго-западной русской границе, т. е. ближе, чем какая-либо другая страна к местностям, на которые мы привыкли смотреть, как на носящие в себе наибольшее перед другими количество революционных элементов. Если бы и наш взгляд на эти местности не выдерживал критики, то, во всяком случае, оставлять их без внимания не следует; а если так, то не следует оставлять без внимания путь через Константинополь. «Колокол» же я прошу у вас потому, что, как мне кажется, иного постоянного пути, кроме того, который я предлагаю, не имеется; почему же, в самом деле, уже с год тому времени, как в Москве утвердилось мнение, что «Колокол» прекратил свое издание еще в прошлом году? Когда будет заведено постоянное сношение с Москвой, так сказать — своя собственная почта, то мы с братом будем au courant* всего, что делается в России, и тогда нам работы будет гибель, потому что, верно, ко всему, что будет затеваться там, у нас найдется привязка. — Мне хотелось бы вступить в сношение с киевскими малороссийскими кружками и предложить им свои услуги по части книгопечатания и вообще завести с ними переписку.

Позвольте мне сделать вам несколько замечаний по поводу ваших сетований о настроении умов в России и того, что вы говорите о «новом закале» и «новом profession de foi» ** [4]. Я никогда не рассчитывал на ту массу, которая открыто высказывает теперь все свое нравственное безобразие. Эта масса и прежде была, как и теперь есть, нашим прямым

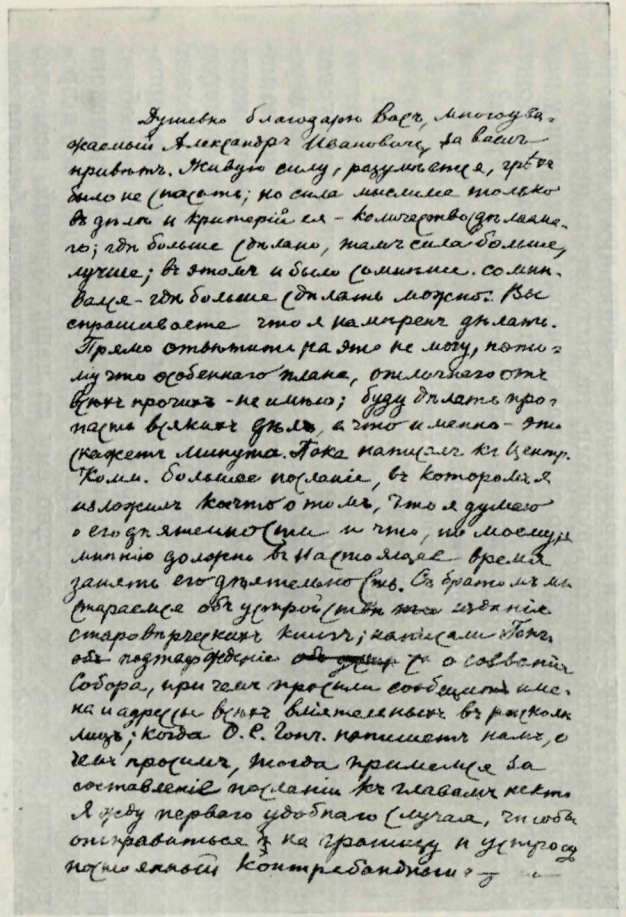
---

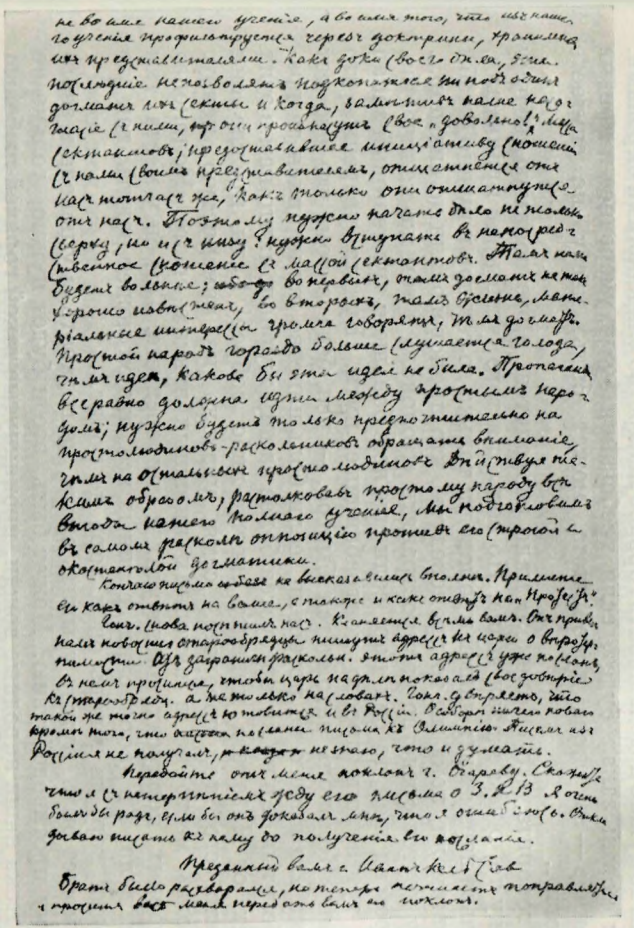
* в курсе (франц.).
** изложении своих взглядов (франц.).

врагом. С одной стороны, это масса служащего и эксплуатирующего народ дворянства, с другой — это купечество и вообще все книжники, не пристающие к тому, что вообще понимается под именем образованного меньшинства. Мы же социалисты и крайние сторонники народа, мы революционеры. Что же может быть общего между нами и теми, которых я назвал выше? Мы никогда не могли быть с ними, и если они были, повидимому, на нашей стороне, если они либеральничали и непрочь были почитать «Колокол», то это только по непониманию дела и по какому-то суеверному преклонению перед вашим авторитетом. Весь либерализм для них был только предметом разговора и делом моды. В России давно стали замечать это, да и давно стала высказываться сущность этого либеральничанья. Прочтите последние этюды Щедрина о глуповцах [5]; глуповцы — это все те, которые кричат теперь о величии России и вопят против поляков. Высказалось с самого начала, что единственная жизненная связь глуповского либерализма с жизнью заключалась в разных мелочных улучшениях администрации, способных облегчить обогащение дворянства и купечества и комфорт жизни; так что жизненная связь этого либерализма была в *личных* выгодах дворянства и купечества. Помещики стали говорить, что «джентри английскую нужно завести в России», стали читать Б⟨*нрзб.*⟩, занялись агрономией, технологией etc., etc. Хотя аристократический и буржуазный принципы не были еще сознаны этим либерализмом, но уже с самого начала подразумевались; когда говорилось о благе любезного отечества, то под этим подразумевалось всегда свое личное благо. Доказательством, что с нами были потому только, что не понимали нас, служит то, что многие читали и «Современник» и «Русский вестник» одинаково сочувственно и ничего решительно не понимали, когда им кто-нибудь говорил о диаметральном различии двух этих журналов. Дворянин видел в нашем либерализме надежду на *свое* лучшее будущее, промышленник — также. Но ни малейшей жертвы нельзя было ждать от них в пользу общего дела, ибо в общем деле они только свое личное благо видели. Только такое отношение к нашей проповеди было в них жизненно, все остальное были только пустые слова, один глупый разговор. Эта другая половина отношения к нашей проповеди была до крайности удобоподвижна и непрочна, по самой невыработанности идеи: кто что скажет, то и повторяют, лишь бы в сказанном тон был чуть-чуть повыше тона, употребляемого в обыденной речи; что говорилось высоко и что вступало в сферу общих вопросов,—принималось на веру.

Разумеется, эта масса не могла сойтись с нами не в словах, а в деле. Революция всякая невыгодна купцу и дворянину, ведущему купеческие обороты; демократическая революция — еще больше, а про социальную — что и говорить. Жизненно слиться с этой массой мы не могли: мы проповедовали республику во дворце, а социализм на бирже. Масса идет всегда за личные интересы, и *эта* масса с нами идти не могла. С нами пойдет и масса, только другая: та масса, личным интересам которой мы льстим; с нами пойдет народ, а кроме народа мы никого не поведем за собою. Это вперед можно было предвидеть.

Поэтому я и думаю, что «Колоколу» не нужно ни нового закала, ни новой profession de foi. Нам не нужно вовсе соединения с этой массой, потому что это—наш враг, это именно то, против чего мы боремся. Нам дворян как дворян, купцов как купцов — не нужно, потому что мы ни за дворян, ни за купцов. От наших замыслов и купцы и дворяне теряют, следовательно масса купцов и дворян *не будет* на нашей стороне. Все, что можем мы взять с собою из этой массы, это только несколько исключительных личностей, настоящих борцов идеи, людей, которые не задумаются идти с нами, хотя сообщничество с нами все у них отнимает и взамен ничего не дает, кроме чистой совести.





АВТОГРАФ ПИСЬМА И. И. КЕЛЬСИЕВА к ГЕРЦЕНУ ОТ СЕНТЯБРЯ 1863 г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Итак, только на передовых людей должен рассчитывать «Колокол». Он должен быть их отголоском и руководителем, он должен направлять движение. Для таких людей не нужно нового закала: они любят голую идею, им не нужно подслащивать горькое лекарство сладенькими сиропами. А если новый закал будет, если требования будут умереннее и призыв сдержаннее — вы снова приобретете, может быть, массу, но спутаете себе ноги...

Вы говорите, что «Колокол» мало расходится; я это понимаю, потому что вижу то, о чем сказал выше. Но ведь для того, чтобы нас принимали, нам нельзя переменить нашей проповеди: только до тех пор и нужно, чтобы нас принимали, пока мы то проповедуем, что проповедовали до сих пор... Я вижу другое средство распространять «Колокол» в том же количестве, в котором он шел до сих пор, если еще не в большем: тут не новый закал нужен, тут нужны просто контрабандные пути. Будьте уверены, что в России «Колокол» разойдется быстро, — вся беда в том, что его нет в России. Вы ничего не потеряли, если большинство шляющихся за границей богатых бар не интересуется более вашим журналом: что нам в этих господах, от Назарета приидет ли что-либо доброе! Если прежде они и читали его, то, поверьте, семя упадало на каменистую почву. «Колокола» место не в немецких книжных лавках, место «Колокола» в семинариях, корпусах, институтах и университете. Там он у места, там он родит дело, а в дворянских гостиных все, что он может родить, так это разве один хор, да теперь он и хора не родит...

Но, может быть, нужно усыпить врага, не подавать ему повода к энергическому противодействию? Может быть, это и будет нужно, только не теперь. Пока наши народные вожди, проникнутые такой горячей любовью к отечеству, покоряют Русь только на карте, только указательным перстом. В России только одна живая и хоть что-нибудь делающая партия — это наша; только для нас идеи и пропаганда ее—нечто вроде профессии. Все остальные замкнуты своими кружками, не выходят из них; пропаганды в народе они не ведут, да и что они скажут народу? Энергии у них нет, потому что идея их такова, что энергии при ней не полагается. Может быть, впоследствии, дела пойдут иначе, а пока — чего их бояться?

То превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
Да двух старых баронесс,
Чопорных и тощих...[6]

«Колокол», однако, немыслим один, без «Общего веча», как успех движения немыслим без массы. «Колокол» пусть звонит только для передовых людей, на массу же пускай действует «Общее вече». Только, по моему мнению, его нужно распространить, а то оно такое жиденькое, когда в нем, можно сказать, вся суть. «Общее вече» должно вести настоящую войну, а «Колокол» только вербовать новобранцев в его армию. Может быть, следует оставить «Общее вече» специальным раскольническим органом; только тогда необходим новый журнал для простого народа вообще; этот журнал пусть вдается во все мельчайшие подробности крестьянского быта, пусть толкует обо всем, что составляет жизнь простолюдина, и проводит в понятия его все, что доступно ему из наших учений, все, что, по-нашему, должно заменить и исправить существующий беспорядок.

Здесь нужно кой о чем приумолчать. Но избави бог прямо говорить против того, к чему мы стремимся. Нужно только уметь умалчивать и недоговаривать. И к чему, в самом деле, говорить мужику о боге, о внутренней самостоятельности духа, о нелепости идеи юридического закона, власти и т. д.; разве не найдется гибели других предметов, о которых мы можем говорить мужику и которыми последний не будет шокирован?

Но про нас могут насплетничать народу: они, дескать, властей не признают, они не признают даже... На это есть такое средство: «Общее вече» и другая популярная газета могут издаваться за печатью Центрального комитета, «Колокол» же пусть издается, как издавался до сих пор. Если потом, на основании напечатанного в «Колоколе», вздумают обвинять всю партию революции, то будет всегда приличная оговорка: «Мнение „Колокола", дескать, исключительно мнение самой редакции; мнение „Общего веча" и др. — мнение революционной партии, мнение „Земли и воли"; ищите в „Общем вече", что сказано там в этом роде!».

Прежде всего, не нужно смущаться мнениями нашего дворянства и пропагандой этих мнений. Дворянство как дворянство—замкнутый и отрезанный от народа кружок, его пропаганда не выходит из его кружков; пусть кружки эти вырабатывают свою теорию, пусть все внутреннее безобразие их всплывет на свет в определенных формулах: они приготовляют на себя обвинительный акт. Хуже того, чем были, они не сделаются, а только выяснят и определят себя. Пусть кружки эти подымают свое знамя, пусть каждый идет к тому знамени, которого он стóит: тогда отделятся овцы от козлищ, тогда можно будет видеть, как к кому нужно относиться. России нужно будет кой-кого сбросить с своих плеч, тогда виднее будет — кого именно.

Народ останется здрав и невредим от возвращения лягушек в свое родимое болото. Нам говорят, что мы слишком абстрактны для того, чтобы быть понятыми народом, но я не верю этому. Разумеется, тут много зависит от приема, от языка, которым станешь говорить с мужиком; мужику нужно говорить об его бедности, забитости, о рекрутчине, бессудности, поборах и т. д.; говоря то же самое, только другим языком, мы прослывем за рехнувшихся. Как всякая партия, мы имеем свои формулы; но ведь формулы есть у всех. Но противники наши для народа ничего, кроме формул, не имеют. О материальных выгодах народа при существующем порядке они не могут говорить, потому что существующий порядок невыгоден народу. Остается им одно: подступить к народу с формулами, говорить россиянам о законности, о неприкосновенности собственности, о гражданском долге повиновения властям, и т. д. Народ не поймет этих вещей и будет видеть в них один подвох; да и как понять ему вещи, которые только в больном мозгу оскопленных нравственно эксплуататоров могут родиться!

Но, может быть, они станут укоренять в народе его традиции, мнения, составляющие, так сказать, теорию нашей нации. На это я отвечу тем, что сказано однажды вами: «Россия — не теория, Россия — факт». Все способствовало этому счастью России: и отрезанность народа от истории, более глубокая, чем где-либо, и холопское положение дворянства, положение унизительное и развращающее, и этот остракизм национальности науки, национальности, свалившейся вместе с бородами, которые Петр так усердно сбривал по самые плечи.

Но редко встречаются правила без исключения. И в нашем народе есть теоретики, люди, которых никогда не подобьешь изменить букву их верований в пользу жизни. Это так называемые книжники. Книжников я боюсь и только в них одних вижу естественного и хоть сколько-нибудь прочного союзника существующего порядка. Против них ничего не сделаешь пропагандой; перед ними мы должны припрятывать свои когти, чтобы они не мешали нам вести дело. Большинство того, что я подразумеваю под именем «книжников», — главы сект, и здесь эти люди всего страшнее. Страшны они тем, что идея им дороже жизни, а мы других ссылок, кроме ссылок на требования жизни, — не имеем. Однако я думаю, что и тут можно найти лазейку, если мы сумеем ловко повести дело.

Секты нам нужно брать с двух сторон. Если мы будем с ними сноситься только при посредстве их глав, т. е. книжников, то мы приобретем в них союзника на первую только половину войны, а во второй нам придется сразиться с самими ими; тогда они бросятся в объятия своих старых врагов, и реакция выйдет на славу. Это — неизбежная развязка дела, если не мы поведем их, а их главы, если пойдут они не во имя нашего учения, а во имя того, что из нашего учения профильтруется через доктрины, хранимые их представителями. Как доки своего дела, эти последние не позволят подкопаться ни под один догмат их секты, и когда, заметив наше несогласие с ними, они произнесут свое «довольно!», масса сектантов, предоставившая инициативу сношений с нами своим представителям, отшатнется от нас тотчас же, как только они отшатнутся от нас. Поэтому нужно начать дело не только сверху, но и снизу: нужно вступать в непосредственное сношение с массой сектантов. Там нам будет вольнее: во-первых, там догмат не так хорошо известен; во-вторых, там жизнь, материальные интересы громче говорят, чем догмат. Простой народ гораздо больше слушается голода, чем идеи, какова бы эта идея ни была. Пропаганда все равно должна идти между простым народом; нужно будет только предпочтительно на простолюдинов-раскольников обращать внимание, чем на остальных простолюдинов. Действуя таким образом, растолковав простому народу все выгоды нашего полного учения, мы подготовим в самом расколе оппозицию против его строгой и окостенелой догматики.

Кончаю письмо, не высказавшись вполне. Примите его как ответ на ваше, а также и как ответ на «Протест» [7].

Гонч⟨аров⟩ снова посетил нас. Кланяется всем вам. Он привез нам новость: старообрядцы пишут адрес к царю о веротерпимости. От заграничных раскольников этот адрес уже послан. В нем просится, чтобы царь на деле показал свое доверие к старообрядцам, а не только на словах. Гонч⟨аров⟩ уверяет, что такой же точно адрес готовится и в России. О Соборе ничего нового, кроме того, что посланы письма к Олимпию [8]. Писем из России я не получал, не знаю, что и думать.

Передайте от меня поклон г. Огареву. Скажите, что я с нетерпением жду его письма о «З⟨емле⟩ и В⟨оле⟩». Я очень был бы рад, если бы он доказал мне, что я ошибаюсь. Откладываю писать к нему до получения его послания.

Преданный вам
Иван Кельсиев

Брат было расхворался, но теперь начинает поправляться и просит меня передать вам его поклон.

[1] Письмо Герцена, на которое отвечает И. И. Кельсиев, не сохранилось.

[2] «Послание» Ивана Кельсиева Центральному комитету «Земли и воли» неизвестно.

[3] Старообрядческий собор, по замыслу Герцена и Огарева, должен был быть созван и работать параллельно с Земским собором. Это решение, зафиксированное еще в первых заметках по поводу программы общества «Земля и воля» (XVI, 95), затем пропагандировалось в журнале «Общее вече» (см., например, № 19 от 10 июля 1863 г.). О созыве Старообрядческого собора говорилось в «Памятном листке», переданном Гончарову Огаревым (см. публикацию его в настоящем томе, на стр. 74—75). К весне 1864 г. выяснилось, что созвать Старообрядческий собор не представляется возможным. Идея общего Старообрядческого собора была заменена планом организации предварительного Собора заграничных старообрядцев (XVII, 131), а затем «схода» старообрядцев Добруджи с белокриницкими (XVII, 281).

[4] Цитируемые Кельсиевым слова Герцена содержались, видимо, в неизвестном нам письме, на которое Кельсиев здесь отвечает. Уяснить смысл обсуждаемого вопроса помогает статья Герцена «Протест» (XVI, 403—406), которую, как это следует из дальнейшего, имел в виду Кельсиев, когда писал Герцену (см. примеч. 7).

[5] Очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина, вошедшие в изданный в 1863 г. сборник

«Сатиры в прозе»: «Литераторы-обыватели», «Клевета», «Наши глуповские дела». Ранее эти очерки были напечатаны в журнале «Современник» 1861 г.

[6] Неточная цитата из стихотворения Дениса Давыдова «Современная песня».

[7] «*Протест*» — статья Герцена, напечатанная в л. 168 «Колокола» от 1 августа 1863 г. (XVI, 403—406). В ней Герцен гневно обличает дворян, «вчерашних крепостников», либералов, «ученых» и «учеников», дворянско-буржуазную прессу в поддержке реакционной политики правительства и призывает «честное меньшинство» присоединиться к его протесту. Кельсиев, отвечая на этот призыв, вместе с тем

«ПОД КОНВОЕМ»
Акварель . А. Ярошенко
Русский музей, Ленинград

как бы заявляет о своей солидарности с Герценом в его борьбе против растущей реакции.

[8] *Олимпий*, или Алимпий (мирское имя — Авдей Миловзоров) — бывший епископ старообрядческой белокриницкой иерархии в Тульче. Во время Крымской войны он был арестован русскими военными властями и одно время содержался в Суздальском монастыре. В 1883 г. Олимпий стал наместником Белокриницкой митрополии. Умер в 1899

2

ОГАРЕВУ

⟨Константинополь, сентябрь 1863 г.⟩

Многоуважаемый Николай Платонович. Пишу к вам, только что разрешившись от бремени 25 посланиями к старообрядцам. Я вполне разделяю мнение брата, что Собор никак невозможно устроить, но что все же

бросать этого дела не следует. Сделайте милость, пришлите нам как можно скорее списки старообрядцев, составленные братом, — теперь нужно письма посылать, а кому — не знаем. Пополните их именами, которые вам известны. По всей вероятности, завтра мы отправимся в Тульчу [1], и первый отряд посланий наших вскоре атакует Россию. Жаль, что «Колокола» я все не получаю; вот как теперь хорошо можно бы было отправить в Москву, мне почти подле самой границы придется быть. Писем я из России, к крайнему сожалению и к крайней досаде своей, до сих пор не получаю, почему и не могу дать вам решительный ответ насчет франкировки посылок.

Прошу вас, пишите нам, что́ в России делается, какие там новости и чего там ждут. Я здесь ужасно скучаю, до нас из России ни одного звука живого не долетает. По газетам вообще мало что можно узнать, а по нынешним — и подавно; неужели же и вы так отрезаны от России в той же самой мере, как и мы! Это просто нестерпимо, так оставаться нельзя! Впрочем, вы, я надеюсь, в постоянной переписке и должны знать многое, а я, поверите ли, здесь еще строчки не видал из России, — одна мысль об этом мне нестерпима, непременно нужно, чтобы кто-нибудь постоянно писал нам из России, и я во что бы то ни стало устрою это; а пока еще раз прошу вас — пишите к нам, что делается в России.

Пока у нас вся задача в устройстве типографии,—почти ничего серьезного нельзя без нее сделать. Вот съездим в Тульчу, может быть и удастся обделать там это дело. Только если дело пойдет на широкую ногу, то мы заранее чувствуем, что вдвоем нам никак нельзя будет справиться, почему мы и думаем выписать сюда Артура Бенни [2]. Это не человек, а золото в отношении трудолюбия, он один за десятерых работает, а в Питере ему делать нечего, потому что репутация его страдает неизлечимой хронической болезнью. Если Бенни не согласится, то нужно будет кого-нибудь другого поискать. Только дело в том, что нам именно такого человека, как Бенни, нужно, чтобы ни одна минута даром не пропадала и чтобы каждая чаша была им до дна выпиваема.

Напишите мне, скоро ли надеетесь вы получить ответ из Ц. К. на мои замечания о его недостатках. Я очень длинное послание отправил к Ком‹итету›, но так как оно пойдет очень тихо, — через старообрядческие селения, — то я и думаю, что от вас мне можно будет скорее ответ иметь. Еще напишите мне, какие, по мнению вашему, хорошо бы было употребить средства к облегчению созвания Собора. Нужно две вещи: Собор и волнение в старообрядческой массе, которое выказывало бы участие всех старообрядцев в этом Соборе. Собор-то, пожалуй, и можно устроить, только не вышел бы он просто смешон и как бы нам себя на нем не скомпрометировать: пожалуй, десять, пятнадцать человек можно подобрать, но только что в том пользы, если они будут только одиночным явлением, чуждым массе. Вот что нужно помнить: масса не будет созывать Собора,— это почти несомненно, но как бы так сделать, чтобы Собор был созван, хотя и без участия массы, но, тем не менее, пользовался бы сочувствием сей последней и сочувствие это чем-нибудь да выразилось бы?

Иван Кельсиев

NB. Мой поклон передайте Александру Ивановичу.

[1] В действительности, в сентябре 1863 г. И. Кельсиев переехал в Тульчу один; В. Кельсиев со своей семьей поселился там лишь в декабре того же года.

[2] Об Артуре *Бенни* см. в настоящем томе, во вступительной заметке к его письмам к Герцену и В. И. Кельсиеву (стр. 23—24).

Намерение братьев Кельсиевых «выписать» в Тульчу Артура Бенни не было осуществлено.

3

ОГАРЕВУ

‹Тульча. Ноябрь—начало декабря 1863 г.›

Многоуважаемый Николай Платонович*. Судя по печальному положению, в котором я оставил своего брата, а также и потому, что сам я, с тех пор, как я с ним расстался, т. е. $2^1/_2$ месяца, не получил от него ни одной строчки, я заключаю, что вы также не получали писем от брата за последнее время и потому ничего не знаете о том созвездии, которое стоит над нами в течение этой осени. Я в Тульче. Выехал я из Стамбула уже в такое время, когда брат совершенно выбивался из сил, не зная, за что схватиться и что предпринять, чтобы избавить себя от нищеты, которая ползла во все щели. В виду не было ничего, кроме давнишней мечты о типографии, а в наличности ничего, кроме долгов. Для переговоров-то об этой типографии я и выехал из Стамбула. Я долго ждал этой минуты, потому что долго мы ниоткуда не могли достать денег; я был рад, как бог знает чему, первым трем наполеондорам, которые нам удалось занять, и тотчас же сел на пароход, хотя 60 франков могло хватить только на проезд до Тульчи. Кроме желания устроить типографию, мою торопливость удваивало желание поскорей разослать по России свои письма к старообрядцам о созвании Собора. До Тульчи я доехал, был в скиту [1], был в старообрядческих селениях; письма пошли в Россию, а что касается до типографии, то я мог только того добиться, что епископ обещал написать в Измаил, в Галац, в Яссы и в Москву о нашем предложении и просить у тамошних купцов денег.

В скиту меня приняли очень хорошо: я с раннего утра и до поздней ночи просидел у епископа и говорил без перерыва целый день; тут был Гончар, сошлись сюда и монахи, которые поважнее; меня слушали как еще никто и никогда меня не слушал, не проронили ни одного слова, и теперь еще помнят до малейших подробностей всё, что я говорил. Поняли всё прекрасно и согласились во всем. По возвращении в Тульчу я сел на мели и до сих пор употребляю все усилия столкнуться с нее. От брата — ни слова, денег — ни гроша, квартира — чужая, которой я пользуюсь, злоупотребляя правами сделанного мне гостеприимства. Здесь произошел со мной такой казус, в котором мне стыдно признаться, однако признаюсь: я совсем потерялся, утратил всякую способность вести пропаганду между раскольниками, поддерживать сношения с ними, изобретать, предпринимать и заканчивать; личное мое несчастие до того поглотило меня, что мне нейдет в голову ни одна посторонняя мысль, что мои руки не подымаются ни на какое постороннее дело. Вы, может быть, обвините меня, и я не могу вспомнить об этом без боли; но если бы я был просто беден, я не оставил бы дела ни на минуту; но жить из милости $2^1/_2$ месяца у человека, чуждого и мне, и моему делу, $2^1/_2$ месяца искать с утра и до ночи работы и не находить ее; просить ее, как какую-нибудь милость, у людей, глубоко невежественных и грубых, у торгашей, у попов, у людей, которых презираешь в душе, но которых не имеешь ни права, ни возможности оттолкнуть от себя; знать, наконец, что и тот труд, который я могу после долгих усилий достать себе здесь, унизителен, скуден и, — что всего хуже, — не согласен с интересами моего настоящего дела, — все это, воля ваша, — много выше моих сил...

Но подождите немного: может быть, мне удастся вскоре почувствовать под ногами хоть зыбкую почву, но все же почву. Лишь бы мне иметь свою конуру, только бы мне иметь свой кусок хлеба, я снова буду трудиться, снова приищу дело, потому что дела здесь гибель. Мне представляется

---

* В подлиннике здесь и ниже в этом письме описка: «Платон Николаевич».—*Ред.*

здесь два занятия: учить грамоте детей здешних малороссов, учить по глупейшему киевскому букварю, по псалтырю и часослову! или же наняться приказчиком у одного из здешних рыболовов.

Второе занятие, хотя и много выгоднее первого, однако требует, чтобы я жил посреди степи, вдали от всякого жилья и за 50 верст от Тульчи; поэтому я предпочитаю сделаться учителем, хотя этот труд и тяжелее и способен дать мне только хлеб и квартиру; но и тут беда: на второе место у меня нет конкурентов, а на первое недавно один явился, и едва ли моего соперника не предпочтут мне; а кто же он!— пожалейте меня, добрый Николай Платонович, мой конкурент — старый пьянчуга, с утра и до ночи таскающийся по шинкам, и даже до риторики навряд ли когда-нибудь доходивший...

Нехватает места и духа описывать вам, что такое Тульча, кто в ней живет и что в ней можно делать. Погодите немного; дайте мне вздохнуть, и я много, много напишу вам; я буду вашим агентом в Тульче, здесь много можно сделать. Горизонт начинает для меня несколько расчищаться, светлеет, — посудите сами, как он был темен, если и перспектива хохлацкой землянки, с деревянными столами и скамейками, лубочными картинками, букварем и часословом — свет на нем! Но я уверяю вас, что я не чувствую теперь и десятой доли того горя, какое я испытывал с месяц тому назад; теперь я еще, можно сказать, в веселом настроении: я, посреди осенней ночи, под холодным ливнем, иззябший и промокший, заметил собачью конуру, которая может меня приютить! — еще бы мне не радоваться!

Всего сильнее беспокоит меня брат, от которого я не получаю ни строчки; его положение во сто раз хуже моего; мое горе проходит, а ему навряд ли можно будет так легко выпутаться, как мне, с женой и с ребенком.

Кланяйтесь от меня всем и, ради бога, напишите мне в Тульчу, на имя Жуковского [2], что есть нового в России; отсутствие всяких известий о России еще сильнее давит меня, чем вся некрасивая обстановка моей жизни.

Ив. Кельсиев

[1] Славский старообрядческий скит, в двадцати пяти верстах от Тульчи. Там жил епископ Аркадий, которого и имеет в виду Кельсиев. Описание славского скита дал В. И. Кельсиев в своей статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 260—261).

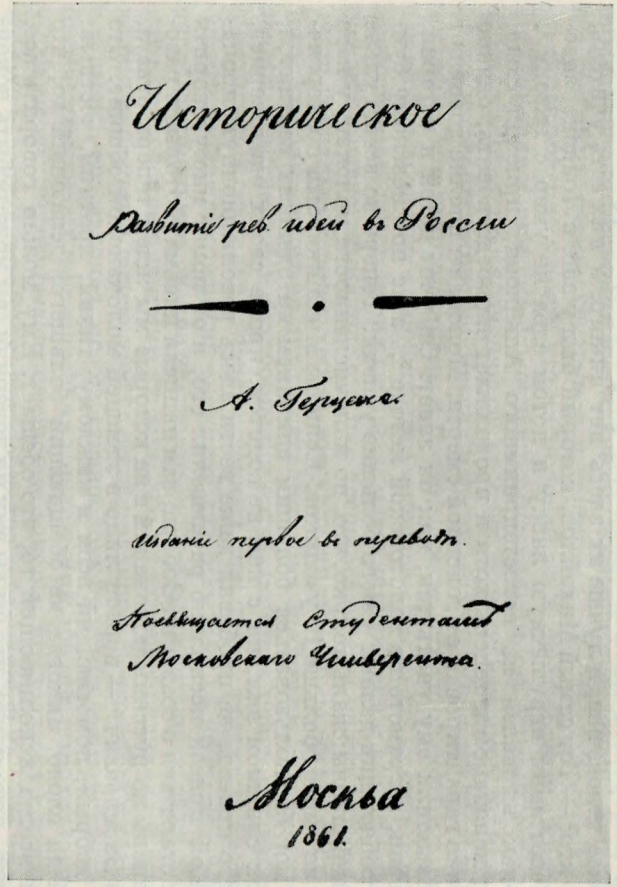
[2] О майоре *Жуковском* см. на стр. 180 настоящего тома.

4

ОГАРЕВУ

Тульча (ноябрь — начало декабря 1863 г. Отослано со следующим письмом)

Я вновь воскресаю, мой почтенный друг. После долгих усилий мне удалось уговорить здешних малороссиян открыть школу, и вот я теперь, в качестве школьного учителя, имею свою конуру. Мне предстоят невероятные усилия — подбить родителей моих учеников на предоставление мне полного права учить их детей, как я знаю и нахожу наивыгоднейшим; народ непомерно здесь дик, и начать я должен с нелепейшего букваря, псалтыря и часослова. Священной истории не позволяют учить: это, говорят, «супротивно». Отдавали прежде детей в молоканскую школу, но, увидав, что там обращают большое внимание на библию, взяли назад: «Кто в библию один раз зайдет, тот из нее не выпутается: больно хитро написана». Кроме того, в молоканской школе учат географии — «тоже



Историческое

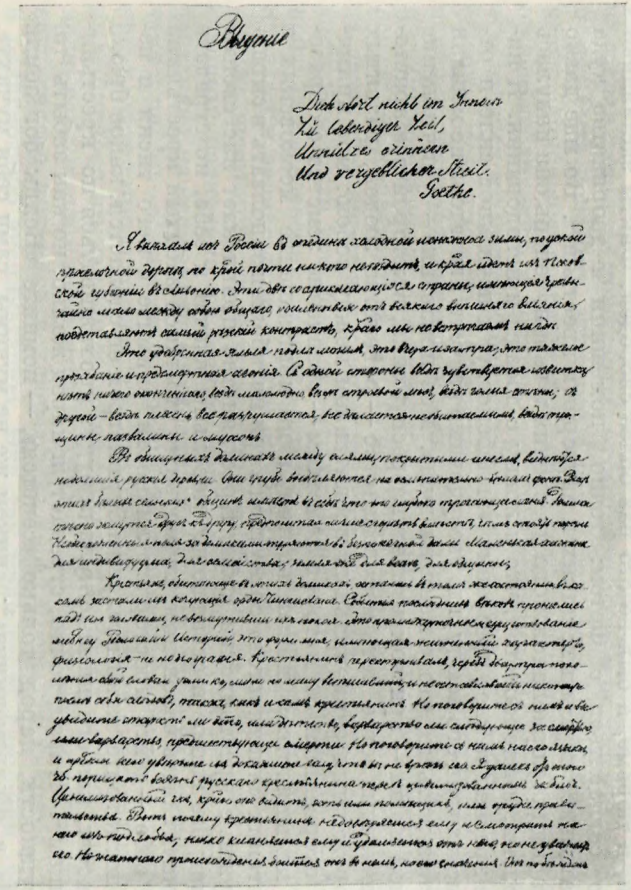
Развитіе рев. идей въ Россіи

А. Герценъ.

Изданіе первое и перевод.

Посвящается Студентамъ Московскаго Университета.

Москва
1861.



Введеніе

Dich fragt nicht, wohin im Innern
Dir lebendiger Keil,
Unmittelbar erdrängen
Und verschlungen Steil.
Goethe.

Я выехалъ изъ Россіи въ отдаленіи холодной полицейской зимы, подъ сильной жандармской дорогой, не крайней мѣрѣ много наблюдать, и вскорѣ увидѣлъ изъ тихой кибитки все убѣжище въ обломокъ. Эти двѣ совершенно-различныя страны, имѣющія тѣсную связь между собой обширно, обильнѣйшихъ отъ всякихъ внѣшнихъ и внѣшнихъ, подвластныхъ самой русской конторкѣ, какъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ.

Это удобнѣйшая языкъ - почти моимъ. Это Франкенштейна. Это тяжелое преданіе и предшествующая сказка. Я самой отсрочки были чувствительно-новости, плохо отличенная, вовсе малодушна, была отсрочкой мнѣ, была самая отсрочка, отъ другой - всѣхъ тяжелѣе все напряженнаго, все дѣйствительнѣе, все, что-нибудь-нибудь-нибудь-нибудь.

Во обращеніи дѣйствія мысли самыя, покровительствующія имѣлъ, въ которыя нѣкоторыя руки дѣлать. Они очень внѣшнія, не вполнѣ-нѣкоторыя, не вполнѣ-нѣкоторыя фонъ. Ведь этихъ дѣлъ самыхъ - будетъ имѣлъ въ себѣ это не старое происхожденіе. Дѣлать самое защитникъ-врагъ въ Европѣ, образовалъ самое сидѣть вмѣстѣ, что-нибудь отъ Европы. Изъ-за Европы-нибудь-нибудь-нибудь-нибудь

супротивно»: «Ребят-де заводят в моря, морские пучины показывают!».— «Нам нужно, чтобы только кое-как ребенок умел читать да писать, нехай его, бестия, не до всего доходит, до всего доводить его не нужно — не будет родителей почитать!». Таковы люди, в руках у которых я нахожусь,— в России, в тюрьме, я был во сто раз более свободен. Факты заставляют невольно согласиться с Фетом: точно, помещики и дворянство куда привлекательнее неумытых, диких и изуверных крестьян [1]. Во мне давно уже была жилка кориолановского презрения к черни; теперь она надулась до аневризма, и мне кажется, что я лопну с досады и негодования. Я никогда не краснел за свое презрение [к плебейству] к почвенной силе и открыто высказывал его всюду, где рассудочные расчеты агитатора не мешали мне высказывать то, что у меня на душе. Мое призвание — уничтожение черни, мой идеал — аристократическая республика, в которой все аристократы, а черни вовсе нет, мое равенство — равенство людей, развитых и облагороженных рациональным воспитанием между собою; мое примирение с оторванным от истории земством — сравнение земства с образованным меньшинством нашей партии, а не приглашение московских и петербургских «нигилистов» согнуться в три погибели и заползать в смрадные и душные крестьянские избы. Крестьянство привлекает нас своими «страдами»; все живое и страдающее невольно влечет к себе, но страдать еще не значит быть человеком; посмотрите, что такое забитый крестьянин в самом себе,—дайте простор его личности, снимите с него тиски и пеленки и посмотрите, каким толстым бурмистром он сделается, какое брюхо себе отрастит, как его жирные кулаки будут прохаживаться по крестьянским спинам [2]. Народ, точно, страдает, и народ жалко; но как забыть то, что, в сущности, народ только «секется», — помните «Велик бог земли русской!» в «Современнике» [3]: «никем же не мучимы, сами себя мучаху».

Дичее малороссов здесь нет никого, — разумеется, из русских. Молоканы более человечны, и лучше их здесь нет никого. У них есть учитель, и знаете кто? — Тот самый Михайлов, который был у вас, в Лондоне, заводил с Левестамом игрушечную лавку и потом едва не умер с голоду [4]. Он кое-как вырвался из негостеприимного Альбиона, приехал сюда, сделался молоканом и теперь хотя и продолжает еще бедствовать, однако совершенно гарантирован от голодной смерти. Молоканы вполне доверяют ему и позволили ему учить так, как он знает. Он учит детей и истории, и географии, и грамоте по золотовской методе [5], а не по киевскому букварю, и ребятишки делают у него большие успехи. Теперь во всей Тульче нет лучшей школы; жаль только, что, по малочисленности молокан, у него никогда не бывает больше 10 учеников. Если бы Михайлов был поэнергичнее, он мог бы пользоваться большим влиянием на здешних сектантов, только он слишком вял, ни с кем не водится, кроме своих единоверцев, и до моего приезда не пробовал даже вести здесь революционную пропаганду. Мой приезд несколько расшевелил его, и он помог мне уговорить молокан стараться о созвании Собора, сам написал письма, которые и разосланы теперь по русским молоканам и на которые мы ждем теперь ответа. Алексей Васильевич [6] — первое лицо в здешней молоканской общине. Это человек добрый, помогающий всем и каждому, тихий, кроткий, честный, крепкий на слово, никогда не обещающий большего, делающий то, что может, и всегда исполняющий то, что обещает. Ему можно говорить все, что хотите, потому что, что бы вы ему ни доверили, вы можете быть покойны — останется между им и вами. В отношении самодеятельности, неподседливости и бойкости он — живая антитеза Гончара. Для нас он мало может быть полезен; он искренно сочувствует нашему делу, особенно нашему учению и нераздельности и неотчуждаемости земли. Но он имеет свои коньки, с которых его не столкнешь; так, например, он против поляков, за славянский союз и т. п. Вообще этот человек, несмотря на свою

видимую уступчивость, одинаковую мягкость обращения со всеми, очень мало поддается чужому влиянию, тогда как из Гончара, как из воска, можно лепить, что угодно. Он более сведущ, чем Гончар, выписывает «Сын отечества»[7], еще хочет выписывать что-нибудь, кое-что читал и по религиозным своим мнениям склоняется к лютеранству. Я почти ничего не сделал с ним, — может быть, оттого, что с ним и нельзя ничего сделать, может быть и потому, что, как я вам писал, со мной вышел некоторый казус. Молокане несравненно теснее соединены между собою взаимной помощью, дружбой и советом, чем старообрядцы. Причинами этому служат отчасти их малочисленность, отчасти то, что они исключают из своей общины всю эту голь кабацкую, которою старообрядцы столь щедро наполнили все тульчанские шинки. Они строго следят за нравственностью и добропорядочным поведением друг друга; в случае семейных раздоров и ссор настоятель их, Семен Федоров[8], немедленно отправляется на дом к спорящимся и старается примирить их между собою. Учение чистых молокан вам должно быть известно: они не признают таинств, не признают вселенских соборов, святых, возможности чудес, иконы считают идолами и верят одной библии с ветхим и новым заветами. Они свято хранят некоторые из ветхозаветных обрядов, так, например, не едят свинины; родильниц и женщин, находящихся в периоде менструации, не допускают на свои духовные сходки; совершают омовение в известных случаях и мн. др. — Здесь есть еще другая молоканская секта — секта духовников, т. е. признающих, что дух святой и доныне нисходит на избранных, принося им дар пророчества, чудотворения и т. п. Эта секта очень мала, неустроена и находится в руках шарлатанов. К ней примыкают все, кого чистые молокане исключают из своей среды за пьянство, разврат и религиозную эксплуатацию. Она так мало стоит внимания, что я не старался сойтись ни с кем из ее вожаков. Чистые молокане считают духовников чернокнижниками и колдунами, потому что молокане, как и вообще все сектанты, очень суеверны и нетерпимы.

В заключение скажу, что на молокан не мешает обратить нам особенное внимание: они сильно веруют в неоспоримость истины их учения и заботятся о распространении ее; свобода вероисповедания, по их мнению, то же, что обращение всей России в молоканство; они более доступны образованию, чем старообрядцы, и более, чем те, сочувствуют ему; они мечтают об устройстве молоканских училищ в России по примеру западных протестантов, которым они вообще симпатизируют; они и потому еще заслуживают нашего внимания, что они тесно соединены между собою, но зато чисто социальный вопрос мало доступен им и мало их интересует; это оттого, что они следят за духом писания, а не за буквой, более цельно связаны с религией, чем старообрядцы, для которых почти вся религия совместилась в лестовках, ладане, земных поклонах, постах и двуперстном сложении; для тех религия — живой дух, для этих — нечто механическое, чисто формальное, и притом форма, извне навязанная, вся до последней иоты начерченная святыми отцами; что для старообрядца — обязанность, долг, навязанный волею других, для молокана — его собственная мысль, его вывод, его находка, его собственное изобретение, он слушается одного бога и из простых и разбросанных положений библии выводит целые ряды умозаключений, открывает сам новые законы, приводит их в связь между собою, в одну систему; у старообрядца все закончено, все приведено в известность, и попытка открыть новый закон, по его учению, — бунт против бога; прибавьте к этому, что в старообрядческой религиозной механике живому человеку тесно, что

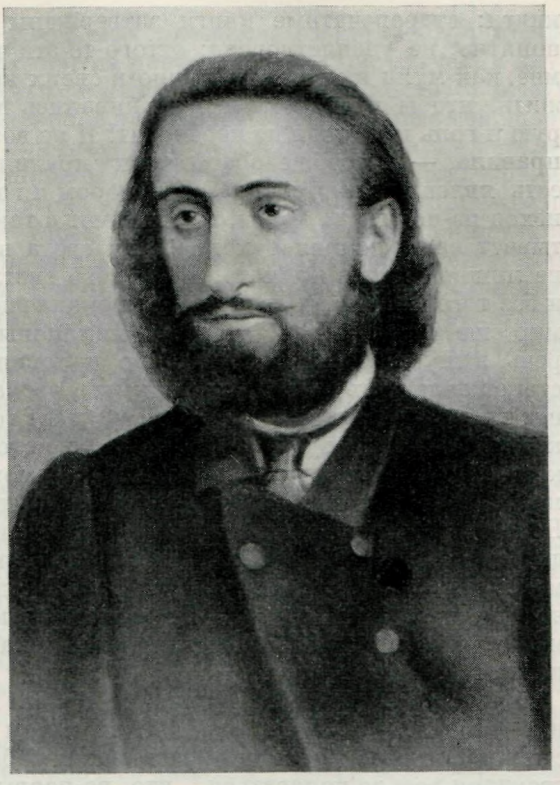
Душа своей пищи просит,
Душе нужно жажду утолить,—

и вам тогда будет ясно, отчего черные и испитые монахи в Славском скиту слушали, притая дыхание, все, что я толковал им с утра и до ночи о конституционных формах правления, об Англии и Западе, о земстве и дворянстве, об общественном положении раскола и т. п., — между тем как едва успею я завести толк об этих же самых вопросах с молоканским настоятелем, как он и собьет тотчас же разговор на Павла да Апеллеса, на нечистоту свинины да на идолослужение поклоняющихся иконам. Словом, тут то самое, что я давно формулировал для себя в таких словах: в существующем хаосе для наших тенденций только то очень хорошо, что очень худо.

После молокан, по развитости, следуют поповщинцы белокриницкого согласия. Только о гуманности, разумеется, и помина здесь быть не может. Когда я проезжал по их слободам и по скиту, я был поражен духотою их семейной жизни, их педантизмом, суровостью и рабством. Никогда я не ждал встретить что-либо подобное. Раб перед попом, старообрядец нестерпимейший деспот в своем доме. Жена да повинуется мужу, дети да чтут отца. В домах все чисто и прибрано, но все мертво и бездушно. Чинность доведена до крайности, обряды на каждому шагу. От всякой вещицы веет ладаном и мощами, иисусова молитва повторяется беспрестанно. Жена не смеет сесть за стол с мужем, дети должны стоять, пока родители не скажут им, чтобы они садились. Глава семейства говорит мало с своими семейными, да и то свысока, коротко и строго. Все должны молчать, когда он говорит, и вообще говорить много и не о серьезных вещах в присутствии старших считается неприличным. И все это ежеминутно валится в ноги, мирянин перед попом, поп перед монахом, монах перед епископом, жена перед мужем, дети перед родителями, в ноги—при каждой малейшей встрече, в ноги — перед обедом, в ноги — после обеда, в ноги — утром и вечером. Отец, возвращаясь домой из поездки, входит в комнату молча, проходит, не обращая ни малейшего внимания на валящихся ему в ноги жену и детей. Подобного рабства я в жизнь свою еще не видывал, и не мудрено, что пьянство и разврат, с одной стороны, а с другой — замкнутость и изуверство доходят между старообрядцами до самых диких размеров. Вот оно, древнее-то благочестие, вот они, отеческие-то предания! Пьянство такое, какое я здесь вижу, я видел только в Сибири, между поселенцами, которых привозили в Верхотурье целыми толпами и бросали на их собственный произвол посреди незнакомого и пустого городишки. Прежде оно сдерживалось здесь самоуправлением, при котором вся власть доставалась в руки так называемых «стариков», т. е. первых книжников и фарисеев в околотке. Эти «старики» силою поддерживали чинность и елейное благообразие, они пороли пьяниц и запарывали досмерти женщин, уличенных в неверности мужьям. Но прелесть древлеотческого благочестия должна быть мила только «старикам», а в сердцах массы говорят только одни грубые страсти, и вот, в один прекрасный день, общество старообрядцев отказалось от своего самоуправления и передалось во власть турецких чиновников, которые хоть и дерут немножно, да зато уж не мешают от домашнего ладана и землепоклонного благообразия забежать на минутку в шинок, а по выходе из шинка завалиться в лужу и лежать в ней, сколько душе заблагорассудится, пока сердце не отойдет и силы вновь не наберутся на исполнение десяти тысяч китайских церемоний. И так валится старообрядчество в Турции и пало бы окончательно, если бы книжники и попы, утратившие власть de jure, не сохраняли бы ее de facto своими имуществами и своим обоюдным согласием преследовать на каждом шагу отпавших и во всем помогать покорным и не скидающим открыто фарисейскую личину.

Но опять повторяю: ни разу никто меня так не слушал, как слушают здешние старообрядцы, и именно книжники, монахи и начетчики. Масса слишком тупа и слишком неразвита для того, чтобы интересоваться подоб-

П. Э. АРГИРОПУЛО
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва



ными вопросами; она даже относится с некоторым изуверством к ним, потому что с детства долбили ей, что все новое должно ненавидеть, что только старое свято; потому что она не знает, чего мы хотим; потому что она слишком груба для того, чтобы искать исхода от религиозных цепей в общественной деятельности, а не в шинке; потому что гнет русского правительства для нее не существует; потому, наконец, что у нее из бабьих сказок сложился иной идеал — идеал белого царя, окруженного енаралами да удалыми молодцами, храбрыми донцами. Упрямое староверчество сильно гнездится в массе; я очень бы увлекся, если бы сказал, что эта масса, на практике ищущая исхода из религиозных пут, в теории — враг своей религии. Чернь видит кулак, который ее бьет, и огрызается на этот кулак; но видеть мускулы, приводящие в движение этот кулак, видеть далее волю, приводящую в движение эти мускулы, еще далее — видеть сумму условий, определяющих направление этой воли, может только ученый, развитый человек. Книжники более либеральны, чем старообрядец из массы; они и в табаке видят только «чрезъестественное» употребление, а не бесовскую траву, и чай пить дозволяют, и народную перепись признают учреждением полезным. Если бы не материальные выгоды, если бы не общечеловеческая способность пристращаться к теории, которая однажды затвержена наизусть, изучена до мельчайших подробностей, то, — я ничуть не преувеличиваю, — мои монахи скинули бы свои клобуки и рясы и помирщились бы. Иные из них прямо говорят, что старообрядцы соединились бы с господствующей церковью, если бы она согласилась снять свое проклятие со старой веры; есть и такие, которые в дружеском tête-à-tête со мною, за полночь, заговаривали и об «Вóлтере», как, дескать, этот «Вóлтер» тонко до всего доходил. В этих людях есть «святое недовольство»: духовная жажда, ничто другое, затянула их в старопечатные

книги; старопечатные книги затвержены наизусть, а духовная жажда, понятно, не удовлетворена; оттого-то эти черные рясы и льнут теперь ко мне, как мухи к меду. Им душно в своих кельях, — как можно предположить, чтобы передовые люди уживались в этой спертой атмосфере, которую и голь кабацкая не переносит! Я не возвожу своих замечаний в общее правило, — я вообще враг общих правил; но только несомненно, что есть явления такого типа, о котором я говорю. Люди, которым не виден исход из-под гнета среды, не слушают с такою жадностью: дыхание захватывает неожиданная находка, луч света в темноте, где зги не видать, а не лишний луч в комнате, и без того светлой, не находка приюта, когда и без того имеешь их десять. У молокана впереди целая будущность, целый мир еще не открытых законов и миллионы неофитов; потому он длинную речь вашу прослушает только до половины, а на половине перервет и станет вклеивать свои замечания: вы, дескать, вот что послушайте, и начнет тянуть свою канитель. Молча слушает только тот, кому нечего сказать, кто сознает, что его достояние скудно, у кого веры нет, убеждение не горячо, кем овладевает хандра, кто охладел к самому себе. В скиту меня слушали молча, и я слышал только одни одобрительные замечания да вопросы. Более грубые из монахов, более погрязшие в житейских нуждах, охладевшие умом и сердцем, не молчали, а делали возражения и прерывали меня; но это холодные люди, для них беседа — то же, что перебор насечек на лестовках; отчего же более пылкие из старообрядцев слушают молча, и отчего ретивый и пылкий молоканский настоятель ежеминутно перерывает меня?

В скиту во всем согласились со мной. Епископ выразил мне сожаление — отчего я не живу поблизости к ним и не могу толковать им об настоящем смысле текущих политических событий. Они поняли, что на слова государя нельзя полагаться [9], что, во-первых, нет ничего положительного в этих в словах, что, во-вторых, все его поступки должны внушать старообрядцам одни опасения, в-третьих, что свобода вероисповедования, как сигнал к образованию в России могущественного status in statu *, противна самодержавной и властолюбивой политике дома Романовых. Я им толковал также, что дворянство в России пробуждается, что не сегодня, так завтра оно окрепнет и путем экономической эксплуатации будет преследовать старообрядчество на каждом шагу, чтобы земское старообрядчество не привлекло к себе крестьян, не составило бы с ними одной могущественной корпорации, не принудило бы этим путем и царя принять старообрядчество, самого царя, царя, который теперь первый московский помещик и гордится своим дворянским званием; и это поняли, и с этим согласилися. Далее, я говорил о том, что такое в Англии поп господствующей церкви, какая там круговая порука между правительствующими барами и попами и т. д., и т. д., — они и все то, что я говорил об Англии, зарубили себе на носу. Расстались мы наилучшими друзьями, и епископ обещал мне советовать русским старообрядцам не терять удобной минуты и просить царя напрямки высказать — хочет ли он дать свободу вероисповедования или не хочет. Гончар почему-то не хотел, чтобы я говорил епископу об моих письмах к русским старообрядцам, которые теперь, по всей вероятности, уже разгуливают по Стародубщине и другим скопищам старообрядчества.

Я не стану говорить, чтобы мое посещение старообрядческого скита повело к каким-нибудь важным результатам; как ни любопытны были монахам мои речи, однако они слишком прокопчены ладаном для того, чтобы принять на себя роль агитаторов ex-professo **. С меня довольно и того,

---

* государства в государстве (лат.).
** профессиональных (лат.).

что они согласились со мною и что мое посещение имело некоторый эффект для них; сами они не будут против нашего дела и, при случае, и другим будут советовать быть друзьями нашего дела. В сущности, и ждать чего-нибудь другого было нельзя: кроме нас, людей образованного меньшинства, никто не примет на себя инициативу и руководства дела, — остальные пусть будут только приготовлены, и придет же когда-нибудь время, когда мы подадим клич и против нас ни один голос не подымется, — еще минута — и ободренная отсутствием врагов масса начнет собираться около нас. Большие капиталы наживаются по копейкам: посмотрите, как крепко держатся правительства, очевидно неспособные, бессильные и апатичные; на первый взгляд эта устойчивость очень странна, за что ни возьмутся эти правительства — все у них валится из рук, ни одно дело им не удается вполне, все выходит как-то криво и косо. Однако держатся. Отчего? Не потому ли, что они ведут свою пропаганду на всех точках их земель? Нигде они не встречают восторженных отголосков на их призывы, их агенты — не вдохновенные пророки и апостолы, а ленивые, тупые комиссары, исправники, попы; однако ничтожность каждого из их агитационных предприятий выкупается большой суммой этих ничтожностей — большой капитал слагается из медных грошей. Для того чтобы нам выиграть свое дело, нам нужно бросать свое слово на все стороны при всякой малейшей встрече, при каждом шаге — на улицах, на перекрестках, извозчику, который нас везет, нашему соседу в вагоне железной дороги, нашему сапожнику, лавочнику, лакею и всем, и вся. Мы очень много потеряем, если будем искать только валовые операции, радикальные coups d'état *, генеральные сражения; это роскошь, которая бывает редко доступна, как всякая роскошь, и как всякая роскошь, она доступна только после будничного и чернорабочего занятия — сбора медных грошей.

Старообрядцы, держащиеся бегствующего священства [10], мало известны мне, по той же самой позорной причине, что я струсил перед грозившей мне нищетой и опустил немощно руки. Я едва мог себя принудить побывать у трех влиятельных личностей этого согласия. Насколько я мог приметить, это согласие состоит из изуверов по природе и изуверов по врожденной наклонности к спорам. Белокриницкие зовут их «раздорниками», и это название так и льнет к ним. Одни из них принадлежат к тем личностям, которые, в силу болезненно парадоксального ума, всегда под властью какого-нибудь конька, к которому они все сводят и все приноровляют. Такой господин прочтет где-нибудь в пророчествах слова «сниде дщерь вавилонская с величества престола твоего» и начинает выводить из этих слов, что Россия скоро падет, антихрист воцарится, белые волки забегают, и христианство погибнет. Ему хоть кол на голове теши, а он будет толковать о дщери вавилонской, строить целую систему на ничего не значащей фразе и скорей пойдет против целого мира, чем хоть одну иоту уступит из своих сумасбродных построений. Однако люди эти искренни и беспристрастны в своем умопомешательстве, как ламанчский рыцарь. Другой тип «раздорников» гораздо антипатичнее. Это люди с болезненно развитым самолюбием, желающие, во что бы то ни стало, иметь обо всем свое собственное мнение, люди, готовые утверждать, что 2 раза 2 не 4 потому только, что не они открыли эту истину, а какой-то выскочка, осмелившийся иметь претензию на свое собственное мнение. Это спорщики ex-professo, которые, чтобы высказать себя, будут спорить с вами и тогда, если вы повторите мысль, высказанную самими ими за две минуты перед тем. Оба эти типа очень жалки и совершенно непреодолимы. Масса раскольников этого согласия ничем особенным не отличается, если не сравнительно большим изуверством против массы белокриницкого согласия. С теми

* государственные перевороты (франц.).

раскольниками этого согласия, которых я посетил, я после третьего пота порешил-таки на том, что они напишут к своим в Россию о пользе созвания Собора ото всех согласий и сект. Не ручаюсь, однако, за искренность этих обещаний: упрямые, как козлы, «раздорники» долго отнекивались, ссылаясь то на близкую кончину мира, то на промысел божий, устроящий все по своему произволению, то на свою малочисленность и угнетенность, которой подвергается их согласие ото всех сторон.

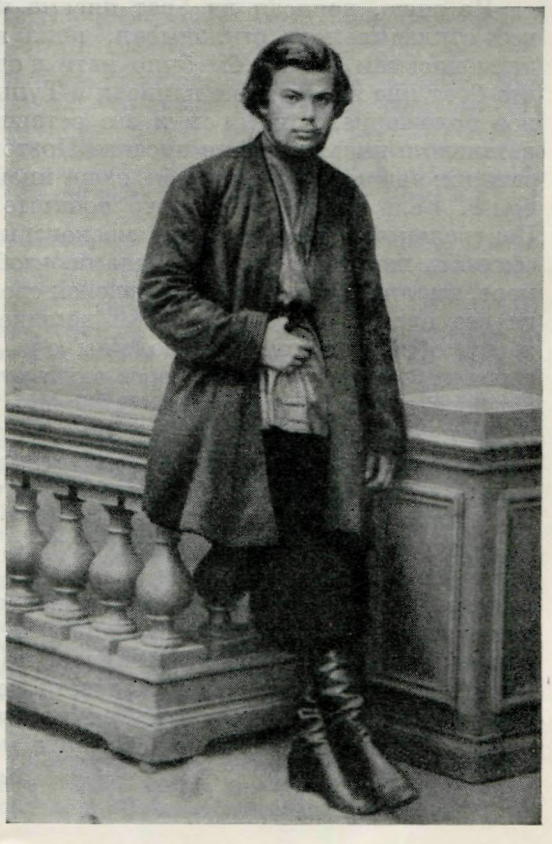
Вот вам слишком пространный и растянутый очерк здешних сектантов. На первый раз довольно. Мне нужно побывать еще у одного из «раздорников», который, если верить рекомендации Алексея Васильевича, далеко лучше всех своих единоверцев и очень интересуется нашей пропагандой. К сожалению, многие причины заставляют меня откладывать день за день эту экспедицию. Недели три тому назад я два раза заходил к нему, но не заставал его дома. После того какой-то пьянчуга, по личной злобе на этого человека, хотел идти жаловаться в конак, что из России приехал шпион, подговаривающий русских выходить в Россию и действующий заодно с вышесказанным старообрядцем. Шпион этот не кто иной, как ваш покорный слуга. Дело могло бы разыграться довольно скверно для меня, если бы не вступились за меня мои доброжелатели и не отговорили человека, которого я и в глаза не видал, понапрасну ябедничать на меня и подводить меня под незаслуженную беду. Теперь я боюсь идти к Дмитрию Иванову, — так зовут рекомендованного мне «раздорника»,— чтобы не компрометировать его еще раз своим посещением и тем не оттолкнуть его от себя. Кроме этого обстоятельства, меня и то еще останавливает, что мои наниматели косо посматривают на мою дружбу со старообрядцами, подозревая, что тут что-то неспроста, и опасаясь, чтобы тут не было какого-либо подвоха, или — чего бог избави — не произошло бы какой-либо «супротивности» в методе моего обучения их ребятишек. К липованам [11], как и ко всем другим русским сектантам, у малороссов есть какая-то антипатия, и их шокирует то, что их учитель якшается с раскольниками. Здравый рассудок заставляет меня месяца два вести себя поаккуратнее; когда я соберусь как-нибудь с деньгами, я буду более независим и в то же время заставлю своих тюремщиков почувствовать в себе нужду; тогда я вновь поведу здесь усиленную пропаганду. Кстати, мне нужно еще много кой-чего написать, следовательно, два месяца эти я не буду сидеть сложа руки; во-первых, мне нужно кончить брошюру, которую я начал писать в Стамбуле и которая осталась там недоконченною; потом я хочу написать две-три статейки в «Общее вече» [12]; потом нужно писать много писем. К тому же, для того чтобы вести успешно пропаганду, необходимо быть au courant* политических новостей, а я,— можете вы себе представить! — с той минуты, как оставил Стамбул, не имел в руках ни одного газетного номера! Как-нибудь и эту беду поправим, и тогда дело пойдет наславу.

Отчего вы не высылаете «Колокол» и «Вече» на имя Жуковского? Ни епископ, ни Гончар не получают ваших изданий с давнишнего времени. Вообще в Тульче, как и везде, чувствуется недостаток лондонских изданий, — их ни у кого нет. Многие ими интересуются, очень мало, кто будет их покупать, — народ слишком неразвит, чтобы тратить деньги на книги. Впрочем, Жуковский говорил мне, что у него разошлось бы достаточное количество ваших изданий, если бы они были у него под рукою; он говорит, что многие желали бы очень иметь их, только не знают, где их достать. Не говорите, что самое незнание это показывает, что «Колокол» и «Вече» мало нужны здесь; да, для раскольников они мало нужны, да, для нас с вами и для нашего дела они нужны здесь. Наше дело навязывать

* в курсе (франц.).

всем и каждому свои услуги, толкаться упорно и настойчиво в каждую дверь; если мы верно и ревниво будем исполнять это назначение, — горы двинутся. Если бы люди искали «Колокола», а не «Колокол» искал людей, к чему был бы тогда «Колокол»? Впрочем, может быть только в Тульче мало интересуются вашими изданиями, а в Молдавии дела в ином положении. При сем прилагаю список с номерами «Колокола» и «Общего веча», которые мне поручили просить вас выслать. Деньги будут высланы вам тотчас же по получении, — вперед не дают. Пожалуйста, не замедлите этою высылкою; адресуйте на имя Жуковского с передачею И. Яни [13].

В заключение моего длинного послания о тульчанских мужах (de viribus tultchanorum) прошу вас писать мне обо всем, что есть нового. Все известия с вашей стороны будут для меня так же отрадны, как манна, падавшая с небес в пустыне: слово свободных людей, весть от единоверцев ободрит и подкрепит меня, окруженного со всех сторон язычниками. И к тому же, я так долго, так долго не имел никаких известий о том, что делается в России, что, право, мне становится страшно, как подумаю: неужели мне, имеющему одну цель в жизни, дышащему только одной страстью, можно оставаться так далеко от дела! Я кинул друзей и мир, единственно терпимый мною; я бежал от них, для того, чтобы служить им и их делу, — неужели же к горечи одиночества и разлуки должна прибавиться и невозможность жить только для той жизни, которую я бросил? Это не может быть, об этом и думать страшно, — я тысячу раз убегу из этой Тульчи, прежде чем примирюсь с мыслью, что все связи между мною и новым, нарождающимся миром порваны! Да этого и быть не может! Одной связи — любви к этому миру — ничто не может порвать; а эта сохранится — будут и другие цели; из нее же все исходит, и без нее ничто же бысть...



П. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ
Фотография, 1863 г.
Исторический музей, Москва

На отдельном листке:

Напишите мне, пожалуйста, какого вы мнения о том, что я предлагаю и вам, и ЦК с тех самых пор, как приехал в Турцию; а именно:

a) об устройстве постоянных путей;

b) об усиленном распространении ваших изданий в России;

c) о доставлении средств нашим русским друзьям помогать нам в нашей агитации в расколе и

d) об учреждении чисто *агитационной* прессы, которая печатала бы все, что может производить волнение в массах, откинув совестливость людей, желающих только то говорить, что согласно с теорией.

Я желаю знать подробное мнение ваше, для того чтобы иметь в вас союзника или еще раз вступить с вами в переписку и либо себя признать побежденным, либо вас заставить согласиться с собою. Я серьезно не надеюсь, чтоб дело могло идти не на шутку до тех пор, пока мои требования не будут удовлетворены. Что значит ваша проповедь, когда она не проходит в Россию? — глас вопиющего в пустыне. Кто спасет Россию, если ваших изданий не будет в ней? — наша партия? но она слишком мала; наша пропаганда между молодежью, которая, присоединясь, может усилить нашу партию? но где эта пропаганда, когда *я* не видал «Колокола» в России. Пропаганда в народе? но какая может быть пропаганда в народе, когда никто из русских агитаторов не знаком со старообрядцами, когда только Катковы да Бабсты [14] ораторствуют между ними, когда собственно для народа не существует до сих пор ни одной книги, когда в нашей революционной библиотеке, кроме двух-трех сочинений, все такие вещи, как «С того берега» или «За пять лет»! Таким порядком дело не может идти. Я жду вашего письма об этом предмете.

Не знаю, написал ли брат письма к старообрядским епископам. Он все откладывал да откладывал, пока я был в Стамбуле. В сущности, этим письмам нужно бы было идти в одно время с моими. Судя по тому, что брат мне ни слова не написал в Тульчу, я предполагаю, что бедственное положение, в котором я его оставил, ничуть не изменилось; следовательно и письма еще не писаны. Поэтому я предлагаю вам самим написать их: напишет брат от себя, ваши письма не помешают; а нет — так тем более. Если будете писать, то пошлите московскому епископу [15] через Центральный комитет и его московских агентов. Настоятельно нужно сблизить наших со старообрядцами, чтобы нейтрализировать, по крайней мере, влияние всей этой продавшейся сволочи [16], которая едва ли не энергичнее наших. Передача писем поможет этому сближению. Москвичам я подробно напишу, как должны они держать себя с раскольниками, и пошлю это письмо к ним через ваши руки. Если те люди, которые теперь остались в Москве, и будут неспособны, все же на этом останавливаться нельзя: пускай Центральный комитет пришлет для этого дела нарочных. Начатое вами дело необходимо требует, чтобы мое предложение было исполнено: одними письмами, без попыток личного влияния на старообрядцев, мы ничего не поделаем.

К этому письму я прилагаю другое, которое я прошу вас переслать через Центральный комитет в кружок Заичневского и Аргиропуло [17], или кому-нибудь из агентов общества «Земли и воли» в Москве, знающих меня лично. В этом письме я пишу о своих личных делах, а также и о кой-каких общественных. Извините, что я так часто утруждаю вас своими поручениями: все не могу еще завести непосредственных сношений с Москвою. Прошу уж, чтобы хоть симпатическими чернилами писали. Прощайте. Пишите ко мне и не забывайте меня. Крепко жму руки всем вам.

И. Кельсиев

Список номеров «Колокола» и «Общего веча», которые просят меня выписать в Тульчу.

1862 года	№ 122	«Колокола»	в 2	экземплярах
»	№ 124	»	» 2	»
»	№ 126	»	» 2	»
»	№ 131	»	» 2	»
»	№ 132	»	» 3	»
»	№ 134	»	» 3	»
»	№ 141	»	» 2	»
»	№ 145 и 146	»	» ⟨4⟩	»
»	№ 150	»	» 2	»

Всего 22 экземпляра «Колокола»

1862 года	№ 1	«Общего веча»	в 3	экземплярах
»	№ 2	»	» 3	»
»	№ 3	»	» 2	»
»	№ 4	»	» 2	»
»	№ 5	»	» 2	»
»	№ 6	»	» 2	»
»	№ 7	»	» 2	»

Всего 16 экземпляров «Общего веча»

№ 13 листка «Под суд!», приложенный к № 130 «Колокола», в 2 экземплярах.

Кроме того:

«Народное дело» М. А. Бакунина, в 5 экземплярах.

«Русским, польским и всем славянским друзьям», его же, в 5 экземплярах.

[1] Разумеется, слова Кельсиева об «изуверных крестьянах» и о «правоте» Фета являлись неудачным выражением досады молодого революционера; никакой близости с консервативными взглядами Фета у Кельсиева быть не могло, и одобрять его идейные позиции он не мог. Фет смотрел на помещиков, как на проводников культуры, якобы играющих в пореформенной деревне прогрессивную роль. Эти реакционные мысли были развиты Фетом в очерках «Из деревни», опубликованных в №№ 1 и 3 журнала «Русский вестник» за 1863 г.

[2] Столкнувшись с классовым расслоением крестьянства, — а это явление в пореформенное время стало принимать массовые размеры, — Кельсиев не сумел правильно истолковать его и сделать из наблюдаемых им фактов верные выводы.

[3] «*Велик бог земли русской!*» — очерк этнографа-беллетриста П. И. Якушкина, напечатанный в журнале «Современник», 1863, № 1, стр. 5—54. Слов, поставленных Кельсиевым в кавычки, в действительности в этом очерке нет. Но мысль, сформулированная Кельсиевым, хорошо передает основное содержание очерка: в нем ярко показано бесправие крестьян, которое сохранилось и после реформы 1861 г., а также их неумение противодействовать многочисленным беззаконным поступкам сельских властей, надругательствам со стороны помещиков и чиновников.

[4] *Михайлов* — вероятно, Владимир Михайлович Эберман, род. в 1842 г., в Нижнем-Новгороде. Эберман одно время работал наборщиком в типографии Герцена в Лондоне. О нем и о его связях с Левестамом подробно писал В. И. Кельсиев в «Исповеди». Левестам, выходец из России, бывший комиссариатский чиновник, был приговорен (по делу, неизвестному нам) к смертной казни во время Крымской войны. Эберман сблизился с Левестамом и, как сообщает В. И. Кельсиев, был им разорен. Тогда «с голоду» Эберман «предложил себя в шпионы». Это сделалось известным, и русская революционная эмиграция стала избегать общения с Эберманом. Позднее он оказался в Тульче учителем в молоканской школе. «И там ему не повезло, отчасти по моей вине и по требованию Герцена сбыть его с рук куда-нибудь» («Исповедь», стр. 291). В 1866 г. Эберман уехал в Россию. Когда Кельсиев писал настоящее письмо, ему, как это явствует из следующего письма, еще не были известны подозрения относительно Эбермана.

[5] *Золотовская метода* — обучение грамоте по методу известного русского педагога Василия Андреевича Золотова (1804—1882), автора многочисленных учебников и пособий для начальной школы, в том числе «Таблицы взаимного обучения» и др.

[6] *Алексей Васильевич*—Никитин, купец; назван В. И. Кельсиевым в числе лиц, стоявших во главе тех тульчинских молокан, которые считали себя хранителями старого молоканского учения С. Уклеина («Исповедь», стр. 391).

[7] «*Сын отечества*» — газета, издававшаяся с 1862 г. А. В. Старчевским в Петербурге. До этого года им же издавался под тем же названием журнал.

[8] *Семен Федоров* — выходец из Тамбовской губернии; он вместе с А. В. Никитиным стоял во главе тульчинских молокан. О Семене Федорове В. И. Кельсиев отзывался в своих воспоминаниях как о своем «закадычном друге и приятеле» (см. «Пережитое и передуманное», стр. 288, «Исповедь», стр. 391).

[9] *На слова государя нельзя полагаться* — здесь Кельсиев имеет в виду слова Александра II, сказанные им в ответ на верноподданнический адрес, который 17 апреля ст. ст. 1863 г. поднесла ему делегация старообрядцев, состоявшая из крупных капиталистов (об этом адресе и делегации см. «Общее вече», №№ 17 и 18 за 1863 г.). Слова Александра II содержали общие заверения в том, что старообрядцы близки его сердцу. Реакционная печать широко использовала эту речь Александра II для монархической пропаганды среди старообрядцев.

[10] Старообрядцы, которые отказывались признавать Белокриницкую иерархию и принимали к себе священников, переходивших из господствующей церкви.

[11] *Липованами* обычно называли русских старообрядцев, живших за границей.

[12] О брошюре Кельсиева и его статьях в «Общем вече» нам ничего неизвестно.

[13] *И. Яни* — имя, под которым укрывался Иван Кельсиев в России после побега из тюрьмы.

[14] В сообщении из Москвы, помещенном в № 17 «Общего веча» от 1 июня 1863 г., рассказывалось, что московские старообрядцы заказали М. Н. Каткову и И. К. Бабсту текст верноподданнического адреса для подношения царю. Был выбран и поднесен царю адрес, текст которого написал Бабст.

[15] Старообрядческим епископом Московским и Владимирским был тогда Антоний (Андрей Иларионов Шутов). О нем см. в публикации писем В. И. Кельсиева в этом же томе, примеч. 11 к письму № 3 от 2 июля/20 июня 1863 г.

[16] Кельсиев имеет в виду журналистов типа М. Н. Каткова и И. К. Бабста, которые оказывали влияние на буржуазную верхушку старообрядчества (см. примеч. 14).

[17] Известный революционный кружок, организованный студентами Московского университета П. Г. Заичневским и П. Э. Аргиропуло. Оба руководителя кружка в 1861 г. были арестованы. В 1863 г., когда писалось это письмо, Аргиропуло уже не было в живых (он умер в 1862 г.), а Заичневский находился на каторге.

5

ОГАРЕВУ

Тульча. ‹Март 1864 г.›

Вы, вероятно, решительно теряетесь в догадках о причине моего молчания; а причина этого молчания изо всех простых причин наипростейшая: недостаток денег на отправку письма. Я долго бедствовал, мой почтенный друг, сначала один, потом с братом. В ту минуту, когда я послал к вам мое последнее письмо [1], мое положение переставало быть отчаянным, и только потому я и решился писать к вам; я надеялся, что с следующей же почтой я буду в состоянии отправить вам другое, более отрадное и более покойное. И в самом деле, мое положение вскоре улучшилось: через несколько дней я открыл школу для детей здешних малороссиян. Первым же делом было для меня уведомить вас о перемене моего положения; я написал к вам тогда длинное письмо, которое, чтобы не повторять теперь всего, что в нем сказано, прилагаю при этом [2]. Однако школа моя пошла так плохо, что я никак не мог уделить несколько левов из своего скудного revenue * на покупку почтовой стампы. Так это письмо и пролежало до приезда брата и настоящей минуты.

С утра и до ночи работа каторжного; ночью вместо сна мучительный кошмар; буквально один хлеб в награду за все усилия; холод и сырость, отсутствие книг, белья, бумаги; кругом невежество, самое неслыханное, грубость, предрассудки и наглость, самые возмутительные; ни малейшей надежды на то, что можно исправить общество, окружающее меня, вразумить его, дать ему понять, в чем его выгоды, что ему нужно, — вот

---

* дохода (франц.).

то положение, в котором я находился до приезда моего брата. Выпутаться из омута, в который я попал, было невозможно: во-первых, не к кому было обратиться; во-вторых, я был занят с утра и до ночи, я не имел ни одной свободной минуты.

Школа моя шла скверно; я прилагал все свое старание, работал, как ломовая лошадь, но никто не замечал моих стараний, никто не пытался улучшить моего положения, зато всякий считал своей священной обязанностью быть недовольным мною. Учеников у меня ни разу не было более десяти, — приведут одного, а другого возьмут: тот тем обижается, что

БЮСТ ГЕРЦЕНА В ПАРКЕ НОВОГО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ

Скульптура С. Т. Коненкова. Гранит, 1953 г.

я не бью ребятишек; тот тем, что будто бы у меня скамьи в школе нетесанные, — платье у хлопца рвется; тот тем, что не все праздники соблюдаю, тот тем, что соблюдаю все праздники, und so weiter, und so weiter *. По десяти левов с хлопца, с десяти хлопцев — сто левов; за квартиру 25 левов, хлеба в день съесть никак не меньше как на лев; вот тут и считайте, как знаете.

Приехал, наконец, брат, совершенно разоренный, но с поручениями от правительства и с определенным жалованьем [3]. Дня через три после его приезда мы получили деньги от вас [4], и они пришлись как нельзя более кстати; они послужили краеугольным камнем нашему хозяйству. В это время расхворалась Варвара Тимофеевна, и, не будь этих денег, нам было бы очень тяжело. Письмо ваше пришло несравненно позже.

Мы наняли квартиру и начали кой-как обзаводиться; сначала было трудно, приходилось самим и стряпать, и прибирать, и мести, и таскать воду. Брат занялся тотчас же адвокатством, и положение наше стало улучшаться день ото дня. Между тем мне мои малороссы и моя школа опротивели до того, что я решился их бросить. Тут на счастье подвернулось знакомство

* и так далее, и так далее (нем.).

с здешним методистским миссионером, и я перешел в его школу [5], где я и во сто раз полезнее и во сто раз больше имею покоя.

Несколько раз мы принимались писать вам в течение этого времени, но, как назло, в почтовые дни у нас ни одной пара́ [6] не случалось. И теперь я еще не вполне уверен, что нам удастся отослать письма с этой почтой.

Вы мне писали в вашем письме, чтобы я брался за первую работу, которая в руки попадется. Вы видите, что я не прочь от того, только как же мне не тосковать и не мучиться? Я взялся за работу, потому, что нужно что-нибудь есть, а какая из того польза для нашего дела? Вы говорите, что рабочие люди уважают хорошего и способного работника; полноте, они только пьянствуют, а никого не уважают, разве только того, кто их колотит; в их душах не обретается вовсе таких деликатных чувств, как уважение и любовь, в их головах шевелится только одна мысль при виде хорошего работника: как бы, мол, получше оседлать его. Чтобы иметь на них влияние, нужно иметь силу или возможность освободить их от вечного ярма, в котором они ходят. Сам же по себе труд не имеет никакой привлекательности, и мне всякий труд в самом себе противен: я хочу достигнуть до осуществления своего идеала, а не просто шевелить руками. Как мне было не унывать, — то печальное обстоятельство, которое пугало меня, сбылось: вот я в течение целых месяцев отрезан от нашего дела, не имею ни одной строчки из России. Для чего же мне было и бежать? Не лучше ли бы сидеть мне в тюрьме? В пустой комнате гораздо веселей сидеть, чем в этой Тульче; а ссылка, — что мне ссылка! В России нет таких уездных городишек, в которых общество было бы невыносимее, тупее и пошлее, чем здешнее! И нужно же было, чтобы все это случилось в такое время, когда ни одного живого голоса не слышно в России, когда так ужасно высказалась вся безнравственность, грязь и рабство русского общества, когда в газетах только и толку, что о Польше, а теперь — это еще ужаснее — и толки о Польше притихли.

Мы хотим с братом устроить здесь общину русских эмигрантов. Мы просим вас извещать об этом всех и каждого. Сегодня мы уже ходили осматривать продажное место, которое хотим купить под будущий фаланстер. В настоящее время двум человекам найдется у нас место, как ни помяты наши крылья житейскими бурями этой зимы: кто хочет разделить с нами наши труды и невзгоды, милости просим.

В моих глазах цель эмиграционной фаланги такова: 1) цивилизование тульчанского юношества для подготовки пропагандистов; для этого нужно устроить при фаланстере школу и воспитательный дом для приемышей; мы уже приняли к себе одного мальчика и пока очень довольны им; 2) пропаганда в России всеми путями и всеми средствами; 3) приют для всех, кого служение нашему делу заставит покинуть Россию. Я буду писать подробно об этом деле в Центральный комитет и попрошу вас переслать это письмо.

Хорошо бы было, если бы кто-нибудь пожертвовал на это дело деньги или если бы присоединился к фаланге какой-нибудь достаточный человек. Дешевизна в Тульче доходит до невероятных размеров, и с самым маленьким капиталом здесь можно устроиться очень и очень недурно. Тульча — хлебный уголок; здесь новые места, глушь и дичь, сюда нужно колонизироваться, как в какую-нибудь Калифорнию, в Техас или в Австралию. Брат имеет связи в Порте, в Тульче имеет голос и влияние, — это дает нам надежду на то, что голодать мы скоро совсем перестанем. Если бы только маленький капитал, рублей в тысячу, в две, то можно бы было заняться рыбными ловлями, мельницами и много еще кой-чем. Тульча— хорошее место: народ глуп, а природа богата; если мы приютимся здесь, то наши русские друзья будут надолго обеспечены от подобных бедствий на чужой стороне, которые нам с братом довелось теперь испытать.

Гижицкий[7] писал мне, что он сильно бедствует в Швейцарии. По той же причине, по которой я не писал к вам, я не мог написать ему. Теперь я прошу вас переслать ему прилагаемую при сем записку, в которой я прошу его употребить все старания к тому, чтобы как-нибудь достать денег на выезд и приезжать к нам. Мы ждем его с нетерпением как первого члена нашей фаланги; пусть он поторопится на почин.

Крепко жму вашу руку и прошу вас писать к нам как можно скорее и как можно подробнее. Не вините меня за мое молчание, потому что не я был причиной его.

Иван Кельсиев

P. S. При этом письме вы найдете записку Эбермана, которую он просил нас христом-богом переслать к Левестаму [8]. Если вас это не слишком затруднит, то передайте ее г. Тхоржевскому и попросите его отдать ее Левестаму. Я только по приезде брата узнал некоторые подробности из жизни Эбермана в Лондоне и очень удивился им: Эберман, должно быть, сильно переменился с тех пор; пока я не услышал от брата рассказа об его похождениях, я никак не предполагал, чтобы Эберман был способен к подобным поступкам. Эберман, прежде всего, бесхарактерен, а бесхарактерные люди в тяжелые минуты способны выкидывать всевозможные коленца, да и вообще причина всех преступлений есть бесхарактерность. И если побивать каменьями всех бесхарактерных — не есть долг и обязанность честного человека, то мы не обязаны добивать и Эбермана. Тем более, что он сильно подавлен своим прошедшим.

[1] Речь идет о письме № 3.
[2] Речь идет о письме № 4.
[3] Об обстоятельствах, при которых турецкое правительство назначило Василия Кельсиева казацким головой или атаманом (казак-баши) в Добрудже, он сам подробно рассказал в «Исповеди» (стр. 371—373) и в публикуемых выше письмах. Он выехал в Тульчу из Константинополя 7 декабря 1863 г.
[4] Герцен послал сто франков Ивану Кельсиеву в декабре 1863 г., через Жуковского, и шесть фунтов стерлингов Василию Кельсиеву, через С. Иордана, в январе 1864 г. (XVII, 132).
[5] О переходе Ивана Кельсиева в миссионерскую методистскую школу подробно рассказано в «Исповеди» Василия Кельсиева (стр. 379). Эта школа была организована американским миссионером Ф. И. Флокеном.
[6] *Парà* — мелкая монета, равна $^1/_{40}$ пиастра (пиастр — около 6 копеек), или $^1/_{4000}$ турецкой лиры.
[7] О Е. К. *Гижицком* см. выше, на стр. 204.
[8] Об *Эбермане* и его отношениях с Левестамом см. выше, на стр. 249. Вероятно, именно об этой записке Эбермана Герцен писал сыну 25 марта 1864 г. (XVII, 141).

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. И. КЕЛЬСИЕВ — В. Т. КЕЛЬСИЕВОЙ

Два письма, посланные И. И. Кельсиевым жене его брата, Варваре Тимофеевне Кельсиевой, жившей тогда с дочерью в Лондоне, посвящены описанию его побега из московской тюрьмы (Пречистенского частного дома) и отъезда из России. Оба письма написаны в первые дни пребывания в эмиграции — в Константинополе, куда Кельсиев приехал 2—14 июля 1863 г.

Описание побега Кельсиева содержалось и в ранее опубликованном его письме к Ел. В. Салиас (см. «К биографии И. И. Кельсиева». Публикация И. Зверева.— «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 105—110), но во втором письме к В. Т. Кельсиевой оно дано значительно более подробно. Обстоятельства тайного выезда Кельсиева за границу представляют интерес в связи с тем, что по дороге он вступал в сношения с местными революционными организациями (см. введение к настоящей публикации).

Дополнением к описанию побега Кельсиева из тюрьмы могут служить полицейские документы, связанные с этим событием и опубликованные в книге: «Политические

процессы шестидесятых годов» под ред. Б. П. Козьмина (М.—Пг., 1923, стр. 133—136).

В. Т. Кельсиева приехала в Константинополь в конце августа 1863 г. (XVI, 466).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 153).

1

(Константинополь 16/4 июля 1863 г.)

Мой добрый старый друг! Вас, вероятно, очень удивит то, что вы узнаете сейчас из этого письма. Я воскрес и вышел из гроба, в котором был заключен в течение десяти месяцев. Я бежал из тюрьмы и третьего дня прибыл в Константинополь [1]. Бежать я давно уже собирался, и только 25 мая мне удалось бежать. Я пропилил решетку, после двухнедельной работы, и ночью спустился по веревке. Паспорт заграничный я достал спустя две недели после бегства, а эти две недели я прожил в Москве. Паспорт взят одним моим знакомым, который объявит теперь, когда все уже кончено, что паспорт потерян им. Я ехал через один из южных портов, на Константинополь. Случай заставил меня избрать этот путь: я не поехал через Петербург потому только, что меня искали в Петербурге. Третьего дня я прибыл в Константинополь, с твердым намерением тотчас же отыскать английский корабль и перебраться на него. Я хотел сделать так, потому что думал, что брат все еще в Лондоне, и потому, что слышал, будто русский посланник имеет право арестовать меня здесь. Случай привел меня в русскую гостиницу, хозяин которой знал брата, случай же заставил меня разговориться с ним о брате. Хозяин гостиницы сказал мне, что брат здесь, и я тотчас же стал искать его, и к вечеру я уже был у него. Радость нашу при свидании нельзя вам описать. Как жалеем мы оба, что вас здесь нет. Если бы не случай, я уже ехал бы к вам.

Мы до сих пор не можем опомниться от радости. В голове у меня такой сумбур, что вы и представить себе не можете. Брат таскает меня ко всем своим знакомым и показывает меня, словно какого чудного заморского зверя. Он не пишет к вам сегодня, а поручил мне уведомить вас об этой новости. Он почти вовсе не ждал меня и потому еще более поражен встречею, чем я.

Когда-то вы приедете к нам!

Простите, что я так мало пишу. Я не пришел еще в себя от радости о свободе, о свидании с братом, о возможности новой борьбы, а тут еще эта неумолчная суета и движение, которые охватили меня со всех сторон в Константинополе: узкие улицы, чалмы, фески, носильщики, ослы, говор, шум, беготня — все это на меня, просидевшего десять месяцев в четырех стенах, производит впечатление какого-то кошмара.

Крепко, крепко жму вашу руку и жду письма от вас. Со следующей почтой напишу вам все обстоятельно. А пока до свидания.

Ваш Иван Кельсиев

Засвидетельствуйте мое глубочайшее почтение Александру Ивановичу и скажите, что я скоро буду ему писать о кой-каких делах. Не в Лондоне ли теперь Жуковский [2], бежавший в прошлом году? Если он там, то скажите ему, что Леон. Ив. Раг. из Н.-Новг. [3] кланяется ему и просил меня посоветовать ему от его имени, чтобы он не исполнял своего обещания о напечатании средств и путей к бегству из России.

Еще раз прощайте. Поцелуйте от меня вашу Малушу [4].

[1] В Константинополь Кельсиев прибыл 14/2 июля 1863 г. Отсюда дата письма.

[2] О Н. И. *Жуковском* см. выше во вступительной статье к публикации его писем. В это время он жил в Женеве.

[3] Возможно, что речь идет о брате революционного деятеля Виктора Ивановича Рагозина, жившего в Нижнем-Новгороде и привлекавшегося по делу своего родственника П. А. Шипова и И. И. Кельсиева.

[4] *Малуша* — дочь В. И. и В. Т. Кельсиевых.

ЗДАНИЕ ПРЕЧИСТЕНСКОЙ ЧАСТИ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА КРОПОТКИНА, № 22)

Здесь «под каланчей» с 21 июля по 5 сентября 1834 г. содержался после ареста Герцен. Отсюда же в ночь на 25 мая 1863 г. бежал И. И. Кельсиев

Фотография, 1890-е гг.

Литературный музей, Москва

2

(Константинополь. Вторая половина июля 1863 г.)

Я сильно сомневаюсь, многоуважаемая Варвара Тимофеевна, в том, что вам пришло в голову сходить на почту и справиться, нет ли к вам писем, так что вы узнаете только из этого письма о новых моих похождениях и о том, что я теперь живу вместе с братом в Константинополе. Я обе-

щал в том письме описать вам подробно все, что со мной случилось в это время, а там я только в кратких словах рассказывал о моем чудесном избавлении из московских сибирок; таким образом, вы ничего не потеряете, если не будете брать с почты мое первое письмо: все, что написано в нем, вы найдете и в этом.

Должно быть, брат уже писал к вам, что я задумал бежать. Мне, действительно, оставалось только бежать. Сенат меня приговаривал к шестимесячному заключению в крепости, а потом мне предстояла бессрочная ссылка, еще до исхода которой завязалось мое новое дело [1]. Рассчитывать, что после выдержки шестимесячного заключения меня выпустят на свободу, было бы чистым безумием: за что было меня прощать? не за то ли, что я еще раз попался? Таким образом, мне нельзя было надеяться на избавление от преследования полиции, и, следовательно, личный мой интерес советовал мне бежать. Но я бы остался, если бы думал, что могу быть чем-нибудь полезен общему делу; однако и этой выгоды нельзя было ожидать: во-первых, имя мое уже до крайней степени ошельмовано в России, во-вторых, по собственному опыту я знал, что в Верхотурье [2], куда мне снова предстояло возвращаться, я решительно ничего не мог делать по разным обстоятельствам, которые рассказывать было бы долго.

Образование Центрального комитета надолго задержало исполнение моего плана. Мне все думалось, что, может быть, комитет будет нуждаться в провинциальных агентах, и тогда непростительною ошибкою было бы бегство. После долгой борьбы с самим собою я увидал, однако, что не могу быть ничем полезен планам Комитета в том месте, которое предназначалось мне для жительства. Чтобы окончательно примириться с своей совестью, я посылал спросить мнение Комитета о моем плане; Комитет одобрил мое намерение.

Тогда я стал пилить решотку. Пилить приходилось почти только по ночам. Окно, избранное мною для бегства, было в конце коридора, в который выходили двери как от моего номера, так и от того, в котором жил тюремщик. По коридору шум, производимый моим напилком, так увеличивался, что подле комнаты тюремщика казалось, будто бы кто в трубу трубит. При таких неблагоприятных условиях ничуть не мудрено, что дело протянулось на две недели.

К ночи с 24 на 25 мая все было готово. Я велел себя ждать с десяти до двух часов ночи. Однако пришлось бежать гораздо позже. Тюремщик, против обыкновения своего, просидел до двенадцати часов ночи. Потом он пришел еще разговаривать ко мне. Я его мог выпроводить только тем, что разделся и лег в постель, как бы собираясь спать. Он ушел к себе и тоже лег; но еще в продолжении целого часа, я думаю, я все слышал, как он ворочался с боку на бок, стонал и охал, выгонял кошку, трубку закуривал и т. д. Когда он, наконец, успокоился, то поднялась какая-то суматоха на дворе; бегали по двору с фонарями, отыскивали что-то. Словом, ночи, более неудобной для бегства, я никак не ожидал.

Когда все успокоилось, то начинало уже светать. Я встал, оделся, снял с своей полки книги, отвязал веревку, на которой была привязана полка; все это должно было делаться без малейшего шуму, так как малейший шелест в моей комнате слышен тюремщику. Затем я приступил к решотке. Нужно было выставить два стекла, сломать перекладину между ними и потом выломать уже достаточно подпиленный брус из решотки. Когда оставалось только выломать этот брус и навязать веревку, было уже так светло, как днем. После долгих усилий мне удалось сломить брус, который, сильно погнувшись под первым натиском, долго не двигался ни в ту ни в другую сторону. Я навязал веревку и полез; сначала было завяз в отверстии и, до половины высунувшись из окна, долго бился, пока мне удалось повернуться так, что можно было совершенно вылезть. Веревка ли

была тонка, или силы у меня не хватило, только руки у меня соскользнули, и я почти упал, ободрав себе все ладони. Тотчас же я добежал до забора, перелез на соседний двор, оттуда перелез на улицу и пошел к тому месту, где должны были меня ожидать. Но два часа давно уже прошли, и оставалось только несколько минут до четырех. Я взял извозчика и поехал на назначенную мне квартиру, хозяева которой не были мне знакомы. На дворе дома, к которому я приехал, не было ни души, все еще спали. С полчаса я ходил по двору, не желая беспокоить жильцов. Наконец, растворилось окно, и господин в шлафроке спросил, кого мне нужно. Я назвал фамилию. «Это я», отвечал мне он. «В таком случае отворите мне дверь». Тотчас же меня выбрили, остригли, выкрасили волосы, дали очки и одели в форменный сюртук межевого ведомства.

Пока успели достать мне паспорт, прошло две недели. В это время я переходил сначала с места на место, а потом, убедясь, что я совершенно безопасен в Москве, около недели жил у одного приятеля. На след мой ни разу не могли напасть, а имели только удовольствие упустить меня однажды из-под самого носа. Я сидел однажды у открытого окна в одной из подмосковных дач. Вдруг я вижу, что против окна стоит какой-то господин и смотрит на меня. Я взглянул на него пристально и узнал в нем переодетого квартального надзирателя той части, в которой я был заключен. Я отошел от окна; квартальный, вероятно, не узнавший меня, остриженного, выкрашенного и облаченного в офицерский мундир, пошел, глазея по всем окнам и дверям дальше. Как только он отошел, я накинул шинель и тотчас же уехал в Москву.

Московская полиция очень глупа. Поэтому мне не стоило большого труда отвести ей глаза от места, где я скрывался. Я написал письмо гр. Крейцу о кой-каких вещах, оставшихся в моем номере, но принадлежавших не мне, и дал одному товарищу свезти его в Петербург и оттуда послать его по почте. Полицейместер попался на удочку и незадолго перед отъездом я получил известие из его канцелярии, что меня уже бросили искать в Москве и ищут в Петербурге.

По железным дорогам мне было опасно ехать. В московских вокзалах при отъезде, как и при прибытии поездов, присутствует полиция, а в Москве меня, кажется, всякий будочник знает. Поэтому, как ни дорого было мне время, а я принужден был сделать крюк. Я поехал в дилижансе на Ярославль, а оттуда по Волге, на Нижний. В Нижнем мне нужно было получить деньги, и я должен был там остановиться. Остановился же я там у человека, который не должен был знать, кто я. А до него уже дошли слухи, что Кельсиев бежал; он меня все время расспрашивал о Кельсиеве и его бегстве, а я ему рассказывал о Кельсиеве, как о человеке, решительно мне постороннем. В Нижнем мне приходилось ждать три дня отбытия парохода, и я, чтобы не сидеть на одном месте это время, поехал в Балахну; там пробыл один день, а потом отправился назад, сел на пароход и поехал дальше. Мне пришлось ехать с одним из моих старых училищных товарищей. Он лет пять не видел меня, но узнал меня и спросил, не Кельсиев ли я? Я отвечал отрицательно, и мы дня четыре ехали вместе, как люди незнакомые друг другу. В Таганроге мне пришлось ждать парохода шесть дней! Но все обошлось благополучно, и 27 июня я сел на пароход. В Константинополь я прибыл 2 июля. Не можете представить, какое волнение овладело мною, когда пароход бросил якорь. Я так и ждал, что меня арестует консул. Но вот подплыли баркасы. Я бросился в первый из них и скорей оттолкнул его от парохода. Вторая пропиленная решотка осталась за мною...

Однако я все еще опасался. Я никак не мог добиться положительных сведений о правах русского посольства в Турции на нашего брата, беглеца. Одни говорят, что он имеет право арестовать русского подданного

в Константинополе, другие — что не имеет. Я остановился в русской гостинице, хозяин которой знавал брата. В его магазине я увидел несколько лондонских изданий и спросил его: нет ли у него чего-нибудь из изданий Кельсиева. Разговорились о брате. Хозяина поразило мое сходство с братом; он догадался, кто я такой, и прямо сказал мне, что я брат Василия. Я отперся, но сказал, что знаю Кельсиева и желал бы видеть его. Хозяин сказал, что он не знает наверное, где он теперь, и не ручается, все ли он еще в Константинополе. Я просил его разузнать, а сам ушел.

Я думал просить покровительства английского консула, так как в Англии я был намерен поселиться. С этой целью я пошел в английское консульство. Я сказал консулу, что я бежал из России, где правительство преследует меня за мои политические мнения. Англичанин повернулся ко мне спиной и сказал, что эти дела его не касаются, что я могу отправляться в Англию, если хочу искать покровительства английских законов. Я попросил тогда: пусть он хоть совет мне даст, как мне поступать и чего мне опасаться. Он отвечал, что и советов он мне никаких не может давать, и отошел от меня с такой равнодушной миной, какая была бы прилична разве только в том случае, если бы я к нему только затем и подходил, чтобы закурить папиросу.

Возвратясь домой, узнал от хозяина, что брат здесь, но что неизвестно еще, где он живет. Я узнал адресы нескольких русских, которые знакомы с ним, и пошел разыскивать. Адрес я узнал, но брата не застал дома. Я приказал на его квартире передать ему по его приходе, что приехал русский, который очень желает его видеть; остановился, дескать, там-то и там-то. Возвратился домой и стал ждать. Прошло часа полтора, как почти прилетел Василий, которому предчувствие сказало, кто его ищет...

Познакомился здесь с польскими эмигрантами и с небольшим кружком русских, проживающих здесь. Меня сильно затрудняет пока незнание французского языка. Со многими я еще немой. Французский и немецкий языки я знаю настолько, насколько это нужно, чтобы читать книги. Я понимаю решительно все, но за совершенным неимением практики я не мог в России приучить себя хоть несколько свободно изъясняться на этих языках. Впрочем, я скоро надеюсь говорить по-французски.

Крепко, крепко жму вашу руку. Рассказать мне вам еще пропасть чего надобно. Позвольте, однако, кончить на этот раз. Что я думаю делать и чем жить — вы узнаете из следующих писем. У меня голова теперь в сильном беспорядке, и потому ни о чем серьезном я писать не могу.

Брат ваш Иван Кельсиев

[1] О суде над И. И. Кельсиевым см. выше вступительную статью к публикации его писем к Герцену и Огареву.

[2] *Верхотурье* — уездный город Пермской губернии на реке Туре, куда Кельсиев был сослан в феврале 1862 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО с ГЕРЦЕНОМ и М. А. БАКУНИНЫМ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО КАРЛА ФОГТА к ГЕРЦЕНУ

Публикация С. Я. Штрайха

Публикуемые ниже письма Владимира Онуфриевича *Ковалевского* (1842—1883) относятся ко времени наибольшей близости гениального ученого-палеонтолога к революционному движению. Эти письма проливают яркий свет на деятельность Ковалевского в начале шестидесятых годов. Первое из них написано с театра военных действий в Польше, в 1863 г.; второе, относящееся к 1865 г., посвящено попыткам Ковалевского издать герценовские произведения в России.

Остальные документы касаются весьма мучительного в биографии Ковалевского эпизода. В разгар реакции 1864—1866 гг. Ковалевский был оклеветан. В революционной среде Петербурга и эмиграции был распущен слух, что Ковалевский служит агентом III Отделения. Чистейший человек, искренне и горячо преданный интересам освобождения и просвещения народа, сделался жертвой искусно спровоцированной клеветы и, напрягая все свои силы, стремился установить источник порочащих его слухов, разоблачить клеветников, восстановить свое доброе имя.

И хотя полная непричастность Ковалевского ко всему тому, что может порочить имя революционера, несомненна, однако доказать эту непричастность было чрезвычайно трудно, особенно осенью 1864 г., когда организация «Земли и воли» была разгромлена, а многие связи эмигрантов с родиной оказались прерванными.

Но расскажем по порядку о взаимоотношениях между Ковалевским и революционной эмиграцией*.

* * *

Знакомство Ковалевского с Герценом произошло осенью 1861 г. в Лондоне. Знаменитому впоследствии ученому было тогда девятнадцать лет. Он только что (весной того же 1861 г.) окончил Училище правоведения в Петербурге, был затем определен на службу в Правительственный сенат и почти сразу получил, по своей просьбе, четырехмесячный отпуск за границу. Карьера царского чиновника-юриста не привлекала Ковалевского, и он порвал со службой в Сенате, отказавшись вернуться в срок из предоставленного ему отпуска. За границей он пробыл в эту первую поездку вместо четырех месяцев около двух лет, до весны 1863 г.

Ковалевский произвел на Герцена хорошее впечатление и через некоторое время был приглашен давать уроки его младшей дочери Ольге (вместо В. И. Кельсиева, собиравшегося уехать из Лондона). Таким образом, Ковалевский в доме Герцена стал как бы своим человеком. Он был хорошо осведомлен о сношениях издателей «Колокола» с приезжавшими в Лондон русскими, в том числе и с представителями революционного подполья России. Герцен не таил от Ковалевского этих конспиративных свиданий

---

* Письма Ковалевского к Герцену и Бакунину печатаются по автографам, а письмо Герцена к Ковалевскому по рукописной копии (Н. А. Герцен) «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 87, 130, 134); письмо Карла Фогта к Герцену—по автографу ЛБ (Г-О VIII-103).

не только потому, что верил в его безусловную личную порядочность и честность, но, разумеется, и потому, что видел в нем идейного единомышленника.

О политических взглядах и революционном настроении молодого Ковалевского свидетельствует первый из публикуемых здесь документов — его письмо к Герцену, посланное из Кракова, во время польского восстания 1863 г. Как явствует из этого письма, Ковалевский принял, хотя и кратковременное, но непосредственное участие в восстании; повидимому, через своего приятеля студента-медика П. И. Якоби он был связан с революционной офицерской группой Потебни, действовавшей в Польше. Приводим с небольшими сокращениями этот ранее не известный документ, интересный не только для биографии гениального ученого, но и для истории русского революционного движения.

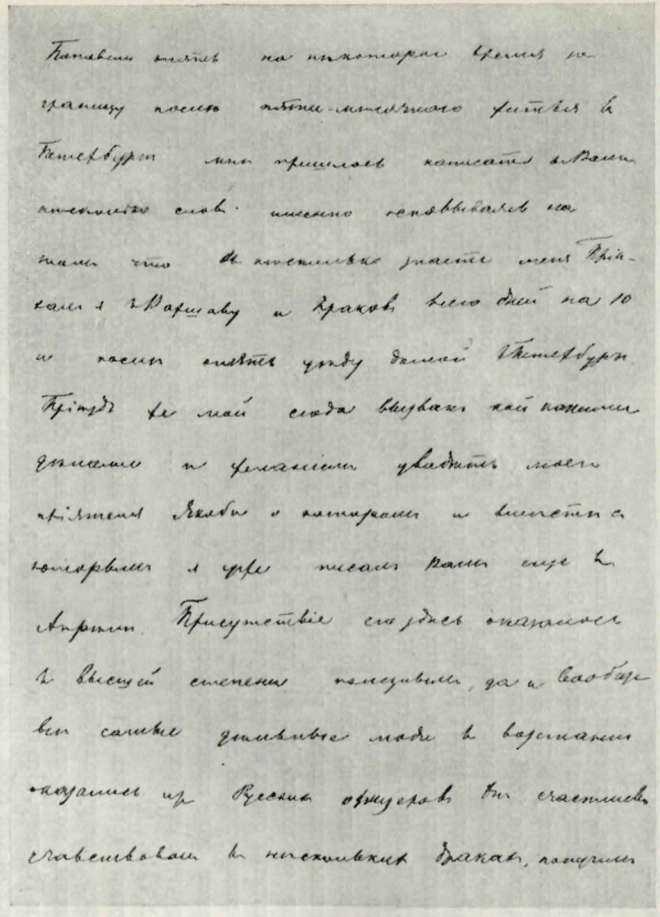
1

⟨Краков. 22 октября 1863 г.⟩

Попавши опять на некоторое время за границу после пятимесячного житья в Петербурге, мне пришлось написать к вам несколько слов, именно основываясь на том, что вы несколько знаете меня. Приехал я в Варшаву и Краков всего дней на 10 и после опять уеду домой в Петербург. Приезд же мой сюда вызван кой-какими делами и желанием увидеть моего приятеля Якоби, о котором и вместе с которым я уже писал вам еще в апреле. Присутствие его здесь оказалось в высшей степени полезным, да и вообще все самые дельные люди в восстании оказались из русских офицеров. Он счастливо участвовал в нескольких драках, получил было предложение сделаться военным распорядителем при Центральном комитете, но отказался и, наконец, был у Тачановского; под Крушиной 30 августа их разбили, и он с 12 другими был отрезан гродненскими гусарами в числе 60 человек; под ним убита лошадь, и сам он пробит тремя ударами пики, так что остался на поле ⟨...⟩ Однако крестьяне через несколько времени после ухода отряда подобрали живых, свезли в лазарет, откуда он перешел в другой, и, наконец, его перевезли в Краков, куда я, узнавши об этом, и приехал сейчас. Раны его едва ли позволят ему скоро опять идти в отряд, но так как Национальное правительство обратило сильное внимание на него, к тому же рапорт, посланный им в Варшаву о положении дел, так обратил на себя общее внимание, что ему предлагали очень изрядные должности, но так ⟨как⟩ раны болят при здешней сырой погоде, то решено, что он поедет осматривать и заказывать оружие и с другими поручениями в Вену, Париж, Лондон и Бельгию. Так как в Лондоне он останется всего несколько дней, а ему бы хотелось видеть вас одного и без всяких собраний воскресных, то он просил известить вас, и я надеюсь, что вы примете его наедине; моя рекомендация, конечно, тут непричем и превращается в простое извещение. Как скоро это будет, я не знаю, но извещаю вас на всякий случай. Раны его заживают; кроме огнестрельной, уже закрылись совершенно, и при новом устройстве всех отношений в лицах, распоряжающихся восстанием (что, по всей вероятности, уже известно вам), он теперь назначен начальником штаба отрядов, формирующихся в Галиции, т. е. ему поручено сформирование, обучение, переход и стратегическая комбинация выходящих к Галиции сил. Дела пропасть, и я, живя вместе с ним, как-то поражен даже всем business like* видом этого устройства; совершенный департамент Военного министерства, только участниками его не генеральство, а наши братья. Главный недостаток здесь не в *chair à canon***, его довольно, а в людях, которые сумели ⟨бы⟩ хорошенько повести отряд, и если повстанцы часто бегают, так именно

---

* деловым (англ.).
** пушечном мясе (франц.).



Поставили опять на нѣкоторое время за-
границу послѣ пяти-мѣсячного житья в
Петербургѣ мнѣ пришлось написать в Вашей
нѣсколько слов. именно основываясь на
томъ что въ нѣсколько знаете меня Прі-
ѣхалъ я в Варшаву и Краковъ всего дней на 10
и послѣ опять уѣду домой в Петербургъ.
Пріѣздъ же мой сюда вызванъ кой какими
дѣлами и желаніемъ увидѣть моего
пріятеля Якоби о которомъ и вмѣстѣ съ
которымъ я уже писалъ Вамъ еще въ
Апрѣлѣ. Присутствіе его здѣсь оказалось
въ высшей степени полезнымъ, да и вообще
всѣ самые дѣльные люди въ возстаніи
оказались изъ Русскихъ офицеровъ. Вы счастливо
счавствовали въ нѣсколькихъ бракахъ, получили

Котлова, все молодое потерло въ
чиновники, даже та несчастная адво-
катская дѣятельность которая пред-
ставляется теперь совершенно отбра-
сывается молодежью въ сторону, вся
эта хотя захватить казенное мѣ-
стечко при новомъ порядкѣ.
Что дѣлаютъ Ваши, как здоровье и
живописные усѣки Наталья Александро-
вна, что дѣлаетъ моя дорогая ученица
Ольга, мой низкій искренній поклонъ
и рукожатіе Николаю Платоновичу и
Надеждѣ Александровнѣ.

Вашъ искренній
преданный [illegible]

Краковъ
22 Октября

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. О. КОВАЛЕВСКОГО К ГЕРЦЕНУ ОТ 22 ОКТЯБРЯ 1863 г.
Листы первый и последний
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

потому, что тупоумные или не имеющие понятия о военном деле начальники ведут их, как баранов, на бойню. Мне случалось и провожать ночью отряды до границы и встречать разбитые, и всегда прямо виноваты предводители.

Из последних номеров «Колокола» можно заключить о впечатлении, произведенном на вас тем, что делается в продажном и подлом *образованном* круге русском, но видеть все это на деле, жить между негодяями, видеть ваших прежних друзей и ездивших к вам еще очень недавно, посылающих депеши с патриотических обедов одновременно Каткову и Муравьеву, — это, право, чего-нибудь да стоит и способно привести человека и в свирепость и в отчаяние. Я сам живу кое-как, работаю, как вол, занимаюсь в Медицинской академии и через год отправляюсь опять за границу, чтобы, поработавши в каком-нибудь университете, держать экзамен на доктора медицины — одним словом, совершенно изменяю свои занятия. А в крепости у нас сидят да сидят, а двух ссыльных, Гена и Михаэлиса, выслали по ложному доносу губернатора Арсеньева из Петрозаводска: первого — в Царевосанчурск Вятской, а другого — в Тару Тобольской губернии. Вообще не очень утешительно — цензура свирепствует, III Отделение еще хуже, литература предлагает свои услуги тому министерству, которое заплатит подороже; все благомыслящие люди молятся на Каткова, все молодое поперло в чиновники, даже та несчастная адвокатская деятельность, которая представляется теперь, совершенно отбрасывается молодежью в сторону; всякий хочет захватить казенное местечко при новом порядке.

Что делают ваши, как здоровье и живописные успехи Натальи Александровны, что делает моя дорогая ученица Ольга? Мой низкий искренний поклон и рукожатие Николаю Платоновичу и Наталье Алексеевне *.

Вам искренне преданный

В. Ковалевский

Краков. 22 октября

В Польше, охваченной восстанием, Ковалевский пробыл всего несколько дней, после чего вернулся в Петербург. За границу он выехал вновь через год, повидимому, специально для участия в известном эмигрантском съезде, происходившем в Женеве с конца декабря 1864 до начала января 1865 г. Б. П. Козьмин в своей работе «Герцен, Огарев и молодая эмиграция», говоря о Ковалевском, допускает, что тот участвовал в женевских совещаниях русской эмиграции в качестве «представителя петербургских революционных кружков, с которыми был связан» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 22). Позиция, занятая Ковалевским на съезде, выяснена не вполне. Однако, судя по сохранившемуся краткому отзыву Герцена, Ковалевский, не выступая против него активно или сколько-нибудь резко (к Герцену Ковалевский относился с огромным уважением), все же по существу поставленных вопросов придерживался взглядов «молодых», т. е. группы Утина — Серно-Соловьевича. Сообщая Огареву о результатах своих переговоров с «молодыми людьми», Герцен 4 января 1865 г. писал: «Мне с ними ужасно скучно — все так узко, лично и ни одного интереса, ни научного, ни в самом деле политического; никто ничему не учится, ничего не читает. У⟨тин⟩ хуже других по безграничному самолюбию ⟨...⟩ Ков⟨алевский⟩ гораздо лучше других» (XVIII, 6).

Герцен расстался с Ковалевским после эмигрантского съезда без всяких видимых признаков недружелюбия или, тем более, недоверия. И Ковалевский уехал из Женевы, полностью сохраняя свои давно сложившиеся чувства любви и уважения к Герцену. Это он доказал на деле, издав в конце 1865 г. в Петербурге, с большим риском для себя, роман Герцена «Кто виноват?». Вследствие недосмотра царской цензуры издание это удалось не только отпечатать (разумеется, без имени автора) в типографии Ф. С. Сушинского (человека, близкого к некоторым деятелям польского национально-освободительного движения), но и сразу же полностью распространить.

---

* *У Ковалевского описка*: Надежде Александровне.

21 декабря 1865 г. книга, после напечатания, была представлена в Петербургский цензурный комитет, и тогда же Ковалевский сообщил об этом Герцену. Письмо это, сохранившееся в «пражской коллекции», тоже оставалось до настоящего времени неизвестным. Написано оно было, судя по содержанию и по связи с другими документами, в конце декабря 1865 г.

2

⟨Петербург. Конец декабря 1865 г.⟩

Вас очень удивит и даже, может быть, более, чем удивит, мое бесцеремонное обращение с вашей литературной собственностью, когда вы узнаете вдруг из газет, что я издал ваш роман и собираюсь издать еще мелкие статьи, но прошу не сердиться за это и быть уверенным, что я был побужден к этому в ваших же интересах; именно я встретил в газетах объявление об издании анонимно и, кроме того, прослышал, что это намерен сделать один спекулятор, пользуясь вашим бесправием остановить его. На этом основании я решился быстро повернуть дело, и в настоящее время все уже напечатано и через два дня или будет остановлено, или появится в продаже. В последнем случае я буду ждать вашего ответа, который прошу написать от имени и рукою Натальи Александровны, адресуя письмо в книжный магазин Кожанчикова, с передачею мне. Распорядитесь изданием как вам угодно, назначьте или плату полистно, или за все издание (оно напечатано в числе 3000 экз.), или, наконец, сочтите его своим собственным, и, в этом случае, оплативши издержки по печатанию, я буду вести строгую отчетность и высылать все выручаемые деньги вам, — вообще поступите, как вздумаете и как сочтете удобнее для себя, только не имейте претензий на меня и не думайте, что я хотел пользоваться вашим положением.

Второе обращение или просьба — это относительно Фогта, который, как я слыхал, злобен на меня. Попрошу вас объяснить ему следующее. Зимою, когда я был у вас и у него, у нас с Б⟨акстом О. И.⟩ был проект приобретения типографии и получки в долг до 12 тыс. р. с. денег; рассчитывая на них, я и заключил условие с Фогтом — уплатить ему *12 т. франков за право иметь первые корректурные листы всех его будущих сочинений.* Вы знаете, что перед моим отъездом зимою пришла весть о несчастном случае с Б⟨актом⟩; все предположения лопнули, и уже плата Фогту сразу такой суммы становилась немыслимою, потому что я очутился и без типографии и без денег. Но я попрошу вас напомнить Фогту, что наше *первоначальное* словесное условие было таково, чтоб мне платить ему по 60 фр. за каждый лист, который он обязуется прислать мне в корректуре одновременно или даже *до* его появления в оригинале за границею; после Фогт говорил мне, что так как он пишет очень много, то мне выгоднее купить у него за раз право навсегда и предложил мне заплатить ему в течение двух лет 12 т. франков; рассчитывая на получение денег, я согласился; оно оборвалось, и я остаюсь при своем прежнем предложении и обязуюсь платить ему по 60 фр. за каждый лист его новых статей, которые он сообщит мне. Так, например, его лекции о *море* были переведены и напечатаны в «Русском слове», и он, конечно, не получил за них ни гроша; если же будущие подобные статьи будет в корректурах посылать мне, то я стану платить ему по 60 фр., как условились, за лист.

Точно так же мы условились, что он переделает для меня свои «12 leçons de géologie» * и прибавит к ним еще одну; работу эту я положительно прошу его сделать и обязуюсь уплатить ему по 60 фр. за каждый средней величины лист в 35 000 букв (это норма, принятая у нас в России).

Я так подробно и длинно излагаю все это вам потому, чтобы оправдаться перед Фогтом, да чтоб и вас облегчить от неприятного чувства, точно вы

* «12 уроков геологии» (франц.).

приводили к нему зимою какого-то мазурика, который обманул его. Сообщите ему, кроме того, что издатель его, Ригер, говорит, что Фогт не имеет права продавать своих сочинений от себя и что плати я ему сколько угодно, а он, Ригер, рисунков и клише мне не даст, а хочу я заплатить ему, Ригеру, так это другое дело, тогда рисунки будут.

Кланяюсь и крепко жму руку Наталье Александровне и моей милой ученице Ольге, а вас крепко и крепко целую и обнимаю. Весною, может быть, это удастся сделать на самом деле и обнять вас de facto; верьте, что я все тот же преданный и искренний ваш приятель и поклонник.

У вас там, как в котле, кипят самые нечистые сплетни; я слышу, что и меня примешивают к ним; не сомневайтесь ни на минуту, что все это грязь и ложь; мне было бы больнее всего, если бы вы усумнились во мне.

Что делает Лиза, помнит ли меня? Как здоровье Натальи Алексеевны и супруга ее? Крепкое рукожатие им всем и m-lle Meysenbug.

Кроме известия о напечатании романа «Кто виноват?» и просьбы «распорядиться изданием», публикуемое письмо содержит еще две просьбы («обращения») к Герцену.

Одна просьба была вызвана, по словам Ковалевского, тем, что на него «злобен» Фогт (речь идет о Карле Фогте — известном немецком естествоиспытателе). Причина неудовольствия Фогта выясняется из его позднейшего письма — 1874 г.— к Ковалевскому, сохранившегося в архиве семьи Ковалевских. Причиною размолвки между Ковалевским и Фогтом были денежные претензии Фогта к Ковалевскому, предпринявшему издание его трудов *. Другая просьба занимает всего четыре строчки, но она, вероятно, была самой существенной для автора письма. «У вас там, как в котле, кипят самые нечистые сплетни; я слышу, что и меня примешивают к ним, — писал Ковалевский Герцену и добавлял,— не сомневайтесь ни на минуту, что все это грязь и ложь...».

Пока это письмо оставалось неизвестным, историки полагали, что «нечистые сплетни» о Ковалевском возникли после покушения Каракозова на Александра II (см. работы М. К. Лемке, Б. П. Козьмина, Л. Ш. Давиташвили). Установить источники «грязи и лжи» раньше не удавалось. В публикуемом ниже письме от 2 октября 1866 г. Ковалевский называет имя распространителя сплетен, — правда, называет условно. Но из комментируемого письма Ковалевского выясняется, что «слухи и сплетни» распространялись о нем еще задолго до 4 апреля 1866 г. Один эпизод, из числа известных раньше, не сопоставлялся до сих пор со слухами и сплетнями. Между тем, он позволяет теперь точно представить себе, как относилось III Отделение к Ковалевскому до выстрела Каракозова.

Дело заключается в следующем. 14 декабря 1865 г., за неделю до представления в Петербургский цензурный комитет отпечатанного экземпляра романа «Кто виноват?», Ковалевский обратился в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему издавать в 1866 г. ежемесячный журнал «Летописец» объемом от 15 до 30 печатных листов. В объявленной им программе журнала были отделы литературы, искусства, естествознания и критики, а также внутреннее и политическое обозрение. Конечно, здесь не указывалось, что «Летописец» должен заменить закрытую правительством за «вредное направление» двухнедельную «Народную летопись», вокруг которой группировались виднейшие публицисты, близкие к революционным демократам шестидесятых годов. Участвовал в «Народной летописи» и Ковалевский. Вместе с «прошением» он представил 14 декабря и заявление о том, что ответственным издателем и редактором журнала будет он сам.

Начальник Главного управления по делам печати запросил III Отделение, можно ли удовлетворить просьбу Ковалевского. III Отделение ответило в начале февраля 1866 г., что Ковалевский «человек с большими способностями, но образ жизни в политическом

---

* См. в приложении к настоящей публикации письмо К. Фогта к Герцену от 22 февраля 1866 г., свидетельствующее, что недоразумение уладилось уже в начале 1866 г.

отношении не совсем благонадежен». Поэтому Главное управление по делам печати сообщило Ковалевскому, что «разрешения на его ходатайство не последовало».

В литературно-общественных кругах — отечественных и зарубежных — не знали, какую оценку дали Ковалевскому жандармы, и «самые нечистые сплетни» продолжали распространяться.

В. О. КОВАЛЕВСКИЙ
Фотография 1869 г.
Архив АН СССР, Ленинград

После выстрела Каракозова 4 апреля 1866 г. во всей стране и в первую очередь в Петербурге началась настоящая вакханалия «белого террора». В л. 221 «Колокола» от 1 июня 1866 г. была напечатана корреспонденция «Из Петербурга», в которой сообщалось, что «аресты самые безобразные, самые беспричинные продолжаются». В перечне арестованных корреспондент называл также фамилию *Ковалевский*. В кругах эмиграции были уверены, что речь идет именно о Владимире Онуфриевиче Ковалевском. Однако через несколько дней выяснилась ошибочность этого известия. Это обстоятельство дало новую пищу для клеветнических слухов и домыслов. Заговорили о «подозрительном счастье» Ковалевского, избежавшего ареста в такое время и при таких обстоятельствах, когда все люди, хоть в какой-нибудь мере прикосновенные к революционному движению, оказались за решеткой.

Политическая честность Ковалевского была взята под сомнение. Те, кто распространял клеветнические слухи, ссылались и на Герцена, который якобы тоже усмотрел нечто подозрительное в поведении бывшего учителя своей дочери.

Все это побудило Ковалевского отправиться за границу; он намерен был добраться до первоисточника позорящей его сплетни и разоблачить клеветников.

Еще в Петербурге Ковалевский наметил маршрут: он ехал сначала в Италию, в Неаполь. Ему уже было известно, что именно из Неаполя и распространялись сплетни. В Италии Ковалевский принял участие в освободительной борьбе гарибальдийских отрядов. Его участие в военных действиях было кратковременным (около двух недель), но весьма активным. Яркие корреспонденции Ковалевского с театра войны напечатаны в №№ 196 — 206 «С.-Петербургских ведомостей» за 1866 г.

В десятых числах сентября Ковалевский отправился в Швейцарию; найти источник клеветы в Неаполе ему не удалось. Первая встреча его с Герценом произошла 13 сентября 1866 г. в Женеве и была, повидимому, случайной. Инициатива разговора принадлежала Герцену; беседа велась дружески.

Герцен «уверял меня, — сообщал на другой день Ковалевский Бакунину, — что он не верит ничему и что дом его всегда открыт мне». Ковалевский добавлял еще, что расстались они с Герценом «повидимому, дружно».

Все изменилось на другой день — 14 сентября 1866 г. Утром этого дня Герцена посетил А. А. Серно-Соловьевич и заявил ему, что кто-то из эмигрантов в разговоре с С. И. Ламанским обвинил Ковалевского в «шпионстве». В ответ Герцен, как заявляет Ковалевский в письме к Бакунину, сказал, что слухи об этом «ходили громко в Неаполе» и проникли в эмигрантскую среду. Затем, отвечая, очевидно, на вопрос, прямо поставленный А. А. Серно-Соловьевичем, Герцен заявил, что он не числит Ковалевского среди «особенно близких» ему людей.

Эти слова не содержали в себе никаких обвинений по адресу Ковалевского, но воспроизведенные А. А. Серно-Соловьевичем, быть может, не вполне объективно, вконец нарушили душевное равновесие молодого ученого. Измученный тяжестью гнусной клеветы, находясь в состоянии крайнего нервного возбуждения, Ковалевский вечером того же 14 сентября написал письмо Бакунину и вслед за тем, в ночь с 14 на 15 сентября, — письмо Герцену. Бакунин переслал Герцену полученное им письмо тогда же (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 168); поэтому письмо и сохранилось в «пражской коллекции».

Ковалевский писал Бакунину:

3

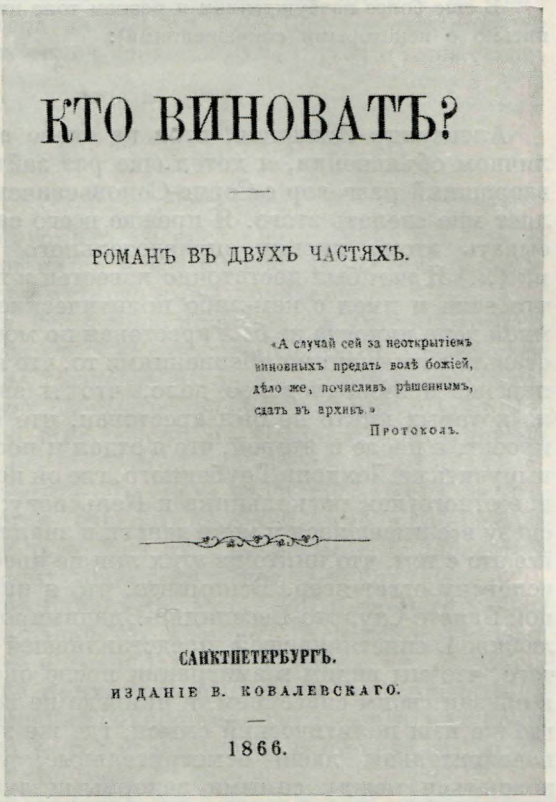
⟨Женева. 14 сентября 1866 г.⟩

Я теперь сижу у Серно-Соловьевича и вчера только приехал от Якоби, у которого провел три дня; встретила же меня эта вавилонская блудница, именуемая Женевой, так, что, ей-богу, волосы дыбом встают и голос спирается в горле, — не знаешь, что думать, что говорить. Встретил я прежде всего Герцена и горбатого Бакста ⟨Владимира Игнатьевича⟩; Герцен был смущен, как и сейчас, отвел меня в сторону, чтобы переговорить со мной, и при этом сообщил следующее — что он получил из Неаполя известие, что Утин говорил вам на меня какие-то обвинения и что вы вследствие этого устроили объяснение между мною и Утиным. Теперь вы ведь знаете, что я с Утиным лично расстался хорошо, не знаю, что он говорил вам, но вы мне никогда не сообщали никаких обвинений и никогда не устраивали объяснений между мною и Утиным. Ради же бога, Михайло Александрович, изобличите эту наглую ложь, потому что, как увидите ниже, на этом строятся важные обвинения. Продолжая разговор с Герценом, оказалось, что и он и горбатый Бакст получили известия, что я — *шпион*. Я не знаю, что вы об этом подумаете, но, конечно, вы сознаете сами, что оправдываться мне от подобного обвинения и нельзя и нечего; надо все предоставить времени и тому, что, в конце концов, самые обвинители окажутся немногим лучше

РОМАН «КТО ВИНОВАТ?» В ИЗДАНИИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО, С.-ПЕТЕРБУРГ, 1866 г.

Книгу удалось отпечатать и распространить по недосмотру цензуры

Титульный лист



КТО ВИНОВАТЪ?

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

«А случай сей за неоткрытіемъ виновныхъ предать волѣ божіей, дѣло же, почисливъ рѣшеннымъ, сдать въ архивъ.»

Протоколъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.

1866.

того, чем они хотят сделать меня. Мало того, сегодня Соловьевич ходил утром к Герцену, с которым я расстался вчера, повидимому, дружно и который уверял меня, что он не верит ничему и что дом его всегда открыт мне, и этот же Герцен говорил Соловьевичу, что слухи о моем шпионстве ходили громко в Неаполе, что у Оболенских все говорили об этом и что «это нам было известно всем и в том числе мне». Ну скажите же сами, Михайло Александрович, что тут делать, ведь вы же сами знаете, что все это ложь, что Оболенские принимали меня, как родного, что с вами я был до последней минуты хорош и если б вы имели какие-нибудь сведения, то, верно, прямо сказали бы мне.

Повторяю, оправдываться в этакой гнусности нельзя. Я бы унизился до чёрт знает чего, если бы вздумал оправдываться перед скотами, обвиняющими меня; я предоставлю все времени и плюну на эту гнусную, сплетничающую женевскую шайку и уеду в Петербург на днях. Я прошу вас только написать сюда, лучше всего на имя *Серно-Соловьевича* (Rue de Savoises, vis-à-vis de Cirques, № 502, chez Ardin), все, что происходило в Неаполе, и до чего все эти сплетни гнусны и нелепы. Я просто теряюсь, когда подумаю, что достаточно одной сплетни, пущенной каким-нибудь скотом, чтобы заставить подозревать человека, которого знают целые годы. И знаете, какое одно из главных обвинений: зачем я не арестован, когда арестованы так многие. Этим людям, чтобы убедиться в том, что я не шпион, хотелось бы чтоб меня выпороли в III Отделении и сослали в каторжную работу, но доставить подобное доказательство я, по всей вероятности, воздержусь.

Сделайте милость, непременно ответьте, и сейчас же, на имя Серно-Соловьевича или хоть Герцена.

Ваш В. Ковалевский

Женева. 14 сентября

В еще более возбужденном и резком тоне писал Ковалевский Герцену (приводим письмо с некоторыми сокращениями):

4

(Женева. 14 сентября, 1866 г.)

Александр Иванович, веря на слово всему, что вы говорили мне при личном объяснении, я хотел еще раз зайти и поговорить с вами, но ваш вчерашний разговор с Серно-Соловьевичем, переданный им мне, не позволяет мне сделать этого. Я прежде всего замечу, что вы не должны приписывать этому письму оправдательного или очистительного характера (...) Я вам был достаточно известен в течение пяти лет и горжусь тем, что если и имел с кем-либо политические дела, то никто из имевших со мной дело никогда не был арестован по моей вине и неосторожности. Сопоставьте с нынешними обвинениями то, что я знал в подлинности все Михайловское и Шелгуновское дело, что я знал провозивших прокламации, из которых никто не был арестован, что я знал Якубовича и его первый проект, а после и второй, что я отдал и последние деньги и паспорт, чтобы выручить из Лондона Трубецкого, где он погибал, что я знал и видел приезд известного вам раскольника к Кельсиеву; что я собирал и дал сам Кельсиеву все имевшиеся у меня деньги и знал цель его поездки, — сопоставьте все это с тем, что никто из этих лиц не арестован, — и всякому разумному человеку ответ ясен. Вспомните, что я никогда не касался, бегал гнусной Бакcто-Стуарто-Веселицко-Владимировской партии, ничтожной, самолюбивой, сплетничавшей, представлявшей в своей деятельности прообраз того, что мы видим в эмиграции после окончания спектакля, — вот чему я обязан своим спасением, я никогда не водился с ослами; да и, наконец, где же ваш политический смысл, где же задатки деятельности, когда вам подозрительны люди осмотрительные, умеющие все время счастливо вращаться между самыми задорными зубцами петербургской полиции, и не подозрительны только бесполезно эмигрировавшие или вследствие болтовни, чванства и хвастовства своим значением попавшиеся в лапы ее. Каким же образом вы даете ход, поощряете своим поведением и молчанием всякую гадкую сплетню, всякую наглую ложь, пущенную без фактов, против лиц, которых вы знаете целые годы? (...)

Вы принадлежали, Александр Иванович, к числу лиц, которых я сильно уважал, разрыв с вами казался мне всегда делом очень тяжелым и горьким, могущим совершиться только после долгой внутренней борьбы и который должен был бы оставить сильные следы на моей нравственной личности (...)

Если вы хорошенько обдумаете все это, если вы поставите себя хоть для примера в шкуру человека, которого вы предположите неправильно обвиненным, то, конечно, вы поймете, что вам надо сделать, и если уже заявлять требования по человеческому праву, то я требую, чтобы вы в письме ко мне, где вы заявляете о том, что не верите этой гнусной сплетне, сообщили все бы имена говоривших, и я, переходя от лица к лицу с вашим письмом, добьюсь, наконец, до того, (кто) был первым виновником этой гадости.

В. Ковалевский

Женева. 14 сентября

P. S. Я требую, даже если вы не сочтете нужным исполнить мою просьбу о письме, передать от меня мое искреннее прощание и рукожатие Наталье Александровне и моей прежней ученице Ольге.

Мой адрес пока в Берн, poste restante, а после — в *Бреславль* на имя Ламанского.

Хотя письмо Ковалевского, до крайности возмущенного и не владевшего собой, содержало в себе много несправедливого по отношению к Герцену, Герцен понял

душевное состояние своего корреспондента и немедленно ему ответил. Из этого письма Герцена видно, что он, несмотря на резкость тона Ковалевского, старался успокоить его, доказав, что сам он не верит в справедливость слухов и готов помочь Ковалевскому «разом окончить» их.

5

16-го сент⟨ября⟩ 1866 г. Женева

Письмо ваше я получил. Жалею, что вы употребили такой тон, после которого всякая переписка становится невозможной. Я бы, разумеется, не отвечал, если б не был замешан интерес выше личностей.

Я никогда, никому не говорил, что я верю или верил в справедливость обвинения. Но, слыша с двух-трех сторон, счел необходимым сказать вам прямо. Неужели честнее было бы умолчать в глаза и слушать за глаза? Я думаю, что я вам оказал услугу. Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевич⟩ мне сказал, что вас кто-то обвинял у Ламанского. Мне говорили о Неаполе — не лучше ли разом окончить эти слухи?

Вас удивил мой отзыв о близости — не знаю, что и как вам сказал Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевич⟩, но мне кажется, что вы неправы—или просто мало знаете меня. Я, за исключением двух-трех лиц, ни с кем не близок, хотя видаюсь со многими часто и многих знаю десять лет.

Так я не считал себя особенно близким с вами, так я не считаю себя близким с самим Сер⟨но⟩-Солов⟨ьевичем⟩, которого и ценю и уважаю.

Если же вы желаете другого — а именно, чтобы я сказал, что в продолжении нашего знакомства мне не приходило мысли вас подозревать, — я это скажу охотно и искренно. Первые нехорошие слухи — и то не о политических, а о финансовых делах — о вас я слышал в Женеве от людей, я думаю, больше вашего круга, чем моего.

Бакунину я писал в пятницу; вероятно, дней через десять получу ответ и сообщу Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевичу⟩.

Затем я без фраз желаю, чтобы вы рассеяли все эти слухи, и очень жалею, что явился случайно на их дороге.

А. Герцен

Поклоны передал и передам.

Упоминаемое Герценом письмо к Бакунину (писанное «в пятницу», то есть 14 сентября) неизвестно. Но сохранился ответ Бакунина из Ковы, близ Неаполя, от 22 сентября 1866 г. Бакунин сообщал, что компрометирующие Ковалевского слухи он услышал впервые от Николая Утина и «от М—ва натуралиста», т. е. от И. И. Мечникова, который, однако, «сам лично также ничего не знал положительного против Ковалевского» и, в свою очередь, почерпнул эти слухи «от разных людей в Швейцарии и в Германии», назвать которых, однако, и он и Утин отказались («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 167—168).

Таким образом, Бакунину не удалось выяснить, кто первый пустил клеветническую сплетню о Ковалевском. В публикуемом ниже письме Ковалевского к Герцену — от 2 октября 1866 г. — распространитель клеветы назван, хотя и с оговоркой: автор письма не был уверен в своем предположении. Это — Николай Бакст, младший брат В. И. и О. И. Бакстов. Однако ни в каком другом документе имя Николая Бакста не названо. Ни разу не упоминается оно и во всей известной нам семейной переписке В. О., А. О. и С. В. Ковалевских (много сотен писем за 1862—1890 гг.).

В 1862—1865 гг. Николай Бакст жил за границей, где был занят подготовкой к профессуре, и мог встречаться со знакомыми своих братьев — участников революционного движения. Ковалевского он знал еще по Петербургу. Однако документально проверить обоснованность догадки Ковалевского не представляется возможным.

Ковалевский отвечал Герцену следующим письмом:

6

⟨Бреславль. 2 октября 1866 г.⟩

Александр Иванович, полагая, что последняя фраза вашего письма о желании вашем рассеять эти не слухи, но систематически распространяемые клеветы искренна, я решился написать вам еще из Бреславля от Ламанского, у которого остановился на несколько дней, надеясь здесь найти какую-нибудь нить, и, конечно, опять оказалось, что эти слухи [есть вероятность] идут от одного лица, искусно пустившего их с разных сторон через разных лиц. Ламанский уверяет меня, что у него никогда и никто не обвинял меня и что единственные лица, говорившие ему о моей подозрительности и то очень глухо, были Бакст и Стуарт; он полагает, что, зная его близость, они не осмеливались прямо распространять этот слух, но только говорили о странности моего незаарестования вообще. Я знаю, что в Женеву привез эти слухи Ил. Мечников и с ними уехал в Неаполь, где, будто бы, и в этом же подтвердил его Утин. Ламанский думает, что Мечников имел этот слух от Стуарта и Бакста; откуда взял его Утин — я не знаю. — Теперь я должен предупредить вас, что один из самых отчаяннейших и бессовестнейших врагов моих есть Николай Бакст, и не без причины: я был невольным поводом, по которому двое лиц (известных даже вам) доказали ему preuves en main *, что он мерзавец и человек нечестный в самом простом значении этого слова. Как я, так и эти два лица всегда молчали об этом; я думал, что и Н. Бакст позабудет меня; случилось иначе — он только удвоил рвение. Вы знаете, что я вам никогда не говорил о нем ничего дурного, но пришло время, когда мне нужно предупредить вас быть очень недоверчивым к этому источнику и, слыша сплетни, узнавать, не оттуда ли они идут.

Вот в чем я счел необходимым предупредить вас; относительно же других мест вашего письма я могу только сказать, что если я и говорил о короткости между нами, то совсем не разумел дружбы — разница наших возрастов на целых 30 лет делает ее невозможной; я только подразумевал, что вы знали меня достаточно коротко, чтобы и защитить меня от подобного обвинения и дать мне в руки средство найти обвинителей. Вы не сделали ни того, ни другого; вашим сомневающимся положением относительно меня вы дали пищу и поддержали сплетню; невыдачею мне лица, сообщившего вам эту клевету, вы почти лишили меня возможности отыскать его, и, как видите, все мои попытки до сих пор тщетны. Вл. Бакст, спрошенный мною еще раз в Берне, говорил, что он слышал эти подозрения более года тому назад; у Ламанского никто не был и никто меня не обвинял. До сих пор я вижу во всем только Ник. Бакста и если уверюсь, что он — источник, то, конечно, поступлю с ним, как следует. В образец того, как эти люди распускали самую несбыточную и нелепую диффамацию, советую вам спросить у Соловьевича *историю часов и бар⟨она⟩ Стуарта.*

Мечников писал Ламанскому, что и Шелгунова говорила ему что-то; ну, от нее я ожидаю всего, потому что, в самом деле, я стал на дороге ее *филантропических планов* и, разбивши их, разозлил ее до неистовства.

Вы очень обиделись тоном моего письма; это мне странно; не можете же вы думать, чтобы человек, надеявшийся на вас, как на короткого знакомого, и нашедший в вас сомневающегося при первом грязном слухе, не спящий две ночи под неожиданностью и мерзостью обвинения и пишущий письмо в одну из этих бессонных ночей — стал бы говорить особенно вежливо.

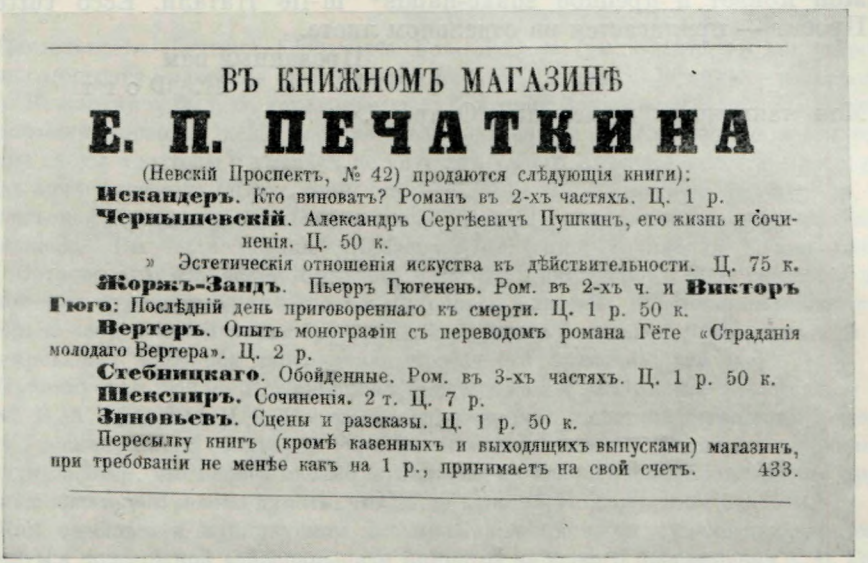
Я пишу лично вам и потому просил бы вас не показывать моих писем.

В. Ковалевский

Бреславль. 2 октября

* с уликами в руках (франц.).

Ответное письмо Герцена неизвестно. Но в «пражской коллекции» хранится еще один документ, относящийся к так называемому «делу Ковалевского». Когда Герцена уже не было в живых, осенью 1872 г., Ковалевский навестил в Цюрихе Наталью Алексеевну Огареву. На другой день после этого посещения — 20 октября — она писала дочери Герцена, Наталье Александровне: «Вчера он ⟨Ковалевский⟩ был здесь внезапно, проездом из Англии в Берлин, много расспрашивал обо всех и особенно об тебе, очень жалел об размолвке с Герценом. Я его хорошо приняла, потому что помню, как Герцен жалел поспешность тех, которые вооружили его против Ковалевского, а доказать ничего не могли. Очевидно, это была ошибка» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 295, л. 18 об.).



ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Е. П. ПЕЧАТКИНА

(Невскій Проспектъ, № 42) продаются слѣдующія книги):

Искандеръ. Кто виноватъ? Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

Чернышевскій. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Ц. 50 к.

» Эстетическія отношенія искуства къ дѣйствительности. Ц. 75 к.

Жоржъ-Зандъ. Пьерръ Гютенень. Ром. въ 2-хъ ч. и **Викторъ Гюго**: Послѣдній день приговореннаго къ смерти. Ц. 1 р. 50 к.

Вертеръ. Опытъ монографіи съ переводомъ романа Гёте «Страданія молодаго Вертера». Ц. 2 р.

Стебницкаго. Обойденные. Ром. въ 3-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Шекспиръ. Сочиненія. 2 т. Ц. 7 р.

Зиновьевъ. Сцены и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Пересылку книгъ (кромѣ казенныхъ и выходящихъ выпусками) магазинъ, при требованіи не менѣе какъ на 1 р., принимаетъ на свой счетъ. 433.

ОБЪЯВЛЕНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА Е. П. ПЕЧАТКИНА О ПОСТУПЛЕНИИ В ПРОДАЖУ РОМАНА «КТО ВИНОВАТ?» С УКАЗАНИЕМ АВТОРА КНИГИ—«ИСКАНДЕР»

«Голос» от 4 марта 1866 г.

Из всего содержания настоящей публикации ясно, что В. О. Ковалевский — искренний и горячий участник революционного движения 1861—1863 гг. — стал жертвой провокационной клеветы; что лица, распространявшие слухи о причастности Ковалевского к III Отделению, не имели на то ни малейших оснований; что Герцен никогда не подозревал Ковалевского в шпионстве и очень жалел, что явился случайно «на дороге» клеветнических слухов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАРЛ ФОГТ — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Франкфурт. 22 февраля 1866 г.

Дорогой друг!

Только сегодня могу писать. Я метался, словно дикий зверь, между Франкфуртом, Оффенбахом и Майнцем и до сих пор не имел ни минуты покоя.

Вы, должно быть, получили вариант, предложенный г. О.

При сем проект о возвра́те имущества, который он должен подписать за Натали. Сделайте свои замечания и возвратите мне его *с обратной почтой*.

Мои публичные лекции проходят превосходно. Зал всюду переполнен, всюду приходится отказывать слушателям, а публика не только слушает, но замирает от восхищения.

Я получил здесь письмо от Ковалевского, в нем есть касающаяся вас фраза, которую я переписываю дословно.

«Будьте любезны передать другу Герцену, что при издании его романа я опасался конфискации и не решился поэтому выпустить большой тираж, — я напечатал только 2200 экземпляров и, за вычетом всякого рода издержек, я остаюсь ему должен за эту первую книгу 600 рублей, которые и буду высылать ему по мере распродажи книги».

Мой привет и крепкое shake-hands* m-lle Натали. Ecco tutto **.

Проект — прилагается на отдельном листе.

Преданный вам

К. Фогт

Мои наилучшие пожелания Огареву.

---

* рукопожатие (англ.).

** Вот и всё (итал.).

Д. Е. КОЖАНЧИКОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Деятельность Дмитрия Ефимовича *Кожанчикова* (ум. в 1877 г.) как издателя и книготорговца началась в Петербурге во второй половине пятидесятых годов. Кожанчиков был, по характеристике Григория Захаровича Елисеева, «человек, понимающий торговое дело, осторожный, одаренный (...) ловкостию найти всюду нужные входы и выходы и уменьем не упустить своего интереса там, где он сколько-нибудь наклевывается» («Отеч. записки», 1876, № 3, «Внутреннее обозрение», стр. 141). Издательская деятельность Кожанчикова имела оппозиционно-просветительское направление. Им были изданы «Кобзарь» Шевченко, сочинения Марко Вовчка, А. Н. Островского, «Записки» Жихарева и др. Это привлекало к нему симпатии демократических кругов русского общества. По словам Елисеева, Кожанчиков «пользовался не только сочувствием всей образованной публики новых воззрений, но около него группировалась почти вся либеральная пресса его времени» (там же).

Публикуемое письмо Кожанчикова (так же как и печатаемые в настоящем томе письма В. А. Скалона и В. О. Ковалевского) связано с попыткой легального переиздания в России ранних сочинений Герцена. Ответное письмо Герцена не сохранилось, но, судя по тому, что Герцен охотно соглашался на аналогичные предложения других русских издателей, можно думать, что он не ответил Кожанчикову отказом.

Как сообщает в публикуемом письме Кожанчиков, он сумел предварительно заручиться поддержкой «либерального» министра народного просвещения А. В. Головнина. Задуманное им издание, однако, не осуществилось; оно оказалось невозможным, так как совпало с резким переломом правительственной политики в сторону реакции. Летом и осенью 1862 г. на демократический лагерь обрушились репрессии. Ими был задет и Кожанчиков. Вдобавок, в ноябре 1862 г. он был привлечен к дознанию по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами» и отдан под надзор полиции.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 130).

(Петербург. 12 апреля 1862 г.)

Милостивый государь
Александр Иванович!

Мне Головнин дал слово хлопотать о пропуске следующих ваших сочинений: 1. «Кто виноват?». 2. «Записки доктора Крупова». 3. «Сорокаворовка». 4. «Записки Ведрова». 5. «Записки молодого человека». 6. «Письма об изучении природы» и 7. «Письма из Франции». Разумеется, я издам их только тогда, когда их не испортит цензура и когда буду иметь дозволение от вас на право издания. Сначала думаю напечатать 5000 экз. и потом, если потребует публика, еще другое издание. Теперь дело остается за вами, то есть я должен получить от вас письменное согласие на право издания и на каких условиях. Письмо можете, я думаю, прислать по почте, потому что у меня есть полуофициальная записка от Головнина.

Душевно желаю вам всего лучшего.

Остаюсь искренно уважающий вас
Д. Кожанчиков

12 апреля 1862 г.

А. А. КРИЛЬ — ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой и Я. З. Черняка

Автор публикуемых писем — Александр Александрович *Криль* (1843—1908) — один из участников русского революционного движения второй половины XIX века.

Биография его известна лишь в самых общих чертах. Свою политическую деятельность Криль начал еще студентом Московского университета. В 1866 г. он привлекался следственной комиссией, образованной в Москве после выстрела Каракозова, к дознанию по делу одной из полулегальных студенческих организаций — «Общества взаимного вспомоществования» или, иначе, «Общества переводчиков и переводчиц» (был кассиром этого общества). В начале семидесятых годов жил в Швейцарии, где сблизился с Лавровым. По возвращении в Россию был, в 1872 г., арестован. С 1876 г. служил в управлении Уральской железной дороги в Екатеринбурге и в Перми. Принимал участие в «Красном кресте Народной воли», по делу которой был вторично арестован в 1881 г. Его приговорили к высылке в Западную Сибирь на пять лет, но этот приговор был отменен, и Криль был оставлен в Перми под гласным надзором. С 1892 по 1900 г. Криль служил в Москве, занимался литературной деятельностью, затем жил в Иркутске и входил в иркутскую группу партии эсеров.

Публикуемые письма относятся к начальному этапу политической деятельности Криля — к 1867—1868 гг.

Судя по содержанию писем, Криль в это время являлся участником революционного кружка, связанного с русскими эмигрантами и в особенности с Огаревым. Связь эта шла по двум основным линиям: группа, от имени которой выступал Криль, обязалась доставлять из России корреспонденцию для «Колокола» и доставлять «Колокол» в Россию; с другой стороны, Огарев обещал содействовать практической деятельности группы, обеспечив ей материальную поддержку со стороны лиц, связанных с русским революционным движением. Письмо, вернее — записка Криля, относящаяся к декабрю 1867 г., непосредственно связана с возобновлением «Колокола», который, как известно, перестал издаваться 1 июля 1867 г., а с 1 января 1868 г. начал выходить на французском языке с русскими прибавлениями. Два главных вопроса стояли в это время перед редакцией: как наладить получение корреспонденций из России и как транспортировать «Колокол» в Россию. В письме к Герцену от 1 января 1868 г. Огарев писал по поводу публикуемой записки: «...Но мне еще остается выписать тебе из письма (прося немедленного ответа) следующее: „Корреспондентов имеется... * Имеется в виду приобрести еще большее количество... ** Интересно было бы знать ‹...›“» — далее процитирован текст публикуемого документа до слов «присылать вам статьи беллетристического содержания» включительно. Сделав указанную выписку, Огарев прибавил: «На это, пожалуйста, ответь поскорее. Я из этого не понимаю, нужна ли какая плата. Обо всем напиши аккуратно» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 483—484). Тотчас по получении письма Огарева (4 января 1868 г.) Герцен отвечал согласием на предложе-

---

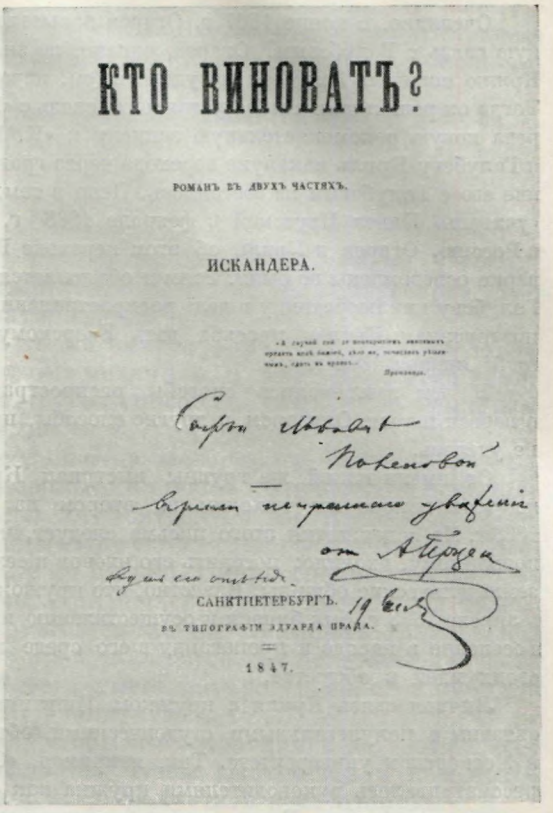
* Французская почтовая цензура нередко доставляла русским агентам данные, добытые при перлюстрации; поэтому Огарев из осторожности опустил окончание фразы: «трое, два в Петербурге, один в Ковно».

** По тем же причинам Огарев опустил слова: «в разных концах».

РОМАН ГЕРЦЕНА «КТО ВИНОВАТ?». ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА С. Л. ПОЛЕНОВОЙ, 1847 г.:

«Софье Львовне Поленовой в знак искреннего уважения от А. Герцена в день его отъезда. 19 янв.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



КТО ВИНОВАТЪ?

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИСКАНДЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1847.

ние Криля. Герцен писал: «О корреспонденциях, разумеется, отвечать надобно положительно: да, можно сделать отдел; да, но нужно полное единство. Программы я не понимаю ⟨т. е. просьбы, содержащейся в записке, сообщить «нечто вроде программы»⟩. Литературным произведениям места нет в „Колок⟨оле⟩“, но есть же замечательные вещи, не идущие ни под какой ранжир. Корресп⟨онденции⟩ хотят помещать во франц⟨узском издании „Колокола“⟩ или русском ⟨прибавлении⟩?» (XX, 129). Далее следовал ответ на вопрос Огарева об условиях оплаты и пр.

В том же письме Герцен, однако, выражал сомнение в успехе возобновляемого издания. «Мне все кажется, — писал он, — что при всех усилиях „Колок⟨ол⟩“ ни фр⟨анцузский⟩, ни русский не пойдут» (там же).

Первое из публикуемых писем Криля и характеризует эти усилия редакции восстановить связи «Колокола» с русскими читателями. В записке содержатся данные по этому вопросу. Как видно из текста, Огарев предполагал наладить транспорт возобновляемого «Колокола» и распространение его в России через некоего К. Г., жившего в Восточной Пруссии, в Иоганнесбурге. Расшифровать инициалы К. Г. можно вполне точно. Это — Константин Голубев (или Голубов), ученик старообрядческого деятеля Павла Прусского, сотрудник и наборщик журнала «Истина», издававшегося в Иоганнесбурге в типографии Гонсеровского. Типография обслуживала старообрядческий монастырь, во главе которого стоял Павел Прусский. Связь с Павлом Прусским и Константином Голубевым наладил весной 1862 г. В. И. Кельсиев во время своей нелегальной поездки в Россию. После отъезда Кельсиева в Константинополь (осенью 1862 г.) сношения с Голубевым поддерживал Огарев. Доказательством этому служат полемические письма Голубева против «Частных писем об общем вопросе» Огарева, напечатанные в журнале «Истина» в 1867 г. Здесь Голубев, выступая против материалистических и республиканско-социалистических тенденций «Колокола», в то же время прямо ссылался на свои дружелюбные отношения с Огаревым («Истина», 1867, № 4).

Очевидно, в конце 1867 г. Огарев попытался через Криля восстановить утраченную связь с Голубевым. Огарев, однако, не знал точного адреса Голубева, и потому Крилю повидать Голубева не удалось (см. начало первого публикуемого документа). Тогда он решил попытаться установить связь с «К. Г.» другим путем и попросил у Огарева новую рекомендательную записку к «К. Г.», так как прежнее письмо Огарева к Голубеву Криль накануне перехода через границу сжег. Однако и на этот раз свидание его с Голубевым не состоялось. Дело в том, что Голубев еще летом 1867 г., а его «учитель» Павел Прусский в феврале 1868 г. приняли единоверие и возвратились в Россию. Огарев и Криль об этом переходе Голубева из старообрядчества в единоверие осведомлены не были. Этим и объясняется самая попытка Огарева обратиться к Голубеву как посреднику в деле распространения «Колокола» в России, а также вновь повторенная Крилем просьба дать Езерскому «записочку» к Голубеву в письме от 31 января 1868 г.

В чем заключались способы распространения, предложенные упоминаемым в первом письме Олизаром, и другие способы, проектировавшиеся Крилем, установить не удалось.

От имени какой же группы выступал Криль? Некоторые данные для ответа на этот вопрос мы находим во втором из публикуемых писем — от 31 января 1868 г. Из содержания этого письма следует, что в программу деятельности кружка, повидимому, входило: поселить его членов в сельских местностях и организовать там земледельческие общины. Известно, что кружок ишутинцев накануне своего разгрома в апреле 1868 г. был близок к осуществлению именно такой программы, рассматривая поселение в народе и пропаганду в его среде как главный способ распространения своих идей в обществе.

Личная связь Криля с кружком Ишутина несомненна. Ишутинцы были тесно связаны с полулегальными студенческими объединениями, существовавшими тогда в Московском университете. Так, например, «Общество переводчиков и переводчиц» рассматривалось руководителями кружка как основной резерв для вербовки членов в свою организацию. Криль, кассир студенческого объединения, т. е. одно из наиболее доверенных лиц, имел, конечно, непосредственный контакт с ишутинцами. Несмотря на многочисленные аресты и жесточайший террор, последовавший за выстрелом Караковова, подпольная революционная работа продолжалась. Организовались новые группы, вновь собирались участники прежних студенческих организаций, уцелевшие во время террора или уже освободившиеся из-под ареста. В Петербурге возник кружок, ядро которого составляли лица, привлекавшиеся по каракозовскому процессу,— Воскресенский, Сергеевский, Полумордвинов, — кружок, известный под названием «Сморгонской академии». Он постепенно сделался центром, группировавшим вокруг себя весьма многих представителей тогдашней революционной молодежи в Петербурге. Повидимому, и связи Криля восходят к этому кружку; упоминание в письме Криля к Огареву фамилий Черкесова и Езерского подкрепляет наше предположение, что товарищами его были петербуржцы. Оба названных лица — деятели петербургского революционного движения.

Письмо Криля от 31 января 1868 г. содержит ценные подробности о расстановке сил в революционной среде, наметившейся в ту пору, когда кружок Ишутина был разгромлен и началось «нечаевское движение». Политическая группировка, от имени которой выступает Криль в своем письме к Огареву, придерживалась, по всей вероятности, той же программы революционной деятельности, что и кружок ишутинцев накануне разгрома. Публикуемое письмо дает представление о характере оппозиции, которую встретил Нечаев в среде петербургского студенчества зимой 1868—1869 гг., и свидетельствует о том, что приблизительно за год до появления Нечаева в Петербурге там существовала революционная политическая группировка, придерживавшаяся совершенно иной тактики и методов борьбы с царизмом. Исследование этого вопроса, в частности выяснение связи кружка с украинским революционным движением того времени, представляет большой интерес. Не только письмо Криля, но и тот факт, что одновременно с «Обществом переводчиков и переводчиц» в университете действовала «малороссийская община», возглавлявшаяся Ф. В. Волховским, дают

нам основания предположить наличие этой связи. Письма Криля являются также ценным материалом для изучения взаимоотношений Огарева с революционными элементами внутри страны.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 128 и 154).

1

(Декабрь 1867 г.) [1]

Жаль, что вы не знали точного адреса. Доехав до Эйдкунена, я узнал, что Иоганнесбург находится в шестнадцати милях от Кенигсберга, так что съездить туда не мог—не хватило денег.

Олизар нашел средства для доставки книг и т. п. через Польшу (т. е. царство), рассказал мне, в чем состоит механизм, и, насколько я его понимаю, он должен играть. Это—уже другой способ, не тот, об котором я вам говорил; тот способ остается сам по себе.

Корреспондентов имеется трое: два—в Петербурге, один—в Ковно. Имеется в виду приобрести еще довольно большое количество и в разных концах. Интересно было бы знать, согласитесь ли вы отделить в своем журнале часть, специально предназначенную для корреспонденций. Дело понятное, что во 1) тождественности во взглядах корреспондентов быть не может, строгий подбор невозможен. Конечно, в случае несогласия редакции с мнениями корреспондента нужны оговорки. 2) Видеть факты в том освещении, в каком они нам здесь представляются, вы не можете, и часто вы почти не можете знать, какой факт имеет распространение в публике и как выгодно бы было осветить его в данную минуту.

На этом основании, кроме того, чтобы вы согласились дать отдел для корреспонденций, желательно было бы, чтобы вы сообщили нам нечто вроде программы, что именно вы можете допустить к печатанию.

Мы думаем, что возможно будет, кроме публицистических статей, присылать вам статьи беллетристического содержания

Письмо ваше я сжег. Надеюсь, что, может быть, месяца через два поедет за границу один мой приятель. Он бы мог заехать в Иоганнесбург. В таком случае очень бы любопытно было иметь от вас записочку к К. Г. [2] Если она понадобится, я вам сообщу, каким образом ее переслать; думаю, что вы не откажете снабдить нас таковою.

[1] Публикуемый текст — конспиративная записка, пересланная автором через посредство третьих лиц из России в Женеву. Ни дата, ни подпись, ни адрес на ней не обозначены. Точную дату установить затруднительно. Получена записка была Огаревым в Женеве накануне 1 января 1868 г.; мы останавливаемся поэтому на приблизительной дате: «декабрь 1867 г.». Кто был ее автором, мы установили, сличив почерк с почерком других документов, написанных рукою Криля (см. следующее письмо).

[2] Справку о «К. Г.» см. выше, на стр. 276.

2

31 января 68 г. *

Два раза писал я вам, что у нас есть в виду одна компания, которая способна и желает заняться устройством земледельческой общины, но до сих пор не имею от вас никакого ответа. Я начинаю подозревать, что письма эти затерялись. Приходится объяснять все снова.

В Чернигове есть одна компания, которая года два уже носится с мыслью об устройстве земледельческой общины. Дело задерживается недостатком денег. Достать им неоткуда. Но желание у них так сильно, что несчаст-

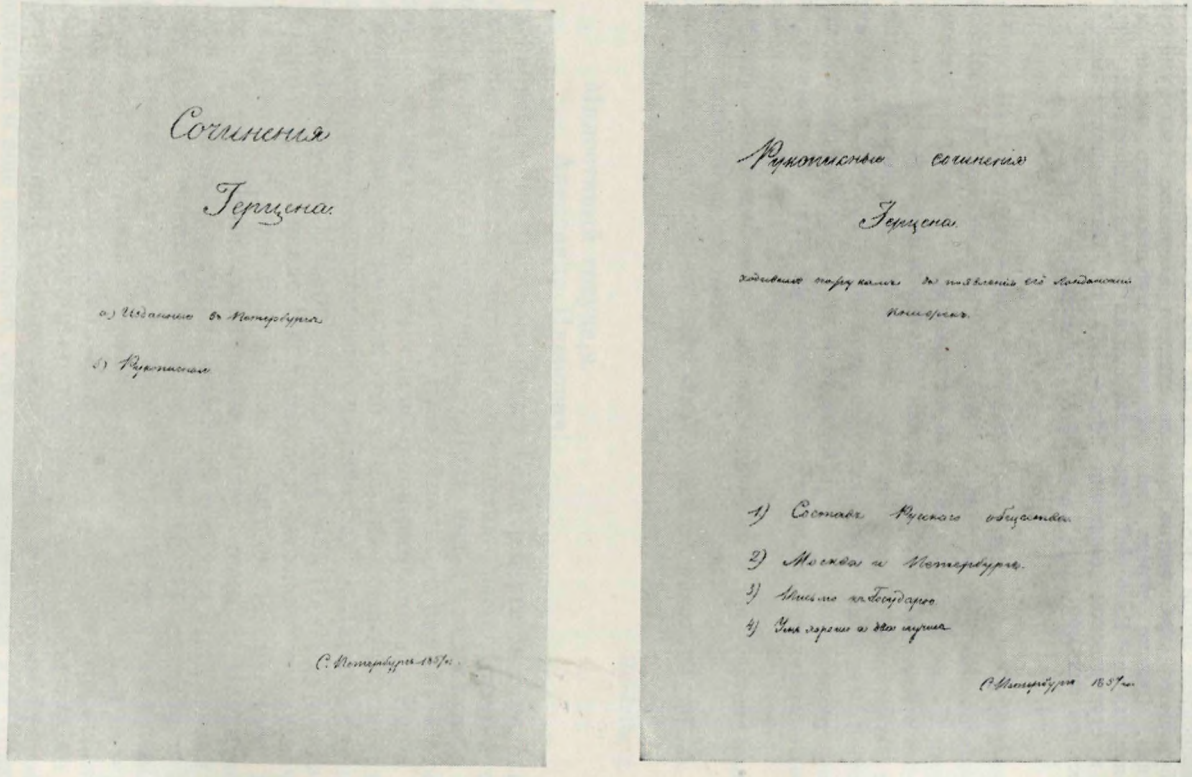
* *Под датой подписано неустановленным почерком, карандашом*: Планы народников.

ной 1000 р., которая у них наберется, они все-таки хотят начать что-нибудь. Их было вначале пятеро, но двое из них пристроились к другому делу. Осталось, следовательно, трое. Немного. Они находят какую-то возможность заняться устройством земледельческой общины в одной из малороссийских губерний и желают начать это дело весною. Интереснее было бы гораздо, если бы они поселились где-нибудь в Поволжье или вообще в великорусских губерниях; интересно было бы вообще в смысле надежды на большую успешность пропаганды, да, кроме того, к ним бы тогда примкнул от нас кто-нибудь. Один—это дело решенное, кроме того, есть еще в виду трое, но с ними это еще не кончено; один из этих трех, может быть, займется другим делом, если некому будет его заменить, но есть надежда, что заменить его будет можно, а если он пойдет, то с ним пойдет еще один его приятель; об четвертом же ничего положительно сказать нельзя, он пропадает неизвестно где, но как только появится на нашем горизонте, то мы его атакуем, он согласится наверное. Вот все, что можно сказать о количестве людей. Если все они соберутся, то в совокупности у них наберется тысяч до трех денег. Все-таки ж этого мало. Мы могли бы приискать денег, если бы не весна близко, времени мало; если же до весны мы не дадим черниговцам никакой помощи, то они для нас будут потеряны, уйдя в Малороссию и заведясь там хозяйством; их уже трудно будет оттуда, с заведенного хозяйства, стащить, да и не будут же они там совсем бесполезны. Попридержаться же этой компании было бы очень хорошо, народ хороший. Дело за деньгами. Мы говорили с вами, что можно было бы обратиться в этом случае к Черкесову [1], но нам это неудобно, во-первых, потому, что он мало нас знает, а во-вторых, потому, что, судя по его словам, он находится теперь в затруднительных обстоятельствах. Если бы даже у него были теперь деньги или возможность как-нибудь, через знакомство, что ли, помочь этому делу, то было бы гораздо удобнее, если бы возможно было явиться к нему от вашего имени. Да, кроме того, вероятно, знакомство ваше не ограничивается одним Черкесовым; если бы вы могли направить нас к кому-нибудь, это было бы очень хорошо. Я не знаю, может быть вы и получили мои письма, но не хотели отвечать, боясь устраивать это дело письменным путем. В таком случае, вот что может помочь этому делу. Теперь находится в Цюрихе (если не уехал уже) некто Езерский [2]. Пошлите ему poste restante записку, т. е. осведомьтесь таким образом, там ли он и может ли приехать к вам для того, чтобы переговорить об этом деле. Прилагаемое здесь письмо пошлите ему, если ему невозможно будет приехать самому. Если же его нет в Цюрихе, то прилагаемое здесь письмо распечатайте и прочтите сами; в нем вы найдете кое-какие подробности, которые я не успел написать вам—времени решительно нет, тороплюсь писать. Если у вас есть в виду кто-нибудь, к кому бы вы могли нас направить, то снабдите Езерского нужными инструкциями, письмо, что ли, дадите ему рекомендательное для передачи нам или найдете другой какой-нибудь способ удобнейшим для этого случая, это вам знать лучше.

Езерский в Цюрихе с больным братом, с ним же поедет назад в Россию; но если он поедет один или вообще возьмется заехать на границе к К. Г., то дайте ему к К. Г. записочку. Вы же писали, что по моим указаниям готовы сделать что можно, препятствий же к этому я не вижу, он, может, надежнее бог знает кого.

Что касается до корреспонденций, скажу вам, что двигается это дело немножко тихо, впрочем, чтобы оно двигалось скоро и ожидать было нельзя. Насчет программы — вот что: на днях мы пришлем вам письмо, объясняющее наш взгляд на это дело.

А. Криль



АЛЬБОМ ПЕЧАТНЫХ ОТТИСКОВ И РУКОПИСНЫХ СПИСКОВ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА, 1857 г.

Титульный лист альбома и оглавление рукописной части

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

[1] Александр Александрович *Черкесов* (1839—1908)—деятель революционного движения шестидесятых годов, друг А. А. Серно-Соловьевича; в 1862—1865 гг. он находился в эмиграции в Женеве. Возвращаясь в Россию, Черкесов был арестован на границе, но вскоре освобожден. В 1867 г. он получил разрешение открыть в Петербурге книжный магазин и библиотеку, принадлежавшие ранее Н. А. Серно-Соловьевичу, и продолжал поддерживать отношения с революционной молодежью.

[2] Степан Венедиктович *Езерский*— участник студенческого движения в Петербургском университете зимой 1868/69 г. До сих пор считалось, что антинечаевское крыло петербургского студенчества, возглавлявшееся Езерским, было умеренным, «академическим». Однако теперь, на основании публикуемого письма можно считать вероятным, что Езерский был тесно связан с революционными кругами и роль его в студенческом движении 1868—1869 гг. была значительнее, чем предполагалось до сих пор.

Л. И. ЛАВРЕНТЬЕВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация А. М. Долотовой

Леонид Иванович *Лаврентьев* (1835—1914) — член русской студенческой колонии в Гейдельберге в шестидесятых годах. Он был одним из участников подписки в пользу нуждающихся студентов — эта подписка была своеобразной формой протеста против правил для студентов университета, изданных в 1861 г. Сведений о гейдельбергской поре жизни Лаврентьева сохранилось очень немного. Судя по статье, посвященной истории Гейдельбергской колонии, Лаврентьев, служивший впоследствии в Министерстве народного просвещения и ставший «реакционным попечителем в Томске», уже в студенческие годы «держался консервативных взглядов» («Новый журнал для всех», 1912, № 12, стр. 73).

Публикуемое письмо имеет прямое отношение к упомянутой выше подписке в пользу нуждающихся студентов.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 88).

Heidelberg. 6 июня 62

Милостивый государь
Александр Иванович!

В декабре месяце прошлого года в Гейдельберге составилась подписка в пользу тех студентов, которые, вследствие распоряжений тогдашнего министра народного просвещения г. Путятина, за недостатком средств не могли вступить в университет [1]. Намерение было разослать эту подписку по всем заграничным городам, где обыкновенно живут русские. На сочувствие можно было положиться. Это намерение было только частью приведено в исполнение—подписка была разослана в Париж, Берлин и некоторые другие города. В Париже взял ее на себя И. С. Тургенев [2]. В Берлине было собрано около 200 талеров и отослано по назначению. Но в других городах дело шло не так успешно. Из русских, например, живущих в Висбадене, подписался только один. В Монпелье русских было всего двое-трое, и успеха большого ожидать было нельзя.

Всего более собралось денег в Гейдельберге и потом в Карлсруэ. Цель, как сказано, этого сбора была та, чтоб помочь студентам. Поэтому предполагалось отослать собранную сумму в Москву или Петербург. Но некоторые из господ подписавшихся положительно протестовали против таковой отсылки и настоятельно требовали, чтоб деньги были отосланы посредством редакции «Колокола». К этим некоторым присоединилось впоследствии и еще несколько. Эти господа требовали или отсылки денег через «Колокол» или возврата денег каждому подписавшемуся. Смотря на доставку, пересылку денег только как на средство, а не на цель, и не желая расстраивать подписку, другая половина подписавшихся уступила и согласилась на пересылку этих денег через редакцию «Колокола». На меня выпала обязанность быть исполнителем этого желания. Таким образом, деньги собраны по подписке в городах Гейдельберге, Карлсруэ, Монпелье и Висбадене в продолжение 6 месяцев, с 1 декабря 1861 по 1 июня 1862, суммою 356 fl. 32 s., что составляет на франки 764 fr., причем

и имею удовольствие к вам препроводить; всепокорнейше прошу, чтоб они были употреблены с вышеписанною целью как для московских, так и для петербургских студентов, а равно и других университетов [3].

О получении сих денег всепокорнейшие прошу вас дать знать по следующему адресу: L. Lawrentjew. Heidelberg. Poste restante.

Остаюсь готовый к услугам
Л. Лаврентьев

P. S. Многоуважаемому Александру Александровичу [4] мой усерднейший поклон.

[1] Университетские правила от 31 мая 1861 г. ввели для студентов плату за обучение, что фактически закрыло молодежи из недостаточно обеспеченных слоев общества доступ в университеты.

[2] В опубликованной переписке И. С. Тургенева мы не обнаружили подтверждения этого известия.

[3] См. заметку в «Колоколе» под названием «От редакции»: «Мы получили на днях 764 фр., назначенные нуждающимся студентам в Петербурге и Москве. Деньги эти будут доставлены. Сверх того получены нами 1000 фр. с особым назначением» («Колокол», л. 137 от 22 июня 1862 г.).

[4] С А. А. Герценом Л. И. Лаврентьев познакомился, повидимому, в декабре 1861 г., в Гейдельберге. А. А. Герцен тоже принимал участие в организации подписки; это явствует из письма Герцена от 12 июня 1862 г., в котором он спрашивает сына: «Деньги для студентов получены или обещаны?» (XV, 205).

П. Л. ЛАВРОВ — ОГАРЕВУ

Публикация Ш. М. Левина

Публикация переписки Огарева с Петром Лавровичем *Лавровым* (1823—1900) началась в тридцатых годах с небольшого сообщения в «Звеньях» (VI, 1936, стр. 389—398) *. Вслед за этим было опубликовано сорок восемь писем и записок Огарева в «Лит. наследстве» (т. 39-40, 1941, стр. 574—597).

Ниже публикуются семнадцать писем Лаврова к Огареву и стихотворение Лаврова, хранящиеся в «пражской коллекции». Письма относятся к 1873—1877 гг. Они позволяют яснее представить себе историю взаимоотношений обоих корреспондентов. Новые письма уточняют отдельные моменты деятельности Огарева в последние годы его жизни, они помогают лучше проследить, как претворялось в жизнь стремление Огарева практически приобщиться к тогдашней революционной литературе.

Как известно, народническое революционное движение семидесятых годов имело наиболее влиятельных идеологов в лице Бакунина и Лаврова, представлявших два соперничавших между собой течения. Огарев издавна был связан отношениями личной дружбы и политического сотрудничества (не исключавшего, однако, серьезных расхождений) именно с Бакуниным. С появлением Лаврова на арене эмигрантской политической деятельности Бакунин и его последователи старались помешать сближению Огарева с Лавровым.

Осенью 1874 г. Бакунин писал вернувшемуся тогда из Швейцарии в Англию Огареву: «...Нашел ли ты в Лондоне русское общество или хоть одного русского человека, с которым бы ты мог промолвить несколько искренних слов о русских делах, которые, без сомнения, теперь, как и всегда, интересуют тебя более, чем какие другие дела на свете? Правда, что в Лондоне живет Лавров со всею партиею, но когда ты узнаешь его и их всех поближе, вряд ли ты найдешь удобным вступить с ним в искренние отношения» («Письма Мих. Ал. Бакунина к Ал. Ив. Герцену и Н. Пл. Огареву». Женева, 1896, стр. 347).

Предупреждение Бакунина произвело на Огарева в первый момент сильное впечатление. В ответном письме, датированном 21 ноября 1874 г., Огарев писал Бакунину: «Твоя заметка о Лаврове с компанией меня очень заинтересовала, а на переселение к Лондону запугала» («Записки Отдела рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII. М., 1951, стр. 172). Дело сложилось, однако, совсем не так, как предсказывал Бакунин. Огарев вступил с Лавровым в довольно тесные и, разумеется, искренние отношения, причем именно живая, кровная патриотическая заинтересованность в «русских делах» прежде всего толкала его к установлению таких отношений.

Когда Лавров и его группа, перебравшись из Парижа в Лондон, наладили здесь (с февраля—марта 1875 г.) издание двухнедельного обозрения «Вперед!», когда вскоре после того Лавров впервые посетил Огарева, Огарев, по собственному признанию, почувствовал «надежды на деятельность» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 576), т. е. на возобновление своего практического служения делу русской революции. 28 мая

---

* Впрочем, в первом томе «Стихотворений» Огарева, издания 1904 г. (изд. Сабашниковых, под ред. М. Гершензона), было уже опубликовано одно письмо Огарева к Лаврову от 29—30 ноября 1876 г.

1875 г. Огарев писал Лаврову по поводу его органа «Вперед!»: «...насколько понадобится и хватит сил, приму в нем деятельное участие, а мне необходимо участие в журнале, иначе существование становится тяжело. Недеятельность сбивает с толку» (там же, стр. 578).

Сохранившийся материал не дает вполне исчерпывающего ответа на вопрос об отношении Огарева к идейным позициям лавровского органа. Нет сомнения, что Огарева сближали с журналом и его руководителем революционная ненависть к царизму, преданность трудовой крестьянской массе и стремление к служению ей, борьба за ее интересы. В черновике стихотворного новогоднего приветствия журналу Огарев, желая успеха ему, призывал «Вперед!» идти с народом «к делу братства и свободы» («Звенья», VI, 1936, стр. 395).

Нет оснований сомневаться и в том, что общая приверженность к утопическим идеалам крестьянского, общинного «социализма», одним из основоположников которого являлся сам Огарев, создавала также почву для сотрудничества между Огаревым и Лавровым.

Но в нашем распоряжении недостает материала для сколько-нибудь определенных выводов об отношении Огарева к особенностям, тем более к частностям платформы «Вперед!» как органа определенного направления, несмотря даже на то, что по разным поводам Огарев выражал Лаврову согласие «во всем» (см., например, отклик Огарева на передовую статью Лаврова в № 42 журнала «Вперед!»—«Лит. наследство», т. 39-40, стр. 596). Бросается в глаза, что в своих отзывах о выходящих номерах журнала Огарев чаще всего делал упор на помещаемый в нем богатый информационный материал о русском революционном движении и вообще о положении в России. Однажды Огарев и прямо писал, что читает «Вперед!» с «большим удовольствием», так как находит в нем «больше необходимых фактов, чем многосложного красноречия» (там же, стр. 576). Не говорим уж о весьма критическом отзыве о «Вперед!» (еще непериодическом сборнике, предшествовавшем двухнедельнику), связанном с оценкой полемики между Ткачевым и Лавровым; осуждая брошюру Ткачева, Огарев одновременно заявлял: «Так же, и, может, еще более, не могу согласиться с журналом „Вперед!“, который годится только назад» («Записки отдела рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII. М., 1951, стр. 169). Это писалось еще в 1874 г., и Огарев впоследствии свое мнение, несомненно, изменил.

В своем предисловии к публикации писем Огарева к Лаврову («Лит. наследство», т. 39-40, 1941) Ю. Красовский отмечал роль Огарева как «друга» и, в какой-то степени, «вдохновителя» лавровского «Вперед!» (стр. 575). Трудно, однако, согласиться со второй частью этого положения. Питая всегда большое уважение к Герцену и Огареву, Лавров, конечно, не мог не дорожить проявлениями интереса и сочувствия к своей деятельности со стороны выдающегося революционера и демократа, не мог не ценить постоянного стремления Огарева оказать помощь и поддержку журналу «Вперед!».

О чувстве благодарности к Огареву говорят и печатаемые нами письма Лаврова. Весьма понятно, что Лавров интересовался мнением Огарева о своих статьях, посвященных женевскому изданию сочинений Герцена, о своей полемике с Вырубовым. Но мы не видим оснований говорить о каком-либо руководстве (в смысле хотя бы вдохновляющего влияния) лавровским журналом со стороны Огарева.

В характеристику Лаврова его письма к Огареву не вносят существенно новых штрихов, хотя в них содержатся ценные подробности, касающиеся его деятельности в лондонский период. Этими письмами, между прочим, подчеркивается значение, какое в глазах Лаврова имела его полемика с Вырубовым. Тем более странным остается тот факт, что Лавров не захотел или не смог довести до конца серию своих статей, посвященных Герцену (не исключено, что редакция признала нецелесообразным отводить столько места в журнале этой теме, имевшей, между тем, по существу своему очень большое идейное значение).

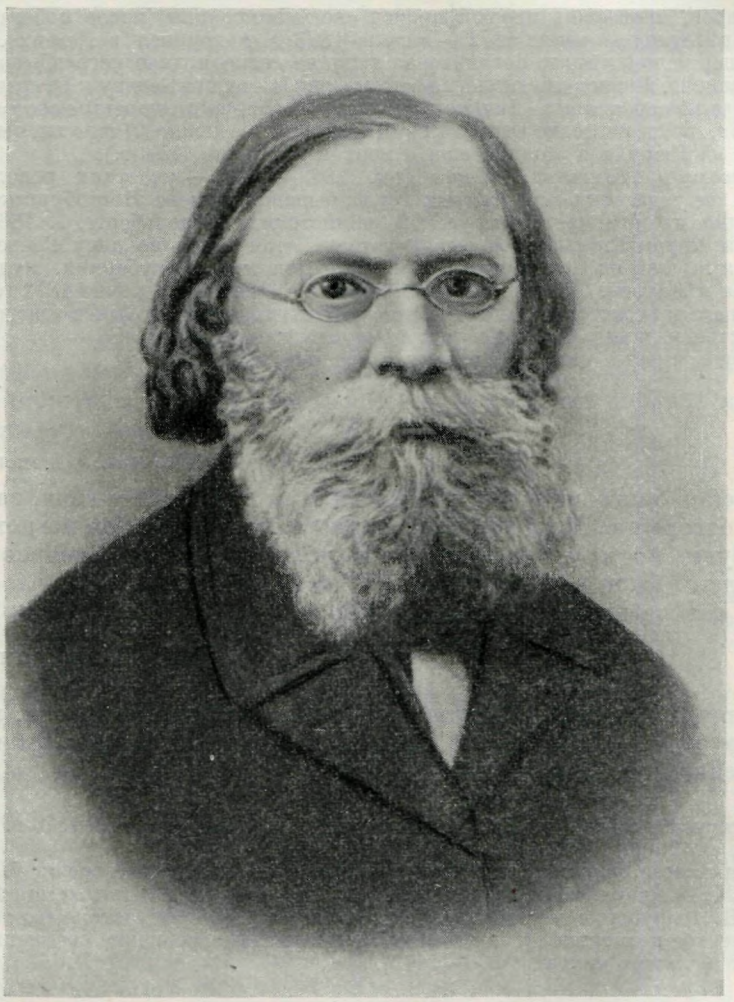
Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 155).

1

‹Цюрих.› 1 февраля 1873 г.

Многоуважаемый Николай Платонович!

Очень хотелось мне побывать в Женеве, лично познакомиться с вами и переговорить о многом, но обстоятельства не позволили мне до сих пор сделать это [1].



П. Л. ЛАВРОВ
Фотография, 1870-е гг.
Исторический музей, Москва

Рекомендую вам моего молодого друга, Александра Логиновича Линева, который делил со мною во время оно мою жизнь ссыльного в далекой Тотьме, а теперь помогает мне в моих работах и предприятиях в Цюрихе [2]. Он вам расскажет на словах лучше, чем я могу передать письменно, что мы здесь затеваем [3] и каково наше отношение к различным группам лиц в России и за границею. Ваш совет, как друга и товарища Александра Ивановича, для нас дорог, и я надеюсь, что вы не откажете нам в вашем

содействии. Кроме того, мне говорили, что у вас есть полный экземпляр «Колокола», который был бы очень нужен и полезен здесь. И об этом поговорит с вами Александр Логинович. Не теряю надежды еще увидеться с вами позже, когда я вернусь в Швейцарию; пока я жму вам руку заочно, как одному из тех, которые первые пробивали путь свободной русской мысли в заграничной прессе

Петр Лавров

[1] Лавров, проведший первый период своей эмиграции (после побега из ссылки в 1870 г.) в Париже, в конце 1872 — начале 1873 г. находился в Цюрихе, куда затем и совсем переселился и где организовал издание «непериодического обозрения» «Вперед!». Очевидно, Лавров предполагал заехать из Цюриха в Женеву к Огареву, но намерения этого не осуществил. Личное знакомство Лаврова с Огаревым состоялось лишь в мае 1875 г., после переезда Огарева из Швейцарии в Англию (Лавров перенес издание «Вперед!» из Цюриха в Лондон еще в первой половине 1874 г.).

[2] *Александр Логинович Линев* (ок. 1843—1918) — участник революционного движения шестидесятых-семидесятых годов, бывший студент Петербургского университета, один из организаторов русской библиотеки в Гейдельберге. В 1866 г., после покушения Каракозова, Линев был арестован, привлечен по делу Гейдельбергской читальни и выслан из Петербурга в г. Тотьму Вологодской губернии, куда тогда же был сослан и Лавров. Лавров снова встретился с Линевым в конце 1872 г. в Цюрихе и привлек его к подготовке издания «Вперед!». В дальнейшем Линев заведовал технической частью издания «Вперед!» как в Цюрихе, так и в Лондоне.

[3] Лавров имеет в виду подготовку к изданию «Вперед!».

2

⟨Лондон.⟩ Вторник. ⟨18 мая 1875 г.⟩ [1]

Искренне благодарю вас, любезный Николай Платонович, за присланное стихотворение. Я надеюсь его поместить в следующем же номере, если только будет место [2]. Надеюсь, что вы получили *девять* номеров «Вперед». Они посланы были в субботу ранее 5 часов, и я удивляюсь, что не дошли до вас в тот же день. Жму вам крепко руку и желаю здоровья.

П. Лавров

Сочинения Александра Ивановича действительно издаются, как писал мне Вырубов [3]. Первый том скоро выйдет. Дело идет чрез книгопродавца женевского Жоржа или Георга.

[1] Датируется по связи с письмом Огарева к Лаврову от 16 мая 1875 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 576).

[2] Огарев послал Лаврову стихотворение «Свидание». Стихотворение было опубликовано в № 10 «двухнедельного обозрения» «Вперед!» от 1 июня/20 мая 1875 г.

[3] Г. Н. Вырубов, о котором см. выше, на стр. 55—60 настоящего тома, редактировал первое посмертное (так называемое «женевское») собрание сочинений Герцена, в десяти небольших книгах (1875—1879).

3

31 мая 1875 г.
3. Evershot road
Tollington park, Halloway London N.

Многоуважаемый Николай Платонович!

Пишу вам с новой квартиры, на которую вчера переехал, и нахожусь в самом страшном сумбуре укладки книг, разбора бумаг и т. под. Если вам трудно выехать из Гринвича, то не беспокойтесь же за меня. Я у вас думаю быть на днях и, может быть, привезу к вам познакомиться кого-нибудь из нашей русской колонии, которые, правда, очень заняты, но им очень приятно будет познакомиться с вами.

Благодарю вас за присылки, которые, конечно, удобны более для журнала, чем для газеты[1], и жму вам руку от всей души.

П. Лавров

Адрес моей новой квартиры в начале письма.

Благосветлов все редижирует «Дело» и считается радикальным редактором [2].

[1] Огарев послал Лаврову «маленькие стихи», но какие именно — неизвестно («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 578).

[2] В письме от 28 мая 1875 г. Огарев спрашивал Лаврова, «где находится Благосветлов и в каком он отношении в нашей отчизне», т. е. какова его политическая позиция (там же).

4

‹Лондон.› Понедельник. 27 июня ‹1875 г.›

Многоуважаемый Николай Платонович, я хотел непременно быть у вас сегодня, чтобы лично поблагодарить за ваш портрет, присылка которого для меня очень дорога. Но сейчас получил письмо, заставляющее меня остаться дома сегодня и, может быть, завтра, так как я жду приезда в Лондон приятеля. При первой возможности явлюсь пожать вам руку и поблагодарить вас.

П. Лавров

5

1 июля 1875 [1]
3, Evershot road
Tollington park

Любезный Николай Платонович,

Я все думал, что увижу вас, и потому не писал вам. Получил вашу статейку и постараюсь ее поместить в одном из ближайших номеров [2]. Не могу писать много, потому что пишу лежа, вследствие небольшой случайности. Жму вам руку.

П. Лавров

[1] Ответную записку Огарева от того же числа см. в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 580.

[2] О какой статье Огарева идет речь, не установлено.

6

‹Лондон.› Среда ‹4 августа 1875 г.› [1]

Дорогой Николай Платонович,

Извините меня, что я не всегда могу тотчас ответить на ваши письма, но очень был занят это время. По крайней мере тороплюсь ответить на два последние. Осуждены на десять лет каторги студент Дьяков, на девять лет—мещане Герасимов и Александров, на шесть лет—студент Сиряков, на двадцать один месяц заключения в военно-строительные роты—два солдата Московского полка, Зайцев (сапожник) и Янсон (состоящий при госпитале); на десять и шесть дней заключения—два студента Медицинской академии [2]. Дьяков и Сиряков не отрицали, что они имели в виду социальную революцию, отказались от ответов на судебном следствии и от

ИЛЛЮСТРАЦИЯ, ПОМЕЩЕННАЯ В ГАЗЕТЕ «РАБОТНИК» № 14-15, ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1876 г., ЖЕНЕВА

Рисунок к рассказу А. И. Иванчина-Писарева «Раек»

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

защитников. Судя по обвинительному акту и по допросу свидетелей (прений я еще не читал), пропаганда между работниками на фабриках и между нижними чинами гвардии шла весьма усердно и довольно удачно. Для пропаганды преимущественно служили книги: «Хитрая механика» (наше издание), «Сказка о четырех братьях», книжка о Пугачеве, книжка и выписки из статей о самарском голоде (наше издание) и некоторые другие[3]. В первый раз, как буду у вас, я, вероятно, буду иметь возможность привезти вам все, что будет напечатано о процессе.

Ваше последнее стихотворение мне очень понравилось, и я нахожу его наиболее удачным из того, что вы мне сообщали. Но не знаю, как вы смотрите на это, считаете ли вы удобным печатать теперь столь *личное* стихотворение, и притом *надгробное*? Во всяком случае, я его сохраню самым тщательным образом; если же вы захотите, то я его напечатаю, когда вам будет угодно [4].

Желаю вам здоровья и здоровья. Порываюсь к вам, но всё занятия мешают, да недели три не выходил из дому, потому что ногу раздавило колесом. Жму вам руку.

П. Лавров

[1] Дата устанавливается содержанием письма.

[2] Огарева сильно заинтересовала телеграмма, опубликованная в английской прессе, о состоявшемся в Петербурге в июле 1875 г. политическом процессе, и он осведомился об этом у Лаврова 2 августа 1875 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 582—583). Ответом на вопрос Огарева и является публикуемое письмо. Речь идет о деле студентов В. М. *Дьякова* (1854—1880) и А. И. *Сирякова* или *Серякова* (1855—ум. после 1896 г.), рабочих В. Г. *Герасимова* (1852—1892) и Д. А. *Александрова* (1849—1925), солдат Т. Е. *Зайцева* (1851 или 1846 — ?) и Ю. *Янсона* (1851—?). Их обвиняли в том, что они вели пропаганду среди рабочих-текстильщиков фабрики Чешера и солдат гвардейского Московского полка. См. также следующее письмо.

[3] *«Хитрая механика»* (с подзаголовком «Правдивый рассказ, откуда и куда идут деньги») — одна из наиболее популярных пропагандистских брошюр семидесятых годов, автором которой был тогдашний «лаврист» В. Е. Варзар (впоследствии известный статистик). К той же серии относилась книжка «По поводу самарского голода» самого Лаврова (перепечатка из второго тома сборника «Вперед!»). «Сказка о четырех братьях» была написана Львом Тихомировым, тогда участником революционных народнических групп, позднее ставшим черносотенно-монархическим литератором. Брошюра «Емельян Иванович Пугачев, или Бунт 1773 года» была написана Тихомировым и П. А. Кропоткиным.

[4] Речь идет, очевидно, о стихотворении Огарева «Из записок сумасшедшего» («В пышном городе вскормили...»), впервые опубликованном лишь в 1913 г. (Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937, стр. 272—273).

7

‹Лондон.› Четверг ‹5 августа 1875 г.›[1]

Дорогой Николай Платонович,

Посылаю вам несколько листков «СПбургских ведомостей» для прочтения процесса Дьякова с товарищами. Пожалуйста, прочтя *газеты*, верните их, так как они нужны для коллекции. Посылаю вам и по одному экземпляру народных книжек нашего издания. Эти не возвращайте, а оставьте у себя. Одна из них «Хитрая механика», о которой много говорится в процессе. Другая — только что отпечатанная. В № 15, который выйдет, может быть, завтра, найдете интересную записку об агитации. Она в то же время напечатана и в Женеве[2].

Жму вам руку

П. Л а в р о в

Пока это мы его примереживали, судебный-отъ въ городъ — тревогу! Глядь, погляди — команда, прутъ какъ оглашенные, 12 человѣкъ, и ружья посвѣчиваютъ... „Разнесемъ, раздуй васъ горой"!

ИЛЛЮСТРАЦИЯ, ПОМЕЩЕННАЯ В ГАЗЕТЕ «РАБОТНИК» № 14-15, ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1876 г., ЖЕНЕВА

Рисунок к рассказу «На богатого суда не ищи, а сам с него взыщи»

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом от 4 августа 1875 г.
[2] «Записка», о которой идет речь, широко известна под названием «Записки министра юстиции графа Палена». В № 15 «Вперед!» документ был напечатан под заголовком: «Записка, разосланная графом Паленом... Доклад прокурора Жихарева». Записка представляла собою краткий обзор данных о революционной пропаганде, собранных дознанием по нескольким десяткам губерний. Материалы этого дознания в дальнейшем легли в основу обвинений, предъявленных в процессе «193-х».

8

⟨Лондон.⟩ Воскресенье ⟨12 сентября 1875 г.⟩ [1]

Дорогой Николай Платонович,

Получив ваше письмо в субботу, я должен был уйти надолго из дому и вернулся так поздно, что не имел возможности ответить в тот же день. Сегодня же в благочестивой Англии нет почт. Постараюсь поместить вашу статейку в одном из ближайших номеров [2]. Собирался к вам все эти дни. Надеюсь, что удастся поехать во вторник утром, если только погода не будет очень скверная. Нет ли у вас «С того берега» и «Писем из Франции и Италии»? Мне бы очень бы нужно было на несколько дней посмотреть. Жму вам руку. Надеюсь до скорого свидания.

П. Лавров

[1] Датируется по связи с письмом Огарева к Лаврову от 10 сентября 1875 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 584).
[2] Речь идет о статье «После чтения „Знания“», которую Огарев направил Лаврову 10 сентября 1875 г. (там же). Статья эта в журнале «Вперед!» помещена не была и до настоящего времени остается неизвестной.

9

⟨Лондон.⟩ Суббота ⟨9 октября 1875 г.⟩

Дорогой Николай Платонович,

Я очень виноват перед вами. Вот уже более недели, что у меня лежит для вас пачка журналов («Вестник Европы» и «Знание») вместе с томом Герцена, вами присланным (я давно уже выписал экземпляр от Georg из Женевы), а я все не отослал ее вам. Отошлю сегодня. Извините, пожалуйста, за неаккуратность, так как очень занят. Мне бы хотелось знать ваше мнение о статье об Александре Ивановиче, особенно о второй. Когда ее получите, перечтите обе и напишите ваше мнение [1]. У меня это время очень много дела.

Относительно Озерова не могу вам сказать ничего утешительного. У нас своих людей теперь очень довольно, а платной работы у нас совсем нет, так что существовать семейному человеку с теми средствами, с которыми существуют у нас,—невозможно, да Озеров при некоторых обстоятельствах принял относительно нас положение, которое сделало бы неловким работать вместе. Жму вам руку; постараюсь побывать, как только можно будет [2].

П. Лавров

[1] См. ниже, примеч. к письму 10.
[2] 8 октября 1875 г., выполняя просьбу своего приятеля, революционера-эмигранта В. М. Озерова (см. ниже в настоящем томе публикацию его писем), Огарев осведомился у Лаврова, не найдется ли для Озерова какая-либо работа в Лондоне. Нежелание Лаврова сотрудничать с Озеровым вызвано было, вероятно, участием последнего в эмигрантских конфликтах на стороне «бакунистов» против «лавристов».

10

3, Evershot road Tollington park
London. 14 октября 1875

Дорогой Николай Платонович,

Вторая статья об Александре Ивановиче будет помещена в № 19 «Вперед», который еще не вышел и даже опоздает вследствие внезапной болезни главного руководителя типографии. Я вполне уверен, что вы не можете сочувствовать предисловию к новому изданию сочинений Александра Иванович (говорят, это предисловие писано Вырубовым), но мне хотелось бы знать ваше мнение о *моих* статьях, которые пойдут номеров на пять, если не более, во «Вперед». Первая помещена в № 18, вторая будет в № 19. Когда получите № 19, то прочтите эти две внимательно и скажите откровенно ваше мнение о них. Я надеюсь разбить окончательно тот взгляд, который Вырубов (если он писал) высказал в своем предисловии [1]. Жаль только, что у меня только один том «Былого и дум» да и в музее этого нет, хотя есть многие сочинения Александра Ивановича. Жаль также, что у меня нет французского его труда «Le développement des idées révolutionnaires». «С того берега» пришлось купить у Трюбнера.

Жму вам крепко руку.

П. Лавров

Получили ли вы журналы?

[1] В письмах от 9 и 14 октября 1875 г. Лавров говорит о своих статьях «Александр Иванович Герцен», печатавшихся с № 18 «Вперед!» (вторая статья напечатана в № 19, третья — в № 22, обещанного продолжения не последовало). Статьи были написаны по поводу выхода в Женеве, в издании Г. Георга, первого тома сочинений Герцена (на средства семьи и друзей). В первых двух статьях Лавров значительное место уделил полемике против предисловия (анонимного, но написанного, как справедливо предполагал Лавров, Вырубовым), которое было предпослано сочинениям. Предисловие Вырубова представляет собою одну из ранних попыток извращения в либеральном духе характера взглядов и деятельности Герцена.

Давая отпор либеральным измышлениям Вырубова и стремясь определить место Герцена в развитии демократической и революционной борьбы, Лавров не в состоянии был предложить научно обоснованную, сколько-нибудь полно отвечающую действительному положению оценку мировоззрения и значения Герцена. Судя по опубликованным статьям Лаврова, он ценил в Герцене прежде всего представителя утопического социализма, предшественника народнического «социализма».

11

3, Evershot road Tollington park
London. 14 января 1876

Дорогой Николай Платонович,

Уж и не знаю, как извиниться пред вами: с самого Рождества все собираюсь к вам и потому откладываю ответ на ваши милые записки. На днях постараюсь быть, но, опасаясь опять неожиданного отложения, решаюсь вас заочно обнять сегодня, пожелав вам в новом году лучшего здоровья и более светлого взгляда на вещи, а всем нам и друзьям нашим — скорейшего разрушения старого мира и замены его новым. Надеюсь скоро повидаться с вами.

Преданный вам
П. Лавров

Когда будете писать, пишите по адресу в заголовке этого листка [1].

[1] Огарев ответил на эту записку письмом от 16—17 января 1876 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 588).

12

3, Evershot road Tollington park
London. 28 февраля 1876

Дорогой Николай Платонович,

Все собираюсь к вам, и все не удается попасть. Очень благодарю за присланную книгу о России; я знал об ней, но ее не читал. «Историческое обозрение» Моно́ я получаю [1]. «Работник» и «Народные книжки» посланы вам от нас, а «Первые века христианства» (настоящее название «Внушитель») набрана в нашей наборне. Она мне самому нравится более других. «Правда и кривда» мне не по вкусу, и у нас не пожелали ее набирать [2]. Будьте здоровы. Постараюсь скоро побывать.

П. Лавров

[1] «Revue historique» — журнал, редактировавшийся французским историком Габриэлем Моно (мужем дочери Герцена—Ольги).

[2] Брошюра участника движения семидесятых годов и деятеля народнической журналистики А. И. Иванчина-Писарева «Внушителя словили», впервые опубликованная в женевской газете группы народников-бакунистов «Работник» (№ 11-12, ноябрь—декабрь 1875 г.), была с конспиративной целью издана под названием «Первые века христианства. Чтение для народа». О благоприятном впечатлении от брошюры Огарев писал Лаврову 26 февраля 1876 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 589). — «О правде и кривде» — пропагандистская брошюра С. М. Кравчинского, напечатанная в типографии женевской газеты «Работник» в 1875 г. (в обложке с заголовком «Слово на Великий пяток преосвященного Тихона Задонского, епископа Воронежского»). Лаврову и его сотрудникам могли прийтись «не по вкусу» и риторический стиль произведения Кравчинского, и некоторые стороны его содержания: превознесение Христа, идеализация раннего христианства и, с другой стороны, оценка роли церкви, «власти поповской» как «самой страшной из цепей», которыми сковывали народ враги его (см. С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч., ч. VII. Пропагандистские сказки. Пг., 1919, стр. 44—70). П. А. Кропоткин недаром считал, что «Слово на Великий пяток» было написано «в стиле Ламенне» и, вероятно, навеяно беседами Кравчинского с молоканами о религии (см. воспоминания Кропоткина в книге: Собр. соч. Кравчинского, ч. I. СПб., 1907, стр. XVI).

13

⟨Лондон.⟩ Пятница ⟨3 марта 1876 г.⟩

Дорогой Николай Платонович,

Оказывается, что ни я, ни кто из моих сожителей не знает слов «Камаринского мужика», которые вы желали иметь. Я никогда и не знал их; другие знали, да забыли. Ваши замечания относительно языка передовых, может быть, и верны, но большинство молодежи, читающей журнал, знакомо с социологическими терминами по иностранным источникам или чрез них, а потому поймут; при *сочинении* русских терминов пришлось бы много пояснять, и то еще могли бы быть недоразумения [1]. Жму вам руку и желаю здоровья.

П. Лавров

[1] Огарев в письме к Лаврову от 2 марта 1876 г. высказывал мнение, что язык передовых статей лавровского «Вперед!» непонятен для читателя («совершенно foreign», т. е. иностранный), и предлагал собраться, «чтоб определить русский язык по части социологии» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 590).

14

3, Evershot road Tollington park Halloway
London, N. 5 апреля 1876

Дорогой Николай Платонович,

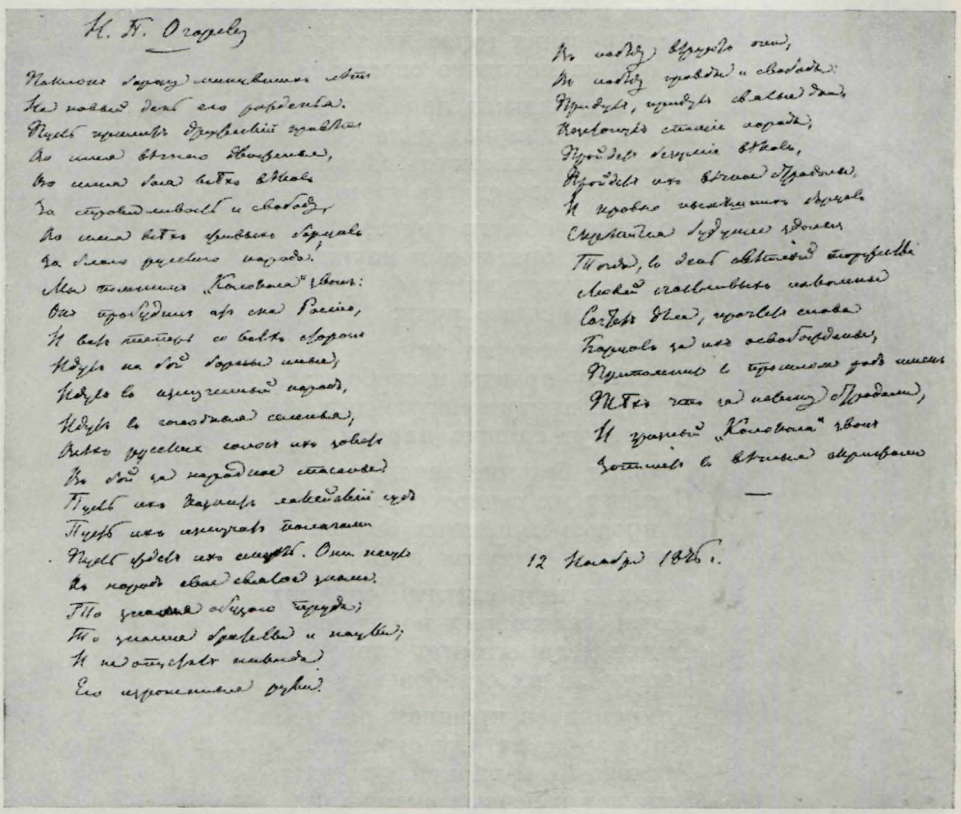
Так виноват я пред вами, что и сказать не могу, но все это время очень много было дела: был я и в Париже неделю, и здесь пишу и то и другое и третье: целый день занят, и бывает дней десять, что из дома не выхожу.

Благодарю вас за письма и присылки. Второго тома «Revue Historique» я не имею и очень был бы вам благодарен, если пришлете [1]; я очень интересуюсь историей: это—моя слабость.

Постараюсь скоро исправиться и быть у вас в Гринвиче. Крепко жму руку.

П. Лавров

[1] Лавров отвечает на слова Огарева в письме от 4 апреля 1876 г.: «Получил 1 апр⟨еля⟩ „Revue historique“ Моно. Есть ли оно у вас? Может, и найдется что



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ П. Л. ЛАВРОВА «Н. П. ОГАРЕВУ», 12 НОЯБРЯ 1876 г.

«Читаю его ⟨стихотворение⟩ и перечитываю, и слезы навертываются на глаза на старые. Оно меня трогает, и юная дружба меня трогает» (из ответного письма Огарева автору)

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

интересное. Только мудрено натянуть на себя сочувствие к истории! Наше дело современное, а благоговение перед историей помешает будущему» («Лит. наследство», разрушить т. 39-40, 1941, стр. 592).

15

⟨Лондон. 12 ноября 1876 г.⟩

Н. П. ОГАРЕВУ [1]

Поклон борцу минувших лет
На новый день его рожденья.
Пусть примет дружеский привет
Во имя вечного движенья,

Во имя бога всех веков
За справедливость и свободу,
Во имя всех живых борцов
За благо русского народа!

Мы помним «Колокола» звон:
Он пробудил от сна Россию,
И вот теперь со всех сторон
Идут на бой борцы иные;

Идут в измученный народ,
Идут в голодные селенья,
Всех русских голос их зовет
В бой за народное спасенье.

Пусть их казнит лакейский суд,
Пусть их измучат палачами,
Пусть ждет их смерть. Они несут
В народ свое святое знамя.

То знамя общего труда,
То знамя братства и науки,
И не опустят никогда
Его израненные руки.

В победу веруют они,
В победу правды и свободы:
Придут, придут святые дни,
Восстанут спящие народы,

Пройдет безумие веков,
Пройдет их вечное страданье,
И кровью нынешних борцов
Скрепится будущее зданье.

Тогда, в день светлый торжества
Людей счастливых поколенье
Сочтет дела, прочтет слова
Борцов за их освобожденье,

Припомнит в прошлом ряд имен
Тех, что за истину страдали,
И грозный «Колокола» звон
Запишет в вечные скрижали.

12 ноября 1876 г.

[1] Огарев получил это стихотворение Лаврова 13 ноября 1876 г. и в письме от 14 ноября благодарил за него автора: «Читаю его и перечитываю, и слезы навертываются на глаза на старые. Оно меня трогает, и юная дружба меня трогает» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 597). Стихотворение было опубликовано в «Новом сборнике революционных песен и стихотворений», Париж, 1899. Дата стихотворения Лаврова доказывает неосновательность высказанного комментаторами предположения (см. Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937, стр. 417), будто эти стихи явились ответом на посвященное Лаврову стихотворение Огарева «На новый год». Скорее наоборот: стихи Огарева были ответом на публикуемое стихотворение Лаврова. Последние строки огаревского стихотворения «На новый год», сообщенного автором Лаврову при письме от 29—30 ноября 1876 г., выражали и сочувствие органу Лаврова, и готовность к поддержке его:

Еще я не погиб и звать готов еще,
И бодро отзвонив весь звон наш колокольный,
Не падши духом, я взываю не вотще;
Взываю к родине с моей чужбины вольной:
Вперед! вперед! вперед!

ГЕРЦЕН

Модель надгробного памятника писателю в Ницце. Скульптура П. П. Забелло
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

16

⟨Лондон.⟩ 5 марта ⟨1877 г.⟩
21 Alfred place

Дорогой Николай Платонович,

Я «Новь» читал в корректуре; мне присылал ее Тургенев. Роман недурен, хотя прежние его романы мне кажутся в эстетическом отношении лучше. Но направление очень недурное. В «Athenaeum'е» есть очень благоприятный отзыв о нем [1]. Если вы желаете, я вам пришлю листок, но он очень ходил по рукам и загрязнился. Жму вам крепко руку.

П. Лавров

[1] Роман И. С. Тургенева «Новь» вызвал в революционной среде самые разноречивые оценки. Огарев в письме к Лаврову от 4 марта 1877 г., на которое отвечает здесь Лавров, оценивал роман как «произведение замечательное» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 597). В свою очередь, и Лавров отнесся к «Нови» положительно. Упоминаемый в записке «очень благоприятный отзыв» о романе, появившийся анонимно в журнале «Athenaeum» (№ 2573 от 17 февраля 1877 г.), принадлежит самому Лаврову. Впоследствии Лавров подробно остановился на характеристике «Нови» и на встреченном ею приеме в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», опубликованной после смерти Тургенева в № 2 «Вестника Народной воли» за 1884 г. (см. также сборник М. К. Клемана «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М.—Л., 1930, стр. 15—88). Здесь Лавров цитировал, между прочим, и статью из «Athenaeum'а» (в сборнике Клемана, см. стр. 32—34). Под «листком», который Лавров предлагал прислать Огареву, он, очевидно, имел в виду эту статью.

17

⟨Лондон.⟩ 11 апреля ⟨1877 г.⟩

Дорогой Николай Платонович,

Я был вчера у Трюбнера, видел его и оставил ему ваш адрес. Он хотел немедленно выслать вам экземпляр ваших стихотворений [1], но так как он мог захлопотаться и позабыть, то если вы не получили еще, может быть лучше написать ему. Жму вам крепко руку.

П. Лавров

На обороте почтовой открытки:
Mr. N. Ogareff
35 Ashburnham Road Greenwich.

[1] Речь идет о лондонском издании стихотворений Огарева (1858).

М. П. ЛОЗИНСКИЙ — ОГАРЕВУ

Публикация Я. З. Черняка

Печатаемые нами ниже по автографам письма к Огареву принадлежат Мелентию Платоновичу *Лозинскому* (1856—1880)— молодому, рано погибшему революционеру. 5 марта 1880 г. в Киеве, по приговору военно-окружного суда, унтер-офицер Лозинский был казнен через повешение одновременно с другой жертвой— студентом Осипом Розовским. Следствию удалось установить, что Лозинский с необыкновенной смелостью и энергией вел революционную пропаганду в войсках и среди крестьян; при обыске у него были обнаружены три прокламации, обращенные «К крестьянам», «К солдатам» и «К друзьям». Лозинский был признан виновным в принадлежности к тайному противоправительственному обществу, а также в «нападении» на военный караул (находясь под стражей, пытался бежать и выхватил у часового ружье). Приговор был конфирмован военным губернатором, генерал-адъютантом Ванновским. Через три месяца после его исполнения в первом же «Листке „Народной воли“» были кратко отмечены эти казни (см. «Литература партии „Народной воли“», М., 1930, стр. 67).

За четыре года до своего трагического конца, находясь около месяца за границей, Лозинский вступил в сношения с Огаревым. В результате этих сношений и возникла переписка, из которой мы полностью печатаем два письма; остальные четыре, менее существенные, будут проаннотированы в следующем томе.

Ход переписки был следующий. Вскоре после приезда в Швейцарию, 23 июля 1876 г., находясь в Вевэ, Лозинский отправил в Лондон привезенные им из России письмо и портрет Ф. И. Родичева, еще поддерживавшего тогда связи с революционной средой и переписывавшегося с Огаревым (см. ниже публикацию писем Родичева к Огареву). Исполняя поручение Родичева, Лозинский уведомил Огарева, что с «величайшей готовностью» передаст «все те сведения и справки», получения которых Огарев пожелает по прочтении письма Родичева. Огарев не замедлил ответить, и письмо его содержало, помимо некоторых вопросов о России, предложение содействовать разрешению одной из постоянно возникавших в тот период конспиративных задач — провозу газеты «Вперед!» в Россию. 1 августа 1876 г. Лозинский выразил полное согласие на это предложение Огарева.

Наибольший интерес представляет следующее письмо, от 10 августа 1876 г. Здесь Лозинский, которому было в это время всего двадцать лет, с подкупающей прямотой обращался к Огареву как к единомышленнику и другу Герцена, как к лицу, мнение которого совпало бы, как полагал он, с мнением Герцена, если б последний был жив. Круг вопросов, поставленных Лозинским перед Огаревым, характерен для того момента в истории революционного движения в России, который наступил после разгрома «хождения в народ», крушения «мирной» пропаганды и знаменовался обострением споров о революционной программе ближайшего и отдаленного будущего.

Письма Лозинского раскрывают еще один ранее неизвестный факт в политической биографии позднего Огарева — его сношения с юным представителем нового поколения русских революционеров. Письма Лозинского, продиктованные чувством глубокого уважения и любви к Герцену и Огареву, — живое выражение русской революционной традиции, связывающей воедино разные поколения освободительного движения.

Письма печатаются по автографам «софийской коллекции».

1

Vevey. Pension du panoramma
1 août 76

Дорогой Николай Платонович,

На ваше предложение провезти на родину некоторое количество «Вперед» отвечу следующее:

Я сам «культивирую» в своем уме эту мысль, остановка только за получением благоприятных известий из России, которые дадут мне возможность рассчитывать на беспрепятственный проезд через таможню — возможность этого для меня почти гарантирована. Итак, дело лишь во времени. Но есть и другая препона — лично я провез бы весьма немного для собственной потребы — на большее бы не хватило денег. Поэтому, Николай Платонович, само собою разумеется, я согласен на ваше предложение и немедленно по получении вышеупомянутого известия напишу вам, а там уже вы сами подробнее со мною уговоритесь. Если же, паче чаяния, у вас есть возможность устроить так, чтобы не бояться досмотра, и вам нужен только человек, то дело еще короче и проще выходит — рассчитывайте прямо на меня.

Вы говорите о Киевском бунте — я не отыскал в Вевэ «Daily Telegraph» и посему не знаю, о чем вы именно говорите, но если это то, о чем говорит «Les droits de l'homme» (кратко) и «Journal de Vevey» (подробно), то вся история не более, как разыгранная начальством комедия. Сущность — киевские казаки с велиим буйством потребовали войны с туркой — вот и все [1].

У меня к вам маленькая просьба: я у Р⟨одичев⟩а видел гравюру памятника Герцену — напишите, если это вас не затруднит, где можно ее достать, а то я как ни бился, нигде не нашел, ни в Вене, ни в Берне, ни в Женеве, ни здесь.

Истинно уважающий вас
М. Лозинский

[1] В иностранных газетах в это время искаженно изображались происходившие в России манифестации, связанные с обострением борьбы за независимость славянских народов Балканского полуострова. В 1876 г. и сам автор письма отправился волонтером в Сербию, где, участвуя в боях с турками, был ранен.

2

Vevey, 10 août ⟨1876⟩

Дорогой Николай Платонович.

Не посетуйте на меня, если я попрошу вас обстоятельно изложить ваше мнение о современном положении вещей на нашей родине. Мне лично *дорого* ваше мнение, потому что, во-первых, оно ваше, и, во-вторых, оно, думаю, совпало бы с мнением Герцена, а я дорого дал бы за то, чтобы узнать мнение Герцена, которое он выразил бы, если бы был жив; мне *полезно*, кроме того, ваше мнение, ибо оно может осветить мне многое, что до сих пор остается для меня темным. Видите ли, я студент, ergo «практической» жизни еще мало причастился, посему для меня решение проклятого вопроса: что делать? имеет первостепенную важность. Вот я суюсь всюду, где могу найти хоть какое-нибудь указание — и увы! — ничего до сих ⟨пор⟩ не нашел по себе. Ну, да этого на письме не опишешь, длинная и запутанная история. Лучше поставлю некоторые вопросы, на которые не откажите мне ответить.

Каково отношение правительства к народу?

Можно ли ожидать, что оно изменится к лучшему?

Есть ли шансы для введения конституционализма у нас, и может ли сие помочь народу? Каково состояние общественной мысли?

Каково вероятное будущее наше при сохранении status quo?

Ваше мнение о современной революционной партии в России?

Считаете ли вы ее мысль — прогрессом в отношении шестидесятых годов? (укажите, в чем именно).

Ваше мнение о главных фракциях этой мысли (не столько в принципах, сколько в практике).

Как вы понимаете господствующую программу?

Как вы смотрите на господствующий тип современных революционеров в области мысли (талант, литературная четкость, степень непосредственности, целесообразность писаний) и в области дела (есть ли формалистика, узкость взглядов).

Какова, по вашему мнению, сила нашей партии?

Какова степень распространения в народе соц. идей?

Каковы шансы борьбы и победы?

Что может из этого выйти? Как, в частности, изменится каждая функция общественной жизни, если всё более или менее удастся и подойдет к идеалам, хоть «Вперед», например, и насколько это совпадает с вашими идеалами? Что сказал бы Герцен?

Извините, если я слишком много вопросов поставил, но они так все важны и так тесно связаны между собою, что я невольно накатал такую кучу. Если вас затруднит писать много, то напишите хоть в виде «резолюции».

Если мы с вами уладим дело насчет провозу, то, ради бога, снабдите Герценом, которого никакими суррогатами не заменишь, а то, ей-богу, у нас совсем критически молодежь мыслить не умеет. Ну, да не с вами толковать о значении Герцена. Скажу заодно, что я получил две таможенные марки, но не знаю, насколько употребление их удобно.

Кстати о Герцене. У меня к вам еще просьба: укажите, где можно достать его гравированный портрет (да, кстати, и портрет Бакунина). Я заказал здешнему книгопродавцу Бенда, тот поерзал да и объявил мне через неделю, что достать нигде нельзя. Вот сделаете удовольствие! [1]

Искренне уважающий вас
М. Лозинский

[1] В конце августа 1876 г. Лозинский был спешно вызван в Россию. Успел ли он получить от Огарева ответ на свои вопросы — неизвестно.

М. А. МАРКОВИЧ (МАРКО ВОВЧОК) — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. А. Тумановой

Два письма к Герцену писательницы Марии Александровны *Маркович* (Марко Вовчок, 1834—1907), сохранившиеся в «пражской коллекции», представляют собою лишь незначительную часть их переписки. До последнего времени исследователи не располагали ни одним письмом Маркович к редактору «Колокола», тогда как из писем Герцена к ней дошло четырнадцать, за период с 24 августа 1859 г. по 28 ноября 1869 г.

Публикуемые письма Маркович, несмотря на их осторожность и лаконизм, позволяют несколько уточнить как условия возникновения, так и самый характер идейной близости, которая установилась между украинской писательницей и Герценом в самом начале их знакомства.

Весной 1859 г. Маркович выехала за границу и, остановившись в Дрездене, познакомилась с друзьями Герцена — Татьяной Петровной Пассек и Марией Каспаровной Рейхель. «Украинские народные рассказы» писательницы, переведенные в 1859 г. Тургеневым на русский язык, получили очень высокую оценку на страницах «Колокола». В рассказах Марка Вовчка Герцен с особенным сочувствием отметил отражение народной силы, «близкой, понятной, кровной нам». «В петербургских болотах, в московской пыли не растут такие дубравные цветы; тут все чисто и здорово,—писал Герцен, — неистощенная земля, непочатое сердце; тут веет полем после весеннего дождя, веет и проклятьем русского поля — господским домом; шум листьев, лепет, жужжание не заглушают ни плач „девчонки", оторванной на веки веков грубым насилием от матери, ни вопль „псаря", стегаемого zu unesthätisch*» (X, 312). «Червонного короля» Маркович Герцен назвал «гениальной вещью» (X, 304).

Через М. К. Рейхель, посредничавшую в сношениях «Колокола» с русскими его корреспондентами, Герцен пригласил Маркович в Англию.

14 июня 1859 г. Герцен сообщает Рейхель: «...и Тург⟨енев⟩ был, а М. Вовчка не было» (X, 30). Несколько позже Герцен вновь напоминает Рейхель о желании встретиться с Маркович: «Марка Вовчка жажду видеть» (X, 46).

Встреча Герцена с Маркович произошла в Лондоне около 28 августа 1859 г. Под впечатлением этого свидания он писал Рейхель: «Я ею очень доволен; она займет славное место в нашей литературе...» (X, 84). Об этом свидании Герцена с Маркович см. «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой (Л., 1929, стр. 255—256).

Герцен думал приобщить талантливую украинскую писательницу к общероссийским литературным интересам, настоятельно рекомендуя ей расширять рамки своей тематики. Он знакомит ее со своими взглядами на важнейшие события политической жизни, сообщая ей как единомышленнице последние новости (см., например, X, 158).

Встречи с Маркович в Лондоне, в Остенде и Брюсселе показали Герцену, что он может рассчитывать на молодую писательницу, как на прочное связующее звено редакции «Колокола» с Россией. Маркович, видимо, и сама в этом отношении шла навстречу планам Герцена. «Нет ли у вас поручений в Россию?⟨...⟩ Я их исполню верно», — писала она из Остенде осенью 1859 г. По всей вероятности, Герценом и Огаревым тогда же были даны ей какие-то важные поручения, так как только этим обстоятельством можно объяснить беспокойство Герцена задержкой Маркович за границей: «Я никак

---

* слишком неэстетично (нем.).

не думал, Мария Александровна, что вы так долго заживетесь в Дрездене; мне сдавалось, что вы скоро будете на Руси. Там интереснее...» (X, 147—148).

Почти одновременно Герцен писал Огареву: «Марко Вовчок остается на всю зиму в Германии, — вот тебе и письма. Что делать?» (X, 155). На заграничные адреса Маркович Герцен выслал последние новые издания лондонской типографии, номера «Колокола» и приложения к ним. В свою очередь через Маркович для «Колокола»

М. А. МАРКОВИЧ (МАРКО ВОВЧОК)
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

и «Полярной звезды» шли от их подпольных русских корреспондентов «Вести из Чернигова», протоколы одной из правительственных комиссий по составлению «положения о крестьянах», неизданные материалы о Павле I (X, 214).

С середины 1860 г. Герцен постепенно изменил свое положительное отношение к Маркович (он был недоволен сближением Маркович с молодым А. В. Пассеком), и к 1862 г. переписка с ней на несколько лет прекратилась.

Как свидетельствуют письма Герцена к Огареву от 27 февраля и 14 марта 1869 г. (см. XXI, 308 и 321), переписка с Маркович возобновилась незадолго до смерти Герцена, однако ни число, ни содержание этих писем нам не известно.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 90).

1

(Остенде. Конец сентября 1859 г.) [1]

Я не буду у вас, Александр Иванович. До последнего дня все сбиралась. Мы думали, что я хоть одна у вас побываю еще [2].

В воскресенье мы выезжаем в Дрезден, а оттуда в Россию, как получим деньги [3].

Что от вас Рейхелям сказать?

Прошу вас, если можно, пришлите портреты, что мне обещал Николай Платонович [4]. К вам поехал Николай Яковлевич Макаров [5], тот, что я вам о нем (!) говорила, перешлите через него.

Нет ли у вас поручений в Россию? Нет ли у вас, Николай Платонович? Или у Натальи Алексеевны? Я их исполню верно. Получили ли вы, Александр Иванович, мое письмо, где есть вести для «Колокола», присланные из Чернигова? [6]

Вы спрашиваете о Станкевичах, — они еще в Дрездене и пробудут там до октября [7]. Ему, пишут, лучше.

Поклонитесь от нас всем. Я думала, что всех вас увижу. До свидания все-таки, хоть и не скоро. Берегите себя, Александр Иванович.

Преданная вам
М. Маркович

[1] Время и место отправления письма определяются на основании следующих данных: первое свидание Маркович с Герценом произошло в Лондоне в конце августа 1859 г. Вслед за тем Герцен получил от нее письмо, на которое отвечал 7 сентября 1859 г. Судя по этому ответу, Маркович в не дошедшем до нас письме обещала в ближайшее время приехать в Лондон еще раз, видимо для того, чтобы получить письма и материалы для нелегальной доставки в Россию. Комментируемое письмо, отменяя обещанную поездку в Лондон, свидетельствует о необходимости срочного выезда писательницы «в Дрезден, а оттуда в Россию». Ввиду того, что вторую половину сентября 1859 г. Маркович проживала в Остенде, где и состоялась 30 сентября ее вторая встреча с Герценом, мы имеем все основания датировать настоящее письмо, как явно предшествующее этой второй встрече, двадцатыми числами сентября (Ср. «Твори Марка Вовчка», т. IV, Харків, 1928, стр. 110 и 113).

[2] Маркович жила в Остенде с мужем и сыном.

[3] Возвращение Маркович в Россию было отложено. Из Дрездена она переехала в начале 1860 г. в Гейдельберг, а затем жила то в Швейцарии, то в Италии, то в Париже. В Россию Маркович возвратилась только в 1867 г.

[4] Портреты, обещанные Огаревым, это, повидимому, фотографии руководителей «Колокола».

[5] *Николай Яковлевич Макаров* (1828—1892) — сотрудник украинского журнала «Основа», издававшегося в Петербурге в шестидесятые годы, близкий друг Маркович. Письма его к ней см. в приложениях к изданию «Твори Марка Вовчка», т. IV, стр. 376—388.

[6] Заметка «Из Чернигова», посланная Герцену через Маркович, была опубликована в л. 61 «Колокола» от 15 января 1860 г.

[7] Речь идет об Александре Владимировиче *Станкевиче* и его жене. В 1859—1860 гг. они жили в Дрездене, где и познакомились с Маркович.

2

(Дрезден. Конец октября 1859 г.) [1]

У нас была Т(атьяна) П(етровна) [2]. Она еще и сама не знает, когда попадет к вам. Ее не выпускали два месяца из Петербурга — и намекали, и просили, и просто приказывали, чтоб она с вами не видалась, — видно вас очень боятся, — и здесь и везде за нею следят [3]. Будете ей писать — пишите на мое имя: Dohnaische Gasse, № 8 или poste restante. «Я-то не боюсь за себя, — говорит она, — да за детей боюсь». Но все-таки они думают в Лондон.

Она до сих пор корчевская кузина. Сколько живости в ней и жизни сколько [4]. Как она говорит — я слушаю, смотрю да думаю об ее харьковском житье. Сыновей я еще не видала. Она хотела было в моем письме

писать вам, а пришлось ей уехать дня на три, не написала; просила ее подождать.

Скажите, что вы? что вы все? Что отвечал министр?[5] Что из Швейцарии пишут и о Париже?

До свидания. А. В.[6] вам очень кланяется.

М. Маркович

Дрезден

P. S. Вчера мы были у Т. П. Она все о вас говорила. Сыновья ее умны и тихи. Видно, что им всем вместе живется хорошо. С ними еще мальчик, Ипполит его зовут, — славный мальчик, который все знает и все читал, о чем ни заговорите[7]. У них нет будто гостиной, и гостей нет, у них хорошо — вы, впрочем, лучше меня их знаете.

Скажите же, что министр ответил, не забудьте, пожалуйста, Александр Иванович, и берегите себя.

М. Маркович

Я не жду письма Т. П. Она завтра напишет, сказала, и я тогда напишу.

[1] Время написания настоящего письма определяется на основании ответного письма Герцена от 5 ноября 1859 г. «Я никак не думал, Мария Александровна, что вы так долго заживетесь в Дрездене...» (X, 147).

[2] *Т(атьяна) П(етровна)* Пассек.

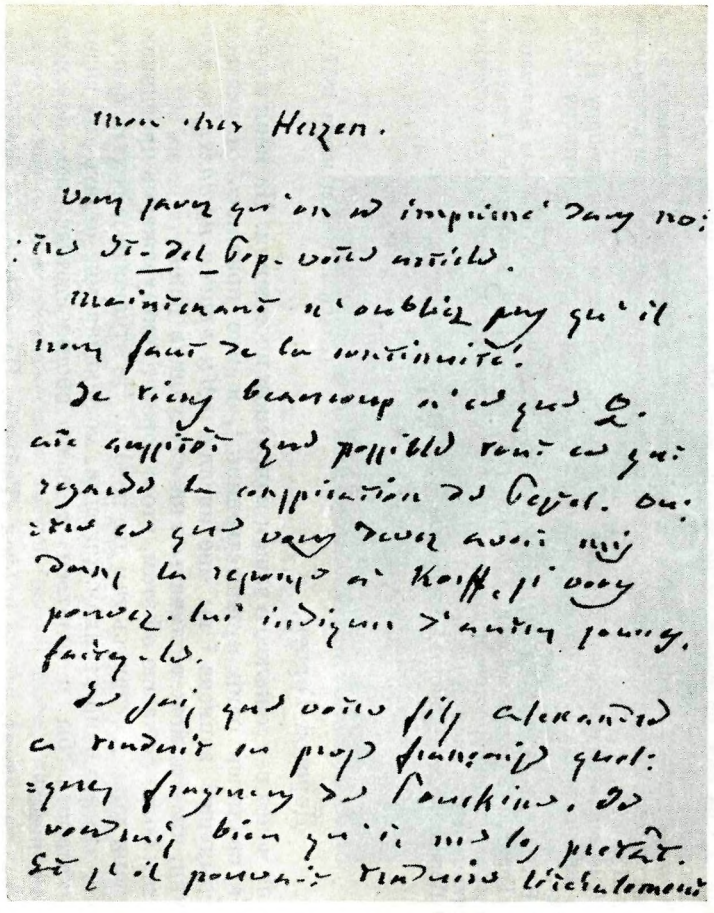
[3] В своих мемуарах Т. П. Пассек, описывая, с каким трудом ей удалось получить разрешение на выезд за границу для себя и для сыновей, не упомянула о приказании ей не встречаться с Герценом, о чем пишет Маркович (Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. II. СПб., 1879, стр. 383—388).

[4] «Вы, может, читали в „Былом и думах" о корчевской кузине? Это она и есть», — писал Герцен Марковичу о Т. П. Пассек 7 сентября 1859 г. (X, 86). Указывая в комментируемом письме, что Т. П. Пассек «до сих пор корчевская кузина», Маркович подтверждает справедливость ее характеристики, сделанной Герценом в письме от 5 ноября 1859 г.: «Итак, вы познакомились с Т. П. Она еще ко мне пишет: „милый Саша", как в 1824 году, и напоминает в своем письме о давно-давно прошедших людях и событиях. По ее письму я вижу, что она жива. Она принадлежит к тому выносливому и тягучему кряжу, который заменили николаевскими юродивыми, с рождения испуганными, нервозными чудаками, оттого она и осталась не старою в 53 года» (X, 148).

[5] Маркович имеет в виду хлопоты Герцена о получении разрешения на постоянное проживание в Брюсселе. С этим ходатайством Герцен лично обратился 5 октября 1859 г. к министру юстиции бельгийского правительства, но ответа на свою просьбу не получил (см. «Звенья», т. VIII, 1950, стр. 30—31).

[6] *А. В.* — Станкевич.

[7] *Ипполит* Пашков, родственник Т. П. Пассек. См. о нем ниже, в разделе «Аннотации».



Mon cher Herzen.

Vous savez qu'on a imprimé dans no:
:tre St-Del Pop. votre article.

Maintenant n'oubliez pas qu'il
nous faut de la continuité.

Je tiens beaucoup à ce que Q.
ait aussitôt que possible tout ce qui
regarde la conspiration de Pestel. Ou:
:tre ce que vous devez avoir mis
dans la réponse à Korff, si vous
pouvez lui indiquer d'autres sources,
faites-le.

Je sais que votre fils Alexandre
a traduit en prose française quel:
:ques fragments de Pouskine. Je
voudrais bien qu'il me les prêtât.
Et s'il pouvait traduire littéralement

pour moi l'ode "au Poignard", je lui en
saurais infiniment gré. Voulez-vous le
lui demander de ma part?

Rappelez-moi au souvenir de Madas:
:me Og. et de son mari.

Votre ami

Joseph

Samedi.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ К ГЕРЦЕНУ ОТ КОНЦА МАРТА 1857 г.

Исторический музей, Москва

Перевод с французского:

1

⟨Лондон. Конец марта 1857 г.⟩

Дорогой Герцен,

Вы знаете, что в нашей «Italia del Popolo» напечатана ваша статья [1].

Теперь не забудьте, что перерыва делать мы не можем. Для меня крайне важно было бы, чтобы К⟨вадрио⟩ [2] получил возможно скорее все относящееся к заговору Пестеля, кроме того, что вы должны были включить в ответ Корфу [3]; если вы можете указать ему и другие источники, сделайте это [4].

Я знаю, что ваш сын Александр перевел французской прозой несколько отрывков из Пушкина. Мне очень хотелось бы, чтоб он дал мне их на время. И если б он согласился перевести для меня дословно оду «К кинжалу», я был бы ему бесконечно благодарен. Не попросите ли вы его об этом от моего имени? [5]

Прошу напомнить обо мне г-же Огаревой и ее мужу.

Ваш друг
Джузеппе М.

Суббота

[1] Речь идет о статье Герцена «Письмо к Джузеппе Маццини о современном положении в России», датированной февралем 1857 г. и напечатанной в № 18 «Italia del Popolo» от 10 марта 1857 г. (VIII, 402—416).

[2] Маурицио *Квадрио* (1800—1876)—итальянский революционер, ближайший друг и последователь Маццини, сотрудник «Italia del Popolo», «неутомимый, — по характеристике Герцена, — работник итальянского дела ⟨...⟩, фанатический друг Маццини⟨...⟩, готовый ⟨...⟩ на бой, на гибель и не уступивший никогда никому ни в чем ни одной иоты своего credo» (XIV, 273).

В конце 1820-х — начале 1830-х гг. Квадрио жил в России и участвовал в польском восстании. Герцен был лично знаком с Квадрио и находился с ним в переписке (XXI, 518—519).

[3] Имеется в виду статья Герцена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», напечатанная в л. 4 «Колокола» от 1 октября 1857 г. (IX, 24—34).

[4] В №№ 51—52 «Italia del Popolo» от 20—21 февраля 1858 г. была напечатана статья Герцена «Русский заговор 1825 года» (IX, 136—155). В этой статье Герцен описал восстание декабристов и представил яркие характеристики всех его основных участников, в том числе и Пестеля.

[5] Переводы из Пушкина, сделанные А. А. Герценом, неизвестны.

2

⟨Лондон. Конец июля 1857 г.⟩

Дорогой Герцен,

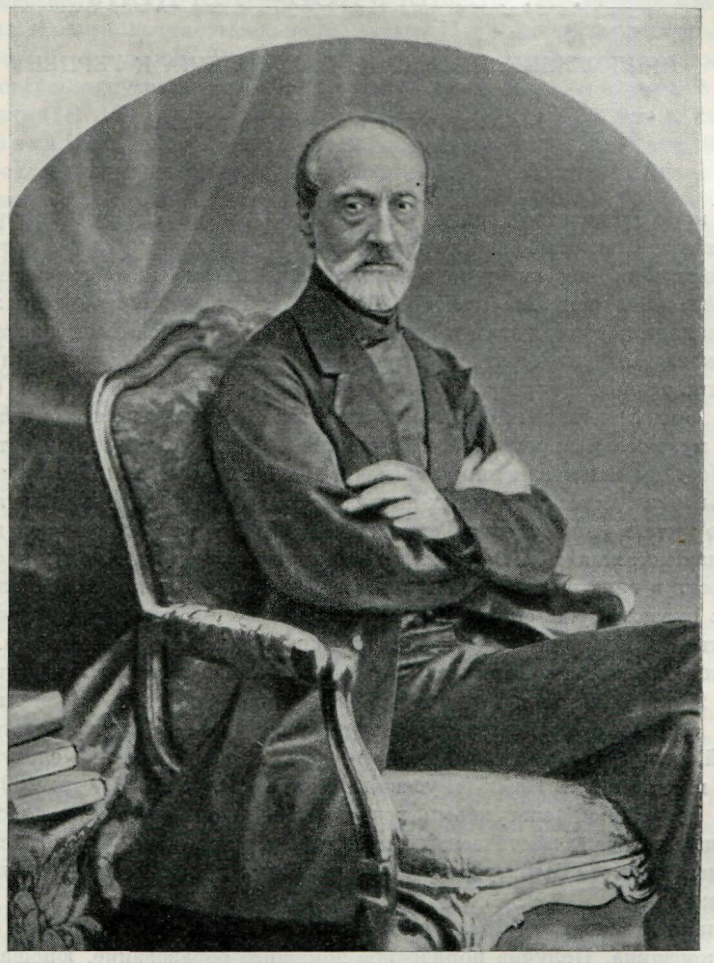
Я не менее вас сожалею о вашем напрасном посещении. На меня словно с неба свалился один путешественник [1], и мне пришлось отлучиться. В предыдущей записке [2] вы мне писали: «*Мы придем на днях*», а я не подумал, что это может случиться на следующий день.

Я тем более сожалею об этом, что в понедельник уезжаю в провинцию, где у меня дела; я останусь там две недели. Не откажите передать вашему другу [3], что это единственная причина, мешающая мне отдать ему визит. Мне хотелось бы повидаться с вами обоими тотчас же по моем возвращении.

Я был так занят, что не прочел «Таймса». Не знаю, о чем там говорится. Однако, я предпочел бы оставить все это без внимания, если только там не утверждался *факт*, который можно было бы *опровергнуть*, дока-

зав с полной убедительностью, что на этих колонках лгут [4]. Мы побежденные и будем правы только как победители. Одно только *действие* сможет нас реабилитировать. Этого-то я и добиваюсь всеми силами, но достаточной поддержки не встречаю.

Ваш друг
Джузеппе М.



ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

[1] О каком путешественнике идет речь в письме — не установлено.
[2] Эта записка Герцена неизвестна.
[3] Повидимому, имеется в виду Огарев.
[4] 23 июля 1857 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Сегодня в „Таймсе“ есть намеки на г-жу Гокс, Стансфильд и др. ⟨...⟩ Теперь вы знаете, что хотят добиться изгнания Маццини и Ледрю-Роллена; „Таймс“ очень склонен» (VIII, 557). Повидимому, речь идет именно об этом клеветническом выступлении «Таймса», направленном против Маццини и его друзей.

Н. А. МЕЛЬГУНОВ — ГЕРЦЕНУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: НИСЬМО К. Д. КАВЕЛИНА К ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. П. Захарьина

1

Среди корреспондентов Герцена можно было бы назвать многих литераторов и политических деятелей, оставивших гораздо более значительный след в истории общественного движения, чем автор печатаемых ниже писем — второстепенный писатель Николай Александрович *Мельгунов* (1804—1867). Бывает, однако, что литератор не первого плана, по своим связям и отношениям с многочисленными участниками общественной жизни, оказывается для изучения эпохи весьма интересным и характерным. Именно таков Мельгунов: в силу разнообразия своих занятий он был связан с деятелями самых различных областей культуры. Он был романистом и литературным критиком, музыкальным рецензентом и композитором, публицистом и историком литературы. Поэтому мы неизменно встречаемся с Мельгуновым при изучении русской литературы и искусства тридцатых-пятидесятых годов. В пятидесятых годах он был в довольно тесных сношениях с Герценом и сообщает в своих письмах немало существенных данных, характеризующих литературно-издательскую деятельность Герцена, в особенности в первый год существования «Колокола». К концу прошлого столетия Мельгунов оказался уже совершенно забытым. Ему посвящена единственная статья; это — статья А. И. Кирпичникова «Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгунов. Историко-литературный очерк по неизданным документам» («Русская старина», 1898, №№ 11 и 12). Автор вынужден был специально оговорить, что Мельгунов «прочно забыт», собрать о нем достаточно материала не удалось, и очерк поэтому страдает неполнотой, особенно в той части, где речь идет о деятельности Мельгунова в пятидесятых и шестидесятых годах («Русская старина», 1898, № 11, стр. 299). Поскольку переписка Герцена с Мельгуновым возникла во второй половине сороковых годов и закончилась в начале шестидесятых, мы сочли необходимым обследовать этот период жизни и деятельности Мельгунова заново, привлекая материалы, не использованные Кирпичниковым.

Николай Александрович Мельгунов родился в Орловской губернии в семье состоятельного помещика. Получив порядочное домашнее образование, юноша в пятнадцатилетнем возрасте был отдан в Благородный пансион при Педагогическом институте в Петербурге, затем в сопровождении профессора Д. Е. Василевского отправился за границу. После возвращения в 1824 г. Мельгунов выдержал экзамен, полагавшийся по указу, и поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. К этому времени относится сближение Мельгунова с братьями Д. В. и А. В. Веневитиновыми, С. П. Шевыревым, А. И. Кошелевым, С. А. Соболевским, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, В. П. Титовым и другими представителями московской дворянской молодежи.

Большинство перечисленных сослуживцев и приятелей Мельгунова, как и он сам, чуждались политической жизни, и нараставшая гроза 1825 г. прошла мимо, не задев сколько-нибудь серьезно почти никого из них. Философские и литературно-эстетические интересы и занятия, как им казалось, вполне оправдывали это странное для тогдашней образованной молодежи равнодушие. Впрочем, недаром Пушкин назвал их в «Евгении Онегине» «архивными юношами», а в черновиках седьмой главы даже «архив-

ными франтами» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.—Л., 1937, т. VI, стр. 160 и 457).

Особенно близок был Мельгунов с М. П. Погодиным и с М. И. Глинкой; с первым его связывали общие литературные интересы — сотрудничество в журнале «Московский вестник», а со вторым — любовь к музыке и близкое товарищество. Дружбу и близость с Погодиным сохранил Мельгунов в течение всей жизни, как и дружеские отношения с Глинкой. Дальнейшие опыты литературной деятельности Мельгунова были осуществлены им совместно с С. П. Шевыревым и В. П. Титовым. В 1826 г. эти «архивные юноши» перевели на русский язык книгу Л. Тика и В. Вакенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком» (Москва, 1826). В следующем, 1827, году, по совету известного статистика Кеппена, Мельгунов совершил путешествие по России, главным образом южной, с образовательными целями (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, стр. 105 и сл.). В последующие годы, вплоть до начала тридцатых, Мельгунов, продолжая поддерживать прежние связи, познакомился и сблизился также с Баратынским, Чаадаевым, Д. Н. Свербеевым и другими представителями литературной Москвы. К 1831 г. относится первое выступление Мельгунова в качестве беллетриста: его повесть «Кто же он?» напечатана в журнале «Телескоп». В 1834 г. эта и другие его повести и роман «Да или нет?» вышли в Москве в двух книгах, озаглавленных «Рассказы о былом и небывалом». Однако не отмеченная печатью художественного дарования ультраромантическая беллетристика не стяжала автору славы. Ему принесла известность книга совсем в другом роде и притом написанная не им, а только с его слов. Книга эта — «Literarische Bilder aus Russland»—nach mündlichen Mitteilungen des Russen Melgunow, 1837 — явилась результатом совместной работы Мельгунова с немецким писателем Кёнигом (Heinrich-Joseph König). Предпринимая в тридцатых годах поездки за границу, главным образом в Германию и Францию, Мельгунов познакомился с несколькими иностранными литераторами, в том числе с известным немецким критиком Варнагеном фон Энзе, со знаменитым французским писателем Проспером Мериме, с Кёнигом, с немецким переводчиком В. Вольфзоном и другими. Все эти лица живо интересовались русскою литературою, проявляя к ней искреннюю симпатию. Мельгунов постарался ввести своих собеседников и новых друзей в курс литературной жизни и борьбы, развивавшейся на русской почве, мало знакомой европейцам. Кёниг, относившийся к русской литературе с особенным интересом, стал, приходя к Мельгунову, записывать его рассказы. Этюды и очерки, посвященные русской литературе, напечатанные по-немецки, как указано выше — в 1837 г., привлекли к себе внимание и в Западной Европе и в России. Книга была переведена на многие языки. В России эта работа подверглась жестоким нападкам со стороны реакционной печати. Н. И. Греч выступил против Кёнига—Мельгунова со специальными брошюрами на русском и немецком языках; «Северная пчела» в двух анонимных статьях (1838, №№ 35 и 232) и затем Н. Полевой в «Сыне отечества» (1839, № 1, отд. «Критика», стр. 44) тоже напали на книгу. Главной причиной этого ожесточения была та весьма резкая характеристика, которую, со слов Мельгунова, дал Кёниг деятельности Булгарина, Греча и Сенковского, характеристика, впервые показавшая европейскому читателю действительное лицо этих полицейских литераторов.

В ответ Мельгунов выпустил брошюру «История одной книги» (М., 1839), в которой опроверг инсинуации Греча и других.

«Очерки» Кёнига—Мельгунова сыграли положительную роль в ознакомлении европейских читателей с общей картиной развития русской литературы *. Герцен в этом смысле и отметил книгу Кёнига в своей статье «Россия» (V, 338). Белинский тоже знал историю «Очерков», полушутливо называл Мельгунова «суфлером Кёнига» и нападал на него, повидимому, за похвалы, воздаваемые в книге литературной деятельности Шевырева (см. В. Г. Белинский. Письма. СПб., 1914, т. I, стр. 211 и 409).

---

* На русском языке под названием «Очерки русской литературы» книга Кёнига впервые появилась только в 1862 г., в Петербурге.

В тот же период, т. е. в 1835 г., Мельгунов начал сотрудничать в «Московском наблюдателе», а с 1839 г. в петербургских «Отечественных записках». При этом он не порывал связей с Погодиным и Шевыревым, занимая промежуточную позицию между различными направлениями общественной мысли и литературы. Точно так же и впоследствии, в сороковые годы, Мельгунов, оставаясь сотрудником «Москвитянина», сблизился с литераторами, объединявшимися вокруг Белинского и Герцена сперва в «Отечественных записках», а затем и в «Современнике».

В 1846 г. Белинский, собирая в Москве, с дружеской помощью Герцена, материалы для альманаха «Левиафан», напечатанные впоследствии в «Современнике», получил от Мельгунова статью «Иван Филиппович Вернет — швейцарский урожденец и русский писатель» и одобрительно отозвался о ней в письме к Герцену от 20 марта 1846 г. (В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 104—105). «В этой статье много мемуарного интереса», — писал Белинский и, указывая на достоинства первой части статьи, замечал: «Статья мне очень понравилась». Однако уже в следующем году Белинский дважды высказался против Мельгунова. В письмах к В. П. Боткину от 17 февраля и 22 апреля 1847 г. (В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 177, 200 и сл.) Белинский резко и насмешливо отвел предложение Мельгунова привлечь к более близкому участию в «Современнике» Н. Ф. Павлова, а во втором письме дал критическую характеристику личности Мельгунова и его литературной деятельности. «...Николай Александрович, — пишет Белинский, — человек умный и образованный, с копотливым усердием он следит за всем новым, и нет ничего нового, чего бы не принял он к сведению. Но, по своей натуре, он не в состоянии усвоить себе никакого резко-определенного, *характеристического* образа мыслей. Он *примиритель*, московский Одоевский. Он чуть не плачет, когда у нас, при нем, Шевырева называют подлецом (я сам был свидетелем этому), и я уверен, что он тоже чуть не плачет, когда Шевырев, при нем, честит меня по-своему. Ему хотелось бы всех нас свести и помирить. Он не понимает антипатии убеждений и натур. Поэтому роль его жалка: обе крайние стороны смотрят на него как наполовину своего, а в сущности ничьего. Это отражается и в его статьях: он хлопочет, чтобы в них не было односторонности, пристрастных убеждений, нетерпимости, узкости в созерцании и понятиях, — а достигает только того, что в них нет закваски, крепости, что они бесцветны, ни то ни се».

Эта характеристика, сделанная не только с точностью, но и с необыкновенной прозорливостью, вполне может быть отнесена и к позднейшей общественной деятельности Мельгунова. В течение двух десятилетий он занимал в острой общественно-политической борьбе позицию «примирителя», поддерживая и личные и литературные связи с деятелями разнородных и даже противоположных лагерей. Свой путь он окончил как автор дюжинных и пошлых статеек в либерально-буржуазной печати.

Белинский в цитированном письме резко аттестовал «Московский фельетон» Мельгунова, сообщил об отказе редакции напечатать его статью «Бурши и филистеры», перепечатать статью о Берлиозе и принять многие другие его предложения. Он пишет далее: «Мы решились несколько расхолодить усердие Мельгунова». «Печатай все это, — говорит Белинский, — и журнал сейчас примет характер умной, честной, добросовестной и благородной посредственности» (там же, стр. 202 и 204).

Иронические отзывы о Мельгунове встречаются также в письмах Некрасова и Панаева той же поры, свидетельствуя о том, что в оценке Мельгунова редакция «Современника» была единодушна. После майской книги журнала 1847 г., насколько нам известно, Мельгунов сотрудничать в «Современнике» перестал.

2

С Герценом Мельгунов познакомился в конце 1845 г. Переписка Герцена, начиная с апреля 1846 г., содержит неоднократные и разнообразные упоминания о Мельгунове. В 1846 г. Герцен воспользовался посредничеством Мельгунова, чтобы довести до сведения М. П. Погодина свой «громкий протест» против появления в альманахе «Первое апреля» выступления Некрасова по адресу К. С. Аксакова и Погодина

(см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. 8. СПб., 1894, стр. 355, а также «Лит. наследство», т. 53-54, 1949, стр. 66). Когда Герцен в 1847 г. уезжал за границу, Мельгунов провожал его до станции Черная грязь вместе с ближайшими друзьями. Хорошо зная Германию и Францию, он снабдил Герцена многими советами и указаниями. Повидимому, именно Мельгунов рекомендовал его Варнгагену фон Энзе специальной запиской (см. «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 28, 32). При посредничестве Мельгунова и по его инициативе подготовлялись первые переводы произведений Герцена на немецкий и французский языки. Эти вопросы в переписке Герцена и Мельгунова обсуждались с самого начала пребывания Герцена за границей. Так, в конце 1847 г. Герцен сообщил В. П. Боткину: «...Получил от Мельгунова письмо с известием о том, что какой-то волчий сын ‹шутка: Герцен имеет в виду упомянутого выше немецкого писателя-переводчика Вильгельма Вольфзона. — *Н. З.*› меня хочет печатать в переводе на германском диалекте с присовокуплением ноты биографической. Мериме я просил доставить „Кто виноват?“, а не пошлет ли Мельгунов „Крупова“ Вольфсону, благо его хвалят. Поклонись ему от души» (там же, стр. 41—42, 44).

В письмах к московским друзьям за 1847—1848 гг. Герцен неоднократно упоминает о Мельгунове в столь же дружелюбных тонах (V, 181, 245; «А. И. Герцен. Новые материалы», цит. изд., стр. 49).

После приезда Мельгунова в 1850 г. за границу *, сближение его с Герценом продолжалось. В самую тяжелую для Герцена пору, в 1851—1852 гг., Мельгунов оказался одним из немногих дружественно расположенных к Герцену лиц, на сочувствие которых Герцен мог рассчитывать в той сложной, трагической обстановке, в которой ему пришлось действовать (см. VII, 15, 22). По выражению Герцена, это был период, когда «общее, частное — все неслось куда-то в пропасть...» (XIII, 542). В это время Герцен и Мельгунов писали друг другу довольно часто. «Его письма,—говорит Герцен,—всегда служат мне отрадой и отдыхом. Я ничего не знаю противоположнее его теплому, полному любви вниманию, как *таковова* Ник. Иван. ‹Сазонова›, который, наконец, вывел меня из терпения: фраза, холод и гранит» (VII, 51). И далее Герцен вновь прибавляет: «письма его утешительны» (там же, стр. 52).

Одно из этих писем, — от 16 апреля 1852 г., — сохранилось в «пражской коллекции» и публикуется ниже. Оно свидетельствует о том, что Мельгунов действительно относился к Герцену с искренней любовью и горячо принимал к сердцу несчастия, постигшие его. В этом и была основа их сближения за границей в начале пятидесятых годов. Но уже в 1853 г., едва только Герцен немного оправился от тяжких утрат и бедствий и снова вернулся к литературно-политической деятельности, он убедился, что взывать к Мельгунову как к соратнику в общественно-литературной борьбе в такой же мере тщетно, в какой тщетно ждать отклика от других московских либералов. Основывая русскую типографию в Лондоне, Герцен обращался к Мельгунову и А. В. Станкевичу с просьбой принять участие в этом деле, участие хотя бы только номинальное, — внести по небольшой сумме — хоть по двести франков, — чтобы дать ему, Герцену, право сказать, что типография учреждается не единолично им, а на средства нескольких русских, ради вольного русского слова. Герцен, разумеется, и не думал объявлять в печати имена жертвователей. Но Мельгунов отмолчался, так же как и Станкевич, как и все былые друзья Герцена, оставшиеся в России. И объяснялось это не только отсутствием гражданского мужества; нет, дело было в прямом отрицании революционной пропаганды Герцена.

В 1853 г. сношения Герцена с Мельгуновым, насколько нам удалось установить, прервались на долгий срок — вплоть до лета 1856 г., когда Мельгунов, очутившись впервые после окончания Крымской войны за границей, вновь вступил в переписку с Герценом, причем переписка их приняла иной, чем прежде, менее личный характер.

---

* Мельгунов, согласно справке Министерства внутренних дел, сделанной по требованию III Отделения, «был для излечения болезни его и жены его увольняем за границу в 1846, 1848 и 1850 гг., через год он просил об отсрочке отпуска ‹...› В октябре 1852 г. ему высочайше разрешено остаться за границей еще на один год. В августе минувшего 1852 г. Мельгунов находился в Париже» (ЦГИАМ, ф. III Отделения, «Всеподданнейшие доклады 1853 г.», т. I, лл. 43 об.—44).

После войны и явственно обозначившегося крушения режима Николая I Мельгунов, как и другие представители либерально-дворянской интеллигенции, стал принимать в общественно-политической борьбе гораздо более активное участие—«... с тех пор как я прозрел...», — писал Мельгунов Герцену 9 октября 1856 г. Дело было, конечно, не в «прозрении»: изменилась политическая обстановка, и Мельгунов, никогда не занимавший определенной общественной позиции, был на время поднят и захвачен волной общественного возбуждения, ни на вершок не выходя, однако, за пределы «либеральных надежд».

В нашем распоряжении имеется несколько архивных документов, характеризующих взгляды Мельгунова накануне Крымской войны. Взгляды эти были весьма умеренны. Во всеподданнейших докладах III Отделения о Н. Ф. Павлове и Н. А. Мельгунове, представленных А. Ф. Орловым и Л. В. Дубельтом Николаю I 11—13 марта и 5 декабря 1853 г., содержатся любопытные сведения о Мельгунове. Первый доклад был составлен в результате рассмотрения бумаг Павлова. «Большая часть бумаг Павлова, — говорится здесь, — состоит из писем к нему Мельгунова ⟨...⟩ Письма Мельгунова были рассмотрены с наивеличайшим вниманием. Из них видно, что Мельгунов обладает умом довольно основательным; он не только не согласен с превратными суждениями московских славянофилов, но и всегда спорил против преступных мнений Герцена еще в то время, когда этот последний (ныне изгнанник) находился в России. Равным образом из писем Мельгунова незаметно, чтобы он сильно был занят политикой...» *.

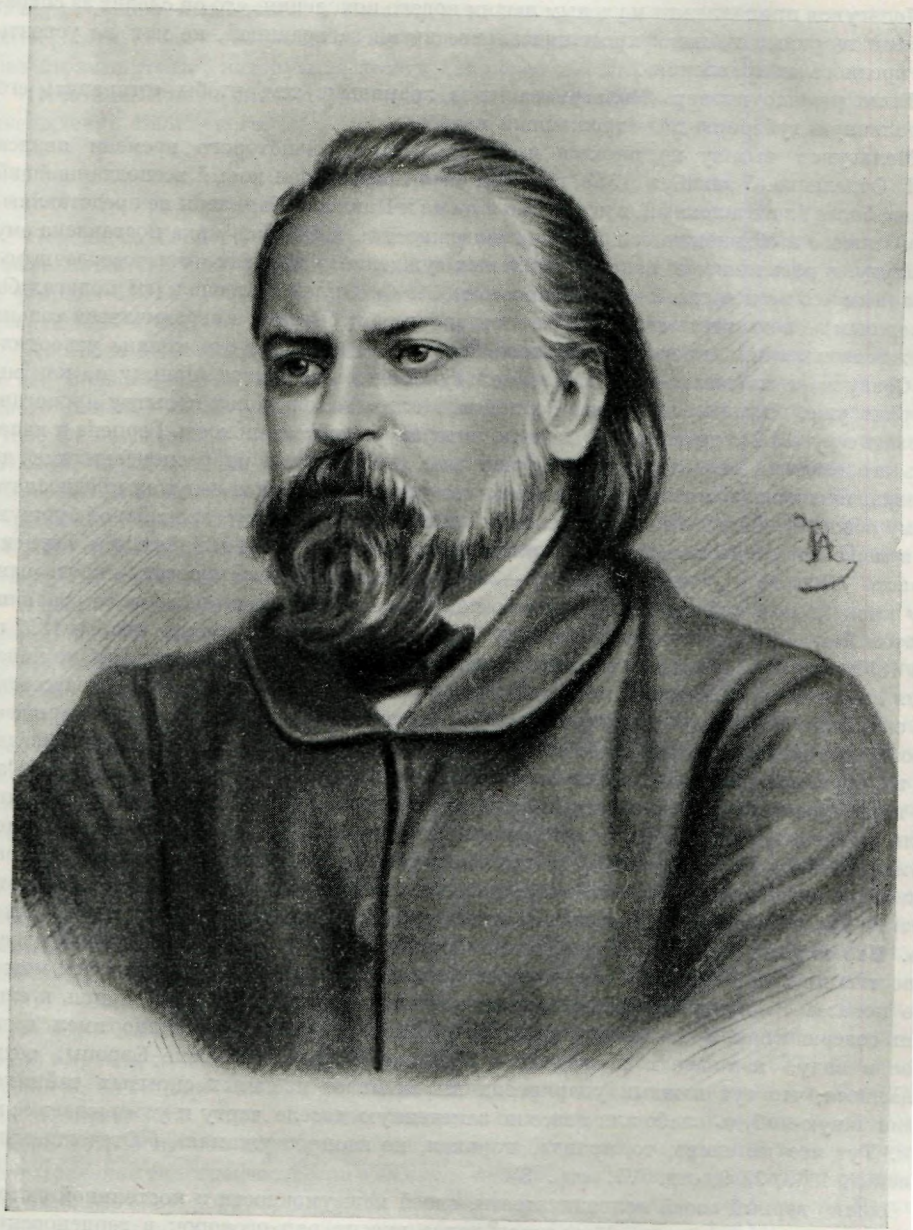
Итак, основное впечатление жандармов оказалось для Мельгунова благоприятным. Оно было подкреплено следующими соображениями: «В одном письме 1848 г., — отмечается в докладе, — спрашивая Павлова, приготовляются ли русские к походу против венгерских мятежников, Мельгунов показал даже мысли благонамеренные, ибо спрашивал в том смысле: неужели русские не противопоставят преграды революционному потоку Западной Европы. Вообще Мельгунов в суждениях своих умерен и чрезвычайно осторожен».

Политический портрет Мельгунова, набросанный канцелярией Дубельта, был бы, с точки зрения жандармов, вполне благополучным, если бы не настойчивое обвинение Мельгунова в «самом противозаконном образе мыслей», выдвинутое против него московским генерал-губернатором А. А. Закревским. Поэтому III Отделение продолжало «рассматривать» письма Мельгунова и нашло только одно, которое привлекало внимание своей «крамольностью». Отрывок из этого письма, относящегося к сороковым годам, включен в доклад, и мы воспроизводим его полностью:

«Хочешь ли знать мой идеал, — пишет Мельгунов, возражая славянофилам, — для меня существуют только племена и народы. Они одни живые организмы. В них заключается и церковь и государство. Другими словами: не должно быть ни церкви, ни государства, а только живой народ. Исторический процесс христианского мира Восточного и Западного) тот, что сначала преобладала церковь над государством; теперь, после долгой борьбы, преобладает государство над церковью. Но уже настает время борьбы отвлеченного государства с живым народом. Еще недавно говорили, что не народ для царя, а царь для народа, теперь следует говорить: не народ для государства, а государство для народа. Что мне в сильном государстве, когда каждый из его членов, отдельно взятый, лежит под бременем нищеты и неправды? Мне дорого не отвлеченное понятие, а живой человек. Я иду дальше и говорю: не человек для народа, а народ для человека, потому что и само понятие о народе есть, так сказать, живая отвлеченность в сравнении с живым человеком. Что мне до сильного народа, когда отдельно взятые сочлены его слабы. Для меня силен и поистине жив лишь тот народ, который способен восстать за каждого из своих сочленов. Коли один за всех, то и все за одного!»

Как ни отвлеченно, как ни общо звучала эта декларация Мельгунова, III Отделение усмотрело в ней отражение «вредных учений» социалистической мысли, которые

* Здесь и далее цитируем «Всеподданнейшие доклады 1853 года», т. I, лл. 35—45 «О титулярных советниках Павлове и Мельгунове» и «Всеподданнейшие доклады 1 и 2-й экспед. 1853 г.», т. II, лл. 207—208 об., ЦГИАМ, ф. 109.



ГЕРЦЕН

Фототипия с рисунка И. А. Астафьева

Местонахождение оригинала неизвестно

получили столь большое развитие в сороковых годах: «Невозможно ⟨...⟩ не видеть, что Мельгунов принадлежит к ученым людям нового поколения, что он следит за современными теориями и, живя продолжительное время за границей, не мог не усвоить себе вредного направления».

Было решено вызвать Мельгунова из-за границы с тем, чтобы «отправить его в отдаленную губернию под строжайший надзор».

Мельгунов вызову подчинился и по прошествии некоторого времени явился в III Отделение. 5 декабря 1853 г. о нем был представлен новый всеподданнейший доклад, более благосклонный, в котором и письма к Павлову объявлены не представляющими «ничего к обвинению его в неблагонадежности», и быстрая явка поставлена ему в заслугу, и раскаяние «в непозволительных суждениях» признано «чистосердечным», сделанным «со всей честною откровенностью». А. Ф. Орлов заключал: «Я полагал бы возможным не подвергать его высылке в отдаленную губернию, а ограничиться только учреждением за ним строгого секретного надзора». Николай I это мнение утвердил.

Сразу же после заключения мира, Мельгунов вновь поехал за границу и, как мы говорили уже, восстановил связь с Герценом. Мало того, он сделал попытку пропагандировать в русской подцензурной печати литературную деятельность Герцена и изложить его взгляды на европейскую буржуазию. Работая над корреспонденциями из Парижа, предназначенными для «Русского вестника», Мельгунов задумал предпослать своему обзору французской общественной жизни характеристику европейской буржуазии и мещанства и воспользовался для этого знаменитым «Post scriptum'ом» Герцена (V часть «Былого и дум», XIII, 390—397). Намеревался он провести сквозь цензуру также и свои собственные мысли по поводу этих острых герценовских страниц. Об этом намерении он сообщал Герцену 9 октября 1856 г. и в начале января 1857 г Ни в 1857, ни в 1858 г. осуществить свой замысел Мельгунову не удалось; однако намерения своего он не оставил — и осенью 1859 г. (в сентябре — ноябре) в «Отечественных записках» появились три его статьи под названием «Заметки русского в Париже», из которых первая содержит в себе указанные страницы Герцена и изложение его взглядов на буржуазию Запада. Полностью перепечатав пять страниц «Post scriptum'а» (см. ниже примечания к письмам №№ 8, 9, 25), он заключил их следующими словами: «Если за такую длинную выписку мне придется просить у кого-нибудь извинения, то уж, конечно, не у читателей, которые скажут за нее спасибо, а разве у автора. Приведенные мною страницы заключают в себе, по-моему, поразительно верное, хоть и резкое определение современного западного и по преимуществу французского общества. Кто коротко знаком с теперешней Францией, того невольно остановит своею верностию и глубиной эта беспощадно правдивая характеристика. Издали в ней может иное показаться преувеличенным и даже неточным, но когда вблизи видишь и слышишь совершающееся на Западе, во Франции, которую автор очевидно имел всего более в виду, наконец в центре их — Париже, этом микрокосме Европы, тогда сознаешься, что тут каждый удар резца выхватывает из самых скрытых тайников жизни какую-нибудь слабо или вовсе не замеченную доселе черту и утверждает ее на меди. Тут что ни слово, то правда, горькая, но неопровержимая» («Отечественные записки», 1859, № 9, отд. VI, стр. 8).

Однако верный своей половинчатости, своей межеумочности и постоянной склонности к «примирительству», Мельгунов далее вносит ряд оговорок в герценовскую характеристику буржуазии, показывающих, как он, в сущности, далек от прогнозов Герцена. Признавая, что европейское буржуазное общество именно таково, каким его изобразил Герцен, Мельгунов в то же время берет буржуазию под защиту, становится ее апологетом и утверждает, будто она сможет преодолеть свой «коренной недуг», так как «в буржуа сидит» якобы «прежний лучший человек». Прямо наперекор суждению Герцена он говорит, что именно этой «лучшей, чистой, прежней стороною» только и держится «здешняя общественность», и выражает надежду, что «зловещие диагносты» ошибутся — «здоровые соки во французской нации и вообще на Западе» одержат победу над глубоким историческим недугом. Причем здоровыми соками он считает отнюдь не демократические слои французского народа (на которые рассчитывал, например, Чернышевский), а существующую якобы здоровую часть буржуазии.

Таким образом, и эта статья, являющаяся как бы попыткой пропагандировать взгляды Герцена-изгнанника в России, в то же время дискредитирует эти взгляды, подтверждая своей половинчатостью и двойственностью ту характеристику Мельгунова-«примирителя», которую за десять лет перед тем дал ему Белинский.

Печатаемые ниже письма Мельгунова прекрасно иллюстрируют справедливость утверждений Белинского.

3

Переписка Герцена с Мельгуновым за 1856—1858 и последующие годы сохранилась лишь частично и односторонне. Письма Герцена, кроме короткой записки от 22 февраля 1859 г. (IX, 514), в печати неизвестны. По всей вероятности, Мельгунов, возвращаясь в Россию, писем Герцена взять с собой не решился.

Из писем Мельгунова сохранилась приблизительно половина. Неизвестны письма за все первое десятилетие знакомства Герцена с Мельгуновым (1846—1855), кроме одного письма 1852 г., упоминавшегося выше. Период их переписки, начинающийся в 1856 г., представлен тридцатью девятью письмами Мельгунова к Герцену и одним письмом, адресованным Огареву. Из них тридцать шесть писем печатается почти полностью (мы опустили лишь подробности денежных счетов Мельгунова с Герценом), а три письма приводятся в настоящем томе в разделе аннотаций. Среди перечисленных писем имеются четыре, которые были ранее известны в извлечениях. В настоящей публикации они воспроизводятся полностью по автографам.

Публикуемые письма имеют значительный историко-литературный интерес. Они относятся, как сказано, главным образом к 1856—1858 гг., освещая знаменательный период литературно-издательской деятельности Герцена — период выработки политической программы и первого года существования «Колокола».

Важнейшими источниками для изучения этого периода являются письма Герцена к М. К. Рейхель и его переписка с И. С. Тургеневым; наряду с этими первоклассными документами, публикуемые письма представляют несомненный интерес: они приоткрывают перед нами многие стороны отношений Герцена с представителями российского либерализма, к которым принадлежал и Мельгунов.

Как раз в середине 1856 г., после выхода в свет второй книги «Полярной звезды», начал с необычайной быстротой расти спрос на все издания Вольной русской типографии. Герцен справедливо увидел в этом факте сочувственный отклик общества на его политическую проповедь. 10 июня 1856 г. в письме к Рейхель он с удовлетворением отмечал: «... с заключения мира (т. е. после подписания Парижского трактата 30 марта 1856 г. — *Н. З.*) Трюбнер продал на чистые деньги моих книг слишком на *две тысячи франков*. — Каково чешем?» (VIII, 317). К концу того же года названная Герценом цифра выросла до десяти тысяч (VIII, 373), а к середине следующего, 1857 г., на складе Трюбнера не осталось ни одного экземпляра изданных Герценом книг. Это был крупный политический успех. В дальнейшем он был закреплен основанием «Колокола». Вскоре потребовалось повторение большинства изданий, выпущенных за все время существования типографии. Были в их числе переизданы книжки небольшого формата — сборники статей и корреспонденций, выходившие под названием «Голоса из России». «Голоса» впервые были выпущены летом и осенью 1856 г. (части I и II), следующие — в 1857 г. (части III и IV). Сборники эти в силу своего либерально-монархического характера резко не соответствовали направлению основанного в 1857 г. «Колокола». Печатая в «Голосах» одну из статей Мельгунова, Герцен заявил: «Мы громко протестуем против всякой солидарности между направлением статей, нами печатаемых, и нашими мнениями» («Голоса из России», кн. IV, Лондон, 1857, стр. 158).

Именно к «Голосам из России» имел ближайшее отношение автор публикуемых писем. Мельгунов, как оказывается, привез из России Герцену летом 1856 г. несколько рукописей, вошедших во вторую и последующие части «Голосов». Кроме того, он был автором и одной из статей первой части («Мысли вслух об истекшем тридцатилетии»). В так называемом «Первом выпуске второй части» напечатана его статья «Приятельский разговор», а в четвертой — статья «Россия в войне и мире». Как известно, задачей

«Голосов из России» было обнародование той рукописной литературы, которая возникла к концу царствования Николая I. «Статьи, печатаемые нами, — писал Герцен в издательском предисловии к первой части, — особенно важны потому, что они принадлежат к той письменной литературе, которая развивалась с необыкновенной силой во время последней войны и после смерти Николая I. Это— первые опыты, еще робкие и непривычные, русской речи о русском общественном деле, являющиеся после тридцатилетнего молчания. По этим статьям можно отчасти судить об общественном мнении России в 1855 г., о вопросах, занимавших тогда и теперь умы» (VIII, 321).

Герцен, однако, не только не солидаризировался с тем «общественным мнением», которое выразилось в статьях «Голосов из России» (особенно в первой части), но и в предисловии, и в письмах того времени, и позже резко и определенно подчеркивал свое несогласие с этими статьями. О своем несогласии с основным, программным документом «Голосов», с так называемым «Письмом к издателю» (оно было составлено К. Д. Кавелиным вместе с Б. Н. Чичериным и подписано «Русский либерал»), Герцен заявил в цитированном предисловии «От издателя». Кроме того, Герцен и здесь и позже, говоря о «Голосах из России», не раз напоминал читателям: «...прошу не забывать, что я — только типограф».

Несмотря на свое несогласие с российскими либералами-монархистами, вроде К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и примкнувшего к ним Н. А. Мельгунова, Герцен все же считал полезным опубликовать и эти статьи, поскольку авторы их тоже критиковали, со своей точки зрения, *«современный порядок дел в России»* (VIII, 321). Он печатал эти статьи прежде всего потому, что в то время не получал еще из России других, критиковавших «порядок дел в России» с последовательных революционных позиций.

Однако Герцен отчетливо видел и отрицательные стороны либеральных писаний и, начав публиковать некоторую часть присланных ему рукописей, вскоре же приостановил печатание. Сохранился даже любопытный след этих издательских колебаний Герцена. Дело в том, что в первом выпуске «Голосов из России» напечатано «Оглавление первой части» с подзаголовком «Статьи 1855 года», содержащее названия одиннадцати статей и заметок, из которых только первые три фактически вошли в эту часть. Остальные же Герцен либо вовсе не напечатал, либо включил поодиночке в следующие выпуски *. Герцен прекратил на время печатание статей 1855 г., так как получил возможность сравнить их с новыми рукописями, привезенными Мельгуновым (см. упоминания о привезенных Мельгуновым из России пакетах в письмах Герцена к М. К. Рейхель от 23 и 26 июня 1856 г. — VIII, 319 и 320), и предпочел сперва напечатать статьи 1856 г., хотя и они далеко не удовлетворяли его. В предисловии ко второй части «Голосов» Герцен следующим образом объяснял читателям причины изменения первоначального плана: «В продолжение печатания первого выпуска мы получили ряд статей, по большей части писанных в 1856 г. Разница их тона со статьями 1855 так резка и так замечательна, что мы решились немедленно напечатать некоторые из них. Они послужат дополнением, объяснением, поправкой статьям 1855 года» (VIII, 325). В каком смысле говорил Герцен о большей приемлемости новых статей? Ответ на этот вопрос мы находим в письме Герцена к Н. М. Щепкину от 8 января 1857 г. Опровергая

---

* Приводим текст оглавления, сообщая, по возможности, о судьбе каждой статьи.
Заметка Герцена «От издателя». Напечатана в первой части.

1. «Письмо к издателю в виде предисловия»; подписано «Русский либерал». Стр. 9—20 печатного текста принадлежат К. Д. Кавелину, стр. 21—36—Б. Н. Чичерину. Напечатано в первой части.

2. «Записка о письменной литературе»; автор неизвестен; возможно, что это— К. Д. Кавелин. Напечатана в первой части, стр. 40—66.

3. «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии»; статья приписывалась Т. Н. Грановскому; действительный автор—Мельгунов. Напечатана в первой части, стр. 67—164. Принадлежность статьи Мельгунову указана Б. Н. Чичериным в книге «Воспоминания. Москва 40-х годов», М., 1929, стр. 159—160.

4. «Священный союз и австрийская политика»; статья Б. Н. Чичерина. Герценом не напечатана.

5. «Об аристократии, в особенности русской»; статья Б. Н. Чичерина. Герцен перенес ее в третью книжку «Голосов», Лондон, 1857, стр. 1—113. О своем авторстве сооб-

«либеральные надежды» своего корреспондента, Герцен писал: «Ведь, это детей утешают в болезнях конфетами, — нам нужны операции, горькие лекарства; не отдадимте нашего негодования, наших стремлений, выстраданных под лапой Николая, за барскую ласку... Ряд статеек, полученных мною из России и напечатанных в 1-й книжке „Голосов", совершенно ложен, и через несколько месяцев я получил совсем иные статьи, практически дельные (II книжка)» (VIII, 386). Герцен, следовательно, с самого начала, с первого выступления либералов в бесцензурной печати, считал позицию Кавелина и Чичерина совершенно ложной. Огарев, в полном согласии с ним, рассматривал статью-письмо «Русского либерала» как прямое проявление политического «лакейства», развитого в России «незабвенным», т. е. Николаем I (см. «Избранные социально-политические и философские произведения», т. I. М., 1952, стр. 195). К статьям, присланным позже, т. е. привезенным Мельгуновым, Герцен тоже отнесся, в конечном счете, отрицательно. Почти одновременно с цитированным выше предисловием ко второму выпуску «Голосов» (оно датировано 19 августа 1856 г.) в письме к М. К. Рейхель от 16 августа Герцен писал: «Статьи русские печатаю, а плохи (то есть часть их очень подло написана), с нашими-то выражениями, напоминающими переднюю и Епифанова» (VIII, 325). Таким образом, и в некоторых статьях второй части Герцен усматривал тот же дух лакейства и раболепия, какой был присущ первой части, все то же «воззрение осиплых „Голосов" 1-го ливрезона», по его выражению (VIII, 372). К числу этих отрицательно оцененных Герценом статей, несомненно, относилась и статья Мельгунова «Россия в войне и мире». Она была отложена, а позже, печатая ее, Герцен особо оговорил свое решительное с нею несогласие (см. выше, стр. 315)

Но и первая статья Мельгунова, напечатанная в том же «1-м ливрезоне» «Голосов из России», проникнута раболепным духом. «Мы все простираем руки к престолу и молим: простору нам, державный царь!» — восклицал Мельгунов и, обращаясь к молодежи, декламировал: «Время радикализма, кажется, прошло даже для западной Европы. У нас же ему и не следует возникать, ибо у нас всякое начинание истекает сверху (...) Попытки *снизу* к насильственному изменению существующего вызывали одно лишь усиление строгости. Покажем полное доверие к молодому царю...» и пр., и т. п.

Что же касается «практически дельных» статей, то во второй книжке «Голосов» к ним может быть причислена только одна — «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях». Это — разоблачение фактов казнокрадства и ограбления солдат начальниками, написанное с отличным знанием предмета. Автором статьи был брат Б. Н. Чичерина — Владимир Чичерин, имевший личный опыт службы в армии (см. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва 40-х годов, цит. изд., стр. 163—164).

Герцен в 1856 г. считал Кавелина автором программной статьи «Голосов» (см. VIII, 338). Из воспоминаний В. Н. Чичерина и писем Кавелина, адресованных Погодину (см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 202 и сл.), мы знаем, что инициатором объединения либералов для совместных литературно-

---

щает сам Чичерин («Воспоминания. Москва 40-х годов», цит. изд., стр. 161—162; он же указывает, что статья эта приписывалась Ю. Ф. Самарину).

6. «Россия в войне и мире»; автор—Мельгунов; статья датирована: «1855, накануне Рождества». Герцен перенес статью в четвертую книжку «Голосов», Лондон, 1857, стр. 130—158. Публикуя статью, он сделал специальное примечание. См. его текст выше, стр. 315.

7. «О крепостном состоянии»; статья Б. Н. Чичерина, Герцен перенес ее в первый выпуск второй части. Лондон, 1856, стр. 127—229. (См. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва 40-х годов, цит. изд., стр. 163.)

8. «Государственное крепостное право»; статья К. Д. Кавелина. Герцен перенес ее в третью книжку, Лондон, 1857, стр. 138—171.

9. «Самодержавие и неограниченная монархия»; статья неизвестного. Герценом не напечатана.

10. «Шнуровая книга обличений»—несколько обличительных заметок, дополненных материалами, привезенными Огаревым из России в апреле 1856 г. Перенесены в третью книжку, где напечатаны с примечанием Герцена, подчеркивающим полезность этого отдела «Голосов» (см. VIII, 522—523). Отдел этот—прямой предшественник обличительной «Смеси» «Колокола».

11. «Исповедь русского помещика»; автор неизвестен. Герценом не напечатана.

публицистических выступлений, в результате которых и возникли «Голоса», был действительно Кавелин; он же был одним из первых распространителей программных документов «умеренных» в виде рукописной литературы. Вероятно, он же в декабре 1855 г., сообщив в письме Погодину дошедший до него слух о смерти Герцена, предложил использовать якобы освободившуюся лондонскую типографию для напечатания этих рукописей. В воспоминаниях Чичерина рассказано о том, как он и Кавелин объединились для распространения «рукописной литературы», как явилось к Кавелину третье лицо, предложившее со своей стороны принять участие и в написании и в распространении статей. Этим лицом был Мельгунов. Можно не сомневаться в том, что Мельгунов вошел в сношения с Кавелиным не без ведома Погодина.

На основании всех данных, содержащихся в переписке названных лиц, можно заключить, что «Голоса» возникли не в результате более или менее случайного доставления Герцену рукописей из России, а в результате продуманного и подготовленного шага, сделанного представителями умеренного либерализма, которые намеревались создать свой орган за границей.

Несомненно, что полемика против «Полярной звезды» и Герцена, начатая в первой части «Голосов» Кавелиным и Чичериным (см. «Письмо к издателю в виде предисловия»), должна была быть продолжена. Либералы желали иметь орган, который противостоял бы социалистической и революционной пропаганде Герцена в «Полярной звезде» *. Само собой разумеется, Герцен только до поры до времени мог мириться с ролью издателя книг, направленных против него же. Программа блока либералов, создававшегося за спиной Герцена и против Герцена, была сформулирована Кавелиным в одном из упоминавшихся писем к Погодину: освободить крестьян с той землей, которою они владеют, «без обиды для барина, т. е. с выкупом», «сохранить неограниченную власть государя, основав ее на возможно широких местных свободах»; далее — реформы «центрального, местного, земского и сословного управления и суда» и, наконец, «участие выборных в делах управления». Средством к достижению перечисленных целей должны были служить пропаганда реформ и обличение правительственных безобразий. Располагая (по близости к царскому правительственному аппарату и к разным канцеляриям) сведениями и материалами разоблачительного характера, такие лица, как Кавелин и Милютин, Погодин и Чичерин и т. д., действительно могли организовать либеральную обличительную кампанию и даже создать специальный орган для этой цели; этими органами и должны были стать «Голоса из России» и та обличительная газета, которую Кавелин настойчиво советовал Герцену создать на французском языке **.

Созданная Герценом и Огаревым газета «Колокол», несмотря на умеренность выставленных издателями политических требований, приняла, однако, направление, ненавистное Кавелину и его компании. Герцен и Огарев создавали «Колокол» как орган общественного мнения демократических кругов русского общества, настроенных революционно, а не реформистски. Апелляция к «верхам», либеральные отступления от демократизма возникали на его страницах из-за недостаточной в отдельных вопросах и, особенно, в отношении тактики, революционной последовательности Герцена и Огарева. К тому же, редакция «Колокола» находилась в особо трудном положении: наиболее осведомленные ее корреспонденты, снабжавшие заграничную политическую газету материалами и информацией, принадлежали в течение первого года существования «Колокола» преимущественно к лагерю либералов. Кавелин был среди этих корреспондентов одним из влиятельнейших. Он, клянясь в дружбе и любви к Герцену, в преклонении перед ним, как перед великим человеком, «первым человеком в целой Европе» (из письма 1859 г.), не оставлял с 1856 г. попыток навязать Герцену антидемократическую и антисоциалистическую, либерально-монархическую программу. На этой почве многократно и возникали те расхождения и разногласия, которые уже в конце 1858 г. привели к полному разрыву Герцена (и редакции «Колокола» в целом) с Чичериным, а в 1859 г. — к крупным расхождениям с Кавелиным. Эти расхождения

* «Колокола» тогда еще не было.

** В письме, написанном в конце 1856 или в начале 1857 г., М. П. Драгоманов ошибочно датировал это письмо августом 1857 г. См. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 3 и 8—9.

заставили Кавелина прибегнуть к весьма лицемерным маневрам. Их разоблачил Чичерин, сообщив Герцену в письме от 13/25 февраля 1859 г. следующее: «Мельгунов писал вам, что я — автор письма в первой книжке «Голосов из России». Об этом мы с вами поговорим при свидании. Надобно знать историю этого письма, чтоб извинить то, что могло показаться вам в нем оскорбительным. Теперь же скажу вам только одно: половину письма писал Кавелин, и я воздерживал слишком верноподданнические его излияния. Вот и судите!»* (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 42—43).

Приведенные данные позволяют заключить, что Мельгунов был в курсе весьма многих фактов и вопросов, касавшихся «Голосов из России», сам ближайшим образом

Literariſche

Bilder aus Rußland.

Herausgegeben

von

H. Koenig.

Stuttgart und Tübingen.

J. G. Cotta'ſcher Buchhandlung.

1837.

КНИГА Г. КЁНИГА «ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», НАПИСАННАЯ ПРИ УЧАСТИИ Н. А. МЕЛЬГУНОВА, 1837 г.

Фронтиспис и титульный лист

участвовал в «Голосах», вел переговоры и переписку с Кавелиным, Погодиным и Чичериным и, выполняя обязанности, так сказать, представителя этой группы за границей, находился в сношениях с Герценом. Как видно из печатаемых писем, он, подобно Кавелину, был сторонником объединения с теми славянофилами, которые сочувствовали реформам, и вел об этом переговоры с И. С. Аксаковым — переговоры, которые практически ни к чему не привели (см. письмо № 21).

Мельгунов, кроме того, в начале 1858 г., когда известные рескрипты Александра II (от 20 ноября и 5 декабря 1857 г.) возбудили и усилили либеральное движение, постепенно превращая это движение в опору правительственной и помещичьей реакции, принял участие в одной из самых типических попыток либералов воздействовать на Герцена и призвать его к умеренности и к сотрудничеству с Александром II. Мы имеем в виду письмо к Герцену, опубликованное М. П. Драгомановым в качестве письма неизвестного («Вольное слово», 1883, № 58); Мельгунов отметил в конце этого письма, что он вполне солидаризируется с автором. Впоследствии это письмо по недосмотру М. К. Лемке случайно было приписано Мельгунову (IX, 243). Письмо это, печатаемое нами по автографу (в приложении), в действительности оказалось принадлежащим Кавелину.

---

* Упомянутое Чичериным письмо Мельгунова к Герцену неизвестно в печати. Нет его также и в «пражской коллекции».

В 1857—1858 гг. Мельгунов принимал также некоторое участие в «Колоколе» и в других изданиях лондонской типографии. Как видно из печатаемых писем, он сообщал Герцену сведения о литературно-общественной жизни в России, о крестьянском движении, о мерах, предпринимаемых правительством, о поведении помещиков-крепостников, о мнениях и настроениях различных кругов общества. Эти сведения, как ни были они случайны и отрывочны, имели все же, без сомнения, существенное значение для Герцена, потому что круг его корреспондентов, осведомленных о положении дел в России, был в это время весьма узок. В нескольких случаях удалось установить факты использования Герценом сообщений Мельгунова в «Колоколе». В других случаях, если и нельзя утверждать, что именно данные Мельгунова послужили Герцену или Огареву материалом для той или иной заметки, остается несомненным, что редакция использовала их косвенно, сопоставляя с материалами, полученными от других лиц или из печатных источников. Именно из-за узости круга сотрудников и корреспондентов «Колокола» Герцен вынужден был проверять и дополнять сообщения одного лица сведениями, получаемыми от другого. Письма Мельгунова содержат ответы на многие вопросы Герцена, поставленные им для того, чтобы проверить имеющиеся в его распоряжении материалы и пополнить их.

Многие письма Мельгунова содержат сведения о тех же фактах, о которых упоминается в письмах Тургенева или в переписке Герцена с Рейхель. Мельгунов, конечно, в меньшем количестве, чем И. С. Тургенев, но тоже доставлял Герцену интересовавшие редакцию сведения. Он был одним из первых корреспондентов Герцена в тот период, когда ни о каком «потоке писем» из России еще не могло быть и речи. Герцен умел, с проницательностью и талантом поистине исключительными, не только извлечь из сообщений своих корреспондентов все ценное, но и придать «Колоколу» с первых же листов характер органа, прочными узами связанного с родиной, с реальным движением, происходящим в самых разных областях русской действительности, — органа, выражающего мечты и нужды народа.

Материалы, опубликованные ранее, говорили о том, что Мельгунов выполнил несколько переводческих работ для «Колокола» и «Полярной звезды» (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 598—599). Однако в литературе до сих пор не указывалось, что какая-либо статья в «Колоколе» принадлежит непосредственно Мельгунову. Основываясь на косвенных данных, содержащихся в публикуемых письмах, мы предполагаем, что фельетон «Русские в Париже в 1858 г.» с подзаголовком «Сцены для комедии», напечатанный без подписи в «Колоколе» от 15 марта 1858 г. и занимавший почти целиком 11-й лист, написан Мельгуновым *.

---

* Основания для этого заключения следующие. В печатаемых письмах Мельгунов несколько раз упоминает статьи и корреспонденции, которые он готовит для «Русского вестника». Статьи эти фигурируют под разными названиями: «Заметки русского в Париже» (письмо от начала января 1857 г., см. № 8) или «Статьи о французах» (см. письмо от 1 сентября 1857 г., № 25). Ни одна из корреспонденций не была напечатана в «Русском вестнике». Как рассказывает Мельгунов, рукопись, отправленная им в начале лета 1857 г. в Москву, была потеряна редакцией, а другого экземпляра у него не осталось, так как писал он набело (см. письмо от 3 февраля 1858 г., № 28). Не навели ли злоключения статьи автора на мысль поместить свои парижские впечатления в «Колоколе», редакцию которого могли заинтересовать, конечно, в первую очередь русские, а не французы? По содержанию и основной идее рассматриваемые «Сцены для комедии» вполне совпадают с мыслями, постоянно провозглашавшимися Мельгуновым. Так, например, там выведены двое молодых людей, «окончивших курс в Московском университете», — славянофил и западник. Оба олицетворяют излюбленную мысль Мельгунова о том, что в борьбе с крепостниками рознь и разногласия между «восточными» и «западными» должны быть отброшены и силы объединены. В этих же сценах выведен «полковник кавалерийской гвардии». Этот персонаж доказывает своим собеседникам, что полковые командиры обязаны своими «доходами» отнюдь не злоупотреблениям, а «благоразумным распоряжениям» — подобные же мнения подвергались критике в статье «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях» (Владимира Чичерина), привезенной Мельгуновым из России для «Голосов». Наконец, в фельетоне действует некий «господин Х., дворянин средней руки, путешествующий для удовольствия». Этот любитель веселого Парижа, переведший свои капиталы подальше от греха за границу, проявляет, главным образом, знание злачных и увеселительных парижских заведений. Заканчивая сцены, автор выводит этого господина Х. на ули-

Сношения Мельгунова с Герценом продолжались и в 1860—1862 гг. Мы, однако, не располагаем письмами Мельгунова к Герцену или Огареву этого времени, кроме двух. Ниже печатается записка Мельгунова к Огареву от 19 марта 1860 г. и, повидимому, одно из последних писем Мельгунова к Герцену — от 17 апреля 1862 г. Оба эти письма относятся уже к тому времени, когда связь между редакцией «Колокола» и Мельгуновым ослабела и близилась к обрыву.

Расхождение Герцена и Огарева с Мельгуновым становится совершенно отчетливым в период революционной ситуации 1859—1861 гг. Как и все былые либеральные приятели и друзья Герцена, Мельгунов, с приближением революционного кризиса начала шестидесятых годов, отшатнулся от Герцена и затем перешел в лагерь его врагов: он примкнул к одному из самых ожесточенных противников Герцена, Чичерину, уже в самом начале 1860 г. В архиве Б. Н. Чичерина (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей) хранится неопубликованное письмо Мельгунова от 3/15 января 1860 г. из Гомбурга. Приведем строки, подтверждающие сказанное: «Молю журнального бога, чтоб ниспослал свою милость на „Наше время", об издании которого с 15 января уже объявлено в газетах (...) Еще не знаю хорошенько, почему Кошелев прекращает „Русскую беседу". Жаль. Видно подписчиков мало И это в то время, как Александр Иванович (Герцен) открыто переходит на сторону славянофилов. Читали ли вы пять последних номеров за прошлый год? Там его большая статья. (Речь идет о статье Герцена „Русские немцы и немецкие русские", напечатанной в „Колоколе", лл. 53-54, 56, 57-58 и 59 за 1859 г.). Я счел нужным по старой дружбе отправить мотивированный протест. Они оба (т. е. Герцен и Огарев), отвечают мне, что вы — Гизо, я — Кузень, мы с вами — опасные доктринеры, и потому они моего протеста не напечатают. Я извинился в ошибке, считая „Колокол" вечевым, а не церковным, теперь же вижу, что он созывает не на совещание, а на проповедь» (ЛБ, Чич. II, 28).

Враждебное отношение Мельгунова к «проповеди» Герцена и Огарева в дальнейшем усилилось. С середины 1860 г., вернувшись в Россию, Мельгунов сделался ревностным сотрудником «Нашего времени» и вместе с Павловым повел яростную борьбу против Герцена и Чернышевского, против «Колокола» и «Современника», против демократической молодежи. Нарастающему революционному подъему он пытался противопоставить идеологию разоружения перед силами крепостников.

В 1861 г. Мельгунов в своих статьях уже открыто поддерживал помещичью реакцию. 3 октября 1861 г. Герцен, возмущенный крепостническими выступлениями бывшего либерала, писал Огареву: «Отдай мне Варавву на пропятие, и не жалей. Подари мне его... Кого? Мельгунова. Его письма делаются плантаторской клеветой русского народа Можно быть дураком, кривым, блудить (...), но — мужика не тронь (...) Я его в гроб (...), Демосфена, заколочу» (XI, 246).

В «Колоколе» от 1 ноября 1861 г. (л. 110, стр. 923) была напечатана заметка, направленная против «Шляхетных статей и писем в русских журналах». Автор заметки (вероятно, Огарев) резко выступал против крепостнических писем, в особенности против «Письма» Мельгунова, напечатанного в № 218 «С.-Петербургских ведомостей» — именно того письма, которое так возмутило Герцена.

Герцен не раз в эти месяцы поминает «глупые письма» Мельгунова в своей переписке (XI, 275, 276; XV, 128). Но статьи Мельгунова были выражением общественной реакции и требовали ответа в печати. Получив публикуемое ниже письмо Мельгунова от 17 апреля 1862 г., Герцен нашел в нем повод для выступления. Мельгунов взял на себя смелость заявить Герцену, что его деятельность больше не встречает сочувствия в Москве, что его радикализм читателям ненавистен, что от Герцена отвернулся

цу и заставляет прокричать во всеуслышание кучеру адрес одного из таких заведений: «Эй, cocher! Rue Joubert, № 4». В письме Мельгунова, который тоже, кстати сказать, был весьма неравнодушен к парижским удовольствиям, упоминается тот же адрес: «Только в Rue Joubert, 4 ездят люди втихомолку» (см. письмо от 19 марта 1857 г., № 18).

Разумеется, ни одно из приведенных наблюдений в отдельности не может быть признано достаточным, бесспорно доказывающим принадлежность «Сцен» Мельгунову. Но в совокупности все эти совпадения подтверждают вероятность авторства Мельгунова.

«не один какой-либо кружок», а все, «исключая, разумеется, небольшой части молодежи» (см. письмо № 36). Герцен ответил на эти строки статьей «Москва нам не сочувствует», напечатанной в «Колоколе» в июне 1862 г., л. 135 (XV, 183—186); он заклеймил отход былых друзей Белинского, Грановского и своих от верований и надежд юности. В сентябре 1862 г. в письме к Н. М. Сатину он дал беспощадную характеристику «клевретов Чичерина», «приятелей Павлова», московских «абсолютистов» и среди них назвал Мельгунова (XV, 473).

Это был разрыв, такой же полный и окончательный, как разрыв с Кавелиным, происшедший в том же 1862 г. Мельгунов — подголосок Павлова и Чичерина, автор дюжинных статеек — для Герцена перестал существовать.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 92); одно письмо (№ 3) — по автографу ЛБ (Г.—О. X. 70).

1

16 апреля ⟨1852 г.⟩ Париж [1]

Напрасно думаешь ты, что любовь — признак старчества, а ненависть — молодости. Я так думаю наоборот. Кто умеет любить, как юноша? где братство — не фраза, не фикция, а коренной сгиб души, как у нас, русских? Нет, «братец», показав нам, с какою силой ты умеешь любить и прощать, ты обнаружил перед понявшими тебя свою русскую, новую, юную натуру. Тут я склоняюсь перед тобою: на твоем месте у меня не хватило бы, может быть, столько любви. Вот отчего ты умеешь и ненавидеть. Западный человек показал в последние годы, что он неспособен и на это: вместо любви он знает лишь себялюбие, а потому — вместо ненависти лишь зависть. Зависть бессильна; себялюбие, не как исход, а как цель, тоже. Им не создать нового, в них нет творческой силы.

Эта рацея—прелюдия к тому, что тебе менее, чем кому-либо, следует смеяться над справедливостью и нравственностью, когда они не силлогизм головы, а инстинкт сердца. Не «разум» диктовал мне последние письма; если я уличал тебя в противоречиях, то это потому, что ты сам выставлял вперед свою консеквентность*; если я обращался к твоей энергии идти вперед и до конца, наперекор вековым предрассудкам, то это потому, что ты обещал нам вооружиться русской силой [2]. Я очень хорошо знаю, что разум — не все; но и ты должен также хорошо знать, что если жизнь *ил*логична, то она не должна быть *анти*логична. Я кричал тебе и опять кричу во все горло: будь тверд и последователен до конца! Вот и всё. Этого требует не справедливость и не нравственность, а честь твоего нового поведения, l'intérêt bien entendu de ta cause**. Я сказал. Смешно требовать: следуй моему совету! Кто следует чьему бы ни было совету?.. Но мне, как и всякому, позволено высказать свое мнение, особливо когда дело идет о нравственной и материальной жизни человека, которого любишь. А там — делай с этим задушевным и твердым во мне голосом что́ и как знаешь! Мой припев останется все тот же: coraggio, *padre* ***! Ведь оно и кстати: через сколько-то лет ты будешь Пыневым ⟨?⟩.

Еще одно слово: ты пишешь — перед ассизами [3] сила не в оправдании, а в обвинении. Но спрашиваю тебя опять: да есть ли какая возможность, чтоб дошло до обвинения перед судом и, следовательно, до гласности? Для того, чтоб обвинение челобитчика могло быть формулировано в обвинительном акте, нужно следствие. Думаешь ли, что так вот и примут первую клевету и посадят оклеветанного на лавку, не разобрав дела? Вы принимаете все эти угрозы trop au sérieux ****. Ты едва ли не готов

* последовательность (от лат. consequentia).
** правильно понятая суть твоего дела (франц.).
*** мужайся, *отец!* (итал.).
**** слишком всерьез (франц.).

видеть в Г⟨ервеге⟩ мелодрамного злодея. А я, признаюсь, вижу в нем лишь бесхарактерного негодяя. Судя по письмам из Цюриха, он, как помешанный, не знает, с чего начать, что делать. Всю эту крупу в голове пускает он в глаза своей жене, она — вам, а вы завариваете из нее кашу! Не бурей негодованья, а штилем презренья следовало бы отвечать на все

Н. А. МЕЛЬГУНОВ
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

эти сплетни, дрязги и помои. Но авось утихнет бессильная злоба перед изголовьем больной! Твой журнал: «не лучше, хуже, и пр. [4]» — сильно потряс нас; ты сам, еще вчера весь энергия, сегодня словно ребенок. Ты не поверишь, как это глубоко трогает! Была минута, что я раскаивался в своих письмах [5]. Не до них тебе! Не они тебе нужны. Но ведь надо же мне было высказаться. Прости мой эгоизм, полный любви! Крепко жму руку.

[1] О получении этого письма Герцен сообщил М. К. Рейхель 20 апреля 1852 г. (VII, 51).

[2] Публикуемое письмо посвящено семейной драме Герцена, его столкновению с Георгом Гервегом. Судя по ответу Мельгунова, Герцен в не дошедшем до нас письме выражал сожаление об ушедшей молодости — о том времени, когда он сумел бы дать своей ненависти прямой исход. Как видно из публикуемого письма, Мельгунов призывал Герцена не поддаваться вспышкам ненависти к Гервегу, «вооружиться

русской силой» и идти «наперекор вековым предрассудкам» (т. е. ревности, дуэли и т. п.).

[3] *Ассизы* — суд присяжных. 2 апреля 1852 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Он ‹Гервег› дошел до того, что уж стращает, чем бы вы думали — ассизами...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 324).

[4] *Твой журнал...* — Мельгунов имеет в виду постоянно встречающиеся в письмах Герцена к М. К. Рейхель лаконические «бюллетени» о ходе предсмертной болезни жены, скончавшейся 2 мая 1852 г. (VII, 46—50 и др.).

[5] Никаких других писем Мельгунова к Герцену за 1846—1855 гг. до нас не дошло. Настоящее письмо — единственное за все десятилетие. Отметим, что 15 апреля 1852 г. Герцен в письме к М. К. Рейхель напоминал Мельгунову о возможности перлюстрации. «Да скажите Мел‹ьгунову›, что я благодарю его за письмо; только как можно писать такими терминами? Сургуч — дело тающее» (VII, 49).

2

‹Париж.› 9 октября ‹1856 г.›

Пишу к тебе несколько строк, потому что все еще не в ‹силах›* сладить с моим больным ‹глазом› *.

Спасибо тебе за предложение прислать твои брошюры и книги; но изо всех тобою упомянутых, я не знаю только «Le vieux monde»; все остальное и еще многое другое читал я еще в России [1]. Единственную вещь, которую знал по одной только статье Ляво, прочел я на днях в подлиннике; я разумею «Тюрьма и ссылка» [2]. Вообще, с тех пор как я прозрел [3], я более чем когда-либо полон тобою. Я всегда любил и уважал тебя и как человека и как литератора. За что люблю — трудно анализировать; может быть, отчасти потому же, почему тебя любит Огарев: у нас обоих натуры несколько женственные. Но за что уважаю, в этом легко отдать отчет. Ты по преимуществу человек и литератор *искренний*, весь на ‹распаш›ку *, без малейшей лжи, не только в отношении к другим, но и в отношении к себе. А это такое качество, перед которым я просто преклоняю колена. И в России оно редкость, а здесь, во Франции, подавно. Странное дело! Мне противна до тошноты аффектация всякого рода, лицемерие и подавно; а между тем чувствую, что сам я, и как человек, и как писака, непрочь от фразерства; я подчас актерствую, умею притворяться, «объективироваться» в другом лице, быть не собой. Словом, ты часы в хрустальной оправе, стеклянный улей; а я запрятан в дерево, если и не со всех сторон, так, по крайней мере, с одной.

Как подвернулась эта исповедь под перо—право, не знаю; знаю только, что мне очень бы хотелось написать твою характеристику как писателя. Но где напечатать? У тебя? Скажут про тебя, что ты самохвал. В России? Посмотрим наперед, что будет с попыткой Погодина [4].

Скажи, сделай милость, рассказывал ли ты между своими приятелями, *кто* тебе привез hauts-lossa [5]? Знаешь ли, чего я побаиваюсь? Хоть Левон Двойной и разжалован в сенаторы, но место его все еще в чести. А сидеть в *чести* у Цепного моста или в *части*, Пресненской или другой,— дело, как ты знаешь, незавидное [6]. Я уверен (хочешь пари?), что Ivan Golo-wine (j'aime mieux Golo-ça)**, воротясь в Россию, попадет в голубенькие; а ведь голубчик-то способен выдать всех и каждого. Он на это способен: из того, чтоб попасть в миленькие, или чтоб иметь право жить в столицах, или просто из денег, наконец даже из бабьего сплетничества [7].

Жду твоего Pinto и готов для него сделать все, что могу. Но зачем он едет? Не подымать Россию против папы? Смотри, как бы он какой-

---

* Край листа оборван: читается предположительно. — *Ред.*

** Шутка: «Иван Голо-вин (я предпочитаю — Голо-са)» (франц.).

нибудь неосторожностью не компрометировал меня и моих приятелей. Мне, право, не хочется дарить свои русские капиталы какому-нибудь капитулу. Отпиши мне об этом поскорее [8].

M-mes Грановскую и Марью Федоровну не отыскал; единственный человек, который мог знать их адрес, — больной Щепкин [9], говорит, что виделся с ними в Бадене, что они хотели пробыть трое суток в Париже и потом ехать на зиму в Рим. Не имеешь ли вести об них?

Что скажешь о циркуляре Горчакова и о статьях «Nord» из Берлина? Как отделали «Святой союз» и немецких абсолютистов! [10] Что-то из этого выйдет!

Из чего завел Огарев такое кровопролитие? [11]

Обнимаю вас всех.

[1] Предложение Герцена прислать брошюры свидетельствует о том, что с 1853 г., когда Мельгунов отправился в Россию, Герцен не вел с ним регулярной переписки и не знал, какие из его книг известны Мельгунову. «La Russie et le vieux monde» — французское издание книги Герцена «Старый мир и Россия (Письма к редактору „The English Republic" В. Линтону)», вышедшее в 1854 г. (VIII, 27—57).

[2] Речь идет об отрывках из «Былого и дум» («Тюрьма и ссылка»), включенных, во французском переводе, в статью Делаво (Мельгунов именует его *Ляво*) «Les années de prison et d'exil d'un écrivain russe» («Годы тюрьмы и ссылки русского писателя»). Статья была напечатана в «Revue des Deux Mondes», 1854, т. VII, номер от 1 сентября, стр. 857—899. Книга «Тюрьма и ссылка» вышла отдельным русским изданием в 1854 г. в Лондоне.

[3] Повидимому, под «прозрением» Мельгунов подразумевает пробуждение в нем прямых политических интересов, если, конечно, Мельгунов употребил здесь это слово не в буквальном смысле (см. в начале письма о болезни глаз). В конце 1855 г. Мельгунов впервые выступил как автор статей на политические темы, распространявшихся в виде рукописей.

[4] О намерении Мельгунова поместить в подцензурной печати характеристику Герцена как писателя см. в последующих письмах. Об аналогичной попытке М. П. Погодина других свидетельств не имеем.

[5] Опасения Мельгунова по поводу того, чтобы имя лица, доставившего Герцену «hauts-lossa», т. е. «Голоса», не сделалось известным, свидетельствуют, что привезенный им за границу летом 1856 г. пакет содержал рукописи для очередного выпуска «Голосов из России». Среди этих рукописей была статья «Приятельский разговор», принадлежавшая самому Мельгунову (см. письмо № 4).

[6] *Левон Двойной* — каламбур: Леонтий Дубельт. В середине 1856 г. Дубельт был освобожден от должности начальника III Отделения; при увольнении Дубельт сенатором назначен не был; в *части Пресненской* находился в 1834 г. под арестом Герцен; *у Цепного моста* помещалось III Отделение.

[7] В августе 1856 г. эмигрант И. Г. Головин получил от царского правительства «прощение». Мельгунов опасался, что, возвратившись в Россию, Головин *попадет в голубенькие*, т. е. станет служить в III Отделении. Предоставленным ему правом возвратиться в Россию Головин, однако, не воспользовался (VIII, 342—344). Герцен в это время уже окончательно порвал с ним всякие связи.

[8] Микель-Анжело *Пинто* (1818—1871) — итальянский писатель, историк и журналист, отправившийся в конце 1856 г. в Россию (VIII, 352). Герцен познакомился с ним в Риме в 1848 г. (V, 205—206). Пинто провел многие годы в России, читал в шестидесятых годах курс итальянской литературы в Петербургском университете (русск. изд. СПб., 1869), выступал с публичными лекциями. О лекциях Пинто упоминает Чернышевский в письме к Добролюбову от 27 апреля/9 мая 1861 г. (см. «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым (1855—1862)». М.—Л., 1925, стр. 91).

[9] Мельгунов имеет в виду старшего сына М. С. Щепкина, Дмитрия Михайловича.

[10] Полный текст *циркуляра Горчакова* русским послам за границей о мирной политике России (от 21 августа 1856 г.) был напечатан в № 271—272 «Nord» от 27—28 сентября 1856 г. *Статьи «Nord» из Берлина*—полемика берлинского корреспондента «Nord'a» с «Nouvelle gazette de Prusse», обвинявшей Россию в том, что ее внешняя политика враждебна интересам Европы. Возражая на статьи прусских абсолютистов, корреспондент «Nord'a» писал, что «Священный союз никогда не помогал России», что, напротив, Россия «выручала Европу во всех случаях возникновения революционных движений, чем и заслужила дурную славу», так как «всё брала на себя» (см. «Nord», № 274 от 30 сентября 1856 г.).

[11] Повидимому речь идет о предположенной операции, которой Огарев подвергся позже — в октябре 1857 г.

3

⟨Париж.⟩ 13 октября ⟨1856 г.⟩ Понедельник.

Трудную задачу задаешь ты мне! На первый случай вот мой ответ. Жаль, что ты мне прежде не написал всего этого: Погодин давно уехал отсюда и прямо домой [1]. Он бы, думаю я, мог кое-что сделать для важного дела. Не найдется ли возможности написать к нему да еще кой к кому? Увижу. В одном я уверен: в бесполезности попыток насчет студента. Как же ты не подумал, что ведь принятие твоих предложений равняется экспатриации без малейшего обеспечения будущего? Пять фунтов в месяц — не весть какая сумма, особенно в Лондоне; но положим, что нашелся бы какой-нибудь голодный фанатик идеи, преследуемой тобою, — его фанатизм был бы до крайности близорук, если б он не подумал: «А что же после? Кто мне поручится, что Г⟨ерцен⟩ или что его предприятие будет жить так же долго, как и я?» — Но все это дело второстепенное. Зачем именно русского? Слыхал ли ты, что в Петербурге лучшие наборщики — шведы, не знающие ни слова по-русски? Русские наборщики Гоголя помирали со смеху; надо таких, которые бы могли набрать свой собственный смертный приговор, а таких, как слышу, можно найти здесь, в Париже, например между польскими наборщиками. В эту минуту наводятся нужные справки об этом [2]. Корректор — другое дело; но Чернецкий, говорят, может быть отличным корректором. К тому ж, небось, и ты сам просматриваешь.

Твоя аутократия в деле печатанья придет сама собою, как скоро будет из чего выбирать. Я уверен, что и присылка и распродажа пойдут теперь, как «россиньевские crescendo», и что твои издержки скоро покроются с избытком. При всем уважении к твоему авторскому самолюбию я полагаю, что «Голоса» выручат тебя скорее прочего [3]. Но так или иначе — ты прав: складчина необходима. Что касается до барина du Bas-Rhin [4], на беду он не в состоянии ничего *даже* обещать (т. е. тысячи) прежде года или двух; но это не помешает обратиться к другим. Попробуем. Авось не удастся ли?

Скажи мне, был ли у тебя нынешним летом московский доктор, на руках которого умер Тимофей Николаевич? [5] Я знаю, что он был в Англии, как и в прошлом году. Говорил ли ты ему, о чем пишешь ко мне? Дело в том, что он мог бы легко начать коллекту [6]. Мне пришлось бы обратиться к тем же лицам. От славянофилов не дождешься ничего: у них свои затеи. Есть ли возможность завести складочное место иначе, как в Англии, или много-много, как в Швейцарии? Уступка или покупка половины была бы делом иллюзуарным [7]. При первом требовании из России все экземпляры попали бы в печку. Я даже боюсь за те, которые у Франка. Разве, не попросить ли гр. Киселева (которого ждут на-днях) завести дело у себя? [8]

О возвращении Спешнева с братией я до сих пор не слыхал ничего [9]. Полагать надо, что простят тех, кто будет просить. Наводил я справки и о Бакунине. Тоже еще ничего не знаю. Слышал прежде, что он сделался мистиком[10]. Николай Тургенев, говорят, не едет в Россию, а если и поедет, то в качестве французского подданного [11]. Не съездить ли тебе в качестве гельветийца?

В то время как ты издал портрет Белинского, в России вышло новое издание Кольцова с полным именем Белинского во главе notice * [12]. Хоть что-нибудь! Пожалуй, скоро можно будет говорить и об тебе.

Ты спрашиваешь, печатать ли интимную часть «Записок»? [13] Как публика, я сказал бы: «Разумеется, печатать». Но вопрос о «приличии»

---

* статьи (франц.)

можешь ты один решить: почему бы нет? Большая часть твоих читателей или уже знает или догадывается en gros *, что ты мог бы сообщить теперь en détail ** . Наконец, дело твоего личного такта — найти средину между романтической стыдливостью и цинической откровенностью. А в такте такого рода у тебя недостатка нет.

Прощай, обнимаю тебя.

[1] Погодин выехал из Парижа в конце сентября 1856 г. (см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 621).

Ausgewählte Bibliothek
der
Classiker des Auslandes.

Mit biographisch-literarischen Einleitungen.

Siebenundsiebzigster Band.

Rußlands Novellendichter.

Uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen
von
Wilhelm Wolfsohn.

Dritter Theil.

Leipzig:
F. A. Brockhaus.
1851.

Rußlands Novellendichter.

Uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen
von
Dr Wilhelm Wolfsohn.

Dritter Theil.
Alexander Herzen.

Leipzig:
F. A. Brockhaus.
1851.

НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «КТО ВИНОВАТ?» В ПЕРЕВОДЕ В. ВОЛЬФЗОНА, 1851 г.

Книга вышла в серии *«Избранная библиотека иностранных классиков»*, выпускавшейся Брокгаузом в Лейпциге, и снабжена критико-библиографическим очерком Вольфзона о Герцене

Обложка и титульный лист

[2] В связи с расширением издательской деятельности Герцена, «Вольной русской типографии» понадобился новый наборщик. Повидимому, Герцен попросил Мельгунова посодействовать вызову из России какого-нибудь студента, который мог бы работать в типографии.

[3] В действительности, «Голоса из России» и в малой степени не имели такого спроса, как издания произведений Герцена.

[4] *«Барин du Bas-Rhin»* — «барин с нижнего Рейна» — каламбурное наименование Мельгунова; в Страсбурге, в центре Нижнерейнского департамента, находился дом, принадлежавший «страсбургской жене» Мельгунова, француженке (см. VIII, 358).

[5] Речь идет о докторе П. Л. Пикулине, лечившем Т. Н. Грановского. В 1855 г. он навестил Герцена в Лондоне (VIII, 228). Другими сведениями о пребывании Пикулина также в 1856 г. в Англии мы не располагаем.

[6] *Коллекта* — сбор средств, складчина.

---

* в общих чертах (франц.).
** в подробностях (франц.).

[7] Очевидно, Мельгунов пишет здесь о тех условиях, на которых Трюбнер брался распространять издания русской типографии; узнал о них Мельгунов, повидимому, от Герцена. Книгопродавцам вне Англии и Швейцарии предоставлялась уступка в 30—35% в том случае, если они приобретали книги в кредит, и до 50%—при оплате наличными.

[8] Шутка: гр. П Д. Киселев с 1856 г. был послом России во Франции.

[9] Один из виднейших участников движения петрашевцев, Н. А. Спешнев (1821—1882), по амнистии 26 августа 1856 г. был освобожден (как и другие петрашевцы) от каторги и выпущен на поселение. Герцен долго не мог получить о нем точных сведений. 8 января 1857 г. он еще не знал, попал ли Спешнев под амнистию (VIII, 387). Только летом 1857 г. Герцену стало известно, что Спешнев «прощен» (VIII, 519).

[10] 8 сентября 1856 г. Герцен сообщал М. Мейзенбуг: «Бакунин(...) написал письмо, чтобы опровергнуть, будто он стал христианином» (VIII, 331).

[11] После амнистии, в 1857 г., декабрист Н. И. Тургенев приезжал ненадолго в Россию и вскоре возвратился за границу. Умер он близ Парижа, в 1871 г.

[12] «Стихотворения Кольцова, с портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским», выпущенные К. Солдатенковым и Н. Щепкиным в 1856 г. В том же году Герцен приложил портрет Белинского ко 2-й книге «Полярной звезды».

[13] Речь идет о «пятой части» «Былого и дум», которая при жизни Герцена напечатана не была.

4

10 ноября (1856 г.), Париж

Что твоя нога, прыгун? Ох, молодость, молодость! Когда ты перестанешь ветреничать?

Весть о твоем salto mortale * сообщил мне г. Пинто, за которого благодарю тебя. Это человек очень интересный. Он едет недели через три отсюда; я ему советую дождаться санного пути. Между тем я знакомлю его с Россией и с русскими. Вчера он обедал у меня с Иваном Тургеневым, который тоже даст ему письма [1]. Я, с своей стороны, даю ему писульки к Кавелину, к Титову и пр. В Москву пока незачем, потому что он туда не едет. Титов, между прочим, может ему быть полезен. Ты, вероятно, знаешь, что он назначен наставником моего тезки — Николая Александровича [2]. Как знать, может быть Пинто попадет ко двору в качестве профессора итальянской литературы, консерватора музея и т. д. Он везет с собой большую коллекцию антиков, objets d'art **, и пр. Словом, мы об нем хлопочем.

Спасибо за вторую книжку «Голосов». Она здесь очень нравится, даже, как слышу, русскому священнику. Он недавно сказал: «Я думал, что эта типография кончится вздором, но теперь вижу, что из нее будет прок». Обе книжки ему понутру, за исключением двух статей: письма к тебе и «Кто гости?» [3]. Поп находит их придирчивыми. Во второй книжке всего более нравится всем статья о крепостном праве [4]. Я, с своей стороны, буду тоже придирчив и спрошу: 1) Зачем ты не напечатал во главе «Приятельского разговора» сообщенного тебе эпиграфа? Он характеристичен [5]. 2) К чему заключение по поводу «Nord», «Neue Preussische Zeitung» и пр.? Кто не знает у нас, что это за журналы ? Стало, «радикальные» было употреблено иронически [6]. 3) Во второй книжке больше опечаток, чем в первой. Некоторые искажают смысл.

Скоро ли выйдет третий нумер?[7] Что поместится в нем? А «Звезда»? В ней ли ты напечатаешь «Утро в уголовной палате?»[8]

Ты, верно, уже получил письмо Ляво [9], бывшего два раза у Мишле. Его книги (т. е. Мишле) нам известны в России, но говорить об них в журналах едва ли можно [10]. Знаешь ли ты, что Грановский умер, читая «Renaissance»? Ему как историку Мишле как историк не нравился, хотя он и отдавал полную справедливость его таланту.

---

* опасном прыжке (итал.).

** произведений искусства (франц.).

Николай Тургенев вовсе не едет в Россию; да и что ему там делать? [11] Но ты — другое дело; ступай консулом или посланником Невшательского кантона [12].

Знаешь ли, что, может быть, весной или в начале лета мы с Иваном Тургеневым явимся в Лондон? А между тем, не явишься ли ты сюда? Или, по крайней мере, в Швейцарию через Сардинию? На что ж, в самом деле, похоже, что тебе нельзя вон из Англии? Попробуй-ка написать письмо к графу Киселеву: что у меня, мол, дела, и дом, и капиталы в Париже, что за меня, мол, может поручиться Ротшильд и т. д. Киселев человек либеральный; как знать, может и даст visa [13].

Sur ce * у меня глаз заломило, и я кончаю, обнимая вас всех.

Рейхели еще не приехали [14].

[1] О встрече с Пинто у Мельгунова И. С. Тургенев в тот же день писал Герцену (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 91). См. также выше примеч. 8 к письму № 2.

[2] Владимир Павлович *Титов* (1807—1891) — давний друг Мельгунова, археолог и дипломат, впоследствии посол в Константинополе и член Государственного совета. В начале 1857 г. Александр II назначил Титова наставником наследника; в качестве преподавателей Титов пригласил К. Д. Кавелина, И. К. Бабста и Б. Н. Чичерина.

[3] *Письмо к тебе* — это напечатанное в первой книжке «Голосов из России» «Письмо к издателю» К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, подписанное «Русский либерал». Подробнее о нем см. во вступительной статье к настоящей публикации. Автор упоминаемой здесь же статьи «Кто гости?» — неизвестен.

[4] Статья «О крепостном праве» принадлежала Б. Н. Чичерину.

[5] Указание Мельгунова на то, что Герцен опустил эпиграф, печатая «Приятельский разговор» во втором выпуске «Голосов из России», и другие сделанные Мельгуновым мелкие замечания, косвенно подтверждают сообщение Б. Н. Чичерина о том, что статья «Приятельский разговор» была написана Мельгуновым (см. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1929, стр. 171).

[6] В статье «Приятельский разговор» газеты «Le Nord», «Neue Preussische Zeitung» и «Indépendance Belge» были названы радикальными, причем из контекста никак нельзя было заключить, что слово употреблено автором в ироническом смысле. Герцен сделал к этому месту примечание: «Автор ошибается; все эти три газеты издаются под влиянием русской полиции». Примечание подписано: «*И*...». (Во 2-м изд., 1858 г. подпись «Изд.»).

[7] Третий выпуск «Голосов» вышел лишь в июне 1857 г. Мельгунов интересовался временем выхода третьего выпуска, в частности, потому, что статья его «Россия в войне и мире» должна была быть там помещена. Однако она была напечатана не в третьей, а в четвертой книжке.

[8] «*Утро в уголовной палате*»—известные «судебные сцены» И. С. Аксакова: «Присутственный день уголовной палаты», напечатанные в «Полярной звезде на 1858 год», стр. 3—100, с кратким предисловием Герцена.

[9] Письмо переводчика *Делаво* к Герцену в печати неизвестно. Повидимому, оно касалось перевода «Былого и дум» на французский язык. См. об этом в дальнейших письмах. См. также VIII, 380.

[10] Мельгунов, повидимому, отвечает на вопрос Герцена (содержавшийся в не дошедшем до нас письме)—известны ли в России произведения Мишле, в частности — книга «Renaissance», которой Герцен посвятил в первой книжке «Полярной звезды» рецензию.

[11] О Н. И. *Тургеневе* см. примеч. 11 к письму № 3.

[12] Мельгунов шутливо советовал Герцену воспользоваться для поездки в Россию своим швейцарским гражданством (в 1853 г. Герцен натурализовался в кантоне Фрибург).

[13] Разумеется, совет обратиться к П. Д. Киселеву не имел под собой никакой реальной почвы; да и Герцен не стал бы обращаться с просьбой к царскому послу.

[14] М. К. Рейхель возвратилась с семьей в Париж в конце ноября 1856 г.

5

(Париж. Середина ноября 1856 г.)

... ** в чем не виноват. Он все это время был в Италии; там, от нечего делать, написал книжку о наполеоновских походах и, как видно, имел только неосторожность переслать свою рукопись отцу. Это молодой чело-

* На этом (франц.).

** Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

век, чрезвычайно скромный, приветливый и, судя по многому, вовсе не сервильный. Довольно того, что он в восхищении от твоих Записок. Нельзя ли его как-нибудь выгородить? Надо наперед исподволь порасспросить его. Он весь изранен и изуродован [1].

Я был в том уверен, что разбор манифеста не тобою писан. Ex unguae leonem *, а тут когтей-то и не видать. Но все-таки хорошо, и спасибо. Жаль только, что несколько длинновато, растянуто и что написано не совсем чистым языком. Последнее обстоятельство почти лишает его права критиковать манифест литературно. Прости за откровенность. Кто бы мог быть этот парижанин? Тургенев думает, что это Николай Платонович и ты вместе, а я так думаю, что нет. Или Николай Платонович очень спешил и не успел отделать слог? [2]

Заранее спасибо за поэмы Огарева[3]. Тургенев особенно хвалил одну из них. Жажду прочесть. Только, пожалуйста, пересылай вперед все через Ляво: у меня есть причины просить об этом.

Любопытно мне знать, как и за что ты матюгнул славянофилов? Нельзя ли тебе поместить это письмо в «Le Nord» [4]. Тогда б и они отвечали, и завелся бы спор доскональный. А то, пожалуй, они будут пенять на тебя за нападки в журнале, в котором им нельзя поместить открытого ответа.

Как ты думаешь, можно тебе будет прислать ко мне, но *тотчас*, цедулку к Ротшильду в получении двух тысяч франков *на несколько дней?* Вот в чем сила: я меблировался здесь и дал un billet à ordre ** к концу этого месяца. Вот уже шесть недель тому, как я послал в Россию доверенность в получении денег, которые готовы и ждут (более пяти тысяч рублей серебром), но бог знает почему еще не высылаются ⟨...⟩ [5]

Рейхелей ждут сюда на днях. Пора им поспешить, ибо теперь много русских дам, которые запасаются на зиму учителями музыки.

Третьего дня присхал Убри [6]. Он, наверно, завербует себя в «Nord». Gare au lecteur! ***

Последняя просьба: если откажешь помочь (ты знаешь, что billets à ordre неумолимы), то да будет твое молчание служить ответом. Выговора я не заслуживаю, ибо ты знаешь, как все идет в России: ни в чем строгой точности и определенности.

Твой Н. М.

[1] Речь идет о Н. А. Орлове (1827—1885) — сыне А. Ф. Орлова, тяжело раненном при осаде Силистрии 16—17 сентября 1854 г. Орлов полтора года лечился в Италии и за это время написал исторический «Очерк трехнедельного похода Наполеона I против Пруссии в 1806 г.». Каким образом и в чем мог Герцен «выгородить» Орлова — объяснить не можем. Есть, однако, основание предполагать, что Орлов был в Лондоне и виделся с Герценом; одно из писем Герцена содержит упоминание о посетившем его тяжело раненном офицере (VIII, 548)—возможно, что Герцен имеет в виду именно Н. А. Орлова. Впоследствии Орлов был видным дипломатом, послом в Бельгии и других странах Европы. В переписке Герцена есть упоминание о визите к нему посланника Орлова в июле 1860 г. (X, 364). См. ниже, примеч. 3 к письму № 14.

[2] «Разбор манифеста 26 августа 1856 г.», написанный Огаревым, был 10 ноября 1856 г. в гранках отправлен Герценом И. С. Тургеневу и Мельгунову (VIII, 355). Желая скрыть участие Огарева в изданиях Вольной русской типографии и самый факт его приезда в Лондон, Герцен, готовя рукопись к печати, в конце приписал: «Париж, 15 октября 1856 г.». Отсюда вопрос Мельгунова: «Кто бы мог быть этот парижанин?»

[3] О поэмах Огарева «Ночь» и «Господин», напечатанных в третьей книге «Полярной звезды», см. в следующих письмах.

[4] Речь идет о «письме к И. С. Тургеневу» — статье Герцена «Еще вариация на старую тему», напечатанной в той же книге «Полярной звезды» (см. VIII, 354).

[5] Далее нами опущены подробности о денежных затруднениях Мельгунова.

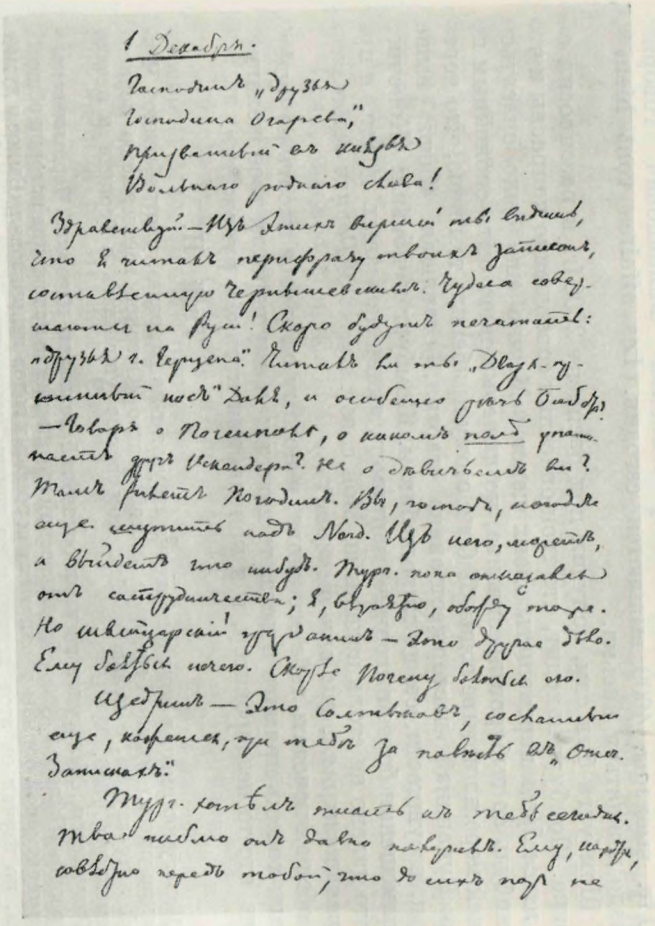
[6] Павел Петрович *Убри* (1820—1904) — с 1848 г. секретарь, затем советник посольства в Вене. В 1856 г. назначен первым советником посольства в Париже.

---

* По когтям узнают льва (лат.).

** простой вексель (франц.).

*** Берегись, читатель! (франц.).



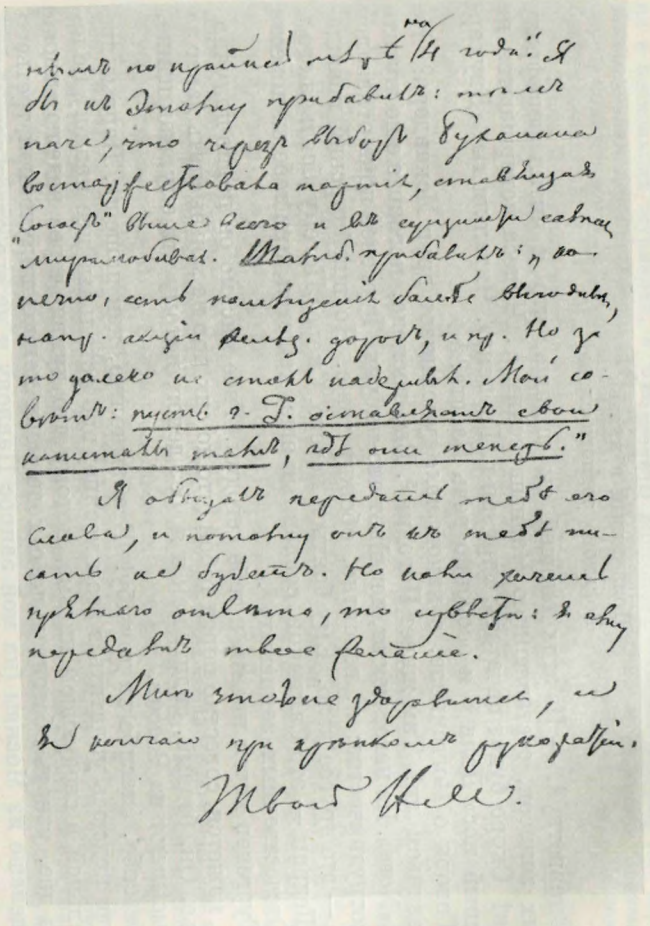
1 Декабря.

Господинъ „друзей
Господина Огарева,"
Призванный въ живыхъ
Вольнаго родного слова!

Здравствуй! — Изъ этихъ верныхъ словъ видишь, что я читалъ перифразу твоихъ записокъ, составляющую Черниговскія. Чудная совершаются на Руси! Скоро будутъ печатать: „друзья г. Герцена". Читалъ ли ты „Двухъ-гусиныя ноги" Дюма, и особенно фразу Бальзака — говоря о Почемъ-то, о какомъ-то поэтѣ упоминаетъ другъ Искандера? не о двуличномъ ли? Тамъ рѣчетъ Богодимъ. Въ, только, подлѣ сего сидитъ надъ Nord. Изъ него, видишь, а выйдетъ что-нибудь. Тург. пока отказался отъ сотрудничества; я, впрочемъ, обоерукъ тоже. Но цивилизаторскій пріѣзжанинъ — дома дурно было. Ему больше нечего. Скучно Почему-то сдѣлалось его.

Издрить — это солитавка, составить супъ, кофейникъ, при тебѣ за пальто въ отель. Запишись."

Тург. хочетъ писать къ тебѣ сегодня. Твой письмо онъ давно завернулъ. Ему, впрочемъ, совѣстно передъ тобой, что до сихъ поръ не



писалъ по причинѣ мозговой 14 года". Я бы къ этому прибавилъ: только наше, что черезъ выборъ Бухарина составляется партія, ставящая Собоpъ" выше всего и въ существѣ самая „миролюбивая". Шапкинъ прибавилъ: „конечно, есть побѣдителей баловъ выводить, напр. акцизъ деньгъ дорогъ, и пр. Но это далеко не стоитъ надрывать. Мой совѣтъ: пусть г. Г. оставляетъ свои комнаты тамъ, гдѣ они теперь."

Я обѣщалъ передать тебѣ его слова, и потому онъ къ тебѣ писать не будетъ. Но онъ желаетъ крѣпкаго отвѣта, что сдѣлаетъ: я ему передамъ твое рѣшеніе.

Мнѣ этакое удовольствіе, и я вѣчно при крупномъ разговорѣ.

Твой Нелл.

АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. А. МЕЛЬГУНОВА К ГЕРЦЕН ОТ 1 ДЕКАБРЯ 1856 г.
Листы первый и последний
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

6

(Париж.) 1 декабря (1856 г.)

Господин «друзья
Господина Огарева» [1],
Призванный в князья
Вольного родного слова!

Здравствуй. — Из этих виршей ты видишь, что я читал перифразу твоих записок, составленную Чернышевским [2]. Чудеса совершаются на Руси! Скоро будут печатать: «друзья г. Герцена». Читал ли ты «Двухаршинный нос» Даля [3] и особенно речь Бабста? [4]

Говоря о Поггенполе, о каком *поле* упоминает друг Искандера? Не о Девичьем ли? Там живет Погодин [5]. Вы, господа, погодите еще шутить над «Nord». Из него, может, и выйдет что-нибудь. Тургенев пока отказался от сотрудничества; я, вероятно, обожду тоже. Но швейцарский гражданин — это другое дело. Ему бояться нечего. Скорее Погену бояться его [6].

Щедрин — это Салтыков, сосланный еще, кажется, при тебе за повесть в «Отечественных записках» [7].

Тургенев хотел писать к тебе сегодня. Твое письмо он давно получил. Ему, кажется, совестно перед тобой, что до сих пор не мог выслать денег за ружье. Он, бедный, сидит, как и я, без денег, потому что ему, как и мне, не высылают из России.

Спасибо, спасибо за дружбу! Все выполню, как пишешь. Первые две тысячи надеюсь уплатить в этом месяце; про остальные две напишу положительней в следующем письме, потому что думаю через неделю, много через две, узнать обстоятельно о ходе моих дел. В полученной третьего дни депеше из Москвы (на мой запрос Павлову и на его ответ потребовалось семнадцать часов; каково!) Николай Филиппович говорит: «5000 fr. высланы, 4000 вышлются сегодня. Les affaires vont bien» *. Но надо дождаться письма.

У Шомбурга был сам, получил под расписку 2000 fr. и расспросил об Америке. Шомбург находит, что твои опасения совершенно напрасны и что тебе *не следует* перемещать своих денег. «Можно еще было опасаться чего-нибудь *до* выборов президента, но *теперь* можно быть спокойным по крайней мере на четыре года». Я бы к этому прибавил: тем паче, что через выбор Буканана [8] восторжествовала партия, ставящая «Союз» выше всего и, в сущности, самая миролюбивая. Шомбург прибавил: «Конечно, есть помещения более выгодные, например, акции железных дорог, и пр. Но зато далеко не столь надежные. Мой совет: *пусть г. Герцен оставляет свои капиталы там, где они теперь*».

Я обещал передать тебе его слова, и потому он к тебе писать не будет. Но коли хочешь прямого ответа, то извести: я ему передам твое желание.

Мне что-то нездоровится, и я кончаю при крепком рукожатии.

Твой Н. М.

[1] Мельгунов имеет в виду выражение «друзья г-на Огарева», употребленное Чернышевским вместо имени Герцена в шестой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы», с целью обойти запрещение упоминать о Герцене в печати («Современник», 1856, № 9).

[2] Разумеется, Мельгунов не имел оснований называть «Очерки» Чернышевского «перифразой» «Былого и дум». Чернышевский при анализе и изложении истории общественно-литературной борьбы тридцатых и сороковых годов использовал «Былое и думы» Герцена, но изучал он этот период и по другим источникам, главным образом, по статьям Белинского. 30 ноября 1856 г., еще до того, как настоящее письмо было написано, Герцен, имея в виду статью Чернышевского, сообщал М. К. Рейхель: «В „Современнике" говорят обо мне и о Белинском, называют меня: автор „Кто виноват?"» (VIII, 359).

* Дела идут хорошо (франц.).

[3] Рассказ В. И. Даля «Двухаршинный нос» из цикла «Картины из русского быта» напечатан в «Современнике», 1856, № 9, стр. 30—39.

[4] *Речь* И. К. *Бабста* «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», произнесенная в июне 1856 г. в Казанском университете, была изложена в нескольких журналах, в том числе в «Русском вестнике» (август, кн. первая. «Современная летопись», стр. 141—151). См. ее изложение в рецензии Чернышевского, помещенной в № 8 «Современника», 1856 (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, стр. 552—559).

[5] Здесь Мельгунов имеет в виду эпиграмму Огарева на Н. П. Поггенполя, издателя и редактора русского заграничного официоза «Nord»:

В Норде сквозь все тонкости
Языка французского
Так вот так и чувствуешь
Погань поля русского...

Мельгунов, очевидно, предположил, что в эпиграмме содержится намек на М. П. Погодина, жившего в Москве на Девичьем поле. Погодин дал согласие участвовать в газете Поггенполя.

[6] Повторные советы Мельгунова «швейцарскому гражданину», т. е. Герцену, принять участие в «Nord'e» вызвали следующие строки Герцена в письме его к И. С. Тургеневу от 3 декабря 1856 г.: «Мел⟨ьгучов⟩ писал насчет Поггенполя; я с тех пор читал всякий номер „Le Nord". Скажи Мел⟨ьгунову⟩, чтоб он отсоветовал Пог⟨генполю⟩ предлагать мне участие: я ему напишу в ответ дерзкое письмо. Это — самый подлейший орган и с каждым № хуже и хуже...» (VIII, 362).

[7] Очевидно, в не дошедшем до нас письме Герцен спрашивал Мельгунова, кто такой «Н. Щедрин». Это имя незадолго до того появилось в литературе: так были подписаны «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова. Печатанье очерков началось в 1856 г., в августовской книжке «Русского вестника». Преследованиям, которые имеет в виду Мельгунов, Салтыков подвергся из-за повести «Запутанное дело», опубликованной в мартовской книжке «Отечественных записок» в 1848 г. В ссылку М. Е. Салтыков был отправлен 28 апреля 1848 г., т. е. более чем через год после отъезда Герцена за границу.

[8] Американский президент *Бьюкенен* (в тогдашнем русском начертании Буканан) был избран 4 ноября 1856 г.

7

19 декабря ⟨1856 г.⟩ Париж

Спасибо за друзей
Того же Огарева,

и на этот раз не в единственном, а в двойственном числе. Полагаю, что гг. Грибовский и Кашперов [1] приехали сюда довольно давно, но у меня были только вчера. Г-н Кашперов, едущий сегодня в Берлин, не только по части генерал- (не адъютанта, а) баса, но и по части контр- (не адмирала, а) пункта. А этот пункт мне еще более по сердцу, чем генерал, потому что я, en général *, в контре с генералами, хотя бы даже музыкальными, как, например, г-н Львов [2].

Итак, спасибо за новое знакомство, любезные друзья притемзские. Вы мне прислали еще что-то, да только не знаю — что, потому что все книги отобраны на таможне — как бы вы думали, для чего? — чтоб рассмотреть, нет ли переводов с французского!

Стихотворения Огарева я получил, а равно и Тургенев. Много раз спасибо! Мне «Ночь» чрезвычайно нравится[3]. Г-н Грибовский сказывал, что есть еще одна вещь—чудо и прелесть! Скоро ль она дойдет до нас?

Кто бы могли быть эти русские анонимы?[4] Откуда письма — из России или из Парижа? Разумеют ли они резкими и дерзкими даже «Голоса»? Уж опять не князь ли П. А. Вяземский писал эти письма? Ведь ты знаешь, что *ему* приписывают письмо из Парижа, напечатанное тобой в первой книжке «Звезды», с твоим великолепным ответом [5]. Что бы тебе напечатать «Русский бог» с его именем?[6]

Да, г. Поггенполь до сих пор Погген-пфуй. Я стал было его считать Императорским Российским Либералом, как ты своих безыменных кор-

* вообще (франц.).

респондентов, а теперь начинаю думать, что это просто Императорский Российский Шут [7]. Мне всего досадней то, что, вследствие его разглагольствий, я подписался на «Nord» и заплатил двадцать один франк! Ляво уверяет, что изменение журнала начнется с будущего года, ибо Поггенполь не скупил еще всех акций и потому еще не мог сменить редактора-бельгийца, пишущего патриотические статьи о русской политике. Посмотрим, авось доживем до нового года.

Знаю одно: что Поггенполь обращался даже к Сазонову [8], а у меня спрашивал, не соглашусь ли написать статью об тебе! Но потом спохватился и сказал: да не рано ли еще писать о г. Герцене? — Отсюда он повез «Голоса» и сбирался отдать об них отчет [9]. Словом, черт знает, что это за человек. Ему хочется угодить и богу, и черту, а потому он и вышел ни богу свеча, ни черту кочерга. Писал ли я тебе, что́ он еще затевает? Cabinet de lecture * с русскими журналами и книгами и русский ресторан с гарсонами-бородачами в красных рубахах. После этого как же не назвать его шутом?

Слышали ль вы, что чуть было не запретили «Современник»? Собрание стихотворений Некрасова произвело фурор. Это бы и ничего, да вот беда: Панаев перепечатал из него «Поэт и гражданин» и обставил какими-то неловкими фразами, так что стихотворение бросилось в глаза [10]. Вследствие этого Панаеву страшно вымыли голову и пригрозили запрещением журнала, а цензора Бекетова сменили (одни говорят—лишили места, а другие — только отняли у него «Современник»). Достоверно то, что цензором у «Современника» теперь Лажечников, романист, человек, говорят, трусливый и осторожный. Где же после того думать о перепечатанье твоих прежних статей? [11] До сих пор не добьются позволения перепечатать даже «Записки охотника»!

Нельзя ли при случае порассказать, что такое г. Грибовский, остающийся здесь?

[1] П. М. *Грибовский* и В. Н. *Кашперов*—друзья Огарева по Симбирску, где они сблизились в начале пятидесятых годов (см. о них на стр. 149—158 настоящего тома, а также в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой. Л., 1929, стр. 142; здесь по ошибке Грибовский назван Бутковским). Сведения о Грибовском очень скудны. Герцен и Огарев рекомендовали Кашперова и Грибовского Тургеневу и Мельгунову (VIII, 372).

[2] А. Ф. *Львов* — директор придворной певческой капеллы, автор музыки к гимну «Боже, царя храни».

[3] Мельгунов имеет в виду корректурные листы «Полярной звезды на 1857 год». В этой книжке печатались (без подписи) поэмы Огарева «Ночь» и «Господин» и несколько циклов его стихотворений. По мере того как набор поступал из типографии, Герцен частями отправлял корректуру в Париж Тургеневу и Мельгунову (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», цит. изд., стр. 93—94).

[4] Герцен писал И. С. Тургеневу 16 декабря 1856 г.: «Мне какие-то русские пишут толстые анонимные письма, но зато очень глупые. Все это — воззрения осиплых „Голосов“ 1-го ливрезона» (VIII, 372).

[5] О письме анонима и об ответе Герцена, напечатанных в «Полярной звезде на 1855 год», см. VIII, 217—220. Сведения о том, будто автором анонимного письма был П. А. Вяземский, ранее в литературе не встречались; принадлежность этого письма Вяземскому представляется нам маловероятной.

[6] Стихотворение Вяземского «Русский бог» Герцен получил еще в 1854 г. от неизвестного (VIII, 94) и в том же году отпечатал и выпустил его в виде листовки. В «Полярной звезде на 1856 год» Герцен перепечатал стихотворение Вяземского, но без подписи.

[7] Очевидно, Герцен подчеркнул (в не дошедшем до нас письме), что анонимы, пишущие ему (см. примеч. 4), являются, на английский манер, «оппозицией его величества», т. е. «российскими императорскими либералами».

О разнообразных попытках Н. П. Поггенполя придать официозу, который он редактировал, видимость либерального «органа русского народа» см. VIII, 363 и след. О всевозможных рекламных трюках, на которые пускался Поггенполь, см. там же, стр. 370—371.

* Читальню (франц.).

КАРИКАТУРА НА РУССКУЮ ОФИЦИОЗНУЮ ГАЗЕТУ «LE NORD»

Рисунок Н. А. Степанова «Искра» №28 от 24 июля 1859 г.

[8] Об участии Н. И. Сазонова в брюссельском издании Поггенполя ничего не известно (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 185—186 и стр. 522—545 наст. тома).

[9] «Отчет» о «Голосах из России» на страницах «Nord'a» в 1857 г. не появлялся.

[10] После отъезда Некрасова за границу в 1856 г. в «Современнике» было перепечатано стихотворение «Поэт и гражданин». Осуществил эту перепечатку не И. И. Панаев, а Чернышевский. См. об этом эпизоде: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 751—753.

[11] Очевидно, в одном из не дошедших до нас писем, Герцен высказывал соображения о возможности переиздать в России свои произведения, появившиеся в сороковых годах.

8

(Париж. Начало января 1857 г.) [1]

... * За присылку твоих «Записок» спасибо. Напишу, когда прочту. Кстати: я пишу в эту минуту «Заметки русского в Париже» для «Русского вестника» [2]. Говоря о парижанах, я, разумеется, не могу умолчать о bourgeois и при этом случае позволяю себе длинную выписку из превосходной характеристики Европы и мещанства во второй книжке «Звезды», стр. 203—206 [3]. Затем, я прошу извинения в этой длинной выписке — «не у читателей, которые меня за нее поблагодарят, но у автора, без сомнения одного из самых замечательных наших писателей». Что-то в этом роде, не помню собственных слов. Как ты думаешь, позволишь послать выписку? Потому что прежде, нежели извиняться перед тобой печатно, я должен испросить у тебя позволения письменно. У меня тут двойной умысел: сообщить большинству нашей публики вещь, замечательную и по

* Начало письма не сохранилось.

верной мысли, и по мастерскому изложению, а сверх того — посмотреть, что скажет цензура. Ты, кажется, получаешь «Русский вестник». Итак, если ты разрешишь отправить, то загляни месяца через два в московский журнал — оставит ли цензура мою фразу об тебе или вычеркнет?

Аль ты опять просился проехать через Францию в Швейцарию? [4] Или тебе хотелось стать в ряды швейцарских застрельщиков? Разве тебе мало быть русским запевалой? Приятно, конечно, подстрелить какого-нибудь тараканского офицерика (нет отвратительнее тварей, как прусские офицеры. Хуже даже австрийских). Но надо подумать и о России: ведь ты наш язык, наш вечевой колокол.

Читал я и предисловие ко второму изданию «Крещеной собственности» [5] и «Оба лучше». Что тебе сказать? Оба лучше, оба очень хороши. Я ведь даже и за «Крещеную собственность» стою, которая многим не нравится в России (т. е. эманципаторам), а мне так нравится. Нельзя же требовать Gründlichkeit * от брошюры. «Она не исчерпывает предмета!» — положим; да зато она его сильно расшевеливает. Уж одно заключение — прелесть! Знаешь ли, что Базилевский здесь? [6] Я на днях рассказал всю его историю одному из его поставщиков и заключил словами: «Держите с ним ухо востро́: как раз обсчитает».

Уж совсем не кстати: ты, пожалуйста, не думай, чтоб я хотел обсчитать тебя, потому что до сих пор еще не уплатил даже и две тысячи. Все жду большой суммы, которая *должна* придти из России и не приходит *за половодьями!* Знаешь ли, что в декабре их было два у нас?

При этом случае извещаю тебя, что ни Марья Каспаровна, ни ее сожитель решительно ничего не знают о том, что я все эти четыре тысячи франков и проценты должен отдать им. Сделай милость, напиши или им, или мне, *кому* я должен вручить означенные деньги, как скоро будет возможность. Рейхели ждут твоего решения, хотя и удивляются, из чего им получать от тебя деньги. Не на расходы ли какие? Рассей их недоумение.

Теперь рассей и мое, даже больше, чем недоумение. Грибовский (славный молодой человек!) сказывал мне, что Огарев нетерпеливо хочет, чтоб его резали, вопреки совету врача, и пр., и что в эту минуту он, может быть, под ножом оператора [7]. Неужто в самом деле? Что бы ему — 1-е: подождать до весны, 2-е: приехать сюда? Французы — первые операторы в мире; а хоть ваш тамошний доктор и француз [8], но у него, слышу, даже и инструментов-то нет! Так какой же у него навык? Право, лучше б Огареву приехать сюда. Тебе нельзя... ну что ж? А я-то на что? Разве не гожусь присмотреть? Обнимаю вас, друзья.

[1] Письмо датируется на следующих основаниях: в тексте упомянуты «Записки», т. е. «Былое и думы», которые были получены Тургеневым около 13 января 1857 г., а также статья Герцена «Оба лучше», посланная М. К. Рейхель 30 декабря 1856 г.

[2] Упоминания о статьях «Заметки русского в Париже» встречаются во многих последующих письмах (см. №№ 10, 11, 12, 15, 18, 20, 25, 28). Статьи эти предназначались для «Русского вестника». Первая статья была отправлена в Москву в начале лета 1857 г., но, по словам Мельгунова, затеряна редакцией (см. письмо № 28). Ни эта, ни последующие его статьи в «Русском вестнике» напечатаны не были; при просмотре годовых комплектов журнала за 1857 и 1858 гг. никаких следов участия Мельгунова обнаружить не удалось. В августе 1857 г. А. А. Краевский условился с Мельгуновым о его сотрудничестве в «Отечественных записках» (см. письмо № 25); однако осуществилось оно только в 1859 г. В числе других статей Мельгунова в «Отечественных записках» в сентябре—ноябре 1859 г. были напечатаны три статьи, под общим названием «Заметки русского в Париже».

[3] Мельгунов имеет в виду «Примечание» к «Западным арабескам». Впоследствии это примечание в виде «Post scriptum'а» было включено в «Былое и думы» и печатается при пятой части. См. выше, на стр. 314.

[4] Герцен в начале октября 1856 г. просил Большой совет Швейцарии помочь ему получить разрешение на проезд через Францию (VIII, 343). Вскоре Большой совет

* основательности (нем.).

уведомил Герцена о полной бесплодности ходатайств перед Валевским, министром иностранных дел Франции (VIII, 267). Отношения между Швейцарией и Францией, в это время были крайне напряжены.

[5] Второе издание «Крещеной собственности» вышло из печати 16 декабря 1856 г. (XXII, 283) и было отправлено Герценом в Париж Тургеневу, Рейхель и Мельгунову (VIII, 372—373).

[6] Подробный рассказ Герцена о камергере двора, помещике П. А. Базилевском, высеченном в 1849 г. собственными дворовыми, содержится в заключительной части «Крещеной собственности» (VII, 282—284). Герцен и впоследствии неоднократно упоминал об этом эпизоде в своих статьях и письмах.

[7] Об операции, предстоявшей Огареву, см. также в письме № 2.

[8] Речь идет о домашнем враче Герцена, французе Девиле.

9

1/13 января ‹1857 г.›. Париж

Только сейчас, считая по пальцам числа, заметил я, что сегодня русский новый год. Ты, дружище, поздравляешь меня с западным, а я тебя с восточным. Дай бог-отец, бог-сын, бог-дух святой провести нам всем наступающий год так же бело и чисто, как этот лист бумаги, прежде чем я начал по нем пачкать. А! ты думал, что я вечно буду писать на жандармской бумаге, привезенной мною из России? [1] Ан нет, тебе назло пишу теперь на кавалергардской, на доминиканской, на лекордеровской... чуть-чуть не на архиерейской.

Знаешь ли, почему я давно не писал тебе? Признаться ли? Смотри только не брани. Марья Каспаровна, на другой или третий день родин, вручила мне два листика «СПб. ведомостей», *твоих* новорожденных. Я, во-первых, прочел ей вслух «Оба лучше» [2], во-вторых, положил в карман, в-третьих, пришел домой, вынул из кармана и положил на камин вместе с кое-какими бумагами, в-четвертых, протянул подбородок своему Фигаро; в-пятых, взялся было прочесть статью пришедшему между тем Тургеневу. Но о ужас! «Обоим лучше» кто-то отрезал голову! Кто-то совершил преступление вящее вержеровского [3]. Спрашиваю на другой день своего Фигаро, спрашиваю всех поодиночке в доме — никто не сознается в вине! Куда девались две первых колонны статьи, очень аккуратно отрезанные от туловища, — решительно не понимаю! Ни одного Ораса, и того менее Барнума, не было в комнате... Неужто Фигаро?

Но успокойся: некто Комаров [4] получает здесь «Петербургские ведомости», и Деляво его знает. Я поручил отыскать, во что бы ни стало, голову «Обоих лучше». Если не дадут печатного, то спишу; но если ты не хочешь писанного, то отправлю к Краевскому депешу, чтоб выслал мне номер газеты. Как бы, однако, ни было, но исчезновение двух столбцов покрыто мраком неизвестности и самой непроницаемой вуалью таинственности.

Так вот почему я не писал к тебе. Мне хотелось наперед отыскать другой экземпляр и его тебе доставить. Я даже надеялся умолчать о таинственном происшествии. Но, получив твое приглашение поздравить вас всех с новым годом, я поневоле выболтался.

А теперь чувствую, что разболтался, и потому буду продолжать. Еще бы оставаться равнодушным к вам, швейцарцам! Вы показали себя истинными молодцами. Не то, чтобы я любил швейцарцев теперешних: в частной жизни нет, кажется, народа мельче и филистернее. Но их подымает общественная жизнь: в res-public-анских делах они действуют как свободные люди, с достоинством и единодушием. В последние шесть или семь лет я не знаю величественней зрелища, как подача голосов в федеративном собрании на предложение совета. Ни одной речи, лишь твердое и громкое «да», произнесенное поочередно всеми членами без исключения! Это молчание, — которое, я думаю, и Ровинский [5] слышал в своей могиле, — красноречивее самых красноречивых речей.

А его величество Бравура IV-й![6] вот судьба! что ни ступит (извини) — как в лужу ⟨...⟩ Куда как бы мне хотелось, чтоб этих тараканов порядком пощелкали вы, гельветийцы! И непременно бы пощелкали в своих ущельях своими отличными стрелками в свои отличные карабины, перед которыми Минье—чуть не пищаль. Но так и быть! Хоть я и не согласен с русской пословицей: худой мир лучше доброй ссоры, однако время войн за принципы еще не пришло, и подконец вас бы все-таки задавили. Впрочем, мир будет, кажется, недурен.

[1] Большинство писем Мельгунова к Герцену написано на голубой бумаге (отсюда намек на жандармов, носивших мундиры голубого цвета); публикуемое письмо написано на белой.

[2] Статья Герцена «Оба лучше» («Барнум и Орас») была напечатана в «С.-Петербургских ведомостях», № 206 от 2 сентября 1856 г., за подписью «В. Б.» (VIII, 345—351).

[3] 3 января 1857 г. отлученный от церкви священник Верже убил парижского архиепископа Сибура. Мельгунов подробно рассказал об этом убийстве в статье «Заметки русского в Париже» («Отечественные записки», 1859, № 9, отд. VI, стр. 42—43).

[4] Об этом же *Комарове* в январе 1858 г. писал из Парижа одному из своих приятелей Г. Е. Благосветлов: «Бываю, впрочем, у Комарова, который пишет фельетон в «Отечественных записках». Врун необыкновенный, но добрый человек» (М. К. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907, стр. 180).

[5] Вероятно, речь идет о московском полицеймейстере А. П. Ровинском, умершем в 1830 г.

[6] В сентябре 1856 г. сильно обострились отношения между Пруссией и Швейцарией. Пруссия, желая присоединить Невшательский кантон к своим владениям, инспирировала там монархистский мятеж. Мятеж был подавлен, вожаки его арестованы. В декабре 1856 г., угрожая Швейцарии войной, прусский король Фридрих-Вильгельм IV («Бравура IV», как насмешливо называет короля Мельгунов) потребовал освобождения мятежников. В результате соглашения, состоявшегося в мае 1857 г., мятежники были освобождены, а прусский король от своих притязаний на Невшательский кантон отказался.

10

⟨Париж.⟩ 16 января 1857 г.

Вот тебе твои «Оба лучше». Ляво нашел-таки листок в замену изуродованного каким-то варваром. У меня на память остались две колонны прежнего экземпляра, которые я сохраню для будущей улики нового Эрострата.

Вместе с статьей ты получишь *три* гербовых листа ⟨...⟩ [1].

Ты меня спрашивал недавно, печатать ли главу о Грановском, Хомякове и пр.[2] Знаешь ли, что́ бы я тебе предложил? Ты давно отстал от русской полиции, или, правильней,—от русской щепетильности * и потому можешь сделать какой-нибудь промах. Подвергни эту главу цензуре Огарева или, пожалуй, перешли ее к Тургеневу. Эти господа,—коли хочешь, и я, — можем тогда сказать тебе прямо, чего нельзя напечатать или что должно изменить. Ведь в этой главе речь идет о живых или о недавних покойниках. Например, я не знаю хорошенько, получила ль Лизавета Богдановна [3] пенсию, о которой хлопотала. Если не получила, то одно неосторожное слово могло бы повредить пенсии. Что ты прикажешь с нами делать! Ни нас, ни обстоятельств разом не изменишь.

Мои «Заметки о Париже» растут. Я ими доволен. Марьи Каспаровны с тех пор еще не видал и потому не видал и нового тома твоих «Записок».

Что́ Огарев? Прощай, пиши. Твой должник смиренный.

[1] Далее опускаются подробные объяснения причин, по которым Мельгунов не вернул Герцену прежний долг, а также новая денежная просьба: дать ему взаймы еще две тысячи франков.

---

* Мельгунов пытается каламбурить, сближая слова *полиция* и *politesse* (щепетильность, вежливость— франц.).

3, и въ это время затравили 2 лисицъ, 2 волковъ и около 20 зайцевъ. При возвращеніи я опять подивился красотѣ зрѣлища, когда между развалинами стараго каменнаго замка и подъ различными его арками появились вдругъ толпы всадниковъ и всадницъ и оживили внезапно всю сцену. Возвратившись въ Царицыно, охотники нашли въ деревянномъ дворцѣ роскошный завтракъ, которому совершенно соотвѣтствовалъ ихъ апетитъ. Во время разговоровъ за завтракомъ я узналъ, что волкъ пытался укусить за ногу князя Шварценберга, но не могъ прокусить сапогъ, а лисица оцарапала ему зубами руку. Увидѣвъ, что собаки смяли волка, князь Шварценбергъ подъѣхалъ, соскочилъ съ своей лошади и неосторожно подошелъ къ волку, который сейчасъ же впился зубами въ его сапогъ. Но прежде чѣмъ ему удалось прокусить толстую кожу, князь Шварценбергъ успѣлъ проколоть его своимъ охотничьимъ ножемъ и положилъ за мертво.

Позавтракавъ, всѣ отъискали свои экипажи и отправились во свояси. — Въ этотъ же день назначенъ былъ обѣдъ у князя Эстергази и балъ у лорда Гренвиля. И вотъ эти нѣжныя англійскія леди, которыя, кажется, малѣйшей усталости вытерпѣть не могутъ, пробывъ часа три верхомъ на лошади на открытомъ воздухѣ, пріѣхали къ 5 часамъ домой, едва успѣли перемѣнить туалетъ и отправились на обѣдъ къ австрійскому посланнику, а воротясь оттуда домой, едва только имѣли время переодѣться къ балу, а отдыха ни минуты. Какъ не подивиться такой силѣ въ сопротивленіи усталости!

— Ръ.

ОБА ЛУЧШЕ.

(Отрывокъ).

— Знаете вы этого господина.... вотъ направо, читаетъ газеты?

— Нѣтъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать, что онъ такое.

— Мудрено ли узнать; люди ныньче выдѣлываются гуртовые, оригиналовъ въ Европѣ нѣтъ. Господинъ, васъ занимающій, или Орасъ Жоржа Санда....

— Не думаю.

— Ну такъ навѣрное Барнумъ.

— Только будто и типовъ?

— Нѣтъ, есть еще средній: Барнумъ-Орасъ.

— Однако я встрѣчалъ людей совершенно не похожихъ ни на Барнума, ни на Ораса.

— Гдѣ? Въ Кукунорѣ—въ Гон-го...?

— Нѣтъ, здѣсь въ Англіи.

— Это могло случиться; я больше думалъ о материкѣ; но развѣ вы не замѣтили, что всѣ эти чудаки, не похожіе ни на Барнума, ни на Ораса, что всѣ они.... ну что же.... разъ-два-три....

— Не знаю.

— Подумайте....

— Поврежденные.

— Разумѣется.

I.

Когда я возвратился домой, мнѣ пришло въ голову полушуточное и совсѣмъ злое замѣчаніе моего пріятеля. Въ самомъ дѣлѣ Барнумъ и Орасѣ такъ вполнѣ созданы по образу и подобію вѣка мѣщанскаго и риторическаго, что они встрѣчаются вездѣ — внизу и наверху, направо и налѣво, на лавкѣ судей и на лавкѣ подсудимыхъ.

Барнумъ представляетъ дѣловую сторону, практическую нашего вѣка; это проза вѣка, его трудъ, его занятіе. Орасъ — поэзію, сторону артистическую. Барнумъ это, такъ сказать, Сократъ мѣщанства; Орасъ, его Алкивіадъ.

Ж. Сандъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ наше время всѣ эти старые волокиты, вѣчные Ловласы, влюбленные маркизы, вовсе не существуютъ, что типъ молодаго человѣка сороковыхъ годовъ совсѣмъ иной. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она писала «Ораса», прошло лѣтъ пятнадцать; въ нихъ ничего не перемѣнилось; прежніе Орасы сдѣлались старше, новые подросли. Вся дѣйствующая, пишущая Франція состоитъ изъ Орасовъ; Нѣмцы тоже выработали себя, съ прибавкой глубокомысленнаго, но патріархально-простаго разврата, и основательно-тяжелой безнравственности — типъ въ которую Орасъ игралъ самоубійцу у ея ногъ — и остался, слава Богу, здоровъ.

Орасъ главный виновникъ бѣдствій, обрушившихся на Европу въ послѣднее время. Онъ увлекъ своими фразами массы—такъ, какъ увлекъ Мирту въ романѣ—для того, чтобъ предать ихъ при первой опасности.

II.

Ж. Сандъ говоритъ, что романъ ея былъ принятъ съ ропотомъ—это естественно. Развѣ у насъ не сердились на «Ревизора»? Сходство схвачено поразительно, обидно. Она сама испугалась; ей стало совѣстно передъ знакомыми и друзьями. Кисть дрогнула въ ея рукахъ и она къ концу смѣняетъ улыбку презрѣнія—улыбкой снисхожденія. Она дѣлаетъ Ораса адвокатомъ и даже намекаетъ на его исправленіе. Адвокатомъ-то онъ будетъ, и адвокатомъ отличнымъ, защитникомъ вдовъ и сиротъ, негодующимъ карателемъ человѣческихъ слабостей; но врагомъ онъ останется, потому-что онъ можетъ только удачно «представить» исправленіе — небольше.

Исправляются люди безъ заднихъ мыслей, люди увлеченные, безъ *премедитаціи*, люди съ сердцемъ, напримѣръ, Фобласъ. Кстати пришелъ онъ на память: Фобласъ отчаянный шалунъ, Орасъ передъ нимъ отшельникъ: отчего же первому хочется погрозить пальцемъ, а втораго толкнуть ногой?

....Между жителями Новой Зеландіи и обитателями какого-нибудь квартала въ Парижѣ не больше различія, какъ между Фобласомъ и Орасомъ. А вѣдь между тѣмъ и другимъ не Богъ знаетъ сколько времени прошло. Фобласъ на старости лѣтъ могъ еще встрѣтить Ораса у маркизы или поколотить его въ оперѣ, когда онъ такъ мѣщански хвастался своей побѣдой, — и поколотить той самой палкой, которую онъ оставилъ у актрисы, а сынъ нашелъ.

Фобласъ совершенно искренній человѣкъ, онъ ищетъ не побѣды, а наслажденія, онъ вѣтренъ, впечатлителенъ и такъ же откровенно раскаивается въ своихъ измѣнахъ Лодоискѣ (всякой разъ двадцатью четырьмя часами позже, нежели слѣдовало), какъ и измѣняетъ ей. Останавливать Фобласа поздно — но бояться нечего: онъ современемъ остепенится и сдѣлается человѣкомъ; можетъ-быть, по дорогѣ онъ потеряетъ состояніе здоровье; но сердце у него останется.

Фобласъ жилъ въ испорченномъ воздухѣ будуаровъ, ударилъ громъ: Фобласъ сдѣлался Ларошжакленомъ. Орасъ не переродился землетрясеніемъ; въ немъ нѣтъ больше «нерва», какъ говорятъ Французы.

Слабости Фобласа — мужскія, слабости Ораса — женскія: его настоящее призваніе жить паразитной жизнію, мучить женщину — дѣлать изъ нея пьедесталъ, скамейку, обирать ее, тянуться передъ ней, капризничать и говоря съ нею, смотрѣть въ зеркало на самого себя.

Но отчегожъ все это.... отчего?

А отчего, съ другой стороны, несмотря на то, что Фобласъ часто неприличнѣе романовъ Поль де-Кока, когда вы читаете послѣдніе, чувствуете, что грязь глубже и топче? Уровень понизился!

Между Луве и Поль-де-Кокомъ, между Фобласомъ и Орасомъ — что-то прошло и понизило людей. Съ-тѣхъ-поръ уровень все еще падаетъ. Фигаро Бомарше и Лизета Беранже сдѣлались теперь такими же идеалами, какъ Баярдъ и Женевьева, Фигаро, забавный, милой плутъ замѣнился Роберъ Макеромъ, который уже крадетъ и грабитъ, дѣлаетъ фальшивые векселя, убиваетъ. Вмѣсто Манонъ Леско и Лизеты является Марго (въ les Filles du marbre), которая ничего не любитъ «ни цвѣтовъ, ни соловья, ni le chant de Romeo», а любитъ только лундоры....

V-la ce qu'aime Margot.

Марго женщина за № патентованная и гарнитированная префектурой. Немногимъ лучше ея весь литературный парижскій Сен-Лазаръ, котораго двери растворилъ А. Дюма-сынъ.

Итакъ наконецъ — между Фобласомъ и Орасомъ, между Фигаро и Роберъ Макеромъ, между Манонъ и Марго прошло мѣщанство, овладѣло людьми и образовало два поколѣнія.

Прикажете продолжать?

В. Б.

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «ОБА ЛУЧШЕ», НАПЕЧАТАННАЯ ЗА ПОДПИСЬЮ «В. Б.» в «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ», № 206 ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1856 г.

Газетная вырезка с поправками и пометами Герцена

Центральный государственный архив Октябрьской революции. Москва

[2] Речь идет о главах «Былого и дум»—«На могиле друга», «Наши» и «Не наши». Герцен решился напечатать их только в следующем, 1858 году в «Полярной звезде» (кн. IV, стр. 111 и след.). «Но... печатать я еще боюсь...», — писал он о тех же главах Тургеневу (VIII, 390). Из-за собственных опасений, а также и под воздействием дружеской критики и «цензуры» (Тургенева, М. К. Рейхель и Мельгунова), Герцен в течение 1857 г. переработал страницы, посвященные Грановскому и «сильным распрям 1846 г.» (VIII, 395; IX, 81).

[3] *Елизавета Богдановна* — вдова Т. Н. Грановского.

11

⟨Париж.⟩ 20 января ⟨1857 г.⟩

Не получая от тебя ответа, я еще вчера хотел писать к тебе и сегодня написал бы, во всяком случае. Знаешь ли, что меня тревожило? Не материальные последствия твоего отказа [1] — хотя и они тяжелы, — но прескверная мысль, которая мелькнула у меня в голове и от которой отделаюсь разве, высказав ее. Конечно, ты меня знаешь лет двенадцать, но довольно ль коротко? Случилось же так, что за день перед тем, как мне пришлось, поневоле и против воли, просить у тебя денег, я отправил к тебе письмо с разными заметками, которые могли бы, пожалуй, показаться чем-то вроде captatio benevolentiae * [2]. Христа ради, не считай меня способным на льстивые хитрости и верь, что во всем, что я пишу, нет ни малейшей задней мысли. Не правда ли, ты меня настолько знаешь, чтоб верить этому?

Теперь о другом. Напраслины ты, верно, не терпишь, как и я, на чей бы счет она ни была. В моем теперешнем и, надеюсь, скоропреходящем денежном кризисе Павлов виноват только в том смысле, что, удержанный собственными весьма важными делами в Москве, он еще не успел съездить в Питер. Главный же виновник моего денежного расстройства не он, а двоюродный брат Карцов, который всегда был очень аккуратен, но на этот раз, не понимаю по какой причине, даже не пишет! Живи он в столицах, списался бы я с ним, отправил бы депешу; но он живет в такой трущобе, что надо месяц, чтоб письмо дошло до него отсюда. Впрочем, пожалуйста, не беспокойся за свои четыре тысячи франков. Я принял все меры для ускорения высылки нужных денег и жду с часу на час или денег, или, по крайней мере, положительного ответа.

Что ж ты мне не пишешь, можно ль отправить выписку из «Звезды» в «Русский вестник»? [3] Или «молчанье — твой ответ»... а молчанье — знак согласия?

Прочел я вчера вечером новый том твоих «Записок». Только в моем экземпляре недостает начала. Сказать ли правду? Хорошо, интересно, живо — нечего и говорить; но чувствуешь беспрестанно, что автор себя сдерживает и не дает воли своему перу. Оттого (я думаю, что от этого) впечатление остается не столь живое и глубокое, как от прочих частей, особливо от тех, где рассказывается ваша дружба с Н⟨иком⟩, университетская жизнь и потом «тюрьма и ссылка». Может быть, произошло это и от моего минутного настроения. А есть портреты, картинки и пр., нарисованные мастерски. На всю личность Натальи Александровны наброшен покров грации и стыдливости, самой изящной даже в энергические минуты. Кетчер—tout craché **; так его и видишь перед собой. А Парфений, а улан с толстым попом на коленях и пр., и пр. [4] — Очень мне нравятся также два первых стихотворения, следующие за записками [5].

Ты спрашивал как-то моего мнения о мадонне. Тут много правды; но превосходство матери над *бездетной* или, по крайней мере, не человечески матерной Афродитой в отношении женственного *духовного* начала,

---

* домогательства благоволения (лат.).

** вылитый (франц.).

не исключает превосходства *пластической* вечной девственности Афродиты над более или менее изнуренным телом Марии. Хотя католицизм и не допускает естественной maternité * (как по-русски?) Марии, стало, считает ее непорочной девой даже и после рождения сына, однако нет никакой возможности вообразить себе и представить Марию нагою. Она остается херувимом, к голове которого привешено платье. Вывод тот, что ни Афродита, ни Мария — *не полные* женщины: это две гемисферы, отдельно не существующие в действительности, но составляющие собой две необходимые и нераздельные стороны всякой истинной женственности.

На последней, 148-й, странице ты чуть ли не дал промах. *Незапятнанное* (по-славянски, кажется, просто непорочное) зачатие богородицы относится не к *ее* зачатию, а к зачатию божественного *сына*. Это-то immaculée conception **, за которое Верже убил Сибура (NB: подававшего голос *против* праздника), и было вновь провозглашено *** Пием IX. Сама Мария *родилась*, «как мы с вами»; но *родила*-то она наитием Духа. Ты понимаешь, что после этого вывод твой неверен: «если *и она* не по-людски родилась» и пр.

Или я ошибаюсь? Да как же мог Пий, вопреки евангельскому сказанию, постановить бесплотное зачатие самой Марии? Тут что-нибудь да не так [6].

Я опять заболтался. Ищу хоть в болтовне рассеянья от моих деловых забот, которые, боюсь, продлятся еще недель пять, шесть.

Когда будешь писать, то, пожалуйста, побольше; а то крошечная страничка да и та наполовину занята цыганской песнью ad usum debitoris ****.

Скоро ль выйдет III книжка «Звезды»? Ну, а «Голоса»? Скоро многого уже и печатать не из чего; но осталось же кое-что, заслуживающее печати.

Не знаешь ли, что сделалось с Кудрявцевым и почему он не едет? [7] Addio.

На обороте последнего листа адрес:
Monsieur Monsieur A. Herzen, Esq.
à Londres
at M-r Tinkler's house, Putney

Дата почтового штемпеля:
Paris à Calais, 20 janvier, 57

[1] Имеется ввиду отказ Герцена дать взаймы Мельгунову еще две тысячи франков. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] Без сомнения, под письмом, которое Герцен мог счесть за «домогательство благоволения», Мельгунов подразумевает письмо, обозначенное у нас № 8 и содержащее похвалы Герцену.

[3] См. письмо № 8 и примеч. 2 и 3 к нему.

[4] Речь идет о портрете Кетчера и других лиц в следующих главах «Былого и дум»: «В Москве без меня» и «Третье марта и девятое мая 1838 г.». Главы эти были впервые напечатаны в «Полярной звезде на 1857», стр. 126—156 (см. XII, главы XXII и XXIII).

[5] Мельгунов имеет в виду стихотворения Огарева «Совершеннолетие» и «Искандеру» («Я ехал по полю пустому»).

[6] В конце главы «Былого и дум» «13 июня 1839 г.» — Герцен писал: «Мне кажется, что Пий IX и конклав очень последовательно объявили неестественное или, по их, *незапятнанное* зачатие богородицы...» и т. д. (XII, 482). Эти и дальнейшие строки начал оспаривать Мельгунов, не зная, что Пий IX и конклав епископов 8 декабря 1854 г. действительно признали догмат о непорочном зачатии богородицы и провозгласили по этому поводу «праздник 1-го класса». Впоследствии Мельгунов извинился перед Герценом за свою ошибку (см. письмо № 13).

[7] Петр Николаевич *Кудрявцев* (1814—1858) — профессор, любимый ученик Грановского и его биограф.

* материнства (франц.).
** непорочное зачатие (франц.).
*** а не выдумано. — *Примеч. Мельгунова.*
**** в назидание должникам (лат.).

12

⟨Париж.⟩ 20 января ⟨1857 г.⟩

Не успел я отправить свое письмо, как получил твое второе. Пишу опять, потому что ответ не терпит, по-моему, отлагательства.

Если б я только знал, где занять четыре тысячи, то непременно бы занял и прислал к тебе; но где, у кого? That is the question *.

Мне остается просить тебя об одном: не желая вредить делу г. Фохта, умоляю тебя сказать мне в свое время, какого рода и на сколько вред, нанесенный ему через мою невольную оплошность? Как скоро получу деньги из России, возвращу, с твоего позволения, все, что г. Фохт может потерять через меня [1]. Убедительно прошу тебя объяснить мне объем и цифру ущерба. Не принимай моих слов за dépit ** какого бы рода ни было, а просто за естественное желание оставаться в пределах справедливости.

Замечание Тургенева — основательно. Мне и самому приходило оно в голову, да только я забыл написать об этом. Кетчер стал ужасно осторожен, чтоб не сказать труслив; ты же, верно, не захочешь его огорчить. А потому, мне кажется, что даже и намек на сходство с Мара *** ему не понравится. Ты возвращаешься к нему два раза; не сочтешь ли нужным выкинуть это сравнение в обоих местах? [2].

Это было неосторожно. А предложение выкинуть слово: «*наш* писатель» уж, может статься, слишком осторожно. Если я не поставлю *наш*, тогда моя попытка узаконить тебя опять в русской литературе потеряет смысл. Впрочем, я могу сделать так: поставить *наш*, а в письме к издателю предоставить ему оставить или выкинуть и это опасное местоимение [3].

Статьи твоей об Англии [4] я еще не читал. Постараюсь достать.

Обнимаю тебя.

[1] О каком Фохте здесь идет речь и в чем именно заключалась ответственность Мельгунова, объяснить не можем.

[2] Замечание Тургенева относилось к описанию встречи Герцена с Кетчером и к характеристике Кетчера, сделанной в XVII главе «Былого и дум» («В Москве без меня») и напечатанной Герценом в третьей книжке «Полярной звезды» (по второму изданию 1858 г. — стр. 135). Герцен подчеркивал сходство Кетчера с якобинцами, Маратом и пр. «Осторожно ли ты поступил,—писал Тургенев, — описывая К. (которого, разумеется, все узнают), его *тоску по революции* и т. д., и т. д.?» («Письма...», цит. изд., стр. 105). Герцен отвечал: «Спасибо за строжайший выговор. Вот что, если в самом деле опасно выражение о Кет⟨чере⟩, то, ведь, книга еще не вышла, я могу перепечатать четверть листа. А то я и сам испугался⟨...⟩ Напиши об этом» (VIII, 391).

Строки о сходстве Кетчера с Маратом в печати изменены не были, однако выражение «тоска по революции» в печатном тексте отсутствует.

[3] Мельгунов намеревался в одной из своих статей, предназначенной для подцензурной печати, процитировать Герцена, заменив его имя иносказанием «один из замечательных наших писателей» (см. письмо № 8). Очевидно, Герцен рекомендовал Мельгунову воздержаться от подобного упоминания. Впоследствии, печатая свою статью («Отечественные записки», 1859, сентябрь, отд. VI), Мельгунов, процитировав Герцена, не упомянул его имени и не употребил выражения «наш писатель», но отметил, что если за такую длинную выписку ему «придется просить у кого-нибудь извинения, то уж, конечно, не у читателей, которые скажут за нее спасибо, а разве у автора» (см. выше, стр. 314).

[4] *Статья об Англии* — это, повидимому, фельетон «Из писем путешественника во внутренности Англии», напечатанный, как и «Оба лучше», в «С.-Петербургских ведомостях» за подписью В. Б. (1856, № 91 от 26 апреля).

---

* «Вот в чем вопрос» (англ.—слова Гамлета).
** неудовольствие (франц.).
*** Маратом

13

23 января ‹1857 г.› Париж

Любезный друг, к чему ты вступил со мной в такие объяснения? Неужели ты думаешь, что я не верю в искренность твоего нет? Ты отказал, потому что *не мог* поступить иначе; в этом я не сомневался [1]. Стало, дело было решенное. Что же касается до very shocking, что, кажется, можно перевесть словом: очень обидно, то, ей-же-ей, я и не подозревал, чтоб в моей просьбе насчет проторей и убытков крылась хотя бы тень shocking.

Помилуй! Разве я не мог заключить из твоих слов, что наношу ущерб г. Фохту? Из чего же ему страдать по моей оплошности? Я даже и теперь остаюсь при том же мнении. Тут нет другого dépit и раздражения, кроме очень естественной досады на отсутствие «презренного металла», лишающего меня возможности сдержать с точностью данное слово. (Впрочем, *не зная наверное*, когда получу из России деньги, я едва ли выразился когда-либо *положительным* образом; сколько помню, я, напротив, оговаривался, говоря: «Надеюсь, по всей вероятности, имею причины думать», и пр.).

И действительно, я имел причины думать и надеяться, судя по письмам, которые мне писали из России. До сих пор молчание моих должников и не-должников просто непонятно. Но я надеюсь, оно скоро разрешится.

Павлов, на этот раз, виноват в одном: что и он с своей стороны не подает голоса, ибо в настоящую минуту *он*, *собственно*, не обязан выслать мне денег; деньги жду я от других.

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ» С УПОМИНАНИЕМ ЛОНДОНСКОЙ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

«Искра», № 45 от 23 ноября 1862 г.

На счет же captatio * — ну что же прикажешь делать? Эта мысль меня мучила, и я чувствовал, что не могу от нее отделаться иначе, как высказав. Клянусь тебе честию, что, когда писал предпоследнее письмо, я еще вовсе не думал просить у тебя денег. Я все еще надеялся получить их из России, даже из Страсбурга. Потеряв надежду, вследствие письма Титова, которому я тоже поручил присматривать за моими делами и который тоже не ведал ничего ни о Павлове, ни о Карцове, я решился прибегнуть к тебе, а между тем отправил в Москву депешу и несколько писем. Но как мне пришла в голову мысль о captatio? Вот как: Тургенев, по поводу Рудина, рассказывал мне, что Бакунин обыкновенно писывал ему коротенькие письма; но когда Тургенев получал от него длинное и с разными комплиментами, то уже знал наверное, что в конце — просьба о деньгах. При этом у меня и мелькнула та скверная мысль: ну, если Герцен подумает обо мне то же, что Тургенев говорит о Бакунине? [2]

Впрочем, довольно-передовольно об этом. Я рад нашим обоюдным объяснениям только за одно: что через них я узнал тебя еще короче и оценил еще лучше твою благородную натуру.

Виноват, братец, виноват насчет immaculée conception **. Еще вчера убедился в своей ошибке, на которую навел меня день праздника: 8 декабря, т. е. 9 месяцами ранее рождества богородицы, 8-е сентября [3]. Ну, согласись, однако, что не посвященному в богословские таинства и в голову не придет такая нелепость. Вчера я сам читал в новой книге: «Vierge Marie» ***, следующую фразу: «Conçue elle-même sans pêché, l'infiniment Sainte Vierge Marie est infinie en elle-même, quoiqu'elle soit finie par rapport a l'infini du Fils» ****. Не правда ли, что ясно?

Но вот что тут забавно: не только я, не только Тургенев и другие русские думали до вчерашнего дня, что immaculée conception относится к зачатию сына, но с десяток католиков, не невежд, а скорей образованных, думали то же, что и я. Я же полагал, что папе захотелось дважды праздновать Благовещение: раз — под видом ⟨...⟩ архангела Гавриила, а в другой раз — просто без ⟨...⟩ Но теперь, после открытия, я до сих пор не могу придти в себя от пийоновской дерзости. Знаешь ли что? Не мешало бы тебе пояснить это обстоятельство в конце книжки. А то, право, не поймет ни один русский. — И о начале «Записок» тоже догадался вчера [4]. Нельзя: русский человек передним умом крепок.

[1] Герцен отказал Мельгунову в его просьбе о новом займе в 2000 франков. См. письма №№ 10 и 11.

[2] Тургенев не скрывал, что в образе Рудина запечатлены некоторые отрицательные черты Бакунина (см., например: П. В. Анненков. Литературные воспоминания Л., 1928, стр. 645—646).

[3] См. примеч. 6 к письму № 11.

[4] Мельгунову показалось, что в его экземпляре гранок «Записок» недостает начала (см. выше, письмо № 11). Начало «Записок» в третьей книжке «Полярной звезды», которое он, вероятно, имеет в виду, это — главы «Княгиня и княжна» и «Сирота» (XII, главы XIX и XX).

14

24 января ⟨1857 г.⟩ Париж

Erratum *****. Плохой я латинист, а Грибовский, как видно, еще плоше. Вчера, выходя со двора, чтоб отнести письмо на почту, я встретил на пороге Грибовского, который просил меня доставить Огареву адрес.

---

* заискивания (лат.).

** непорочного зачатия (франц.).

*** «Дева Мария» (франц.).

**** «Сама безгрешно зачатая, пресвятая дева Мария сама в себе бесконечна, хотя и конечна в сравнении с бесконечностью сына» (франц.).

***** Ошибка (лат.).

Не имея времени объяснить, в чем дело, я хотел было надписать: «Ogarevio primo Grib. secundus» *; как вдруг г. бывший студент Казанского университета остановил меня и говорит: «Ogarevii primi» **. Я сдуру и послушался; но потом подумал: из чего же я делаю Грибовского собственностью Огарева? Итак, прошу читать дательный, вместо родительного.

Но что важнее поправки, это объяснение адреса. Грибовский не знает адреса Островского [1], но предлагает Огареву написать свое письмо на имя тетки, Грибовской же, которая знает, где живет Островский. Не мешает только надписать: с покорнейшей просьбой доставить *немедленно* такому-то.

Сим поручение Грибовского и исполняется.

Кстати: ты не избежал-таки моей благодарности за деньги, которые я просил у тебя взаймы. Их дал мне Грибовский, говоря, что человеку, отрекомендованному Александром Ивановичем, он охотно вверяет деньги и все что угодно.

Не правда ли, что это очень и очень мило? Но при этом я должен тебе сказать, что человек, так выгодно тобой отрекомендованный, в грязь себя не ударит и тебя не осрамит.

Сегодня же пишу в Москву о ссуде Грибовского и настоятельно прошу во что бы ни стало выслать мне хоть сколько-нибудь денег, чтоб расплатиться с добрым человеком как можно скорее ***. Впрочем, я и без того крепко надеюсь, что моя финансовая драма, дошедшая в эту минуту чуть не до катастрофы, получит свою развязку, и благополучную развязку, в течение февраля. Кончится она, конечно, не женитьбой, но все-таки deus ex machina ****, называемый Карцовым [2], соединит мою дающую руку с принимающей рукою кредиторов. Постарайся прилететь к этой торжественной минуте на крыльях дружбы и повитать над нашими главами в образе феи, Ариэля, гения или св. духа, ad libitum *****. Обещаю осветить картину бенгальским огнем [3].

Прощай — до следующей болтовни.

Каков молодой Орлов? Отправил все твои издания Михаилу Николаевичу! Пусть себе читает по субботам — перед баней [4].

Ну, о «Голосах» ты ни гугу?

[1] Огарев просил сообщить ему адрес Михаила Николаевича *Островского* (1827—1891), брата драматурга.

[2] О *Карцове* см. в письме № 11.

[3] Как устанавливается записью в дневнике М. П. Погодина от 26 октября 1857 г., Н. Ф. Павлов устроил в том же году денежный сбор среди своих московских знакомых, «чтобы спасти Мельгунова от тюрьмы» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XV, стр. 313).

[4] Тургенев 16 января 1857 г. писал Герцену: «Ты никогда не угадаешь, от кого я не далее как вчера слышал великие похвалы тебе... От князя Орлова (раненного под Силистрией) — сына известного Орлова. — Он не только все прочел, что ты написал, но даже (ceci entre nous ******) с месяц тому назад отвез все твои произведения к в. к. Михаилу Николаевичу» («Письма...», цит. изд., стр. 105). Речь идет о Н. А. Орлове. Ср. в письме № 5 и в примеч. 1 к нему.

15

28 февраля ⟨1857 г.⟩ Париж

Сердечный друг! Это, между прочим, и каламбур. В книжке «Au bord de la Néva» *******, вышедшей в конце прошлого года, Мармье говорит:

* «Огареву первому Гриб⟨овский⟩ второй» (лат.).

** «Огарева первого» (лат.).

*** Прости заранее, если, может быть, придется расплатиться с ним прежде, чем с тобою: ведь он перелетная птица. Но, вероятней, расплачусь с обоими вместе. — *Примеч. Мельгунова.*

**** Здесь — благодетельный рок (лат.).

***** по желанию (лат.).

****** это между нами (франц.).

******* «На берегу Невы» (франц.).

«Un écrivain russe, Mr A. Herz, qui a connu Lermontof à Pétersbourg, dit que le poète traînait après lui le plus triste des fardeaux — le boulet du scepticisme» *. Очевидно, что Herz — это ты, сердечный. Где ж это ты так галерно или каторжно выразился о Лермонтове? Не помню [1].

Пишу наскоро, чтоб отозваться на твое письмо. Жду Тургенева с Толстым, которым прочту отрывки из первой статьи (в шестьдесят страниц) о Париже и французах. Тургенев развелся с Некрасовым, уехавшим опять в Рим к m-me Панаевой, но вместе с тем похитившим Грибовского. Но Тургенев утешился du départ d'Ulysse ** приездом Толстого, автора «Детства», «Отрочества», и пр. Я ему передал твой запрос и получил в ответ следующее: стиха из «Войнаровского» он не помнит и припомнить не может, к тому ж страшно хандрит по милости своего пузыря (il prend des vessies pour des lanternes *** , как ты видишь), сбирается на несколько дней в Дижон (не хочешь ли выписать бургонского? Ведь die Rotweine regen и пр. auf ****) [2] и затем, в конце марта, надеется приехать к вам недель на шесть. Как бы мне хотелось с ним, тем паче, что английский диалект мне не дался: еле читать умею; да боюсь за свою невралгию в глазу, которая далеко не прошла, а в марте у вас там должно быть чертовски сыро ⟨...⟩ [3]

Мне это время было очень грустно. Несчастлив я на друзей детства и молодости и тебе страшно завидую. Что́ ни говори, а во время о́но я был очень дружен с Шевыревым. Слышал ты, что с ним случилось?[4] Был я когда-то очень дружен и с музыкантом Глинкой: мы с ним были однокорытники и однокашники. Бедняк умер на днях в Берлине, и умер прекрасно: не только спокойно, даже почти весело, шутил над смертию еще за несколько часов до нее и ни под каким видом не хотел пустить к себе попа: «Я никогда, мол, не лицемерил, а теперь и подавно не хочу». Его смерть мне была все-таки отрадней полусмерти Шевырева.

Говорят, что царь немедленно отрешил Шевырева от должности, а Бобринскому (Василию) запретил въезд в столицы. Подробности всей этой ссоры наносят бесчестье всему «высшему» московскому кругу.

А вот что утешительно: успех «Русского вестника» невероятный, небывалый. В середине января у «Современника» было около 3000 подписчиков, у «Русского вестника» — 4500! Но знаешь ли отчего? По милости Щедрина (провинциальные очерки), Чичерина, Павлова, Бабста, Корша (его обозрения) и пр., в России смотрят на «Русский вестник» как на журнал с политической и общественной тенденцией. Теперь уж нужны не повести, не картинки мод, не смесь, а обсуждение общественных вопросов. Не утешительно ль это?

Что я писал тебе прежде о сорока тысячах крестьян, о новом указе в «Сенатских ведомостях», все это пока сводится на вздор [5]. А между тем всё и все ожили, движение в умах страшное, общественное мнение зашевелилось не на шутку, и — надо надеяться — увлечет за собой правительство, особливо когда за Закревским полетят к черту и другие николаевские паши.

Обнимаю вас.

Стихи к тебе превосходны [6]. Некрасов и Тургенев *в восторге* от твоих «Записок».

[1] Книга очерков «Au bord de la Néva, contes russes» вышла в Париже в 1856 г. Автор книги—французский писатель, друг И. С. Тургенева и переводчик его произведений на французский язык, Ксавье *Мармье* (1809—1892). Характеризуя Лермонтова,

---

* «Русский писатель, г-н А. Герц, который знавал Лермонтова в Петербурге, говорит, что поэт влачил печальнейшее бремя — груз скептицизма» (франц.).

** В отъезде Улисса ⟨Одиссея⟩ (франц.).

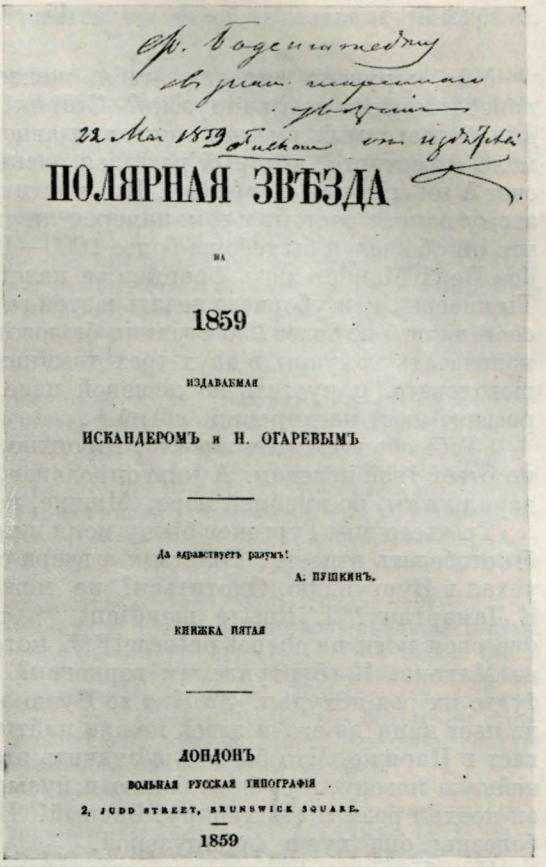
*** Буквально: «Он принимает пузыри за фонари»—франц. поговорка.

**** красные вина возбуждают... (нем.).

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» НА 1859 ГОД ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ:

«Ф. Боденштедту в знак искреннего уважения от издателей. 22 мая 1859 Fulham»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



Ф. Боденштедту
в знак искреннего
уважения
22 Мая 1859 Fulham от издателя

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1859

ИЗДАВАЕМАЯ

ИСКАНДЕРОМЪ и Н. ОГАРЕВЫМЪ

Да здравствуетъ разумъ!

А. ПУШКИНЪ.

КНИЖКА ПЯТАЯ

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

2, JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1859

Мармье воспользовался страницей, посвященной Лермонтову Герценом в брошюре «О развитии революционных идей в России» (VI, 266 и 374), причем ошибочно указал, будто Герцен был лично знаком с поэтом.

[2] В полном виде эта немецкая фраза читается так «Die Rotweine regen die Kreislaufsorgane stark auf» («Красные вина сильно возбуждают органы кровообращения»). Она была взята из «Фармакологии» Шпренгеля и послужила эпиграфом к стихотворению Огарева «В унынье медленном недуга и леченья», посвященном Искандеру («Полярная звезда на 1857 год», стр. 232).

[3] В опускаемой части письма Мельгунов снова советует Огареву отправиться для лечения в Париж.

[4] Мельгунов имеет в виду драку С. П. Шевырева с графом В. Бобринским (см. И. С. Тургенев. Письма..., цит. изд., стр. 107—108). Оба действительно подверглись взысканиям, которые были сняты с них через год. См. об этом в «Отчете» III Отделения, в разделе «Милости» и пр., следующую запись: «Бывшему профессору Московского университета Шевыреву и графу Бобринскому, которые в 1857 году за ссору и драку были: первый уволен от службы, а второй выслан из Москвы в свое имение, разрешено: Шевыреву поступить профессором в Лазаревский институт, а графу Бобринскому свободное пребывание в империи» (ЦГИАМ, ф. 109.—Всеподданнейший отчет III Отд. за 1858 г., л. 57).

[5] Упоминая о «сорока тысячах крестьян», Мельгунов имеет в виду эпизод, происшедший в Петербурге в декабре 1856 г. Взволнованные слухами о предстоящем освобождении, крестьяне и дворовые, находившиеся в столице, устремились к Сенатской лавке, где в это время продавалось постановление, излагавшее правила регистрации так называемых «добровольных соглашений» между помещиками и их крепостными. В течение нескольких дней толпы людей собирались на Сенатской площади, покупали с величайшим трудом мнимый указ о «воле» и, не доверяя никаким разъяснениям, отправляли его в деревню.

[6] В третьей книге «Полярной звезды» (стр. 169, 177 и 232) напечатаны три стихотворения Огарева, посвященные Герцену: «Искандеру» («Я ехал по полю пустому...»), «И-ру» («О! если б ты подумать только мог...») и «И-ру» («В унынье медленном ...»).

16

9 марта (1857 г.) Париж

Мне поручено спросить тебя, желаешь ли ты видеть свои мемуары напечатанными по-французски? Старик Мишле перебывал у полдюжины или более самых смелых книгопродавцев и из них нашел лишь одного, мало известного, который решился рискнуть и готов *напечатать* на свой счет à ses risques et périls *. Но платить за перевод он не согласен. Поэтому вопрос состоит в том: намерен ли ты платить за перевод? Полагаю, что он обошелся бы тебе не более 1000—1200 фр. Лявó получает от «Revue des Deux Mondes» пять франков за каждую *переводную* страницу цицеро. Ты знаешь, как убориста печать в этой revue; я полагаю, что твои мемуары составили б не более 250 страниц бюлозовского цицеро. Издатель намерен напечатать мемуары в двух-трех томиках in 12°, очень опрятно, если не щеголевато, и пустить по дешевой цене (что заставляет думать, что он рассчитывает на хороший сбыт) [1].

Тебе обо всем этом писали, вероятно, и Мишле, и Марья Каспаровна; но ответ твой неведом. А книгопродавец, между тем, спрашивает. Благодарил ли ты, по крайней мере, Мишле, который очень и очень хлопотал? [2]

Третьего дни Тургенев был у меня и хотел мне дать знать, когда б и где бы отобедать втроем с Толстым; а вчера слышу, что Иван Сергеевич вдруг уехал в Бургундию. Охотиться? не может быть: охота теперь кончилась. К Ламартину? L'illustre mendiant ** теперь здесь, греет в Ville D'Evêque свои ноги на chenet paternel ***, который, говорят, нарочно выписал из Макона. К бургундским герцогам? Их историк, Барант, заверяет, будто их род исхудал. За Кло де Вужо или Шамбертенем? Но Тургенев не пьет вина да его и здесь можно найти. M-me Виардо между тем распевает в Париже. Что бы могла значить эта таинственная поездка, в скверную погоду, с зубною болью в пузыре? Тургенев страшно хандрит; он поехал размыкать хандру. Бедный! Не дай бог иметь эту английскую болезнь; она хуже французской.

Ну, братец, теперь и я в остервенении против Григорьева. Читал ты вторую его статью о Грановском? [3] Здесь уже явное недоброжелательство, какое-то непонятное ожесточение, подлые намеки, отвратительная хвастливость, черт знает что! Я был возмущен. Хороши наши славянофилы! Но знаешь, чтó меня радует? Павлов пишет Григорьеву ответ; а в нашей литературе нет, может быть, человека, который был бы способнее Павлова положить влежку негодного противника. Он просто уничтожит Григорьева; а мимоходом и славянофилам достанется порядком. Павлов давно на них точит зубы.

Хомяков, уже по отпечатаньи этого григорьевского пасквиля, был при смерти. Но выздоровел — на свою погибель. Окончание войны его разорит: он, как ты знаешь, мастер лить пули и даже выдумал ружье, которое хватало втрое далее Минье. Оказалось, что и ружье — пуля; но как бы ни было, à la guerre, comme à la guerre ****.

Ну, а теперь? Что скажешь ты про новый 47-й год? Начинается во Франции хорошо. Скандал на скандале; да еще сколько таких, которые знаем мы по слухам и о которых газеты молчат [4].

Читал ли ты третье издание «манюэля ***** для биржевых спекулянтов», который оказался произведением Прудона? Замечательная книга, пророческая [5].

---

* на свой риск и страх (франц.).
** Знаменитый попрошайка (франц.).
*** отцовском таганке (франц.).
**** на войне, как на войне (франц.).
***** руководства (франц. «manuel»).

Каков Огарев и что намерен делать с собою? Резаться? Смотрите, не срежьтесь.

Жду разных сумм с разных сторон и потому откладываю покамест извещение о времени уплаты. Будь уверен, что я из кожи лезу, чтоб расчесться поскорее. Обнимаю вас.

Ну, а третий номер, т. е. «Звезды»? Или она отложена, как комета?[6]

[1] О переводе «Былого и дум» на французский язык, изданном впоследствии Деляво, см. в письмах №№ 17, 18, 21, 22 и VIII, 373. 15 ноября 1856 г. Мишле писал Герцену о своих переговорах с книгоиздателями по поводу издания перевода «Былого и дум» (VIII, 375). Герцен отказался оплатить перевод, хотя и согласен был «гарантировать что-нибудь в случае запрещения и уничтожения книги» (VIII, 417).

[2] Герцен благодарил Мишле в письме, посланном через Тургенева, но до Мишле не дошедшем. Выражение своей признательности Герцен повторил в письме к Мишле от 25 мая 1857 г. (VIII, 510—511).

[3] Статья В. В. Григорьева о Грановском — «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» — появилась в третьей и четвертой книжках «Русской беседы» за 1856 г. и вызвала протесты во многих журналах. Резко полемические возражения Н. Ф. Павлова на статью Григорьева напечатаны в №№ 6 и 8 «Русского вестника» за 1857 г. См. также отдельное издание этой статьи: Н. Ф. П а в л о в. Биограф-ориенталист. М., 1857. Получив письмо Мельгунова, Герцен писал 14 марта 1857 г. к М. К. Рейхель: «Вторая статья Григорьева о Гранов(ском) положила в лоск самого Мельгунова,— раскусил, наконец» (VIII, 417). Отзыв Герцена о статье Григорьева см. в письме к М. К. Рейхель — VIII, 395.

[4] Мельгунов сравнивает политическое настроение столицы Франции в 1856—1857 гг. с настроениями Парижа в предреволюционном 1847 г. Предреволюционный Париж был запечатлен Герценом в «Письмах из Avenue Marigny» (1847). Как тогда, так и теперь внимание парижан было приковано к многочисленным общественным скандалам, судебным процессам и пр. В «Заметках русского в Париже», напечатанных в «Отечественных записках» (1859, кн. IX, отд. VI, стр. 40—44), Мельгунов описывает скандалы, происшедшие преимущественно в церковных кругах. Много внимания уделяет Мельгунов также истории убийства парижского архиепископа Сибура.

[5] Речь идет о книге «Manuel du spéculateur à la bourse», выпущенной анонимно и принадлежавшей Прудону и Дюшеню (изд. 1-е — Париж, 1853). Герцен в письме к Мишле назвал Прудона «ужасающим прорицателем в делах 3%, 5%, 10%» (VIII, 511).

[6] Третья книга «Полярной звезды» вышла из печати около 17 апреля 1857 г.

17

13 марта (1857 г.) Париж

Вчера вечером я был с Пен'тò у Решèль[1], и Марья Каспаровна вручила мне твою статью о Дашковой. В первом часу мне хотелось спать; но я, как-то случайно, взял в руки твои листки и положил их на стол, когда дочитал до последней строки. Было три часа, а спать мне уж больше не хотелось. Нужно ли прибавлять к этому простому факту какие бы то ни было комментарии?

Я считаю статью о Дашковой *твоим* созданием [2], потому что немногим даются такие одушевленные квинт-эссенции. Удивительный ты рассказчик, нечего сказать! Ни тени болтливости и замашки на эффект, а между тем нельзя оторваться. Ты собою доказал, что даже как рассказчик русский может быть выше француза. От твоих статей так и веет простотой, правдивостью и теплотой; от них становится тепло, так что я вперед намерен экономничать и вместо камина греть себя чтением Искандера.

Но ведь нельзя же все хвалить. Когда, лет через двадцать пять или тридцать, тебе придет в голову подумать не об одних современниках, но и о потомстве, и когда ты приступишь в Москве к печатанью полного собрания своих сочинений, не забудь, пожалуйста, взять к себе в подмогу хорошего корректора. Твои знаки препинания, например,—сущие знаки претыкания. Они часто затрудняют только чтение. Сверх того, встречаются небрежности. Например, на стр. 224 и 225: «принять меры против грозящей опасности и отвратить от вас грозящую опасность». Или (стр. 272):

«полная пустота», вместо «совершенная» [3]. В иных местах не поймешь сразу, про какую «княгиню» ты говоришь. Но все это пустяки. У тебя, литературного аристократа, недостает чернорабочего — вот и всё.

Кстати, о чернорабочих или, лучше сказать, о фабрикантах. Ты, вероятно, скоро увидишь у себя Краевского, Василия Боткина (автора «Обоих лучше» [4] и пр.); едет также Дружинин, новый редактор «Библиотеки» и еще кое-кто, так что скоро русские журналы будут издаваться из Парижа и Лондона.

Неужели Дашкова была в самом деле такова, какою является в своих «Записках»? Я прежде считал ее только очень умной и очень пьяной женщиной, а теперь вижу, что она, несмотря на свой галстук и колпак, была исполнена самой трогательной женственности. В нее, право, можно влюбиться. Как жаль, что я знавал Малиновскую, ее племянницу и любимицу, бывшую начальницу Московского архива, от которой пахло водкой и табаком. У нее видал я и портрет старухи Дашковой, прекрасно написанный, но больно некрасивый. Мне это ужасно досадно. Не будь Малиновской и этого портрета, я бы готов возгореть пламенной страстию, вроде Беттины к Гёте.

Лизавета Богдановна получила уже пенсию (в 5000 асс.); но можно ли тебе писать о Грановском — право, не знаю. Твоя статья об нем уже написана и, как слышу, очень удалась. Напиши-ка об этом к m-me Granovska, à Rome, via della Vite № 57 *или* 58. Это было бы всего проще. Впрочем, многое зависит от того, *каким* ты представляешь покойника [5]. Ведь ты не делаешь из него главы партии, демократа или революционера? Помни одно, что мы, по замечанию Хомякова, уже и тем выше французов, что француз говорит: «Я раб своего слова», а русский: «Я своему слову господин» и что поэтому пенсия может сегодня быть дана, а завтра отнята. Sapienti sat *.

Скажи: из чего ж ты обиделся и обидел? Обиделся тем, что не тебя, а Павлова произвел «Русский вестник» в Карамзины [6]. Не забудь, что ты — Карамзин extra muros **, т. е. вне пограничного шлагбаума, и что, сверх того, ты пришибешь Григорьева дубинкой, а Павлов исколет его шпильками. А от этих больнее да и цензурнее. Впрочем, шпильки не помешают дубинке. Доканай ты этого туркомана.

А обидел ты Тургенева. Тургенев—не prince russe ***, не old boyard****, не ниго*****, не шепинг и не юноша, а между тем *платит* за новый перевод своих «Записок охотника», которые издаются даже с политипажами [7]. Можно б даже так устроить, чтоб ты не был в накладе. Гарантируй только переводчику его труд, как у нас правительство гарантировало железные дороги. Ведь тут больше, чем авторское тщеславие. Старику Мишле первому хотелось бы прочесть твои записки. Ведь ты посредник между Россией и Европой, и твои Записки, изданные на универсальном языке, многое бы объяснили не одним французам.

Про какого ты Щепкина спрашиваешь? Старик был недавно болен, но выздоровел. Один его сын теперь в Риме, а другой— в Малаге.

Прощай, кланяйся Огареву.

[1] Подразумеваются Пинто и Рейхель (начертание по франц. произношению).

[2] Мельгунов имеет в виду чрезвычайно искусную передачу Герценом существа записок Дашковой в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова».

[3] Герцен не воспользовался замечаниями Мельгунова, оставив неприкосновенными во втором издании третьей книги «Полярной звезды» «погрешности», указанные им.

* Для понимающих довольно (лат.).
** вне стен (лат.).
*** русский князь (франц.).
**** старый боярин (англ.).
***** простак (франц. nigaud).

[4] Мельгунов в шутку называет Василия Боткина автором герценовского фельетона «Оба лучше», так как в целях конспирации фельетон был напечатан в «С.-Петербургских ведомостях» за подписью «В. Б.».

[5] См. публикацию писем Грановского Герцену в настоящем томе.

[6] В ответ на сопоставление с Павловым, сделанное Мельгуновым, Герцен писал к М. К. Рейхель: «...Он, скажите ему, совсем на старости лет рехнулся. Вообразил, что мне завидно, что Павлов пишет о Грановском. Ах, он еретик!» (VIII, 417).

[7] Подразумевается издание «Записок охотника» в переводе Делаво (1858).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «КТО ВИНОВАТ?»
Рисунок М. С. Протасьевой, 1947 г.
Литературный музей, Москва

18

⟨Париж.⟩ 19 марта ⟨1857 г.⟩

Грешный человек, не понял! Но ведь и ты хорош: придал важность той глупой шутке. Неужто ты в самом деле подумал, что я считал тебя способным обидеться вздором? [1]

Ты говоришь, между прочим, что 7-я заповедь только для счету. Нет ⟨...⟩

Тургенев воротился сплинистее, чем прежде. Он ездил в Дижон проветриться и пописаться; только ничто не удалось. А здесь, в русской колонии, прошел слух, будто Тургенев и Толстой отправились к тебе, а

сказали, что едут в Дижон, только для виду. Я позволил себе обидеться этим предположением от имени всех троих [2]. За кого ж принимают обоих «Современников», но пуще всего — за кого ж принимают тебя? Только в rue Joubert, 4 * ездят люди втихомолку. Вот оно, до чего доводит нас III Отделение!

Если уладится перевод твоих «Записок», я тебя тотчас уведомлю. Разумеется, прежде чем печатать рукопись, Ляво ее перешлет к тебе для просмотра. Согласен?

За что же ты, однако, так нападаешь на Тургенева? Когда-то и ты издавал книжки для французов. Ты уже слишком на них восстаешь. Когда прочтешь мои «Заметки» в «Русском вестнике»[3], то увидишь, что нельзя и меня обвинять в излишнем к ним пристрастии; но все-таки, Францией пренебрегать не следует. Между ею и нами еще слишком много общего. Если она при смерти, то и мы не совсем здоровы. Мы все лежим в одной клинике, только в разных палатах; и лечиться нам всем надо. А Франция была и осталась интересным субъектом.

Кстати о «Русском вестнике»: с ним была на днях какая-то цензурная бедушка [4]; только еще неизвестно, какая. Слишком зазнался этот барин: позабыл, что он *Русский*. А жаль, если бедушка будет иметь последствия: есть в нем отличные статьи; и направление тоже недурно.

Соглашаюсь, что французы как рассказчики — не самого первого сорта. Однако и тут нельзя их безусловно обвинять в фразерстве. Я, например, страх люблю Мериме, как рассказчика. Ну, и Ж. Санд так себе. Но вот кого ты позабыл — итальянцев, например: из стариков — Боккачьо, а из новых — Мандзони [5]. Они как *эпические* сказочники превосходны. Англичане же твои, в моих глазах, не идеал совершенства. Прекрасно, но не превосходно, как раз сказал о Пушкине Casse-noisette **—Новосильцев [6]. У англичан есть своего рода вычурность, не совсем по нутру нам, русским. Мне, по крайней мере, так всегда казалось. К тому ж они часто впадают в широкоглагольствие. В наш век вообще трудно держаться простоты: везде ужимка. Вот ее-то я и не встречаю у многих из наших, начиная с Пушкина. Ее нет и у тебя; от этого-то я и люблю твои россказни. Давай нам поскорей Голохвастовых, кого хочешь [7]. Может быть, ты прав, и «С того берега» — твоя лучшая книга, но самою популярной будут, без всякого сомнения, твои «Записки».

Addio, обнимаю тебя, Н. М.

Правда ли, что тебе скоро и обниматься нельзя будет, а только прикладываться? Ты знаешь эпиграмму на Краевского: «Не знакомый ни с Европой, ни с родимой стороной...»[8] Он едет познакомиться с Европой, а там поедет и по родимой.

[1] Вероятно, эти строки являются откликом на реплику Герцена в письме к М. К. Рейхель от 14 марта 1857 г. См. примеч. 6 к предыдущему письму.

[2] О внезапном отъезде Тургенева из Парижа см. в письме № 16.

[3] См. примеч. 2 к письму № 8.

[4] Цензурная «бедушка» с «Русским вестником» — затруднения, которые чинила цензура опубликованию повести Н. Основского «Порода хищников». Начало повести было напечатано в январском номере «Русского вестника» за 1857 г., окончание — в июньском. См. следующее письмо.

[5] Алессандро *Мандзони* (1785—1873) — выдающийся итальянский поэт и романист.

[6] Петр Петрович *Новосильцев* (1797—1869)—кавалергард, в 40-х гг. — московский вице-губернатор и камергер, в 50-х гг. гражданский губернатор в Рязани. В московских литературных кругах был прозван «casse-noisette».

[7] Очевидно, Герцен в не дошедшем до нас письме советовался с Мельгуновым о том, публиковать ли страницы «Былого и дум», посвященные Д. П. и Н. П. Голохвастовым.

[8] Эта эпиграмма на Краевского неизвестна.

* на улицу Жубер, 4 (франц.).

** Щелкунчик (франц.).

19

28 марта ⟨1857 г.⟩ Париж

Так как в самом деле я, как и все мы, «сегодня граф, а завтра прах», то и посылаю, на всякий случай, письмецо к Титову. Береги его, и—если б понадобилось, — перешли к Титову через Ротшильда. Три тысячи рублей серебром обеспечивают и его ссуду, и тебя, если даже ты поручился и в тех 2000 fr., о которых я просил тебя вчера и еще раз преусердно-усердно прошу сегодня.

Вот что случилось с «Русским вестником». Какой-то Основский выставил в плохой повести всех известных шулеров, мертвых и живых, но так, что их можно тотчас узнать. Хоть их и преследуют у нас, но между ними есть люди крупные, до которых опасно дотронуться. Таков, например, Брискорн, который еще при мне, в прошлом году, получил высокое место в военном министерстве. Правда, с тех пор он был сменен, что показывает, что у нас есть-таки кой-какое общественное мнение (вся Россия возопила при его назначении) и что правительство принимает в уважение общий голос.

Кстати, об общественном мнении: подписка на «Русскую беседу» идет очень плохо. После «Москвитянина» это самый последний журнал. Хорошо, что ты поспешил поколотить Филиппова [1] с братией, потому что скоро они будут ограждены пословицей: лежачего не бьют.

Сейчас иду к Тургеневу и передам ему поклон от тебя и от Саффи. Несу также показать ему твою «Варьяцию на старую тему». Это экземпляр Марии Каспаровны, без конца; я остановился в нем на твоей вере в русский народ. До сих пор все так, и хорошо. Спасибо и за «Семеновскую историю» [2], и за стихи. Но с чего ж ты взял, что они сложены солдатами? Напротив, их сложили грамотеи-офицеры, между прочим и граф Толстой, который теперь здесь [3]. Ему даже за это чуть не досталось в Петербурге. Правда, что песенки сложены так, что, говорят, все солдаты их знали наизусть и, разумеется, кое-что и от себя приладили.

Ух, много опечаток в «Правах русского народа»! [4] Например, на первой странице: «молчать — сколько *ему* угодно», вместо: *душе*. Или: «в отставке быть избавлену от *визитов*» (?), вместо: *взысков* и пр. Да что же ты становишься таким англичанином-прюдом? * Ты выкинул целую фразу: «душа божья, голова царская, а ж... барская». Жаль — ведь это *народная* поговорка, которую следовало бы сохранить.

Спасибо, что слушаешь и не бьешь, а только щелчки даешь. Правда, что я не умел вести дела, и теперь — в наказание — поплачиваюсь не столько деньгами, сколько беспокойством. Но скажи, бога ради, много ль у нас умеющих вести дела? Ты сам спасся только тем, что оставил Россию и перевел капиталы. Посмотрел бы я на тебя в самой России! Нет, мы — говоря гуртом — честны, по-моему честнее здешних, но у нас у всех нет методы — ни в делах, ни в жизни, ни в чем. Мы народ антиметодический по преимуществу. Сверх же того — время, как и хлеб, у нас нипочем? Оттого-то и прожили мы тысячу лет, а все еще юноши, молокососы.

Но ты не беспокойся, друг; никак не обанкручусь и все выплачу до копейки. Я на этот счет педант, и долг меня мучит, как кошмар. Поэтому я нисколько не вменяю себе в заслугу, что аккуратно уплачиваю долги.

Addio. Твой Н. М.

[1] О соредакторе А. И. Кошелева по «Русской беседе» в 1856—1857 гг. Тертии Ивановиче *Филиппове* (1825—1899) Герцен прямо в печати не упоминал. Мельгунов имеет в виду критику славянофилов в статье Герцена «Еще вариация на старую тему».

* чопорным (от англ. «prude»).

В частности, к Филиппову относятся следующие строки: «... не так давно один из них пустил в меня, под охраной *самодержавной* полиции, комом отечественной грязи....» и т. д. (VIII, 486). Герцен говорит здесь о выпаде Т. И. Филиппова против него самого и против романа «Кто виноват?» в статье о пьесе Островского «Не так живи, как хочется», напечатанной в первой книжке журнала «Русская беседа» за 1856 г. (ср. VIII, 338—339).

[2] «*Семеновская история* (1820)» — статья (без подписи), напечатанная в «Полярной звезде на 1857 год».

[3] Мельгунов имеет в виду напечатанные в «Полярной звезде на 1857 год» «Две песни крымских солдат». К первой из них («Как восьмого сентября...») редакцией сделано примечание: «Эти две песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь особого автора, и в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора». Между тем, вторая песня—«Как четвертого числа...» — действительно была сочинена Л. Н. Толстым.

[4] Коротенькая сатира «Права русского народа» напечатана в той же книжке «Полярной звезды» (без подписи). Отметим, что эта же сатира была снова использована в известной агитационной кампании 1869 г.: она была выпущена — вероятно Огаревым — в виде отдельной листовки.

20

⟨Париж.⟩ 3 апреля ⟨1857 г.⟩

Я не тотчас отвечал тебе на твое последнее письмо по двум причинам: во-первых, у меня такой сделался флюс, что я во всех отношениях стал ни на что не похож; во-вторых же, присоединились к этому известные тебе хлопоты, которые я едва сумел отстранить в трое суток, причем в первый раз отроду встретился лицом к лицу или рожей к роже (потому, что у меня теперь страшнейшая рожа) с huissier! * Взять под залог бриллиантов не так легко, по крайней мере не так скоро. В последнем письме я забыл тебе сказать, что мне *необходимо* было выкупить бриллианты, потому что жид имел надобность в деньгах (теперь выгоднее играть на бирже, чем давать взаймы по 50%). К тому ж проклятое английское воскресенье замедлило целым днем твой ответ; словом, когда пришло твое письмо, я не знал, какому угоднику продать душу. А между тем, словно за тем только, чтоб раздразнить еще больше, Павлов присылает депешу: «Rougemont-де выдаст деньги по простому телеграфному извещению Ценкера»; а Rougemont мне велит сказать, что он подобных операций никогда не делал и делать не будет; да к тому же от Ценкера до сих пор никаких извещений — ни по почте, ни по телеграфу. Что тут будешь делать! Я отправил целую тучу писем и вчера опять депешу; авось теперь скоро разрешится мой кризис, в котором ты, любезный друг, мне помог донельзя. Восхваление и возблагодарение тебе за это! У меня во всех этих треволнениях одно утешение: из здешних русских не я один в таком положении, не меня одного корреспонденты, друзья и родные оставляют без денег. Экая дьявольская беспечность славянская!

Между прочим, Тургенев находится точь-в-точь в таком же положении. А еще у него дядя хозяйничает и от него наживается! Просто из рук вон. Вчера Тургенев навел на меня страшную грусть, от которой никак не могу отделаться. Что ни говори про его мнительность, но есть факты, которые сделают хоть кого мнительным. Не успел он осенью прихать в Париж, как у него возобновилась невралгия[1] ⟨...⟩ Рикор, с которым Тургенев советовался, говорит, что его болезни должно уже быть лет десять. Злодей к тому же намекнул, что болезнь неизлечима. Другой доктор-специалист сказал то же. Тургенев слабеет и худеет страшно, ноги у него подкатываются, словом — того и гляди, что с ним будет то же, что с Гейне. Ты не поверишь, как мне его жаль. Кроме того, что жаль его таланта и ума, мне жаль его как крайне доброго, истинно славянского человека. Я уговариваю

* судебным исполнителем! (франц.).

его ехать на лето в Гастейн, в Стирии. Уговори и ты его: эти воды необычайно живительны. Он хочет выехать отсюда к тебе около 20 апреля, но чуть ли не удерживает его здесь безденежье.

Ты должен был получить вчера вторую статью о Грановском, которую послал не я, а Тургенев, потому что экземпляр принадлежит ему. Против Григорьева есть уже статьи Кавелина, Галахова; Павлов пишет ко мне, что оканчивает свою и что она ему удалась. Пришиби-ка ты этого негодяя окончательно [2].

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «КТО ВИНОВАТ?»
Рисунок М. С. Протасьевой, 1947 г.
Литературный музей, Москва

Здесь прошел слух, будто Кавелин назначен секретарем в Комиссию об освобождении крестьян [3]. Ты знаешь, что она (президус — Меншиков, члены — Блудов, Шаховской, Корф и пр.) заседает и сидит на месте уже несколько месяцев, но все ни с места. А между тем помещиков душат, как еще никогда не душили. Новоприезжие русские рассказывают, что в прилегающих к Москве губерниях убито в несколько месяцев больше помещиков, чем в последние десять лет. А министром внутренних дел назначен, на место старого шута Ланского [4], тоже старый, но уже не шут, а просто дурак, Игнатьев, бывший в последнее время петербургским

генерал-губернатором. Он имеет репутацию очень доброго человека,— но и только.

Вообще, как будто *доброта*—единственная мерка, по которой выбираются теперь люди. Народ говорит: «простота хуже воровства», и чуть ли не прав. Конечно, у нас при Николае было много воровства при большой дозе глупости; и потому глупость *без* воровства все-таки шаг вперед, но какой шаг, боже мой! А между тем оказывается, что телеграфическая депеша, переданная «Nord'ом», будто Суворов [5] назначен на место Закревского — чистый пуф, и что Закревский попрежнему московский генерал-губернатор!!!

Поделом ты хлещешь их всех в своих «Варьяциях». Вчера вечером я их перечел опять, и они мне *очень* понравились. Живо, умно, остро (как всегда), и главное, дельно. Ипподрому Сухозанету (что это такое?) твое письмо тоже очень нравится [6]. В частном могут быть несогласия, но в целом так, так.

О песенках[7] мне потом растолковали. Что ж прикажешь делать? Я страх как туп на отгадыванье хитростей, ребусов и пр.

Как я утешаюсь в безденежье тем, что и другие русские сидят без денег, так и Тургенева утешаю тем, что не у него одного ⟨...⟩, но и у Василья Боткина. У этого поделом. А у Панаева рак на губе. Что за напасть на «Современников»! С Полуденским [8] в прошлом году случилось и того хуже: рак на языке. Полуденского очень любил Грановский в последнее время, особливо за то, что тот ему каждый день привозил разные свежие новости — не газетные. Чем грешил, тем и наказан. Как же после всех этих примеров не убедиться, что есть правосудное наказание за грехи наши?

У «Русского вестника» уже более пяти тысяч подписчиков.

В подтверждение того, что настает крайняя пора серьезно приступить к освобождению, приведу факт: Павлов—не наследственный, а *личный* дворянин, но его жена имеет право на владение. Вот уже пять лет, как она введена во владение после отца, и крестьяне ничего. Вдруг недавно прошел в их деревнях слух, что m-me Павлова не имеет права на крестьян по причине мужа, и что же? Работы остановились на фабрике, и т. д., и Павлов должен был отправиться со Сводом в руках и вызвать грамотных, чтоб прочли сами. Успокоить-то успокоил, но надолго ли? [9]

Да, крупными шагами приближаемся мы к развязке; а в Москве, как рассказывал недавно приехавший Оболенский, не позволяют во многих домах говорить об эманципации, утверждая, что это вышло из моды, что об этом смешно толковать, что это всем надоело.

Я тут так и вижу Свербеева[10], стоящего «за существующий беспорядок».

В этом вопросе нельзя не стать в ряды *теперешних* славянофилов. Ты их, в этом отношении, не узнал бы. Даже Хомяков — ревностный эманципатор. Все это по милости Кошелева, которого эманципация — давнишний конек. За это нельзя им не сказать спасибо. Хоть чем-нибудь выкупают прочую дрянь.

Имеешь ты понятие о Чижове, что был адъюнктом математики в Петербургском университете, и пр.? Он ведь тоже славянофил, хоть и умеренный; был призываем в III Отделение по делу Кулиша, Костомарова и пр. и напоследок жил в своей киевской деревеньке. Этот Чижов получил разрешение издавать политическую и экономическую *ежедневную* газету в Москве. Это будет, вероятно, орган умеренно славянофильский [11].

Ты видишь после этого, что нельзя же так-таки вовсе пренебрегать славянофилами и что следует бороться с скверной стороной их направления. Я, между прочим, в своих «Заметках» написал странички две-три о народности в науке, которые, если только пропустят, должны, кажется, положить конец глупому спору [12].

Прощай, кланяйся Огареву.

[1] Опускаем подробности медицинского характера.

[2] О статьях В. В. Григорьева и Н. Ф. Павлова см. в примеч. 3 к письму № 16. Герцен посвятил В. В. Григорьеву несколько резких строк в статье «Лобное место» («Колокол», л. 3 от 1 сентября 1857 г.; IX, 15 и след.).

[3] Слух о назначении Кавелина оказался неверным. Мельгунов сам опроверг его в одном из следующих писем (см. письмо № 21). Секретный комитет по крестьянскому делу (от 3 января 1857 г.) тоже был учрежден не в том составе, о котором сообщал Мельгунов. См. примеч. 3 к письму № 29.

[4] С. С. *Ланской* оставался министром внутренних дел до начала 1862 г.

[5] А. А. *Суворов* впоследствии сменил П. Н. Игнатьева в должности петербургского генерал-губернатора.

[6] Мельгунов имеет в виду статью Герцена «Еще вариация на старую тему», помещенную в «Полярной звезде на 1857 год» с подзаголовком «Письмо к...». Статья эта была написана в форме письма к И. С. Тургеневу. Первоначально Герцен предполагал с конспиративной целью обозначить адресата инициалами «И. С.» «Я нарочно поставил „И. С.“, — писал он. — Можно подумать, что это значит Ипподрому Сухозанету...» (VIII, 354). Эта шутка — продолжение частых насмешек Герцена над военным министром И. Ф. Сухозанетом. На эти строки Герцена Тургенев отвечал: «Я хохотал до упаду от имени Ипподром Сухозанет и вовсе не вижу причины, почему тебе не поставить букв И. Т. Разве они не могут обозначать Илиогабал Тизенгаузен? Сделай одолжение, не стесняйся...» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», цит. изд., стр. 91).

[7] Смысл этих строк о «песенках» остается неясным.

[8] Речь идет о малоизвестном лице—брате А. П. Полуденского. Упоминание о нем встречается в переписке В. Г. Белинского («Письма», т. III, цит. изд., стр. 291). Герцен и Грановский в начале сороковых годов были близки с А. П. Полуденским, женатым на сестре Н. И. Сазонова.

[9] См. примеч. 1 к письму № 32.

[10] Д. Н. *Свербеев* (1799 — 1876)—дипломат в отставке, автор двухтомных «Записок».

[11] Ф. В. Чижов с июля 1858 по 1861 г. издавал в Москве журнал «Вестник промышленности» с приложением газеты «Акционер».

[12] «*Глупым спором*» Мельгунов именует ожесточенную полемику между «Русской беседой» и «Русским вестником». Полемика началась в 1856 г. из-за напечатанных в «Русской беседе» статей и заметок, содействовавших, по мысли редакции, «развитию русского воззрения на науки и искусства», в частности из-за статьи Ю. Самарина «Два слова о народности в науке» («Русская беседа», 1856, кн. 1). В полемике приняли участие весьма многие газеты и журналы, в том числе «Московские ведомости», «СПб. ведомости», «Молва», «Москвитянин», «Отечественные записки», с 1858 г. — «Атеней». В «Современнике» Н. Г. Чернышевский дважды подробно останавливался на этой дискуссии — в «Заметках о журналах» за май 1856 г. (Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 650—661) и в «Заметках о журналах» за март 1857 г. (там же, т. IV. М., 1948, стр. 772 и сл., стр. 909 — примеч. 1 — 2). См. примеч. 7 к письму № 23.

21

(Париж.) 15 мая (1857 г.)

Начинаю, разумеется, с искреннего спасибо, любезный друг, за твое новое одолжение. Хотелось было отпустить каламбур и сказать, что хоть ты и показываешь *шиш* разным властям, но сам ты вовсе не chiche *, когда приходится помочь близкому человеку. Но потом (отпустивши, виноват!) подумал, что ты, пожалуй, сочтешь меня способным платить тебе проценты пустозвонной монетою. Нет, каламбур мой сверх счета. Об этом последнем, т. е. о сроках уплаты и о прочем, или в конце, или в следующем письме, потому что жду кое-каких подробностей, по которым, может статься, мне удастся сказать тебе что-нибудь определительное. Тогда перешлю и вексель. Он будет на французские деньги. 48 £ = 1200 fr. $^1/_2$% Ротшильду и $5^1/_2$% тебе, по расчету месяцев, уплачу вместе с капитальной суммой.

Позволь мне ради истины сказать:

1) Что Павлова задержала в Москве статья против Григорьева; о том писал вовсе не он, а лицо совершенно постороннее [1]. В литературных своих обещаниях, как и в денежных, он медлит до последней минуты: уж

* скряга (франц.).

такая московско-российская привычка. Вот издатели и пристали к горлу: давай, мол, статью, не то будет поздно. Павлов и заперся, и дела бросил — даже свои. Так, по крайней мере, мне пишут.

2) Я в последние три года чрезвычайно выиграл в практическом отношении; в Москве вник во все дела Павлова, приучаюсь держать ухо востро, а также и жить с расчетцем. У меня строгая контабельность *. Я становлюсь европейцем; дай мне только маленько времени — ты увидишь, я перещеголяю тебя. У *меня* будешь занимать.

Но скажи, бога ради, с чего ты взял, что я мог бы на тебя рассердиться? За что, помилуй!

Аксаков тогда же уехал. Коли не мешкать, к нему можно писать: Rome, poste restante. Уведомь, передать ли ему твои слова или оставить, пока сам к тебе приедет? Признаться, мне бы хотелось разъяснить недоумение между вами *до* его приезда[2]; а то, что за удовольствие — пойдут споры, объяснения; ты человек негибкий да и он тоже. Не написать ли? Я ему вот что сказал, и он со мною согласился: в настоящую минуту ради великих вопросов, ищущих у нас практического разрешения, споры об отвлеченных принципах должны уступить место другому. Вы, славянофилы и т. д., за эманципацию ли вы, за свободу ли слова, за простор ли в действиях? *За?* Давайте руку. *Против?* черт с вами! и берегитесь. — Но так как *против* может быть только дрянь, Булгарины с им подобными, то партия *за*, партия честных людей, должна идти дружно против подлецов и болванов, отложив до поры до времени распри о постном масле, о Николае Чудотворце и о кошихинских временах. Иван Аксаков в таком смысле и намерен издавать «Беседу», faisant ses réserves ** насчет принципов, которые пока должны отброситься на второй план.

Анекдот о Юсупове [3] не подлежит, кажется, сомнению. Я извещу только в таком случае, коли окажется что-нибудь не так.

Помнишь: я говорил как-то о слухе, будто Кавелин назначен секретарем Комитета. Это вздор. Секретарем покойного, т. е. Комитета, был Бутков, государственный секретарь. C'est tout dire ***. Бутков—воплощенный петербургский чиновник, ставящий отписки и очистки дел верховной обязанностью государственного человека. Сверх того, это юродивый волокитства. Маскарады, девки и пр. — это его специальность, в которой он перещеголял министра Вронченко и которую, говорят, он принял как личину, в угоду Николаю Павловичу, любившему и в других любовные проказы.

Я рассказываю это затем, что Бутков — персонаж, душа Государственного совета. Он же был душою Комитета. Можешь себе представить, что́ из этого вышло [4].

Недавно я извещал о непродаже акций на русские дороги. Кажется, поспешил уведомлением. Я передал голос, враждебный России; другие, приязненные, говорят против нас. Еще ничего нельзя разобрать порядком.

Скажи, что ж это не пишете вы ничего о статейках: «С чего начать?» и «Письмо к издателю» [5]. Или Франк еще не доставил? Уж бог знает как давно отправлено. Там вложен листок, где автор просит исправить похвалы Саше [6]. Он находит сам, что хвалить еще рано и не за что. Еще несколько помилований в Польше, а также кое-кого из друзей Петрашевского. По кусочкам милует; доберется ли до остальных? Австрийский должен бы пристыдить его [7].

Тургенев все еще откладывает отъезд. Да и с Ляво он еще не совсем кончил. Ляве я записку к Франку передал, а притом поручил справиться

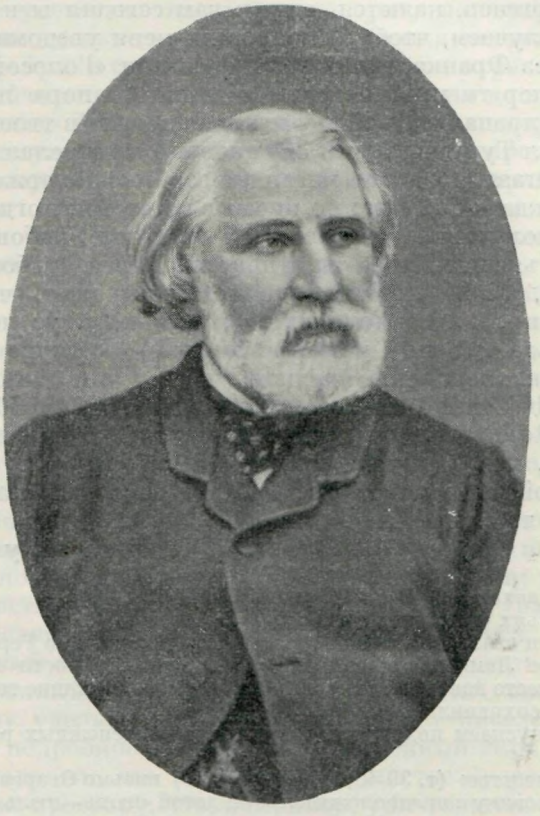
---

* отчетность (от франц. «comptabilité»).
** с соответствующими оговорками (франц.).
*** Этим все сказано (франц.).

окончательно о подробностях предприятия. Ты знаешь, что издателем твоим не прежний мелкий, а новый крупный книгопродавец Dentu, который хочет издать с портретом, политипажами и пр., но... просит взять для Лондона двести экземпляров (не по продажной цене, а по весьма умеренной). Но все это еще provisoire *.

Addio.

Сейчас получил второе письмо и сейчас отправляюсь хлопотать.



И. С. ТУРГЕНЕВ
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

[1] Мельгунов старался оправдать Павлова перед Герценом, который был убежден, что именно Павлов является виновником разорения Мельгунова (VIII, 278, 280).

[2] И. С. Аксаков впервые виделся в Лондоне с Герценом в августе 1857 г. См. об этом свидании в письме Герцена к Тургеневу (IX, 14 — 15). Об их разногласиях см. в письмах Герцена, обращенных к И. С. Аксакову (IX; 122 — 123; XXII, 120 — 121 и др.).

[3] Какой «анекдот о Юсупове» имеет в виду Мельгунов — неизвестно.

[4] В. П. *Бутков* (1820 — 1881) — статс-секретарь Государственного совета: Ф. П. *Вронченко* — министр финансов с 1844 по 1852 г. Характеристика обоих, сделанная Мельгуновым, справедлива.

[5] Точно установить, о каких именно «статейках» идет речь, затрудняемся. В IV кн. «Голосов из России», вышедшей в конце августа 1857 г., напечатано «Письмо к издателю», но о нем ли идет речь в письме Мельгунова, неизвестно. Заметка «С чего начать» в изданиях Герцена в 1857 — 1858 гг. не появлялась. Возможно, что об одной из этих

---

* предварительно (франц.).

«статеек» писал Герцен к Рейхель 9 апреля 1857 г. «Статейка, — да что это вы с Мель‹гуновым› плутуете? ведь, это он писал, верно, — опоздала: „Полярн‹ая› звезда“ у переплетчика совсем готова...» (VIII, 424).

[6] *Саша* — Александр II.

[7] В 1856 г. в Австрии была объявлена амнистия.

22

Париж. 22 мая ‹1857 г.›

Наконец Тургенев, кажется, едет к вам сегодня вечером [1].

Пользуюсь случаем, чтоб: 1) попросить меня уведомить, получены ли две статьи, через Франка, для «Колокола» или «Голосов» — по усмотрению? До сих пор ты мне ни слова, а давно бы пора придти [2]. Было б досадно, если б пропали; 2) объяснить, что значит в твоем письме ко мне, которое я вручил Тургеневу, что 320 талеров ты отослал к Грибовскому в какую-то Burgstrasse [3]. Он мне писал (и это письмо тоже у Тург‹енева›), что может подождать до 25-го; но писал в то время, когда по расчету ему следовало уже получить от тебя вексель. С тех пор Грибовский молчит. Ты один можешь объяснить, куда ты отправил. Адрес Грибовского в Берлине: Jägerstrasse, № 9 (...)[4] 5) Тургенев расскажет, что письмо Огарева очень понравилось Головнину [5]; 6) как скоро получу твой ответ насчет Ротшильда и с ним устрою это дело, — тотчас же отправлюсь в Баден, где нанял на лето un chalet *.

Вот адрес: bei m-me Buisson, Gunzenbach im Lichtenthale, Baden-Baden (Duché de Bade). Это то же, что трижды Антонский.

Ляво боится, как бы Dentu не отказался от издания твоих сочинений после знаменитой выноски во французском переводе статьи о Ворцеле [6]. Он сам хотел к тебе писать.

Н. Мельгунов

[1] Тургенев приехал в Лондон 24 мая 1857 г.

[2] Об этих статьях см. в предыдущем письме.

[3] На основании этих строк можно утверждать, что письмо Герцена к И. С. Тургеневу, датированное Лемке 14 мая 1858 г., в действительности относится к 1857 г. (IX, 233). Это же место дает возможность установить содержание той части письма Герцена, которая не сохранилась.

[4] Далее мы опускаем подробности, касающиеся денежных расчетов Мельгунова с Герценом.

[5] В «Лит. наследстве» (т. 39-40, 1941, стр. 610) письмо Огарева к А. В. Головнину напечатано по черновику с предположительной датой «июнь—июль 1858 г.». Как выясняется из публикуемого письма Мельгунова, письмо Огарева относится к маю 1857 г. См. ниже в настоящем томе аннотацию письма Мельгунова от 12 мая 1857 г.

[6] Речь идет о примечании Герцена, сделанном к французскому изданию статьи «Смерть Станислава Ворцеля». Она была выпущена под заглавием «L'Etoile Polaire sur la mort de Stanislas Worcell (traduit du russe)», Londres, 1857 (см. VIII, 503—504). Все примечание — гневная филиппика против Наполеона III.

23

Gunzenbach, près Baden-Baden
29 июня ‹1857 г.›

Вот уж более месяца, как я не имею об вас вести, Александр Иванович и Николай Платонович. Посылаю это письмецо через Париж, из лени, чтоб не повторять оного два раза.

Я просил отправлять печатное на имя г. Деляво; но так как тебе, вероятно, известно, что он еще в Париже, то не у него ли первый номер «Колокола» [1], а может и новая книжка «Голосов»?[2] В Бадене, как кажется, не держат этого; по крайней мере, я не видал. Надо позаботиться, чтоб держали, потому что здесь много русских.

* дачу (франц.).

Из них я еще никого не видал. Всё — знать, которой я знать не знаю и не хочу. Есть, правда, двое знакомых, да стары, глупы и скучны. Из молодых людей, из литераторов — никого. Впрочем, я бываю редко в Бадене, да и то разве в cabinet de lecture *, куда русские едва ли ходят. По этой причине совершенно свежего и из первых рук я ничего не могу сообщить. Известны ли тебе не совсем новые новости из России:

Публикация нового тарифа?

Указ об упразднении военных поселений?

Московское купечество настояло, говорят, на том, чтоб удержать сколько возможно высокие пошлины [3]. Оно боится за свои фабрики. Отчасти оно право: фабрики свои и пр. оно завело при охранительной системе и употребило значительные капиталы в надежде на долголетие прежнего тарифа. «Allgemeine Zeitung» говорит об интригах дворянства, в руках которого, как она уверяет, бóльшая часть фабрик и промышленных предприятий. Это несправедливо; но нет сомнения, что дворяне, купцы и вообще монополисты соединились, чтоб противодействовать либеральным нововведениям покойного Тенгоборского [4]. Я видел еще в России образчик этому: Василий Боткин, экс-либерал, -коммунист и -социалист, выходил из себя, когда речь заходила об уничтожении кяхтинских монополий, и даже подавал записку в Министерство финансов о необходимости сохранения прежней системы чайной торговли. А известно, что она в руках шести или восьми домов (в том числе и Боткиных), почему и чай у нас дорог и контрабанда английским чаем сильна.

Но экс-социалисту Василию Петровичу что за дело до потребителей?

Уничтожение военных поселений заслуживает со стороны «Колокола» полной похвалы. Впрочем, она уже воздана «Kreuz-Donner-Wetter Zeitung» [5] (т. е. Ново-Прусскою), которая косвенно не одобряет этой меры, ибо, по ее словам, «отменяется чрезвычайно полезный *институт*». Военные поселенцы поставлены на ногу удельных крестьян; их земли причислены к государственным; им самим предоставлены различные льготы, право личной недвижимой собственности и пр. Кстати, об удельных: ты знаешь, что новый министр государственных имуществ, Муравьев (бывший курский военный губернатор грозной памяти), вводит в свое министерство систему удельных крестьян и отменяет киселевскую систему [6]. Надо разузнать подробности. Говорят, что военный порядок отчасти заменится патриархальным, что в сельском хозяйстве будет больше надзору, а в прочем больше простору, что, например, уничтожится жребий в рекрутстве, и т. д.

В московских журналах сильная перепалка между западными и восточными. От общих вопросов перешли к личностям: Чичерин и Павлов служат, между прочим, яблоками раздора. Из-за них «уничтожен» профессор Крылов, досталось Леонтьеву и Каткову, Самарину и Аксакову (Константину); Григорьев же похоронен — «вместе с Павловым», как пишет один: «Павлова воскресил Евг. Корш», как пишет другой. Жду молодого Павлова [7], который возвещает из Дрездена свой приезд: что-то он скажет?

Писал ко мне Краевский из Парижа, что 1 июля едет в Лондон. Полагаю, что будет и у вас [8].

Мои личные новости неинтересны. Я совершенно здоров, однако беру ванны (крейцнахские). На дом наклевываются охотники, однако он еще не продан. Надежды на получение денег из России в течение лета увеличиваются, однако в действительность они еще не перешли. Я работаю много: отправил на днях большую статью; пишу другую; обещал третью. Хожу, ем, дышу горным воздухом — чрезвычайно много; здоровею не по дням, а по часам. Гунценбах — это долина в трех четвертях часа ходьбы

* читальне (франц.).

от Бадена, высокая, поросшая сосновым лесом, в горах, с родниками, с полушвейцарским аншрихом, с коровами и с козами, с чудесным маслом и сливками. Ведем жизнь простую, тихую и — дешевую: à la campagne comme à la campagne *. Хозяйка — вдова доктора прав; в ее шалаше (русский перевод chalet) так и несет ученостью. Во-первых, Frau Doctor **; во-вторых, Шиллер с печки глядит на нас строго-вдохновенно, когда мы обедаем; а когда я играю на фортепьяно, Моцарт улыбается у меня за спиною и чуть ли не показывает мне язык. Но этого мало: в ретираде, как говорят немцы, лежит греческий словарь; наконец, цирюльник у меня, родом из Вюртемберга, прозывается — Гегель! Его великий однофамилец произвел tabula rasa *** в моем уме, а он производит barba rasa **** на моем подбородке. Но представь: недостойный шваб никогда не слыхивал про философа и сначала думал, что я шучу; но потом справился и — возгордился, не хочет больше брить. Вот я, так не горжусь своими однофамильцами, даже генералом-взяточником, любимцем Петра III; разве купцом Мельгуновым, содержателем «города Парижа», гостиницы в Охотном ряду.

У меня Гегель и греческий словарь не выходят из головы. Черт знает, что за ученая страна, эта Германия! Я думаю, я скоро заговорю сзади по-гречески; ведь был же в Петербурге искусник, который «Боже, царя храни» на(...) Почему ж мне не делать того же с аористами и с гекзаметрами?

Где Тургенев? Не заедет ли в Баден? Или не приедет ли в Париж? Я надеюсь ему скоро уплатить должные пятьсот франков. Из кожи лезу и с прочими долгами.

Вчера получил письмецо от Рейхеля из Дрездена. M-me Станкевич приезжала туда за Марьей Федоровной и тотчас же увезла ее. Была ли Марья Федоровна у вас, как располагала? [9] Впрочем, оба супруга в восторге от Дрездена, от сделанного им приема и от прочего.

A propos Рейхеля — о Бетговене. На днях читал я новую книгу Улыбышева [10]: что за трагическая участь этого несчастного великого человека! (Я разумею не Улыбышева.) Меня давно ничто так не волновало, как эта биография: благородный, смешной, странный, глубоко несчастный, великий Бетговен! Это Байрон Германии. Байрон мог родиться только в Англии; Бетговен — только между немцами. Прощайте.

[1] Эти строки — одно из первых дошедших до нас упоминаний о «Колоколе» в письмах корреспондентов Герцена. Помеченный «1 июля 1857», первый лист «Колокола» был фактически выпущен около 22 июня. Герцен писал в среду 18 июня 1857 г. к М. К. Рейхель: «„Колокол" выйдет в понедельник — пришлю тотчас» (VIII, 523).

[2] Третий выпуск «Голосов из России» вышел из печати в начале июня 1857 г.

[3] Вопросы внутренней политики России, в частности новый тариф, пошлины и пр., освещены в статье Огарева, помещенной в «Колоколе», «Правительственные распоряжения» (лл. 3 и 7 от 1 сентября 1857 и 1 января 1858 г.).

[4] Людвиг Валерианович *Тенгоборский* (1793—1857) — буржуазный экономист, автор четырехтомной работы «О производительных силах России», выпущенной на французском языке и переведенной на русский либеральным профессором политической экономии И. Вернадским.

[5] Шутка; подлинное название этой реакционной газеты: «Neue Preussische Zeitung» или «Kreuzzeitung».

[6] П. Д. Киселева сменил в 1857 г. в Министерстве государственных имуществ М. Н. *Муравьев* («Вешатель») — крайний крепостник, боровшийся и против весьма умеренных реформ в положении государственных крестьян, которые провел его предшественник (см. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946).

---

* в деревне, как в деревне (франц.).
** госпожа докторша (нем.).
*** букв. «чистую доску» (лат.).
**** букв. «бритую бороду» (лат.).

[7] *Сильная перепалка* в московских журналах — полемика по поводу диссертации Б. Н. Чичерина «Областные учреждения в России в XVIII веке» и статьи о ней профессора Н. И. Крылова в «Русской беседе». В полемике принимали участие весьма многие авторы. См. статью Н. Г. Чернышевского «О новом направлении в полемике. Полемика между „Русским вестником“ и „Молвою“» («Заметки о журналах», «Современник», 1857, № 6). Сводку данных о ходе полемики см. в книге: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15, стр. 219—246. Упоминаемый в конце абзаца сын Н. Ф. Павлова — Ипполит Николаевич, литератор (ум. в 1882 г.), сотрудник «Московских ведомостей», «Руси», «Русского вестника». В 1880 г. редактировал журнал «Кругозор».

[8] А. А. Краевский, приехав в Лондон 4 июля 1857 г., не был принят Герценом, так как пришел вместе с сотрудником «Отечественных записок» К.-Р. Липпертом, которого Герцен не пожелал видеть (VIII, 548).

[9] М. Ф. Корш была в Лондоне с 1 по 5 июня 1857 г. (VIII, 512—515).

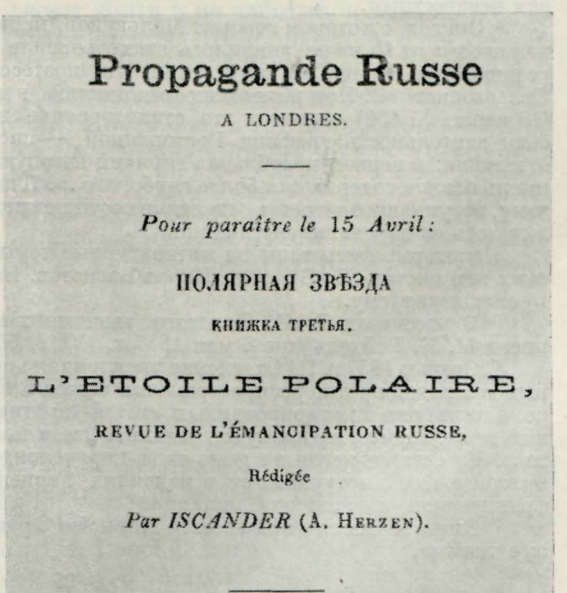
[10] Александр Дмитриевич *Улыбышев* (1794—1858) — музыкальный критик и историк музыки, автор книг о Моцарте и Бетховене. Мельгунов имеет в виду книгу Улыбышева, вышедшую в 1857 г. в Лейпциге на французском языке: «Beethoven, Ses critiques et ses glossateurs».

24

Гунценбах. 2 августа ⟨1857 г.⟩ [1]

Сюда приехал Ив. Тургенев дня на два, на три; с ним опять гр. Толстой. Этот объявил мне, что едет к вам [2]; Тургенев же в Париж, а оттуда с В. Боткиным купаться в океане.

Я навел справки об истории Григорьева: буквально верно [3]. Мне один сказал: «В Петербурге и в Москве собаки на улице знают это; Григорьев — человек, потерянный в мнении». А Тургенев мне сказал: «Герцен может смело быть уверен, что это так; что Григорьев был клевретом Липранди; в 49-м ездил в Ригу и пр. отбирать запрещенные книги и описывать книжные лавки и пр. Самые друзья его сознаются в этом, говоря, что Григорьев действовал при этом *очень деликатно!*» — Мне пришло в голову: ненависть Григорьева к немецкой науке не есть ли маскированное угрызение совести?



Propagande Russe

A LONDRES.

Pour paraître le 15 Avril:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

L'ETOILE POLAIRE,

REVUE DE L'ÉMANCIPATION RUSSE,

Rédigée

Par ISCANDER (A. Herzen).

Toutes les publications russes se vendent chez Trübner & Comp., 12, Paternoster Row.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕМ ВЫХОДЕ В СВЕТ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ», 1857 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Ведь, он, небось, отбирал в Остзейских губерниях Гегеля и вообще философов; пожалуй, также и немецких ориенталистов.

Вот вам отличный каламбур из «Петербургских ведомостей»: графиня Ростопчина напечатала в «Северной пчеле» какой-то рифмованный донос. «СПб. ведомости» при этом случае сказали: «Литературную деятельность гр. Р-ной можно разделить на три отделения: к 1-му принадлежит то-то и то-то; ко 2-му—то-то; теперь же, после своего нового стихотворения, она, очевидно, вступает в III Отделение»[4].

Этот каламбур произвел в России эффект. Я за него поблагодарю Краевского, который приедет сюда завтра или послезавтра.

Рассказы гр. Толстого, хоть не все, вышли несколько месяцев тому в двух томах. Стало, можете выписать [5].

Не смейтесь, что адресую на имя Николая Платоновича. Дайте теперешнему гвалту угомониться [6]. Но печатное можно и *под бандеролем* посылать в Страсбург: M-r Louis Trautmann, poste restante.

Грации Маркс[7] позволяют себе шуточки: вчера выставили в окне «Русскую беседу» между «Полярной звездой» и «С того берега». — Лондонские издания распродаются так быстро, что недостает экземпляров. Да нельзя ли поставить Трюбнера в прямые сношения с Грациями? Здесь русских видимо-невидимо. Русский язык с французским совершенно вытеснили немецкий и даже почти английский. Этим надо пользоваться.

[1] Отрывок из этого письма был опубликован М. П. Драгомановым в «Вольном слове», 1883, № 58 от 1 апреля.

[2] Л. Н. Толстой в 1857 г. в Лондон не приезжал. 8 августа и. ст. он морем отправился из Штеттина в Петербург.

[3] Сведения о В. В. Григорьеве Герцен включил в свою статью «Лобное место», напечатанную в «Колоколе», л. 3 от 1 сентября 1857 г. (IX, 15), сопроводив статью ссылкой: «Из совершенно достоверного письма из Москвы». Сведения о Григорьеве, полученные от Мельгунова, Герцен пополнил из какого-то другого источника, остающегося нам неизвестным.

[4] Эпизод, о котором говорит Мельгунов, произошел в июне 1857 г. В № 125 «Северной пчелы» от 10 июня появилось стихотворение Е. Ростопчиной «Моим критикам» — реакционные вирши на тему о том, что поэтесса «разошлася с новым поколением». Фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» в анонимной «Петербургской летописи» (16 июня, № 130) высмеял это стихотворение в ядовито-вежливой форме. «Поэтическая деятельность графини Ростопчиной, — писал фельетонист, — делилась на два отделения: в первом преобладал горячий негодующий лиризм, во втором созревающая мысль искала содержания более глубокого...». И далее: «Приветствуем графиню Ростопчину, вступившую в третье отделение своей поэтической деятельности, в котором определилось ее дарование окончательно».

Некоторые фельетоны на литературные темы писал в это время в «С.-Петербургских ведомостях» П. Б., т. е. Павел Басистов. Возможно, что и цитированная статья принадлежит ему.

[5] О рассказах Л. Н. Толстого, вышедших в двух томах осенью 1856 г., Герцен писал М. К. Рейхель еще 8 мая 1857 г. (VIII, 508).

[6] Осенью 1857 г. III Отделение предприняло при поддержке Министерства иностранных дел поход против распространения изданий Герцена. Реакционная печать Пруссии поместила ряд инспирированных статей против Герцена. Германские полицейские власти запрещали продажу его изданий. Это и называет Мельгунов «теперешним гвалтом». Из осторожности он даже свою корреспонденцию адресует не Герцену, а Огареву, тогда еще выступавшему в изданиях Герцена под псевдонимом и неизвестному ни французской, ни немецкой полиции.

[7] Книготорговая фирма сестер Маркс во Франкфурте-на-Майне. См. также следующее письмо.

25

1 сентября ⟨1857 г.⟩ Gunzenbach, près de Baden-Baden

Вчера утром ты перепугал меня страшнейшим образом, а вечером привел в недоуменье. В 11 часов сажусь я в вагон, чтоб ехать в Карлсру (извини, не я так прозвал город); мне подают письмо из Страсбурга. В нем было твое, на имя Траутман, от 6 августа! Я знаю, что Траутман

справляется раза два-три в неделю; но, по небрежности страсбургской почты, письмо пролежало более трех недель. Читаю его — ты говоришь о *сентябре* как сроке уплаты Ротшильду. У меня так и подкосились ноги. Неужели я так грубо ошибся, записав у себя не 1-е сентября, а 1-е октября? Но ведь такая ошибка — дело возможное. Я благим матом в контору телеграфов, которая в двух шагах, пишу депешу, плачу двадцать франков и пла́чу. Делать нечего, нельзя терять ни минуты. Депешу ты, вероятно, давно получил. Вечером возвращаюсь домой и нахожу твое другое письмо, от 29 августа. Ну, слава богу, о сентябрьском сроке ни слова; стало, я не ошибся? Однако все еще побаиваюсь. К 1-му октября у меня принято тысячу мер; боюсь обещать уплатить тебе к этому времени *весь* свой долг, но Ротшильду, если только не случится чего-нибудь совершенно непредвиденного,—уплачу до копейки. С него начну; потом, по возможности в скорейшем времени, перейду к уплате за Грибовского; а там и остальные. Авось не удастся ли все уплатить в сентябре. Я твердо намерен не оставлять Гунценбаха прежде, чем расплачусь со всеми долгами без исключения. Жизнь здесь, сравнительно с Парижем, дешева; chalet нанят на весь сезон, до самой зимы; чего же лучше? Между тем подоспеют ко мне деньги из России с разных сторон. Приняты все меры.

Вечернее же письмо твое удивило меня вот чем — ты его начинаешь словами: «Мне пришло в голову, что мое прошлое письмо тебя посердило». Одно из двух: или между этими двумя письмами, от 6 и 29 августа, есть третье, которое до меня не дошло (тогда спрашиваю — куда ты его отправил и что в нем было?), или ты мог подумать, что законное и естественное напоминание о сроке уплаты в состоянии меня рассердить. В таком случае — напрасно! Я никогда не сержусь *за дело*, особливо когда не только в содержании, но и в форме нет ничего обидного. Увы, понимаю твои опасения, любезный друг; скажу больше: я их заслуживаю. Поделом вору и му́ка. Только напоминания твои не нужны. Не проходит дня, чтоб я, раз или два, не вспоминал о своем долге и не заботился о том, как бы поскорей расплатиться. Какой Эльбрус или Шимборассо с плеч долой, когда я скажу себе: «Никому не должен ни копейки»; когда пуще всего установятся снова мои сношения с тобою, понрежнему дружеские, но без малейшей примеси счетов и расчетов! Поставлю в тот день пудовую свечу Николаю чудотворцу, патрону моему и Николая Филипповича. Повторяю: эта свеча, по всей вероятности, будет поставлена в течение этого месяца.

Кстати, о Павлове: был ли его сын у тебя? [1] Представь, что вот уже около двух месяцев как ни отец, ни мать, ни я не имеем об нем ни малейшего сведенья. Если он был в Лондоне, то куда потом отправился? Сообщи, что знаешь.

Крайне рад, что вы сошлись с Ив. Аксаковым[2]. Вы сто́ите друг друга. Иван Сергеевич умный и дельный человек, не брату своему чета. Несмотря на свои почтенные неуспехи по службе, он на виду в России, и многие высокие люди его уважают. Да и есть за что. При следствии в Крыму, после войны, он, говорят, действовал великолепно. Его записка о ярманках, как рассказывают,—документ большой важности, который обратил на себя внимание не одного Географического общества. К сожалению, этой записки нельзя вполне напечатать. Словом, я ожидаю многого от Ивана Аксакова, и добрый будет признак для России, когда его опять примут на службу, т. е. когда он опять согласится вступить на службу. Весьма рад и тому, что «Утро в Уголовной палате» печатается [3]. Говорить об этом никому не стану.

Грации Маркс в отчаяньи. После отказа из Лондона (Краевский им дал письмо) они писали в Лейпциг, в Берлин; отвсюду отвечают, что все распродано. А между тем, требованья страшные; по нескольку раз в день.

Здесь еще страшно много русских, и можно рассчитывать еще недель на шесть. Поэтому присылай к Маркс что можешь. Они жаждут твоих изданий пуще манны. У них, кажется, нет корреспондентов в Лондоне; но ведь вошли же они в сношения с m-r Stanislas[4] через Краевского: пошли ты книги и пр. через него; отвечаю, что труд и деньги не пропадут. Я налицо и буду присматривать. N. Краевский, в бытность здесь, не знал, как переслать в Лондон том «Звезды». Я вот на что решился: отдал его Маркс, которые его продали, а деньги вручат мне. Стало, кроме всех прочих долгов, я должен тебе еще за том «Звезды».

Вследствие полной раскупки твоих изданий, я *не знаю*: 1) ни второго номера «Колокола», 2) ни третьего тома «Голосов»; словом, ничего, что вышло летом. Рад бы купить, да негде. Заказывал Грациям, но все понапрасну. А потому пришли к ним поскорее; кстати, и № 3 «Колокола». Тогда бы купил и прочел.

Писем в Страсбург не посылай. Пиши, коли хочешь, прямо сюда. Но если что печатное, то в Страсбург на имя Траутмана, но без моего имени: не нужно.

Ты написал статью о Ротшильде [5]. Как же ты это решился? Ведь ты немножко связан. Слышал ли, что, по всей вероятности, Ротшильду будет дозволено открыть дом в Петербурге. Царь — враг монополий (хотя монополия чаем и продолжена, на основании записки, составленной В. Боткиным и подкрепленной складчиною монополистов); и, как мне говорил на-днях один близко стоящий к царю господин, он очень тяготится монополией Штиглица. Ротшильд будет в таком случае придворным жидом.

Кстати, об этом близко и высоко стоящем господине: он помещик и барин в душе; еще года три тому говорил, как Колпак; но послушал бы ты его теперь! Ясно, что ветер подул с другой стороны. Больно ему не хочется освобождения крестьян; а между тем il s'est résigné * и говорит: «В самом деле, время пришло; откладывать нельзя. Только мы-то, помещики, не нуждаемся в мужиках, а мужики будут в нас нуждаться».

А что он о правосудии-то говорил! «У нас, мол, нет ни правосудия, ни законов; в нас самих—ни чувства законности, ни чувства права; мы народ безгласный, политически невоспитанный, без упорства и твердости, словом—овцы. Хорошо делает царь, что *принял за твердое правило*,— только б его всегда держался, — *управлять как можно меньше и давать управляться как можно больше*. Иначе мы никогда не перестанем быть недорослями».

Я так и развесил уши. И добро бы говорил это Киселев, Меньшиков или какой-нибудь недовольный; нет, это говорит человек, возведенный недавно в графское достоинство, получивший Александра Невского, словом — один из любимцев. Ведь это, право, утешительно [6].

Какой это Самарин был у тебя? Ну, а Толстой? Про ⟨...⟩ Некрасова мне не сказал Тургенев ни слова. На беду, он его любит ⟨...⟩ Что ни говори, а лучший журналист у нас все-таки Краевский. Его «Отечественные записки» издаются отлично во всех отношениях. К тому ж у них есть цвет; нет глупых неосторожностей, но нет и бесполезных подлостей (последние встречались иногда; но я их называю паспортами, без которых не пропускают).

О Раупахе [7] постараюсь узнать; только между знакомыми русскими нет у меня военных.

Моя первая статья о французах напечатана в «Русском вестнике», только выписка из «Звезды» и несколько строк об тебе, как писателе, выкинуты [8]. Достаточно очень! Краевский отстоял бы и то и другое. Ну, уж и достанется мне за эту статью! Как, против французов! Что за мрачная картина! Да неужели такова Франция и Европа?

* он смирился (франц.).

КАРИКАТУРА
НА КРЕПОСТНИКОВ
«Искра», № 50 от 30 декабря
1862 г.

Худ. П. Кузнецовъ

— Освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе откупа, гласное судопроизводство... Чѣмъ это все кончится?

— Да да... именно, Семенъ Яковлевичъ, вы правы... чѣмъ все это... кончится...

Теперь пишу вторую статью. Краевский вербует меня в парижские корреспонденты на следующую зиму[9]. Между тем оканчиваю для него повесть [10].

Кстати или некстати: что же, напечатается ли что-нибудь из статеек Ижицы? [11]

Представь, какая досада — читаю на днях в «Badeblatt» [12]: Professor Cavelin. Я—в отель; мне говорят: вчера приехал поздно вечером, сегодня в восьмом часу уехал в Франкфурт. Я уверен, что если б он знал, что я здесь, то пришел бы ко мне. Видно, и моя записочка не дошла до него. Если ты его увидишь, то передай ему мое крайнее сожаление и скажи, что я в своей записочке предлагал ему остановиться у меня и в Гунценбахе, и в Париже[13] . Слух подтверждается, что он, по представлению Титова, назначен преподавателем русского права наследнику.

Однако пора кончить; много других писем. Кланяйся Огареву. Нетерпеливо жду твоего письма о сентябрьском сроке.

Присылай книг Марксам.

[1] Посетил ли Герцена сын Н. Ф. Павлова — установить не удалось.

[2] О свидании Герцена с И. С. Аксаковым см. в письме Герцена от 29 августа 1857 г. (IX, 14—15).

[3] См. примеч. 8 к письму № 4.

[4] *M-r Stanislas* — Станислав Тхоржевский. Он занимался сбытом изданий Вольной русской типографии.

[5] Повидимому, Мельгунов имеет в виду ту главу «Былого и дум», в которой рассказана история «единоборства Джемса Ротшильда и банкира Николая Романова». Герцен как раз в это время — в августе 1857 г. — подготовлял для «Полярной звезды на 1858 год» часть «Былого и дум» под названием «Запад». Глава о Ротшильде вошла в эту часть.

[6] Возможно, что речь идет о Н. В. Всеволожском, аналогичный разговор с которым передает Мельгунов Герцену и в письме от 9 декабря 1857 г. (см. письмо № 27).

[7] Данные об этом лице собрать не удалось.

[8] См. примеч. 2 к письму № 8.

[9] В 1859 г. в «Отечественных записках» были напечатаны четыре корреспонденции Мельгунова из Парижа: «Туристы вообще и особенно русские» (№ 3), «Голос русского в европейской распре» (№ 6), «Народности в истории» (№ 9), «Заметки русского в Париже» (№№ 9, 10 и 11).

[10] Мельгунов писал, по договоренности с Краевским, для «Отеч. записок» повести «Фаворит» и «Сирая душа». Обе повести в печати неизвестны.

[11] Повидимому, «Ижица» — псевдоним Мельгунова. За такой подписью, однако, ничего в изданиях Вольной русской типографии не появлялось. Нет ее и в «Колоколе». Возможно, что Ижица — условное имя Мельгунова для сношений с редакцией «Колокола».

[12] «*Badeblatt*» — курортная газета, в которой печатались списки приезжающих.

[13] Свидание Мельгунова с К. Д. Кавелиным состоялось через несколько месяцев в Париже, причем тогда же выяснилось их полное политическое единомыслие. См. в приложении к настоящей публикации письмо К. Д. Кавелина к Герцену (с припиской Мельгунова).

26

11 ноября, ⟨1857 г.⟩ Баден. вечер [1]

Пишу к тебе лишь несколько строк, любезный Александр Иванович, чтоб известить тебя, что завтра утром я оставляю Баден и еду в Франкфурт-на-Майне, куда и пиши, коли хочешь, poste restante.

Еду по делам, еду затем, чтоб поскорее с тобою расплатиться.

Страшный денежный кризис в Европе и Америке, предстоящее освобождение крестьян в России производят повсюду такую сумятицу, что мои прежние виды на скорое получение денег рушились, и я должен искать средств извернуться иным образом.

Впрочем, не думай, что так вот я и останусь без денег. Об них хлопочут в Москве, кроме Павлова, Кошелев и Шевырев, сверх того, еще двое, которых ты не знаешь. Но это своим чередом, а Франкфурт—своим. Недели через две, много три, надеюсь выслать тебе оттуда часть своего долга, может — четверть или треть. Буду стараться: в этом можешь быть уверен. Теперь *я только о том и думаю*, как бы поскорей с тобою расплатиться.

Что тебе вздумалось учить меня экономической азбуке? Я думаю переслать к тебе деньги *по почте*, потому что это, особливо теперь, обойдется *несравненно* дешевле. Вот то-то и есть: учишь других, а сам порядком не знаешь дела.

Но уж это *моя* забота, как переслать деньги; только б были доставлены.

Ты бранишь за *небрежность*, что не выслал процентов. Да я думал все разом, и без переписки.

Девицы Маркс едут скоро в Лондон по книжным делам и взяли у меня твой адрес. Им хочется завести с тобой *прямые* (honni soit qui mal y pense*) сношения. Это очень цирлихные и манирлихные старые девы; только об ветхом завете ты с ними лучше не говори. Твоя к ним присылка пришла слишком поздно; да в ней и было мало нового. Однако они оставляют ее до следующего лета. В нынешнем году требования на твои издания были страшные.

Не найду ли во Франкфурте последних номеров «Колокола»? Третью книжку «Голосов» приносил мне здешний мой доктор, который вздумал учиться по-русски. Ты того и гляди, что выучишь немцев даже и hovorit po russky.

Что, каково здоровье Огарева? Надеюсь, что операция оставила одни только добрые последствия. Пожалуйста, пару строк об Огареве [2].

Твоя посылка дошла до меня благополучно. В этом номере мне особенно понравилась статейка по поводу книги Корфа [3]. И дельно, и тепло.

А ведь в России много добрых начатков! Титов выбрал Кавелина и Бабста в учители наследнику. Теперь того и гляди, что Кетчер попадет в дядьки, а ты — в законоучители.

---

* да устыдится заподозривший тут плохое (франц.).

Ну, а освобождение крестьян с землею; а печатные толки о необходимости ввести у нас суды присяжных и сословие адвокатов; а бóльшие и бóльшие размахи мысли?

В Петербурге будет издаваться какой-то русский «Шаривари»[4]. Чтó бы тебе записаться в сотрудники?

Прощайте, до скорой высылки.

М.

[1] Отрывки из настоящего письма были опубликованы М. П. Драгомановым в журнале «Вольное слово», Женева, 1883, № 58 от 1 апреля.

[2] Огарева оперировали 15 октября 1857 г.

[3] Статья Герцена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», напечатанная в «Колоколе», л. 4 от 1 октября 1857 г. (IX, 24—34).

[4] «*Шаривари*»—французский юмористический журнал. Под русским «Шаривари» Мельгунов имеет в виду журнал «Весельчак», начавший выходить в 1858 г.

27

⟨Франкфурт на Майне.⟩ 9 декабря ⟨1857 г.⟩[1]

Я исправно получил номер 5 и хоть дорого заплатил за него (42 крейцера), но все-таки весьма тебе благодарен. Спешу сообщить кое-что по этому поводу. Я показывал номер разным русским, из которых иные недавно из России. Они *все* подтвердили строгую точность известий [2]. Разумеется, этот номер, который и без того показался мне самым интересным изо всех, получает от достоверности известий двойную цену. Вообще, я вижу с радостью, что число твоих корреспондентов увеличивается и что ты все более и более находишь сочувствия в России. Давай-то бог! Великое дело настойчивость!

Не знаю, известно ли вам, как кончилась история студентов. В развязке есть и утешительное и горькое. Начну с последнего. Студентам дозволено было выбрать себе представителя при следствии. Они, как меня уверяли, выбрали Баршева, который отлично выполнил свое дело. Следствие показало, что полиция кругом виновата. И что ж? Сменен один частный пристав; на него одного свалили всю вину. В Москве были уверены, что Беринг не усидит, тем более, что попечитель горячо взял сторону студентов и расположил в пользу их государя. Но Закревский сказал, что если сменят Беринга, то и он подаст в отставку. А этого его величество не желает, ибо, по слухам, Орлов и прочие старики уверили его, будто Закревский необходим.

Вот скверная сторона; теперь отрадная. Ты знаешь, вероятно, что перебитые и перераненные студенты — поляки. До сих пор между польскими и русскими студентами в Москве существовало обоюдное отчуждение. Оно происходило от двух причин: от не совсем приязненного чувства поляков к русским товарищам (но не наоборот) и от того, что поляки почти исключительно казеннокоштные, медики, бедны и не всегда-то порядочны. А с медиками да еще казенными прочие факультеты мало якшаются. Теперь же, после этой истории, как меня положительно уверяют, русские и поляки побратались, и дружба между ними страшная. Русские студенты горою стали за своих польских товарищей и при всяком случае наперерыв показывают, что и знать не хотят больше про племенное различие. A quelque chose le malheur est bon *; а это quelque chose ** отлично.

Теперь в России все и всё ждет эманципации. Самые рьяные из помещиков присмирели. При этом случае сообщу я свой вчерашний разговор с Никитой Всеволодским [3], у которого несколько тысяч душ, который часто охотится с царем и что-то вроде гоф-маршала при дворе: «Крестьян освободят — прекрасно! Откладывать больше нельзя; стало,

* и несчастне на что-нибудь годится (франц.).

** что-нибудь (франц.).

чем скорей, тем лучше. Ну, а потом? Освобожденные мужики станут казенными; ну, а казенные? Останутся тем, чем были? Ну, а мы, дворяне? а купечество? Прекрасное, необходимое дело — эманципация; но этого мало. Для России и для нас всех нужны права, гарантии. Вот куда должен гнуть Герцен. Не Беринг и не Закревский главное; разумеется, это свиньи; кто ж у нас этого не знает? Главное то, что Беринг и Закревский возможны. А отчего возможны? Оттого, что нет общественного мнения. А отчего его нет? Оттого что мы все, и мужики, и дворяне, все живем в полном бесправии. Вот о чем Герцену следует долбить беспрестанно».

Передаю с дипломатической точностью. Пожалуй, можешь напечатать, не называя имен. Дела мои подвигаются; буду извещать тебя. Из кожи лезу. Огареву поклон.

М.

[1] Напечатано М. П. Драгомановым в журнале «Вольное слово» (Женева, 1883, № 58 от 1 апреля) с ошибочной датой: «2 декабря 1857».

[2] В л. 5 «Колокола» от 1 ноября 1858 г. напечатано несколько корреспонденций из Москвы и из других мест России, в частности о полицейской расправе со студентами (см. IX, 51—56).

[3] Никита Всеволодович *Всеволожский* (в начертании Мельгунова — Всеволодский) (1799—1862) — камергер, ведавший придворной охотой, действительный статский советник, гофмейстер. В юности Всеволожский был близок к Союзу Благоденствия — основал общество «Зеленая лампа».

28

⟨Париж?⟩ 3 февраля 58

Много воды утекло с тех пор, как я писал к тебе. Час спустя после отсылки последнего письма на почту я прочел в «Nord» знаменитые рескрипты и циркуляры об освобождении крестьян [1]. С тех пор дело идет вперед — в направлении, данном сверху. Хорошо оно или дурно — решит время; но дело начато, и, помимо самой задачи, поднятый вопрос дает повод к манифестациям, приучающим нас к политической жизни. Недавно был в Москве обед эманципаторов, с спичами и тостами *за* освобождение [2]. Даже за границей, в Париже, русские составляют митинги: ты, верно, читал речь профессора Капустина [3]. Все это, право, недурно. С другой стороны, слух о восстании крестьян в Ярославской и других губерниях *не* подтверждается. Дело, кажется, обойдется мирно. Великое у нас дело — зачин правительства. Несколько лет тому назад размежеванье казалось у нас чем-то вроде квадратуры круга, а теперь почти вся Россия размежевалась[4]. Авось не будет ли того же и с эманципацией. Тамбовское дворянство подало было голос о несвоевременности освобождения; царь, через Ланского, поморщился; и вот, то же тамбовское дворянство находит теперь, что освобождение своевременно [5]. Дворянству польских губерний приятно видеть, что оно, став во главе движения, подало пример и русскому дворянству.

Что-то говорит обо всем этом «Колокол»? За декабрьский номер много спасибо; вышел ли январский? Жалею, что ничего не имею сообщить вам; русские, которых вижу, давно из России и ничего не знают нового.

А Беринга-таки отставили: mieux ⟨vaut⟩ tard que jamais *. По русским газетам, отставка сухая, в смысле: выброшен из службы. Стало, мнение в России начинает же иметь кое-какую силу **. Не последует ли за Берингом и Закревский? Этой веры русские, которых вижу[6].

Получаете ли вы журнал Евгения Корша? Я его еще не видал и знаю только оригинальное объявление о журнале, благородное, но не совсем ловкое[7]. Я вдвойне рад этому журналу — и потому, что ожидаю видеть в нем дельный и благородный критический орган, и потому также, что

---

* лучше поздно, чем никогда (франц.).

** Не помог ли этой отставке «Колокол»?—*Примеч. Мельгунова.*

авось не даст ли он оседлости Коршу и его семейству. С Катковым же он не сварил бы пива. Представь, что Катков сделал со мною: прошлой зимою я написал, как ты знаешь, большую статью о Франции и о французах, которую отправил к нему в начале лета. Статья ему *очень* понравилась, и он хотел поместить ее в одной из июльских книжек. Я, между тем, принялся за вторую статью, которая наполовину написана. Но первая статья,

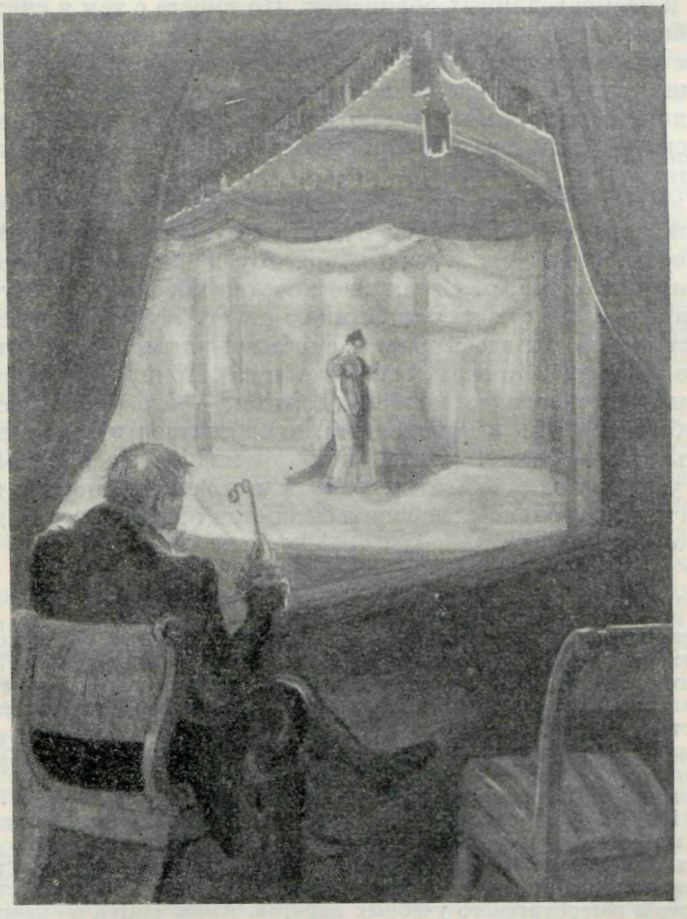


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «СОРОКА-ВОРОВКА»
Черная акварель В. Я. Тарасовой, 1951 г.
Литературный музей, Москва

сколько мне известно, еще не напечатана—знаешь ли почему? Потому что у Каткова такой беспорядок, что он статью мою *затерял*; а я написал ее набело, и другого экземпляра у меня нет. Каково это тебе покажется? Слышу, что подобные пропажи у Каткова не редкость. О, москвичи!

Это невольно наводит мою речь на Павлова. Я, кажется, еще не говорил тебе, откуда надеялся получить деньги для уплаты своего долга. У Павлова большая фабрика солдатских сукон. Еще в 49-м году я имел глупость, вместе с большим капиталом для покупки имения, дать, и довольно значительные, залоги для поставки сукон в казну. Справедливость требует сказать, что, со времени вторичного поступления Павлова в управление женины имением, и поставка сукон в казну, и уплата мне процентов шли довольно исправно. Но пятимесячная остановка фабрики да еще

кое-какие грехи замедлили поставку, а через это и уплату процентов. Я надеялся, — и Павлов в каждом письме повторял тоже, — что в прошлом сентябре я получу непременно от четырех до пяти тысяч рублей серебром. Вот почему, рассчитывая на эту сумму, я и просил у Ротшильда отсрочки! Но поставка и до сих пор не сделана; стало, и деньги из департамента мануфактур еще не получены.

Я счел необходимым сообщить тебе эти подробности, во избежание недоразумений и несправедливых обвинений. Но вместе с тем я считаю необходимым сообщить тебе и свои надежды: фабрика с августа идет, хоть еще и не совсем правильно; поставка подвигается вперед, и через месяц, много два, как мне пишут, деньги из департамента получатся. Могу покамест уверить в двух вещах: в настоящую минуту хлопочу прежде всего о том, как бы поскорей выслать тебе проценты; а потом буду заботиться и об уплате капитала.

Насчет этого скажу вот что: пока мне не пришлют денег, которые следуют из департамента, мне нельзя будет двинуться с места и того менее — ехать в Россию. Стало быть, уже и поэтому я не оставлю чужих краев, не расплатившись с тобою. Страх мне хочется побывать в Путнее; авось весною не привезу ли сам должных мною денег. Куда бы я был рад!

Покамест живем мы здесь тихо и скромно; злым языкам придраться, кажется, не к чему. Впрочем, что я говорю? Придраться всегда можно. Одна из напастей человека, который должен, — это право, которое присваивает себе встречный и поперечный, вмешиваться в чужие дела и комментировать их по-своему. Я этой напасти подвергаюсь в колоссальном размере; и уже она одна может заставить человека предпринять геркулесовы подвиги, чтоб только освободиться из-под общей и редко доброжелательной опеки.

Огареву дружеский поклон и рукожатие.

Кто автор книги «La Russie il y a cent ans»? *[8]

[1] Мельгунов имеет в виду рескрипты Александра II на имя виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора В. М. Назимова (от 20 ноября 1857 г.) и на имя петербургского военного генерал-губернатора П. Н. Игнатьева (от 5 декабря 1857 г.). После рассылки этих рескриптов началось образование губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу.

[2] *Обед эманципаторов* состоялся в Москве 28 декабря 1857 г. по поводу обнародования рескриптов от 20 ноября и 5 декабря. В нем приняло участие около 180 человек. На обеде с либеральными речами и тостами выступили М. Н. Катков, Н. Ф. Павлов, И. К. Бабст, К. Д. Кавелин и откупщик В. А. Кокорев (см. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I. Берлин, 1860, стр. 182—203).

[3] Михаил Николаевич *Капустин* (1828—1899) — либеральный юрист, с 1850 г. профессор международного права в Московском университете, впоследствии попечитель дерптского и петербургского учебных округов. Автор статей по международному праву и его истории. Речь М. Н. Капустина, прочитанная Феоктистовым на банкете, устроенном в честь «Татьянина дня» в Париже профессорами Московского и других университетов, была изложена в газете «Nord», № 30 от 30 января 1858 г.

[4] Либеральный характер воззрений Мельгунова весьма ярко сказался в его восторгах по поводу «мирного» размежевания. «Размежевание», о котором он говорит, — так называемое «специальное межевание» владельческих земель (оставшихся неразграниченными при общем «генеральном межевании» XVIII—XIX вв.), которое вызывало большие споры и было в основном закончено в 50-х годах XIX в. при посредничестве правительства.

[5] См. заметку Герцена «Тамбовское дворянство» (IX, 121) и стр. 518—519 настоящего тома.

[6] В л. 6 «Колокола» от 1 декабря 1857 г., в заметке «Москва», сообщая о том, что А. А. Закревскому — московскому генерал-губернатору — удалось отстоять своего подручного, обер-полицеймейстера Беринга, Герцен писал: «Вот вам и либеральный император, вот вам и сила общественного мнения!» (IX, 64). На эту фразу и возражает Мельгунов.

[7] Речь идет о журнале «Атеней», начавшем выходить в Москве под редакцией Е. Ф. Корша и Б. Н. Чичерина с января 1858 г. и просуществовавшем немногим более

* «Россия сто лет тому назад» (франц.).

года. В объявлении, составленном Е. Ф. Коршем, редактор, иронизируя над самим собой, писал: «Положение человека, который должен скромно протрубить на весь мир о надеждах на успех своего собственного предприятия, исполнено неподдельного комизма...» И дальше Корш заявлял: «...*скользок путь всенародных предвозвещений и обещаний*» («С.-Петербургские ведомости», № 250 от 16 ноября 1857 г., курсив наш.— *Н. З.*). Подчеркнутые слова легко могли быть восприняты как выпад против широковещательных посулов либеральничающего правительства. Это, повидимому, и назвал Мельгунов неловкостью в объявлении об «Атенее».

[8] Мельгунов говорит о книге «La Cour de la Russie il y a cent ans, 1725—1783», выпущенной анонимно в Берлине в 1858 г. издателем Фердинандом Шнейдером. Книга представляет собой извлечения из депеш английского и французского послов при русском дворе. Она была подготовлена к печати А. И. Тургеневым.

29

⟨Гомбург.⟩ 21 марта ⟨1858 г.⟩

Для меня наступило время перелома, где решается вопрос, скоро ль и когда именно развяжусь я с долгами. Вот почему так долго не писал. Долго б было рассказывать тебе, как и что; дело очень сложное; скажу одно: если б у меня была тысяча франков в кармане, я съездил бы в Вену (!) * для ускорения уплат. Не то придется, может быть, ждать до мая. А куда бы как хотелось мне расплатиться со всеми поскорее, да воротиться в Россию, сколько потому, что в России теперь интересно жить, столько и затем, чтоб окончательно устроить дела и выручить свои капиталы. Ух, тяжело иметь долги, особливо вдали от места, где имеешь деньги; как ни хлопочи заочно, как ни переписывайся, все идет не так, как бы следовало.

Ты спросишь, зачем я поехал бы в Вену, если б у меня было 40 фунтов в кармане? Затем, чтоб обратиться к Александру Волконскому, сыну Зинаиды [1], которого я знаю давно и коротко, который коротко знает Павловых и все наши отношения и, конечно, помог бы мне извернуться, чтоб дать возможность отправиться в Москву. Это было б тем необходимее, что и Каролина Карловна, которая проводит зиму в Дрездене, сбирается в мае восвояси, и я страшно боюсь, как бы она опять чего не накуралесила [2]. Вот почему я и говорю, что для меня наступило время перелома.

Из этого, однако, бога ради, не заключай, чтоб твои деньги были в опасности; ничуть. Только я еще не вижу с ясностью, когда буду в состоянии расплатиться; а это-то меня и тревожит. Есть, правда, сильная надежда, что большая сумма, назначенная мною для уплаты долгов, выручится в течение первой половины этого года, но я бы хотел более, чем надеяться; я хотел бы быть *уверен* и в состоянии сказать кредиторам: тогда-то вы *непременно* получите свои деньги.

Не увеличивай упреками горечи моего положения и будь уверен, что я далеко не так виноват, как бы мог казаться. Если увижусь с вами нынешним летом, то ты в подробности узнаешь весь ход моих дел и уверишься, до какой степени фатализм участвует в них. Но я не унываю и продолжаю действовать настойчиво, без отдыха.

Давно сбирался я сообщить вам кое-какие новости из России; теперь не знаю, новости ли это для вас.

Оппозиция дворян против освобождения заставляет опасаться, что дело скомкают, устроят кое-как для виду, чтоб потешить царя, и что, в сущности, будет хуже, особливо крестьянам. Вам известно, что в Петербурге устроен *Комитет по крестьянскому делу* (таков его официальный титул)[3], в котором членами, под председательством самого царя: кн. Орлов (вице-президент), Константин Николаевич, Блудов, Панин, Брок, Ланской и пр. Трое из членов, очень крупные помещики, не имевшие ни копейки долгу, ни казенного, ни частного, заложили разом в ломбарде все свои имения. Их имена заслуживают перейти в потомство: князь

* Восклицательный знак в скобках поставлен самим Мельгуновым. — *Ред.*

⟨А. Ф.⟩ Орлов, граф ⟨В. Н.⟩ Панин, граф ⟨А. И.⟩ Гудович [4]. Царь сильно на них рассердился; но так как дело было сделано, то посердился — и тем все кончилось. Но Константин Николаевич этого не позабыл. Один русский, приехавший на днях из Питера, рассказывал, что перед его отъездом весь город был занят следующим: Константин Николаевич, раздраженный помещичьей оппозицией, сказал в Комитете: «Если дворянство будет противиться этой правительственной мере, то правительство сумеет создать новое дворянство, более образованное, чем старое».

Услышав это, вице-президент встал и, закрывая заседание, сказал, что считает своей обязанностью довести слова великого ⟨князя⟩ *

[1] Александр Никитич *Волконский* — сын писательницы Зинаиды Александровны Волконской.

[2] *Каролина Карловна* — жена Павлова. Выражая опасения, что К. К. Павлова опять «накуралесит», Мельгунов имеет в виду события в семье Павловых в 1853 г.: по жалобе Павловой, муж ее был арестован и выслан на полгода из Москвы.

[3] Точное название: «Главный комитет по крестьянскому делу». Комитет этот был образован 8 января 1858 г. из прежнего (секретного) комитета; в него ввели гр. В. Н. Панина, министра юстиции; в остальном состав был утвержден прежний: кн. А. Ф. Орлов (с правом председательства в комитете в отсутствие Александра II), министр внутренних дел С. С. Ланской, гр. Д. Н. Блудов, министр финансов П. Ф. Брок, гр. В. Ф. Адлерберг, шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, главноуправляющий путями сообщения К. В. Чевкин, члены государственного совета — кн. П. П. Гагарин, бар. М. А. Корф и генерал-адъютант Я. И. Ростовцев. Летом 1857 г. в состав секретного комитета вошел также брат царя — в. кн. Константин Николаевич, оставшийся членом и Главного комитета.

[4] См. следующее письмо и примечания к нему. Отметим, что гр. А. И. Гудович — его, по всей вероятности, и имеет в виду Мельгунов — членом Главного комитета не был. Он являлся предводителем московского дворянства.

30

⟨Конец апреля — начало мая 1858 г.⟩ [1]

** ⟨о закладе⟩ имений ⟨А. Ф.⟩ Орловым, ⟨В. Н.⟩ Паниным, ⟨А. И.⟩ Гудовичем, А. А. Закревским и многими другими, крупными и мелкими. Как же это вы не донесли печатно о таком факте? О нем уж и иностранные газеты говорили [2]. Он лучше всего говорит о неохоте и о близорукости тех господ. Серг. Мих. Голицын, твой приятель, сказал на днях: «Прошу го́спода об одном только, чтоб позволил умереть до двенадцати лет» [3].

А между тем, за исключением небольшого движения в Ковенской губернии, не было, со времени объявления правительством о своем намеренье, ни одного бунта, ни одного убийства; мужички наши ждут терпеливо и спокойно [4].

Вот еще факт, на беду частый теперь, и о котором ваша обязанность сказать во всеуслышание громкую ⟨...⟩ мать. Нашлось множество мерзавцев-помещиков, которые, пользуясь остатками прежней власти, *принуждают* крестьян переносить свои усадьбы, огороды и конопляники с жирной земли на тощую, без порядочного водопоя, безо всяких удобств — затем только, чтоб завладеть удобренной землей, а крестьян заставить купить под свои новые усадьбы негодную землю, оборыш. От этого произошли не то что возмущения, а неудовольствия, упорство, которое, разумеется, перетолковывается в бунт и усмиряется en conséquence *** [5].

Попечителем Московского университета назначен А. Н. Бахметев, женатый на Толстой, человек образованный и довольно либеральный.

Когда узнаю что еще, вас уведомлю. А покамест прощайте.

---

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

** Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

*** соответственно (франц.).

Нельзя ли «Колокола» номер четырнадцатый и следующий? Все получил и за все спасибо. Многое мне очень нравится, между прочим, послание к Ростопчиной [6]. Твои записки [7], как и всегда, милы до крайности.

[1] Приблизительная дата письма устанавливается на том основании, что в тексте упомянут л. 14 «Колокола», вышедший 1 мая 1858 г. и еще не полученный Мельгуновым.

[2] О спешном закладе имений сановниками Мельгунов сообщал Герцену также и в письме от 21 марта 1858 г. (см. выше).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «СОРОКА-ВОРОВКА»
Черная акварель В. Я. Тарасовой, 1951 г.
Литературный музей, Москва

[3] Слова С. М. Голицына были воспроизведены в «Колоколе» (л. 17 от 15 июня 1858 г., в заметке «Известный старичок...»), несомненно, на основании письма Мельгунова. Поскольку текст этой заметки М. К. Лемке не включил в Собр. соч. Герцена, воспроизводим его: «Известный старичок, князь Сергий Михайлович Голицын, скрывавший свою героическую натуру Сида-ель-Компрадора лет около восьмидесяти, услышав об освобождении крестьян, сказал: „Прошу бога об одном только, чтоб позволил умереть до двенадцати лет...“ — ведь это qu'il mourût!* Мы предлагаем поставить ему статую. Брут! Регул!» (Первоначально правительство предлагало сохранить «обязанные» отношения крестьян к помещикам в течение двенадцати лет.)

[4] Герцен следил с громадным вниманием за крестьянским движением, в это время не только не затихавшим, как утверждает Мельгунов, но, напротив, разгоравшимся и нараставшим. Впрочем, и сам Мельгунов на той же странице, говоря о том, что кре-

* пусть умрет! (франц.; известное восклицание из трагедии Корнеля «Ногасе», акт III, сцена 6-я).

стьянские «неудовольствия» перетолковываются в бунт и жестоко усмиряются — себя опровергает. Сообщение Мельгунова— плод лживой либеральной пропаганды, которую распространяли в это время его друзья—и Кавелин, и Чичерин, и Погодин и другие. 5 мая 1858 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «В Ковенской губернии крестьянское восстание» (IX, 230).

[5] Сообщенное Мельгуновым было использовано редакцией «Колокола» (вероятно Огаревым) в заметке «Правда ли, что множество помещиков ⟨...⟩ принуждают крестьян переносить свои усадьбы ⟨...⟩ с жирной земли на тощую...» («Колокол», л. 17 от 15 июня 1858 г.).

[6] *Послание к Ростопчиной* — стихотворение Огарева «Отступнице (посвящено гр. Р...й)», напечатанное в «Полярной звезде на 1858 год», стр. 302—304.

[7] Главы из «Былого и дум», напечатанные в той же книжке «Полярной звезды»: «На могиле друга», «Наши», «Не наши», «Кончина моего отца», «Последняя поездка в Соколово», «Швейцария 1849», «Деньги, полиция», «Европейский комитет 1850—1851». Соответствующий текст в позднейшей редакции см. XIII, главы XXIX—XXXII и XXXIX—XLI.

31

Hombourg ès monts, près Francfort s./M. *,
18 июля ⟨1858 г.⟩ Hôtel de l'Europe

Твое поручение я выполнил, и самым отчетливым образом. Вчера я отправился в Франкфурт и осмотрел *четыре главные* книжные лавки; *везде* я нашел выставленными ваши издания и даже последний, восемнадцатый номер «Колокола». В самих же лавках лежат почти все новости, вторые издания Трюбнера и даже «Щербатов и Радищев», которых я еще не видал. Между этими книгопродавцами есть у меня приятель, который мне сообщил следующее.

Издания ваши составляют главный летний сбыт франкфуртских книгопродавцев: не проходит дня, чтоб они не продали ваших книг на несколько десятков гульденов. Сенат это знает и потому ни за что не поддастся никаким требованиям посольства, если б оно и вздумало требовать запрещения [1]. А через полицию в «вольном городе» сделать этого нельзя: необходимо согласие сената. Правда, посольство просило *полицию*, чтоб не продавали «Колокола» (и только его) на франкфуртских железных дорогах, для избежания огласки, ради высоких путешественников; и полиция запретила, помимо сената, потому что дебаркадеры в ведомстве полиции. Но и тут продажа «Колокола» продолжается, только под полою: его прикрывают сюртуком или другими журналами; посольство же не преследует этого, довольствуясь лишь *наружным* запрещением, *для виду*. Сколько моему книгопродавцу известно, в Саксонии и в Пруссии запрещена публичная продажа одного только «Колокола», потому что не проходит дня, чтоб русские, приходящие за вашим журналом, не говорили ему: «То или другое у нас уже есть; мы эти книги купили вчера в Дрездене» или «третьего дня в Берлине». — «Поверьте мне,—продолжал умный книгопродавец, — *серьезно* никакое немецкое правительство не запретит продажи; для виду, в угоду русскому правительству, могут быть приняты кое-какие меры; но мы знаем, что́ они значат, и потому не обращаем на это большого внимания. Впрочем, не будь в „Колоколе“ выходок против прусского короля или старой императрицы, то и „Колокола“ бы не запретили».

Затем, книгопродавец изъявил свое сожаление о том, что цены на ваши книги слишком высоки и потому пугают многих русских. «В прошлом году, — сказал он мне, — книги Герцена продавались лучше, потому что сюда приезжали только богатые русские, аристократы; но в этом году русская публика переменилась: к нам приходит множество людей, которые едва по-французски говорят и которых решительно пугают высокие цены. Вот, например, „Радищев“: я не могу его продать ниже 7 гульденов (15 франков); „Звезду“ я продаю за 4 гульдена 48 крейцеров (10 франков

* Гомбург в предгорье, близ Франкфурта-на-Майне (франц.).

60 сантимов)». „Тюрьму и ссылку", „С того берега" и т. д. за ту же цену. „Колокол" же мы продаем за 30 крейцеров (1 франк 20 сантимов) и при этом выручаем лишь свои деньги; барыш для нас только на книгах».

Передаю вам буквально его слова; делайте, как знаете [2].

В Бадене журнал и книги, как слышу, продаются попрежнему.

Ляво пишет ко мне, что он предпринял «Русскую библиотеку», т. е. переводы, по три тома в год. Начинает он с военных рассказов гр. Толстого; потом перейдет к Ковалевскому, затем — к Герцену. Ляво хотел *начать* с тебя, но его книгопродавец побоялся [3].

Вчера видел я одного русского, прямо приехавшего из Петербурга; главная новость, привезенная им, та, что теперь *все* помещичьи губернии изъявили свое согласие: не осталось уже ни одной; и в Петербурге поговаривали о принятии *общей* меры освобождения, через которую вся Россия *к новому году* будет свободна [4]. — Продаю за что купил.

Вчера же приехал сюда Пинто [5], который сбирается отсюда в Лондон и поручает тебе кланяться. Ты ему писал, что переменяешь квартиру; сделай милость, сообщи, в таком случае, новый адрес.

Твоему Александру Александровичу я буду чрезвычайно рад [6] и вот что могу предложить ему: Гиссен, бывшая резиденция Либиха, в двух шагах отсюда, и химические традиции великого мастера еще там живы. Одним из лучших и любимых его учеников — D-r Корр, молодой про(фессор) *.

[1] Речь идет о запрещении, которому во многих городах Европы подвергались издания Герцена. Так, например, 30 мая 1858 г. Тургенев, отвечая на вопрос Герцена, писал ему, что затруднения для парижских книгопродавцев «произошли от некоторых северных *немецких* правительств, которые обратились к здешней полиции с указанием на мнимую опасность твоих изданий» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», цит. изд., стр. 117). Герцен в статье «Словобоязнь» перечисляет местности, в которых «Колокол» был запрещен: Пруссия, Саксония, Неаполь (см. «Колокол», л. 16 от 1 июня 1858 г. — IX, 241). Летом 1858 г. борьба с «Колоколом», подогреваемая III Отделением, усилилась, особенно в германских княжествах. Из письма Мельгунова явствует, что на вопросы Герцена он ответил успокоительными сообщениями. Но вскоре после 18 июля (даты комментируемого письма) «Колокол» был все же запрещен также и во Франкфурте-на-Майне. Герцен напечатал об этом запрещении заметку в л. 20 «Колокола» от 1 августа (см. IX, 289). К этому же листу прилагалось датированное 1 августа послание «Знаменитому Сенату вольного города Франкфурта-на-Майне» на французском языке (см. IX, 291—302), в котором Герцен заклеймил позорный акт франкфуртского правительства. Собирая материал для своего «послания», Герцен и расспрашивал Мельгунова о подробностях.

[2] Указание книгопродавца на расширение по сравнению с 1857 г. и демократизацию контингента русских покупателей изданий Герцена («множество людей, которые едва по-французски говорят и которых решительно пугают высокие цены») представляет значительный интерес. Повидимому, отмеченное книгопродавцем явление объясняется огромной популярностью, которую получил с конца 1857 г. «Колокол». Относительно цен на издания Вольной типографии Герцен в печати отвечал на аналогичный упрек в 1859 г.: «Что касается до цен, по которым продаются русские книги в Берлине, Париже и др., мы совсем не отвечаем: *эта надбавка совершенно противозаконна*» (X, 58).

[3] Издание «Русской библиотеки», проектированной Делаво, не состоялось. В 1858 г. начала выходить серия переводов с русского под общим названием «Scènes de la vie russe» («Картины русской жизни»); вошли в эту серию главным образом произведения И. С. Тургенева в переводах Делаво, Кс. Мармье и Л. Виардо.

[4] Речь идет об открытии губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу, в большинстве тех губерний, которые ранее сопротивлялись подготовке крестьянской реформы. «Оптимистический» слух, сообщенный Мельгунову приезжим, почвы под собой не имел; в середине 1858 г. сопротивление помещиков-крепостников вновь возросло, и правительство, шедшее на поводу у реакционеров, снова предприняло меры к подавлению прогрессивной печати.

[5] О *Пинто* см. примеч. 8 к письму № 2.

[6] Сын Герцена, *Александр Александрович*, выехал из Дувра на континент 24 августа 1858 г., намереваясь, между прочим, посетить Мельгунова. Выполнил ли он это намерение, мы не знаем.

---

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

32

Гомбург. 9 сентября (1858 г.)

Я сбирался писать к тебе на днях, чтоб поговорить о делах, и ждал для этого несколько дополнительных сведений, которые, вероятно, получу не позже последних чисел здешнего сентября. Скажу предварительно, что имею сильную надежду, что (К. К.) Павлова продаст в скором времени свое большое имение с фабрикой (то, которое бунтовало) и что этим она будет поставлена в возможность расплатиться со всеми своими долгами [1]. Об этом пишет она сама и — что́ еще важней — один из ее кредиторов, объясняющий мне подробно положение ее дел. Окончательный вывод тот, что:

со времени предположенного освобождения цены на многоземельные имения у нас значительно поднялись;

на имение Павловой уже много покупщиков, дающих хорошие цены; но на снятие запрещения ей нужно девятнадцать тысяч рублей серебром, которые она ищет и, вероятно, скоро найдет.

Когда имение продастся, она расплатится со мной до последней копейки; но так как она снова удалила мужа от управления, а я, в качестве главного кредитора, имею право на решающий голос да к тому ж пользуюсь ее доверием, то, говорят мне, мое возвращение в Москву необходимо.

Если так, то с ним, разумеется, связана и уплата моих долгов за границей. Мои главные кредиторы здесь убеждены в этом и дали на то свое согласие. Подтвердить это может, например, девица Hélène Wahl, живущая теперь в Париже, 58, Rue Caumartin. Мелких я и не буду спрашивать, потому что они могут не понять своих собственных интересов и наложить эмбарго на мою персону. Но ты другое дело—*тебя* я должен спросить: permettez-moi de sortir *, и спросить по двум причинам — как приятеля и кредитора, а также и как журналиста, публициста и прочего *ista—го* русского: не имеешь ли со мной какого поручения в Россию?

Все это хотел я тебе сказать позже, потому что совершенно положительно еще не знаю, поеду ли, и узнаю о том, как сказал, недели через две. Но так как к слову пришлось, то отзовись заблаговременно на мой запрос и скажи свое мнение. Оно должно также войти в мои соображения.

Ты спросишь меня после такого предисловия, зачем же я пишу к тебе теперь? Цель письма довольно курьезная. Начну рассказ сначала.

Я был все это время до того занят и так давно не был в Франкфурте, что лишь вчера прочел два последние номера «Колокола» (21-й, 22-й). А между тем мне прожужжали уши об нем, и — как бы ты думал кто? Фонтон [2]. Надо тебе сказать, что я его знаю еще с Берлина — стало, лет восемнадцать. В обращении он человек любезный и простой; к тому ж вовсе не глуп. Познакомился он со мной во время о́но, как с автором книги, изданной Кёнигом, и эта книга ему тогда понравилась. Из этой эпохи я удержал в памяти одну фразу: «Если в России наступит время, что двадцать миллионов пойдут против двухсот тысяч, то уж, конечно, я стану в ряды двадцати миллионов — не потому, что на их стороне сила, а потому, что на их стороне правда».

Такая фраза в устах русского дипломата (тогда он был советником посольства) расположила меня в его пользу. Не знаю, теперешний шестидесятилетний тайный советник пошел ли бы *против* двухсот тысяч; но я уверен, что он и теперь **

---

* позвольте выйти (франц.).

** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

[1] Мельгунов изображал события в имении и на фабрике жены Н. Ф. Павлова, К. К. Павловой, в с. Мурмине Рязанской губ., в идиллическом тоне (см. письмо № 20). На самом деле, крестьяне и фабричные подверглись жестокой расправе, в которой принимал активное участие сам Н. Ф. Павлов. Об этой расправе, происходившей в июне 1857 г., появилась в «Колоколе» (л. 10 от 1 марта 1858 г.) статья «Прокламация губернатора П. Новосильцева и воз розог».

М. Е. Салтыков-Щедрин писал об этих событиях В. П. Безобразову 29 июня 1858 г.: «Гуманист Павлов, которого здесь подозревают в сообщении в № 10 „Колокола" статьи о возмущении крестьян села Мурмино, оказывается человеком весьма сомнительным.

ВАРШАВСКО-ВЕНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
Польская литография, 1852 г.
Исторический музей, Москва

Когда крестьяне эти (принадлежащие его жене) бунтовали, то он был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли, и заставил высечь семидесятипятилетнего старика. Вот и гуманист» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XVIII. М.—Л., 1937, стр. 137).

[2] В этом и двух следующих письмах речь идет о Феликсе Петровиче *Фонтоне* (1801—ок. 1865), русском после́ннике во Франкфурте-на-Майне. В заметке «Захват „Колокола" во Франкфурте» (см. «Колокол», л. 20 от 1 августа 1858 г.; см. также «Errata», л. 21 от 15 августа) Герцен задел Фонтона как участника полицейских преследований «Колокола». Еще резче он говорил о Фонтоне в сатирическом послании к «Знаменитому Сенату вольного города Франкфурта-на-Майне», где прямо указывал на Фонтона — исполнителя воли шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова (IX, 297). 18 сентября 1858 г. Герцен писал к М. К. Рейхель: «Фонтон извиняется и клянется, что он не виноват во франкфуртском запрещении» (IX, 337). Мельгунов, сообщая о том же Герцену, настойчиво просил напечатать заметку, оправдывающую Фонтона (см. письмо № 33). Герцен поместил такую заметку в л. 27 «Колокола» от 1 ноября 1858 г. и в ней «с искренним удовольствием» сообщил, что Фонтон с негодованием отвергает свое участие в запрещении «Колокола» (IX, 365). В письме № 34 речь идет, повидимому, о той же заметке.

33

Гомбург. 17 сентября ⟨1858 г.⟩

Конечно, давно б пора в Россию, да грехи, т. е. долги, не пускали. Но теперь, с помощью доброго Титова, я могу сдвинуться с места. Жду только денег на дорогу. Сбираюсь в конце этого месяца, через Варшаву. Мне отсоветовали ехать морем. Равноденствие в Балтике бурно, и паро-

ходы страшно опаздывают. Таким образом, ты еще имеешь время известить меня:

1) Кому и как переслать к тебе мой долг из Москвы, когда добуду к тому средства? На имя парижского Ротшильда? Но ведь в письме к нему нельзя мне будет сказать, что деньги *твои*: ведь письма у нас читаются, и — как знать — их, пожалуй, задержат. Не отправить ли лучше на имя Рейхеля в Дрезден? Я, проездом, побываю у Рейхелей и предупрежду их.

2) Сколько процентов прикажешь считать? У тебя, верно, записаны числа займов; я знаю только суммы; но сроки были записаны мною в тетради, которая осталась в Париже и которую до сих пор не могут найти.

Поздравляю Огарева с дщерью [1]. Шампанским здоровья пить не могу: настоящее здесь дорого и, стало, не по карману; водою, простою, пить не хочу, а стакан шипучки из Elisabethsquelle * выпью залпом.

Гедерштрёма [2], кажется, я знаю. Не был ли он начальником отделения при Дубельте по части паспортов и цензуры? Он швед, камергер и женат на богатой русской купчихе, поелику bel homme ** и его превосходительство. Я с ним имел дело, когда уезжал из России, потому что тогда я был под тайным надзором (теперь не знаю). Этот господин вам не опасен, но он может быть опасен для тех, кто приезжает к вам или с вами в переписке. Против него одно средство — контр-полицию, и все, что откроется — в «Колокол»! А между тем — подвергните прислугу строгому контролю. Я думаю, в Англии нетрудно найти слуг с благородными принципами..

Теперь о Von-ton [3]. Он страшно скучает в Франкфурте, рыскает по водам, где пьет шампанское, и его теперь с собаками не найдешь. Поэтому мое мнение следующее: напечатай, как знаешь, чтоб только не было для него компрометантно. Не лучше ли так начать: «Дошло до нашего сведенья, что письмо наше к Франкфуртскому сенату, относительно г. Фонтона, основано на неверных предположениях, потому-то и потому-то; и что г. Фонтон благородно протестует против наших обвинений», и пр.

Впрочем, как знаешь; только вспомни чье-то предостереженье: ваша похвала может в России нанести вред. В этом смысле Титов был очень доволен деликатным намеком об нем: ni trop, ni trop peu ***.

Фонтон ни на минуту не считал себя оскорбленным как частное лицо: он говорил мне об себе, как о лице официальном — не больше, без малейшей желчи или озлобления, но отклоняя от себя незаслуженную честь командовать Сенатом и городом.

Курьезное мое положение! В эту минуту пишу я к выходцу о посланнике и к посланнику о выходце. Когда увидишь Пинто, скажи ему, пожалуйста, что я перешлю к нему на днях письмо Титова, которому я сказал, что Пинто желает его иметь для торговых предприятий.

Засим — жму вам руки и кланяюсь.

[1] 4 сентября 1858 г. у Н. А. Огаревой родилась дочь Лиза.

[2] Александр Карлович *Гедерштерн* (Мельгунов неправильно пишет его фамилию) — чиновник III Отделения. 18 сентября 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «III Отдел(ение) прислало сюда стат(ского) совет(ника) Гедерштерна присмотреть, как бы подкузьмить „Колокол“, и узнать, кто доставляет вести. Я о его приезде напечатал» (IX, 337). Предупреждение о приезде Гедерштерна в Лондон Герцен напечатал в л. 23-24 «Колокола» от 15 сентября 1858 г. (IX, 341).

[3] О *Фонтоне* см. примеч. 2 к предыдущему письму. Реабилитирующую заметку о Фонтоне Герцен напечатал лишь через полтора месяца — в «Колоколе» л. 27 от 1 ноября 1858 г. (см. IX, 592, к № 1135).

---

* Елизаветинского источника (нем.).

** красавец-мужчина (франц.).

*** ни слишком много, ни слишком мало (франц.)

34

Гомбург. 10 октября (1858 г.)

Я еще здесь и потому прочел твое письмецо до конца. Ты спросишь, почему я здесь? Жду субсидий, без которых не могу двинуться, а также и писем о моих делах в России. Не беспокойся; я не упускаю ничего из виду, и если не останусь без нужды, то и не уеду без нужды. — Николай Филиппович (Павлов) совершенно отстранен от дел, и теперь всё, или почти всё зависит от того, *кому* его жена поручит управление. Если она примет человека, которого *я* ей предлагаю, тогда наши дела пойдут хорошо, и мне возвращаться на зиму не понадобится. Если ж нет, тогда — нечего делать — придется ехать, несмотря на продолжающиеся невралгические боли в глазу и на то, что не знаю, чем бы я покамест стал жить в Москве. Здесь жизнь дешева, обзаводиться домом нечего, меня знают и мне верят, проживу легко в кредит до весны, тем более, что никому больше не должен; стал бы работать и окончил бы разные начатые вещи. В Москве же медвежий климат, бог знает какая квартира, может — сырая и холодная, и все дорого, и за все плати тотчас.

Я рассказываю про это затем, чтоб объяснить тебе, почему я наперед счел нужным навести разного рода справки в Москве и жду ответа. На авось не поеду, но и на небось не останусь.

Ни в каком случае не уеду отсюда, не известив вас.

Спасибо за присылку двойного номера [1] и спасибо за печатное предостереженье [2]. Я и сам им воспользуюсь и других предостерегаю. После всего, что доходит, тяжело жить в России; добро б можно было бороться, добро б борьба б вела к чему... Хорошо одно: понемногу, исподволь, а мнение все-таки образуется. Оно вырастет, а николаевские люди помрут. Конечно, ждать долго: живущи проклятые; да что же делать? Не отравишь. Даже и выходки «Колокола» им нипочем. Вот exempli gratia * Гедеонов: был на днях здесь, уже после рассказа о Клевенском — ничего. Играет себе как ни в чем не бывало [3]. И вот на что идут двенадцать тысяч пенсии! Треть или четверть, конечно, перешли в руки к Блану. Ты знаешь здешний каламбур? «Vous avez beau jouer à rouge ou à noir c'est Blanc (содержатель банка) qui gagne» **.

Что же объяснительная статейка о Фонтоне? [4] Октябрьского номера еще нет в Франкфурте. Пришли, пожалуйста.

Две старые новости, вероятно, уже известные: царь иногда спрашивает своих приближенных: «Читал ты восьмой номер? Читал ты десятый? и т. д.». Уж так и знают, что речь о «Колоколе». Это вроде того, как Татьяна Васильевна спрашивала у своего мужа, Дмитрия Владимировича Голицына [5]: «Tu as été?» *** Подразумевалось: был ты у любовницы? Рыцарь Дмитрий Владимирович, который никогда не лгал, обыкновенно отвечал: «Oui, j'y ai été» ****. Много ль таких рыцарей при дворе — не знаю.

Другая старина та, что Корф [6], прочитав вашу книгу, упал в обморок — буквально упал. Признаюсь, это падение подняло его в моих глазах.

А каково досталось от царя московскому дворянству? [7] И «Nord», напечатавший все остальные речи, этой не поместил. Напечатайте-ка!

Adieu.

[1] Двойной (23-24) лист «Колокола» вышел 15 сентября 1858 г.

[2] «Предостережение» Герцена, напечатанное в л. 23-24 «Колокола», сообщало читателям, что «Закревский доставил в таможню список лиц с строжайшим предписанием

---

* например (лат.).

** Все равно, ставите ли вы на красное или на черное — выигрывает Блан (игра слов: blanc — белый) (франц.).

*** Ты был? (франц.).

**** Да, я там был (франц.).

по возвращении в Россию обыскать их и доставить их письма и бумаги в *Третье отделение* (IX, 340).

[3] Речь идет об А. М. *Гедеонове* (1791—1867), директоре императорских театров. Герцен в статье «1 июля 1858 г.», напечатанной в л. 18 «Колокола» от того же числа мимоходом упомянул Гедеонова: «Снявши цензурную колодку, можно закрыть и *Третье отделение* (...) Тимашева можно сделать на место Гедеонова директором театров и царских увеселений...» (IX, 266). Намек, заключавшийся в этих строчках, был вполне раскрыт в анонимной заметке «Inter pares amicitia», помещенной в л. 23-24 «Колокола». Здесь рассказывалось, как в «светском» игорном притоне, состоявшем под особым покровительством III Отделения, Гедеонов, Дубельт, Болотников — друг и приятель Дубельта — и петербургский полицеймейстер Трубачев обыграли в карты чиновника Клевенского. Он проиграл крупную сумму казенных денег, перешедшую в карманы его сановных партнеров, в первую очередь Гедеонова. По приговору суда Клевенский должен был отбывать каторгу, замененную ему арестантскими ротами, но вскоре умер. Эта история произошла в сороковых годах и, как свидетельствует автор заметки, получила широкую огласку.

[4] См. письма 32 и 33.

[5] Д. В. *Голицын* — генерал-губернатор Москвы с 1820 по 1844 г.

[6] Модест Андреевич *Корф* — автор верноподданнической книжки «О восшествии на престол императора Николая I». Опровержению этой лживой книжки был посвящен специальный сборник «14 декабря 1825 и император Николай», изданный Герценом и Огаревым. Об отношении Корфа к статьям Герцена и Огарева см. в комментарии М. К. Лемке (IX, 606—608).

[7] Речь Александра II, обращенная к московскому дворянству, была произнесена в Кремле 31 августа 1858 г. во время приема дворянской депутации. Речь носила укоризненный характер: московские помещики по сравнению с другими губерниями сильно запоздали с образованием комитета по «освобождению» крестьян (см. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I. Берлин, 1860, гл. VIII).

35

ОГАРЕВУ

Гомбург. 19 марта 60 г.

Помилуй, душа моя Огарев, как мог ты вообразить, что я на тебя сержусь [1] — и за что же? За то, что не пишешь. Вы меня, право, считаете каким-то страшно обидчивым... Но ведь и ты вправе б на меня сердиться за то же самое.

Дело в том, что я *письменного* ответа на мои дополнительные письма и не жду. Ты хотел отвечать на мою статью; в предварительных ответах было много недоразумений; я передал тебе добросовестно то, чего, по объему статьи, не мог в ней высказать, в надежде, что это уяснит и упростит наш спор. Ты принял к сведению, и прекрасно! [2]

Молчали же мы оба потому, что если *вы* заняты, в особенности ты, как лондонский член редакционной комиссии, то и *я* занят: пишу предлиннейший роман, который хотелось бы поскорее кончить: 1) Потому, что в нем я касаюсь разных вопросов русской жизни, а теперь, того и гляди, что нахлынет реакция, и тогда — прощай мой труд! [3] 2) Потому, что я никак не могу отвыкнуть от еды и пития, хоть и отвыкаю от одёжи, а мой роман — самая ближайшая надежда на пропитание.

Кстати: напрасно ты так решительно зловещаешь мне. Хочешь об заклад, что Н. Ф. расплатится? Я только предложу тебе заклад навыворот: коли я с него получу — за мной бутылка шампанского до первого свидания; не получу — так *ты* заплатишь, ибо если не получу, придется не о шампанском думать, а о чистой воде.

Для уяснения, вот что вам скажу: продажа Мурмина связана с успехом журнала, ибо тогда только можно продать сколько-нибудь выгодно, когда Н. Ф. войдет в предварительные сделки с некоторыми задористыми кредиторами — Спиридоновым и пр. А для этого нужны деньги, а деньги он всего скорей может добыть через журнал. Впрочем, у меня в Москве два отличных ходатая, которые не дают Николаю Филипповичу покоя: Кошелев и Шевырев, последний в качестве мордашки: он в него впился

и не выпускает. Надо вам сказать, что Шевырев лично интересован в успешной расплате. Не помню, писал ли я вам, что сам Н. Ф. взялся, наконец, за продажу и недавно объявил мне через Кошелева и Шевырева (прямо мы не переписываемся), что нашел весьма серьезного покупщика. Жду теперь развязки. А его журнал идет хорошо: до появления было уже более двух тысяч подписчиков.

Как я в первый раз услышал (еще прежде всех газет) об Панине, со мною чуть не сделалось дурно [4]. Русский, привезший новость прямо из Питера, засмеялся: все перемелется, сказал он. Мне самому сдается, что народный жернов перемелет и эту жердь. Мука̀ будет похуже, грязненька, но все-таки мука̀. Авось! Авось уже поздно нагадить.

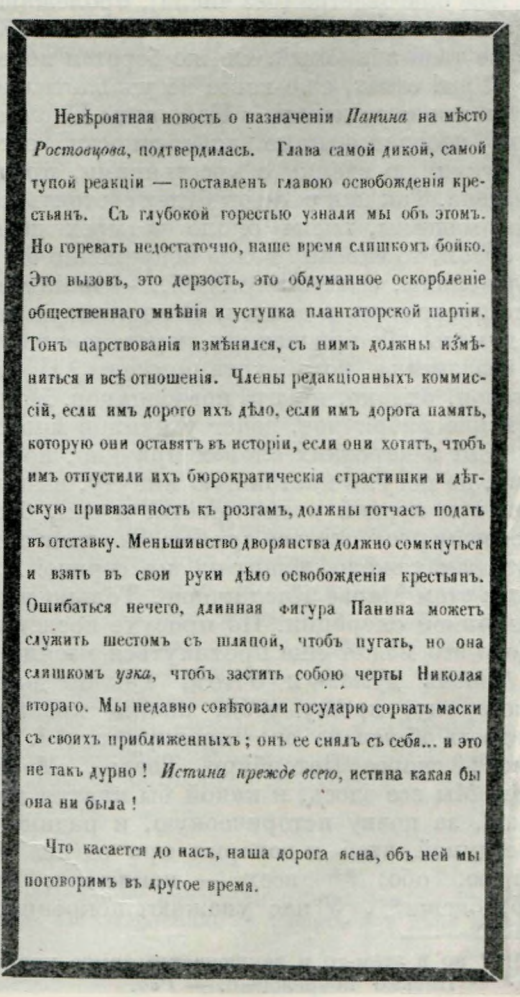
Не франкирую письма, ибо нечем; но и вы не франкируйте: я получаю на мелок.

Получили ль вы «Народное чтение»? [5] О личной собственности малороссийских казаков. Заметки карандашом мои, а прочие переслали из Петербурга.

Премного вам спасибо за все присылки; приходят аккуратно.

[1] Письмо Огарева к Мельгунову неизвестно.

[2] Подчеркивая, что он не ждет *письменного* ответа, Мельгунов тем самым намекал, что ждет ответа в печати. В нашем распоряжении нет достаточных данных для того,



Невѣроятная новость о назначеніи *Панина* на мѣсто *Ростовцова*, подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи — поставленъ главою освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно, наше время слишкомъ бойко. Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ коммиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставятъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобъ имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Ошибаться нечего, длинная фигура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобъ пугать, но она слишкомъ *узка*, чтобъ застить собою черты Николая втораго. Мы недавно совѣтовали государю сорвать маски съ своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это не такъ дурно! *Истина прежде всего*, истина какая бы она ни была!

Что касается до насъ, наша дорога ясна, объ ней мы поговоримъ въ другое время.

СООБЩЕНИЕ В «КОЛОКОЛЕ» О НАЗНАЧЕНИИ В. Н. ПАНИНА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ РЕДАКЦИОННЫХ КОМИССИЙ

Напечатано Герценом в траурной рамке

«Колокол», л. 65-66 от 15 марта 1860 г.

чтобы разъяснить, какая статья Мельгунова вызвала или должна была вызвать ответ Огарева и были ли какие-либо части этой дискуссии напечатаны. Возможно, что речь идет о том «мотивированном протесте» против статьи Герцена «Русские немцы и немецкие русские», который Мельгунов направил в конце 1859 г. в «Колокол» и который редакция отказалась напечатать (см. во вступительной статье отрывок из письма Мельгунова к Б. Чичерину от 3/15 января 1860 г.).

[3] Роман Мельгунова остался ненапечатанным. Чичерин, читавший его в рукописи, отозвался о нем с иронией (см. «Москва 40-х годов», цит. изд, стр. 171).

[4] Речь идет о назначении В. Н. Панина председателем редакционных комиссий Комитета по крестьянскому делу вместо умершего Ростовцева.

[5] «*Народное чтение*» — журнал, издававшийся в 1859—1862 гг. в Петербурге. Редакторами-издателями его были Александр Оболонский и Григорий Щербачев (в 1859—1860 гг.). Во 2-й книге журнала за 1860 г. (ценз. разреш. 2 марта) была помещена статья П. А. Кулиша «Потомки заднепровских гайдамак (из воспоминаний моего приятеля)»; эту статью и имеет в виду Мельгунов. Присланные им замечания, вероятно, вызваны были появлением в «Колоколе» (л. 57-58 от 1 декабря 1859 г.) полемики под названием «Письмо и ответ». «Письмо» принадлежало некоему «малороссийскому помещику», а «Ответ» — Огареву. В «Письме» утверждалось, что общинное владение украинскому населению не свойственно.

36

Москва. 17 апреля 62 г. [1]

Любезный друг, Александр Иванович, в самое Благовещенье получил я твое благовестие (без числа), пролежавшее, как после оказалось, месяца три в руках твоего приятеля. Доставил мне твое письмо другой, впрочем, тоже твой знакомый. Он же берется переслать и этот ответ.

Увы! ответ, еще вовсе не удовлетворительный... Для того, чтоб получить мне свои деньги с Каролины Карловны, от которой, впрочем, у меня две неограниченные доверенности, есть только одно средство: войдя в откупную сделку с крестьянами, продать потом все, что останется от выдела. Так как остаток будет состоять из «значительной» фабрики, паровой машины, тысяч около четырех десятин земли с заливными лугами и лесом, то частные долги непременно бы покрылись, и с лихвою, в пользу владелицы, если бы только... — mais c'est là le pis * — можно было все это превратить в деньги. В настоящую минуту об этом еще нельзя почти и думать, ибо при шатких, неустановившихся обстоятельствах, да к тому ж и безденежье, кому охота покупать? Приходится поневоле ждать, не переставая, однако, искать покупщиков. Моя надежда пуще всего на купцов. Имение фабричное, денег у купцов много. Но теперь и они неподатливы.

Вот в коротких словах причина, почему я, при всем *искреннем* желании, не могу, в настоящую минуту, выполнить твое желание. Поверь мне, что при первой возможности, я сам, без твоего вызова и напоминания, поспешу рассчитаться с тобою. Это долг архисвятой в моих глазах; к тому ж, ух, как тяжело лежит он на сердце! Я сбирался и без того писать обо всем этом Марье Каспаровне. Только поджидал дальнейших результатов выкупной операции. По просухе поедет от меня в обе деревни землемер. Дело это может еще протянуться месяца два-три.

Очень думаю я о том, как бы добыть средств для нашего Улисса (которому, прошу тебя, пожми крепко руку и вырази мою глубокую радость об успехе его предприятия) [2]. Но Москва решительно не за вас [3]; скорее Петербург, Тверь... Москва вам не сочувствует, напротив. Мы все здесь, к какой бы партии ни принадлежали, люди исторические, за почву историческую, и радикализма мы переварить не можем. Не думай, чтоб я говорил про од⟨ин⟩ ** какой-либо кружок; нет, я говор⟨ю обо⟩ ** всех — исключая, разумеется, небольшой част⟨и мо⟩лодежи**. У нас уважают искренность твоих убеждений, пользу от

* но в этом-то и заключается самое худшее (франц.).

** Письмо повреждено. — *Ред.*

большей части сообщаемых тобою известий, и об тебе говорят не иначе, как с любовию... Но на этом и останавливается сочувствие.

Впрочем, авось-либо мы с тобой скоро увидимся — здесь. Свербеев говорит своим жирным голосом: «Au train que nous menons *, я надеюсь через два года пожать руку Александру Ивановичу в Москве». На первый раз нам обещают новое издание твоих сочинений, с полным твоим именем [4]. Пожми от меня руку Николаю Платоновичу.

[1] Отрывок из этого письма был напечатан М. П. Драгомановым в «Вольном слове» № 58 от 1 апреля 1883 г.

[2] *Улисс* — М. А. Бакунин. *Успех его предприятия* — удачный побег из Сибири. Бакунин прибыл в Лондон 27 декабря 1861 г. Герцен обратился к И. С. Тургеневу и другим с просьбой оказать Бакунину материальную поддержку.

[3] Утверждение Мельгунова «Москва решительно не за вас» послужило поводом для выступления Герцена в «Колоколе» (л. 135 от 1 июня 1862 г.) с резкой заметкой «Москва нам не сочувствует» (XV, 183). См. об этом во вступительной статье.

[4] О предполагавшемся в 1862 г. в Петербурге издании сочинений Герцена см. публикуемое в настоящем томе письмо издателя Кожанчикова к Герцену.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К. Д. КАВЕЛИН — ГЕРЦЕНУ

Печатаемое письмо было опубликовано в «Вольном слове» М. П. Драгомановым (№ 58 от 1 апреля 1883 г.) в качестве письма неизвестного. К этому письму, как указал М. П. Драгоманов, Н. А. Мельгунов сделал краткую приписку. До сих пор в литературе принято было считать, что это письмо, ярко характеризующее отношение либералов к деятельности Герцена, принадлежит Мельгунову (см., например, IX, 243—244). В настоящее время подлинник письма, обнаруженный в бумагах Герцена, позволяет точно установить, что действительным автором его был К. Д. Кавелин.

Письмо публикуется по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 92). Ошибки прежней публикации исправлены без оговорок.

⟨Начало 1858 г.⟩

Пишу тебе под влиянием последних событий: начала освобождения крестьян, начала освобождения от цензуры **, начала освобождения раскольников в признании их браков. Вера в успех, в развитие видимо растет и крепнет. Те, которые считали Александра Николаевича дураком, начинают говорить иначе; ненависть и любовь к нему растут по мере того, как он более и более высказывается в смысле добра и успеха. Посреди такого положения, роль твоя, друг, велика и благотворна. Влияние твое *безмерно*. H⟨erzen⟩ est une puissance ***, сказал недавно кн. Долгоруков за обедом, у себя. Прежние враги твои по литературе исчезли. Все думающее, пишущее, желающее добра — твои друзья и более или менее твои почитатели. Молодежь на тебя молится, добывает твои портреты, — даже не бранит того и тех, кого ты, очевидно с умыслом, не бранишь. Словом, в твоих руках огромная власть, и заметно, как ты зреешь не по дням, а по часам. Твое последнее письмо к императору по поводу книги Корфа циркулирует в списках и производит неописанное действие. Ничего подобного наша литература действительно не представляла.

---

* Судя по тому, как идут наши дела (франц.).

** Московского цензора Крузе III Отделение представило как умышленного нарушителя высочайшей воли. Резолюция—III Отделению не мешаться в дела цензуры. — *Примеч. Кавелина.*

*** Герцен — это сила (франц.).

Но, имея такое огромное значение, помни, что ты им обязан *исключительно* той роли, которую ты так благородно и самоотверженно принял в последнее время, — быть возвестителем не только миру — это бы еще ничего,— а нам и Александру II нашей гнили и мерзости. По твоим статьям подымаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим «Колоколом» грозят властям. Что скажет «Колокол», как отзовется «Колокол»? Вот вопрос, который задают себе все, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всех классов. Теперешний государь — лучший и самый порядочный из всех принимающих участие в правлении. Благонамеренность его не подлежит ни малейшему сомнению; вместе — и это начинают тоже понимать мало-помалу все — он человек очень хитрый и ловкий, который ведет свои дела крайне искусно. Не думай, чтоб лесть руководила моим пером. Я говорю тебе правду. Государь дурно приготовлен к делу правления, не счастлив в выборе людей, но по всем видимостям не находится в их руках, не доверяет своему антуражу, да и к себе недоверчив. Один поляк, мой приятель, рассказывал мне, что он видел сон, будто бы государь благодарил тебя письмом за твои публикации, за помощь и содействие, которые ты ему оказываешь ими, и просил продолжать в том же тоне. Это имеет глубокий смысл. Сон в руку. Это — твоя роль, твое назначение. Тебя оскорбила, кажется, фраза во введении к «Голосам из России», что гнусная, непроницаемая среда отделяет царя от народа и что для восстановления сношений между ними нужны публикации за границей. На деле это истинная правда. Послушай же, что я говорю тебе от имени всех друзей, всех почитателей, всех благомыслящих людей в России: делай то, что ты теперь делаешь, только в еще сильнейшей степени — печатай все гнусности, глупости и злодейства, казни их беспощадно, с лицами, именами и проч., но обходись *еще* осторожнее с императорской фамилией, тем более, что теперь она, положа руку на сердце, далеко не самое гнусное, что есть в России. Щади их, не печатай об них статей, вроде тех, как ты напечатал о старухе[1], и поверь, ты еще сильнее будешь действовать. Вы скоро можете, не краснея, подать друг другу руку с Александром II и считать друг друга союзниками на благо и счастие России. Кстати, его же ругают твоим именем, спрашивают новых календарей, чтоб посмотреть, не представлен ли он в бороде, и говорят, что если б ты царствовал в России, то было бы не хуже. При таких обстоятельствах вся литература должна щадить лица, но зато тем беспощаднее должна бить мерзости и гадости, en principes comme en faits *. Вспомни, друг, что ты теперь выборный Русской земли, единственный свободный русский. Говори же с властью тем языком, каким бы мы с нею говорили. Можешь ругать дела и людей минувшего царствования, но перестань бранить покойника, чтоб не ставить сына в ложное положение,—как ни был гадок и преступен прежний царь. Деятельность твоя так мужает, силы твои так растут, что ты уже можешь и *должен* взвешивать каждое свое слово, размерять каждый свой поступок. Немногим выпадает такая достойная и высокая роль в жизни, как тебе, друг! Сравнивая тебя с Курбским, нельзя не порадоваться и тому, насколько мы нравственно выросли в этот промежуток времени.

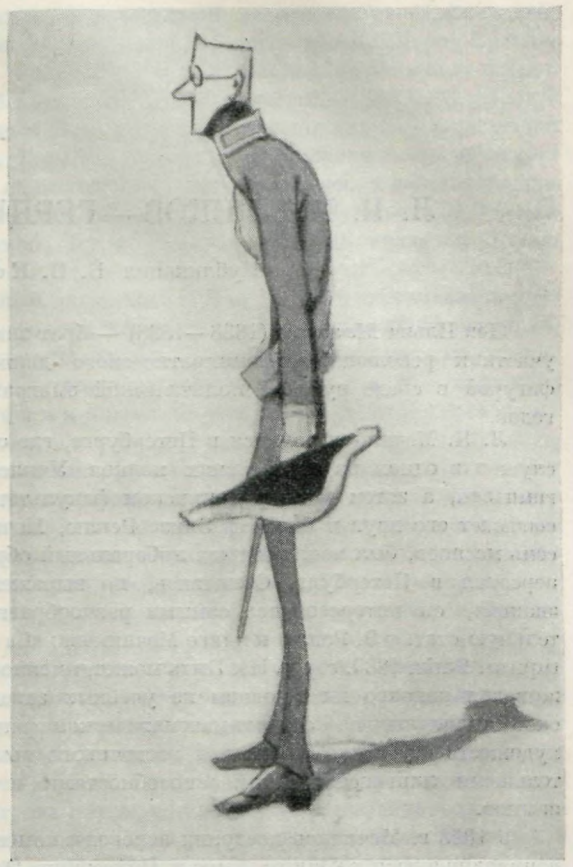
Будь же выборным Русской земли, пусть благовест твоего «Колокола» широко раздается в ней, пробуждая мертвых и живых на общее дело. Ты стал осторожен: спасибо тебе за это. Ты стал недоверчив. Это избавит тебя от тысячи промахов, которые повредили бы делу. Роль твоя политическая и громадная. Войди в нее с головою и ногами.

Вот, в заключение, несколько известий об Александре Николаиче, герое теперешних событий. По московской студенческой истории он велел

---

* как в принципах, так и в поступках (франц.).

В. Н. ПАНИН
Карикатура из альбома
1860—1870-х гг.
Исторический музей, Москва



отдать под суд полицейских чиновников — частного пристава, квартального надзирателя и поручика; студента же Ганусевича освободить от суда, так как он совершил нарушение закона вследствие необходимой обороны. По вопросу об эманципации он подкован крепко. На предупреждение министра внутренних дел, чтоб он не внимал клеветам и лжи, необходимым последствиям сделанных по эманципации распоряжений, государь поклонился Ланскому и сказал: «Будьте благонадежны». Он готов на беспорядки крестьянские; недавно у него вырвалась фраза: «Эманципации хочу непременно, во что бы ни стало, хоть бы пришлось поплатиться жизнью».

Посылаем тебе дружеский, сердечный привет.

Рукою Н. А. Мельгунова:

Вполне соглашаюсь со всем вышеписанным и прошу внять оному. Обнимаю тебя от души и детей твоих.

[1] Под «статьей о старухе» Кавелин имеет в виду статью Герцена «Августейшие путешественники. I.», в которой он беспощадно высмеял вдову Николая I—Александру Федоровну (VIII, 542—547).

Л. И. МЕЧНИКОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Лев Ильич *Мечников* (1838—1888) — брат знаменитого биолога И. И. Мечникова, участник революционно-демократического движения, — являлся весьма заметной фигурой в среде русской политической эмиграции шестидесятых — восьмидесятых годов.

Л. И. Мечников родился в Петербурге, где отец его, Илья Иванович Мечников, служил в одном из гвардейских полков. Учился Мечников сначала в харьковской гимназии, а затем — на медицинском факультете Харьковского университета. Как сообщает его друг и биограф Элизе Реклю, Мечников, пробыв в университете всего семь месяцев, был исключен «за либеральный образ мыслей». Из Харькова Мечников переехал в Петербург. Отличаясь, по выражению Реклю, «необычайной жаждой знаний», он интересовался самыми разнообразными отраслями науки (см. вступительную статью Э. Реклю к книге Мечникова: «La civilisation et les grands fleuves historiques». Paris, 1889, стр. VII). Быть может, именно этим объясняется, что он не задерживался надолго ни в одном из учебных заведений: побывал в Военно-медицинской академии, на физико-математическом факультете университета, в Академии художеств и усердно занимался восточными языками. Мечников обладал исключительными лингвистическими способностями и впоследствии изучил множество языков.

В 1858 г. Мечников поступил переводчиком в русскую дипломатическую миссию, направлявшуюся в Малую Азию и Палестину. Однако, прибыв на место назначения, он из-за дуэли и неповиновения начальству вынужден был бросить службу и остался за границей в качестве эмигранта. Сперва Мечников служил агентом Общества мореходства и торговли в Бейруте и Галаце, а затем для занятий живописью уехал в Венецию, где принял участие в борьбе за освобождение Венеции и Ломбардии из-под власти Австрии. Преследуемый австрийскими жандармами, он вынужден был покинуть Венецию и бежал сначала в Ливорно, а затем во Флоренцию. В 1860 г., после того как Гарибальди высадился в Сицилии и занял Палермо, по всей Италии начали формироваться отряды добровольцев. Мечников в августе 1860 г. вступил в один из таких отрядов, сформированный во Флоренции под начальством известного революционера Джиованни Никотера, освобожденного Гарибальди из палермской тюрьмы. Отряд этот прибыл в Неаполь уже после взятия города войсками Гарибальди и был отправлен на осаду Капуи. Мечников в качестве артиллерийского офицера участвовал в военных действиях и был тяжело ранен при взрыве мины во время сражения на реке Вольтурно. Положение его считалось безнадежным, однако, благодаря внимательному уходу в неаполитанском госпитале, он после продолжительного лечения поправился.

В 1861 г. началась литературная деятельность Мечникова. Первоначально он сотрудничал в «Современной летописи» и «Русском вестнике» Каткова. В №№ 9—11 «Русского вестника» за 1861 г. он поместил весьма содержательные и интересные «Записки гарибальдийца» (под инициалом «М»). С 1862 г. Мечников начал печататься в некрасовском «Современнике».

Литературная деятельность Мечникова отличалась большим разнообразием. Он выступал и как публицист, и как историк, и как историк литературы, и как беллетрист. После закрытия «Современника» и «Русского слова» (в котором Мечников тоже сотрудничал) он стал печататься в «Деле» Благосветлова и в других прогрессивных

изданиях. Не имея возможности выступать в легальной печати под своей фамилией, Мечников пользовался различными псевдонимами: Гарибальдиец, Леон Бранди, Эмиль Денегри, Леон Горанда и др. Участвовал он и в русской заграничной прессе, в частности в изданиях Герцена. В 1868 г. Мечников совместно с Н. Я. Николадзе издавал в Женеве журнал «Современность». «Наша „Современность", — определяли издатели свою задачу, — старается... быть *обозрением и отражением текущей жизни* и представлять читателям картину не своих стремлений и идеалов, а действительное положение вещей и ход общественных дел в России и в Европе» (статья в № 7). Как и большинство эмигрантских изданий, журнал «Современность» оказался весьма недолговечным.

Связь Мечникова с революционным движением в Италии не ограничивалась участием в военных действиях. Он постоянно занимался революционной пропагандой в тех городах, где ему приходилось жить. Одно время он возглавлял кружок молодежи, мечтавшей приобрести клочок земли и устроить трудовую коммуну (см. об этом в книге вдовы И. И. Мечникова: О. Н. Мечникова. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.— Л., 1926, стр. 38).

Мечников, как и другие представители русской эмиграции, горячо сочувствовал стремлению поляков добиться освобождения Польши; сочувственно отнесся он и к польскому восстанию 1863 г. В марте 1863 г. он выступал на митинге, собранном во Флоренции «в пользу польского дела» (XVI, 128). В л. 170 «Колокола» от 1 сентября 1863 г. было напечатано (под названием «Точка поворота») его письмо, которое Герцен приветствовал как «*первое слово проснувшейся русской совести*» (XVI, 472).

Не ограничиваясь выражением сочувствия польскому делу, Мечников согласился принять участие в одном предприятии, затеянном польскими эмигрантами для поддержки восстания в Польше. Это была морская экспедиция, готовившаяся в Средиземном море по аналогии с известной экспедицией Лапинского в Балтийском море. Через Бакунина польские эмигранты обратились к Мечникову с просьбой съездить к Гарибальди, жившему тогда на острове Капрере, и просить его командировать опытных, боевых моряков для обслуживания приобретенного парохода, а также устроить для нужд экспедиции склад оружия на Капрере или каком-нибудь другом острове. Мечников принял на себя это поручение. Он посетил Гарибальди, который сочувственно отнесся к просьбе поляков. Однако из-за неумелой организации предприятие не дало серьезных результатов.

Об участии в этой экспедиции рассказал сам Мечников в своих воспоминаниях о Бакунине, напечатанных в «Историческом вестнике», 1897, № 3, стр. 824 и след. (ср. его письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину. — «Лит. наследство», т. 13-14, 1933, стр. 361—362).

В 1864 г. Мечников переселился из Италии в Женеву, где в то время образовалась колония русской эмигрантской молодежи. Не имея постоянного заработка, Мечников сильно нуждался, разделяя участь почти всех русских эмигрантов. «...Я с ужасом смотрю на растущую бедность Мечник‹ова› и всех остальных», — писал в 1866 г. из Женевы Герцен (XIX, 37). «Мечников всю жизнь не имел денег и искал на перехват, это — его натуральное положение», — сообщал он в другом письме, относящемся к 1868 г. (XXI, 24).

В октябре 1868 г. Мечников отправился в Испанию в качестве корреспондента «С.-Петербургских ведомостей». При этом он ставил перед собою и другую— тайную — задачу: наладить связи между русскими и испанскими революционерами. Он посетил Мадрид и прожил некоторое время в Барселоне (см. XVI, 473 и XXI, 113).

Из Испании Мечников возвратился в Женеву. Попрежнему нуждаясь в заработке, он вынужден был согласиться на предложение переехать в Японию. Легко и быстро изучив японский язык, Мечников отправился в далекий путь. По приезде в 1874 г. в Японию он занял место руководителя русской школы в Иеддо. Школа эта пользовалась большим успехом среди японской молодежи. Однако климат Японии оказался чрезвычайно вредным для Мечникова, он был вынужден покинуть ее и возвратиться в Швейцарию. Тут для него снова началась тяжелая жизнь труженика, живущего

случайным литературным заработком. Мечникова и его семью поддерживали только совместная работа с Реклю по созданию «Всемирной географии» да сотрудничество в «Деле».

Материальное положение Мечникова улучшилось лишь после того, как в 1883 г. он был приглашен занять в Невшательской академии кафедру географии и сравнительной статистики. Живя в Кларане на берегу Женевского озера, Мечников еженедельно ездил в Невшатель читать лекции. Там он работал до самой смерти, приобретя большую популярность среди слушателей.

Плеханов посвятил Мечникову некролог, в котором называл его «одним из самых замечательных и самых симпатичных представителей (...) поколения шестидесятых годов...» (Соч., т. VII, М. — Л., 1925, стр. 327).

С Герценом Мечников познакомился в 1863 г., когда издатель «Колокола» посетил Флоренцию, где в то время жил Мечников. Однако в одном из писем Герцена, относящихся к марту 1863 г., уже содержится упоминание о Мечникове. Помимо этого, еще до поездки Герцена в Италию в «Колоколе» появилось упомянутое нами письмо Мечникова по поводу польского восстания («Точка поворота»).

Мечников был одним из участников обеда, устроенного 11 ноября 1863 г. русской колонией во Флоренции в честь Герцена, посетившего этот город. Тогда же Герцев переслал Огареву какую-то статью Мечникова, которая, повидимому, не была напечатана или же появилась в печати без подписи автора (см. XVI, 514—515).

В конце ноября 1863 г. Мечников предпринял поездку в Ливорно, чтобы организовать пересылку изданий Герцена в Россию (там же, стр. 538). Повидимому, эта задача была им успешно решена. Бакунин в письме к Герцену от 4 марта 1864 г. отмечал, что Мечникову удалось наладить «верную и даже безденежную доставку всего из Ливорно в Константинополь и даже в самую Одессу» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 258). И позднее Мечников не прерывал сношений с Герценом. Он деятельно сотрудничал и в русском, и во французском «Колоколе». В 1864 г. он напечатал в л. 185 «Колокола» от 15 мая статью под названием «Письмо к Прудону», в которой резко критиковал своего адресата за враждебное отношение к польскому восстанию 1863 г. В 1866 г. в «Колоколе» появились статьи Мечникова «Прудонова „новая теория собственности“» (лл. 218, 219, 221, 225, 226) и «„Весть“ о Прудоне» (л. 230). Наконец, в 1868 г. в «Kolokol'e», №№ 8—13 от 15 мая — 15 октября Мечников поместил большую статью «Les antagonistes de l'Etat en Russie» («Противники государства в России»).

Мы перечислили те произведения Мечникова, которые печатались за его подписью. Быть может, некоторые его статьи и заметки были помещены и анонимно, вследствие чего мы не имеем возможности установить принадлежность их его перу.

Герцен ценил сотрудничество Мечникова. О мечниковском «Письме к Прудону» он писал сыну: «...статья хороша» (XVII, 146). Другой раз, в письме к Огареву, имея в виду представителей «молодой эмиграции», Герцен заявлял: «У них нет ни связей, ни таланта, ни образования; один Мечников умеет писать...» (XVIII, 8).

О. Н. Мечникова сообщает, что Лев Ильич в отличие от других эмигрантов «оставался одним из немногих горячих сторонников Герцена» (цит. изд., стр. 38). В это свидетельство необходимо внести существенную поправку: сторонником Герцена в полном смысле этого слова Мечников не был. Мало того, порой отношения между ними бывали весьма холодны, так как Мечников вместе с другими молодыми эмигрантами выступал против Герцена. В письмах Герцена, наряду с положительными, встречаются и отрицательные отзывы о Мечникове. Однако Мечников, несомненно, относился к Герцену с большей благожелательностью, чем большинство эмигрантов. Это и давало ему возможность оставаться в течение продолжительного времени сотрудником герценовских изданий.

Помимо публикуемых здесь четырех писем, в настоящем томе напечатана аннотация еще одного письма Мечникова к Герцену — от 14 октября 1865 г. (см. «Аннотации»).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 156).

1

ГЕРЦЕНУ

〈Женева. 7 октября 1865 г.〉 [1]

По делу С〈ерно〉-С〈оловьевича〉 Якобий [2] поручает мне передать вам следующее в ответ на ваши вопросы: С.-С. помещен в Метери 〈?〉

ГАРИБАЛЬДИ НА КАПРЕРЕ
Приезд Мерославского
«Die Gartenlaube» № 7, 1861 г.

(подле Ниона), потому что это единственное место, где его принимают в кредит. Сам С.-С. желал бы (т. е. говорил, что желает) поселиться в Берне. Это стоило бы 150 fr. в месяц, тогда как в Метери платится 10 fr. в день. Но в Берне необходимо вперед заплатить за три месяца.

Якобий объявляет, что он берет на себя хлопоты по этому делу не иначе как с тем условием, что никто другой не будет обращаться ни лично, ни письменно, ни прямо к С.-С., ни к директору заведения, в котором он

содержится. При этом он обязывается отвечать на все запросы и возражения, которые могут быть ему сделаны по этому делу.

Деньги он просит передать в нашу кассу[3].

Я вам пишу слово в слово то, что мне поручено передать вам. Своего личного мнения обо всем этом позвольте мне не высказать по изложенной уже мною вам причине. Я готов и впредь служить в этом деле посредником, но никакой ответственности за передаваемые сообщения на себя взять не могу.

Благодарю вас за ваше мнение о моей заметке: оно мне кажется вполне справедливо [4]. Статью, пожалуйста, уничтожьте: я помню ее содержание и до 1 ноября надеюсь написать вновь и более удовлетворительно.

Имени своего я пока не хотел бы подписывать под статьями: временно мне необходимо как можно меньше напоминать русскому правительству о своем существовании [5]. Когда это временное положение кончится, то и я и мое имя всегда и вполне к вашим услугам.

Знаете ли вы, как вас поймала австрийская полиция теперь, недавно? Один харьковский господин — *Герценвич* — явился в Австрию; его схватили и стали уверять, что он—вы. Толкали по всем мытарствам и грозили выдать в Россию под именем вас.

Факт этот автентичен. Если пожелаете воспользоваться им для печати, то я могу даже сообщить вам собственноручное письмо Герценвича [6].

Будьте здоровы и благополучны.

Преданный вам
Л. Мечников

Женева
7-го октября
Place des Alpes, № 5
Chez m-me Fèvre.

[1] В этом и в следующем письме Л. И. Мечникова к Герцену упоминается о болезни А. А. Серно-Соловьевича. Это дает возможность установить год написания обоих писем.

[2] О П. И. *Якоби* см. на стр. 29 настоящего тома.

[3] Речь идет о кассе взаимопомощи, организованной эмигрантами в Женеве. Мечников был избран распорядителем этой кассы. В сентябре 1866 г. касса была упразднена, а оставшиеся в ней деньги переданы в организованный при редакции «Колокола» «Общий фонд» (см. XIX, 64).

[4] О какой заметке Мечникова идет речь, определить трудно. Неизвестно также, была ли она напечатана.

[5] В 1865 г. за подписью Мечникова или под каким-либо из известных нам его псевдонимов статьи в «Колоколе» не появлялось.

[6] Герцен воспользовался этим сообщением Мечникова, отозвавшись на него заметкой в л. 206 «Колокола» от 15 октября 1865 г. (см. XVIII, 237).

2

ГЕРЦЕНУ

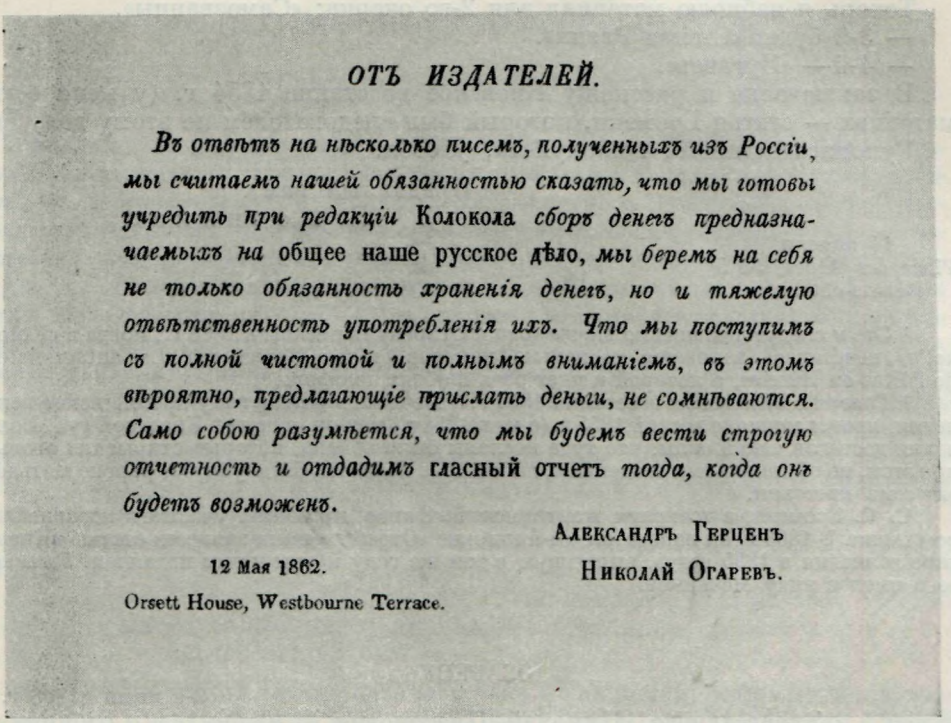
⟨Женева. 17 сентября 1866 г.⟩

Очень рад, что попал впросак со своими предположениями. Я должен разъяснить еще одно только маленькое недоразумение: я не роль распорядителя, исполненную дрязг и пр., предлагал Наталье Александровне, а роль проверителя, и то в той только уверенности, что роль эта ограничится чисто арифметической проверкою. Добрая ссора лучше худого мира именно потому, что кого мы не любим, то не любим откровенно и пользуемся от них такою же откровенной взаимностью, — именно поэтому-то мы и надеемся обойтись без ссор. А впрочем, как знать? [1]

Я слышал много разных суждений о вас, но ни одного такого, которое бы могло помешать мне повторить вам все, что я говорил прежде, и так же

искренно, как прежде. Не стану повторять, потому что, конечно, ваше право отказаться и свято само по себе и весьма достаточно мотивировано. — 100 fr., должные мною Александру Александровичу [2], я внесу в кассу, как вы пишете.

Совет ваш — идти до нового года так, как есть (или же до другого срока — пока не окажется, что так идти не следует), мне кажется весьма



ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи Колокола *сборъ денегъ предназначаемыхъ на* общее наше русское дѣло, *мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ вѣроятно, предлагающіе прислать деньги, не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ* гласный отчетъ *тогда, когда онъ будетъ возможенъ.*

Александръ Герценъ

12 Мая 1862. Николай Огаревъ.

Orsett House, Westbourne Terrace.

ИЗВЕЩЕНИЕ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА ОБ ОСНОВАНИИ «ОБЩЕГО ФОНДА» ПРИ РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА», 12 МАЯ 1862 г.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

благоразумным. Я сообщу его другим, а также и добавление секретного параграфа.

Не знаю, известно ли вам, что в Женеву явились два русских шпиона: Gilbert и Meunier? [3] Будьте здоровы и благополучны.

Л. Мечников

Женева
17 сентября.

[1] Автор имеет в виду ту же кассу взаимопомощи русских эмигрантов в Женеве, о которой упомянуто в письме № 1 и примеч. к нему. В этой кассе были обнаружены злоупотребления, вызывавшие ссоры между эмигрантами. Из настоящего письма явствует, что некоторые эмигранты предлагали обратиться к дочери Герцена, как к лицу беспристрастному, и просить ее взять на себя проверку состояния кассы. Вот почему Мечников и написал Герцену публикуемое письмо. Очевидно, Герцен, желавший оградить дочь от эмигрантских дрязг, не позволил ей согласиться на сделанное ей предложение. Нет сомнения, что это письмо написано незадолго до ликвидации кассы (в конце сентября 1866 г.). Этим и определяется год написания письма.

[2] *Александр Александрович* — вероятно, А. А. Серно-Соловьевич, но, может быть, и А. А. Герцен.

[3] О *Жильбере* и *Меньe* никаких сведений найти не удалось.

3

ОГАРЕВУ

(Женева. 14 апреля 1868 г.)

Здравствуйте, Николай Платонович!

Препровождаю вам 1-й свой очерк [1]. Будьте добры, прочтите, а по прочтении уведомьте — так ли?

Теперь я набираю материал для 2-го очерка: «Самозванцы».

— 3-й будет «Степан Разин».

— 4-й — «Пугачев».

В заключение я расскажу Киевское восстание 1854 г. (у меня есть материал — статья Громеки, который был следователем по этому делу [2]).

Рукопись оставьте, пожалуйста, у себя.

Преданный вам
Л. Мечников

14 апреля
Place des Alpes, № 5
Rez-de-chaussée.

[1] Это и следующее письмо Мечникова к Огареву написаны в 1868 г., когда в «Kolokol'e» печаталась занявшая несколько номеров статья Мечникова «Les antagonistes de l'Etat en Russie», о которой и идет речь в обоих письмах.

[2] Говоря о «Киевском восстании 1854 г.», Мечников имел в виду крестьянские волнения, происходившие весной 1855 г. (а не в 1854 г., как он пишет) в Киевской губ. Волнения достигли такой силы, что туда посланы были войска, которые открывали огонь; при этом, по официальным сведениям, далеким от полноты, было убито и ранено пятьдесят семь крестьян.

С. С. Громека, в то время жандармский офицер, принимал участие в подавлении восстания. В 1863 г. он напечатал в 4-й книжке «Отечественных записок» статью «Киевские волнения в 1855 году», выщедшую в том же году и отдельным изданием. Именно ее и имел в виду Мечников.

4

ОГАРЕВУ

9-е июня (1868 г.)

Здравствуйте, Николай Платонович.

Сверх чаяния мне оказываются очень нужны деньги: не можете ли вы уплатить мне за напечатанную в «Колоколе» часть моей статьи?

Продолжение я дам около 15-го. У меня задержка за костомаровским «Смутным временем» [1], которое нигде не могу достать. В крайнем случае обойдусь и без него, но не хотелось бы.

Извините, что утруждаю просьбою.

Как ваше здоровье?

Жму вашу руку.

Преданный вам
Л. Мечников

[1] Книга Костомарова была нужна Мечникову для второго отдела его работы, посвященной «самозванцам». Ознакомившись с этим отделом, Герцен писал Огареву: «Мечникова статья хороша, но если б он меньше полемизировал и отвечал Костомарову, было бы лучше. *Рассказ* нужен для Европы, *изложение фактов*, а до Костомар(ова) ей дела нет» (XX, 273).

П. С. МОШКАЛОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор публикуемого письма — эмигрант-революционер Павел Сергеевич *Мошкалов*, сын смотрителя уездного училища в г. Николаеве. Окончив херсонскую гимназию, он поступил в 1858 г. в Петербургский университет. В 1861 г. за участие в студенческих волнениях Мошкалов был арестован и заключен первоначально в Петропавловскую крепость, а затем в казематы Кронштадта, где пробыл около двух месяцев. В 1862 г. Мошкалов написал прокламацию «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти» (XV, 82—83) и напечатал ее в тайной типографии, организованной в Петербурге его другом П. Д. Баллодом. Прокламация эта явилась негодующим откликом на брошюру, выпущенную агентом русского правительства Шедо-Ферроти (бароном Ф. И. Фирксом) и направленную против Герцена. Отпечатав прокламацию, Мошкалов уехал за границу. В России он был привлечен к суду и заочно приговорен Сенатом к вечному изгнанию. В Швейцарии Мошкалов работал переплетчиком. Переехав в Нью-Йорк, он в 1868 г. сделался корреспондентом газеты «С.-Петербургские ведомости», а в 1871 г. выхлопотал себе амнистию и возвратился в Россию.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 129).

(Женева. 17 октября 1865 г.)

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Не желая, чтобы на мне осталась тень подозрения, злоумышленно выдуманного Касаткиным, в моих будто бы приятельских сношениях с здешним русским священником, считаю нужным вас уведомить и готов даже объявить в «Колоколе», если это окажется нужным, что я никогда не был не только в дружеских, но даже в хороших отношениях с русским священником. С приезда вашего в Женеву я его в глаза не видел, и все прежние сношения с ним ограничивались только тем, что он давал мне работу.

Если все сплетни Касаткина следует приписывать его болезненному состоянию, то на каком же основании этот всем неприязненный человек пользуется у вас таким доверием? [1] И почему же никто у него не спросил и не потребовал доказательств и фактов, на которых он основывал мои приятельские отношения с попом?

Рассчитывая, Александр Иванович, на ваше беспристрастие, прошу убедительно вас разобрать это дело. Пусть же, наконец, все убедятся, что этот физически больной человек, взведший на меня подобное обвинение, есть в то же время и *нравственно* больной.

Примите уверение в преданности вам.

П. Мошкалов

17 октября 65
Rue Pradier, 11

[1] Неприязнь между Касаткиным и «молодой эмиграцией» началась еще в 1863 г., когда Касаткин совместно с В. И. Бакстом и А. Ф. Стуартом принимал участие в организации русской типографии в Берне. Посетив в конце 1863 г. Женеву, Герцен убедился, что «Касаткин—мелочный человек» и что другие эмигранты «страшно озлоблены против него» (XVI, 538). Это не отразилось, однако, на отношении Герцена к Касаткину: Герцен продолжал доверять ему, ценя его деловые способности.

В. Ф. НАГЕЛЬ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор настоящего письма Владимир *Нагель* (1843 — ?) — сын купца Франца Нагеля, гамбургского уроженца, переселившегося в Россию и перешедшего в русское подданство. Сам же Владимир Нагель остался в шведском подданстве (эти сведения заимствованы нами из справки, полученной редакцией «Литературного наследства» от Государственного исторического архива Ленинградской области). В начале шестидесятых годов Нагель учился в Гейдельбергском университете, где сблизился с местной русской колонией. Вместе с другими русскими студентами-гейдельбержцами он участвовал в организации русской читальни, являвшейся, по существу, политическим клубом, а затем — в литографировании и распространении написанного Огаревым адреса царю с требованием созыва Земского собора. Окончив университет, Нагель возвратился в Россию. В 1866 г. его привлекли к дознанию по делу о Гейдельбергской читальне и, как иностранного подданного, выслали за границу. На допросе Нагель рассказывал: «В читальню принимались только люди известных убеждений, т. е. либералы, а не москвичи, как их называли, т. е. люди, желавшие продолжения крепостного права. В читальне происходили частные беседы о крепостном праве, о том, что следует раздать всю землю народу — многие были за, многие против». К концу 1862 г., добавил Нагель, устав читальни был изменен, и она стала «просто cabinet de lecture, а не клуб людей известных убеждений» (ЦГИАМ, фонд Следственной комиссии, дело № 311, 1866 г. — «О Гейдельбергской читальне», лл. 211—214).

Из публикуемого ниже письма Нагеля видно, что он поддерживал связи с русской политической эмиграцией. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 129).

⟨Гейдельберг. Вторая половина 1867 г.⟩

Русский эмигрант, Владимир Борисович Нагель, просит Александра Ивановича Герцена одолжить ему из фонда на очень короткое время сумму не менее двадцати франков.

Шведский подданный, но русский душой, хотя не телом

Владимир Нагель

Адрес: Heidelberg, Mandelgasse, 3.

Надеюсь вскоре лично пожать вам руку.

Если видитесь с г. Якоби [1], мой дружеский поклон ему. Он меня, вероятно, вспомнит. Надеюсь, что не заподозрите меня в шпионстве [2]. Я здесь с 21 августа 1867 г., приехал из Стокгольма, куда привезен был вахтмейстером выборгской тюрьмы Линдбергом, 15 июня 67 г. и в тот же вечер освобожден. Историю моего годичного ареста, содержание меня 3 месяца в сумасшедшем доме расскажу вам при свидании или пришлю рассказ для помещения в «Колоколе». Теперь я занят делом любви, а не ненависти.

Мне двадцать четыре года.

[1] О П. И. *Якоби* см. на стр. 29 настоящего тома. Нагель был знаком с Якоби по Гейдельбергскому университету.

[2] Эмиграция того времени настороженно относилась к приезжим из России.

ВЛАДИСЛАВ НЕГОЛЕВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Публикация И. М. Белявской

Публикуемое ниже письмо подписано фамилией Неголевский, без инициалов. Судя по содержанию письма, автором его является видный политический деятель в герцогстве Познанском — Владислав *Неголевский* (1819—1885). Известно, что он принимал активное участие в национальном движении в период Краковского восстания 1846 г. и революции 1848 г. Неголевский участвовал также в восстании 1863 г., за что был арестован прусскими властями и просидел в крепости три года. По-видимому, поражение восстания 1863 г. сказалось на эволюции взглядов Неголевского, так как в семидесятых и восьмидесятых годах он целиком ушел в парламентскую деятельность, являясь членом «польского коло» (фракции) в германском рейхстаге. Следует отметить, что Неголевский до конца своих дней выступал в защиту национальных прав поляков.

При каких обстоятельствах и когда завязалось знакомство Неголевского с Герценом — установить не удалось. Неизвестно также и как долго оно продолжалось.

Письмо печатается по автографу Центрального государственного литературного архива (ф. 129, оп. 1, ед. хр. 105).

Перевод с французского:

Рейнецкие воды, Силезия, Глацкое графство
27 июля 1855 г.

Милостивый государь!

Я очень огорчен тем, что не смог ответить ранее на ваше письмо от 15 июня из Чельмонт-Лоджа: грудная болезнь, мучащая меня с начала года, помешала мне сделать это, и я прибыл сюда, на рейнецкие воды, чтоб найти хоть некоторое облегчение от душащей меня астмы; я думаю остаться здесь до конца будущего месяца. Ваше письмо, милостивый государь, доставило мне живейшую радость, и чтение его было мне тем более приятно, что я нашел в нем явное доказательство и подтверждение политической аксиомы:

«Польша будет свободной».

Когда настоящие сыны России соглашаются с этой истиной, наши страдания не так остры и раны не так мучительны. Я не получил листовки [1], о которой вы мне сообщаете в своем письме, — она, несомненно, была перехвачена теми личностями, которые почитают своим долгом препятствовать всяким сношениям между поляками и сочувствующими им людьми; но им не удается этого достигнуть, чему доказательством служит то, что вы, милостивый государь, будучи русским, сумели ускользнуть от надзора их церберов.

Я очень польщен тем, что моя брошюра [2] получила ваше одобрение; она достигнет своей цели, если удастся доказать, что успех венчает и завершает начинания, вдохновляемые преданностью. Ей обязан я также тем, что вы ознакомились с моею мыслью; вы, посвятившие свою жизнь свободе, свободе наций, вы не можете остаться безразличным к вопросу о независимости Польши: нации солидарны—им суждена либо свобода, либо рабство.

Я очень хотел бы прочесть ваши последние публикации и продолжить столь интересное знакомство с вами. Итак, я прошу вас, милостивый государь, прислать мне ваши последние работы через моего сына, находящегося сейчас во Франции, в Нофле, замке близ Гриньона, где помещается агрономическая школа, в которой мой сын хочет пройти курс. Его адрес: «Г-ну Сигизмунду Неголевскому, в замке Нофль, Франция, Сена и Уаза». Он найдет средство переправить их ко мне, ибо иначе их постигнет та же судьба, что и листовку, которую вы хотели мне переслать.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в моих братских чувствах, с убеждением, что дружба между поляком и русским — самая верная гарантия свободы для обоих народов и доказательство, что их дело не может быть разъединено.

Прощайте, милостивый государь, не покидайте же пути, на который вы вступили, вещайте миру истину без оговорок, никогда не забывайте, что истина — это путь свободы, и примите уверения в моем глубоком уважении.

Неголевский

[1] По всей вероятности, имеется в виду объявление «Imprimerie russe à Londres» («Русская типография в Лондоне»), изданное в виде листовки. Объявление (в нем говорилось и о Польше) широко распространялось Герценом весной и летом 1855 г.

[2] О какой брошюре Неголевского идет речь — установить не удалось.

В. Ф. НЕФТЕЛЬ — ОГАРЕВУ

Публикация И. М. Бархаша

Василий Федорович *Нефтель* (1829—1906) — врач, лечивший Огарева и семью Герцена (см. «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой. Л., 1929, стр. 309—311).

Нефтель родился в Риге, в купеческой семье; в 1852 г. он окончил Медико-хирургическую академию в Петербурге и после двухлетней службы в госпиталях под руководством Н. И. Пирогова и С. П. Боткина принял участие в Крымской кампании в качестве военного врача.

В 1861 г. Нефтель уехал за границу и остался там, продолжая изучать медицину в Берлине, Париже и Лондоне. В 1864 г. он переехал в Америку и с 1868 г. окончательно поселился в Нью-Йорке. Один из наиболее квалифицированных врачей своего времени, Нефтель пользовался у пациентов большим авторитетом и доверием.

Был ли Нефтель до эмиграции связан с революционными кругами русской интеллигенции — неизвестно. Неизвестно также, почему Нефтель уехал из России.

В публикуемом письме к Огареву от 7 февраля 1870 г. он сам заявляет, что своим идейным и политическим развитием был обязан Герцену.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, 5770, оп. 1, ед. хр. 158). См. также ниже в настоящем томе аннотации к остальным письмам Нефтеля.

1

Liverpool, England
6 мая 1867

Любезный Огарев. С тех пор как я уехал в Америку, я прекратил все сношения с Россией и русскими, с тех пор не читал еще ни одной строки по-русски, — так что, вероятно, забыл русскую орфографию. Поэтому можете себе представить, как я обрадовался вашему письму. Предо мной вдруг воскрес целый ряд воспоминаний, давно забытые мечты и обманутые надежды, и я долго, долго не мог придти в себя. Но расскажу вам лучше свои похождения. По приезде в New-York я совершенно было растерялся, не знал, с чего начать; да и сам город и его население произвели на меня дурное впечатление. К тому же заболели жена и ребенок. Тогда, не думая ни минуты, пока еще не истощились последние гроши, мы пустились дальше на запад и поселились в Цинциннати, городе с 250 000 жителей, с большими фабриками и цветущей торговлей. После излечения нескольких трудных больных, несправедливо считавшихся неизлечимыми, и после нескольких удачных операций (американцы судят о достоинстве врача только по успешному и скорому лечению — другого критерия у них нет) я очень скоро не только приобрел самую большую и люкративную * практику в городе, но и из других штатов стали многие приезжать ко мне за советом. Приходилось очень сильно работать, и я во все время моего пребывания в Цинциннати ни разу не выспался, так что здоровье мое значительно пострадало. Если б у меня было побольше

* прибыльную, доходную (от франц. «lucratif»).

выдержки и я мог бы остаться безвыездно еще несколько лет в Цинциннати, то я и мое семейство были бы обеспечены в денежном отношении на всю жизнь. Но мы решительно не в состоянии выдержать больше и рвемся в Европу, чтоб отдохнуть, освежиться от этого непрерывного struggle for life *. В Америке все так различно от того, к чему мы привыкли с детства, — от климата до нравов, — что никак нельзя привыкнуть сразу. Мы останемся в Европе до сентября (в Берлине, Вене, Лондоне и Париже). В Ливерпуле я нашел у доктора Роде два номера «Колокола»: они произвели и приятное и грустное впечатление. Я тут в первый раз узнал, что в России суд присяжных etc., но тут же читаю имена Адлерберга, Каткова, Тульчинская агенция, Мартьянов в каторге [1]. Как медленно Россия подвигается вперед!..

В последние годы, любезный Огарев, я часто с большим успехом употребляю в эпилепсии большие приемы бромистого калия (bromkalium); не попросите ли кого-нибудь из знакомых врачей давать вам это средство? Мой искренний поклон вашим, Александру Ивановичу и его семейству. С большим удовольствием прочитал я его письмо Тургеневу[2].

Преданный вам

В. Нефтель

[1] Сообщение о судьбе П. А. Мартьянова Нефтель мог прочитать в статье Герцена «Жаль», напечатанной в л. 239 «Колокола» от 15 апреля 1867 г. (XIX, 267).

[2] О каком письме идет речь, с достоверностью сказать нельзя. Возможно, Нефтель ошибся, имея в виду письмо Герцена не к Ивану Сергеевичу Тургеневу, а к Ивану Сергеевичу Аксакову, появившееся в л. 240 «Колокола» от 1 мая 1867 г. (XIX, 278—291). В этом письме Герцена речь идет также о Каткове и «Тульчинской агенции», которые упоминаются Нефтелем.

2

126 West 42d St.
New-York. 7 февраля 1870

Любезный Огарев.

Сейчас прочел я в газетах, что Герцен умер.

От всей души разделяем ваше горе. Я никогда в жизни не встречал личности симпатичнее его, и время, проведенное мною в его обществе, навсегда останется лучшим моим воспоминанием.

История отдаст ему справедливость. Он был единственный человек, разбудивший Россию от летаргического сна, и я вместе со всеми другими чувствовал над собой его могущественное влияние. Ему обязан я, — и я уверен вся новейшая генерация России,— своим политическим и религиозным развитием[1].

При всем нашем горе утешаюсь мыслью, что со смертью Герцена прекрасная его личность выступит рельефнее, пред которой даже низкие враги его должны будут умолкнуть.

Преданный вам

В. Нефтель

[1] Нефтель имеет в виду *идейное* развитие.

* борьбы за существование (англ.).

("L'AVENIR", par N. Ogaref dédiée à la mémoir d'A. Herzen).

БУДУЩНОСТЬ.

(Посвящается памяти А. Герцена)

"Мы памятникъ иной тебѣ поставимъ
Движенье народной русской воли!"

Первый листъ *Колокола* 1857 года начался программой:

"Освобожденіе слова—отъ цензуры!
Освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ!
Освобожденіе податнаго состоянія—отъ побоевъ!"

Въ томъ-же году Александръ II, въ рѣчи къ Московскому дворянству, говорилъ: "Господа, лучше чтобъ *эти* перемѣны сдѣлались сверху нежели снизу".

Прошло съ тѣхъ поръ 13 лѣтъ.

Много совершилось печальнаго. Перемѣны сверху оказались ложью; остается только дѣлать перемѣны снизу.

Главный дѣятель *Колокола* — Александръ Ивановичъ Герценъ — сошелъ въ могилу. Я не стану говорить на сколько велика эта потеря. Для этаго я посвящу особыя статьи. Здѣсь я скажу только, что русское слово лишилось своего лучшаго дѣятеля. А продолжать его работу, я считаю нашей обязанностью.

Теперь главный вопросъ въ томъ — какая можетъ быть постановка нашей работы? Ее я и хочу опредѣлить.

Русскія перемѣны сверху—оказались такими-же ничтожными, какъ и всякія другія перемѣны сверху. Перемѣну, или лучше сказать — переворотъ, можетъ сдѣлать только тотъ, кто его въ самомъ дѣлѣ хочетъ, кому онъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ потребность, т. е. народъ, большинство, масса. Иначе — это всегда выйдетъ обманъ. Что подразумѣвалъ Александръ II подъ словомъ—"*эти* перемѣны?" — Это были только маленькія подачки для народа, которыя даже не могли удовлетворить и помѣщиковъ. Разорилось все. Увеличились въ невѣроятномъ объемѣ — только подушныя подати. Ихъ взвалили на все что возможно. Стало, мужикъ — равно помѣщичій и казенный — ждетъ еще разъ своего освобожденія. Но его онъ можетъ достигнуть уже только снизу. Онъ-же стоитъ за свое общинное (соціалькое) владѣніе, между тѣмъ какъ чиновничеству

помѣщичеству и вообще императорству — его хотѣлось бы разрушать. Это очевидно изо всѣхъ правительственныхъ распоряженій и изъ всѣхъ буржуазно-полицейскихъ газетъ.

Что-же мы поставимъ во главѣ нашего начинанія?

Мы можемъ поставить только слѣдующіе вопросы:

1) Народъ требуетъ земли и воли. Взять онъ можетъ всю свою землю и всю свою волю — только самъ, то есть снизу, а не сверху. Верхъ — обманщикъ. Верхъ — помѣщикъ, верхъ — чиновникъ, верхъ царь. Тотъ самый царь, который нашего друга—мужика Мартьянова умориалъ на каторгѣ за его страшную ошибку, за вѣру въ земскаго царя. Свою землю и волю отстоять можно только самому народу, то есть — снизу. А тамъ и посмотримъ что будетъ. Конечно уже хуже не будетъ.

2) Вся земля русская — земля народная, земля мужицкая, земля общинная, земля тѣхъ, кто на ней работаетъ. А людей, которые живутъ на чужой трудъ — намъ не нужно; ихъ надо долой. А не хотятъ идти вонъ — пусть сами идутъ въ крестьянскую общину и возделываютъ такой-же поземельный участокъ, какъ и всѣ крестьяне.

3) Также и фабричная работа должна быть общинная (артельная). Работай кто сможетъ и получай свой удѣлъ. А хозяева пусть сами поступаютъ въ рабочіе, или идутъ вонъ.

4) Чиновниковъ намъ не надо; старшинъ, назначаемыхъ правительствомъ намъ не надо; правительства царскаго или какого иного намъ не надо. Управлять могутъ только выборные народомъ люди.

5) Судить могутъ тоже только выборные народомъ люди.

6) Будетъ-ли Россія сплочена въ одно государство, или раздѣлена на области, на удѣлы — это для насъ равнодушно. Мы даже лучше хотимъ, чтобъ она раздѣлилась на области, изъ которыхъ каждая вольна управляться какъ знаетъ, лишь бы не было царя-императора, а только выборное управленіе снизу.

7) Рекрутства не надо, а только въ случаѣ неизбѣжной войны — ополченіе. Народъ лучше съумѣетъ отстоять свою самостоятельность, чѣмъ всякіе Суворовы, которые все-же войско гнули въ полицейскій сказъ.

Мы отъ выше сказанныхъ правилъ не отстанемъ. Примыкайте — кто хочетъ и сплотимтесь дружно! Еще разъ повторяемъ возваніе Герцена, что мы зовемъ живыхъ: vivos voco!

Н. Огаревъ.

Genève. —Impr. Czerniecki.

ЛИСТОВКА ОГАРЕВА «БУДУЩНОСТЬ». ПОСВЯЩЕНА ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА, 1870 г.
Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ — ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

Публикация Я. З. Черняка

Николай Яковлевич *Николадзе* (1843—1928) — известный грузинский публицист, участник революционно-демократического движения шестидесятых — восьмидесятых годов прошлого столетия. В юности, состоя студентом Петербургского университета и участвуя в волнениях, возникших в университете осенью и зимой 1861—1862 гг., Николадзе встретился, на почве студенческого движения, с Чернышевским, познакомился с ним и в некоторой мере сблизился. В 1864 г., т. е. в возрасте двадцати одного года, Николадзе уехал за границу. Сперва жил в Париже, а с осени 1865 г. — в Женеве. Вопрос о сотрудничестве Николадзе в «Колоколе» и вообще в изданиях Вольной типографии изучен далеко не достаточно. В известной сводке М. М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 601—602) указано, что «еще до выезда за границу» Николадзе «корреспондировал в „Колоколе“ о тифлисских делах». Однако ни одна из таких корреспонденций или статей в сводке не названа. Не смогли покамест и мы установить, какие именно заметки о Грузии или Закавказье, напечатанные в «Колоколе» до середины 1864 г., принадлежат Николадзе. Едва ли их было много. Находясь за границей, Николадзе действительно некоторое время систематически сотрудничал в «Колоколе». Период этого сотрудничества был невелик — приблизительно с апреля по сентябрь 1865 г. Сначала Николадзе посылал свои корреспонденции в Лондон, а после переезда типографии и редакции «Колокола» на континент (апрель 1865 г.) посылал корреспонденции в женевское издание. Так продолжалось до осени того же года, т. е. до переезда самого Николадзе в Женеву. Но как раз приблизительно к этому времени исчерпываются наши сведения о сотрудничестве Николадзе в издании Герцена и Огарева. После 15 сентября 1865 г. нам неизвестна ни одна статья Николадзе, напечатанная в «Колоколе». Напомним те данные о сотрудничестве Николадзе с Герценом и Огаревым в 1865 г., которые имеются в нашем распоряжении. Статьи его печатались либо анонимно, либо за подписью *Рио Нелли* (псевдоним образован от названия реки Рион в Грузии). Они опубликованы в следующих листах «Колокола»: лл. 198 и 199 от 15 июня и 1 июля 1865 г. — «Освобождение крестьян в Грузии»; л. 201 от 15 августа 1865 г. — «Наши будущие адвокаты перед „Московскими ведомостями“»; л. 204 от 15 сентября 1865 г. — «Июньские дни в Тифлисе». Имеются также неподписанные заметки и статьи, касающиеся Грузии, которые М. М. Клевенский в цитированной сводке определяет как принадлежащие «весьма возможно» Николадзе: «Из Грузии»—в л. 196 от 1 апреля 1865 г., «Беспорядки в Тифлисе» — в л. 202 от 1 сентября 1865 г. Из печатаемых ниже писем можно заключить, что заметка «Михаилы и Михаилы Николаевичи», напечатанная в «Смеси», л. 197 от 25 мая 1865 г. (первый женевский лист), составлена отчасти на основании сообщения Николадзе.

Чем же, однако, объясняется прекращение сотрудничества Николадзе в «Колоколе»? Найти ответ на этот вопрос в сфере отношений, сложившихся между Герценом и Огаревым и так называемой «молодой эмиграцией», невозможно. Николадзе находился за границей легально и, сохраняя перспективу возвращения в Россию, держался в стороне от большей части эмигрантов и не участвовал в каких-либо с ними связанных манифестациях. Почвы для столкновений с Герценом и Огаревым *в это время* у Николадзе не было. Проследим, однако, отношения Герцена с Николадзе в интересующий нас период.

Первые упоминания имени Николадзе в письмах Герцена относятся к 17—21 марта 1865 г. Они возникли по следующему поводу. 16 марта 1865 г. Герцен приехал в Париж и здесь, как было условлено с Огаревым, должен был найти Николадзе. Однако точного адреса Герцен не знал. 17 марта он писал Огареву: «Не могу найти адрес Ник‹оладзе›, помню, что Rue de Seine, но нумер,—кажется, 32. Спрашивал у Ут‹ина (Е. И.?)›, ответа нет еще», а вечером того же дня: «...с Николадзе фатум: был на десяти кварт‹ирах›, в Rue de la Seine, от 30 до 40, — нигде не нашел» (XVIII, 58). Видимо придя к заключению, что найти Николадзе будет трудно, Герцен тут же прибавил: «Впрочем, можешь же ты дело отделать и на письме» (там же). 19 марта Герцен пишет: «Письмо от тебя; к Николадзе пойду» (XVIII, 60). Огарев, следовательно, послал Герцену адрес Николадзе и настаивал на личных переговорах. Герцен отправился 20 марта и в тот же день сообщил: «У Николадзе был, не застал, назначил ему rendez-vous» (XVIII, 62). Наконец свидание состоялось, и Герцен о его результатах сообщил 21 марта: «Николадзе у меня. Он от тебя ничего не получал и желает знать, какие именно подробности ты желаешь знать» (XVIII, 63). Это все, что мы знаем о переговорах Герцена с Николадзе.

Из публикуемых писем выясняется, что предстоящее участие в изданиях Герцена было главным предметом переговоров издателей «Колокола» с Николадзе. Вскоре после Герцена Огарев продолжил эти переговоры и лично обсудил с Николадзе конкретные темы его будущих выступлений, выяснил, какие материалы следовало прислать Николадзе для работы, и т. п. (см. письмо от 14 мая 1865 г.). Хотя письма Николадзе в целом критичны по отношению к «Колоколу» и его линии, в них, однако, встречаются в то же время положительные отзывы о публицистических произведениях Герцена; это свидетельствует о том, что почва для возникавшего сотрудничества была все-таки благоприятна.

15 июня 1865 г. Герцен писал Огареву о только что отпечатанной в л. 198 «Колокола» первой половине статьи Николадзе «Освобождение крестьян в Грузии»: «Грузинская статья очень хороша» (XVIII, 146). Через два месяца, 12 августа, Герцен писал Огареву: «Огарев, помни, что к следующему № у меня ничего нет. Я вывез все женевские ‹номера›, теперь заставь себя и Ник‹оладзе›. Долю вещей о процессе ‹Н. А.› Сер‹но›-Сол‹овьевича› можно печатать, и „смесь“ я составлю, но существенной pièce de résistance * нет» (XVIII, 176). Приведенный отрывок доказывает, что в это время Николадзе являлся не рядовым, а близким сотрудником редакции «Колокола».

Речь в письме Герцена шла о будущих, сентябрьских листах «Колокола» (лл. 203 и 204). Но, за исключением небольшой статьи в л. 203, никаких других заметок или статей Огарева в этих листах «Колокола» мы не находим. Лишь одна небольшая заметка принадлежит Николадзе в л. 204. Не значит ли это, что из предложения Герцена ничего не получилось? Не появлялось в «Колоколе» (после л. 204 от 15 сентября) и подписи «Рио Нелли» — Николадзе. Повидимому, летом или осенью 1865 г. произошло что-то, что нарушило союз «Колокола» с Николадзе.

Частичное объяснение причин этого расхождения дают публикуемые письма Николадзе к Огареву. Речь в них идет об очень важной проблеме—критике либеральных ошибок «Колокола» и обоих его редакторов. Центральным моментом, затронутым в переписке, является выступление Герцена в мае 1865 г. с новым «Письмом к императору Александру II», написанным по поводу смерти наследника. Это письмо вызвало критику со стороны многих представителей «молодых» и особенно острую и сильную со стороны Николадзе. Письмо, содержащее первые критические замечания Николадзе по этому поводу, до нас не дошло, но последующая переписка между Николадзе и Огаревым исчерпывающим образом передает содержание возникшего спора.

Напомним прежде всего, что до появления письма Герцена в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г. отношения между Николадзе и редакцией «Колокола» можно определить как вполне дружественные. После мартовских переговоров Герцена с Николадзе последовали в начале апреля личные переговоры Огарева с Николадзе.

* основной статьи (франц.).

Переговоры эти происходили в Париже, где Огарев остановился по пути в Женеву, и касались задуманного редакцией «Колокола» издания сборника (несостоявшееся возобновление издания «Полярной звезды»), к участию в котором Огарев считал необходимым привлечь Николадзе. В конце апреля Николадзе, находившийся в стесненных обстоятельствах, обратился к Герцену и Огареву с просьбой дать ему взаймы денег и получил тотчас из «Общего фонда» сто франков (см. письмо от 14 мая 1865 г.). Эта помощь позволила Николадзе продержаться и подготовиться к переезду в Женеву «года на три», как он пишет в одном из писем (см. письмо от 25 апреля 1865 г.). Апрельское и майское письма Николадзе доказывают, что между ним и редакцией «Колокола» существовала полная договоренность о сотрудничестве. Но вот появляется письмо Герцена к Александру II. Тотчас же Николадзе пишет из Парижа письмо, не дошедшее до нас, но которое Николадзе сам после цитирует (см. приписку к письму от 12 июня 1865 г.). Повинуясь первому впечатлению, Николадзе заявлял Огареву, что письмо Герцена «может ввести в заблуждение многих»: «Я писал, что неужели он ⟨Герцен⟩ не разочаровался еще в е⟨го⟩ в⟨еличестве⟩, я ставил этот вопрос, нимало не подозревая в Герцене такого ослепления». Огарев, отвечая Николадзе, пытался доказать, что и этим письмом Герцен борется за сочувствие «большинства» подлинной социальной революции. В ответ на это письмо Огарева 12 июня 1865 г., т. е. через две недели с небольшим после появления статьи Герцена, Николадзе набросал публикуемую ниже характеристику «Колокола» и остановился на его колебаниях, связях с либеральными элементами, его иллюзиях и ошибках. В этом письме много справедливого, хотя общее отношение автора к самой роли «Колокола» в 1860—1862 гг. явно пристрастно и неверно по существу. Огарев возражал Николадзе не только в личной переписке. Он выступил и в печати. 15 июля 1865 г. в л. 200 «Колокола» появилась его статья «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к NN». Эта статья была обращена именно к Николадзе и в некоторых частях содержала прямые отклики на утверждения Николадзе и его критику Герцена. Посылая Николадзе «Колокол», Огарев, очевидно, предложил перенести полемику в печать. В ответ последовало новое письмо Николадзе — от 22 июля 1865 г., — в котором, отклоняя предложение Огарева, он обосновывал невозможность публичного обсуждения данного вопроса тем, что при этом необходимо будет довольно резко критиковать и революционную молодежь, которую и без того травит во всей реакционной прессе «стая лисиц и во главе ее Катков». Таким образом, полемика не состоялась.

Публикуемые письма Николадзе к Огареву характеризуют источник разногласий, помешавших наметившемуся сотрудничеству.

Мы не касаемся здесь всей дальнейшей истории взаимоотношений Николадзе с Герценом и Огаревым. Хронологические рамки печатаемых документов не позволяют этого, да и самые эти отношения заслуживают отдельного рассмотрения.

Письма публикуются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 94а и 159).

1

ОГАРЕВУ

Paris, 45, rue de Seine
25 апреля 1865.

Я получил ваше письмо сегодня утром [1]; в ответ я могу сказать, что, к сожалению, я никак не мог достать здесь «Положений» [2], по той простой причине, что я не знаком решительно ни с кем из русских. Утина здесь нет, по крайней мере я не видел его со времени его отъезда в Берлин [3]. Что же касается до статьи о крестьянском деле, я постараюсь сделать все от меня зависящее для того, чтобы статья оказалась годною для вас [4]. Пришлете ли вы «Положения» или нет, во всяком случае я пришлю вам статью к 10 мая; только я попрошу вас написать мне размеры места, которое вы намерены отвести в «К⟨олоколе⟩» для этого вопроса.

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ
Фотография, 1870-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Я тороплюсь закончить с этою частью моего письма, чтобы перейти к моему жизненному вопросу. Дело, изволите ли видеть, в том, что я сжат со всех сторон и едва могу жить здесь. Мой батюшка положил условием своего вспомоществования, чтобы я занялся механикой и технологией, так, чтобы я пригодился для какой-то фабрики, которую он устраивает в Кутаисе. Я, конечно, согласился на это и написал уже ему об этом, но пока мой ответ дойдет до Кутаиса и пока в ответ на мой ответ я получу здесь деньги, — пройдет по самой малой мере месяца три, а это целая вечность. В этом положении совершенно простительно ухватиться за соломинку, и так как мне остается только одно средство вывернуться из беды, — я решаюсь на этот шаг, хоть он чрезвычайно тяжел для меня, потому что я рискую потерять ваше расположение ко мне... Но мне не из чего выбирать, тем более, что я знаю, что вы не примете это письмо в худую сторону. Короче, я принужден просить у вас или у г. Герцена в заем франков пятьсот. С этой суммой я могу расплатиться с долгами и прожить до августа месяца, а в эту пору я получу деньги от отца и приеду в Женеву года на три. Я не хочу говорить, насколько вы меня обяжете, если вытащите меня из этого омута...

Можете вообразить себе, с каким нетерпением я буду ждать вашего ответа.

Ваш Н. Николадзе

[1] Письмо Огарева неизвестно в печати.

[2] Николадзе имеет в виду полный текст «Положений» 19 февраля 1861 г., необходимых ему для статьи «Освобождение крестьян в Грузии», над которой он работал. «Положения» были введены в Грузии только в 1865 г. с рядом изменений.

[3] Повидимому, речь идет о Е. И. Утине (его брат, Н. И. Утин, находился в начале мая 1865 г. в Женеве — см. XVIII, 90).

[4] О статье «Освобождение крестьян в Грузии» см. следующее письмо.

2

ОГАРЕВУ

Paris. 45, rue de Seine
14 мая 1865

Если я задержал до сих пор мою статейку, то только потому, что я получил вашу посылку «Положений» только 9 мая. Нечего и говорить, что я едва успел просмотреть эти положения и тотчас же принялся за статейку. Она чрезвычайно слаба, но что же прикажете делать в такой промежуток времени? Что же касается до «Положений», я оставил их у себя, и если вы можете располагать ими еще на недельку, я постараюсь к этому сроку сделать все выписки, нужные мне для будущих занятий, если же их у вас требуют, так я пришлю вам по первому потребованию.

Ваша присылка 100 франков тем более обрадовала меня, что вы прислали эти деньги из Общего фонда; не знаю, как для вас, а для меня это очень важно... Но для меня всего важнее знать, что вы поделываете с «сборником», о котором мы с вами говорили в Париже? [1] Я думаю, что не худо было бы подумать об этом издании, и если вы можете сообщить мне кое-какие подробности о нем, то, пожалуйста, напишите с первым письмом.

Относительно статейки «Об освобождении крестьян», вы меня обяжете несказанно, если потрудитесь снабдить ее или маленьким предисловием, или заметками, в чем она весьма и весьма нуждается [2].

Кстати, я думаю, что если бы вы поручили продажу «Колокола» здешней Librairie Internationale (Lacroix и К°), то это было бы лучше, чем у Герольда, потому что на бульварах больше русских, чем в не посещаемой никем половине rue Richelieu, где находится лавка Герольда. Librairie Internationale, кажется, с радостью согласится на продажу, тем более, что в этом магазине очень много ваших старых изданий, которые продаются так себе. Впрочем, это совершенно второстепенная вещь.

Нельзя ли будет включить в следующий номер «Колокола» одну интересную новость: Михаил Николаевич, наш юродствующий фельдфебель, спас Россию: он открыл какой-то *чудовищный* заговор или тайное общество «Молодой Грузии и Армении». Можете вообразить себе двух-трех гимназистов, двух бывших студентов, говоривших *свободно* об освобождении крестьян и независимости Грузии. Их, вероятно, расстреляют, в этом нет никакого сомнения, если только их не повесили до сих пор. Мне пишут из Петербурга, что по этому делу приезжал в Петербург нарочный с донесением и ожидались аресты между грузинскими студентами. С этих пор (с 10 апреля) я не имею никакого письма из Петербурга. Нельзя ли будет придать этой мухе, раздутой Михаилом Николаевичем в слона, прежний вид мухи? [3]

Крепко жму вашу руку.

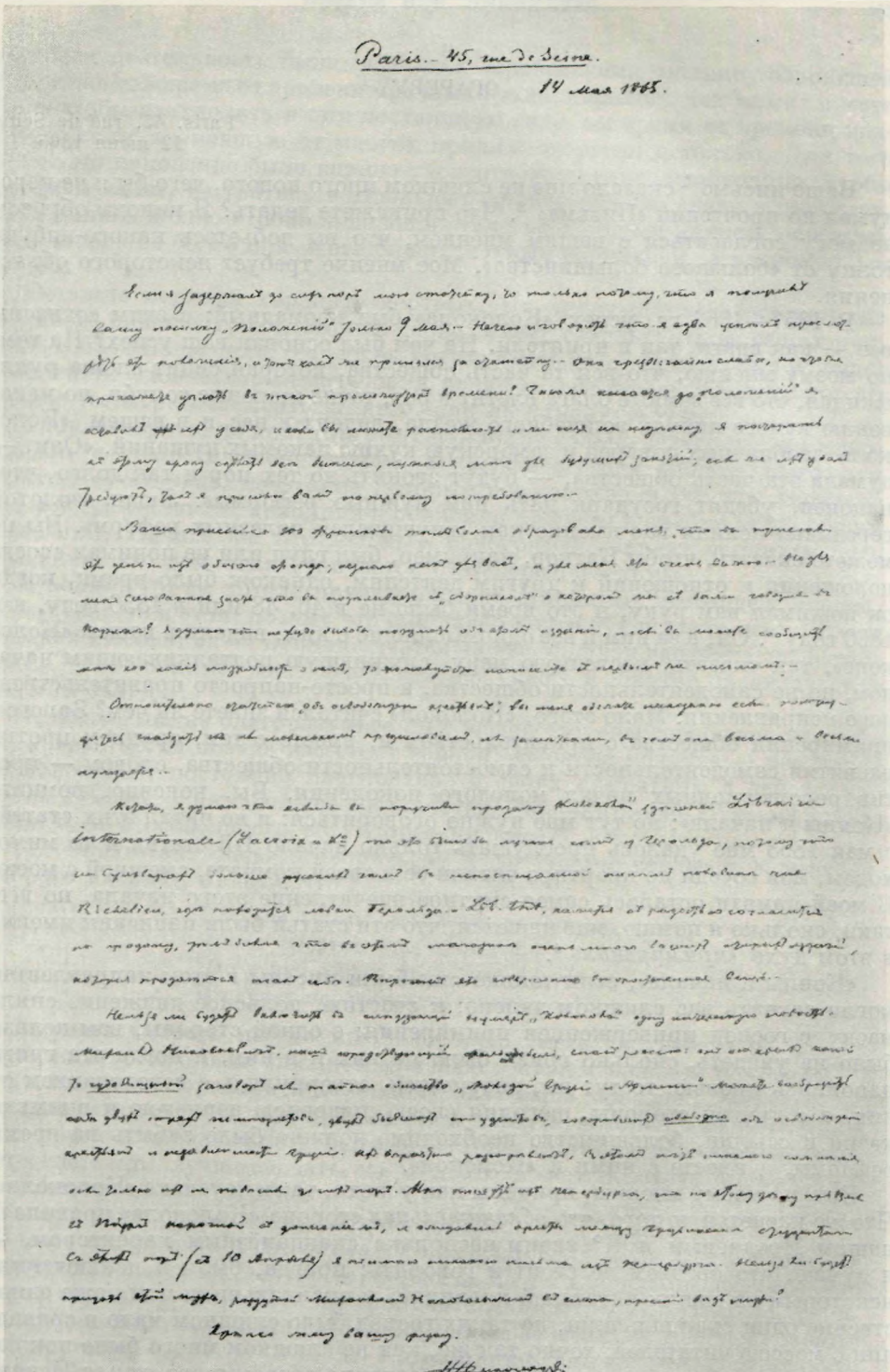
Н. Николадзе

Тороплюсь послать статью сегодня, поэтому мне некогда перечесть ее; извините меня, пожалуйста, за тьму мелких ошибок, которые непременно найдутся в ней.

[1] Относительно возможного участия Николадзе в «сборнике», т. е. в «Полярной звезде», издание которой предполагалось возобновить, Огарев писал Герцену 5 июня 1865 г.: «У Н⟨иколадзе⟩ есть статья или начало брошюры или книги, которое требует выработки и нейдет в „Колокол", а разве в какой сборник» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 405).

[2] При публикации статьи Николадзе «Об освобождении крестьян в Грузии» в «Колоколе» никаких дополнений и примечаний от редакции не последовало.

[3] В конце заметки «Михаилы и Михаилы Николаевичи», написанной, как полагает Лемке, Герценом, воспроизведено это сообщение Николадзе (XVIII, 138—139 и 439).



Paris. 45, rue de Seine.

14 мая 1865.

Если я задержал до сих пор мое отношение, то только потому, что я поджидал Вашу посылку „Положений" Должен 9 мая. — Начало и направление того я буду уметь проследить без помощи, и поэтому ещё не приступал до сих пор. — Она требует: слишком много, но время никакое удобно ли такой продолжительный времени? Только кончатся до положений я вернусь тут же у вас, и тогда Вы можете распоряжаться мною по надобности. Я полагаю что время сроку сейчас для выпуска, нужных мне для будущих занятий, если не тут у вас предметов, тогда я приеду Вам по первому потребованию.

Ваша приписка по французски только больше убеждает меня, что Вы пренебрегаете тут языком обычного оборота, нужного вам для Вас, и для меня тут очень важного. Вы бы мне сообщили какие-нибудь сведения о „Обществе" в которой не от Вас говорили бы порядки! Я думаю что нибудь можно найти об этой издании, и если Вы можете сообщить мне что нибудь подробнее о нем, то пожалуйста напишите об первых же письмах. —

Относительно отдачи „об основании крестьян", Вы меня обязали послать вам некоторые сведения на не напечатанные произведения, их заключали, в том она высока и особы издатели. —

Кстати, я думаю что выгодно бы поручить продажу Колокола (издания „Librairie Internationale (Lacroix & Cie) то это было бы лучше чем у Герцена, потому что Сунбарев больше русский чем в непостоянной книгой поводит чем Richelieu, где поведутся новые Герцена — Lib. Int., которые от разговоров согласятся на продажу, только боюсь что в скором времени очень много будет обращаться издания, которые продаются плохо идут. Впрочем это соображение вы сообразите сами.

Нельзя ли будет выполнить за посредством издателя „Колокола" одну интересную новость. Михаил Николаевич, наш корреспондент французский, сказал мне: что он скоро выйдет по художественной работе на тайное общество „Молодой России и Франции". Можно выпросить оба дела, перед тем отправится, двумя Бедными он удостоверит, говорящий обладает обе основными крестьян и недовольство России. Он возвратно разговаривал, в общей беседе никакого сомнения если только он не повлияет до сих пор. Мне только что телеграфировали, что не хочу ехать на Пасху за границу и отложил до половины, и отправил оригинал между прочими отправлять Сегодня пятница (а 10 Апрель) я получил письмо от Жемчужникова. Нельзя ли будет прислать свой труд, рождённый Михаилом Николаевичем об земле, прежде выхода книги?

Прилагаю вашу фразу.

Н. Николадзе

АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. Я. НИКОЛАДЗЕ К ОГАРЕВУ ОТ 14 МАЯ 1865 г.

Лист первый

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

3

ОГАРЕВУ

Paris, 45, rue de Seine
12 июня 1865

Ваше письмо [1] сказало мне не слишком много нового, чего бы я не передумал по прочтении «Письма» [2]. Что прикажете делать? Я никоим образом не могу согласиться с вашим мнением, что вы добьетесь какого-нибудь толку от «большого большинства». Мое мнение требует некоторого объяснения.

В 1857—1862 гг. успех «Колокола» был громадный; с этим согласны все — как враги, так и приятели. На чем был основан ваш успех? На том, по моему мнению, что вся та часть общества, которая сидит сложа руки, ожидая, что все земные блага влетят в рот, точно жареные голуби, по мановению какого-нибудь волшебного жезла, видела в вас и в вашем «Колоколе» заоблачных поварей и заморскую кухню лакомых кушаний. «Они, — думала эта часть общества, — будут звонить до тех пор и так долго, что, наконец, убедят государя дать нам нужные реформы». Люди «золотой середины» ценили вас именно как «внушителей полезных реформ». Вы не можете сказать, чтобы Катков, например, был глуп или не понимал своего положения и отношений к другим деятелям, однакож было время, когда он пожимал вам руку, и это время было не в 46, 48 или в 1856 году, а в 1860 году [3]. Он, а за ним и все одномыслящие с ним, видели в вашем «Колоколе», так сказать, косвенную меру, служившую подталкивающим началом, но не самодеятельности общества, а просто-напросто правительственного исправления. Мало этого, «Колокол» считался знаете ли чем? Залогом примирения общества с правительством и, вместе с тем, орудием против развития самодеятельности и самостоятельности общества, словом — против революционных начал молодого поколения. Вы, конечно, помните «Концы и начала»; но тут мне нужно оговориться: я не читал этих статей; с мая 1863 мне удалось прослушать только начало 1-й статьи и то мимоходом, мои соседи по квартире читали ее в своей комнате, смежной с моею. В моей памяти осталось самое смутное впечатление этого начала, но все-таки, сколько я помню, мне кажется, что эти статьи были написаны именно в этом духе «*примирения*» [4].

«Концы и начала», если только они были писаны в этом направлении, могли загнать вас слишком далеко; к счастию, польское движение сняло маску с господ приверженцев примирения: с одной стороны, вам нельзя было не увидеть, сколько грязи было на них и в них, и когда эта грязь напоилась кровью, то тут вы, разумеется, отвернулись с негодованием от них, а с другой стороны, щеголяя своею душевною чернотою и вызывая казни и ссылки, большинство необходимо должно было забыть на время реформы, а вместе с ними и «Колокол».

Вот, по моему мнению, причины как успеха, так и неуспеха «Колокола». Что же касается до того, что *обличительная* сторона «Колокола» нравилась нашим Ноздревым и К° своим несколько скандалёзным характером, — я думаю, что об этом не стоит и говорить: правда, были и исключения, некоторым из ваших читателей нравились и скандальчики или даже единственно одни скандальчики, но таких господ было слишком мало в сравнении с массою читателей, точно так же, как не слишком много было исключительно платонических поклонников задорно-остроумного *стиля* Искандера. Все эти читатели нимало не составляли общего правила, они были только исключениями.

У вас были и другого рода читатели: это молодое поколение, проникнутое мыслью о необходимости общественной *инициативы* и самодеятельности; оно не было удовлетворено вами, примите это к сведению. Ваша изда-

тельская деятельность была для них проблесками молнии, озарявшей и освещавшей время от времени мрачный туман, царящий над ними; вместо того, чтобы вдохновить в них постоянную *силу*, вы время от времени подстрекали их дремавшую от многих причин энергию, и только. Для того чтобы это поколение было вполне удовлетворено вами, необходимо, чтобы все ваши силы, не тратясь в отдельных проблесках без связи и единства, соединились в одно стройное целое и стали постоянным маяком, освещающим дорогу не более или менее блистательным мерцанием, а равномерным светом.

Оставьте мертвым хоронить мертвых. На лицах и телах большинства так много слизкой грязи, что оно снова сумеет ускользнуть из ваших рук, как в 1863 г. Ваша сила, — если вы хотите иметь ее, — находится в молодом поколении: удовлетворите его, и я ручаюсь вам своею головою, что вы можете тогда рассчитывать на него, как на каменную гору.

Удовлетворить, но как? Для этого нужны не только «исторические монографии» и «теоретические статьи», а прежде всего и главнее всего, так сказать, «*учебники*», печатание которых невозможно в России. Монографии пойдут уж после, пополняя и объясняя пробелы и слабые места общих сочинений. Начать же с отдельных монографий, значит освещать путь урывками, что немногим отличается от теперешней тьмы.

Я понял, что вы хотели призвать ваших старинных читателей; я знаю, что вы успеете в этом, потому что они давно уже ждут первого шагу. Ваша ветреная любовница — публика дуется на вас, ожидая вашей ласки, улыбнитесь — она обнимет вас... чтобы еще раз упасть в объятия правительства или Каткова.

Не лучше ли, не благоразумнее ли с вашей стороны совершенно разойтись с нею, когда позади вас стоит верная, *законная* подруга — все молодое поколение, постоянно благородное в своих симпатиях и действиях. Как вы думаете, у кого больше постоянства? Загляните-ка в «Письма к противнику» и в особенности во «Второе письмо» [5].

Тут опять-таки надо оговориться: я не совсем согласен с мыслью «Второго письма»; правда, что

> Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
> Может смертью еще показать,
> Что в нем сердце не робкое билося,
> Что умел он любить и страдать... [6]

Но уметь умереть еще не довольно, надо уметь употребить на пользу самую жизнь, чего я не слишком признаю в нашем молодом поколении... но тут мы снова вернемся к коренному злу: наша молодежь действует по инстинкту, потому что в непроницаемой тьме, в которой она находится, иначе почти и невозможно действовать. Вина опять-таки падает на недостаток света или, лучше сказать, на тех, кто может осветить дорогу, (но) отказывается от этого труда.

Теперь ваша очередь подумать об этом...

Знаете ли, почему я спрашивал у вас о клубе? [7] Если в нем отыщется человек пять-шесть из *свежих* натур, тогда из него можно сделать все, что хотите; например, первому вы поручите написать очерк того-то, означивши основания, указавши источники или даже и давши общие и главные идеи, другому — другое и т. д. Разговорами, так называемым спором и проч. вы можете создать себе чудеснейших помощников, и все это даром не пройдет. Есть ли у вас надежда на подобный ход дел?

Пожмите от меня руку г. Герцену за его статью «Письмо к путешественнику». Дайте нам таких статей, Александр Иванович, да почаще!

С искренним уважением остаюсь
Н. Николадзе

P. S. Вчера я опоздал отдать письмо на почту и, пользуясь этим, перечел его; я нахожу, что я слишком отклонился от предмета нашей переписки: на «Письмо» Герцена я писал, что неужели он не разочаровался еще в е⟨го⟩ в⟨еличестве⟩, я ставил этот вопрос, нимало не подозревая в Герцене такого ослепления; дальше я говорил, что это «Письмо» может ввести в заблуждение многих. Вы очень хорошо знаете, что теперешний *террор* в России не может продолжиться, его надо будет бросить вместе с Муравьевым и Катковым. Тогда «большинство» подумает, что «ну, слава богу, теперь, мол, все пойдет получше». Один простой факт, что Искандер написал снова письмо к г⟨осударю⟩, способен вызвать в большинстве следующие размышления: «Уж если Искандер, человек и пр. и пр., не устает надеяться, просить и ждать, так нам и подавно нечего торопиться». Это размышление нимало не содействует пробуждению общественной *самодеятельности*, на подготовление которой должен был служить «Колокол». Если Герцен не был в этом случае Поэрием [8], зато он поможет многим сыграть в России эту несчастную роль.

Зачем вы беспокоитесь высылать мне «Колокол»? Это совершенно лишняя трата почтовых марок; я живу недалеко от улицы Ришелье и могу сходить к Герольду. А то вы уж слишком разбалуете меня.

13 июня.

[1] Письмо Огарева в печати неизвестно.

[2] Имеется в виду статья Герцена «Письмо к императору Александру II», напечатанная в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г. (ср. XVIII, 96 — 101).

[3] Герцен писал о том, что Катков, будучи в 1860 г. в Лондоне, говорил ему, что «Колокол» — власть (см. «Апогей и Перигей», главу в «Былом и думах»—XIV, 374).

[4] «*Концы и начала*» — цикл писем Герцена, обращенных к И. С. Тургеневу и опубликованных весной и летом 1862 г. в «Колоколе».

Разумеется, Николадзе, судя «понаслышке» о произведении Герцена, ошибался. Оно было направлено против обветшалого европейского буржуазного либерализма и представляло собой полемику с либеральными взглядами И. С. Тургенева.

[5] «*Письма к противнику*» — цикл статей Герцена 1864 г., направленных против Ю. Ф. Самарина и его реакционных нападок на молодое поколение (XVII, 369—388).

[6] Неточная цитата из «Рыцаря на час» Некрасова.

[7] *Клуб* — славянский кружок, образовавшийся в Женеве.

[8] Карло *Поэрио* — либеральный политический деятель в Неаполе, заточенный неаполитанским королем на десятилетия в тюрьму. Судьба этого либерала, поплатившегося за свои иллюзии, была обрисована в «Современнике» в 1859 г. с необыкновенной ясностью и беспощадным сарказмом Чернышевским (см. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1949, стр. 148—154). Повидимому, отсюда Николадзе и заимствовал свой аргумент против Герцена.

4

ОГАРЕВУ

Paris, 45, rue de Seine
22 июля 1865

К моей величайшей досаде я нахожусь вынужденным снова заговорить о нашей переписке, которую вы великодушно назвали полемикой; я утешаюсь мыслью, что это письмо будет последним в этом роде.

Вы выставляете правительство *силой*, это «известно всякому, даже не выучившемуся этой истине в казематах». Но развитие вашей статьи [1] неминуемо ведет к следующему заключению: так как правительство — *сила*, преданная «ex professo» ложной деятельности, и так как с ним *невозможно* идти рядом, то необходимо идти против. По этой дороге ложная деятельность правительства будет давать на каждом шагу новые и новые силы движению, направленному против него [2].

Я размышлял: смерть наследника вызовет небольшое, чисто фиктивное смягчение железного порядка, тяготеющего над Россиею с начала 1861. Я думал и думаю, что нужен только небольшой толчок для того, чтобы

правительство о⟨т⟩ставило в сторону эшафот и принялось бы за усовершенствованные формы французской системы, словом, употребляя избитое выражение, — чтобы оно оцивилизировалось, нужно было какого-нибудь пустого предлога. Я и не думал настаивать на необходимости казней,—да об этом смешно и говорить,—я желал, чтобы остановка казней и введение в действие цивилизованной системы казней по капелькам не обманули наше общество и в особенности нашу молодежь. Я надеялся, что «Колокол» сказал бы: «Наконец, правительство, дошедши до геркулесовых столбов вопиющей несправедливости и дикой кровожадности, остановилось, *потому что* ему дальше нельзя было идти, дальше идти некуда».

Разве это было бы несогласно с истиной?

А то мне что за дело до того, верит ли Искандер в человеческую натуру г⟨осударя⟩ или нет? В этом деле главнейшая сторона состоит в убеждении общества, что, в случае поворота к лучшему, оно ничем не обязано доброй воле г⟨осударя⟩, что перемена происходит вовсе не от добродушного г⟨осударя⟩ и что, наконец, дальнейших перемен надобно ждать от общественной самодеятельности, а не свыше... Я думаю, что если предоставить все течению времени, то, конечно, все разрешится к всеобщему благополучию... этак лет через тысячу либо две. Я, конечно, совершенно согласен, что ход и развитие исторического прогресса неизбежны, что они поведут к цели, предположенной вами, но ведь это нимало не разрешает вам и всем способным людям отказаться от участия в общественном развитии тем менее, что в этой громадной работе не теряются самые мелкие уроки самых незначительных деятелей. А тою частью вашего письма, где вы говорите, что одна часть общества знает, что делать, а другая не способна ни на что, вы, кажется, подтверждаете только что замеченную странность. К чему тогда издавать «Колокол», к чему издавать или говорить что-нибудь, к чему вообще всякого рода деятельность? Все ведь пойдет по дороге прогресса, вытекающего из прошедшей жизни, а людей ведь не исправишь.

Я объясняю себе эту часть вашей статьи только желанием употребить удачные полемические приемы, иначе я их объяснить себе не могу. Я не могу, кроме этого, ответить вам печатно, да и не хочу, потому что развязка нашей полемики кончилась бы в вашу пользу вследствие невозможности с моей стороны высказать аргументы в мою пользу. Например, не могу же я сказать в печати, что большинство молодежи неразвито, нуждается не то что в руководствах, но в советах, поощрениях и весьма часто в пощечинах. Сказать все это — значило бы, с одной стороны, подрезать себе горло, а с другой — дать противникам нового движения повод издеваться или паясничать, дать им возможность подрыть *ваш* кредит, то есть кредит тех людей, которые стоят во главе движения мысли их рук. Целая стая лисиц, и во главе ее Катков, запела бы молодежи: «Смотрйте, какого жалкого мнения о вас ваши *коноводы*, те люди, которые *приказывают* вам идти на казнь и на каторгу»..., и прочее в этом роде. Конечно, нет сомнения, что лучшие, светлые натуры поймут всю пошлость этого паясничества, но сколько найдется таких людей, которые при ином способе действия могли бы принести некоторую пользу делу, вместо того, чтобы сделаться, из тщеславия и мелкого самолюбия, врагами его? В этих случаях я нужным считаю соблюдать, по возможности, известного рода ménagement * и в гораздо сильной степени, и с большею справедливостью, чем вы с Долгоруким.

Отсюда я перехожу к маленькому вопросу о моей личности, как мне ни противно говорить о ней; эта оговорка или эта вставка вынуждена вашим полемическим приемом, заканчивающим, к слову сказать, совер-

* мягкое обращение (франц.).

шенно победоносно вашу статью: если вы думаете, что считать известное политическое устройство несовместным с развитием общественного строя — значит быть поверхностным поклонником внешней стороны европейской революции, тогда, но только тогда, считайте меня артистом в революции. Во всем остальном я столько же презираю пошлость заграничных революционеров, видящих спасение в изменении присяжной формулы или девизов, или даже династий, даже монархической системы в республиканскую, — как ненавижу наших доморощенных революционеров, стремящихся произвести социальную реформу уничтожением общинного землевладения и введением частной поземельной собственности.

Вы видите, что тут дело идет о мелочах. Коренной же вопрос о «Письме» Искандера достаточно разъяснен между нами, по крайней мере таково мое мнение.

Я не знаю, как пожать руку г. Герцену за его новые «Письма» [3]. Хотя они не могут стать на одну доску с «Письмами из Франции и Италии», но они все-таки помогут разъяснению вопроса для русской публики.

Я думаю, что это главней всего.

Искренно уважающий вас
Н. Николадзе

[1] Речь идет о статье Огарева «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к N. N.» в «Колоколе», л. 200 от 15 июля 1865 г.

[2] Николадзе имеет в виду следующие строки из статьи Огарева: «... заодно с правительством идти невозможно, и его реформы (...) вызовут противоречия, послужат случаями, при которых эти противоречия поведут развитие далее и хотя переворот пойдет по кривой линии, но все же не даст шагу назад».

[3] «Письма к путешественнику» Герцена, которые печатались в мае—сентябре 1865 г. (XVIII, 101—138).

5

ГЕРЦЕНУ

Genève, 31, rue du Rhône
1 октября 1865

Александр Иванович,

Я слыхал от В. И. Касаткина, будто бы г-жа Голицына говорила вам, что их круг не думал отказывать «Колоколу» в материалах для некролога М. Л. Михайлова.

Дело это близко касается меня, как человека, сказавшего вам, что так называемые материалы переданы г. Мечникову с тем условием, чтобы их *не* печатать в «Колоколе». Вследствие этого, я вас прошу разъяснить мне по возможности полнее смысл этого недоразумения. Мало этого, мне нужно ваше письмо, на которое бы я мог опереться.

В полной уверенности, что вы пришлете мне, с этим же комиссионером, письменное объяснение этой непонятной для меня истории, жму вашу руку [1].

Н. Николадзе

[1] Никакого письменного объяснения Герценом «недоразумения», насколько нам известно, не последовало. Письмо Николадзе, без сомнения, находится в связи с появившимся в л. 205 «Колокола» от 1 октября 1865 г. траурным объявлением о смерти Михайлова, заметкой о его смерти («Убили») и обращением «От издателей», в котором Герцен и Огарев просили «всех, имевших сведения о последнем времени жизни Михаила Илларионовича (Ларионовича) Михайлова на Кандинском прииске, сообщить их (...) во всей подробности» (XVIII, 231).

Н. Н. ОБРУЧЕВ — ОГАРЕВУ

Публикация Н. Н. Новиковой

Автор публикуемого письма, известный военный деятель Николай Николаевич *Обручев* (1830—1904), в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов являлся видной фигурой революционно-демократического лагеря. Он был тесно связан с Чернышевским и Добролюбовым, с Герценом и Огаревым. В 1858 г. Обручев редактировал вместе с Чернышевским «Военный сборник»; в истории этого издания именно этот год может быть назван «героическим периодом». Но связи Обручева с руководителями революционно-демократического движения не ограничивались областью литературного сотрудничества — они распространялись и на революционно-конспиративную деятельность. О существовании конспиративных связей между Обручевым и руководителями революционно-демократического лагеря шестидесятых годов свидетельствует несколько фактов. В 1859 г. Обручев был поименован в перечне тех лиц, которых Добролюбов причислял к немногим людям, проявляющим «настоящее сочувствие» делу революции. Мы имеем в виду общепринятую расшифровку обозначения «О» в известной записи от 5 июня 1859 г., сделанной Добролюбовым в дневнике по поводу статьи Герцена «Very dangerous!!!». В бумагах Добролюбова сохранилась рукопись Обручева: черновик прокламации, обращенной к солдатам, а может быть, план беседы с солдатами. На рукописи есть пометка: «Вечером передайте Чернышевскому»* (ИРЛИ. Бумаги Добролюбова. 1703. XI б. 22).

Из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой известно, что Обручев принимал непосредственное участие в составлении статьи-прокламации Огарева «Что нужно народу?» — статьи, которая послужила основой программы будущей «Земли и воли» (см. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 311).

Обручев фигурирует в известном списке III Отделения в качестве офицера, который проповедовал необходимость уважать солдат и вместе с Чернышевским и Н. А. Серно-Соловьевичем был заподозрен в причастности к обществу «Великорусс» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., № 230, ч. 1, стр. 45).

В литературе имеются указания и на другие конкретные факты участия Обручева в революционном движении 1859—1861 гг. Однако эти факты еще нуждаются в дополнительной проверке: свидетельства современников не всегда ясны и достоверны. Так, в результате специального обследования мы отвергаем, например, утверждение, будто Н. И. Обручев был одним из издателей прокламации «Великорусс». В то время, когда в Петербурге распространялась первая прокламация-листок «Великорусс», т. е. в мае—июле 1861 г., Н. Н. Обручев находился в Лондоне; провел он за границей и предшествующий год. Он приехал в Лондон не позднее 10—19 мая 1861 г. и прожил там около трех месяцев. Это подтверждается его письмом к Добролюбову (ИРЛИ. Бумаги Добролюбова. 222/2050. IX — письмо от 21 февраля 1861 г.; журнал «Заветы», 1913, № 2, стр. 95—96) и официальными документами о поездке за границу. Как раз в те месяцы, когда Обручев находился в Лондоне, последовал запрос начальника Главного штаба, адресованный Академии генерального штаба, относительно местопребывания «командированного за границу ⟨...⟩ полковника Обручева».

---

* Второе слово написано неразборчиво. Можно прочесть иначе: «Вечером приезжайте к Чернышевскому».

Запрос был сделан по инициативе петербургского военного генерал-губернатора и ответ на этот запрос подтверждает, что Обручев был в Лондоне, начиная с 19 (а может быть даже с 10) мая 1861 г. (ЦГВИА, ф. 544, оп. 2, дело № 830, лл. 32—33, 62—63). Таким образом, в тот период, когда в Петербурге готовился, а затем распространялся второй номер «Великорусса», т. е. в августе—сентябре 1861 г., Обручев сперва жил в Лондоне (примерно до начала августа), а затем совершал путешествие по Швейцарии и Северной Италии. Официальные архивные документы свидетельствуют, что Обручев возвратился в Петербург 30 октября 1861 г., через Берлин, где он жил с начала октября (ЦГВИА, цит. дело, лл. 67—70). Уехал же он за границу 7 мая 1860 г. Длительное отсутствие Обручева в Петербурге совершенно бесспорно, и потому мы считаем невозможным принять гипотезу о его *близком* участии в создании «Великорусса» (Н. Н. Новикова. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 гг. М., 1951. Диссертация и автореферат диссертации).

Сложность решения вопроса о конкретных формах действительного участия Н. Н. Обручева в революционно-демократическом движении объясняется тем, что дошедшие до нас документальные источники крайне скудны и мало изучены.

Существенно важен поэтому каждый новый документ, относящийся к названным темам. Таким документом является, в частности, хранящееся в «пражской коллекции» письмо Н. Н. Обручева к Огареву от 8 сентября 1861 г.

Находясь с 7 мая 1860 г. по 30 октября 1861 г. за рубежом в служебной командировке, Обручев продолжал поддерживать и укреплять связи с революционными кругами. Он оживленно переписывался с Добролюбовым (который в ту пору тоже был за границей), виделся с ним в Париже (ИРЛИ. Бумаги Добролюбова. 222/2050. X), был посредником в переписке между ним и Чернышевским и переписывался с Чернышевским сам (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 404—405, 408—409, 421; ИРЛИ. Письмо Н. М. Сорокина к Н. Н. Обручеву. 342/2170. X С).

Во время своего пребывания в Лондоне, не позднее мая — июня 1861 г. Обручев познакомился с издателями «Колокола». Кроме их переписки, этот факт подтверждается и «Воспоминаниями» Н. А. Тучковой-Огаревой. «Между прочими соотечественниками, приезжавшими к Герцену, — сообщает она, — помню Обручева. Он мало говорил; казалось, всматривался в деятельность издателей „Колокола“. Вскоре он сблизился с Огаревым и усердно помогал ему в изложении нужд народа в брошюре под названием: „Что нужно народу?“ (...) Обручев прожил довольно долго в Лондоне и в то время относился очень сочувственно к Герцену и Огареву» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 311—312).

Близость между Обручевым и издателями «Колокола» не прекращалась и впоследствии. Из содержания публикуемого письма видно, что оно было далеко не единственным, что между издателями «Колокола» и Обручевым возникла деятельная переписка, прежде всего между Обручевым и Огаревым. Это письмо —ответ на какие-то «вести» от Огарева, полученные Обручевым в Берне и Милане.

Хотя письмо Обручева обращено прежде всего к Огареву, заключительные слова: «горячо жму обоим вам руки» — указывают, что Обручев адресовался не к нему одному, а и к Герцену.

Характерно, что Герцен и Огарев знали не только маршрут Обручева, но и примерные сроки его приезда в тот или иной город. Так, еще не получив от Обручева ответ из Берна, они уже написали ему в Милан, зная заранее, что Обручев должен прибыть туда к этому времени.

В письме от 8 сентября нет никаких намеков на прекращение переписки, напротив, обе стороны, видимо, собирались ее продолжать, о чем свидетельствуют вопрос Обручева («Как быть теперь нам с дальнейшей перепиской?») и те конкретные предложения, которые он излагает в письме, сообщая о своем дальнейшем маршруте, вплоть до Вены.

Публикуемое письмо было отправлено Обручевым после того, как он получил из Лондона 105-й лист «Колокола», вышедший в свет 15 августа 1861 г. Именно в этом листе были напечатаны статьи Герцена и Огарева, о которых пишет Обручев и которых он не мог еще прочесть в Лондоне.

Прежде всего Обручев делится своими впечатлениями от статьи Герцена «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» (написанной по поводу «открытия мощей» Тихона Задонского). Обручев восторженно отзывается об этом боевом выступлении Герцена и даже находит, что «принципал», т. е. Герцен, «помолодел».

Та глубоко сочувственная и взволнованная оценка, которую Обручев дал одному из самых сильных революционных выступлений Герцена, подтверждает, что сближение их произошло на почве революционно-демократических взглядов, присущих обоим. Обращение Герцена к русскому крестьянству, содержащееся в этой статье («О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем ⟨...⟩? Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе...»), взволновало Обручева до слез. Идея революционного освобождения масс, о котором говорит Герцен в заключении статьи, была Обручеву, несомненно, близка. Примечательно, что в своей статье «Памяти Герцена» Ленин полностью привел именно эти знаменитые строки в подтверждение того, что Герцен «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14).

От статьи Герцена Обручев переходит к статье Огарева об административном устройстве крестьян, утвержденном реформой 1861 г. Эту статью он тоже находит очень удавшейся: «И ваш разбор административного устройства отличен». Но вслед за тем Обручев делает одно важное критическое замечание. В одной из глав статьи «Разбор нового крепостного права» Огарев писал: «...власть большинства голосов, без сомнения, самый легкий, но и самый *грубый* способ решения какого бы то ни было вопроса, способ, основанный на материальной силе и не ушедший от того понятия, что „нас больше, стало, мы и поколотим“; а такое понятие равно бессмысленно и в деле истины и в деле блага общего» (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 509). «Но с одним местом я не согласен, — писал

Н. Н. ОБРУЧЕВ
Фотография 1877 г.
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

по поводу этих строк Обручев. — Мы не должны восставать против мысли „*нас более, так мы и поколотим*", напротив, если мы хотим развить силу в народе, мы именно должны твердить ему, что его больше, чего же он не решается поколотить тех, кого меньше и кто его давит».

Замечание Обручева касается одного из важнейших вопросов — вопроса о роли народа в революционном насилии. Обращает на себя внимание это «мы» (хотим, должны): оно показывает, что Обручев не отделял себя от издателей «Колокола». И в то же время он требовал от Огарева большей четкости в постановке этого вопроса, требовал, чтобы революционная пропаганда неустанно воспитывала в массах сознание их собственной силы, сознание возможности «поколотить» своих угнетателей. Именно четкость, определенность отношения к народу и революционному насилию характерны для учеников и сторонников Чернышевского, к числу которых и принадлежал в это время Обручев.

Интересны мысли Обручева о положении народа в Европе и в России: «Какая, однако, повсюду в народе бедность. Не только у нас, а везде ходит он босой, в дырявых шляпах, чуть что не в лохмотьях. И выбиться из нищеты заграничному народу куда труднее, чем нашему. Получи наш только землю — и он покажет тогда Европе, что значат здоровые экономические начала жизни. Только как-то он, бедный, до земли-то родимой доберется?». Эти слова не только свидетельствуют о том, что Обручев глубоко сочувствовал народу и в Западной Европе и в России, что он горячо верил в творческие силы русского народа, они свидетельствуют также и о том, что Обручев в какой-то мере заимствовал у Герцена и Огарева их противопоставление «здоровых экономических начал» России нездоровым западным. Несмотря на свою близость к Чернышевскому, Обручев в данном вопросе, повидимому, стоял не на тех позициях, что Чернышевский.

Касаясь в конце письма политического положения Италии, Обручев высказывает свое сочувствие Гарибальди и насмешливо отзывается о маневрах Виктора-Эммануила II: король пытался обмануть народ, устроив в Милане 7 октября 1861 г. иллюминацию в честь годовщины триумфального вступления Гарибальди в Неаполь. «Вчера Милан был иллюминован (в память Гарибальди), — пишет Обручев, — по улицам ходила вечером военная музыка, посланная, конечно, начальством ⟨...⟩ Народ холоден к знакам сочувствия Гарибальди, подогреваемым правительством; он сочувствует Капрере иным, самостоятельным способом, не имеющим ничего общего с правительством...»

Нет сомнения, что в этих строках письма слышится отзвук бесед Обручева о судьбах итальянского народа с Герценом и Огаревым.

Публикуемое нами письмо оказывается первым и пока единственным документальным доказательством связей редакции «Колокола» с Обручевым — деятелем, близким к революционному центру в самой России — к «Современнику» и его редакторам.

Существенно важное значение публикуемого письма в том и состоит, что оно подтверждает идейную и политическую близость Обручева одновременно к обеим революционным группам — лондонской и петербургской. До сих пор таким доказательством считалось известное письмо Герцена и Огарева от 15—20 августа 1861 г., найденное при аресте Чернышевского. Однако указание Лемке на то, что адресатом этого письма является Н. Н. Обручев, осталось недокументированным и не вышло за пределы гипотезы. (См. в приложении к настоящей публикации сообщение Я. З. Черняка «Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?»).

Возвратившись из-за границы, Обручев принял деятельное участие в хлопотах, связанных с болезнью Добролюбова. Вместе с Чернышевским и Некрасовым некролог Добролюбова подписал Обручев.

В 1861—1862 гг. имя Обручева обращает на себя пристальное внимание III Отделения. В одном из списков, составленных жандармами, оно стоит почти рядом с именем Чернышевского. В 1863 г. Обручев, начальник штаба дивизии и член Комитета «Земли и воли», отказался принять участие в подавлении польского восстания,

лишился из-за этого службы и около года оставался не у дел. В 1864 г. он тяжело заболел и уехал лечиться за границу.

После 1864 г., года роспуска «Земли и воли», мы уже не встречаемся с Обручевым, как с деятелем революционного движения. В дальнейшие годы имя его связано лишь с военной историей России. Он был ближайшим сотрудником Д. А. Милютина в разработке военной реформы 1874 г., автором капитальных трудов по военной статистике, начальником главного штаба русской армии (с 1881 г.).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 194).

МИЛАН. ПЛОЩАДЬ И СОБОР
Раскрашенная литография, 1850-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

8 сентября ⟨1861 г.⟩ Милан

Неделей запоздал я в Берн и в Милан. В обоих был встречен вашими письмами. Только от вас и были письма, более ни от кого. Одному путешествовать куда как скучно; природа хороша, а поговорить не с кем. Без живого человека и природа надоедает. Досадно, что нигде нет у меня знакомых. Вашей рекомендацией в Como [1] воспользоваться не мог. Дилижанс опоздал, приехал в Como вместо четырех часов в 8 вечера; ни лодок, ни карет, ни языка, чтоб разузнать — где, что и как? Я остался в омнибусе, и он провез меня прямо до Камерлаты — до станции железной дороги. Я сел в вагон и на ночь был в Милане. Швейцарией остался очень доволен. Жаль только, что в Берне меня обокрали. У себя в комнате доставал я паспорт из сумки, по всей вероятности выронил билеты (50 фунтов), которые очень хорошо видел утром; как вернулся домой, комната была прибрана с необыкновенным тщанием, но при осмотре сумки билетов не оказалось; горничная же, убиравшая комнату, отправилась на неделю к

родным в деревню и уже успела уехать. Сообразивши, что шансы к исследованию дела мне не благоприятствуют, что как ни хлопочи, а доказать ничего не могу, я предал дело воле божией и поскорей сам уехал из Берна. Потому и вам ничего не писал, хотя и думал, что, пожалуй, за такую неисправность останусь без вестей от вас в Милане. Однако вести оказались.

Принципал решительно помолодел; два раза перечитывал я Тихона и катался со смеху, хотя слеза готова была брызнуть совсем не от смеху. Семга, грузди, Погодин, Филарет и рядом мужик, приклонивший голову к новой раке, синие рубцы освобождения... Это черт знает что такое. Каждое слово вас бросает то в смех, то в слезы. — И ваш разбор административного устройства крестьян отличен. Взгляд на договор верен, как нельзя более. Но с одним местом я не согласен. Мы не должны восставать против мысли «*нас более, так мы и поколотим*», напротив, если мы хотим развить силу в народе, мы именно должны твердить ему, что его больше, чего же он не решается поколотить тех, кого меньше и кто его давит. В применении к решению дел на миру вы правы, восставая против большинства, но к чему было вставлять такую фразу, которой смысл выходит далеко за ваши пределы и режет уж не одно больное место, а и здоровое.

Как быть теперь нам с дальнейшей перепиской? Я в Рим не еду, денег не хватит. Удовольствуюсь осмотром Северной Италии, Генуи, Флоренции, Болоньи и Венеции. Везде буду останавливаться лишь на 2—3 дня, так что письмо мое едва дойдет до вас, как я буду уж на пути в Вену, где проживу недели три. Нечего делать, пишите в Вену, но дабы письмо не валялось на почте, подождите пока, приехав в Вену, сообщу вам свой адрес.

Какая, однако, повсюду в народе бедность. Не только у нас, а везде ходит он босой, в дырявых шляпах, чуть что не в лохмотьях. И выбиться из нищеты заграничному народу куда труднее, чем нашему. Получи наш только землю — и он покажет тогда Европе, что значат здоровые экономические начала жизни. Только как-то он, бедный, до земли-то родимой доберется?

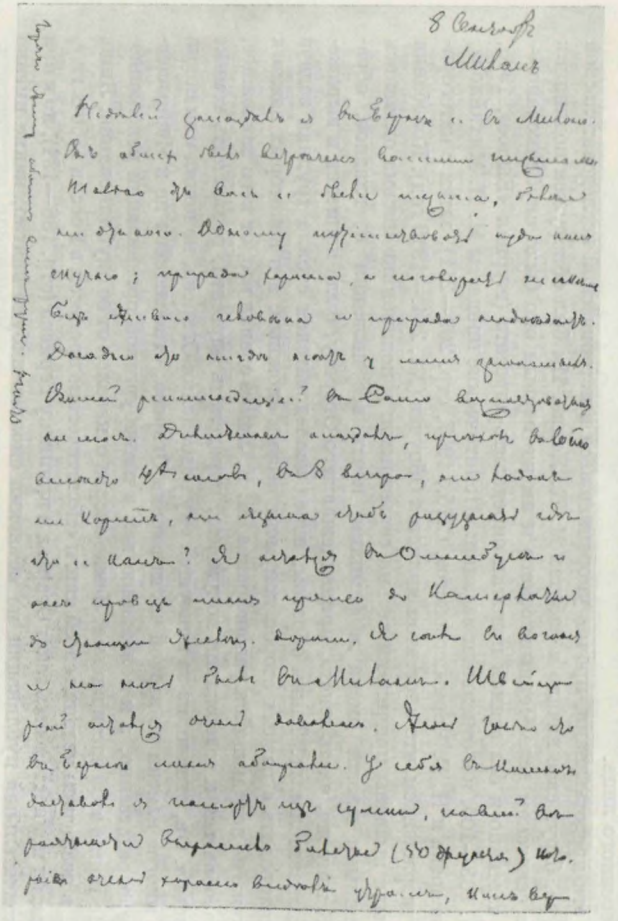
Досадно, что должен бежать из Италии собственно по незнанию языка и неимению знакомых. Вчера Милан был иллюминован (в память Гарибальди), по улицам ходила вечером военная музыка, посланная, конечно, начальством; чувствуется, что поддержка Гарибальди необходима, только обратить ее в правительственное орудие не удастся. Народ холоден к знакам сочувствия Гарибальди, подогреваемым правительством; он сочувствует Капрере иным, самостоятельным способом, не имеющим ничего общего с правительством, и вывешивает на всех лавочках и углах такие портреты Гарибальди, которые не могут нравиться В⟨иктору⟩ Э⟨мманоилу⟩ с компанией. Портреты лубочные, но говорят много. Тут и звезда, и свидание Гарибальди с В⟨иктором⟩-Э⟨мманоилом⟩ по покорении Неаполя[2], тут, главное, везде красуется и Капрера с своим жильцом, держащим в руке лопату и с грустью склонившим голову. Итальянец пылче француза, и если для французов Наполеон на острове Елены стал каким-то мифом, то Гарибальди на Капрере стал уж теперь для итальянцев божеством. Не знаю, как в Турине, а здесь везде, везде Капрера. Досадно, что не могу читать подписей.

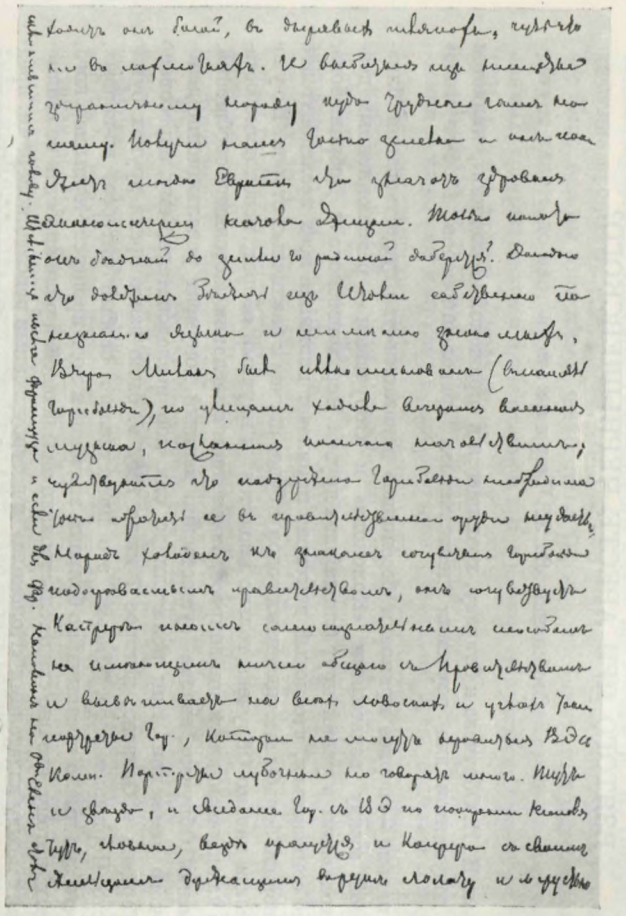
Горячо жму обоим вам руки.

Н. О б р⟨у ч е в⟩

[1] В Como жил в это время друг Огарева—Виктор Никитич Кашперов (см. выше публикацию его писем).

[2] *Покорение Неаполя*—триумфальное вступление армии Гарибальди в Неаполь 7 сентября 1860 г.





АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. Н. ОБРУЧЕВА К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1861 г

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЫЛ ЛИ Н. Н. ОБРУЧЕВ АДРЕСАТОМ ПИСЬМА, ВЗЯТОГО ПРИ АРЕСТЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО?

Сообщение Я. З. Черняка*

Письмо Н. Н. Обручева к Огареву, хранящееся в «пражской коллекции», является важным документом для изучения деятельности «революционеров 1861-го года» (Ленин).

Это письмо — первое прямое и бесспорное доказательство существования близких связей между издателями «Колокола» и Обручевым — революционным деятелем, входившим в узкий круг ближайших друзей Чернышевского и Добролюбова. Можно не сомневаться, что новый документ привлечет внимание всех исследователей революционной борьбы шестидесятых годов и будет изучен с различных сторон. Но уже сейчас, когда письмо Обручева только вводится в научный оборот, необходимо остановиться на одном специальном вопросе, означенном в заглавии настоящего сообщения.

С именем Обручева связан существенно важный документ революционно-демократического движения. Как полагали до сих пор исследователи, ему адресовано письмо Герцена и Огарева, которое 7 июля 1862 г. было взято среди других бумаг при аресте Чернышевского. Письмо это представляет особый интерес, во-первых, потому, что оно имело чрезвычайно большое значение в ходе процесса Чернышевского, а во-вторых, потому, что оно свидетельствовало о выдающейся роли адресата во взаимоотношениях между издателями «Колокола» и петербургскими революционерами: предполагалось, что когда Герцен и Огарев сочли необходимым объясниться с Чернышевским по поводу его статьи «О причинах падения Рима», они избрали Обручева в качестве доверенного лица.

Все эти представления, прочно укоренившиеся в исторической исследовательской литературе, берут свое начало в работах М. К. Лемке. Им был обнаружен подлинник письма в сенатском деле Чернышевского и им же первым оно было опубликовано — сначала частично и без всякой попытки определить адресата (журнал «Былое», 1906, № 3, стр. 105—106, и в отдельном издании: «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского», СПб., 1907, стр. 209—211), затем с категорическим утверждением, что адресатом является Обручев (XI, 214.—1919 год). Колебания Лемке были вызваны причинами весьма серьезными: в подлиннике письма оказались выскобленными многие имена и фамилии, почти все названия и, главное, обращение. К тому же, часть текста, принадлежавшего Огареву, была написана в выражениях иносказательных. Таким образом, перед исследователем стояла трудная задача проанализировать с разных сторон документ весьма сложный, а в некоторых важных частях даже не поддающийся расшифровке. М. К. Лемке сделал все, от него зависящее, чтобы разобраться в содержании документа, определить адресата, разъяснить темные места письма. Он, однако, из-за присущей ему недооценки Огарева, не понял или понял неверно многие намеки во второй части письма Огарева, относящейся не к Чернышевскому непосредственно, а к положению дел в петербургской организации революционеров. Не поняв этой части письма, Лемке сперва отказался от ее опубликования. Лишь в 1923 г., в последнем издании своей книги «Политические процессы в России 1860-х гг.», он напечатал полностью весь текст Огарева и приписку Герцена (стр. 186—191), но и при этой, окончательной публикации не объяснил сколько-нибудь внятно, какие именно данные и материалы позволили ему назвать имя Обручева в качестве адресата письма. Единственная справка по этому вопросу дана Лемке в собрании сочинений Герцена и гласит: «В подлиннике имя ⟨адресата⟩ выскоблено совсем, но точно устанавливается по бумагам архива семьи Герцена» (XI, 1919, 214— примечание). В 1923 г.

---

* Печатается в порядке обсуждения.—*Ред.*

Лемке заявил: «Разумеется, такое письмо, на котором дата была выскоблена*, фамилии и имена тоже, привлекало особое внимание комиссии Голицына, но она обнаружила полное неумение расшифровать его и, конечно, так и не дозналась, что адресатом был видный профессор академии генерального штаба полковник Н. Н. Обручев» («Политические процессы...», М., 1923, стр. 192). Высказанное столь решительно утверждение это было, как мы доказываем, ошибочным. Однако ошибка эта просуществовала в литературе вплоть до настоящего времени. Лишь сейчас, основываясь на документальных данных, содержащихся в напечатанном выше письме Обручева к Огареву от 8 сентября 1861 г., мы можем исправить ее.

Дело тут не только в вопросе об адресате письма. Совершив эту частную ошибку, Лемке пришел сам и привел исследователей к ложному представлению о фактической стороне деятельности Обручева и нескольких других виднейших членов петербургской организации в 1861 г. Вот почему нам необходимо рассмотреть детальным образом аргументы и догадки Лемке, не только касающиеся близости Обручева к революционным кругам, но и относящиеся к его участию в конкретных агитационных выступлениях 1861 г. Лемке утверждает, будто Обручев знал о плане этих выступлений, якобы составленном группой деятелей с Чернышевским во главе (см. «Политические процессы...», цит. изд., стр. 318). Критическая оценка всего материала, сообщаемого по этому поводу Лемке, даст нам возможность решить стоящую перед нами задачу.

Прежде всего разберем некоторые противоречия в сообщениях Лемке. Основываясь на том, что Огарев в своем письме обращался к адресату с предложением написать воззвание к «военным людям» (такая прокламация под названием «Что надо делать войску?», получившая широкое распространение, была действительно напечатана без подписи осенью 1861 г. в «Колоколе» и выпущена также в виде листовки и брошюры), Лемке заключил, что Обручев является одним из авторов этого воззвания. Перепечатывая из «Колокола» текст воззвания «Что надо делать войску?» в комментариях к сочинениям Герцена, он сообщил: прокламация написана «Огаревым и Н. Н Обручевым при содействии Н. А. Серно-Соловьевича» (XI, 314). Но и этого мало: записывая рассказы и воспоминания А. А. Слепцова о периоде шестидесятых годов и составляя «хронологическую канву» в помощь Слепцову, Лемке, без всякого сомнения, выдавал свои (и Слепцова) догадки за «точно установленные» факты. В «Воспоминаниях» Слепцова также несколько раз заходит разговор о Н. Обручеве (напомним читателю, что эти воспоминания — как в изложении Лемке, так и в собственноручной записи Слепцова — утрачены, что полностью напечатаны они не были и известны лишь по многократным упоминаниям и цитатам, приводимым Лемке в его работах). Излагая по архивным документам дело Чернышевского, Лемке сообщил: «Вот что он ⟨Слепцов⟩ записал в имеющемся у меня своем мемуарном манускрипте: „⟨...⟩ Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам ⟨...⟩ О таком плане и его выполнении мне сказал *в начале 1861 года* сам Чернышевский; знал о нем и Н. Н. Обручев, потом, из боязни быть расшифрованным, уклонившийся от участия в общем деле“» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 318; курсив наш. — *Я. Ч.*). Речь в цитированном отрывке идет о цикле, о серии прокламаций, которую в начале 1861 г. задумали выпустить Чернышевский, Михайлов, Шелгунов и Обручев; предполагалось также участие Щапова, но оно по каким-то причинам не состоялось. Как видит читатель, два сообщения Лемке по одному и тому же вопросу — об участии Обручева в составлении прокламации к солдатам — по смыслу диаметрально противоположны. В комментариях к сочинениям Герцена утверждается: Обручев написал совместно с Огаревым воззвание к солдатам; в комментарии к архивным документам дела Чернышевского, напротив того, говорится: Обручев уклонился от участия в подобной работе. Какое же утверждение правильно?

Отметим еще одно важное противоречие в этом сообщении Лемке: Слепцов будто бы говорил с Чернышевским о плане выпуска прокламаций в начале 1861 г., и великий революционер, придерживавшийся, как известно, правил самой жесткой конспирации,

* В подлиннике вместо полной даты Огарев обозначил: «суббота». Это обозначение сохранилось в документе, и никакой другой «выскобленной даты» на письме нет.

разу будто бы выложил ему «план» выступлений во всех подробностях. Между тем в комментариях к Собранию сочинений Герцена Лемке, на основании того же «манускрипта» Слепцова, сообщает, что Слепцов, возвратившись из-за границы в ноябре 1860 г., впервые отправился, снабженный рекомендательным письмом Н. Н. Обручева, знакомиться с Чернышевским лишь в июле 1861 г. (X, 425—427). Таким образом, получается, что Чернышевский откровенничал с А. А. Слепцовым еще до того, как познакомился с ним! (ср. характеристику противоречий и несообразностей в сообщаемых Лемке «воспоминаниях» Слепцова — в статьях: М. В. Нечкина. Юбилейная литература об Н. Г. Чернышевском.—«Историк-марксист», т. X, 1928, стр. 220; Б. П. Козьмин. Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену.—«Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 579 и сл.)*.

Исполнено подобных противоречий также сообщение Лемке об участии Обручева в выработке, совместно с Огаревым, программного документа, послужившего основой деятельности революционных организаций в 1861 г.; мы имеем в виду статью-воззвание «Что нужно народу?». Эта знаменитая статья, — утверждает Лемке, — была написана Огаревым «не без советов и указаний Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева, А. А. Слепцова, М. Л. Налбандяна и др.» (XI, 136). Статья эта, — добавляет Лемке, — «имела значение как основа будущего тайного общества „Земля и воля“, которое уже было задумано Огаревым и Н. А. Серно-Соловьевичем, что совершенно ясно из документов архива семьи Герцена» (там же).

На этот раз Лемке опирается не только на воспоминания Слепцова, но и на некоторые другие мемуарные источники (мы оставляем в стороне ссылку Лемке на «архив семьи Герцена» из-за ее неопределенности).

Обратимся прежде всего к истории статьи «Что нужно народу?». Огарев начал в листе 101 «Колокола» (от 15 июня 1861 г.) печатать обширный «Разбор нового крепостного права», т. е. анализ «Положений» 19 февраля. Работал Огарев над разбором приблизительно с 15 мая. Напечатав первую главу разбора в листе 101, он пропустил 102-й лист и продолжал печатать разбор в 103, 104, 105 и 106 листах. Почему? Потому что в 102 листе появилась статья «Что нужно народу?», ради опубликования которой было прервано печатание «Разбора». Очевидно, статье этой действительно придавалось весьма большое значение. И понятно какое. Статья явилась ответом революционеров на расправы с крестьянами, на расстрелы крестьян в Бездне, на экзекуции в Пензенской губернии. Сообщение о действиях генерала Дренякина в пензенских поместьях напечатано в том же листе «Колокола», а в тексте прокламации Огарева мы читаем: «...пришли вразумлять плетьми, штыками да пулями ⟨...⟩ *Так-то опять плетьми да каторгой хотят заставить народ верить, что новый приказный закон есть божеская правда*» (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, цит. изд., стр. 529). Поскольку статья была напечатана 1 июля 1861 г., а события, которые в ней упоминаются, произошли в апреле и в начале июня того же года, мы должны считать, что работал Огарев над статьей в том же июне 1861 г., а точнее говоря — во второй половине июня. Но возьмем более широкие рамки времени, потребного для обсуждения проблем этой статьи: май — июнь 1861 г. Подчеркиваем, что в эти месяцы в Лондоне находился из перечисленных Лемке лиц только Обручев. Из архивных документов, собранных Н. Н. Новиковой (см. выше ее публикацию), выясняется, что Обручев находился в Лондоне в течение трех месяцев — с начала или середины мая до начала августа 1861 г. Таким образом, участие Обручева в обсуждении задуманной Огаревым статьи представляется вполне возможным. В это время он сблизился с издателями «Колокола» и, по прямому свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, помогал Огареву в работе над статьей «Что нужно народу?» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 311—312).

Лемке в подкрепление свидетельства Тучковой-Огаревой ссылается на прямое «указание» Огарева «в одном из его писем», хранящихся в Румянцевском музее: в этом

* Как устанавливается по формулярным спискам, хранящимся в ЦГИАЛ (ф. 1261, оп. 5, № 8 и ф. 733, оп. 121, № 167344), Слепцов уехал за границу 2 июня 1860 г. и пробыл там одиннадцать месяцев. (Сообщено В. Э. Боградом.) Следовательно, встретиться с Чернышевским в начале 1861 г. Слепцов не мог.

письме Огарев говорит о «помощи», оказанной ему Обручевым «при составлении статьи „Что нужно народу?“» (XI, 136). Таким образом, если бы ссылка Лемке подтвердилась, мы имели бы непосредственное свидетельство автора статьи об участии Обручева в его работе. Но этого подтверждения мы не нашли. Просматривая письма Огарева, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в этом собрании находятся все фонды бывшего Румянцевского музея), мы не обнаружили

ГЕРЦЕН
Гравюра К. Адта, 1890-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

письма, на которое ссылается Лемке. Мы склонны думать, что Лемке перепутал источник и имеет в виду не письмо Огарева, а письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Е. С. Некрасовой, в котором она повторяет приведенное выше место из своих воспоминаний.

Несмотря на ошибочность этой ссылки, можно все же считать помощь Обручева Огареву в работе над статьей «Что нужно народу?» фактом, который подтвержден свидетельством современника.

Но, по словам Лемке, вместе с Обручевым советы и указания Огареву давали Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, М. Л. Налбандян и другие лица; между тем, как оказывается при проверке, ни А. А. Слепцова, ни Н. А. Серно-Соловьевича в Лондоне в мае — июне 1861 г. не было. Данных же о письменных сношениях между Слепцовым и Огаревым в этот отрезок времени нет, и нет никаких оснований предполагать, что переписка существовала.

Точно так же и участие Н. А. Серно-Соловьевича в обсуждении статьи «Что нужно народу?» не могло происходить в тех формах, о которых говорит Лемке. Серно-Соловьевич тоже находился весной и летом 1861 г. в Петербурге и ни легально, ни нелегально в Лондон не приезжал. 6 августа 1861 г. Герцен писал Н. А. Огаревой: «Разные генералы просили о высылке из Петерб⟨урга⟩ обоих Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевичей⟩ (старший приехал в Аахен), за то, что, будучи свидетелями брани офицера с мужиком, они показали, что офицер был пьян» (XI, 169). Сообщение аналогичного характера, написанное, вероятно, Огаревым, было помещено в «Колоколе» в заметке «Лейб-правосудие и лейб-гвардия» (л. 106 от 1 сентября 1861 г.). Здесь говорилось о вмешательстве в дело крестьянина Никитина, преданного военному суду, «двух братьев Серно-Соловьевичей, служащих в каком-то министерстве». Следовательно, Н. А. Серно-Соловьевич в Аахен приехал только в двадцатых числах июля ст. ст., и свидетельство Лемке о его советах Огареву нельзя признать достоверным. Однако может статься, что Лемке в данном случае имел в виду советы Н. А. Серно-Соловьевича, доставленные Огареву через посредство третьих лиц. Действительно, Серно-Соловьевич переписывался с Огаревым в 1860 и в 1861 гг. и позже. Письмо Серно-Соловьевича к Огареву, написанное осенью 1860 г., и письмо Огарева к Серно-Соловьевичу от 20 июня 1862 г. сохранились, как сохранилось и конспиративное письмо Серно-Соловьевича к Герцену и Огареву, отправленное им из Петропавловской крепости (см. настоящий том, стр. 560). Переписка существовала — значит, можно предположить, что выступление Огарева было небезызвестно Серно-Соловьевичу и что тем или иным способом Огарев с Серно-Соловьевичем снесся. На это указывает, между прочим, и то обстоятельство, что несколько месяцев спустя, в связи со статьей Серно-Соловьевича «Ответ Великоруссу» («Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г.) и ответом Огарева на эту статью («Колокол», л. 108 от 1 октября 1861 г.), между ними происходили письменные сношения. И все-таки говорить об указаниях Н. А. Серно-Соловьевича Огареву по поводу статьи «Что нужно народу?» в категорической форме Лемке права не имел *. Те данные, которые были у Лемке в руках, давали ему право высказать только предположение об этом. К вопросу о том, когда и с какой целью приехал за границу Н. А. Серно-Соловьевич и какие именно указания были сообщены им Герцену и Огареву, мы вернемся позднее.

Остается третий участник — М. Л. Налбандян. Нет никаких данных, подтверждающих его участие в лондонских совещаниях этого времени. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в интересующий нас период времени Налбандяна в Лондоне не было. В руках самого Лемке находился и им же самим был впервые опубликован документ, устанавливающий с совершенной бесспорностью, что в 1861 г. Налбандян посетил Лондон между 11 и 18 января и между 3 февраля и 17 марта. В это время никаких обсуждений статьи «Что нужно народу?» не происходило и происходить не могло — статья, как мы показали, была задумана позже (см. М. К. Лемке. Очерки... СПб., 1908, стр. 115).

Мы приходим, таким образом, к следующему выводу: в составлении программной статьи «Что нужно народу?» из всех перечисленных Лемке лиц прямое участие принимал лишь Обручев. Участие Н. А. Серно-Соловьевича, если оно и имело место, остается недоказанным. Подлежит дальнейшему исследованию вопрос об участии А. А. Слепцова в подготовке статьи, поскольку в двадцатых числах апреля 1861 г. он покинул Лондон. Не мог также принять участия в этой работе М. Л. Налбандян. Остается вопрос, кого же подразумевает Лемке под обозначением «и др.». Очевидно, под этим весьма неопределенным указанием подразумеваются, во-первых, Герцен, с которым Огарев советовался постоянно, во-вторых, М. Л. Михайлов и Н. В. Шелгунов: как раз в июне 1861 г. они привезли в Лондон рукопись прокламации «К молодому поколению» для напечатания в Вольной типографии. Михайлов и Шелгунов не только могли, но должны были явиться советчиками Огарева именно по вопросу о формулировках основных положений статьи-воззвания «Что нужно народу?», так как именно они

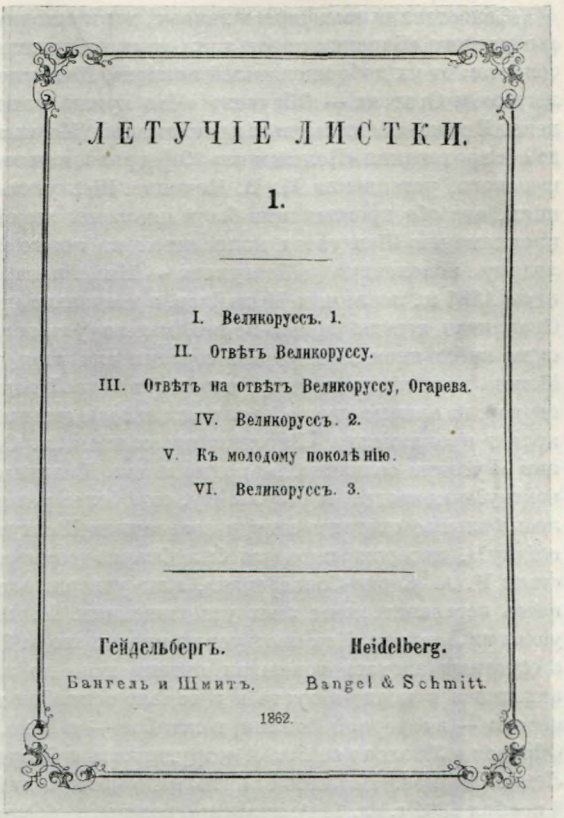
---

* Решительно отвергает возможность этого участия И. Володарский в статье о Н. А. Серно-Соловьевиче, напечатанной в журнале «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 35.

«ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ», № 1

Сборник революционных прокламаций. Гейдельберг, 1862 г.

Библиотека СССР им. В.И.Ленина, Москва



ЛЕТУЧІЕ ЛИСТКИ.

1.

I. Великорусъ. 1.
II. Отвѣтъ Великоруссу.
III. Отвѣтъ на отвѣтъ Великоруссу, Огарева.
IV. Великорусъ. 2.
V. Къ молодому поколѣнію.
VI. Великорусъ. 3.

Гейдельбергъ. Heidelberg.
Бангель и Шмитъ. Bangel & Schmitt.
1862.

вместе с Чернышевским были авторами первых обращенных к народной массе воззваний.

Рассматривая прокламацию «К молодому поколению» вместе с Шелгуновым и Михайловым, издатели «Колокола» не могли также не касаться и других прокламаций, потому что все эти воззвания были связаны друг с другом. Прокламация «К молодому поколению» явно связана с воззваниями к барским крестьянам и русским солдатам. Обращаясь к молодежи, авторы прокламации говорили: «...вы должны объяснить народу, что у него есть *доброжелатели*, что есть люди, желающие, чтобы он владел землей ⟨...⟩ Не забудьте и солдат. Объясните им, что и у них есть *доброжелатели*, которые хотели бы убавить солдатам срок службы, дать им больше жалованья, избавить их от палок» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 66).

Подчеркнутое нами слово *доброжелатели* встречается также в заглавиях обеих прокламаций — Шелгунова и Чернышевского. О непосредственной связи между всеми тремя прокламациями Шелгунов, с присущею ему точностью, говорил в первом, раннем, написанном в 1883 г. отрывке из «Воспоминаний», следующее: «... прокламации, точно по уговору, явились все в одно время. Все они принадлежали очень небольшому кружку людей, действовавших отдельно и в глубокой тайне ⟨...⟩ Я буду говорить только о трех прокламациях, о которых знаю достоверно: „К молодому поколению“, „К крестьянам“, „К солдатам“», * (Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Л., 1923, стр. 32).

* Под последними двумя Шелгунов подразумевает прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и свою: «Русским солдатам от их доброжелателей поклон». Обращает на себя внимание дата рукописи «Воспоминаний» — 20 сентября 1883 г., т. е. почти через месяц после отправки Чернышевского из Вилюйска в Астрахань (23 августа 1883 г.). В исходе сентября сведения об этом событии могли, через А. Н. Пыпина, дойти до Шелгунова. Не является ли «неточность» Шелгунова

Сопоставляя имеющиеся данные, мы приходим к заключению, что воззвания: Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», Шелгунова «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», Шелгунова — Михайлова «К молодому поколению» и Огарева — Обручева «Что нужно народу?» — представляют собой единую цепь. Проект обеих первых прокламаций (Чернышевского и Шелгунова) был написан до обнародования «Положения» 19 февраля, как это, относительно прокламации Чернышевского, установила М. В. Нечкина. Шелгунов свидетельствует в своих воспоминаниях, что обе прокламации были написаны зимой 1860/61 г., т. е. следует считать и прокламацию Шелгунова написанной не позже февраля 1861 г. Прокламация «К молодому поколению» (Шелгунова — Михайлова) была готова в мае или начале июня 1861 г., после чего Михайлов, а несколько позже и Шелгунов приехали в Лондон. Сравнивая тексты прокламаций, можно установить следующее. Прокламация «Барским крестьянам...» многими чертами сходится с воззванием «Что нужно народу?». Можно даже предположить, что текст второй есть измененный и смягченный вариант первой; во всяком случае, автор или авторы статьи «Что нужно народу?» читали и знали проект прокламации «Барским крестьянам...». Сопоставление же проекта прокламации «Русским солдатам...», написанного Шелгуновым, с воззванием «Что надо делать войску?» приводит к результату, еще более разительному. В литературе уже отмечалось большое сходство между воззванием Шелгунова и воззванием «Что надо делать войску?», автором которого был Огарев (совместно с Н. Н. Обручевым при содействии Н. А. Серно-Соловьевича, как утверждает Лемке,—XI, 314). Мы вынуждены вновь остановиться на этих утверждениях. Н. Н. Обручев в начале августа 1861 г. уехал из Лондона. Как явствует из письма его от 8 сентября 1861 г., он приблизительно с середины августа совершал путешествие по заранее рассчитанному маршруту и находился в конце августа и в начале сентября в Швейцарии, с 7 сентября по конец месяца — в северной Италии, в октябре — в Вене. Следовательно, в августе — октябре Обручев в Лондоне не был и сотрудничать с Огаревым в той форме, о которой говорит Лемке, не мог. Воззвание «Что надо делать войску?» напечатано в «Колоколе» от 8 ноября 1861 г. (л. 111), написано воззвание после 23 сентября ст. ст. (5 октября н. ст.) 1861 г.: в этот день было обнародовано утвержденное Александром II «Наставление» войскам о том, в каких случаях, подавляя «беспорядки», следует употреблять холодное, в каких — огнестрельное оружие; «когда бить народ холодным оружием, когда пулей», как выражается Огарев. Этот приказ царя послужил для революционной организации отправной точкой для обращения к солдатам. В воззвании «Что надо делать войску?» имеется ссылка на «С.-Петербургские ведомости» от 23 сентября (5 октября) 1861 г., где «Наставление» было напечатано. Этот номер мог быть получен в Лондоне около 10—12 октября н. ст. Если предположить, что Огарев написал проект воззвания как только получил газету — в течение 4—5 дней, т. е. к 15—16 октября, то посоветоваться с Н. Н. Обручевым, находившимся в это время в Вене или Берлине, ни по почте, ни с помощью оказии, он успеть не мог—в двадцатых числах октября воззвание уже должно было находиться в наборе в Вольной типографии. Таким образом, Н. Н. Обручев, пишущий совместно с Огаревым воззвание «Что надо делать войску?», есть домысел Лемке, противоречащий фактам.

Что касается «содействия Н. А. Серно-Соловьевича», у нас нет никаких данных, говорящих за или против этого предположения. В это время, в октябре 1861 г., Серно-Соловьевич находился на Западе и в той или иной мере мог участвовать в обсуждении прокламации или сообщить свои замечания каким-либо другим путем, но сделал ли он это — неизвестно.

в названии прокламации Чернышевского умышленной? Возникает вопрос — не изменил ли Шелгунов название намеренно, опасаясь упоминанием о воззвании, хорошо известном полиции, навлечь какие-нибудь новые преследования на возвращающегося в Россию Чернышевского? О правильности подобного предположения свидетельствует также то, что, заменив настоящее название прокламации нейтральным «К крестьянам», он страницей ниже именует ее еще по-другому: «К народу». Достаточными данными для ответа на поставленный вопрос мы не располагаем, но считаем необходимым его поднять.

Итак, не Обручев участвовал в составлении воззвания «Что надо делать войску?». Кто же? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к письму Огарева и Герцена, найденному в бумагах Чернышевского.

Начнем с датировки этого письма. Лемке обозначил в Собрании сочинений Герцена дату: «15—20 августа 1861». В других изданиях указывается: середина августа 1861 г. (например, см. Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II. М.—Л.,

М. Л. МИХАЙЛОВ ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ НА КАТОРГУ
Картина неизвестного художника, 1861 г.
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотографии
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

1928, стр. 429). Обосновать предложенную дату Лемке не счел нужным, но не трудно установить, из каких соображений он исходил. Дело в том, что и в письме Огарева и в приписке Герцена упоминаются произведения, время опубликования которых в «Колоколе» точно известно. Так, в приписке Герцена читаем: «A propos, рекомендую вам небольшую статейку мою об открытии мощей Тихона». Эта статья Герцена напечатана в л. 105 «Колокола», вышедшем в свет 15 августа 1861 г. А так как письмо Огарева заканчивалось словами «„Колокол“ посылаю», следовало заключить, что посылается именно тот лист, в котором напечатана упомянутая Герценом «статейка». Отсюда возникла и датировка письма: 15—20 августа, т. е. в течение нескольких дней после

выхода в свет 105-го листа «Колокола». Лемке считал эту дату столь бесспорной, что не стал проверять свои соображения и дополнять их другими данными. Между тем предложенная им дата противоречит следующему точному указанию Огарева, сделанному в конце письма: «...я кончил разбор Положений и думаю, что он весьма полезен. В нынешних №№ *местные* поло⟨жения⟩; оно может быть и посуше, но не бесполезно. В будущем и еще одном номере — администрация. Это опять очень интересно». К этому месту Лемке дает примечание: «„Разбор" Огарева *напечатан в нескольких* №№ „Колокола" за 1861 г.» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 191. Курсив наш.—*Я. Ч.*). Речь идет о «Разборе нового крепостного права», напечатанном, как мы уже отмечали, в лл. 101, 103, 104, 105 и 106 «Колокола», т. е. 15 июня, 15 июля, 1 августа, 15 августа и 1 сентября 1861 г. Листы, в которых напечатан разбор *местных положений*, это 103 и 104 от 15 июля и 1 августа 1861 г. Огарев говорит: «в нынешних номерах» — это значит, что письмо его написано приблизительно между 15 июля и 1—3 августа 1861 г., а не между 15 и 20 августа, как предполагал Лемке. И дальнейшее указание Огарева тоже в точности соответствует действительности: разбор администрации был напечатан 15 августа и 1 сентября 1861 г., то есть «в будущем и еще одном номере». Каким же образом «статейка» Герцена «о Тихоне» оказалась упомянутой в анализируемом письме? Вопрос решается очень просто. Герцен нередко рекомендовал вниманию своих корреспондентов те из своих заметок, которыми сам был особенно доволен, — рекомендовал и *до* и *после* их появления в том или ином номере «Колокола», а «статейка» о Тихоне принадлежала к числу самых удавшихся. «Когда будете писать, скажите, как на вас подействовала моя любимая статья „о Тихоне воронежском" в „Колоколе"» (XI, 238),— спрашивал он 3 сентября 1861 г. в письме к В. Н. Кашперову.

Итак, нет никакого сомнения в том, что Лемке ошибся и передвинул дней на двадцать действительную дату письма. Попытаемся ее уточнить. И Огарев и Герцен упоминают в тексте о том, что на статью Чернышевского их натолкнули «С.-Петербургские ведомости». Герцен пишет: «Мы никогда бы не догадались, что Чернышевский à la baron Vidil, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником. Это я обязан „СПб. ведомостям", — они указали» (XI, 212). Огарев свидетельствует о том же: «...по случаю какой-то истории Рима встречаем мы в „Современнике" (уже прежде смекнувши из довольно плохой критики в „Петерб⟨ургских⟩ ведом⟨остях⟩") статью прямо против нас...» (XI, 214). Речь в обоих отрывках идет об огромной статье (четыре газетных подвала, в пять колонок каждый)—«Журнальные заметки» Н. Воскобойникова, целиком направленной против статьи Чернышевского и напечатанной 1 июля 1861 г. в номере, полученном в Лондоне 7—8 июля по ст. ст., т. е. около 20 июля н. ст. 1861 г. Пятая книжка «Современника», в которой напечатана статья Чернышевского, к тому времени уже около месяца могла быть получена в Лондоне (цензурное разрешение пятого номера дано 30 апреля, номер выпущен в свет около 29 мая 1861 г.). Между тем ни Герцен, ни Огарев (а возможно и находившиеся в это время в Лондоне близкие сотрудники «Современника» — Обручев и Михайлов) статьи Чернышевского не прочитали. Во всяком случае Герцен и Огарев ее не обсуждали ни с кем до тех пор, пока статья Н. Воскобойникова не обратила их внимание на полемическое выступление Чернышевского. Содержание статьи Воскобойникова, враждебной Чернышевскому, свидетельствовало, что и Герцена и Огарева он лишь для видимости брал под защиту как «лучших людей нашего общества». Нападая на «Современник», Воскобойников недвусмысленно указывал на то, что выступление Чернышевского есть нападение «на своих». Сделано это было следующим образом. Воскобойников в качестве образца «дикости» привел поступок того средневекового папского прелата, который «при взятии католиками одного города, где были и альбигойцы и паписты, приказал бить всех без разбору, говоря: „Господь уж отберет своих"». По Воскобойникову, Чернышевский подобен этому прелату. Статья Воскобойникова, вышедшая летом 1861 г. — в самый разгар «усмирения» крестьян, — звучала как прямой донос на Чернышевского и содержала в себе злорадное указание на разногласия в революционном лагере.

Одновременно со статьей Воскобойникова была получена в Лондоне шестая (июньская) книжка «Современника». Об этом можно судить на основании следующих данных. Дата цензурного разрешения шестой книги — 24 июня; выпущена в свет она

была 1 июля 1861 г., а в Лондоне получена около 20 июля н. ст. К тому моменту, когда Огарев писал свое письмо, эта книжка была не только получена, но и прочитана им. Он писал в рассматриваемом письме: «В ‹ › * поместили по поводу статьи ‹ ›** статью о государственном банке. Прелесть! хоть и видно, что кое-где цензура мешала, но какое благородство тона, определенность и *ясность* изложения! Просто — я его помянул, как мать сына, с таким удовольствием и любовью» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 190). Только об одном писателе, авторе статей на экономические темы, отзывался Огарев с такой доброжелательностью — о Н. А. Серно-Соловьевиче, вполне разделяя с Чернышевским одобрительное отношение к его экономическим работам. В упомянутой шестой книжке «Современника» как раз напечатана статья Н. А. Серно-Соловьевича, озаглавленная: «Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке». Таким образом восстанавливаются выскобленные слова в рассматриваемом письме Огарева; в первом случае следует читать: «В „Современнике“», во втором: «по поводу статьи г. Шилля». Но, вместе с тем, окончательно выясняется, что письмо Огарева могло быть написано не ранее 23 или 24 июля, т. е. после того, как Огарев прочел полученную около 20 июля шестую книжку «Современника». Для того чтобы определить, не позже какого дня могло оно быть написано, вспомним сообщенные выше данные. Письмо написано незадолго перед выходом или вскоре после выхода в свет того листа «Колокола» (л. 104), в котором было *закончено* печатанье разбора *местных положений*, т. е. около 1 августа 1861 г.

Итак, находившееся в бумагах Чернышевского письмо Огарева и Герцена было написано между 23 июля и 1—3 августа 1861 г. «Суббота», которой помечено письмо Огарева, приходилась в конце июля 1861 г. на 27-е, в начале августа—на 3-е; в один из этих двух дней оно и написано.

Но между 27 июля и 3 августа Обручев находился еще в Лондоне или (в том случае, если мы ошиблись в подсчетах) только за несколько дней перед тем покинул Лондон и отправился через Париж в Швейцарию. Письмо Огарева начинается словами: «Ну, милый ‹ ›***, долго я думал и ждал, не поедет ли кто к вам, но не дождался и решился писать просто ‹...› Истинно жаль мне, что вас нет в Питере ‹...›». И далее вновь: «ступайте в Питер ‹...›». Не ясно ли, что эти строки не могут быть обращены к Обручеву, который либо еще находился в Лондоне, либо покинул его очень недавно? Огарев был, как это явствует из письма к нему Обручева, точно осведомлен о маршруте его путешествия. Ему было известно, что Обручев по октябрь 1861 г. находится в служебной военной командировке, что, прервав свое путешествие, отправиться в Петербург, он, как военный, как старший офицер, просто не имеет права, а как человек с конспиративным опытом и не станет этого делать. С другой стороны, Огарев, считавший, что выяснить отношения с Чернышевским — задача весьма срочная, не стал бы обращаться к человеку, завершающему свое путешествие по Швейцарии и Северной Италии и собирающемуся приехать в Петербург только в ноябре 1861 г. Неуместно также в применении к Обручеву выражение: «Долго я думал и ждал, не поедет ли кто к вам». Огареву были известны пункты, в которых Обручев должен был находиться в определенные сроки и куда следовало направлять письма. Ждать «оказии» в таком случае невозможно (корреспондент находился в непрерывном движении), можно лишь писать до востребования в определенные заранее пункты, а это Огарев мог сделать, решившись доверить письмо почте, тотчас. Как увидит читатель дальше, многие строки письма и по самому содержанию своему не могли быть обращены к Обручеву.

Итак, мы с полной решительностью должны отвергнуть утверждение, будто адресатом письма Огарева был Обручев. Ошибка Лемке, а вслед за ним почти всех писавших об этом вопросе несомненна.

Кому же, однако, адресовано письмо? Адресат должен отвечать следующим требованиям: 1) это должно быть лицо, достаточно близкое и к Чернышевскому и к Герцену и Огареву, чтобы иметь возможность от имени Огарева и Герцена заявить протест

---

* Выскоблено название журнала.
** Выскоблена фамилия автора статьи, с которым ведется полемика.
*** Выскоблено обращение.

против «битья по своим»; 2) оно должно иметь возможность в ближайшее время — в течение августа 1861 г. — отправиться в Петербург; 3) это лицо должно обладать твердым характером и уметь добиваться нужных результатов, — устранить помеху делу, как того требует Огарев, рекомендующий «щелкнуть дружески, но военным кулаком по такой дребедени»; 4) лицо это должно знать военную среду настолько, чтобы составить специальную прокламацию, обращенную к солдатам; 5) лицо это должно быть в курсе весьма многих вопросов, затронутых в письме Огарева, касающихся отношений «петербургской компании», «петербургской торговли» (т. е. столичной организации) с местными «агентствами», «ярмарочными капиталами» (т. е. провинциальными группами); таким образом, лицо это еще недавно должно было находиться в России; 6) лицо это должно быть в курсе агитационной и пропагандистской работы революционной организации и быть достаточно авторитетным, чтобы срочно решить заданный Огаревым вопрос: целесообразно ли выпустить отдельной брошюрой «Разбор нового крепостного права», напечатанный в «Колоколе»? Ответ был быстрый и положительный — об этом можно судить по тому, что брошюра «Разбор...» вышла из печати между 1 и 15 октября 1861 г. (см. объявления издательства Трюбнера о вышедших книгах, приложенные к л. 109 «Колокола»); наконец, 7) лицо это должно быть в курсе разработки экономической программы и программы всего послереволюционного устройства. К этому лицу Огарев обращается с сообщением, что им разработан проект областного банка как формы общественного «народного» кредита после крестьянской революции. К этому лицу Огарев обращается с похвалами статье Серно-Соловьевича на аналогичную тему.

Мы должны здесь вновь вернуться к вопросу о роли Серно-Соловьевича в сношениях с Лондоном с июля по август 1861 г. Как известно, совместное письмо Огарева и Герцена начинается с ответа Огарева на вопрос адресата: «Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн⟨ышевский⟩ поручил тому господину, который в ⟨ ⟩* не попал, сказать нам, чтобы мы не завлекали юношество в литературный союз, что из этого ничего не выйдет». Чернышевский, отвечая в следственной комиссии на соответствующий вопрос, разъяснил, что речь шла о *политическом* союзе с молодежью, к которому призывал «Колокол». Расшифровывая это место письма, исследователи высказывали предположение, что под «господином, не попавшим в Лондон», подразумевается Шелгунов, который задержался в Германии и приехал в Лондон несколько позже Михайлова. Но, конечно, ни Михайлову, ни Шелгунову Чернышевский подобного поручения давать не мог, они поехали за границу именно с целью подготовить обращение к молодежи—напечатать воззвание «К молодому поколению», содержащее открытый революционный призыв к молодежи. Необходимость для Чернышевского сделать подобное предупреждение возникла уже после отъезда Шелгунова и Михайлова за границу, а именно в июле 1861 г., когда вышел первый и готовился второй лист «Великорусса». В распространении «Великорусса» правительственные органы сразу же заподозрили молодежь, студентов в первую очередь, а это и побуждало Чернышевского и Серно-Соловьевича, ближе всех стоявших к начинавшемуся студенческому движению, принять меры к изменению ранее выработанного Михайловым и Шелгуновым плана. Н. А. Серно-Соловьевич, как можно предположить, и был тем «господином, который в Лондон не попал», но, приехав за границу, снесся с Герценом и Огаревым и передал им поручение Чернышевского. Когда это произошло? Серно-Соловьевич закончил в июне 1861 г. работу над брошюрой «Окончательное решение крестьянского вопроса». Предисловие к этой брошюре помечено «С. Петербург, 24 июня 1861 года». После этого он предпринял поездку за границу, где в Берлине отпечатал брошюру и выпустил за полной подписью. О решении подписать полным именем бесцензурное издание он осведомил Герцена и Огарева. Огарев писал об этом решении Герцену. И Герцен в письме к Огареву от 2 октября н. ст. 1861 г. о плане и колебаниях Серно-Соловьевича говорит довольно подробно (XI, 244). Как мы уже отмечали, первое упоминание о приезде Серно-Соловьевича в Аахен содержится в письме Герцена от

---

* *Это выскобленное слово предположительно читается*: Лондон.

6 августа н. ст. Незадолго до этого Серно-Соловьевич и передал (как следует предположить) с кем-то в Лондон столь поразившее Огарева требование Чернышевского. Сам же вплоть до 1 октября 1861 г. оставался в Германии, а в Лондон не приезжал, ограничиваясь письменными сношениями.

Вот почему, как следует предположить, именно Серно-Соловьевича Огарев обозначил словами «тот господин, который в Лондон не попал», заведомо зная, что адре-

А. А. СЛЕПЦОВ
Фотография, 1870-е гг.
Исторический музей, Москва

сату будет ясно, о ком идет речь: Шелгунов был одним из ближайших друзей Серно-Соловьевича и был, очевидно, осведомлен о его приезде за границу, но не в Лондон.

Из числа лиц, близких Чернышевскому и остававшихся в Европе до конца июля 1861 г., адресатом письма не могли быть ни Михайлов, ни Добролюбов — оба они возвратились в Россию в июле 1861 г. Не могли им быть также Обручев, как мы показали выше. Есть только одно лицо, вполне отвечающее перечисленным выше требованиям. Это Николай Васильевич Шелгунов, друг Чернышевского, сблизившийся в Лондоне

с Герценом и в особенности с Огаревым. После того как статья-прокламация «К молодому поколению» была отпечатана и Михайлов, повезший шестьсот экземпляров прокламации в Петербург, уехал, Шелгунов должен был, оставаясь за границей, ждать сообщений о провозе прокламации, чтобы действовать в соответствии с полученными известиями. Возвратился Шелгунов в Петербург в августе 1861 г. Он был военным по образованию, полковником корпуса лесной стражи, знатоком жизни солдат и автором проекта прокламации «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», без сомнения использованной Огаревым при работе над прокламацией «Что надо делать войску?». Шелгунов обладал твердым, решительным характером и с честью выдержал в дальнейшем тяжкие испытания. Наконец, по кругу своих научных, теоретических и публицистических интересов он был как раз тем человеком, которому Огарев мог адресовать свои похвалы Серно-Соловьевичу за статью на экономическую тему, сообщать о своих экономических изысканиях и т. п. Шелгунов только за два-три месяца до того покинул Петербург и был в курсе всего, что происходило в столичной организации. К нему Огарев мог обратиться за срочным ответом на вопрос: рассыпать ли набранный «Разбор» в «Колоколе» или использовать тот же набор для отдельного издания. Наконец, Шелгунов, конечно, познакомил Герцена и Огарева не только с прокламацией «К молодому поколению», но и с двумя другими, принадлежавшими ему и Чернышевскому. Нельзя себе представить переговоры Михайлова и Шелгунова с Герценом и Огаревым без такого взаимного осведомления. Слова Огарева: «Теперь вот что: о ⟨ ⟩* людях написать было бы ⟨ ⟩** дело ⟨ ⟩*** язык известнее» могут быть обращены именно к Шелгунову как автору знакомого Огареву проекта солдатской прокламации.

В том, что именно Шелгунов был адресатом письма Огарева и Герцена, нас убеждает еще следующее обстоятельство. Огарев долго «думал и ожидал», не поедет ли кто-нибудь на континент (насколько можно установить, Шелгунов оставался в Париже; см. его «Воспоминания», цит. изд., стр. 35), чтобы передать письмо из рук в руки, но, зная, что Шелгунов может со дня на день двинуться вслед за Михайловым, решился переслать ему письмо просто по почте. В это время не было на континенте другого человека — русского военного, близкого к Чернышевскому, почти тотчас отправляющегося в Петербург,— кроме Шелгунова.

---

* *выскоблено слово, вероятно*: военных.
** *выскоблено слово, вероятно*: необходимое *или* хорошее.
*** *выскоблены слова, вероятно*: вам этот *или* вам солдатский.

В. М. ОЗЕРОВ и Ал. ОЗЕРОВА — ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ДВА ПИСЬМА к П. Л. ЛАВРОВУ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Публикация С. И. Шкроба

20 сентября 1866 г. польский революционер-демократ, впоследствии знаменитый генерал Парижской Коммуны, Ярослав Домбровский, особым письмом рекомендовал вниманию Герцена русского эмигранта-революционера Владимира Михайловича *Озерова* (1838 — ок. 1915). «Ротмистр Озеров, — писал Герцену Домбровский, — принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и с самоотвержением боролись против катковщины. Ему лично я обязан своим спасением; у него нашел я приют в Петербурге, и благодаря его великодушной помощи удалось мне вырвать жену мою из ссылки. Запутанный одной из последних жертв Муравьева в процессе Каракозова, Озеров спасся только благодаря своей энергии и в настоящее время находится в Париже. Здесь, живя rue d'Enfer, 61, Hôtel de l'Ouest, под именем Альберта Шаховского, учится он сапожному мастерству, чтобы снискать себе какие-либо средства для жизни. Не только чувство благодарности к Владимиру Михайловичу заставляет меня писать к вам эти строки, но и желание дать вам возможность употребить его для ваших трудов в России. Вы найдете в Озерове честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиратора и смелого агента. Таких как он людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк» («Звенья», VI, 1936, стр. 396—397).

Домбровский имел все основания рекомендовать нового русского эмигранта Герцену. Он знал Озерова со времен польского восстания 1863 г. Волынский уланский полк, в котором служил Озеров, оказался в Варшаве в июле. Рискуя жизнью, молодой офицер, как сообщает С. Я. Елпатьевский, записавший в 1912 г. то, что ему рассказывал Озеров, всеми средствами помогал полякам. «Дело было грозное, Озерову предстоял военный суд с вероятным решением расстрела» («Воспоминания». Л., 1929, стр. 385—389). Далее Елпатьевский сообщает, что «выручил» Озерова вел. кн. Константин Николаевич — шеф Волынского полка. Очевидно, не желая огласки, он устроил Озерову отставку якобы по болезни: 12 августа 1863 г. медицинская комиссия нашла у него начинающуюся бугорчатку легких и признала продолжение военной службы для него невозможным, а приказом по военному ведомству от 3 октября 1863 г. Озеров был уволен в отставку по болезни.

На основании имеющихся данных можно высказать предположение, что Озеров принадлежал к офицерской революционной организации, созданной в Польше и в западных областях России в 1861—1863 гг. и возглавлявшейся А. А. Потебней. Сын жандармского генерала, типичного службиста времен Николая I и богатого помещика, Озеров, как рассказывает тот же Елпатьевский, «не пошел по стопам отца». Подобно многим представителям молодого офицерства, он испытал на себе решающее воздействие революционно-демократического подъема конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. «Образовались кружки для обучения солдат, — пишет Елпатьевский, — изменилось отношение к нижним чинам, зачитывались новыми журналами и газетами, входило в молодые души и жадно впитывалось новое и светлое (...), и кончилось тем, что кавалерийский ротмистр Озеров, (...) в 1863 г. уже командовавший эскадроном,

во время подавления польского восстания, вместо ловли и расстрела, стал спасать несчастных поляков и всячески помогать им» (там же, стр. 385).

Что делал Озеров непосредственно после своей отставки, остается неизвестным. Но почти тотчас же, начиная с 1864 г., мы встречаемся с Озеровым в Петербурге и в Москве как с энергичным, умело законспирированным революционным деятелем.

Домбровский указывает, что «одной из последних жертв Муравьева» в процессе Каракозова был «запутан» и Озеров. Можно было предполагать на этом основании, что в громадном многотомном производстве Верховной следственной комиссии 1866 г. найдутся сведения о революционной деятельности Озерова в первой половине шестидесятых годов. И, действительно, имя Озерова мелькает во многих документах и встречается в нескольких делах комиссии и в Петербурге и в Москве. 21 июня 1866 г. следователь Московской следственной комиссии, подполковник Черевин, отправил специальную депешу Муравьеву. Сообщая о связях Озерова с польскими революционерами и обществом Ишутина («Организация»), обнаруженных следствием, Черевин просил принять меры к аресту Озерова. Однако выполнить это не удалось. «Краткий отчет по делам высочайше утвержденной в Петербурге следственной комиссии 1862—1871 гг.» содержит сведения о том, что в июне 1866 г. «успел скрыться за границу ⟨...⟩ злоумышленник, отставной штабс-ротмистр Озеров, который принимал деятельное участие в происках мятежных поляков и увез из Ардатова жену преступника Домбровского». Сведения эти соответствуют истине: из приведенного выше письма Ярослава Домбровского Герцену мы знаем, что Озеров действительно помог польскому революционеру спастись самому и выручить из ссылки жену. О том же рассказывает и жена Домбровского, поминая благодарным словом в своих мемуарах «одного из товарищей и друзей мужа», который, рискуя собой, приехал в место ее ссылки, Ардатов, и вывез ее оттуда. «Имя его — Озеров» (Pelagia D ą b r o w s k a. Pamiętnik. «Twórczość», 1946, № 11). Дознались жандармы и еще об одном весьма существенном факте: о той помощи, которую оказал Озеров Ярославу Домбровскому в Петербурге, укрыв беглеца от преследований и содействуя его отъезду за границу. Характерно при этом, что, едва оказавшись за пределами России, Ярослав Домбровский тотчас принял меры, чтобы доказать непричастность Озерова к побегу Пелагеи Домбровской: он опубликовал в «Колоколе» (л. 200 от 15 июля 1865 г.) открытое письмо новгородскому гражданскому губернатору А. Одинцову, в котором подробно описывал свое собственное вымышленное путешествие в Ардатов за женой.

Хотя конспиративные приемы, применявшиеся Озеровым в 1864—1866 гг., не были вполне раскрыты агентами правительства, кое-какие данные о его революционной деятельности почерпнуть из архивных дел все-таки можно. Данные эти рассеяны по нескольким делам (ЦГИАМ, ф. III Отд., 1 эксп. 1866 г., № 100, части 74 и 142; 3 эксп. 1866 г., № 121; дела Верховной следственной комиссии 1866 г., №№ 7, 8, 16, 19 и 20; 3 эксп. 1874 г., № 87 и др.). В деле учителя московской гимназии Максимилиана Маркса, состоявшего членом польской организации в Москве, в деле Павла Маевского, руководителя той же организации, наконец, в деле третьего ее участника — Болеслава Шестаковича — мы находим сведения о систематических (начиная с июня 1864 г.) сношениях Озерова с этой организацией, о его специальных приездах по делам организации в Москву. В тех же материалах содержатся данные о поездках участников организации с поручениями к Озерову в Петербург. Сопоставляя разные показания, можно установить, что лицо, выступающее то под именем «Владимира Ивановича», то под именем «Степана Корнева», то в качестве «малоросса», то вновь «Владимира», но по отчеству «Андреевича» и т. д. — все тот же Озеров. «Это молодец, у которого имен, по крайней мере, пятнадцать», — говорится в показаниях одного из обвиняемых (ЦГИАМ. Дело Верховной следственной комиссии 1866 г., № 19, л. 116).

Но даже в тех случаях, когда следователям удавалось добиться у допрашиваемых некоторой откровенности и установить, что речь идет именно об Озерове, они все равно имели лишь смутное представление о нем самом и о его роли.

К сожалению, и от нас осталось скрытым конкретное содержание конспиративной работы Озерова в Москве и в Петербурге в 1864—1866 гг.; и мы знаем об Озерове с достоверностью только то, что он был еще со времени подготовки восстания 1863 г.

Le centenaire d'Alexandre Herzen

Le 6 avril 1912, il y aura cent ans qu'Alexandre Herzen naissait à Moscou. En Russie, où sa gloire d'écrivain et de promoteur de réformes politiques et sociales va grandissant tous les jours, l'on se prépare à célébrer solennellement la mémoire du brillant auteur d'*A qui la faute?*, des *Mémoires de ma vie*, de *De l'autre rive*, de l'éloquent publiciste, de l'ardent patriote qui, par son *Etoile polaire* et sa *Cloche*, a, avec son ami Ogareff, si profondément remué les esprits et contribué pour une si large part à la libération des serfs.

Mais ce n'est pas seulement en Russie que son centenaire doit être célébré. Herzen appartient aussi à tous les autres pays de l'Europe et à l'humanité tout entière. Il a été l'un des champions de ce grand parti démocratique européen qui pouvait se croire en 1847 et 1848 sur le point d'ouvrir pour tout l'Occident une ère de liberté et de justice sociale, et qui, vaincu en 1849 et

nes. Aussi, le 6 avril 1912, les représentants du parti démocratique de toutes les nations, les lettrés et les hommes de progrès de tous les pays voudront-ils se reunir auprès de sa tombe, à Nice, pour rendre hommage à son génie d'écrivain et à son œuvre de réformateur politique et social.

Nous convions à cette cérémonie commémorative tous les admirateurs de Herzen, tous les amis du peuple russe, tous les hommes dévoués aux idées de liberté et de justice, enfin tous ceux qui comprennent la beauté d'une vie entièrement consacrée; en dépit de tous les obstacles et de toutes les déceptions, à la poursuite infatigable d'un même idéal.

Le comité d'initiative :
Michel Delines, *Frédéric Stackelberg*, *Michel Toumanoff*.

Comité d'honneur : Gabriel Monod ; Pierre Kropotkine ; Georges Plékhanoff; Alexandre Steinlen; F. Buisson, député de la Seine; Anatole France; Lucien Descaves; Elpatiewsky; Alisson ; Oseroff ; A. Vallette, directeur du *Mercure de France;* L. Dumas, etc.

«СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕРЦЕНА»

Призыв комитетов по чествованию памяти Герцена собраться 6 апреля 1912 г. на его могиле в Ницце. Обращен к представителям международной демократии, к передовым людям всего мира, а также ко всем друзьям русского народа и почитателям писателя. Среди подписавших обращение Г. В. Плеханов, П. А. Кропоткин, В. М. Озеров, С. Я. Елпатьевский, Анатоль Франс, Ал. Стейнлейн, Габриэль Моно и др

Вырезка из неустановленной французской газеты. Начало и конец обращения

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

связан с Домбровским и другими польскими деятелями. В письме от 8 мая 1871 г. Озеров писал Лаврову о Домбровском: «... мы давно и хорошо друг друга знаем и испытали кое в чем ..». Можно предположить на основании отдельных намеков, что в эти годы Озеров имел ближайшее отношение к организации московского офицерского общества (ЦГИАМ, ф. III Отд., 1 эксп. 1866 г., № 100, ч. 142: «О революционном обществе, составленном в Москве офицерами между собой»). Специальное дознание о связях Озерова с этим обществом продолжалось и в 1867 г., когда сам Озеров уже более года находился в эмиграции. 20 сентября 1867 г., получив сведения о том, что Озеров в Париже, следственная комиссия завела и на него особое дело. Ланской 2-й, председатель Верховной следственной комиссии, назначенный после смерти Муравьева, сообщил III Отделению приметы Озерова: «Высокого роста, худощав, около тридцати лет от роду, волосы русые, усы и борода едва заметны, носит высокую мягкую шляпу и пальто, преимущественно на руке». Но арестовать Озерова и на этот раз не удалось. В Париже «по самым тщательным расследованиям», произведенным агентами русской и французской полиции, «Владимира Озерова» не оказалось, установить же, под каким именем он скрывается, агенты не сумели. Отметим здесь, что, заранее подготовляя для французского правительства возможность, в соответствии с существовавшей тогда конвенцией, выдать Озерова России в качестве «уголовного преступника», III Отделение обвинило его в «прикосновенности к делу о подделке русских кредитных билетов». Это обвинение в дальнейшем фигурирует во всех распоряжениях об Озерове, исходящих из III Отделения, повторяется во всех жандармских сводках, вплоть до пресловутой X главы «Истории русского социально-революционного движения», написанной жандармским историком Н. Н. Голицыным. Надо ли говорить, что это грубая полицейская провокация!

Между тем, в это время в Париже русские и польские эмигранты организовали сапожную мастерскую, получившую довольно большую известность. Во главе этой своеобразной артели стоял «сапожник Альберт» — Альберт Шаховской — Озеров — человек, неистощимая энергия которого, жизнерадостность, трудолюбие и преданность друзьям вызывали уважение и привязанность товарищей.

В конце шестидесятых годов происходит сближение Озерова с Бакуниным. Увлеченный широковещательными революционными проектами Бакунина, Озеров надеялся в их осуществлении найти применение своим недюжинным силам. Озеров становится одним из ближайших соратников Бакунина, принимает, в частности, вместе с ним участие в Лионском восстании 1870 г., во время которого спасает Бакунина от смерти. Тем не менее говорить о подлинной идейно-теоретической близости Озерова к Бакунину нет достаточных оснований. Сам Бакунин, признавая выдающиеся способности Озерова к практической революционной работе, называл его «плохим богословом», т. е. деятелем, если и не совсем чуждым, то достаточно равнодушным к проповедуемой Бакуниным анархистской теории. Характерно, что и в области практической революционной работы Озеров, в пору великого подъема рабочего движения, в дни Парижской Коммуны, действовал иногда вопреки противоречивым и сбивчивым советам и указаниям Бакунина. Озеров выступил энергичным, мужественным, уверенным в успехе участником борьбы за Коммуну. Об этом свидетельствует печатаемое ниже письмо его к Лаврову от 8 мая 1871 г., в котором Озеров развивает план создания партизанских отрядов, план организации «революционных элементов» в помощь Парижской Коммуне. Бакунин же, по собственному признанию, старался «всеми силами удержать» Озерова от предпринимавшихся им действий в защиту Коммуны; он пророчил ей гибель (см. письмо Бакунина к Озерову от 9 апреля 1871 г.—«Письма Мих. Ал. Бакунина к Ал. Ив. Герцену и Н. Пл. Огареву». Женева, 1896, стр. 419).

Публикуемые письма Озерова к Огареву показывают, что в последние годы жизни Бакунина Озеров отдалился от него — просил даже не сообщать ему своего адреса и сам не знал, где находится Бакунин (см. письма от 5 декабря 1874 г. и от 20 сентября 1875 г.). Причиной разрыва между Озеровым и Бакуниным, по сообщению Джемса Гильома («L'Internationale. Documents et souvenirs. 1864—1878, par James Guillaume». Paris, 1905—1910, v. 3. p. 53), явилось «отстранение» Бакунина в декабре 1872 г.

от задуманного группой эмигрантов, при участии Озерова, издания журнала. По словам Озерова, инициаторы этого неосуществившегося издания опасались, что Бакунин «будет предаваться в нем бесполезной полемике, как это было по отношению к Марксу».

Весьма примечателен иронический отзыв Озерова о бакунинской программе немедленных бунтов. Озеров вспоминает об авантюристическом восстании, поднятом бакунистами в 1875 г. в Беневента и в этой связи пишет о «ребячестве», «несмыслии» и «путанице идей» (см. письмо от 15 апреля 1877 г.).

Жизнь и деятельность Озерова после подавления Парижской Коммуны мало известны. Из публикуемых писем к Огареву можно заключить, что после вынужденного отъезда из Женевы во Флоренцию в конце 1874 г. Озерову не удалось установить сколько-нибудь прочных связей с революционными кругами и постепенно он оторвался от практического участия в освободительном движении. Однако письма свидетельствуют о том, что Озеров сохранил веру в возможность этой деятельности и с глубоким сочувствием следил за революционной борьбой в России и на Западе.

В 1875 г. Озеров занялся педагогической деятельностью—давая уроки русским детям во Флоренции. Он мечтал об организации новой школы, чуждой рутинерства и педантизма, основанной на началах наглядного обучения, — школы, в которой были бы собраны только учителя, «преданные народу без фраз и совершенно», —как писал он Огареву. Но мечты его не могли воплотиться в жизнь.

Все публикуемые нами письма Озерова и его жены к Огареву проникнуты чувством давней, прочной дружбы. Зародилась она в конце шестидесятых годов, вероятно вскоре после того, как Герцен, находясь в Женеве, в сентябре 1866 г., получил цитируемое выше письмо Домбровского. Правда, у Герцена не нашлось возможности использовать Озерова, как советовал Домбровский, т. е. «для трудов в России». Редакция «Колокола» в это время — в период «белого террора» — не имела почти никаких связей с родиной. Осенью 1866 г. Герцен пришел к мысли прекратить издание «Колокола». Несмотря, однако, на эти тяжелые обстоятельства, Герцен отнесся к Озерову с большой сердечностью, о чем свидетельствуют довольно частые дружественные упоминания об Озерове в письмах Герцена и Огарева в течение последних трех лет жизни Герцена. Между прочим в одном из последних своих писем—от 10 января 1870 г. из Парижа Герцен сообщал Огареву, что Озеров, по его приглашению, начал давать уроки Лизе (XXI, 552). Это, конечно, только деталь, но она показывает, что Герцен питал к Озерову симпатию и полное доверие. За несколько дней до цитируемого письма, 5 января 1870 г., Огарев писал Герцену: «В Париже есть очень хороший человек — Озеров. Отыщи его непременно и тотчас и скажи ему, что я его письмо получил *, но раньше двух недель отвечать не буду. Адрес: rue Bréa, 19. Прими его отечески. Впрочем, я думаю, ты его знаешь» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 573).

Герцен в этом напоминании не нуждался. «Озерова (как ты знаешь) я знаю давным давно», — отвечал он Огареву (XXI, 548). Публикуемые нами письма жены Озерова к Огареву подтверждают, что в декабре 1869 г. знакомство Герцена с Озеровым сделалось еще более близким. После смерти Герцена дружба Огарева с Озеровым не прерывалась. В 1870 г. Озеров, вместе с Германом Лопатиным, переехал в Женеву. Начиная с этого времени, близость Озерова к Огареву с каждым годом все крепла. Летом 1870 г. Озеров принимал участие в попытках Огарева начать издание нового журнала «Русская община» или «Русский Восток» (см. «Лит. наследство», т. 64, 1953, стр. 576—578). Из писем Озерова видно, что в 1872—1873 гг. он неизменно принимал участие во всех подобных попытках Огарева. О политической близости Озерова к Огареву свидетельствует также тот факт, что программное выступление Огарева «Знание и революция» (1874), направленное против Лаврова и Ткачева, было задумано как дружеское «Письмо к Озерову». Даже в ту тяжелую для русских революционеров пору (октябрь 1874 г.), когда, по настоянию русского правительства, Швейцария отказала им в праве убежища и Огарев вынужден был уехать в Англию, а Озеров — в Италию, дружба их не прервалась. Публикуемые письма, в большей своей части, относятся

* Этого письма в нашем распоряжении нет. — *Ред.*

именно к этому периоду. С Огаревым Озеров делился всеми своими надеждами, мыслями и мечтами. Мечтал же он более всего о том, чтобы раздобыть денег и начать вместе с Огаревым издавать журнал—«вновь зазвонить, хоть не в Колокол, а хоть в колокольчик»; он был уверен—вместе они найдут, что́ «сказать добрым людям».

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 161).

Четыре письма см. ниже, в отделе «Аннотации».

1

Ал. ОЗЕРОВА—ОГАРЕВУ

⟨Париж.⟩ 3 ноября 1869

Не умею выразить вам мою благодарность, дорогой Николай Платонович, за такое искреннее участие ваше ко мне. Через вас же я нашла его и здесь, в друзьях ваших, которым вы говорили обо мне с такой добротой. Хотя я мало просвещенный человек, но способна ценить и дорожить теплым, искренним участием, встречающимся в жизни так редко и которое так нужно таким людям, как я...

Александр Иваныч одолжил нам 125 francs. Правда, денежный вопрос был так важен, что кружил нам голову... но я гораздо более была тронута тем неподдельным вниманием, которое выказали нам обоим Александр Иванович и Наталья Алексеевна.

Весьма сожалею, что болезнь помешала мне поблагодарить их лично. Теперь же мое здоровье лучше гораздо, т. е. сравнительно.

Не писала раньше потому, что не знала вашего нового адреса, на Бакунина тоже не могла рассчитывать, зная, что в Женеве он останется недолго.

Кончаю мои несколько слов тем, что скажу вам, дорогой Николай Платонович, из глубины души, до которой проникло меня удовольствие знать вас, что день моего знакомства с вами был одним из лучших дней в моей жизни.

Глубоко преданная вам
А. О з е р о в а [1]

Дайте хотя изредка о себе весть вашим новым друзьям.

Paris, rue Bréa, 19, Mr Ozeroff.

[1] Александра (Саша) *Озерова* — первая жена В. М. Озерова.

2

А. и В. М. ОЗЕРОВЫ—ОГАРЕВУ

⟨Париж. 15 декабря 1869 г.⟩

Не отвечали мы [1] вам, Николай Платоныч, по многим причинам: первая — потому, что рассчитывали дать вам весть о себе чрез одного приятеля нашего, который должен был недели две тому назад навестить вас в Женеве... Некоторые из поручений ваших исполнили, постараемся сообщить вам при удобном случае [2].

Насчет статьи — присылайте; постараемся поместить как можно скорее в журнал, номер которого получите от Мишеля («Travail») [3]; этот журнал распространен между работниками, и, прочитавши номер, будете сами судить о направлении и духе его.

Если же почему-либо желаете поместить статью вашу непременно в один из буржуазных журналов — например «Siècle» или какой-нибудь другой, то сообщите — постараемся, хотя за успех не ручаемся [4].

Мы не имеем никаких известий от А. И. Будет ли он в Париже? [5]

Пишите нам что-нибудь о новостях отечественных. Хотелось бы вновь побывать в Женеве и о многом поговорить с вами, но в настоящем нашем положении мы об этом и мечтать не смеем [6].

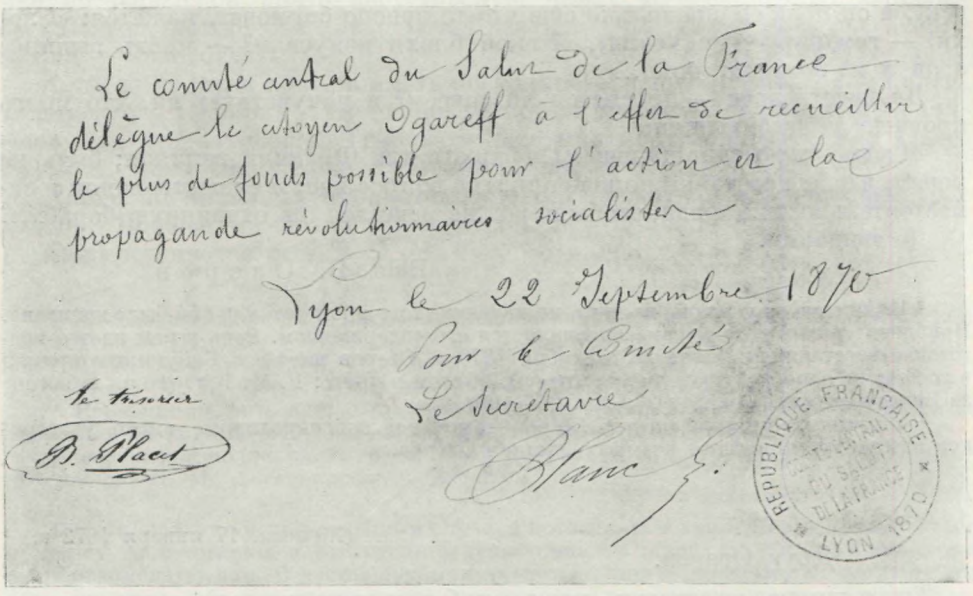
Когда приходят минуты сомнения и вера начинает колебаться, я вспоминаю вас, Николай Платонович, и вновь оживаю духом. Теперь из этого без многих слов вы поймете, какое значение имело для меня наше знакомство, а посему вы приобрели во мне искреннего и преданного вам друга.

А. Озерова

15 декабря 1869. Париж.

Пришлите нам *не прямой* ваш адрес, чтобы писать в случае надобности.

Rue Bréa, 19. Paris.
Oseroff.



МАНДАТ, ВЫДАННЫЙ ОГАРЕВУ «ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ СПАСЕНИЯ ФРАНЦИИ» В ДНИ ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ (СЕНТЯБРЬ 1870 г.)
Огареву поручался сбор средств на революционное дело и социалистическую пропаганду
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

[1] Письмо написано А. Озеровой от имени обоих супругов.
[2] О каких поручениях Огарева идет речь — выяснить не удалось.
[3] Газеты «*Travail*» в московских книгохранилищах нет, а потому установить, была ли помещена в этой газете статья Огарева и какая именно — не представилось возможным. *Мишель*—Бакунин.
[4] В газете «Siècle» за 1870 г. статей Огарева нет.
[5] Герцен приехал в Париж (из Лиона) через четыре дня, 19 декабря.
[6] В конце 1869 г. Озеровы находились в особенно трудном материальном положении.

3

‹Лион ? Сентябрь 1870 г.› [1]

Николай Платонович!

Прошу вас, добрый друг, уведомьте меня, что сталось с моей сожительницей? Ни писем и никаких известий не имею. 3-й день жду ее и m-me Blanc [2] и, не видя их, ничего не зная, сильно беспокоюсь — не случилось ли чего с ними в дороге, если они выехали уже?

Работаем мы тут без устали, без отдыха, без милосердия, не давая никому даже дух перевести, и сами не переводя духа стремимся и хотим увлечь за собой... тех, кто захочет пойти...

Стимулы есть великие, понимание своего положения тоже начинает выясняться, но... посмотрим, есть ли у французов силы — живые силы!.. Глубоки следы, оставленные восемнадцатилетним рабством и систематическим растлеванием и деморализацией подлой и гнусной памяти наполеоновской администрации... Нужно страшное усилие, чтобы народ вырвал эти подлые корни. Весь поголовно мещанский и близко прикасающийся к мещанству мир должен сгинуть — иначе нет спасения... Теперь, только теперь видно, как систематически, с каким искусством привиты французам рабско-полицейские инстинкты и привычки; одна нетронутая, не испорченная, не зачумленная почва — рабочий, а он медленно просыпается... Треплют его, за воротник ухвативши: «Проснись, добрый человек», а он пока со сна только еще что-то неясно бормочет, кажется: «Блохи, — говорит, — искусали». Какой блохи искусали? — кровь выпили, а он и не замечает пока...

Да, еще задача — проснется ли совсем? и почувствует ли, что много крови-то у него выпили?

Ждешь, что будет дальше. Опасность для Франции великая; быть не может, чтобы при таком положении, где вопрос идет о существовании и самостоятельности народа, чтобы народ не решился на отчаянную борьбу...

До свидания.

Ваш В. Озеров

[1] На письме не указаны ни дата, ни название того места, откуда оно было написано. Приблизительная дата письма определяется его содержанием. Речь в нем идет о подготовке восстания в Лионе 28 сентября 1870 г. Озеров вместе с Бакуниным принял в восстании непосредственное участие (см. об этом в книге: Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым, изд. 2. Л., 1926, стр. 96—109).

[2] «*Сожительница*» и «*m-me Blanc*»—вероятно, конспиративные имена участников восстания, прибытия которых ожидал Озеров.

4

(Женева. 17 января 1872 г.) [1]

Друг Огарев.

Ты, я думаю, полагаешь, что я погиб или умер, что так давно не видались; а между прочим, у меня всего только страшнейший насморк.

В пятницу только буду у тебя, чтоб окончательно поговорить о нашем деле [2], которое надо подвигать поскорей, если есть надежда на добычу средств.

Из Цюриха пишут, что Нечаев там устраивает свой лагерь и, о удивление! еще находит честную молодежь, соблазняющуюся его фокусами!!!

Странное, право, наше юношество!..

До свидания.

Твой Озеров

17 января

[1] Год определяется упоминанием о том, что Нечаев «устраивает свой лагерь» в Цюрихе.

[2] «Дело», о котором говорится в письме, — организация журнала. См. об этом в следующем письме.

5

(Женева. Весна 1872 г.) [1]

Друг Ага

Я не то здоров, не то болен — однако ничего. Скверно то, что ходить не могу.

Вот тебе адрес Бакунина: Locarno (Tessin), Albergo del Gallo, Signore Michele.

А вот другой: Locarno (Tessin), Signore Paolo Gavirotti (Farmachista), per Michele.

Соколов [2] просил меня уведомить тебя, чтоб ты его не ждал сегодня. Он вчерашний день уехал *экстренно* в Цюрих, хлопотать по окончательному устройству *журнала* и русской типографии, за ним приезжал и увез его вчера наш общий знакомый *Росс* [3]. На днях ты получишь из Цюриха приглашение участвовать в журнале, а также, вероятно, и программу журнала [4]. Очень рад, что могу тебя порадовать этим известием, всегдашняя твоя мечта осуществится, и ты еще можешь быть полезен и работать.

Твой В. Озеров

Пришлю тебе по почте книжку Соколова: «Отщепенцы» [5], а ты вышли мне по городской почте августовскую книгу «Отечественных записок» за 1871 год, которую я давно хотел взять у тебя, да все забывал. Книга чужая — надо отдать.

А ты, друг, если хочешь иметь постоянно русские журналы или книги, то адресуйся в Цюрих; там юноши устроили чудесную библиотеку — найдешь все, что захочешь. Требуй, и тебе пришлют *каталоги*. Вот адрес: Herrn A. Ross. Oberstrasse, Bremenschlünel (4 Stock), Zürich.

Книги по правилам библиотеки можно держать в продолжение трех недель. Вообще из каталогов узнаешь все правила.

Саша кланяется тебе.

В. Озеров

[1] Приблизительная дата письма устанавливается временем организации русской библиотеки в Цюрихе.

[2] Н. В. *Соколов* — автор «Отщепенцев», см. примеч. 5.

[3] *Росс* — М. П. Сажин. См. в настоящем томе публикацию его письма Огареву.

[4] Повидимому, речь идет о русском журнале, который в это время предполагал издавать в Цюрихе В. М. Александров. Издание не осуществилось.

В «пражской коллекции», среди писем Озерова к Огареву, сохранилось следующее письмо В. М. Александрова к Озерову:

2 февраля (1872 г.) Цюрих

Озеров, пользуюсь превосходным случаем поговорить с вами. Через Женеву будет проезжать мой товарищ и сотрудник будущего нашего журнала, г-н Заблоцкий, чем его и рекомендую вам. В настоящую минуту весьма интересно знать, на чем стоит это дело, «журнал», ибо есть возможность скоро взяться за дело или же приходится отложить в долгий ящик. Г-н Заблоцкий будет проездом в Цюрихе и может мне передать все. Я потому предпочитаю такой способ сношений, что 1) небезопасно доверять это дело письму, 2) в письме трудно обстоятельно и подробно передать все, 3) желательно, чтобы и вы познакомились с ним, как с будущим содеятелем.

Александров

[5] Книга Н. В. Соколова «Отщепенцы» впервые вышла в свет в Петербурге в 1866 г. и была тотчас же конфискована. В 1872 г. В. М. Александров, при содействии эмигрантки Веры Любатович и польского эмигранта Живко, переиздал эту книгу в Женеве.

6

(Женева. Вторая половина октября 1872 г. ?) [1]

Николай Платонович!

Пожалуйста, прочти прилагаемую при сем статью (присланную из Цюриха) и постарайся ее поправить, и потом непременно надо поместить в «Suisse radicale», не теряя времени.

Твой В. Озеров

[1] Датируется предположительно по письму Огарева в редакцию «Suisse radicale» от 29 октября 1872 г.: «Я предлагаю вам опубликовать в вашем уважаемом журнале прилагаемую при сем статью, которую я получил из Цюриха» (перевод с французского черновика письма; см. «Звенья», VI, 1936, стр. 412). Если речь здесь идет о той же статье, о которой пишет Озеров, то записка его относится ко второй половине октября 1872 г.

Отсутствие в библиотеках Москвы и Ленинграда комплекта газеты «Suisse radicale» не дает нам возможности установить, была ли напечатана статья, каково было содержание ее, а также имя автора.

7

(Женева. 28 февраля 1873 г.)

Любезный друг!

Получил твою записочку и отвечаю немедленно.

Гольденберга [1] знаю настолько, что могу сказать: он не шпион. Дело, по которому он приходил к тебе, мне тоже известно. *Оно* действительно необходимо, ввиду того что швейцарское правительство начинает *нас* теснить всеми способами [2].

Как твое здоровье? Я же не совсем здоров, потому что погода подлейшая.

Получил ли ты письмо от Бакунина в ответ на твое? [3]

До свиданья.

Саша тебе кланяется.

Твой В. Озеров

28 февраля 1873 года
Ruelle du Midi, № 10

[1] Лазарь *Гольденберг* — революционер-эмигрант. В записной книжке Огарева, хранящейся в ЛБ, содержится запись, сделанная рукой Гольденберга (см. «Звенья», VI, 1936, стр. 408).

[2] Вместе с другими русскими политическими эмигрантами Гольденберг подписал протест против ареста Нечаева в Швейцарии. Посетил он Огарева, повидимому, в связи с распоряжениями швейцарского правительства, направленными против русской революционной эмиграции.

[3] Вероятно, речь идет о письме Огарева к М. А. Бакунину от 22 февраля 1873 г. В этом письме Огарев просил сообщить ему программу «Русского сборника», который должен был издаваться в Цюрихе при участии Бакунина. Ответное письмо неизвестно.

8

(Баден). 24 августа (1873 г.)

Посылаю тебе свою карточку.

Насчет Генри — думаю, что следует остановиться на *первом* предложении, т. е. из Киева, тем более, что г-жу обнадежили [1].

Если имеешь время и охоту, то пиши мне, пожалуйста, почаще. Я страшно скучаю, а в Цюрих, куда хоть всего $^3/_4$ часа пути из Бадена [2], ездить тоже не хочется — скучно встречать маленьких-великих людей.

Здешний один мой знакомый француз Reclus дал мне журнал «Дело» с условием, чтобы я чрез *8 дней* отправил его к Наталье Алексеевне, но так как я не продержал 8 дней, а всего 3 дня, то посылаю тебе этот журнал для того именно, чтобы ты прочел в нем *одну* статью — «Тенденциозный роман» и по прочтении немедленно отправил бы Наталье Алексеевне. Адрес ты, верно, знаешь, а если не знаешь, то на книжке написан. Я нахожу эту статью именно такой, какие я хотел бы видеть в русской литературе как можно почаще. Именно пора наступила таких статей. Ты знаешь, как часто я говорил с тобой об этом. Автор статьи «Тенденциозный роман» предвосхитил у меня идею... но тем лучше [3].

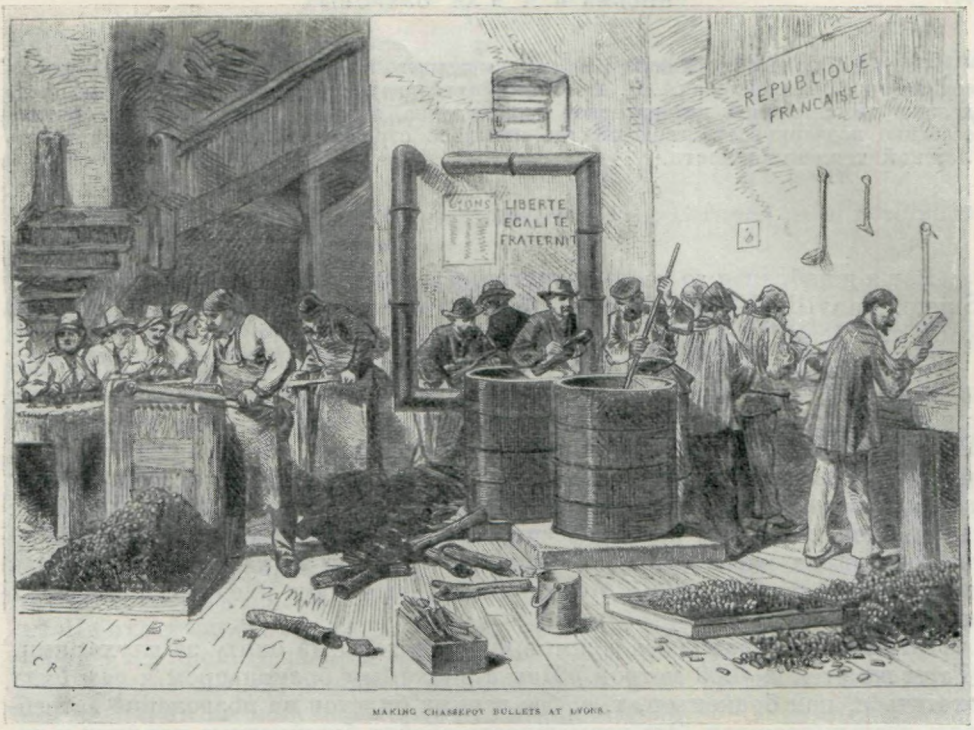
Будь здоров, мой добрый друг, и пиши мне, пожалуйста, хоть два слова. До свиданья. К 1-му или 5-му сентября я буду обратно в Женеву.

Твой В. Озеров

[1] В 1873 г. Генри Сетерленд был приглашен помещицей Каневского уезда Киевской губернии Янковской на должность учителя в школе, устроенной ею для крестьянских детей.

[2] Город в северной Швейцарии, в кантоне Аарглу.

[3] Статья П. Н. Ткачева (Т. Постного) «Тенденциозный роман» напечатана в февральской, июньской и июльской книжках «Дела». В письме к Т. П. Пассек от 31 августа 1873 г. Огарев писал об этой статье: «В июльском № „Дела“ прочти статью о тенденциозном романе „Заволжье“ и биографии Пушкина. Замечательно» («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 73).



MAKING CHASSEPOT BULLETS AT LYONS

PREPARING FOR THE SIEGE OF LYONS: STORING FLOUR AND RICE IN THE CASINO DES ARTS

ЛИОН В ДНИ ВОССТАНИЯ (СЕНТЯБРЬ 1870 г.)

Изготовление ружейных пуль (верхний рисунок). Запасы провианта, сложенные в помещении театра (нижний рисунок)

«The Illustrated London News», 1870, № 1627 от 17 декабря

Статья Ткачева посвящена разбору вышедшего в 1872 г. в Петербурге Собрания сочинений А. Михайлова (А. К. Шеллера-Михайлова). Определяя, каким требованиям должно удовлетворять литературное произведение, критик в числе этих требований особенно подчеркивает необходимость правдиво отражать жизнь и недопустимость ложной тенденциозности.

9

15 декабря 1873 г
Sonvillier

Вот я и добрался до места назначения и теперь посылаю тебе мой адрес: Suisse. Sonvillier (Jura Bernois). A m-r Adhemar Schwitzguebel (graveur) pour m-r Jean [1].

Странный способ лечения ревматизмов предписывает мне доктор: ходить по пять часов в день безостановочно, а на другой день горячую ванну с поташем, а потом электризация. Вероятно, я пробуду здесь недели две. Погода тут превосходная, солнце, при небольшом морозе градусов в 5, кругом лес сосновый и еловый, весь в инее, все покрыто снегом, летают галки и вороны, как в России... по лесной дороге везут дрова на санях и подводчики так же, как в России, забегают в каждый встречный кабачок (которых тоже много) пропустить чарочку... и на кабачке так же, как в России, красуется елка с бутылочкой. Люди идут и едут в рукавицах и валенках.

На днях я отправляюсь в самые высокие горы на охоту за глухарями. (Горы высотой в 4000 метров.) Иду с знакомым браконьером и сам буду охотиться, как браконьер, т. е. без всяких билетов на позволение истреблять лесных граждан. Эта возможность обойти буржуазные порядки и законы составляет для меня двойную прелесть, а горы и лес тут такие, что сам черт меня не поймает...

Если убью глухаря, пришлю тебе по железной дороге. Деревушка, в которой живет мой доктор, находится в Бернском кантоне, почти на границе Невшательского, от Невшательского озера часа два ходьбы. Высоко на Юрских горах (2000 ф.), однако разницы в градусах холода, сравнительно с Женевой, я не замечаю, разница только та, что тут лежит снег вершка в два глубиной.

До свиданья, кланяйся Мери и пиши по адресу, данному тебе выше.

Твой В. О з е р о в

[1] Адгемар *Швицгебель*, гостеприимством которого в Sonvillier пользовался Озеров, — соратник Бакунина.

10

(Сонвилье.) 18 декабря 1873

Письмо твое получил и спешу отвечать, потому что в прошлом письме моем позабыл сказать тебе насчет часов.

Ежели m-rs Mary не ходила еще за покупкой часов по адресу, данному ей мной, то пусть и не ходит. Я здесь могу купить за 30 или 35 frs. гораздо лучшие часы, *серебряные* и прямо с фабрики; итак, ежели желаешь приобрести часы, то напиши — я сейчас куплю и вышлю тебе их по почте. Денег же на покупку не посылай, *отдашь после, когда увидимся*. Я здесь могу купить в кредит или заплачу свои деньги *(что меня не стеснит)*.

Напиши, не имеешь ли известий от Henry и что он пишет нового?

Был ли ты у Фази [1] насчет разъяснения «положения эмигрантов в Швейцарии после заключения ею трактата с Россией о выдаче уголовных преступников»? Напиши мне также о результате твоего свидания с ним. Не был ли у тебя с визитом некий *Ковальский*, он должен был побывать у тебя на днях. Этот Ковальский, кажется, порядочный человек; если будет у тебя, то поговори с ним подробно; может быть, мы с ним и сойдемся.

Он женат и живет пока в Швейцарии, в Montreux, для здоровья своей больной жены; сами они из Харькова [2].

До свиданья, кланяйся m-rs Магу и, если найдешь что писать мне, то пиши поскорей.

Твой В. Озеров

P. S. Адрес тот же, т. е.: Suisse. *Sonvillier* (Jura Bernois). A m-r Adhemar Schwitzguebel (graveur) pour m-r Jean.

[1] Джемс *Фази*— швейцарский политический деятель; в 1873 г.—президент Женевы (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, по указателю).

[2] Речь идет о революционерке семидесятых годов, Елизавете Николаевне *Ковальской* (урожд. Солнцевой) и о ее муже, Якове Игнатьевиче *Ковальском*.

11

(Сонвилье.) 24 декабря 1873

Получил твои оба письма. 1-е, при котором ты послал мне письмо Henry, а второе — ответ на мое (по вопросу о часах). На этой неделе, вероятно в пятницу, вышлю тебе и часы.

Скучаю порядочно; здоровье немного лучше, исключая кашля, который все не отвязывается, проклятый.

На охоту еще не ходил — дожди помешали. Читаю от скуки Дарвинову теорию «О происхождении видов». Понимаю, как могли произойти разные породы зверей, начиная от инфузории и до обезьяны включительно, но никак не могу понять, как мог произойти сам европейский человек!.. (которому, однакож, в книжке Дарвина расточаются только одни похвалы — за цивилизацию!?!)

Что ты поделываешь? идет ли твой перевод для итальянца [1], а я все думаю, неужели же так-таки мы и не соберемся со средствами, чтобы *начать свое*? [2]

Надеюсь, начнем весной. Раньше не думаю, чтобы удалось собраться со средствами. А как тяжело живется без дела по сердцу! Отвратительно скучно.

После нового года, 3-го или 4-го, возвращусь в Женеву и явлюсь к вам есть улиток. Тут отвратительно кормят меня, хотя очень дешево. Надеюсь все-таки, что хоть зайцев пару подстрелю—потому тут их много, и в моем распоряжении имеются собаки. Стало быть, как погода позволит, так и отправлюсь *браконировать*, — а что хорошенького зайца или тетерева, если удастся подстрелить, то непременно пришлю. Постараюсь к новому году, чтобы доставить удовольствие m-rs Магу, которую благодарю за память.

До свидания, добрый мой друг.
Не забывай твоего
В. Озерова

[1] Огарев переводил на французский язык свои стихотворения для Дж.-Б. Гандольфи, который переводил их затем с французского на итальянский (см. ниже в настоящем томе аннотации писем Гандольфи к Огареву).

[2] Озеров все время мечтал о создании вместе с Огаревым собственного журнала

12

30 декабря 1873. Sonvillier.
(Jura Bernois)

Здоров ли ты, друг мой? Что давно нет от тебя писем?

Я почти здоров, т. е. настолько, что в стужу и метель могу делать экспедиции в горы на охоту — и безнаказанно.

Два раза был на охоте, первый — очень удачно: убил огромного зайца. Второй же раз, отправившись за глухарями в самые дикие горы, со мной

было небольшое приключение. Я вышел на охоту до свету часа за 4, чтобы к свету быть на месте, т. е. на вершине самой высокой, дикой и поросшей старым еловым лесом горы. Перед тем днем выпал глубокий снег — ночь была тихая и морозная, и стал я карабкаться на гору по скользким обрывам над глубокими пропастями... где на четвереньках, где придерживаясь за деревья — на снегу при звездном небе хорошо видно. Благополучно совершил я мое довольно опасное путешествие. К свету был на вершине. Лес сосновый, огромный, точно наши русские леса. Глушь и пустыня. Торжествовал я удачу моего смелого и утомительного путешествия и радовался тому, что, значит, еще ноги не изменяют, и рассчитывал уж непременно подстрелить *глухаря* и к новому году торжественно прислать его Мери, великой артистке кулинарного дела..., но, не убивши медведя, как говорит пословица, нельзя продавать его шкуры. Светом задула *бази*, поднялась метель — зги не видно. Сосны стало ломать, с вершины горы стали сыпаться огромные глыбы камня, и я, притаившись под навесом скалы, рад был радехонек, что нашел хоть такое убежище. Я был в безопасности, скала защищала меня, а кругом была такая дикая, но родная сердцу картина, что я позабыл холод и любовался метелью, и воем ветра, и качаньем растрепанных сосен...

Наконец, к полдню я решил спуститься на подветренный, т. е. северный, склон горы, куда не падали обломки скал, что и совершил благополучно. Добравшись до первой мужицкой избушки, я зашел в нее и там встретил добрых стариков-хозяев, которые меня отогрели, усадив *на печку* (такую, как у наших мужиков), накормили картофелем с маслом и потом проводили на дорогу. Так окончилась моя вторая экспедиция на охоту. На днях, пользуясь чудесной установившейся тихой и светлой погодой, я опять отправлюсь.

Ну, до свиданья, друг мой, будь здоров, желаю тебе и Мери хорошо встретить новый год; я дней чрез 10 возвращусь и с собой привезу часы, которые теперь *выверяются* у мастера. Часы очень хорошие, с *двумя* серебряными крышками.

Пиши скорей.

Твой В. О з е р о в

Адрес тот же.

P. S. От Саши получил письма. Она здорова и очень, очень кланяется тебе и Мери.

13

(Женева. 7 октября 1874 г.)

Извини, что долго так не отвечал [1]. За хлопотами было некогда. Мы собираемся выезжать из Женевы [2] во Флоренцию, где, говорят, много русских, так что надеюсь прожить там уроками, в ожидании чего лучшего.

Очень рад, что вы с Мери добрались благополучно в Newcastle. Конечно, там во всех отношениях лучше, чем в Швейцарии. Ежели ты похлопочешь о том, чтобы мне найти какую-нибудь работу, которая давала бы мне вместе с Сашей возможность жить, то я с радостью перееду в Англию, чтобы вместе с тобой начать настоящую работу (иную, не для собственного куска хлеба), но так как у меня других средств к существованию нет, кроме работы, то я и не в состоянии буду приехать в Англию, не обеспечив себе какого-нибудь занятия или места франков на двести в месяц.

Если у тебя найдутся знакомые, то чрез них ты можешь приискивать мне место: или в каком-нибудь бюро, или торговой конторе, или по части хлебной торговли с Россией, или в компании пароходства — вообще везде, где потребуется человек, знающий по-русски, французски и итальянски.

УЛИЦА В РАБОЧЕМ КВАРТАЛЕ ЛИОНА

«The Illustrated London News», 1870, № 1627, от 17 декабря

Очень бы мне хотелось быть вместе с тобой, и я надеюсь, что это удастся, если и ты чрез знакомых своих похлопочешь [3].

В России много нового. Аресты, аресты, аресты. Во всех провинциях. Говорят, арестовано до *пяти тысяч* человек *разных сословий* [4].

В то же время готовят *дворянскую конституцию*!!

В «Неделе», а главное в «Русском мире» (журнале наследника), разбирается проект этой новой конституции [5]. Чудеса!

Чрез неделю мы с Сашей уезжаем во Флоренцию, откуда и пришлем тебе наш адрес. Пиши туда на имя Герцена [6] с передачей мне.

Что новенького слышно от Генри? Я от него не имею писем более трех месяцев. Где он теперь? в деревне или в Варшаве вместе с Янковской?

Вот, кажется, все. Я не совсем здоров: ревматизм сердца мучит. До свиданья, очень кланяйся Мату и не забывай твоего

В. Озерова

7 октября 1874 г.
Женева

[1] Письмо Огарева, на которое отвечает Озеров, неизвестно.

[2] 5 мая 1874 г. под нажимом царского правительства швейцарские власти предложили девятнадцати русским эмигрантам, в том числе Огареву и Озерову, покинуть пределы Швейцарии. Хотя это распоряжение вскоре было отменено, жить в Швейцарии русским революционерам сделалось небезопасно, и осенью 1874 г. Огарев и Озеров уехали: Огарев — в Англию, Озеров — в Италию.

[3] О хлопотах Огарева по подысканию работы для Озерова в Англии см. на стр. 290 настоящего тома.

[4] 1874 г. был годом наибольшего подъема того движения, которое известно под названием «хождения в народ». По официальным данным, оно охватило 37 губерний.

В течение 1874 г. из рядов активной народнической интеллигенции было вырвано репрессивными мероприятиями властей около 1000 человек.

[5] Озеров, вероятно, имеет в виду печатавшуюся во многих номерах «Русского мира» статью Р. А. Фадеева «Чем нам быть?». Этот махровый реакционер пытался доказать в своей статье, что привилегии дворянства в России не могут быть стеснительны для народа. В трех номерах «Недели» за 1874 г. (№№ 36, 37, 40) были напечатаны отклики на статью Фадеева («Проект общественного переустройства», «Бесформенность как система» и «По поводу двух наших статей»).

[6] Сын Герцена, Александр Александрович, жил в это время во Флоренции.

14

10 ноября (1874 г.) Флоренция

Вот мы, наконец, и во Флоренции. Не знаю, что пошлет судьба, — пока еще ничего не видно. С 15 октября мы приехали сюда, но до сих пор за хлопотами я не мог собраться, чтобы написать тебе.

Недавно получил письмо от Родичева [1] из Питера и посылаю его тебе. Наталья Александровна вместе с Лизой были у нас и оставили нам твой новый адрес. Только адрес этот мне кажется не совсем ясным, однако посылаю письмо, а ты, отвечая мне, повтори в своем письме этот адрес.

Флоренция и Италия мне не нравятся — какая-то скучная сторона, тут все навыворот, начиная от ключей и замков, запирающихся и отмыкающихся навыворот, однако жить покойней и дешевле, чем в Женеве, а главное — что никто тебя не спрашивает, кто ты, зачем и почему? А уж это удобство немалое.

Уроков и работы пока никакой не нашел, а надежды есть: русских семейств, проводящих здесь зиму, таки число порядочное.

Недавно получил письмо от Генри. Из письма Родичева увидишь, что он собирается написать статейку о русских крестьянских бунтах; на первый раз хочет написать о Бездненском деле (в 1861 году); печатать будет за границей, поручит нам. Вероятно, придется печатать в Женеве в типографии *Трусова* [2], с которым я говорил и который на это согласен; он берет дешевле других и печатает все, что дадут; это единственная доступная *для всех* русских революционная типография.

Письма Родичева очень интересны, но не знаю только, как отписать ему, боюсь за него.

В России просто дошли до дикого бешенства — хватают всех ни за что, ни про что. Десятками ссылают по одному подозрению. Это все проделки нового начальника III Отделения *Потапова* [3]. Хочет отличиться! — а другие говорят, что хотят запугать царя, чтобы дал дворянскую конституцию!! Эка, Англия их соблазняет... Это все хорошо, да где возьмешь в России английскую аристократию... Чудаки, право, и старые шалуны... Поскорей бы уж дошалились до чего-нибудь.

Мы с Сашей почти здоровы, только от холодных каменных полов горло все простуживаем.

Кланяйся Мери много, много; мы с Сашей часто об вас говорим и вспоминаем и радуемся, что вам в Англии поспокойней женевского...

Вот тебе наш верный адрес: Italia, Firenze. Via Nazionale, 38a. 3 piano.

До свиданья, пока больше сказать нечего.

Твой В. Озеров

[1] О Ф. И. *Родичеве* см. ниже, во вступительной заметке к публикации его писем к Огареву.

[2] Об А. Д. *Трусове* см. в приложении к публикации писем Н. И. Утина к Герцену и Огареву.

[3] Генерал-адъютант А. Л. *Потапов* был шефом жандармов и главным начальником III Отделения с 1874 по 1876 г.

15

5 декабря ⟨1874 г.⟩ Флоренция

Добрый мой друг,
Николай Платонович.

Давненько я не писал тебе, ты, я думаю, беспокоишься? Не писал потому, что был нездоров, сперва я, а потом Саша; ко всему еще и бесконечные хлопоты о приискании работы... работы же пока не нашел — нет ни уроков, ни переводов; не знаю, как и чем мы будем жить; но я не бескуражусь: поискавши хорошенько, а главное, познакомившись с здешними русскими, наверное, найдется. Все же здесь лучше, чем в Женеве.

Был я раз у Александра Александровича. Он меня принял хорошо и любезно, хотя я и не думаю, чтобы чрез него нашел какое-нибудь занятие; ему не до нас; он слишком занят и своими делами, да и навязываться с просьбами не хочется; как-нибудь и сами пробьемся, а может быть, когда он устроит свое *мясное дело*[1], то тогда при том деле будет занятие и для меня.

Что тебе сказать еще о нашем житье-бытье? Мы с Сашей часто вспоминаем тебя и Mary. Много тут у нас завелось знакомых русских, да ни одного душевного человека... Среди людей — пустыня!.. А я все думаю, как бы от какого хорошего человека денег раздобыть на наш журнал; недурно было бы! Надеюсь, что рано или поздно встречусь-таки с каким-нибудь честным и смелым человеком и чрез него устрою возможность вновь зазвонить, хоть не в Колокол, а хоть в колокольчик... Сказать добрым людям мы бы нашли что. Я, вот, соберусь с силами да и напишу что-нибудь, то, что давно лежит на душе... тебе пришлю на прочтение и добавление, и пусть лежит до поры до времени, пока или заработаю, или добуду другим путем денег на напечатание. А ты тоже, с своей стороны, как придет мысль какая, не откладывай, а сейчас пиши; ничего, что не можешь печатать, пусть лежит; время придет — напечатаем.

Я все силы употребляю, чтобы знакомиться с людьми и заводить связи... да что поделаешь? В наше время симпатичных, чутких и откликающихся на зов людей так мало, как на бесплодной ниве колосьев — «колос от колоса не слышно и голоса».

Ну, вот, друг, будет. Знаю, что не любишь длинных писем. А ты мне пиши хоть самые длинные, твои письма я люблю; только пиши чаще и не сердись, что я редко пишу, да франкируй свои письма, а то прошлое письмо ты недостаточно офранкировал, а итальянская почта содрала с меня 1 f. 20 c.

Много и крепко кланяется тебе Саша; Mary также передай наш дружеский поклон, да не забывайте нас, искренне любящих вас обоих.

А. и В. Озеровы

От Henry получил письмо недавно. Ему хорошо.

P. S. Что-то тебе писал Михаил Александрович? Если помнишь — сообщи. Да, пожалуйста, ему моего адреса не давай [2]. Вообще никому не давай.

Адрес: Firenze. Italia. Via Nazionale, 38, p. 3°.

[1] О «*мясном деле*» А. А. Герцена—см. в следующих письмах.

[2] Повидимому, перед отъездом Озерова во Флоренцию между ним и Бакуниным произошло какое-то столкновение.

16

18 января 1875 года. Флоренция

Чтобы не откладывать в долгий ящик, я, как только получил письмо твое от 15 января [1], сейчас же и отвечаю тебе. Очень рад, что живется тебе попокойней, что не преследует тебя шум и гам больших городов. Пози-

ция, избранная тобой, очень хороша — так близко от Лондона и, вместе с тем, так далеко от шума его [2].

Да, друг, и я хлопочу, чтобы приобресть какие-нибудь средства на издание. Слышал ли ты, что в Женеве недавно издали брошюру о следственном деле, бывшем в Швейцарии над поляками, занимавшимися подделкой фальшивых ассигнаций (русских)? Оказывается, по суду, бывшему в Цюрихе, что основатели *фабрики* были *русские чиновники III Отделения!* Брошюра издана по-немецки, по-французски и переведена на русский язык. Я еще брошюры той не видал, но, говорят, она очень интересна фактами, доказывающими подленькие проделки нашего правительства. Напиши Элпидину, он вышлет тебе брошюру, а ты опубликуй в английских газетах [3].

Здоровье мое вместе с погодой поправилось, занятие себе нашел небольшое — имею один урок из математики и истории, что дает мне 150 frs. в месяц. Конечно, вдвоем трудно жить на 150 fr. в месяц, но я надеюсь, что найду себе еще уроков, так что кое-как прожить можно будет— пока же плохо. Флоренция начинена аристократической русской сволочью, которая не очень-то охотно возьмет меня, эмигранта, в учители к своим детям. Да и непрочное это дело. Недавно Александр [4] был у меня, предлагал мне, чтобы я попытался составить компанию из русских для торговли мясом при помощи его сохраняющего способа. Хорошо было бы, если бы такая компания создалась, я бы мог иметь место *комиссионера*, а стало быть, верный заработок на жизнь; но дело в том, как составить такую компанию? Впрочем, попытаюсь. Не знаешь ли ты, где находится теперь Мальчинский [5]? Пришли мне адрес его. Вот для Мальчинского, ищущего себе коммерческого занятия, это дело было бы подходящее. Я ему хочу написать, да не знаю, где он теперь. Если знаешь — сообщи. Теперь Александра нет во Флоренции, он уехал в Рим на несколько дней. От Henry получил недавно письмо; он переехал в Варшаву вместе с семейством Янковской.

Благодарю тебя за стихи, мне они очень понравились. Не можешь ли ты прислать мне том твоих стихотворений? Я бы очень желал иметь их. Да еще, кстати, если можно, достань мне тот номер вашего старого «Колокола» (1861 или 1862), где рассказано было о бунте в Казанской губернии в селе Бездне, зачинщиком которого был некий Антон Петров [6].

Теперь в России пора очень смутная, крестьяне в ужасном положении и не ждут более ничего от «Положения», а все попрежнему ждут какой-то новой воли. Так вот хотелось бы написать что-нибудь, как было в недавнем прошлом, как в каких местах бунтовал мужик и за что. Нужно такую книжечку распространить в России. А так как в 1861 году Бездненский бунт был самый крупный (было до 10 000 народу), то и хотелось бы начать с этого. Факты же нужны верные, потому и хотел бы приобрести тот номер «Колокола», где история эта была рассказана со всеми подробностями.

Кланяйся от нас Мери много, много, мы ее любим и уважаем — не как аристократку или барыню, но как хорошего и честного человека.

Затем, желая вам спокойствия и здоровья, просим не забывать нас и писать почаще.

До свиданья, добрый друг.

Твой В. О з е р о в

От 1 февраля наш адрес будет: Via S-ta Reparata № 3, p. 2.

P. S. Когда будешь в Лондоне, поспрошай у тамошних твоих русских знакомых, не найдется ли для меня местечка при какой-нибудь торговле. Я бы тогда с удовольствием переехал в Лондон, а пока подучился бы английскому языку.

[1] Это письмо Огарева к Озерову неизвестно.
[2] Огарев переселился в это время в Гринвич.
[3] В конце 1874 г. в Цюрихе польскими эмигрантами была выпущена в свет брошюра под заглавием «Die polnische Falschenbande und die russischen Staatsrätte und deren Agenten». В брошюре документально доказывалось, что так наз. ивердонский и золотурнский судебные процессы о подделке кредитных билетов были инспирированы с провокационной целью русскими правительственными агентами для дискредитации польских революционных эмигрантов. В действительности организатором фабрики фальшивых ассигнаций был русский чиновник, статский советник Гавриил Каменский, который в своей «деятельности» отчитывался перед министром финансов. Издание русского перевода брошюры, подписанного П. Ткачевым и М. Элпидиным, датировано 27 июня 1875 г.
[4] *Александр* — А. А. Герцен.
[5] Кто такой *Мальчинский*, в точности установить не удалось. Возможно, что это А. П. Мальшинский, журналист, вращавшийся в эмигрантском кругу середины шестидесятых годов, а позднее агент Священной дружины, издававший по ее поручению «Вольное слово». См., однако, в записной тетради Огарева рядом с адресом Озерова адрес N. Malchinsky (ЛБ, Г.—О. VII. 5, тетр. № 35, л. 3 об.).
[6] Речь идет об обширном «Сказании о безднинском побоище», напечатанном в лл. 122—125 «Колокола» от 15 февраля — 15 марта 1862 г.

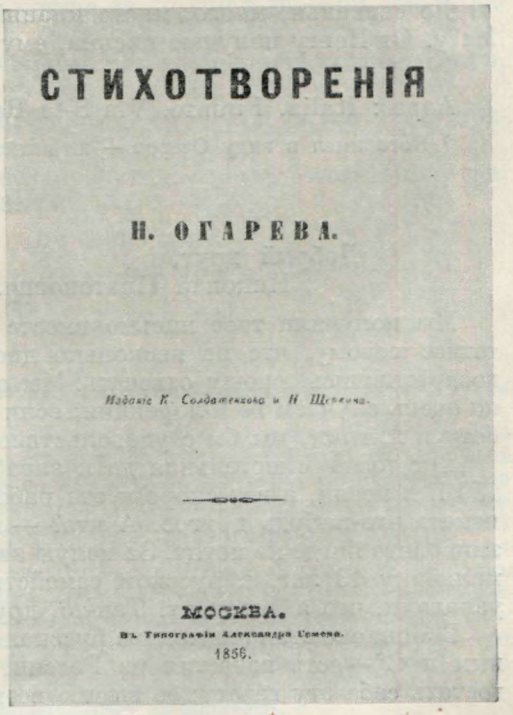
17

(Флоренция. Февраль 1875 г.)

Больше недели, как получил твое письмо, добрый друг, и очень был рад, потому что начинал беспокоиться о твоем здоровье.

Я все жду от тебя, что когда побываешь в Лондоне, то вышлешь мне книжку твоих старых стихов и те номера «Колокола», в которых было рассказано дело Антона Петрова в Казанской губернии в селе Бездна, если помнишь, кажется, это было в 1861 или 62 году.

Живем мы во Флоренции, или, лучше сказать, дни коротаем, очень скучно; средства наши плохи — я даю уроки одному русскому мальчику из математики и физики и зарабатываю *сто пятьдесят франков* в месяц. Вот и все, больше нет никакой работы, а тут жить дорого, за одну квартиру из этих 150 f. приходится платить 75 f. в месяц. Приходится подтягивать


СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ОГАРЕВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ОГАРЕВА, 1856 г.
Титульный лист

животы... все бы ничего, и хлебушком как-нибудь пропитались бы, если бы толк какой-нибудь был из этого, хоть бы надежда была, что польза кому-нибудь выйдет, хоть бы для чего было жить..., а то, черт знает что за чепуха такая жизнь... На дело серьезное людей не дозовешься, да и где они, эти люди-то?!.. А забавляться да самого себя тешить, впутываясь в разную нигилистическую чепуху... «есть тьма охотников, я не из их числа».

Однако не скажу, что я так-таки совсем бездельно проводил время — нет, тут удалось познакомиться с двумя хорошими людьми[1], и я *связался* с ними, так что надеюсь, может, со временем чрез них и средства какие-нибудь добуду, да и напечатаешь какой-нибудь номерочек.

Если у тебя есть что-нибудь приготовленное для такого номерочка, то сообщи — это может стимулировать и меня, и авось тогда скорее раздобудемся на деньги, нужные для печати.

Читаешь ли ты русские журналы, следишь ли за внутренними событиями? Я только из иностранных узнаю урывки, а то нет средств ходить в библиотеку—единственное место, где обретается «Голос»... В библиотеке надо 35 frs. платить за абонемент в год и 20 за $^1/_2$ года...

Тата и Лиза здесь во Флоренции, но у нас были только раз. С Александром видаемся чаще; его дела по мясной компании идут недурно; я надеюсь, может и мне удастся пристроиться как-нибудь к их делу: ведь надо жить чем-нибудь!.. Уроками не проживешь.

Очень хотелось бы мне перебраться в Англию, да подымается вопрос бытия... то есть, чем я там буду питать свое бренное тело? Да когда бы еще сам — ничего, пошел бы куда-нибудь нанялся, а то с Сашей, вдвоем, трудно. А страна Англия такая, что работы и своим мало — мрут с голоду. Вот, если бы ты возобновил, как я уже писал тебе раз, старые знакомства с теми русскими купцами, что в Лондоне, да чрез них или у них нашлось бы мне местечко хоть на 250 frs. в месяц, то я тогда и дня не остался бы во Флоренции. Мало того, что тут плохо живется, но и скучно живется —там, в Англии, хоть душу бы с тобой отводили, а то, может быть, и что-нибудь сделали бы еще.

До свиданья, много, много кланяйся от меня и от Саши доброй m-rs Mary. От Henry получаю письма, ему хорошо.

Твой В. О з е р о в

Адрес: Italia. Firenze. Via S-ta Reparata, № 3, p. 2.

[1] Кого имел в виду Озеров — не выяснено.

18

(Флоренция. 16 апреля 1875 г.)

Добрый друг,
Николай Платонович.

Мы получили твое письмо вместе с письмом m-rs Mary. Не отвечали тотчас потому, что на несколько дней уезжали из Флоренции; теперь, возвратившись, спешу отвечать. Мы оба, т. е. я и Саша, здоровы, но только очень скучаем во Флоренции; если бы была надежда иметь верную работу в Англии, мы бы с удовольствием перебрались бы туда.

Тут тоска смертельная да и заработки плохи. Я зарабатываю всего 150 f. в месяц, а вот скоро и эта работа прекратится, так что надо будет искать что-нибудь другое. А что? — ничего не выдумаю. Нашего брата-эмигранта нигде не хотят. За целую зиму едва удалось найти один урок — мальчику 13 лет, в русском семействе,— а то везде отказывали, когда узнавали, что я эмигрант. Так-то, друг, перебиваемся изо дня в день.

В Лондоне стала выходить русская газета «Вперед», издаваемая Лавровым и С°— есть известия из России, очень интересные. Ты постарайся достать себе эту газету; ее вышло всего четыре номера.

Пиши чаще, мы так рады, когда получаем твои письма.

Судя по журналам, кажется, что скоро Австрия подерется с Пруссией — ну, тогда заварится каша. Об Италии нечего сказать путного, разве что король постоянно целуется то с австрийцем, то с пруссаком. Ну и пусть, на здоровье.

На днях тут будут судить тридцать пять человек интернационалистов за то, что сделали нападение на банк. Конечно, осудят лет на десять тюрьмы.

От Henry недавно получил письмо. Его хозяйка в этом году приедет за границу, и я, по всей вероятности, буду видеться с ней. Тогда напишу тебе, что она сообщит мне о житье-бытье Henry.

Кланяйся Mary много, много и не забывай твоего

В. Озерова

16 апреля

19

(Флоренция. 28 апреля 1875 г.)

(. . .)[1] Вот посылаю тебе адрес редакции «Вперед»: London, E. C. Clerkenwell, Lower Charles Street, 4. Redaction «Forward»... Когда будешь в Лондоне, то зайди или пошли им свой адрес; вероятно, они станут присылать тебе эту газету, потому, как я слышал, что Лавров (издатель) давно хотел иметь твой адрес [2].

Во «Вперед» интересен отдел: «Что делается на родине?» У них, как видно, много сношений и хорошо организованная корреспонденция. В одном из последних номеров (за 17 февраля) найдешь известие о комиссии по *правам рабочих* под рубрикой «Валуевская компания». Вот так права! [3] т. е. господа комиссия хочет отдать рабочих в полную власть хозяевам их. Это новое закрепощение. Да, впрочем, от русского царя с его кликой только этого и можно ждать. Но что достойно внимания, так это аресты, в особенности аресты, производимые по деревням. Арестованы были и мужики и работники. Пропаганда пошла из столиц в деревни. Это хороший симптом.

Что тебе удалось сделать с Трюбнером? Чем ты покончил с ним? Пиши, пожалуйста.

Мне нечего сказать тебе, все попрежнему. «А скука, скука, боже правый, гостит и тут, как над Невой»[4].

Вот и всё. Мне сегодня очень нездоровится, голова болит. Пишу же, собственно, чтобы не задержать ответа.

До свиданья.

Твой В. Озеров

28 апреля 1875

Firenze. Via S-ta Reparata, № 3, p. 2.

[1] Начало письма не сохранилось.

[2] Об отношениях Огарева с Лавровым см. в настоящем томе, в публикации писем Лаврова к Огареву.

[3] Озеров имеет в виду статью «„Валуевская комиссия“ и русская пресса» в № 4 «Вперед» от 1 марта 1875 г. В этой статье раскрывается классовый характер открытой 17 января 1875 г. под председательством П. А. Валуева комиссии для рассмотрения законодательных проектов о найме рабочих и прислуги. Повидимому, внимание Озерова особенно привлекли следующие строки статьи: «...34 представителя поземельного и промышленного эксплуататорства. Но где же представители 15 миллионов рабочего народа? Где представители мужицкой Руси? Они отсутствуют. В совете волков овцы были бы лишние... Хищники не потрудились даже надеть маску приличия; они призваны одни писать законы в свою пользу. Итак, повидимому, дело совершенно ясно: состав комиссии бесспорно убеждает, что комиссия образована против рабочих, что русское правительство явно заключает оборонительный и наступательный союз с эксплуататорами русского народа...»

[4] Неточная цитата из «Тамбовской казначейши» Лермонтова.

20

25 июня 1875. Firenze

Добрый друг.

Что значит, что так давно не имеем от тебя никаких известий? Жив ли ты и здоров?

Мы как-то недавно прочли во «Вперед» твои стихи [1]. Значит, ты познакомился с редакцией «Вперед». Вероятно, тебе в Англии живется лучше, чем в Швейцарии, и теперь, хоть изредка, да все-таки можешь и напечатать что-нибудь, а это хоть небольшое удовлетворение.

Если ты читаешь корреспонденции из России (во «Вперед»), то знаешь, что́ там делается. Я хотя сам не получаю «Вперед», но пользуюсь чужим, нахожу, что отдел корреспонденции из России очень хорош. Вообще я рад, что редакция умно поступила, решившись издавать газету, а не толстый журнал, как прежде, наполненный только философией [2]. Газета — дело более живое.

С некоторыми взглядами почтенной редакции я не совсем-то согласен, но все-таки очень рад, что существует (хоть и не совсем удовлетворительный, по-моему), но все-таки существует орган революционный [3]. Если бы между русскими было поменьше глупого задора, то побольше можно бы дела сделать. А то при малейшем несходстве мнений только пакостить начинают друг другу.

Пора бы перестать.

Что Мери? Как ее здоровье? Пиши нам скорей. Расскажи, каковы твои отношения к редакции «Вперед» и на что можно надеяться с этими людьми. Я хотя многих из них знаю, как Лаврова, Лопатина, но все-таки не знаю остальных. Судя по номерам газеты «Вперед», вся редакция или, скорей, тон этой газеты изменился к лучшему, т. е. мне больше нравится, чем прежний их толстый, тяжелый журнал.

Что пишет Henry?

До свиданья, не забывай твоего

В. Озерова

Firenze. Via S-ta Reparata № 3, p. 2.

[1] Озеров имеет в виду стихотворение Огарева «Свидание», опубликованное в № 10 «Вперед» от 1 июня 1875 г. Оно напечатано со следующим примечанием П. Л. Лаврова: «Это стихотворение прислано нам Николаем Платоновичем Огаревым. С удовольствием помещаем в нашей газете строки друга и товарища Герцена, одного из основателей первой Вольной русской типографии».

[2] Начиная с июля 1873 г. Лавров издавал непериодические сборники «Вперед!» (вышло пять томов). Двухнедельная газета под тем же названием выходила под редакцией Лаврова в 1875—1876 гг.

[3] Получив это письмо, Огарев писал Лаврову 1 июля 1875 г.: «А эти дни я чрезвычайно доволен, что имею письмо от Озерова, который жив и здоров, во Флоренции и читает „Вперед“» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 580).

21

(Флоренция. 20 сентября 1875 г.)

Ну, хоть не скоро, а все-таки собрался ответить тебе, друг Николай Платонович. За долгое молчание извини. Я целый месяц был в деревне, в горах. Во Флоренции было так жарко, что я чуть не задыхался.

Как я рад (получивши твое письмо), что ты был в Лондоне и что надеешься что-нибудь помещать в лавровском издании. В последнем номере «Вперед» от 15 сентября мне нравится передовая статья, прочти ее со вниманием, она очень кстати — ответ лженауке и ее буржуазным корыстным выводам [1].

Напиши мне, как понравились тебе люди редакции «Вперед».

Как твое здоровье и здоровье Мери?

«ПАПАША ТЬЕР»

Карикатура Кленка (рисунок карандашом)

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

От Генри давно не получаю писем. Завтра буду писать ему (только не по-русски; да по-русски он и не знает). Очень хотелось бы мне повидаться с ним. Каков-то он стал теперь? Во Флоренции тоска порядочная. Русских много, но это не нашего поля ягода.

Саша здорова, кланяется тебе и Мери.

Я изредка видаюсь с Александром, он очень любезен со мной — вероятно, потому, что знает, что я твой друг. Жена его—хорошая женщина — только, бедняжка, хворает. Жаль очень, она еще молодая женщина.

Имеешь ли ты книгу (нового издания) сочинений Александра Ивановича? Если будешь иметь два экземпляра — пришли мне один [2].

Не знаешь ли ты, где теперь Михаил Александрович?

Мы живем во Флоренции очень и очень скучно. Главное, что убивает меня,—это недостаток работы и дела... [3]

Тоска просто заедает, и завидую иногда людям, так легко удовлетворяющимся вздором. Скучно, друг, да что поделаешь?

Ну, до свиданья. Пиши, пожалуйста, чаще и подробней... Может быть, у тебя вокруг больше интересного. До свиданья.

Душевно кланяюсь Мери.

Твой В. Озеров

20 сентября
(Italia. Firenze.
Via S-ta Reparata, № 3, p. 2).

[1] Озеров имеет в виду статью «Социализм и борьба за существование», напечатанную в № 17 «Вперед!» от 15/3 сентября 1875 г. Основная мысль статьи резюмирована в ее заключительных словах: «Великие открытия Дарвина, за которые с такой жадностью уцепились буржуазные мыслители, думая на них построить „научную“ теорию вечной конкуренции между людьми и вечного эксплуатирования одних другими, при внимательном изучении служат лучшею „научною“ опорою социализму и лучшим доказательством того, что лишь солидарность человечества, требуемая социализмом, может обеспечить будущность развития человечества».

[2] В 1875 г. начало выходить десятитомное Собрание сочинений Герцена, так называемое «женевское».

[3] Под впечатлением этих строк Огарев в письме от 8 октября 1875 г. писал Лаврову об Озерове: «...Не найдется ли ему работа в Лондоне? Во Флоренции ему на два урока не прожить и тоска одолевает. Остановиться он, конечно, может у меня, но вопрос — в возможности работы. Пожалуйста, дайте ответ поскорее» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 585). Лавров ответил отказом (см. настоящий том, стр. 290), вследствие чего Огарев в письме от 13 октября 1875 г. писал ему: «...Грустно мне ваше мнение об Озерове. Я думал, что он мог бы поселиться у нас, и даже климат для его расширения сердца был бы получше юга. Это человек, которого я очень люблю и уважаю. Подумаю еще и на днях стану ему писать» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 585).

22

23 марта 76. Флоренция

Спасибо тебе, старый друг Ага, что ты, *разбогатевши*, не забыл о нас... [1] Нет, шутки в сторону, деньги, посланные тобой, очень кстати, потому что пред этим я был несколько времени болен, дней 8, и за все это время не мог ходить давать уроков, значит образовался было дефицит в нашем бюджете — тебе точно вдохновение было ниспослано послать деньги именно в такое время, когда они нам именно особенно нужны. Спасибо сердечное еще раз. Не отвечал я тебе так долго потому, что только сегодня едва, с тысячами формальностей, мог получить деньги с почты (тут это процедура сложная). Наконец, получил — и спешу тебя уведомить. Посылаю тебе письмо от Генри, только что полученное.

Много кланяемся Мери; мы с Сашей оба что-то было прихворнули — теперь поправляемся. Погода у нас хуже даже европейской политики, т. е. мразь и слякоть — равноденственную линию переходим.

Италия меня просто потешает; чиновники (чуть не каждый день случай) нет-нет да и утянут кассу какую-нибудь да и в Америку. Прелесть, брат! В Бельгии воруют и бегут! в Италии воруют и бегут! Королевский сынок (Мирафиори, незаконный) выпускает на папашино имя фальшивые векселька на несколько миллионов... В России Константин Николаевич берет 7 миллионов и не дает отчета! [2] А банкротства банков и торговых обществ! это à l'ordre du jour! * Это все веселенькие пейзажики. Уж как пойдет на воровство да на банкротство, то немудрено, что вслед за Турцией начнут банкротиться и другие.

Да здравствуют банкротства; может, таким порядком и покончит скорей старая, подлая Европа...

Пиши, пожалуйста, какой это Серебренников? Семен, что ли? [3]

Вот, друг, кажется, и все, сказать больше нечего, кроме того, что мы с Сашей попрежнему любим вас обоих.

Твой В. Озеров

[1] Огарев получил небольшую сумму — несколько сот франков — от своей сестры, Анны Платоновны Плаутиной, и поспешил послать Озеровым часть этих денег.

[2] В письмах к Лаврову от 13 и 29 марта 1876 г. Огарев тоже пишет о воровстве в. к. Константина Николаевича: «Не забудьте, что этот г-н цесаревич только что украл 7 миллионов рублей из кассы». В подтверждение Огарев приложил вырезки из №№ газеты «Daily Thelegraph» от 11 и 20 марта 1876 г., в которых были напечатаны сообщаемые им сведения («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 590).

[3] Семен Иванович *Серебренников* — уроженец Сибири, содержатель типографии в Петербурге. С 1869 по 1874 г. он находился в эмиграции в Швейцарии. В 1874 г. в Пруссии Серебренников был арестован и выдан русскому правительству.

23

15 апреля 77. Флоренция

Добрый друг, на письмо твое только теперь собираюсь отвечать. Причин много; был болен порядочно, а потом и Саша тоже, в свою очередь, слегла в постель. Вообще существование наше скучное и почти бесполез-

* в порядке дня (франц.).

ное... Разве приношу ту приходную пользу, что, просвещая умы детей, могу внести луч света в потемки их сознания?.. Но польза эта так микроскопична, что и говорить не стоит!.. Из барских детей, конечно, выйдут барчата... Грустно мне иногда бывает, когда смотрю на острого, бойкого мальчишку — знаю, выйдет в жизни кулак из него... Милая, добрая, умненькая девочка — выйдет законная супруга, а если очень даровита, то проститутка... Fiat voluntas tua... * Жернов общественной мельницы перемелет их по-своему. Правду покойный Герцен говорил: «Современный европейский строй — это выгнившее в середине дерево, но которое долго, долго простоять может». И простоит... Восточные ветры не свалят его еще... Со всех сторон одинаково плохи, одинаково разорены, одинаково живут изо дня в день... равенство условий, равенство бессилия дает равновесие. Значит, даже после потасовки не предвидится перемены... Я не жду добра. В другом мире — в мире протестующих — ребячество... И не у нас только, но и здесь; так, недавно шестьдесят или восемьдесят человек взялись за оружие и отправились в горы, сжигать бумаги деревенских муничипий!.. Буквальная программа покойного Михаила Александровича! [1] Но увы, даже озлобления не вызвало это восстание интернационалов!.. Смеются над ними, вот и все... В самом деле жаль — хватает геройства на подвиг, но все кончается ребячеством, и гибнут бесплодно юные силы... Черт знает, отчего это происходит? но факт тот, что все проявления революционного протеста поражены каким-то несмыслием!.. Путаницы ли идей виноваты в этом или какие другие причины? Я не берусь решать... Не напишешь ли ты мне стихами решение этой роковой задачи?

Почему «Вперед» прекратился? Я понять не могу причины. Пиши, если знаешь что-нибудь о делах «Вперед» [2].

Как ты и Мери поживаете? Вы только и остались у нас единственные друзья, а с остальными чувствуется холод отчуждения... Получили ли вы, наконец, вести от Генриха? Если будет война[3], то переписка с ним станет еще затруднительней. Мне же он попрежнему не пишет.

До свидания.

Твой В. О з е р о в

[1] Озеров пишет о неудачном восстании, поднятом весной 1875 г. бакунистами в итальянской провинции Беневента. В нем участвовал С. М. Кравчинский. — *Программа покойного Михаила Александровича* — программа Бакунина.

[2] Издание газеты «Вперед!» прекратилось на № 48, в конце 1876 г., когда из-за разногласий с группой сотрудников П. Л. Лавров вышел из состава редакции.

[3] Речь идет о русско-турецкой войне 1877 г. Манифест об объявлении Россией войны Турции был подписан 12 апреля, но военные действия на Европейском театре начались позже.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. М. ОЗЕРОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

ДВА ПИСЬМА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ**

1

8 мая 71. Женева, à la Cluse, 12 [1]

Наконец хоть от вас получил известие об Россе [2], о котором с 23 апреля ничего не знаю. Известие вашего письма о том, что, *хотя* при вашем посредстве удастся, быть может, *Россу* повидаться с Домбровским [3], утешило меня. От этого свидания я ждал (и пока еще, по необходимости, — жду)

* Да будет воля твоя... (лат.).

** Автографы. Хранятся в ИМЭЛС при ЦК КПСС, фонд П. Л. Лаврова.

некоторых результатов, если Росс *серьезно* принял поручение, данное ему отсюда и формально...[4]

Рассказав вам, в чем заключалось поручение, данное Россу и спутнику его, Ланкевичу[5], я в то же время отвечу и на вопросы вашего письма о наших намерениях, отношениях к революции и проч. ...

Росс и Ланкевич должны были доставить Парижской Коммуне (при посредстве Домбровского и Варлена) наш *проект*: как употребить революционные французские и иностранные сочувствующие революции элементы на помощь и поддержку Парижа... Наше предложение или, лучше, проект послан от имени целой группы интернациональных работников (конечно, в общих чертах, насколько позволял риск пересылки писанного документа) как решение съезда делегатов...

Конечно, мы очень хорошо понимаем, что сочувствие наше Парижской революции 18 марта не должно и не может ограничиваться манифестами и вообще только печатным словом, но, с другой стороны, тощие кошельки пролетариев не позволят нам *всем* ехать прямо в Париж или даже двигаться с места... а между прочим многие из нас готовы и способны оказать серьезное содействие... Что же делать?

a) Положение дел в провинции Франции, неудачные восстания городов Марселя, Лиона, Бордо и проч. мест, где революционные элементы подавлены в большинстве случаев не по бессилию, а по недостатку организации, ясно показывает, что существует необходимость найти возможность воспользоваться этими элементами! — Возможность призвать к содействию также иностранные и местные революционные элементы *существует в быстром создании партизанских отрядов*, которые одни только дадут серьезную возможность поддержать местные, теперь изолированные восстания, и потому всегда подавляемые.

b) В небольших городах (и даже в деревнях) существуют также революционеры, которые сами по себе и у себя на месте ничего не могут сделать по малочисленности. Нужно их собрать. Как? В партизанские отряды...

c) Конечно, эти отряды не смогут победить версальцев, но отвлекут силы, сделают в разных пунктах диверсии и при искусном распределении и маневрировании наведут страх на версальское правительство (100 человек могут казаться за 1000!).

d) Разделить Францию на четыре участка; в каждом участке — на границе Бельгийской, Швейцарской, Испанской, Итальянской — устроить четыре комитета.

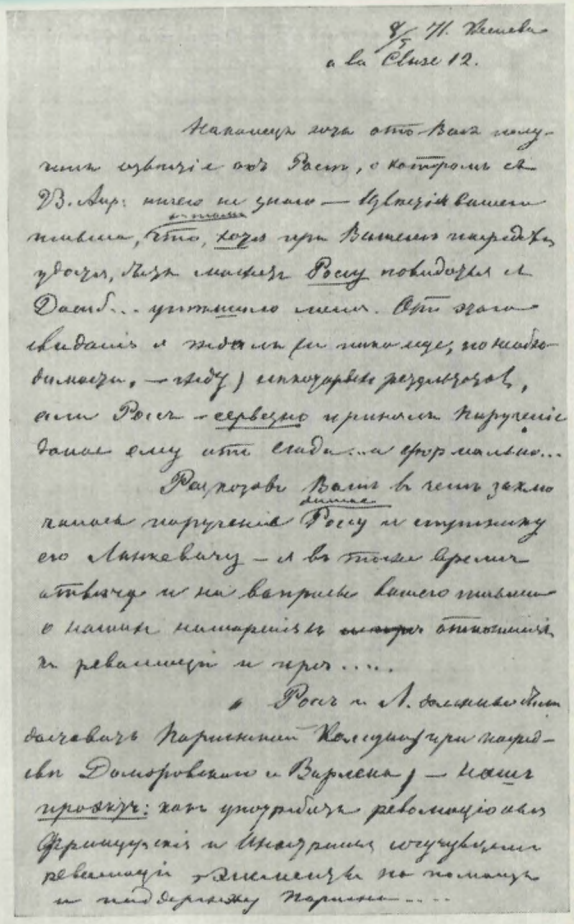
e) Пусть Коммуна Парижская снабдит деньгами эти комитеты (1 000 000 fr. на все), свяжет их общим Центральным управлением и потом сформирует эти отряды, разбросит повсюду маленькими группами (*за 1 000 000 fr. можно вооружить и организировать 10 000 человек*).

f) Действие этих отрядов сначала, помимо чисто военных партизанских приемов и целей, должно иметь и еще одну важную и необходимую цель: *пропаганду* в деревнях и городках *провинциональной и коммунальной свободы* (где существуют элементы, симпатичные Коммуне, — можно вызывать и поддерживать движение, а где и сами позовут)...

Повсюду, где встретятся и удастся, *обезоруживать* солдат и волонтеров.

g) В каждой местности являться как *инсургенты этой местности*, взявшиеся за оружие *не для нападения*, а для защиты *от реакции*, против *солдатских наборов*, *против организования волонтеров для Версаля — за Мир!*.. Везде, руководимые местными людьми, хорошо знающими и *предрассудки*, и *надежды*, и *желания* всякой данной местности, партизанские отряды могут с успехом преследовать свою двойную цель...

h) Необходимость пропаганды во многих местностях в высшей степени важна (нужно знать, какими способами действуют всякие реакционные агенты!.. — распускают самые невероятные слухи, почти сказки, этим



8/5 71. Женева
a la Cluse 12.

Наконецъ хоть отъ Васъ получилъ извѣстіе объ Россѣ, о которомъ съ 23. Апр. ничего не знаю — Извѣстія вашего письма, что, хотя при Вашемъ посредствѣ удастся, быть можетъ Россу повидаться съ Дамб... утѣшило меня. Отъ этого свиданія я ждалъ (и никакое, по необходимости, — жду) нѣкоторыхъ результатовъ, если Россъ — серьезно принялъ порученіе данное ему отъ Стада... и формально...

Разъ хотя Вашъ въ чемъ заключалось порученіе данное Россу и спутнику его Ланкевичу — я въ тоже время отвѣчу и на вопросы вашего письма о нашихъ намѣреніяхъ ~~[illegible]~~ отношеніяхъ къ революціи и проч....

Россъ и Л. должны были доставить Парижскій Коммунъ при посредствѣ Домбровскаго и Варлена) — нашъ проэктъ: какъ употребить революціонныя Французскія и Иностранныя сочувствія революціи, элементы на помощь и поддержку Парижа...

Я пишу что касается его въ пользу этого предложенія значитъ много предъ Коммуной, и 3-е то, что мы давно и хорошо другъ друга знаемъ и испытали все въ чемъ...

Я жалѣю, и очень, что вмѣсто Ланкевича я не могъ поѣхать самъ — Теперь иностранцу пробраться въ Парижъ очень трудно; да и Россъ пробрался какимъ-то чудомъ, какъ я узналъ изъ письма его арестованнаго спутника — французъ. Въ тотъ день и въ томъ же поѣздѣ, въ Тамерръ арестовали 37 человѣкъ иностранцевъ, которыхъ всѣхъ вывезли вспять... Что вы знаете о Парижѣ напишите! Дайте адресъ Mme Hinse. Книгу, посылаю Вамъ. Пришлю Вамъ „Solidarité"

До свиданія
Вашъ
В. Озеровъ

Письмо сожгите.

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. М. ОЗЕРОВА К П. Л. ЛАВРОВУ ОТ 8 МАЯ 1871 г.

Листы первый и последний

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

сказкам многие добродушные мужики верят). Партизаны, инсургенты познакомят их с собою, и мужики скоро увидят, что революционеры «детей не едят и крови не пьют» и не намерены ничего у них отбирать и делить... Никакая наша пропаганда не дойдет в деревни, кроме той, которую *принесут* и *словом* и делом люди *вооруженные*, которые поэтому внушат и уважение не очень-то падкому к драке французскому мужику (пример — пруссаки).

Теперь спросите, возможен ли успех во Франции подобного предприятия? Могу утвердительно сказать, что при необходимых средствах возможно во Франции и вне Франции на первый раз набрать тысяч десяток... (Пойдут, конечно, — нетерпеливые и отчаявшиеся, как, например, марсельцы, — один Марсель даст несколько тысяч). Способных всякого рода людей при требованиях первоначальной организации найдется также достаточно; даже буржуазный сочувствующий элемент окажет содействие чем может... Для военных же операций нужно, чтобы Центральное управление, исходящее от Комитетов, имело несколько (хоть по одному) знающих людей — второстепенных же начальников даст каждая местность... (комитеты должны быть ambulants *).

От Росса я получил все три письма и ни в одном прямого ответа по поручениям (я много рассчитывал на Домбровского: 1-е потому, что такого рода проект ему как старому организатору подобных операций должен быть симпатичен, 2-е потому, что голос его в пользу этого предложения значил бы много перед Коммуной, и 3-е то, что мы давно и хорошо друг друга знаем и испытали кое в чем)...

Я жалею, и очень, что вместо Ланкевича я не мог поехать сам. Теперь иностранцу пробраться в Париж очень трудно; да и Росс пробрался каким-то чудом, как я узнал из письма его арестованного спутника-француза. *В тот день и в том же поезде в Тонерр арестовали тридцать семь человек иностранцев*, которых всех возвратили вспять... Что вы знаете о Париже, напишите! Дайте адрес m-me Hinse [6]. Книгу Б. посылаю вам [7]. Пришлю вам «Solidarité» [8].

До свидания, ваш В. О з е р о в

Письмо сожгите.

[1] В марте 1871 г. революционеры всех стран напряженно прислушивались к известиям из Парижа, поднявшего знамя борьбы за освобождение рабочего класса. В самом Париже, бок о бок с парижским пролетариатом, за Коммуну сражались революционеры разных национальностей и разных политических оттенков.

Факты, относящиеся к истории участия иностранных добровольцев в героической борьбе парижского пролетариата, еще недостаточно изучены. Несомненно, однако, что проект Озерова, разработанный им и его товарищами и изложенный в письме к Лаврову от 8 мая 1871 г., «как употребить революционные французские и иностранные сочувствующие революции элементы на помощь и поддержку Парижу» — весьма интересный документ для истории Парижской Коммуны. Письмо, в котором проект изложен, представляет существенное значение также и для характеристики личности и деятельности замечательного русского революционера В. М. Озерова.

[2] Арман *Росс*—революционный псевдоним М. П. Сажина; см. ниже на стр. 520—521 публикацию его письма к Огареву.

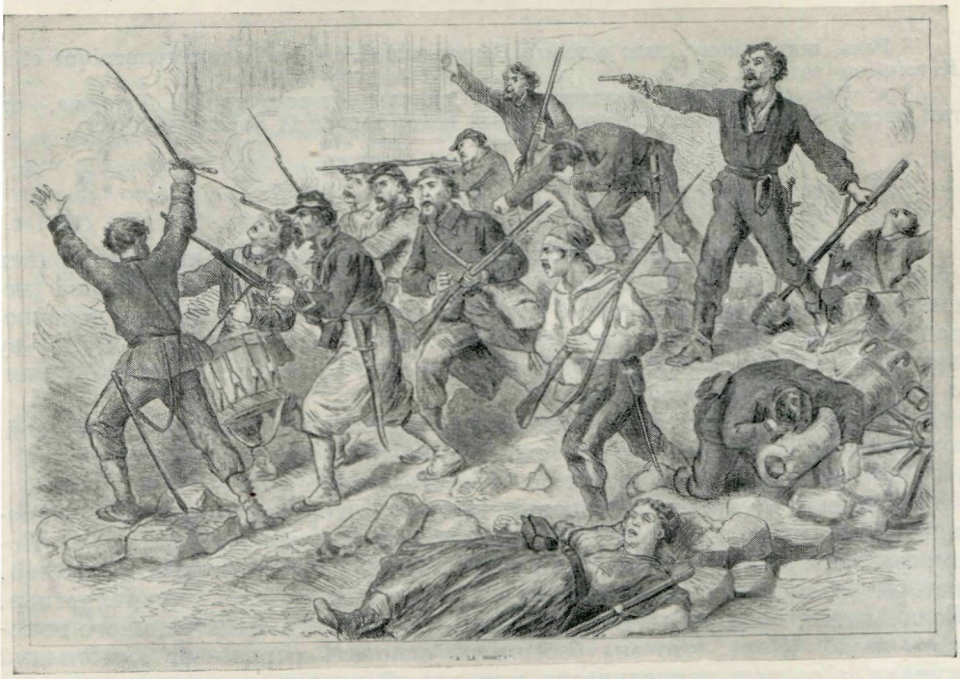
[3] О Я. В. *Домбровском* см. во вступительной статье к настоящей публикации.

[4] Речь идет о поручении, которое было дано Сажину-Россу: сообщить Домбровскому проект группы интернационалистов.

[5] Типографский рабочий, молодой поляк Валенс *Ланкевич* — один из друзей Озерова, принимавший участие в Лионском восстании 1870 г. Сведения о Ланкевиче см. в цит. выше книге Д. Гильома (т. 2, стр. 90) и в книге Р. М. К а н т о р а «В погоне за Нечаевым» (изд. 2, Л., 1926, стр. 100).

[6] *M-me Hinse* — по всей вероятности, жена бельгийского социалиста, члена I Интернационала и редактора газеты «Liberté» Эжена Гинса, примкнувшего в 1871 г. к Бакунину. Маркс сказал о Гинсе, что он «из-за своей русской жены тяготеет к Бак(унину)» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXVI, стр. 197).

* походные (франц.).



«УМРЕМ!»

Последняя битва коммунаров

«The Illustrated London News», *1871*, № *1652* от *27 мая*

РАССТРЕЛЯННЫЕ КОММУНАРЫ

«Illustrierte Zeitung», 1871, № 1459 от 17 июня

[7] Речь, повидимому, идет о книге Бакунина: «L'empire knouto-germanique et la Révolution sociale».

[8] «*Solidarité*»—листок, издававшийся в Сонвилье под редакцией Д. Гильома,—орган юрской федерации бакунистов. Первый номер вышел 11 апреля 1870 г.

2

⟨Женева⟩. 13 июня ⟨1871 г.⟩

Не отвечал я вам так долго, потому что хотел собрать *точные* справки об Э—ман [1] от г-жи Д—вой... [2] Едва мне удалось повидаться с ней (мешали нашему свиданию разные пошлости женевские, о которых, конечно, говорить не стану), но, в конце концов, мне *удалось* увидеть г-жу Д—ву вчера, и вот что рассказала она мне: *Д—ский* [3] *ранен* во вторник 23 мая, *а умер в среду* 24 и похоронен.

Вот печальное известие, которое передаю вам как слышал от Д—вой.

Rosse [4] приехал, цел и невредим, вероятно будет писать вам.

Адрес Элпидина тот же: т. е. Rue Terrassière, 24 [5].

Начинаются серьезные гонения против Интернациональной ассоциации. Жюль Фавр призывает все государства к крестовому походу! [6] Посмотрим!.. А между прочим нам нужно бороться против всяких пакостей, которые распускает злонамеренная подлая реакционная журналистика. Если можете, пришлите нам в «Solidarité» [7] статейку. Этим вы много поможете нам... Жаль, что мы бессильны основать серьезный *ежедневный* журнал, а то наш периодически выходящий листок не может с успехом бороться против французской и швейцарской журналистики, которая почти вся сделалась совершенно реакционной до бешенства... Трулье подлый свирепствует хуже Муравьева; о нет, никогда русские войска не делали того в Варшаве, что усмирители Парижа делают теперь в Париже!.. (придет время и мы *отомстим* им), а посмотрите, вся европейская почти пресса чуть не боготворит этих пьяных убийц... Хороший признак! Они осуждены на погибель, если уже должны спасаться такими мерами.

Ваш В. О з е р о в

[1] О ком идет речь — установить не удалось.

[2] По всей вероятности, имеется в виду Елизавета Лукинична *Дмитриева* (Тумановская), русская революционерка, одна из организаторов русской секции I Интернационала, героиня Парижской Коммуны.

[3] Я. В. *Домбровский*.

[4] *Rosse*—М. П. Сажин.

[5] Озеров сообщает адрес того дома в Женеве, где помещалась типография М. К. Элпидина.

[6] Жюль *Фавр* (1809—1880) — министр иностранных дел в министерстве Тьера, один из палачей Парижской Коммуны. 6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он «призывал их к борьбе с Международным Товариществом Рабочих — к борьбе не на живот, а на смерть» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 339).

[7] См. примеч. 8 к предыдущему письму.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. С. ПЕЧЕРИНА с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ

Публикация А. А. Сабурова

Переписка Герцена и Огарева с Владимиром Сергеевичем *Печериным* (1807—1885) — интересная и яркая страница их эпистолярного наследия. На общественных и личных отношениях Герцена сказывалась напряженность идейной и политической борьбы, которую он неустанно вел всю свою жизнь; сказалась она и на его взаимоотношениях с Печериным. Всех вступавших в общение с Герценом, друзей и врагов, «наших» и «не наших», равно подхватывал вихрь горячих споров, делавших каждое письмо великого революционного демократа развернутым общественным выступлением. «Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто приватных сношений», — писал Герцен Печерину, объясняя, почему он счел необходимым опубликовать первую часть их переписки (см. ниже письмо от 21 мая 1862 г.).

Русский католик, принявший постриг в ордене редемптористов — одном из самых реакционных гнезд позднего католицизма, Печерин по своему общественному положению резко отличался от писателей, профессоров, ученых, государственных деятелей, находившихся в переписке с Герценом. Но, подобно многим другим корреспондентам Герцена из враждебного стана, Печерин невольно оказывался вовлеченным в сферу острых политических вопросов современности, выходил из узкой колеи привычных дел, мыслей и настроений, когда жгучее слово Герцена достигало его слуха. Разочарование в католицизме подготавливалось постепенно многими обстоятельствами его жизни. Но нельзя сомневаться в том, что воздействие Герцена и его идей сыграло значительную роль в духовном кризисе Печерина. Именно Герцен своей беседой и перепиской с Печериным вырвал его из стен монастыря редемптористов, заставил по-новому, открытыми глазами взглянуть на современные исторические события, по-иному осмыслить свою личную жизнь и признать ее трагические итоги — трагические потому, что утрата религиозной веры не заставила Печерина разорвать свою связь с католической церковью. До конца дней Печерин остался католическим священником, дав этим пример того крайнего расхождения между словом и делом, того безысходного тупика, до которого мог дойти русский «лишний человек», оторвавшись от национальной почвы и реальных исторических задач освободительной борьбы русского народа.

Переписка Герцена и Огарева с Печериным состоит из двух частей. Первая, относящаяся к 1853 г., известна из «Былого и дум»: Герцен напечатал ее в главе «Pater V. Petcherin», где рассказал о свидании с Печериным в иезуитском монастыре в Клапаме. Вторая часть переписки — письма 1862 —1863 гг. — публикуется ниже. В нее входят одно письмо Герцена к Печерину (ЦГЛА.—Было опубликовано в «Лит. газете», 1945, № 5), два письма Огарева к Печерину (ИРЛИ и «софийская коллекция»), шесть писем Печерина к Герцену и два письма Печерина к Огареву (ЦГАОР—«пражская коллекция»).

Письма Печерина, за исключением одного, адресованного Огареву, от 6 апреля 1863 г., еще не появлялись в нашей печати; впервые они были опубликованы за границей в «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», 1933, т. IX, ч. IV, стр. 508—517. Письмо Огарева к Печерину от 29 марта 1863 г. и упомянутое письмо Печерина к Огареву от 6 апреля 1863 г. напечатаны в «Звеньях» (VI, 1936, стр. 380—385) и включены в нашу публикацию для связи и полноты.

Печерин принадлежал к числу талантливых русских людей последекабрьского периода, которые, ненавидя самодержавие, вместе с тем оказались духовно сломленными и неспособными к действенной борьбе. В годы своей студенческой командировки за границу (1833—1835) Печерин пережил серьезные республиканские увлечения, а также увлечение некоторыми идеями утопического социализма и вернулся в Россию на кафедру Московского университета с резкими оппозиционными настроениями. Блестящий молодой филолог, перед которым были открыты широкие перспективы научной деятельности, он принял, однако, все меры к тому, чтобы вновь уехать за границу и завязать связи с швейцарскими и итальянскими революционерами.

Четыре года скитался Печерин по Западной Европе. В его мемуарах, напечатанных под названием «Замогильные записки», подробно рассказано о том, как разбились его бунтарские намерения. В судьбе Печерина решающую роль сыграл тот реакционный, религиозный уклон, который во второй половине тридцатых годов приобрели на Западе некоторые течения в утопическом социализме. Особенно сильное влияние оказал на него трактат Ламеннэ «Paroles d'un croyant» («Слова верующего»); в этом трактате идея социальной революции излагалась в мистической форме библейского пророчества. Под влиянием Ламеннэ, Жорж Санд, Пьера Леру и других утопистов идея революционного обновления мира сочеталась в представлении Печерина с идеями так называемого христианского социализма; он перешел в католичество и сделался монахом, с тайным намерением стать во главе широкого социально-религиозного движения.

Планы Печерина, разумеется, не воплотились в жизнь. Противоречие между исходными реформаторскими стремлениями и монастырской рутиной привело его к сознанию полной жизненной катастрофы.

Знаменательно одно из писем Печерина начала пятидесятых годов, где он пишет по поводу современных западноевропейских событий: «Время книг и речей прошло, приближается время меча. Существуют гордиевы узлы, которые может разрубить только меч. Остается узнать, кто будет носителем этого меча. Мои глаза невольно обращаются к России, ибо, в конце концов, именно оттуда должно придти решение великого вопроса» (ЦГЛА. Письмо к И. С. Гагарину, фотокопия). Эта мысль о ведущей роли русского народа в разрешении социальных противоречий будущего возникла у Печерина после революции 1848 г., показавшей ему неизбежность близкой гибели «общества аристократов, буржуа, коммерсантов». Печерин уже тогда, при всей порочности его идеологии, при чудовищно уродливых изломах мысли и чувства—с острой проницательностью, доступной немногим, усматривал в России, стране самодержавно-крепостнического деспотизма, будущую «исполинскую демократию», как он называл ее позднее. Однако эти мысли не привели Печерина ни к каким практическим решениям.

Важной вехой в жизни Печерина явилась его встреча с Герценом (в 1853 г.). Герцен дважды посетил Печерина в монастыре St. Mary Chapel в Клапаме, близ Лондона, надеясь получить у него рукопись его романтической поэмы «Торжество смерти» и других юношеских произведений. Они расстались с сознанием непримиримой противоположности во взглядах, в политических интересах и устремлениях, но для Печерина эта встреча имела большое значение. Он вступил в спор с Герценом и ответил ему резкими возражениями —революционно-материалистическая идеология Герцена была, разумеется, в корне чужда религиозным идеям Печерина. Но спор с Герценом не прошел для него бесследно: Печерин усомнился в своей правоте. Девять лет спустя он писал Герцену: «...я много раз раскаивался и еще раскаиваюсь в том, что написал вам те два письма в 1853 г. Они были продиктованы усердием *не по разуму*» (см. ниже письмо от 23 мая 1862 г.). И впоследствии Печерин вспоминал в одном из писем к Ф. В. Чижову: «Меня заживо задело замечание Герцена, когда по свидании со мной в 53 г. он написал: „Все тут умерло, оставив только свои надгробные следы в чертах“. Нет, брат, не угадал! Тут еще кое-что живет, и шевелится, и трепещет живучей жизнью. Загадка жизни еще не разгадана, узел драмы еще не развязан» (письмо от 10 января 1876 г. —ЛБ, Чиж. 45/20).

Вскоре после встречи с Герценом в 1853 г. Печерин стал писать записки, очень своеобразные, свидетельствующие об овладевшей им душевной тревоге. Он назвал их «Записками сумасшедшего» («Mémoires d'un fou»). Записки эти по своему характеру напоминают отрывки из дневника Печерина пятидесятых годов, приведенные им позднее в «Замогильных записках» и в одном из писем к П. В. Долгорукову в 1864 г. Во всех сохранившихся отрывках из этого дневника, написанных после 1853 г., поражает внутреннее смятение, напряженность мысли и чувства. Печерин увидал вокруг себя ложь и понял, что служит ей. Самому себе он дал в этом дневнике самую уничтожающую оценку: «Я маленькое существо, жалкое и телом и душой. Я мертвая собака. Я дымящаяся головешка, которую не желают потушить» (ЛБ, Чиж. 45/2. — Перевод с франц.). Уже в эти годы в сознании Печерина начала пробуждаться ненависть к католическому монастырю — ненависть, которая привела его впоследствии к глубочайшей раздвоенности.

В середине пятидесятых годов Печерин уже рвется вон из монастырского затвора. Его душевная тревога особенно возрастает во время Крымской войны. Он еще не ставит перед собой политических вопросов, но хочет бежать туда, где идет борьба, к живым людям, к полезной деятельности. «События теснятся на арене мира ⟨ ... ⟩, — записывает Печерин в своем дневнике 29 августа 1854 г., — до сих пор я обнимал только тени, — *когда же я обниму действительность!* ⟨ ... ⟩ *Я бьюсь среди призраков, я* в тисках, мне нужен свободный воздух истины...» (ЛБ, Чиж. 45/2.—Перевод с франц.).

Фактический уход Печерина из ордена редемптористов произошел несколько лет спустя, после того как он был вызван по требованию папы в Рим, чтобы проповедовать на русском и английском языках. Впечатления, полученные в Риме, заставили Печерина принять решение, которое назревало в течение многих лет.

22 февраля 1859 г. Печерин записал в своем дневнике: «О Рим! Как я тебя ненавижу! Время перед тем, как я мог вырваться из Рима, казалось мне, длилось тысячелетия: как долго не мог я дождаться освобождения от всех этих церемоний ⟨ ... ⟩ О Рим! Я ненавижу тебя: ты притон честолюбия и подлых интриг. Именно здесь забывают заботу о душах и только думают, что об умножении своей славы и своего влияния...» («Замогильные записки». М., 1932, стр. 134—135.—Перевод с франц.).

Он уехал из Рима с твердым намерением порвать с орденом редемптористов и два года спустя, 14 июля 1861 г., написал генералу ордена письмо, в котором просил отпустить его навсегда. «Больше я не могу питать себя иллюзиями, — писал Печерин. — Мы *не что иное как светская конгрегация, и жизнь наша совершенно* мирская. Мы не можем со всей правдивостью сказать, что мы оставили мир: на самом деле мы живем в мире, и мы глубоко замешаны во все его интересы и во все его страсти. Повышение и понижение курса не оставляет нас безразличными. Среди нас имеются настоящие собственники...» (ЛБ, Чиж. 45/17. — Перевод с франц.).

В 1861 г. Печерин вышел из ордена и побывал в нескольких монастырях, оставивших у него самые удручающие воспоминания.

«...Я решился похоронить себя заживо, — вспоминал Печерин в письме к Ф. В. Чижову от 21 октября 1865 г. — Вот я и отправился в пресловутую Картезианскую пустыню — la grande Chartreuse près Grenoble. Тут меня ждало совершенное разочарование. Эти почтенные пустынники — просто богатые фабриканты. Они нашли какой-то секрет составлять из горных трав отличный ликёр, который теперь в большой моде во всех французских cafés, под именем la chartreuse. Эта промышленность доставляет им *миллион* франков чистого дохода. При всем этом они с большим умилением говорят: „Nous, pauvres chartreux!“ *... точь в точь как в „Тартюфе“ Мольера Оргон восклицает: „Pauvre homme!“ **. Так как *я никогда не имел большой наклонности* сделаться *миллионером*, то я тотчас же решился возвратиться в Ирландию» (ЛБ, Чиж. 45/11).

В Ирландии Печерин сначала жил в монастыре траппистов. «Но через три месяца,— пишет он в том же письме, — я понял однажды навсегда, что мне невозможно жить без умственной деятельности. У траппистов она на точке замерзания. Это просто жизнь

---

* «Мы, бедные картезианцы!» (франц.).
** «Бедняга!» (франц.).

рабочего человека, которому некогда мыслить». «Но тут действовало на меня и другое влияние (...),—добавляет вслед за тем Печерин.—В первый раз тогда (1861) я услышал, как быстро Россия подвинулась вперед. Вот эти-то мысли смущали меня среди вечного молчания траппистов. „Теперь начинается возрождение России, поднимается заря великого дня, а тебе его не видать, и даже слух о нем не проникнет сквозь эти стены"» (там же).

В начале 1862 г. Печерин поселился в Дублине в качестве патера (aumônier) при больнице «Mater Misericordiae». Здесь он пережил новую сложную ломку своих убеждений. Постепенно Печерин все глубже разочаровывался в католицизме и терял веру в религию. Итоги этого процесса с полной определенностью сказались в его переписке с Ф. В. Чижовым конца шестидесятых и семидесятых годов. «Ты как-то очень осторожно касаешься религиозного вопроса, — пишет Печерин. — Поверь мне, Чижов, этот вопрос у меня давным давно порешен и покончен и сдан в архив, в тот архив, где на одной и той же полке покоятся в пыли столетий брахманизм, буддизм, парсизм, иудаизм, католицизм, магометизм, поджидая мормонизма и других *измов*. Ученый архиварий по временам входит в эту полутемную комнату, отворяет окно, чтобы впустить свежий воздух в эту затхлую атмосферу, тщательно крылышком сметает пыль с этих заплесневевших томов и так иногда из любопытства раскрывает один из них, чтобы посмотреть, во что люди верили в старые годы, как они спорили, дрались и умирали за свою веру. Но все ж таки ему как-то непривольно в этой духоте. Душа просится на божий свет, на вольный воздух. Там солнце блестит на голубом небосклоне, птички поют, насекомые жужжат в густой траве, растительное царство раскинулось неистощимою жизнию; жизнь везде льется через край, бьет живым ключом, рассыпается алмазными брызгами (...) С севера на юг, с востока и запада какой-то невидимый голос провозглашает во всеуслышание: „Время книжного учения прошло; живая природа и деятельная жизнь призывают человека в свои объятия"» (письмо от 4 мая 1870 г. — ЛБ., Чиж. 45/12).

Для характеристики атеистических и антиклерикальных настроений, к которым пришел Печерин к концу своей жизни, весьма интересны его автобиографические признания, сделанные в письмах к Чижову в связи с появлением в печати стихотворения «Прочь, о демон лучезарный», приписанного Печерину. Отметим, что именно на этом стихотворении, отличающемся романтической экзальтацией и мистическим духом, Гершензон, которому на руку был домысел публикатора, построил свое неверное представление о последнем периоде жизни автора «Замогильных записок».

«Прошу тебя,—писал Печерин,—от имени моего поздравить издателя „Русской старины" с изобретательным гением г. Тихонравова. Признаюсь, я не без зависти прочел это стихотворение: мне очень бы хотелось быть его сочинителем или, как говорят, творцом. Но по совести не могу присвоить себе чужого добра. Автор отлично выполнил свою роль; но в одном только он дал промаха, а именно в том, что он писал a priori, т. е. воображая себе какого-то идеального, романтического, средневекового монаха, каким я никогда не был. В этом отношении совесть моя чиста: подобных чисто религиозных излияний о суете мирского и о предвечной любви я никогда не писал. Но главное дело в том—это исторический факт—что во все время моего пребывания в монашеской келье у редемптористов, т. е. до 1861 г., я ни одной строки не писал по-русски, исключая редких писем к родным, и почти позабыл русский язык до такой степени, что когда в 59 г. меня приглашали сказать русскую проповедь в Риме, я под этим благовидным предлогом удачно увернулся от этакой нелепости и не посрамил земли русския. (...) Я снова сблизился с русским миром в 1862, когда я начал читать „Колокол" и вошел в сношения с Герценом, Огаревым и П. Долгоруковым. Первое стихотворение—после моей эмансипации в 1861—было напечатано в газете „День" в сентябре 1865; но это стихотворение дышит не монашеским самоотверженьем, а напротив, полнейшим разочарованием и даже безверием, как тогда же заметил в письме ко мне Герцен. Из всего вышесказанного явствует, что ни физически, ни нравственно мне невозможно быть автором стихотворения, сообщенного „Русской старине". Quod demonstrandum

В. С. ПЕЧЕРИН
Фотография, 1860-е гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

erat*. Вследствие чего я торжественно, решительно и окончательно отрекаюсь от стихов г. Тихонравова и от всех дел его.

Прочь, о демон лучезарный,
Искуситель, стих коварный.»

(Письмо от 4 сентября 1875 г.—ЛБ. Чиж. 45/19).

В следующем письме Печерин писал Чижову, продолжая начатый разговор:

«Согласись, что после двадцатилетнего опыта монашеской жизни ужасно как забавно читать:

Под венком моим терновым,
В поте бледного лица,

тогда как именно в эту минуту перед моим умственным взором носится образ настоящего реального монаха, не в терновом венке и не с бледным челом, а напротив — это толстый, краснощекий мужчина с брюшком: он запивает котлетки бокалом шампанского и с полупьяными слезами на глазах приговаривает: „Ah! que j'aime mon Jésus“ **. Клянусь богом — это фотографический снимок с натуры. Оригинал этого портрета давно уж умер, но недавно вышла его биография, где в заключении сказано: „Его прекрасная душа воспарила в небеса, а тысящи душ, им спасенных, с ликом ангелов и святых вышли ему навстречу“. Этот самый дивный муж, причисленный к лику святых, был главным лицом в известной тебе легенде *о монахе и бесе*. И вот как пишутся жития святых! Если я умру прежде тебя, то сделай милость, немедленно после моей смерти напечатай все мои письма, а то, пожалуй, — чего боже сохрани, — они и меня причтут к лику святых» (письмо от 27 сентября 1875 г. — ЛБ, Чиж. 45/19).

Отметим здесь кстати, что антирелигиозные мысли Печерина, выраженные так определительно в его поздней переписке с Ф. В. Чижовым, не были чужды ему и в годы молодости. Это видно из его юношеского дневника: «Придет время,

* Что и требовалось доказать (лат.).
** «Ах, как я люблю моего Иисуса!» (франц.).

когда станут рыться в развалинах какой-нибудь христианской церкви и, найдя случайно крест, станут спрашивать с недоумением: что это значит? к чему служило это орудие?» («Замогильные записки», цит. изд., стр. 111).

Герцен был первым, к кому обратился Печерин в 1862 г., покинув монастырь. Между уходом от траппистов и первым письмом к Герцену прошло менее четырех месяцев. Мысль о Герцене, видимо, не оставляла Печерина со времени их первого свидания в 1853 г. Как видно из второго публикуемого нами письма, от 23 мая 1862 г., Печерин в это время уже выписывал «Колокол» и собирался приобрести книги, «порожденные» влиянием Герцена. Он сообщил Герцену, что отказывается от тех позиций, с которых вел с ним спор в 1853 г., и вскоре начал делать взносы в «общий фонд», в пользу русских революционных эмигрантов.

Определяя позицию Печерина на основании публикуемых писем его к Герцену и Огареву, необходимо иметь в виду одну особенность этих документов. Печерин откровенно высказывает свои политические симпатии и антипатии во всем, что касается русской действительности, но совсем почти не приоткрывает завесы над начавшимся кризисом своего религиозного сознания. Более того, желая определить свое отношение к русской революционной эмиграции, он прибегает к такой фразеологии и аргументации, которые, вполне соответствуя его официальному положению католического священника, уже начали терять в это время смысл и значение в его собственных глазах. Так, например, он сослался на то, что между идеалами «Земли и воли» и «догматами католической веры» якобы нет противоречий (см. ниже письмо от 13 марта 1863 г.). Единственный намек на свое начавшееся разочарование в католицизме, который он позволил себе сделать в письмах к Герцену и Огареву, — намек, понятный только тем, кому была известна вся история его жизни, — состоял в горьком сравнении себя с Дон-Кихотом: «Я все принимал за чистые деньги, везде видел доблесть и красу, а где их вовсе не было, я созидал их в моем воображении и поклонялся творению рук моих. Сколько ветряных мельниц я принял за исполинов! Сколько Дульциней я обожал, как идеальных принцесс!..» (письмо от 6 апреля 1863 г.).

Герцен с решительным недоверием отнесся к попытке Печерина завязать связи с революционной эмиграцией. Это видно не только из ответного письма Герцена, публикуемого ниже, но и из упрека Огареву, сделанного год спустя, когда Огарев откликнулся на обращение Печерина большим сочувственным письмом (от 29 марта 1863 г.), в котором призывал его к прямой революционной деятельности. «То же, что было с З(емлей) и В(олей) и с офицерами, ты испытал с Печериным,— писал Герцен. — Я не виню тебя, что ты ему писал как бы мне из Кунцева и попа-иезуита 55 лет принял за юношу, а спрашиваю: ну, а если бы он тебе написал: „Я уложил мое распятие, куда надобно итти?"—что же бы ты сделал?». Герцену с его трезвостью взгляда и точностью политического глазомера было ясно то, чего не понял сразу Огарев: хотя «поп-иезуит» и хотел бы стать юношей и готов «уложить свое распятие», итти ему некуда, и перед ним нет реального пути. Так и оказалось впоследствии. Утратив религиозную веру, Печерин, однако, не изменил общего уклада своей жизни и совмещал составление антицерковных мемуаров и обширных писем к русским друзьям, изобиловавших насмешками над религией, с исполнением обязанностей патера при больнице.

Что касается Огарева, то он, как явствует из упомянутого письма, вполне поверил, что Печерин действительно «возвращается в народ русский». Огарев исходил при этом из возможности сотрудничества с враждебными политическими организациями (польскими националистами, католиками и др.) для борьбы с общим врагом, русским царизмом. Огарев настойчиво потребовал от Печерина решительного шага, который был бы прямым ответом на вопрос — к какому же стану примкнул Печерин? Пытаясь вовлечь его в круг политической борьбы, Огарев указал ему на Литву, где русский католик мог бы, по его мнению, принять деятельное участие в борьбе против царского самодержавия.

Огарев верно оценивал Литву как очаг революционного движения. В это же время, 8 апреля 1863 г., Энгельс писал Марксу: «Литовское движение — сейчас самое

важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 142). Огарев верно понимал также связь польского национального движения с борьбой русского народа против крепостничества. По его мнению, революционная Польша могла добиться успеха, только отдав землю народу: «...вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы» (письмо от 29 марта 1863 г.).

Совету Огарева Печерин не последовал. Слова Печерина: «Я возвращаюсь в русский народ» Огарев готов был понять в практическом, действенном смысле. Печерин же понимал под «возвращением» взносы в «общий фонд», готовность «подписать» программу «Земли и воли» — и то и другое можно было сделать, не покидая удобного кресла в коттедже на Lower Dominick Street в Дублине.

Крушение всех надежд, сознание того, что все попытки борьбы и деятельности, предпринятые им, оказались безрезультатны, сделало Печерина неисправимым скептиком. Он решительно отказался снова круто ломать жизнь и закончил ответ Огареву филистерской репликой: «...после стольких опытов мне очень трудно решиться на какую-либо новую деятельность. Я чрезвычайно дорожу моим теперешним положением: я живу в совершенном уединении и совершенной независимости...».

Восемь лет спустя, 13 августа 1871 г., он писал Чижову: «...я связан по рукам и по ногам железною цепью необходимости, и никакого знака жизни мне подать невозможно. Все мои мысли, все сочувствия на *противоположном* берегу, с передовыми людьми обоих полушарий, а в действительной жизни я остаюсь *по сю сторону*, с живым сознанием, что принадлежу к презренной и ненавистной касте тех людей, коих еще древние римляне называли inimici generis humani...*» (ЛБ, Чиж. 45/14).

В этом драматическом признании своей крайней раздвоенности—ключ к пониманию полной бесплодности для русской передовой мысли всех идейных исканий Печерина. В середине 70-х годов он с восторгом приветствовал «молодое поколение», утверждая, что оно решит задачи, не решенные его современниками. Он жадно прислушивался к известиям о русских «нигилистах» и «нигилистках». Но и в эти годы сочувствие Печерина русской демократии оставалось бесплодным, неспособным изменить даже уклад его собственной жизни. Печерин до конца остался одним из представителей типа «лишнего человека», созданного русской жизнью в эпоху после декабристской реакции.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 97—№№ 1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11), «софийской коллекции» (№ 7),, ИРЛИ— № 9 и по фотокопии ЦГЛА (ф. 129, оп. 1, ед. хр. 74—№ 2).

1

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Больница «Mater Misericordiae».
Дублин. Ирландия. 17 мая 1862 г. [1]

Милостивый государь,

Я один из ваших подписчиков. Я чувствую, что между нами — пропасть, и, однако, через эту пропасть я протягиваю вам руку соотечественника и друга. Я отдаю должное вашему гению, и у меня есть предчувствие, что в событиях, которые готовятся в России, вам предназначена огромная роль. С невыразимым интересом наблюдаю я издали за первым действием этой гигантской драмы. Для меня понятно все значение ваших слов в последнем номере: «Вся Русь поднимается от тяжелого сна и идет на совершение судеб, которых главные черты начинают прорезываться из-за несущихся туч, стесняющихся облаков».

Мне видится «...величавый поток, захвативший и влекущий всё: волостное правление, раскол, университет, крестьян, дворян, суды, дворцы, царя»[2].

* враги рода человеческого (лат.).

О, милостивый государь, нет ли возможности для нас соединиться в более высоком единстве — там, где прекращаются споры и где царит одна лишь любовь. Ну что ж — несмотря на расхождение во взглядах, всякий, кто словом или делом содействует возрождению моей родины, может быть уверен в том, что займет в моих мыслях и сердце почетное место.

С этим уверением позвольте мне остаться, милостивый государь, вашим нижайшим слугою и соотечественником,

Владимир Печерин,
священник (aumônier) больницы «Mater Misericordiae».

[1] По поводу этого письма Герцен писал И. С. Тургеневу 21 мая 1862 г.: «Вчера получил длинное письмо от pater Печерина; уверяет о каком-то моем призвании на allerlei и manches*» (XV, 137).

[2] Строки из статьи Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (XV, 114 и 112) Печерин цитирует по-русски.

2

ГЕРЦЕН — ПЕЧЕРИНУ

21 мая 62
Орсетьевка [1]

Ваше письмо [2] привело меня в большое затруднение. Я считаю необходимым откровенно объясниться, предоставляя вам с еще большей откровенностью сказать ваше мнение.

С 1853, когда я имел удовольствие беседовать с вами в St. Mary's Chapel и написать вам два письма [3], я потерял вас из виду и узнал только мельком об вас из газет, когда вы жгли книги и писания в Ирландии [4].

С тех пор я напечатал ваши стихотворения, «Поликрат Самосский» и пр.[5] Многие желали знать об вас, и я в той же «Пол⟨ярной⟩ зв⟨езде⟩» напечатал отрывок из моих записок, в котором говорится о нашем свидании и к которому я приложил ваши два письма, в русском переводе. Это было в начале 1861[6]. Оскорбительного для вас нет ни слова, но весь дух статьи так противуположен по духу, что я не знаю, не раскаетесь ли вы, что написали мне ваше письмо, полное ⟨?⟩ лестных выражений для моей деятельности.

Разрешите мне этот вопрос письмом или молчанием — и я готов вам писать о громадных надеждах России, о том, куда она идет — о ее *светской* будущности. О *духовной* я не знаю ничего — и могу только молчать.

Если вы будете строго судить, что я в моих записках приложил ваши письма, я смиренно приму замечание ваше и скажу только, что я тоже в своих записках напечатал письма Гюго, Карлейля, Мишле[7]. Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто приватных сношений.

Позвольте...

Когда я подумаю, сколько мы, русские, двинулись с того времени, как мы говорили с вами в Клапаме, становится широко на сердце.

[1] Письмо печатается по фотокопии с чернового автографа. *Орсетьевка* — шутка Герцена, переделавшего свой лондонский адрес «Orsetthouse» на русский лад.

[2] См. письмо от 17 мая 1862 г.

[3] См. об этом рассказ Герцена в VI части «Былого и дум» — «Pater V. Petcherine».

[4] В 1856 г. Печерин был привлечен к суду по «делу о сожжении библии». Герцен ошибался, оценивая действия Печерина как акт изуверства. Суд оправдал Печерина: было установлено, что он сжег на церковном дворе только порнографические книги.

[5] Герцен напечатал в «Полярной звезде на 1861 год» поэму Печерина «Торжество смерти».

[6] Воспоминания Герцена о Печерине, вошедшие в «Былое и думы» — «Pater V. Petcherine», — впервые напечатаны в «Полярной звезде на 1861 год».

[7] Письма и высказывания Гюго, Карлейля и Мишле приведены Герценом в VII части «Былого и дум» — «Venezia la bella» (XIV, 723—737).

* всякую всячину (нем.).

ЗАМАСКИРОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГЕРЦЕНА В РУССКОМ ПОДЦЕНЗУРНОМ ИЗДАНИИ

Титульный лист «Портретной галереи русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей»

Издание А. Э. Мюнстера, Петербург, 1859 г.

3

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Больница «Mater Misericordiae».
Дублин. 23 мая 1862

Милостивый государь,

Мне очень хотелось бы ответить вам по-русски, но так как я должен выразить свои мысли возможно точнее, позвольте мне еще раз воспользоваться иностранным языком.

Нет, я не раскаиваюсь в том, что написал вам свое последнее письмо от 17 мая [1]. Но признаюсь вам с искренностью, которая, как мне кажется, свойственна моему характеру, что я много раз раскаивался и еще раскаиваюсь в том, что написал вам те два письма в 1853 г. Они были продиктованы усердием *не по разуму*. Я писал, как школьник; с тех пор я научился многому — по меньшей мере научился быть более милосердным. У меня нет ни малейшего желания вступать с вами в споры. Я добиваюсь только чести дружески пожать руку выдающемуся соотечественнику.

Я не жалуюсь на то, что вы опубликовали мои письма: мне нечего скрывать; и я приветствую ваш принцип: «Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто приватных сношений».

Ваших мемуаров [2] я никогда не читал. Не переписываясь ни с кем, кроме моего старого отца[3], который стоит совершенно в стороне от современных вопросов, я не знал ничего из того, что печатается в России. Судите же, каково было мое удивление при получении первого номера «Колокола»: я увидел там по объявлениям, что вы один породили целую литературу [4]; книги, о которых там объявлено, образуют сами по себе неплохую русскую библиотеку. Как только средства мне это позволят, я выпишу себе том, другой, через Келли, Графтон-стрит, у которого имеются книги на всех языках. Я получаю «Колокол» через его посредство *.

Окончу по-русски. Вижу, поднимается заря великого дня; но восхода вашего красного солнца мне не видать.

Желаю вам успеха в вашем великом предприятии; пребываю с истинным почтением ваш соотечественник

В. Печерин

[1] См. письмо 1.
[2] «Былое и думы».
[3] Отец Печерина — Сергей Пантелеевич (1771—1866) — помещик, бывший пехотный офицер. Письма к нему В. С. Печерина не опубликованы. Они хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
[4] Объявления о книгах, издававшихся вольными типографиями за границей, выходили при многих листах «Колокола».

4

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Больница «Mater Misericordiae»
Дублин. 26 мая ‹1862 г.›

Милостивый государь,

Спешу поблагодарить вас и за ваше доброе письмо [1], и за присланный вами том [2]. Я пробежал уже несколько страниц и признаюсь, что давно ничего не читал с большей *жадностью* — именно с жадностью. С удовольствием узнаю, что «Колокол» отныне будет выходить каждую неделю [3]:

* Далее текст на русском языке. На русском же языке Печерин цитирует выше строки из письма Герцена. — *Ред.*

этого будет довольно, чтобы держать меня в курсе всего происходящего в России.

Я не могу принимать всерьез угрозы гнусной российской полиции. По-английски мы выражаемся так: they bully you *. Они просто хотят запугать вас. В конце концов, не забывайте, что вы находитесь на классической почве свободы и что ни один волос с головы вашей не может упасть, пока вы под охраной английской конституции [4].

Примите, милостивый государь, уверение в сердечной привязанности вашего преданного слуги

В. Печерина

[1] Это письмо Герцена к Печерину неизвестно.
[2] Вероятно, «Былое и думы», т. III, Лондон, 1862.
[3] «Колокол» начал выходить еженедельно с 15 марта 1862 г.
[4] Эти строки—запоздалый отклик Печерина на дошедшие до него сведения об инспирированной III отделением (с осени 1861 г.) кампании против Герцена, которая выразилась в потоке ругательных и угрожающих анонимных писем. Герцен придал этому делу широкую гласность, и оно нашло отражение как в «Колоколе», так и в печати различных европейских стран (XI, 241, 248—250, 257, 469. См. также в т. 63 «Лит. наследства» публикацию письма-предостережения, полученного Герценом 10 октября 1861 г).

Определяя характер восприятия политического быта буржуазной Европы русскими людьми, жившими в условиях бесправия самодержавно-крепостнического строя, Герцен писал: «Европа нам нужна, как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать» (XIV, 218). В противоположность Герцену, Печерин в шестидесятых годах идеализировал английский общественно-политический и бытовой уклад.

5

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Mater Misericordiae
Hospital. Dublin
1 августа 1862

Милостивый государь,

Позвольте мне еще раз поблагодарить вас за вашу интересную книжку. Я ее читал и перечитывал. Одну статью я особенно изучал: это «Русские немцы и пр.» [1] Это чрезвычайно глубоко, потому что чрезвычайно справедливо.

Я получил «Полярную звезду» за 1861 год и прочел вашу статью обо мне [2]. Я одно только замечу: *с вашей точки зрения*, вы совершенно правы; но есть в человеческом сердце глубины, которых, может быть, вы еще не исследовали. Впрочем, ваша статья ни на одну иоту не уменьшила того высокого и искреннего уважения к вашему таланту и трудам, которое я старался выразить в моем первом письме. С живейшим участием читаю ваш журнал и вполне разделяю ваши и вашего сотрудника [3] мнения касательно освобождения крестьян с землею и благословляю ваши благородные усилия в пользу свободы совести. Ну что же Россия? Она, кажется, как расслабленный, ждет движения воды. Когда же сойдет ангел с неба и *возмутит* эту застоялую воду? Тысячелетие [4] приближается. Пора нам удивить Европу.

Примите уверение того искреннего уважения, с которым пребываю навсегда, милостивый государь,

вам преданный
Владимир Печерин

P. S. Видели ли вы «Œuvres choisies de P. Tshadaeff, publiées par J. Gagarin»? Издатель прислал мне экземпляр [5]. Сожалею только, что он нашел нужным напечатать письмо к Бенкендорфу[6]. Мне кажется, эта записка не делает чести ни Чадаеву, ни нашему поколению вообще.

* они вас запугивают (англ.).

[1] «За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева», ч. I—III, London, 1860—1861. Статья «Русские немцы и немецкие русские» впервые была напечатана в «Колоколе» в 1859 г. (с 1 октября по 15 декабря), затем вошла в сборник «За пять лет».

[2] См. примеч. 6 к письму 2.

[3] Огарева.

[4] *Тысячелетие* — со времени образования русского государства (862 г.).

[5] Гагарин прислал экземпляр изданных им произведений Чаадаева также и самому Герцену (см. стр. 62—63 настоящего тома).

[6] Речь идет о докладной записке Чаадаева, адресованной шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу (1831). Написана она от имени И. В. Киреевского, журнал которого «Европеец» был незадолго до того запрещен Николаем I, усмотревшим в статье Киреевского пропагандирование конституционного образа правления. Записка ставила своей целью оправдание Киреевского в глазах царя; она выдержана в монархическом духе. В своем примечании к этой записке издатель сочинений Чаадаева И. С. Гагарин отметил, что Чаадаев, предоставивший свое перо одному из друзей и пишущий от чужого имени, не может считаться ответственным за выраженные в записке мысли.

6

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

47. Dominick street. Dublin
10-го марта (1863 г.) [1]

Любезнейший соотечественник,

Читая вас — особенно «Былое и думы», — я снова выучился по-русски и потому пишу на родном языке. Может быть, вы ошибаетесь, когда думаете, что мое приношение [2] пришло из *иного* стана. Ах, забудем эти различия — Das Jahrhundert ist meinem Ideale nicht reif: ich lebe ein Bürger derer, welche kommen werden [3]*. — Без сомнения, я читаю «Общее вече», и я совершенно убежден, что в настоящее время никакое государственное устройство невозможно без неограниченной свободы совести. Я даю вам полную волю напечатать, от кого вы получили тот фунт, и, признаюсь, горжусь, что моя посылка — № 1. Если обстоятельства позволят, я пришлю через месяц ту же сумму.

Не могу описать вам, какое живое участие все принимают здесь в героическом восстании поляков. Мы знаем — и радуемся, что все духовенство на стороне народа [4]. Говорят, что папа очень хорошо отвечал русскому посланнику в Риме. Надеюсь, что Пия IX не обманут, как обманули несчастного Григория XVI в деле поляков.

Остаюсь вам искренно преданный
В. Печерин

P. S. Я должен заметить, что я теперь не принадлежу *ни к какому обществу*: я просто независимый член католического духовенства [5].

Наверху помета Герцена: Rev. V. P.

[1] Настоящее письмо, видимо, является ответом на несохранившееся письмо Герцена.

[2] Речь идет о пожертвовании Печерина в «Общий фонд»; он послал деньги в ответ на воззвание «Земли и воли»; об этом пожертвовании было объявлено в л. 159 «Колокола» от 16 марта 1863 г. (XVI, 144).

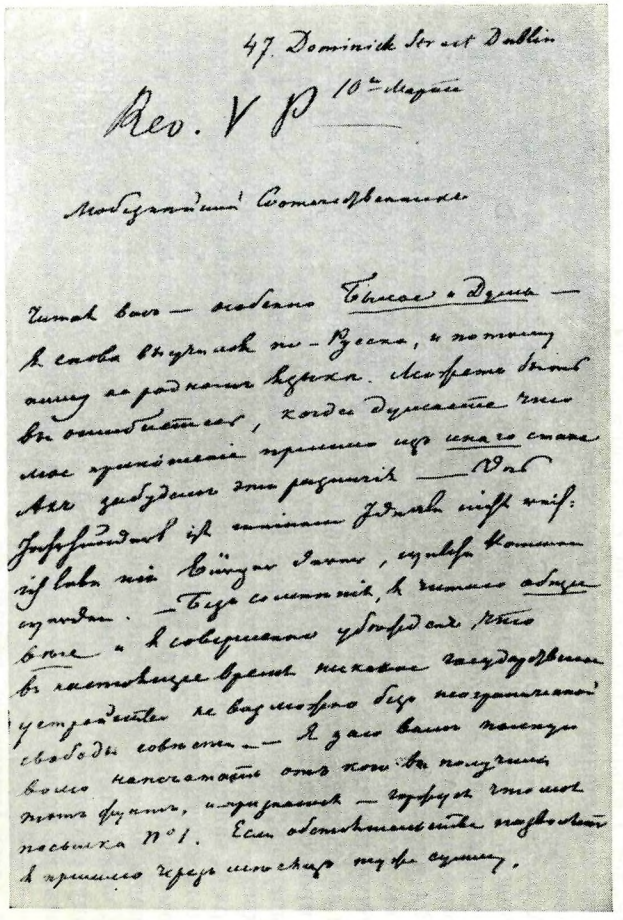
[3] Цитата из «Дон-Карлоса» Шиллера (действие III, явление 10).

[4] Польское духовенство совместно с шляхтой занимало в 1863 г. ярко выраженную националистическую позицию. Великодержавные, националистические устремления польской шляхты Печерин смешивает с революционным движением польского народа; господствующие классы пытались использовать народное движение в своих целях.

[5] После 1862 г. Печерин не был членом ни конгрегации, ни ордена.

---

* Наше столетие не созрело до моего идеала: я живу гражданином грядущих веков (нем.).

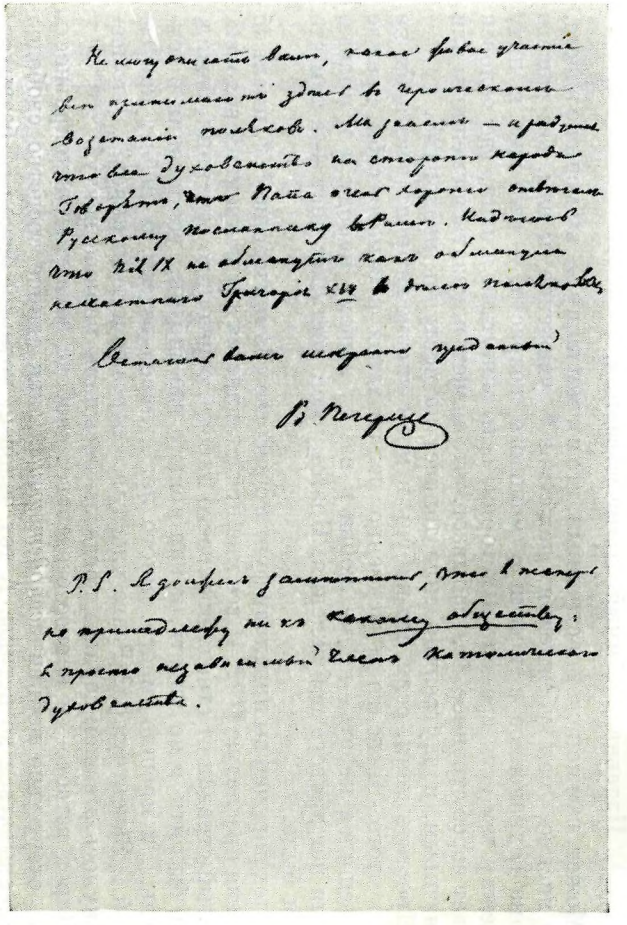


47. Dominick Street Dublin

Rev. V P 10 Марта

Любезнейший Соотечественникъ

Читая васъ — особенно Былое и Думы — я снова выучился по-Русски, и потому пишу на родномъ языкѣ. Можетъ быть вы ошибаетесь, когда думаете что мое приложеніе пришло изъ иного стана. Ахъ забудемъ эти различія — Das Jahrhundert ist meinem Ideale nicht reif: ich lebe ein Bürger davon, welche Kommen werden. — Безъ сомнѣнія, я читаю общее вѣче и я совершенно убѣжденъ что въ настоящее время никакое государственное устройство не возможно безъ неограниченной свободы совѣсти. — Я даю вамъ полную волю напечатать отъ кого вы получили тотъ фунтъ, и признаюсь — горжусь что моя посылка № 1. Если обстоятельства позволятъ я пришлю черезъ мѣсяцъ туже сумму.



Не могу описать вамъ, какое живое участіе всѣ принимаютъ здѣсь въ героическомъ возстаніи поляковъ. Мы знаемъ — и радуемся что все духовенство на сторонѣ народа. Говорятъ, что Папа очень хорошо отвѣчалъ Русскому посланнику въ Римѣ. Надѣюсь что Пій IX не обманутъ какъ обманули несчастнаго Григорія XVI въ дѣлѣ поляковъ.

Остаюсь вамъ искренно преданный

В. Печерин

P.S. Я долженъ замѣтить, что я теперь не принадлежу ни къ какому обществу: я просто независимый членъ католическаго духовенства.

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. С. ПЕЧЕРИНА К ГЕРЦЕНУ ОТ 10 МАРТА 1863 г.
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

7

ОГАРЕВ — ПЕЧЕРИНУ

‹11 или 12 марта 1863 г.›[1]

Издавна любимый соотечественник,

Может, вам покажется странным, что я к вам пишу — вы меня не знаете. Мое письмо, мои убеждения, даже мое * уважение к вам, без вашего ведома сохраненное в памяти с молодого возраста, — что вам в них? А между тем есть времена в истории, есть минуты в жизни, где человек шагает через странное **, забывает, что может показаться смешным или навязчивым, и внутренняя сила толкает на поступок неодолимо.

Простите меня, если что-нибудь в моем письме огорчит вас; я бы не хотел этого. Я долго и искренно вглядывался в самого себя, прежде чем решился писать—кроме любви к вам, к нашему народу и к правде, у меня нет другого побуждения. Поэтому мой поступок чист — а там что бы ни было.

С тех пор, как вы прислали фунт в общество «Земли и воли»***, мысль об вас меня преследует****. И все мне представляется тот искренний человек, который страдал от страданий своего народа, страдал до отчаяния, бежал, лишь бы уйти и не видеть, искал приюта где-нибудь, успокоения в чем-нибудь... и прошло много, много лет... народ встает, а он ему как бы чужой... Зачем чужой? Разве уже вовсе отрезан путь в народ?.. Что шевельнулось в вашем сердце, когда вы посылали первую лепту? *****

Народ встает — и первое его слово: свобода совести, равноправность веры, отсутствие церкви *господствующей*, как единое средство свободно дотолковываться до истины. А тот человек, который бежал от безвыходного гнета, бежал во имя свободы, не пойдет проповедовать ее, когда она возникает. Сильный даром слова, он ограничится безмолвным сочувствием, робким стремлением и не скажет воскресающему народу сло́ва воскресшего человека.

А рассвет — еще не день. Работы много. Проповедь в народе нужна, проповедь свободы совести, права каждого на землю, права земства на самоуправление. А человек, сильный даром слова, не пойдет в свой народ проповедником!

Вы писали моему другу[2], что даете право напечатать ваше имя и гордитесь, что ваша посылка—№ 1. Я****** с восторгом записал № 1 за вами. Я почувствовал, что вы возвращаетесь домой. В вашем желании назваться я не заподозрел никаких клерикальных соображений. Я чувствовал, что вам просто хочется сказать русскому народу, что вы *его*, что вы от него не отрывались, что вы еще готовы... Ну! А если народ подумает, что вы член церкви — тоже господствующей?.. Найдете ли вы в себе силу сказать, что вы, ради вашего народа, отрекаетесь от господства вашей церкви и идете проповедовать свободу совести? Найдете ли вы в себе силу рассказать вашему народу, как вы бежали, не вынесши гнета над его совестью, и как вы ради ее свободы возвращаетесь?

С чего я верю, что вы возвращаетесь? С чего ******* я так братски жажду сохранить вас для русской свободы? Я не ******** умею объяснить, но повинуюсь влечению, потому что не могу иначе...

---

* *Далее зачеркнуто*: преданность.

** *Далее зачеркнуто*: где он не смотрит на то, странен или нет его поступок.

*** *Далее зачеркнуто*: я невольно все об вас думаю.

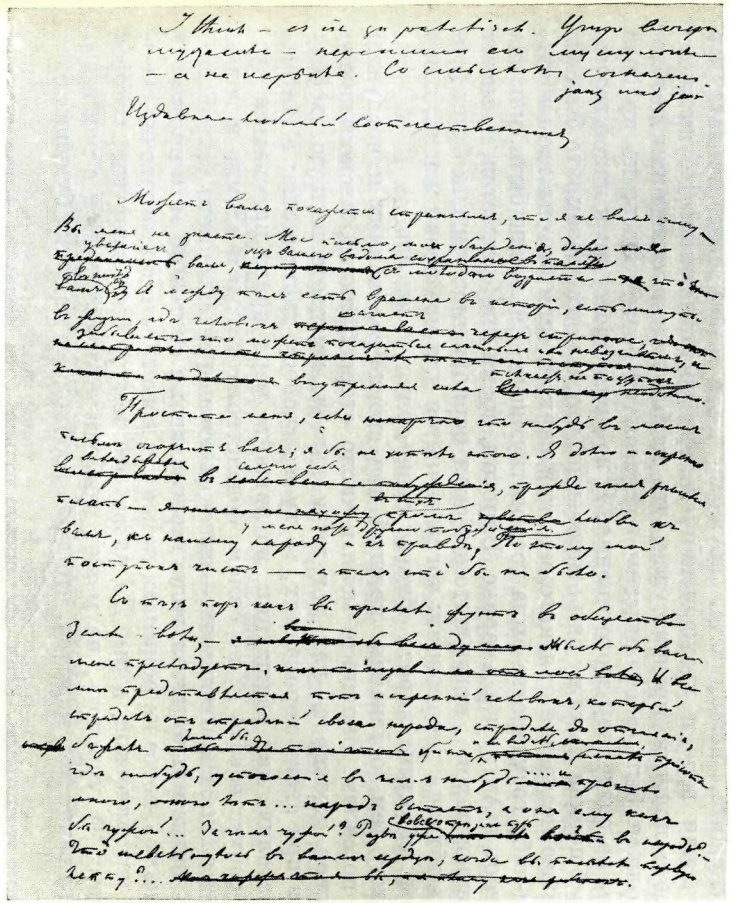
**** *Далее зачеркнуто*: как-то независимо от моей воли.

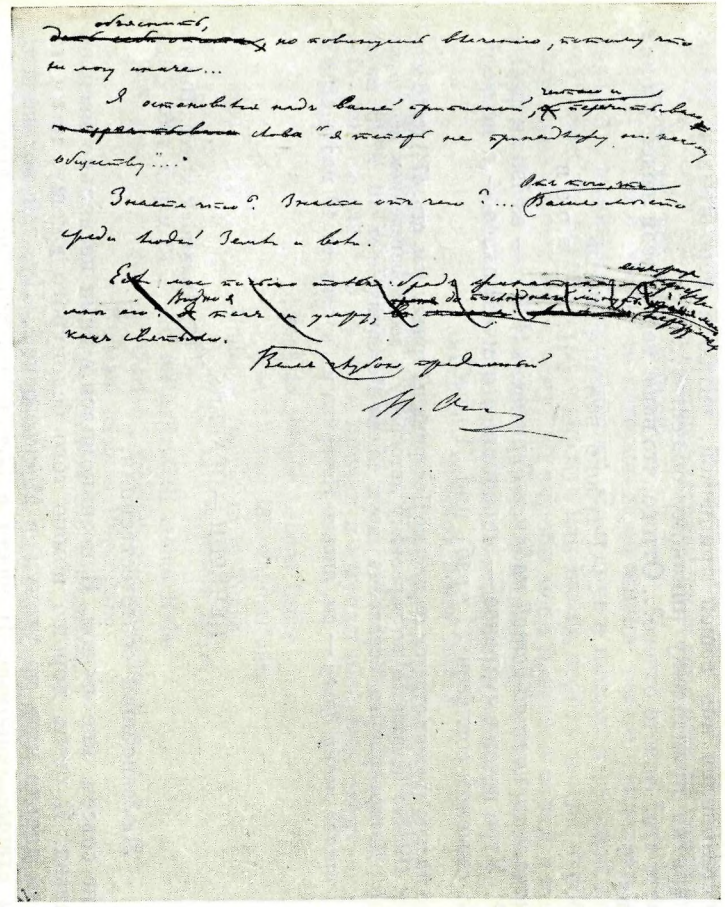
***** *Далее зачеркнуто*: мне кажется, что я—вы, и я плачу, как ребенок.

****** *Далее зачеркнуто*: а) справлял на этот раз секретарскую должность и с радостью бросился б) был писарем и

******* *Далее зачеркнуто*: меня влечет к вам.

******** *Далее зачеркнуто*: могу дать себе отчета.





АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА К В. С. ПЕЧЕРИНУ ОТ 11 ИЛИ 12 МАРТА 1863 г.

Черновик. Сверху помета рукой Герцена

Листы первый и последний

Из бумаг Герцена—Огарева, полученных Академией Наук СССР в дар от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»)

Я остановился над вашей припиской, читаю и перечитываю слова: «Я теперь не принадлежу никакому обществу...»

Знаете что? Знаете отчего?.. Оттого, что ваше место среди людей «Земли и воли» *.

Глубоко вам преданный
Н. Огарев

В начале письма над датой надпись Герцена: I think — es ist zu pathetisch**. Утро вечера мудренее — перепиши его мускульнее — а не нервнее. Со смыслом согласен ⟨1 *нрзб*⟩ und ⟨1 *нрзб*⟩.

[1] Это письмо служит ответом на письмо Печерина к Герцену (см. стр. 474) от 10 марта 1863 г. Письмо печатается по черновому автографу с воспроизведением некоторых вычерков. Датируется на основании двух писем Печерина — от 10 и 13 марта 1863 г.

[2] *Вы писали моему другу* — см. письмо Печерина к Герцену от 10 марта 1863 г. (стр. 474).

8

ПЕЧЕРИН — ОГАРЕВУ

47. Dominick street. Dublin
13 марта 1863

Любезнейший соотечественник,

Вы не совсем мне чужой. Я познакомился с вами несколько месяцев тому назад. Я очень хорошо помню того белокурого юношу, которого немецкий дядька чуть не утонул в Москве-реке [1]. Ну, так вот видите, что мы старые знакомые. Я читал с большим вниманием ваши статьи в «Полярной звезде», «Колоколе» и «Общем вече» и, признаюсь, люблю ваше светлое, прямодушное русское слово.

Но скажите, пожалуйста, неужели вы в самом деле думаете, что католическая вера и гражданская свобода несовместимы? Неужели вы разделяете пошлый предрассудок, что католический священник необходимо должен быть абсолютистом и врагом свободы? Здесь, по крайней мере, мы не разделяем этого мнения. Я не принадлежу ни к какой *господствующей* церкви и скажу вам откровенно, что, в моих глазах, это было бы величайшее несчастие для католической церкви, если бы она где-нибудь, в каком-либо государстве была господствующею. Ей лучше быть, как она есть теперь в Англии и Америке. Впрочем, время приближается, и, может быть, оно недалеко, когда католическая церковь принуждена будет броситься в объятия демократии: тогда начнется для нее новая жизнь, и она в мощных объятиях народа обновит свою орлиную юность.

Между тем останемся каждый при своих верованиях и послужим родине по силам. Запишите меня в число старообрядцев, раскольников, духоборцев, квакеров—как хотите; и как вы им даете полную свободу остаться при своих верованиях, то ту же свободу дайте и мне; и потому, что я католический священник, не лишайте меня права называться русским и сочувствовать и, по силам, содействовать людям «Земли и воли». «Земля и воля», в моих глазах,—высокий идеал общественного устройства, я очень внимательно читал ваши превосходные статьи об этом предмете [2] и, признаюсь, вовсе не понимаю, какое тут может быть противоречие с догматами католической веры. Да разве это земное благоденствие, которое вы хочете ⟨!⟩ упрочить, не может гармонически сочетаться с надеждою будущего века? Мне кажется, что даже необходима надежда будущих благ

* *Далее зачеркнуто*: Если мое письмо только бред фанатика — еще раз простите мне его. Видно я так и умру, до последней минуты храня мое неразумие, как святыню.

** Я думаю, это слишком патетично (англ. и нем.).

для того, чтобы не закиснуть в китайском благосостоянии. По крайней мере, согласитесь, что в Польше католическая вера есть главный источник героических подвигов народа.

Ах! если б вы знали историю моей жизни, вы бы увидели в ней чудный логический путь провидения. Ваш друг в письме к русской даме сказал: «как же верить?»[3] А я скажу: как же не верить, когда непобедимая сила принуждает вас к тому? От утробы моей матери я верил в незримое, искал и любил его. Я жаждал истины и правосудия. Как не верить, когда я слышал, так сказать, шелест этой невидимой силы вокруг себя

unsichtbar sichtbar neben mir. *

В степях южной России я часто следил за заходящим солнцем, бросался на колени и простирал к нему руки: «туда, туда, на запад», кричал мне внутренний глас[4]. В 14 лет я прочел и выучил наизусть следующие стихи Шиллера:

Noch in meines Lebens Lenze
War ich und ich wandert'aus,
Und der Jugend frohe Tänze
Ließ ich in des Vaters Haus.

All mein Erbteil, meine Habe
Warf ich fröhlich glaubend hin,
Und am leichten Pilgerstabe
Zog ich fort mit Kindersinn. **[5]

Вся моя жизнь есть не что иное, как развитие этих двух куплетов.

Однажды я сидел на вершине Вогезских гор, голый сирота, без копейки в кармане и в нищенской блузе, но весело верил (fröhlich glaubend), что невидимая рука ведет меня куда-то, к высокой цели, и что я страдаю за искупление рода человеческого. Я все прочел — через все прошел — все испытал. Я прочел «Das Leben Jesu» у Strauss'a от доски до доски, я изучал библию на еврейском языке с комментариями немецких рационалистов, я читал Мишеле, Жорж Занд и доселе храню, как драгоценное достояние, письмо этой великой женщины к одной ирландской монашенке[6]. Я был добросовестным сенсимонистом, фурьеристом, коммунистом и логическим путем, без всякого *внешнего* влияния, дошел до католицизма. Два года тому назад я разорвал все мои прежние связи[7]. Я бросился в Картезианскую пустыню во Франции, недолго там остался; потом провел несколько времени у траппистов в Ирландии: мне решительно хотелось заживо похоронить себя; но не успел; живость моего духа преодолела. Я не мог жить без службы человечеству — и теперь я служу страждущему человечеству и разделяю труды сестер милосердия в больнице «Mater Misericordiae».

Я выхожу из могилы и вижу рассвет русского дня. Но что же мне тут делать? Я вспоминаю стих Горация:

Vitae summa brevis spem nos vetat inchoare longam ***.

Не знаю, как и почему мне вдруг припомнились стихи Жуковского, которые я читал тридцать лет тому назад — и они часто шевелятся в моей голове:

---

* незримо зримо близ меня (нем.).

** Дней моих еще весною — В ризе странника убогой,
Отчий дом покинул я, — С детской в сердце простотой,
Все забыто было мною — — Я пошел путем-дорогой —
И семейство и друзья. — Вера был вожатый мой.

(Перевод В. А. Жуковского).—*Ред.*

*** Краткий срок жизни не позволяет нам питать большой надежды (лат.).

Когда начнет бледнеть и смелый в брани,
И роковой пробьет отчизне час —
Возьмешь мою ты орифламму в длани,
Во плач преобратишь победный глас...[9]

Боже мой! какое безумие! мне пятьдесят пять лет — это должен быть старческий бред, лепет второго младенчества. Как бы то ни было, я верую, по священному писанию, что бог иногда избирает самые презренные и ничтожные орудия для достижения высоких целей; я верую, что та же невидимая рука, которая вела меня доселе, приведет меня к желанному концу, где все разрешится, все уяснится и все увенчается. Где? когда? как? — не знаю; но каков бы ни был мой конец, вы можете написать на моей могиле историю моей жизни в сих последних словах Григория VII: Dilexi justitiam et odivi iniquitatem et propterea morior in exilio *.

Вам искренно преданный
В. Печерин

[1] Печерин отвечает на публикуемое выше письмо Огарева. Под «знакомством» с Огаревым он подразумевает чтение главы «Ник и Воробьевы горы» из «Былого и дум»; Герцен рассказывает в этой главе, что он познакомился с Огаревым в тот день, когда казак вытащил из Москвы-реки утопавшего К. И. Зонненберга — «дядьку» Огарева.

[2] Надо думать, что Печерину был послан весь цикл статей и прокламаций о «Земле и воле»: статьи Огарева, печатавшиеся в «Колоколе» («Ход судеб» — январь 1862 г., «Куда и откуда» — май 1862 г.) и в «Общем вече» («Что надо делать народу» — август 1862 г., «Тысячелетие России» — октябрь 1862 г.), а также его прокламации («Что нужно народу» — июнь 1861 г., «Братья-солдаты, одумайтеся, пока время», «Братья-солдаты, ведут вас бить поляков», «Всему народу русскому поклон и грамота от людей ему преданных», «Офицерам всех войск от общества „Земля и воля“» — февраль—начало марта 1863 г.) и др.

[3] Печерин имеет в виду статью Герцена «Ответ русской даме» (А. П. Глинке) —IX, 508—514.

[4] Об этом более подробно Печерин рассказывает в «Замогильных записках», цит. изд., стр. 123—124.

[5] Начальные строфы стихотворения Шиллера «Der Pilgrim» («Странник»). Переведено Жуковским под названием «Путешественник».

[6] Печерин перечисляет сочинения, которые способствовали его переходу в католичество. Ср. «Замогильные записки», цит. изд., стр. 107—112.

[7] Печерин имеет в виду свой уход из ордена редемптористов (см. об этом выше)

[8] Пятнадцатый стих из IV оды первой книги од Горация.

[9] Стихи из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского (конец пролога, монолог Иоанны). Пропущены два стиха. Последний стих приведен неточно.

9

ОГАРЕВ — ПЕЧЕРИНУ

Orsetthouse. Westbourne terrace.
29 марта 1863 г.

Любезный соотечественник,

Получив ваше письмо от 13 марта, я хотел было тотчас писать к вам, но разные недосуги помешали. Я выжидал минуты спокойной мысли.

Наша переписка не должна так кануть в воду, бесследно. Вера, что вы возвращаетесь в народ русский, меня не покидает; ваше письмо не поколебало, а усилило ее.

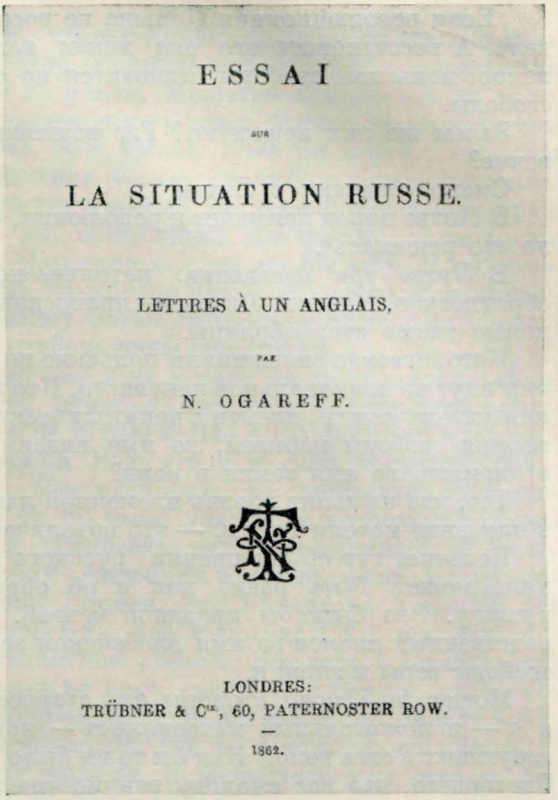
Я не люблю затаенных мыслей и не верю в успех недосказанных слов; я буду совершенно искренен. Может быть, вследствие искренности, скептик и католический священник не станут спорить о вопросах, в которых не переубедят друг друга, но подадут друг другу руку на дело, где между ними нет разномыслия и общий вопрос решается одинаково.

* Я возлюбил справедливость и возненавидел беззаконие и потому умираю в изгнании (лат.).

БРОШЮРА ОГАРЕВА «ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE» («ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ»)

Издание Трюбнера, Лондон, 1862 г.

Титульный лист



ESSAI

SUR

LA SITUATION RUSSE.

LETTRES À UN ANGLAIS,

PAR

N. OGAREFF.

LONDRES:
TRÜBNER & Cie, 60, PATERNOSTER ROW.
—
1862.

Человеку необходима теория мира — это факт. Цель религии — теория мира, цель науки — теория мира. Бесчисленность явлений и отношений делает задачу науки бесконечной. Всегда остается неудовлетворенность теорией гипотетической или теорией недоконченной. Достижимое в жизни общественной — только свобода верить и познавать, не стесняемая никаким господством какой-либо отдельной теории. На достижении этой свободы и сопряженных с ней свободных гражданских учреждений — мы сойдемся.

Это ясно... Вы с уважением к человеческой свободе вытерпите мой скептицизм; я ни единым грубым прикосновением не дотронусь до вашей веры.

Но где же наше реальное поприще? Где же вы «возьмете орифламму в длани»?

Где сливаются — ваша безумная вера, что путь не кончен, несмотря на ваши пятьдесят пять лет, и моя безумная вера, что вы возвращаетесь в народ русский?

Взгляните на Польшу. Помимо религии, она выставила некогда мощную, свободную аристократию, которая возвеличила ее и потом сгубила, потому что народ (plebs), униженный ею до рабства и бездомничества, стал равнодушен к национальному вопросу[1]; для раба отечество, не дающее свободы, перестает быть отечеством.

Взгляните на Россию. Она выдвинула могучий царизм и чиновничество-дворянство. Народ не разрушился как польский народ, потому что, посреди рабства, сохранил свою внутреннюю ткань, которая способна перейти в свободное устройство, как скоро царизм и чиновничество отвалятся.

Если революционная Польша не восстановит народ, она не выиграет дела. А восстановить его она может только отдачею ему земли. И вот вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы.

Зачем же они враждуют? Где возможно примирительное соприкосновение?

Смело отвечаю: в Литве.

В Литве народ примкнет к революции, если она отдаст ему землю, а она на это решилась[2].

В Литве три населения: католическое, униатское и русское старообрядческое. Около Литвы — православные господствующей церкви и долею также старообрядцы.

Католические священники польские не в состоянии примирить племен; они идут из национальной ненависти. Кто же может внести слово примирения католических племен с некатолическими — во имя общего восстания, во имя свободы церквей, во имя падения аристократии, чиновничества и царизма, во имя земли и воли?

Тот, кто не делит врознь племенной любви к русскому народу и любви к племенам католическим, — это католический священник русской крови.

Конечно, тут об обращении русского населения в католицизм так же мало может быть речи, как и об обращении людей религиозных — в науку. Это было бы праздной мечтой. Дело идет только о примирении родственных племен во имя плебейской земли и воли и свободы церквей, свободы веры и знания.

Может, и с моей стороны это старчески-младенческий бред? Может, и я — положительный материалист — принадлежу к числу фанатически верующих в свое дело! Как бы то ни было — вот вам вся моя мысль дотла. Вы пишете, что вас смолоду тянуло «на запад»... к солнцу заходящему. Наша переписка доказывает мне, что такое же неодолимое чувство тянет вас теперь на восток... к солнцу восходящему.

На рубеже католицизма и Руси — их примирение в общую свободу. Там ваше место.

Подумайте — и скажите.

Глубоко вам преданный

Н. Огарев

[1] Формулировку той же мысли Огарева находим в его брошюре «Essai sur la situation russe», 1862 («Очерк современного положения России» — Лондон, изд. Трюбнера). «Аристократия, — читаем здесь, — создала мощь Польши, она же ее и погубила. Крепостная зависимость и захват земли рыцарским сословием сделали народ равнодушным к судьбам аристократии» (перевод с французского). Как известно, польские крестьяне в массе своей отнеслись к подготовке восстания 1863 г. и к самому восстанию пассивно. В их представлении борьба за национальную независимость была неотъемлема от борьбы против помещиков, за землю. Шляхте они не доверяли и оставались безучастны к ее великодержавно-националистическим лозунгам.

[2] Огарев имеет в виду сильное крестьянское движение в западных губерниях России, в 1863 г. ознаменовавшееся рядом восстаний. См. предисловие к настоящей публикации.

10

ПЕЧЕРИН — ОГАРЕВУ

47. Dominick street. Dublin.
6-го апреля 1863

Любезнейший соотечественник,

Когда я отправил к вам мое последнее письмо [1], мне пришло на память небольшое приключение, случившееся со мною в 1839 году в городе Льеже, в Бельгии. В то время я был честным сенсимонистом — отпустил бороду, носил длинные волосы, был неопрятен и очень непригож и так до-

бродушно ожидал со дня на день, что вот придет пророк или отец (le Père) и я присоединюсь к его церкви. Иду однажды по улице — попадается мне навстречу человек с младенцем на руках. Малютка загляделся на меня, как на какое диво, и протянул ко мне обе ручонки. Отец с досадой и очень громко сказал: «Ne le regarde pas, mon enfant: c'est un fou» *. Эти слова врезались в моей памяти: они льстили моему самолюбию — мне казалось, что я страдаю за истину. А теперь так кажется, что тот bourgeois был прав. Вот поэтому-то я и думал, что вы, прочитавши мое письмо, тоже согласитесь с мещанином и скажете: «Laissons-le, c'est un fou!» **. Но я обманулся, и теперь мне приходится двукратно вас благодарить и за дружественное ваше письмо, и за присылку вашей интересной брошюрки [2], которую я буду читать и изучать с глубочайшим вниманием.

Долг платежом красен. Давно уже я ни к кому не писал с таким abandon ***, с каким пишу к вам. Вы, кажется, ожидаете от меня *категорического ответа*. Да почему же мне и не дать его? Что я возвращаюсь в русский народ, в этом нет никакого сомнения. Ведь это была одна из причин, побудивших меня оставить пустыню. Мне казалось, что священный долг призывает меня принять какое бы то ни было участие в возрождении моей родины. От всей души я готов подписать вашу программу[3]. Я очень хорошо понимаю, как католический священник русской крови может сделаться примирителем враждебных племен. Это прекрасно в теории, но где же практическое применение? Как, где и когда? Ведь мы еще не в России — мы отделены от нее китайскою стеною. Вот если б Россия была Англиею, где всякий может гулять по воле, говорить и делать, что хочет, и служить родине на вольно избранном поприще, — я бы, может быть, тотчас принялся за дело на свой манер. Но что же я могу делать в России? Мне кажется, вы продаете шкуру медведя, а медведь-то еще жив и здоров — смотрите, как он ломает кости поляков.

Впрочем, я тоже скептик в своем роде. «Концы и начала» г. Герцена напомнили мне Дон-Кихота[4]. Ведь я был действительным Дон-Кихотом всю жизнь мою. Я все принимал за чистые деньги, везде видел доблесть и красу, а где их вовсе не было, я созидал их в моем воображении и поклонялся творению рук моих. Сколько ветряных мельниц я принял за исполинов! Сколько Дульциней я обожал, как идеальных принцесс! Вот почему, после стольких опытов, мне очень трудно решиться на какую-либо новую деятельность. Я чрезвычайно дорожу моим теперешним положением: я живу в совершенном уединении и совершенной независимости — пополам с наукою и делами христианской любви, я вкушаю то блаженство, в котором Дант поставляет сущность Рая:

Luce intellettuale, piena d'amore,
Amor di vero ben pien di letizia**** [5].

Но я действительно возвращаюсь в русский народ. Вот почему я выписал «Колокол» и вошел в сношения с г. Герценом. Я читаю «Колокол» — это, *во-первых*, дань искреннего уважения к высоким талантам его издателей, а *во-вторых — я с вашей стороны* ожидаю спасения Израиля [6]. Мне кажется, из всех русских студентов, бывших со мною в Берлине [7], я *один* сохранил неизменными мои *политические* убеждения. Что я думал тогда, я думаю теперь. Начало моих религиозных верований принадле-

---

* «Не смотри на него, дитя мое: это сумасшедший» (франц.).
** *«Оставим его, это сумасшедший!» (франц.).*
*** *непринужденным чувством (франц.).*
**** Умопостижный свет, где всё — любовь,
Любовь к добру, дарящая отраду.
(Перевод М. Л. Лозинского). — *Ред.*

жит к той же эпохе — вы его найдете в «Paroles d'un croyant» Ламенне. Как ни бестолково это вам покажется, однако это правда.

Я высказал все, что у меня было на сердце. Нужно ли еще прибавить, как искренни те чувствования, с которыми я пребываю

вам истинно преданным.

В. Печерин

[1] См. письмо 8 от 13 марта 1863 г.

[2] Речь идет о брошюре Огарева «Essai sur la situation russe». См. примеч. 1 к предыдущему письму и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 892—893.

[3] Печерин говорит здесь о «программе», составленной для него Огаревым в письме от 29 марта 1863 г. (см. выше); речь шла о «возвращении в народ русский».

[4] Скептицизм Печерина отнюдь не совпадал со скептицизмом Герцена, гневно бичевавшего в «Концах и началах» европейскую буржуазную цивилизацию.

[5] «Рай», песнь XXX, стихи 40—41.

[6] Печерин имеет в виду будущие преобразования в России; он понимал их как превращение самодержавно-помещичьего строя в «исполинскую демократию».

[7] Печерин говорит о своих бывших товарищах по студенческой командировке в Берлин в 1833—1835 гг.: о П. Г. Редкине, Я. И. и С. И. Баршевых и др.

11

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

47. Dominick street. Dublin
20-го апреля 1863

Почтеннейший соотечественник,

На этот раз посылаю вам *две лепты* (2 фунта) [1]: это как-то сообразнее с евангелием. Прошу вас принять их как символ глубокого участия, которое я принимаю в русском деле — деле *Земли и воли*. Не нужно вас спрашивать, читали ли вы Мишеле «La Pologne»? [2] Какое глубокое понимание России! А ведь я, тридцать лет тому назад, понял ее точь в точь, как Мишеле теперь ее понимает. Ваши сочинения обратили меня в Россию, но, признаюсь, иногда еще пробивается старое чувство [3], особенно глядя на настоящие события. Впрочем, подождем: посмотрим, что скажет русский народ: пора ему показать себя.

Между тем пребываю
вам искренно преданный

В. Печерин

[1] См. примеч. 2 к письму 6.

[2] Печерин имеет в виду книгу Ж. Мишле («Мишеле» — в русской транскрипции Печерина) «La Pologne et la Russie. Légende de Kostiusko» («Польша и Россия. Легенда о Костюшко»), вышедшую в свет в 1851 г. Герцен в своей статье «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» выступил с резкой критикой позиции Мишле, утверждавшего, что «Россия не существует, что русские — не люди, что они лишены нравственного смысла» (VI, 433). Соглашаясь с отрицательной характеристикой, которую Мишле дал «России официальной», Герцен подчеркивал в своей статье огромную творческую силу и историческую роль русского народа. Под влиянием Герцена Мишле изменил свой взгляд на Россию.

[3] *Старое чувство* — резко выраженный космополитизм Печерина, та идеализация Западной Европы, которая привела его в тридцатых годах к бегству из России.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЯТЕЛИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация И. М. Белявской

Ниже печатается три эпистолярных документа, авторами которых являются польские деятели.

Первый документ—обращенное к Герцену письмо-адрес группы польских эмигрантов-демократов, собравшихся в Лондоне 29 ноября 1857 г. по случаю годовщины восстания 1830—1831 гг. Среди подписавших письмо — имена Ст. Тхоржевского и Л. Чернецкого — ближайших технических сотрудников Герцена в его издательской деятельности, Ю. Данича—польского эмигранта, наборщика в типографии Герцена, А. Н. Дыбовского — одного из активных деятелей польской демократической эмиграции конца тридцатых — начала сороковых годов XIX в., М. Домогальского — члена Централизации польского демократического общества в Лондоне в период 1857—1862 гг. и других.

Письмо свидетельствует о том, что отношения и связи между польской демократической эмиграцией и Герценом не прекратились и после смерти Станислава Ворцеля. Оно свидетельствует, что польская демократическая эмиграция попрежнему видела в Герцене неутомимого борца за освобождение польского народа.

Второе письмо, как видно из его содержания, написано неизвестным корреспондентом из Ломжинского уезда Царства Польского, находившимся с Герценом в регулярной переписке. В этом письме содержатся интересные подробности о распространении «Колокола» в Польше и о влиянии идей Герцена на передовую часть польского общества. Вместе с тем письмо показывает, что автор его принадлежал к числу либеральных польских помещиков, объединившихся в Земледельческое общество и стремившихся заменить невыгодную им барщину оброком, с тем, чтобы впоследствии крестьяне выкупили у них землю в собственность. Возможно, что автором этого письма был корреспондент Земледельческого общества от Ломжинского уезда Францишек *Лютославский*, являвшийся одним из наиболее активных и осведомленных членов общества (см. Wł. Grabski. Historia Towarzystwa Rolniczego, tt. I—II. Warszawa, 1904, t. 2, str. XI, 453).

В третьем письме речь идет об отношении польской эмиграции к деятельности Герцена и Огарева и общества «Земля и воля» во время восстания 1863 г. Письмо это еще раз показывает, как враждебно относилась к Герцену польская аристократическая эмиграция, возглавлявшаяся князем Владиславом Чарторыйским.

Шляхетский революционер и ярый националист Л. Мерославский, отстаивавший требование польских националистов восстановить Польшу в границах 1772 г., был решительным противником русско-польского революционного союза. Когда в конце сентября 1862 г. переговоры между представителями Варшавского Центрального комитета и издателями «Колокола» завершились соглашением о совместной революционной борьбе против царизма, причем в основу положено было требование освободить крестьян и наделить их землей, а также принцип национального равноправия, Мерославский объявил действия Центрального комитета предательскими, а издателей «Колокола» — врагами Польши («Pamiętnik Mierosławskiego». 1861—1863, Warszawa, 1924, str. 78). Своей враждебной кампании против русских революционеров и лучшей части польских революционеров, стремившихся объединить революционные силы и организовать совместную борьбу, Мерославский не прекращал и во время восстания 1863 г. Не прекратил он ее и после поражения

восстания; об этом свидетельствует, в частности, статья Герцена «Frisant la question polonaise» («К польскому вопросу»), написанная им в марте 1868 г. в ответ на очередные измышления Мерославского (XX, 231—248).

Кто автор этого письма—установить не удалось. Подпись, стоящая в конце: Андр...,—неразборчива. В архиве Польской Академии наук в Кракове хранится перлюстрированная агентурная копия этого письма, в которой подпись расшифровывается как «Андрей».

Письма печатаются по рукописной копии ЦГЛА (ф. 129, оп. 1, ед. хр. 105)—письмо 1 и по автографам «пражской коллекции» (ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 127)—письма 2 и 3.

1

Перевод с французского:

Charles street, Hatton garden
29 ноября 1857 г.

Гражданин,

Вы не только своей красноречивейшей хвалой ознакомили мир с великими достоинствами нашего героя-мученика, Станислава Ворцеля, вы пожелали в торжественнейший день нашего изгнания, годовщину нашей революции, напомнить нам о призывах этого человека, являющегося образцом для поляков, подарив каждому из нас его портрет, отличающийся таким необыкновенным сходством, что он как бы обращается к нам и вдохновляет на выполнение нашего долга. Под этим впечатлением мы просим вас принять нашу искреннюю благодарность и верить, что мы умеем ценить усилия, которыми вы стараетесь двигать вперед наше дело [1].

Поляки, собравшиеся для празднования годовщины революции 29 ноября 1830 г.:

Феликс Новсельский
Альберт Тур
Чарницкий
Адам Козниун (?)
Северин Шайкоский
Ксаверий Финк
А. Н. Дыбовский
Островский
Каз. Эльбиновский
Станислав Тхоржевский
А. Жабицкий
М. Виснявский
И. Радзивилл
И. М. Верецкий
Ксаверий Стрыхи...(?)
М. Домогальский
Франц. Аугустынский
(1 нрзб.)
Юлиан Данич
Андрей Малозевский
Чернецкий, Луис
Фр. Цаблер
Сковронек
Ц. Папровский (?)

[1] В 1857 г., в третьей книжке «Полярной звезды», был опубликован некролог Ворцеля, написанный Герценом. Вскоре Герцен перевел этот некролог на французский язык и издал отдельной брошюрой. В брошюре Герцен с большой симпатией и уважением рассказывал о благородной патриотической деятельности Станислава Ворцеля. О Ворцеле см. также в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 226—228.

2

(Ломжинский уезд. Февраль 1860 г.) [1]

Милостивейший государь
Александр Иванович!

Простите мне за надоедливость моими письмами, но с моей стороны было бы недобросовестно не исполнить желание всех мыслящих поляков Л(омжинского) уезда, читающих с увлечением «Колокол»; они просили меня выразить вам глубокую душевную благодарность за голос в пользу угнетенного народа польского. Не умею передать вам, какое впечатление производит каждое ваше слово. Старцы, поседелые в изгнании, в ссылке и в казематах, со слезами на глазах прислушиваются к свободной

Братья Солдаты,

Ведутъ васъ бить Поляковъ.

За что!

За то, что они разбѣжались отъ рекрутчины, не по очереди и не по жеребью, а по полицейскому выбору устроенной. Кто полиціи не понравился, того и въ рекруты. Отъ этой непразды мѣщанство изъ городовъ ушло въ лѣса и тамъ выбрало себѣ начальниковъ и стало защищаться и говорить, что Польша не должна управляться петербургскими нѣмцами, что она можетъ жить въ ладу съ Россіей, а управляться должна по своему, крестьянъ землю отдать, и свой народъ отъ осѣдлаго насильства нѣмецкаго и петербургскаго избавить.

И за это ихъ правое дѣло васъ заставляютъ по нимъ стрѣлять!

Какой срамъ на имя русское! Какой грѣхъ на душу христіанскую!

И какъ же паршивое начальство учитъ солдатъ войну вести!

Путнаго сраженія никакого и начать не умѣетъ, а говоритъ солдатамъ: "Грабь, бей безоружныхъ, жги селы и города, офицеровъ честныхъ не слушайся, а слушайся только грабителей!"

Да развѣ это война?... Это разбой!

Что сдѣлали изъ русскихъ воиновъ?...—разбойниковъ!

Нѣтъ же, братья солдаты, кто изъ васъ въ Бога вѣритъ, кто не Христопродавецъ, тотъ душу свою за начальство Антихриста не погубитъ, грабить не станетъ, безоружныхъ бить не станетъ; домы, селы и города жечь не пойдетъ, и по полякамъ, по народу за свою Землю и Волю стоящему стрѣлять не будетъ; а подумаетъ о другомъ, о чемъ про то мы скажемъ теперь же:

Почему Польша встаетъ? Потому что на то воля Господня, потому что слуиной часъ приходитъ. Народу русскому фальшивую волю дали, обманная грамота написали, землю урѣзали, оброки повысили, подати надбавили; за землю крестьянскую хотятъ выкупъ брать. Дѣло ваше не поляковъ бить, а своему русскому народу помочь, чтобъ на святой Руси не было розни сословной, ни дворянина, ни мужика, а былъ бы одинъ народъ русской и онъ управленіе себѣ людей выбиралъ бы самъ, а царскихъ чиновниковъ грабителей отрѣшилъ бы; чтобъ земля за нимъ осталась безъ выкупа; чтобъ воля ему была дана настоящая; чтобъ и солдатъ за свою службу не побродной оставался, а то же бы свою землю отъ міра имѣлъ, чтобъ служба была короткая, чтобъ офицеровъ своихъ и полковниковъ и генераловъ солдаты выбирали честныхъ и смышленыхъ изъ себя же и изъ людей имъ извѣстныхъ, а не то чтобъ къ нимъ насылали въ начальство воровъ да палачей, солдатъ обкрадывающихъ да заѣдающихъ; чтобъ рекрутчина не было, а были бы солдаты ополченіемъ народнымъ—а не опричники царскіе да разбойники генеральскіе.

До какого мы срама дожили—царь противъ поляковъ вступилъ въ союзъ съ прусскими нѣмцами! Да развѣ мы сами-то нѣмцы что-ли, или некрещены, что намъ съ ними за одно поляковъ бить!

Ужъ если на то пошло, такъ лучше полякамъ помочь противу всякихъ нѣмцевъ и своихъ и заморскихъ, чѣмъ за неправое дѣло вступаться да разбойничать. Или, братья солдаты, оставьте поляковъ въ покоѣ устрояйтеся по ихнему,—а идите освобождать народъ русскій отъ царскихъ дворянъ и чиновниковъ, да кличъ кличьте, чтобъ народъ сзывалъ великій Земскій Соборъ изъ людей народомъ безъ розни сословной избранныхъ, чтобъ учредили они за народомъ русскимъ Землю да Волю по божьему, а не по заморскому.

Власть Господня наступаетъ, слуиной часъ приходитъ. Братья солдаты, слушайтесь вы, кто говоритъ вамъ во имя Земли и Воли: Не на рабство полякамъ—сохрани васъ Господь отъ этого, а за волю народа русскаго, крестьянскаго, встанемъ дружно и да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!

ЛИСТОВКА ОГАРЕВА «БРАТЬЯ-СОЛДАТЫ, ВЕДУТ ВАС БИТЬ ПОЛЯКОВ», 1863 г.
Издание Вольной русской типографии в Лондоне. Сверху знак общества «Земля и воля»
Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

русской речи, жалея, что не могут уже научиться рус⟨скому⟩ языку. Ваше слово за Польшу тем удивительнее для них, что говорит русский, а в каждом русском они привыкли видеть палача, самого заклятого, самого непримиримого. Ваше слово в короткое время разубедило их; к народу русскому уже нет той ненависти, какая существовала с давних времен. Ваши сочинения дали им истинное понятие о русском народе, в котором поляки узнали своих братьев, еще более несчастных. Вам одному будет принадлежать честь примирителя двух родственных наций. Не переставайте же быть им. Громадный ваш авторитет в целом славянском мире готовит ему славную будущность. Свято чтя истину, я передаю вам ее так, как есть на самом деле, и счастливейшим был бы, если бы мог заслужить хоть каплю вашего доверия. Занятому громадным вопросом — судьбою России, вам нет времени обращать внимание на мелочные корреспонденции, но во имя истины прошу вас в свободный час вспомнить и о мелочах, которые здесь для нас имеют большое значение.

Варшавское земледельческое общество развивается с необыкновенною быстротою. В два года общество имеет более 3000 членов. Комитет общества единогласно признал, что Oczynszowanie Włościan [2] нисколько не улучшит их быт, но что необходимо наделение их землею в собственность за известную плату в продолжение известного времени. Комитет просил об этом государя, который на это ⟨!⟩ не позволил. В России правительство встречает препятствие в помещиках, а в Польше помещики — в правительстве. На втором общем заседании член комитета *Гурский* прочел отчет о действиях комитета и окончил следующими положениями: 1) Что при отводе земли крестьянам следует держаться *общинной системы*, чтобы они со временем могли составить *общину*. 2) Колониальной системе следовать только в крайних случаях при необходимости, смотря по местности. Отчет окончил следующими словами: «Господа! Время, чтобы мы исполнили то, о чем давно думали некоторые из наших предков. Сознавая необходимость реформы, отбросим всякое *принуждение*, как символ диких народов...». Потом начались диспуты об общине и колонии. Большинство было за общиной. Здесь явно было заметно сильное *ваше* влияние. *Миттельштет* энергично доказывал, что в общине заключаются начала не только морально-социальные, но и экономические, и кончил следующими словами: «Господа, расселим поселян по колониям, и Польша исчезнет с лица земли. Опыт нам доказал, что каждая колония имеет свою отдельную народность, особую религию, особый язык и обычай. Только в славянской общине лежит зародыш и дальнейшее развитие нашей народности». Варшава удивилась, что при общем собрании ни у подъездов, ни в зале не было ни полиции, ни жандармов, забывая, что то и другое заменял собою Муханов [3], который на обеде, данном обществом комитету, корчил польского патриота.

Теперь позвольте вам сказать несколько слов об учебных заведениях Варшавского округа. При огромных эдукационных фундушах [4] заведения находятся в жалком состоянии. Постоянный недостаток в учителях, вследствие незначительного жалованья. Немногие из старших учителей получают по семьсот пятьдесят рублей, большинство от трехсот — двухсот сорока при тридцатипятилетней службе для эмеритуры. Поощрений и наград никаких. Составит ли кто из преподавателей какое-либо *руководство* или книгу, округ покупает по какой ему угодно цене и продает также по какой угодно цене, это conditio sine qua non * введения учебника в учебные заведения. Плата за учение в гимназиях по тридцать пять рублей серебром; большинство не в состоянии и половины платить и должно оставаться без воспитания. Существуют (мухановское творение) пятикласс-

---

* непременное условие (лат.).

ные бессмысленные училища для детей чиновников, а четырехклассные — для низших сословий, так что училища разделены по *сословным кастам*. Несмотря на все это, число учащихся постоянно увеличивается. Из отчета Министерства народного просвещения за 1858 г. («Журнал Министерства народного просвещения», 1859 г., месяц август) видно, что число учащихся в империи вместе с Царством Польским — 210 030, из коих на Царство Польское, т. е. на четыре с половиной миллиона жителей, приходится 77 322. Одна треть!— Царство Польское ожидало великие и богатые милости, но увы! Удостоились наград, по милости Адлерберга[5], танцовщица *Козловская* и другие*.

[1] Письмо не датировано, однако время его написания можно определить довольно точно. В письме имеется упоминание о том, что Земледельческое общество существует уже *два года*. Как известно, Общество было открыто в январе 1858 г. Кроме того, автор сообщает о заседании Земледельческого общества, на котором обсуждался вопрос об аграрной реформе. Описываемое автором заседание состоялось 4 февраля 1860 г. (Wł. G r a b s k i. Historia Towarzystwa Rolniczego, t. II, str. 189). То обстоятельство, что автор ничего не говорит о последующих заседаниях, позволяет датировать его письмо началом февраля 1860 г.

[2] Перевод крестьян на оброк (чинш).

[3] П. А. *Муханов* стоял во главе гражданского управления Царства Польского (директор Комиссии внутренних и духовных дел).

[4] *Эдукационные фундуши* — бюджетные средства, предназначенные на просвещение.

[5] Министр императорского двора В. Ф. *Адлерберг*.

3

(Париж. 7 июля 1863 г.)

Милостивый государь
Александр Иванович!

Зная несколько лиц из польской эмиграции в Париже, я узнал от них, что против вас, а равно и других членов общества «Земля и воля» составлен заговор, во главе коего стоит Мерославский и его клевреты, которые повсеместно распространяют на ваш счет самые обидные слухи, и самые гнусные обвинения посланы в их комитет, дабы уничтожить добрые отношения. Князь Влад. Чарторыйский тоже не благоволит к вам, — как мне говорил его поверенный Савицкий, — и смотрит на вас как на орудие.

Грустно, что в столь критическую минуту польского вопроса личные стремления поглощают интересы народа — страсть и подлые интриги дают только средства подлому Мерославскому испортить все дело. Один из его сотрудников приготовляет к печати брошюру против вас — не знаю на польском или французском, но в исходе месяца, говорят, выйдет, — как протест поляков против общества «Земля и воля»[1].

Я думаю, вам это все известно, но я почел долгом уведомить вас.

Весь ваш
Андр... (?)

Paris. 7 июля 1863

Один из друзей ваших сообщил ваш адрес.

[1] Была ли издана брошюра и какая именно, установить не удалось. Возможно, что автор имеет в виду брошюру Мерославского «La dernière réponse à Michel Bacounine» («Последний ответ Михаилу Бакунину»), Paris, 1863.

* Конец письма, повидимому, не сохранился.—*Ред.*

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПЬЕРА-ЖОЗЕФА ПРУДОНА С ГЕРЦЕНОМ

Публикация Натальи Эфрос

Публикуемые по подлинникам «пражской коллекции» три письма из переписки Герцена с П.-Ж. *Прудоном* (1809—1865) не могут считаться полностью неизвестными. Первое письмо Герцена и письмо Прудона приведены в 5-й части «Былого и дум», но в выдержках, притом несколько измененных для печати. Второе письмо напечатано полностью, но в беловой редакции, отличающейся от воспроизводимой нами черновой, оставшейся в бумагах Герцена (ср. VI, 533—536; первоначально «Былое», 1907, кн. IV, стр. 76—77). Таким образом, все три документа содержат новые и, как увидим, весьма интересные тексты Герцена и Прудона.

Письма относятся к 1849—1851 гг. Герцен поддерживал в это время дружеские и деловые отношения с Прудоном, который подвергался преследованиям французского республиканского правительства и находился в заключении. В публикуемой переписке нашли отражение те преувеличенные оценки Прудона и его учения, которые, как не раз отмечалось в литературе, были затем пересмотрены Герценом.

Первое письмо Герцена и ответ Прудона связаны с выпуском в свет прудоновской газеты «La Voix du Peuple» и с обращением Прудона к Герцену за материальной поддержкой издания. Эпизод этот описан Герценом в «Былом и думах». Позднейшие документальные публикации пополнили это описание подробностями, опущенными Герценом. Однако оживленная переписка, возникшая между Герценом и Прудоном по поводу газеты, до сих пор целиком не обнаружена, и в истории сотрудничества Герцена в прудоновском органе все еще остаются невыясненные обстоятельства (см. нашу статью «Французские корреспонденты Герцена» — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 270 и в настоящем томе — публикацию писем Н. И. Сазонова к Герцену, стр. 522 и сл.). Письма «пражской коллекции» вносят в вопрос существенные добавления.

Как известно, Герцен, согласившись оказать денежную помощь газете Прудона, поставил при этом ряд условий. «...Я, — вспоминает Герцен, —требовал, во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, нрава заведывать всею иностранною частью, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи» (XIII, 454). По словам Герцена, его требования «покоробили» Прудона, но все же он принял их и подтвердил свое согласие сдержанным письмом (от 23 августа 1849 г.), которое Герцен называет «строгой депешей». «На эту строгую депешу, — продолжает Герцен, — я отвечал высылкою 24 000 фр. и длинным письмом, совершенно дружеским, но твердым...» (там же). Первый публикуемый документ и есть черновик этого письма.

Описывая перипетии переговоров о газете «La Voix du Peuple», Герцен поясняет, что в споре с Прудоном им руководило желание «иметь положительное влияние на журнал». Он подробно останавливается на тех теоретических воззрениях и политических взглядах, которые хотел проводить в газете. Но, рассказав, как было достигнуто соглашение с Прудоном, коснувшись дальнейшей судьбы издания, упомянув о своем участии в газете в качестве автора *, Герцен ни словом не обмолвился о своей редак-

---

* Герцен поместил в «La Voix du Peuple» следующие статьи: «Россия» —напечатана в приложениях к №№ 50, 57 и 71 газеты от 19 и 26 ноября и 10 декабря 1849 г.,

торской работе в ней. Никаких сведений об этом нет и в других источниках. Было принято поэтому считать, что Герцен фактически не воспользовался своими правами редактора иностранной части «La Voix du Peuple» и прямого влияния на руководство газетой не оказал. Новонайденный документ заставляет думать, что это не совсем верно.

Выше было упомянуто, что в «Былом и думах» Герцен привел лишь выдержки из своего письма к Прудону. При этом Герцен сохранил в сокращенном, а возможно,

П.-Ж. ПРУДОН
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

и в несколько измененном виде только теоретическую, принципиальную часть письма, но полностью исключил всю деловую его часть. Таким образом, остались неизвестными и те мероприятия по редактированию «La Voix du Peuple», к практическому осуществлению которых, как оказывается, Герцен приступил. Лишь теперь мы узнаем, что, подписав соглашение с Прудоном, Герцен сразу же принялся за организацию порученного ему иностранного отдела газеты. Он подыскивает для него авторитетных корреспондентов. Он готовит длинное письмо по поводу плана работы к своему заместителю по заведованию иностранной частью газеты — Шарлю Эдмону; определяет денежные суммы, необходимые для выплаты гонорара привлеченным к сотрудничеству авторам, наконец, уделяет внимание задачам распространения газеты: берет на себя обязательство дать объявления об издании во всей радикальной международной прессе; составляет списки лиц, которым следует посылать газету для ознакомления. Все это позволяет предполагать, что редакторская роль Герцена в «La Voix du Peuple» вовсе не была номинальной, как это думали до сих пор. Вопрос об участии Герцена в издании газеты требует, очевидно, тщательного дополнительного изучения.

«Доносо-Кортес» — в приложении к № 167 от 18 марта 1850 г. и «Письмо русского к Мадзини» — в приложении к № 181 от 1 апреля 1850 г.

Значительный интерес представляет и теоретическая часть письма. В ней имеются новые, отсутствующие в авторской публикации, герценовские оценки общественно-политических событий 1848—1849 гг. По сравнению с ретроспективным рассказом об этих событиях в «Былом и думах» высказывания Герцена в публикуемом письме носят на себе в ряде случаев печать большей непосредственности, остроты и взволнованности.

Мысли о причинах поражения революции 1848 г., о судьбах Европы, бегло набросанные в письме, нашли законченное выражение в известных произведениях Герцена тех лет. Но для понимания исканий и путей, которыми шел к своим выводам писатель, имеет значение и знание первоначального восприятия им событий. В этом также ценность публикуемого документа.

Ответ Прудона, который мы публикуем, помещен в «Былом и думах», как и письмо Герцена, в выдержках. Герцен процитировал своего корреспондента подробнее, чем себя самого, и неизданная часть прудоновского письма не так значительна по существу. Тем не менее и здесь есть ценный материал. В частности, интересна меткая прудоновская характеристика политического положения Франции того времени. До сих пор письмо Прудона было известно только в отрывках и в русском переводе. Теперь оно впервые появляется в подлиннике и полностью.

Второе письмо Герцена, как и первое, сохранилось в его бумагах в черновом виде. Сравнение черновой рукописи с напечатанным беловым текстом (VI, 533—536) убеждает, что перед отправкой по назначению письмо подверглось большой переделке. Не меняя содержания написанного по существу, Герцен перередактировал письмо, внеся изменения не только в отдельные фразы и выражения, но и в самую его структуру. Помимо вариантов, публикуемая рукопись содержит и куски текста, полностью отсутствующие в беловой редакции (например, высказывание о Швейцарии).

Письмо датировано 26 декабря 1851 г. Это — ответ Прудону на его дружеское выражение сочувствия по поводу постигшего Герцена несчастья — гибели матери, сына и воспитателя сына (VI, 538). Написанное вскоре после пережитого личного горя и почти тотчас же после наполеоновского переворота, письмо проникнуто трагической скорбью, вызванной зрелищем торжествующей реакции и одновременно огромной силой гнева и ненависти к существующему социальному строю. Это — один из замечательнейших документов в эпистолярном наследии Герцена.

Оба публикуемые письма Герцена написаны по-французски.

Русская редакция первого письма Герцена, вошедшая в «Былое и думы», как мы уже говорили, отличается от черновой редакции на французском языке. При переводе этого письма отдельные отрывки, выражения и фразы, в тех случаях, когда они соответствуют публикуемому оригиналу, даются в переводе Герцена.

Герценовский перевод воспроизводится также частично в переводе письма Прудона.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 100).

1

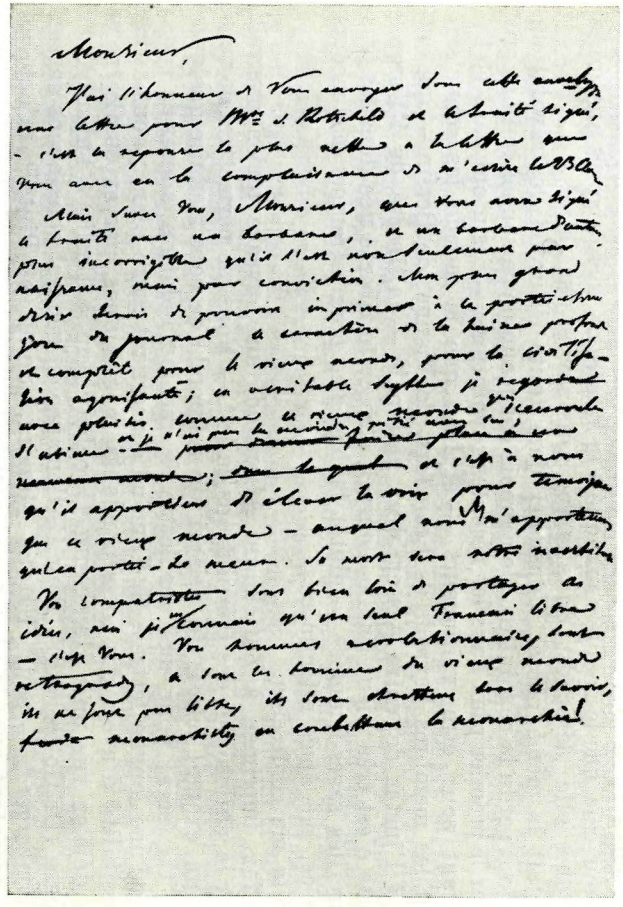
ГЕРЦЕН — ПРУДОНУ

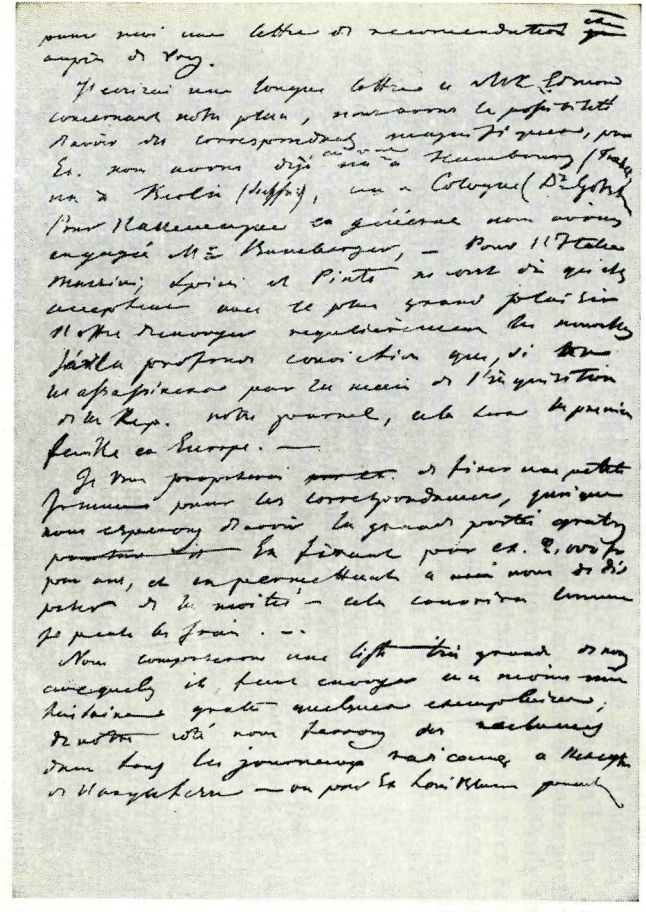
‹Genève, 27 Août 1849›[1]

Monsieur,

J'ai l'honneur de Vous envoyer sous cette enveloppe une lettre pour M. de Rotschild et le traité signé, — c'est la réponse la plus nette à la lettre que vous avez eu la complaisance de m'écrire le 23 Août[2].

Mais savez Vous, Monsieur, que Vous avez signé le traité avec un barbare, et un barbare d'autant plus incorrigible, qu'il l'est non seulement par naissance, mais par conviction. Mon plus grand désir serait de pouvoir imprimer à la partie étrangère du journal le caractère de la haine profonde et complète pour le vieux monde, pour la civilisation agonisante; en véritable scythe je regarde avec plaisir comme ce vieux monde, qui s'écroule, s'abîme





ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К П.-Ж. ПРУДОНУ ОТ 27 АВГУСТА 1849 г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

[pour faire place à un nouveau monde, dans lequel] et je n'ai pas la moindre pitié avec lui; et c'est à nous qu'il appartient d'élever la voix pour témoigner que ce vieux monde — auquel nous n'appartenons qu'en partie — se meurt. Sa mort sera notre investiture.

Vos compatriotes sont bien loin de partager ces idées, moi je ne connais qu'un seul Français libre — c'est Vous. Vos hommes révolutionnaires sont rétrogrades, ce sont les hommes du vieux monde, ils ne sont pas libres, ils sont chrétiens, sans le savoir, monarchistes, en combattant la monarchie!

Vous avez élevé à la hauteur de la science la négation, c'est à dire l'affranchissement, l'émancipation dans la théorie — vous avez dit, le premier en France, qu'il n'y a pas de salut dans l'enceinte de ce monde en putréfaction, qu'il n'y a rien à sauver de ce qui lui appartient — que tout ce qu'il a produit est entaché d'esprit aristocratique, d'esclavage, de mépris pour l'homme, d'injustice, de monopole — la jurisprudence comme l'économie, le sens du pouvoir comme la notion de la liberté politique — et c'est pour cela que je crois que ma manière de voir d'un barbare aura vos sympathies, avec moins je m'en flatte.

Il faut montrer dans tous les coins de l'Europe, il faut poursuivre dans les tristes récits des dernières révolutions [en Lombardie, comme en Allemagne] le vieux monde, la réaction, le christianisme non pas dans les rangs de nos ennemis — c'est par trop facile, mais dans le camp de la révolution, il faut flétrir la démocratie pour cette solidarité avec la royauté, il faut montrer au monde, qu'être moitié libre est un brevet d'incapacité. Point de terreur devant les vainqueurs, point de sentimentalisme avec les vaincus! Cette solidarité est évidente pour la France; comment ne pas comprendre que les républicains politiques et les doctrinaires dans le genre Guizot ne sont que de petites nuances, des variations sur un thème constitutionnel, c'est pour cela que la Montagne manquait au peuple de Paris, lorsqu'indigné, outré il se leva de toute sa grandeur — pour se faire mitrailler; c'est pour cela que le peuple a manqué à la Montagne, lorsqu'après une année d'opprobre elle descendit dans la rue sans savoir que faire[3].

C'était la même chose, Monsieur, dans toute l'Europe, les révolutionnaires ont perdu la révolution. Je connais beaucoup de personnes qui ont pris part sur le premier plan dans les récentes révolutions, — ils n'ont pas l'étoffe qu'il faut pour être vainqueurs, — et bien que le monde les connaisse, ce sont les membres bavards de Francfort, de Vienne, de Berlin — qui ont perdu à l'instar de votre Ass⟨emblée⟩ nationale — la liberté de l'Europe. Au reste c'est très bien; quelle pourrait être cette liberté née dans les bras de pareilles sages-femmes? — plutôt la barbarie pour retremper nos moeurs relâchées, nos âmes efféminées.

Voilà ma confession.

Je fais imprimer à Zurich en Allemand un ouvrage qu'on pourrait appeler la philosophie des Révolutions de 48[4].— Vous me permettrez de vous offrir un exempl ⟨aire⟩. Je prierai Mr Edmond[5] de vous traduire quelques pages. Ce ⟨sera⟩ pour moi une lettre de recommandation auprès de Vous. J'écrirai une longue lettre à Mr Edmond concernant notre plan[6]; nous avons la possibilité d'avoir des correspondants magnifiques, par ex⟨emple⟩ nous avons déjà en vue un à Hambourg (Froebel)[7], un à Berlin (⟨1 нрзб.⟩), un à Cologne (Dr Gottschalk)[8]. Pour l'Allemagne en général nous avons engagé Mr Bamberger[9], — pour l'Italie Mazzini, Spini et Pinto[10] m'ont dit qu'ils acceptent avec le plus grand plaisir l'offre d'envoyer régulièrement les nouvelles. J'ai la profonde conviction, que si l'on n'assassine ⟨pas⟩ par la main de l'inquisition de la Rép⟨ublique⟩ notre journal, cela sera la première feuille en Europe.

Je vous proposerai de fixer une petite somme pour les correspondances, quoique nous espérons d'avoir la grande partie gratis. En fixant par

ex⟨emple⟩ 2.000 fr. par an, et en permettant à nous de disposer de la moitié — cela couvrira comme je pense les frais.

Nous composerons une liste très grande de noms auxquels il faut envoyer, au moins une huitaine gratis, quelques exemplaires; de notre côté nous ferons des réclames dans tous les journaux radicaux, à l'exception de l'Angleterre — où par ex⟨emple⟩ Louis Blanc pourrait*

Перевод:

⟨Женева, 27 августа 1849 г.⟩[1]

Милостивый государь!

Имею честь настоящим послать вам вексель для г-на Ротшильда и подписанное соглашение, это наиболее ясный ответ на письма, которое вы были любезны написать мне 23 августа[2].

Но знаете ли, милостивый государь, что вы подписали соглашение с варваром, и варваром тем более неисправимым, что он является им не только по крови, но и по убеждению. Больше всего хотелось бы мне придать иностранной части журнала характер, отражающий глубокую и безграничную ненависть к старому миру, к агонизирующей цивилизации. Как настоящий скиф, я с радостью вижу, как этот гибнущий старый мир рушится**, и не испытываю к нему ни малейшей жалости. Наш долг поднять голос и возвестить, что этот старый мир, которому мы принадлежим лишь отчасти, — умирает. Его смерть будет нашей инвеституpой.

Ваши соотечественники очень далеки от того, чтобы разделять эти идеи. Я знаю только одного свободного француза — это вас. Ваши революционеры — консерваторы; это люди старого мира, они не свободны; они христиане, не зная того, и монархисты, сражаясь с монархией!

Вы подняли вопрос негации на высоту науки, т. е. освобождение, эмансипацию возвели в теорию; вы первый во Франции сказали, что нет спасения внутри этого гниющего мира и что спасать из того, что ему принадлежит, нечего, что все созданное им запятнано духом аристократизма, рабством, презрением к человеку, несправедливостью, монополией — юриспруденция, как и экономика, представление о власти, как и понятие политической свободы. — Вот почему я думаю, что мой взгляд на вещи, взгляд варвара, вызовет ваше сочувствие. Во всяком случае я льщу себя этой надеждой.

Надо показать, во всех углах Европы, надо преследовать в печальных рассказах о последних революциях*** старый мир, реакцию, христианство, не в ряду наших врагов — это чрезвычайно легко, но в стане революции, надобно обличить эту круговую поруку демократии и власти; надо показать людям, что быть наполовину свободными это патент на несостоятельность. Не нужно страха перед победителями, но не нужно и сентиментальности с побежденными! Существование такой круговой поруки во Франции очевидно. Как не понять, что политические республиканцы составляют только незаметный оттенок доктринеров типа Гизо, не более как вариацию на ту же конституционную тему. Вот почему Гора не пошла с народом, когда возмущенный, оскорбленный он поднялся во весь свой рост, чтобы стать под расстрел; вот почему народ не пошел с Горой, когда она после года позора вышла на улицу, не зная, что ей делать[3].

Так, милостивый государь, было во всей Европе, революцию погубили революционеры. Я знаю многих лиц, принимавших участие в недавних революциях, находясь на первом плане; но они сделаны не из того материала, который нужен, чтобы стать победителями. Пусть их знает весь мир, а все же не кто иной, как болтливые члены франкфуртского,

---

* На этом письмо обрывается.—*Ред.*

** *Далее зачеркнуто*: чтобы уступить место новому миру, в котором

*** *Далее зачеркнуто*: в Ломбардии, как и в Германии.

венского и берлинского парламентов погубили, по образцу вашего Национального собрания, свободу Европы. Впрочем, это очень хорошо. Какой же могла бы быть свобода, принятая руками таких повитух. Лучше варварство, оно закалит наши расслабленные нравы, наши изнеженные души.

Вот моя исповедь.

Я печатаю в Цюрихе на немецком языке сочинение, которое можно было бы назвать философией революций 48 г.[4] Разрешите преподнести вам экземпляр. Я попрошу г. Эдмона[5] перевести вам несколько страниц. Это послужит мне рекомендательным письмом к вам.

Я напишу длинное письмо г-ну Эдмону относительно нашего плана[6]. У нас есть возможность иметь великолепных корреспондентов. Например, у нас есть уже один на примете в Гамбурге (Фребель)[7], тоже в Берлине (*фамилия нрзб.*) и в Кельне (д-р Готшальк)[8]. Для всей же Германии мы пригласим г-на Бамбергера[9], что касается Италии—Маццини, Спини и Пинто[10] сказали мне, что с величайшим удовольствием принимают предложение регулярно присылать сообщения. Я глубоко убежден, что если наш журнал не будет убит рукой инквизиции республики, это будет лучший журнал в Европе.

Я предложил бы вам определить небольшую сумму на корреспонденции, хотя мы надеемся получать бóльшую часть их бесплатно. Если, например, определить 2000 фр. в год и разрешить нам располагать половиной, это, думается мне, покроет расходы.

Мы составим большой список лиц, которым надо будет, по крайней мере в течение недели, посылать по несколько экземпляров бесплатно; с своей стороны мы поместим объявления во всех радикальных журналах, за исключением Англии, где, например, Луи Блан мог бы*

[1] Датируется по ответному письму Прудона (см. ниже).

[2] Выдержки из этого письма опубликованы Герценом в «Былом и думах» с ошибочной датой — 29 августа (ср. «Полярная звезда на 1859 год», стр. 141—142; XIII, 454). Возможно, что это опечатка.

[3] Речь идет об июньских событиях 1848 г. и о демонстрации 13 июня 1849 г.

[4] Герцен говорит о первом, немецком, издании «С того берега» («Vom anderen Ufer»). Книга вышла в свет в начале 1850 г. На обложке и титульном листе обозначена книгоиздательская и книготорговая фирма Hoffmann und Kampe в Гамбурге. В действительности, книга была отпечатана в Цюрихе и только распространялась гамбургской фирмой (XIII, 424). Упоминания об этом см. также в письмах Гервега к Герцену. «Есть ли у вас, — спрашивает он Герцена в марте 1850 г., — (...) письмо Гофмана и Кампе, где он пишет *определенно*, что согласен (...) продавать (...) „С того берега“» (XIV, 62). И в другом письме: «Я не знаю, куда послать книгу: в Кельн, в Лейпциг, в Гамбург? Отсылка этой книги —почти единственное, что меня удерживает еще здесь (т. е. в Цюрихе)» (там же, 63—64; ср. также «Письма из Франции и Италии» — V, 110 и письмо Герцена к Т. Н. Грановскому от 27 сентября 1849 г. — V, 289).

[5] Шарль *Эдмон*. О нем см. в настоящем томе в публикации писем Н. И. Сазонова к Герцену — прим. 2 к письму 2, стр. 533.

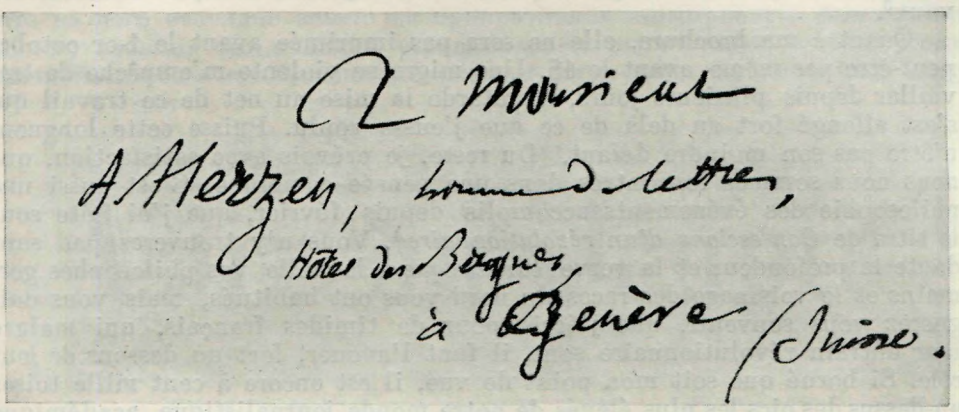
[6] Это письмо Герцена неизвестно. Неизвестна и вообще его переписка этого времени с Эдмоном. Можно предполагать все же, что договоренность о работе иностранного отдела газеты у них была. Так, например, в приложении к № 43 «La Voix du Peuple» от 18 ноября 1849 г. под рубрикой «Всемирная политика. Солидарность народов» была напечатана статья Эдмона, озаглавленная «Письмо первое» и открывшая серию статей на общие темы международного революционного движения. Перечисляя в статье дальнейшие публикации на ту же тему, намечаемые в газете, Эдмон назвал в первую очередь статью Герцена. И действительно, в приложении к номеру 50 газеты от 19 ноября того же года под той же рубрикой «Всемирная политика. Солидарность народов» с заголовком «Письмо второе» и ссылкой на то, что она служит продолжением «Письма первого», появилась статья Герцена «Россия». Трудно себе представить, чтобы это было сделано без предварительной договоренности и чтобы статья Эдмона, при этом программного характера, которую Герцен как бы продолжил, не была с ним согласована.

* На этом письмо обрывается.

[7] Юлиус *Фребель* (1805—1893) — немецкий радикальный публицист, участник революционного движения 1848 г., левый член Франкфуртского национального собрания, эмигрировал в Швейцарию, а затем переселился в Америку. Впоследствии, по возвращении в Германию, — умеренный либерал; выступал как сторонник Бисмарка. Герцен встречался с Фребелем в Женеве (V, 289).

[8] Фамилия написана крайне неразборчиво. Читается предположительно как Готшальк. Андреас *Готшальк* (1815—1849) — кельнский врач, член Союза коммунистов, председатель Кельнского рабочего союза (1848) и позднее глава оппозиции в этом союзе против большинства сторонников Маркса. В 1848 г. подвергался тюремному заключению и судебному преследованию. Энгельс посвятил суду над Готшальком статью в «Новой рейнской газете» «Процесс Готшалька и его товарищей» (№№ 176 и 178 от 22—23 декабря 1848 г.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 495—503).

[9] Людвиг *Бамбергер* (1823—1899) — немецкий политический деятель и финансист; в 1848—1849 гг. — демократ. За участие в Баденско-Пфальцском восстании был приговорен к смертной казни, но бежал в Швейцарию. Жил затем в эмиграции в Англии



АДРЕС ГЕРЦЕНА, НАПИСАННЫЙ РУКОЙ ПРУДОНА НА ЕГО ПИСЬМЕ ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1849 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

и Франции. Впоследствии национал-либеральный депутат рейхстага. В произведениях и переписке К. Маркса и Ф. Энгельса дается резко отрицательная оценка политической деятельности и морального облика Бамбергера. Герцен познакомился с Бамбергером в Женеве в 1849 г. В своих воспоминаниях Бамбергер рассказывает о женевских встречах с Герценом, однако о приглашении сотрудничать в «La Voix du Peuple» не упоминает (Ludwig Bamberger. Erinnerungen. Berlin, 1899, SS. 201—204).

[10] Леопольд *Спини* — итальянский политический деятель и журналист. После поражения революции в Италии эмигрировал в Швейцарию. Герцен познакомился с ним в Риме в 1848 г. и встречался затем в Женеве в 1849 г. — О Микель-Анджело *Пинто* см. в настоящем томе, стр. 325.

Принимали ли участие Спини и Пинто в «La Voix du Peuple»—неизвестно: материал давался там часто без указания автора. Что касается Маццини, упомянутого в тексте письма, то две статьи за его подписью появились на страницах газеты.

2

П.-Ж. ПРУДОН—ГЕРЦЕНУ

Conciergerie, 15 septembre 1849

Monsieur,

Un de nos amis vient à l'improviste me demander pour vous une réponse à votre amicale lettre du 27 août, afin de profiter de l'occasion que nous offre m-me Herwegh, qui de son côté écrit à son mari. Cette dame me fait prier de joindre une exhortation aux siennes, afin d'engager M. Herwegh à prolonger quelque temps encore sa résidence à Genève, attendu que le séjour

de Paris ne serait pas pour lui d'une suffisante sécurité [1]. Je vous dirai donc, que d'après les rapports que je reçois, il y aurait effectivement danger pour M. Herwegh à reparaître dans la capitale du monde prétendu civilisé; que des ordres sont donnés contre lui; qu'il a été, à ce qu'il paraît, dénoncé, par des portiers ou des domestiques; bref, que la police est plus méfiante, et en fait de liberté individuelle moins scrupuleuse que jamais. Que notre ami veuille donc attendre quelques semaines, jusqu'après le procès de Versailles[2], par exemple, et sur nouveaux avis, il pourra se mettre en route très probablement avec moins de péril.

Hier ont été encaissés les 24 000 fr. pour le cautionnement. On s'occupe de mesures matérielles et administratives à prendre pour la publication; du 21 au 25 paraîtra le prospectus, et le 1-er octobre nous commencerons notre campagne en même temps que la Législative reprendra ses travaux[3].

Quant à ma brochure, elle ne sera pas imprimée avant le 1-er octobre peut-être pas même avant le 15. Une migraine violente m'empêche de travailler depuis plusieurs jours, et retarde la mise au net de ce travail qui s'est allongé fort au delà de ce que j'eusse voulu. Puisse cette longueur n'être pas son moindre défaut. Du reste, je prévois avec satisfaction, que nous nous sommes rencontrés dans une pensée commune. C'est aussi une philosophie des événements accomplis depuis février, que j'ai faite sous le titre de *Confessions d'un révolutionnaire* [4]. Vous n'y trouverez pas sans doute la profondeur et la verve *barbaresque* à laquelle vos philosophes germains et le voisinage des races du nord vous ont habitués, mais vous daignerez vous souvenir, que j'écris pour de timides français, qui malgré leur entrain révolutionnaire sont, il faut l'avouer, fort au dessous de leur rôle. Si borné que soit mon point de vue, il est encore à cent mille toises au-dessus des pics les plus élevés de notre monde journalistique, académique et littéraire. Dans ce pays de lilliputiens je puis encore pendant dix ans passer pour un géant.

Mes sentiments sur les démocrates de France et l'Allemagne, sur le prétendu républicanisme de cette variété de doctrinaires, sont tout à fait les vôtres: je vois avec bonheur que sur ce chapitre, nous n'avons rien à nous dire et à nous apprendre. Et vous trouverez dans le personnel de la rédaction, autant qu'en moi-même, des hommes faits pour marcher à l'unisson de vos idées, je vous le garantis.

Je pense aussi comme vous, que la Révolution n'est désormais plus susceptible d'une direction méthodique, pacifique, à transitions ménagées, telles que le voudrait la pure théorie économique et la philosophie de l'histoire. Il nous faudra faire de sauts prodigieux, de terribles enjambements. Cependant je crois que pour notre qualité de publicistes, nous devons, en annonçant les catastrophes sociales, ne les jamais présenter comme nécessaires et justes; nous devons constamment rechercher, pour chaque moment les tempéraments les plus modérés et les plus sages. Sans cela, nous nous ferons haïr et persécuter. Or, avant tout il faut vivre...

Ma migraine m'empêche de vous en dire davantage: il faut que je me couche. Envoyez pour le prospectus du journal, avec les adresses dont vous me parlez, les réflexions que vous jugerez utiles. — Les frais de correspondance dont vous m'entretenez se règleront administrativement: dès que le journal fera ses affaires, ils seront portés à la charge de l'entreprise.

Je recommande de nouveau à M. Herwegh de ne se point aventurer trop tôt à Paris, et vous prie de recevoir mes salutations fraternelles.

P.-J. Proudhon

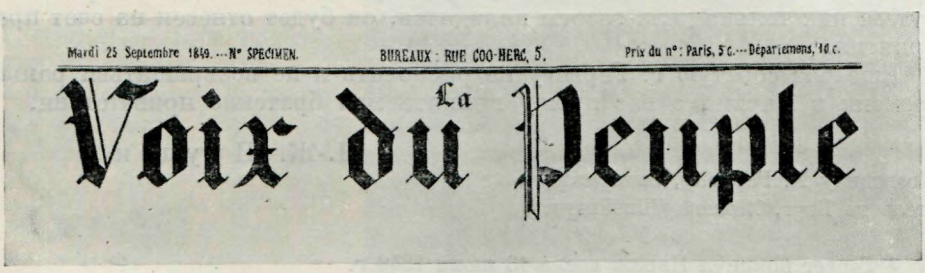
A monsieur A. Herzen, homme de lettres
Hôtel des Bergues à Genève (Suisse).

Перевод:

Консьержери, 15 сентября 1849 г.

Милостивый государь!

Один из наших друзей неожиданно пришел ко мне за ответом на ваше дружеское письмо от 27 августа, с тем, чтобы воспользоваться оказией, предоставляемой г-жой Гервег, которая также пишет своему мужу. Эта дама просит меня присоединить несколько слов к ее доводам, дабы побудить г. Гервега задержаться еще на некоторое время в Женеве, ввиду того, что пребывание в Париже могло бы оказаться для него не вполне безопасным[1]. Должен сказать, что, судя по сведениям, которые я получаю, для г. Гервега и в самом деле было бы опасно снова появиться в столице так называемого цивилизованного мира, что о нем уже отданы распоряжения, что на него очевидно кем-то из привратников или прислуги был сделан донос; словом, что полиция стала более подозрительной, а в вопросах личной свободы менее щепетильной, чем когда-либо. Пусть же наш друг


Mardi 25 Septembre 1849. — N° SPÉCIMEN. BUREAUX : RUE COQ-HERON, 5. Prix du n° : Paris, 5 c. — Départemens, 10 c.

La Voix du Peuple

ГАЗЕТА П.-Ж. ПРУДОНА «LA VOIX DU PEUPLE» («ГОЛОС НАРОДА»)
Заголовок пробного номера газеты от 25 сентября 1849 г.

переждет еще несколько недель, хотя бы до окончания версальского процесса[2]; весьма вероятно, что после новых сообщений он сможет пуститься в путь с меньшим риском.

Вчера были внесены в залог 24 000 фр. Теперь все заняты необходимыми хозяйственными и административными мероприятиями по выпуску издания; между 21 и 25 появится проспект, а с 1 октября мы откроем нашу кампанию, одновременно с возобновлением занятий Законодательного собрания[3].

Что касается моей брошюры, то она будет отпечатана не ранее 1-го, а может быть даже не ранее 15 октября. Жестокая мигрень вот уже несколько дней мешает мне работать и задерживает переписку набело этой работы, которая получилась гораздо длиннее, чем мне хотелось. Хоть бы длинноты оказались наибольшим из его недостатков. Впрочем я с удовлетворением вижу, что мы с вами встретились на одинаковой мысли. Я тоже написал под заглавием «Исповедь революционера»[4] философию событий, происшедших после февраля. Вы не найдете там, конечно, ни глубины, ни *варварского* задора, к которым вас приучили ваши германские философы и близость к северным расам, но не забывайте, что я пишу для робких французов, а они со всем своим революционным пылом, надо признаться, гораздо ниже своей роли. Как бы ограничен ни был мой взгляд, все же он на сто тысяч туазов[5] выше самых высоких вершин нашего журнального, академического и литературного мира. В этой стране лилипутов я еще десять лет смогу сойти за великана.

Я совершенно разделяю ваше мнение насчет демократов Франции и Германии, насчет так называемого республиканизма, этой разновид-

ности доктринеров. Я с радостью вижу, что в этих вопросах нам не о чем спорить и не в чем убеждать друг друга. В сотрудниках редакции и во мне самом вы найдете людей, способных действовать в единомыслии с вами, это я вам гарантирую.

Я, так же, как и вы, думаю, что революция не допускает больше методического, мирного движения с осторожными формами переходов, как того хотела бы чистая экономическая теория и философия истории. Нам надобно будет делать страшные скачки, гигантские шаги. Но я думаю, что в качестве публицистов, возвещая грядущие социальные катастрофы, нам не должно представлять их необходимыми и справедливыми. Мы должны неизменно изыскивать для каждого момента наиболее умеренные и благоразумные решения. А то нас возненавидят и будут гнать. А нам прежде всего надобно жить...

Мигрень мешает мне продолжать наш разговор; мне надо лечь. Пришлите для проспекта газеты, вместе с упомянутыми вами адресами, соображения, которые найдете полезными. Расход на корреспонденции, о котором вы меня спрашиваете, будет упорядочен административным путем: как только дела газеты наладятся, он будет отнесен на счет предприятия.

Еще раз советую г. Гервегу не рисковать и не возвращаться раньше времени в Париж, а вас прошу принять мои братские приветствия.

П.-Ж. Прудон

Господину А. Герцену, литератору
Отель де Берг, Женева (Швейцария)

[1] Гервег покинул Париж после 13 июня 1849 г.
[2] *Версальский процесс* — суд над участниками демонстрации 1849 г.
[3] Проспект, или пробный номер газеты, появился 25 сентября 1849 г., а с 1 октября она начала выходить регулярно. Газета подвергалась штрафам и преследованиям и продержалась недолго. 14 мая 1850 г. она прекратила свое существование. Газета выходила ежедневно и сверх того имела еженедельные понедельничные приложения.
[4] «Исповедь революционера» вышла в свет в конце октября 1849 г.
[5] *Туаз* — старинная французская мера длины.

3

ГЕРЦЕН—ПРУДОНУ

Nice, 26 décembre 1851

Je vous remercie beaucoup pour Votre excellente lettre du 27 Nov(embre), elle m'a fait un grand bien. Une sympathie [de personnes que nous aimons, que nous estimons sans bornes] pareille nous rend notre souffrance plus humaine, moins accablante[1].

Vous me dites: «Hâtez vous de pleurer vos malheurs domestiques car bientôt si un effort suprême de raison pacificatrice ne nous rend le calme, vous verrez des choses, qui vous rendront le coeur de pierre pour toutes vos misères.»

Vos paroles prophétiques se sont terriblement accomplies. Et la raison pacificatrice n'a pas fait de grands efforts. — Je n'ai plus de larmes. Il me semble parfois, que la catastrophe terrible, qui m'a enlevé ma mère, mon fils et un ami le 16 du mois passé, est déjà très éloignée[2]. Entre le sinistre personnel et le présent un monde entier a fait naufrage. Sa perte était prévue, Vous lui avez dit, il y a deux ans: «Ce n'est pas Catilina qui est à vos portes — c'est la mort». Mais le malheur surprend toujours. La mort qui frappait alors aux portes, les a entrouvertes. Triste et lugubre métier que des messes de morts et de passer immédiatement de l'enterrement de ses proches à l'enterrement général — sans donner un peu de repos au coeur brisé.

ПАРИЖСКИЙ РАЗНОСЧИК ГАЗЕТ

«L'Illustration», № 276 от 10 июля 1848 г.

Le marchand de Journaux ambulant

Mais il faut laisser aux morts— enterrer les morts. Nous n'appartenons pas au passé qui s'écroule, nous appartenons à l'avenir.

Comme nous serions heureux de Vous savoir hors de Paris et hors de France. — Paris c'est Jérusalem après Jésus, gloire à son passé, à sa grande révolution, mais il a terminé sa carrière. Le règne de la bourgeoisie libérale, civilisée, frondeuse — est passé. Elle a tout vendu pour garder son argent, pour cette simonie elle doit être traitée comme les nègres, comme les russes. Elle craignait l'excès de liberté — eh bien elle aura l'excès du despotisme; elle ne voulait rien céder au peuple — eh bien le peuple se croise les bras, lorsqu'on la fusille. Elle inventait un spectre rouge, elle tremblait devant une barbarie — venant *d'en bas*; la barbarie vient *d'en haut*. Y a-t-il au monde une idée plus pauvre que l'idée de l'ordre; l'ordre abstrait — c'est la mécanique, c'est la négation de l'initiative, de la métamorphose. *L'ordre et l'avarice* — mais le principe monarchique a été mille fois plus riche, plus social, plus poétique. La police et la bourse au lieu du trône et de l'église!

La France retombée dans l'enfance, et la Russie, qui n'en est pas sortie encore — toutes les deux sous un joug dégradant — arrivent au même niveau. La Russie n'a rien gagné, la France a tout perdu. Le despotisme préparera des moyens colossaux pour le communisme — et non pour le conservatisme. Il n'y a de conservatisme qu' en Angleterre, et elle seule restera comme un échantillon magnifique du monde civilisé, du monde chrétien et féodal; je pense que pour nous (avant l'Amérique) il n'y a pas d'autre endroit; car si nous pouvons entrevoir le fil rouge du progrès à travers la barbarie, il me semble qu'il est impossible de traîner, sans y être forcés,

une existence triste et humiliante dans ce luxe de bassesse et de servitude, dans cette débauche d'arbitraire et de despotisme. Certes on pourrait commencer par la Suisse (moi je suis naturalisé Suisse) — mais j'ai peu de confiance dans cette république fossile — «libres comme les montagnes» disent les Suisses, oui «et stériles comme les montagnes».

Votre oeuvre a été immense. Vous avez tout fait pour montrer le danger, vous leur avez indiqué les moyens de salut, de transition, les solutions organiques, la nécessité de la morphologie sociale, qui demandait à haute voix de nouvelles formes. Le monde civilisé depuis New-York jusqu'à Moscou Vous admirait. Et la partie civilisée de la France vous a-t-elle jamais compris? Lorsque vous disiez — développement, elle comprenait destruction, vous parliez en pacificateur — et on prenait vos paroles pour des cris de guerre. Eh bien maintenant c'est trop tard, ils auront un cataclysme terrible. Les braves gens craignaient de perdre sur les fonds publics — et ils ont perdu l'honneur, les libertés, les droits, ce qui n'empêche pas qu'ils perdront aussi sur les fonds.

Jusqu'à présent nous vivons tranquillement sous la protection de la Croce di Savoia — mais je pense quitter Nice dans deux, trois mois. De grâce, copmtez sur moi, sur mon dévouement et *mon* amitié. — Je vous suis obligé plus que vous ne le pensez. Hegel et Vous — Vous avez fait la moitié de mon éducation philosophique[4], je serai heureux de pouvoir travailler ensemble avec vous ou vous être utile. Je vous serre la main avec beaucoup, beaucoup de sympathie.

Перевод:

Ницца, 26 декабря 1851 г.

Я очень благодарен вам за ваше превосходное письмо от 27 ноября, оно подействовало на меня благотворно. Такое сочувствие* делает наши страдания более человечными, менее тягостными[1].

Вы говорите: «Торопитесь оплакивать ваши частные горести, ибо вскоре, если последнее усилие примиряющего разума не сведет покоя на землю, вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы станете нечувствительны к собственным бедствиям своим» **.

Ваши пророческие слова оправдались страшным образом. Примиряющий разум не приложил больших усилий. У меня нет больше слез. Мне иногда кажется, что страшная катастрофа, которая 16-го числа прошлого месяца отняла у меня мать, сына и друга, случилась уже очень давно[2]. За время, истекшее после этого личного несчастья, целый мир потерпел крушение. Его гибель была предвидена. Вы сказали ему два года назад: «Не Катилина стоит у ваших ворот, а смерть». Но горе всегда застает врасплох. Смерть, которая тогда стучалась в ворота, теперь приотворила их. Печальная и скорбная обязанность—присутствовать на панихидах и прямо с похорон своих близких перейти на общие похороны, не дав ни малейшего отдыха разбитому сердцу.

Но оставим мертвым хоронить мертвецов. Мы не принадлежим прошлому, которое рушится, мы принадлежим будущему.

Как были бы мы счастливы знать, что вы вне Парижа и вне Франции. Париж—это Иерусалим после Иисуса; слава его прошлому, его великой революции, но путь его завершен. Царство либеральной, цивилизованной, фрондирующей буржуазии прошло. Она продала все, чтобы спасти свои деньги; за эту симонию она заслуживает, чтобы с ней обращались как с неграми, как с русскими. Она боялась чрезмерной свободы—ну что же?

---

* *Далее зачеркнуто*: людей, которых мы любим, которых мы безгранично уважаем.

** Цитируемые слова Прудона даются в переводе Герцена. — *Ред.*

она получит чрезмерный деспотизм. Она ничего не желала уступить народу, и вот народ сложа руки смотрит, как ее расстреливают. Она выдумала красный призрак, она дрожала перед варварством, которое идет *снизу*, и вот варварство пришло *сверху*. Существует ли на свете более бедная идея, чем идея порядка; абстрактный порядок—это механика, это отрицание инициативы, метаморфозы. *Порядок и скупость*. Но монархический принцип был в тысячу раз богаче, социальнее, поэтичнее. Полиция и биржа взамен престола и церкви!

Франция, впавшая в детство, и Россия, еще не вышедшая из него, — обе, сгибаясь под унизительным ярмом, оказались на одном уровне. Россия ничего не приобрела, Франция все потеряла. Деспотизм подготовит огромные возможности для коммунизма, но не для консерватизма. Консерватизм сохранился в одной лишь Англии, и она одна останется великолепным образцом мира цивилизованного, мира христианского и феодального; я думаю, что для нас (до Америки) нет другого места, ибо, если мы и в состоянии различать сквозь варварство красную нить прогресса, то, не будучи к тому принужденным, мне кажется невозможно влачить печальное и унизительное существование среди такой необузданной подлости и раболепства, среди такого разгула произвола и деспотизма. Конечно, можно было бы начать с Швейцарии (я сам натурализовался в Швейцарии), но я не очень-то верю в эту окаменелую республику: «свободны, как горы», говорят швейцарцы, да, но и «бесплодны, как горы» [3].

Ваш труд был безмерен. Вы все сделали, чтобы предупредить об опасности, вы наметили средства спасенья, переходные ступени, органические решения, указали на кризис социальной морфологии, громко требовавшей новых форм. Весь цивилизованный мир от Нью-Йорка до Москвы восхищался вами. А понимала ли вас хоть когда-либо цивилизованная часть Франции? Когда вы говорили—развитие, она понимала—разрушение; вы выступали со словами умиротворения, она принимала их за призыв к войне; ну, а теперь слишком поздно—их постигнет страшный катаклизм. Бедняги боялись потерять на своих процентных бумагах—и вот они потеряли честь, свободы, права, что нисколько не помешает им потерять и на процентных бумагах.

Мы живем пока спокойно, под покровительством Croce di Savoia *, но через два-три месяца я думаю покинуть Ниццу. Рассчитывайте, прошу вас, на меня, на мою преданность и дружбу.—Я обязан вам больше, чем вы думаете. Гегель и вы,—вот кто наполовину определил мое философское развитие [4]. Я был бы счастлив, если бы мог работать с вами и быть вам полезным.

Жму вашу руку с большой, большой симпатией.

[1] Герцен говорит о письме Прудона от 27 ноября 1851 г. из тюрьмы St. Pélagie. Оно было напечатано впервые в сокращенном переводе самого Герцена в «Полярной звезде на 1859 год», стр. 222—224 (VI, 536—538).

[2] 16 ноября 1851 г. при кораблекрушении утонули мать Герцена, его сын Коля и воспитатель сына Шпильман.

[3] Эти слова о Швейцарии перекликаются с позднейшими высказываниями Герцена о ней (ср. «Скуки ради. Альпийские виды»).

[4] Заслуживает внимания, что в беловой текст письма это свое утверждение Герцен не перенес. Ср. также в «Былом и думах» (XIII, 447).

* Савойского креста (итал.).

П. А. РАДИЩЕВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. И. Костровой

Публикуемое письмо написано Павлом Александровичем *Радищевым* (1783—1866), сыном А. Н. Радищева от первого брака. Вскоре после выхода в свет лондонского издания «Путешествия из Петербурга в Москву» (1858 г.) П. А. Радищев обратился к Герцену с письмом, остающимся неизвестным, в котором послал издателю «Колокола» полный список оды «Вольность». В августе 1860 г. Радищев возбудил перед Александром II и высшими цензурными властями ходатайство об издании в России «Путешествия» и других сочинений своего отца, но потерпел неудачу. Получив решительный отказ (в январе 1861 г.), Радищев обратился к Герцену со вторым письмом, нами публикуемым, в котором предлагал издать собрание сочинений А. Н. Радищева за границей. При этом он послал в Лондон рукопись составленной им биографии своего отца и две приписываемых ему статьи из новиковского «Живописца». В издании Вольной русской типографии эти материалы не появились.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 101).

(Петербург. 15 июля 1861 г.)

Милостивый государь
Александр Иванович,

Письмо ваше от 17 июля 1860 года я получил в том же месяце из 2-го Отделения собственной его величества канцелярии [1]. Не знаю, чье это дело—англичанина ли Пинкертона [2], которому я препоручил мое к вам письмо, или того лица, кому вы препоручили ваш ответ. Уведомьте меня, когда будет случай, кому вы препоручили ваше письмо ко мне [3]. Последствий никаких не было.

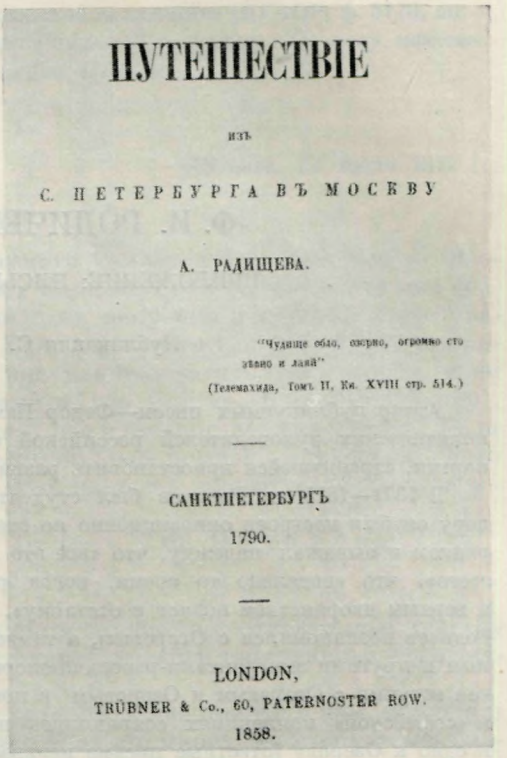
Посылаю вам биографию Радищева и две статьи, ему приписываемые, из «Живописца» Новикова, и если вы найдете ее достойною напечатания (что вам покажется лишним, можете выбросить, но издать не под моим именем), то я на ваше предложение о вознаграждении согласен. Только я просил бы вас доставить мне «Колокол» на нынешний год.

«Путешествие из Петербурга в Москву», представленное мною в рукописи с необходимыми выпусками в Главное управление цензуры, было отослано с прочими его сочинениями в Цензурный комитет, который одобрил к печати и «Путешествие» и прочие сочинения, но, несмотря на это, Главное управление цензуры мне отказало в издании его и даже запретило перепечатывать и прочие его сочинения, изданные в 1807, 1809 и 1811 годах в Москве, под предлогом, что это несвоевременно, а потому желательно бы напечатать за границею собрание всех сочинений Радищева с прилагаемыми при сем биографиею и двумя статьями, ему приписываемыми, также и полную оду «Вольность», пятьдесят четыре строфы, доставленную мною вам в первом письме. Приезжий из Парижа сказывал, что в типографии Франка напечатаны письма Радищева, писанные на французском языке, с русским переводом, и продаются за четырнадцать франков. Мне обещали их доставить, однако же я их не получал[4]. Если

«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А. РАДИЩЕВА

Издание с предисловием Герцена. Книгоиздательство Трюбнера, Лондон, 1858 г.

Титульный лист



ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

А. РАДИЩЕВА.

"Чудище обло, озорно, огромно сто
звано и лаяй"
(Телемахида, Томъ II, Кн. XVIII стр. 514.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1790.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

действительно изданы эти письма, то их можно бы присоединить к сочинениям, и это составило бы полное собрание сочинений Радищева, с приложением его портрета и вида Илимска. Хорошо, если бы вы приняли на себя такое издание.

О переводе «Путешествия» на французский язык я желал бы снестись с Дюмасом [5], но не знаю, куда к нему писать.

Прощайте. Желаю вам всякого благополучия и успеха в просвещении России вашими изданиями, которые, хотя и косвенно, но проникают к нам и находятся в руках у всех.

Остаюсь готовый вам ко услугам

Павел Радищев

Петербург
15 июля 1861

Адрес мой: в Петербурге, на Гребецкой улице, в доме Дембинской, № 13, в 4-м этаже, в кв. № 16.

[1] Это письмо Герцена неизвестно.
[2] О ком идет речь—неизвестно.
[3] Весьма вероятно, что письмо для Радищева Герцен отправил в Россию при посредстве А. А. Слепцова, служившего в это время во II Отделении и командированного 2 июня 1860 г. за границу; живя в Лондоне, Слепцов часто встречался с Герценом (см. выше, стр. 422).
[4] Это издание неизвестно.
[5] *Дюмас* — вероятно Александр Дюма-отец, который в 1858—1859 гг. путешествовал по России и напечатал книгу очерков «En Russie». Много внимания Дюма уделил русской истории, особенно эпизодам, о которых в России писать было запрещено.

Ф. И. РОДИЧЕВ — ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО к В. М. ОЗЕРОВУ

Публикация С. И. Шкроба

Автор публикуемых писем—Федор Измайлович *Родичев*, впоследствии один из политических руководителей российской буржуазии, один из лидеров кадетской партии, стремившейся приостановить развитие русской революции.

В 1871—1875 гг. Родичев был студентом Петербургского университета. В эту пору он был настроен оппозиционно по отношению к существовавшим в стране порядкам и выражал надежду, что «все это лопнет и, может быть, скорее, чем ждут этого», что «недалеко то время, когда русский царь со всем своим потомством и верным дворянством подаст в отставку». В 1872 г., находясь проездом в Женеве, Родичев познакомился с Огаревым, а также с В. М. Озеровым, Валерианом Фениным и другими эмигрантами-революционерами. По возвращении в Петербург Родичев вступил с Огаревым и Озеровым в конспиративную переписку. В «пражской» и «софийской» коллекциях сохранились пять писем Родичева—четыре к Огареву и одно к Озерову (ответные письма неизвестны). Из этих писем мы узнаем о намерении Родичева написать брошюру об Антоне Петрове, руководителе восстания крестьян в селе Бездне, в 1861 г. Однако, несмотря на то, что Озеров, серьезно относившийся к этому намерению, договорился с А. Д. Трусовым об издании в Женеве брошюры Родичева, эта брошюра, повидимому, написана не была. В 1876 г. Родичев принял участие в сербско-турецкой войне в качестве добровольца. Вскоре он вернулся на родину и принял решение «пристроиться к земству».

Письмо от 31 мая/12 июня 1876 г., в котором содержится сообщение об этом решении, знаменовавшем самоопределение Родичева в лагере помещичье-дворянского либерализма, — последнее в сохранившейся переписке. О дальнейших связях Родичева с Огаревым (умершим через год) и Озеровым сведений не имеется.

Публикуемые письма представляют интерес в двух отношениях: во-первых, в качестве одного из источников той информации о русских делах, которой пользовался Огарев в последние годы своей жизни, и, во-вторых, в качестве документов, характеризующих политические настроения либерального общества в России середины семидесятых годов. В этом последнем отношении особенно любопытно письмо от 31 мая/12 июня 1876 г. Родичев выступает в нем с планом объединения либералов и революционеров. «Если бы лучшие люди земства,—пишет Родичев,—сплотились в тесную организацию и в тиши теперешнего царствования подготовили союз со столичной интеллигенцией и с пропагандистами, идущими в народ,—это была бы такая сила, которая подорвала бы всякий деспотизм...». План Родичева, враждебный по отношению к подлинно революционным силам страны, не остался без попыток претворения его в жизнь. От него тянутся нити к тактике группы черниговских земцев, возглавлявшейся И. Петрункевичем и А. Линдфорсом и связанной с тверскими земцами, в том числе и лично с Родичевым. Эта группа, представлявшая самое «левое» крыло в земско-либеральном движении семидесятых годов, вступила в 1878 г. в переговоры с народническими революционерами (Осинским и др.), призывая их к «временному прекращению разрушительной деятельности». «Понятно,—отмечает Ленин,—что ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли» (В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 36—37).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 168)—№№ 1, 2, 3 и «софийской коллекции»—№ 4; письмо к Озерову, помещенное в приложении, — по машинописной копии ЦГАОР.

1

⟨Женева. 22 июля 1872 г.⟩

Милостивый государь
Николай Платонович!

Я — русский; студент Петербургского университета. Имя мое — Феодор Родичев[1]. Я нахожусь проездом в Женеве. Если вы доставите мне возможность увидеть вас и сказать вам, как искренно и глубоко я вас уважаю, вы меня много осчастливите. Если вы будете так добры, что исполните мою просьбу, я вас просил бы письменно ответить мне, сегодня, если можно, по следующему адресу: Genève, rue Gevray, 6 (pension Lerou). Я потому прошу вас ответить сегодня, что в четверг должен уехать. Если просьба моя покажется вам неуместной, нескромной, я наперед много прошу извинить меня и приписать мою смелость неопытности, а не недостатку уважения.

Ф. Родичев

22 июля 1872

P. S. Я вас очень прошу — во всяком случае, не оставьте мою просьбу без ответа и избавьте меня от мучительной тревоги ожидания и неизвестности.

P. P. S. Если вам неудобно будет позволить мне придти к вам, пришлите хотя вашу фотографическую карточку. И за это много, много буду вам благодарен.

Ф. Р.

[1] Родичев поступил на физико-математический факультет Петербургского университета в сентябре 1871 г. и в январе 1875 г. был утвержден в степени кандидата.

2

С.-Петербург. 10/22 марта ⟨1874 г.⟩

Хочу напомнить вам об себе, дорогой Николай Платонович.

Уже четыре месяца я в Петербурге. Этот год — мой последний год в университете; сижу дома и готовлюсь к экзаменам.

Расскажу вам кое-что, что делается у нас. Вы знаете, разумеется, что такое «Вперед». Я не читал в этом журнале ничего, кроме оглавления, и насколько по нем можно судить — это книжка довольно скучная и особенного значения иметь не может. Но III Отделение постаралось увидеть в ней опасность для государства, и Шувалов, говорят, поклялся головой, что не пропустит в Россию ни одного экземпляра. Но книжка сюда попала. Если бы Шувалов был человек, держащий слово, ему бы теперь нужно быть уж на том свете, но он предпочитает оставаться на этом и хватать разных студентов, заподозренных в держании у себя и в распространении этого журнала. Говорят, скоро будет в сенате какое-то дело о государственном преступлении[1]. Подсудимых человек 30 — всё больше московские студенты. Кроме того, я слышал, будет судиться тоже по какому-то политическому обвинению Флеровский, которого имя вам, вероятно, известно, как имя автора книжки «О положении русского рабочего»[2].

Вы, вероятно, уже знаете, что самарский голод по высочайшему повелению прекращен. В этой губернии крестьяне еще осенью продавали скот для прокормления. В ноябре и декабре хлеб без примеси считался уже

роскошью. Тогда зимой была дозволена подписка частная в пользу голодающих: «Дамский комитет для попечения о раненых» стал принимать и собирать пособия. Официально голод не был признан, и никакой правительственной помощи голодающим доставлено не было. Послали в Самару от дамского комитета графа Орлова-Давыдова для «принятия мер» и для раздачи хлеба на деньги, собранные дамами, до 400 000 рублей. Царь послал туда же некоего генерала Ефимовича, который вместе с Орловым донес, что губернатор уже обо всем распорядился, что случаев голодной смерти не было и что голодающих скоро не будет (почему не будет, генерал не объяснил — вероятно, перемрут). На основании такого донесения дамский комитет закрыли, объявив благодарность распорядительницам, сбор прекратили и даже приказали убрать с улиц кружки для сбора и невинные воззвания к благотворительности. Не следует забывать, что все это время, всю зиму, здесь кормили, поили, веселили целую стаю голодающих тоже принцев прусских, датских, английских[3]. (...)На днях один из наших товарищей, по фамилии, если не ошибаюсь, Пыпин[4], пропал (одни говорят, что его засадили на восемь месяцев, другие — что его выслали из Петербурга) после того, как в трактире сказал, что на деньги, которые тратят по случаю свадьбы на праздники и приданое, можно бы накормить голодающих самарцев. Может быть, такие факты разбудят, наконец, сонных и возбудят равнодушных. Мне кажется, теперь больше, чем когда-нибудь, полезно будет издание вроде «Колокола». Право, есть много хороших стремлений, которые пропадают, оттого что не видят дороги. Все ждут живого слова, указания. Не в нашей литературе искать его, и невольно ждут этого слова из-за границы. Такое дело при таланте, хоть сколько-нибудь живом, непременно вызовет сочувствие и поддержку. «Вперед» Лаврова проходит же в Россию и читателей находит и почитателей даже.

Не знаю — может быть, я ошибаюсь сильно и воображаю то, чего нет, — мне кажется, что у многих появляется весьма определенное недовольство и что оно начинает принимать деятельный характер. Я думаю, что так, как теперь, долго продолжаться не может и что все это лопнет и, может быть, скорее, чем ждут этого. Кто знает, право, что не настанет тот день, когда я увижу вас здесь, в России. Ведь не могло же бесследно пропасть всё, что посеяно в пятидесятых, шестидесятых годах. Говорят часто, что народ всегда предан и никогда не встанет против царя, которому он благодарен и которого любит. Это неправда. Без всякого преувеличения и положа руку на сердце я скажу, что любви к царю вы не найдете ни в одном русском мужике. Может быть, это мелочь — я этой зимой не раз в толпе народа слышал относительно царя и его семейства самые нелестные выходки и предположения.

Нужно кончать; извините меня, если я надоел. Озерову[5] мой поклон, я ему буду писать. Фенину[6] тоже кланяюсь.

Ф. Родичев

Если Sutherland'у [7] нужно что-нибудь в Петербурге, напишите ему, что я для него готов сделать всё, что могу и умею.

Ф. Р.

[1] Родичев имеет в виду «процесс долгушинцев»; аресты долгушинцев начались еще в 1873 г.

[2] *Флеровский* — псевдоним известного публициста-народника В. В. Берви, автора работ: «Положение рабочего класса в России» (1869), «Азбука социальных наук» (1871) и др. В связи с долгушинским делом был 1 октября 1874 г. арестован и привлечен к дознанию. За недостатком улик был освобожден от суда и выслан в Архангельскую губернию.

[3] 11 января 1874 г. состоялось бракосочетание дочери Александра II Марии Александровны с принцем Эдинбургским, в связи с чем в Петербург приехало шесть иностранных принцев, для которых устраивались парады, торжественные обеды и разные увеселения.

[4] Вероятно имеется в виду А. А. Пыпин, который был студентом Технологического института. Он работал на заводе Семянникова и вел революционную пропаганду среди рабочих. Был арестован весной 1874 г. (точная дата ареста не установлена). В 1877 г. его судили по «процессу 193-х».

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ
Картина маслом Н. Е. Сверчкова, 1860-е гг.
Собрание А. С. Минкина, Ленинград

[5] О В. М. *Озерове* см. выше, во вступительной заметке к публикации его писем к Огареву.

[6] О В. *Фенине* см. ниже, на стр. 762 настоящего тома.

[7] Генри Сетерлэнд.

3

⟨Петербург. 20 февраля 1875 г.⟩ [1]

Письмо это, дорогой Николай Платонович, пишу на авось, не зная даже, где вы теперь находитесь. Последний раз я вам писал, когда летом разбиралось дело о прокламациях[2]. В августе я вернулся из деревни и на этих днях кончаю свои дела в университете и сильно затрудняюсь, что с собой делать. Хотелось бы попасть на год-другой за границу, да из-за военной повинности нельзя; жду, что скоро лоб забреют. Этой судьбы я, впрочем, не очень боюсь и даже вовсе не прочь, лишь бы только офицеры не дрались.

Передавал ли вам Оз⟨еров⟩ о проекте маленьком — рассказе об Антоне Безднинском? [3] Даете ли вы свое благословение на это дело? Я думаю, что оно очень может быть полезно — оно может напомнить тем, у кого всякая надежда пропала, что русский народ — не всегда глупое

стадо, которое трепещет исправника, и, с другой стороны, может, я думаю, показать, что́ может найти отзыв в народе. Часто приходит в голову мысль — когда ждали в конце пятидесятых годов новых времен, сколько людей искренно желало народу настоящей воли. Неужели они уже все стали равнодушны и теперь не отзовутся на требование «настоящей воли», как говорят крестьяне? К сожалению, я и все мне подобные все-таки в глазах народа — баре, с которыми надо ухо востро держать, а все-таки не раз приходилось слышать такие речи: «Вот ужо́ будет последняя воля — землю поровну между всеми делить станут, тогда уж барам совсем конец». Всё мне кажется, что не так-то спокойно у нас, в России, как сверху видится, и что недалеко то время, когда русский царь со всем своим потомством и верным дворянством подаст в отставку. Наше дело—ждать и готовить это время, а главное стараться, чтобы народ не видел в нас чужих и чтобы мы на пиру его не оказались незваными гостями. Расскажу я вам теперь весть, которая идет из довольно хорошего источника и показывает, что и в России есть люди. Вы слышали, вероятно, что доктор Боткин [4] в награду за лечение царицы попросил освобождения Чернышевского из Сибири. Этот слух очень было распространился, но потом заглох, а «Вперед» даже опровергал его. На деле, действительно, Б⟨откин⟩ просил царя, и тот разрешил Ч⟨ернышевскому⟩ переехать на житье в Саратов. Но Ч⟨ернышевский⟩ объявил, что милости царя не принимает, тут она сейчас же перешла в гнев, и несчастного Ч⟨ернышевского⟩ подвергли строжайшему надзору, отобрали книги, бумаги его — одним словом, хотят допечь вконец. И здесь новый начальник III Отделения [5] пошевеливается — опять нашел прокламации и производит аресты по всей России; впрочем, это вещь теперь столь обыденная, что никого этим не удивишь, да и прокламации искоренить трудненько будет. Всю печать так приперли, что кроме как об несчастиях на железных дорогах ничего не пишут, поневоле со скуки одной примешься за прокламации. Эти постоянные административные ссылки и заключения невольно подают мысль, чтобы хоть за границей печатать просто имена потерпевших с кратким обозначением — за что. Всё бы им на душе легче было бы — хоть другие знать будут. А то просто без вести люди пропадают. Охота-то у меня смертная, да руки-то коротки. Боюсь надоесть вам и кончаю.

Напишите, пожалуйста, ваш адрес. Очень бы хотелось повидаться с вами, да вряд ли удастся.

Весь ваш
Ф. Родичев

Сегодня отвергнута жалоба подсудимых по делу о прокламациях. Бесчеловечный приговор утвержден, и пять человек пойдут на каторгу.

А я еще смеяться был готов над ними за речи о святых божиих и Иисусе...

[1] Обоснование датировки — слова постскриптума: «Сегодня отвергнута жалоба подсудимых по делу о прокламациях». Ходатайство пяти обвиняемых по делу долгушинцев, приговоренных к каторжным работам на срок от пяти до десяти лет, о смягчении приговора было отклонено 20 февраля 1875 г.

[2] Дело долгушинцев рассматривалось в сенате с 9 по 15 июля 1874 г. Письмо Родичева, написанное в это время, неизвестно.

[3] В письме от 10 ноября 1874 г. из Флоренции Озеров сообщил Огареву о получении письма из Петербурга от Родичева и о том, что последний собирается «написать о Безднинском деле» (см. стр. 448 настоящего тома).

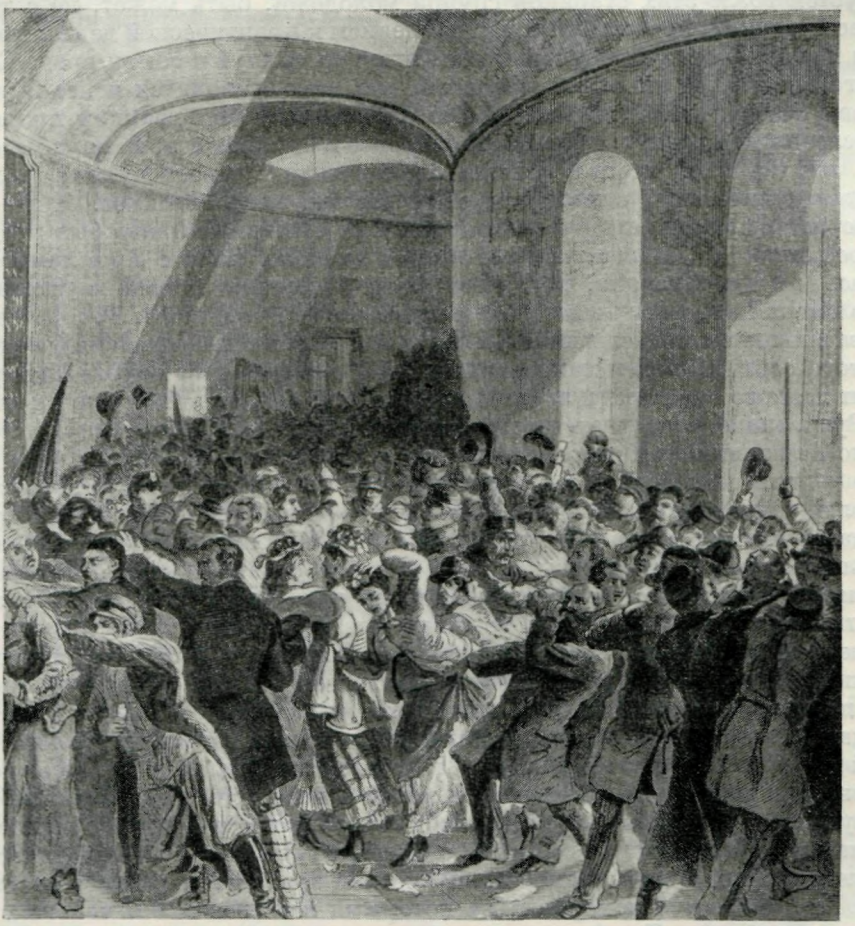
[4] Сергей Петрович *Боткин*.

[5] В 1874 г. шефом жандармов и начальником III Отделения был назначен А. Л. Потапов.

4

$\frac{31 \text{ мая}}{12 \text{ июня}}$ ⟨1876 г.⟩[1] Петербург

Давно не писал я вам, дорогой Николай Платонович! Я не знал вашего адреса и теперь пользуюсь отправлением за границу одного приятеля[2], чтобы послать вам известие об себе. С тех пор как мы расстались, я успел и с официальной наукой покончить и в военных побывать, и теперь имею



ПОДПИСКА НА АКЦИИ ПРИВИСЛИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ БАНКЕ 13 АПРЕЛЯ 1874 г.

Рисунок А. И. Зубчанинова

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу Музей Революции СССР, Москва

чин отставного фейерверкера. Собираюсь на родину в Тверскую губернию, хочу пристроиться к земству. Не подумайте, ради Христа, чтобы я записался в число тех сеятелей и деятелей, которые болтают в земских собраниях и в буфете за рюмкой очищенной проповедывают о необходимости конституции. Я иду в земство потому, что вижу тут, во-первых, деятельность, практически полезную для народа, ибо всегда отрицал и отрицаю формулу «чем хуже — тем лучше»; только там мы, люди, родившиеся в привилегированной Руси, можем приобресть доверие народа, можем добиться пони-

мания наших стремлений. Если бы лучшие люди земства сплотились в тесную организацию и в тиши теперешнего царствования подготовили союз со столичной интеллигенцией и с пропагандистами, идущими в народ, — это была бы такая сила, которая подорвала бы всякий деспотизм и в истории оставила бы след, не менее славный и, быть может, более плодотворный, чем 14 декабря. И это не мое личное предположение, не праздная мечта, судя по тому, что я видел хоть в Тверской губ., где лет десять назад были порядочные люди одни Бакунины с компанией[3], а теперь группируется возле этих стариков группа молодежи, быть может, не с таким запасом знаний, но с энергией и стремлением к практической деятельности. Моя мысль — что они неудержимо, фатально придут к союзу вроде Союза Благоденствия, и эта мысль, кажется, для всех становится яснее и яснее. Право, теперь самое тяжелое время александровской реакции проходит. Преследования растут, становятся свирепее и безобразнее; но порабощенье, как зло за зло, всегда влекло ожесточенье[4]: преследуемые сплачиваются, очищаются, становятся решительнее, непримиримее. Я не могу не верить в будущность русского народа. Я прежде не прочь был предать, добродушному, правда, но все-таки осмеянию наших прокламаторов. Каюсь в этом. Сначала, когда это были последние могикане бесшабашного нигилизма, в них много было фальшивого, смешного. Теперь самого слова нигилизм не услышишь, и прокламаторами являются люди совсем другого сорта. Я видел личности, которые одним своим появлением разубедят всякого скептика и заставят воочию убедиться, какие еще люди есть на Руси, какая встречается беззаветная преданность, простота и чистота. И это не из одного образованного, что ли, сословия. На днях я был в Сенате — шло дело о двух мастеровых, обвинявшихся в распространении революционных книжек. Тут можно было наглядно убедиться, что пропаганда проникает в народ и падает не всегда на бесплодную почву; и еще больше можно было убедиться, что понятие о законности, о справедливости, хотя бы только формальной, вполне чуждо нашим судьям. Я знал, что там оправдательных приговоров не бывает, но знал теоретически, и до последней минуты не мог не верить в оправдание, ибо с юридической точки даже судей подсудимые были чисты, как голуби. Но для гг. сенаторов достаточно оказалось выразительного, умного лица, осмысленной речи и благородного поведения подсудимых, чтобы порешить преступника царской воли в Сибирь на каторгу. Что у вас слыхать о нашем величестве? Здесь одно время говорили, что он хочет отказаться от престола, ибо чересчур уже истаскался, и не состоялось это только потому, что не согласился наследник[5]. Дошли ли до вас вести о бывших тут похоронах политических? В следственной тюрьме помер политический арестант Чернышев от чахотки[6]. Ему устроили похороны, за которыми шли восемьсот человек. Поп струсил и сбежал. Толпа взяла гроб на плечи, снесла на кладбище, похоронила рядом с Добролюбовым, поставила крест с надписью «Борцу за правду и свободу». Конечно, это случилось потому, что полиция прозевала. Но такого ничего и в шестидесятых годах не было. Мы, очевидно, оживаем, а смелости не в пример больше становится. Ну, что, Николай Платонович, — дольше, как на десять лет, ведь царения русского не хватит, а доживем, даст бог, и раньше.

Прощайте, крепко обнимаю вас.

Ф. Родичев

На первой странице вверху приписка:
Посылаю вам на память свой портрет.

[1] Год устанавливается по упоминанию о похоронах студента П. Ф. Чернышева, которые состоялись 30 марта 1876 г.

[2] Речь идет о М. П. *Ловинском*, письма которого публикуются выше.

[3] В шестидесятых годах Александр, Алексей, Николай и Павел Александровичи *Бакунины*, братья М. А. Бакунина, активно участвовали в проведении крестьянской реформы 1861 г. в Новоторжском уезде Тверской губернии.

[4] «*Порабощенье* (...) *ожесточенье*»—из стихотворения А. И. Полежаева «Провидение».

[5] Ходившие в первой половине 1876 г. в Петербурге слухи о серьезной болезни Александра II и о возможности скорого воцарения Александра III отразились также в «Дневниках» А. А. Киреева (ЛБ, отдел рукописей) и Д. А. Милютина.

[6] Павел Феоктистович *Чернышев* (1854—1876) — студент Медико-хирургической академии. В 1874 г. был арестован за пропаганду среди крестьян Самарской губ. Во время заключения заболел туберкулезом, был выпущен на поруки и вскоре умер. На его смерть написано стихотворение «Замучен тяжелой неволей...».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ф. И. РОДИЧЕВ — В. М. ОЗЕРОВУ

⟨Петербург.⟩ 20 января ⟨1874 г.⟩[1]

Давно уже, Озеров, собираюсь я писать к вам, но до сих пор не сумел улучить времени; да потом не хотелось мне писать, не исполнив хоть одного из ваших поручений[2]. Прежде всего узнавал я об Капустиной[3]: оказывается, что точно была такая старушка 48 лет, учительница, но теперь ее здесь нет — «выбыла неизвестно куда». Был и у Боголюбова[4] дважды, но все не заставал. Я теперь завален работой — принужден безвыходно почти сидеть дома и мало знаю об том, что делается на белом свете, — во всяком случае, мало хорошего. Если до вас доходят вести отсюда, так вы наверное знаете, что теперь в России две вещи стоят на череду — царские пиры по случаю свадьбы[5] и самарский голод. В этой хлебороднейшей губернии от последовательных неурожаев крестьянское население пришло в такое состояние, что еще в сентябре (т. е. через месяц после жатвы) многие принуждены были продавать скот, чтоб кормиться. Теперь уже во многих уездах чистый хлеб — неслыханная роскошь, а хлеб, которым питается большая часть и которого образчики присланы сюда, больше похож на кизяк, которым на юге печи топят, чем на хлеб. Еще осенью романист граф Толстой поднял вопрос о подписке на помощь этим голодающим[6]. В декабре многие земства, следуя примеру московского, послали свои пособия или единовременно или в виде ссуд. Интересны были прения по этому вопросу в Москве в городской думе. Когда гласный Самарин[7] предложил послать в Самару 50 000 р. на пособие голодающим, добрая половина гласных возопила, что это значит поощрять леность и тунеядство, и только после долгих споров, после того как напомнили, что в 1866 на угощение американцев было без всякого спору ассигновано 30 000[8], более совестливые умолкли, и предложение прошло незначительным большинством. Теперь здесь и в главных городах образуются комитеты (большею частью дамские) для сборов. Но дело идет туго — русские не любят давать денег, если при этом нет сооружения церкви, обеда, попойки и «высшего одобряющего начальства». Все свободные деньги жертвователей идут теперь на поднесение подарков «высоконареченной» невесте и на устройство торжеств по случаю свадьбы. Москвичи поднесли очень дорогие подарки невесте, а петербуржцы — ничего. Царь, говорят, на это очень рассердился и обиделся. Тем более, что на подписки в пользу самарцев правительство смотрит не то, чтобы уже очень сочувственно. Чувствуя безнравственность неслыханных трат на пиры (припомните, что с весны у нас не переводятся «августейшие» гости), оно с беспокойством смотрит на отношение общества к голоду*. Оно официально не признает его и не принимает экстренных мер, но

* Кстати или некстати вспомнил письмо из Вологды: вологжане обижаются — «Мы, пишут, тоже не едим, а никто не говорит, что мы голодающие. За что такое предпочтение самарцам? Это несправедливость». — *Примеч. Родичева.*

терпит комитеты помощи, если они организованы особами первых трех классов, а в случае, если за такое богопротивное дело берется человек, заподозренный в неблагонадежности, как теперь говорят, — горе ему. Кн. Урусов, который был сослан в Лифляндию[9], где-то в захолустье, но потом в виде милости переведен в Ригу, устроил там подписку, которая шла было очень успешно, но за это он был обвинен в каких-то злых умыслах и с жандармами выпровожден вон — обратно в чухонскую яму. На его величество находят, должно быть, какие-то судорожные припадки страха, который умные люди поддерживают. Вообразите себе, что когда он осенью ехал из Крыма в Петербург, в Москве полиция нашла какие-то прокламации (кажется, кроме ее да автора этих прокламаций — говорят, Лаврова[10]— никто их не читал); из этого раздули целый процесс, который скоро будет в сенате, а царя перепугали до того, что он не поехал в Москву, а, свернув с обычного пути, проехал через Орел в Витебск.

Теперь здесь в Петербурге праздники идут за праздниками, придворные балы, иллюминации, царские охоты. Только и слышно, что такой-то бал стоил столько-то тысяч, а такой-то приезд столько-то, — одним словом, черт знает, что такое. Говорят, что 9 миллионов, ассигнованных в этом году на двор по официальному бюджету, кончатся в феврале и потребуется добавка, которая и обыкновенно бралась, но бралась в октябре и ноябре. Прекрасная картина, нечего сказать! Но здесь так все привыкли к таким вещам, что только слегка ворчат и то, когда говорить больше не о чем. С будущего года входит в силу уже обнародованный закон о всеобщей воинской повинности[11]. Насколько я понял, фактическое изменение такое: прежде брали 6 человек с тысячи, и они служили от 8 до 10 лет действительной службы, т. е. с тысячи бралось 48 рабочих годов, а теперь будут брать 8 человек (привлекая и привилегированные сословия) на 6 лет — выходит, без малого, то же; немного хуже, ибо отвыкать от сельской жизни будут 8 человек, хотя в меньшей степени, и много лучше, потому что масса подвергнется влиянию образованных людей.

Относятся к этому дворяне довольно равнодушно, а купцы тоже не горюют, ибо не верят, чтобы в матушке России введена была такая повинность, от которой нельзя будет откупиться. Пока это отражалось, впрочем, недурно на купеческом сословии: насколько я знаю, многие заматерелые аршинники отдают своих детей в гимназии и хотят потом довести до университетов, чтоб избавиться от страшной рекрутчины, которая теперь, впрочем, уже не кажется так ужасна. Что из всего этого выйдет — не знаю; во всяком случае, я приветствую эту меру — авось встряхнет. Я лично рискую этим летом, как говорится, быть забритым. До завтра.

‹21 января›

Вы, вероятно, уже знаете о рескрипте министру народного просвещения, Толстому, который дело народного образования, т. е. охранение от «тлетворных и ложных» влияний народных школ, буде таковые найдутся, ставит под покровительство дворянства[12]. Разумеется, дворянство разных губерний не преминуло отозваться на такое любезное приглашение верноподданническими адресами. Вот оно, настроение-то нашего образованного общества. Я убежден, что такого тяжелого времени, как теперь, давно уже не было, даже после 48-го года. Все мертво и гнило. Старые слова опошлены до тошноты, нет никакой ясной цели перед людьми, нет ничего, что хватало бы за живое массы «общества», не говоря уже об народе. Что он думает, какое его настроение? Кто это знает? В сороковых годах при Николае было тяжело, может быть хуже, чем теперь, но тогда были у людей ясные цели, надежды, идеалы и было нечто такое, что наверное затрагивало народ,— отмена крепостного права. А теперь

у русской жизни нет никакой «инициативы», как говорил Герцен. Оттого-то, я думаю, все и бросаются или на мелочную деятельность, обыкновенно бесплодную, потому что и она может идти только во имя какой-нибудь общей идеи, или же упорно хватаются за старые знамена и ведут такие же речи, как в 61-м, 62 году, борются против того, против чего боролись тогда, или притворяются, что борются, преследуют партии, которых давно нет, или предаются воспоминаниям о людях, которые давно сошли со сцены. Да хоть бы это делали во имя чего-нибудь и мало-мальски с толком. А то не стыдно ли, что мы ничего почти не знаем теперь о движении конца 50-х и начала 60-х годов, знаем только смутно и неверно имена людей, пострадавших тогда, и даже не знаем, за что они пострадали. Одна из больших заслуг Герцена, что он собирал и печатал сведения о всевозможных жертвах Николая, даже самых ничтожных. А ведь в нынешнее царство они были куда больше, многочисленнее и куда легче узнать о судьбе их, и все-таки ничего не известно. Не знаю, что печатается в сборниках, издаваемых русскими эмигрантами. Должно быть, всё общие рассуждения на старые темы. А есть много дел, которые не худо бы вывести на свет божий. Например, железнодорожные дела. Поверите ли вы, что строители и разные деятели и сеятели прямо объявляют, что в их среде нет места честным людям, ибо их затрут. Если бы кто вздумал написать правдивую историю постройки русских железных дорог, мир бы увидел, до чего доходит широкая русская натура и в какой степени вновь народившиеся финансисты наши заткнули за пояс своих европейских учителей. В этом железнодорожном мазурничестве принимают участие все, не исключая и родственников царских. Вот маленький образец таких дел. Министр путей сообщения Бобринский (министром он сделался по протекции любовницы царя, m-me Шмит, которой гарантировал 800 000) проектирует новую дорогу вдоль Днепра и другую перпендикулярно к ней. Для непредубежденного человека причина этой постройки навсегда останется загадкой, если ему не объяснят, что проектируемые дороги пересекутся в «Смелом», имении Бобринского, и идут на расстоянии 50 верст (вся их длина около 80) по имениям его же. Дороги, разумеется, с гарантией государства, которое одно будет платить, а обязанность получать все выгоды берет на себя гр. Бобринский, верноподданническому усердию которого нет пределов! Новая штука ведь может лопнуть, если заголосят финансовые и чиновные тузы. Поэтому их умасливают, закрывают глаза на их грешки, раздают другие концессии и т. д. А какие грешки? На лозово-севастопольской дороге рабочие от дурного помещения мерли тысячами, жалованья подрядчики ухитрялись не выдавать под предлогом разных прогулов и штрафов. Тогда рабочие стали толпами уходить восвояси, большей частью в Владимирскую губернию. Но строитель Губонин на основании контрактов вытребовал их, и непокорные были возвращены по этапу. Инспектор этой дороги, человек вполне честный, довел до сведения кого следовало. Но дело замяли, назначили комиссию, которая ничего не открыла, и инспектор переведен на другую дорогу с отеческим внушением быть посмирнее. Теперь еще ведут другую дорогу — самарско-сызранскую, «чтобы дать работу голодающему населению», и концессию дадут, кажется, Губонину же. Кстати, владельцы заводов окрест Самарской губернии и даже с Урала тоже благодетельствуют голодающим. Они посылают своих приказчиков вербовать рабочих, давая им задатки. О размере остальной платы умалчивают. Да, промышленное движение у нас порождает новую буржуазию, которая далеко превзойдет европейскую, ибо сохраняет в почти первобытной чистоте прежние чиновные добродетели, только размеры другие. С другой стороны, само собой разумеется, растет пролетариат. Неужели России суждено пройти той же дорогой, что и Европе, только еще грязнее и отврати-

тельнее? Хотел бы еще много вам написать, да этак хватит листов на черт знает сколько. Ваши поручения все потороплюсь исполнить. Относительно полковника Сокол.[13] я передавал Курочкину через третье лицо. Не знаю, что из этого выйдет, схожу сам. Если вы когда вздумаете послать мне строчку-другую, я буду очень, очень рад. Пошлите по адресу, который сюда приложат, а оттуда доставят мне. Много кланяйтесь от меня Огареву. Скоро я ему хочу написать. Вам напишу еще, когда покончу со всеми поручениями. Извините меня, что до сих пор я их еще не исполнил всех, ей-богу некогда, да и в Петербурге-то я не очень давно. Фенину мой поклон. Простите мне мое бессвязное маранье и ответьте когда-нибудь всегда вас помнящему

Ф. Родичеву

В этом письме вам вложат адрес, на который вы можете писать ко мне. Для избежания траты времени напишите ваш настоящий адрес.

[1] Год написания письма устанавливается по упоминаемым в нем событиям (самарский голод, введение в действие нового закона о воинской повинности и т. д.).

[2] Из дальнейшего текста письма видно, что поручения эти состояли в наведении справок о некоторых лицах в России, которые в какой-то связи интересовали в то время Озерова.

[3] Выяснить личность *Капустиной* не удалось.

[4] Какой именно *Боголюбов* имеется в виду — выяснить не удалось.

[5] См. примеч. 3 к письму № 2.

[6] В № 207 газеты «Московские ведомости» от 17 августа 1873 г. было напечатано «Письмо к издателям» Л. Н. Толстого о самарском голоде. Письмо Толстого вызвало приток пожертвований в пользу голодающих самарских крестьян.

[7] Имеется в виду гласный Московского земства Дмитрий Федорович *Самарин*.

[8] 23 июля 1866 г. в Кронштадт с официальным визитом прибыла американская эскадра. После приема в Петербурге американские моряки поехали в Москву.

[9] Известный присяжный поверенный А. И. Урусов был выслан в 1872 г. в г. Венден Лифляндской губ. за свои выступления при защите политических обвиняемых.

[10] Речь идет о прокламациях, изданных долгушинцами. П. Л. Лавров не имел никакого отношения к составлению этих прокламаций.

[11] Первый призыв по новому уставу о воинской повинности начался 1 ноября 1874 г.

[12] Имеется в виду один из реакционнейших документов царствования Александра II — опубликованный 27 декабря 1873 г. рескрипт на имя министра народного просвещения Д. А. Толстого. Рескрипт возлагал наблюдение за народными школами на губернских и уездных предводителей дворянства.

[13] Следует думать, что речь идет о полковнике в отставке Н. В. Соколове, авторе «Отщепенцев». Повидимому, он, находясь за границей в очень тяжелом материальном положении, искал литературной работы. Если это так, то упомянутый далее Курочкин—несомненно Н. С. Курочкин, ведавший библиографическим отделом «Отечественных записок».

К. САБУРОВА (?)—ГЕРЦЕНУ

Публикация А. Н. Дубовикова

Кто является автором публикуемого письма — с полной уверенностью сказать нельзя. Письмо подписано только инициалами: «К. С.». На нем чья-то надпись: «Сабурова?». Это, а также ссылка пишущей на то, что ее «зовут К., в честь римской аристократки, умершей на колесе», дает нам возможность предположить, что автор письма — Екатерина (Катерина) *Сабурова*. Из письма мы узнаем и о тамбовском происхождении автора. Возможно, что это одна из тех Сабуровых, о встрече с которыми Герцен сообщал И. С. Тургеневу в письме от 20 июля 1857 г. (VIII, 552). Но все эти данные пока не привели к более точному определению личности корреспондентки Герцена.

Написанное в крайне экзальтированном тоне, публикуемое письмо — весьма интересный документ, красноречиво свидетельствующий о силе влияния произведений Герцена сороковых-пятидесятых годов на ту часть русского общества, которая разделяла с ним ненависть к самодержавному деспотизму и к плантаторской жестокости дворян-крепостников. Корреспондентка Герцена неоднократно говорит о своем преклонении перед Герценом, а в конце приписки заявляет: «...я выросла на ваших книгах». В письме упомянуты и художественные, и публицистические, и философские сочинения Герцена. Автору письма известны не только сочинения любимого писателя, изданные в России в 1840-х гг., но и многие опубликованные за рубежом; как видно из текста, особа, писавшая письмо, внимательно читала лондонские издания Герцена, постоянно следила за «Колоколом».

Дважды высказанное в письме опасение, что «Колокол» замолчит, что Герцен перестанет писать, нужно считать чисто субъективным. Как известно, в 1858 г. подобных предположений у Герцена не было и не могло быть: в это время успех его изданий, в первую очередь «Колокола», неуклонно возрастал. Что же касается замечания автора письма о перемене тона «Колокола», то оно справедливо: именно летом 1858 г. явно обозначился рост правительственной реакции; реакция сказалась прежде всего в подходе к крестьянскому вопросу, и это определило новое отношение «Колокола» к Александру II. В статьях Герцена начинают звучать ноты разочарования в царе. Наиболее показательна в этом смысле статья «1 июля 1858», написанная в честь первой годовщины «Колокола». Герцен «печально и твердо» заявлял здесь: «*Александр II не оправдал надежд, которые Россия имела при его воцарении*», и приходил к выводу: «Говорить нам с ним нечего» (IX, 262 и 267).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126).

July 20-th (1858 г.)

Отчего мне чудится, что звук колокола переменил тон? C'est en mineur * — тошно, холодно? for like a dying evening bell our hopeless tale 'twill cease to tell **[1]. Господи, неужели он замолчит, неужели опять настанет безмолвие и темнота и опять страшное, теснящее до отчаяния

---

* Это в миноре (франц.).

** *потому что наша безнадежная повесть*, подобно замирающему вечернему колоколу, скоро отзвучит (англ.).

чувство, случающееся дорогою в зимние сумерки, когда линия горизонта исчезает, когда небо и земля сливаются в одно оловянное целое?

Не унывайте, ради бога, ради нас! Мы остановимся, окоченеем и погибнем. Notre neige est plus dure que les avalanches, notre chemin est plus rude que la montée du Gr. St. Bernard*, не лавины мешают нам идти — мы сами себе Сизифов камень.

Если б вы знали, *что* вы для русских! Наша правда разбита параличом, ваша чернилица — Вифсаидская купальня[2], pray, do not laugh**: вы не знаете, до какой степени на вас надеются дома — мы признаем Александра, но имя ему не Романов, а Герцен, в этом Александре наша надежда, наша вера, наша любовь — мы любили его давно за «Письма об изучении природы», за «Крупова», за «Крещеную собственность», за «Разговор на палубе», за «Vixerunt!», за «Consolatio», за Любоньку: Любонька — арабеска, в ее капризном очертании виднелось символическое сходство с Россией.

Прошлого года первые нумера «Колокола» похожи были на полночный трезвон светлого воскресенья после тридцатилетнего великого поста. Знаете ли, какие веселые картины создавались под первый этот трезвон? Осуществление общины — золотой век, в котором будут говорить о сказочном времени, когда в европейских государствах были дворы — и предание это станет так же баснословно и невероятно, как предание о кочедыжнике[3]. Впрочем, к чему обижать кочедыжник? Двор имеет одно подобие в растительном царстве: это подобие regina victoria, ей рамка — болото, а не живой лес.

22-й номер[4] заставил заплакать, стало холодно и страшно, будто это последний? Александр Иванович, ради бога, не переставайте писать. Вы не знаете, что вы для русского мира — принцип жизни, биение пульса, пальма в пустыне, огненный столп Израилю[5] — ведь nous devrons aussi traverser la Mer Rouge ***.

В последних нумерах ваш голос переменился, жар, увлечение пропали, вы говорите, как будто кончаете начатое и не более — мне кажется, что вы *очень* недогадливы, вы не чувствуете, *как* вас любят, как читаются ваши строки горящими глазами, как слезы накипают, как ваше имя свято.

Forgive me, I am very foolish and stupidly daring, but I could not help writing[6]. Je viens d'être en pèlerinage à Zurich, à Genève et à Nice. Ils sont tous sanctifiés par notre Mahomet — Zurich est une Mecque, Nice un Calvaire peut-être****. Цюрихское озеро, pont des Bergues[7] передают так много слов его, замерзших в воздухе — в настоящую минуту виден в окно le phare d'Antibes[8] et demain à cette heure je serai à genoux devant une tombe de l'autre côté du Château ***** [9].

К. С.

Приписка на отдельном листе:

Не все тамбовцы дрянь и плантаторы[10]. Вот копия с письма, полученного нами в конце мая 1858 из с. Каменки Козловского уезда. Если вы найдете, что стоит поместить в VI книжку «Голосов», я буду очень, очень благодарна, потому что сама тамбовка[11].

---

* Наш снег тверже, чем лавины, наш путь труднее, чем подъем на Большой Сен-Бернар (франц.).

** пожалуйста, не смейтесь (англ.).

*** и нам предстоит переход через Красное море (франц.).

**** Простите, с моей стороны очень легкомысленно и глупо писать, но я не в состоянии была удержаться (англ.). Я только что совершила паломничество в Цюрих, Женеву и Ниццу. Все эти места освящены нашим Магометом: Цюрих это — Мекка, Ницца — Голгофа, быть может (франц.).

***** антибский маяк, а завтра в это время я буду стоять коленопреклоненная перед могилой по другую сторону Шато (франц.).

Целой душой преданная вам надолго, а может быть ненадолго — во всяком случае, до конца *этой* жизни — я бессмертна, я это *знаю*. Случится, что я умру, т. е. «вечная красавица-природа», положившая проклятие на всякий покой, вздумает да равнодушно возьмет назад все то, что дала мне взаймы, — я не равнодушно — с радостью отдам ей все — долг тяготит — непрошенное одолжение — еще более смерть — сожжение клетки — вернусь *домой*, вспомню мое настоящее вечное имя — здесь я мое вечное имя не знаю, т. е. я его забыла. Во временном меня зовут К., в честь римской аристократки, умершей на колесе.

Ну, прощайте-с. А я вам обязана величайшим душевным наслаждением и давно обязана: я верю в вас, я в вас всегда безусловно верила. Заставить себя верить невозможно. Вы меня *заставили*, т. е. приучили, ведь я выросла на ваших книгах, ваши слова *живее* других слов, да что рассказывать! Вы ничего не поймете.

[1] Повидимому, цитата, источник которой установить не удалось.

[2] *Вифсаида*—название двух галилейских селений на берегу Тивериадского озера. Евангельское предание связывает с Вифсаидскими селениями многие «чудеса» Христа. Возможно, что в комментируемом тексте допущена описка и следует читать не Вифсаидская, а *Вифездийская купальня:* по тому же евангельскому преданию, Христос исцелил расслабленного в купальне Вифезда в Иерусалиме.

[3] *Кочедыжник* — папоротник.

[4] Здесь явная описка: автор письма имеет в виду 18-й, а не 22-й лист «Колокола»; 22-й вышел лишь 1 сентября 1858 г.

[5] Согласно библейскому сказанию, во время исхода евреев из Египта в «землю обетованную» путь им указывал бог, шедший перед ними днем «в столпе облачном», а ночью «*в столпе огненном*».

[6] Корреспондентка Герцена касается событий его семейной драмы.

[7] *Pont des Bergues* — мост через р. Рону в Женеве, соединяющий центр города и окраину. В 1846 г. по этому мосту прошли вооруженные отряды, совершившие под предводительством Дж. Фази демократический переворот (см. «Былое и думы», гл. XXXVIII).

[8] *Антиб* — город в Южной Франции. Письмо писалось во время путешествия (быть может, морского) в Ниццу.

[9] *Château* — гора в Ницце; на этой горе расположено кладбище, где была похоронена Н. А. Герцен (а впоследствии и сам Герцен).

[10] Намек на антикрепостническую заметку Герцена «Тамбовское дворянство» в л. 16 «Колокола» от 1 июня 1858 г.

[11] В «Голосах из России» упоминаемое письмо помещено не было.

М. П. САЖИН — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Михаил Петрович *Сажин* (1845—1934) — известный деятель революционного движения шестидесятых и семидесятых годов. Сажин родился в Вятской губернии в семье небогатого купца. В 1858 г. отец отвез его в Петербург и отдал в Технологический институт, который в то время был не высшим, как позднее, а средним учебным заведением. Уже тогда, под влиянием участника революционного движения тех лет А. Н. Моригеровского, преподававшего в Технологическом училище, у Сажина стали складываться революционные взгляды. Он сам рассказывал пишущему эти строки, что 5 марта 1861 г., когда был объявлен манифест об отмене крепостного права, он и его товарищи-сверстники провели весь день на улицах столицы в ожидании возможного, по их мнению, восстания, к которому они намеревались примкнуть. В 1862 г. Сажин после ареста Чернышевского стал знакомиться с сочинениями великого революционера-демократа, неизвестными ему ранее, и они произвели на него громадное впечатление. 19 мая 1864 г. (ст. ст.) Сажин был на Мытной площади и присутствовал при обряде «гражданской казни», совершенном над Чернышевским. Он оставил воспоминания об этом событии. См. М. П. Сажин (Арман Росс). Воспоминания. М., 1925, стр. 16—18.

В 1865 г. Сажин привлекался к следствию по делу о напечатании в институтской типо-литографии книги Бюхнера «Сила и материя»; в 1866 г. полиция разыскивала его в связи с делом Каракозова, но случайно ему удалось избежать ареста. В 1867 г. Сажин снова поступил в Технологический институт (преобразованный к этому времени в высшее учебное заведение) и, принимая активное участие в студенческом движении, познакомился с С. Г. Нечаевым. В феврале 1868 г. он был исключен из института и в административном порядке выслан в Вологодскую губернию. Оттуда летом 1869 г. он бежал в Америку, где работал на заводах в разных городах, а весной 1870 г., по вызову Нечаева, приехал в Женеву; там он познакомился с эмигрантами, в том числе с Огаревым и Бакуниным, и сделался ближайшим сотрудником Бакунина. В эти годы Сажин жил под именем Армана Росса. В 1870 г. Сажин принял участие в Лионском восстании.

В 1871 г. он ездил в Париж и сражался в рядах защитников Парижской Коммуны. После падения Коммуны Сажин поселился в Цюрихе, где руководил кружком бакунистов, ожесточенно враждовавших с последователями Лаврова.

В 1873 г. Сажин организовал русскую типографию, которая была известна под названием типографии «Русского братства». Об этой типографии и о несостоявшемся журнале, который бакунисты задумали издавать, Сажин и упоминает в печатаемом ниже письме к Огареву. В типографии Сажина были напечатаны книги Бакунина «Государственность и анархия» и «Историческое развитие Интернационала», а также книга бакуниста Гильома «Анархия по Прудону». Историю этой типографии Сажин рассказал в своих воспоминаниях «Русские в Цюрихе (1870—1873 гг.)», напечатанных в 1932 г. в «Каторге и ссылке» (№ 10, стр. 63 и сл.). В 1876 г. Сажин был арестован при переходе русской границы. Преданный суду по делу 193-х, он был приговорен к каторжным работам на пять лет. Когда срок каторги кончился, он был отправлен на поселение в Восточную Сибирь. Только в 1900 г. Сажину было разрешено возвратиться в Европейскую Россию, а в 1906 г. — жить в Петербурге (он стал заведовать хозяйственной частью журнала «Русское богатство»).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 169).

М. П. САЖИН
Фотография 1867 г.
Исторический музей, Москва

2-го января 1873

Многоуважаемый Николай Платонович,

До сих пор не отвечал на ваше письмо, потому что не был дома. Все хлопочем об устройстве *типографии, а затем думаем как можно скорее* приступить к изданию журнала. Вначале предполагаем заняться изданием небольших книжек и брошюр, а затем, как только дело установится сколько-нибудь твердо, сейчас же за журнал. Быть может, и вы не откажете написать какую-либо брошюру по живому вопросу.

Когда же начнется журнал, то, конечно, мы вполне рассчитываем на ваше деятельное участие, как это вы и говорили при личном нашем разговоре.

Кстати, к вам также время от времени приезжают русские, следовательно, вы тоже, конечно, с *большою осторожностью*, можете что-либо сделать относительно денежных средств для типографии.

Надо вам заметить, что типографию приходится заводить здесь *тайную*, ибо здешнее правительство будет ее преследовать — в этом мы не сомневаемся. Вот поэтому-то я и прошу вас все это дело держать в секрете относительно лиц неизвестных. Будьте, ради бога, осторожны! Как только дело установится вполне, сейчас же напишу к вам обо всем, а то, быть может, и сам приеду[1]. Соколов[2] посылает вам большой поклон.

Если будете что писать (брошюру), не худо бы было, если бы вы сообщили, *о чем будете писать*.

Поздравляю вас с новым годом, желаю очень, чтобы этот год нам всем вместе удалось толком поработать для России.

Преданный вам Ар. Р о с с[3]

[1] См. ниже отклик на это сообщение М. К. Элпидина в его письме к Огареву от 5 января 1873 г. (раздел «Аннотации»).

[2] О Николае Васильевиче *Соколове* см. на стр. 441 настоящего тома.

[3] На обороте письма рукой Огарева набросан, повидимому, подсчет экземпляров журнала и план распределения их по книгопродавцам: «1. Italien 30; 2. Dresden 40; 2. Genève 10; 2. Zürich 20; 1. Locarno 10. ‹Итого 110.›».

Н. И. САЗОНОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. Е. Застенкера

Фигура Николая Ивановича *Сазонова* (1815—1862) неоднократно привлекала внимание историков социализма и русской общественной мысли, в особенности же исследователей жизни и деятельности Герцена, Огарева и участников их университетского кружка. Нет нужды излагать здесь биографию Сазонова: читатель может найти основные данные этой биографии в очерке, опубликованном Б. П. Козьминым («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 178—252). Там же можно ознакомиться с некоторыми из его литературных произведений и писем.

Публикуемые ниже десять писем Сазонова, хранящиеся в «пражской коллекции», вносят в наши представления о нем некоторые поправки, усложняют его идейный облик. Новые письма Сазонова к Герцену относятся к разным годам, а некоторые даже — к разным десятилетиям. Ценность этих материалов значительна: публикуемые письма раскрывают новые существенные факты из истории взаимоотношений Сазонова с Герценом в разные периоды их знакомства, характеризуют идейную и политическую эволюцию Сазонова в пятидесятые годы и разъясняют направление его публицистической деятельности к концу жизни. Наконец, специальный интерес публикуемых писем состоит в том, что они проливают свет на историю отношений Герцена к газете Прудона «La Voix du Peuple».

Уж первое из публикуемых писем заслуживает большого внимания. Оно свидетельствует о том, что дружеские связи Сазонова с Герценом во время вятской ссылки Герцена были еще прочны; дает оно представление и о тех идеях, с какими вернулся Сазонов в Россию после своей первой заграничной поездки в 1835—1836 гг., вызванной разгромом их университетского кружка. Сазонов посылал Герцену слова утешения и брал под свою защиту их общую студенческую юность с присущими юности «порывами вдохновения». Но в то же время он решительно осуждал вольнолюбивые порывы прошедшей юности. «...Мы было испортили жизнь свою...», — пишет он. Эти слова — зловещий признак: они знаменуют начало того пути, который впоследствии слишком часто приводил Сазонова к выводу, сформулированному в том же письме: «...Вчерашняя страсть смешна и жалка для нас сегодня» (см. письмо к Герцену от 11 октября 1836 г.).

Интереснейшую часть публикуемой переписки представляют собою пять писем Сазонова к Герцену, посвященных, в основном, просьбе оказать материальную помощь Прудону для издания газеты «La Voix du Peuple». Прудон затеял эту газету взамен закрытой реакционными властями после событий 13 июня 1849 г. газеты «Le Peuple».

Письма Сазонова дают возможность яснее представить себе этот эпизод, до сих пор известный лишь в общих чертах и не всегда правильно толкуемый. Посредниками в переговорах между Прудоном и Герценом были Хоецкий (Шарль Эдмон) и Сазонов, причем Прудон и его помощники, а позднее с их слов и его биографы, приписывали главную роль в переговорах Хоецкому, входившему тогда в круг ближайших сотрудников Прудона (см., например, A. D a r i m o n. A travers une révolution. P., 1884, p. 180). Отправным документом для характеристики этих переговоров считалось до сих пор письмо Хоецкого к Герцену с припиской самого Прудона; Прудон здесь излагал вкратце свой замысел. К сожалению, ни текст, ни дата письма Хоецкого не известны; Лемке была опубликована только одна приписка Прудона (V, 293). Касаясь этой истории в «Былом и думах», Герцен упомянул фамилии обоих посредников, указав вместе с тем, что залог предложил ему внести не Хоецкий, а Сазонов (XIII, 453). Письма Герцена

из Женевы от конца июня — начала июля 1849 г., адресованные жене, тоже содержали намеки на более активную роль Сазонова. Но до сих пор эти намеки не поддавались расшифровке. Публикуемые теперь письма Сазонова дают возможность гораздо полнее представить себе истинную роль Сазонова в этих переговорах.

Если инициатива обращения к Герцену и исходила от Хоецкого и непосредственную связь с Прудоном осуществлял он, то главным посредником, наиболее настойчиво уговаривавшим Герцена согласиться, был именно Сазонов: он писал Герцену о задуманной Прудоном газете почти что ежедневно. Такая настойчивость объяснялась, прежде всего, тем, что согласился Герцен на просьбу Прудона вовсе не сразу. У него, несомненно, возникали возражения, которые и стремился устранить своими доводами Сазонов. Судя по ответным письмам Сазонова (письма Герцена до нас не дошли), Герцен, возражая, ссылался на проект издания в Женеве демократической газеты, в которой он должен был принять самое активное участие. Герцена связывало согласие, которое он уже дал Джемсу Фази. Оттого-то Сазонов так усердно пытался доказать Герцену, что перспективы газеты в Женеве не идут ни в какое сравнение с перспективами, открывающимися перед газетой Прудона в Париже. И все же, как это явствует из письма Сазонова от 22 июля 1849 г., колебания Герцена продолжались еще и в конце июля. Прекратили их, конечно, не столько соображения, высказанные Сазоновым, сколько полное разочарование в демократической эмиграции, которое охватило Герцена после первого же месяца его жизни в Женеве — в этом «Кобленце революции 1848 г.». Это разочарование сделало еще более напряженной духовную драму, переживавшуюся им, драму «краха *буржуазных иллюзий* в социализме», по определению Ленина (Соч., т. 18, стр. 10). Оно же заставило Герцена окончательно отвергнуть проект женевской газеты и согласиться на предложение Прудона, чья острая критика буржуазной демократии заслоняла от Герцена крохоборческую сущность проповедуемого Прудоном «социализма» и мешала ему тогда распознать разницу между антиреволюционным реформаторством Прудона и собственным революционным миросозерцанием.

Но настойчивость Сазонова имела и другую причину. Выступая перед Герценом в роли ходатая за новую газету Прудона, Сазонов доказывал, что руководствуется одними только идейными соображениями. Между тем в действительности он видел в новой газете поприще для собственной деятельности, тем более что сильно нуждался в работе и намерен был сотрудничать в новой газете и сам.

Решение Сазонова принять участие в «La Voix du Peuple» явилось для Герцена полной неожиданностью. После июньских событий 1849 г. Сазонов, который вместе с Герценом принимал участие в парижской демонстрации 13 июня и был на виду как активный деятель демократического лагеря иностранной эмиграции в Париже, повидимому, тоже ожидал ареста. Перед отъездом Герцена из Парижа в Женеву они условились, что Сазонов немедленно отправится туда же, для чего Герцен добудет ему паспорт и перешлет его в Париж.

Приехав в Женеву, Герцен выполнил свое обещание и послал Сазонову паспорт, добытый у Фази. 29 июня 1849 г. он писал жене: «...Саз⟨онова⟩ еще не видал» (V, 276),— следовательно, он был уверен, что Сазонов либо уже приехал, либо мог с минуты на минуту появиться в Женеве. Через два дня, в письме от 1 июля, Герцен писал жене, что «Сазонов и не думает ехать, это большая неделикатность относительно Джемса ⟨Фази⟩, ибо такие вещи не легки» (там же, 277). В письме, которое мы предположительно датируем 3 июля, Сазонов уже благодарит Фази за «пасс». Зная, что Герцен скептически относится к его «порханиям» от одного проекта к следующему, Сазонов мог не сомневаться, что новый проект создать «журнал, лучший в мире», вызовет сомнение и недоверие Герцена. Он не ошибся. Получив первое же послание Сазонова, касающееся этого вопроса, Герцен писал жене в том же письме от 1 июля, что Сазонов «снова затевает разные журналы», а в письме от 5 июля иронически и горько заметил: «...все ломится. Один Саз⟨онов⟩ в надеждах по горло» (V, 277, 279). Чтобы преодолеть скентицизм Герцена, Сазонов проявил особую настойчивость. В пользу проекта он расположил уезжавшего в Женеву Гервега, который, как писал Сазонов Герцену, должен был все «сообщить изустно». Возможно, что Сазонов и сам отправился в Швейцарию для переговоров с Герценом по поводу «La Voix du Peuple». В письме

от 3 июля он сообщил Герцену, что собирается в Берн на свидание с Хоткевичем, а оттуда заглянет в Женеву, «где увидимся и, вероятно, объяснимся лучше, нежели за глаза». Если считать эту поездку состоявшейся, делается понятным смысл одной пригласительной записки, которую Герцен послал Гервегу в июле 1849 г. Текст записки таков: «Сазонов писал вам, дорогой Г., в 4 часа, приглашая вас придти в Английское кафе пообедать с г. Фази. Так вот, приходите по крайней мере после обеда. Мы вас ждем» («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 67). Этой предполагаемой поездкой можно объяснить и перерыв в письмах Сазонова к Герцену, наступивший между 3 и 22 июля 1849 г.

В переговорах Прудона и его посредников с Герценом обсуждалась также возможность получить необходимый залог от других лиц, в частности от Эмиля Жирардена. В письмах Сазонова к Герцену о такой возможности упоминалось часто: это был один из самых веских доводов, приводимых, чтобы добиться от Герцена быстрейшего согласия. В письме от 4 июля 1849 г. Сазонов сформулировал и принципиальную сторону такой перспективы. Если залог будет дан Жирарденом, писал он Герцену, то «для Прудона все равно, но для нас это не совсем все равно, потому что вместо: „Глас народа, журнал республики универсальной, социальной и демократической“,—будет выходить: „Глас народа, журнал республики буржуазной и социальной“». Сазонов прибавлял тут же, что Жирарден настаивает на своем предложении, и «Прудон останавливается только вследствие обещаний, которые мы ему сделали».

Как известно, впоследствии Герцен в «Былом и думах» писал: «Э. Жирарден был непрочь их дать (двадцать четыре тысячи франков залога. — *Н. З.*), но Прудону не хотелось быть в зависимости от него, и Сазонов предложил мне внести залог» (XIII, 447) — вот с какой отчетливостью запомнил Герцен сведения о намерениях Жирардена, сообщенные ему Сазоновым.

Но действительно ли Жирарден был готов предоставить Прудону сумму, необходимую для залога? Выяснение этого вопроса приводит к неожиданным результатам.

Эмиль де Жирарден (1806—1881), издатель и редактор распространеннейшей газеты «La Presse», которая была рупором определенных кругов крупной буржуазии, промышленников, спекулянтов и банкиров, время от времени выступал с рекламными проектами «реформ», рассчитанными на завоевание популярности среди средней и мелкой буржуазии и крестьян.

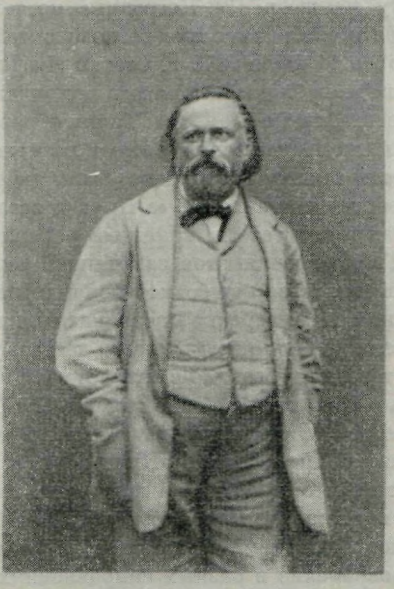
После февральской революции 1848 г. Жирарден вел в своей газете яростную и по сути дела реакционную кампанию против буржуазных республиканцев; после июньских дней он вел яростную и столь же реакционную кампанию против Кавеньяка и активно поддерживал кандидатуру Луи-Наполеона в президенты, надеясь получить министерский пост. Однако, когда надежды эти не сбылись, Жирарден перешел в оппозицию к президенту и к «партии порядка» и примкнул к демократическому блоку Горы, всячески, впрочем, противодействуя революционным тенденциям низов этого блока. В 1849—1850 гг. Жирарден опубликовал сенсационные проекты социальных реформ: «отмены налогов», «упрощения правительства» и даже «отмены государства», заменяемого «страховым обществом граждан». Эти демагогические проекты Жирардена были, как отмечал тогда же Маркс, образчиками самого шарлатанского «буржуазного социализма» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 306—317). Неудивительно, что эти «проекты» Жирардена заслужили сочувствие Прудона, чьи утопические идеи, в свою очередь, представляли собой своеобразную разновидность буржуазного социализма. Поэтому заигрывания «отца анархии» с влиятельным редактором «La Presse» нельзя объяснить одним только свойственным Прудону беспринципным «макиавелизмом». Между ними существовала известная идейная близость. В своих письмах и статьях Прудон неоднократно подчеркивал, что проекты Жирардена близки к его собственным идеям «ликвидации государства», предлагал Жирардену сотрудничество и взаимную поддержку и добивался со стороны «La Presse» помощи своим начинаниям. Обращение Прудона к Жирардену с просьбой ссудить ему деньги, необходимые для издания новой газеты, было поэтому делом вполне естественным. 22 июня 1849 г. Прудон написал Жирардену письмо, в котором именовал редактора «La Presse» не только «собратом», но и «почти единоверцем» («Correspondance

PANTHEON PARISIEN

Album des Célébrités contemporaines

ALEXANDRE HERZEN

(ISKANDER)



Né à Moscou
le 25 Mars 1812.

Procès politique et
emprisonnement.

Exil à Perm et à
Viatka.

Exil à Novgorod.

Commentaires
philosophiques sur
Hegel.

A qui la faute?

Lettres
de l'autre bord.

Lettres de France
et d'Italie.

Lettre à M. Michelet.

Imprimerie russe
à Londres.

L'Etoile polaire.

Le Kolokol.

En 1812, lors du mémorable incendie de Moscou, une femme, un enfant, vêtus de cet éclatant costume que portent en Russie les nourrices dans les grandes maisons, pelisse ryerdouc, fuyaient à travers les rues embrasées, et pressait un enfant âgé de quelques mois à peine, contre un sein où le lait s'était tari : je fait.

Cet enfant, c'était Alexandre Herzen.

Vingt années se coulent. L'enfant devenu jeune homme termine ses études à l'Université de sa ville natale.

Travailleur opiniâtre, il oublie la fortune que lui réserve l'avenir et suit ses cours avec l'ardeur d'un homme résolu à conquérir sa place dans le monde par ses propres efforts. Fier d'être un paria de boyard, il saura échapper à cette influence délétère qui, dès les premiers pas, enveloppe la jeunesse riche de l'empire moscovite, tout au contraire, sa conscience s'éveillera de bonne heure aux inquiétudes politiques et sociales de son pays. La vue des serfs, errant sans cesse autour de sa personne, enflammera en lui le désir de l'émancipation du peuple russe ; le spectacle constant de l'oppression, de l'obscurantisme, de la vénalité, de la corruption, enflammera son âme pour la liberté, pour la raison, pour les lumières, pour tous les droits et pour tous les devoirs de l'homme.

Sa vaste et rapide intelligence, son cœur ère franc et loyal, ses manières expansives jusqu'à la brusquerie, lui concilieront de nombreuses amitiés, des dévouements à toute épreuve. La nature semble l'avoir créé pour en faire un chef de parti, et il ne faillira pas à sa mission.

Herzen se vit bientôt entouré de toute la partie saine et ardente de la jeunesse de Moscou. Premier crime et dont l'expiation n'a se fit pas attendre.

L'empereur Nicolas Ier était parfois sujet à des accès de violence qui, symptôme étrange, lui faisaient perdre tout sentiment humain, toute notion de justice, d'équité.

Un de ces crises l'avait pris quelques instants après son avènement au trône, et ne l'abandonna que lorsqu'il fut déjà mort.

Parmi les milliers et les milliers de victimes de cet état maladif du tsar, Herzen, comme bien l'on pense, n'a pas été une des dernières.

En 1833, une nuit, il se vit arraché de sa demeure et jeté en prison. Il fut accusé *d'avoir eu l'intention de méditer le projet d'un plan de constitution de société secrète.*

Arrêté par l'absence de preuves et de témoignages, après neuf mois de prison, il fut exilé en Sibérie.

Il passa trois ans à Perm et à Viatka ; mais sa jeunesse plaida en faveur de ses forfaits, et la grâce impériale finit par descendre sur la tête du criminel.

Bientôt le gouvernement lui rendit ses livres français et écrivait avec du talent remarquable des articles sur l'étude de la nature.

Il fut de nouveau exilé à Novgorod.

En 1842, il revint à Moscou, où on lui permit de vivre sous la surveillance de la police.

Cette existence, coupée à toute heure d'incidents imprévus, laissait à désirer sous plusieurs rapports. En 1847, à force d'argent et de protections, Herzen réussit à se procurer ce talisman qui, sous le règne de Nicolas Ier, faisait l'objet des rêves extravagants de la noblesse russe.

Il obtint un passe-port.

Une fois hors du pays, il ne se pressa pas d'y rentrer. Le gouvernement russe, révolté contre la conduite du voyageur, mit ses biens sous séquestre.

Herzen ne revint plus en Russie. Il se fixa en Europe, décidé à attendre des temps meilleurs.

Nous avons parlé de l'homme, il nous reste à dire quelques mots sur l'écrivain.

Herzen aborda plusieurs genres de littérature, avec un égal succès. Philosophe, romancier, écrivain politique, la régénération de sa patrie fut toujours le seul et unique but de ses travaux.

En 1853, il se fit publiciste, fonda à Londres une imprimerie russe, jeta en Russie plusieurs brochures politiques, essaya d'abord de publier en langue russe une revue intitulée : *L'Etoile polaire*, puis, en 1857, il la transforma en un journal bi-mensuel, sous le titre de Kolokol (*la Cloche*).

Le *Kolokol* devint bientôt une redoutable machine de guerre. Traitant les questions actuelles de la politique russe, s'attaquant aux abus, dénonçant les intrigues du gouvernement et les méfaits des fonctionnaires, il surgit en Russie comme le grand justicier des oppresseurs.

La vogue et l'influence du *Kolokol* prirent en peu de temps des proportions immenses.

Herzen avait à sa rude et salutaire tâche N. Ogarefl, un des plus brillants écrivains de la jeune Russie.

Voici les principaux jalons de la ligne politique que les deux éminents prose-its suivent dans leur publication :

Emancipation des paysans, rendus égale propriétaires des terres qu'ils cultivent ; — suppression du système centralisateur, qui n'est qu'un amalgame de l'oppression mongole et de la bureaucratie allemande ; — décentralisation des provinces et développement de l'autonomie communale ; — dissolution de l'oligarchie des boyards ; — indépendance absolue de la Pologne.

CHARLES EDMOND.

Photographies par Etienne Carjat.

ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА «PANTHÉON PARISIEN» («ПАРИЖСКИЙ ПАНТЕОН») С ПОРТРЕТОМ ГЕРЦЕНА И СТАТЬЕЙ О НЕМ ШАРЛЯ ЭДМОНА, 1861 г.

Этот портрет продавался в пользу польского революционного фонда, и Герцен принял участие в его распространении. «Вы меня дарите биографией. Вы меня прославляете и посредством солнечных лучей и пером...» «Я продам все 50 ‹портретов› и перешлю вам деньги с первым едущим путником» (Из писем Герцена к Шарлю Эдмону (Хоецкому) от 1 и 29 октября 1861 г.).

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

de P.- J. Proudhon», t. III, P., 1875, p. 7) и просил его внести залог за газету. Однако в течение двух недель Жирарден хранил молчание, не предвещавшее Прудону ничего хорошего. Новое письмо Прудона к Жирардену от 2 июля 1849 г., выдержанное в столь же подобострастно-заигрывающем тоне, подтверждает, что молчание Жирардена вызывало в нем тревогу (там же, p. 12). Косвенный, но, тем не менее, совершенно ясный ответ Жирардена вскоре пришел в виде трех резко враждебных Прудону статей, опубликованных подряд 9, 10 и 11 июля 1849 г. Статьи «La Presse» «разоблачали» Прудона как реакционера и врага республики, искавшего поддержки и у Луи-Наполеона и у легитимистского претендента, графа Шамбора. Таким образом, заверения, которые делал Сазонов Герцену о том, что Прудон якобы имеет возможность получить необходимый для издания новой газеты залог у Жирардена, были явным преувеличением, а версия, гласящая, будто «Жирарден настаивает», «а Прудон останавливается» из-за обещаний Хоецкого и Сазонова найти для газеты «кафецию» у Герцена, просто не соответствовала действительности. То объяснение этой запутанной истории, какое содержится в поверхностной и во многом донельзя ошибочной монографии Лабри об отношениях между Герценом и Прудоном, не может разрешить возникающих недоуменных вопросов. Лабри полагает, что Прудон стал думать о возможности достать у Герцена залог для «La Voix du Peuple» лишь после того, как убедился в «глухоте» Жирардена к его просьбе. «Тогда-то и подали ему мысль о Герцене их общие друзья» (R. L a b r y. Herzen et Proudhon. P., 1928, p. 82). Простое сопоставление дат и фактов опровергает это утверждение. Так, например, упомянутое выше письмо Прудона к Жирардену от 2 июля 1849 г., свидетельствующее о том, что надежда на получение залога от Жирардена не была еще потеряна, писалось уже после того, как Хоецкий и Сазонов принялись хлопотать о залоге перед Герценом. Повидимому, Прудон в поисках залога для своей новой газеты действовал одновременно в разных направлениях. Его обращение к Герцену было, на первых порах, лишь попыткой застраховать себя на случай неудачи с Жирарденом и лишь затем переросло в вынужденную программу «сотрудничества» с русским революционером. Этот вывод многое объясняет в характере сотрудничества Прудона с Герценом во время издания газеты, идейную платформу которой Прудон доверительно формулировал в письме к своему помощнику, А. Даримону, официальному редактору «La Voix du Peuple», в следующих словах: «социализм с точки зрения буржуазных интересов» («Correspondance», t. III, p. 97).

Сообщая Герцену, что Прудон может получить залог у Жирардена, Сазонов сначала писал об этом как о предположении, потом как о совершившемся факте. Намеренно ли пускал Сазонов в ход этот вымысел, чтобы поторопить Герцена с ответом на просьбу Прудона, или же его самого вводили в заблуждение Прудон и, главное, Хоецкий, от которого он узнавал новости о «согласии» Жирардена,—сказать трудно. Во всяком случае роль Сазонова в осуществлении этого проекта была весьма велика. Его большая личная заинтересованность в том, чтобы новая газета, при решающем участии Герцена, действительно была создана, побуждала его действовать энергично и настойчиво. Герцен вполне доверчиво отнесся к его сообщениям о готовности Жирардена дать Прудону деньги на «La Voix du Peuple», он не догадался о лживости этой версии даже после того, как газета Жирардена открыла огонь по Прудону, и повторил эту легенду в «Былом и думах».

Весь этот эпизод лишь подтверждает нестойкость идейных позиций Сазонова. Накануне выступления мелкобуржуазной демократии он действовал как «восторженный агитатор»; он звал Герцена на «жнитво лавр». Через какие-нибудь две недели после поражения Горы Сазонов, давая оценку ситуации во Франции после 13 июня, повторял Герцену прудонистский вздор и был воодушевлен идеей создания газеты, которая «будет писать так, чтобы не подвергаться суду». Но это, разумеется, отнюдь не означало, что Сазонов превратился в сколько-нибудь убежденного прудониста. Такое предположение лучше всего опровергается историей его кратковременного сотрудничества в «La Voix du Peuple». Введенный Герценом в редакцию газеты Прудона, Сазонов работал «с увлечением» около двух месяцев, а затем перекочевал в газету «La Réforme», в которой он тоже удержался недолго. Несомненно, дело было не только в неуживчивости Сазонова; главная причина его ухода—разочарование в идеях Прудона.

В письме к Марксу от 6 декабря 1849 г. Сазонов сообщал, что, «несмотря на шум, который производит Прудон и который производится вокруг его имени, отнюдь не он приобретает больше всего приверженцев» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2-е, М., 1951, стр. 25). Вскоре Сазонов сообщил Марксу, что в последнее время он значительно приблизился к его идеям и что толчком к этому послужило внимательное штудирование «последнего труда Прудона (*«Confessions d'un révolutionnaire»*)» и чтение *«соглашательских* статей» Прудона в «La Voix du Peuple» (там же, стр. 26). Все же, как показывают письма Сазонова, он продолжал поддерживать дружбу с прудонистами. Период поверхностного увлечения Марксом продолжался у Сазонова также недолго. Б. П. Козьмин совершенно прав, отвергая попытку П. Н. Сакулина и других объявить Сазонова, на основании его писем к Марксу конца 1849—1850 г., «первым русским марксистом». Справедливо указание Б. П. Козьмина и на то, что, соглашаясь с идеями «Коммунистического манифеста», Сазонов, в сущности, совсем не понял взглядов Маркса, как не понимал и политики коммунистического рабочего движения. Увлечение Сазонова идеями Маркса быстро прошло и сменилось взглядами весьма умеренными, отчетливо проявившимися в публикуемых ниже письмах пятидесятых годов; в них обнаруживается эволюция Сазонова в сторону дворянско-помещичьего либерализма.

Отчетливо показывает эту эволюцию последнее из публикуемых писем (мы датируем его началом мая 1860 г.). Письмо это написано в пору сотрудничества Сазонова в «Gazette du Nord» — русском общественно-политическом и литературном еженедельнике. Издавал этот еженедельник в Париже на французском языке Г. Рюмин. Как доказывает письмо Сазонова к Герцену, Сазонов играл в «Gazette du Nord» первостепенную и руководящую роль: по нашим подсчетам, на страницах «Gazette du Nord» в 1859—1860 гг. появилось восемнадцать больших статей под фамилией Сазонова и около десяти статей и заметок, подписанных его инициалами и псевдонимами.

Для новых идейных позиций Сазонова общественно-политическое лицо «Gazette du Nord» весьма показательно. Еженедельник, по собственным словам редакции, обращался к «избранной публике» и старательно подчеркивал по всякому поводу, что его критика крепостнических порядков носит вполне благонамеренный и верноподданнический характер, вследствие чего он и был беспрепятственно допущен в Россию. Статьи самого Сазонова среди других статей «Gazette du Nord» отнюдь не звучали диссонансом. Изучение их позволяет выделить главные линии идейного развития Сазонова.

Во-первых, Сазонов шел к решительному разрыву с демократическим лагерем и открещивался от всякой мысли о крестьянской революции. В статье «Россия старая и Россия современная» («Gazette du Nord», № 15 от 14 апреля 1860 г.) Сазонов недвусмысленно заявлял, что русский крестьянин «больше не признал бы себя ни в Стеньке Разине, ни в Пугачеве, в этих бичах божьих, мстивших за ужасающие преступления, но, в свою очередь, достойных ненависти, а впрочем, бесплодных, как все бичи». «Мы уже не можем быть ни консерваторами, ни революционерами, как в XVIII веке; мы сторонники прогресса...», — писал Сазонов в этой статье.

Рассмотрение беглых замечаний о Чернышевском в статьях Сазонова «Об освобождении крепостных в России» приводит нас к выводу, что разрыв его с революционно-демократическим лагерем обозначился уже довольно четко. В статьях этих имя Чернышевского упоминалось среди имен тех экономистов и публицистов, чьи труды способствовали подготовке проекта реформы, рядом с Самариным, Кошелевым, Желтухиным, Бунге и другими публицистами и экономистами помещичьего лагеря. Это не значит, конечно, что Сазонов не видел различия между ними и редактором «Современника». В одной из своих статей Сазонов выделил имя Чернышевского и специально остановился на его работе «Труден ли выкуп земли?» («Современник», 1859, № 1), содержавшей знаменитый анализ возможных проектов выкупных платежей. Под видом этого анализа и выведения цифры возможно умеренной оценки «крепостной души» Чернышевский, как известно, ставил целью, обойдя все препоны цензуры, разоблачить грабительский характер выкупной операции вообще и провести в подцензурной статье основное требование революционно-демократического лагеря об освобождении

крестьян без всякого выкупа, о «выпрямлении палки» посредством крестьянской революции. Оценку «проектов» Чернышевского Сазонов начал весьма положительной характеристикой автора: «Этот публицист, равно искусный и проницательный, сделал один столько же, сколько вся комиссия в целом; он всесторонне изучил вопрос освобождения и, оставаясь в пределах экономической науки, неизменно выступал защитником крестьян. Если нам принадлежит честь первым познакомить с его именем Западную Европу, я горжусь этим как русский и как журналист» («Gazette du Nord», № 7 от 18 февраля 1860 г.). Но эта выразительная характеристика, хранившая следы прежних убеждений Сазонова и его еще не оборванных связей с демократическим лагерем, отнюдь не означала, что он был согласен с революционной программой Чернышевского по крестьянскому вопросу. Сазонов счел необходимым тут же отмежеваться от революционной линии Чернышевского. Делая вид, что он не понял революционного смысла рассуждений Чернышевского о выкупной проблеме, Сазонов объявлял «достаточно приемлемым» план выкупа, основанный на умеренной оценке «крепостной души», и даже подверг критике содержавшуюся в статье Чернышевского цифру, как «весьма уменьшенную». «Да простит нам это замечание наш дорогой и уважаемый собрат, — писал по адресу Чернышевского Сазонов, — но он настолько добросовестен в своих изысканиях, что, без сомнения, сам заметил неудовлетворительность своей оценки» (там же). Эту критику нельзя объяснить тактическими, легалистскими соображениями руководителя «Gazette du Nord». В своих статьях Сазонов целеустремленно доказывал противоположность своей позиции в вопросе о выкупе позициям революционно-демократического лагеря, отрицавшего, устами того же Чернышевского, всякое право помещиков на выкуп. Именно этот смысл имели многочисленные тирады сазоновских статей в защиту права помещиков на вознаграждение за землю, выделяемую крестьянам при освобождении, — права, которое Сазонов пространно обосновывал и «справедливостью», и «принципом», и даже «интересами» самих крестьян: выкуп якобы должен заставить их всерьез почувствовать себя собственниками земли. Иначе нельзя оценить и взволнованных деклараций Сазонова о дворянстве, как о наиболее просвещенном классе русского общества и «хранителе национальных традиций», деклараций, кончавшихся таким выводом: «Разорив дворянство, Россия обезглавила бы самое себя» («Gazette du Nord», № 4 от 28 января 1860 г.). Вот почему, рекомендуя «проекты» Чернышевского и его выкладки вниманию тех помещиков, которые рассчитывали разбогатеть от выкупных платежей крестьян, Сазонов тут же делал оговорку: «Но само собой разумеется, что вместе со всеми здравомыслящими людьми мы требуем для собственников, лишаемых владений, справедливого и удовлетворительного вознаграждения, один из источников которого был указан генералом Ростовцевым, наиболее практичным человеком из всех лиц, до сих пор официально занимавшихся этим вопросом» («Gazette du Nord», № 7 от 18 февраля 1860 г.).

Как видим, «проекты» Чернышевского Сазонов предлагал сочетать с проектами Ростовцева; начав с похвалы великому «крестьянскому адвокату», Сазонов кончил поддержкой «наиболее практичных» умеренно-либеральных крепостников. Такова была сущность позиции нашего «прогрессиста».

Отрекшись от звания революционера, став «прогрессистом», Сазонов неизбежно скользил дальше по наклонной плоскости и снимал лозунг уничтожения самодержавия и требование конституции, выдвигая всякие натянутые доводы, вроде того, что фактическая конституция существует у всякого государства и не может быть втиснута в рамки писанного текста и что Россия еще не созрела для парламентского строя. Парламентское государство, утверждал Сазонов в статье о книге Долгорукова «Правда о России» («Gazette du Nord», № 16 от 21 апреля 1860 г.),— это та ступень развития общества, какая соответствует в развитии ребенка периоду овладения речью. Если русская нация достигла этой зрелости, ее язык развяжется, и Россия произнесет свое слово; если же нет, то не поможет ни добрая воля государя, ни требование общественного мнения, и мы будем иметь лишь новое издание испанской, неаполитанской или прусской конституции, «от чего храни нас бог». Нетрудно видеть, что Сазонов, стремясь наладить соглашение либеральных помещиков с самодержавием, шел в это время еще дальше, чем либералы-конституционалисты типа Кавелина.

Сазонов отстаивал проекты сторонников «наделения» крестьян землей с помощью довольно своеобразных полународнических аргументов, в которых отразились противоречивые черты его новейшей идейной эволюции. В своих статьях в «Gazette du Nord» Сазонов особенно настаивал на двух требованиях: освободить крестьян с землей и сохранить за ними размеры их фактического землепользования. В сущности говоря, его аргументация сводилась к известным доводам: Россия может избежать «язвы пролета-

Н. И. САЗОНОВ
Фотография, 1850-е гг.
Литературный музей, Москва

риатства», «свободный труд работника, являющегося собственником, производительнее, чем труд пролетария». Другим оплотом против «язвы пролетариатства» должно было быть сохранение общины и общинного землевладения; вот почему Сазонов горячо защищал соответствующие крепостнические проекты комиссии Ростовцева. Вместе с тем, развивая свою аргументацию, Сазонов доказывал, что общинное землевладение научит русский народ самоуправлению и приведет его к идеям ассоциации, «которой принадлежит будущее всего мира» («Gazette du Nord», № 9 от 3 марта 1860 г.). Вся крестьянская Россия должна стать «агломерацией общин», — писал Сазонов, рисуя перспективу некапиталистического развития, — города тоже должны получить общинную организацию, мелкие общины будут сливаться и ассоциироваться между собой

для создания обширных общин, «способных воспринять плодотворный росток ассоциации».

Но среди этих типичных антикапиталистических аргументов в статьях Сазонова звучали и совсем иные нотки. В его народнических схемах чувствовались явные противоречия. Так, Сазонов признавал и подчеркивал наличие в русской деревне определенной классовой дифференциации. В статьях «Об освобождении крепостных в России» он доказывал, что если не принять административных мер, чтобы сохранить общинное землевладение, то крестьяне-капиталисты, которые,—он подчеркивал,—уже существуют в русской деревне, приберут к рукам земли бедняков и бедняки станут пролетариями, а при недостаточной развитости русской промышленности — и нищими, и в России придется открывать работные дома английского типа («Gazette du Nord», № 9 от 3 марта 1860 г.). А в статье о книге Долгорукова Сазонов упрекал автора в том, что он поверхностно и утопично трактует вопрос о русской буржуазии и выдвигает совершенно непрактичные планы организации муниципальной жизни. Наконец, нельзя не отметить и того, что в некоторых статьях «Gazette du Nord» Сазонов отмежевывается от герценовских идей о «русском социализме», об особой исторической миссии России. «Вера в особую миссию, так сказать возложенную на тот или иной народ(...) как нам кажется, не была никогда научно обоснована», — писал он в статье «Россия старая и Россия современная», не называя имени того, кому принадлежали эти взгляды. Таким образом, в идеологии Сазонова в этот период своеобразно переплетались умеренные либерально-помещичьи взгляды с либерально-народнической тенденцией, которая, как указывал Ленин, «вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861-го года» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 17, стр. 88). Несмотря на антикапиталистическую фразеологию Сазонова, его следует отнести к сторонникам такого типа капиталистической эволюции России, которая, по определению Ленина, «всего более отягощена помещичьими традициями, всего более связана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается» (там же, стр. 87). Неудивительно, что статьи Сазонова и его позиция вызвали возражения Герцена, о чем прямо говорит текст ответного письма Сазонова от начала мая 1860 г. И хотя это письмо не воспроизводит конкретного содержания герценовской критики, нетрудно догадаться, о чем шел спор. К 1860 г. Герцен уже в значительной степени изжил свои либеральные иллюзии. Идеи же Сазонова 1859—1860 гг. приняли вполне определенный характер либерально-помещичьей позиции и почти законченного ренегатства. Вряд ли эту перемену в своих взглядах Сазонов мог скрыть от Герцена неубедительными ссылками на разницу «между либеральными аристократами и настоящими радикалами», которую он якобы показал в своих статьях в «Gazette du Nord». Его «неудавшиеся», как выразился в «Былом и думах» Герцен, статьи еще более углубили давно намечавшийся полный разрыв между бывшими университетскими друзьями. Разрыв этот стал окончательно непоправимым, когда Сазонов решительно повернул в сторону дворянско-помещичьего либерализма. В плену этих идей и кончил свою жизнь оригинальнейший «*бегун* образованной России», как его назвал однажды Герцен (XVII, 95).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 104 и 130).

1

Октября 11-го 1836

Нет, друг, не прошла юность наша, напротив, теперь-то юность настоящая: мы было испортили жизнь свою, но сила души восторжествовала, и солнце юности заблистало для нас ярче и прекраснее, не затемненное облаками мечтательности и разгулья. Прошло детство, прошло ребячество, и я славно простился с этой эпохою жизни под небом Италии[1]; жаль, что ты не мог сделать того же, и потому-то ты несправедлив к этому времени. Разве не было в нем прекрасного, разве не было в нем высокого? Хорошо, право хорошо было это время: тогда грусть была гостьей минутною, — малейшая надежда, одна счастливая мысль, один порыв вдохновения уносили ее с собою; если бывало, одному приходили мысли печаль-

ные, он сказывал их другим, и всякая печаль разрешалась в общей, взаимной доверенности. А теперь? Чувство сосредоточилось, оно не растекается в мелочах, не теряется в пустяках, нет, мы храним его под спудом, как святыню, тщательно прячем от глаз людских, и когда оно проявляется, то порыв его сильней и стремительней, и мы более, яснее чувствуем свою личность. Но это беспрестанное, сознательное, противуестественное явление чувства прививает нам вечную грусть, ничем не смягчаемую грусть,

ГАЗЕТНЫЙ ЛАРЕК В ПАРИЖЕ
«L'Illustration», № 276 от 10 июля 1848 г.

которая не оставляет нас никогда, даже в те минуты, когда чувство преобладает, когда мы желали бы высказать все существо свое, перелить все свое сердце. Нет более тех слов, которые прямо из сердца вылетали на уста, и не найти ⟨*1 нрзб.*⟩ им ни для кого, ни для чего.

Ты несправедлив к ребячеству, я несправедлив, может быть, к юности,— что за дело? Прошло детство, пройдет юность — все это временное, пройдут и другие возрасты, пройдет сам человек. Неужели и только, неужели это чувство вечного и безграничного даром поселено в нас богом, неужели существование человека стеснено все в этих переходах страстей и наклонностей? Но вчерашняя страсть смешна и жалка для нас сегодня, а таким образом конечным выражением жизни была бы насмешка. Насмешка, сомнение, безверие — да это граница личности: блажен, кто

дитятей и юношей, мужем и старцем видел далее личности. Пройдет все это, пройдет человек, но человечество останется и бог, им руководящий.

Addio, caro.

С.

Приписка Н. Х. Кетчера на полях:

Concedo! * но еще более в этой-то личной страсти должна проявляться вся сила экспансивная на все человечество.

Статьи **

Надпись Герцена о получении: ок(тября) 29

[1] После ареста Герцена и Огарева в 1834 г. мать Сазонова, опасаясь, что и он может подвергнуться правительственным преследованиям, добилась для него возможности уехать за границу.

2

(Париж. 27—29 июня 1849 г.) [1]

Вот как, любезный друг, ты в Женеве, а я здесь, пока еще свободен и спокоен; не знаю, надолго ли это продолжится. Причиной моего неотъезда был недостаток денег. Как я тебе объяснял, мне было нужно тысячу франков, а с пятьюстами, которые ты мне ссудил, я не решался издерживаться на путешествие. Впрочем, может и приеду, в крайнем случае. А в ожидании этого могу сообщить тебе новость, весьма утешную. Шожеки[2] виделся с Прудонцем [3]; Прудонец предлагает соединиться с ним для издания нового журнала. Он говорит, что, несмотря на новый закон, нашел способ писать так, чтобы не подвергаться суду. Деньги на издание у него есть, недостает только одного— cautionnement ***, которая, как ты знаешь, составляет двадцать четыре тысячи франков. Я и Шожеки понадеялись на тебя и обнадежили Прудонца, который только этого ждет, чтобы начать новый поход. Он более, нежели когда-нибудь, полон надежды и веры. Я думаю, что ты предложение это можешь и должен принять. Вследствие обещания Прудонца писать так, чтобы не подвергаться суду, деньги твои никакой опасности подвержены не будут, а кроме того и кроме великой демократической пользы, есть даже, по расчетам Прудонца, надежда на хороший барыш. Пожалуйста, чтобы это осталось между нами, никому, а в особенности Головину [4], ни слова, пока дело еще не в ходу. Я думаю, что ведь ты все же, наконец, воротишься сюда. В Женеве, по правде сказать, скука смертная, и чем долее ты там проживешь, тем яснее она тебе откроется. Конечно, прогуляться хорошо, но ведь и дело делать хорошо, а дела-то много! Кроме того, что открывается возможность издавать журнал, лучший в мире (несмотря на все ограничения закона или даже вследствие этих ограничений), а еще есть у нас план насчет Венгрии, для которого твое перо необходимо [5]. Прогуляйся да приезжай, а пока не медли отвечать мне и отвечай таким образом (по-французски), чтобы я письмо мог показать Прудонцу, которому мы назначили срок для ответа — две недели. Если мы не можем доставить cautionnement, то он будет искать у капиталистов. А жалко будет упустить такой случай, который уже, конечно, не возобновится. Подумай! Все надежды опять начинают воскресать, террор прошел и, кроме нескольких людей, которых потеря едва ли заметна,— все попрежнему [6].

Демоки[7] надеются восторжествовать на парижских избраниях, но я лично не совсем в этом уверен. Полиция употребляет все средства, чтобы разъединить партию, рассыпая гнусные подозрения на лучших людей, в том числе на Madier de Montjau и Thoré [8], но не удается.

---

* Согласен! (итал.).

** На этом приписка обрывается.

*** залога (франц.).

Я нашел себе занятие в bureau de correspondance*, за пять часов работы в день пять франков. Ну! что ж делать, пока и то хорошо. Впрочем, если есть какая-нибудь возможность, то пришли или доставь пятьсот франков. Тогда мне спокойнее будет дожидаться собственных денег, которые Щепкин [9] обещает прислать в августе. Доверенность засвидетельствовали без затруднения, и Иванов был чрезвычайно учтив.

До свидания. Сазонов

ОСАДА ФРАНЦУЗСКИМИ ВОЙСКАМИ РИМА
Первая атака города 30 апреля 1849 г.
«The Illustrated London News», № 371 от 19 мая 1849 г.

Если я сам не приеду, то буду писать тебе длинные письма, которым это — не пример. Сегодня я измучен долгой работой и пишу только по убеждениям Шожеки.

Adieu

[1] Публикуемое письмо, повидимому, и является той «длинной грамотой» от Сазонова, получив которую Герцен писал жене 1 июля 1849 г., что «Сазонов и не думает ехать» в Женеву и «снова затевает разные журналы» (см. выше, стр. 523). Это дает возможность приблизительно определить, когда оно было написано.

[2] *Шожеки* — Карл-Эдмунд Хоецкий (1822—1899), польскую фамилию которого (Chojecki) Сазонов, скорее в шутку, чем ради конспирации, передает во французском произношении. Хоецкий, один из видных деятелей польской демократической эмиграции в Париже, с середины сороковых годов, постоянно сотрудничал в парижской демократической прессе (литературный псевдоним его — Шарль Эдмон) и приобрел имя и обширные связи среди французской передовой интеллигенции и международной демократической эмиграции. В 1848 г. Хоецкий сблизился с Прудоном и стал одним из ведущих сотрудников газеты «Le Peuple». Знакомство Герцена с Хоецким произошло в 1847 г., когда Герцен, впервые приехав в Париж, окунулся в жизнь демократической эмиграции и установил связи с ее польскими представителями.

[3] *Прудонец* — П.-Ж. Прудон.

---

* конторе (франц.).

[4] Характеристику журналиста и эмигранта Ивана Гавриловича *Головина* см. в гл. IX «Былого и дум». О совместной жизни Герцена и Головина в Женеве см. V, 276.

[5] О каком *«плане насчет Венгрии»* пишет Сазонов, выяснить не удалось. Можно предположить, что речь шла о цикле статей, посвященных борьбе революционной Венгрии против интервенции, борьбе, которая в это время вступала в решающую стадию. В письме к Марксу от 2 мая 1850 г. Сазонов, перечисляя материалы, имеющиеся в его распоряжении для затеваемого им нового журнала, указывал и на свою статью «О Венгрии и славянском вопросе» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», цит. изд., стр. 28). Повидимому, Сазонов и Хоецкий предполагали выступить со статьями, доказывающими, что дело революционной Венгрии близко интересам славянских народов.

[6] Оценка обстановки, сложившейся во Франции после событий 13 июня 1849 г., которую дает Сазонов, красноречиво свидетельствует о влиянии на него взглядов Прудона. Именно для Прудона и был характерен оптимизм в оценке ситуации после поражения Горы, несмотря на неистовства террора, проводимого монархической контрреволюцией против демократического лагеря. Проповедуя идеи «экономического сотрудничества» классов и отказ от революционной политической борьбы против буржуазии и реакции, Прудон отрицательно относился даже к той робкой, трусливой «борьбе» с монархическим большинством Законодательного собрания и президентом, которую предприняла мелкобуржуазная демократия в июне 1849 г. и которая окончилась позорным фиаско Горы при попытке организовать безоружную уличную демонстрацию 13 июня 1849 г. в Париже. Поражение Горы и бегство за границу таких ее лидеров, как Ледрю-Роллен, Ш. Делеклюз, Ф. Пиа, В. Консидеран и другие, Прудон считал скорее плюсом, чем минусом для дальнейшего движения революции по мирному пути. Прудон надеялся, что это поражение должно было ослабить опасность подражания якобинской революционной тактике и якобинской диктатуре. По мнению Прудона, мнению мирного социального реформатора и оппортуниста, эта опасность губила до сих пор все дело февральской революции.

Влияние этих мыслей Прудона сказалось и в содержащейся в письме Сазонова фразе о людях, «которых потеря едва ли заметна», — недвусмысленный намек на то, как мало значат для дальнейшего хода революции во Франции удалившиеся в эмиграцию «якобинствующие» лидеры Горы.

[7] *Демоки* — демократы, объединенные в 1849 г. так называемым демократически-социалистическим блоком Горы. Речь идет о дополнительных выборах в Законодательное собрание на места депутатов, выбывших после событий 13 июня 1849 г.

[8] *Madier de Montjau* (Мадье де Монжо) — адвокат, близкий сотрудник Прудона, выступавший защитником на судебных процессах прудоновских газет. *Théophile Thoré* (Теофиль *Торе*, 1807—1869) — мелкобуржуазный журналист (см. его письмо к Герцену — VI, 672—675).

Во время революции 1848 г. Торе издавал ежедневную газету «La vraie République» (в 1849 г. она называлась «Journal de la vraie République»), которую Герцен высоко ценил за разоблачение гибельной политики буржуазных республиканцев и за проповедь необходимости «истинной» республики, «демократической и социальной». Торе соединял реформаторские проекты различных школ мелкобуржуазного социализма и был в близких отношениях с Прудоном и его окружением, что не мешало ему принимать активное участие в подготовке и проведении демонстрации 13 июня 1849 г.

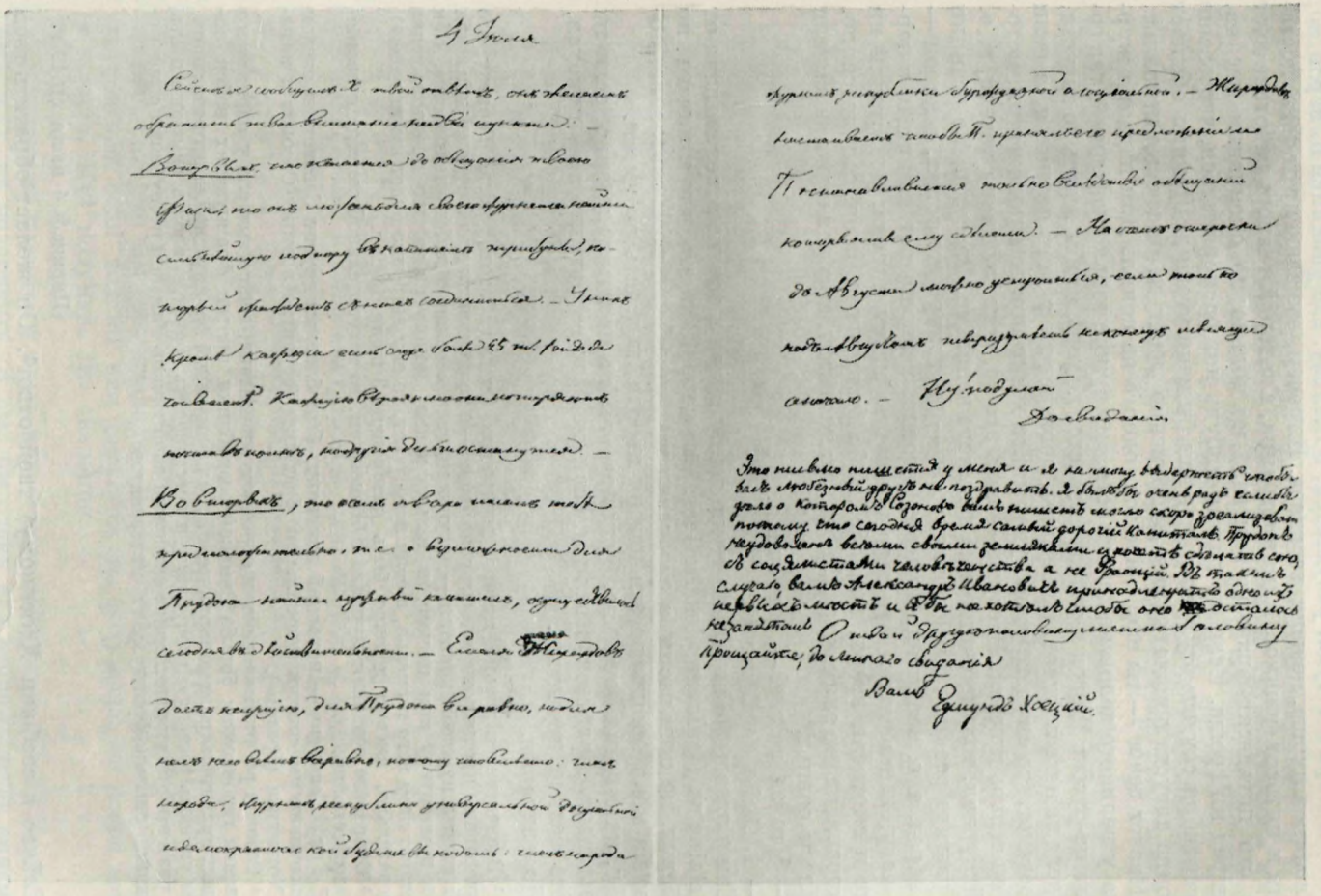
[9] Дмитрий Михайлович *Щепкин* (1817—1857) — сын актера М. С. Щепкина. В это время он находился в Париже, на пути в Россию. Сазонов выдал ему доверенность на управление своими имениями.

3

(Париж. 3 июля 1849 г.) [1]

(...)* дела внутренние (насколько возможно) и, в особенности, вопросы социальные. Впрочем, ты и другие вольны писать о чем хотят, резкого разграничения нет.—Название он предлагает «Глас народа». На успех надеется огромный и на первый месяц обещает сорок тысяч подписчиков. Я думаю, что тебе сомневаться нечего. Насчет журнала в Женеве — это не имеет никакого вида на успех [2]. Единственный журнал, какой можно выдавать вне Парижа, — это нечто вроде «Allgemeine», т. е. перечень фактов, но в Женеве этого нельзя, потому что она лежит в стороне от главных путей сообщения. Фази, я думаю, за это нисколько не рассердится, потому что он сам поймет, насколько журнал в Париже полезнее женевского журнала, даже им самим издаваемого. Вот тебе о журнале все, что нахожу достойным сказать. Поблагодари Фази за пасс, им присланный; а знаешь ли что? ведь я им, вероятно, очень скоро восполь-

* Начало письма не сохранилось.—*Ред.*



4 Июля

Сейчас получил Ваше письмо, оно принесло мне
сожаление и вместе с тем удовольствие. —
Вопрос, как поступить с Вашим письмом, был
труден, но он не должен был Вас удержать
от исполнения Вашего долга. Я сделал
то, что, по моему мнению, было лучше. Я
сжег Ваше письмо, не читая его. — Ваше
письмо к Кетчеру было бы не только
бесполезно. Кетчер в таком настроении
не может не быть несправедлив по отношению
ко всем, кто не разделяет его мнений. —
Во вторых, это письмо могло бы
предать Вас, т.е. с вероятностью дать
Вашим врагам какое-нибудь оружие
против Вас. — Если Вы будете
долго молчать, они Вас забудут, если
Вы будете говорить, они Вас возненавидят. —
Вы должны жить, для Вашей семьи, для
Вашего дела, для Вашей родины, для
всех тех, кто любит Вас. — Ваше
письмо, как и Ваше молчание, было
бы равно эгоистично. — Ваше
здоровье, Ваша репутация, Ваше
будущее принадлежат не Вам одному,
они принадлежат Вашей семье, Вашим
друзьям, Вашей республике, универсальной
республике, которая нуждается в каждом
из своих сынов. — Ваш Сазонов

Журнал
Вашего письма
Получил письмо
Вашего письма
Ваше письмо
Ваше письмо
Ваше письмо

зуюсь, чего ты не ожидал, конечно. Вот по какому случаю. Хоткевич, мой брат [3], приехал в Берн, и мне с ним надо непременно видеться, потому я поеду в Берн и оттуда, разумеется, в Женеву, где увидимся и, вероятно, объяснимся лучше, нежели за глаза. Впрочем, это зависит от того, достану ли я пятьсот франков. Администрация, в которой я теперь работаю, дает мне сто пятьдесят франков в месяц, но только по окончании месяца, а вперед ни гроша. Если бы ты как-нибудь мог распорядиться, чтобы мне до сентября ссудить эту сумму, то очень бы меня утешил. Щепкин обещает в конце августа прислать мне непременно денег и, надеюсь, исполнит.

Насчет денег — ты еще, кажется, одного не понял. Для издания журнала у великого человека деньги есть, ему нужна только кафеция * (так говорит по-русски Шожеки); что же касается до того, чтобы ждать до августа, это дело не невозможное, но не знаю, достанет ли у него терпенья, а если недостанет, то ему нетрудно будет найти денег при том положении, которое он теперь принял. Рассуди — ведь это то, чего мы давно хотели, т. е. свой журнал, только с помощью великого человека. Рассуди. А о реакции и о разгаре реакции ты мне не говори — этот жар уже остыл, а народ — всё народ, т. е. велик и прекрасен. Сегодня, возвращаясь из bureau в первом часу, я нашел на бульваре огромную массу народа; все стояли на месте и смотрели вверх, на небо. Небо было чисто, ясно, солнце сияло. Я спросил, на что они смотрят? Говорят: на звезду, которая видна, несмотря на блеск солнца.

— Что за звезда?— спросил я.

— L'étoile de Rome **.

Сам я звезды не видал, но ту же толпу видел и тот же ответ слышал от Madeleine до Boulevard des Italiens. Вот народ! Заметь, что я ничего не прибавил, не прикрасил, а рассказал так, как было, но впечатление, которое на меня произвела эта поэзия народа, передать не умею[4].

Ну, на сегодня довольно, буду продолжать писать постоянно, если ты перестанешь сердиться. Впрочем, если ты за то сердит, что я не приехал, то это весьма дружески.

До свидания.

[1] В следующем письме, которое датировано 4 июля, Сазонов писал Герцену, что его вчерашнее предположительное сообщение — о возможности для Прудона найти для своей газеты нужный капитал — «осуществилось сегодня в действительности». Как раз в комментируемом письме, и только в нем, можно найти это предположение («достанет ли у него терпенья, а если недостанет, то ему нетрудно будет найти денег»). Следовательно, письмо должно быть датировано 3 июля 1849 г.

[2] О проекте создания журнала в Женеве см. во вступительной заметке к настоящей публикации.

[3] Граф *Хоткевич* — польский эмигрант, был близким другом Сазонова и членом учрежденного им «интернационального братства» (вероятно поэтому Сазонов и называл Хоткевича «братом»).

[4] Сазонов рассказывает о том огромном сочувствии, какое вызвала у парижского населения героическая борьба Римской республики против французских войск, посланных правительством монархической и клерикальной французской контрреволюции, чтобы удушить Римскую республику и восстановить светскую власть римского папы. Как раз в эти дни шли последние сражения защитников Римской республики с превосходящими силами французских интервентов.

4

⟨Париж.⟩ 4 июля ⟨1849 г.⟩

Сейчас я сообщил Х⟨оецкому⟩ твой ответ[1]. Он желает обратить твое внимание на два пункта.

Во-первых, что касается до обещания твоего Фази, то он может для своего журнала найти сильнейшую подпору в капитале «Трибуны», кото-

---

* валог.

** Римская звезда (франц.).

рый жаждет с ним соединиться. У них, кроме кафеции, есть еще более двадцати пяти тысяч fonds de roulement *. Кафецию, вероятно, они потеряют почти вполне, но другие деньги останутся.

Во-вторых, то, о чем я вчера писал тебе предположительно, т. е. о возможности для Прудона найти нужный капитал, осуществилось сегодня в действительности. Емеля Жирардов[2] дает кафецию; для Прудона все равно, но для нас не совсем все равно, потому что вместо: «Глас народа, журнал республики универсальной, социальной и демократической» — будет выходить: «Глас народа, журнал республики бур-

БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г. ВО ФРАНЦИИ
У БАРРИКАДЫ В СЕНТ-АНТУАНСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ В ПАРИЖЕ 3 ДЕКАБРЯ

«Второе декабря, несмотря на то, что все его ждали, поразило всех. Предвидит ли человек несчастье или нет,—оно все приходит врасплох» («Письма из Франции и Италии». Письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.)

«Illustrierte Zeitung», № 445 от 10 января 1852 г.

жуазной и социальной». Жирардов настаивает, чтобы Прудон принял его предложение, и Прудон останавливается только вследствие обещаний, которые мы ему сделали. Насчет отсрочки до августа можно устроиться, если только под августом ты разумеешь не конец месяца, а начало. Ну! подумай. До свидания.

Рукою Э. Хоецкого:

Это письмо пишется у меня, и я не могу выдержать, чтобы вас, любезный друг, не поздравить. Я был бы очень рад, если бы дело, о котором Сазонов вам пишет, могло скоро зреализовать, потому что сегодня время самый дорогий капитал. Прудон неудоволен всеми своими земляками и хочет сделать союз с соцялистами человеченства,

* оборотного капитала (франц.).

а не Франций. В таком случае вам, Александр Иванович, принадлежит одно из первых мест, и я бы не хотел, чтобы оно осталось незанятым.

Прощайте, до личного свидания.

Ваш Едмунд Хоецкий

Рукой Сазонова:

Отдай другую половину листка Головину.

[1] Ответ Герцена, как и другие его письма к Сазонову за это время, не сохранился. О содержании ответа можно составить представление по предыдущему письму Сазонова, от 3 июля. В нем Сазонов отвечал на заданные Герценом вопросы. Как видно, Герцен расспрашивал о подробностях предложения, сделанного ему Прудоном, интересовался направлением проектируемой газеты и в особенности тем, как будут разделены в ней сферы влияния между ним и Прудоном. Герцен еще не давал своего согласия, сославшись на проект издания демократической газеты в Женеве, поддержку которой он обещал Фази, и откладывал окончательный ответ до августа 1849 г. Попутно отметим, что в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве А. А. Краевского, хранится письмо Прудона к Сазонову, в котором он отменяет назначенное свидание и обещает встретиться, по просьбе Сазонова, с кем-то из его друзей. Письмо это не датировано и, повидимому, относится к более позднему времени (XIV, 134).

[2] *Емеля Жирардов* — Эмиль де Жирарден. См. о нем во вступительной статье.

5

Париж. 10-го июля ⟨1849 г.⟩

Сейчас получил письмо твое и Головина[1]. Отвечать пока нечего, потому что Гервег поехал и все сообщит изустно. Ты говоришь, что послал мне длинное письмо, — я его не получал. Жены твоей я в последний день не видал, потому что она была у Гервега, а я на Гервега рассердился.

После их отъезда я получил через m-me Herwegh[2] записку и 200 fr., вероятно от тебя, за что весьма благодарю. На письмо надо отвечать, потому что Хоецкий отчаивается.

Головину скажи, что Франку[3] постараемся насолить, а насчет «Трибуны» немедленно ответа дать нельзя, потому что администраторы все уехали. Браницкого также здесь нет[4]. Головину издавать еженедельный лист пока не советую. А в Америку ты не уедешь, потому что умер бы там в шесть недель от пустоты нравственной и физической. Если у вас будут какие новости, то присылай их немедленно.

Мою корреспонденцию печатают три журнала: «National», «Temps» и «Liberté»[5].

Когда добуду твое письмо, то напишу дельный и подробный отчет. Дружба и братство.

Сазонов

[1] Эти письма Герцена и Головина к Сазонову неизвестны.

[2] Эмма Гервег оставалась в Париже и была посредницей между Герценом и Г. Гервегом, с одной стороны, и их парижскими знакомыми, с другой, в частности с Прудоном, которого она постоянно посещала в тюрьме Консьержери; впоследствии в ее квартире происходили заседания редакторов «La Voix du Peuple» (см. V. Fleury. Le poète Georges Herwegh. Paris, 1911, p. 153).

[3] А. *Франк* — парижский издатель и книгопродавец.

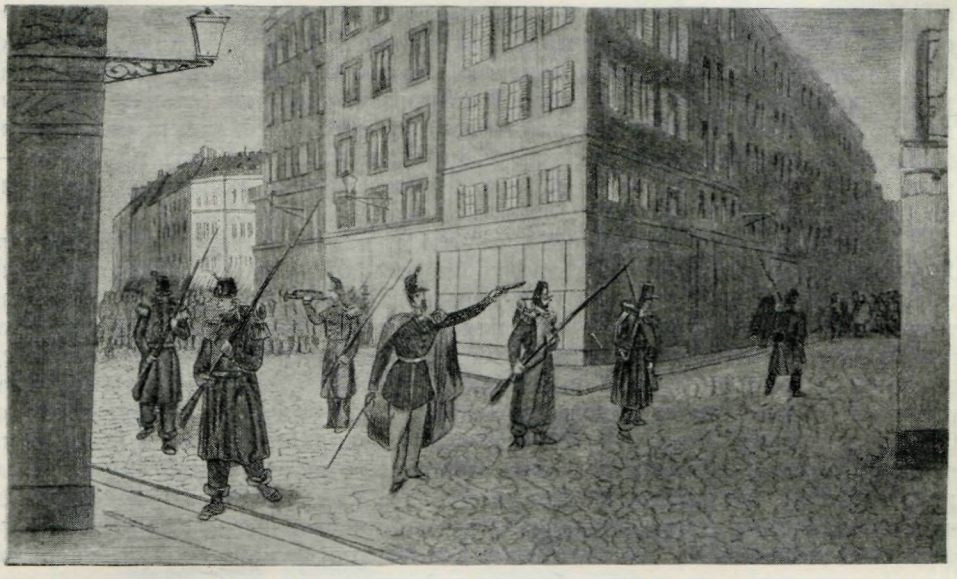
[4] «*Трибуна*» — газета «La Tribune des Peuples», основанная польскими эмигрантами во главе с Адамом Мицкевичем. Субсидировал газету гр. Ксаверий Владиславович *Браницкий* (XIII, 308; см. стр. 62 настоящего тома). Сазонов входил в редакцию газеты и писал в ней под псевдонимом «Волков». Издание было прекращено после июньских дней 1849 г.

[5] Бросается в глаза неразборчивость Сазонова в его журналистской деятельности. Идейное направление газет, в которых он сотрудничал, было весьма различно: «National» — руководящий орган буржуазных республиканцев; «Temps» (март — декабрь 1849 г.) — демократическая газета; «Liberté» — буржуазная газета бонапартистского направления.

6

⟨Париж.⟩ 22 июля ⟨1849 г.⟩

Так как из нескольких строк, приписанных тобой к письму Головина[1], я вижу, что ты еще не отвечал Пр⟨удону⟩, то спешу тебя уведомить, чтобы, во всяком случае, каково бы ни было твое решение, принял такие меры, чтобы *кафеция* не осталась в руках Хоецкого средством завладеть журналом. Я, разумеется, говорю это не в денежном отношении, а в политическом. На днях я узнал, что он интригует на все стороны. А впрочем, если уметь его держать в узде, человек полезный, отчасти. Вот.



БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г. ВО ФРАНЦИИ.
НА УЛИЦАХ ПАРИЖА 5 ДЕКАБРЯ

Войска «прочищают» город

«Переворот второго декабря ⟨...⟩ не имеет знамени, он имеет только собственное имя, бунтующую полицию, пьяных солдат, подкупленных генералов ⟨...⟩ Говорят, что победил *порядок*, в смысле полицейской тишины. Полиция идет впереди и на первом месте только тогда, когда ведут кого-нибудь на казнь» («Письма из Франции и Италии». Письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.)

«Illustrierte Zeitung», № 445 от 10 января 1852 г.

О какой ты акузации * говоришь? Кажется, я в последний раз ничего подобного не говорил и желаю от всей души этот тон оставить для того, чтобы заняться делом, а дела много!

Скажи Головину, что Браницкого здесь нет, а Голынский[2] три дни тому назад здесь был. Насчет его (Гол⟨овина?⟩) фельетонов[3] в «Presse» поговорю, если не сам, то через третье лицо.

До свидания. Написал бы больше, да перо слишком дурно, а другого я не имею.

Скучно мне здесь без вас. Сазонов

[1] Эта приписка Герцена в письме Головина к Сазонову остается неизвестной.

[2] Александр Викентьевич *Голынский* (1816 —?) — польский эмигрант, литератор. На его средства была создана типография польского «Демократического товарищества» в Лондоне и издавалась газета «Польский демократ». С Герценом Голынский познакомился в 1849 г. в Париже через Сазонова; в том же году он был выслан из Франции.

---

* обвинении (от лат. accusatio).

[3] В июне 1849 г. И. Г. Головин, высланный из Франции, переехал в Женеву, где часто встречался с Герценом. Он и в это время не прекращал сотрудничества в парижских периодических изданиях, о чем сам сообщает в своих записках («Записки Ивана Головина», Лейпциг, 1859, стр. 126).

7

⟨Париж.⟩ 24 марта ⟨1852 г.⟩

Давно не писал я к тебе по многим причинам. После твоего письма, в котором ты несколько обидел меня, сказавши, что я *не хочу* тебя понять,— мне показалось рассудительнее и полезнее прервать на время разговор, в котором мы друг друга не понимали [1]. Потом мне надо было рассудить, точно ли я тебя не понял, — и я нашел, что это правда, но в утешение самому себе я должен сказать, что это непонимание нисколько не могло изменить моих поступков. Поступил я так, как следует доброму другу, а говорил с тобой так, как друг бестолковый. Извини, откровенно сознаюсь в ошибке. Впрочем, теперь мы о прошлом говорить не станем — я надеюсь, что ты спокоен и что ничем твое спокойствие нарушено не будет.

При свидании объясню тебе, отчего и каким образом я ошибался. Я говорю «при свидании», потому что слышал случайно о твоем намерении приехать сюда. Разумеется, я этим весьма доволен, даже если ты приедешь только на короткое время[2]. Мне вряд ли средства позволят ехать куданибудь, и, следовательно, я жду тебя с нетерпением. О многом хочется поговорить, и о частном и об общем. Быть может, мой оптимизм, поправленный твоим пессимизмом, доведет до результата действительного. Одного я только боюсь: чтобы Голов⟨ин⟩, узнавши о твоем намерении сюда приехать, не вздумал также явиться. Этого надо избегнуть à tout prix*, потому что он нас еще раз уничтожит, как уничтожал уже слишком часто. Я в последнее время еще узнал, до какой степени он нам всем испортил здесь положение, без малейшей пользы для самого себя. Бога ради, ты его останови, а то я готов бежать в Америку, он мне страшнее самого Сулука[3]. Без шуток, займись этим. Я, кроме всякого оптимизма, думаю, что теперь можно много полезного делать нам, а этот человек во все вмешается и все испортит. В последнее время я гораздо более думал, нежели делал, — и я думаю, все люди искренние так же поступали в это время. Думал и, следовательно, читал много. Отгадай, что я всего более читал? Твоего любимого Леопарди. Не знаю, читал ли ты его переписку. Я прочитал ее, перечитывая вместе все сочинения, так что составил себе полное и ясное понятие о человеке — и влюбился в него. В нем есть все, что привлекательно: оригинальность и новость в высшем и лучшем значении слова, красота формы недосягаемая и глубокая доброта сердца, наконец, те маленькие недостатки, которые так к людям привязывают. Он мне сделался другом, и другом тем лучшим, что я подружился с ним понемногу; другом, тем для меня интереснейшим, что я в нем в первый раз подружился с человеком разномыслящим. Дружба моя с Леопарди, надеюсь, свяжет меня еще теснее с тобой. Насчет наших отношений мне вот что хочется сказать тебе: если бы мы, рожденные под одинакими влияниями, развивавшиеся параллельно, не знали друг друга по сие время и встретились бы только вчера, эта встреча была бы для нас обоих драгоценна. Насколько же должна быть драгоценна постоянная связь, старая дружба. Давно не говоривши с тобой, я заговорился и забыл почти, что в начале письма я говорил тебе о многих причинах моего молчания. Причина главная—болезнь; старая моя болезнь в сердце возвратилась и, как мне кажется, уси-

* любой ценой (франц.).

лилась. По наружности я здоров, но не сплю ночей и слушаю глухое биенье сердца. Мне кажется, что мне недолго жить. Конечно, умирать мне, если не поздно, то и не рано — я об этом не забочусь, а пишу это для того, чтобы напомнить тебе о моих детях. Сестра[4] недавно мне писала, что она все для них сделает, но ты знаешь мою сестру и, следовательно, я все-таки более полагаюсь на твое участие и на твое попечение.

Прощай, друг, хотелось бы мне с тобой повидаться. Отвечай мне, адресуя письмо к Бернацкому.

[1] Письмо Герцена, на которое отвечает Сазонов, в печати неизвестно (см. предшествующее письмо от 15 февраля 1852 г. — VII, 13—14). *Разговор, в котором мы друг друга не понимали*, касался семейной драмы Герцена. В письме к М. К. Рейхель общее отношение Сазонова к этой драме Герцен образно определил так: «Фраза, холод и гранит» (VII, 51). Позиция Сазонова, сохранившего добрые отношения с Гервегом и пытавшегося убеждать Герцена не удерживать Наталью Александровну, навсегда оборвала их дружбу. «Моя дружба, мое знакомство с ним, — писал Герцен М. К. Рейхель 30 июня 1852 г., — кончены на веки веков. Кто тут не умел понять, в том не было ни искры души» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 339). Однако письменное общение с Сазоновым спустя несколько лет восстановилось.

[2] Болезнь и смерть Натальи Александровны не позволили Герцену осуществить свое намерение— побывать весной 1852 г. в Париже.

[3] *Сулук* — насмешливое прозвище Наполеона III, совершившего 2 декабря 1851 г. государственный переворот и захватившего власть. Негр Сулук (1782—1867), неграмотный и невежественный, в 1847 г. добился своего «избрания» в президенты республики Гаити, а затем, при помощи заговора и кровавой резни, заставил провозгласить себя императором.

[4] *Сестра* — Мария Ивановна Полуденская; в мае 1848 г. она возвратилась в Россию после полуторагодичного пребывания за границей. М. И. Полуденская оказывала постоянную материальную помощь Сазонову и его двум детям.

8

*Pour m-r Herzen**

(Париж. 6 сентября 1852 г.)

Любезный Герцен.

Мне сейчас сказали, что ты находишься в Париже[1]. Я надеюсь, что ты доставишь мне удовольствие видеть тебя. За что ты мной недоволен — я не знаю, но, во всяком случае, думаю, что лучше объясниться, нежели сердиться без причины. Я, с своей стороны, знаю, что ни в чем не изменил дружбе; понимаю, что и с твоей стороны ничто не могло нарушить наших давних сношений. Мне бы о многом хотелось поговорить с тобой, а о прошедшем, если будем говорить, то я надеюсь, что ты мной останешься доволен, а если тебе говорить не хочется, то забудем.

Искренне тебе преданный

С а з о н о в

6 сентября, понедельник
56, rue de Lorette

Без преувеличения — я тебя люблю от всей души, и если ты поверил каким-нибудь cancans **, то мне тебя жаль. Я могу тебе показать и такие cancans, которым я, однакоже, никогда не верил.

[1] Полученное Сазоновым сообщение о том, что в начале сентября 1852 г. Герцен находился в Париже, было неточно: Герцен пробыл в Париже с 20 по 24 августа, проездом в Лондон. О причинах недовольства Герцена Сазоновым см. в примеч. 1 к предыдущему письму.

---

* Для г-на Герцена (франц.).
** сплетням (франц.).

9

Paris, le 20 août 1855[1]

Прочитал твои книги, которые, наконец, получил от Франка, с особенным вниманием и с большим удовольствием. «Крещеная собственность» написана дельно и благородно, но зачем же ты печатаешь такие лишние и ненужные вещи, как «Емеля Пугачев» и «Видения св. Кондратия»[2]. Если их писал иностранец, то я не вижу пользы для России, а если русский, то он должен быть стар: это отголосок из времен чаадаевских, из которых мы давно вышли. На этот счет надо сказать несколько общих истин. В настоящее время мы (т. е. ты и я и вообще русские социалисты) не можем ни желать разрушения русской империи, ни помогать в этом полякам. А если поляки хотят, чтобы мы им помогали и действовали вместе, то первым условием для этого должно быть отвержение (полное и решительное) западной помощи. В таком случае, пожалуй, давайте разрушать русскую империю, но не для того, чтобы восстановить древнюю Польшу, а для того, чтобы заменить единство под деспотизмом единством в свободе, т. е. тесной славянской федерацией по племенам. Если это невозможно, то я, по любви к прогрессу, предпочитаю сохранение империи (в которой, по крайней мере, есть живучесть) восстановлению того, что само собой не могло удержаться и без чужой помощи не может встать. Кажется, ясно. Если ты этому не противен, то я для второго номера «Звезды», кроме статьи, которую обещал и которая почти готова, приготовлю еще другую: разбор двух книг о Польше, Мерославского и Рачинского[3]. Теперь наступило время настоящей и полезной деятельности для русских, и, если бы я не был убит работой для насущного хлеба, то делал бы гораздо более, но пока сил достанет все-таки не перестану трудиться.

О «Полярной звезде» я в «Athenaeum»[4] объявил.

Я думаю, ты уже получил два номера, которые я тебе послал. Русские стихотворения пришлю, как скоро успею их переписать: я намерен их перевести на французский. Зачем ты не ответил мне насчет Липперта? Я бы очень желал знать, что о нем думали в России. Знаешь ли ты, что он замешан был в деле Петрашевского? [5] Впрочем, он, повидимому, к нам хорошо расположен и даже берется твои публикации доставлять в Россию. Но он страшно Россию ненавидит.

Известие о нашем Огареве опечалило меня[6]. Для него несчастие, и несчастие материальное, ни к чему не нужно, он добр достаточно и нежен слишком. А знаешь ли ты, что он написал предикие стихи на Запад?[7] Впрочем, будь я в России — может быть, тоже бы написал.

Если у тебя «Юмор» [8] напечатан, то пришли мне, пожалуйста, но не публикуй: я думаю, для него опасно.

Жду «Полярной звезды» на адрес «Athenaeum».

[1] Письмо написано на печатном бланке редакции «Athenaeum français».

[2] «*Емеля Пугачев*» и «*Видения св. Кондратия*» — не совсем точные названия прокламаций В. А. Энгельсона, напечатанных в «Вольной русской типографии» в течение января—апреля 1854 г. Прокламации были проникнуты пораженческими настроениями, доведенными до нелепых и авантюристических выводов. Энгельсон призывал русских солдат встречать войска противника не как врагов, а «как помощников... для низвержения с ваших плеч гнета царя и чиновников его».

[3] Ни во второй книге «Полярной звезды», ни в последующих ее книгах статей Сазонова о Польше не оказалось. Никаких упоминаний об этих статьях нет и в переписке Герцена. Вероятнее всего, Сазонов не написал статьи и обещанного разбора книг о Польше, как не завершал он и многих других своих начинаний. Сазонов, повидимому, собирался писать о появившейся в 1855 г. работе польского публициста умеренно-либерального направления Р. Рачинского — «La justice et la monarchie populaire, par le comte R. R. Première partie. La guerre d'Orient». Paris, 1855, и о книге Л. Мерославского — «Poland, Russia and the Western Powers». Newcastle, 1855. В этих книгах проповедовались шляхетские великодержавно-националистические идеи. Вопреки решению Централизации Польского демократического общества Мерославский во время Крымской войны призывал к созданию польских легионов в соста-

ве турецкой армии, развивал бредовые планы вторжения англо-французских войск в Россию через Польшу и требовал, чтобы Россия была отеснена от берегов Черного и Балтийского морей.

[4] «*Athenaeum français*» — журнал, издававшийся в Париже при участии Сазонова.

[5] О Карле-Роберте *Липперте* см. в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 479—481. О близости Липперта к петрашевцам сведений в литературе не имеется.

[6] Сазонов говорит здесь о пожаре, уничтожившем 15 июня 1855 г. бумажную фабрику, принадлежавшую Огареву.

[7] Вероятно, Сазонов имеет в виду стихотворение Огарева «1849 год», вызванное крушением революции 1848 г. и реакцией, охватившей Европу (см. Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. М.—Л., 1937, стр. 157—158).

[8] «*Юмор*» — поэма Огарева. Впервые была напечатана (анонимно) отдельной книгой в 1857 г. в Лондоне.

БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г. ВО ФРАНЦИИ. РАССТРЕЛ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ В ПАРИЖЕ 8 ДЕКАБРЯ

«То, что не удалось революционерам 15 мая, белым днем, во имя свободы, то удалось Людовику-Наполеону и полицейским сыщикам темной ночью, во имя насилия. Республика пала, зарезанная по-корсикански, по-разбойничьи, обманом, из-за угла» («Письма из Франции и Италии». Письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.)

«Illustrierte Zeitung», № 445 от 10 января 1852 г.

10

⟨Париж. Начало мая 1860 г.⟩[1]

⟨...⟩* и заведшего против нас сильную интригу в министерстве), но Головин перед Долгоруким — золото, а ты решился Долгорукого поддерживать! Да ведь его книга — не книга, а памятная записка о людях, которые ему угождали или которые его презирали. Он превозносит гений шарлатана и подлеца Уварова, *честность* Тимашева и тому подобных и ругает многих почтенных людей. Всё по одной только личности. А конституционный бред его! Избави боже. И этот барин пишет *правду о России*. Да в одном нумере «Колокола» ее больше, чем на его четырехстах страницах. А не называет он людей по именам нисколько не из снисхождения, а из трусости[2]. Он обругал генерала Толстова вором, а когда тот потребовал удовлетворения, то он отрекся совершенно от своего обвинения и уверял, что в голове не имел намерения обидеть этого Толстова. Между тем нельзя сомневаться, что он именно этого разумел.

---

* Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

Вот тебе человек. Опять не подумай, что тут личность: он со мной был, напротив, очень любезен, и я даже жалел, что не мог пощадить его более, нежели на деле пощадил. (У него множество промахов, именно головинских и которые бы всю публику рассмешили.) По правде сказать, я боюсь, чтобы он (Долгорукий), прочитавши твой о нем отзыв, не причислил тебя к лику тех великих людей, которых он прославлял недавно в письме к «Русскому вестнику». Все: Кавур, Форини, Рикасоли, Пеполи, Мокар, Наполеон и проч.[3]

Еще слово о деле: дай мне только авторизацию получить — ты увидишь, как я поведу журнал[4]. Впрочем, если ты статьями о крестьянах[5] недоволен, то обращаю внимание твое на статьи: «Une soirée russe»[6], «О царевиче Алексее»[7], «О Тургеневе»[8] и, наконец, о самом Долгоруком, в которой, мне кажется, довольно ясно высказана разница между либеральными аристократами и настоящими радикалами[9]. Я бы очень желал всегда в важных случаях соглашаться наперед с тобой и с Огаревым. Как скоро мы получим разрешение, то кто-нибудь из нас (Рюмин или я) приедет в Лондон с вами повидаться. Рассказать есть о многом; мы также получаем немалое количество сведений о России. Недавно был у нас барон Данилевский, который рассказывал кучу интересного, но он и к тебе хотел заехать[10].

В случае удачи, т. е. авторизации, вы нам можете помочь и лондонскими сношениями. Жеребцов, о котором я спрашивал, — автор «Civilisation en Russie»[11]. Он к тебе питает симпатию и просил у меня твоего адреса. С ним поговорить интересно, знает много Россию.

Поклон тебе и Огареву.

Н. Сазонов

[1] Дата определяется содержанием письма.

[2] Речь идет об отзыве Герцена на книгу П. В. Долгорукова «La vérité sur la Russie» (Paris, 1860), помещенном в «Колоколе», л. 70 от 1 мая 1860 г. В книге Долгорукова большинство собственных имен скрыто под инициалами.

Герцен писал в своем отзыве: «Князь Долгоруков хорошо делает, что печатает по-французски (...) Но зачем же автор лишил своих героев имен? Мы любим их во всей их конкретности, с их именем и отчеством, с их волом и ослом, с их чином, ростом, кавалериями, фамилией и Топильским. Помилуйте, чего их жалеть!» (X, 301).

[3] Сазонов имеет в виду статью Долгорукова «Из Парижа», помещенную в № 1 «Русского вестника» за 1860 г. В этой статье Долгоруков описывал свою поездку в Италию и встречи с разными итальянскими деятелями.

[4] Речь идет о «Gazette du Nord», характеристику которой см. во вводной статье.

[5] Сазонов имеет в виду цикл своих статей «De l'émancipation des serfs en Russie», печатавшихся в «Gazette du Nord» за его подписью (№ 13 от 31 декабря 1859 г. и №№ 1, 3, 4, 7, 9 от 7, 21, 28 января, 18 февраля и 3 марта 1860 г.). Об этом публицистическом цикле Сазонова см. вводную статью.

[6] Статья Сазонова «A propos d'une soirée russe à Paris» («Gazette du Nord», № 12 от 24 декабря 1859 г.) была посвящена инциденту, происшедшему с ним во время благотворительного вечера 17 декабря 1859 г. в пользу нуждающихся русских в Париже. Организатор этого вечера, французский журналист Ferri de Pigny (другим организатором был священник русского посольства в Париже, агент III Отделения Васильев), пригласил Сазонова выступить на вечере, но в последний момент выступление было отменено некиим лицом, повидимому служащим русского посольства, заявившим, что выступление Сазонова, человека, «проникнутого революционными тенденциями и неспособного произнести иную речь, кроме политической», нежелательно. В своей статье Сазонов выражал возмущение тем, что его заподозрили в намерении произнести политическую речь на благотворительном вечере, «где большинство должны были составлять дамы», и излагал содержание предполагавшегося выступления. Центральной темой было восхваление предстоящей отмены крепостного права и благородных намерений царя и дворян. В своей статье Сазонов по сути дела отрекался от звания революционера. Он пустился в двусмысленные рассуждения о том, что революционерами были все, кто возвещал какую-либо истину раньше, чем ее стали признавать массы,—Декарт и Лейбниц, Ньютон и Петр Великий, — и кончил следующим изложением характера своей революционности (manière d'être révolutionnaire): «Я предпочитаю, конечно, свободу — рабству, право — произволу, законный порядок — личному капризу, прогресс — застою, науку — предрассудкам; короче говоря, я предпочитаю Александра II —Ивану IV. Вот в каком смысле я революционер». Таким образом, данная статья

Сазонова, как и все обстоятельства его участия в благотворительном вечере под покровительством царского посольства в Париже, были выразительным свидетельством отречения Сазонова от революционного прошлого, превращения его в либерала.

[7] Статья Сазонова «La Russie ancienne et la Russie moderne» («Gazette du Nord», № 15 от 14 апреля 1860 г.) была написана по поводу выхода в свет IV тома работы Устрялова «История Петра Великого»; в статье были подвергнуты разбору материалы о суде над царевичем Алексеем, содержащиеся в «Истории».

[8] Статья Сазонова о И. С. Тургеневе была напечатана в «Gazette du Nord», № 13 от 31 марта 1860 г. (за подписью S.S.D.R). См. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 188—194.

[9] Сазонов ссылается на свою статью «La vérité sur la Russie, par le prince Pierre Dolgoroukow», опубликованную в «Gazette du Nord», № 16 от 21 апреля 1860 г. Сазонов упрекал Долгорукова в том, что он выпустил поверхностную, несерьезную работу о России в такое время, когда страна переживает «момент серьезной и глубокой революции». Автор, по утверждению Сазонова, заполнил свою книгу анекдотами и утопическими проектами и едва коснулся двух самых крупных зол русской жизни — крепостничества и системы народного образования. Сазонов указывал в своей статье, что Долгоруков мотивирует освобождение крестьян лишь «государственными интересами», обходя то обстоятельство, что немедленное освобождение крестьян является «условием, предписываемым российской империи необходимостью ее сохранения»; лондонский «Колокол», указывал в своей статье Сазонов, опубликовал достаточно много фактов такого рода. В этих упреках по адресу Долгорукова Сазонов усматривал радикализм своей позиции.

Другим свидетельством своего радикализма Сазонов, как видно, считал упреки Долгорукову по поводу того, что тот обходит вопрос о связи между бюрократией и крепостниками-помещиками. «Бюрократия, значение которой в русской жизни вы преувеличиваете, — писал Сазонов в своей статье, — заимствовала самые мерзкие свои злоупотребления у рабства... и она не сможет пережить его уничтожения».

Однако ни ссылка на «Колокол», ни нападки на крепостничество еще не доказывали, что статья Сазонова вскрыла «разницу между либеральными аристократами и настоящими радикалами». «Радикальные» идеи этой статьи не выходили из рамок позиции либерального помещика. Сазонов порицал Долгорукова за комплименты и похвалы по адресу графа Уварова, но возмущался тем, что Долгоруков называет реакционерами генерала Я. Ростовцева и членов его комитета по крестьянским делам и не признает «заслуг покойного генерала», чем обнаруживает якобы «отсутствие чувства справедливости и серьезной привязанности к благу своей страны». Защищая, в этой косвенной форме, крепостнические проекты Главного комитета по крестьянским делам, Сазонов вместе с тем, как указывалось во вводной статье, отвергал выдвинутое в книге Долгорукова требование конституции и фактически объявлял Россию не созревшей для этого требования. В заключение Сазонов сменял критический тон на хвалебный, рекомендовал читателю некоторые «превосходные» места из книги Долгорукова и уверял, что если бы Долгоруков серьезно поработал над собранными им материалами и документами «в свете тех теорий и новых исследований, которые ежедневно проводятся в нашей стране с тех пор, как император Александр открыл эру свободы»,—он оказал бы большую услугу России. Такой вывод начисто стирал следы «разницы» между либеральным аристократом и радикалом, на определение которой ссылался Сазонов в этом письме к Герцену.

[10] Вероятно, речь идет о писателе Г. П. Данилевском, к этому времени уже приехавшем в Лондон. См. письмо к нему Герцена от 1 мая 1860 г. (X, 302). Непонятно, однако, почему Сазонов титулует Данилевского «бароном».

[11] Николай Арсеньевич *Жеребцов* (1807—1868) — реакционный публицист, впоследствии виленский губернатор; автор ретроградной книги «История цивилизации в России», вышедшей в 1858 г. в Париже на французском языке и вызвавшей две критические статьи Добролюбова. Сазонов же в своих статьях «Об освобождении крепостных в России» часто ссылался на эту книгу в самом положительном смысле.

МАРК-АВРЕЛИЙ САФФИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Известный деятель итальянского освободительного движения Марк-Аврелий *Саффи* (1819—1890) принадлежал к числу близких друзей Герцена и его семьи. Они сблизились в Лондоне, куда Саффи эмигрировал после поражения революции 1848—1849 гг.

В «Былом и думах» и письмах Герцена встречается немало сочувственных характеристик Саффи, свидетельствующих о неизменной симпатии Герцена к этому человеку, «чище и проще» которого он «не встречал натуры между не-русскими» (XIII, 346).

Со своей стороны, Саффи, по свидетельству Мальвиды Мейзенбуг, «любил Герцена с детской нежностью и с восхищением внимал ему, когда он сверкал богатством своих мыслей и горячим темпераментом своим увлекал слушателей в различные сферы мышления» («Воспоминания идеалистки». М.—Л., 1933, стр. 276).

Публикуемое письмо Саффи вызвано было намерением двадцатилетнего сына Герцена Александра вступить в ряды гарибальдийцев-«краснорубашечников» и принять участие в боях за освобождение Италии. Этому, однако, не суждено было осуществиться: Неаполь, занятый в сентябре 1860 г. революционной гарибальдийской армией, вскоре перешел в руки сардинских королевских войск, и 21 октября того же года было объявлено о присоединении всей освобожденной южной Италии к Сардинскому королевству.

Героическая армия «краснорубашечников» была распущена; сам Гарибальди вынужден был покинуть освобожденную страну и поселиться на острове Капрера. Герцен писал по этому поводу в «Былом и думах»: «...он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции» (XIV, 514).

Письмо печатается по автографу Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ф. 342, ед. хр. 58).

Перевод с французского:

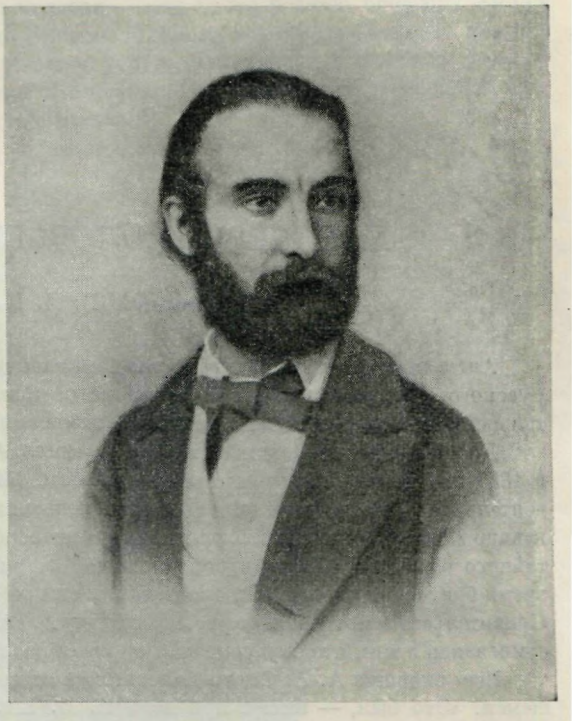
Ливорно. 20 сентября 1860 г.

Дорогой Герцен,

Ваше письмо [1] и решение Александра приехать в Неаполь очень порадовали меня, тем более, что я, вероятно, мог бы этому способствовать. Завтра я отправляюсь в Неаполь по приглашению самого Гарибальди, через его главного секретаря Бертани [2].

Он хочет собрать вокруг себя всех независимых патриотов, которые могут помочь ему в разрешении итальянского вопроса в желаемом направлении. Я напишу вам снова тотчас же после того, как повидаюсь с Гарибальди. Я передам ему о намерении вашего сына и ваше письмо по этому поводу. Уверен, что Гарибальди будет очень рад принять его.

МАРК-АВРЕЛИЙ САФФИ
Фотография, 1850-е гг.
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва



Передайте Александру, что если он решится приехать, я сделаю для него все, что будет в моих силах.

Я очень рад, что еду в Неаполь. Именно там создан истинный центр итальянской революции, именно там решатся судьбы Италии. Если будете писать мне теперь, то пишите на конверте следующий адрес:

Г-дам братьям Батто, Пьяцца де Грани, 3, Ливорно и мое имя: для *Аврелия* — внутри.

Письма будут мне вручаться незамедлительно.

Мои дружеские пожелания Огареву.

Нина [3] кланяется вам обоим. Верьте искренней дружбе вашего

А. Саффи

[1] Это письмо Герцена к Саффи неизвестно.

[2] Агостино *Бертани* (1812—1886) —врач-хирург и литератор, гарибальдиец. См. о нем — VII, 82—84.

[3] *Нина* — жена Саффи, англичанка.

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Александр Александрович *Серно-Соловьевич* (1838—1869) — выдающийся деятель русского революционно-демократического движения, один из виднейших и влиятельнейших представителей «молодой эмиграции».

Дворянин по происхождению, он окончил Александровский лицей в Петербурге в 1857 г. и вместе со своим старшим братом, Николаем Александровичем, принимал деятельное участие в революционном движении начала шестидесятых годов. Александр Александрович был близок к Чернышевскому и являлся одним из организаторов тайного общества «Земля и воля». В 1862 г. он уехал за границу. Через некоторое время брат его Николай был арестован, и сам он оказался привлеченным к делу брата. Правительство потребовало возвращения А. А. Серно-Соловьевича на родину. Не сомневаясь в том, что ему угрожает суровая расправа, он решил остаться за границей.

Все знавшие А. А. Серно-Соловьевича отзывались о нем, как о человеке выдающемся. «Это был, — пишет про него Н. В. Шелгунов, — человек кипучей энергии, горячий, скорый, смелый и очень умный» (Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П., 1923, стр. 158).

Революционная деятельность А. А. Серно-Соловьевича за границей и отношения его с Герценом освещены в наших статьях: «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении» («Исторический сборник Института истории Академии Наук СССР», вып. 5, М. — Л., 1936) и «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941), а также в публикациях Ф. Фрейденфельда «Листовка А. А. Серно-Соловьевича против Н. П. Огарева» (там же) и О. К. Булановой-Трубниковой «Пятнадцать неопубликованных писем с приложением записки А. А. Серно-Соловьевича об его имущественном положении» («Звенья», V, 1935).

Отсылая читателей, желающих познакомиться подробнее с жизнью и деятельностью Серно-Соловьевича, к перечисленным работам, остановимся кратко на вопросах, затронутых в публикуемом ниже письме его к Огареву.

За границей Серно-Соловьевич находился в весьма тяжелом материальном положении. Оно осложнялось болезнью, принявшей особенно острый характер весной 1865 г. и заставившей друзей поместить Серно-Соловьевича в специальное лечебное заведение.

Что касается его литературной деятельности, то она была крайне ограниченной. Выступать с самостоятельными литературными работами Серно-Соловьевичу удавалось редко. Доступ в легальные русские журналы был для него почти совершенно закрыт. Так, например, попытка его напечатать в «Деле» в 1862 г. статью «На новый год» не увенчалась успехом.

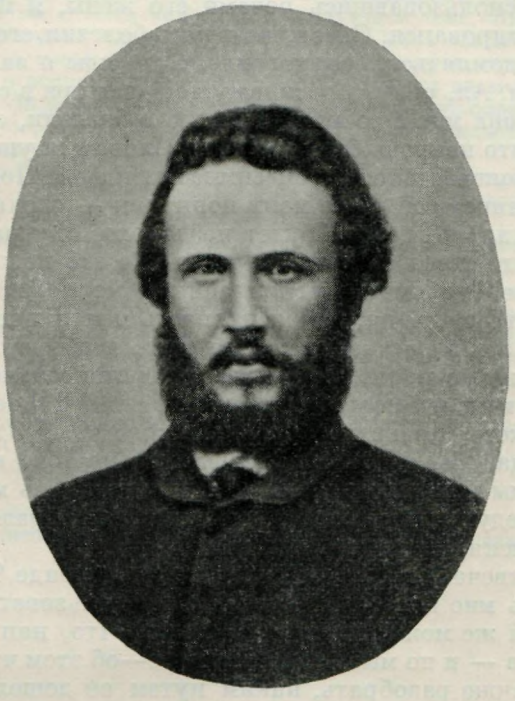
Неосуществленным оказалось и его намерение написать учебник русской литературы, о котором идет речь в печатаемом ниже письме.

Дату письма можно уточнить без особых затруднений: в письме цитируется IV часть «Былого и дум», вышедшая в 1867 г.; следовательно, письмо не могло быть написано ранее этого года; упоминание о В. И. Касаткине, умершем 10 декабря того же года, доказывает, что письмо написано не позже 1867 г.

Дата письма очень существенна: она дает возможность установить, когда именно возобновились прерванные отношения между Серно-Соловьевичем и Герценом и Огаревым. Напомним, что менее чем за год перед этим Серно-Соловьевич выпустил резкую листовку «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“», направлен-

ную против Огарева, и менее чем за полгода — еще более резкую брошюру «Наши домашние дела», направленную против Герцена. Письмо, в котором Серно-Соловьевич обращался к Огареву с просьбою о дружеской услуге, показывает, что острота во взаимоотношениях между ним и издателями «Колокола» начала уже смягчаться. Это придаст особый интерес публикуемому ниже письму.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 172).



А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ
Фотография, 1860-е гг.
Воспроизводится по фототипии
Исторический музей, Москва

⟨Женева, 1 ноября 1867 г.⟩

Позвольте обратиться к вам, Николай Платонович, с просьбою, по поводу которой я считаю нужным войти в некоторые объяснения. Мне очень хочется заняться составлением учебника русской литературы как для уроков здесь, так и для напечатания в России; к тому же уроки вообще и русского языка в особенности — почти единственное средство к жизни [1]. Меня хотя и выгнали из двух домов на прошлой неделе, но это ничего не значит. Для составления учебника нужен материал, т. е. книги, а их можно достать только у Касаткина. Теперь вам, вероятно, более или менее понятна моя просьба. Она состоит в том, чтобы вы сказали Касаткину, что задумали составить учебник русской литературы и потому чтобы он дал вам полнейшую возможность пользоваться его библиотекой, т. е. брать книги на дом. Назвать меня, значило бы заранее пресечь всякий путь в его сокровищницу [2], так как наши посольства отозваны. Причина, бывшая поводом к нашим враждебным отношениям, очень неинтересна, — я говорю поводом, потому что к нам двум можно с полным правом применить гл. XXXVII 4-го тома «Былого и дум», где я,

конечно, играю роль австрийцев, а он — итальянцев: действительно, глядя на нас двух, можно сказать: «Не рано ли вы, братья, заговорили о солидарности, братстве и прочих очень милых вещах?» [3] Вы знаете, может, что, когда мне буквально нечего было есть, он пригласил меня к себе, за что я ему и поднесь очень благодарен. Прожив у него неделю (за что ему, впрочем, подарил 14 томов Шлоссера [4]), я вполне узнал и родину свою, и Апраксин двор, и самодуров Островского, и темное царство гениального Добролюбова. Воспользовавшись родами его жены, я поблагодарил его за хлеб-соль и ретировался. Затем, во время болезни его жены, я приходил раза два осведомляться о ее здоровье. Однажды я зашел к ним после обеда и, застав Ел. Ал. одну, просидел у ней часа три в самой дружеской беседе. Говорила она мне о тоске по России, о болезни, о том, что ходить не может, о том, что непрочь бы и умереть. Словом, я ушел с очень тяжелым чувством и полный юношеской симпатии к ней. Под влиянием этих впечатлений я и написал ей — по моим понятиям — очень милую записку, в которой предлагал, когда она будет нездорова, скучна и одна, присылать за мной в виде чтеца ей русских книг. На это послание сам Касаткин отвечал мне письмом, исполненным мордобития. Разумеется, я уж ничего не отвечал, зная, какая пропасть между нашим воспитанием и развитием. Все это я рассказываю для того, чтобы объяснить вам, что иначе моего дела не устроить, как если он действительно будет убежден, что книги нужны вам, что составляете учебник вы. О моей педантической аккуратности можете справиться у Чернецкого [5]⟨...⟩ Этим я хочу сказать, что возвращал бы книги в совершенной чистоте и в назначенный день. К тому же мы могли бы условиться, в какой день менять книги. Но считаю долгом предупредить вас, что книги нужны разом в порядочном количестве. Вы меня обяжете ответом.

Я ничего не отвечаю А. И. на его записку о фонде [6], собственно потому, что отвечать мне нечего. Я могу только пользоваться фондом, следовательно, какой же мой голос в этих делах? Что, например, Черкесов был кругом неправ — и по мысли, и по манере—об этом что же и говорить; но ведь должно также разобрать, каким путем он дошел до того, что позволил себе подобную выходку [7]. Пожалуйста, поймите мои слова: я совсем не защищаю самый факт, я только хочу сказать, что по отдельному, выхваченному факту нельзя судить о деле. Да хоть бы моя история и Касаткина. Разумеется, что от него несет лабазом и гостиным двором, но разумеется также, что тот же лабазник не позволил бы себе того, что он позволил, если б в наших отношениях вообще не было крайней натянутости. Или хоть другой пример — Элпидин [8]. Мое мнение, что он дурак, он принял и проводил меня матушкой, он, наконец, написал в Россию, что я подличаю перед редакциею «Колокола», которой продал себя за корректуры. А я все-таки скажу, что Элпидин — человек последовательный и что в нем есть хорошая жилка, есть то, что называется *сила*, но которая приняла безобразное направление, вследствие милых отношений, господствующих между русскою эмиграциею. Но эта объективность воззрений и суждений составляет одну из главных черт нашего поколения. Вообще, если мне не придется убить себя, когда-нибудь напечатают и мои записки [9], в которых русской эмиграции принадлежит большой отдел. За отсутствием художественной артистичности и фантазии, в них много психического анализа и сухой действительности.

Еще раз, Николай Платонович, вы меня очень обяжете, если дадите возможность пользоваться книгами этой «собаки на сене». Эти слова не мои, а Крылова.

Ваш С е р н о - С о л о в ь е в и ч

1 ноября
Savoises 502

[1] Привести в исполнение свое намерение Серно-Соловьевичу не удалось. Отметим, кстати, что им был приготовлен и издан немецкий учебник русского языка, выдержавший несколько изданий.

[2] Отношения между Серно-Соловьевичем и другими представителями «молодой эмиграции», с одной стороны, и В. И. Касаткиным, с другой, отличались чрезвычайной враждебностью. Касаткин был известным библиофилом и владельцем весьма ценной библиотеки, которую он, эмигрировав из России, сумел переправить в Женеву. После смерти Касаткина библиотека его была приобретена фельдмаршалом кн. Барятинским и в настоящее время находится в составе Государственной исторической библиотеки в Москве. Подробнее о Касаткине см. в следующем томе «Лит. наследства».

[3] В кавычках приведена неточная цитата из XXXVII главы IV тома «Былого и дум». Рассказывая о своей поездке по Гардскому озеру на австрийском пароходе «Князь Радецкий» и о неприкрытой враждебности ехавших на этом пароходе итальянцев к австрийским офицерам, Герцен писал: «Не рано ли так опрометчиво толковать о солидарности народов, о братстве и не будет ли всякое насильственное прикрытие вражды одним лицемерным перемирием?» (XIII, 360).

[4] Фридрих-Христофор *Шлоссер* (1776—1861) — немецкий историк. Речь идет о его «Всемирной истории»; она переводилась на русский язык сперва под редакцией Н. Г. Чернышевского, а после его ареста — В. А. Зайцева.

[5] См. в следующем томе «Лит. наследства» публикацию писем Л. Чернецкого к Герцену и Огареву.

[6] Речь идет об «Общем фонде», созданном при редакции «Колокола».

[7] Об А. А. *Черкесове* см. в настоящем томе, стр. 130. Черкесов был товарищем А. А. Серно-Соловьевича по Александровскому лицею и одним из его ближайших друзей. О какой провинности Черкесова перед Герценом говорится в письме, определить трудно. Еще в августе 1865 г. Черкесов возвратился в Россию. Таким образом, речь идет об эпизоде, относящемся к прошлому. Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Герцен, когда в июне 1865 г. писал сыну: «Скажи Огареву, что я Ч(еркесова) пробирал всем на свете—смеялся над ним, ругался,— ничего, как к стене горох. *Но деньги он отдаст*, за это отвечаю и я, даже в случае смерти, — он сделал распоряжение» (XVIII, 153).

[8] О М. К. *Элпидине* см. ниже, в разделе «Аннотации».

[9] Судьба этих записок А. А. Серно-Соловьевича остается неизвестной.

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ ДОКУМЕНТА О ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В СИБИРИ*

Среди документов «пражской коллекции» хранится половина почтового листка, оторванная по сгибу. Это письмо, конспиративный характер которого несомненен. Документ не имеет обычных опознавательных признаков — нет обращения к адресату, нет даты, в тексте не упоминаются фамилии, которые могли бы пояснить связи пишущего или адресата. В письме встречаются слова и целые предложения, имеющие иносказательный, «эзоповский» смысл, да и в целом письмо зашифровано. В конце подписи нет, но в текст, за две-три строки до его окончания, вставлено слово Neros, которое при ближайшем рассмотрении оказывается анаграммой первой части фамилии Серно-Соловьевич: Neros — *Серно*. Эта фамилия принадлежит двум выдающимся деятелям русского революционно-демократического движения, публицистам и журналистам шестидесятых годов — братьям Николаю Александровичу (1834—1866) и Александру Александровичу (см. выше). Вопрос о том, кто именно из них является автором анализируемого документа, решается сразу, благодаря указанию, содержащемуся в тексте. Слова: «пенсильванская система» (т. е. система одиночного заключения) и «в клетке ничего не поделаешь» не оставляют сомнения в том, что пишущий находился в суровейшей тюрьме. Этой участи подвергся Николай Александрович: 7 июля 1862 г., в один день с Чернышевским, он был заточен в Петропавловскую крепость и оставался в «клетке» Алексеевского равелина, в каземате № 16, до 5 июня 1865 г., когда был переведен в пересыльную тюрьму для следования по этапу в Восточную Сибирь на поселение (см. «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 425; ср. XVIII, 169). Сличение почерка записки с автографом Николая Серно-Соловьевича подтвердило, что она написана его рукой.

В истории Петропавловской крепости сравнительно редки случаи конспиративной передачи на волю сведений от заключенных, и самый факт существования конспиративной и в высшей степени содержательной записки, доставленной из равелина на волю, свидетельствует о недюжинной энергии замечательного деятеля, сумевшего пробить толстые стены своей тюремной гробницы.

Вопрос об адресате письма сомнений не вызывает — письмо обращено к Герцену и Огареву. Об этом свидетельствует не только тот факт, что документ сохранился в бумагах Герцена и Огарева, но и многие строки письма. «*Если видаете Осипа — самый горячий поклон*», — пишет Серно-Соловьевич, используя конспиративное наименование Джузеппе Маццини, принятое в переписке Герцена и Огарева. «*Если мой тезка с вами — жму ему руку и благословляю*», — пишет он строкою выше. Слова эти могут относиться только к одному лицу — Николаю Утину, бежавшему в мае 1863 г. за границу и опубликовавшему в «Колоколе» известие о своем спасении. В той же заметке Утина была выражена благодарность Центральному комитету за оказанную помощь. К Серно-Соловьевичу, как к члену Центрального комитета, Утин был особенно близок,

---

* В анализе и расшифровке конспиративного письма Н. А. Серно-Соловьевича из Алексеевского равелина в Лондон принимали участие А. Р. Григорян (установивший автора письма), Я. З. Черняк и другие исследователи. Материалы об участии Н. А. Серно-Соловьевича в подготовке вооруженного восстания в Сибири сообщены Н. Д. Шулуновым. Наблюдения, сделанные названными лицами в процессе изучения документов, сведены воедино редакцией «Лит. наследства». — *Ред.*

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Фотография, конец 1850—начало 1860-х гг.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

и потому вполне естественно, что Серно-Соловьевич, руководивший Утиным, мог «благословить» младшего товарища, т. е. одобрить его побег и сотрудничество с редакторами «Колокола».

Явно обращены к Герцену и Огареву и объяснения того, какую тактику избрал при допросах Серно-Соловьевич. Основным обвинительным материалом против него в руках следователей были: известное письмо Огарева с припиской Герцена, письмо Герцена и письма В. И. Кельсиева (захваченные при аресте П. А. Ветошникова). Обвиняемый сперва (в октябре—декабре 1862 г.) отказался признать эти письма в качестве адресованных ему, когда же отрицание сделалось недостаточным, он стал настаивать на своих расхождениях и разногласиях с Герценом, начал доказывать, что Герцену не удалось организовать пропаганды из Лондона, что «никакой пропаганды не было в течение пятилетнего существования в Лондоне русского печатания». Серно-Соловьевич «доказывал» даже, будто в России Герцен так и не нашел корреспондентов. «Сколько мне известно, — писал Серно-Соловьевич, — Герцен никогда не мог убедить ни одного человека взять на себя труд постоянного сообщения известий». Все эти «доказательства» призваны были внушить сенату, что «о каких-либо политических замыслах не было и речи», что никакой революционной деятельностью ни обвиняемый, ни лондонские изгнанники не занимаются, относясь якобы отрицательно к «насильственному изменению порядка» (все цитаты взяты из первого «прошения» Серно-Соловьевича, от 12 января 1864 г.; оно опубликовано, как и два других «прошения», в книге М. К. Лемке «Очерки освободительного движения „шестидесятых годов“». СПб., 1908, стр. 190—191).

Представляя в прошениях, поданных в начале 1864 г. в сенат, себя самого, а также Герцена и Огарева в столь мирном свете, Серно-Соловьевич пытался скрыть от следствия действительное содержание их совместной деятельности. Однако, умышленно искажая свои истинные отношения с вождями революционной эмиграции, Серно-Соловьевич должен был считаться с тем, что в провокационных целях власти могли представить его показания как «ренегатские», могли пустить слух о его «отходе» или «отречении» от революционной партии. Предупредить подобные слухи, разъяснить тактику самообороны, к которой он вынужден был прибегнуть, — вот в чем одна из существенных целей конспиративного письма.

О тактике и поведении Серно-Соловьевича на допросах говорится в следующем месте публикуемого письма:

«С вами поступил не так, как бы хотел, да нечего делать. Пришлось быть Камнем, чтоб не сделаться Осинником. Были и такие; только я от петухов не плачу, а гадов [придавливаю] отпихиваю ногой».

Камень — по-гречески Петр. Речь идет об евангельском Петре, который, согласно легенде, трижды в течение ночи («еще до того как пропел петух») отрекся от своего учителя. *«Чтоб не сделаться Осинником»*, — пишет Серно-Соловьевич, т. е. чтобы, подобно Иуде, не сделаться предателем (Иуда, по преданию, повесился, после совершенного предательства, на осине). Итак, ясно, о чем говорит Серно-Соловьевич: он вынужден был отрицать свою близость с Герценом и Огаревым, чтобы вызволить из тяжелого положения десятки привлеченных к делу лиц, не выдать их открытым признанием своей связи с Лондоном.

Благодаря этому месту письма становятся вполне понятными многие тактические приемы, примененные Серно-Соловьевичем на последнем этапе следствия, в январе — марте 1864 г. и ранее смущавшие историков, — некоторые его показания и прошения. Тем самым определяется и приблизительная дата письма. Оно не могло быть написано ранее начала 1864 г., когда Серно-Соловьевич вынужден был признать, что находился в сношениях с Герценом и Огаревым. До конца 1863 г. он держался в этом и других вопросах тактики полного запирательства.

«Были и такие», — говорит Серно-Соловьевич, имея в виду отдельных участников того же «дела», в первую очередь, вероятно, А. И. Ничипоренко и Н. Ф. Петровского, которые проявили преступное малодушие и дали следствию откровенные показания, погубившие многих. Выражение *«от петухов не плачу»* подчеркивает этот вынужденный и тактический характер «отречения» Серно-Соловьевича от близости с Герценом и Огаревым, отречения не действительного, а мнимого: Петр, согласно евангелию, запла-

кал, когда пропел петух,—подавленный мыслью о том, что он отрекся от учителя («И вышед вон плакася горько»). Слова *«гадов отпихиваю ногой»* относятся, как мы полагаем, не только к упомянутым «сопроцессникам» Серно-Соловьевича, проявившим на следствии слабость, но, прежде всего, к представителям следственных властей, пытавшимся весьма гнусными средствами воздействовать на обвиняемых, чтобы добиться «откровенных показаний». Как известно, обвиняемым было обещано специальным указом царское помилование за «раскаяние и готовность способствовать к открытию преступлений» (М. К. Лемке. Очерки..., цит. изд., стр. 183). *«Морят, думаю, по 2-м причинам: из политики, чтоб не поднимать лишнего шума, и в надежде пронюхать что-нибудь от новых жертв»*. Это место показывает, что записка была послана в тот период заключения, когда допросы и расследования, касавшиеся всех арестованных в 1862 г., закончились и дело вошло во вторую стадию — весьма медленную — в стадию добывания новых данных и «юридических» доказательств: их было недостаточно не только в «деле» Чернышевского, но и в «деле» Серно-Соловьевича. После марта 1864 г. фактически прекратилось какое-либо движение судебного дела. Эта «пауза» («морят из политики»), преднамеренно затянутая, чтобы об арестованных успели на воле основательно забыть, чтобы судьба их оказалась заслоненной новыми событиями, чтобы в тени можно было легче совершить свое темное дело, в основном приходилась на конец 1863 и на 1864 г.

Горькие и страстные слова: *«Гибель братьев разрывает мне сердце ⟨...⟩ Лучшие из нас — молокососы перед ними...»* — привлекают особенное внимание. Можно без колебания утверждать, что здесь идет речь о деятелях польского освободительного движения, погибавших в это время в результате завершавшегося разгрома восстания 1863 г. Очевидно, до казематов равелина дошли вести о беспримерных по своей кровавой жестокости усмирительных подвигах Муравьева-Вешателя в Литве и Белоруссии и генерала Берга в Польше. Крик боли и гнева исторгает из груди честнейшего революционера не только гибель выдающихся польских и русских деятелей — братьев по борьбе. Его взволновала и бесстыдная, подлая, направленная против этих людей клевета. Они — эти герои восстания — не только были физически истреблены, но имена их были затоптаны в грязь, они были облиты ядовитою ложью, реакции удалось восстановить против них значительные массы русского народа. Была организована кампания подачи «всеподданнейших адресов» с требованиями наказать «возмутителей», кампания, в которой участвовали не только дворяне — крепостники, либералы, чиновники и пр., но и купцы, мещане, зажиточные слои деревни, сельская администрация и т. д. Адреса подавались не только «сословиями», но и целыми обществами, приходами, старообрядческими согласиями, сектантами. Герцен назвал эту кампанию «адресоложеством», Огарев в «Общем вече» несколько раз выступал со статьями, разъяснявшими крестьянам смысл этой «патриотической» свистопляски (см. его статью «Выкликание духов» в № 16 от 15 мая 1863 г.; см. также №№ 15 и 17). Из-под пера Серно-Соловьевича срываются страшные упреки «толпе», покорно следующей за шовинистическим знаменем. Подобно Чернышевскому, который с глубокой трагической болью и чувством настоящей любви к родине говорил о духе рабства, владевшем массами народа, Серно-Соловьевич говорит о том же, но словами еще более резкими: он называет состояние народа *«безмозгло-подлым»* и спасается от отчаянья лишь верой *«в его будущность»*.

Серно-Соловьевич — сильный революционный диалектик. Говоря о будущности русского народа, в которую он горячо верит, он пишет: *«Но и для нее теперь гораздо более могут сделать глупость и подлость, чем ум и энергия,—к счастию, они у руля»*. Тут в парадоксальной форме развита мысль, высказанная им же еще в известной статье «Ответ „Великоруссу“» («Колокол», л. 107 от 1 октября 1861 г.). «Тупость самодержавия, — писал Серно-Соловьевич тогда, — послужила впрок, обратив против него силу, которая могла бы поддержать его ⟨...⟩ Правительственные сумасшествия, чиновничьи грабежи, помещичьи зверства не замедлят превратить его ⟨нелегальный союз, поддержанный народом. — *Ред.*⟩ в глыбу».

Итак, подвергнув анализу некоторые места письма, мы пришли к заключению, что адресовано оно Герцену и Огареву, написано в первой половине 1864 г. и, наконец,

что оно затрагивает сложные вопросы революционного движения шестидесятых годов.

Письмо, сохранившееся в «пражской коллекции», отнюдь не является первой вестью о Серно-Соловьевиче, дошедшей до Герцена после ареста выдающегося революционера и заключения его в крепость. У нас есть основания утверждать, что разными путями и из разных источников в Лондон еще до получения письма от Серно-Соловьевича доходили довольно верные, а иногда и совершенно точные известия о нем и о других заключенных. Так, например, 15 ноября 1862 г. В. И. Касаткин, получив известия из России, писал Герцену из Женевы в Лондон: «Первый допрос С⟨ерно⟩-С⟨оловьевича⟩ был в конце прошлого месяца*. Он бодр духом и спокоен донельзя; *судя по его письмам из крепости,* для обвинения его и Чернышевского велено составить выдержки из их печатных произведений» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 53). В подчеркнутых нами словах речь, очевидно, идет о тех конспиративных письмах, которые Серно-Соловьевичу удалось каким-то способом посылать из крепости.

Известно, что Серно-Соловьевичу разрешено было вести переписку с братом Владимиром Александровичем, причем переписка эта просматривалась комендантом крепости. Разрешены были и свидания с братом. Весьма возможно, что Серно-Соловьевич воспользовался именно этими свиданиями, чтобы завязать конспиративные связи с волей. Н. Ф. Бельчиков, обследовавший переписку Н. А. Серно-Соловьевича 1862—1865 гг., указал на конспиративный характер части переписки, хотя и неверно назвал в качестве адресата этих писем Н. В. Шелгунова (см. «Неизданные стихотворения Н. А. Серно-Соловьевича» — «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 424).

Н. А. Серно-Соловьевич вел из крепости переписку также и с братом Александром, уехавшим за границу и оставшимся в эмиграции. В специальном документе, составленном в 1864 г. для родных, А. А. Серно-Соловьевич рассказал об этих сношениях, причем сообщил, что брат его воспользовался для ведения переписки свиданиями с А. А. Рихтером (управлявшим книжным магазином Серно-Соловьевича). А. А. Серно-Соловьевич располагал, как он сообщает, сведениями, «собранными ⟨...⟩ из различных источников — между прочим из писем Николая, писанных из крепости и пересланных мне г. Р⟨ихтером⟩...» («Звенья», III, 1935, стр. 412).

Приведенные данные позволяют высказать предположение, что публикуемое письмо было переслано Герцену и Огареву тоже через посредство А. А. Рихтера и А. А. Серно-Соловьевича.

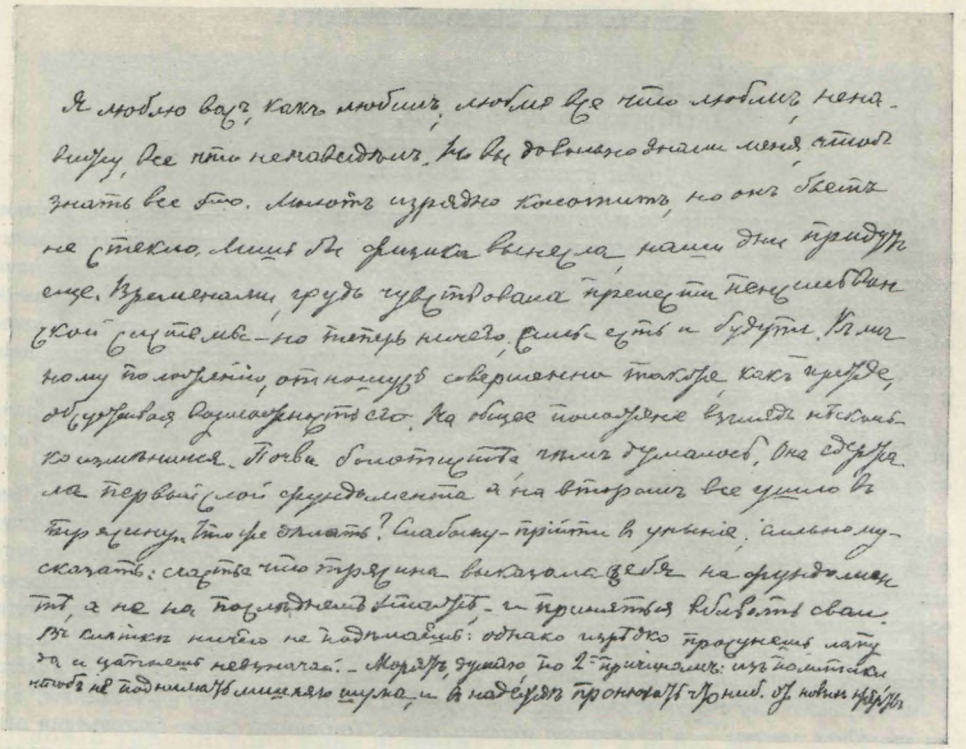
Было ли сохранившееся в «пражской коллекции» письмо единственным посланным из Алексеевского равелина в Лондон — мы не знаем; несомненно лишь, что оно было первым. На это указывает все содержание письма и особенно его торжественное начало: автор, после долгой разлуки со своими соратниками, вновь подтверждает верность прежнему, т. е. революционному, знамени: «*Я люблю вас, как любил; люблю все, что любил, ненавижу все, что ненавидел* **. *Но вы довольно знали меня, чтоб знать все это*».

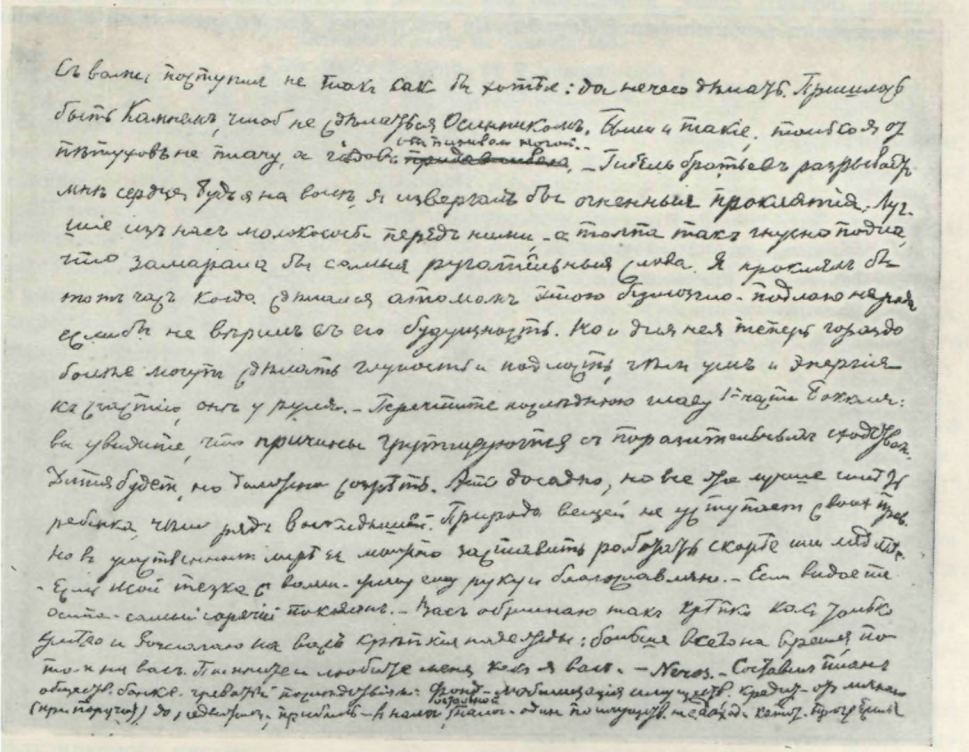
За этим заявлением следует фраза, которая относится не только к автору письма, но и к Чернышевскому и ко многим членам «Земли и воли», оказавшимся достаточно сильными, чтобы противостоять «молоту», обрушившемуся на них и внутри и вне стен крепости. «*Молот изрядно колотит, но он бьет не стекло*», — пишет Серно-Соловьевич, напоминая адресатам знаменитые строки «Полтавы»:

* Отмечаем точность этого сообщения, вполне подтверждаемого документами следствия: первый допрос Серно-Соловьевича состоялся 16 октября ст. ст. 1862 г., т. е. действительно, как пишет Касаткин, «в конце прошлого месяца» — 28 октября н. ст. Из этого факта видно, с какой быстротой вести из крепости доходили до петербургских членов организации и пересылались ими за границу.

** В стихотворении Серно-Соловьевича 1863 г. «Исповедь» («Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 430) читаем:

...Две страсти знал я:
Любовь к свободе и к добру.
. . . . . .
Всем сердцем рабство ненавидел
И тиранию презирал.





АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1864 г.

Письмо переслано из Алексеевского равелина Петропавловской крепости

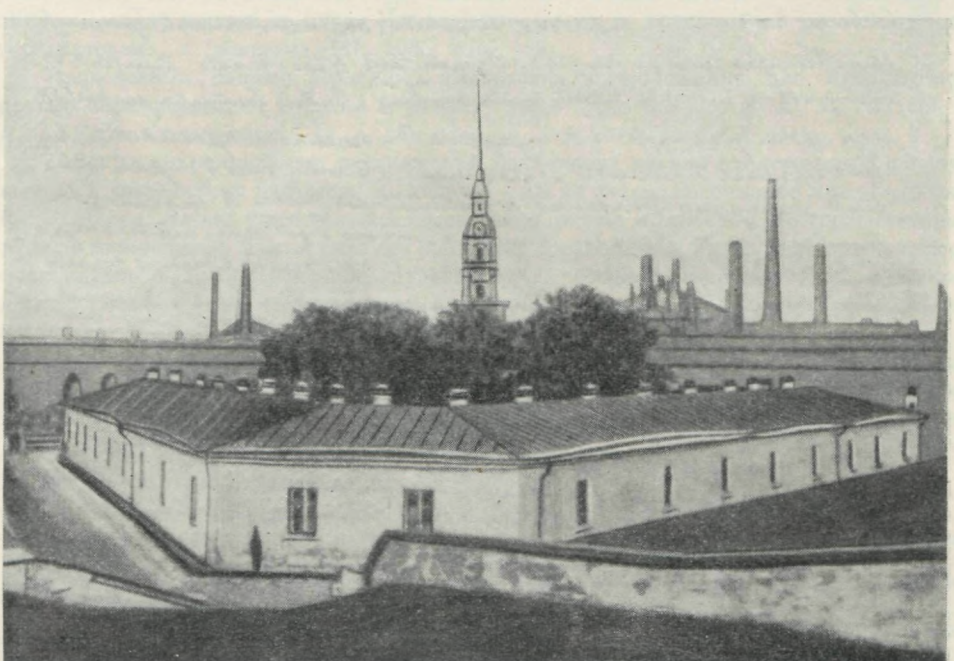
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Таким образом, первая цель письма к Герцену и Огареву — сообщить друзьям и единомышленникам, что и он сам и другие заключенные революционеры закаляются в борьбе, что они не утратили веры в будущую победу: «*Лишь бы физика вынесла, наши дни придут еще*». «*К личному положению отношусь совершенно так же, как прежде, обсуживая возможность его*», — пишет Серно-Соловьевич далее. Эти слова показывают, что арест не застал Серно-Соловьевича врасплох, что он всегда был готов к нему и заранее решил, как станет вести себя, если окажется в тюрьме.

Не все, однако, осталось неизменным: «*На общее положение взгляд несколько изменился. Почва болотистее, чем думалось. Она сдержала первый слой фундамента, а на втором все ушло в трясину*».

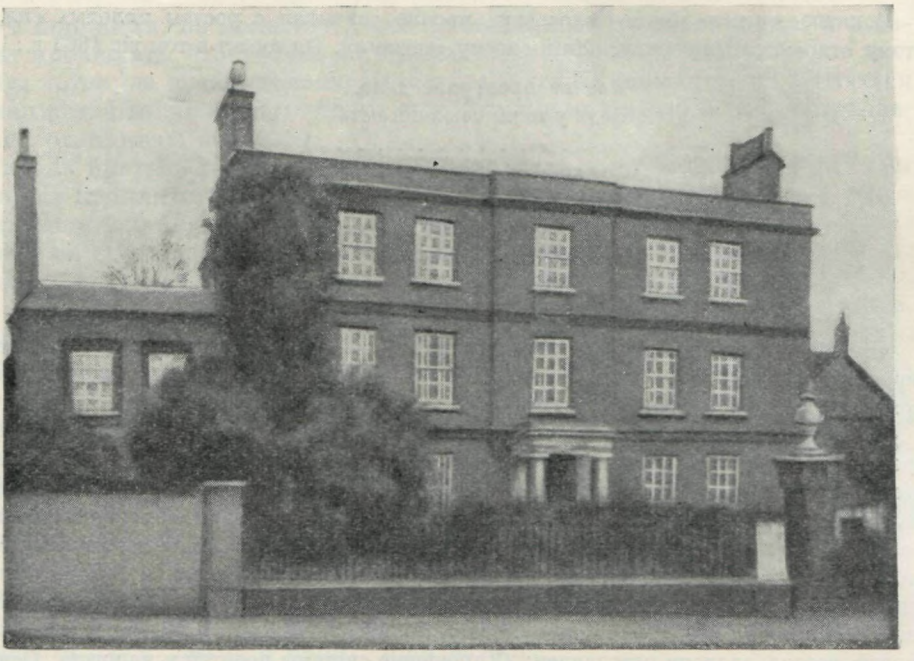
Речь здесь, скорее всего, идет о «Земле и воле». Мысль Серно-Соловьевича как будто достаточно ясна: пока создание этой революционной организации находилось в первоначальном периоде, пока закладывался первый слой «фундамента», «почва» выдерживала, а при возведении «второго» слоя, т. е., повидимому, при расширении организации, «почва» поддалась, здание рухнуло — «все ушло в трясину». Определяя дальнейшую программу деятельности революционеров после разгрома части петербургской организации, Серно-Соловьевич пишет: «*Что же делать? Слабому — придти в уныние, сильному сказать: счастье, что трясина выказала себя на фундаменте, а не на последнем этаже — и приняться вбивать сваи*». Тем самым Серно-Соловьевич призывает деятелей революционной партии не складывать оружия, а немедленно начать сызнова «вбивать сваи», немедленно взяться за подготовку нового и победоносного развертывания революционной борьбы. Не исключено, однако, что слова о «почве»,



АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН. ЗДЕСЬ В КАЗЕМАТЕ № 16 С 7 ИЮЛЯ 1862 г. ПО 5 ИЮНЯ 1865 г. СОДЕРЖАЛСЯ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Фотография 1873 г.

Музей Революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград



ДОМ В ТЕДДИНГТОНЕ БЛИЗ ЛОНДОНА. ЗДЕСЬ С 28 ИЮНЯ 1863 г. ПО АВГУСТ 1864 г. ЖИЛ ГЕРЦЕН

«Дом я нанял в Teddington'e, т. е. возле Буши-Парка и близ Твикнэма; в июле туда будет ходить железная дорога. Дом называется Elm-field-House» (Из письма Герцена к сыну от 8 июня 1863 г.)

«The Daily Graphic» от 3 апреля 1906 г.

которая оказалась болотистее, чем думалось, относились и к оценке общественно-политической обстановки, характеризовавшейся в ту пору временным торжеством сил реакции.

К мысли о неизбежности победы революции в России Серно-Соловьевич возвращается еще раз в том месте письма, где он сравнивает данную стадию русского революционного движения с кануном первой французской революции 1789—1794 гг. Так, он пишет: «*Дитя будет, но должно созреть. Это досадно, но все же лучше иметь ребенка, чем ряд выкидышей*». Необходимо подчеркнуть, что образ революции как созревающего в недрах общества плода встречается в переписке Герцена и Огарева в это же время. В письме Герцена к Огареву от 29 апреля 1863 г. читаем: «Веря в нашу силу, я не верю, что можно произвести роды в шесть месяцев беременности, и мне кажется, что Россия в этом шестом месяце», и ниже, в том же письме: «...веры чтоб зародыш был готов что мы можем „сделать восстание", у меня еще нет» (XVI, 232 и 233, см. также 241).

Таким образом, слова о «*выкидышах*» в записке Серно-Соловьевича были вполне понятны Герцену и Огареву и без ссылки на «последнюю главу» первой части книги Бокля. Первый том «Истории цивилизации в Англии» заканчивается главой XIV: «Ближайшие причины французской революции, начиная с середины XVIII столетия» (по изд. 1905 г., СПб., стр. 341—384). Речь шла о сходстве причин, породивших революцию во Франции, с причинами, действующими в России, но, разумеется, не в том смысле, в каком понимал их Бокль. Серно-Соловьевич стремился подчеркнуть: Россия чревата революцией, плод должен созреть, «*дитя будет*». Это и было важнейшей мыслью анализируемого письма.

Вера в неизбежную победу сил революции звучит и в тех словах письма, которые предшествуют подписи «Neros»: «*...возлагаю на вас крепкие надежды: больше всего на время, потом на вас*».

Понятие «время» Серно-Соловьевич прочно связывал с ростом молодых сил, и потому относился к времени, как к своему союзнику. Он писал в том же 1863 г.:

Мое не проиграно дело,
Ведь у меня союзник есть
. . . . . .
Союзник мощный этот: Время.
Оно за нас горой стоит,
С ним юное взрастает племя,
В котором правды луч горит.

(«Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 440)

«Больше всего надеюсь на вырастающие у нас молодые революционные силы и крепко надеюсь на вас — учителей молодежи», — вот одна из основных мыслей письма Серно-Соловьевича к Герцену и Огареву.

Заключительные строки письма — о проекте «общественного банка» — следует сопоставить с одной из экономических работ Серно-Соловьевича, созданных в Алексеевском равелине, — с запиской «О мерах к умножению богатства и улучшению материальных условий народного труда в России». Один из разделов записки озаглавлен: «Развитие кредита учреждением общественных банков»*. «За основной капитал банков, — пишет Серно-Соловьевич, — принимаются государственные и общественные недвижимые имущества и под их обеспечение предполагается выпускать банковые ассигнации для пособия кредитом личному труду, промышленности, земледелию, торговле». Другой раздел записки озаглавлен: «Упрощение системы податей и налогов». Основные мысли следующие: «Банки будут сами взимать подати и вносить их в казну или расходовать на местах сообразно назначению. Прибыли банков пойдут в уплату налогов. Остальную сумму план предлагает покрывать *одним поимущественным налогом*» («Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 87—89).

Не в состоянии мы точно расшифровать смысл одной фразы, находящейся в середине письма: «*В клетке ничего не поделаешь: однако изредка просунешь лапу да и цапнешь невзначай*». Имел ли тут в виду Серно-Соловьевич следователей, которых ему иногда удавалось поставить втупик, или свои нелегальные сношения с волей — мы не знаем. Это остается невыясненным. Но все то, что удалось разъяснить, изучая конспиративный документ из «пражской коллекции», проливает новый свет не только на деятельность одного из замечательнейших руководителей «Земли и воли», но и на взаимоотношения двух русских революционных центров шестидесятых годов — петербургского и лондонского. Письмо Серно-Соловьевича — важное свидетельство взаимосвязи, существовавшей между обоими центрами.

(Петропавловская крепость. Алексеевский равелин.
Первая половина 1864 г.)

Я люблю вас, как любил; люблю все, что любил; ненавижу все, что ненавидел. Но вы довольно знали меня, чтоб знать все это. Молот изрядно колотит, но он бьет не стекло. Лишь бы физика вынесла, наши дни придут еще. Временами грудь чувствовала прелести пенсильванской системы, но теперь ничего; силы есть и будут. К личному положению отношусь совершенно так же, как прежде, обсуживая возможность его. На общее положение взгляд несколько изменился. Почва болотистее, чем думалось. Она сдержала первый слой фундамента, а на втором все ушло в трясину. Что же делать? Слабому — придти в уныние, сильному сказать: счастье, что трясина выказала себя на фундаменте, а не на последнем этаже — и приняться вбивать сваи. В клетке ничего не поделаешь: однако изредка просунешь лапу да и цапнешь невзначай. Морят, думаю,

* Записка датирована 7 июля 1864 г. Однако из примечания Серно-Соловьевича видно, что проект общественного банка был впервые изложен им в статье «План финансовой и хозяйственной реформы».

по 2-м причинам: из политики, чтоб не поднимать лишнего шума, и в надежде пронюхать что-нибудь от новых жертв. С вами поступил не так, как бы хотел: да нечего делать. Пришлось быть Камнем, чтоб не сделаться Осинником. Были и такие; только я от петухов не плачу, а гадов [придавливаю] отпихиваю ногой.

Гибель братьев разрывает мне сердце. Будь я на воле, я извергал бы огненные проклятия. Лучшие из нас — молокососы перед ними, а толпа так гнусно подла, что замарала бы самые ругательные слова. Я проклял бы тот час, когда сделался атомом этого безмозгло-подлого народа, если бы не верил в его будущность. Но и для нее теперь гораздо более могут сделать глупость и подлость, чем ум и энергия,—к счастию, они у руля.

Перечтите последнюю главу 1-й части Бокля: вы увидите, что причины группируются с поразительным сходством. Дитя будет, но должно созреть. Это досадно, но все же лучше иметь ребенка, чем ряд выкидышей. Природа вещей не уступает своих прав. Но в умственном мире ее можно заставить работать скорее или медленнее. Если мой тезка с вами — жму ему руку и благословляю. Если видаете Осипа — самый горячий поклон. Вас обнимаю так крепко, как только умею, и возлагаю на вас крепкие надежды: больше всего на время, потом на вас. Помните и любите меня, как я вас. — Neros. — Составил план обществ. банка, чреватый последствиями: фонд — мобилизация имуществ; кредит — от личного (при поручит.) до недвижим., прибыль — в налог, остальной налог — один поимуществ., т. е. доход и капит. прогрессив.

Печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 194).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ И ПОДГОТОВКА В 1866 г. ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В СИБИРИ

5 июня 1865 г. Н. А. Серно-Соловьевич был переведен из Алексеевского равелина в Петербургскую пересыльную тюрьму, а 27 июня отправлен в Восточную Сибирь «на вечное поселение», как гласил приговор. Через три месяца, 26 сентября, сосланный был доставлен в Красноярск, а в самом начале февраля 1866 г. прибыл, вместе с партией ссыльных поляков, в Иркутск. Через несколько дней по прибытии в Иркутск Серно-Соловьевич умер. Обстоятельства и причины его смерти до сих пор не могут считаться точно установленными (см. М. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», цит. изд., стр. 227—229). Когда «черная весть» дошла до Герцена, он бросил правительству со страниц «Колокола» гневные слова: «Благороднейший, чистейший, честнейший Серно-Соловьевич—и его убили(...) Это был один из лучших *вестников* провозвестников нового времени в России... И он убит. „Да они не хотели его смерти". — Что за вздор! Михайлов умер, Серно-Соловьевич умер, Чернышевский болен...» (XVIII, 375).

Неясны не только обстоятельства и причины смерти Серно-Соловьевича. Мы мало что знаем и о жизни замечательного революционера в Сибири, во время длительного пути его в ссылку. Причина — крайняя скудость документальных источников, относящихся к последнему периоду биографии Серно-Соловьевича. Сохранилось лишь одно письмо его из Сибири. Это письмо к В. В. Ивашевой (в замужестве Черкесовой), датированное 3 ноября 1865 г. и посланное, вероятно, из Канска. Оно было сохранено М. Н. Слепцовой и напечатано М. К. Лемке (указ. соч., стр. 225—227). Письмо имеет конспиративный характер. «Помните, — писал Серно-Соловьевич, — расставаясь, мы оба недоумевали, откуда вы получите вести, с Востока или с Запада. Теперь вопрос давно решен окончательно и бесповоротно, и, конечно, „он не напрасно подчинился самой страшной судьбе, какая только может постигнуть человека". Помните эти слова и носите их в себе(...) Я постоянен и в привязанностях, и в ненавистях. Живите

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.
Отправка рекрутов из Варшавы
«L'Illustration», № 1045 от 7 марта 1863 г.

жизнью настоящею, живою, а не дремотным прозябанием. Старайтесь помнить притчу о женихе и девах».

Публикуя письмо, Лемке оказался не в состоянии правильно вскрыть его конспиративное содержание. Он усмотрел в нем всего лишь «мысль о побеге», да еще свидетельство того, как «бодрился» (!) Серно-Соловьевич «в тяжких условиях ссыльного» (там же).

В действительности иносказание письма означало нечто совсем другое.

Согласно евангельской притче, упомянутой Серно-Соловьевичем, лишь мудрые девы, заблаговременно наполнившие маслом светильники свои, пошли на брачный пир, когда «в полночь раздался крик: „Вот жених идет, выходите навстречу ему“». Образ «жениха» символизирует в данном случае революцию. Но слова Серно-Соловьевича означали не только призыв к товарищам по борьбе всегда держать себя в состоянии полной готовности к практическому революционному действию. В них содержался намек на какой-то конкретный и смелый революционный замысел, вопрос о котором был «решен окончательно и бесповоротно». Как можно понять, принятое Серно-Соловьевичем решение не подтверждало, а, наоборот, отменяло или, по крайней мере, откладывало ранее выработанный план его побега из Сибири на Запад, к Герцену и Огареву.

В литературе уже имелись кое-какие сведения о причастности Серно-Соловьевича к подготовке в Сибири вооруженного восстания ссыльных. Эти сведения были сообщены Л. Ф. Пантелееву в 1885 г. в Петербурге одним из участников событий 1865—1866 гг., поляком К., возвращавшимся на родину из сибирской ссылки. Рассказ К. был приведен Л. Ф. Пантелеевым в статье «Из прошлого польской ссылки в Сибири», напечатанной в 1910 г. в журнале «Сибирские вопросы» (вошло в издание: Л. Ф. П а н т е л е е в. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 428—447).

Сейчас мы имеем возможность подтвердить и дополнить скупые свидетельства позднейшего мемуарного источника подлинными документами событий — документами тем более ценными, что текст их принадлежит самому Серно-Соловьевичу, и один документ — его товарищу по участию в подготовке восстания, Левандовскому. Документы обнаружены в Центральном государственном историческом архиве в Москве, в «деле» III Отделения, озаглавленном: «О преступных замыслах поляков. По доносу о готовящемся восстании в Сибири ссыльных поляков вместе с татарами» (1 эксп., № 38, ч. 3, нач. 31 января 1866 г.). Материалы «дела» относятся к не разработан-

ной еще в исторической литературе теме—к вопросу о деятельности русских и польских революционеров шестидесятых годов в сибирской ссылке. Неизученность этого участка общего фронта революционной борьбы в России шестидесятых годов не дает возможности воссоздать полную картину тех событий конца 1865— начала 1866 г. в Восточной Сибири, отдельные эпизоды которых отражены во вновь найденных архивных материалах. Не в состоянии мы вскрыть сейчас и отдельные зашифрованные места в печатаемых текстах. Задача настоящего сообщения — привлечь внимание историков к четырем вновь обнаруженным документам, связанным с попыткой Серно-Соловьевича продолжить в условиях сибирской ссылки начатое в России революционное дело.

* * *

22 февраля 1866 г. в Петербург поступила шифрованная телеграмма от генерал-губернатора Восточной Сибири: «Между многими политическими преступниками Енисейской губернии обнаружено намерение составить весною восстание. Благодаря тайной полиции своевременно приняты меры. Зачинщики арестованы. Дело исполнено без огласки. Держится секретно. Опасности нет. Подробности почтой» (цит. дело, л. 40).

Как показывают материалы обширного донесения, направленного в III Отделение штаб-офицером корпуса жандармов в Красноярске полковником Борком (№ 35 от 11 февраля 1866 г.), восстание предполагалось поднять 15 февраля или 1 марта 1866 г. на Троицком заводе, расположенном в 193 км от г. Канска. Это выступление должно было послужить сигналом к общесибирскому восстанию народных масс и войска под руководством политических ссыльных. Дальше, видимо, предполагалось распространить восстание на центральные районы страны и превратить его в общерусскую народную революцию.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

Краковские волонтеры ночью покидают город, чтобы присоединиться к повстанческой армии. «L'Illustration», № 1048 от 29 марта 1863 г.

Центр революционной организации, подготавливавшей восстание, находился в Красноярске. О том, когда именно и как возник замысел восстания, мы узнаем из рассказа упомянутого поляка К. в передаче Пантелеева. «В том же (1865) году, под осень,— сообщается в этом рассказе, — следовали на каторгу Н. А. Серно-Соловьевич, Владимиров и Ветошников; в красноярском остроге Серно-Соловьевич сблизился с Левандовским. От разговоров о побеге перешли к вопросу о возможности вооруженного восстания ссыльных. В успехе его Серно-Соловьевич не сомневался; он но дороге имел возможность вступить в сношение с местными жителями и, повидимому, вынес впечатление, что восстание найдет поддержку и может повести не только к освобождению ссыльных, но и вызовет революционное движение сначала в Сибири, а затем и в России» (указ. соч., стр. 437).

Серно-Соловьевич принял руководящее участие в работе конспиративного центра. Им было написано воззвание, обращенное к народу, войску и ссыльным полякам,— программный документ, на основе которого велась пропагандистская и агитационная подготовка выступления. Приведем текст этой неизвестной до сих пор прокламации Серно-Соловьевича, написанной в духе и стиле знаменитого воззвания Чернышевского — «Барским крестьянам».

1

Во имя правды и воли и ради вечного благополучия всех и каждого.

Время, о котором давно писано и которого ждет народ, пришло. Мера беззакония царя и его слуг, притеснителей народа, переполнилась. Переполнилась мера народных страданий и народного терпения. Братья! У нас нет ни правды, ни воли. Народ страдает и мучится, а начальство сосет его кровь и тешится. Деньги, заработанные потом и кровью народа, идут для потех и беззаконий царя и начальников. За правду гонят. На богатых и сильных нет управы. Людьми играют как мячиками, гоняют их без толка из стороны в сторону.

Какая польза народу от податей, от солдатчины, от чиновников, от царя, их судов и острогов, мучений и неправд, которые за них терпит народ? Пользы никакой. Только мучения и грех.

Попы приказывают повиноваться царю и начальникам, потому что они, перестав быть служителями божьими, сделались слугами царскими. Они заботятся не о спасении народа, а о своих карманах. Они для своей пользы морочат темный народ. Прочтите священные книги. В них сказано, что царь был дан народу в наказание за беззакония и будет мучить народ, пока народ не исправится. Прочтите евангелие. Так ли мы живем, как заповедал Христос, как жили первые христиане?

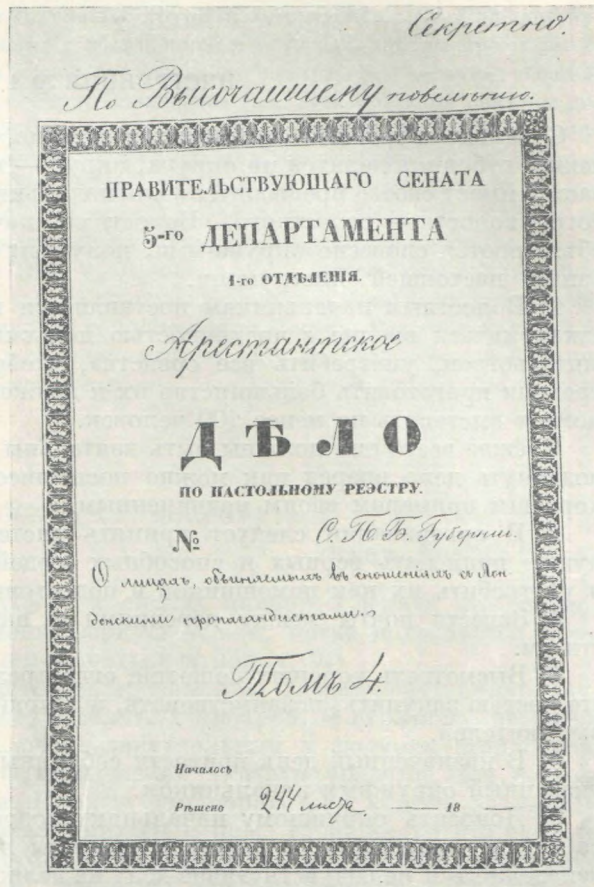
У нас нет ничего, кроме беззаконий, и за то наши страдания увеличиваются. Пусть старики скажут по совести, когда было лучше жить: теперь или когда они сами и их отцы были молоды. Братья! довольно грешить и страдать! Будет помогать беззакониям начальников. У них никакой силы, кроме нашей. Мы сами помогаем им губить себя. В казне нет других денег, кроме платимых народом в податях. У царя нет других солдат, кроме данных обществами из своих же детей, братьев и отцов. Не народ живет чиновниками, а чиновники — народом. Без них народу будет лучше и вольнее.

Вся сила в народе. Братья! Встанем же дружно за правду и свою волю. Теперь всем худо. С правдою и волею будет всем хорошо. Мужчины, женщины, дети, старые и молодые, помогай каждый, кто как может, святому делу народного спасения и освобождения.

От сего дня не платить никаких податей, не ставить солдат. Ничем не обижать друг друга. Жить как братья. Гнать казенных начальников и выбирать промеж себя, куда нужно будет, правдивых и честных людей.

ДЕЛО «О ЛИЦАХ, ОБВИНЯЕМЫХ В СНОШЕНИЯХ С ЛОНДОНСКИМИ ПРОПАГАНДИСТАМИ», 1862—1864 гг.

Это многотомное дело содержит материалы, относящиеся к известному «процессу 32-х», центральной фигурой которого был Н. А. Серно-Соловьевич


Секретно.

По Высочайшему повелению.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

5-го ДЕПАРТАМЕНТА

1-го ОТДѢЛЕНІЯ.

Арестантское

ДѢЛО

ПО НАСТОЛЬНОМУ РЕЭСТРУ.

№ С. П. Б. Губерніи.

О лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ Лондонскими пропагандистами.

Томъ 4.

Началось

Рѣшено 244 мая. —— 18 —

Обложка тома 4-го

Центральный исторический архив, Москва

Кто не послушается и не исполнит этого, будет изменником народу. Тому скорая и вечная гибель. Все его имение у него отнимается и дается лучшему. Целые села и города погибнут от меча и огня, если не станут за народ. Солдаты! Не идите против народа. В нем ваши братья и сестры, жены и дети, родители и сродственники. Пусть каждый, кому велят стрелять в народ, вспомнит, что ему от того нет никакой пользы и что другой будет бить его жену, сестру и его мать. Солдаты! Ваша присяга царю, как ваша служба ему, — невольная. Она грех и несчастье для вас самих. Идите по домам. А кому люба служба — служите своим. С ними вам будет лучше житье и гораздо больше жалованья.

Поляки! Вы, сосланные в Сибирь за вашу отчизну, вы, мученики за волю, вы, всего лишенные тем же царем, который угнетает и русский народ, — вы, побежденные только потому, что народ русский не понял и не знал, за что вы бились, — встаньте дружно до одного человека вместе с народом за отечество и волю.

Народ! Встань честно, смело и дружно за правду и волю!

Для практического руководства подготовкой восстания были составлены две инструкции: общая (№ 1) и специальная (№ 2) об организации военной силы. Инструкции были написаны на польском языке полковником Левандовским — активным участником восстания 1863 г. Левандовский был назначен главным начальником всех военных сил будущего восстания.

Текст общей инструкции гласил (в русском переводе, приложенном к жандармскому донесению):

2

ИНСТРУКЦИЯ № 1

С целью скорейшей организации решено принять следующее разделение: губерния делится на округи, округ — на волости. Каждая из этих частей имеет своего предводителя или начальника, как-то: округ — окружного, волость — волостного. Волостные начальники, имена которых объявляются словесно окружными, получают от них приказания на основании настоящей инструкции.

1) Волостным начальникам поставляется в строжайшую обязанность ознакомиться вполне с численностью польских изгнанников и их местожительством, употребить все средства, чтобы как можно в скорейшем времени приготовить большинство их к движению; они обязаны в данный момент выставить не менее 100 человек.

Прежде всего они должны быть деятельны и энергичны, во 1-х, чтобы подвинуть дело вперед как можно поспешнее, а во 2-х, чтобы служить хорошим примером своим подчиненным.

2) В организации следует принять систему десяточную; для этого нужно приискать верных и способных людей на должности десятников и употребить их как помощников в подготовительных работах.

3) Завести почты между деревнями и наблюдать за скорым их действием.

4) Высмотреть хороших лошадей, огнестрельное оружие и косы, — все это частью закупить, позаимствовать, а в крайности брать силою от местных жителей.

5) В назначенный день привести собранных людей на сборный пункт, указанный окружным начальником.

6) Доносить окружному начальнику подробным рапортом об успехе работ, ему вверенных, а равно о вредных людях и шпионах. Люди же ненадежные и не сочувствующие делу не должны быть посвящены преждевременно в тайны.

В том же донесении, из которого заимствован текст инструкции, сообщается и о многих других деталях практических мероприятий центра, связанных с подготовкой восстания. Окружным начальникам вменялось в обязанность распространять прокламацию Серно-Соловьевича. Был разработан шифр для конспиративной переписки и установлены «девизы» для обозначения членов руководящего центра. Была организована связь центра с округами и налажены «тайные почты» между политическими ссыльными. Автор донесения констатирует наличие хорошо налаженной связи между ссыльными революционерами. «Сношения между политическими ссыльными производятся замечательно скоро,— читаем в донесении, — сведения получаются ими отвсюду, даже из-за границы. Так, например, им подробно известен весь ход и последствия побега в минувшем году, в Иркутской области, семи политических арестантов. (...) В настоящее время множество сведений и корреспонденции политические ссыльные получают с каждой прибывающею партией арестантов» (цит. дело, лл. 49—52).

Приготовлялись инструкции, бланки и печати для начальников округов и волостей.

Устраивались конспиративные совещания членов руководящего центра с начальниками округов и волостей. На этих совещаниях основное внимание уделялось вопросу о способе привлечения к восстанию широких масс крестьянства и учащейся молодежи. В донесении отмечается, что политические ссыльные «сближаются с крестьянами, распространяя между ними вредные толки», что «юношество Сибири развращается наставниками и даже между семинаристами завелись нигилисты».

Руководящий центр, переместившийся в конце ноября 1865 г. вместе с партией ссыльных из Красноярска в Канск (здесь жил в это время и Серно-Соловьевич), стре-

мился координировать действия отдельных групп повстанческих сил. Повидимому, для непосредственного ознакомления с обстановкой в основные районы предполагаемых действий были направлены члены руководящего центра. В Томскую губернию выехал Шленкер, в Иркутскую — Серно-Соловьевич *. С этой поездкой связаны два конспиративных письма Серно-Соловьевича, попавшие в руки властей. Подлинники писем вместе с другими документами были доставлены в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову. В деле III Отделения сохранились два экземпляра копий (повидимому, далеко не совершенных) этих документов. Мы печатаем их по копии, приложенной к донесению генерал-губернатора Восточной Сибири министру внутренних дел от 27 февраля 1866 г. Примечания к документам принадлежат автору донесения; они находятся только на одном экземпляре. Письма не датированы, но, несомненно, относятся к концу 1865 г. и посланы из Канска. Первое письмо обращено к Иосафу Сулинскому и подписано шифром «2S» (то есть первыми буквами фамилии), второе — к П. А. Беневоленскому, оно подписано буквой «Н» (то есть первой буквой имени).

3

‹ИОСАФУ СУЛИНСКОМУ›

‹Канск. Декабрь 1865 г.›

Еду в Иркутск, где буду в 20-х числах января. Сделаю, что можно. В случае полной невозможности вернусь к вам, когда потребуется. Старайтесь, во что ни стало, приготовиться к концу Ф.[1]

В случае надобности обратитесь к Ермолаю Тимофеевичу Голубкову, в собственном доме на Енисее, у соляных амбаров. Я его лично не знаю, ни он меня, но это человек, очень значительный у здешних староверов, вообще расположенных к нам. Он может указать средства для переездов, пересылок, пристанища. Прежде чем обратиться к нему за каким-либо делом, надо просто познакомиться с ним. Если не хотите сделать это сами — поручите Бн.[2] Пусть он пойдет к Г. с поклоном от старика Антипа Никитина из Канска. Прилагаю при сем записку к Б. с наставлениями по этому делу. Посылаю вам письмо к Кузнецову[3], где благодарю его за присланные деньги; это вам случай познакомиться с ним. Это человек, готовый на добрые дела. Знакомство с ним может быть полезно. Если не желаете его, поручите доставку письма О.[4] В письме не сказано, кто доставит, но просто: «с верной оказией».

Я узнал, что О. имел основание прислать мне трубку [5]. Благодарю его.

Приехав в Ир‹кутск›, постараюсь установить с вами сношения. Если не будет лучшего пути, то хоть по старому, через О. Письма, адресованные Василию Семеновичу[6], будут для старого вождя[7], которому вы постарайтесь доставить их. Виделись ли с ним? Пока не получите точного адреса, посылайте мне известия с каждою партиею.

Все, что есть у нас, посылается вам, но не все удалось, что хотели сделать. Известия из волостей благоприятны. Приняты меры, чтобы проверить, насколько они верны.

Будьте здоровы и благополучны. Сердечно жму вашу руку.

2S

Вырезанный лист для переписки на письме накладывать там, где будет на поле знак.

---

* В рассказе К. в передаче Пантелеева этот эпизод изложен иначе: «В видах расширения организации решено было, что Шленкер пойдет в Ачинск и Мариинск, а Михайловский, бывший эмигрант, — в Иркутск, чтобы там заблаговременно подготовить почву» (Л. Пантелеев. Указ. соч., стр. 443).

[1] *Ф*—февраля.
[2] *Бн*—Беневоленскому ‹Петру Андреевичу, сосланному за пропаганду в Введенской воскресной школе в Петербурге.—*Ред.*›
[3] Кузнецову Петру Ивановичу, потомственному почетному гражданину в г. Красноярске.
[4] *О*—Освальду ‹Николаю Николаевичу, сосланному за литографирование и распространение «Великорусса». — *Ред.*›
[5] Трубку—подзорную.
[6] Неизвестно кто.
[7] *Старый вождь*—псевдоним Левандовского.

4

‹П. А. БЕНЕВОЛЕНСКОМУ›

‹Канск. Декабрь 1865 г.›

Любезнейший П. А.[1] Постарайтесь познакомиться с Ермолаем Тимофеевичем Голубковым, в соб‹ственном› д‹оме› на Енисее, у соляных амбаров. Подите к нему с поклоном от Антипа Никитина из Канска, полученным вами чрез человека, знавшего его на пути от Тюмени к Тобольску,— Михаила Ивановича. Если Г. хочет удостовериться в этом человеке, пусть справится у Антипа Г.[2], раскольник из называющих себя христианами. Податель этой записки, с которым будьте в самых лучших отношениях, скажет вам, чего желательно от знакомства с Г.; я убежден, что вы поведете это дело благоразумно и умно и возьметесь за него с энергией. Не забудьте, что раскольники чрезвычайно недоверчивы. Разумеется, не скрывайте своего положения. Оно хороший паспорт у этих людей. Но о своих религиозных взглядах — ни слова; напротив, надо, сколько можно, войти в тон собеседников. Повидимому, Г. теперь под следствием. В чем бы ни было дело, старайтесь всеми силами помочь ему, но затроньте предмет настолько искусно, чтобы он не заподозрел в вас правительственного агента. Сойдитесь и со столяром Фед. Вас. Ивановым, о котором я вам говорил; мне сдается, что он может быть очень полезен. Всем приятелям дружеский привет. Крепко надеюсь на вас.

Н.

[1] Беневоленский.
[2] Голубин.

Красноярско-канскому революционному центру не удалось осуществить широко задуманный план восстания. Деятельность организации, с помощью пробравшегося в главный ее «штаб» провокатора, была раскрыта правительством в феврале 1866 г., ранее, чем руководители приступили к осуществлению своих намерений. Этим провокатором оказался член центральной организации Иосаф Сулинский (или Сулимский) — тот самый, к которому обращено первое из опубликованных нами писем Серно-Соловьевича. Сулинский выдал всех руководящих деятелей и наиболее активных участников организации; все они были арестованы и заточены в тюрьмы и остроги. Лишь смерть — 14 февраля * — избавила от этой участи Серно-Соловьевича. Вслед за арестом руководителей начались массовые аресты почти всех остальных политических ссыльных и отправление их по этапу в самые отдаленные места Иркутской области.

Тяжелый удар, нанесенный правительством революционному движению в Сибири в рассматриваемое время, не сломил твердости и энергии русских и польских политических ссыльных. Они продолжали напряженную подготовку выступления.

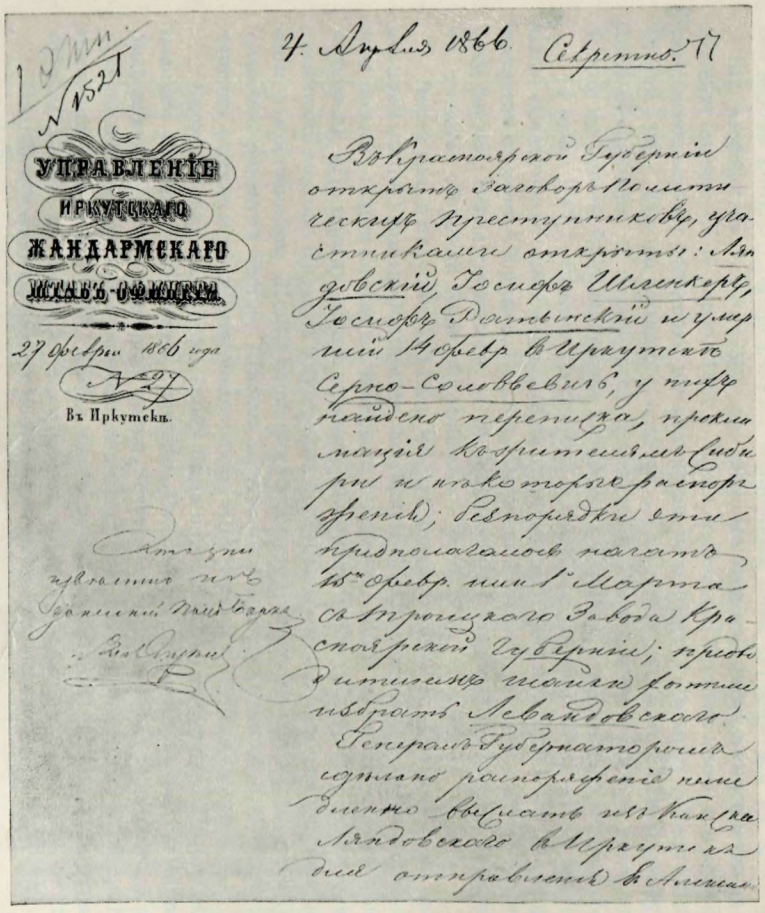
Через несколько месяцев после разгрома красноярско-канского революционного центра произошло вооруженное восстание на Кругобайкальской дороге.

---

* В литературе указывается, что Н. А. Серно-Соловьевич умер 9 или 10 февраля. Дата 14 февраля заимствована из материалов используемого архивного дела III Отделения.

1 Отд.
№ 1521

4. Апреля 1866. Секретно. 77



УПРАВЛЕНІЕ
ИРКУТСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО
ШТАБЪ-ОФИЦЕРА.

27 февраля 1866 года
№ 27
Въ Иркутскѣ.

Въ Красноярской Губерніи открытъ заговоръ Политическихъ Преступниковъ, участниками открыты: Ляндовскій, Іосифъ Шленкеръ, Іосифъ Ратынскій и умершій 14 февр. въ Иркутскѣ Серно-Соловьевичъ, у нихъ найдено переписка, прокламація къ жителямъ Сибири и нѣкоторыя распоряженія; безпорядки эти предполагалось начать 15 февр. или 1 Марта съ Троицкаго Завода Красноярской Губерніи; предводителемъ шайки хотѣли избрать Левандовскаго.

Генералъ Губернаторомъ сдѣлано распоряженіе немедленно выслать изъ Канска Ляндовскаго въ Иркутскъ для отправленія въ Александровскій Заводъ Нерчинскаго Округа, Ратынскаго и Левандовскаго отправить въ отдаленныя мѣста Якутской области, а Шленкера по окончаніи дѣла объ его побѣгѣ прислать въ Иркутскъ.

О чемъ почтительнѣйше довожу до свѣдѣнія Вашего Сіятельства.

Полковникъ Дувинъ

Отъ сего извѣстно изъ Донесенія Полк. Бауна
[illegible]

Шефу Жандармовъ и Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

ДОНЕСЕНИЕ ИРКУТСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ШТАБ-ОФИЦЕРА ШЕФУ ЖАНДАРМОВ 23 ФЕВРАЛЯ 1866 г. О ПОДГОТОВКЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ. В ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ ПРИНИМАЛ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТИЕ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Документ содержит указание на дату смерти Н. А. Серно-Соловьевича: «14 февраля 1866 г.». До сих пор дата эта не была точно установлена

Центральный историческйи архив, Москва

В этом восстании, начавшемся 25 июня 1866 г. в районе станции Култук, участвовала значительная часть политических ссыльных, находившихся в ближайших к Иркутску местностях.

Восстание было жестоко подавлено правительством. Наиболее активные участники были закованы в кандалы и отправлены — одни в Иркутскую тюрьму, другие — в Александровский завод (ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., № 8, л. 369).

Руководители восстания, по решению военно-полевого суда, были расстреляны в Иркутске, а некоторые сосланы в самые отдаленные районы Восточной Сибири на каторжные работы.

Герцен и Огарев откликнулись на это событие в «Колоколе» (л. 233—234 от 1 февраля 1867 г., стр. 1915) заметкой о расстреле восставших поляков.

А. В. СКАЛОН—ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. П. Анциферова

Аркадий Владимирович *Скалон* (1829 — ?) — библиограф, книгоиздатель, владелец библиотеки и книжного магазина в Харькове. Учителем его был известный педагог и переводчик Диккенса, приятель Чернышевского — Иринарх Введенский.

Задумав выпустить в свет сборник ранних произведений Герцена, Скалон обратился к автору с публикуемым ниже письмом от 20 марта 1869 г., в котором просил предоставить ему право на издание. К этому письму он приложил список произведений Герцена, которые намерен был включить в сборник. Имя автора сборника Скалон предполагал скрыть под буквой «И» (Искандер).

Предпринимая это издание, Скалон руководствовался не одними лишь коммерческими соображениями, но и искренним желанием содействовать распространению в России сочинений Герцена. В программу изданий Скалона входила также, как он сообщил во втором из публикуемых писем, пропаганда идей Белинского, Добролюбова и «некоторых других русских деятелей»; под «некоторыми другими», вероятно, подразумевался и Чернышевский.

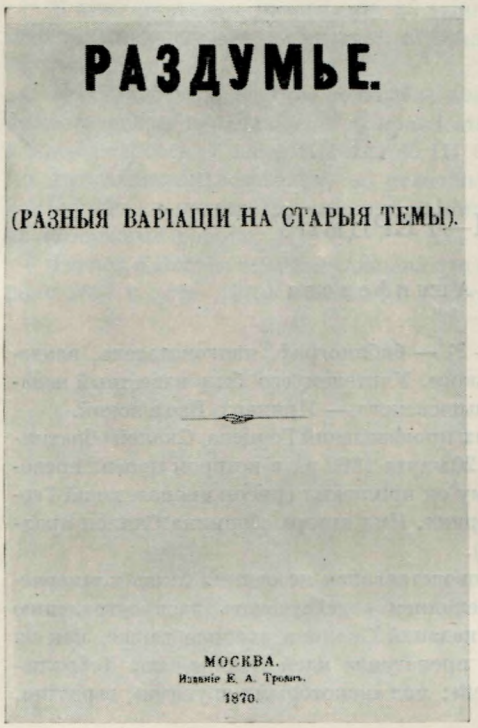
В своем ответном письме Герцен сообщил Скалону, что право на издание подобного сборника он незадолго до того предоставил другому, петербургскому, издателю, без ведома которого он не считает возможным пока соглашаться на новое издание («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 282). На этом переписка не прекратилась. В следующем письме, от 24 апреля 1869 г., Скалон убеждал Герцена в том, что право, предоставленное одному издателю, нисколько не исключает возможности других изданий. 19 мая 1869 г. Герцен сообщил Скалону: «Я полагаю, что если к 1 июлю не будет сделано объявления от петербургских издателей, то вы можете начать ваше издание». В этом же письме были изложены пожелания Герцена относительно состава сборника.

11 июня 1869 г. Скалон представил в Киевское управление по делам печати рукопись «Раздумье (Разные вариации на старые темы). Сборник статей И.». На запрос, кто является автором сборника, Скалон откровенно ответил, что это «политический выходец» Герцен. Вследствие этого, по распоряжению Главного управления по делам печати, издание сборника было запрещено.

Через год, в августе 1870 г., в Москве издательницей Е. А. Троян был выпущен сборник статей Герцена под тем же названием «Раздумье», но уже без инициала. В сборник вошли: «Записки одного молодого человека», «Еще из записок одного молодого человека», «По поводу одной драмы», «Капризы и раздумье», «Сорока-воровка», «Из сочинений доктора Крупова о душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности», «Новые вариации на старые темы», «Несколько замечаний об историческом развитии чести», «Письма из Avenue Marigny» (4 письма), «Гофман», «Дилетантизм в науке и дилетанты-романтики», «Цех ученых и буддизм в науке».

Кроме «Раздумья», Е. А. Троян было одновременно выпущено в Москве отдельное издание «Писем об изучении природы». Эта книга вскоре же по выходе в свет была запрещена, и через некоторое время почти весь тираж ее был уничтожен. Как было установлено следствием, производившимся по делу о выпуске в свет «Писем об изучении природы», Е. А. Троян была лишь подставным лицом; издателем обеих книг Герцена являлся А. В. Скалон. Подробно об этом см. XXI, 298—308.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 130).


РАЗДУМЬЕ.

(РАЗНЫЯ ВАРІАЦІИ НА СТАРЫЯ ТЕМЫ).

МОСКВА.
Изданіе Е. А. Троянъ.
1870.

«РАЗДУМЬЕ (РАЗНЫЕ ВАРИАЦИИ НА СТАРЫЕ ТЕМЫ)», СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА, МОСКВА, 1870 г. (АВТОР НЕ УКАЗАН)

Действительным издателем книги был А. В. Скалон, а не Е. А. Троян, как указано на титульном листе

1

20 марта 1869 г. Харьков[1]

Милостивый государь
Александр Иванович!

Не будучи с вами лично знаком, я, тем не менее, имею честь обратиться к вам, милостивый государь, с покорною просьбою дозволить мне издать в России некоторые из ваших сочинений, печатавшихся в сороковых годах в периодических наших изданиях, а именно:

1. «Из записок доктора Крупова о душевных болезнях вообще и об эпидемическом их развитии в особенности».
2. «Сорока-воровка», повесть.
3. «Историческое развитие понятия о чести».
4. «Капризы и раздумье».
5. «Новые вариации на старые темы».
6. «Письма из Avenue Marigny».

Все эти статьи составят один сборник.

Ответ ваш—положительный или отрицательный—потрудитесь сообщить по адресу: *в Харьков, в книжный магазин Скалона.*

С совершенным уважением имею честь быть, милостивый государь,

вашим покорным слугою
А. Скалон

A monsieur Alexandre Hertzen

На письме надпись Герцена: Отв⟨етил⟩ 13 апреля из Ниццы — адр⟨ес⟩ Женева, Georg[2].

[1] Публикуемое письмо, так же как и следующее, написано на печатном бланке фирмы Скалона.

[2] Ответное письмо Герцена, от 13 апреля 1869 г. из Ниццы, см. в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 282.

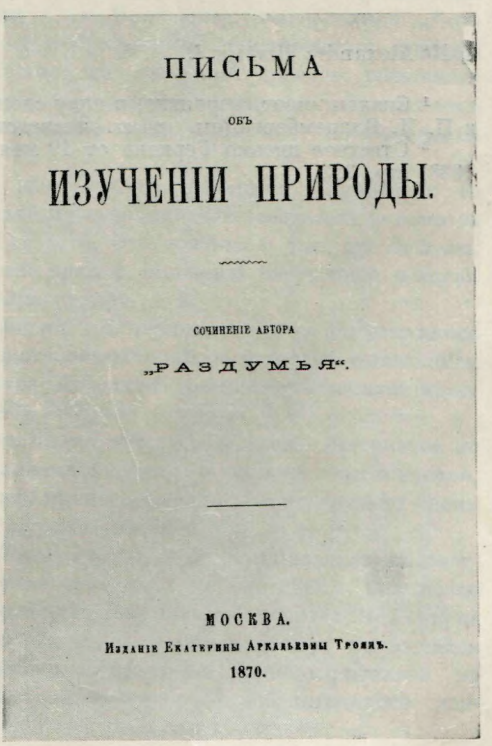
2

⟨Харьков.⟩ 24-го апреля 1869 г.

Милостивый государь,
Александр Иванович!

Письмо ваше от 13 апреля (н. с.) из Ниццы я имел честь получить. Очень вам благодарен, Александр Иванович, за намерение дозволить мне издать некоторые из ваших статей в том случае, когда лицо, которому вы дали свое согласие прежде, не воспользуется им [1].

При этом позвольте мне здесь сказать несколько слов по этому поводу. Мне кажется, что если согласие, данное частному лицу на право издания в России некоторых из литературных трудов ваших, не связано для вас с материальным интересом, в таком разе я не вижу причины, почему бы это согласие не могло быть в то же время дано другому и третьему лицу, в особенности когда эти лица не живут в одном пункте. Дозволение последнего рода может только способствовать к более широкому распространению в публике ваших произведений. Россия обширна, а книжная торговля в ней, к сожаленью, до настоящей минуты находится в безотрадном виде. Торговля эта не имеет широкого коммерческого основания, ограничивается деятельностью в столицах и не изыскивает легчайших средств к распространению книг в провинциях. Деятели книжной торговли совершенно чужды друг другу, действуют особняком, без взаимного доверия и кредита. Необходимым следствием такой централизации издательской деятельности в столицах является непомерная дороговизна книг, потому что гг. издатели — по недостатку провинциальных рынков — печатают свои издания в незначительном количестве экземпляров и на этом только количестве желают возвратить и издержки издания и попользоваться скорее приличным барышом. Провинциальная же публика наша, по своей


ПИСЬМА
ОБЪ
ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ.
СОЧИНЕНІЕ АВТОРА
„РАЗДУМЬЯ“.
МОСКВА.
Изданіе Екатерины Аркадьевны Троянъ.
1870.

«ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ». МОСКВА, 1870 г. ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ. АВТОР НЕ УКАЗАН

Книга была запрещена цензурой, и почти весь тираж ее уничтожен

Действительным издателем книги был А. В. Скалон, а не Е. А. Троян, как указано на титульном листе

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

славянской инерции, в большинстве случаев довольно апатична к тому, чтобы выписывать постоянно книги из Москвы и Петербурга: необходимость чтения не вошла еще совершенно в плоть и кровь ее. А попадется на глаза дельная книга в магазине провинциального города — и она ее покупает и читает. Этого обстоятельства не хотят понять столичные продавцы и издатели. А устроить в провинции порядочный книжный магазин и затем поддерживать его на чистые деньги, без всякого кредита, — дело слишком затруднительное.

Следовательно, если вы желаете, чтобы литературные труды ваши (возможные к изданию в настоящее время в России) имели бы более широкое распространение в читающей русской публике — предоставьте и мне честь быть издателем этих трудов. Я весьма сознательно убежден, что мысли, высказанные в трудах ваших, Белинского, Добролюбова и некоторых других русских деятелей, должны быть как можно чаще повторяемы нашей публике. Эти мысли еще надолго не потеряют для нас своей свежести и, конечно, никогда — своей абсолютной правды.

В вашем письме вы упомянули, что некоторые статьи, писанные вами позже, могут подойти к новым условиям нашей печати. Признаться, я почти совершенно не знаком с тем, что вы писали вне России. Некоторые статьи мне только известны по названиям, например: «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка», «Письма из Франции и Италии», «С того берега», «Старый мир и Россия», «Русский народ и социализм» и некоторые другие. А потому, если вы будете так любезны и пожелаете обозначить мне те статьи, которые могут подойти к условиям нашей печати с указанием источника, откуда можно приобресть их, — то этим вы меня очень и очень обяжете.

Адрес мой тот же: в Харьков, в книжный магазин Скалона.

С совершенным уважением имею честь быть, милостивый государь,

вашим покорным слугою

А. Скалон

A Mr Alexandre Hertzen [2].

[1] Скалон имеет, вероятно, в виду сделанное Герцену предложение Н. Врангеля и П. И. Бларамберга (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 517).

[2] Ответное письмо Герцена от 19 мая 1869 г. см. в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 282.

О. ТОКАРЖЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ

Публикация И. М. Белявской

В бумагах Герцена сохранилось пять писем польского эмигранта, публициста Осипа (Юзефа) *Токаржевича*. Они относятся к июлю 1865 — августу 1867 г. и написаны Токаржевичем не только от себя лично, но и от группы товарищей. Так, под письмом от 5 мая 1866 г., кроме подписи Токаржевича, имеется еще пять подписей. Остальные подписаны им одним. Товарищи Токаржевича — это, по всей вероятности, сотрудники редактировавшихся им журналов и, в частности, журнала «Гмина» («Община»), задуманного еще в 1865 г., но начавшего выходить с сентября 1866 г. Сначала «Гмина» печаталась в типографии Герцена.

Первый номер журнала открылся письмом к издателям «Колокола». В этом письме редакция и сотрудники «Гмины» солидаризировались с деятельностью издателей «Колокола» и с выдвигавшейся ими теорией общинного социализма. Об этом же говорят и публикуемые письма Токаржевича, и то, что писал о «Гмине» в «Колоколе» Герцен.

Откликаясь на первый номер «Гмины», Герцен восклицал: «От души приветствуем его и не можем иначе приветствовать его, — так сочувственно-братски он нам протягивает руку. „С вашим трудом мы приходим соединить наши юные усилия“, — пишут к нам издатели „Гмины“ ⟨...⟩ Программа, высказанная „Гминой“, широка: она хочет проповедовать „преобразование общественного порядка в землях, составлявших польскую республику, на основании древнего общинного устройства, применяя к нему всё, к чему идут современные стремления“. От этих слов веет юным, свежим, и мы искренно протягиваем наши руки молодым товарищам в общем походе» (XIX, 88).

Издатели «Колокола» рассматривали деятельность редакции «Гмины» и ее отношение к их идеям общинного социализма и федерации как «сознательно понятое сочувствие со стороны юной Польши» (XIX, 413). Это говорит о том, что издатели «Колокола» продолжали сотрудничать с той частью польской эмиграции, которая была свободна от националистических предрассудков.

Это сотрудничество приходится как раз на тот период, когда резко усилились выпады польских националистов против издателей «Колокола» в связи с появлением 1 ноября 1866 г. в «Колоколе» статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае» (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 280).

С другой стороны, этот факт указывает на то, что ряд польских эмигрантов не только воспринял теорию общинного социализма Герцена, в которой, как известно, «не было ни грана социализма», но и пытался пропагандировать ее со страниц своих изданий. Одним из таких изданий и был журнал «Гмина».

Сведения об издателе этого журнала, О. Токаржевиче, весьма ограниченны. Известно, что в 1862 г. он окончил Московский университет, а с 1863 по 1883 г. находился в эмиграции. Возвратившись в Царство Польское, этот бывший почитатель Герцена стал сотрудничать в восьмидесятых-девяностых годах в газете «Kraj», являвшейся органом польских реакционеров — «угодóвцев», которые ориентировались на тесный союз с русским царизмом и выступали против освободительного движения.

Помимо четырех публикуемых писем Токаржевича к Герцену, см. ниже в настоящем томе аннотацию еще одного его письма к Герцену.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 108).

1

‹Париж. 4 июля 1865 г.›

Не удивляйтесь, милостивый государь, что после вашего ответа[1] мы крепче духом: два дня тому назад мы уже готовы были писать, пожалуй, к г. Брокгаузу, в Лейпциг.

В недостатке денег, посылаем вам сегодня *черновую* наших убеждений. Возьмите из нее, пожалуйста, самое содержание, простите не русской речи.

«Наши, как и ваши, десять заповедей, наш гражданский катехизис— в социализме»[2]. Но мы его начал будем искать не на Западе, не во Франции, а в Польше, на Руси; но для нас он не незрелый плод тридцатых годов, а живой организм сельских общин XIII и XIV столетий, прибитый неславянскими основаниями (принципами) скандинавских варягов в России, скандинавских ляхов в Польше, скандинавских чехов в Богемии, христианством и западной цивилизацией. Для нашего социализма какой-нибудь Fourier — не новый Ньютон в науке, а его яблоко: мы, поляки, вместе с покойным Мицкевичем, ожидаем еще нового Мессии, нового Ньютона.

Если мы говорим, что скандинавские дворяне и немецкие купцы, христианство и западное образование прибили нашу общину (гмину), то из этого не следует, чтобы мы хотели, для возобновления ее, изрезать шляхту, поставить брак наравне с десятинною повинностью (dziesięcina), назвав его одним из самых безнравственных учреждений, чтобы мы хотели рубать с повстанцами и ругать с Крашевским[3] железные дороги. По нашему мнению, с чужим у нас прошедшим нужно считаться наравне с чужим настоящим. Там лишь, где белого с черным не сладишь, мы готовы стянуть рукава.

Только о гражданском законе — политический стар: его нам завещал еще Сташиц[4] (ей-богу, кто другой нам не припомнился), вам — Пестель и вы. О федерации, без которой едва ли возможна гмина, мы *мечтаем*; *уверены* лишь только в том, что если уж быть самостоятельной Польше, то разве во времена *самостоятельной* России. Собственных сил и разума у нас мало: что́ сильно — спит, что́ разумно — бессильно.

Но позвольте оставить будущее, далекое будущее. В «Gminie» оно едва ли будет налицо. У нас дома столько старых предрассудков и новых глупостей, что с ними вперед ни шагу. Взгляните на наше дворянство, думаете ли, что оно хочет надуть русское правительство своими адресами в познаньском «Дневнике», в краковском «Czasie»[5]. Нисколько. Не удалось состряпать Польши в кухне принца Наполеона, не удалось завести в ней конституционное правление с малеваным королем Владиславом и иезуитской пропагандой Еловицкого[6], так остался Велепольский[7] с майоратами и легализмом. Посмотрите на мещанство — в Варшаве оно выталкивает за двери и насмехается над несчастными, изувеченными повстанцами, просящими милостыни. А молодежь? Молодежь в добровольной ссылке ожидает войны с Россией, ссорится за слова «русский и москаль», критикует à la «Wytrwałość»[8] вас и Прудона, — словом, словом — пляшет под музыку Духинских[9] и им подобных надворных шутов. Тридцать, сорок нас в Париже, в эмиграции, — как в доме умалишенных.

Мы не беремся завязывать драки ни с Чарторижским, ни с Мерославским[10], ни с Духинским, ни с «Głosem wolnym»[11] или «Ojczyzna»[12], ни с «Дневником варшавским». Мы не хотим доказывать, что их теории подлы

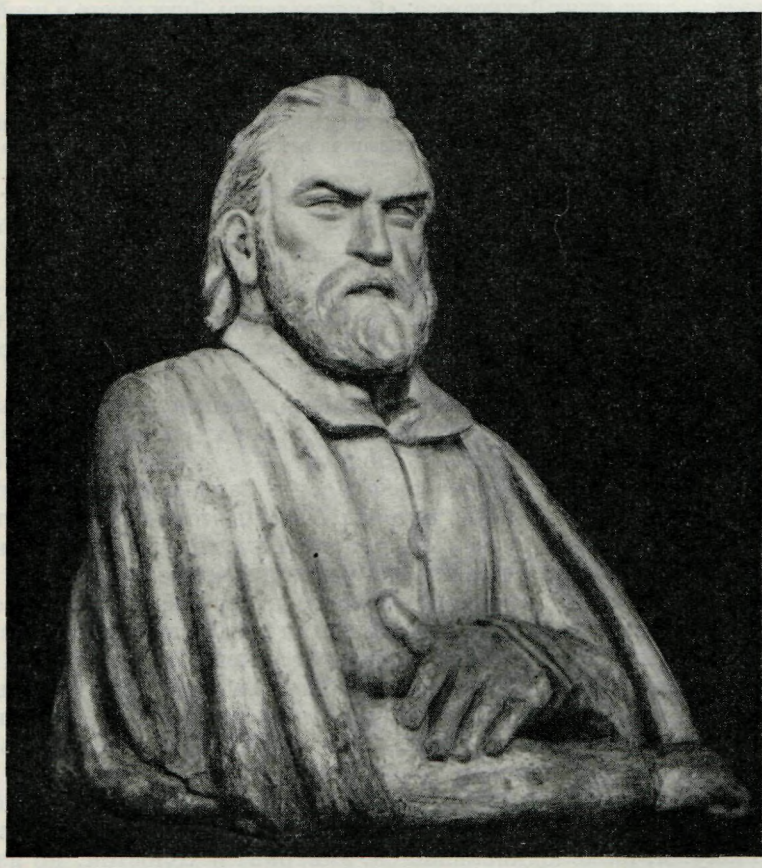
или глупы, — но ложны. Вот наша главная задача. Для вас, быть может, она покажется маловажною; в ответ мы пожалеем, что не можем с вами видеться лично.

Примите, милостивый государь, выражение нашего глубокого почтения.

О. Токаржевич
от имени товарищей

Париж, rue Vavin, № 29
4 июля 1865

P. S. Прилагаем у сего мерку будущего журнала — четыре страницы в две недели.



ГЕРЦЕН
Бюст (дерево) работы С. Т. Коненкова, 1951 г.
Собрание скульптора, Москва

[1] По всей вероятности, имеется в виду положительный ответ Герцена об издании журнала «Гмина» в типографии Герцена. Это предположение подтверждается припиской к письму, сообщающей о «мерке» будущего журнала, и письмом Токаржевича от 9 июля 1865 г. В свете этого становится ясным содержание первой фразы комментируемого письма.

[2] Токаржевич цитирует «Второе письмо к путешественнику» Герцена (XVIII, 114).

[3] Юзеф *Крашевский* (1812—1887) — известный польский писатель второй половины XIX века, автор многочисленных исторических романов и повестей. По своим политическим убеждениям — либерал.

[4] Станислав *Сташиц* (1755—1826) — выдающийся польский прогрессивный мыслитель конца XVIII— начала XIX в.

[5] «*Дневник*» и «*Czas*» —консервативные польские издания второй половины XIX в.

[6] Имеется в виду деятельность аристократической эмиграции во главе с кн. В. Чарторыйским во время восстания 1863 г.; она пыталась использовать восстание в своих личных интересах и с помощью Франции и других европейских держав восстановить старую шляхетскую Польшу с королем из фамилии Чарторыйских.

[7] Маркиз А. *Велепольский* — представитель аристократических кругов Царства Польского, сторонник соглашения с царизмом, враг освободительного движения. Накануне и в период восстания 1863 г. возглавлял гражданское управление Царства Польского

[8] «*Wyrwałość*» — газета, издававшаяся группой польских эмигрантов в Брюсселе в октябре 1864 — мае 1865 г.

[9] Франциск *Духинский* (1817—1893) — реакционный польский историк и публицист, опубликовавший в 1850—1860-х гг. ряд работ, в которых доказывал, что Украина и Белоруссия должны отойти от России и войти в состав будущей Польши. Герцен так отзывался о сочинениях Духинского: «Я читаю теперь Духинского и иной раз перечитываю, чтоб убедиться, что такую белиберду можно так серьезно писать» (XIX, 439).

[10] О *Мирославском* см. на стр. 485 настоящего тома.

[11] «*Głos wolny*» — газета, издававшаяся польскими эмигрантами в Париже, а затем в Лондоне в 1863 —1870 гг. Ее редактором был А. Жабицкий.

[12] «*Ojczyzna*» — газета, издававшаяся в 1864—1865 гг. в Швейцарии группой эмигрантов, которые в 1863 г. были членами повстанческого правительства; редактором ее был А. Гиллер.

2

⟨Париж. 9 июля 1865 г.⟩

Мы вас, милостивый государь, благодарим за ваше последнее письмо[1]. Нам, молодым, было бы опасно спорить с вами о том, содействовал ли скандинавский период уничтожению славянской гмины или нет? Мы сознаемся, что наше мнение относительно России могло быть в этом случае неверно.

Ваши, милостивый государь, «Письма к путешественнику» мы читали; в доказательство повторяем занятые из них слова: «Наши десять заповедей (писали мы), наш гражданский катехизис — в социализме». Несколько слов, которые мы прибавили от себя насчет западноевропейского социализма и его разницы с нашим, вероятно, темны лишь потому, что их немного, — во всяком же случае, мы, кажется, не поняли вас дурно. Предмет этот позволяем себе оставить до удобного времени.

Программу, оригинал и перевод первого листка пришлем за несколько дней. Что же касается вашего предложения печатать листок раз в месяц с 1-го января, мы сделаем одно замечание: наша жизнь в изгнании коротка, работы же много, происшествия идут быстро. Как-нибудь, а дело сладим. Нам, кажется, удастся собрать п⟨р⟩омеж собою сто пятьдесят или шестьдесят франков в месяц. На подписчиков ожидать (!) нечего. Со временем, со временем... но point de rêveries!*

В «Колоколе», если вы столь добры, милостивый государь, можно поместить краткое известие о нашем предприятии, но без подписи, без имени, и вот почему: я, нижеподписавшийся, эмигрант и холостой, но из Литвы, мещанин, православный, с родней и некиим имуществом, — зачем же без причины лезть в глаза Борейше? (Борейша—нач. Бел⟨остокского⟩ уезда, обрусевший поляк, человек, к которому Муравьев писал: «Ну, братец, ты уж шалишь немножко».)

За «Колокол» — спасибо, но брошюры мы никакой не получили. Дальних нумеров не присылайте — мы на них записались в Париже.

Примите, милостивый государь, выражение нашей искренней признательности.

О. Токаржевич et comp.

9 июля 1865
Париж

[1] Речь идет о втором «Письме к путешественнику» Герцена (XVIII, 107—115).

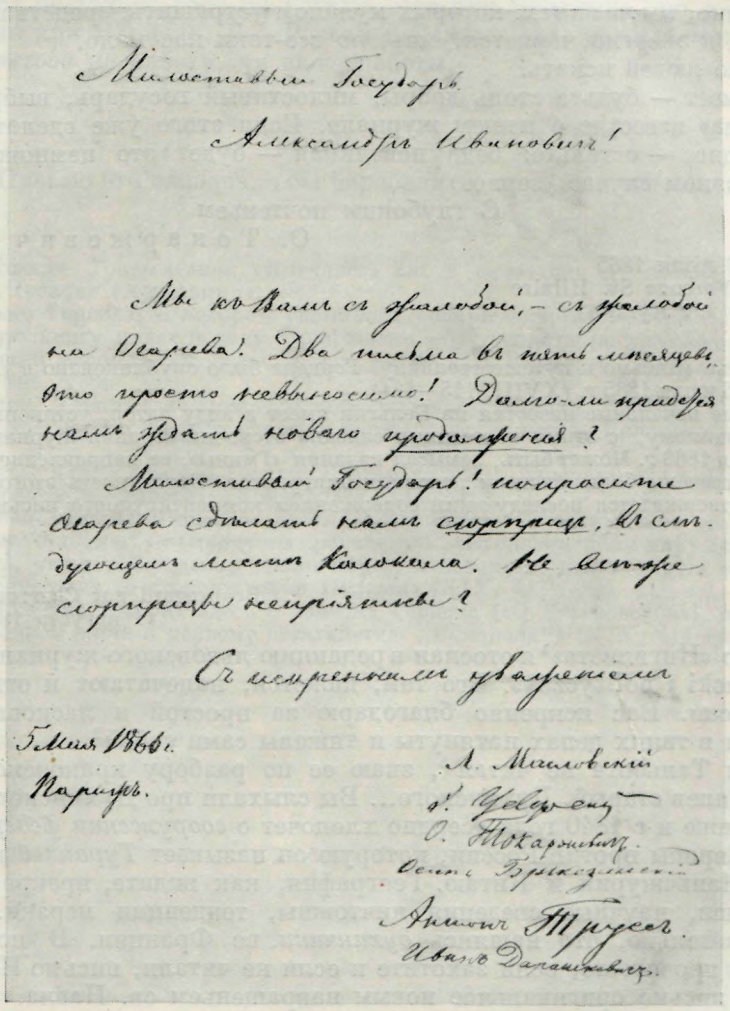
* никаких мечтаний! (франц.).

3

(Париж. 26 июля 1865 г.)

Милостивый государь,

После вашего третьего «Письма к путешественнику»[1] и известий, какие мы собрали у наших знакомых в Бельгии, будущность нашего журнала потемнела.



Милостивый Государь

Александръ Ивановичъ!

Мы къ Вамъ съ жалобой, — съ жалобой на Огарева! Два письма въ пять мѣсяцевъ, это просто невыносимо! Долго-ли придется намъ ждать новаго продолженія?

Милостивый Государь! попросите Огарева сдѣлать намъ сюрпризъ, въ слѣдующемъ листѣ Колокола. Не всѣ-же сюрпризы непріятны?

Съ искреннимъ уваженіемъ

5 Мая 1866 г.
Парижъ.

Л. Мацловскій
б. Уевжецъ
О. Токаржевичъ
Осипъ Брыкозинскій
Антонъ Трусъ
Иванъ Дараниковичъ

ПИСЬМО О. ТОКАРЖЕВИЧА И ГРУППЫ ЕГО ТОВАРИЩЕЙ, СОТРУДНИКОВ ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА «ГМИНА», К ГЕРЦЕНУ ОТ 5 МАЯ 1866 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Из письма мы видим ясно, что журнал наш не принес бы с собою относительно главной задачи — как понимать славянский социализм — ни одной новой мысли, что он был бы только парафразой «Колокола». Чего же бы из этого не сделали враги ваши, милостивый государь, враги наши? — Стыдно сказать, но мы больше грустны, чем веселы: вещь, однако, совершенно понятная — мы читаем «Колокол» с 1864, а в России есть люди, знающие ваши письма лет, быть может, с тридцать.

Известия из Бельгии еще печальнее, иного рода и без примеси хорошего[2].

И народ наш, и его передовые люди — всё у нас заражено нетолерацией*. Есть еще кое-какая возможность думать иначе, как большинство, но писать — почти никакой. Сотрудник одного из наших, т. е. польских, б. журналов «Wytrwałość» рассказывал нам вещи, которым в наше время совестно верить. Что-то вроде «Вечного жида».

Конечно, мы не из тех, которых кулаком устрашить; средства бы у нас нашлись, и энергия, кажется, есть, но все-таки нас мало.

Нужно людей искать.

Покамест — будьте столь добры, милостивый государь, выбросьте из «Колокола» известие о нашем журнале. Если этого уже сделать нельзя или трудно, — оставьте: беда невеликая — будет это немножко рано, но, во всяком случае, верно.

С глубоким почтеньем

О. Токаржевич

26 июля 1865
Paris, La Varenne St. Hilaire
chez M-r Ayral

[1] Третье «Письмо к путешественнику» Герцена было опубликовано в «Колоколе», л. 200 от 15 июля 1865 г. (XVIII, 115—121).

[2] Какие печальные известия из Бельгии имеет в виду автор, установить не удалось. Повидимому, с этими известиями связана отсрочка издания журнала «Гмина» до сентября 1866 г. Может быть, замысел издания «Гмины», ее направление были враждебно встречены большинством польских эмигрантов. Вероятность этого предположения подтверждается последующим содержанием комментируемого письма.

4

Beauregard par Charroux (Vienne)
11 августа 1867

Своего «Нигилиста»[1] я отослал в редакцию львовского журнала «Tygodnik literacki i polityczny». Его там, кажется, напечатают и отдерут помуравьевски. Вас искренно благодарю за простой и ласковый ответ: сношения в таких делах натянуты и тяжелы сами собой[2].

Книги Тальбота не читал[3], знаю ее по разбору краковской газеты «Czas». Напев старый, Духинского... Вы слыхали про Духинского? Живет он в Париже и с 1840 года усердно хлопочет о *вооружении федераций* Западной Европы против России, которую он называет *Туранией* и причисляет к Маньчжурии и Китаю. География, как видите, прекрасна, зато язык пошл, научные сведения ничтожны, тенденции мерзки. Потому и неудивительно, что нашлись *духинчики* во Франции. В посылаемой книге вы прочитаете, если захотите и если не читали, письмо Henry Martin'a[4] — письмо оригинальное новым навращеньем св. Павла.

Для 9 номера «Гмины» я думал написать статью под заглавием «Moskale», да подожду... Кстати, получаете ли вы «Русский вестник»[5], издаваемый в Петербурге Стасюлевичем, Костомаровым и пр.? В начальных книгах помещены там превосходные лекции проф. Ешевского о колонизации северо-восточного края России. Предмет занимателен; Духинский, Мартен и прочая, вероятно, переделают эти лекции для своей теории. Там же находится разбор, Кавелина, если не ошибаюсь, истории России Соловьева, а в нем краткое, *но* недостаточное опровержение духинцам. Если бы вы позволили, я бы прислал несколько слов... впрочем, для вас, может быть, не без основания, — не *важны* исторические вопросы о том, туранская одна ли Россия, или не одна...

---

* нетерпимостью (польск.)

Прибавление к «Колоколу» Чернецкий прислал мне сегодня[6]. Спасибо за ответ на письмо к вам в «Гмине»[7]. Есть в нем слово *двадцать*... правда, извините[8]. «Примечания» — отличны, — будь сказано по-школьному; ваши же слова по поводу суда над Березовским... Ну, вы из прошедшего должны знать, какие ваши слова[9]. В вашу Россию, даже с вашими прадедами-туранами, дедами-палачами и отцами-помещиками, можно влюбиться... Я это говорю не краснея. Для меня *иная* будущность славянского мира не только вера по Гегелю, как для Бакунина, но и по евангелью, как для Ворцеля. Без России же славянство немыслимо: нет для него ни *выхода* на работу, ни даже работы.

Ваш
I. Tokarzewicz

P. S. Письмо это следовало бы перебелить, но я немного болен грудью. Простите.

[1] О повести Токаржевича «Нигилист» см. в аннотации его письма от 3 августа 1867 г. (раздел «Аннотации»).
[2] Письмо Герцена, о котором упоминает Токаржевич, неизвестно.
[3] Какую книгу имеет в виду Токаржевич — установить не удалось.
[4] По всей вероятности, речь идет о книге «La Russie et l'Europe». Par Henry Martin. Paris, 1866.
[5] Описка. Токаржевич имел в виду журнал «Вестник Европы».
[6] Речь идет о «Прибавочном листе к первому десятилетию „Колокола“» от 1 августа 1867 г.
[7] Имеется в виду заметка Герцена «Польское дело», напечатанная в «Прибавочном листе к первому десятилетию „Колокола“» (XIX, 413).
[8] В своей заметке «Польское дело» Герцен писал: «В заключение мы напомним „Гмине“, что *двадцать лет* кряду мы проповедуем, что славянскому миру только и есть будущность, что в *федеральном союзничестве*, а потому-то нам и дорого сознательно понятое сочувствие со стороны юной Польши» (XIX, 413).
[9] Токаржевич говорит здесь о заметке Герцена («О Березовском»), помещенной в «Прибавочном листе к первому десятилетию „Колокола“» (XIX, 414—415).

Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — ГЕРЦЕНУ

Публикация А. М. Долотовой

Князь Николай Иванович *Трубецкой* (1804—1874) — своеобразный представитель либерально-дворянской оппозиции. В начале пятидесятых годов Н. И. Трубецкой выехал из России и поселился во Франции. Будучи воспитанником М. П. Погодина, он всегда считал себя славянофилом, но, несмотря на это, за границей перешел в католичество. Оригинальный быт семьи Трубецкого описан в воспоминаниях Е. М. Феоктистова («За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Л., 1929, стр. 47, 48, 57).

В своих брошюрах Трубецкой касался актуальных вопросов политической жизни России; в вопросе об отмене крепостного права он занимал умеренно-либеральную позицию. Герцен относился к нему с иронией и брошюры его назвал «глупыми» (XI, 6). Письма Герцена к Н. И. Трубецкому в печати неизвестны.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 129).

Bellefontaine près Fontainebleau
13 октября 1858

Милостивый государь
Александр Иванович,

Посылаю вам письмо с известиями, которые достойны Колокольного звона[1]. Впрочем, желание писавшей сообщить вам известия оказывается в письме. Действуйте, как вам заблагорассудится.

Посылаю под бандеролями мои книгу и брошюру[2].

Дайте весть о себе и об изменении адреса, т. е. жительства.

Вам сердечно преданный

Тр⟨у⟩б⟨ецкой⟩

Поклоны вашему сожителю.

[1] Какое «письмо с известиями» было приложено к публикуемой записке, установить не удалось.

[2] Очевидно, речь идет об изданных под псевдонимом М. Ольгердович брошюрах Н. И. Трубецкого, одна из которых (Olgherdovitch. Les questions du jour en Russie. Abolition du servage—liberté individuelle—publicité. Paris, 1858) к этому времени уже вышла в свет, другая (Olgherdovitch. Des chemins de fer russes. Paris, 1859) могла быть подготовлена к печати.

Н. И. ТУРГЕНЕВ—ГЕРЦЕНУ

Публикация Ю. Г. Оксмана

Имя декабриста Николая Ивановича *Тургенева* (1789—1871) принадлежит к числу тех имен деятелей русского освободительного движения, которые запомнились Герцену еще в его школьные годы в Москве. С течением лет эти общие сведения, основанные на живом предании, конкретизировались и уточнились, ибо встречи Герцена с такими современниками и единомышленниками Тургенева, как М. Ф. Орлов и П. Я. Чаадаев, а особенно А. И. Тургенев, старший брат декабриста (III, 55, 103, 241), позволили ему уже в начале сороковых годов составить более или менее определенное представление об основных фактах политической биографии одного из виднейших идеологов первого поколения дворянских революционеров, вождя Союза Благоденствия, друга Пушкина, автора трактата «Опыт теории налогов» (1818), старейшего и в течение двух десятилетий единственного русского политического эмигранта.

В начале 1847 г., когда Герцен впервые оказался в Париже, только что вышедшая в свет книга Тургенева «La Russie et les Russes» («Россия и русские») принадлежала к числу самых злободневных новинок литературы. Это была первая монография, посвященная истории русского освободительного движения, его корням и перспективам. Маститый автор этого труда не мог не импонировать передовым читателям своим положением политического изгнанника, жертвы николаевского деспотизма, своим авторитетом ученого экономиста, правоведа и историка, своим опытом государственного человека и члена Тайного общества, своим самоотверженным почти полувековым служением делу крестьянского освобождения.

Однако впечатления от книги были двойственны. Богатство материала не скрадывало крупнейшего недостатка труда Тургенева: отрыва автора от круга идей и интересов русской демократической общественности сороковых годов. Все стержневые вопросы ликвидации крепостничества и абсолютизма трактовались в книге Тургенева с позиций буржуазно-дворянского реформизма, враждебных, конечно, террористическому режиму николаевской реакции, но совершенно исключавших в то же время и проблематику революционных методов борьбы с самодержавно-помещичьей диктатурой. С этих же позиций Тургенев задним числом ревизовал, обеднял и схематизировал свое собственное революционное прошлое, всю историю тайных организаций декабристов.

Многие страницы книги Тургенева, особенно те, которые он пытался как-то согласовать со своими официальными оправдательными записками, посылавшимися им в 1827—1831 гг. из-за границы царю в целях личной реабилитации, решительно не соответствовали истине и были сурово осуждены в Сибири старыми товарищами Тургенева по революционной работе. Мы знаем об этом из воспоминаний С. Г. Волконского, из писем Н. А. Бестужева, записок И. Д. Якушкина, журнальных выступлений П. В. Долгорукова. Можно не сомневаться в том, что и Герцен не был удовлетворен той общей концепцией декабризма, которую он нашел в мемуарных частях трактата Тургенева. Однако, не располагая еще никаким материалом для критики рассказов Тургенева об освободительном движении десятых и двадцатых годов, Герцен с гораздо большей уверенностью в правильности своих заключений сразу же взял под сомнение те расчеты на ближайшее будущее, которые вдохновляли Тургенева в последнем томе его труда, посвященном обоснованию широкой программы первоочередных социально-политических реформ, подлежавших осуществлению, по мысли автора, силами государственного аппарата самодержавия и имевших целью скорейшее установление на месте

помещичье-крепостнического строя капиталистических отношений западноевропейского типа. Для Герцена — революционера, демократа и социалиста, для Герцена — врага и разоблачителя капиталистической культуры, эти далеко идущие политические компромиссы буржуазно-либеральной позиции Тургенева не сулили ничего положительного. И все же, несмотря на то, что почвы для установления прочного общественно-литературного и личного контакта Тургенева и Герцена в сороковых годах не было, можно высказать предположение, что они в эту пору встретились и познакомились друг с другом. Об этом говорят, за отсутствием прямых документальных или мемуарных данных, все особенности положения в предреволюционном и революционном Париже этих двух ярких представителей русской политической оппозиции и национальной культуры, давние связи Герцена с братом и московскими друзьями Тургенева, наконец, встречи с последним М. А. Бакунина и Н. И. Сазонова, с которыми Герцен поддерживал близкие отношения в эту пору. В пользу этого же предположения свидетельствует и подчеркнутая корректность всех печатных высказываний Герцена о книге «Россия и русские», несмотря на то, что, по существу, общественно-политические позиции Тургенева были для автора «Писем из Avenue Marigny» совершенно неприемлемы.

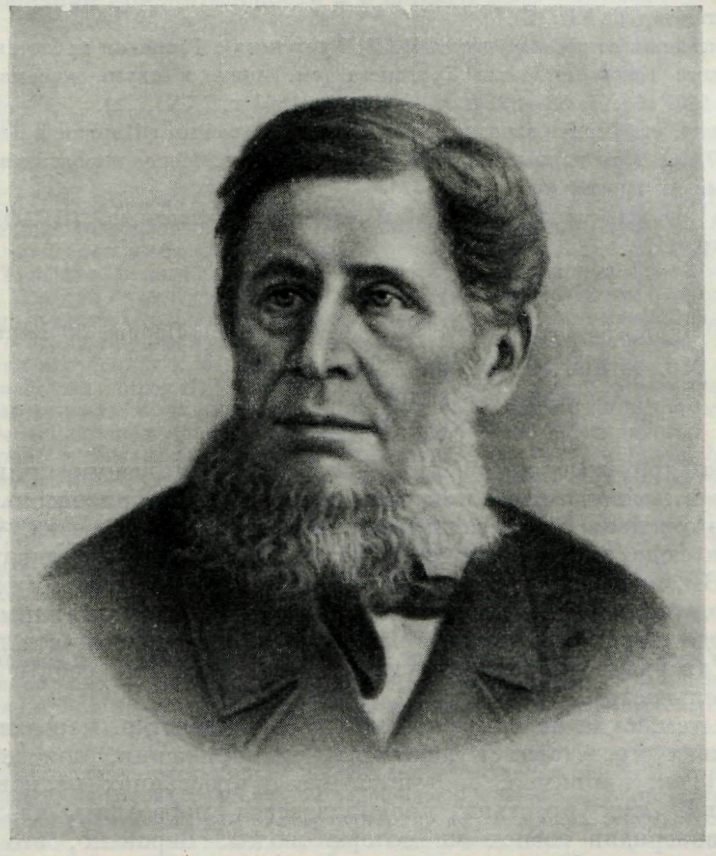
В конце 1849 г., включая в издание книги «С того берега» (на немецком языке) свой политический трактат «Россия», Герцен счел необходимым специально осведомить своих зарубежных читателей о своем отношении к труду Тургенева, посвященному аналогичной теме. «Книга г. Тургенева (1847), — писал Герцен, — имеет для нас большой интерес как верная картина мнений, надежд и стремлений в эпоху Александра, как автобиография автора, который много видел в свое время, но не знал *той* России, которая развилась *после* 1825 г.» (V, 528). Отмечая, что Тургенев, с его точкой зрения, напоминающей «утонченный либерализм» Деказа и Мартиньяка, к сожалению, не может «правильно понять русские отношения» и дать передовой общественности необходимые сведения о «русском *народе*» (V, 528—529), Герцен в 1850 г. начинает писать работу «О развитии революционных идей в России», призванную, с одной стороны, идеологически обосновать и конкретизировать права русской революционной демократии на участие в строительстве новой мировой демократической культуры, а с другой стороны, дополнить, обновить и фактически выправить данный в книге Тургенева общий очерк истории борьбы передовой русской общественности с абсолютизмом и крепостничеством.

Критическое отношение к общим политическим установкам книги Тургенева, проявленное Герценом в 1850—1851 гг., не мешало ему широко пользоваться даже в своих более поздних статьях тем большим фактическим материалом, который введен был в научный и литературный оборот тремя томами «России и русских». Так, сочувственные выписки из этого издания и многочисленные ссылки на него мы находим в таких работах Герцена, как «Крещеная собственность» (1853), «Письмо к Александру II по поводу книги М. А. Корфа о событиях 14 декабря» (1857), «Русский заговор 1825 г.» (1858), «Император Александр I и В. Н. Каразин» (1862). Разумеется, Тургенев хорошо знал об этих произведениях Герцена, так как внимательно следил за деятельностью Вольной русской типографии в Лондоне. Однако сам он не принимал участия в «Полярной звезде» и почти не печатался в «Колоколе».

Вопрос об участии Н. И. Тургенева в «Колоколе» требует специального изучения, так как за подписью его на страницах газеты Герцена и Огарева было опубликовано только одно «Письмо к редактору „Колокола“» (л. 155 от 1 февраля 1863 г.). Об ошибочно приписанной Тургеневу анонимной статье «Возражение на 63-й номер „Колокола“» (л. 70 от 1 мая 1860 г.)—см. справку М. М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 611. Предположение Е. И. Тарасова о принадлежности Тургеневу еще трех анонимных полемических писем и заметок в «Колоколе» за 1858—1860 гг. (лл. 18, 40-41, 46) осталось неаргументированным («Дневник и письма Н. И. Тургенева», т. I, СПб. 1911, стр. XVII—XX) и не утвердилось в литературе ни о Тургеневе, ни о «Колоколе».

Характерно, что Тургенев ни разу не поделился с Герценом и тем огромным архивным материалом по русской нелегальной литературе начала двадцатых годов, которым располагал, в том числе неизвестными произведениями и письмами Пушкина. В письме

к М. К. Рейхель от 20 сентября 1855 г. Герцен отмечал факт получения им анонимного разбора первой книги «Полярной звезды»: «Получил на почте целую критику на „Полярн⟨ую⟩ звезду“ из Берлина, а сдается, что это от Н. И. Тургенева» (VIII, 230). Самая возможность такого подозрения (едва ли основательного) свидетельствует об отсутствии непосредственного контакта Тургенева с Герценом ко времени организации «Колокола» и «Полярной звезды». Положение не изменилось и в пору выхода в свет сборника статей Герцена и Огарева «За пять лет (1855—1860)». Надпись на



Н. И. ТУРГЕНЕВ
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

дарственном экземпляре этой книги была почтительна, но холодна: «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения от издателей „Колокола“. 20 мая 1860 г. Лондон» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 195).

Новой вехой в отношениях Герцена и Тургенева явился обмен письмами между ними в 1861 г. в связи с манифестом 19 февраля о ликвидации крепостных отношений в России. В этом же году Герцен посетил Тургенева в Париже, а весною следующего года очень положительно отозвался в «Колоколе» о выходе в свет сборника публицистических статей престарелого декабриста («Взгляд на дела России». Лейпциг, 1862). Напоминая своим читателям о том, что Н. И. Тургенев «старейший и самый неутомимый враг крепостного состояния», Герцен горячо рекомендовал передовой русской общественности эту книгу (XV, 99).

В январе 1863 г. состоялся новый обмен письмами между Тургеневым и Герценом в связи с изданием в Лондоне записок декабриста И. Д. Якушкина. Результатом этой

переписки явилась публикация большого открытого «Письма» Тургенева к редактору «Колокола», — письма, посвященного широко развернутому, но малоубедительному опровержению некоторых утверждений Якушкина о роли автора «Опыта теории налогов» в период между закрытием Союза Благоденствия и началом деятельности Северного общества. Это было первое и последнее известное нам выступление Тургенева на страницах «Колокола». Через несколько лет, в письме к Огареву от 8 июля 1868 г., Герцен, откликаясь на одно из позднейших произведений Тургенева, писал: «Купил на днях книгу „Чего желать России“, без имени автора, начал читать и ex ungue leonem * узнал Н. И. Тургенева» (XXI, 15).

Вся дошедшая до нас переписка Н. И. Тургенева с Герценом представлена тремя публикуемыми здесь письмами Тургенева (см. ниже) и двумя письмами Герцена от 28 марта 1861 г. (XI, 58—59) и от 19 января 1863 г. (XVI, 22).

Возможно, что Герцен изредка встречался с Тургеневым в Париже в период между 1863 и 1870 гг., хотя данных об этом не сохранилось. Менее вероятна возможность продолжения их переписки.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 111).

1

(Париж. 30 марта 1861 г.)

Милостивые государи
Александр Иванович
и Николай Иванович[2],

Глубоко тронутый дружеским и благородным вашим приветствием, я не могу в полной мере изъяснить вам всей моей признательности[3].

Мы все ожидали с томительным нетерпением благой вести. Но когда она дошла сюда, то поразила меня так, что и по сию пору я едва могу опомниться. Вы, питая к нашему бедному, но доброму и разумному народу ту беспредельную любовь, коей он вполне заслуживает, вы поймете меня.

Я твердо верю, что наши братья-крестьяне из того, что дарует им благий и твердый император, сумеют выработать для себя и свободу и самостоятельность.

Между тем, судя по тому, что́ нам доселе известно, новое положение о крестьянах представляет некоторые распоряжения, кои необходимо обсудить. Так, например, постановление о крестьянах мелкопоместных помещиков[4]. Этих крестьян предполагается переселять на казенные земли, вознаградив господ за потерю людей. Вероятно, это делается в видах экономии. Но проще и даже дешевле было бы заплатить помещикам за землю, оставив на сей земле крестьян, кои на ней по сию пору жили.

Нельзя теперь не продолжать восставать против розог, хотя в сем отношении новое положение представляет некоторый успех, именно тем, что, предоставляя право розог исключительно волостному суду, оно тем самым лишает сего права помещиков[5].

Наконец, вспоминая мысль вашу об ассоциации против телесных наказаний[6], мне кажется, что не худо было бы предложить русским господам вообще перестать говорить *ты* и мужикам и лакеям и пр. и пр. Я попробовал это в первый раз за пятьдесят лет тому назад, и мне тогда не удалось. Я повторил то же за три года, и дело пошло на лад. Крестьяне и вообще те, коим в России говорят *ты*, нимало не удивлялись, когда я им говорил *вы*, хотя, очевидно, чувствовали разницу. Одни только подьячие в судах не вдруг решались писать *вы* в верющих письмах, кои я давал старосте и пр.

---

* по когтям льва (лат.).

Хотя я и чувствую, что не имею теперь довольно сил для действия на старом поприще, я не мог, однако же, не сказать вам сих немногих слов о дальнейших потребностях освобождения. *Вам* предстоит славная обязанность дальнейшего труда, дальнейшей борьбы. Народ русский узнает когда-нибудь и ваши подвиги, и ваше горячее усердие к его благу и благословит вас признательным воспоминанием.

Примите — прошу вас, с искренним чувством — примите уверение и в моей душевной признательности и в полном моем уважении.

Преданный вам
Н. Тургенев

Rue de Lille, 97
30 марта 1861
Париж

[1] В архиве Н. И. Тургенева (ИРЛИ) сохранилась черновая редакция этого письма, без даты, несколько отличающаяся от печатаемого нами белового оригинала (см. публикацию этого черновика в сб. «Памяти декабристов», кн. III. Л., 1926, стр. 99—100).

[2] Н. И. Тургенев, видимо, не был знаком с Огаревым и не знал его отчества.

Отметим попутно, что Тургенев, несомненно, мог бы сообщить Огареву ценные материалы для издания «Русской потаенной литературы XIX столетия» (Лондон, 1861), но не сделал этого. Выше нами уже было отмечено (см. стр. 585) аналогичное отношение автора «России и русских» к «Полярной звезде» Герцена. Характерно, что и на позднейший специальный запрос П. И. Бартенева о возможностях предоставления журналу «Русский архив» неизданных писем Пушкина Тургенев ответил категорическим заявлением: «У меня никаких писем Пушкина не было и нет» («Декабристы», под ред. Н. П. Чулкова. —«Летописи литературного музея». М., 1938, стр. 341). Между тем в распоряжении Н. И. Тургенева было большое собрание ценнейших автографов Пушкина: ода «Вольность», стихотворения «Краев чужих неопытный любитель», «Митрополит, хвастун бесстыдный», «Так море, древний душегубец», письма Пушкина к А. И. и С. И. Тургеневым, к Вяземскому, публикация которых начата была И. С. Тургеневым («Вестник Европы», 1880, № 12, стр. 820—824), а закончена А. А. Фоминым в «Русском библиофиле» 1911 г.

[3] Публикуемое письмо Тургенева является ответом на обращение к нему издателей «Колокола» от 28 марта 1861 г. Это же обращение в свою очередь обусловлено было той информацией, которую Герцен получил от И. С. Тургенева о встрече последнего с двумя декабристами — Н. И. Тургеневым и С. Г. Волконским — на молебне в русской церкви в Париже по случаю опубликования манифеста 19 февраля 1861 г. («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 139). Под впечатлением этого письма Герцен и Огарев обратились к старейшему представителю русской эмиграции со специальным приветом. «Вы были,— писали они Н. И. Тургеневу, — одним из первых, начавших говорить об освобождении русского народа; вы недавно, растроганные, со слезами на глазах, праздновали первый день этого освобождения. Позвольте же нам, питомцам вашего союза, сказать вам наше поздравление и с чувством братской или, лучше, сыновней любви пожать вам руку и обнять вас горячо, от всей полноты сердца. Тот же наш привет просим передать князю Волконскому. С живым умилением мы написали эти строки и подписываем наши имена с той глубокой, религиозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили к старшим деятелям русской свободы» (XI, 58—59).

Отвечая на это письмо, Н. И. Тургенев обошел молчанием просьбу Герцена и Огарева передать их привет декабристу С. Г. Волконскому. Это молчание не случайно, тем более что в черновой редакции печатаемого нами письма сохранились следующие строки: «Князь Волконский, коему было сообщено письмо ваше, пожелал иметь копию, которая и будет ему дана» («Памяти декабристов», кн. III, 1926, стр. 100). Мы объясняем отсутствие этих строк в окончательном тексте письма тем, что Тургенев, поставив через кого-нибудь из друзей в известность С. Г. Волконского о письме Герцена и Огарева, не захотел омрачать своего письма неприятным воспоминанием. Мы имеем в виду инцидент, который произошел после того самого молебна, о котором упоминалось выше: «Когда весь в слезах, с трясущимися ногами он(С. Г. Волконский)подходил к кресту, он столкнулся с Николаем Тургеневым, которого декабристы, как эмигранта и человека, когда-то к ним близко стоявшего, а потом от них отдалившегося,— не любили. Столкнувшись с ним здесь, перед крестом, в такой день, в такую минуту, Сергей Григорьевич, забыв все прошлое и уступая ему дорогу, обратился к нему со словами: „Тебе, Николай, тебе первому подходить“. Этим он хотел выразить, что старое забыто, а кроме того и то, что, как писатель, он ‹Н. И. Тургенев› все же сослужил службу делу освобождения. Но Тургенев отступил на шаг, окинул его взором и сказал: „Кто вы такой?“» (С. Волконский. О декабристах (по семейным воспоминаниям). Пг., 1922, стр. 131).

[4] Тургенев имел в виду дополнительные правила об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев и не наделенных землею («Полное собрание законов Российской империи». Собр. второе, т. XXXVI, отд. 1 (1861). СПб., 1863, стр. 372—376).

[5] Тургенев имел в виду «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», опубликованное при указе Правительствующему сенату от 2 марта 1861 г.

[6] *Мысль... об ассоциации против телесных наказаний*, о которой вспоминает Н. И. Тургенев, была аргументирована в статье Герцена «Розги долой» (X, 355—357). С протестом против телесных наказаний Н. И. Тургенев выступил в этом же 1861 г. в двух своих брошюрах — «О суде присяжных и о судах полицейских в России» и «О новом устройстве крестьян».

2

Четверг, 27 июня ⟨1861 г.⟩ [1]

Почтенный Александр Иванович,

Г-н Рустейко[2] уведомил меня, что вы имеете доброе намерение посетить меня на даче. Благодарю и надеюсь, что вы останетесь обедать (в 6 часов), и вместе прошу вас привезти с собою милую вашу дочь, которую мы видели зимою. M-lle Meisenbug много обяжет нас, если решится также приехать к нам с вами. Равно просим и старшую вашу дочь пожаловать к нам. Жена моя особенно просит о всем вышесказанном.

От души преданный вам
Н. Тургенев

[1] Год установлен по пребыванию Герцена (с дочерью Наталией) в Париже с 21 июня по 6 июля 1861 г. Именно в эту пору в Париже находилась также и Мальвида Мейзенбуг с Ольгой Герцен (XXII, 314).

[2] Осип Федорович *Рустейко* — польский эмигрант, друг Н. И. Тургенева и его семьи. Выдержки из двух писем Н. И. Тургенева к нему—от 30 декабря 1864 г. и 10 марта 1866 г.—см. в «Русском библиофиле», 1914, № 2, стр. 27—29.

3

Париж. 21 генваря 1863 г.[1]

Благодарю вас, почтеннейший Александр Иванович, за готовность вашу в исполнении моей просьбы [2]. Я совершенно согласен с вами в том, что при издании «Записок» как г-на Якушкина, так и других, издатели не могут и не должны ничего изменять [3]. Если я о чем-либо сожалею, если я что-либо не одобряю, то это легкость, необдуманную неосновательность в повествованиях. Но и в этом отношении я не обвиняю самые лица повествующих, но скорее обстоятельства, в коих они находились, и более всего эту славянскую, если не исключительно русскую, ветреность и легкомыслие, кои так сильно выражаются во всех поступках, в суждениях и воззрениях наших соотечественников.

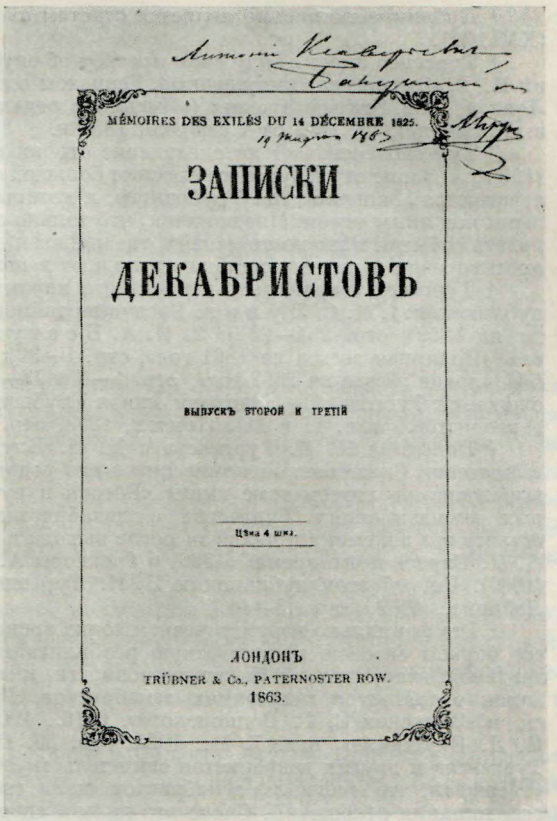
Под каким бы углом ни отражались факты в записках кн.Трубецкого, я уверен, что найду в них то же, что нашел в напечатанных выписках в «Полярной звезде», т. е. свидетельство о ничтожности и о бессилии Тайного общества [4].

Между членами сего Общества я знал людей, стоявших на самой высшей степени нравственного достоинства, готовых на все пожертвования для пользы людей — одним словом, таких, каких я не встречал нигде в продолжение всей моей жизни. Но если эти лица имели какое-нибудь влияние на окружавших их людей так, как и на целое общество и на публику, то это влияние происходило исключительно от сих лиц, а отнюдь не от тайного Союза. Рамка, которая окружала состав сего последнего, была слишком тесна, слишком слаба, чтоб обнять, заключить в себе таких людей. Для Следственной комиссии, для редактора ее рапорта, конечно, было весьма удобно и выгодно втеснить всех в эту жалкую рамку: иначе он принужден был бы бороться с личными мнениями и убеждениями [5].

«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВ», ИЗДАННЫЕ ГЕРЦЕНОМ. ЭКЗЕМПЛЯР С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. К. БАКУНИНОЙ:

«Антонии Ксаверьевне Бакуниной от А. Герцена. 19 марта 1863»

Частное собрание, Париж


Антонии Ксаверьевне Бакуниной

MÉMOIRES DES EXILÉS DU 14 DÉCEMBRE 1825.

19 марта 1863

ЗАПИСКИ

ДЕКАБРИСТОВЪ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ

Цѣна 4 шил.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW.

1863.

Гораздо легче для него было, представив Общество в известном виде, осудив его тем самым, что оно было *тайное*, приписывать ему, т. е. соединенной массе людей, как будто одушевленной одинакими верованиями, все, что когда-либо говорено было отдельными лицами [6].

Могли ли те, кои сочиняли свои записки, не последовать этой методе рапорта? Могли ли они, сообразно прежним своим мнениям о ничтожности Общества, отличать влияние и действие Общества от влияния и действия как их самих, так и других, числившихся членами сего Общества? Это было не только трудно, но почти невозможно: они были осуждены как члены Общества. Естественно, что они и отвечали, и писали как члены сего Общества. Я не имел никакого повода переменить всегдашнего моего мнения о незначительности Общества, в котором я убедился при первом прочтении его устава и продолжал более и более убеждаться по опыту. Но, отделяя от Общества тех, коих я знал, любил и уважал в полной степени, я не думал и не думаю, чтобы я уменьшил в чем-либо их высокую личность. Касательно Общества, они сами разделяли мое мнение[7].

Наконец, я попрошу вас, почтеннейший Александр Иванович, прислать мне, вместо ста, только десять экземпляров моего отзыва [8]. Десяти достаточно для раздачи моим русским знакомым, коих число не доходит даже до десятка. Остальные экземпляры могут, с большею пользою, быть вложены в продаваемые экземпляры книгопродавцам.

Поблагодарив вас еще раз, прошу вас принять уверение в искреннем моем уважении.

Преданный вам

Н. Тургенев

97, Rue de Lille.

[1] Публикуемое письмо является ответом на письмо Герцена от 19 января 1863 г. (XVI, 22).

[2] Тургенев имеет в виду свою просьбу об опубликовании его возражений на записки И. Д. Якушкина, выпущенные Герценом в серии «Записки декабристов», вып. 1. Лондон, 1862. Эти возражения («Письмо к редактору „Колокола“») напечатаны были в «Колоколе», л. 155 от 1 февраля 1863 г.

[3] Тургенев отвечает на следующие строки письма к нему Герцена от 19 января 1863 г.: «„Записки“ Якушкина бросают большой свет на тогдашнее время; рядом с ними печатаются „Записки“ кн. Трубецкого, в которых те же факты являются отрицательными под иным углом. Мне кажется, что только этим образом и можно будет реставрировать события и личности ваших товарищей и друзей и наших отцов в духе. Внешние противоречия и личные ошибки пропадают в целом» (XVI, 22).

[4] Тургенев неправильно и предвзято характеризует здесь следующие мемуарные публикации: 1. М. С. Л у н и н. Взгляд на тайное общество в России («Полярная звезда на 1859», стр. 231—237); 2. Н. А. Б е с т у ж е в. Воспоминания о К. Ф. Рылееве («Полярная звезда на 1861 год», стр. 1—30); 3. «Из записок Николая Бестужева» («Полярная звезда на 1862 год», стр. 1—7 и 73—84). Ни в какой мере не подтвердили ожиданий Тургенева и «Записки князя Трубецкого», включенные в серию «Записки декабристов», вып. II и III. Лондон, 1863, стр. 1—99.

[5] Полемика Н. И. Тургенева с Д. Н. Блудовым, как с одним из составителей «Донесения Следственной комиссии» и его редактором, получившая наиболее полное выражение во втором томе книги «Россия и русские», продолжалась во всех печатных высказываниях Тургенева о декабристах и после амнистии 1856 г. Новую остроту эта полемика приобрела после выхода в свет книги Е. П. Ковалевского «Граф Д. Н. Блудов и его время» (1866) и брошюры А. Д. Блудовой «Острожская летопись» (1867). См. об этом публикацию Н. И. Тургенева «Ответ „Острожской летописи“». Лейпциг, 1869, стр. 3—11.

[6] Эта формально-казуистическая точка зрения, усвоенная Тургеневым еще в пору его борьбы за свою политическую реабилитацию в 1826 г., наложила печать определенной исторической безответственности и на многие позднейшие его высказывания о тайных организациях декабристов. Протест против концепции Тургенева см. в «Записках С. Г. Волконского». СПб., 1902, стр. 418—422; то же в «Записках И. Д. Якушкина», изд. 7. М., 1925, стр. 56. Об отрицательном отношении к книге Тургенева и других декабристов свидетельствует статья П. В. Долгорукова, который утверждал, что многие из декабристов «дали себе слово никогда не иметь с Тургеневым никаких отношений. Слово это дали и сдержали И. И. Пущин, И. Д. Якушкин и другие декабристы, находящиеся в живых» («Правдивый», Leipzig, № 4 от 31 мая 1862 г., стр. 28—30).

[7] В своем «Письме к редактору „Колокола“» в 1863 г. Н. И. Тургенев впервые дал более или менее точную картину своего участия в делах тайной организации после закрытия Союза Благоденствия. Это исключительное по своей ценности автопризнание имеет ряд формальных оговорок, сделанных Н. И. Тургеневым только для того, чтобы смягчить резкое несоответствие «Письма» всем прежним его же печатным высказываниям на эту тему.

[8] В письме от 19 января 1863 г. Герцен предложил Н. И. Тургеневу «сто экземпляров» «Письма к редактору „Колокола“» (XVI, 22).

И. В. ТУРЧАНИНОВ и ЕГО ЖЕНА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Д. И. Заславского

Весной 1856 г. к Герцену в Лондон явился приезжий из России, назвавшийся гвардии полковником Иваном Васильевичем *Турчаниновым*. Ему было тридцать четыре года. Выехал он за границу, получив отпуск для лечения на минеральных водах, но в действительности еще в России решил на родину не возвращаться, а эмигрировать в Америку. Об этом, повидимому, и шел у него разговор с Герценом. Никаких следов в публицистике Герцена, в его записях или в письмах эта встреча не оставила. Мы о ней не узнали бы, если бы три года спустя, в марте 1859 г., сам Турчанинов не напомнил об этой встрече в письме к Герцену из Маттуна.

Письмо, сохранившееся в «пражской коллекции» и публикуемое ниже, свидетельствует, в частности, о том, что среди множества приезжих из России, посетивших лондонский дом Герцена, был еще один незаурядный человек. А содержание письма характеризует отношение передовых русских людей середины прошлого века к Америке.

Иван Васильевич Турчанинов родился в Области Войска Донского 30 января 1822 г.; в 1841 г. он окончил артиллерийское училище в Петербурге. Одновременно с ним, классом ниже, воспитанником того же училища был П. Л. Лавров, окончивший его в 1842 г. Из автобиографии Лаврова мы знаем, что среди преподавателей и старших воспитанников были люди, которые живо интересовались передовыми идеями того времени, читали произведения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона. Молодежь зачитывалась статьями Белинского.

О том, что и Турчанинов был захвачен идеями утопического социализма, говорит его дальнейшая жизнь. Перед ним, участником Венгерской кампании, затем офицером Академии генерального штаба, а впоследствии участником Крымской войны, закончившим ее в чине гвардейского полковника, открывалась обеспеченная жизнь, быть может блестящая военная карьера. Но он от нее отказался. Он бежал из России, чтобы стать свободным земледельцем в Америке.

Вместе с Турчаниновым эмигрировала его жена. О ней мы знаем еще меньше, чем о нем. В «пражской коллекции» сохранился лишь отрывок из ее письма Герцену. Однако несомненно, что это была одна из тех молодых русских женщин, которые сто лет назад начинали смелую борьбу за права женщин, за их самостоятельность. Повидимому, и она отказалась от обеспеченного и привилегированного положения, чтобы следовать за мужем и делить с ним всю тяжесть трудовой жизни в чужой и незнакомой стране. Турчанинова пробовала свои силы в литературе: в письме к Герцену речь идет о какой-то повести. Но повесть эта, по всей вероятности, не увидела света. Нам о ней ничего не известно.

Турчанинов верил в Америку, как в «обетованную землю». Он сам пишет о своих «грезах». Не ему одному, а многим людям его поколения Америка на далеком расстоянии представлялась свободной страной — свободной не только от монархии, феодальной сословности, церковного гнета, но и от капитализма, от всевластия богачей. После поражения революции 1848 г. вся Европа была охвачена политической реакцией. Человеку прогрессивных взглядов трудно было дышать в Европе. А заокеанская республика вставала в воображении, окруженная розовой дымкой демократической свободы, демократического равенства. По всей Европе ходили легенды о том, что в Америке

каждый желающий может почти бесплатно получить участок земли и стать полновластным хозяином своей судьбы.

Многие легковерные летели на этот призрачный огонек. В Америку эмигрировали в это время люди из разных стран Европы, в особенности из Ирландии, Италии, Германии. В большинстве своем это были лишившиеся земли крестьяне, лишившиеся работы рабочие. Но в общем потоке были и политические эмигранты. После 1848 г. значительная часть участников немецких и французских революционных комитетов предпочла тюрьмам и каторге бегство и изгнание и осела в США. Государственный переворот 1852 г. во Франции погнал из страны новую волну политических эмигрантов. Английская и швейцарская буржуазия враждебно косилась на них; найти работу было трудно. Америка же, нуждаясь в дешевых рабочих руках, широко раскрывала двери перед беженцами.

Обширные незаселенные пространства Америки были источником не только легенды о свободных участках земли, но и мелкобуржуазной утопической теории об «особом пути» экономического развития США, о возможности создать в ней некапиталистический строй, своеобразный американский «социализм». Известно, как зло высмеивал Маркс эту мелкобуржуазную утопию. Он показывал, что раздел земли между частными собственниками ведет не к социализму, а к капитализму. Но в то же время Маркс и Энгельс признавали исторически-прогрессивную роль за движением американских национал-реформистов против ренты и земельной спекуляции (см. «Манифест против Криге». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, 1929, стр. 101).

Америка была поприщем для общественных опытов, поставленных многочисленными последователями Фурье, Сен-Симона, Кабе. В большом количестве возникали и неизменно терпели крушение всякого рода «коммунистические» общины.

Все эти идеи, настроения, иллюзии в том или ином виде достигали и России. Америка противопоставлялась Западной Европе как страна сказочной свободы, «истинной демократии», неограниченных возможностей для обеспеченной и счастливой жизни. Мысли о переселении в США возникали и у самого Герцена. И он противопоставлял Европе Америку как страну, в которой не всё «концы», а есть и «начала». В юности он с благоговением называл «святое имя благодетеля людей, имя Вашингтона» (II, 245). Во Владимире в 1839 г. он написал «драматические сцены» в стихах — «Вильям Пен»; он идеализировал образ основателя Пенсильвании, ошибочно усмотрев в американском квакере носителя социалистических идей.

В пятидесятых годах прошлого века США были еще окружены ореолом демократизма. Их официальные представители в Европе на фоне монархически-дипломатической иерархии казались носителями идей свободы и равенства. В феврале 1854 г. консул США в Лондоне демонстративно устроил обед в честь Гарибальди. Герцен был приглашен на этот обед в качестве «русского республиканца». Английская печать отметила обед как политическое событие (VIII, 60).

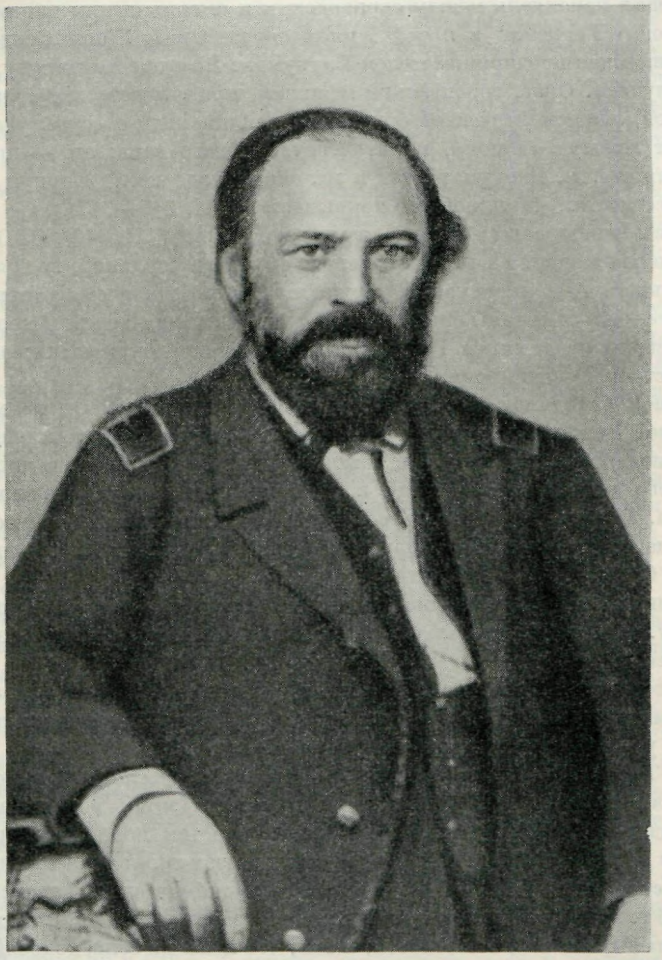
Герцен относился к Америке с большим интересом. Но мысль о переселении в США возникла у него лишь после того, как в Западной Европе начался свирепый разгул реакции и революционному деятелю стало трудно найти в ней сравнительно безопасный уголок для жизни и деятельности. После 1848 г. эта мысль несколько лет не оставляла Герцена. В 1851 г. он писал: «Если реакция победит, в Европе будет страшно, победа может продлиться на целое поколение от 15 до 17 лет; надобно бежать в Америку, борьба не будет возможна» (VI, 430).

С особой силой идея бегства в США овладела Герценом в ту пору, когда разыгралась его тяжелая семейная драма. В феврале 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Я вам скажу, что так скверно, что если б не дети, ей-богу, я был бы в Нью-Йорке» (VII, 183).

Однако по мере того, как все громче доносились из России голоса, свидетельствовавшие о начинавшемся там революционном подъеме, настроения, побуждавшие Герцена подумывать о переезде в Америку, стали исчезать. В 1855 г. он писал М. К. Рейхель: «А, право, в Америку не хочется» (VIII, 234).

Когда Турчанинов в 1856 г. посетил Лондон, Герцен уже больше не думал о переезде в США. Духовный кризис, овладевший им после поражения революции 1848 г., был им преодолен. Герцен нашел в Западной Европе свое место именно как русский.

Он был захвачен литературно-революционной деятельностью, своей «службой русскому народу». Летом 1855 г. вышла первая книжка «Полярной звезды», в мае 1856 г. — вторая. «Вольная русская типография» поглощала все внимание Герцена. Его отношение к Западной Европе не изменилось. В ближайшие годы Герцен ничего от нее не ожидал. Другое дело — Америка. Герцен писал в 1857 г.: «Величайшая идея, развитая Север-



И. В. ТУРЧАНИНОВ

в форме командира 19-го полка иллинойских волонтеров. Этим полком он командовал, участвуя в рядах армии северян в войне против рабства в Америке, 1861—1863 гг.

С фотографии, помещенной в книге «The Photographic History of the Civil War» («История гражданской войны в фотографиях»), 1911

ными Штатами, — чисто англо-саксонская, идея самоуправления, т. е. сильного народа с слабым правительством, *самодержавия каждого клочка земли...*» (VIII, 490, подчеркнуто нами. —*Д. З.*).

Герцен отмечал важную черту в экономическом развитии США—образование и рост многочисленного класса мелких земельных собственников. Он, как и другие, ошибочно видел в образовании этого класса возможность некапиталистического развития Америки. Маркс, напротив, находил в этом историческом явлении условия, ведущие к быстрейшему развитию капиталистической индустрии, — то, что впоследствии Ленин назвал «американским путём» капитализма в противоположность «прусскому пути» образования помещичьих латифундий. В какой мере живучи были

мелкобуржуазные предрассудки, видно из того, что они ожили через десятки лет в произведениях русских народников. В полемике против них Ленин приводил выдержки из статьи Маркса против Криге.

От взгляда Герцена, однако, не укрылось, что в молодой буржуазной республике ясно выражены черты капиталистического накопления. Американская буржуазия так же отталкивала от себя Герцена, как и западноевропейская. В очерке «Оба лучше» Герцен проводил параллель между европейским и американским типами буржуазии. Первый воплощен Герценом в литературном образе Ораса Жорж Санд, второй представлен американцем-предпринимателем Барнумом. По существу между ними нет различия: «оба лучше». Орас, европейский мещанин, прикрывает свою хищническую натуру цветистой, лжеромантической болтовней, декламацией о «культуре». Барнум же «представляет деловую сторону, практическую нашего века; это — проза века, его труд, его занятие». «...Барнум растет в мелочной лавочке... Барнум доплутовался до высокой честности... Миллион все покрывает» (VIII, 345—347).

Орасов «в Америке совсем нет», — замечает Герцен (VIII, 346). От Орасов Европы Герцен ничего не ожидал. Их власть казалась ему окончательной, во всяком случае — очень длительной. Американская буржуазия тоже внушала ему отвращение. Когда Турчанинов уезжал за океан Герцен сказал ему: «Скучная земля Америка!..». Слова эти были вызваны отношением Герцена к американской буржуазии; он произнес их в виде напутствия Турчанинову.

Турчанинов находился во власти буржуазных иллюзий. Он не мог найти для себя в Западной Европе места как «русский». Быть может, он и не склонен был к практическому революционному делу. Он хотел начать новую, трудовую жизнь как «самодержец» своего клочка земли, видя в этом подлинное осуществление демократии и социализма. И русский искатель социальной справедливости, сбросивший с себя мундир гвардейского полковника царской армии, отправился за океан, в «обетованную землю» буржуазной демократии.

При столкновении с американской действительностью «грезы» Турчанинова рассеялись сразу. Русскому мечтателю жизнь преподнесла чашу горьких разочарований — и он испил ее до дна.

Прежде всего развеялось наивное представление о США, как о стране безграничных незанятых земель, баснословного плодородия, легкой возможности стать хозяином на своем участке, как о стране свободы и равенства.

Правда, Турчанинов избег суровой участи тех переселенцев, которые ехали на далекий Запад, соблазненные рекламным шумом, и затем возвращались, потеряв средства и здоровье. Ему удалось приобрести участок под Нью-Йорком. Но это не спасло его от беды и разорения. Капитализм не замедлил познакомить Турчанинова с двумя страшными своими спутниками — экономическим кризисом и безработицей. В 1856 г. новый переселенец из России еще застал период промышленного подъема. «Расцвет» выражался, в частности, в том, что цены на сельскохозяйственные продукты стояли сравнительно высоко и обеспечивали доходность мелкого участка земли; банки не скупились на кредиты.

Но в 1857 г. со стихийной силой урагана разразился экономический кризис. Он вызвал застой, банкротство, безработицу в промышленности и разорил тысячи и десятки тысяч мелких собственников-фермеров. Их участки шли за бесценок с молотка, а вчерашние «самодержцы» превращались в бездомных бродяг, тщетно ищущих работы.

Такая же судьба постигла и Турчанинова. Он лишился участка земли и денежных средств. Он узнал всю горечь безработицы. Скитания по Америке привели его в городок Маттун штата Иллинойс. Оттуда он и послал Герцену письмо с печальной повестью о пережитых им испытаниях.

Это письмо чрезвычайно интересно как ценный документ, в котором изложены впечатления передового русского человека от американской буржуазной демократии середины прошлого столетия. Это талантливый политический памфлет в миниатюре, исполненный страстного гнева. Иллюзии рассеялись. Русский демократ узнал «американский образ жизни» не с казовой его стороны, а в основных, важнейших чертах,

Обличительные краски письма не поблекли за сто лет. Оно сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Турчанинов бежал из России, бежал из царства «мертвых душ», от гнетущей реакции дворянско-помещичьего строя. Он бежал также из буржуазной Европы, из царства биржевой знати, не желая жить в удушающей атмосфере реакции и мракобесия. А попал в еще более тяжелую обстановку буржуазной наживы, капиталистического бездушия, всевластия доллара. В Америке капитализм предстал перед ним еще более обнаженным. Не из книг, а из самой жизни Турчанинов узнал, что буржуазная демократия — это свобода буржуазии беспощадно и бесчеловечно эксплуатировать трудящихся, что пресловутого равенства в капиталистическом обществе не существует, что только деньги дают право на уважение, на почет (respectability). А право на труд не дается ни добросовестностью, ни знаниями — он, образованный и талантливый человек, не мог найти применения своим способностям.

Письмо Турчанинова — это обвинительный акт против американского капиталистического «образа жизни», составленный человеком, который совместил в своей незаурядной личности прокурора, свидетеля и пострадавшего.

Турчанинов верно оценил истинный характер буржуазной демократии. Он увидел противоречия капиталистического строя: резкий контраст между богатством на одном его полюсе и обездоленностью и нуждой — на другом. Но разобраться в этих противоречиях Турчанинов не мог. Он не обладал научными познаниями о диалектике исторического процесса.

Противоречия американского общественного строя отмечались русскими передовыми мыслителями с самого возникновения заокеанской республики. Революционная война XVIII века за независимость американских колоний Англии была толчком для революционных движений в Европе. Образ республики вдохновлял борцов против феодальных монархий. Но с удивлением и разочарованием наблюдали они в молодой республике отталкивающие черты капиталистического накопления, их поражало невольничество, угнетение негров, работорговля. Буржуазная республика вступала в жизнь с факелом свободы и равенства в одной руке, с черным пиратским знаменем рабовладения — в другой.

Радищев воспел Вашингтона в оде «Вольность». Сочувствие американской республике было поставлено Радищеву в главную вину. Екатерина II говорила о нем: «Он хуже Пугачева: он хвалит Франклина» (IX, 276). Но в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев гневно клеймил американских рабовладельцев. Известны обличительные слова Пушкина об американской буржуазии в предисловии к переводу «Записок» Джона Теннера.

Разобраться в сложности классовых противоречий было нелегко еще и потому, что в те времена им была присуща известная неустойчивость. Американское общество переживало период сильнейшего социального брожения. К. Маркс в 1852 г. писал о борьбе противоречий в США, в стране, где «классы хотя и существуют, но еще не кристаллизовались, а беспрерывно меняются взаимно своими составными частями, где современные средства производства не только не совпадают с хроническим перенаселением, а, наоборот, пополняют относительный недостаток в человеческом труде, где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, имея перед собою задачу использования целого нового мира, не дало ни времени, ни случая свести счеты со старым духовным миром» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 1931, стр. 331).

В этом сложном историческом процессе Турчанинов совершенно отчетливо различал одну сторону—деспотическую и реакционную власть буржуазии. Только об этом он и говорит в своем письме. Это можно, пожалуй, объяснить тем, что явления быстрой капиталистической индустриализации всего заметнее были в «свободном» штате Иллинойс, где не было рабовладения, где складывалась обширная металлургическая промышленность, а ближайшие города, Чикаго и Сент-Луи, становились крупнейшими индустриальными центрами страны.

Турчанинов ничего не говорит в своем письме о невольничестве, о плантаторах южных штатов. А между тем как раз в пятидесятые годы прошлого века борьба против

невольничества становилась важнейшим, центральным явлением всей общественной жизни США. И в этой борьбе, захватившей все классы, все круги американского общества, раскрывалась объективно-прогрессивная историческая роль капитализма. Рабовладение становилось основным препятствием на пути его дальнейшего развития и распространения. Рабовладение было тормозом для индустрии, проклятием для рабочего класса, цепями для фермерства. Рабовладение было основным источником политической реакции и мракобесия.

Турчанинов не понял, что капитализм, при всех своих отталкивающих чертах, вызывал к жизни прогрессивные силы, которые призваны были положить конец позорному рабству. Глубоко разочарованный в буржуазной демократии, Турчанинов не сразу увидел эти прогрессивные силы в Америке. Он беспощадно сжигал то, чему поклонялся, он круто расправился с прежними своими наивными иллюзиями. «Я здесь не вижу людей между природными американцами, — писал он, — а пришлецы или делаются такими же скотами, как туземцы, или шумят в своих бюргер-клубах».

Это суждение продиктовано законным чувством гнева и разочарования. Но это неверное и несправедливое суждение. В 1859 г. Турчанинов еще не предвидел и не предчувствовал, что в ближайшее время, всего через два года, вспыхнет в США революционная, гражданская война, в которой рабочие и фермеры покажут замечательные примеры мужества и стойкости в борьбе за свободу и в которой он сам, как мы увидим ниже, примет деятельное участие.

В 1859 г. по всей Америке, восхищая одних, приводя в бешенство других, уже гремела легендарная слава природного американца Джона Брауна. Его небольшой отряд, составленный из белых фермеров и беглых негров, освобождал рабов и расправлялся с плантаторами, отличавшимися особой жестокостью. Его партизанские действия предвещали близость неизбежной гражданской войны. Опережая события, Джон Браун в октябре 1859 г. захватил арсенал в городе Гарнерс-Ферри. Попытка окончилась неудачей. Джон Браун был казнен. Но весть о его героическом подвиге облетела весь мир.

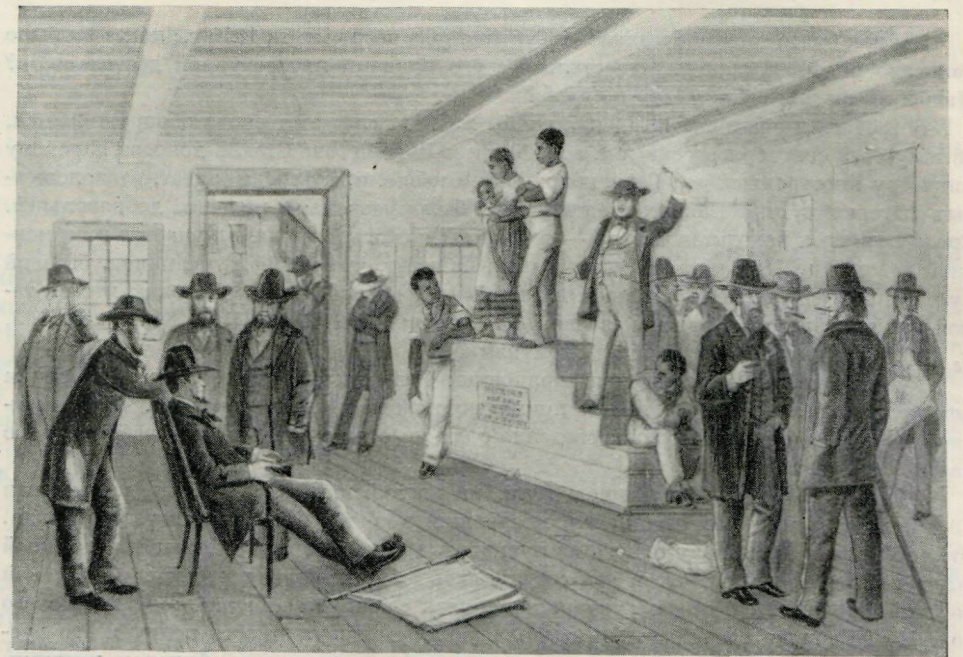
К. Маркс писал в январе 1860 г.: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, с другой стороны — движение рабов в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1929, стр. 474).

Почти в это же время о противоречиях американского общественного строя и о борьбе демократических сил против невольничества писал в «Современнике» Чернышевский. «В государственных делах Северо-Американского Союза действительно есть много дурного, — утверждал он. — Североамериканские патриоты справедливо надеются, что скоро очистят свою страну от пятен, марающих ее; но никто из них не отрицает, что до сих пор было на ней довольно много очень грязных пятен» (Н. Г. Чернышевский. Поли. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 916).

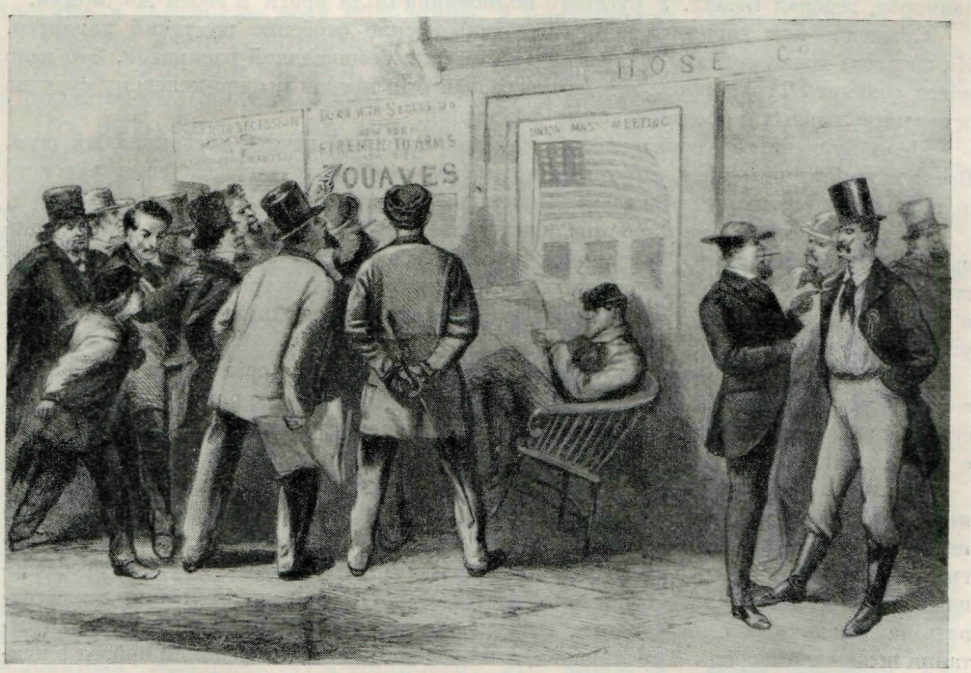
Жена Турчанинова в общем разделяла взгляды своего мужа на американскую плутократию. При столкновении с действительностью разбились и ее собственные иллюзии. Надо, однако, отметить, что она не столь категорична в своих суждениях о прогрессивных силах американского общества. Ее заинтересовало и увлекло женское демократическое движение, в котором были черты, сходные с женским освободительным движением в России конца пятидесятых годов.

* * *

Из письма жены Турчанинова видно, что Герцен ответил на его письмо и что ответ Герцена был проникнут живым участием к русским людям, попавшим в трудное положение на чужбине, и готовностью оказать им помощь. Мы не знаем, ограничилась ли этим переписка. Никаких других следов ее в литературном наследии Герцена не сохранилось. Но мы знаем, что та пессимистическая оценка, какую дал Турчанинов общественным силам Америки, вскоре изменилась. Борьба против невольничества захватила и его. Да и мог ли остаться в стороне от этой борьбы русский человек, который не желал примириться с крепостничеством у себя на родине!



СЦЕНА ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ. ПРОДАЖА НЕГРОВ В ВИРГИНИИ
«The Illustrated London News», 16 февраля 1861 г.



СЦЕНА ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ. ВЕСТИ С ВОЙНЫ
«The Illustrated London News», 25 мая 1861 г.

Мы как будто теряем след жизни Турчанинова после марта 1859 г., когда им было написано письмо Герцену. Что сталось с его планами литературной деятельности? Нашел ли он для себя работу по душе?

В 1861 г., в разгар гражданской войны в США, след этот снова обнаруживается. 28 августа/9 сентября российский посланник в Вашингтоне Стекль доносит царскому министру иностранных дел Горчакову: «Мне сообщили, что среди солдат, расположенных лагерем в окрестностях Вашингтона, было несколько русских добровольцев. Среди офицеров находится Струве — тот самый, который принимал участие в германской революции 1848 года. Я узнал также из газет, что некий Турчанинов, бывший русский офицер, командует полком иллинойских добровольцев. Не знаю кто он такой и каким образом он здесь оказался. С т е к л ь» (АВПР, ф. МИД, 1861, ед. хр. 162, л. 280. — Подлинник на французском языке).

Русский офицер, гвардейский полковник Генерального штаба, по убеждениям демократ, нашел в США достойное применение своим военным знаниям. «Американская энциклопедия» дает краткие сведения о его участии в войне против рабства, о его дальнейшей жизни.

Иван Васильевич Турчанинов (или, на английский лад, Турчин) командовал 19-м полком волонтеров Иллинойса, входившим в состав бригады генерала Бюэлла. Этот полк заслужил славу одного из лучших в армии генерала Шермана. О военной выучке полка говорили, что в ней соединились американский патриотизм с русской военной школой. Полковник Турчанинов обучал своих солдат мастерству штыкового боя. Но не только военная слава создала широкую популярность полку и его русскому командиру. Турчанинов воспитывал в своих солдатах и офицерах непримиримую ненависть к рабовладению и рабовладельцам. Он воевал как революционер.

В армиях северян далеко не все командиры разделяли убеждения Турчанинова. Было немало и скрытых сторонников Юга. Были нерешительные и колеблющиеся, стоявшие за компромисс с плантаторами. К ним принадлежал и начальник Турчанинова, генерал Бюэлл. У русского полковника были враги в своей же армии.

Сражение при городе Афины (Алабама) носило особенно жестокий характер. На зверства южан солдаты Турчанинова ответили беспощадной расправой. Это дало повод обвинить Турчанинова в жестокости. Он был предан военно-полевому суду на основании лживых и подтасованных показаний.

Дело Турчанинова произвело во всей американской печати чрезвычайный шум. Все подлинные патриоты, противники рабства требовали освобождения русского полковника, призывали президента Линкольна вмешаться в дело.

Суд, составленный из нарочито подобранных офицеров, приговорил Турчанинова к удалению из армии. Турчанинов держал себя на суде с достоинством и мужеством. Линкольн не только отменил несправедливый, пристрастный приговор, но и произвел Турчанинова в чин бригадного генерала. Город Чикаго устроил ему триумфальную встречу.

Турчанинов участвовал со славой еще в нескольких сражениях. Он вышел в отставку лишь после окончания войны. Все время, с первого до последнего дня, жена его делила с ним все труды и опасности военного времени. Солдаты отзывались о ней с благоговением. Она была для них сестрой милосердия и другом *.

После войны Турчанинов переменил много профессий, был железнодорожным инженером, городским архитектором, топографом. Он жил в городе Анна, в том же штате Иллинойс, помещал статьи в военных и научных журналах и написал две книги: «Military rambles» и «The campaign and battle of Chattonooga». Неудачи преследовали его. Военные заслуги были забыты. На старости он вынужден был зарабатывать на жизнь игрой на скрипке, выступая в маленьких городах. Тяжелые испытания подорвали здоровье Турчанинова, и последние дни своей жизни он провел в психиатрической больнице в городе Анна. Умер он 19 июня 1901 г.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 112 и 129).

---

* Сведения эти сообщены И. Филипповым, корреспондентом «Правды» в США.

1

И. В. ТУРЧАНИНОВ — ГЕРЦЕНУ

22 марта 1859
Маттун, Иллинойс

Истинно уважаемый
Александр Васильевич! (!)

Назад тому почти три года, — это было, если не ошибаюсь, в начале июня, когда только что кончилась Крымская война и его величество изволил собираться короноваться, — к вам являлся в Лондоне гвардейского генерального штаба полковник Турчанинов; это был я. Как ни коротко было наше знакомство, но мое желание видеть вас лично, чтобы в наружности вашей прочесть — то ли действительно вы, что мне мерещилось, когда я читал ваши сочинения, было удовлетворено. Я тогда сказал вам, что я еду в Североамериканские штаты, и помню ваше замечание: «Скучная земля Америка!..». Признаюсь, я отчасти усомнился в ваших словах; мои заокеанские грезы были гораздо выше и чище пошлой действительности; не только скучная, но препакостная земля Америка.

Я не мог оставаться в Европе, частию потому, что моя финансовая часть была скудна для независимой жизни, частию и потому, что мне хотелось приглядеться к единственной существующей в наш век республике и удостовериться на деле и своими глазами в так превозносимой ее стоимости.

Разочарование мое полное; я не вижу действительной свободы здесь ни на волос; это тот же сбор нелепых европейских предрассудков и монархических и религиозных начал, в голове которых стоит не королевская палка, а купеческий карман; не правительство управляет бараньим стадом, а бодливые, долларами гремящие козлы-купцы; не «мы божиею милостию» в заголовке всех повелений, а почтенность (respectability) и общественное мнение, которые, как и везде, принадлежат сильным, то есть богатым, а эти, как водится, устраивают вещи так, что только то почтенно и поддержано общественным мнением, что не противно их интересам.

Эта республика — рай для богатых; они здесь истинно независимы; самые страшные преступления и самые черные происки окупаются деньгами. Smart man (по-нашему — ловчак и пройдоха) здесь великое слово; от миллионера до носильщика, от сенатора до целовальника, от делателя фальшивых ассигнаций до денного разбойника — smartness* резко проведена. Будь человек величайший негодяй, в каком бы то ни было классе сословия, если он не попал на виселицу и ловчак, он-то и почтенный; за ним все ухаживают, его мнение первое во всем; его суждениям и приговору верят более, чем библии; он вертит кру́гом, в котором сам вертится. Итог подобных ловчаков-пройдох в государстве составляет управляющий класс во всех делах; остальная масса — управляемые. Ловчак-капиталист — американский принц, которого почтенность так же не может быть атакована, как почтенность русского царя; первого особа так же неприкосновенна и священна, как особа второго; один раздавит всякого врага жандармами и солдатами, другой долларами и подчиненными ему разбойниками.

Не хочу много распространяться об этом пошлом, старом мире на новых местах, об его индейском обезьянничестве, об его глубоком мужичестве и необразованности и вообще об его оригинальной, принявшей отчасти свой особенный колорит, чудовищности; это завлечет меня слишком далеко. За три года на душе накопилось слишком много горечи, смотря на уродливый маскерад этого Нового света и его дубинного представителя англо-саксона. Скажу только одно, что эта республика постоянна,

* ловкость (англ.).

никогда не износится и будет процветать века веков; везде, где хотите, даже в России, скорей может осуществиться что-нибудь похожее на социальную республику, только не в Америке. Я здесь не вижу людей между природными американцами, а пришлецы или делаются такими же скотами, как туземцы, или шумят в своих бюргер-клубах. — Что касается до меня лично, то я за одно благодарю Америку: она помогла мне убить наповал барские предрассудки и низвела меня на степень обыкновенного смертного; я переродился; никакая работа, никакой труд для меня не страшен; никакое положение не пугает; мне все равно, пашу ли я землю и вожу навоз или сижу с великими учеными новой земли в богатом кабинете и толкую об астрономии.

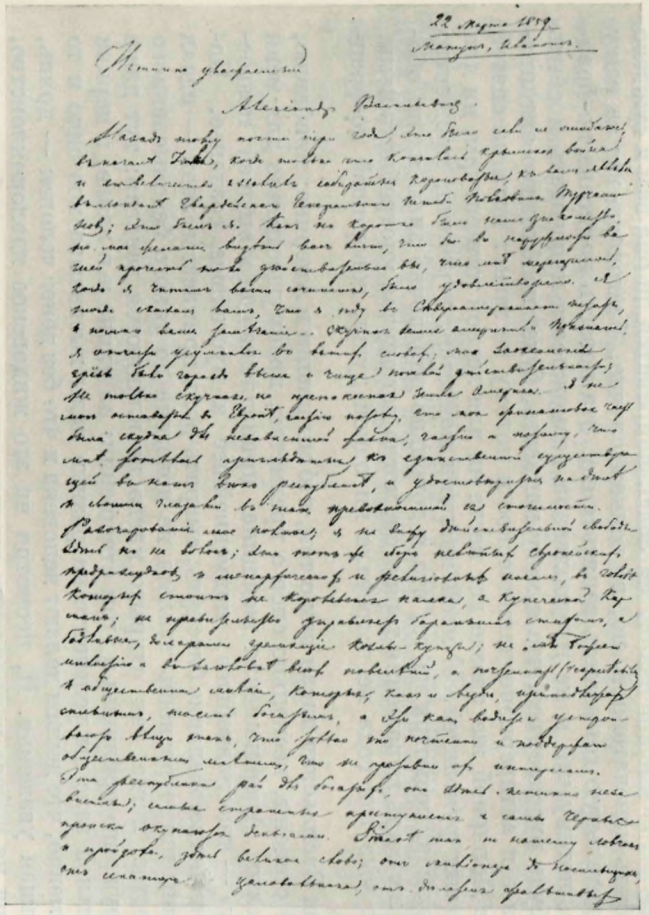
До сих пор мне не очень везет здесь, но я не в претензии на судьбу, я искал этого сам. Я имел под Нью-Йорком маленькую ферму, на которой, несмотря на все мои усилия, не мог жить; искал места по геодезическим работам в береговой государственной съемке — не успел; на эти вещи здесь более, чем где-нибудь, нужна протекция какой-нибудь личности, а не мемуаров, с которыми я явился. Живу теперь чертежами и рисунками; я отличный чертежник и очень хороший портретист и вообще рисовальщик и от нужды обеспечен. Одно томит меня: страшная скука американского мира и отсутствие русских. Здесь русских так мало, что я даже подозревать начинаю, есть ли они, не говоря об официальных чиновниках, с которыми, конечно, я не стану знакомиться; и когда я думаю, что на той стороне океана, в Западной Европе, есть больше русского элемента и есть даже русская типография и русский журнал, — сердце прыгает, и страшно картит перевалиться назад за Атлантик; на жизнь зарабатывать там для меня кажется труднее, чем здесь; притом я хочу приобрести право называться гражданином Северо-Американских соединенных штатов, чтоб иметь ярлык на некоторую безопасность в толико свободной Западной Европе, и тогда посмотрю, что делать.

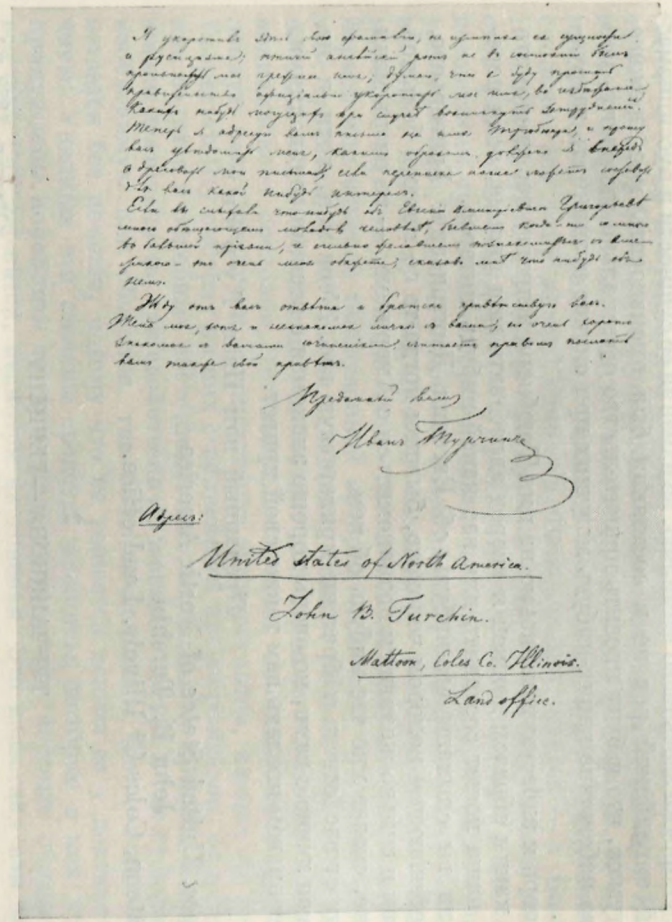
Считая человеческим правом не только не зарывать талант, какой есть, в землю, но смело и громко развивать идеи справедливости, свободы и личной независимости, я посылаю вам две из пиес, написанных мною здесь, для напечатания в вашем журнале. Когда будете писать, уведомьте, понравятся ли они вам, и тогда я могу переслать вам еще кое-что.

Теперь у меня до вас есть просьба, и вот в чем она. Моя жена, которая имеет несомненный и сильный талант писателя, начала ряд повестей на французском языке; она владеет им прекрасно; по-русски она пишет свободнее и, может быть, даже лучше, но стала писать по-французски из расчета, ибо французскую повесть можно продать; сюжетом взяты сцены из русской жизни и положение современной женщины. Беспристрастно судя, я нахожу, что повесть, написанная ею теперь, весьма интересна, ведена хорошо и может иметь успех. Так как здесь ничего французского не печатается, то эту повесть продать здесь нет никакой возможности, и мы решаемся просить вас об этом; вы знакомы с публицистами, и, может быть, для вас не будет большого труда уладить это дело, а нам вы сделаете великое одолжение. Так как большинство сцен и лиц, входящих в повесть, принадлежит чисто русской жизни, то я думаю, что порядочно сделанные виньетки имели бы большой интерес для иностранцев; если я узнаю от вас, что это дело может быть улажено и что виньетки могут облегчить продажу или сделать ее более выгодною, я сделаю виньетки в карандаше сам, а резаться и литографироваться, конечно, они будут издателем.

Объемом повесть эта будет равна двум книжкам, таким, как ваша книжка «С того берега».

В настоящее время я живу в городке Маттун, штат Иллинойс; этому городку три года от роду, только; о географическом его положении я могу сказать только то, что он стоит на пересечении двух железных дорог:





АВТОГРАФ ПИСЬМА И. В. ТУРЧАНИНОВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 22 МАРТА 1859 г.

Турчанинов в обращении ошибочно называет Герцена «Александром Васильевичем»

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

иллинойской, центральной, и Terre-haute and Alton R. R.; в нем я дождусь ответа от вас и потом думаю перекочевать или в St. Louis или в Cincinnaty, откуда пошлю вам следующее письмо.

Я укоротил здесь свою фамилию, не изменяя ее сущности и руссицизма; птичий английский рот не в состоянии был произносить мое прежнее имя; думаю, что я буду просить правительство официально укоротить мое имя, во избежание каких-нибудь могущих при случае возникнуть затруднений.

Теперь я адресую вам письмо на имя Трюбнера и прошу вас уведомить меня, каким образом должен я вперед адресовать мои письма, если переписка наша может составить для вас какой-нибудь интерес.

Если вы слыхали что-нибудь об Евгении Дмитриевиче Григорьеве, многообещающем молодом человеке, бывшем когда-то со мною в большой приязни и сильно желавшем познакомиться с Америкою, — то очень меня обяжете, сказав мне что-нибудь об нем.

Жду от вас ответа и братски приветствую вас. Жена моя, хотя и не знакомая лично с вами, но очень хорошо знакомая с вашими сочинениями, считает правом послать вам также свой привет.

Преданный вам Иван Турчин

Адрес: United States of North America
John B. Turchin
Mattoon, Coles C° Illinois. Land office.

2

ТУРЧАНИНОВА — ГЕРЦЕНУ

(Маттун. 1859 г.)

Посылаю вам мою повесть; не знаю, понравится ли она вам и суждено ли ей быть напечатанной, но, во всяком случае, благодарю вас за вашу снисходительную готовность заняться ею. Эта повесть написана по-французски, потому что я не предполагала возможности напечатать и сбыть что-нибудь русское; все, что я могу написать, будет необходимо антиправославное и антиверноподданническое и потому не может идти на святой Руси; в Полярной же звезде нет места ни для легкой литературы, ни для объемистых рукописей. У моей княгини найдется, вероятно, множество руссицизмов, несмотря на то, что я довольно порядочно знаю язык; обороты и легкость выражения теряются, когда нет случая употреблять язык, а я вот уже три года не встречала ни одной души, говорящей по-французски.

Иван Васильевич писал вам о том, что́ мы нашли в Америке; прибавлю, с своей стороны, несколько слов о предметах, преимущественно для меня интересных. Американская женщина, принадлежащая к высшей «respectability» — тщеславнейшее, надменнейшее и пустейшее созданье. Наряды, чванство, желание блеснуть, сыграть роль принцессы, леди — идеал ее жизни; нигде роскошь туалета не доведена до такого бессмысленного излишества; нигде так открыто нагло не кланяются деньгам; тут даже нет наружного приличия в этом отношении: на улице и в лавке, в церкви и в бальной зале вы услышите на разные лады высказываемое одно и то же, а именно, что деньги делают человека и что без денег человек — дрянь, не стоящая уваженья. И, несмотря на это жидовское идолопоклонство, несмотря на глупое направление высшего класса и глупую обезьяническую подражательность низшего, тянущегося из всех жил за fashion и respectability*, здесь встречаются вещи удивительные, делающие глу-

* модой и респектабельностью (англ.).

бокое впечатление. К этим явлениям, независимым от народного характера, напротив, противоположным ему и как-то чудно порожденным свободой, лежащей в основании их жизни, принадлежит известная Lucy Stone[1] с своею непреклонной мыслью о личной независимости женщины, та самая Lucy Stone, которую разные благонамеренные журналы в Европе и здесь стараются выставить с такой глупо-смешной стороны. К ним же принадлежат два маленьких училища женщин-докторов, заведенные несколько лет тому назад: одно — в Филадельфии, другое — в Бостоне. В одном из этих училищ я прослушала курс и, признаюсь вам, не раз, стоя с анатомическим ножом в руках у диссекционного стола с тем сосредоточенным чувством, которое навевает на душу смерть, я вздрагивала от удовольствия, слушая подобные восклицания, вырывавшиеся у женщин, занятых, как и я. «Magnificent! beautiful!» * — вскрикивала дюжина молодых женщин, толпясь около какой-нибудь удачно обнаженной сети нервов или искусно выслеженной артерии. «Вот она, — думала я с гордым трепетом, — та слабая женщина, годная только для детской или бальной залы!». Училища эти состоят под страшным гонением мужского медицинского сословия, составляющего здесь необыкновенно многочисленную касту недоучек, спекуляторов и интригантов, падких на деньги. Respectability смотрит на них с полнейшим пренебреженьем, не понимая, как водится в подобных обстоятельствах, эту попытку привить к женской жизни деятельность, так свойственную женской натуре и так существенно необходимую для общества, где больная женщина часто, очень часто, остается без помощи, потому что не решается искать ее у доктора-мужчины. Училища эти лишены средств; женщины, которые в них учатся, принуждены дополнять то, чего недостает, учась частным образом, но все-таки они держатся, несмотря на гоненья. Это известная вам первая церковь христиан в Риме. Какая будет их судьба вперед не знаю, но для меня они — утешительнейшее явление современной жизни, осязательный намек на то, что могло бы быть. Вообще свобода на деле — великое дело! несмотря на воловью английскую натуру, несмотря на корыстолюбивое направление и тупоумную надменность yankee**, здесь встречаются вещи, способные укрепить веру в возможность и необходимость свободы и self-governement ***

[1] *Люси Стоун* (1818—1893)—виднейшая деятельница борьбы за равноправие женщин в Америке, соединявшая эту борьбу с пропагандой против невольничества. Люси Стоун объезжала Северные Штаты с горячей проповедью эмансипации женщин и негров. В 1869 г. она организовала суфражистский союз и основала «Женский журнал».

* «Великолепно! превосходно!» (англ.).
** янки (англ.).
*** самоуправления (англ.).
Конец письма не сохранился. — *Ред.*

А. С. УВАРОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация И. М. Бархаша

Автор публикуемой ниже записки — Алексей Сергеевич *Уваров* (1824—1884) — известный археолог, основатель Московского археологического общества и Исторического музея в Москве, сын министра народного просвещения С. С. Уварова. По своим политическим убеждениям принадлежал к числу дворянских либералов.

Где и когда состоялось знакомство Уварова с Герценом — неизвестно. Вряд ли оно произошло в России, так как к моменту отъезда Герцена за границу Уваров был еще очень молод; вероятнее всего, Уваров впервые встретился с Герценом во время своей заграничной поездки в 1859—1861 гг.

См. ниже, на стр. 762, аннотацию другого письма Уварова к Герцену.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 114).

‹Лондон.› Среда ‹30 апреля 1861 г.›

Очень благодарю вас, любезный Александр Иванович, за милое ваше письмо; так как вы меня зовете, то позвольте сегодня к вам придти [1], и тогда я вам лично передам мое приглашение.

Позволите ли вы мне прислать за «Нордом»: мне очень любопытно прочесть письмо Трубецкого, наверно написано в духе тимашево-правительственном; это может быть диссертация на чин? [2]

Весь ваш
А. Уваров

[1] След этого посещения сохранился в письме Герцена к И. С. Тургеневу от 30 апреля 1861 г.: «Уваров говорил, что есть слухи об уничтожении цензуры» (XI, 81). Отсюда и датировка публикуемой записки: она относится к концу апреля 1861 г. Письмо помечено «*средой*», которая в конце месяца приходилась на 30-е число.

[2] 22 апреля 1861 г. в газете «Nord» (заграничный орган царского правительства, выходивший в Брюсселе) было помещено письмо бывшего эмигранта, кн. А. В. Трубецкого, представлявшее собою отклик на письмо Гарибальди к Герцену от 13 апреля того же года, в связи с расстрелами польских патриотов на улицах Варшавы (письмо было опубликовано в «Il Diritto» от 15 апреля). Трубецкой пытался убедить Гарибальди в том, что «единственное стремление» царского правительства по отношению к Польше заключалось якобы в том, чтобы вернуть ей ее неоспоримые права. Ответ Герцена Гарибальди появился в «Daily News» 22 апреля, т. е. в тот самый день, когда в «Nord» было напечатано письмо Трубецкого. 1 мая этот же ответ был напечатан в л. 97 «Колокола» с примечанием, в котором Герцен писал: «Мы надеемся, что кн. Трубецкой из Блевио, отвечавший в „Le Nord“ на письмо Гарибальди ко мне, не будет сетовать на меня, что я сам отвечаю на него, тем больше, что его верноподданнические мнения не ближе ко мне мнения „Journal de S. Pétersbourg“, который в польских делах дошел до того цинизма, что обвиняет женщин в том, что их убивали...» (XI, 84).

Е. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор публикуемого письма — Евгений Исаакович *Утин* (1843—1894) — брат эмигранта Николая Утина, впоследствии известный адвокат, либеральный публицист и литературный критик, постоянный сотрудник журнала «Вестник Европы». В молодости Е. И. Утин, студент Петербургского университета, принимал участие в студенческом движении 1861 г., был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. По освобождении оставлен на жительстве в Петербурге под гласным надзором полиции. В шестидесятых годах Утин неоднократно ездил за границу, где встречался с Герценом, Огаревым и Бакуниным, а также с представителями «молодой эмиграции». Утин находился в дружеских отношениях с Е. В. Салиас. Публикуемое письмо написано из Версаля, где жила Салиас и где гостил у нее Утин.

Герцен, хотя и встречался с Утиным, был о нем весьма невысокого мнения; в 1868 г. он писал сыну: «Утин, который у вас, — лжец, десять раз пойманный; его брат ⟨Николай Утин⟩, все же, гораздо лучше его» (XX, 181).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 115).

Versailles, rue Champ ⟨de⟩ la Garde 11-bis
18-го июня ⟨1867 г.⟩

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Иванович! Оставляя в стороне иезуитизм, которым так легко заразиться, живя в ультракатолическом вёльоском Версале [1], я без всяких вступлений и предисловий обращаюсь к вам с просьбою, внутренно только упрекая себя за мою недостойную решительность — надоедать вам! Собираясь на этих днях, числа 24, 25-го, ехать в Лондон, я не мог не вспомнить вашего обещания снабдить меня одним или двумя рекомендательными письмами, которые я, конечно, сумею оценить, зная, как вы любите делать только приписки к письмам Николая Платоновича и как не любите писать сами.

Простите же меня за эту просьбу, вперед обещаю вести себя исправнее, но на этот раз я не мог не воспользоваться вашею добротою. Лондон — вы это знали, когда меня еще не было на свете, — Лондон — город холодный, и без теплой рекомендации беда постучать там в какую-нибудь дверь. Вот отчего, любезный Александр Иванович, я и обращаюсь в вам, беспокою вас и с уверенностью вперед уже благодарю за ваше обо мне доброе слово.

Весь ваш
Евг. Утин

P. S. Я с нетерпением ждал последнего номера «Колокола»; мне хотелось знать, как вы отнесетесь к 6 июня[2], хотя, быть может, вы и подумаете, возразите мне, что я и вперед должен был бы знать как? Но ведь в эти опасные минуты одно слово больше, одно слово меньше имеет огромное значение! Весь номер просто прелесть. Еще несколько таких номеров, и я уверен, что многие из раскольников снова обратятся к вам с теми самыми словами, которые вы произнесли когда-то очень давно, не десять,

а сто нравственных лет тому назад, обращаясь к герою июньских дней 1867 г.: «Ты победил, победил...»[3]

Передайте, пожалуйста, мой большой и искренний поклон Николаю Платоновичу и поклон графини Сальяс вам самим. Лугинин[4] просил передать вам, что на днях он будет отвечать на ваше письмо.

Е. У.

[1] В Версале в это время жил Луи *Вёльо* (1813—1883)—французский реакционный публицист, редактор газеты «Univers», принадлежавший к лагерю воинствующих католиков, яростный враг социализма. Сторонник светской власти римского папы, Вёльо высказывался против политики Наполеона III по итальянскому вопросу и в силу этого находился в шестидесятых годах в оппозиции его режиму.

[2] 6 июня 1867 г. состоялось покушение Березовского на Александра II в Париже. Герцен отозвался на него статьей «Выстрел 6 июня»—«Колокол», л. 243 от 15 июня (XIX, 351—352).

[3] Намек на статью Герцена «Через три года», напечатанную в л. 9 «Колокола» от 15 февраля 1858 г. (IX, 126—128). Этой статьей Герцен отозвался на рескрипты Александра II, оповестившие о намерении правительства заняться вопросом «об улучшении быта» крепостных крестьян, т. е. подготовкой отмены крепостного права. Статья эта начиналась словами: «Ты победил, Галилеянин!». Она вызвала в свое время немало нареканий по адресу Герцена со стороны революционно настроенных кругов. Вряд ли напоминание об этой статье могло понравиться Герцену, давно уже освободившемуся от своих либеральных иллюзий. Надежда Утина на то, что статья «Выстрел 6 июня» примирит Герцена с «молодой эмиграцией», ни в какой мере не оправдалась.

[4] О В. Ф. *Лугинине* см. на стр. 57.

Н. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО К А. Д. ТРУСОВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор печатаемых ниже писем, Николай Исаакович *Утин*, мало кому памятен в настоящее время, но в шестидесятых годах и в начале семидесятых он пользовался довольно широкой известностью как один из видных представителей русских революционных кругов. Насколько широка была его известность, можно судить по письму Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 28/16 августа 1867 г. из Женевы. Описывая свидание с И. С. Тургеневым и споры с ним на религиозные темы, Достоевский сделал следующее замечание: «Деизм нам дал Христа, т. е. до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный! А что же они-то, Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевские, нам представили?» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. II. М.—Л., 1930, стр. 31).

Как видим, с точки зрения Достоевского, Утин являлся крупной политической фигурой, и он не сомневался, что его корреспонденту имя Утина знакомо.

Точная дата рождения Николая Утина неизвестна. По тем данным, которыми мы располагаем, можно утверждать, что родился он в 1840 или 1841 г. *

Отец Утина был миллионером, нажившимся на винных откупах. Начал он свою карьеру в каком-то из отдаленных захолустных городков Северо-Западного края и при помощи удачных торговых оборотов очень быстро упрочил свое материальное благосостояние.

Повидимому, в середине пятидесятых годов семья Утиных переехала в Петербург. Здесь старик Утин приобрел роскошный дом и не менее роскошную дачу на островах. В Петербурге семья Утиных завела обширные знакомства. Фамилия Утина довольно часто встречалась на страницах прессы того времени.

На вечерах в доме Утиных собирались гости из самых разнообразных слоев петербургского общества. Здесь можно было встретить и видных представителей администрации, и богатых коммерсантов, и молодых литераторов, и ученых. Последних привлекала в дом Утиных его молодежь.

Старший из сыновей Утина, Борис Исаакович, в 1849 г. подвергшийся аресту в связи с делом петрашевцев, во второй половине пятидесятых годов состоял профессором Петербургского университета по кафедре «истории положительных законодательств». Три его брата — Николай, Евгений и Яков — были студентами этого же университета. Все это были люди незаурядные, занимавшие впоследствии довольно видное положение в петербургском обществе.

Борис Утин пользовался известностью как либеральный публицист и сотрудник «Вестника Европы». Евгений Утин (о котором см. выше) сделался популярным

---

* Мы основываемся в первую очередь на свидетельстве самого Утина в его письме 1877 г. к Мезенцову: «22-х лет (в 1863 г.) покинул родину» (XVI, 440). С этим согласуется и свидетельство Л. Ф. Пантелеева, по словам которого, Утин в 1861—1862 гг. был юношей двадцати одного года (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М., 1934, стр. 281). В словаре «Деятели революционного движения в России» (т. I, вып. 2, стр. 420) указано, что Николай Утин родился якобы в 1845 г. Отсюда эта дата перешла в ряд других изданий. Между тем она явно ошибочна: принимая ее, пришлось бы допустить, что Утин поступил в Петербургский университет в возрасте тринадцати лет.

адвокатом и тоже сотрудником «Вестника Европы», где он печатал литературно-критические публицистические статьи. Яков Утин по окончании юридического факультета работал в Министерстве юстиции; он также был не чужд литературной деятельности, но только по своей специальности, как юрист. Дочь Утина была замужем за известным историком и публицистом М. М. Стасюлевичем, редактором-издателем «Вестника Европы».

Старик Утин не жалел денег на образование своих детей. Его сыновья и дочь были окружены воспитателями, репетиторами и преподавателями. Летние месяцы семья Утиных обычно проводила за границей.

Николай Утин учился на историко-филологическом факультете. Это был прилежно занимавшийся студент, обративший на себя внимание профессоров и ректора (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. СПб., 1911, по указателю). Знал Утина как выдающегося студента и тогдашний попечитель Петербургского учебного округа И. Д. Делянов, впоследствии известный реакционер, а в то «либеральное» время разыгрывавший из себя либерала.

Еще будучи на третьем курсе, Утин готовил кандидатскую диссертацию об Аполлонии Тианском. К весне 1861 г. она была закончена. Несмотря на то, что у Утина был весьма опасный соперник в лице знаменитого впоследствии критика и публициста Д. И. Писарева, писавшего диссертацию на ту же тему, Утин вышел победителем: золотая медаль была присуждена ему, а его сопернику пришлось ограничиться серебряной (см. рассказ об этом Писарева в его статье «Наша университетская наука», написанной в 1863 г.—«Избранные сочинения», т. I. М., 1934, стр. 374).

Занимаясь усердно наукой, Утин в то же время отдавал много времени и студенческим общественным делам.

В годы революционной ситуации правительство было вынуждено внести серьезные изменения в распорядок университетской жизни. В стенах университетов появились совершенно не известные ранее студенческие корпоративные учреждения: кассы взаимопомощи, библиотеки, товарищеские суды и др. Студенты начали устраивать в аудиториях сходки и обсуждали свои нужды. Они избирали депутатов, которые представляли их интересы перед университетским начальством, вынужденным молчаливо мириться с этими новшествами. Одним словом, жизнь в университете бурлила.

Утин принимал деятельное участие во всех проявлениях студенческой корпоративной жизни. Он сумел быстро выдвинуться, приобрести популярность среди своих товарищей и завоевать их доверие. Обладая незаурядным красноречием, он часто выступал оратором на студенческих сходках.

Приведем несколько фактов, свидетельствующих о популярности Утина среди студентов и о влиянии, которым он пользовался.

В 1857 г. петербургские студенты наладили издание сборников своих научных работ. Утин был избран одним из редакторов этих сборников.

Участвовал он и в студенческом суде, организованном для разбора дела одного студента, обвинявшегося в растрате денег из студенческой кассы взаимопомощи (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 77).

В марте 1861 г. некоторым из петербургских профессоров удалось убедить попечителя учебного округа Делянова провести официальное признание существовавших тогда студенческих организаций и внести порядок в стихийно развивавшуюся корпоративную жизнь студенчества. Предполагалось выработать статут, который точно определил бы права и обязанности студентов и порядок работы организованных ими учреждений. Для этой цели была образована особая комиссия профессоров под председательством К. Д. Кавелина. В работе комиссии должны были принять участие и представители студенчества. Одним из них был избран Утин (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 74). Из работ этой комиссии ничего не вышло, так как весной 1861 г. правительство решило ликвидировать все вольности, которыми пользовались студенты.

Участвовал Утин и в политических выступлениях петербургского студенчества. Так, например, он играл видную роль в попытке русских студентов наладить сближе-

ние с их товарищами-поляками. Дело в том, что поляки, обучавшиеся в Петербургском университете, держались изолированно от русских и уклонялись от сближения с ними. Чтобы сломить недоверие поляков, в марте 1861 г. было устроено совещание делегатов русских и польских студентов. Собрание открылось речью Утина. Он говорил о братстве русского и польского народов, о необходимости предать забвению все счеты прошлого. Делегаты-поляки ответили на речь Утина весьма уклончиво и сдержанно, указывая, что для них на первом месте стоит их национальное дело — освобождение Польши. Утин отвечал, что русская молодежь, сочувствуя польскому делу, видит в русском правительстве общего врага, против которого необходима совместная борьба. «...У русской и польской молодежи, проникнутой демократическими идеями, — говорил Утин, — не может быть разногласия в конечных стремлениях» (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 102—103).

Красноречие Утина не достигло цели: ему не удалось сломить недоверие поляков. Однако его роль на совещании с поляками показывает, что уже к весне 1861 г. он определился как один из наиболее видных и авторитетных политических руководителей петербургского студенчества. Это ярко проявилось во время бурного студенческого движения осенью 1861 г.

Поводом для студенческих волнений послужили, как известно, новые правила, опубликованные Министерством народного просвещения. Ими запрещались всякие студенческие сходки, кассы взаимопомощи и библиотеки; вместе с этим вводилась плата за учение, закрывавшая доступ в университет людям малообеспеченным, и устанавливался строгий надзор за занятиями и поведением студентов.

Как только осенью 1861 г., после летнего перерыва, в университете возобновились занятия, стало ясно, что проведение в жизнь новых правил приведет к ряду недоразумений и столкновений со студентами. Студенты открыто готовились к протесту против новых правил. Образовался тайный комитет для руководства движением. В него входил и Утин, который, по свидетельству Пантелеева, высказывался за самые активные выступления (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 183).

Несмотря на запрещение, сходки не прекращались. Собираясь в аудиториях, студенты обсуждали, как реагировать на реакционные мероприятия правительства. Тогда университетское начальство распорядилось держать на замке все свободные аудитории. Но и эта мера не помогла. 23 сентября студенты выломали запертые двери актового зала и устроили сходку, на которую собралось около пятисот студентов.

И здесь Утин выступил в роли руководителя студенчества. Официальный документ (донесение попечителя учебного округа министру народного просвещения) в таких выражениях рисует роль Утина на сходке 23 сентября: «Один из студентов (Николай Утин) с кафедры говорил своим товарищам о необходимости просить начальство отменить вводимые дисциплинарные правила, разрешить сходки студентов и освобождение от платежа лекций» (С. Гессен. Петербургский университет осенью 1861 года. — В сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 11).

Сходка 23 сентября приняла решение не подчиняться новым правилам и не вносить денег за учение.

Правительство сочло необходимым вмешаться в университетские события. В ночь на 26 сентября было арестовано несколько студентов, которых начальство считало «зачинщиками» и «подстрекателями». В числе арестованных был и Утин. Таким образом, он не мог уже принимать участие в дальнейших событиях, развернувшихся весьма бурно и приведших к закрытию университета правительством.

Сперва Утин был заключен в Петропавловскую крепость, а затем переведен в Кронштадт. Там ему пришлось пробыть до 4 декабря, когда состоялось высочайшее повеление по делу арестованных студентов. Утин отделался сравнительно легко: он был освобожден на поруки отца.

Закрытие университета не прервало связей Утина с его товарищами-студентами. Немедленно по освобождении из крепости он вошел в состав негласного комитета, производившего сбор денежных средств в пользу студентов, высылаемых из Петербурга (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 197). Среди членов этого комитета возникла мысль — организовать публичные лекции, которые до известной степени

заменяли бы студентам закрытый университет. Как известно, эта мысль была приведена в исполнение. Организованные студентами публичные лекции, для чтения которых привлекались лучшие научные силы того времени, пользовались громадным успехом не только среди студентов, но и в петербургском обществе вообще. Посещать их сделалось модой.

Утин принимал ближайшее участие в организации публичных лекций, которые, однако, вскоре были прекращены вследствие высылки из Петербурга популярного среди студенчества профессора истории П. В. Павлова за речь, произнесенную им на вечере, организованном Литературным фондом, и закончившуюся призывом к обновлению русской жизни.

Этот акт административного произвола вызвал большое негодование среди молодежи. Комитет, руководивший организацией публичных лекций, решил ответить на высылку Павлова демонстративным прекращением чтения лекций. Что же касается профессоров, то большинство из них настаивало на продолжении лекций. На этой почве разыгрался шумный инцидент. 8 марта 1862 г. студенты устроили обструкцию Н. И. Костомарову, явившемуся, несмотря на протесты студентов, читать очередную лекцию. Правительство решило запретить публичные лекции.

Утин был деятельным участником всех этих событий. Он выступал в качестве одного из делегатов студентов в переговорах с профессорами. Возмущенный неискренней и двуличной политикой профессоров, он, по свидетельству современника, не находил «достаточно резких слов, чтобы клеймить измену их» (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 201—203).

В то же время Утин был занят редактированием адреса от имени студентов министру народного просвещения с просьбою возвратить в Петербург высланного Павлова.

По закрытии правительством публичных лекций Утин вошел в состав образовавшегося при Литературном фонде отделения, ставившего своей задачей оказание помощи нуждающейся учащейся молодежи (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 221, 226—227).

Общественно-политическая деятельность Утина в первые месяцы 1862 г. не ограничивалась сказанным выше. Имеются указания на участие его в подпольной революционной работе, которая велась в то время в Петербурге. Кое-что об этом доходило до сведения III Отделения. В справке, составленной этим учреждением, мы находим следующие сведения: «Воззвание насчет Павлова составлено, без сомнения, партией Утина, что подтверждали Блюммер и Александровская, а также студент Самарин. Ходившее в Шах-клубе воззвание «Земская дума», как рассказывал там полковник Лавров, составлено тою же партией. Утин находился в близких отношениях с Чернышевским. Его партию поддерживали Благосветлов, Гиероглифов, Серно-Соловьевич. В начале мая 1862 г. Утин выехал в Москву, как можно предполагать, с преступною целью» (ЦГИАМ, ф. III Отделения. Дело высочайше утвержденной следственной комиссии, 1862 г., № 82, лл. 74—76).

Эта справка основана отчасти на агентурных донесениях, отчасти на показаниях арестованных в 1862 г. Антонины Блюммер и Варвары Александровской. Агентурные донесения по самому своему характеру нуждаются в серьезной критической проверке. Показания же Блюммер и Александровской более достоверны, ибо эти женщины обладали значительными связями в оппозиционных и революционных кругах тогдашнего Петербурга: на их квартирах происходили вечера с участием посетителей, связанных как с революционными кружками, так и с редакциями оппозиционных органов прессы.

Попробуем разобраться в приведенной справке III Отделения.

«Воззвание насчет Павлова» — это небольшая прокламация, появившаяся 15 марта 1862 г. и содержавшая в себе протест против высылки профессора Павлова (М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 13).

Уже на следующий день по выходе этой прокламации агент III Отделения доносил: «Не подлежит почти сомнению, что появившееся вчера воззвание насчет Павлова составлено партиею Утина (...) Партия Утина состоит из сомкнутого общества,

КОМИТЕТ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ВЕДАВШИЙ В 1861 г. ПОСОБИЯМИ УЧАЩИМСЯ. В 1862 г. КОМИТЕТ ПЕРЕДАЛ ДЕЛА ОТДЕЛЕНИЮ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ УЧАЩИМСЯ ПРИ ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНДЕ

Сидят (слева направо): С. И. Ламанский, А. Н. Макаров, А. Я. Герд, П. Л. Спасский, Л. Ф. Пантелеев, В. Ю. Хорошевский, Н. А. Неклюдов.
Стоят (слева направо): П. А. Гайдебуров, В. Л. Гогоберидзе, Н. И. Утин, Е. П. Печаткин, И. Ф. Моравский

Фотография 1861 г. (воспроизводится с позднейшего отпечатка)

Исторический музей, Москва

действия коего остаются тайною для всех тех, которые не принадлежат к оному. Ясно то, что это общество более кого-либо защищает Павлова. Означенная партия вместе с тем горой стоит за Чернышевского...» («Красный архив», т. XIV, 1926, стр. 113). В конце мая в III Отделение поступило следующее сообщение агента, знакомого со студентом Самариным, близким к революционным кругам того времени. «Насчет воззвания в пользу профессора Павлова Самарин положительно утверждает, что их выпустили студенты Утин, Печаткин и Неклюдов, которые советовались по этому поводу с профессором Пыпиным» (там же, стр. 116). Наконец, причастность Утина к изданию этой прокламации была засвидетельствована, как указано выше, арестованными Блюммер и Александровской.

Мы уже знаем, как горячо реагировал Утин на высылку Павлова. Упомянем, что его фамилия имеется на подписном листе в пользу проф. Павлова, отобранном позже, при обыске у П. Л. Лаврова (В. Н. Нечаев. Процесс П. Л. Лаврова 1866 г.—«Сборник материалов и статей». Изд. редакции журнала «Исторический архив», вып. 1, 1921, стр. 65). Поэтому участие Утина в составлении и издании прокламации, выпущенной по поводу этого акта правительственного произвола, представляется весьма вероятным.

Значительно меньше оснований настаивать на причастности Утина к изданию прокламации «Земская дума». Эта прокламация появилась в апреле 1862 г. Она была выпущена от имени мифической тайной организации, которая якобы носила название «Земская дума» и настолько развила свою деятельность, что будто бы объединяла ряд «областных кружков». Эта прокламация требовала «полного освобождения крестьян со всею владеемою ими землей» и созвания земской думы из выборных от всех сословий. Кем была выпущена эта прокламация, неизвестно, но мистификаторский характер ее несомненен: организации, от имени которой она была выпущена, в действительности не существовало. Разговоры же в Шах-клубе — слишком ненадежный источник, чтобы на основании исключительно их одних можно было утверждать причастность Утина к «Земской думе». К тому же П. Л. Лавров, на которого ссылается справка III Отделения, в начале шестидесятых годов имел настолько мало связей с революционным подпольем, что принимать на веру его сообщения, не подтверждаемые другими источниками, не приходится. Однако уже самый факт разговоров, связывавших фамилию Утина с появлением прокламаций и утверждавших существование «утинской партии», весьма характерен и заслуживает внимания, свидетельствуя о том, что весной 1862 г. фамилия Утина пользовалась значительной известностью не только в студенческих, но и в обывательских кругах Петербурга.

Справка III Отделения отмечает близкие отношения, существовавшие между Утиным и властителем дум революционной молодежи того времени — Чернышевским. Опубликованные агентурные донесения, а также и другие источники дают некоторый материал для освещения этого вопроса.

Хорошо известно, что Чернышевский внимательно следил за студенческим движением того времени и относился к нему с большим сочувствием. В связи с этим, повидимому, и произошло знакомство Чернышевского с Утиным. Агенты III Отделения отметили, что 30 декабря Утин и еще три студента посетили Чернышевского. 2 января Утин вновь был у него («Красный архив», т. XIV, 1926, стр. 105, 106). Особенно часто Утин начал посещать Чернышевского с марта 1862 г., что, несомненно, стояло в связи с делом проф. Павлова и с демонстрацией 8 марта, о которой сказано выше. По агентурным сведениям, Утин посетил Чернышевского 14 и 22 марта (там же, стр. 113, 115.) Продолжались ли его посещения в апреле, нам неизвестно. Зато мы знаем, что в мае он был одним из наиболее частых посетителей Чернышевского. Донесение от 5 мая отмечает, что Утин был у Чернышевского два раза. 8 мая агент сообщил, что «чаще других посещают Чернышевского доктор Боков, Утин, Воронов и рассыльный „Современника“, Звонарев». Интересно сообщение, содержащееся в донесении от 21 мая. Только что возвратившийся из Москвы Утин посетил Чернышевского и, не застав его дома, «очень жалел об этом». С 18 мая по начало июня было отмечено три посещения Чернышевского Утиным. Затем он посетил его 6, 18, 25, 26 июня и 6 июля (там же, стр. 119—122; т. XXIX, 1928, стр. 177).

Эти данные показывают, что весной и летом 1862 г., до самого ареста Чернышевского, Утин был одним из наиболее частых его посетителей. Известно также, что и Чернышевский бывал у Утина. Пантелеев рассказывает, что однажды Чернышевский зашел к Утину как раз в то время, когда у него заседал студенческий комитет, обсуждавший упомянутый выше адрес министру народного просвещения относительно возвращения сосланного профессора Павлова. Узнав в чем дело, Чернышевский, по словам Пантелеева, отговорил студентов подавать этот адрес (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 226).

О близости Утина к Чернышевскому свидетельствует и следующий факт, сообщенный М. А. Антоновичем. По его словам, Чернышевский во время обыска, произведенного у него перед арестом, улучил удобную минуту и попросил присутствовавшего при этом двоюродного брата своей жены, В. И. Рычкова, сообщить Утину, чтобы он не беспокоился («Шестидесятые годы в воспоминаниях М. Антоновича и Г. Елисеева». М.—Л., 1933, стр. 129—130). Надо думать, что Чернышевский хотел дать Утину понять, что никаких компрометирующих документов у него не осталось. Во всяком случае, просьба Чернышевского показывает, что у него, несомненно, были какие-то конспиративные дела с Утиным. Вряд ли можно сомневаться, что они находились в связи с деятельностью Утина в тайном обществе «Земля и воля».

На близость Утина к Чернышевскому указывали и добровольные осведомители III Отделения. В анонимном доносе, полученном в начале июня 1862 г., между прочим, говорилось: «Ник(олай) Утин—правая рука Чернышевского; юношу бы за границу, но навсегда, а Николая Гавриловича — куда хотите, но скорее отнимите у него возможность действовать» (М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. М.—П., 1923, стр. 178—179). Автор другого доноса, полученного III Отделением в середине июля того же года, выражал благодарность этому учреждению за арест Чернышевского и добавлял: «Приглядывают ли у вас за Н. Утиным? Демагог и решительная голова» («Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», т. II. М., 1928, стр. 436).

Однако III Отделение не нуждалось в подобных указаниях: оно и без них хорошо было осведомлено о близости Утина к Чернышевскому. В записке о Чернышевском, составленной для следственной комиссии, разбиравшей его дело, III Отделение относило Утина к числу лиц, «особенно близких» к Чернышевскому («Красный архив», т. XXIX, 1928, стр. 182).

Таким образом, Утин имел достаточное основание для того, чтобы называть Чернышевского своим учителем и лучшим другом, как он делал это не раз в письмах к Огареву и Герцену, которые мы публикуем.

Из других видных деятелей революционного движения начала шестидесятых годов, повидимому, довольно близок был к Утину Шелгунов. Об этом можно судить по тому, что весной 1862 г. Шелгунов, по свидетельству Пантелеева, принес Утину для распространения пачку каких-то прокламаций. Пантелеев предполагает, что это была прокламация к офицерам, широко распространенная в Петербурге в марте 1862 г. (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 81).

Таким образом, тесная связь Утина уже в начале 1862 г. с петербургским революционным подпольем является несомненной. Мало этого, агентура III Отделения, как мы уже видели, говорила о существовании в это время «утинской партии». Конечно, это выражение не следует понимать в смысле существования вокруг Утина какой-либо организации, действительно заслуживавшей название «партии». Под «утинской партией» надо понимать кружок близких друзей и единомышленников Утина, группировавшихся вокруг него.

Из кого же состоял этот кружок? Точно ответить на этот вопрос трудно по скудости дошедшего до нас материала. Кое-какие указания, однако, имеются. Так, например, по доносу петербургскому обер-полицмейстеру Анненкову его агента, студента-технолога Волгина, к утинскому кружку принадлежали студенты Евг. Печаткин, П. Баллод, Беневоленский и другие (XV, 325). В. Александровская относила к «утинской партии» студентов Спасского, Л. Ф. Пантелеева, В. Гогоберидзе, а также М. Богданову и М. Коркунову (Б. Козьмин. К истории «Молодой России». — «Каторга и ссылка», 1930, № 5, стр. 62—63).

Все перечисленные Волгиным и Александровской лица действительно принимали в той или иной мере участие в революционном движении 1861—1862 гг. Близость к Утину некоторых из них стоит вне сомнений, других — представляется весьма вероятной.

Каков бы ни был состав «утинской партии», самые разговоры о ней свидетельствуют, что уже тогда Утин считался одним из вожаков революционной молодежи. Характерно, что в «антинигилистическом» романе Писемского «Взбаламученное море» Утин был выведен в лице одного из сыновей-нигилистов еврея-откупщика Гусина.

Популярность, которой Утин пользовался в кругах молодежи, побудила инициаторов тайного общества «Земля и воля» обратить на него внимание, когда они начали работу по сплочению в этом обществе всех революционных сил.

В марте 1862 г. член Центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцов предложил Утину войти в тайное общество. Это было вскоре после инцидента с Костомаровым и прекращения публичных лекций. Утин и раньше, по свидетельству Пантелеева, заводивший разговоры о необходимости сплоченной революционной организации (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 255), охотно принял предложение Слепцова. «Я согласился, — писал он впоследствии М. М. Стасюлевичу, — потому что только в работе тайного общества видел тогда хоть какую-нибудь надежду на движение вперед из создавшегося тупика» (XVI, 79).

Известно, что «Земля и воля», эта крупнейшая по числу членов тайная организация шестидесятых годов, состояла из кружков-пятерок (по числу членов каждого кружка), связанных между собою Центральным комитетом, возглавлявшим общество.

Первоочередная задача, стоявшая перед Утиным, сводилась к созданию своей пятерки. Одним из членов ее Утин наметил Л. Ф. Пантелеева, с которым сблизился во время работы в комитете, организовавшем публичные лекции. В начале апреля Утин пригласил Пантелеева к себе и познакомил его со Слепцовым и другим видным деятелем «Земли и воли» — С. Рымаренко. Слепцов изложил программу «Земли и воли» и задачи тайного общества. Пантелеев согласился войти в него (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 255 и сл.). Кроме него, Утин привлек в свою пятерку М. С. Гулевича, А. А. Жука и В. В. Лобанова (XVI, 82).

Первым серьезным делом, выпавшим на долю Утина, были, повидимому, переговоры с московским революционным кружком П. Г. Заичневского. К сожалению, об этих переговорах нам известно только по сообщению В. Александровской. По ее словам, в середине марта 1862 г. в Петербург приехали члены кружка Заичневского, Ап. П. Покровский, И. В. Понятовский, Д. П. Евреинов и Рубинский. По их просьбе, Александровская познакомила их с Утиным, пригласив его к себе. «К удивлению моему, — рассказывает Александровская, — (Утин) приехал не один, а с Пантелеевым и Гогоберидзе, — последнего я даже и не знала. Меня они старались удалять, но, тем не менее, до меня доходили некоторые слова, из которых я могла заключить, что они друг перед другом чем-то хвалились, и, наконец, перецеловавшись, разъехались все в одно время. Впоследствии я узнала, что они опять где-то съехались в эту ночь, присоединив к себе еще несколько лиц; из них знаю только фамилию Слепцова, сотрудника „Современника“,—и тут соединили оба общества в одно...» (Б. Козьмин. Указ. статья, стр. 62—63).

Не говоря уже о том, что Александровская явно спутала сотрудника «Современника» В. А. Слепцова с А. А. Слепцовым, в ее показаниях имеется еще одно более важное отступление от действительности. Объединение, о котором говорит Александровская, не состоялось: кружок Заичневского в «Землю и волю» не вошел. И это вполне понятно, ибо программа Заичневского, изложенная им в знаменитой прокламации «Молодая Россия», была значительно более радикальной, нежели программа «Земли и воли».

Из приведенных выше агентурных сообщений мы знаем, что в начале мая Утин ездил в Москву. Вряд ли можно сомневаться в том, что эта поездка имела своей целью продолжение переговоров с членами кружка Заичневского. В Москве Утин окончательно убедился в безнадежности попыток добиться соглашения с кружком Заичневского. Его пребывание в Москве совпало с появлением прокламации «Молодая

Россия», с очевидностью обнаружившей, насколько расходятся дороги кружка Заичневского и «Земли и воли». Нам уже приходилось высказывать предположение относительно того, что прокламация «Предостережение», захваченная жандармами при обыске у П. Баллода и являвшаяся ответом на «Молодую Россию», была написана Утиным (Б. Козьмин. К истории «Молодой России».—«Каторга и ссылка», 1930, № 6, стр. 61—70). Это предположение и теперь представляется нам вполне обоснованным.

Было бы неверным полагать, что задачи московской поездки Утина исчерпывались исключительно переговорами с членами кружка Заичневского. В Москве тогда

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Литография, 1854 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

существовали и другие революционные группы, в частности так называемая «Библиотека казанских студентов» Ю. М. Мосолова и Н. Шатилова. Вряд ли можно сомневаться в том, что Утин во время пребывания в Москве был связан и с ними.

Июнь и июль 1862 г. были для «Земли и воли» весьма тяжелым временем. Правительственная реакция нанесла тайному обществу тяжелый удар. В лице Чернышевского, арестованного царским правительством, революционное движение потеряло виднейшего и авторитетнейшего руководителя и теоретика. Аресты Н. А. Серно-Соловьевича и С. Рымаренко лишили центр «Земли и воли» двух выдающихся по своей энергии революционеров. А. А. Серно-Соловьевич, уехавший за границу, знал, что на родине его ожидает арест, и решил остаться на положении эмигранта. А. А. Слепцов в июне уехал в продолжительную поездку по России для организации ряда отделений «Земли и воли» в провинции. Из членов центра в Петербурге оставались только Н. Н. Обручев и В. С. Курочкин, но они во избежание провала держались более чем конспиративно.

Для утинской пятерки хуже всего было то, что, вследствие ареста Рымаренко и отъезда Слепцова, она утратила всякую связь с центром общества. Мало того,

бездеятельность центра породила даже у Утина и его товарищей сомнение в том, продолжает ли центр существовать. Среди членов утинской пятерки возникла мысль заменить собою не проявляющий никаких признаков жизни центр. Возникновение этой мысли Слепцов рассматривал позднее как проявление «слабости Утина» и присущего ему желания роли и популярности» (XVI, 82). Однако из сказанного выше очевидно, что обстоятельства действительно толкали утинский кружок к проявлению самостоятельности.

Летом 1862 г. Утин и его товарищи по своей инициативе организовали на одной из дач на Петербургской стороне тайную типографию, шрифты для которой доставил В. И. Бакст, владевший в Петербурге легальной типографией. Работали в этой типографии несколько молодых людей, членов кружка Ф. С. Судакевича и М. Островского; этот кружок был известен под названием «Петербургская коммуна». Утин был близок с членами этого кружка еще со студенческого времени. Типография, созданная Утиным и его товарищами, в сентябре выпустила написанную Утиным прокламацию «К образованным классам» и принялась за подготовку первого номера нелегального журнала (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 279—280).

Самый факт появления прокламации «К образованным классам», независимо даже от ее содержания, имел большое значение, свидетельствуя о том, что, несмотря на многочисленные аресты, правительству не удалось разбить революционеров наголову и что в подполье попрежнему продолжается тайная работа.

Деятельность «Земли и воли» оживилась только после возвращения в Петербург А. А. Слепцова. В ноябре 1862 г. Утин вместе с Г. Е. Благосветловым были кооптированы в Центральный комитет. Одновременно с этим утинская пятерка была признана в качестве Петербургского окружного комитета тайного общества (XVI, 85).

В составе нового Центрального комитета Утин и Слепцов, несомненно, были наиболее активными членами. О роли Утина и об отношении к нему товарищей по комитету можно судить по важности возложенных на него поручений. Наиболее серьезным из них являлись переговоры с польскими революционерами и организация типографского дела.

В декабре 1862 г. в Петербург приехал член польского Народного Центрального комитета Сигизмунд Падлевский с поручением договориться с русскими революционерами относительно совместных выступлений. Центральный комитет поручил Утину и Слепцову вести переговоры с Падлевским.

Падлевский сообщил, что в Польше готовится восстание, и поставил вопрос, смогут ли русские революционеры оказать помощь полякам. Слепцов и Утин откровенно объяснили Падлевскому, что их тайное общество находится еще в периоде организации и что пока силы его недостаточно велики, чтобы оно могло оказать полякам существенную поддержку. При этом они добавили, что «революция в России немыслима прежде мая месяца 1863 г.» (XVI, 87; ср. Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 287—289).

Вследствие отъезда Слепцова в начале января 1863 г. за границу дальнейшие сношения «Земли и воли» с поляками легли всецело на Утина.

Одновременно ему пришлось вести работу и по налаживанию типографского дела. Ввиду того что петербургской типографии, организованной, как мы уже говорили, Утиным, грозил провал, пришлось думать о переводе ее в другое место. Подходящее место было найдено в Люцинском уезде, на мызе Мариенгаузен, принадлежавшей помещику Либскому. Туда и была переведена типография, и туда же выехали члены «Земли и воли» — И. Г. Жуков, Д. Т. Степанов и М. К. Вейде.

В Мариенгаузене были отпечатаны два номера «Свободы» и другие прокламации, выходившие от имени «Земли и воли».

В феврале 1863 г. типографии стала угрожать непредвиденная опасность. Дело в том, что в Люцинском уезде появились отряды польских повстанцев. По сведениям русских властей, мыза Мариенгаузен была одной из баз «мятежников». Ввиду этого было решено занять ее русскими войсками.

Узнав об этом, работники типографии решили спасти, что можно. Забрав с собою шрифты, типографские принадлежности и часть тиража только что отпечатанного № 2

«Свободы», они покинули Мариенгаузен. Однако 26 февраля Степанов и Жуков были задержаны в деревне Кобыльске Островского уезда Псковской губернии. При них оказалось все, что они успели захватить с собою из Мариенгаузена, в том числе семьдесят экземпляров «Свободы».

Первоначально Степанов и Жуков дали весьма уклончивые показания, ссылаясь на какого-то несуществующего Брянцева, по поручению которого они якобы производили печатание. Однако запирательство их продолжалось недолго. Степанов вынужден был признать, что деньги на расходы и материал для печатания он получал от Утина и ему же сдавал продукцию типографии.

В ночь на 18 мая у Утина был произведен обыск, но он успел скрыться до этого (ЦГИАМ, ф. III Отделения, 1 эксп., 1863, № 97, ч. 8 «О задержанных в Псковской губ. студенте Степанове и отставном штабс-капитане Жукове и о возмутительных воззваниях»).

Расследование показало, что еще 2 мая Утин уехал из дома, сказав будто бы отцу, что отправляется в Гатчину, на дачу к своим знакомым Штакеншнейдерам. 14 мая, обеспокоенный продолжительным отсутствием сына, старик Утин заявил о его исчезновении петербургскому генерал-губернатору кн. Суворову (то же дело III Отделения, ч. 90 «О бывшем студенте Николае Утине», л. 13; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 330).

В письме к отцу из Брюсселя от 5/17 июля 1863 г., пересланном адресатом кн. Суворову, Николай Утин так объяснял причины, побудившие его покинуть Россию: «Почти за неделю до моего ухода из Петербурга я был предупрежден как частными лицами, так и одним из лиц, которым почти всегда известно, кого правительство намерено арестовать, т. е. лицом, прежде мне не известным и принадлежащим к тайному политическому обществу, предупрежден о том, что меня намерены арестовать... Вслед за тем я получил более подробные и угрожающие сведения о моем положении; тогда же мне были предложены деньги для побега... Наконец, в среду 1 мая я (...) отправился в канцелярию Суворова справиться о своем отпуске за границу; конечно, он был еще не готов; отсюда я намеревался отправиться за город... Когда я прошел несколько шагов, меня остановил один господин: „Вы — Николай Утин?“ — Я. — „Вам угрожает опасность слишком серьезная, вас решились погубить... Вы избраны жертвой. Валуев поздравлял Александра Николаевича с открытием революционного вождя (эти идиоты воображают, что вы во главе всех политических действий!)“» (то же дело III Отделения).

Центральный комитет «Земли и воли», согласившись, что Утину следует уехать за границу, снабдил его деньгами на дорогу и необходимыми адресами. Ввиду того что бегство через западную границу представлялось весьма рискованным из-за происходивших там военных действий против польских повстанцев, было решено отправить Утина через Черное море. Член «Земли и воли» П. А. Ровинский проводил его до какого-то южного порта, кажется Таганрога, и помог сесть на корабль (Л. Ф. Пантелеев. Назв. соч., стр. 294).

Через много лет после своего бегства Утин писал М. М. Стасюлевичу: «Сколько раз я раскаивался в своей торопливости, которую не мог простить ни себе, ни своим товарищам, не поверив Центральному комитету, что опасность угрожала мне вовсе не такая серьезная, как представлялось Петербургскому комитету. Страх моих товарищей так подействовал на меня, что после двух бессонных ночей в ожидании ареста я не выдержал и уехал, подталкиваемый ими и изнервничавшийся» (XVI, 98).

Были ли у Утина основания раскаиваться в своей поспешности и признавать свое бегство из России ошибкою? Думается, что после вышеизложенного ответ на этот вопрос должен быть совершенно ясен. Мы знаем, что и обывательская молва, и донесения агентов тайной полиции давно уже связывали фамилию Утина с различными революционными предприятиями. Еще весной 1862 г. по Петербургу ходили упорные слухи о том, что Утин будет в ближайшее время арестован и даже что он уже подвергнут аресту.

«Вчера один господин в Павловске спрашивает меня, правда ли, что все Утины арестованы?» — писал 8 июня 1862 г. М. М. Стасюлевич своей жене, сестре

Н. И. Утина. А через три дня он извещал ее: «В городе при встрече с кем бы то ни было от всех слышишь вопрос: правда ли, что Николай Утин схвачен?» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. СПб., 1911, стр. 406, 408).

В настоящее время нам известно, что слухи эти были не случайны. Напуганное развитием революционного движения, правительство еще в конце апреля 1862 г. поставило вопрос о необходимости принять чрезвычайные меры «для охраны общественного порядка и безопасности». В числе таких мер предполагался внезапный чрезвычайный одновременный обыск у всех заподозренных в причастности к революционному движению. Тогда же был составлен список заподозренных, в который включено было пятьдесят человек. В числе их был и Николай Утин. Правда, в конце концов было решено, что производство массового обыска преждевременно. Однако в июне того же года правительство арестовало почти всех лиц, фамилии которых вошли в упомянутый список. И если Утин тогда не попал в число арестованных, то лишь потому, что у правительства еще не было формальных улик, изобличающих его. Тем не менее в то время Утину грозила серьезная опасность.

«Сам Суворов изволил спрашивать у меня, каким образом я до сих пор еще не арестован», — писал впоследствии Н. И. Утин своему отцу (цитированное выше дело III Отделения об Утине, л. 24). Тот же Суворов счел нужным предупредить Пантелеева: «Ваше близкое знакомство с Утиным не доведет вас до добра» (Л. Ф. П а н т е л е е в. Указ. соч., стр. 378).

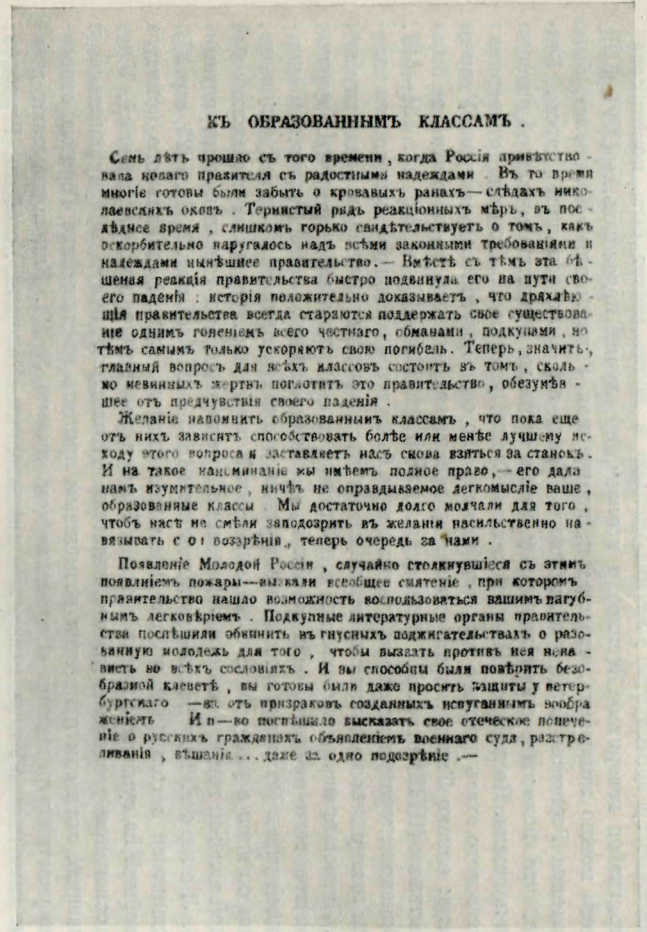
Известное нам показание Степанова дало, наконец, правительству твердое доказательство причастности Утина к «Земле и воле». Из допросов же арестованных участников польского восстания правительству стало известно и о роли Утина в переговорах с польскими революционерами. Так, видный деятель польской колонии в Петербурге Иосафат Огрызко на допросе показал, что «в главе» русского тайного общества, ведшего переговоры с поляками, стоял Утин. Его участие в переговорах с поляками было отмечено также в показаниях одного из руководителей восстания — Оскара Авейде и артиллерийского офицера Владислава Коссовского, бывшего в 1863 г. представителем польских революционеров в Петербурге (Н. В. Г о г е л ь. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Вильно, 1866, стр. 54 и 60).

При таких условиях арест Утина был неминуем, и если Степанов и Жуков поплатились за свою работу в типографии «Земля и воля» каторгой, то несомненно, что не меньшее наказание было бы обеспечено и Утину, если б он попал в руки жандармов.

Вот почему приходится признать, что у Утина были вполне достаточные основания, чтобы покинуть пределы России. Это необходимо подчеркнуть, так как недоброжелатели Утина распускали слухи, будто он бежал из России из мальчишеского страха, не имевшего реальных оснований.

Жандармы, явившиеся в ночь на 18 мая арестовать Утина, испытали большое разочарование, убедившись, что намеченная жертва ушла из их рук. Пришлось вместо бежавшего сына подвергнуть аресту (правда, домашнему) отца, на поруки которого после студенческой истории 1861 г. был отдан сын. Мало этого, Муравьев-вешатель отдал распоряжение о предании старика Утина военному суду. И только вмешательство крупнейших петербургских коммерсантов, указавших, что из-за ареста Исаака Утина они «могут разориться, не учинив с ним расчетов», привело к отмене распоряжения Муравьева (XVI, 437—439).

Николая Утина судили заочно в военном суде при Динабургском ордонансгаузе. Его признали виновным в принадлежности к «Земле и воле», в издании ее журнала, в «сношениях с польским революционным правительством в целях содействовать ему в распространении мятежа» и, наконец, в побеге за границу. За эти преступления Утина признали нужным «лишить всех прав состояния и казнить смертью расстрелянием, каковое наказание исполнить над ним по поимке или по явке его в отечество, имущество же его, Утина, как бежавшего за границу и не явившегося по вызову начальства, взять в опекунское управление». 27 ноября 1865 г. приговор этот был конфирмован помощником командующего войсками Виленского округа (там же, 439).



КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ КЛАССАМЪ.

Семь лѣтъ прошло съ того времени, когда Россія привѣтствовала новаго правителя съ радостными надеждами. Въ то время многіе готовы были забыть о кровавыхъ ранахъ — слѣдахъ николаевскихъ оковъ. Тернистый рядъ реакціонныхъ мѣръ, въ послѣднее время, слишкомъ горько свидѣтельствуетъ о томъ, какъ оскорбительно наругалось надъ всѣми законными требованіями и надеждами нынѣшнее правительство. — Вмѣстѣ съ тѣмъ эта бѣшеная реакція правительства быстро подвинула его на пути своего паденія: исторія положительно доказываетъ, что дряхлѣющія правительства всегда стараются поддержать свое существованіе однимъ гоненіемъ всего честнаго, обманами, подкупами, но тѣмъ самымъ только ускоряютъ свою погибель. Теперь, значитъ, главный вопросъ для всѣхъ классовъ состоитъ въ томъ, сколько невинныхъ жертвъ поглотитъ это правительство, обезумѣвшее отъ предчувствія своего паденія.

Желаніе напомнить образованнымъ классамъ, что пока еще отъ нихъ зависитъ способствовать болѣе или менѣе лучшему исходу этого вопроса и заставляетъ насъ снова взяться за станокъ. И на такое напоминаніе мы имѣемъ полное право, — его дала намъ изумительное, ничѣмъ не оправдываемое легкомысліе ваше, образованные классы. Мы достаточно долго молчали для того, чтобъ насъ не смѣли заподозрить въ желаніи насильственно навязывать свои воззрѣнія, теперь очередь за нами.

Появленіе Молодой Россіи, случайно столкнувшіеся съ этимъ появленіемъ пожары — вызвали всеобщее смятеніе, при которомъ правительство нашло возможность воспользоваться вашимъ пагубнымъ легковѣріемъ. Подкупные литературные органы правительства поспѣшили обвинить въ гнусныхъ поджигательствахъ о разованную молодежь для того, чтобы вызвать противъ нея ненависть во всѣхъ сословіяхъ. И вы способны были повѣрить безобразной клеветѣ, вы готовы были даже просить защиты у петербургскаго — въ отъ призраковъ созданныхъ испуганнымъ воображеніемъ. И п—во поспѣшило высказать свое отеческое попеченіе о русскихъ гражданахъ объявленіемъ военнаго суда, разстрѣливанія, вѣшанія... даже за одно подозрѣніе. —

Такое безотрадное положеніе вызываетъ одинъ изъ двухъ вопросовъ о разованнымъ классамъ: или вы безчувственны къ интересамъ своей родины, къ своей собственной безопасности? Или вы забыли, что такое петерб. п—во? — Вся Россія объявлена на военномъ положеніи. Для п—венныхъ реакціонныхъ мѣръ воскресаютъ злодѣи, подобные Лауницу, кровожадная натура котораго поражала даже Николая, и получаютъ право вѣшать и разстрѣливать... ваши отцы, сыновья, братья томятся въ казематахъ, ни одинъ честный человѣкъ не можетъ быть увѣренъ, что его не схватятъ и не загубятъ въ каторгѣ... разстрѣляніе въ Варшавѣ офицеровъ и солдатъ (за номеръ-Великорусса, которому громко сочувствовала вся Россія) служитъ, по видимому, только прологомъ къ кровавой драмѣ, которую намѣрено разыграть петерб. п—во,.. возможность народнаго образованія уничтожена закрытіемъ всѣхъ школъ, вслѣдствіе самимъ же п—вомъ изобрѣтенной клеветы; лучшіе органы общественнаго мнѣнія запрещены, а по новымъ варварскимъ правиламъ о печати въ литературѣ могутъ свободно царить только презрѣнные подкупные спекуляторы.*)

Въ недавнопрошедшемъ тотъ же гнетущій произволъ, обманъ всѣхъ сословіи со стороны п—ва мнимымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, пролитіе неповинной крови крестьянъ, побіеніе прикладами и штыками вашихъ братьевъ и сыновей — студентовъ, заточеніе ихъ въ казематы, гоненіе просвѣщенія. Въ близкомъ будущемъ тотъ же губительный мракъ — обманы, подкупы, преслѣдованіе всего честнаго.. Честные люди не должны и не могутъ оставаться равнодушными зрителями такого неестественнаго положенія! — Опомнитесь! Поймите, что п—во, дѣйствующее такимъ образомъ, само ведетъ себя къ безднѣ паденія, но пусть же оно гибнетъ одно, не увлекая за собою всѣ образованные классы. — Мы, ваши братья, не можемъ быть противъ васъ, но если вы будете на сторонѣ п—ва, то народъ, грозное возстаніе котораго близится, будетъ противъ васъ, и тѣмъ самымъ вы заставите быть противъ васъ и насъ, — не имѣющихъ права и ни малѣйшаго желанія отстать отъ народа въ минуту роковой борьбы.

П—во губитъ сотни людей въ казематахъ, а нашъ станокъ стоитъ безвредно и будетъ стоять. П—ву пора было бы понять, что ни какія угрозы не могутъ заставить людей отказаться отъ того, что составляетъ вопросъ ихъ жизни, и что каждое преступное дѣйствіе его только усилитъ энергію людей посвятившихъ себя великому дѣлу освобожденія. Чѣмъ же искупитъ п—во гибель невинныхъ жертвъ? Чѣмъ же искупите ее вы, своимъ потворствомъ допускающіе п—во къ злодѣйствамъ и преступленіямъ?! —

30 августа 1862.

*) А. Краевскій, Н. Павловъ, Усовъ, П. Мельниковъ, Кушперевъ.

«К ОБРАЗОВАННЫМ КЛАССАМ». ЛИСТОВКА Н. И. УТИНА, 1862 г.

Издание одной из пятерок петербургского отделения общества «Земля и воля»

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

Покинув пределы России, Утин направился в Лондон, к Герцену. Только в начале августа 1863 г. ему удалось добраться до цели.

В листе 169 «Колокола» от 15 августа 1863 г. было напечатано письмо Утина Центральному комитету «Земли и воли», датированное 10 августа 1863 г. В нем читаем:

«Прибыв, наконец, в Англию, считаю первым и главным своим делом уведомить печатно Комитет общества „*Земли и воли*" об успешном исходе моего путешествия, длившегося так долго вследствие моей случайной тяжелой болезни. Благодарю публично Комитет за своевременное предупреждение меня о грозившей мне гибели; благодарю за снабжение меня всем нужным для выхода из России; за средства, как денежные, так и все другие; за пути, которые были мне указаны» (XVI, 437).

В том же листе «Колокола», сообщая о благополучном прибытии за границу Николая Утина и бежавшего из тюрьмы Ивана Кельсиева, Герцен писал: «Два энергических представителя университетской молодежи, с двух совершенно разных сторон, спаслись от преследования петербургского правительства ⟨...⟩ От души приветствуем их обоих в Европе» (XVI, 436).

В Англии Утин пробыл до начала 1864 г. Живя там, он занимался главным образом переправкой герценовских изданий в Россию. Отношения его с Герценом и Огаревым, весьма дружеские на первых порах, к концу его пребывания в Англии начали разлаживаться. Об этом можно судить по письмам Герцена к Огареву, написанным уже после отъезда Утина из Англии. Так, например, 1 марта 1864 г. Герцен писал Огареву: «... не понимаю твоей удовлетворимости, даже не понимаю ее и относительно Утина. Мне кажется, что ты дешевишь себя». То же и в письме от 3 марта: «Мне не нравится тон институтской câlinerie * его и твоих писем, а ты мне не позволяешь находить, что ты дешево отдаешься» (XVII, 64, 69).

Эти слова Герцена дают основание предполагать, что еще до отъезда Утина между ним и Герценом происходили какие-то недоразумения. Можно думать, что они возникли в связи с вопросом об участии Утина в «Колоколе». Еще 11 ноября 1863 г. Герцен писал Огареву: «Ст⟨атья⟩ Ут⟨ина⟩ только в конце может быть помещ ⟨ена⟩, то есть, где он говорит о „З⟨емле⟩ и в⟨оле⟩", но лучше подождать...» (XVI, 516). Из этого можно заключить, что статья, написанная Утиным для «Колокола», была забракована Герценом. Для самолюбивого Утина это было большим ударом. Возможно, что под этим впечатлением у Утина тогда же возникла мысль об издании своего журнала. По данным III Отделения, Утин, уезжая из Лондона, уговаривал Тхоржевского ехать вместе с ним, чтобы взять на себя издание задуманного Утиным журнала; однако Тхоржевский отказался, вследствие чего это предприятие не было осуществлено (ЦГИАМ, ф. III Отделения, 1 эксп., 1863, № 97, ч. 90, лл. 121—127.

Однако недоразумения из-за статьи Утина были только поводом, вызвавшим охлаждение между ним и Герценом; корни же их расхождения крылись гораздо глубже. П. Л. Лавров правильно указывал, что Утин во многом отличался от других русских эмигрантов того времени. «Он являлся, — писал Лавров, — представителем существующей уже в России революционной организации, и, привыкнув к тому влиянию, которое он имел в университетской молодежи Петербурга, даровитый и самолюбивый молодой человек готовился не к подчиненной роли рядом со старыми эмигрантами» (П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., изд. 2. Л., 1925, стр. 27). Революционер с солидным по тем временам стажем, член Центрального комитета крупнейшей из существовавших тогда в России революционных организаций, Утин имел основания рассчитывать, что издатели «Колокола» будут прислушиваться к его мнению, хотя сам и не счел возможным принять предложение Герцена относительно участия в редакции «Колокола» (см. письмо № 15). Как показывают печатаемые ниже письма Утина, между ним и издателями «Колокола», особенно Герценом, существовали серьезные тактические разногласия. Утин, как и другие представители «молодой эмиграции», не хотел забыть про те либеральные колебания, которые проявлялись у Герцена в годы подготовки крестьянской реформы 1861 г. и которые обусловили политические расхождения между издателями «Колокола» и редакторами

* лести (франц.).

«Современника». Они не могли забыть про эти колебания тем более, что и после 1861 г. пережитки их порой проявлялись в политической линии Герцена, вызывая сильное недовольство со стороны «молодых эмигрантов», не умевших иногда за слабыми сторонами Герцена разглядеть великого революционера. При таких условиях охлаждение во взаимоотношениях между Утиным и редакторами «Колокола» было неизбежно. Можно предположить, что переселение Утина из Лондона в Брюссель, а затем в Швейцарию было отчасти обусловлено убеждением в невозможности сработаться с Герценом.

В Швейцарии Утин нашел кружок русских эмигрантов, сблизиться с которыми ему было гораздо легче, чем с Герценом. В большинстве своем это были люди приблизительно того же возраста, что и Утин. Они являлись типичными представителями разночинной интеллигенции, воспитанными в круге тех же идей и считавшими своими политическими учителями тех же писателей, что и Утин. Революционное прошлое Утина импонировало им. Подобно Утину его товарищи по эмиграции относились к Герцену с большой настороженностью.

Это проявилось особенно ясно в конце 1864 и начале 1865 г., когда в Женеве состоялся съезд русских эмигрантов. Воспользовавшись присутствием Герцена, эмигранты, как жившие в этом городе, так и съехавшиеся для этой цели из других городов Швейцарии, сообщили Герцену свои пожелания. Они настаивали на том, чтобы «Колокол» был превращен в общеэмигрантское предприятие и чтобы их представители участвовали в распоряжении так называемым бахметевским фондом, находившимся в руках Герцена. Их выступления против Герцена отличались порой весьма резким характером. Герцен оправдывался и нападал на своих противников с не меньшей резкостью, доказывая необоснованность их претензий.

На женевском съезде Утин выступал как решительный противник Герцена. «У⟨тин⟩ хуже других по безграничному самолюбию, — писал Герцен Огареву из Женевы 4 января 1865 г. — Я до сих пор не могу понять твоего падения в Cowes с ним, твоих любовных писем к нему...» (XVIII, 6).

Женевский съезд привел не к улучшению, а к ухудшению взаимоотношений между Герценом и «молодой эмиграцией». В письмах Герцена можно найти ряд чрезвычайно резких отзывов об Утине, свидетельствующих, насколько были обострены отношения между ними. Герцен отзывается об Утине, как о «не совсем честном человеке», и называет его «самым лицемерным из наших заклятых врагов» (XX, 163, 164).

Публикуемые письма Утина к издателям «Колокола» дают возможность уточнить, в чем именно заключались разногласия между ними и Утиным.

Еще в 1864 г. Утин в одном из писем заявил о своем расхождении с редакцией «Колокола». Поводом для этого был готовившийся съезд представителей революционных организаций различных славянских народов. Предполагалось, что русская эмиграция выступит на этом съезде как единое политическое целое. Однако Герцен и Огарев написали приветствие съезду исключительно от своего имени. Познакомившись с этим документом, Утин заявил против него решительный протест не только потому, что считал вредным для дела изолированное от остальной эмиграции выступление издателей «Колокола», но и по несогласию с содержанием их выступления.

Из письма Утина к Огареву от 27 апреля 1864 г. мы узнаем, что в документе, написанном Герценом и Огаревым (он неизвестен), имелась между прочим такая фраза: «*Внутренние перемены в смысле гражданской свободы* правительство ставит так, что эти перемены никого не удовлетворяют». Утин указывал, что такая формулировка находится, по его мнению, в вопиющем противоречии с принципами, провозглашенными русскими революционерами и, в частности, «Землей и волей». «Мы, — писал Утин, — высказали в „Свободе“ ясно необходимость прямого разрыва с правительством, мы показали ясно, что ни в одном из лживых маневров правительства, именуемых реформами, нет и не может быть смысла; мы указывали, почему относимся к нынешнему императорству как к полнейшему бессмыслию. Ваши слова о „реформах в смысле гражданской свободы“ идут в прямой разрез со всею донынешнею пропагандою».

Нельзя не признать, что в этом случае Утин был вполне прав: за неудачной формулировкой Герцена и Огарева скрывались не изжитые еще вполне пережитки их

либеральных иллюзий. Надо добавить, что Огарев был настроен более миролюбиво по отношению к «молодой эмиграции», нежели Герцен. Огарев неоднократно делал попытки убедить своего друга в необходимости сблизиться с молодежью и договориться о совместной работе. Но Герцен твердо стоял на своем.

Одна из таких попыток, как это видно из печатаемых ниже писем, была сделана Огаревым в начале 1867 г., когда эмигранты Л. И. Мечников и Н. И. Жуковский вступили с ним в переговоры относительно издания общими силами русского трехмесячника. Огарев отнесся весьма сочувственно к этому предложению.

Что же касается Утина, то он знал об обращении Мечникова и Жуковского и разрешил им действовать и от его имени. Однако письмо, полученное им по этому поводу от Огарева, должно было убедить Утина, насколько трудно будет и на этот раз «молодой эмиграции» договориться с издателями «Колокола» о совместной работе.

К сожалению, письмо Огарева к Утину не дошло до нас*; сохранился только ответ на него Утина. Из этого ответа выясняется, что Огарев, приглашая Утина принять участие в новом журнале, в то же время «повторял обычные обвинения» против молодых эмигрантов. Это дало Утину повод не только требовать точного определения программы будущего органа, но и сформулировать основные пункты разногласий между ним и его друзьями, с одной стороны, и Герценом и Огаревым — с другой.

Предложение Огарева («Герцен напишет предисловие, в котором объяснит направление» журнала) не могло, естественно, удовлетворить Утина, и он указал Огареву, что программа должна быть выработана сообща всеми участниками задуманного предприятия, тем более, что направление «Колокола», которого, по мнению Огарева, должен придерживаться и новый журнал, далеко, с точки зрения Утина, от полной ясности, четкости и последовательности и нередко отличается колебаниями и противоречиями.

В виде примера Утин сослался на отношение издателей «Колокола» к царскому правительству. Он указывал на необходимость раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было «обращений к Зимнему дворцу» и напоминал Огареву о стародавнем недовольстве петербургских революционеров компромиссами Герцена с царем. При этом Утин писал: «...Я и теперь — и опыт времени оказался за Петербург — буду отстаивать справедливость отношения Чернышевского; я и теперь готов доказывать, что хвальбы Александру II уже потому были ложны, что землю крестьянам дала не „добрая воля царя", а горячее отстаивание ее Чернышевским и вами. Ваши статьи на тему „*народ царем обманут*" были гораздо последовательнее, чем тосты за Освободителя» (письмо от 14 февраля 1867 г.).

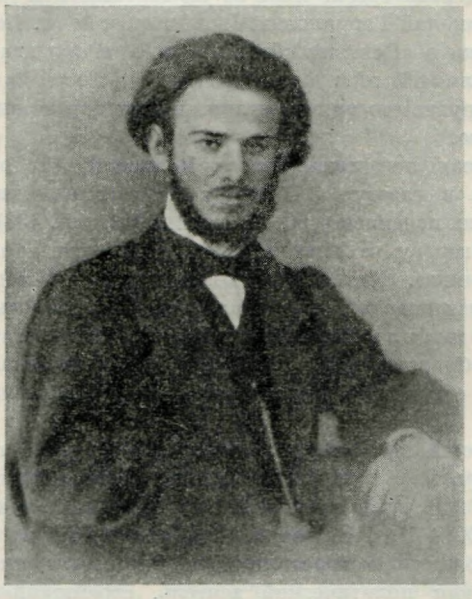
С этой же точки зрения Утин подходил к оценке предложения Огарева о передаче крестьянам земель, конфискованных русским правительством у польских помещиков, участвовавших в восстании 1863 г. Он указывал на недопустимость одобрения петербургского правительства, даже в том случае, если бы оно «вздумало превращать Польшу хотя бы в социалистическую фаланстерию». «Польская земля, — писал он, — должна быть свободна от русского ига — и только до этого нам есть дело. Иначе мы становимся на скользкий путь, где цель оправдывает всякие средства; иначе мы должны бы восторгаться разными Бисмарками etc». Огарев писал о необходимости «подстрекать правительство в его бессознательно-социальных поползновениях». «Мы видели, — замечает по этому поводу Утин, — достаточно эти бессознательно-социальные проекты правительства; одно имя могло бы быть опровержением вашему воззренью—Муравьев; вот орудие, избираемое правительством для своего социализма». К правительству, указывал Утин, следует относиться «как к язве, которая может только заражать и причинять бедствия, а не благосостояние народа».

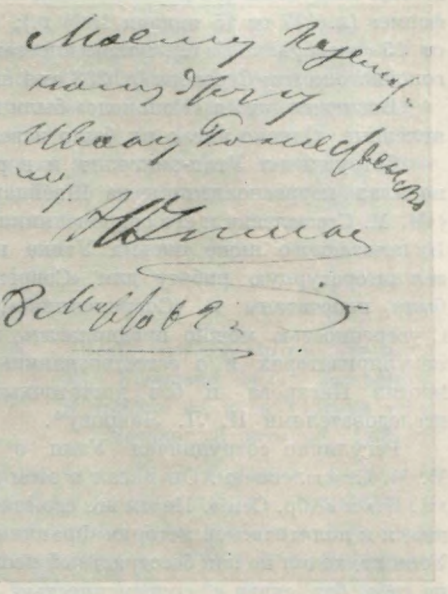
---

* Не дошли или остаются неразысканными и остальные письма Огарева к Утину, кроме письма от конца марта 1867 г., напечатанного по черновику в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 64—66.—Из ответных писем Герцена к Утину известно письмо от июля 1869 г., о котором см. ниже, стр. 690 и, предположительно, письмо от 25 декабря 1864 г., опубликованное в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 271—278.— *Ред.*

Сообщая Герцену о своих переговорах с представителями «молодой эмиграции», Огарев старался убедить своего друга, что проектируемый журнал насущно необходим и имеет все шансы на успех. «... „Revue“ внесет, — писал он, — некоторую систематичность в изложение социологии, а „Колок⟨ол⟩“ примет совершенно ежедневные вопросы в свое заведование — и ⟨...⟩ это поднимет оба издания» (письмо от 4 марта 1867 г. — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 435).

Однако доводы Огарева не убедили Герцена. «Итак ⟨...⟩, старая штука повторяется, — отвечал он своему другу: — revue будут издавать *общими* силами, но так что деньги и статьи будут *наши* ⟨...⟩ Где доказательство яростного желания читать заграничные издания?» (XIX, 226).





Н. И. УТИН

Фотография с дарственной надписью на обороте: «Моему казематному другу Ивану Рождественскому. Н. Утин. 8 марта 62 г.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Для Огарева было слишком тяжело отказаться от мысли о совместной работе с молодежью. Поэтому, сняв вопрос о создании нового журнала, он выдвинул взамен проект восстановления не выходившей с 1862 г. «Полярной звезды». Ему казалось, что по отношению к изданию такого типа, как «Полярная звезда», являвшемуся скорее сборником статей и иных литературных материалов, можно будет избежать предварительной постановки вопроса о программе и направлении. Об этом плане он сообщил Утину, добавив, однако, при этом, что он сам на девять десятых не согласен с замечаниями Утина относительно направления «Колокола» и с его объяснением причин розни среди эмигрантов.

Утин не мог принять этот проект Огарева. «Что касается до „Полярной звезды“ в таком виде, в каком она была, — писал он, — то, действительно, для нее не требуется никакой программы, так как до сих пор она всегда составлялась из случайно накопившихся статей. Но для нас имел бы значение не случайный сборник, а определенный целесообразный радикальный журнал. Теперь очевидно, что наше желание создать такой журнал вместе с вами—рушится. А затем, вы сами знаете, что давать статьи в сборник, редакция коего и вместе с тем главные участники несогласны со мною в девяти десятых направления,—я столько же не могу, сколько и вы не можете их принимать» (письмо от 22 марта 1867 г.).

Этот ответ Утина положил конец переговорам, происходившим между Огаревым и представителями «молодой эмиграции».

В годы эмиграции Утина развернулась его литературная деятельность, начавшаяся еще до бегства из России; он сотрудничал тогда в «Энциклопедическом словаре», выходившем под редакцией П. Л. Лаврова. В этом издании он печатал статьи и заметки по истории Палестины, об Апокалипсисе, о религиозных сектах и др. (см. «Сборник материалов и статей». Изд. редакции журнала «Исторический архив», вып. 1, 1921, стр. 67).

Нет никакой возможности установить полностью все, что было написано Утиным в годы эмиграции.

Сотрудничал он — правда, спорадически — в «Колоколе»; до сих пор нам известны следующие его произведения, помещенные здесь: «Еще об университетской реформе» (л. 177 от 15 января 1864 г.); «Николай Гаврилович Чернышевский» (л. 189 от 15 сентября 1864 г.); маленькие заметки о «Невском сборнике» и о «Рефлексах головного мозга» Сеченова (л. 238 от 1 апреля 1867 г.).

Возможно, что в «Колоколе» были и другие его произведения, до сих пор не выявленные. Однако число их было невелико.

Сотрудничал Утин-эмигрант и в русской легальной прессе. Возможно, что он посылал корреспонденции из Швейцарии в газету «С.-Петербургские ведомости» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II. СПб., 1912, стр. 488). Из печатаемого ниже письма Утина к Огареву от 22 июня 1864 г. видно, что Утин вел литературную работу для «Современника». Какие именно произведения Утина были напечатаны в «Современнике», установить, к сожалению, не удалось. С уверенностью можно предполагать, что им была написана статья «О публицистах популяризаторах и о естествознании» («Современник», 1865, № 9), направленная против Писарева и без достаточных оснований приписываемая некоторыми исследователями П. Л. Лаврову*.

Регулярно сотрудничал Утин в «Вестнике Европы», основанном в 1866 г. М. М. Стасюлевичем. Он писал в этом журнале с 1867 по 1871 г. под псевдонимами «И. Н.» и «Абр. Сем.». Почти все его статьи в этом журнале написаны на темы, относящиеся к политической истории Франции в XVIII и XIX веках. К событиям прошлого Утин подходил не как бесстрастный исследователь, которого прошлое интересует само по себе, без связи с современностью, а как политический деятель, стремящийся извлечь из истории уроки для настоящего. Недаром в одном из писем к Огареву он называл свои литературные работы «историческими аналогическими статьями». В прошлом его интересовали преимущественно те явления, в которых он находил черты, аналогичные с современными.

Близкое участие принял Утин в журнале «Народное дело», выходившем в Женеве в 1868—1870 гг. Журнал этот был основан группой эмигрантов во главе с Бакуниным. Первый номер его вышел осенью 1868 г. Он состоял почти целиком из статей Бакунина. По выходе его среди сотрудников обнаружились глубокие принципиальные разногласия, в результате которых Бакунин и некоторые другие члены группы порвали с журналом. С этой поры направление «Народного дела» коренным образом изменилось. Новая его редакция, в которой руководящую роль играл Утин, отказалась от анархистской программы первого номера «Народного дела». Исходя из идей Чернышевского, обновленное «Народное дело» вело ожесточенную

---

* По гонорарным книгам «Современника» выясняется, что гонорар за эту статью был выписан на имя А. А. Жука. Однако считать последнего автором статьи нет никаких оснований, так как никакими сведениями об участии его в литературе мы не располагаем. Между тем Александр Антонович Жук был близок с Н. И. Утиным и принадлежал к пятерке, возглавлявшейся Утиным и входившей в состав «Земли и воли». Естественно предположить, что эмигрант Утин, не имевший возможности лично получить в конторе «Современника» гонорар, поручил сделать это своему другу А. А. Жуку. Что касается предположения об авторстве П. Л. Лаврова, то этому предположению противоречит содержание интересующей нас статьи: ее автор признает закономерность общественных явлений, между тем как Лавров, придерживавшийся субъективного метода в социологии, отрицал ее.

борьбу против бакунинского анархизма, вспышкопускательства и бунтарства, а так же против авантюристической агитации, которую развернули в 1869—1870 гг. Бакунин и Нечаев. «Народное дело» много внимания уделяло работе Интернационала и проповедовало необходимость перенесения его опыта в русское революционное движение. В 1870 г. группа, издававшая этот журнал, организовала Русскую секцию Интернационала, поддерживавшую Генеральный совет во главе с Марксом в их борьбе против раскольнической политики Бакунина и его последователей. Деятели Русской секции (Н. Утин, А. Трусов, О. Левашева, Е. Бартенева, Е. Дмитриева и др.) принимали деятельное участие в работе женевских секций Интернационала. Им удалось лишить Бакунина и его сторонников того влияния, которым они одно время пользовались среди рабочих Женевы. После Гаагского конгресса Интернационала его деятельность фактически была свернута; в связи с этим прекратила свое существование и Русская секция.

Утин переехал в Брюссель, где окончил Политехнический институт и сделался инженером. От участия в революционном и рабочем движении он отошел. В 1880 г. он получил разрешение вернуться в Россию, где стал работать в качестве инженера на одном из уральских заводов. Умер Утин в Петербурге в 1883 г.

Все письма, за исключением 8-го, печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 116 и 176), письмо 8—по автографу «софийской коллекции».

1

ОГАРЕВУ

I⟨sle⟩ o⟨f⟩ W⟨hite⟩. Ventnor
№. *Richmond villa.* Запомните
и пишите ее, а не Vincent villa.
Четверг. 8 октября ⟨1863 г.⟩

Я крепко целую дорогого патриарха за его стихотворение, несмотря на то, что оно уж слишком лестно для меня, ну да свои люди — сочтемся [1]. Стихотворение действительно прекрасно и тепло, как *теплы* и все ваши поэтические произведения — и за эту-то теплоту и любит так молодежь ваши стихи, оттого-то и поется ваша «Свобода» [2] на всех вечеринках; оттого ваши «Монологи» [3] и знаются весьма многими наизусть и повторяются и до сих пор... Латинское заглавие в переводе, кажется, просто: «*Сим победиши!..*», но и латинское очень хорошо...

Я не знаю, что вы еще будете поправлять тут, а привыкши говорить с вами откровенно, замечу только, что следующие выражения не по мне:

Как прежде, верю я в исход...

Это не верно, и не должно — *как прежде* показывает, что вера ваша хоть в один момент утрачивалась, а этого *мы* от *вас* слышать не хотим; неправда, *говорите*, что у вас всегда была вера...

И верю, верю я в исход...

хоть бы так, всё лучше.

Потом слово *неизбежное* спасенье — *неточно* и не то выражает: *необходимое* спасенье, т. е. непременно грядущее; значит, нужно тут слово другое...

И *крепче держится* в руке; опять хочется заметить то же, что и о *как прежде*; *крепче* — значит, была минута, что слабела рука, — и опять этого мы не хотим от вас. А за хоругвь «Земли и воли» опять-таки целую. Только когда будете печатать это стихотворение, т. е. в следующем «Колоколе», то, ради всего святого, скажите, чтоб слова «Земля и воля» были отпечатаны *крупными* буквами — вы не поверите, как сильно и магически и хорошо действуют эти слова, читаемые в «Колоколе», на передовую

молодежь — она видит всегда в этих *подчеркнутых* словах *отклик* с того берега на свою деятельность... Amen!*[4]

Зачем вы забыли в «Колоколе» поместить благодарность Кельсиева— ее бы можно поместить в следующем номере, хоть эпиграфом: «Лучше поздно, чем никогда...»[5]. Нефтель[6] сегодня сказал мне, что ему сообщают, что 12 октября приезжает Бакунин с женою. Я сделал, как будто и не слышал об этом раньше. Я думаю, что Бакунин едет просто потому, что у него денег нет, а откуда он возьмет здесь?..[7] С кем это, с *К.*[8], объяснялся он и где? Бакст[9] ничего мне не оставил, а ему нужно отписать, я вообще боюсь, чтоб он ⟨не⟩ уехал недовольный отсюда, и его бы нужно поскорее снабдить деньгами. Написали ли вы принципалу?[10] Напишете ли Баксту или чтоб я написал? Куда тогда адресовать и можно ли писать, что надеемся скоро прислать ему деньги?

У меня еще к вам *личная* просьба. Достаньте мне, пожалуйста, *адрес* некомпрометированный, чтоб я мог дать его *родным* для писания мне из Петербурга; это крайне необходимо; а еще желательнее было бы иметь такой адрес где-нибудь в Германии или Франции; брат[11] очень настоятельно просит этого и говорит, что они желали бы так устроить, чтоб на всякий случай был кто-нибудь в Германии или Франции, кому они могли бы посылать *даже деньги* для передачи мне... Но это последнее, т. е. о деньгах, они сумеют и иначе устроить, а *адрес-то* вы мне достаньте — нет ли какой-нибудь барыни, спросите-ка Наталию Алексеевну[12] и сообщите мне этот адрес елико возможно скорей, потому что иначе я опоздаю сообщить его брату. *Не забудьте ж.* Что это вы *морите* меня с газетами — пошлите... До свидания. Пишите же своему другу молодому.

Н. Утин

[1] Речь идет о стихотворении Огарева «Сим победиши», напечатанном в л. 172 «Колокола» от 1 ноября 1863 г. и являвшемся ответом на статью «Братское слово» в предыдущем, 171-м, листе «Колокола» от 1 октября 1863 г. Статья эта была написана по поводу «всеподданнейшего адреса», поднесенного от имени московских студентов Александру II в связи с польским восстанием. Возмущенный этим подхалимским адресом, неизвестный автор статьи выражал свое негодование, напоминая недавнее прошлое (1860—1862), когда московские студенты активно и самоотверженно участвовали в революционном движении, и призывал русскую молодежь к борьбе против русского правительства. Статья была написана человеком, хорошо знакомым со студенческим движением в Москве и с деятельностью кружка Заичневского и Аргиропуло. Огарев ознакомил Утина со стихотворением еще до появления его в печати.

[2] Стихотворение Огарева «Свобода» впервые было напечатано в «Полярной звезде на 1858 год» и в собрании его стихотворений, вышедшем в Лондоне в том же году, и очень скоро стало одной из популярнейших революционных песен.

[3] «*Монологи*» Огарева были впервые напечатаны в «Современнике», 1847, № 3.

[4] Указания, сделанные Утиным по поводу стихотворения «Сим победиши», были учтены Огаревым при печатании его. Огарев заменил латинское название стихотворения русским. Вместо «Как прежде верю я в исход», в печатном тексте мы читаем: «И верю, верю я в исход...». Вместо «неизбежного спасенья» в печатном тексте: «в наше светлое спасенье», а вместо «крепче держится в руке»: «крепко держится». Слова «Земля и воля» в конце стихотворения были напечатаны в «Колоколе» вразрядку.

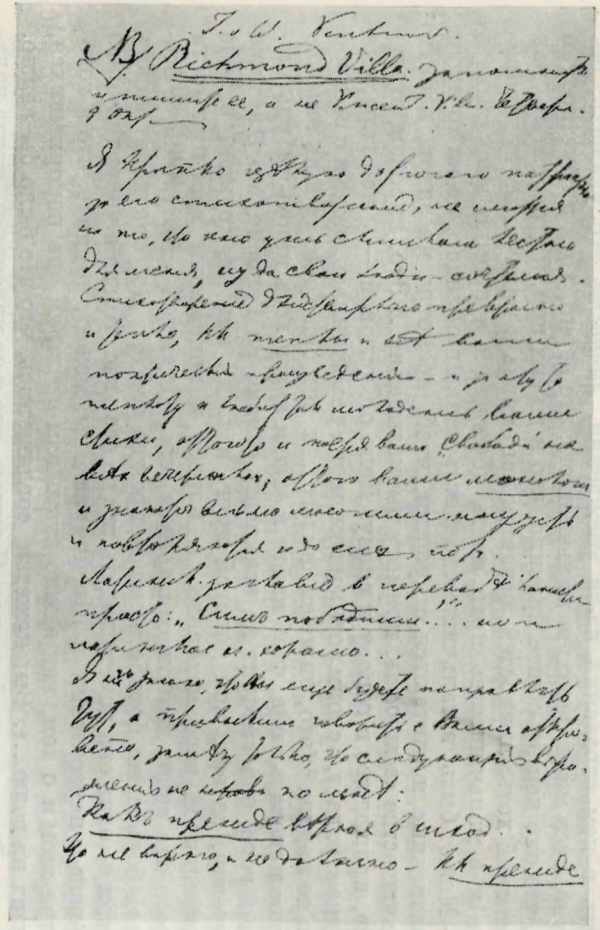
[5] Утин имеет в виду незадолго до того бежавшего за границу И. И. Кельсиева. В л. 172 «Колокола» появилась следующая заметка: «Иван Кельсиев просит нас заявить в „Колоколе“ его благодарность комитету и членам общества „Земля и воля“— за содействие его уходу из России». Повидимому, Утину был прислан корректурный экземпляр л. 172, в котором «благодарности» Кельсиева еще не было.

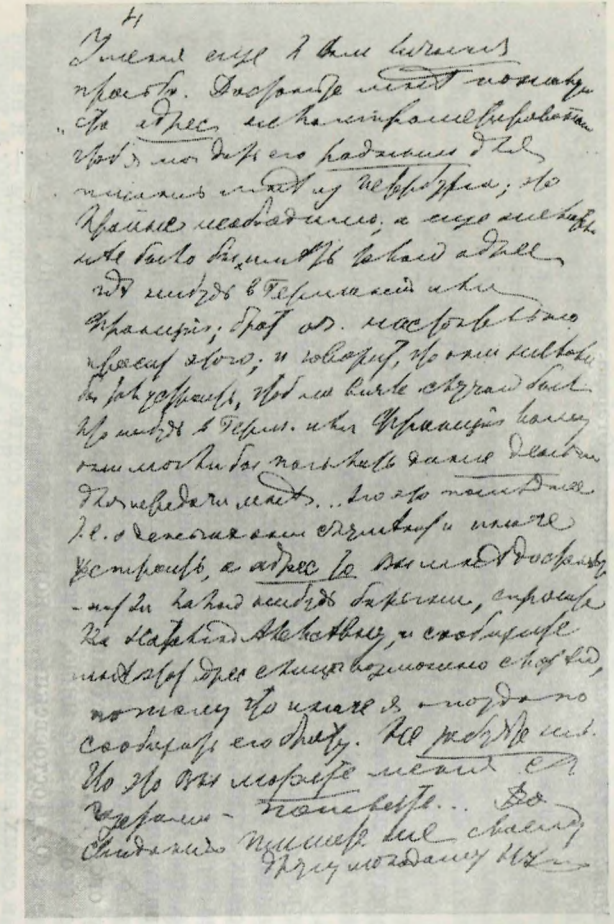
[6] О В. Ф. *Нефтеле* см. в настоящем томе, стр. 399—400.

[7] М. А. Бакунин выехал из Стокгольма в Лондон 8 октября 1863 г. В Стокгольме он находился для установления связи с финскими революционерами и обеспечения доставки лондонских изданий в Россию через Финляндию.

[8] *К.* — Э. Ф. Квантэн, финн, содействовавший Бакунину в выполнении указанных в предыдущем примечании задач. Ссора с Квантэном была последствием ссоры Бакунина с А. А. Герценом, другом которого был Квантэн. Посетивший Швецию А. А. Герцен решительно протестовал против того, что Бакунин в своих публичных

* Аминь! (лат.).





АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. И. УТИНА К ОГАРЕВУ ОТ 8 ОКТЯБРЯ 1863 г.
Листы первый и последний
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

выступлениях чрезмерно преувеличивал силы тайного общества «Земля и воля» Квантэн поддерживал А. А. Герцена.

[9] О В. И. *Бакстe* см. в настоящем томе, стр. 269.

[10] *Принципал* — Герцен. Он был тогда в Неаполе.

[11] *Брат* — Евгений Исаакович Утин, о котором см во вступительной статье к публикации его письма Герцену.

[12] *Наталия Алексеевна* — Н. А. Тучкова-Огарева.

2

ОГАРЕВУ

Torquay. Villa Alexandra
Понедельник. 23 ноября (1863 г.)

Дорогой патриарх. Вот вам какое письмо будет сегодня. Нужно очистить и сдать некоторые вопросы для того, чтоб не возвращаться к ним после.

Вопрос о Сусловой [1]. Я считаю этот вопрос очень важным и потому должен немного распространиться о нем. Суслова — одна из хороших людей, а хороших *людей*, как вам небезызвестно, мало. У Сусловой могут быть разные недостатки, некоторые странности, как и у всех, но, во всяком случае, она имеет право на уважение (в силу этого уважения я и прошу у вас внимания к вопросу об ней), потому что относится к людям, которые искренно хотят, по ее же выражению, идти честным путем правды... Спешу оговориться, что лично, например, я мало видался с нею, и вряд ли она сходилась со мною, уже по той простой причине, что она весьма дружна с Ф. Достоевским, и потому, как и естественно, вполне согласна с ним в своих воззрениях; я же не мог сойтись с Достоевским — я не мог согласиться с его мистикою и отчасти резонерством — это не мешает мне уважать в нем страдания из-за убеждений, *личность* его уважать; он, вероятно, счел меня дерзким мальчишкою; это верно, хотя и грустно, тем более, что оно как бы общее правило, что и до сих пор, и у развитых, как Достоевский хоть, личностей, остается неприязнь к мальчишеству, непризнание и в мальчишестве прав иметь убеждения и громко высказывать их. — Может быть, в мальчишестве и есть излишний задор, но на то люди неприязненные и считаются старшими, чтоб, несмотря на задор, ценить в мальчишестве *честность*, прямоту высказываний... Это, впрочем, отступление, пришедшее в голову к слову. Дело о Сусловой — у ней горе, она очевидно страдает, с своим родным домом она разобщилась, даже и с сестрой как-то не ладила [2] (это, впрочем, ничего), и вот она хочет теперь *нарочно* для *того* приехать сюда, чтоб найти в *вашем кругу* хоть какое-нибудь утешение в горе; она смотрит на всю вашу семью, на Герцена, на Наталию Алексеевну, на вас, мой дорогой друг, и т. д., как на кружок, в силе и справедливой вере которого, в борьбе и понимании необходимости которого она видит возможный *приют* себе, уставшей в ненужной, в бесплодной борьбе, но борьбе *честной* прежде всего... Да, она хочет видеть приют, и не одна она хочет глядеть так на всех вас. Когда я часто толковал вам о вашем переселении в Швейцарию, вы, может, помните, что я говорил при этом и о том, как важно стать вам *центром* «не покорившихся, ушедших на волю...». Вы, кажется, соглашались, что это было бы важно. Тяжело это? это другой вопрос. Я думаю, что я не увлекаюсь, когда полагаю, что вокруг вас могла бы вырасти *целая коммуна*; отбросьте на минуту свой нещадный скептицизм; право, могла бы вырасти коммуна, и нечего бы бояться мелких сплетен, ничегонеделанья, праздного шатанья, того, что вы зовете «kleinstädtisch»* — нет, это ушло бы само собою, а много бы дельного, энергического, работающего могло выйти из такой среды;

---

* провинциальностью (нем.).

отсюда вышла бы та *преемственность*, о которой вы как-то, шагая по гостиной, *намекали*. Ну, а *суть* этой преемственности ясна... Во всем этом опять-таки я не считаю себя увлекающимся — так могло бы быть, сначала немного, потом больше, — задаваться многочисленно не к чему бы — ведь как ни хорошо было бы здесь, хоть в Швейцарии, дома все же лучше, и как лучше!.. И если положение дел не изменится быстро, т. е. переворот в России, то *подобное* тому, что я говорю, здесь или в другом месте, так или иначе *должно будет быть* — иначе ведь мало смысла будет в *разрозненной жизни выброшенных из строя*, это была бы жизнь на оазисах; тогда уж действительно лучше сесть на корабль и плавать по морю, как предлагал Гарибальди [3]; может, удастся где-нибудь пристать, успокоиться в какой-нибудь республике Сан-Марино... Это опять отступление... Факт все-таки, что вы понимаете, *почему* Суслова хочет приехать в Англию. *Ей нужно отвечать*. Она ждет ответа. А вы прислали мне письмо ее, и я уже вас спросил, хотите ли вы, чтоб я отвечал, и прибавил при этом, что это *затруднительно*. А причина затруднительности та, что, не объяснившись ясно с вами, нельзя ей отвечать...

Дело вот в чем — коротко и прямо... В наше последнее бытие в Теддингтоне видно было слишком ясно, что Наталье Алексеевне оно в тягость, — дети, конечно, могут поглощать все внимание матери и делать ей в тягость присутствие других*. Затем, Наталья Алексеевна прямо сказала моей жене, что Герцен тяготится решительно всяким обществом, что он желает быть только с своей семьей и что ему приходится «брать на себя», когда бывают чужие.

** Теперь на сцену является Суслова. Мы и она — дело разное хоть в том отношении, что нас «волна прибила к этому берегу», а она — она ведь может и совсем не ехать в Лондон. Значит, нужно или решить, что она будет приятна и симпатична, или лучше прямо написать ей и просто, чтобы для этого не ездила, что вы все живете теперь в совершенном уединении и потому предались уединению, что у вас у обоих много работы и дела, а у жены вашей — дети поглощают все время. Суслова любит прямоту, и она нисколько не обидится; гораздо лучше сказать ей это искренно, чем если она приедет сюда и только уже здесь поймет это... Тут обоюдная выгода...

Это и всё. Теперь вы видите, почему не могу исполнить я вашего желания — «отвечать, куда следует», без вашей инструкции... Впрочем, может, я не вполне вас понял, может вы и сами ей пишете — это лучше будет... тогда значит не «отвечать», а просто мы напишем ей несколько дружеских слов... А затем, вы помните, что если я дал право себе написать все это, то оно продиктовано только чувством любви к нашей маленькой страждущей семье, чувством любви и уважения к вам, как к членам этой семьи... Вообще, я думаю, что с вами мне можно обо всем говорить искренно и прямо, потому я и буду говорить так, пока вы не скажете, чтоб я молчал о чем-либо... На этом основании я и противоречу вам и говорю прямо, что такая-то статья не по мне,—такое говоренье я считаю *долгом* своим; я *не был бы честен*, если б я скрывал пред вами эти свои мнения, точно так же, как я не счел честным, видя вашу любовь и участие к делу, скрывать пред вами суть дела, потому с первого же раза и сказал вам всю подноготную и, без сомнения, более уменьшил, чем прибавил. Но я останусь честным, если замолчу, когда мне скажут, что хотят этого.

Теперь о Слепцове [4]. Я подожду ему отвечать несколько времени, пока придет хоть какое-нибудь известие из Комитета. Да, Слепцов — назидательное для меня явление; у меня язык не шевелится винить его в чем-

* Далее старательно зачеркнута одна строка. Первые два слова: «других причин» (читаются предположительно).—*Ред.*

** Перед этим старательно зачеркнуты две с лишним строки. — *Ред.*

нибудь, и он действительно не виноват ни в чем... У него было *желание работать*, за это желание я уважаю его; он сознал тщетность своих трудов — сознание это тяжело... Тут важно то, что и Слепцова, как весьма многих других, сражает и смущает, главным образом, *бесплодность многих жертв*... Они правы, и в этом смущении я вижу *одну из возможностей*, чтоб Комитет действительно распался... Одну из причин... другая причина — безлюдье рядом с безденежьем... Я не обвиню и Комитет, если он действительно распался; долгое время, проведенное ими без устали в этом каторжном круговороте, могло истощить силы этой горсточки... но я знаю, что энергия у них останется всегда, готовность на новый призыв тоже останется... И если они все убеждены будут, что их дело должно рушиться, — они не будут виновны; но если б и я убедился с ними в том же — я был бы виновен, потому что я уже успел отдохнуть на свободе и мог думать и за себя и за дело... Если они *бросили* дело, то я не потребую от них возвращения к делу, но я намерен представить им подробный план возможной и мало рискованной, т. е. не бесплодно-жертвенной деятельности; они, конечно, могут возразить тогда на кое-что, но, конечно, не откажут в помощи делу; и если бы они даже отшатнулись совсем (а я знаю, что не отшатнутся), то и тогда мы с вами, мой дорогой *старый* друг, поведем все же дело, держась того правила, что из *камня* топора не сделаешь, но если есть где *железо*, то нужно употребить все средства, чтоб сковать его... Когда я очень уже смущен и изведен нашей конспирацией, тогда я стараюсь забыть о ней и берусь за постороннюю работу. Все это время я читал историю — из хроники Фроассара (!) [5] — много тут хороших и наводящих на мысли вещей! — французская Jacquerie* и фландрская борьба за вольности — весьма поучительная вещь... Теперь, возвратясь мыслями к делу, я все более и яснее укрепляюсь в том, что неизбежно нужно вполне изменить план действий; держа знамя «Земля и воля», мы должны все же бить в нерискованные и в более зрелые или скорые элементы для живой, жизненной, а не искусственной борьбы — сиречь — раскольники и войско. Мой друг *Щелкан* [6] (если сегодня не успею, то завтра непременно пришлю вам письмо к нему — это я подло делаю) прав, требуя, чтоб внимание преимущественно на войско было устремлено. В раскольников можно ли верить? —это вы научите меня, а в войско я верю — нам нужно только *офицерство*, солдаты пойдут за офицерами; если солдаты могли бы, при действии Потебни [7], идти с офицерами даже за поляков, за врагов кровавых и вековых, то можно верить, что солдаты пойдут на родной клич «Земли и воли» — там нельзя будет им сказать—что тут враги народа... Офицерство на Кавказе должно быть гораздо меньше деморализовано, а между тем, даже и в Польше отрадные примеры — помните, что Франковский [8] говорит? А *Якоби?* [9] Якоби не выходит у меня из головы! Когда он приедет к вам? С ним ведь нужно будет обстоятельно говорить обо всем, я полагаю, что не невозможно ему идти на Кавказ... Туда и Слепцова пропрем... Без сомнения, дело приходящих туда — высмотреть тех, которые из *туземных* могут вести дело там. И краковских офицеров [10] нужно бы не оставлять... Но тут опять-таки *деньги!* Что пишет вам Бакунин?

Значит, раскольники и офицерство... А пропаганда втихомолку может идти и в образованном остальном меньшинстве. Можно найти *средний термин* для участия некоторых помещиков... и т. д. Обо всем этом, если только дождемся ответа из Питера, мы с вами напишем им.

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой!..

---

* Жакерия (франц.).

В конце просьба... Я полагаю, что на адресы, данные Маццини, должны б уже прийти письма. Адресы эти: «D-r *Natan* в Cornhill и Pauwells, maison des confections в Bruxelles». Хорошо бы, если б можно еще раз справиться...

А затем, пока и довольно... Не забудьте «Полярную звезду» за 59 г. (примечания к статье Муравьева), когда будете приводить в своей статье место из долгоруковской французской книги о *несамодержавии*[11]. Жмем вам крепко руку. Экая благодать в Торкее; вот где можно отдохнуть.

Весь ваш Н. Утин

[1] Аполлинария Прокофьевна *Суслова* (1840—1917) — писательница и переводчица, дочь иваново-вознесенского купца из крепостных крестьян. Переселившись в конце пятидесятых или самом начале шестидесятых годов в Петербург, вращалась в оппозиционных кругах, принимала участие в преподавании в воскресных школах и была заподозрена III Отделением в причастности к «нигилизму». В 1861 г. началась ее литературная деятельность: в журнале братьев Достоевских она напечатала несколько повестей и рассказов. Отсюда ее знакомство с Ф. М. Достоевским, принявшее вскоре интимный характер. Исследователи жизни и творчества Достоевского отмечают, что Суслова сыграла большую роль в его личной жизни и что она являлась прототипом ряда героинь его произведений, так называемых «инфернальных» женщин. В 1863 г. Суслова и Достоевский съехались за границей. В октябре, в Неаполе, произошло знакомство Сусловой с Герценом и его детьми. С Н. А. Тучковой-Огаревой Суслова познакомилась в Париже благодаря писательнице Е. В. Салиас. В «пражской коллекции» сохранилось следующее неизданное письмо Сусловой к Н. А. Тучковой-Огаревой (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 231):

Июня 26 (1865 г.). Цюрих

Дорогая Наталья Алексеевна!

Я получила книгу «С того берега» и ваше письмо. Мы еще не дочитали книгу, потому что девочки (моя сестра и одна наша соотечественница) очень заняты, маникировать лекциями страшно, можно быть на дурном замечании у профессоров; они все педанты. Сестра моя, сознавая всю силу ума и таланта Герцена, не может принять некоторых его мыслей, она как будто искала защититься от них, задумывалась над каждой страницей и не спала ночь после этого чтения. Это хорошо, что не скоро сдаются, но главная причина непонимания Герцена—в необразовании. Наши петербургские женщины и мужчины даже ничего не хотят читать, прочесть ищут всё готового, чего-нибудь полегче и оттого развиваются в одну сторону. Я им ставлю в пример Герцена, учителя, лучше которого у нас не было и нет, который сам так образован и никогда не рекомендует, как наши петербургские либералы,—не читать.

Я не знаю княгини Голицыной, один раз только ее видела. Говорят, она очень умна, но, должно быть, крайне односторонняя. Притом, знаете, сколько во всех нас, русских этого времени, завладевших силой вершками образования и свободы,—угловатости. Мы или не в меру застенчивы или не в меру дерзки, часто то и другое вместе, к этому бездна самолюбия, ложно понятого, и всякой нетерпимости. Это явления ненормальные. Сильные натуры перерабатывают всю эту дрянь и выходят людьми, другие остаются изуродованными на всю жизнь. Смеяться над ними грешно, сердиться не стоит.

В Берн непременно съезжу. Скажите, как там найти эту школу.

Я не знаю, что вы находите в Лугинине, я его знаю за очень доброго человека, но он мне несимпатичен, его взгляд на Россию нехорош, даже циничен.

Я очень рада нашей переписке, она мне доставляет большое удовольствие.

Книгу «С того берега» вам пришлю, как только прочитаю; я ее берегу пуще своего глаза, а другие я теперь дала почитать своей соседке, жене русского доктора, очаровательной женщине, очень молоденькой и простой и умной.

Ваша Аполлинария *Прокофьевна* Суслова

[2] Сестра Сусловой, Надежда Прокофьевна *Суслова* (1842—1918) — одна из первых русских женщин-врачей; так же как и ее сестра, она была близка в шестидесятых годах к революционным кругам.

[3] Герцен в «Былом и думах» рассказывает, что после поражения революции 1848—1849 гг. Гарибальди мечтал о приобретении побежденными революционерами разных наций кораблей, на которых они могли бы «носиться по океану, закаляя себя в суровой

жизни моряков, в борьбе со стихиями, с опасностью! Пловучая революция, готовая пристать к тому или другому берегу...» (XIII, 342).

[4] Об А. А. *Слепцове* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 276. К концу 1863 г. Слепцов, убедившись, что дело общества «Земля и воля», представителем которого он выступал за границей, проиграно, стал отходить от участия в революционных предприятиях. Он, как и ряд эмигрантов, подозревал, что комитет, возглавлявший «Землю и волю», уже распался, что было близко к действительности, ибо руководители тайного общества в конце 1863 г. приняли решение распустить его.

[5] Жан *Фруассар* (в начертании Утина — Фроассар)—французский поэт и хроникер XIV века. Его хроника является весьма ценным источником по истории средневековой Франции.

[6] *Щелкан*—возможно, тот подпоручик Щелкан, о котором в л. 150 «Колокола» от 15 ноября 1862 г. сообщалось, что он, несмотря на установленную врачами чахотку, был выслан из Полтавы в Астрахань.

[7] Об А. А. *Потебне* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 534—541.

[8] *Франковский* — участник польского восстания 1863 г., после подавления которого эмигрировал; в 1864 г. он жил в Лондоне (XVII, 399).

[9] О П. И. *Якоби* см. на стр. 29 настоящего тома. Повидимому, речь идет о возможном участии его в предполагаемой польской экспедиции на Кавказское побережье.

[10] *Краковские офицеры*—повидимому, офицеры формировавшихся в 1863 г. в Кракове польских отрядов, начальником штаба которых одно время был П. И. Якоби. См. о них на стр. 260 настоящего тома, в письме В. О. Ковалевского к Герцену от 22 октября 1863 г.

[11] В «Полярной звезде на 1859 год» был помещен «Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 году». Разбор этот печатался как принадлежащий перу Никиты Муравьева. Однако в примечании редакция оговаривала, что «другими эта превосходная статья приписывается Лунину». И действительно, она была написана не Н. Муравьевым, а М. С. Луниным. «Разбор» сопровождался примечаниями, в которых, между прочим, указывалось, что при избрании Романовых на царство их права были ограничены Земским собором.—Говоря о французской книге П. В. Долгорукова, Утин имел в виду вышедшую в 1860 г. его книгу «La vérité sur la Russie» (см. о ней на стр. 583 настоящего тома). Статья Огарева, о которой говорится в письме Утина, — повидимому, конец его статьи «Расчистка некоторых вопросов. Конституция и Земский собор», напечатанный в декабрьских листах «Колокола» за 1863 г. (лл. 174 и 175). Однако никаких ссылок ни на книгу Долгорукова, ни на примечания к «Разбору» в ней не содержится.

3

ОГАРЕВУ

(Начало декабря 1863 г.) [1]

Лучше поздно, чем никогда. Поэтому и поздравляем вас, дорогой патриарх, с пятидесятилетием—вас *есть* с чем поздравить! Что-то мы будем в пятьдесят лет! Далеко еще, много нужно любви и веры, чтобы устоять так, как вы...

Натали [2] очень благодарит вас за докторское свидетельство; мы им избавляемся от отцовских докук.

Спешу послать вам «Московские ведомости», все, сколько есть; к моим монстрозам подбавилось еще. Эта юродивая скотина совсем заврался и зачастую противоречит себе. В одном месте лается на то, что движению на Юге хотели приписать социальный характер; в другом месте сам проповедует панам, что борьба, поднятая ими в Западном крае, имеет «до некоторой степени социальный характер». В одном месте Катков проповедует *нетерпимость* веры, говорит, что *российское* законодательство было слишком либерально и недальновидно, допустив вообще к службе *католиков* с теми же правами, как и православных. Вот вам и крестовый поход с Москвы-реки на папу!..[3]

Я не знаю, в каком номере сказано о *сорока русских офицерах*, — не мог проглядеть, я всё читал, отыскивая университетских правил [4], и все же не нашел их. Что же вы это? пошлите, христа-ради! Мне они очень интересны. *Ругательства на «Колокол»* находятся в № 212. Затем есть хорошие вещи в №№ 214 и 216. Продолжение о шедоферротьевской брошюре—в №№ 227, 228 и 229 [5].

Читали ли вы в № 229 о самоубийстве девиц Дексбах? прочтите, пожалуйста: замечательное письмо девушки-утопленницы, в ней социализм проглядывает...[6]

«Современник» и «День» снесу завтра же непременно на почту, не желая задерживать, а за все другое, что пришлете, буду очень благодарен.

Письмо для Ст ⟨уарта⟩[7] пришлю вам,—с ним трудно поладить, а обижать нельзя, он, во всяком случае, может быть полезен, хотя бы охотою и деньгами.

Н. У.

[1] Публикуемое письмо датируется по содержащемуся в нем поздравлению Огарева со днем его пятидесятилетия, исполнившегося 5 декабря 1863 г. (н. ст.).

[2] *Натали*—жена Утина; автор романа «Жизнь за жизнь» (вышел под псевдонимом Н. А. Таль), в котором дано искаженное изображение семейной драмы Герцена.

[3] Автор письма имеет в виду передовую статью М. Н. Каткова, помещенную в № 216 «Московских ведомостей» от 6 октября 1863 г. В этой статье Катков полемизировал с польскими помещиками на Украине, обвинявшими русскую администрацию в натравливании на них местных крестьян и в раздувании движения «чисто социального». «Они бунтуют,—иронизировал Катков над польскими помещиками,—и не могут понять, как это русские *хлопы* осмелились взбунтоваться против бунтовщиков». «Польские паны, — писал далее Катков, — в западных областях должны были знать, что борьба, которую они здесь затеяли, не могла не принять до некоторой степени социального характера».

[4] Речь идет о «Правилах для студентов и слушателей Санкт-Петербургского университета», выработанных в 1863 г. (см. № 220 «Московских ведомостей»).

[5] *Шедоферротьевская брошюра*—книжка «Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne, publiée avec une préface et quelques notes explicatives par D. K. Schedo-Ferroti» («Письмо польского патриота польскому национальному государству, опубликованное с предисловием и несколькими объяснительными примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти»), изданная в Брюсселе в 1863 г. О Д. К. *Шедо-Ферроти* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 261 и 265. Отражая взгляды либеральной части русской бюрократии шестидесятых годов, Шедо-Ферроти осуждал жестокие насильственные меры, принимаемые русским правительством для подавления польского восстания, и высказывался за необходимость некоторых уступок, которые должны были, по его мнению, примирить поляков с русским правительством. Названная выше брошюра, изданная им, заключала в себе письмо некоего Иосифа Питкевича, будто бы участника польского восстания, разочаровавшегося в нем; это письмо было адресовано на имя польского революционного правительства. Убедившись в неминуемом поражении восстания, Питкевич предлагал польскому правительству пойти на компромисс с царизмом. Питкевич обвинял польское правительство в неумелом руководстве восстанием и в обмане как самих повстанцев, так и европейского общественного мнения. Не получив от польского революционного правительства ответа на свое письмо, Питкевич обратился к Шедо-Ферроти, как к «истинному другу Польши», с просьбою помочь появлению его письма в печати, что Шедо-Ферроти и выполнил. Письмо Питкевича содержало в себе резкие нападки на русских революционеров, и в частности на Герцена, якобы обманувших поляков уверением в том, что в России вспыхнет восстание, направленное на поддержку польских повстанцев.

«Г-н Герцен и К°,—писал Питкевич,—уверяли, что находятся во главе обширного заговора, обнимающего всю Россию, и простирали свое фантазерство до того, что предлагали Польше содействие какого-то русского революционного комитета». Руководители польского восстания, по словам Питкевича, имели наивность поверить этим обещаниям и жестоко расплачиваются за это. «Зачем же польские патриоты,—писал далее Питкевич,—не были настолько проницательны, чтобы убедиться, что не только роль призванных вождей русского восстания, на которую претендовал лондонский триумвират ⟨т. е. Герцен, Огарев и Бакунин. — *Б. К.*⟩, но и самые элементы восстания, которые, по их уверениям, будто бы существуют в России,—чистая выдумка? Где эти симпатии студентов к польскому делу, тайные общества, составленные русскими офицерами, решение, будто бы принятое солдатами—не сражаться с *братьями-поляками*, стачки раскольников для ниспровержения верховной власти? Все это существовало только на хвастливых столбцах „Колокола“, редакторы которого лгали, и лгали заведомо, для того, чтобы доставить себе ребяческое удовольствие прослыть вождями могущественной революционной партии... Да покарает бог этих *московских* врале́й в Лондоне и так называемых полонофилов в Париже за невознаградимое зло, которое они нам причинили,—одни, выдумав басню о поддержке, которую, будто бы, дело наше могло встретить со стороны русских, а другие,—преувеличив размеры той помощи, которую намерены были оказать нам западные державы».

На эти клеветнические упреки Питкевича Герцен ответил в статье «В вечность грядущему 1863 году», напечатанной в л. 175 «Колокола» от 15 декабря 1863 г. «Пусть укажут,—писал он,—хоть одну строку „Колокола“, „Полярной звезды“ или чего бы то ни было из наших изданий, в которых бы мы себя выдавали „вождями могущественной революционной партии“, в которой бы мы говорили, что Россия готова восстать, подстрекали поляков и пр.» (XVI, 547).

Упреки Питкевича по адресу других русских революционеров были столь же нелепы и несправедливы, как и по адресу Герцена. Члены тайного общества «Земля и воля», поддерживавшего сношения с польскими революционерами как до восстания, так и во время его, не скрывали от поляков, что силы тайного общества далеко не достаточны для того, чтобы поднять восстание в России. Они убеждали поляков отложить свое выступление хотя бы до весны 1863 г. Разве только против одного Бакунина Питкевич мог с достаточным основанием направить свои обвинения: известно, что Бакунин в своих публичных выступлениях действительно преувеличивал силы русских революционеров и подготовленность революции в России.

Катков посвятил письму Питкевича четыре передовые статьи «Московских ведомостей» (№№ 225, 227, 228 и 229 от 17—22 октября 1863 г.). Брошюра, изданная Шедо-Ферроти, давала ему материал, доказывавший, что польское восстание было якобы не более чем «кровавый пуф». С удовлетворением цитировал он и выпады Питкевича против Герцена и других русских революционеров.

[6] В № 229 «Московских ведомостей» от 22 октября 1863 г. была напечатана подробная заметка о самоубийстве двух сестер, Марии и Ольги Дексбах, в ночь на 16 октября бросившихся в Москву-реку. Дочери канцелярского служащего, сестры Дексбах (одной из них было двадцать восемь, а другой двадцать четыре года), получившие по окончании пансиона звание домашних учительниц, работали в качестве гувернанток, но часто вынуждены были менять места. Наконец, Ольга поступила продавщицей в магазин, но и эта работа не могла удовлетворить ее. В письме на имя знакомого студента Ольга перед смертью писала: «Я слишком много страдала, мне необходим отдых, смерть. Поступив в магазин Р., я думала, что буду спокойнее, но как я ошиблась: морально я здесь более страдала, чем в гувернантках. Я задыхалась в этой атмосфере, мне было душно. Вся пошлость жизни, кажется, слишком ярко тогда представилась мне. Я увидала в торговле один обман и механическую работу, одним словом я страдала разочарованием всего». Повидимому, в этих строках Утин и нашел следы «социализма».

[7] Александр Федорович *Стуарт* (*Стюарт*), барон (1842—?)—зоолог, жил в шестидесятых годах за границей и принимал деятельное участие в делах русской эмиграции, в частности в организации в 1863 г. русской типографии в Берне (см. нашу статью «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 8—14). В 1866 г. Стуарт привлекался по делу участников русской читальни в Гейдельберге и был выслан под надзор полиции в Вятскую губернию. В следующем году он получил разрешение жить в Одессе и в Бессарабии, откуда был родом и где находились обширные имения, принадлежавшие его родителям.

4

ГЕРЦЕНУ

⟨Torquay.⟩ Вторник. 8 декабря ⟨1863 г.⟩

Приветствую вас, дорогой Александр Иваныч, и радуюсь, что Италия еще более подкрепила *ваши* и, значит, *наши* силы [1]. «Сзывайте же к обедне», звоните так, как в новой своей статье [2],—оно, право, плодотворнее отзовется, чем безотрадное уныние.

Вы разом, по дороге, убили двух зайцев: и Провансова поучили уму-разуму [3], и путь устроили! [4] Только Стюарта, вижу я, не успокоили,—он больно прыток, и я, право, не знаю, как удовлетворить его. В Одессе, я почти смело могу сказать, что человек будет; я знаю, что там у нас были завязаны нити, там ведь молодежь есть — значит, можно! [5] Все дело стоит только за тем, чтоб дождаться теперь письма из Петербурга.

В Torquay очень хорошо, но это не мешает нам поджидать весны и подумывать о Швейцарии.

Жму руку Александру Александровичу [6], буде оный приехал.

Ваш Н. У т и н

[1] В октябре—ноябре 1863 г. Герцен посетил Италию; он побывал в Неаполе, Флоренции и Ливорно. 6 декабря он возвратился в Лондон.

[2] Утин имеет в виду статью Герцена «В вечность грядущему 1863 году», датированную: «Флоренция, 10 ноября 1863» и напечатанную в л. 175 «Колокола» от 15 декабря 1863 г. (XVI, 544—550). Из письма Утина выясняется, что он был знаком со статьею Герцена до появления ее в печати. Статья Герцена содержала в себе общий обзор политических событий 1863 г. и заканчивалась словами: «Пять лет мы без устали *сзывали живых*. Теперь, благо мертвые ушли, и никто из мертвых не остался, будем звонить к самой *обедне*, звать к сознательному делу» (XVI, 550).

[3] Проезжая на обратном пути из Италии в Лондон через Женеву, Герцен встретился с членом Центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцовым, который жил за границей под конспиративной фамилией *Провансов*. В письме к сыну Герцен писал: «В Женеве ко мне приехал из Цюриха Провансов и рассказал, что у них есть одно предположение, пренелепое и, по-моему, превредное, более вредное Lapinskiad'ы. Тут выбора мне не было, — я сказал, что я кладу, с своей стороны, veto; но этого было мало, и надобно было в том же смысле иметь влияние на Б(акунина). Я все сделал и виделся с ним (...) Он всеми силами хочет мир с нами и потому ничего не сделает для скандала. Огар(ев) будет к нему об этом писать» (XVI, 543). В чем заключалось предприятие, задуманное Слепцовым с Бакуниным, неизвестно. Упоминание Герценом об экспедиции Лапинского дает основание предположить, что оно стояло в связи с экспедицией, предпринимавшейся польскими эмигрантами в Средиземное море.

[4] Во время своего пребывания во Флоренции Герцен налаживал, при посредстве Л. И. Мечникова, пути для пересылки революционных изданий через Константинополь в Россию (см. стр. 390). Ср. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 12, М., 1951, стр. 154—155 и 162—166.

[5] Утин имеет в виду связи с Одессой, завязанные обществом «Земля и воля».

[6] *Александр Александрович*—сын Герцена.

5

ОГАРЕВУ

10 декабря 63

Я получил сегодня, мой дорогой старый друг, вашу записку с письмом *из дому*...[1] Пишите программу[2] и кликните меня—я явлюсь; чем скорее, тем лучше, конечно... Чернышевский! Чернышевский! убили-таки!..[3] и отомстить нечем... В такие минуты особенно тяжело быть далеко, на чужбине... Не верится еще как-то — в письме сказано «*почти верно*», может и иначе выйти!.. И Издебского[4] — моего товарища—доняли— и не понимаю за что; пред моим уходом я старался оградить его насколько можно; он погорячился, должно быть... Ничего не пойдет в голову. Я и доволен и рад за друзей—они имели силу переломить себя и, отбросив все прежнее, принялись снова за работу, за медленную, долгую, но верную и без *лишних* жертв... Будемте же помогать им, сколько можно... Пишите скорее программку, потому что нужно ответить же, а как думаете? хотите ли, чтоб я подождал отвечать до свидания с вами, или написать сейчас же и прислать вам для отсылки той же Платоновой?[5] И что написать? Что финляндец[6]?..

А Стюарту я подожду отвечать — нужно договориться с вами сначала, как с этими господами действовать... *Одесса* же, при новых планах, не рушится, а напротив—там молодежь, там нужна пропаганда, и там пункт очень хороший и удобный...[7]

Кстати. Все забываю. Вы спрашивали о деньгах — у Савича[8] взято *250 ф.* — о них хотя и затихло теперь, но я не успокоюсь и не упущу из виду содрать их с отца при первом же случае—посмотрим, что ответят на письмо кн. Суворову[9]. Во всяком случае, я убежден, что возвращу всю эту сумму не позже весны, если не раньше. Вы еще о «Русском вестнике» спрашивали—у меня нет ни одного «Русского вестника», это опять Жюль[10] острит: я пред отъездом отдал ему целую кипу книг для передачи вам, там же и «Русский вестник» с статьею о расколе[11],—и он, верно, свалил их в кучу в чулан!.. Нигилист!

Будьте здоровы...

Н. У.

Оригинал вы, конечно, сохраните [12]—я хочу видеть, кто именно писал его; по малороссийскому концу я узнаю одного, но все ли писано одной рукою? *Как* это оно прилетело из Варшавы? было ли сверху черными чернилами?.. До свиданья. Да, еще. У меня остался «День», забыл вчера; позвольте отправить завтра, сегодня ноги не хотят нести на почту — она далеко, а письмо брошу в ящик.

[1] Речь идет о каком-то письме, присланном Огареву из России и пересланном им Утину.

[2] О программе, которую в то время составлял Огарев, имеются упоминания и в других письмах Утина к Огареву. Надо думать, что Огарев взял на себя работу по составлению документа, который должен был формулировать новые задачи, вставшие перед русскими революционерами, и в частности перед эмигрантами, в новых политических условиях, сложившихся в России к концу 1863 г., когда крах польского восстания сделался неизбежным, а деятельность «Земли и воли» пришлось свернуть.

[3] Эти слова Утина свидетельствуют, что сведения о приговоре Чернышевскому проникли в революционные круги России и за границу еще до того, как приговор был подписан сенаторами (2/14 декабря 1863 г.).

[4] Станислав Ромуальдович *Издебский* (1841—?) — участник революционного движения шестидесятых годов, член общества «Земля и воля», привлекавшийся вместе с Утиным по делу об организации тайной типографии в Мариенгаузене. Арестованный в начале 1863 г., Издебский был приговорен к трехмесячному тюремному заключению и высылке в Пермскую губернию под надзор полиции.

[5] О *Платоновой* никаких сведений не имеется. Вероятно, она дала свой адрес для переписки между эмигрантами и их политическими друзьями в России.

[6] *Финляндец* — Квантэн, о котором см. выше, на стр. 626 и 628.

[7] Связи с Одессой установились у эмигрантов через Стуарта, уроженца Бессарабии.

[8] Иван Иванович *Савич* (1808—1892) — брат участника Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Савича; в 1844 г. он уехал за границу и не возвращался более в Россию. В пятидесятых и шестидесятых годах жил в Лондоне и давал уроки. Одно время учил русскому языку детей Герцена.

[9] О чьем письме к петербургскому генерал-губернатору А. А. Суворову идет речь, сказать трудно. Возможно, что это письмо самого Утина, о котором он упоминал в своем письме к шефу жандармов Мезенцову, когда в 1877 г. ходатайствовал о разрешении ему возвратиться в Россию. «Четырнадцать лет тому назад,—писал Утин Мезенцову, — я позволил себе обратиться к его светлости бывшему генерал-губернатору кн. Суворову, клянясь перед ним из изгнания в том, что я не был причастен польскому мятежу и был жертвою наветов лиц, которые преступно искали своего спасения чрез мою гибель» (XVI, 440). Упоминаемое Утиным его письмо Суворову до сих пор не найдено. Если в письме Утина к Огареву упоминается об этом именно письме, то, очевидно, Огарев знал, что оно было написано Утиным, и тогда можно с полной уверенностью утверждать, что письмо к Суворову не было результатом раскаяния Утина, а являлось тактическим маневром, при помощи которого Утин, а может быть и Огарев, рассчитывали достичь каких-то особых результатов. К сожалению, ввиду отсутствия материалов, мы лишены возможности разъяснить этот эпизод более конкретно.

[10] *Жюль*—слуга Герцена.

[11] В течение 1863—1866 гг. в «Русском вестнике» Каткова печаталась серия статей Н. И. Субботина под названием «Современные движения в расколе». В 1863 г. статьи эти были помещены в №№ 5, 7, 11 и 12.

[12] Речь идет о том же «письме из дома», что и в начале публикуемого письма.

6

ОГАРЕВУ

Среда. 23 декабря ⟨1863 г.⟩

Отче! отче! почто еси наказуеши мя?.. А *отче*—это вы, дорогой патриарх, и *мя*—это меня... Полторы недели ждал я от вас ответа,—прилетела сегодня весточка и сразила, *сюрпризами* сразила... Я как-то говорил вам, что, сидя в отдалении от вас, каждые две недели жду «Колокола» с каким-то *напряженным* ожиданием; беда только моя, что дождусь я его всегда тогда, когда мне уж поздно соваться и не к чему... Видно, и в этот раз так будет, и худой подарок вы пришлете мне к новому году... И опять

не могу я молчать и спешу к вам *пожаловаться* на вас же... Вы, по-моему, ужасную вещь сделать хотите—хотите в девиз вставить: «Земля и воля»...[1] Так бы и я хотел, только *прежде*, а *теперь* нельзя этого. Дело выходит вот какое: друзья пишут о *необходимости* переменить открытый образ действий на тайный; так бы и давно пора, и *почему*—я и говорил с вами и писал вам еще в последний раз...[2] Прибавлю еще, что *публичный* образ действий оправдывается в настоящее время только одним — желанием *запугивать* правительство; но мы видели, что это *запугиванье* не достигает своих результатов, а наоборот... нужно действовать *тайным* образом, *если* мы верим в возможность какого бы то ни было действия в революционном смысле... При этом все же весьма важна *пропаганда*

ЛОНДОН
Гравюра. 1850-е гг.
Литературный музей. Москва

печатная (как более удобная, чем *рукописная*). Такою пропагандою может и должен служить «Колокол» — и опять избитая фраза уже: *мы должны* добиться провоза его в Россию и Петербург—«Колокол» не так *рискован* для молодежи, как печатные вещи в России; это вот что значит: за поймание у юноши прокламации его убьют, т. е. годы проморят в крепости, добиваясь, как и откуда, чтоб добраться до *главных заправителей*, и потом все же каторга. За «Колокол»—дело проще, юношу не очень станут расспрашивать о «Колоколе»,—купил на улице, какой-то мошенник продавал, да мало ли еще что! и добираться много не станут, ибо вперед знают, что главные заправители вы и что с вами ничего не поделаешь; дело кончится ссылкой, а ссылка—дело хорошее... Ну-с, понимаете, патриарх, к чему я веду? А вот к чему: выставив девиз *Земли и воли* в глазах правительства, вы сделаете «Колокол» *солидарным* с тайным обществом «Земли и воли», оно увидит не просто, что из-за границы завезли спекулянты «Колокол», а увидит *козни* целой партии, того же тайного общества, и будет карать и казнить за «Колокол», как за домашние прокламации... боже мой, какое обидное, слезное выйдет дело!.. Вы подорвете *удобство*

и даже возможность распространения «Колокола» в России; вряд ли можно будет решаться распространять частый «Колокол» в молодежи. Это ведь будет вечный дамоклесов меч над *нашими*... где же тут польза?.. и еще: «Колокол» с девизом «З. и В.» непременно примется за орган тайного общества «З. и В.», а об этом обществе друзья умоляют умалчивать,— опять-таки дело теперь сводится не на открытое боевое шествие, а на заговорный подкоп... Где же польза? ее нисколько нет, и вы не укажете мне; характера, направления своей пропаганды вам не к чему высказывать в этом девизе—он у вас везде слышится, он неизменно бьет и бил чрез всю вашу деятельность, вы не изменили своим убеждениям и своему направлению, не изменяйте и девиз «vivos voco!»* [3]. Лучше и вернее нельзя сказать, а когда нужно повторить коротко и ясно свое дело, вы ведь повторяете; Александр Иванович ведь сказал в последней статье: «Землю—крестьянам, волю—областям...»[4] Читающие вас знают ваше знамя и без выставки, и не для тех же, конечно, пропечатывать его на каждом листе,—чтоб знали и не читающие. И не вижу пользы, а вред делу... больно выговорить... сделается страшный... страшный, я это вполне сознательно говорю и без всякого увлечения; и никогда не перестану жалеть об ударе, который вы нанесете делу, если выставите девиз «З. и В.». Я все это спешу сказать вам обоим, потому что знаю, что вы цените искренний голос одного из младшего стана; я знаю, что если я правду говорю, то могу убедить вас даже переделать свое решение... Я понимаю, кажется, верно побуждение ваше к такому девизу—вы говорили мне дорогую мысль о сделании из «Колокола» органа «З. и В.», и я радовался этой мысли, но время-то не под силу тяжело теперь, и поэтому нужно переждать его во всем *публичном*—может, чрез год я же буду приветствовать, если вы поставите *тогда* девиз «З. и В.».

Другое. Каким образом печатаете вы в «Колоколе» часть того, что писали как нашу программу? [5] Что это за рассуждение общее,—не могу взять в толк; исповеди нашей громко говорить не приходится; прямо высчитывать, на *кого* мы надеемся, не приходится тоже; громко и прямо обращаться с речью к молодежи и говорить, как нужно *исподволь* вести дело, теперь тоже нельзя... Можно только *отрицательно* говорить и указывать намеками. Буду ждать с нетерпением, а может, опять подарите мне корректурку—спасибо скажу.

3) *О Розанове* [6] ничего не слыхал и не знаю. Полагаю нужным и за самое лучшее теперь же, не теряя времени, написать в Петербург—к той же Матильде и с приложением, как и в прежний раз, *цифирью* и коротко и просто: узнайте у генерала (генерал — значит Антон, для потехи над ним мы шутили так) [7] о дьячке Розанове; сообщите, на чье имя выслать деньги для помощи Гаврилычу и Мартьянову [8]—человек свой? и еще кое-что... Я думаю, что это нужно написать теперь же.

4) О Мартьянове я прочел в «Morning Star» из «Русского инвалида» и тогда же сказал Наташе то же самое, что и вы пишете,—я верю, что *он* отмстит за себя...

5) Где ж мы возьмем трех человек? [9] *Одного*, по-моему, можно вполне устранить—т. е. в мусульманщину не нужно, а следует вызвать Ив. Кельсиева [10], тем более, что это и для него будет крайне полезно; я думаю, что он стосковался, между прочим, и от не вполне разделенных воззрений или применений брата... А человек он, должно быть, очень хороший, пошлите-ка мне его письмо... Чужая тоска мне родная. Неужто никак не возможно вызвать старообрядца [11] из его берлоги? придернули бы вы его еще, или уж было? а с ним столковаться безотлагательно нужно... С Петербургом—или опять того же Стюарта пропереть—дав

* «живых призываю!» (лат.).

ему только большой лист, исписанный цифрами, и научив его... он *искренний* человек и, может, сумел бы, а искать лучшего где же? или Бакcту отписать, чтоб присмотрел, нет ли кого хоть в Гейдельберге — нам *только одного* и нужно (да и того, ворчите вы, нет!), может и найдется? или до лета ограничиваться пересылками, а летом и из моих друзей можно будет сюда выписать; юноша Машковцев[12]—двоюродный брат Наташи—писал нам, что хочет непременно приехать к Наташе, а этот юноша—человек развитый, *близкий*, *знающий* и добросовестный — это был бы клад, и это можно будет сделать, но не раньше лета, а до лета нужно *устроить* и провоз брошюр и корреспонденцию. Что это финн вам не отвечает? Я бы опять принялся за Бакста и за обработку его пути—*порешите это*. Посмотрю, что вы напишете в программе—пора ее, пора. Мы как рыба об лед копошимся, скверно...

6) М(ихаилу) А(лександровичу) Б(акунину) нужно бы еще и не так отписать, чтоб воздержался от всяких объяснений; мы ведь ему дали инструкции (!)*, где ясно сказали, что всякие объяснения должны ограничиться взятием денег у Б... и ... да и только, кажется, путей, что чрез них устроить ...[13]

7) Слепцов просто жалок... Как-то не хочется отвечать ему, а надо—коротко и ясно... А что ж?

8) Стюарту—написать или порешить сначала с окончательной нашей программой, и потом нужно всем им написать о поведении и т. п...?

Написал я статью «На новый год (Семье гонимых)»; о многом там сказал — там и разбор университетских постановлений, там и о Мартьянове помянул кстати... Долго я думал об этой статье — что можно, что нельзя, что должно сказать... Сегодня не посылаю, потому что переписать не успел бы, да она все равно не пошла бы в первый январский номер—он у вас уж полон. Все равно, можно и запоздалым образом, только не знаю, как она вам понравится[14].

...Наташа совсем здорова и крепко вам кланяется и жмет руку. Вчера Toogood приводил еще другого доктора, Madden'a, для свидетельствований груди, и оба решили, что грудь совершенно поправилась, так что и рыбий жир не нужен... Вообще Toogood нам очень нравится, он очень прост в обращении, и мы очень благодарим Наталью Алексеевну за указание на него... Только напрасно она ему гинею платила; он сказал нам, что *счет* пришлет в конце, а аптекарь и хозяйка сказали, что здесь никому не платят дороже гинеи за три визита и никак не менее чем за два... Хотелось бы уехать из Англии, но уехать, устроивши наши дела общие... Батько! слышишь ли?.. А с левой ноги вы другой раз не вставайте и на мою шутку внимания не обращайте, я бы просто подлость сделал, если б о вас, дорогой патриарх, подумал, что вы меня выгоните... В другой раз глупо шутить не буду... Шлите программу... Прощайте пока, а может и до свиданья... Черт знает что, пишешь, пишешь, все толком не скажешь всего... Кланяйтесь всем вашим, детей поцелуйте, пусть себе тешатся; а *больших* не поздравляйте, не хочу поздравлять с *басурманскими* праздниками...[15] Мы думаем, что отсюда можно уехать даже в конце февраля или первых числах марта.

Н. Утин

[1] Огарев предполагал ставить на «Колоколе» в качестве девиза слова: «Земля и воля», для того чтобы подчеркнуть солидарность «Колокола» с программой тайного общества «Земля и воля». Под влиянием возражений Утина Огарев отказался от этой мысли.

[2] Это письмо Утина не найдено.

[3] «Vivos voco!» — девиз, принятый «Колоколом».

[4] Утин имеет в виду статью Герцена «В вечность грядущему 1863 году».

---

* Восклицательный знак в скобках поставлен самим Утиным.—*Ред.*

[5] О программе, которую составлял Огарев, см. на стр. 636. Говоря о части этой программы, предположенной к напечатанию Огаревым в «Колоколе», Утин, очевидно, имел в виду ту часть работы Огарева «Расчистка некоторых вопросов», которая появилась в л. 176 «Колокола» от 1 января 1864 г. под заглавием «Революция и реорганизация».

[6] *Рованов*, по утверждению М. К. Лемке,—автор статьи «Братское слово к учителям семинарий», помещенной в № 27 «Общего веча» от 15 февраля 1864 г. Лемке считал, что этим Розановым был Сергей Матвеевич *Рованов* (1840—1870)—студент Гейдельбергского университета, позднее ботаник, работавший в Петербургском ботаническом саду (XVII, 54). Однако, как обратил внимание М. М. Клевенский, этот Розанов студентом Гейдельбергского университета быть не мог, так как закончил в 1863 г. Петербургский университет, после чего был отправлен за границу для научных занятий («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 606—607).

[7] *Матильда, генерал, Антон* — конспиративные имена лиц, через которых шли сношения эмигрантов с революционным подпольем в России.

[8] *Гаврилыч* — Н. Г. Чернышевский. О *Мартьянове* см. на стр. 171—172 настоящего тома. Обвинительный приговор по его делу был утвержден царем 4 ноября 1863 г., а 7 декабря Мартьянов был выслан в Сибирь.

[9] Утин имел в виду людей, которым предполагалось поручить организацию в разных местах на русской границе пунктов для сношений эмигрантов с русскими революционерами и для пересылки в Россию заграничных изданий.

[10] И. И. Кельсиев находился в это время в Тульче.

[11] *Старообрядец*—О. С. Гончаров. О нем см. на стр. 70—78 настоящего тома.

[12] Нам известен Александр *Машковцев* — бывший студент Технологического института, в 1870 г. часто посещавший студенческие собрания в этом институте и пользовавшийся авторитетом среди студенчества. Не исключена возможность, что именно об этом Машковцеве и упоминает Утин.

[13] Содержание пункта 6 не вполне ясно. Повидимому, речь в нем идет об организации «путей» для сношения с Россией.

[14] Статья под названием «На новый год» в «Колоколе» опубликована не была. Однако та часть ее, которая была посвящена новому университетскому уставу, появилась в л. 177 «Колокола» от 15 января 1864 г. под названием «Еще об университетской реформе».

[15] Под «басурманскими праздниками» Утин подразумевал праздники Рождества и Нового года по новому стилю.

7

ОГАРЕВУ

Четверг. (18 февраля 1864 г.)[1] 6 часов вечера

Только что получил вашу записку, дорогой патриарх, и очень рад, потому что не любим мы сидеть долго без весточки от вас,—значит, вы здоровы и работаете. Жду послезавтра романа[2] и обещанного письма,—вы тоже странный человек, что не могли в сегодняшней записке написать в одном слове свое мнение—хорошо ли, худо ли по-вашему. А я, признаюсь, поджидаю возвращения романа, потому что нужно скорее послать в Питер.

Получил и «Русский вестник», и газеты, и «Колокол» с «Вечем». Я не могу передать вам чувства, с каким читал братское слово,—это замечательно отрадная вещь и может быть очень полезна; вообще этот номер «Веча» нужно будет при первом (будет же когда-нибудь?!) транспорте послать нашим в большом количестве—его распространение пользу принесет... Статью о Луи Блане я для того просил, что думал по поводу ее написать статейку в «Современник» о наших доморощенных публицистах, потому что знал, что в «Русском вестнике» непременно напечатана какая-нибудь мерзость...[3] Хотел было поговорить о значении таких статей, как Воловского, своею публикациею на общеевропейском языке наносящих правительству удары не легче инсуррекции[4], но пора на почту.

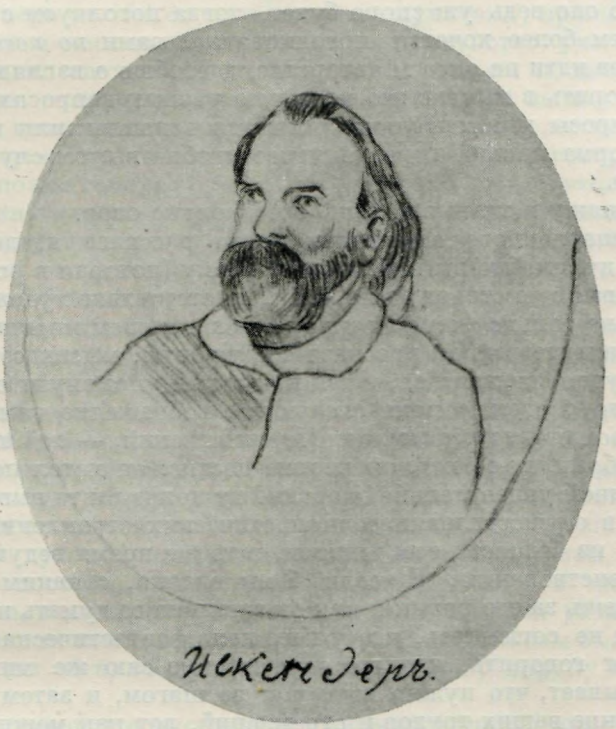
Жмем вам руку и кланяемся. Скоро ли можно переехать в Лондон? Мы ведь в начале апреля намерены переправиться в Брюссель.

Весь ваш Н.

[1] Датируется по упоминанию о «Братском слове», напечатанном в «Общем вече». В данном случае речь идет о статье неизвестного автора «Братское слово к учителям семинарий» в № 27 «Общего веча» от 15 февраля 1864 г. Ввиду того, что ближайший четверг по выходе этого номера «Общего веча» в 1864 г. приходился на 18 февраля, датируем публикуемое письмо этим числом.

[2] Речь идет о романе, написанном Утиным. См. о нем в следующем письме.

[3] Утин имеет в виду статью В. Г. Авсеенко «Луи Блан», напечатанную в № 1 «Русского вестника» Каткова за 1863 г., стр. 227—271. Намерение Утина написать по этому поводу статью о «наших доморощенных публицистах», повидимому, не было осуществлено. Во всяком случае, в «Современнике» такая статья не появлялась.



ГЕРЦЕН

Рисунок Т. Г. Шевченко в его дневнике

«...Еще привез он ⟨В. Г. Варенцов⟩... свинцовым карандашом нарисованный портрет нашего изгнанника апостола Искандера. Портрет должен быть похож, потому что не похож на рисунки в этом роде. Да если бы и не похож, то я все-таки скопирую для имени этого святого человека» (запись от 10 декабря 1857 г.)

Музей Т. Г. Шевченко. Киев

[4] Раймонд-Луи *Воловский* (1810—1876) — французский буржуазный экономист и политический деятель, поляк по происхождению, сторонник Наполеона III. В 1864 г. Воловский напечатал в «Revue des Deux Mondes» ряд статей о финансовом положении России, в которых указывал, что она стоит на грани полного разорения и неминуемого краха. Статьи Воловского вызвали ряд протестующих заметок и статей в русской прессе, поддерживавшей правительство. Авторы этих статей (банкир Штиглиц, Тернер и др.) опровергали аргументацию Воловского и доказывали, что если Россия и испытывает финансовые затруднения, то в аналогичном положении находятся и многие другие страны. «Колокол» отозвался на статьи Воловского заметкой, помещенной в л. 178 и написанной, по всей вероятности, Огаревым. В этой заметке высказывалось мнение, что статьи Воловского нанесли «тяжелый удар идущему в банкрутство петербургскому правительству». Помимо этого в «Колоколе» был помещен ряд статей Огарева под общим названием «Финансовые споры» (лл. 179, 180-181, 182, 183 и 184), вышедших в 1864 г. отдельным изданием. Соглашаясь с аргументацией Воловского,

Огарев указывал, что единственная возможность для России избежать банкротства заключается в созыве Земского собора и в «замене чиновничества выборным управлением» («Колокол», л. 183).

8

ОГАРЕВУ

Torquay. Понедельник, 22 февраля 64 г.

Прочел я, дорогой патриарх, и вашу критику и ваши кресты и заметки пересмотрел. Я хотел было отвечать вам подробно на каждое ваше слово и осуждение, но вижу, что это удобнее будет отложить до нашего свиданья, тем более, что оно ведь уж скоро будет, тогда потолкуем с вами обстоятельно... и тем более хочется потолковать с вами *по поводу* романа [1], что речь может идти не о моем авторстве, а вообще о взгляде, как можно и должно говорить в нынешнюю минуту о разных вопросах и насколько некоторые вопросы действительно являются важными или не имеющими значения? Форма письма гораздо менее удобна в этом случае, чем личный разговор.

А пока я скажу в ответ вам только несколько слов.

Такого беспардонного осуждения моего рассказа я, действительно, не ожидал. Я думал, что вы нападете на форму (которая в романе, и я понимаю, имеет важную сторону), на язык, на отсутствие художественности, а вышло, что не только форма, верно, слаба в вашем мнении, но гораздо хуже—вы не видите в моем рассказе содержания, мысли сознательной... С этим мне трудно согласиться, и так как вы же упомянули о романе Чернышевского, то я сделаю пока следующее возражение вам. Я вовсе не хотел писать романа *такого же*, как Чернышевский, — той цели, которую он хотел и избрал, по-моему, он вполне достиг: он хотел показать *молодежи* в наглядной увлекательной картине ту пользу и те выгоды, которые заключаются в осуществлении социалистических стремлений и которые, выводя людей из бедности или нищеты, в то же время ведут и к моральному совершенствованию. И если б вы видели, с каким энтузиазмом взялась молодежь за его роман и как он заставил ее думать и додумываться!.. Я никак не соглашусь, что у него цель фантастическая, потому что он и не думает говорить, что все осуществимо сию же минуту, напротив, он показывает, что нужно идти шаг за шагом, и затем говорит: вот что будет в конце ваших трудов и стремлений, вот как можно жить, и потому «работайте и работайте». Если б я избрал вполне одинаковую с ним задачу, это было бы желанием с моей стороны поспорить с его гениальною способностью в ясном и в то же время завернутом от цензуры изображении своих убеждений. А у меня было другое желание. Чернышевский взял только *конечную* цель и ее осуществление, он вывел людей и без всяких объяснений повел их прямо по пути к осуществлению своих стремлений. Он оставил в стороне другую задачу: именно — указание, *почему* люди и преимущественно молодежь неуклонно стремятся к лучшей жизни,—к лучшей и в материальной и в нравственной ее стороне. Публика увидела, *к чему* молодежь намерена идти, увидела, что молодежь ищет выхода из нынешнего положения, и смела негодовать и вопить на недовольство молодежи, — к чему, отчего, зачем, почему? *Заставить замолчать* всю публику ответом на ее глупые вопросы я не думал, но *содействовать* на сколько-нибудь вразумлению известной части публики и, главным образом, дать молодежи возможность указывать *осязательно* на свое *незавидное* положение — это я хотел. — Вот почему я и желал изобразить ту язву, которая гнетет нашу молодежь, и язва эта — бедность, нищенство, главным образом, и если является «протест против чего-то», против бедности *этих лиц*, то понятно, что протест этот сводится на неудовлетворенность всем состоянием общества. Если еще в

юношах на первой поре является протест против домашней жизни, школьного и университетского образования — то понятно, куда должен вести такой *закалившийся* протест, во что, в какое чувство и стремление должен он формироваться, потому что понятно, в ком и в чем лежит причина всего недовольства. Кроме того, в очерках, например, скептика или Яренки, кажется, очень ясно, кто разрушает часто самую возможность «выбиться на свет божий» при нынешних условиях (в эпизодах о Харькове), и, с другой стороны, ясно, что таким разрушением сильные натуры в молодежи все же не задавляются, а опять-таки только закаляют в себе чувства ненависти и страсть к борьбе.

Вопрос теперь мог бы сводиться на два пункта: 1) прав ли я, что только там крепко и непоколебимо убеждение и чувство, где они взращены с первой юности, с детства, если угодно? 2) прав ли я, выставляя самым большим злом, *заедающим* силы молодости (хоть и не могущим *заесть*), бедность с ее причинами и последствиями? — На первое не к чему отвечать, а на второе трудно не согласиться. У нас часто говорят о бедности, но мало и не полно говорят о бедности и т. д. тех людей, которых мой скептик определил: *пролетарии такого смысла, какого экономисты еще не раскусили*. Я думаю, что я не погрешил против действительности... Вы знаете ли хоть тот факт из весьма недавнего времени, что две девушки, образованные, честные, решились броситься в реку (в Москве), не устояв пред трудностью жить своим честным трудом в нынешнем обществе?!.[2] — А вот теперь один юноша пишет нам из Питера, что несколько молодых девушек и юношей завели *переплетную*! Это факт, на первый взгляд очень грустный, — люди с головою, с образованием принуждены зарабатывать хлеб в бесплодном стряпании переплетов! Но что же делать, во-первых, если есть нечего? а, во-вторых, наработаются, станут на ноги и в состоянии будут более уделять времени своим умственным занятиям, а переплетная останется для людей, не склонных или не способных к другой работе. А дух моральный все же поддерживается тем, что есть свой кусок и своя постель, и энергия может *не падать*, а в энергии ведь вся сила... Короче, ведь если бы бедность не была в таких размерах в нашей молодежи, дело пошло бы быстрее,— в этом вы согласны были, когда я читал свой проект об *артельках*, в которых я вижу поруку и возможность нашего дела.

Затем, я думаю, что выставлять особенно напоказ присутствие *народных основ* в очерченных личностях было бы лишнее, я думаю, что в одной, например, фразе Коробейникова, сказанной во время грустного его рассказа Катерине Александровне: «Вот где выдумал волю найти! в степях бы Донских поискать», — в такой фразе видно довольно присутствие *народного* элемента; наконец, неужели же в скептике, в его рассказе о Доне, в его жизни там, в которой он нашел не только возможность пробавляться батрачеством, про которое он сам говорит: «в этом, чувствуете ли, своя поэзия есть!», но и лучшее наслаждение... в его решении быть народным учителем, ходить по деревням и селам, — в том, что, несмотря на все внешние превратности, он всё идет и идет, — неужели в этом не сумел я дать почувствовать не только истинного сына народа, но даже и какой бы то ни было народной основы?? — А я думал, что следует именно избежать всех разговоров и размышлений моих лиц, которые могли бы быть заподозрены в стереотипности и еще хуже — в тыкании собою: народные основы, по-моему, стремление, *тяготение в народ*, до того присущи молодежи нашей, что об этом лишнее было бы говорить, — во всей их жизни, в их отношении к жизни, в простоте и прямоте отношений, хотя бы к таким лицам, как хоть Катерина Александровна, не говоря уже о Марусе и т. п., во всем этом, казалось мне и кажется, существенный элемент — *приближение* к народным нравам (в их светлой, хорошей стороне). И еще, наконец,

я должен сказать и согласиться с вами, что, конечно, скептицизм Землекевича пока выведен не тот, который является великой человеческой задачей, — тут вы совершенно правы, и эти строки меня сердечно обрадовали, потому что скептика таким, как он должен быть, я хочу вывести во *второй* части, а в первой видны только задатки широкого, хоть и мучительного, развития скептицизма, того скептицизма, который может идти *рядом* с энергией и *фанатизмом*. Вообще, кончая, я должен сказать, что мне, читая ваше осуждение, подчас казалось, что вы приняли написанную часть за оконченное целое... я думаю, что с концом вы будете согласны и там, по крайней мере, не отвергнете присутствие народных основ. Я думаю, что вследствие тяготения молодежи к народу она теперь хочет идти в провинции и, добровольно ли идущая или насильственно, не потеряет там головы, а сойдется с людьми народа, поэтому бóльшая часть *моих* людей во второй части кончает или просто продолжает жизнь, разбросанная по разным краям провинции, во второй части должны выйти на сцену и Таня и Коленька (дети адвоката), и пока незаметная, может, личность учителя Павлинского. Вот как расписался, а хотел отложить всю свою речь до свидания. Теперь же скорее кое-что нужно заметить и о *Колесове*. Я вовсе и не хотел, чтоб его арест ждался и вытекал из всего рассказа. Колесов — опять только отдельный эпизод, — судьба его возможна и случается и невольно сообщает еще одну сторону грустной картине — грусть, злоба и ненависть — случаи такие, как с Колесовым, делают для молодежи невозможным отступление от борьбы в разных ее видах; но выставлять его судьбу — каторгу, как общую передовой молодежи, как «последствие помысла, труда и усилий всех *этих людей*» — думаю, что непрактично и вредно и опасно было бы, — эпизод такой может входить в роман, но чтоб весь роман представлялся с идеалом или с изображением конспираторов, — этого нельзя и не нужно. А если цензура и похерит о Колесове, то похерит только параграф о его аресте, и жаль мне будет похерить «человечка», но Колесов все же останется нестертою личностью, и именно по своему отношению *к Диме*; не скрою, что мне жаль было не услышать от вас ни слова о Диме и Колесове, а ведь там формулировалась простота и возможность естественных отношений, и я думал, что формулировалась не избитыми фразами. Впрочем, и Дима дорисуется во второй части.

Вот и всё.

Что это вы сказали о мемуарах? Полноте, дорогой патриарх, я вовсе не писал своего рассказа, чтоб отдаться своим собственным воспоминаниям: я писал и не прошлое, а настоящее,— и никогда бы не стал я писать теперь свои мемуары для публикации, я еще слишком молод для своей автобиографии, а ведь мемуары так или иначе всё сводятся к тому же; да и не к чему, никому нет дела и интереса в моих мемуарах, мне могли бы совершенно верно повторить:

«Какое дело нам — страдал ты или нет!»[3] — и были бы правы, — жить в настоящую минуту своим *собственным* миром, заниматься лично собою и своими столкновениями не приходится; а что грустно не иметь возможности делать что-нибудь вполне полезное и ведущее прямо к цели жизненной — это вопрос другой.

Мне остается не формы ради, а по сердечному побуждению, глубоко поблагодарить вас, дорогой патриарх мой, за ваше письмо, за то, что вы прямо, без утайки разбранили меня как своего юного друга. Верьте, что я от вас все приму *sine ira**, потому что знаю, что вы руководитесь чувством любви, которую я крепко ценю. А лучшим доказательством того, что я выслушал ваше осуждение sine ira, хоть и с понятным сожалением, служит это длинное послание; ведь уж если я решился быть своим собствен-

* без гнева (лат.).

ABONNEMENT.

24 FRANCS PAR AN.
(Pour l'étranger le port en sus.)

КОЛОКОЛЪ

ABONNEMENT.

24 FRANCS PAR AN.
(Pour l'étranger le port en sus.)

VIVOS VOCO !

LA CLOCHE

DÉPOTS.

BRUXELLES. A la librairie Claessens, 88, rue de la Madeleine.
A la librairie Muquardt, Place Royale.
Id. Flatau, 75, Montagne de la Cour.
Id. Lefebvre, 12, passage de la Monnaie.
VIENNE. Gerold et fils.
BALE. Librairie Neukirch.

ABONNEMENTS.

BELGIQUE : A tous les bureaux de poste.
BRUXELLES. A la librairie Claessens, rue de la Madeleine, 92.
PARIS. A la Librairie Nouvelle, 15, boulevard des Italiens.
LONDRES. Trubner et Cie, 60, Paternoster Row (Saint-Paul).

DÉPOTS.

PARIS. A la librairie Amyot, 8, rue de la Paix.
» Benin, 13et17, Galerie vitrée. (Palais Royal.)
A la librairie Maisonneuve et Cie, 15, quai Voltaire.
» Pagnerre, 18, rue de Seine.
BERLIN. F. Schneider et Cie.
LEIPZIG. L. A. Kittler.

Le 8/20 septembre 1862 est le millième anniversaire de l'existence de la Russie.

Il nous a paru que nous ne pouvions choisir une meilleure date pour faire connaître les efforts courageux tentés par quelques esprits supérieurs pour le bien d'un grand peuple.

Depuis longtemps, le journal russe, *la Cloche*, dont le nom a retenti dans le monde entier, se publie à Londres. C'est la traduction de ce journal que nous éditons à notre tour. Elle s'adresse à toute l'Europe. La discussion libre des intérêts de 60 millions d'hommes n'est-elle pas digne de la sympathie de tous les gens de cœur ?

Afin de mettre les lecteurs au courant des questions traitées par le « *Kolokol* » depuis sa fondation, nous reproduirons dans nos premiers numéros quelques-uns des articles les plus importants publiés pendant le cours des dernières années. Nous traduirons ensuite l'édition Russe à mesure qu'elle paraîtra.

Bruxelles, 20 septembre 1862.

A Monsieur le Rédacteur de « la Cloche ».

Monsieur le Rédacteur,

Vous désirez une introduction de ma part dans le premier numéro de la Cloche, — cette introduction doit être n'est-ce pas une note explicative, — une sorte de profession de foi servant à déterminer la longitude et la latitude...? Cette introduction est toute faite, et je vous l'encoie en mauvais français telle qu'elle a été publiée dans un livre qui a paru du vivant de l'empereur Nicolas.

Recevez mes vœux pour le succès de « la Cloche. » *Ils sont d'autant plus sincères qu'il y entre beaucoup d'égoïsme.*

A. HERTZEN.

23 août 1862, Orsett house, Westbourn terrace.

Dich stort nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes erinnern
Und vergeblicher Streit.

GOETHE.

..... Je quittai la Russie au milieu d'un hiver froid, neigeux, par une petite route de traverse, peu fréquentée et qui ne sert qu'à relier le gouvernement de Pskow à la Livonie. Ces deux contrées qui se touchent, ayant peu de rapports entre elles, éloignées de toute influence extérieure, offrent un contraste qui ne se présente nulle autre part avec tant de nudité, nous dirons même avec tant d'exagération.

C'est un défrichement à côté d'un enterrement, c'est la veille touchant le lendemain, c'est une germination pénible et une agonie difficile. D'un côté tout sent la chaux, rien n'est terminé, rien n'est encore habitable, partout des bois de construction, des murs nus; de l'autre, tout sent le moisi, tout tombe en ruines, tout devient inhabitable, partout fentes, débris et décombres.

Entre les bois de sapin saupoudrés de neige, dans de grandes plaines, apparaissaient les petits villages russes; ils se détachaient brusquement sur un fond d'une blancheur éblouissante. L'aspect de ces pauvres communes rurales a quelque chose de profondément touchant pour moi. Les maisonnettes se pressent l'une l'autre, aimant mieux brûler ensemble que de s'éparpiller. Les champs sans haies ni clôtures, se perdent dans un lointain infini derrière les maisons. La petite cabane pour l'individu, pour la famille, la terre à tout le monde, à la commune.

Le paysan qui habite ces maisonnettes est resté dans le même état où les armées nomades de Tchengis-Chan le surprirent. Les événements des derniers siècles ont passé au-dessus de sa tête, sans même éveiller son insouciance. C'est une existence intermédiaire entre la géologie et l'histoire, c'est une formation, qui a un caractère, une manière d'être, une physiologie — mais non une biographie. Le paysan rebâtit, au bout de deux ou trois générations, sa maisonnette en bois de sapin, qui dépérit peu à peu, sans laisser plus de traces que le paysan lui-même.

Parlez lui cependant, et vous verrez de suite si c'est le déclin ou l'enfance, la barbarie qui suit la mort ou la barbarie qui précède la vie. Mais d'abord parlez lui sa langue, rassurez-le, montrez-lui que vous n'êtes pas son ennemi. Je suis bien loin de blâmer la crainte du paysan russe à l'endroit de l'homme civilisé. L'homme civilisé qu'il voit est ou son seigneur, ou un employé du gouvernement. Eh bien, le paysan se méfie de lui, le regarde d'un œil sombre, le salue profondément et s'éloigne de lui, mais il ne l'estime pas. Il ne craint pas en lui une nature supérieure, mais une force majeure. Il est vaincu, mais il n'est point laquais. Sa langue rude, démocratique et patriarcale, n'a pas reçu l'éducation des anti-chambres. Ses traits, d'une beauté mâle, ont résisté au double servage du tzar et du seigneur. Le paysan de la Grande et de la Petite Russie a un esprit très-délié et cette vivacité presque méridionale qu'on s'étonne de trouver au Nord. Il parle bien et beaucoup; l'habitude d'être toujours avec ses voisins l'a rendu communicatif.

..... Arrivés à l'un des derniers relais russes, nous attendions les chevaux de poste dans une petite pièce, chauffée comme une serre. La femme du maître de poste, sale, mal peignée et criarde, nous forçait de prendre du thé. Fatigué de contempler une gravure — très-intéressante — qui ornait le mur au-dessus d'un sopha en cuir, je fus enchanté d'entendre du bruit devant la maison.

Pourtant, avant de quitter la gravure, j'en dois faire connaître le sujet, qui est très-caractéristique. Apparemment elle appartenait aux temps qui suivirent le règne de Pierre Ier. C'était lui, sans devant une table couverte de mets et de flacons. Le prince Mentchikoff, s'inclinant profondément, lui présentait et lui offrait une jeune personne — la future impératrice Catherine I. L'inscription disait : « Le bon sujet cède ce qu'il a de plus précieux à son Tzar bien-aimé. »

Je me repens encore aujourd'hui de n'avoir pas acheté cette gravure...

Je sortis pour m'enquérir de ce qui excitait le

ГАЗЕТА «LA CLOCHE», ИЗДАВАВШАЯСЯ ЛЕОНОМ ФОНТЭНОМ В БРЮССЕЛЕ. В НЕЙ ПЕЧАТАЛИСЬ ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА И СТАТЕЙ ИЗ ГЕРЦЕНОВСКОГО «КОЛОКОЛА»

Первый номер газеты от 20 сентября 1862 г. Здесь помещено письмо Герцена к редактору газеты и отрывок из «Былого и дум»

ным адвокатом, то, конечно, только потому, что знаю ваше искреннее отношение ко мне, ибо иначе быть своим адвокатом, защищать свою же работу часто выходит *смеха ради*, но вы не посмеетесь. Дайте же крепко, крепко пожать вашу руку и поблагодарить. Кое-чем, разными указаниями я воспользуюсь при второй части, жаль только, что вы еще не довольно подробно раскритиковали и мне не пришлось от вас слышать и об описании детства и о других сценах, если они не ниже критики в ваших глазах.

Пора на почту. До другого раза.

Ваш Н. Утин

[1] Настоящее письмо — ответ на не дошедшее до нас письмо Огарева, в котором он подверг серьезной критике написанный Утиным роман (или, вернее, его первую часть). Роман этот в печати не появлялся, и рукопись его неизвестна. Письмо Утина дает возможность до некоторой степени установить, что именно вызвало возражения Огарева.

[2] Утин имеет в виду самоубийство сестер Дексбах. См. об этом примечание 6 к письму № 3.

[3] Из стихотворения Лермонтова «Не верь себе».

9

ОГАРЕВУ

Суббота. 5 марта (1864 г.)

Вот сколько времени не писал вам. Здоровы ли вы теперь, дорогой патриарх, вернулись ли домой? Ваше письмо из Вимблейдона, конечно, дошло, и очень я вам за него благодарен, а не писал вам так долго потому, во-первых, что думал — вас дома все равно нет, а во-вторых, и сам прихворнул — лихорадка было одолела и бессилие какое-то...

Чтоб покончить пока с романом[1], — вы действительно правы о *Даше* — она не довольно очерчена, и нужно ее хорошенько обделать. И об *артельке* написано было вяло, тоже надо переделать, а затем некоторые места совсем похерить без ущерба делу... Пока о нем и довольно...

Что касается «Тьмы» Сальяса[2], то это, действительно, в высшей степени художественное произведение. А сам Сальяс тоже человек, должно быть, умный и развитой, сколько я о нем слышал. Читал я в это время, между прочим, «Tagebücher» Varnhagen von Ense[3] — весьма интересные вещи рассказывает из эпохи 48 г.

Из Берлина мне пишут, что почта российская свирепствует в Германии, многие письма не доходят, а только пустые конверты и даже распечатанные письма! Пишут еще, что в России и в Питере вообще большое недовольство земскими учреждениями...[4]

Сегодня пришел «Колокол». Что это у вас за странность вкралась: 15 миллионов фунтов стерлингов = 390 миллионов рублей серебром?! (на 1-й стр. 2-й столбец)[5].

Вот и март, а погода скверная, и когда она установится? Что-то скажет и чем-то кончится весна? — А что наши континентальные? что не пишет Стюарт, что Бакст молчит? Жаль, что эти люди так далеко отброшены; вот зимою будем в Швейцарии — лучше будет.

Еще вот что: Тхоржевский прислал мне книги, а я не заплатил ему; если увидите его завтра, будьте так добры спросить его, сколько ему нужно, и дать ему из моих капиталов, а то я ему ничего не писал по причине все той же лихорадки.

Девочка крепко жмет вам руку и пеняет, что вам не вздумалось в наши страны, — давно ведь не виделись да и опять недолго повидимся, а там в Брюссель нужно.

До свиданья. Весь ваш

Н. У.

[1] О романе см. в примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] «*Тьма*» — повесть Е. А. Салиаса, напечатанная под псевдонимом «Вадим» в № 12 «Современника» за 1863 г. Герцен и Огарев высоко оценили повесть. См. об этом в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 828—830.

[3] Карл-Август *Варнгаген фон Энзе* (1785—1858) — немецкий критик, интересовавшийся русской литературой и хорошо знакомый со многими русскими писателями, посещавшими Германию в тридцатых и сороковых годах прошлого века. Утин имеет в виду «Дневники» Варнгагена, изданные после его смерти в четырнадцати томах.

[4] 1 января 1864 г. царем было утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», по поводу которого Ленин писал: «...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» (Соч., т. 5, стр. 32).

[5] Отмеченная Утиным ошибка (неправильный перевод фунтов стерлингов на рубли) была допущена Огаревым в статье «Финансовые споры», напечатанной в л. 180-181 «Колокола» от 1 марта 1864 г.

10

ОГАРЕВУ

Четверг. 10 марта ⟨1864 г.⟩

Конь и о четырех ногах, да спотыкается, дорогой патриарх! Вы меня спрашиваете совета, как пособить горю [1]. Я чувствую, что пособить горю нужно, и скажу как, по моему крайнему разумению, но вы не забудьте все же, что в сих вопросах я аза не смыслю. Понимаю же я то, что нужно немедля, как можно скорей, поправить ошибку, — так скоро, чтоб русские газеты или совсем не успели задеть вас, или, если заденут, то чтоб их крик *очевидно* дошел до вас позже, чем вы сами исправите ошибку. То есть, если вы немедленно же исправите оную печатным образом, то когда и придут газеты с плоскими усмешечками, мы им утрем нос и скажем, что гораздо ранее их наставлений бросилась в глаза ошибка чистого недосмотра, о чем и имеется доказательство *в печати*. Я нескладно говорю, но вы поймете важность этого маневра — дело в том, чтоб с честью отпарировать господ, которые придерутся и захотят обличить в обманчивых цифрах. Только ведь в этом все дело. А затем, средства к успешному выпутанью я вижу следующие: 1) если французский «Cloche» не вышел еще с вашею статьею— нужно немедленно телеграфировать Фонтэну [2], чтоб он задержал номер по весьма важному обстоятельству и что если даже уже напечатан номер, но не выпущен еще — все ж задержать, и сказать, что вы уплатите за перепечатание (ведь это пять фунтов); 2) если оного нельзя уже, и поздно в нем, в «Cloche'е», исправить ошибку, то *свое* средство — выпустите *безотлагательно* «Вече» и в нем расскажите коротко финансовое положение и, вместе с тем, сделайте *крупную* заметку об ошибке в «Колоколе». Затрудняться *в содержании* для номера «Веча» вам не придется — ведь по случаю освобождения или наделения крестьян *польских* землею [3] есть что сказать к русскому люду; тема эта не нова, но она никогда не старится, и она *любвеобильна*, т. е. о ней много хорошего можно сказать — можно указать не только то, каким путем должно брать землю от правительства, можно окончательно показать, что только такой путь возможен с нашим правительством, и самое правительство можно выставить не в повторяющихся выражениях без *подтверждения* его ничтожества, но с действительно осязательной стороны этого ничтожества. (А вот и Священный союз подоспел — богатая тема) [4]. Ну, да что ж, мне об этом говорить вам нечего. И в смесь «Веча» вы всегда найдете в газетах хорошие казусы. И для выпуска «Веча» нечего ни дня ждать—выйдет себе как прибавление к последнему номеру, а суть-то вся в том, чтоб обогнать крик, если подымется... Не знаю, так ли вы думаете, но хотелось бы видеть исполненным одно из

этих средств или и оба вместе, потому что последним средством было бы маленькое avis * в какой-нибудь иностранной газете, но вряд ли это так хорошо будет.

Вот и все мои средства. Что-то вы придумали?..

Если у вас выдастся досужная минута и будут свободные газеты, где и о польской реформе и о цехах у нас — пришлите и пометьте, отослать ли вам назад — спасибо скажу. Скверно без наших периодических изданий — нужно было и самим подписаться — эти деньги окупаются, а иначе совсем ведь отстанешь... Погода скверная, черт ее знает, когда-то вы напишете, что и в Лондоне хорошо, а там и на континент... Очень интересно, напишет ли мне что-нибудь брат Б(ак)ста, хотелось бы его увидеть.

Ну и довольно, вам теперь не до меня, а все ж «не робей, Варсонофий Петров!» [5] Все обстроится хорошо, будьте только здоровы.

Весь ваш
Н. У.

[1] Ошибку, допущенную в л. 180-181 «Колокола» (см. примеч. 5 к предыдущему письму), Огарев исправил в л. 182, напечатав по этому поводу подробное объяснение.

[2] Леон *Фонтэн* — брюссельский издатель, издававший с 1862 г. французскую газету «La Cloche», в которой преимущественно перепечатывал статьи из «Колокола».

[3] Утин имеет в виду реформу 19 февраля 1864 г., предоставившую польским крестьянам в собственность те участки земли, принадлежавшей помещикам, которые обрабатывались крестьянами. Эта мера была проведена царским правительством в демагогических целях, для того, чтобы привлечь на свою сторону польских крестьян.

[4] О подоспевшем Священном союзе Утин писал, имея в виду захват Пруссией и Австрией при поддержке царского правительства принадлежавших Дании княжеств Шлезвига и Гольштинии. Нападение Пруссии и Австрии на Данию происходило в конце февраля 1864 г.

[5] Из стихотворения Н. А. Некрасова «О погоде. Часть первая. III. Сумерки».

11

ОГАРЕВУ

Bruxelles. Rue de la Sablonnière
Четверг, утро. 14 апреля (1864 г.)

То письмо или, вернее, тот скудный проект письма на съезд [1], которое вы уже получили, я писал, что называется, *на всех парах*, смотря каждую минуту на часы, боясь опоздать (на) почту. Не знаю, как отнеслись вы и Александр Иванович к этому проекту, но дело в том, что я полагаю, что достоинство его именно и заключается в *бледности*, в сжатости содержания. С одной стороны, нечего делать, если приходится еще учить славян *прямому* отношению к императорству, с другой стороны — нужна особая скромность в упоминании о «З. и В.», а вовсе не упоминать о нашей организации (?)**, вовсе не объяснять значения и смысла прокламационных агитаций — нельзя и, наконец, с третьей стороны — говорить о будущем много, не зная людей, которым будешь говорить, неблагоразумно, и в то же время политичность для нашего дела требует с нашей стороны в известных случаях заявления твердой уверенности в возможности успешного ведения дела. Вот какие соображения руководили меня в писании посланного вам письма. Теперь я спешу прибавить вот что: если вы отослали уже то письмо маленькому К—ву [2], то сделали очень хорошо, а если не отослали еще, то я хотел бы просить вас отослать его немедля. Оно придет во-

* предупреждение (франц.).

** Здесь и ниже вопросительные и восклицательные знаки в скобках проставлены самим Утиным.—*Ред.*

время еще, потому что понятно, что съезд не ограничится одним днем. Кроме того, вы можете придти к решению — послать то письмо К—ву только для личного назидания, только для того, чтоб он знал, в какой тесной рамке и сдержанности должен он объясняться. Иначе выйдет большая и неблаговидная путаница, ибо вы сами хорошо знаете из писем К—ва, что он воображает гораздо более, чем у нас есть[3], да еще его личное *самодовольство* своими речами (я не хочу обвинить его, я только заподозриваю) — заставлять его идти в собрание, не ставя его самого au courant *, было бы очень странно.

Еще следующее: я счел крайне необходимым обстоятельно указать на *чистоту* наших отношений к польскому комитету — этот пункт крайне важен в сношениях со *съездом* и особенно с *малороссами*, я особенно *напирал* на близость нашу к малороссам, потому что и действительно вижу единственный, но и верный, непременный успех нашего дела в *дружном* действии с малороссами.

ПЕЧАТЬ ОБЩЕСТВА «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Такою печатью снабжены отдельные экземпляры нелегальных листовок, выпущенных обществом в 1863 г. Воспроизводится (в увеличенном виде) с одной из них

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

Вот я и подошел к *инструкции* К—ву. По моему разумению, К—ву следовало бы написать, чтоб он старался сойтись и расположить к нам малороссийского полномочного, и так даже, что если окажутся возможными дела взаимной помощи, то чтоб наставил он малороссийского полномочного проехать сюда, к нам. Это главный пункт и важнейший всей инструкции, и таким я считаю этот пункт по следующей причине: ceterum censeo ** — вся *суть* нашего вопроса сводится к устройству провоза *пограничных* печатаний, хотя бы этот провоз совершался хоть *два* раза в год. Вы знаете, что скептицизма у меня есть довольно, а я еще и еще твержу вам, что дело пойдет, лишь бы *исподвольная* печатная пропаганда в молодежи велась исправно.

Теперь, зная дела и положения малороссов, я уверен, что им, даже уже по самой местности их, *легко* устроить провоз по южной границе, и точно так же нетрудно устроить доставку чрез юг в Питер и Москву. Вот почему я налегаю сильно на завязание дружбы с малороссами; и далее и серьезнее еще гораздо — эта дружба важна по дальнейшему общему ходу дела, ибо опять-таки думаю, что не ошибаюсь в своем воззрении, что движение народное может начаться с юга, в Украине, и т. д.

Затем, мне нечего писать вам лишние советы, как наставить К—ва; я уверен, что вы уж сами отписали ему приличное патриаршее наставление, так что он на съезд отправится без сопровождения шпионами. И, кроме того, не забудьте вы ему написать (да, впрочем, вы, кажется, уж давно

---

* в курс дел (франц.).

**Начальные слова известной формулы Катона младшего, который все свои речи в римском сенате заканчивал призывом: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» — «Кроме того, я думаю, что Карфаген необходимо разрушить» (лат.). — *Ред.*

написали, ну так повторите), чтоб он и не думал ни сношений вести, ни писем писать в Россию иначе, как чрез вас, по той простой причине, что письма его все равно не дойдут в Алексеевский равелин![4]

Буду ждать от вас весточки. Не пишу вам больше, потому что у вас теперь сам енарал Алабирдин[5] ... Только сегодня первый раз вздохнул легко, а то Ната простудилась не на шутку и, бедная, много помучилась, теперь здорова и крепко обнимает нашего дорогого патриарха. Кланяйтесь всем вашим. Фонтэн продолжает ждать Александра Ивановича; впрочем, о Фонтэне я как-нибудь еще отпишу вам. Пишите прямо на мой адрес. Будьте здоровы.

Приписка на полях:

Кстати: я думаю, что полезно свидеться с *Бакстом*[6], тем более, что очень близко, поэтому прошу вас прислать мне его адрес в *Гейдельберге*, чтоб я мог написать ему.

[1] В комментируемом письме речь идет о предполагавшемся (или же состоявшемся) славянском съезде в Константинополе. Устроители его, как это видно из печатаемого ниже письма Утина от 27 апреля 1864 г., обратились в Россию, т. е., очевидно, к «Земле и воле», с просьбою прислать делегатов на съезд. К сожалению, никакими иными сведениями об этом съезде мы до сих пор не располагаем. Письмо Утина к Огареву, о котором он упоминает в настоящем письме, не сохранилось, ввиду того, что оно, повидимому, по просьбе Утина, было позднее возвращено ему.

[2] *Маленький К—в* — Иван Кельсиев, младший брат Василия Кельсиева. Он был уполномочен эмигрантами представлять русских революционеров на константинопольском съезде. См. о нем в настоящем томе, стр. 219—258; письмо Огарева к И. Кельсиеву напечатано в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 612.

[3] *Вы сами хорошо знаете из писем К—ва, что он воображает гораздо более, чем у нас есть...*—Утин имел в виду письма И. И. Кельсиева к Герцену и Огареву из Константинополя и Тульчи (см. их текст выше, на стр. 219—258). Желая активизировать деятельность Центрального комитета «Земли и воли», Кельсиев неоднократно обращался к нему с письмами (до нас они не дошли), в которых призывал к созданию «чисто агитационной прессы», предлагал наладить печатание популярных брошюр в Константинополе, высказывал мысль о превращении «Общего веча» в орган ЦК «Земли и воли» и др. Развивая эти мысли в письмах к Герцену и Огареву, Кельсиев не считался с тем, что деятельность тайного общества к концу 1863 г. замерла и само оно фактически прекратило существование.

[4] Слова о том, что письма, отправленные не через издателей «Колокола», «все равно не дойдут в Алексеевский равелин», отражают неверие Утина в надежность тех путей сношений—«через старообрядческие селения»,—которыми предлагал пользоваться И. Кельсиев.

[5] *Алабирдин* — Гарибальди, посетивший в апреле 1864 г. Англию и встречавшийся там с Герценом.

[6] Речь идет о Владимире Игнатьевиче *Бакстe*.

12

ОГАРЕВУ

Понедельник, 18 апреля ‹1864 г.›
Bruxelles. Rue de la Sablonnière, 4

Дорогой патриарх! От вас ни слова, а между тем и желательно бы и нужно бы знать, что и как решилось с Царьградом?[1] Кроме того, опять прошу вас прислать мне адрес гейдельбергский Бакста. Затем припомните и ответьте мне непременно: получали ли вы, т. е. вы или А. И. — все равно, — письмо когда-нибудь чрез посредство книгопродавца берлинского *Ашера*??[2] Это мне важно вот для чего: я говорил с здешним библиотекарем Mucquardt'ом о *перевозе в Россию*; он непрочь и обещал дать ответ, переговорив с одним приказчиком одного немецкого магазина в Питере. Он же и сообщил мне, что при его посредстве, чрез его агента Ашера, в прежнее время получались ваши письма. Проверить его мне важно для того, чтоб утвердительнее знать, что́ он, насколько верный он человек??? А вообще говорят, что он человек очень честный, хотя я не с ним рассуждал, а с его главным приказчиком. Жду скорейшего ответа.

Теперь вот что. Может, не лишнее будет, так как А. И. имел соприкосновение с *тактикой* Гарибальди. В газетах пишут, да и так я слышал, будто Гарибальди намерен приехать в Брюссель. Я видел как-то на той неделе еще Фонтэна, и он читал мне свое письмо к Мацини, где писал, чтоб отговорить «генерала» ехать сюда, на гостеприимство к партии à la Dolgorouikow (видно, что отрыгнулось им), т. е. к Lacroix[3] и К°. Но это меня не касается. А вот другое замечание. Мне случилось столкнуться *поочередно* с двумя совершенно разного занятия господами из буржуазии мелкой. Один из них говорил с яростью, что они решили закидать Гарибальди грязью и освистать, что это разбойник, ссорящий народы и опустошающий страны революцией! Другой, аптекарь, скромно объяснял, что Гарибальди примут здесь очень скверно, потому что хороший прием — ссора с Францией и т. п. Меня поразило сходство суждений этих людей, и я мог бы заключить, что, пожалуй, и действительно может выйти скверность. О всем сем и сообщаю вам для соображения. Дело же в том, что я вообще не понимаю бестактности такой, как поездка его в Брюссель, и не верю в исполнение ее. В английском приеме — торжество (bien médiocre *, конечно) освобождения народов, злобствования и падения реакционерской партии, и после такого гигантски-торжественного приема портить все приемом сомнительным в *уездном* городке Брюсселе!

Впрочем, и из газет я мог бы почти заключить, что известная не-народная партия завладела «генералом», ибо странно как-то было читать отказ Гарибальди присутствовать на вечере, на который приглашены Мацини и Саффи[4]. Довольно-с. Вот из нашей отечественной истории не лишена потешного интереса претензия «Голоса», который печатает в «Europe» и «Indépendance» объявления, что он — «газета независимая, газета известной партии свободной, к которой никто не принадлежит из официального мира»!! Ай да Андрей седовласый[5], об этом бы и в «Колоколе» можно статейку написать! А что он, кстати? Вышел ли 15-го апреля? Дружески кланяемся вам и ждем известий.

[1] Утин имеет в виду славянский съезд в Константинополе. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] *Ашер* — глава книготорговой фирмы в Берлине, имевшей отделение в Лондоне. Еще в 1857 г. агенты русского правительства доносили, что в магазине этой фирмы продаются издания Герцена.

[3] *Лакруа* — владелец «интернационального книгоиздательства», имевшего отделения в Париже и Брюсселе.

[4] Утин был введен в заблуждение буржуазными газетами. Гарибальди во время своего посещения в 1864 г. Лондона не уклонялся от встречи с Мацини и Саффи. Встреча их состоялась 17 апреля у Герцена, причем Гарибальди и Мацини обменялись весьма теплыми речами. Эта их встреча описана Герценом в статьях «17 апреля 1864» («Колокол», л. 184 от 1 мая 1864 г.) и «Camicia rossa» ** («Колокол», лл. 188, 189 и 191 от 15 августа, 15 сентября и 15 ноября 1864 г.).

[5] *Андрей седовласый* — А. А. Краевский. Основанная им в 1863 г. в Петербурге газета «Голос» получала субсидию от правительства и отражала взгляды либеральной части петербургской бюрократии.

13

ОГАРЕВУ и РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

Bruxelles. Rue de la Sablonnière
Среда, вечер. 27 апреля (1864 г.)

Не писав вам так долго, я прошу вас иметь терпение прочесть это письмо до конца, тем более, что оно ни в каком случае не должно быть принято как навеянное безотчетным каким-либо чувством: письмо это слишком продумано и прочувствовано, потому что, к сожалению, и *повод* к нему пред-

---

* весьма посредственное (франц.).
** «Красная рубашка» (итал.).

ставлялся не раз[1]. Но при этом я прошу вас ни на минуту не забывать следующего *крайне необходимого примечания*. Я пишу вам здесь не как дорогому доброму другу, не как дорогому патриарху, а пишу его к *редакции «Колокола»*, к редакции, которая за своими подписями послала на царьградский съезд письмо, сообщенное мне вами уже по отправлении его. Короче, письмо на этот раз относится строго к делу, в котором участвуем и мы и редакция «Колокола».

Составленное вами послание явилось для меня такою поразительною неприятностью, представилось мне такою неудобною ошибкою, что я принужден здесь разобрать его подробно и попросить у вас, как у редакторов, подписавших и отправивших послание, пояснительного ответа, важность которого для меня и для самого дела ясна будет из нижеследующего.

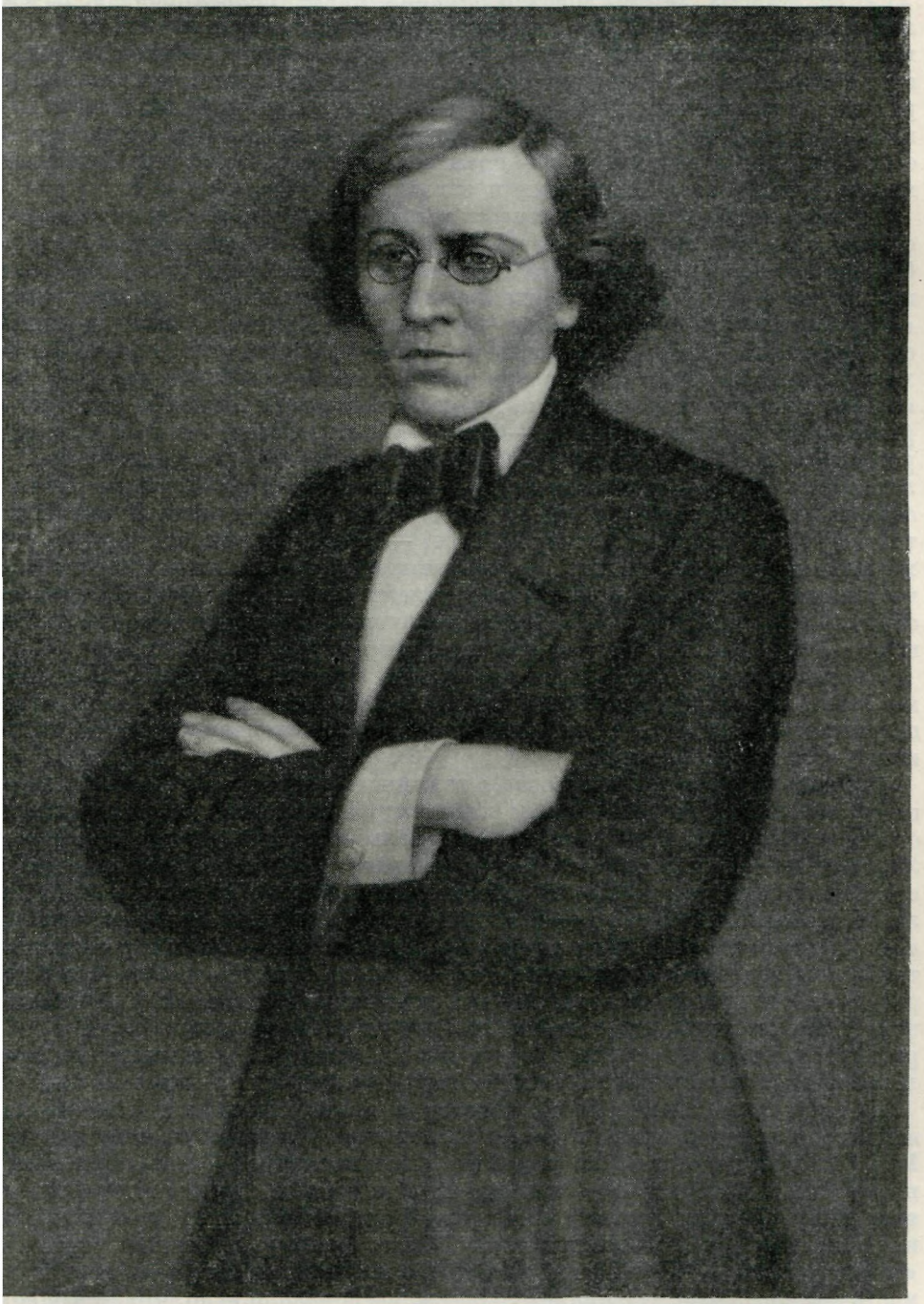
Начало: «Короткое время помешало *друзьям нашим* отправить посланца на съезд, для *нас* также оказалось это невозможным». Выходит крайне неловко! Вы делаете *различие* между *друзьями* и *вами самими*, вы говорите о собственной невозможности быть на съезде, и таким образом вы забыли, что для съезда такое *различие*, *раздельность* будут весьма странны: они не так отнеслись с своим *приглашением*, они безраздельно звали посланца *вообще от великорусского центра* и потому обратились в самой России. Так и друзья просили нас послать уполномоченного вообще от великоруссов, не понимая надобности в раздельности, а просто полагая очень естественно, что отсюда легче снарядиться в путь...

Дальше: «Мы принуждены заявить *наш* голос письменно». Опять то же! Выходит, что вы *лично* (ибо *раздельность* только что высказана) заявляете свой голос, а «друзья ваши», т. е. те, к кому прямо обратились, не сочли нужным даже и письменно сказать слово! «Сочувствие наше к освобождению славянских племен бессомненно и искренно». Что значит эта фраза и можно ли сказать ее в обращении к съезду? Что за люди предполагаются в них, если допускается, что им нужно твердить о сочувствии, без коего немыслим ни один самый скромный великорусс? Такая фраза может вызвать в них улыбку оскорбленных. Дальше еще оскорбительнее для них: «Потому-то мы и станем говорить правду». Но разве возможно говорить неправду, разве можно сойтись на такой сход без самой азбуки всяких простых отношений, т. е. без принесения с собой правдивости??

И затем, в чем же выражается правда? в общих словах «о переживании времени тяжелого страдания и терпения». Такое *третирование* людей может показаться им слишком обидным, не говоря уже о том, что первая фраза: «*Может быть* ваше положение требует быстрого движения» — заставляет их заподозривать вас, недостаточно знакомых им, в равнодушии, в *слишком поверхностном* отношении к ним, а такого отношения они не могут ожидать от издателей *свободного* великорусского журнала. Затем, *без всякой связи* повторяется то, что сказано было в моем письме о наших основных положениях. Разница же только в том, что у меня оно на своем месте, и им понятно было бы, почему повторяются эти положения пред ними, как пред известного рода судом в наших отношениях к полякам; в посланном же письме без всякой связи говорится им об этих положениях, как будто они в первый раз слышат о вашем и нашем существовании! Совершенно забыто, что если они нашли путь к нам, чтоб звать на съезд, то значит они имеют понятие и о «Свободе»[2] и о «Колоколе». Им необходимо было *ясно* выставить наши отношения к полякам (я писал уже вам почему, и как это важно, особенно касательно Малороссии) и потому повторить основания, а вы, приводя их ex abrupto*, в то же время бросаете *весьма двусмысленную* фразу о поляках.

---

* внезапно (лат.).



Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Портрет маслом Б. В. Щербакова, 1952 г.

Литературный музей, Москва

В следующих затем словах о *реакции* никак нельзя понять, почему это реакция *в высших слоях общества* подвергла меньшинство наших единомышленников *гонению*?? И прежде всего это неверно: гонение самое ярое идет с студентской истории и пожаров, и это гонение идет от правительства, реакция общественная тут непричастна, а причастна она и виновата в другом, — в том, что неудобно и бесплодно теперь говорить громко; и по отношению к правительству — правительство и до польского восстания хватало людей за прокламации и заговор.

«*Внутренние перемены в смысле гражданской свободы правительство ставит так*, что эти перемены никого *не удовлетворяют*». Эти слова наиболее всего поражают своею противоположностью со всей прежней пропагандой, со всеми нашими отношениями к петербургскому правительству. «*В смысле гражданской свободы*» — где же вдруг увидели *смысл* гражданской свободы? Заговоря с славянами, вы забыли, что всегда сами твердили о *бессмыслии*, о невозможности никаких свободолюбивых перемен при петербургском правительстве; и, кроме того, слова «никого не удовлетворяют» хуже, чем стереотипны, — они не только не убедительны, но наоборот! О Земском соборе точно так же совершенно неясно, и затем *страшная* фраза: «а не посредством игры в смутные *указы*». Вы, может, хотели сказать это о петербургском правительстве, но оно вышло иначе: вы только что говорили о Земском соборе, — ясно, что речь идет не о самохранящемся правительстве, а о революционных действиях, и выходит, что это или жесткий оскорбительный намек на польскую конспирацию, или осуждение с вашей личной стороны всей нашей собственной деятельности пока в самой России. Каково это подействует на славян?!

Затем о малороссах: «Наши интересы, *вероятно*, сходятся... с ними мы *можем* и должны идти...». Странное заменение моих слов: ваши слова примутся ими за сказанные *свысока*, за снисходительную готовность, — иначе нельзя их понять.

И наконец: весь вопрос съезда о взаимном содействии и помощи с другими славянами вы *сводите на доставку* «Колокола», на предложение страниц «Колокола»! Но, во-первых, разве и прежде иногда не печатались разные заявления *от* и *к* другим славянам? Разве вы имели бы право отказать в напечатании ихних собственных заявлений? да и разве «заявление требования воли» не должно, наконец, идти *и* иным путем, помимо «Колокола», особенно при вашем же предположении, что их «положение требует немедленного действия», т. е. проще: разве может тут быть речь — главная и единственная — в отпечатании заявлений требований воли в «Колоколе»? А во-вторых, тут еще разительнее видно для них, что редакция «Колокола» свела все дело по отношению к ним только на *личное*, оставляя в стороне тех, к кому именно съезд и обратился.

Вот какая грустная выходит проверка вашего послания. А вы не можете меня заподозривать в желании *натянуть* осуждение вашей речи. Мне невыносимо больно за подобное ваше послание, и именно потому, прежде всего, что все оно, краткое и общипанное, является неожиданным противоречием и вашей собственной пропаганде и тем руководящим началам, которые провозглашены были непосредственным органом «Земли и воли» — «Свободою». Мы высказали в «Свободе» ясно необходимость прямого разрыва с правительством, мы показали ясно, что ни в одном из лживых маневров правительства, именуемых реформами, нет и не может быть смысла; мы указывали, почему относимся к нынешнему императорству как к полнейшему бессмыслию. Ваши слова о «реформах в смысле гражданской свободы» идут в прямой разрез со всею донынешнею пропагандою. Слова о том, что у нас «растут потребности коренного переворота посредством Земского собора и его решений», но что «...рост этот долговременен...» — слишком смутны, и вследствие этого опять проглядыв-

вает противоположность со всем говорившимся прежде: из приведенных слов должно заключить, что нужно выжидать молча и сложа руки, а мы с вами никогда не допускали и не можем допустить такого решения; мы объявляли, что должна идти организация честных, энергических личностей («Свобода», № 1, и то же самое объяснял я в своем предположенном письме) для содействия народному освобождению, и от такого *правдивого* объявления мы не можем отступиться, не захотя хоронить себя заживо. Довольно. Я думаю, что слишком ясно, почему я вижу в вашем послании *противоречие* действительным нашим воззрениям и отношениям к народному делу. Выходит, что если б я получил ваше послание раньше, до отсылки его, я бы должен был, *по телеграфу*, просить вас послать не его, а иное какое, — этого требовал бы мой долг по отношению к самым существенным основам поставленного общего дела, — и лично к моим оставшимся братьям. Иначе, какой же смысл в том, что, выбитый из их группы, я принужден коротать годы в заграничной ссылке? Какой же смысл в желании обмена, устройстве сношений, самого приезда кого-либо из Питера??. Вот теперь они просили не отказать им в просьбе, они полагались на полное взаимное соглашение в мыслях и воззрениях и потому заметили: думаем, что условливаться в началах, руководящих нами, нечего; полагались и на мое *предстательство*, мы ведь порешили с вами отправить письмо подробное к Кельсиеву II [3]; вы могли бы изменить, пожалуй, и ограничиться только посланием письма от имени всего нашего великорусского революционного центра (или группы), письма, которое вызвало бы их сочувствие и расположило к содействию нам (хотя бы сначала чрез то же устройство путей), а вышло не то!.. И я оказался совершенно лишний здесь, ибо ничего тут не мог помочь, и остался безучастен и даже *противоучастен* (если можно сказать так) в вашем решении, столь неожиданном и поразительном для меня...

Я буду ждать теперь ответа обстоятельного: чем вы руководились в своем послании? что хотели вы сказать им?.. Такой ответ весьма важен: сохраняя свою личную независимость, я считаю своим лучшим *долгом — ответственность* во всем, что касается долга пред теми, которые не отступаются от нашей деятельности. Не сообразоваться с их требованиями и воззрениями (с которыми я во всем согласен) я не имею *права*, я должен ответить им и объяснить, почему вышло не то, чего они могли ожидать, почему на славянском съезде не будет даже письма обстоятельного от общего великорусского центра?.. Это раз, а другая важность вашего ответа относится ко всем другим будущим случаям и обстоятельствам. Поэтому-то я и не боюсь утомить вас длинным письмом: при искренном желании идти с вами вместе по одной тесной дороге (*в деле*, конечно,—о личных отношениях тут и речи не может быть, они неизменны, и вы всегда останетесь для меня дорогим, милым патриархом), — должно сгладить все недопонятости, все ошибочности, иначе дело будет тормозиться вместо того, чтоб спориться.

Тут я ставлю черту и считаю общее деловое письмо пока конченным; и от обращения к редакции «Колокола» обращаюсь к вам просто как к дорогому и любимому человеку. Буду говорить от себя лично, а не как член бывшей или будущей «Земли и воли».

В заключение я прошу вместе с ответом непременно выслать мне обратно проектированное мною письмо.

Будьте здоровы.

Весь ваш

Н. Утин

[1] Письмо от 27 апреля 1864 г. представляет большой интерес. Оно свидетельствует о начавшемся охлаждении между Утиным и редакцией «Колокола». Поводом к недовольству Утина послужило то, что Герцен и Огарев отправили *от своего имени* приветственное письмо славянскому съезду в Константинополе. Утин воспринял это, как желание редакции «Колокола» отмежеваться от остальной русской эмиграции. Однако в основе охлаждения лежали разногласия принципиального характера, что и выясняется из комментируемого письма Утина.

[2] Под названием «Свобода» тайное общество «Земля и воля» выпустило две прокламации, имевшие программное значение.

[3] *Кельсиев II* — И. И. Кельсиев.

14

ОГАРЕВУ

Bruxelles. Rue de la Sablonnière 4
(Май — начало июня 1864 г.) [1]

Я пред вами очень виноват, мой дорогой патриарх, за долгое молчание. Виноват не я: нездоровье, — совсем оно доканывает меня подчас; я прибег к электричеству теперь; должно быть, будет облегчение, иначе непомерная слабость слишком обидна выходит. А потом еще другое было дело. Несмотря на нездоровье, я, как только оно позволяло, ни минуты не сидел спокойно: учился упростить и устроить одно искусство — для литографии в самой России; несмотря на мою бестолковость, дошел-таки, истратив сто франков, и дело в шляпе; чрез две недели друзья мои будут иметь возможность оттискивать и писать литографией все, что им угодно, при этом без всяких искусств вырезания на камне и без всяких прессов; весь этот совершенно простой и устраняющий риск (как при печатании или обыкновенной литографии) попасться с поличным, — я вам передам подробнее в другой раз; а образец, как выходит оттиск, постараюсь прислать завтра. Пока же скажу, что кусок горы с плеч свалился: я отыскивал здесь всякие возможности к устройству пропаганды в России; многое сорвалось; я убедился, что, помимо путей и отпечатаний здесь, нужно дать друзьям средство иметь под рукою возможность распространять в молодежи разные листы; рукопись слишком неудобна, литография обыкновенная — сложна, а то, что я доставлю друзьям, — просто и легко.

Мы намерены оставить Брюссель в четверг утром, в Париже пробудем только полтора дня и прямо в Базель на свидание с Бакстом, а оттуда в Женеву. Ваше письмо еще могло бы застать меня здесь или, во всяком случае, мне перешлют его в Париж. Иначе я вас попрошу писать мне к К. Фогту, а я к нему схожу тотчас по приезде. Что-то из России давно нет вестей?!

Не знаю, кто послал вам отсюда avis aux Russes *. Фонтэна я не видел, но он мне прежде говорил, что читал об этом; должно быть, кто-нибудь из его знакомых близких. Я полагаю, что покража человека — совершенный вздор невозможный [2].

...Кто издал брошюры — пока мне неоткуда узнать, но я снесусь с Берлином, может и узнаю [3]. Тороплюсь бросить письмо, очень уж поздно. Я вам еще буду писать, а пока дайте мне и моей девочке крепко обнять вас... грустно пускаться вдаль от вас; скажите же хоть, чем вы решили — Англия или континент?

Ваш друг Н. У.

[1] Письмо это можно датировать только приблизительно, по времени отъезда Утиных из Брюсселя.

[2] Насколько можно понять из письма Утина, речь идет о каком-то предупреждении, полученном редакторами «Колокола» от кого-то из Брюсселя. Повидимому, автор предупреждения сообщал о подготавливавшемся похищении кого-то из русских эмигрантов царской политической полицией.

[3] О каких именно брошюрах идет речь — определить трудно. В качестве наиболее вероятного предположения можно указать, что Огарева интересовали две бро-

* предупреждение русским (франц.).

шюры, изданные в Наумбурге под псевдонимом неизвестного автора: «Крестьянин Безродный». Одна из них, датированная 1863 г., называлась: «Исследование о настоящем денежном кризисе в России с точки зрения национально русской, крестьянской»; другая же, вышедшая в 1864 г.: — «Беглый обзор других главных причин, отрицательно действующих на правильное развитие русского государственного организма. Сюда входят: 1) Польша, 2) крестьянский вопрос, 3) служащие или чиновники, 4) отношение европейских держав к России. Тетрадь первая. Польша».

15

ОГАРЕВУ

Среда, 22 * июня 64 года
Aux Pâquis, 5. Rue de Prieuré

Здравствуйте, дорогой патриарх! Как живете-можете?.. Очень же долго я отмалчивался, а извиняться неприлично выйдет. Одно только могу сказать в оправдание — видно тяжело было жить мне это время, если рука не слушалась, чтоб писать хоть вам. И теперь еще тяжело: от таких ударов, как от окончательной достоверной потери учителя и лучшего друга[1] — нелегко оправляться; ешь, ходишь, спишь, читаешь, но внутри все еще как будто позыв... к летаргии какой-то, как-то слишком мизерна представляется всякая литературная работа, за которую можно бы снова взяться... И кажется даже, что лучше было бы, если б и не знал я его, если б и не любил его так горячо, если б не чувствовал всей его любви ко мне... и если еще есть какой-нибудь проблеск мысли средь давящего мрака в моем состоянии по отношению к казни Чернышевского, то разве то убеждение, что участь его, память живая об его участи навсегда удержит меня от возможности изменить своему крайнему и активному отношению к лагерю мракобесия,— то убеждение, что если б я когда-либо пошатнулся и захотел смалодушествовать в минуту надобности снова поставить жизнь на рискованную карту, то одно воспоминание о Чернышевском не допустит меня до подлости и поведет меня на дело... Но и эта утеха личная и потому мизерная!..

Вот ведь как долго ни отмалчивался, а все же начал с того же, может и ненужного... Но тут переход к деловой речи будет естественен. Работать! хочется и нужно работать! т. е. помимо учения и литературной работы для «Современника»[2], нужно *прямее*, категоричнее работать... В то время, когда в самой России тяжело становится, не под силу, на *нашу* долю, т. е. эмигрантов, выпадает еще *более строгая обязанность. Мы должны* вредить, дискредитировать вражью силу, мы должны уменьшить или парализировать силу его приверженцев и ни в каком случае не допускать до шаткости или и до перехода молодежи в правительственный стан. Но как работать? Не распространяясь пока о дальнейших применимых планах, прежде всего — печатное свободное слово, прежде всего — о́рган наш, за границею, распространенный и *невольно* чтимый. И такой орган может быть и должен быть, — я говорил с вами (под вами я разумею и вас лично и Александра Ивановича) не раз о реформе в издании и содержании «Колокола», и я убежден, что при такой реформе успех должен быть. Я помню и ваше общее дорогое для меня предложение участвовать в редакции «Колокола» вместе с моим другом *Зрачковым* [3], которого я все еще жду. Но редакторствовать я отказался, как вы помните, — у меня, к счастью, нет ослепляющего себялюбия, — а участвовать в работах при расширении и строгом определении программы и направления преобразованного «Колокола» — на это я, думаю, способен и готов служить серьезно и обдуманно. Но, кроме меня с приятелем, могли бы и должны бы принимать участие в издании и *К.*, и Мечников, и даже Курочкин [4] мог бы кое-что

---

* *В подлиннике описка*: 21.

писать, ибо личность талантливая... А *К.* очень хочет работать, и его взгляд на необходимость реформы «Колокола» я нашел вполне основательным... Между прочим, все ссоры и недоразумения, которые хоть кого могли бы озлобить, *не* повлияли на его готовность участвовать в деле и своими средствами и умственною работою... Тут, кстати же прибавишь, что проект Провансова [5] — действительно вздорная дребедень, бюрократство и недальновидность; это я сказал *К.* с первого же начала чтения и потому вполне согласен с вашим суждением по поводу его. Я полагаю, что то, что я читал вам о поставлении дела в России (в мой приезд нарочно для того из Тюркея, в морозы-то!), основательнее и применимо при малости силы даже... Но это в сторону, точно так же и то, что Мечников, бесспорно, человек умный и талантливый, хотя его статья не совсем нравится мне: что это за преклонение пред Прудоном, как назвать учителем софиста сомнительной честности?! Эта нежность излишняя и вредная — ее не следует проповедовать в *радикальном* органе... [6] А пока дело вот в чем: теперь уж поздно и завтра или, вернее, послезавтра я пошлю вам подробное изложение своего мнения о том, как должен быть преобразован «Колокол», и, конечно, в самом скором времени. А главное же тут дело — вы уж чувствуете? — ваш скорейший переезд в здешние страны, хоть в Италию, если противна вам Швейцария, хотя это будет печальнее для нас... Я с вами совершенно не согласен в том, что вы пишете о бесполезности для дела — своего переезда. Тысячу раз неправда!! Ваш переезд сюда принесет весьма серьезную пользу и нашему делу и вам лично, т. е. вашему имени как пропагаторов, а возвращение вашему имени престижа или хоть, проще, того полного уважения, которое было еще недавно, т. е. *года два* тому назад, — это дело нашей общей пользы. Конечно, *центр* дела — в самой России, и по отношению к этому центру вы должны быть только советчики, с *одной* стороны, но с *другой* стороны, для того же центра, как для выражения всего дела, слишком важно иметь за границею гласных, явных представителей, которых не могут не уважать. А такое положение *возможно* и *будет*, если вы переедете сюда и захотите принять и нас в общую работу... Вот резюме тех мыслей, по которым я так сильно буду настаивать на вашем скорейшем переезде — тут речь идет о прямом успехе одной из важных отраслей дела; и я умалчиваю здесь о личном сильном желании быть ближе к вам, а ведь, с другой стороны, *личное* желание всей вашей семьи — тоже переезд на континент. И не могу я понять, что за треклятый тормоз пригвоздил вас к Англии... Но все это отлагаю до послезавтра...

1) Хочется сказать юношеское спасибо Александру Иванычу за его статью в «Daily News», «Siècle», «Temps» etc.[7]

2) Пусть Александр Иванович будет вполне спокоен — никогда мы не заикнемся здесь о трагедии *«са-доме»* [8].

3) Что писать Ив. Кельсиеву? Я готов, но злоба или, вернее, досада и у меня есть на него,— много пагубных дел причинил он...[9]

4) Стюарт сбирается сюда в июле, тогда я поговорю с ним, но не думаю, чтоб его поездка состоялась.

5) Гижицкий [10] в Лозанне. Про него говорят, что человек-дрянь, сумасбродная и самолюбивая, а самый побег его *из ссылки*, из Оренбурга, погубивший только людей других, — совершенно излишний, — не говорит за него.

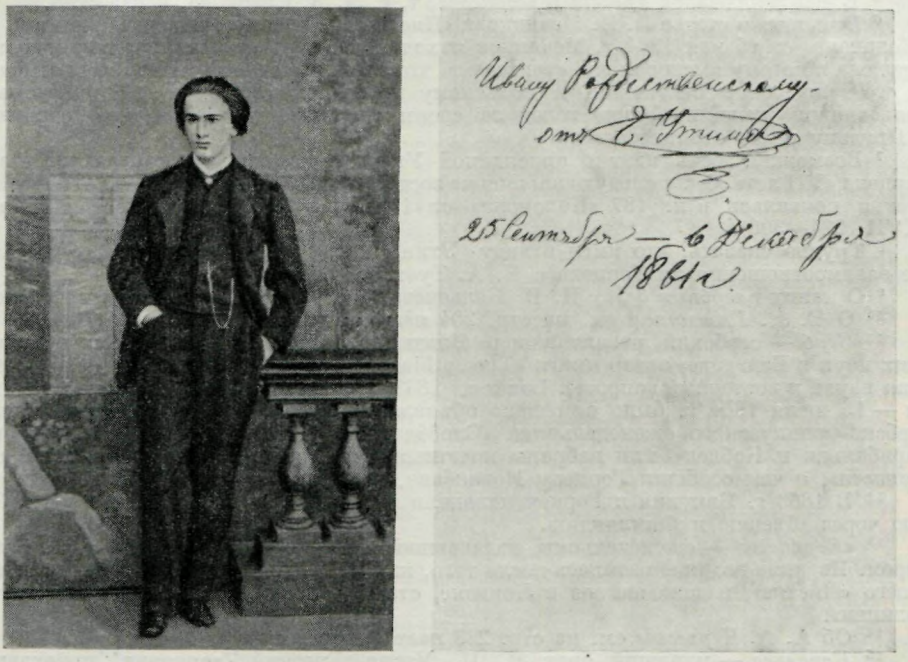
6) У меня был и познакомился *серб* [11] — что можно для него, готовы делать. Как вы его считаете? —умным или посредственностью?..

7) Хорошо, что вы не прекращаете «Колокола» — это было бы слишком вредно, даже и то вредно, что один раз в месяц выходит, но при нынешнем его содержании, т. е. при нерасширении программы, его чаще ⟨выпускать⟩ действительно трудно вам двум.

8) А что же «Cloche»? Фонтэн пишет, что покончит его... А вы ничего не отвечали на мои предположения о «Cloche'е» из Брюсселя?

9) Вы уже знаете, что Наталью Александровну и Miss Meisenbug мы не видели, о чем и сожалеем очень, но будем уверены, что скоро познакомимся. Ал. Ал., т. е. Herzen-fils, был у нас, и с ним мы довольно долго беседовали.

10) Что же *Швеция* — пожалуйста, напишите, что вы о сем думаете? Ведь путь казался вполне верен? За чем же дело? Если нужно съездить, я готов, когда угодно, лишь бы знал, что поездкою туда устроится дело провоза и приведется в исполнение [12].



Е. И. УТИН
Фотография с дарственной надписью на обороте: «Ивану Рождественскому от Е. Утина. 25 сентября—6 декабря 1861 г.»
Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

11) Всё пока. Нет, забыл. Это хорошо, что «Европеец»[13] помре, но, тем не менее, я б на вашем месте очень серьезно заметил Долгорукому, чтоб он не позволял себе в своем журнале амикошонства с вами: он ведь на каждом шагу тычет: «И мы и наши друзья — и А. И. Г. и Н. П. Ог. и мы» — что за солидарность — оно выходит *очень неблаговидно* для всех нас, т. е. для наших единомышленников, и ваша доброта тут совершенно вредна, — это здесь мнение и мое, и *К.*, и Черк. [14], и, кстати, Черк. — человек очень хороший, преданный и развит (тут я не согласен с А. И. — он уж давно проснулся).

12) Конец, и в заключение можете и меня с девочкой, которая вас крепко целует, поздравить с приездом *родного*: Капелька[15], который был как бы заложником за меня, отпущен за границу, уже за границею и чрез несколько дней будет с нами.

Целую вас крепко и дружески кланяюсь всем вашим.

Н. Утин

[1] *Учителем и лучшим другом* Утин называл осужденного на каторгу Н. Г. Чернышевского.

[2] Относительно сотрудничества Утина в «Современнике» см. в предисловии к настоящей публикации.

[3] *Зрачков* — конспиративная фамилия М. С. Гулевича, о котором см. в настоящем томе, во вступительной статье к публикации его письма Герцену.

[4] Относительно лица, обозначенного в настоящем письме и в последующих буквою К., можно с полной уверенностью утверждать, что им был В. И. Касаткин (см. ниже, в письме № 17 и в примечании 3-м к нему).—О Л. И. *Мечникове* см. в настоящем томе, на стр. 388—394. — Н. С. *Курочкин* (1830—1884) — брат В. С. Курочкина, так же, как и он, поэт и настроенный революционно человек. Н. С. Курочкин в то время находился за границей и поддерживал сношения с эмигрантами.

[5] В чем заключался *проект Провансова*, т. е. А. А. Слепцова, неизвестно.

[6] Речь идет о статье Л. И. Мечникова «Письмо к Прудону», напечатанной в л. 185 «Колокола» от 15 мая 1864 г. Мечников находился под влиянием анархистских идей Прудона и потому именовал его «учителем», хотя при этом резко критиковал Прудона за его враждебное отношение к польскому восстанию 1863 г. и за борьбу против эмансипации женщин. Утин, вслед за своим учителем Чернышевским, относился к Прудону резко отрицательно.

[7] Возможно, речь идет о присланной Утину рукописи или корректуре статьи Герцена «VII лет». См. в следующем письме восторженный отзыв Утина об этой статье. Статья появилась в л. 187 «Колокола» от 15 июля 1864 г. и датирована 1 июля (XVII, 294—300).

[8] Трудно сказать, что имел в виду Утин, когда писал о *трагедии «са-доме»*. Не взаимоотношения ли Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой?

[9] О каких *пагубных делах* И. И. Кельсиева пишет Утин — выяснить не удалось.

[10] О Е. К. *Гижицком* см. на стр. 204 настоящего тома.

[11] *Серб* — сербский революционер Владимир *Иванович*, профессор политических наук в Белграде, автор книги «The serbian nation and Eastern questions» («Сербская наука и восточный вопрос»). London, 1863. В лл. 186—187 «Колокола» от 15 июня — 15 июля 1864 г. было помещено объявление о предстоящем выходе в Женеве сербско-французского еженедельника «Слобо́да». Герцен, Чернышевский, Маццини, Гарибальди и Кобден были избраны почетными членами «Дружества сербской словесности», о чем сообщил Герцену Иова́нович, посетивший его в Лондоне.

[12] В 1863 г. Бакунин и Герцен наладили пересылку лондонских изданий в Россию через Швецию и Финляндию.

[13] *«Европеец»* — еженедельник, издававшийся в 1864 г. в Дрездене Л. П. Блюммером. Издание его прекратилось после того, как П. В. Долгоруков напечатал в № 19 своего «Листка», издававшегося в Лондоне, статью «Леонид Блюммер, агент тайной полиции».

[14] Об А. А. *Черкесове* см. на стр. 238 настоящего тома.

[15] *Капелька* — младший брат Н. И. Утина, Евгений Исаакович, приехавший в 1864 г. за границу.

16

ОГАРЕВУ

5, Rue de Prieuré ·
Суббота, утро 9 июля ⟨1864 г.⟩

Я только что получил вашу записку, дорогой патриарх, и совершенно искренно говорю, что вы слишком снисходительны ко мне и что я чувствую себя гораздо виноватее пред вами, чем вы думаете, за свое отмалчивание. Виноват и хочу обещать вам сегодня не повторять подобного молчания в другой раз и потому очень прошу не злопамятствовать на меня. Я думаю, однако, что трудно человеку находиться в более проклятом состоянии, чем я был и есмь все это время. Если б вы были здесь, добрый, хороший друг, я бы, конечно, пришел к вам и промучил бы вас целые часы своими докучными совещаниями, но мне как бы нибудь стало легче, и — не смейтесь — может, я и заплакал бы при вас, может и слезы как-нибудь выбились наружу, но ничего тут нет и вас нет, и слышу я только скверное и скверное... Когда же вы приедете?? Вот, видите ли, в чем дело: Капелька приехал, наконец, и привез хуже чем грустные известия — все это перессорилось, «брат восстал на брата», нетерпимость с одной стороны и резкость осуждения, какое-то безверие, упадок духа и сил, гнетение себя тем, что теперь ничего решительно нельзя делать!! постойте — последнее-то и говорит

No. 186. THE BELL. JUNE 15, 1864.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elisbeth House, Teddington, Middlesex.

ЛИСТЪ 186.

15 Іюня 1864.

Трюбнеръ & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tolstoy and Co., 8, Maddox Street, Regent Street, Lond., London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Н. Г. Чернышевскій.—Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (Продолженіе).—Письмо изъ Варшавы (Письмо четвертое: Смѣсь: Отступленіе о поэтахъ.—Наши извѣстія.—Русскія новости въ Женевѣ.—Объявленія.—Книги, поступившія въ Вольную Русскую Типографію.—Цѣны книгъ, продающихся въ Вольной Русской Типографіи.—Новыя объявленія.—Напечатаемъ впослѣдствіи.—Письма, адресованныя въ редакцію.—Замѣтки о русскихъ книгахъ.—Объявленія.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Черныше[illegible] осужденъ на семь лѣтъ каторжной работы и на вѣчное поселеніе. Да падетъ проклятіе на безмѣрное злодѣяніе на правительство, на общество, на полякъ, полякующую журналистику, которая накликала это гоненіе, радуясь его начальству. Они прочили правительство въ убійственныя коммиссіи въ Польшѣ, а въ Россіи на утвержденіе семейныхъ казней, на смѣну шпицъ-рутенъ, людей-сказокъ говорятъ, что не найдутся бравировать палку разбойничью и неподвижность, которая управляетъ нами!

"Инвалидъ" недавно спрашивалъ, гдѣ же теперь Россія, за которую пали Тарбаевы. Видно она не вся "на Дитерихсъ", когда встала радость за жертвою... Какъ же согласовать двѣ колеи, двѣ эры правительства и убѣжденій, въ безмѣрномъ позорѣ его писать? Или это не думаетъ редакторъ "Инвалида" о правительствѣ, которое безъ всякой опасности, безъ всякой причины разстрѣливаетъ молодыхъ офицеровъ, ссылаетъ Михайлова, Обручева, Мартьянова, Красовскаго, Трувеля, двѣнадцать другихъ, заключаетъ Чернышевскаго въ каторжную работу.

И это то торжествованіе, мы привѣтствовали здѣсь десять тому назадъ!

И—ъ.

P S Строки эти были написаны, когда мы прочли слѣдующее въ письмѣ одного очевидца экзекуціи: "Чернышевскій сильно измѣнился. Сѣдые волосы его обрѣзали, они дѣлали высылку въ 4 часа утра, теперь бѣлымъ днемъ!..."

Поздравляемъ всѣхъ различныхъ Катковыхъ—надъ этимъ плачутъ они восторженно-злобно! Ну что легко имъ на душѣ?

Чернышевскій сошелъ съ ума, выставленъ къ столбу на четверть часа*—и онъ въ Россіи на столько лѣтъ останется привязанъ къ нему!

Проклятіе вамъ, проклятіе—и если возможно месть!

* Неужели опять изъ русскихъ художниковъ не извлекутъ картины, представляющей Чернышевскаго у позорнаго столба? Этотъ обличительный холстъ будетъ общимъ для отцовъ покаянный и завѣщаетъ неслыханное торжество справедливости, отмщающей мысль человѣческую за способъ преступленія, языкомъ цѣлаго края.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

(Продолженіе).

III.

Мнѣ вспоминаетъ—какъ-то давно, еще въ дѣтствѣ читанная статейка Франклина о приложеніи алгебраической методы къ вопросамъ и поступкамъ въ обыденной жизни. Франклинъ предлагаетъ, чтобы убѣдиться въ истинности или ложности мнѣнія, или въ удобѣ или вредѣ поступка—написать на одной страницѣ всѣ доводы за мнѣніе или поступокъ, а на другой страницѣ всѣ доводы противъ, и потомъ зачеркивать соотвѣтственно каждый положительный и каждый отрицательный параграфъ, если, по окончаніе этой операціи останется хотя одна статья по плюсу—то мнѣніе было истинно или поступокъ полезенъ; если останется хотя одна статья отрицательная, то мнѣніе ложно, а поступокъ вредѣнъ; если обѣ стороны сведутся на + —0, то мнѣніе пошлое, а поступокъ безполезный.

Мнѣ хочется приложить эту методу къ разбору земскихъ учрежденій и, выписавъ статьи другъ другу противоположныя, совершенно добросовѣстно разсмотрѣть, что изъ всего Положенія останется, чѣмъ бы общество могло и должно воспользоваться для развитія своей политической самостоятельности и свободы.

Начнемъ съ статей уже отчасти намъ знакомыхъ:

Ст. 6. "Земскія учрежденія, въ кругу *предоставленныхъ* имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно".

Также ст. 6. "Законъ опредѣляетъ случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія ихъ подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей".

Ст. 7 не дозволяющая земскимъ учрежденіямъ превышеніе власти, запрещаетъ имъ "вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, *сословныхъ* и *общественныхъ* властей и учрежденій"†.

* Полное Положеніе было составлено не министромъ на бюрократическихъ началахъ, то, помнимъ, было бы сказано: "въ кругу дѣлъ *предоставленныхъ* имъ *законами*", а теперь сказано: "въ кругу дѣлъ *вверенныхъ* имъ *правительствомъ*".

† Сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій! Но ужъ если не сословныя, то земскія учрежденія надѣюсь общественныя учрежденія; стало, имѣемъ полное право поставить ихъ круга ихъ дѣйствія.

«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ». СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА ВЪ «КОЛОКОЛѢ» О ПРИГОВОРѢ НАДЪ ЧЕРНЫШЕВСКИМЪ

«Колоколъ», листъ 186 отъ 15 іюня 1864 г.

один из тех, который был наиболее близким соучастником моим в делах, т. е. 651231143443343413б4! [1] Роли, видите ли, там переменились как-то, и скверно переменились, возбуждая обоюдное раздражение... Эх, я знаю, что из всего этого вы очень мало поймете, но расписываться-то неудобно, я постараюсь в другой раз, при помощи цифири, рассказать вам все это яснее... Я вижу слишком ясно, что нет там теперь *нужного* человека, вижу, что дело возможно, если тех и других будет связывать *кто-либо*, но этого *кого-либо* нет там — нетерпимость, резкость, безверие с разных сторон все тормозит... Вы не удивитесь, пожалуйста, не махните рукой на меня, как на городящего чушь, и не скажите: «Если таков выбор, то, значит, дело, действительно, никуда не годно» и «не увлекайтесь!» — не говорите этого, а послушайте вот что: строго разбирая деятельность всего прошлого, видя, что я и до сих пор пользуюсь у Провансова полным доверием, зная очень точно все его отношения к разным людям, я сделаю то, что он предлагает, т. е. он хочет приехать ко мне из Дрездена... Здесь мы с ним будем сидеть дни и ночи; я верю в свою силу *обработать его вполне*, поставить его в *надлежащее положение*, а затем, предсказав ему точно, какие разочарования ждут его и как должно отнестись к таким разочарованиям, — затем, *благо* у него есть стремление делать и охота возвратиться, пусть едет в Россию и действует как указано, конечно соображаясь вполне с данным положением, которое на сию минуту я теперь знаю слишком хорошо[2]. Не удивляйтесь всему этому, друг дорогой, я в совершенно нормальном состоянии, я только бесконечно грущу о том, что не могу быть сам дома, о том, что мой голос не слышен... Возвращение Провансова будет гораздо полезнее приездки сюда хоть одного из моих близких, ибо эти близкие, кажется, действительно *слишком себя изолировали ото всего* и не могут, *если бы даже и хотели*, произвести настоятельно потребные связи всего, всех людей, всех воззрений на ту или другую сторону дела... В конце концов, если б понадобилось и если б были деньги, мы бы с Провансовым и к вам съездили, но этого, конечно, не может случиться ранее... сентября... Но неужели вы и в сентябре и в октябре еще не будете в здешних краях?.. Перехожу при этом к вашему последнему большому письму[3]. 1) Вы ошибаетесь, если думаете, что я не знаю границ в суждении о здешних людях-эмигрантах. Не бойтесь и будьте спокойны — не думайте, что я хоть на минуту увлекся хоть *К*... о нет! я вижу все слабые стороны его, вижу самолюбие, робость и т. д., но, тем не менее, он может быть очень полезен, все они могут быть полезны, и *необходимо*, чтоб был *заграничный центр*, вы это сами писали в той программе, которую посылали мне в Торкей (она у меня), центр, который бы относился, конечно, к центру в самой России, но на сию минуту, когда в самой России *нет центра* (!!!), вы должны понять, какую важность получает здесь заграничный, очевидный центр — это *оплот силы*, *оплот веры в силу*... Ведь вы же знаете, что я всегда считал необходимым, чтоб центр действия был в самой России, я и теперь так убежден, и тем более, что если там нет никакого *прямого* действия, то мы должны сгруппироваться в *маленький центр*, *нисколько не имеющий притязания* руководить деятельностью в России, но всегда готовый служить живым узлом для связи различных, не сходящихся между собою кружков и даже личностей. Подумайте об этих словах и увидите, что они верны, тем более, что факт-то ведь существует, что вы ведь оба и без того уже составляете известного рода центр, но этому центру нужно сгруппировать около себя некоторых людей из эмигрантов или, вернее, эмиграцию за немногим исключением; тогда, с одной стороны, в самой эмиграции не будет причин разных недовольств вами, и этим самым вы будете сильнее, с другой стороны, и врагам и друзьям вашим будет ведом центр, группа людей, на которую друзья будут смотреть с большею верою, на который враги будут смотреть с бо́льшим *уважением* (не то слово, да все равно), как на группу,

которая не упустит ни одного случая, чтоб громить и дискредитировать... И только, и все это верно, и все это тесно связано с вашим скорейшим переездом сюда, и каждый день есть большая утрата. Подумайте. Ну, что мне за охота быть *гласом вопиющего в пустыне*, с чего бы я стал настаивать и настаивать на одном и том же, если б не видел в том верного *оживления дела*, и для того, чтоб додуматься и окончательно убедиться в этом, — я долго проверял себя, я призвал на помощь память обо всем и обо всех прошлых, я все рассчитывал, я старался найти, нет ли другого возможного поставления дела — нету! и нету!.. — Остается прибавить только, что разные хорошие люди из Питера тоже поручали передать вам о необходимости настоятельной сгруппировать возле себя центр эмиграции... Да, кстати: совсем вы напрасно писали мне как-то о том, чтоб достать мне *полномочие* из дому; незачем совсем этого: полномочие теперь не может иметь к себе особого доверия — многие люди и так меня знают и доверяют, но я не хочу, совершенно не хочу действовать *отдельно от вас*, я хочу действовать *вместе* с вами и при вас, я хочу, чтоб при нашей помощи все относилось с доверием полным к вам, вам рано еще сходить со сцены, а нашему брату, мне, по крайней мере, чужда всякая мысль о *заменении* вас, как бы то ни было, пока вы можете и должны быть незаменимы — у вас обоих есть заслуженное имя, которое многое значит и которым вы не должны отказываться служить, а... мы не должны отказываться помогать и действовать *под вашею фирмою*, а не иначе... Ужасно я пишу неясно и не думаю о выражениях, но вы поймете мои мысли...

2) Что же касается до образа наших действий за границею, то об этом у меня составился целый план: помните, вы советовали мне записывать разные мысли о деле, вот я и записывал, ебирался все послать вам (от этого все и откладывал писание вам), но какой-то скептицизм все одолевал: думается всё — зачем да к чему?.. пошлю очень скоро... В этом плане я изложил подробно и *программу* преобразованного «Колокола», как я понимаю ее. Вы из нее увидите, что я никогда и не думал опускать *обличительную сторону*, а напротив — придаю ей огромное, т. е. должное, значение.

3) Вы верно пишете о том, что «нужно иметь французский журнал, который бы периодически помещал доставляемое ему, и это следует устроить». Теперь же вот некое *безотлагательное* дело. Из Питера все в один голос просят того же, просят, чтоб начать разные статьи подробным рассказом о Чернышевском. Так как вы говорите о необходимости разделения труда, то я решился взять на себя задачу писания статей для французских журналов; пишу я по-французски лучше, чем говорю, и теперь нашел себе учителя, который будет поправлять и сообщать статьям французскую политуру. Я уже написал статью о Чернышевском. Теперь нужно, во-первых, поместить ее [4], а во-вторых, открыть дальнейший путь для последующих статей вообще о состоянии России, т. е. о таком, что интересно и для Европы, что ее *не устрашает* и что будет дискредитировать правительство. Честнее других газет должен быть «Temps» («Siècle» и «Opinion» — сволочь); кроме «Temps'а» я полагаю «Courrier du Dimanche» — еженедельная и месячный «Revue germanique». Я указываю на эти, ибо тут, кроме Nefftzer'а [5], играет большую роль Prévost-Paradol [6]. А Paradol хоть и орлеанист, но человек честный. Мне бы хотелось обратиться к нему для напечатания этой первой статьи (и для других) в «Temps» и в «Courrier du Dimanche», а затем он бы открыл дорогу и в «Revue germanique». Поэтому вот что: я очень прошу Александра Ивановича прислать мне записку к Paradol, т. е. хорошую рекомендацию и просьбу не отказать мне; эту записку я приложу при своем письме к нему... Кроме того, у Александра Ивановича есть другой ход: с Nefftzer'ом хорош Elie Reclu [7], этот Реклю пишет в «Revue germanique», а с Реклю должен быть хорош человек,

хороший с вами — Talandier[8]. Пожалуйста, бью челом, подумайте об этом скорее и дайте мне немедленный ответ, ибо статья первая, т. е. о Чернышевском, уже написана (завтра будет вполне исправлена; я ведь учусь здесь французскому языку — *мне его нужно усвоить себе*) и ей залежаться не следует. Буду ждать ответа Александра Ивановича *со дня на день*; при этом, конечно, все равно, если б и «Siècle» принял статейку— он еще более распространен. Кроме того, Ganesco[9] относится к вам с почтением, а «Europe» — журнал хороший. Впоследствии, если б дело пошло на лад, чрез Фогта можно уладить и с «Кельнской газетой» ...«Daily News» в ваших руках... Вот, видите, я вам предлагаю свои работы — не откажите же скорее помочь и не бойтесь скомпрометировать себя рекомендацией: я не стану говорить лишнего... Жду ответа...

Откладывая еще многие серьезные предметы до другого раза, расскажу вам, что со мной было вследствие вашей записки к *К.* о таинственном письме[10]. Я был убежден, что оно от Зрачкова, и решил немедленно ехать в Castellamare. Для окончательного убеждения я послал вам депешу: пришло ли *то* письмо чрез *Гильдича*?[11] тогда было бы ясно, что это Зрачков, ибо другие сего адреса не знают. Вот что значили слова: «Télégraphiez *si la lettre arriva par l'adresse de Hild.*» *. Заметьте *la*, иначе я поставил бы — ma** , если б шла речь о *моем* письме, и далее *lettre* envoyez immédiatement***; если б шло об ответе мне, я бы написал *réponse* **** ... Я полагал, что вы это очень хорошо поймете. Представьте же мою досаду при получении *вашей* депеши! Тем не менее я решил ехать немедля в Castellamare, уверенный, что там Зрачков, и зная, что лучше рискнуть *немного*, чем оставить его без языка и без гроша. Несколько дней, однако, прошло в хлопотах о паспорте. Наконец я собрался совсем и, придя на минутку домой, *за полчаса до отъезда*, чтоб проститься с Натой, нашел ваше письмо!! Вот какие штуки бывают, и вы, конечно, поймете, что я не мог быть в претензии на вас, напротив, я вас крепко обнимаю за вашу дружбу к нам и за постоянное незабывание о судьбе моего любимого друга; мне только досадно было, что: 1) депеша моя вышла нетолкова и 2) отчего вы письма не прислали, ибо я узнал бы по руке — кто писал, оттого я просил прислать мне письмо. И вот опять ничего, ни слуху, ни духу, а я было оживился, оправился, э, эх-ма! швах! плохо!.. И везде плохо, и скептицизм проклятый! вот он мне какую мерзость сотворил: написал я статью о Н. Г. Чернышевском для «Колокола» *с весьма интересными подробностями*, ну и продержал в столе более уже месяца, а теперь уж не поспеет к этому номеру, т. е. 15 июля[12]. Если вы не получили никаких подробностей о его деле, то хорошо бы было, по крайней мере, *пометить на первой же странице* (а не иначе) «Колокола», что в *следующем* номере будет рассказано дело Н. Г. Чернышевского[13]. А я вам скоро и вышлю статью — не бойтесь, если и не очень понравится, то все же факты остаются фактами, а мало ли как корреспондент пишет. Согласны?

Ай, опять опоздаю...

До свидания, не наказывайте меня и пишите скорее, крепко целую вас и к дружескому пожатию руки и благодарению за память, кроме Наташиного, присоединяю и *Капельки*, который еще надеется с вами познакомиться.

Весь ваш
Н. Утин

---

* «Телеграфируйте, прибыло ли письмо на адрес Гильд(ича)» (франц.).
** мое (франц.).
*** письмо отправьте немедленно (франц.).
**** ответ (франц.).

P. S. Фогту записку я сейчас же снесу, но он вам не может скоро ответить, ибо он отправился с сыновьями вокруг Монблана и не вернется раньше четырех-пяти дней.

[1] По предположению Я. З. Черняка, в шифре, которым пользовался Утин, каждая буква зашифровывалась двумя цифрами. А если так, то в фамилии, которую зашифровал Утин, пятая, седьмая и восьмая буквы были одинаковыми (34). Из близких Утину людей такая именно фамилия была у Л. Ф. Пантелеева. Как известно, Пантелеев был действительно «наиболее близким соучастником» Утина по конспиративной работе в «Земле и воле». Он был первым, кого Утин привлек в свою «пятерку».

[2] А. А. Слепцов (Провансов) действительно скоро возвратился в Россию, но, вопреки ожиданиям Утина, отошел от революционной работы.

[3] Это «большое письмо» Огарева, как и другие его письма к Утину, не дошло до нас.

[4] Удалось ли Утину напечатать в каком-либо из органов французской прессы статью о Чернышевском, выяснить не удалось.

[5] Огюст *Неффтцер* (1820 — 1876) — французский публицист, находившийся в оппозиции к режиму Наполеона III.

[6] Люсьен-Анатоль *Прево-Парадоль* (1829 — 1870) — французский публицист, сторонник орлеанистской оппозиции Наполеону III, подвергавшийся репрессиям со стороны французского правительства.

[7] Эли *Реклю* — брат известного географа и анархиста Элизе Реклю, французский публицист, принимавший участие в I Интернационале и социалистическом движении во Франции. Эли Реклю был постоянным сотрудником журналов «Русское слово» и «Дело».

[8] Альфред *Таландье* (1822 — 1890) — французский политический деятель и публицист, участник революции 1848 года. После победы реакции он был изгнан из Франции и поселился в Англии, где близко сошелся с Герценом. В первой книжке «Полярной звезды на 1855 год» было напечатано письмо Таландье к Герцену.

[9] Грегори *Ганеско* (1830—1877) — французский публицист, родом из Румынии, находившийся в оппозиции к режиму Наполеона III.

[10] О каком «таинственном письме» пишет Утин, не установлено.

[11] *Гильдич* — знакомый Герцена.

[12] Настоящее письмо дает возможность определить, что помещенная в л. 189 «Колокола» от 15 сентября 1864 г. статья «Николай Гаврилович Чернышевский» была написана Утиным.

[13] «Дело Н. Г. Чернышевского» было напечатано лишь в л. 193 «Колокола» от 1 января 1865 г.

17

ОГАРЕВУ

Женева. 25 июля 64

Как же я крепко обнимаю вас, дорогой друг, за ваше последнее письмо, — письмо строгого дела[1]. Оно все совершенно верно, до конца верно, и *мы* строго проштудируем его и все сообразим, насколько смысла хватит, для того, чтоб по нем и по всем своим имеющимся проектам составить и поставить определенную программу цели, средств и *хода* к достижению этой цели. Только одно я замечу, и, право же, не из ячности, не из самообольщения, — мы, т. е. *хоть что-нибудь* делавшие в России, — и всегда думали поставить наше дело как дело *миссионеров* — заявления прокламационные etc. должны были быть только неизбежным началом, а затем, в самом же начале было решено о скорейшем прекращении их и о ведении дела исподволь, тихомолчно. И еще: мои друзья *не играли* в конспирацию, они ясно сознавали всю важность поведения и проникновения дела в *народ*. Я это говорю вам оттого, что знаю, что вам легче будет от этих правдивых слов, ибо, конечно, нет ничего обиднее игры и *мальчишничанья с святым делом*. Но вы теперь нашли нужное слово — *миссионеры*, и то, как вы хотите ставить дело, вполне сочувственно мне. Будем же додумываться и превращать слова в дело... Опять то же самое: вы и не можете понять, как тормозит дело ваше житье в Англии, — то, что могло бы делаться в недели, должно теперь тянуться долгие месяцы... Постоянно думая о coup d'état — о категорическом изменении в ведении дел и поста-

влении их на реальную дорогу — я, право, иногда готов ненавидеть (!) вас обоих за ваше житье вдалеке от нас и от всего... А как хорошо, и без увлечения хорошо, представляется перенесение типографии сюда, и ваше близкое житье отсюда (я, к сожалению, чувствую, что вам антипатична Швейцария, и не могу понять почему?!). Я убежден в крайней настоятельной важности теперь именно в успехе «Колокола» и убежден, что оно возможно, — если б *мы*, юные, взяли на себя *черную* работу, если б вы удержали при себе главную редакцию, — у вас было бы времени больше к занятиям — из-под вашего пера выходили бы серьезные, со всех сторон заостренные исследования о народном быте, из-под герценского пера лились бы статьи как «За семь лет» — статьи, подобной которой по своей силе и, главное, по своей *категоричности* (а это самое главное) мы еще не читали, и в качестве юных друзей радостно приветствуем А. И. за нее [2].

Вот что: *все*, *все* решительно злобятся на ваш непереезд; Касаткин както сказал: «Если б мы с вами делали такую ошибку страшную (на их месте) в деле — нам было бы непростительно, а они — люди, слишком знающие все промахи и ошибки прошедшего в целой истории — как же они-то виновны в том, что не хотят видеть страшного вреда, наносимого делу их отделением от возможного сгруппирования в центр эмиграционный». Я ему на это не возразил, потому что нечего возразить, я ему только ответил: «Напишите все это им самим, только пишите без всякого озлобления *ненужного* и *скверного*». Кстати, уже тут о нем, т. е. о К⟨асаткине⟩,—вы, ради Христа, не бойтесь за мое *увлечение* им! Никоим образом — и вы, и Александр Иванович правы в суждении о нем — я до сих пор хохочу над вопросом Александра Ивановича: «А как *скрывается* Кас⟨аткин⟩?». Это, действительно, обрисовывает его существо, он тяжелый господин, с большими мелочами и слабостями, с большим самолюбием, но, тем не менее, я думаю, вы одобрите мое поведение: я ни в каком случае не допущу ни до ссоры между нами, ни до оскорбления его самолюбия так, чтоб он озлобился и на меня, ибо человек он полезный — по тем связям, какие остались в России, по карману и, наконец, он все же может писать, может делать ту работу, тот отдел — например, *хроники* (в «Колоколе»), который будет поручен ему. Между прочим вот что важно: он располагает довольно большим капиталом и намерен *был* устроить здесь свою типографию и издавать даже (!) *Русскую хронику*... Я его отклонил от издания отдельного журнала, объяснив неблаговидность гласногласного дробления сил и уверив его, что вы сами наиболее всего ⟨желаете?⟩ сплочения способных сил эмиграции воедино, что вы сами очень желаете, чтоб ваш журнал стал общим, т. е. чтоб все способное принимало в нем участие, что при таком участии, вызывающем разделение труда, «Колокол» будет безукоризнен и возымеет полный успех, что тут все связано только с вашим переездом и что вы оттого и переедете, и что, наконец, ясно, что никогда не будет поздно, что «Колокол», конечно, не может быть тормозом для других и если будет только падать, а не возвышаться, то, конечно, вольному воля — может и предпринять журнал. Кончилось тем, что он ответил (и искренно), что считал бы мерзким самую мысль о *подкапывании* под «Колокол», что он полагал возможным свой журнал рядом с «Колоколом» и что он искренно готов весь отдаться служению в общем издании, т. е. принять *участие* (ограниченное, конечно, и *строго* ограниченное, не бойтесь — другого и я бы никогда ему не дал) в составлении известного ряда статеек [3]. Что же касается до типографии, то это вот на чем стоит: мне показалось и кажется, что у него коммерческий интерес слишком уродливо выдвигается вперед; я объяснился с ним прямо относительно, например, *изданий* «Земли и воли» и т. д. — результат вот: он думает об *интернациональной* типографии, это, помнители, и наша дума, ибо только такая типография и может окупиться и дать хлеб работникам, — при этом он предлагает частью капи-

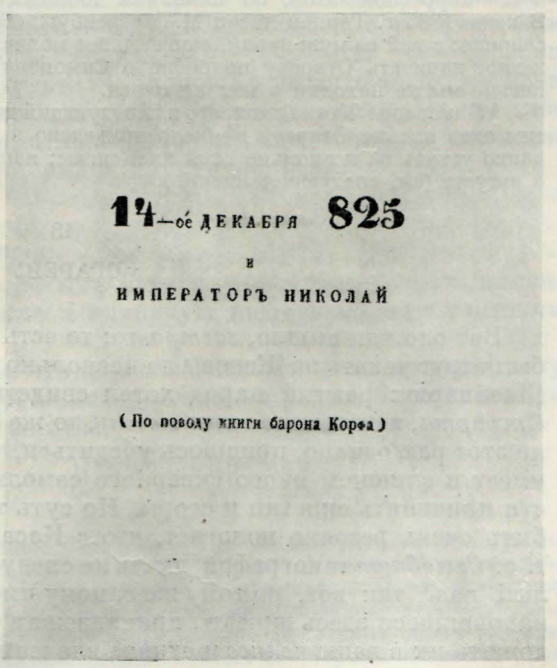
тала и своим участием в заведовании соединить свою типографию с *вашею*, т. е. «Колокола» etc., т. е. с Чернецким. Мне это кажется весьма удобным, и между тем разрешается крайне важный вопрос: вы выходите из большого затруднения, ибо перевод типографии стоит слишком дорого, а тут есть капитал и готовность участия. Подумайте, это крайне важно, и об этом я уполномочен им сделать вам предложение. Лучше будет, если вы сначала и ответите чрез меня (во избежание недоразумения); что же касается до его *бывшей* мысли о журнале, то об этом отнюдь не упоминайте ему...

Черт знает что — экое больное место! Как только хочу писать вам, так и пойду, и пойду о вашем переезде. Но я до того неразлучен с убеждением о крайней сего настоятельности, что каждое утро, просыпаясь, смотрю, нет ли от вас письмеца с уведомлением о вашем переезде к этой *осени!* так я еще уверен, что вы должны понять всю строгую важность переезда. Записался, пора бежать на почту. А сказать ничего не успел — о Тхоржевском я напишу вам *завтра* же непременно: его переезд без вашего очень рискован...

Я говорил в начале письма *мы*, но не бойтесь — никому своих писем не показывал, кроме *Зрачкова*, который приехал, наконец, внезапно, и между нами произошла романическая встреча на берегу озера! Зрачков сам напишет вам два слова завтра же — его приезд хоть немного облегчил то горе, которое я почувствовал при поразившей меня вести о смерти ⟨И. И.⟩ Кельсиева! и до сих пор слезы навертываются — бедная жертва! Но и о нем завтра, завтра же — статья о Чернышевском [4]. Пишите же чаще и будьте здоровы. Наш общий поклон всем вашим, а принципалу еще раз спасибо за «Семь лет».

Кто это человек, который будет у меня? Уж не Симонович ли [5], которого вы ошибочно сочли с головою; я расскажу о нем завтра и яснее [6].

[1] Настоящее письмо написано Утиным в ответ на не дошедшее до нас письмо Огарева, в котором он писал о вырабатываемой им программе революционной работы (об этой программе Утин упоминал в своих более ранних письмах). По ответу Утина мы имеем возможность судить отчасти о содержании письма Огарева. Огарев ставил


14-ое ДЕКАБРЯ 825
и
ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ
(По поводу книги барона Корфа)

14 ДЕКАБРЯ 1825 г. И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ (ПО ПОВОДУ КНИГИ БАРОНА КОРФА)

Сокращенное переиздание одноименной книги, выпущенной в свет редакцией «Полярной звезды», Лондон, 1858 г. Издатель брошюры не установлен

Обложка

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

в нем вопрос о том, в чем должна заключаться работа революционеров в новых исторических условиях, сложившихся в России после спада революционной волны, торжества реакции и самоликвидации тайного общества «Земля и воля». На этот именно вопрос и должна была ответить вырабатываемая Огаревым программа. Под влиянием неудачи революционного движения предшествующих лет Огарев был склонен обвинять революционеров, действовавших в России, в том, что они «*играли* в конспирацию» вместо того, чтобы отдаться настоящему революционному делу, каким Огарев, судя по ответному письму Утина, начал считать не какие-либо «заявления прокламационные», а исключительно деятельность «миссионеров», т. е. пропаганду революционных идей в народе. Вполне сочувствуя такой постановке вопроса, Утин, однако, пытался убедить Огарева в том, что русские революционеры и ранее имели в виду в качестве своей главной задачи революционную пропаганду среди народных масс.

Утин хотел, повидимому, чтобы его ответ на письмо Огарева, ввиду важности темы этого «письма строгого дела», рассматривался как своего рода выражение коллективного мнения «молодой эмиграции». Поэтому он писал: «*мы*». Однако в конце письма Утин пояснил: «Я говорил в начале письма *мы*, но не бойтесь— никому своих писем не показывал, кроме Зрачкова ...».

Прежде всего Утин энергично настаивал на переезде Герцена и Огарева из Лондона в Швейцарию, а также на перенесении туда «Вольной русской типографии». При этом он советовал слить эту типографию с другой, которую собирался организовать в Женеве В. И. Касаткин. Вторым вопросом, поднятым Утиным в письме к Огареву, был вопрос о реформе «Колокола». Утин, выступая опять-таки от имени женевских эмигрантов, высказывался за превращение «Колокола» в общеэмигрантское издание, хотя и не настаивал в это время на предоставлении «молодой эмиграции» участия в руководстве этим журналом: это требование было выдвинуто им и другими эмигрантами позже, когда более резко обозначились политические расхождения, продолжавшие существовать между редакторами «Колокола» и «молодыми эмигрантами».

[2] Статья Герцена «VII лет» была помещена в л. 187 «Колокола» от 15 июля 1864 г. (XVII, 294—300).

[3] Во время написания этого письма взаимоотношения между В. И. Касаткиным и «молодыми эмигрантами» еще не отличались той враждебностью, какая была свойственна им впоследствии. Это видно из письма Утина, стремившегося привлечь к общей работе и Касаткина. Из письма Утина мы узнаем о неосуществившемся проекте Касаткина организовать русскую типографию в Женеве и наладить издание журнала «Русская хроника», повидимому, преимущественно информационного характера. Утин, высказываясь против издания такого журнала как возможного конкурента «Колоколу», предлагал компенсировать Касаткина поручением вести «хронику» в «Колоколе». Это, как известно, не состоялось.

[4] Об этой статье Утина см. на стр. 664—665.

[5] О муже и жене Я. М. и А. С. *Симоновичах* не раз упоминается в письмах Герцена и его корреспондентов, но никакими точными данными о них мы не располагаем. В июне 1865 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Была нигилистка Симонович и сильно спорила; с ней ее муж-дурак, еще сильнее молчавший» (XVIII, 147). Своего предположения написать Огареву подробно о Симоновиче Утин не выполнил: в следующем письме мы не находим о нем ни слова.

[6] Намерение Утина написать на следующий день по отправлении настоящего письма еще одно письмо Огареву не было приведено в исполнение. Утину пришлось неожиданно уехать на несколько дней из Женевы; написать письмо Огареву он смог только 4 августа (см. следующее письмо).

18

ОГАРЕВУ

Четверг, 4 августа (1864 г.)

Вот оно как вышло, *завтра*-то; то есть оттого не писал, что принужден был вдруг уехать из Женевы на несколько дней и побывать в разных местах Швейцарии: разный народ хотел свидеться... Видел я, между прочим, *Стюарта*, и опять все та же *мозоль*, то же бельмо—распри с Касаткиным [1]; на этот раз, однако, пришлось убедиться, что он ⟨Касаткин⟩ действительно имеет и слишком много скверного самолюбьица и очень много способности причинять сплетни и ссоры. Но суть теперь в другом: Стюарт должно быть очень резонно полагает, что с Касаткиным никаких денежных дел, т. е. как *общая* типография, иметь не следует; а помните, что я писал в прошлый раз? так вот, по тому же самому имеется другое предложение, т. е.: находящиеся здесь шрифты принадлежат Стюарту [2], и Стюарт готов предложить их в ваше *полное* и единое владение с уплатою за них, когда будет

вам удобно; мало того, тот же Стюарт располагает неограниченным кредитом в словолитне во Франкфурте и этим кредитом готов служить; дело это, значит, такое могло бы выйти, что Чернецкому следовало бы при переезде сюда оставить шрифты и проч. в Лондоне, ибо здесь для печатания все имеется, станков же заводить совершенно излишне... Вы видите, что я так ухватился за ваше скорейшее переселение, что всё соображаю и все выгоды и удобства отписываю. Что же касается до Касаткина, то я постараюсь разубедить его и не устраивать типографии, а деньги свои дать на иное употребление... О сем *ином* употреблении напишу в другой раз.

В Цюрихе я виделся с П. Якоби[3] — помните, что в Кракове израненный лежал, человек отличный, думает побывать у вас так чрез месяц, — хорошо знает положение польских дел и этим может быть очень полезен; но и он, как и все без исключения эмигранты, сильно пеняет на ваше отдаленное от всех нас пребывание... Посылаю я вам статью о Чернышевском — факты все изложены верно. В одном месте поставлен крест для примечания Александра Ивановича о сношениях с Чернышевским[4], а затем заключение, обращенное к молодежи, очень и очень нужно; нам именно нужно при каждом удобном случае бить в ту же струну и при этом необходимо звать к работе уже потому, что отвсюду несутся обвинения в неработании. Если некоторые слова не нравятся, вычеркните, лишь бы смысл, особенно в конце, нисколько не изменился. Что касается до упоминания о черкесах — то об этом Зрачков, ехавший с ними, собирается написать особую подробную статью; буду, значит, надеяться, что в № (от) 15 августа увижу сие сочиненьице, и жду вашего скорейшего ответа о статье. Да, кстати, посылайте, пожалуйста, нам «Колокол», иначе приходится неприятно одолжаться у Касаткина, а он, вы знаете, аки библиоед, не любит одолжать. Затем извините, что скверно пишу, — я было прихворнул с дороги, и посему рука плохо ходит. А в заключение о Тхоржевском — везде разведывал о том, чтобы ему здесь устроиться, но сие решительно неудобоприложимо...

И еще забыл: понятно, что *французская статья* о Чернышевском должна быть *совершенно иная*, и таковая тоже написана мною, с пояснением о деятельности Чернышевского, но сей статьи я не посылаю все еще, ибо учителя своего должен был прогнать — глуп и неспособен, а в *собственном* своем виде статью я не решаюсь послать вам — пожалуй, по-чухонски выйдет, вместо французского. Будьте же здоровы и пишите чаще, а я пока уступаю перо Гулевичу сиречь именующемуся Зрачковым, т. е. имя *Гулевича* должно быть скрываемо еще месяца с два, пока не кончится дело в Алексеевском равелине[5], иначе другим повредит.

Н. У.

Приписка рукой М. Гулевича:

Только теперь, добравшись до сего берега, имею возможность высказать свое безграничное уважение и глубокую любовь первым учителям русской молодежи.

В другой раз соберусь и я кое-что порассказать вам, а пока крепко хочу поблагодарить вас за то участие, которое, как я узнал, вы выказывали к моей участи во время моего бегства.

Искренно преданный

М. Гулевич[6]

[1] Касаткин имел непосредственное отношение к Бернской русской типографии «Земли и воли», организованной Бакстом на средства Стюарта. Уже в 1863 г. Касаткин рассорился с Бакстом и Стюартом, и Герцену пришлось примирять их, но примирение оказалось весьма непрочным. В 1864 г., когда Герцен, задумывавший перевести свою типографию из Лондона в Женеву, предполагал сделать Касаткина своим главным помощником по типографии, это вызвало резкий протест со стороны «молодых» рус-

ских эмигрантов. См. подробнее об этом в нашей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция"». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 8—9.

[2] После ликвидации Бернской типографии шрифты ее, закупленные на деньги Стюарта, перешли в распоряжение последнего.

[3] О П. И. *Якоби* см. на стр. 29 настоящего тома.

[4] К тому месту статьи Утина, где говорилось об обвинении Чернышевского в сношениях «с изгнанником Герценом», последний сделал следующее примечание: «О чем речь? Неужели о моем открытом предложении печатать „Современник" в Лондоне?».

[5] *Дело в Алексеевском равелине* — дело членов московского отделения «Земли и воли» (бр. Андрущенко, Мосолова, Шатилова и др.), которое в это время еще не было закончено рассмотрением.

[6] О М. С. *Гулевиче* см. на стр. 123—125 настоящего тома.

19

ГЕРЦЕНУ

А. И. Г.

Пятница. 5 августа день (1864 г.)

На этот раз обращаюсь к вам, дорогой Александр Иваныч, ибо вы решительно из redselig'a * обращаетесь на путь истинный, т. е. в schreibselig'a ** [1]. И вот какого рода доклад вам. Вашу записку к Касаткину я взял на себя решимость *не отдать* до получения вашего ответа на это письмецо [2]. Если при этом моя решимость покажется вам неуместным вмешательством, то я вперед извиняюсь, но привожу в виде circonstance atténuante *** следующее обстоятельство: я хочу, раз вмешавшись в дело, вести его так, чтоб вам подробно были видны все pro и contra ****,— так, чтоб, несмотря на мое желание вашего переезда, я не мог упрекнуть себя в увлечении и оттого в умалчивании чего-либо... Вчера я писал патриарху краткое письмо и говорил о предложении Стюарта, вот именно я полагаю, что надо знать ваше мнение и об этом предложении, прежде вашего *прямого* согласия вступить в *дело* с Касаткиным. Ко вчерашнему я прибавлю или повторю вот еще что: по-моему, конечно, без сравнения удобнее устроить типографию так, чтоб *главою* ее, *распорядителем* был Чернецкий, а не Касаткин; Касаткин, по испытанной мною, т. е., вернее, замеченной (заметьте, что я с ним никаких денежных дел не имел и вообще считаемся приятелями) непрактичности и болезненной (чтоб не сказать иначе) боязни за свои деньги — в делах может оказаться то, что называется *тяжелым нравом*. Чувствуя себя полным господином типографии, он может иногда выкидывать разные неприятности; кроме того, он намерен дать важное значение в типографии *Кветону* [3]—чеху, наборщику, не отличающемуся трезвостью. Из всего этого, по-моему, выходит так: если возможно обойтись помимо него, то не будет ли удобнее? Стюарт (с Бакстом, но сей, понятно, тут деньгами не причастен) имеет здесь шрифта листов для десяти; этот шрифт он предлагает вам, — стоит это франков пятьсот или шестьсот, но Стюарт денег сейчас не потребует... затем, Стюарт имеет большой кредит в словолитне и предлагает вам этот кредит, т. е. готов заказать на свое имя шрифты и сам впоследствии иметь дело уплаты, вы же, понятно, должны будете уплатить Стюарту впоследствии... Таким образом, дело типографское могло бы быть вашею полною собственностью и в полном ведении того, кому и надлежит оно — Чернецкого. Что касается до *интернациональности* типографии [4], то вы знаете, как я мечтал об этом, но все же должен заметить о своем сомнении — может ли такая типография в *Швейцарии* иметь большие заработки? Пока вам это лучше знать,

---

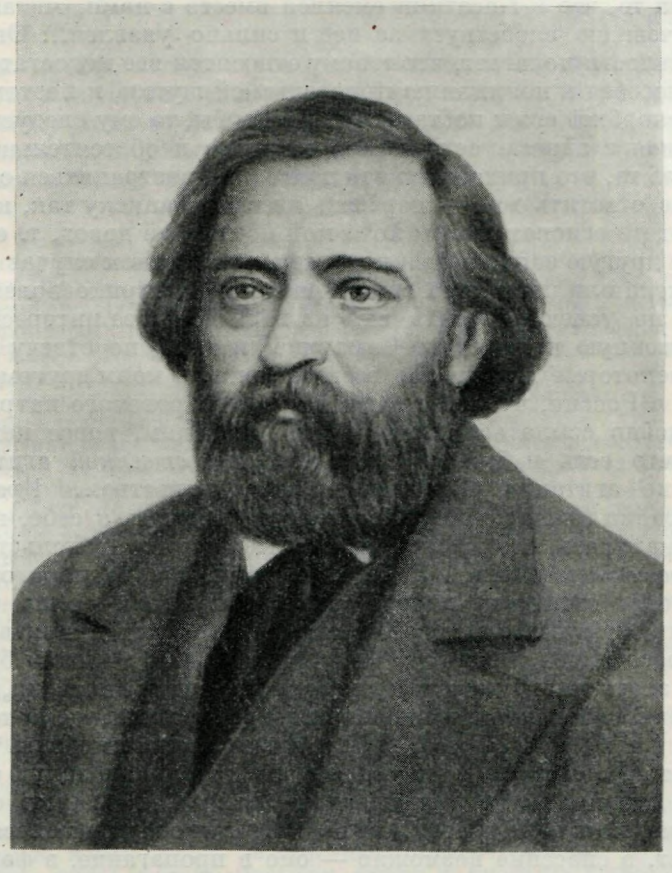
* словоохотливого (нем.).

** охотно пишущего (нем.).

*** смягчающего обстоятельства (франц.).

**** за и против (лат.).

но и в таком случае шрифты стоят не бог знает как много, а с другой стороны, я полагаю, что скоро наступит время, когда опять можно будет взяться за разные русские издания. *Станок же* самый заводить, конечно, дорого, но, насколько мне приходилось говорить с другими, видно, что станок излишен и что гораздо сходнее, при несовершенной обеспеченности больших работ, оттискивать по найму в других типографиях: а давальцев, если найдутся, привлечет *не вид* станка, а то, что в таковой типографии может явиться слишком заманчивым меньшая цена, ибо, конечно, нет



Н. П. ОГАРЕВ
Плакат М. Л. Иоффе, 1948 г.

надобности брать такие большие проценты, как другие... Представляя все это на ваш суд, еще прибавлю: во-первых, можно и при этом принять Касаткина как пайщика, т. е. проще как взносителя известной доли капитала на известный срок и процент; и во-вторых, если вы решите вести дело с Касаткиным по *его* предложению, то мое настоятельное мнение — с ним следует обо всем договориться вполне ясно, по пунктам, на бумаге и *сразу же* повести разговоры так, чтоб выдвинуть Чернецкого на заведование типографским делом, иначе трудно будет ладить Чернецкому с копотливостью, кропотливостью и придирочностью Касаткина.

Затем — об *адресе на вашем письме*. Я продолжаю пользоваться правом, которое вы у меня пока не отняли, правом все решительно говорить вам прямо. Вы и не подозреваете (хотя это для меня странно, при том

понимании касаткинского характера, каким вы обладаете), что одна фраза — «что в имени тебе моем» — может безвозвратно расстроить все дело?!!! Не в виде сплетни, противной мне, а чтоб поставить вас на надлежащую точку зрения и отношения к Касаткину, я вам теперь упомяну о том, что ваша шутка о провансовском проекте, в котором и касаткинское рыльце в пуху, т. е. ваша острота, совершенно верная:

Двенадцать гренадеров
Несли его шишак и т. д.,

несмотря на то, что и Касаткин смеялся вместе с нами, читая ее, тем не менее он очевидно злобствует за нее и сильно уязвлен... Он вообще по подозрительности полагает, что к нему относятся все недостаточно серьезно, он неспособен к пониманию приятельской шутки, и поэтому, если нет желания оскорбить его и поставить его на дыбы, то ему следует писать обо всем, начиная с адреса, совершенно серьезно и обстоятельно. Поэтому, извиняясь за то, что приходится так долго распространяться о Касаткине, я прошу вас ответить мне — передать ли вашу записку так, как она есть, или вы найдете основательным хотя мой последний довод, т. е. об адресе, и пришлете другую записку для передачи ему; в таком случае сия записка будет сожжена или переслана вам обратно в ее неприкосновенном виде... Сегодня я не успею ответить вам на гораздо более интересное, т. е. на вашу собственную приписку о Самарине[5] и т. д., но отвечу непременно и приведу некоторые доводы изо всего виденного моим другом[6] еще месяц тому назад в России, чтоб ясно доказать, что кровавого патриотизма, на который удобно ссылаться правоверным деятелям, вовсе нет в России, и все то, что есть и было, — плод *правительственной* агитации, а не наоборот, не агитации общества на правительство... Время теперь, конечно, крайне тяжелое, общество полезно вернуть к себе, но никак не тем, чтоб указывать, что *оно* виновно во всем, что правительство способно еще идти *разумным* путем... Ясно, что правительству пора отдохнуть от крови, которая стóит так дорого, что банкрутство — вещь мыслимая[7]; ясно, что правительство готово бы пойти на то, чтоб принять ту личину, которою красовалось восемь лет тому назад, но на то нас и били и побивали, чтоб знать натуру этого правительства, этой династии, чтоб знать, что и австрийский немец хотел бы полиберальничать, — да тот и другой сошлись на Священном союзе[8]. Правительство менажировать * не к чему, потому что тогда *оно* зато будет менажировать неприязненную ему партию, а общество нужно приструнивать, нужно даже тонко давать ему возможность возвращения из блудного лагеря, хотя и от общества спасения, конечно, не будет, а спасение возможно — оно в пропаганде, в формировании сплоченного строя людей из молодежи и во влиянии этого добросовестного, изучающего народ на месте — во влиянии на будущее поколение или просто на самое молодое пока еще поколение народа, — из общего соединения этих двух элементов выйдет или может выйти спасение. Вот к чему поведет и ваша пропаганда и *миссионерство*.

Не взыщите на бестолковом выражении всего этого, — мы вот вместе вам отпишем обо всем да толковее, а теперь спешу на почту, чтоб не затягивать ответа вашего по части Касаткина. Касательно квартиры дело нетрудное, но я думаю еще рано искать — теперь ведь дороже, а к осени подешевеет еще, хотя мы, например, платим за большую квартиру баснословно дешево... Когда угодно, буду подыскивать.

Будьте ж здоровы. Весь ваш

Н. Утин

---

* щадить (от франц. ménager).

Патриарху:

Вы уж мне и прежде писали о статье «Что нужно делать разночинцам?»[9]. Что-то вы пишете теперь — очень бы хотелось мне прочесть (подразумеваемое ко мне) *письмо* ваше *до* печати... [10]. Я думаю, что в печати теперь нужно очень и очень обходить многое, и что нельзя прямо говорить, что именно нужно делать нашему брату в России, нельзя даже ясно говорить хотя бы о *миссионерстве*, т. е. лучше пообождать, чтоб даром не пропало и чтоб не помешало. А затем будьте здравы и не болейте пристрастием к Англии и неприязнию к континенту: всё — один чёрт. До скорой встречи.

Н. Утин

P. S. Забыл и еще: Стюарт говорит, что не лучше ли привезти сюда только *матрицы* и по ним сделать шрифт — выйдет, пожалуй, немного дороже, а между тем, во-первых, ваши шрифты уже стары, а во-вторых, тогда и в Лондоне останется шрифт про запас, а это не бесполезно, можно даже продолжать будет ставить лондонскую фирму, т. е. «отпечатано в Лондоне».

[1] Повидимому, это письмо Утина является ответом на не дошедшее до нас письмо к нему Герцена. Относясь к Утину без особых симпатий, как к человеку, по его мнению неискреннему, Герцен избегал писать ему, ограничиваясь передачей необходимых сведений через Огарева, поддерживавшего, в отличие от Герцена, регулярную переписку с Утиным. На этот же раз он счел возможным и необходимым обратиться к Утину лично.

[2] Записка Герцена, адресованная Касаткину, не сохранилась.

[3] О *Кветоне* никакими сведениями мы не располагаем.

[4] Говоря об интернациональности типографии, Утин имел в виду снабжение ее не только русским, но и иностранным шрифтами, чтобы она в целях увеличения доходности могла принимать заказы и от иностранцев.

[5] Речь идет о Ю. Ф. *Самарине*, с которым Герцен виделся и вел политические споры в Лондоне в июле 1864 г. В одном из писем к Огареву Герцен в связи с этим писал: «Вот главные тезисы (Самарина). Что касается до правительства, оно не имеет никакого направления и идет зря; оно с самого начала искало руки ведущей, но ее не нашлось, и теперь ищет. Террор ему приказало общество, и этим С(амарин) доволен...» (XVII, 307). Как видим, Утин не соглашался с такой точкой зрения, приписывая инициативу террористических и репрессивных мероприятий правительству, а не обществу.

[6] Утин подразумевает, повидимому, М. С. Гулевича.

[7] Утин считал возможным банкротство царской России, неизбежность которого, как мы уже знаем, предсказывал Воловский (см. прим. 4 к письму 7).

[8] Отмечая, что *австрийский немец хотел бы полиберальничать*, Утин имел в виду февральскую конституцию 1861 г. и другие мероприятия австрийского правительства, направленные на то, чтобы видимостью либеральных уступок укрепить положение власти и обеспечить преобладающую роль в политической жизни страны за немцами.

[9] Статью «Что нужно делать разночинцам?» Огарев, повидимому, не написал

[10] Речь идет о статье Огарева «Письмо к „одному из многих“», напечатанной в «Колоколе», лл. 189, 190 и 196 от 15 сентября — 15 октября 1864 г. и 1 апреля 1865 г.

20

ГЕРЦЕНУ

Pâquis. 5, Rue du Prieuré
16 декабря 1864 [1]

Я получил вчера ваше письмо, добрейший Александр Иваныч, и прежде всего хочу поблагодарить вас за него и не от себя одного, а от всех наших друзей... Как тяжел был для меня лично и для Натали удар известий о быстрой смерти одной малютки за другим [2] — удерживаюсь распространяться... Я хотел было скакать в Париж для того просто, чтоб помочь, если нужно, дорогому Огареву и вам в разных хлопотах и уходах... Тот же старый припев помешал мне исполнить мое желание — неимение денег... Просить вас передать от меня что-либо Огареву — я не хочу: тут ведь уж всякое слово, всякое, хоть и вполне горячее и неподдельное уча-

стие, — ничего не облегчает, а, напротив, тяготит человека своею немощностью и бессилием... Единственное, просто сыновнее желание при этом — вы и сами знаете — это чтоб добрый патриарх оправился и ожил от убивающего потрясения... О вас мне говорить нечего — вашу сильную и бодрую натуру не могли и не могли бы сломить и еще сильнейшие потрясения,—оправляйтесь же скорее, Александр Иваныч, устраивайтесь и... ну да вы знаете — и приезжайте к нам... Я сначала думал, что должен совершенно удержаться от разговора о *делах* на этот раз — вплоть до вашего приезда... Но ваш собственный вопрос в письме к Касаткину [3] о *проектах* по типографии, ваше письмо ко мне, в котором вы упоминаете об общих делах, — побуждают меня заговорить теперь же. Во всяком случае, прошу вас *вовсе* и *не читать* дальше, если вам в минуту получения будет «*не до того*» — возможность чего я совершенно понимаю.

Прежде всего исполняю поручение друзей — мне поручено благодарить вас за ответ, в котором вы говорите, что сами стремитесь на свидание сюда, что вы не оставили своего решения переехать в Швейцарию и перевезти сюда Чернецкого. Кроме того, поручено просить вас и Огарева принять общее искреннее душевное сожаление и участие в горе, постигшем вас...

Затем, я буду говорить остальное все от себя самого... Я писал вам, что в Женеву собрались общие друзья наши — из разных мест. Действительно, *Мечников* приехал из Италии, известный вам деятель в польской революции *Якоби* бросил свои спешные занятия в Цюрихе для того, чтоб приехать сюда на общий съезд; здесь же и тот, который привозил к вам летом *мужичка* [4], здесь Соловьевич, Жуковский, Гулевич и все остальные. Уже из этого вы можете видеть, что, во-первых, если люди нарочно собираются, значит интересуются весьма близко и хотят принять участие в *общем деле*, а, во-вторых, что в среде этих людей есть и весьма *способные* для труда личности и лица, охотно готовые участвовать, кроме личной пользы, своими *деньгами*... Будемте говорить же прямо и пропустите мне те выражения или высказывания, которые могли бы показаться вам резкими, тем более, что у меня нет на то ни малейшего желанья, и я вперед извиняюсь за все подобное.

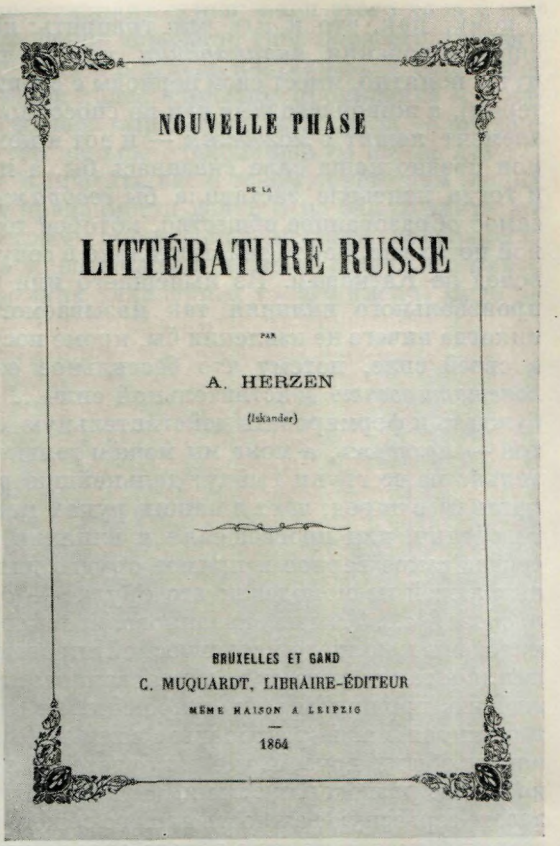
От вас, уважаемый Александр Иваныч, зависит сойтись или разойтись со всеми этими людьми — для посильной работы и совокупного в ней участия — во имя той же желанной цели, прямое и свободное заявление которой мы услышали в своей юности от вас же... Вы проповедовали пятнадцать лет, мы учились у вас и в то же время, будучи в России, учились и у другого учителя — Чернышевского... Мы выросли и окрепли, и все, без исключения, из тех, кто теперь собрался здесь, — двинулись на прямое, *активное* дело... Случайность выбросила нас за борт действия революционного в самой России... но наше желание и наша готовность остались те же... Рассматривая строго нынешнее состояние России, мы убеждены, что наша готовность, при нашем положении эмиграционном, должна искать себе применения на деле в следующих четырех пунктах: 1) в пропаганде, 2) в прочном организовании путей, как для постоянного сбыта в Россию пропагандистских изданий, так и для *корреспонденций* и получения известий из России... 3) в *связях* с людьми, могущими так или иначе быть полезными для нашего дела, 4) в конституировании и увеличении *фонда* [5] ...

Пока главный вопрос сводится на 1-й и 4-й пункты —на *пропаганду* и *фонд*. *Пути* и люди, без возможности сравнения по своей солидности с *горбуном*, ручаются за быстрое устройство этого дела, а при пропаганде и коммуникациях — *связи* с людьми явятся естественно... Мы, собравшись, в ожидании вас, обсуждали и обсуждаем разные вопросы по общему делу — для того, чтоб по приезде вашем принести на окончательное обсуждение что-либо продуманное и наиболее подходящее к общему мнению... Вы

«NOUVELLE PHASE DE LA LITTÉRATURE RUSSE» («НОВАЯ ФАЗА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»), BRUXELLES ET GAND, 1864

Отдельное издание очерков Герцена, впервые напечатанных в газете «La Cloche», 1864 г., № 44 и 45 от 25 мая и 15 июня

Обложка книги



еще и во вчерашнем письме повторяете, что «всем прошлым были недовольны», это вы не раз говорили и мне и другим в Лондоне; вы сами не раз говорили, что вам одним невозможно долее вести «Колокола», — я думаю, что действительно *программа* «Колокола» должна быть расширена, категорически определена и затем, чтоб его столбцы наполнялись не случайными статьями, а известными отделами, живой материал для которых всегда есть и будет, но работа над которым слишком обширная, чтоб ее несли два человека. Я убежден, что *пока* лучший венец для вашей прошлой деятельности именно и заключался бы в том, что бывший вашим личным органом «Колокол» явился бы как общий эмиграционный орган: вы этим самым указали бы всем врагам, что за словами, за словесными сочувствиями *группируется вокруг вас и дело*. Сказав и показав, что «Колокол» становится общеэмиграционным органом, вы этим самым указали бы на *солидарность* партии или, вернее, группы революционной, группы людей, которые и здесь и еще более в России *хотят действия*. За каждым словом *такого* «Колокола» чувствовалась бы и друзьями и врагами *сила*, не личная, не индивидуальная, а обобщенная, совокупная, сплоченная *теперь* из десятка или двух людей, а скоро, при положительном вызове деятельного сочувствия в самой России, — *сила*, *сплоченная* из всего, что есть живого и революционного в России, а с такою силою *пришлось бы считаться*... При *таком* органе, имея в виду формирование *положительной силы* и сгруппирование ее вокруг себя настолько, чтоб служить ее свободным выражением, нам не к чему было бы *цензуровать* свои мысли и свою проповедь фиктивным сочувствием или немощным злобствованием так называемого *образованного* общества: мы раз навсегда знали бы,

к кому, как, что и *для чего* говорить; нам нужно формировать силу для способствования *эманципации* народа таким или другим путем (и этот путь, понятно, имеет свои периоды с своим ровным или ускоренным характером), а живой и годный как по способности, так и по большей готовности элемент лежит в *молодежи* — и вот к кому и велась бы наша речь, и рано или поздно наша сила сказалась бы, а прежде того почувствовалась бы, и тогда поневоле заставила бы *соображаться* с своими требованиями то самое образованное общество, которое теперь только по своей произвольной потехе виляет то действительно в сочувствие «Колоколу», то в рычание вслед за Катковым. Из нынешнего или бывшего сочувствия, вследствие произвольного виляния так называемого образованного общества, мы никогда ничего не извлекли бы, кроме постоянной невольной обманчивости в своей силе, потому что бессильное сочувствие никогда не могло бы *констатировать* действительной силы... Будемте же вместе искать, пробуждать и формировать действительную мощную силу, один из ее элементов — *молодежь*, а пока мы можем только думать о молодежи, потому что только из ее групп выйдут дальнейшие реальные *проводники* нашей пропаганды в народ; *пока* в наших руках нет иных, постоянных средств для говорения, для просвещения и влияния на народ, но у нас может быть сейчас самое верное и прямое орудие для влияния на формирование годных людей из молодежи; это орудие — согласная, единодушная, прямая *пропаганда*... Уже из сказанного, из такого полного важности воззрения на молодежь и полного исторической справедливости пессимистического отношения к так называемым образованным классам, вы видите, к какому убеждению пришли мы по отношению к требуемому характеру журнала. Вспоминая наши разговоры с вами в Лондоне, я почти готов был уверять наших общих друзей, что вы будете согласны с нами и что, основываясь на тех же разговорах с вами, вы не захотите отстранить, а, напротив, признаете серьезную важность нашего общего участия в таком органе. С другой стороны, смотря на дело такого органа слишком строго, понимая слишком его насущную необходимость для успеха революционного движения в России, мы должны были взвешивать все возможные случайности, соображать все самые неприятные превратности. Я вас слишком уважаю, чтоб знать, что и других, за их полную независимость и самостоятельность, вы можете только уважать, и потому буду передавать вам дальше совершенно прямо. Мы должны были наткнуться и остановиться на вопросе: а что, если А. И. не захочет делиться с нами общим сотрудничеством в требующем преобразования «Колоколе»? Нам представлялась печальная альтернатива: или сложить молча руки, зажать свой рот и похерить свою мысль и, значит, быть *заторможенными* в своих лучших желаниях и убеждениях или... или, желая отстоять и свое участие в общем деле, — не отступить от создания *известного органа*... Понятно, что люди, не задумывавшиеся прежде о риске или гибели за *общее дело*, не должны были задумываться и тут: мы должны были (быть готовы) *ко второму разрешению* альтернативы. Но такого рода факт явился бы или явится, смущаемый слишком грустными размышлениями: при всем менажировании друг друга, при всем приличествующем и заслуженном уважении младшего органа к старшему—между ними мог бы возродиться антагонизм; да если б и не возродился, разве не поразительно печально было бы явление двух органов в такой небольшой среде, разве тупоумные враги не торжественно глумились бы над каким-то *разрывом* между нами, а ведь это был бы в таком случае *разрыв* между учителем и учениками, но учитель не для того мог отдавать свою жизнь на поучение, и ученики не того имели право ожидать... Моя речь, Александр Иванович, слишком продумана и серьезна, и я ни на иоту не увлекаюсь здесь неуместною сентиментальностью, я хочу служить *только* делу; для этого дела и я, между другими, мог по-

рвать все привязанности на родине, начиная с семьи; ради этого дела я мог спокойнее и с уверенностью за отмщение перенести гибель своего лучшего друга и учителя [6], ради этого же дела я и теперь настаиваю, и готов просто умолять вас поддержать и вести далее известное проявление и в настоящую минуту, может, единственное выражение этого дела — поддержать его тем, что вы поведете его дальше единодушно со всеми нами... И из-за чего стали бы настаивать и просить вас о таком порешении наших отношений, если б не из горячей преданности делу? И не заподозрите же вы в такой душевной речи пошлых побуждений мелкого самолюбия? Где оно? ему не может быть места в среде нашей, начиная с того, что никто из нас и думать не хочет о громких заявлениях своего имени. Ведь не

ФРЕЙБУРГ

Раскрашенная литография 1866 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

может же быть мотивов самолюбия или упрямства пустого там, где люди, все удержавшие за собою честные и уважаемые имена в разных средах бывшей революционной деятельности, — где эти люди готовы в крайнем случае создать свой журнал, не обращая внимания ни на какие крики и насмешки, рискуя навлечением укора и себе за такой или иной *раскол* в слишком небольшой среде русских деятелей... Но ответственность мы не приняли бы в таком случае только на себя, она откинулась бы и на вас, и вы сами сознали бы, что горечь укоров вызвана не нами. Все эти размышления слишком грустны... Я тороплюсь прервать их, я не могу допустить уместным возвращения их вследствие вашего ответа, — заставьте их своим решением кануть в Лету, — иначе, в тот день, когда я увидел бы нас в необходимости идти розно друг от друга, в тот день я бы пожалел о многих верованиях моей юной жизни и, пожалуй, имел бы право попрекнуть тех, которые способствовали их развитию... То, что я говорю здесь от себя лично, я думаю, я мог бы повторить от лица всех других— я, по крайней мере,—что они хотят быть уверенными и готовы неотступно просить вас, во имя всем дорогого дела, не наносить ему ущерба, а, напротив, дать ему новый толчок и обеспечить его прочный успех — общим соединением нашим в одно и на одну работу. При устройстве тех

путей, за которые берутся люди, слишком близкие и слишком уважаемые именно теми людьми, чрез посредство которых пойдут пути, — при наших связях с прежними и попрежнему преданными друзьями в России — проникновение и распространение нашей пропаганды будет вполне гарантировано. Затем, при такой постановке дела, одним из важных пунктов нам представилась типография. Мы думаем, что в этом отношении *есть человек*, о котором впервые конституирующаяся русская эмиграция должна подумать в числе своих первых забот. Этот человек — *Чернецкий*, и между нами решено просить его вступить членом в наш дружеский круг. Мы думаем, что эмиграционная пропаганда должна иметь свою типографию, думаем, что ее следует устроить здесь и сделать полным ее собственником *до* смерти Чернецкого. Это была бы благодарность, заявленная в лице нашем всеми нашими общими друзьями человеку, столь много послужившему делу. Но при этом является вопрос *денежный*. Ваш карман слишком уже достаточно служил делу, мы хотели бы все принять равную долю участия и на себя — некоторые из нас имеют большие средства, другие — хоть малые; мы хотим, во-первых, сделать для начала одновременный вклад в Общий фонд и затем определить ежемесячный взнос. Этих средств, однако, вряд ли было бы достаточно для прочного обстройства всего. Поэтому мы думали и о фонде тех 20 тысяч франков, которые вручены вам сгинувшим на Маркизских островах...[7] Из моих разговоров с вами я заключил, что вам не желательно было принимать за них и нести на себе одном всю ответственность. Я не забыл вашей готовности располагать хотя бы 200 фунтов = 5000 франков на половинной ответственности... Этих 200 фунтов было бы *более чем* достаточно для обеспечения и прочного поставления дела. Мы полагаем, что вы охотно согласитесь предоставить их на общее дело по устройству типографии, *коммуникаций* и поддержке их и по ведению журнала, при нашей готовности принять хотя бы эти 200 фунтов на нашу вместе с вами общую ответственность, и даже, если нужно, в нашей среде есть человек, который может, в случае непредвиденной надобности, вперед обязаться возвратить эти деньги под страхом векселного срочного обязательства. Кроме того, здесь и теперь есть шрифт, которым мы можем располагать, и в запасе у нас может быть *кредит* хотя бы на год или более в лучшей *словолитне*. Это пока и все, что я счел должным сообщить вам безотлагательно. Я не хочу вдаваться и представлять вам разные соображения впредь до скорого свидания, которое мы ждем с понятным нетерпением. Помните же пока только нашу энергичную единодушную просьбу — быть с нами и не оставлять нас. Мы просим вас об этом и верим в ваше благоприятное согласие. Лично от себя я считаю нужным известить вас, что Касаткин *разошелся* со всеми нами — я думаю, этот факт неуживчивости говорит пока сам за себя и потому, во избежание сплетенного характера, умалчиваю обо всем до свидания. Кружку всех друзей *не пристало* судиться с ним, но лично я, — я готов избрать вас судьею над всеми антипатичными для меня при общем деле ссорами Касаткина с нами. Я могу просить еще вас ни в каком случае не предрешать дела о типографии в пользу его лица и его собственности и в ущерб Чернецкому и всем нам. Наш общий поклон вам обоим и крепкое пожатие руки.

Искренно преданный Вам

Н. Утин

[1] Публикуемое письмо, в основном посвященное подготовке женевского съезда русских эмигрантов, состоявшегося в конце декабря 1864 г. — начале января 1865 г., представляет чрезвычайно большой интерес не только для истории этого съезда (подробнее о котором см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 15 и след.), но и для выяснения взаимоотношений Герцена с «молодой эмиграцией». Из него становятся ясными те расхождения, которые существовали между Герценом и «молодыми эмигрантами» и привели к неудачному исходу женевского съезда и к последовавшему за

ним разрыву между «старой» и «молодой» эмиграцией. Ответ Герцена по существу предложений Утина см. в наброске его письма без обращения от 25 декабря 1864 г. («Лит. наследство», т. 61, стр. 275—276).

[2] Говоря о смерти «малюток», Утин имел в виду кончину 3 и 11 декабря детей Герцена и Тучковой-Огаревой — Лели-girl и Лели-boy, от дифтерии.

[3] Письма Герцена к Касаткину, упоминаемые Утиным, неизвестны.

[4] Кто привозил к Герцену «мужичка» — определить не удалось.

[5] Под «фондом» Утин подразумевал «Общий фонд», организованный при редакции «Колокола».

[6] Гибель «лучшего друга и учителя» — приговор Чернышевскому.

[7] Утин имеет в виду деньги, оставленные Герцену на нужды революции П. А. Бахметевым, уехавшим в 1857 г. на Маркизские острова. О «бахметевском фонде» см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 526—528.

21

ОГАРЕВУ

Vevey. Rue d'Italie, 58
Четверг, вечер, 14 февраля 67
Отправлено в пятницу

Уважаемый Николай Платонович! Если я замедлил ответом, то только потому, что не хотел писать под первым впечатлением, желая дать вам ответ наиболее добросовестный.

Письмо ваше, полученное чрез два года после размолвки [1], носит двоякий характер: 1) оно повторяет обычные обвинения нас (меня и других — кого именно? — не знаю); 2) оно зовет на работу вместе с вами.

Если б оно заключало в себе только первую половину содержания, то наша речь должна бы порваться по бесполезности своей. Но я должен видеть в самом факте письма известную долю как бы доверия ко мне, ценя которое я постараюсь удовлетворить вас по возможности определенным ответом.

Приступаю прямо к вашим обвинениям:

1-е. О письме А. И. Герцена к Александру II по поводу смерти наследника я и не думал говорить. Я говорил о его письме по поводу Каракозова [2]. Заговорив о нем между прочим, я вовсе тогда не хотел разбирать все наши разногласные взгляды на пропаганду — это было бы слишком длинно и вряд ли полезно; я указал только на то письмо, как на один из эпизодов, в коих очень резко выставлялась разница в наших отношениях к правительству, и указал не для того, чтоб корить тем, а потому, что в вашей программе было сказано: «Герцен напишет предисловие, в коем объяснит направление». Я заметил вам, что принять абсолютно этого пункта мы не можем; что если уже идет речь о направлении, то, прежде всего, мы должны выяснить и определить его сами меж собою. А когда вы возразили, что мы «конечно, не можем разниться с вашим направлением» и что ваше направленье «вполне ясно постоянно высказывается в „Колоколе“», то я вынужден был сказать вам, что в «Колоколе» за последнее время — и за довольно долгое последнее время — вовсе не видно определенного направленья, что «Колокол» свелся на *личный* (индивидуальный, если угодно) орган: 1) потому что в нем ведется речь *случайная*, по большей части без всякого отношения к современным событиям в России, — эти события и факты совершенно опускаются и проходятся мимо; через это «Колокол» утрачивает характер политического русского органа; 2) потому что в одном и том же органе — тем же самым автором — на весьма небольших промежутках — высказываются различные и даже противоположные отношения к императорству, к его персонификации (к которому, конечно, всегда должно относиться, как к кульминационному пункту враждебной силы). Как на пример я и указал на письмо к Александру II по делу Каракозова. Здесь мы расходимся очень определенно: мы отвергаем возможность какого бы то ни было обращенья к Зимнему дворцу: понятное со стороны несчаст-

ной жертвы своей слепой веры — Мартьянова, такое обращение со стороны определенного политического органа может быть только вредно. Последняя (февральская 67 г.) статья Герцена задела заживо все было(е) разногласие Петербурга и Лондона. Он сам констатирует, как относились *«пуритане демагогии»* к его обращениям[3], к его хвальбам «Освободителю-Галилеянину»[4]. Я думаю, что Герцен ошибся в выражении — он мог бы ограничиться выражением «пуритане *демократии*»: никто не хотел быть *коноводом*, хотели только стоять *радикально* на стороне народа. (Если же *«пуритане»* употреблено было б только в смысле формалисты, доктринеры,— обвинение, часто слышанное от вас, — тогда оно имело бы здесь только *бранный* смысл, о коем я и не заговорил бы)... Грустно, но невольно вспоминаешь по этому случаю статьи в «Колоколе» 61 года: ответы на недовольство со стороны петербургских революционеров компромиссами «Колокола» с царем,—эти ответы переходили в «Колоколе» в брань[5] и т. п. А между тем, я и теперь—и опыт времени оказался за Петербург — буду отстаивать справедливость отношения Чернышевского; я и теперь готов доказывать, что хвальбы Александру II уже потому были ложны, что землю крестьянам дала не «добрая воля царя», а горячее отстаивание ее Чернышевским и вами. Ваши статьи на тему *«народ царем обманут»*[6] были гораздо последовательнее, чем тосты за Освободителя. Извините за переворачивание старого; я мог бы умолчать об этом и, верно, не стал бы протестовать à la Соловьевич против несогласного толкования Герценом *истории*; но я сказал здесь об этом, чтоб лучше выяснить нашу рознь. Это мне не мешает прибавить здесь же, что 3-я страница статьи Герцена (о влиянии и значении Чернышевского) вызывает полное горячее сочувствие тех, кто обязан Чернышевскому всем своим воспитанием... и, конечно, оно могло бы во многом заставить забыть все прошлые недоразумения *двух революционных* партий.

2-е. Вы как будто заподозриваете меня в согласии с протестом Соловьевича??[7] Я на это отвечаю вам категорически: я * с поляками никогда и ни на какое самомалейшее дело не пойду, ибо не считаю сего возможным; наши пути и стремления, наши принципы — общественные и частные — розны до противоположности. Но здесь вопрос сводится не на то. Если б речь шла о *Польше*, я прямо ответил бы вам, что считал бы непозволительным одобрять петербургское правительство, если б оно вздумало превращать Польшу хотя бы в социалистическую фаланстерию. Польская земля должна быть свободна от русского ига — и только до этого нам есть дело. Иначе мы становимся на скользкий путь, где цель оправдывает всякие средства; иначе мы должны бы восторгаться разными Бисмарками etc. С этим вы, конечно, согласны. Чтобы говорить о *Литве*, нужно сначала порешить, на каком праве действует в ней петербургское правительство? Решайте историей или этнографией; если вы решите, что Литва — не Польша да и не Россия, тогда петербургское правительство не имеет в ней никакого права распоряжения, и мы должны оставаться чистыми и непричастными ее солдатскому захвату **. Если же вы сочтете Литву русской

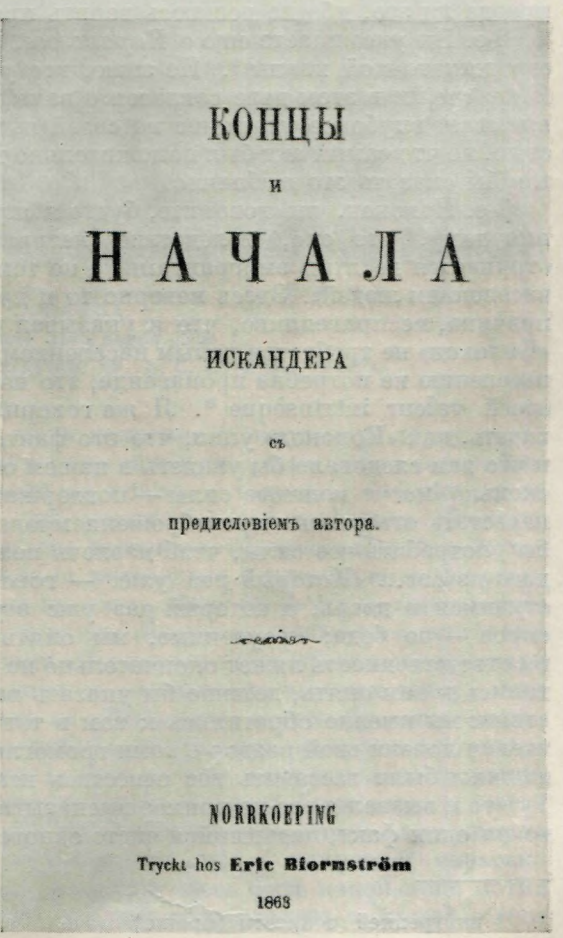
---

* Я употребляю слово *я*, а не *мы*, ибо говорю все только *от* себя и *за* себя: опыт научил меня, что, к сожалению, мы не можем ручаться за согласие взглядов даже двух-трех лиц. Я отвечаю только за себя и прошу это помнить относительно всего письма. — *Примеч. Утина.*

** Не осудите меня за узкий *национализм* — далеко нет! Но в нашем согласном положении — в *федерализме* — национализм ликвидируется только потому, что каждая часть, каждая группа общего целого *индивидуализируется*, получает свою *автономию*, можно бы сказать свою национальность. В федерализме, и, конечно, только в нем, найдет разрешение не только литовский, но и польский вопрос. Пока же мы осуждены на существующий беспорядок — признавайте, по крайней мере, вместо захвата хотя обычаем условную автономию *национальностей*. — *Примеч. Утина.*

губернией или областью, то и тогда должно принять то отношение к правительству, о коем говорено выше. Мы не можем помогать правительству в его стремлениях и идти одним путем; мы не можем предлагать ему дела, основанного на кредите, на денежном доверии, когда наше дело — и вполне патриотическое — указывать осязательно на неосновательность кредита как материального, так и нравственного и этому правительству на его банкрутство. С этой точки зрения я понял бы протест Соловьевича. Переселения правительственные всегда бывали мошеннической проделкой, обманом и разорением.

3-е. Вы хотите «подстрекать правительство в его бессознательно-социальных поползновениях»? Мы видели достаточно эти бессознательно-социальные проекты правительства; одно имя могло бы быть опровержением вашему воззренью — *Муравьев*; вот орудие, избираемое правительством для своего социализма, — и он действительно хотел роздать солдатам землю в Литве — это, пожалуй, вполне революционная мера *à la Danton*, который предлагал Конвенту подобную же меру для земель под Парижем! но тут есть разница, о коей нечего распространяться. Резюме отсюда то, что все неопровержимые исторические данные твердят нам о неосновательности в чем-либо полагаться или рассчитывать на правительство. Пока мы не отнесемся к нему, как к язве, которая может только заражать и причинять бедствия, а не благосостояние народа, до тех пор у нас будут колебанья и непоследовательности, которые, конечно,


КОНЦЫ

И

НАЧАЛА

ИСКАНДЕРА

съ

предисловіемъ автора.

NORRKOEPING

Tryckt hos Eric Biornström

1863

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «КОНЦЫ И НАЧАЛА»
Отдельное издание, 1863 г.
Титульный лист

не наставят молодежь на истинную дорогу, а наше дело попрежнему заключается в этом.

4-е. Здесь же вы говорите о дворянстве. Я замечу вам только, что *земство* — не дворянство; земство может и должно поглотить, ликвидировать дворянство в бессословности; и с земством, — в какой бы стесненной клетке ни являлось оно спервоначала, — мы должны считаться, должны искать в нем опоры, и если б не сыскали, — то создавать ее. Вот на что должна устремиться пропаганда в своем практическом применении. А я замечаю, что в «Колоколе» проходится молчанием земство, словно игнорируется.

5-е. Остается упомянуть только об одном инциденте. Правда ли то, что Соловьевич оповещает в начале своего протеста? что он указывал вам заранее на свой протест? что он просил дать ему место в «Колоколе»? и что не только ему не удовлетворили, но даже типография отказалась печатать протест?? Если это правда, то я не умею *двоить* своего суждения: всякие репрессивные меры, откуда бы они ни выходили, мне несочувственны. «Колокол», по-моему, сам должен бы предложить место протесту; вы должны бы все сделать, чтоб типография не могла отказать в напечатании; вы от этого не потеряли бы, а выиграли бы: вы обезоружили бы врага, если Соловьевич враг... иначе является монополь; иначе редакция «Колокола» справедливо вызывает упрек; иначе вы заставляете сочувствовать протестанту, принужденному отказом типографии говорить во всеуслышанье на общепонятном французском языке! *Помните*, что я спрашиваю вас — правда ли это, ибо не решаюсь верить прямо [8].

6-е. Вы упоминаете еще о *Каракозове*, будто вас упрекают в неотдании ему достаточной хвалы [9]. Не знаю, кто упрекает вас так легкомысленно? Я же *вполне* в этом деле согласен с вами, т. е. что личность Каракозова вызывает глубокое уважение по своей выдержанности и самоотверженностью, но что самый акт был положительно вреден. Это вполне верно, и я готов бы сказать это публично.

7-е. Наконец, вы говорите, будто я «приписываю падение вашего издания тому, что оно, вследствие несправедливости (какой? почему?), отрицается десятью эмигрантами, а не тому, что оно не требуется целым населением людей». Здесь неверно то и другое: неверна приводимая вами причина, несправедливо, что я указывал на первое обстоятельство. Если «Колокол» не требуется целым населением, то вовсе не потому, что целому населению не потребна пропаганда, это невозможно, а по причине упадка своей valeur intrinsèque *. Я же говорил просто, что вы не можете не видеть, как «Колокол» упал, что это факт, очень грустный (это не фраза!) и что вам следовало бы увидеть в нашем обращении к вам желание — насколько могут молодые силы — поддержать пропаганду; что вам пора перестать отвергать с пренебрежением юношей, что, наоборот, вы должны бы употребить все силы, чтоб извлечь пользу для вашего органа из каждого из нас... «Который раз уже, — говорил я вам, — отверженные, мы стучимся в дверь, и который раз уже эту дверь закрывают пред нами; спрос — не беда; проученные, мы опять уйдем в свои научные норы; но ответственность ляжет окончательно на вас; между тем, то, что мы обратились к вам опять, должно бы указать вам, что мы хотим дружного действия: мы именно обратились к вам в тот момент, когда Элпидин и Соловьевич повели свой раздор с вами громогласно — эти протесты, по-моему, должны были заставить вас отнестись искренне к искренности людей...» Тут-то и вызвал я вас на прямое высказывание о *доверии*. Вы указали только на один факт, касавшийся чисто одного Мечникова. (Я не думаю, чтоб

---

* внутренней ценности (франц.).

он оскорбился, но если и оскорбился, то вовсе не тем, что вы высказались прямо, а тем, что вы целый год вели с ним дела, печатали и хвалили его статьи и не высказывали ему своего недовольства и выслушивали его предложения; и высказали ему недоверие только прямо вызванные на то посторонним, мною, и при предложении общего журнала, где нужно бы иметь доверие того же свойства, как и вообще при приеме прежних статей, а не иное.)

Я предлагал вам: пусть соберется раз эмиграция или те, кто может работать в журнале,—пусть выскажутся раз прямо и *в лицо* друг другу, —

ЛОЗАННА
Раскрашенная литография 1866 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

тогда выйдет одно из двух: или люди искренне пожмут друг другу руки, или честно разойдутся и зажмут раз навсегда рты, любящие пробавляться насмешками и издеваньями за глаза, а таковых, поверьте, есть достаточно. Вот почему, кстати, вы могли бы действительно обвинять меня в резкости и прямоте (если сие вызывает обвинения?); я действительно говорил вам всегда и все *прямо*, потому что я никогда не хотел утаивать ни слова из сказанного мною про вас... Мне было бы противно заподозрить себя в малодушном умалчивании пред вами лично того, что я мог бы сказать или подумать за глазами. Вы же все ваши обвинения и теперь сводите на пошлое самолюбие и дерзкое озлобление, вы же и теперь, как и давно уже, видите в моих речах не убеждения, а «недобросовестность, происходящую вследствие каких-нибудь случайных раздражений, недоразумений и т. п.» (это ваши слова). Но я на этот раз нисколько *не оскорбился* таким осуждением, — я заранее шел на риск быть снова и снова обвиненным в самолюбии и т. п. Мне только жаль, что вы так упорно предубеждены, и я могу только попросить вас — искренне, серьезно попросить, — подумайте, взвесьте, может ли здесь быть какой-либо мотив самолюбия? чего мы добиваемся? что мы хотим делить с вами? какое

тщеславие мутит нас? Вы должны бы помнить, что если *я* и стал бы писать в вашем органе, то, *во всяком случае, без имени*, под *псевдонимом*... Чего же мы ищем? уничижения вашего? возвышения своего? это даже дико звучит! Тогда мы не искали бы союза с вами, а становились бы против вас и не обрекали бы себя на целые годы молчания... вспомните мою горячую готовность труда в Лондоне и взвесьте, сколько нужно было подавить в себе, чтоб уйти на целые годы в науку, в восемнадцатый век!.. [10] Укажите мне только один основательный мотив *личного враждованья*, и я подпишусь под вашим приговором. Если же нет, то примите за верное то, что и в других людях могут быть убеждения, идущие прежде всего личного. Заканчиваю эту речь просьбою извинить меня, если вам покажется что-либо непозволительно резким; желания сказать вам неприятное у меня нет и не может быть, и, значит, здесь могло встретиться только мое неумение вылить в нерезкую форму свои мысли...

Ответ на вторую половину письма будет краток. Я уже сказал вам и повторяю — инициатива предложения, сделанного вам об общем журнале, шла *помимо меня* — от Жуковского и Мечникова. Тот и другой — я должен отдать им справедливость — относились и, вероятно, относятся (Жуковский — наверное) с бóльшим доверием, нежели я. В то время я был в Базеле, и если Мечников и Жуковский присоединили к своему предложенью и меня, то это, во-первых, потому, что я вынес мирное впечатление из разговоров с Герценом в Базеле [11], и мне казалось, что прошлое могло сдаться в архив; а во-вторых, потому, что Жуковский уже заранее заручился моим словом — быть готовым работать во всяком общем деле. Это слово я могу повторить и теперь. Я остаюсь с готовностью участвовать трудом в общем изданье, если оно состоится. Мое участие ограничивается рамкой истории. Я готов бы писать исторические аналогические статьи, других я не умею; составлять лично программу целого журнала — я не чувствую себя призванным; вести часть редакции журнала — я не сознаю себя способным. Кроме того, я моложе всех других и сознаю, что должен еще употреблять много времени на личное образование и на возможность выбраться на самостоятельную материальную дорогу. Так определяется сфера моего участия в журнале. Мечников и Жуковский, вероятно, могут более обсудить вместе с вами *программу* журнала; Николадзе, сколько я слышал, очень способный публицист [12]; Гулевич, если б имел время, нашел бы материал для вклада. Говорят, что новый эмигрант, Щербаков, весьма умный и дельный человек... [13] Дело, таким образом, сводится на *инициативу*. Я принять ее ни в каком случае не мог бы. Могу еще заметить о программе: Жуковский писал уже давно Герцену о статьях, кои хотели внести. Я предлагал «Провинциальные учреждения при Луи XVI и Земские при Александре II». Я мог бы предложить еще «Социальный вопрос в революции 89—99 года и социализм». Я принял бы, наконец, тот сюжет исторический, который вы, по общем обсуждении, нашли бы потребным. Что касается до денежных затрат, то, с своей стороны, я говорил Мечникову, что постарался бы оплатить мою статью. Я желал бы это исполнить и теперь, но вследствие сложных и неожиданных в то время обстоятельств — я *не могу ручаться* за оплату моей статьи, тем более, что не знаю объема статьи. Затем, судить более подробно о возможности журнала не умею, ибо вы говорите, что «в эмиграции в состоянии писать человека три-четыре, бóльшую же часть нельзя допустить». Кого вы разумеете под теми и другими — не знаю.

Кончая, я вижу, что мой ответ неудовлетворителен, но он искренен и прям, и, благодаря вас еще раз за доверие, остаюсь преданным и уважающим вас

Николаем У т и н ы м

[1] Настоящее письмо написано после длительного перерыва в переписке, вызванного охлаждением во взаимоотношениях между редакцией «Колокола» и «молодой эмиграцией». Этому письму Утина предшествовали следующие обстоятельства. 15 июня 1866 г. Герцен напечатал в л. 222 «Колокола» заметку, в которой, указывая на тяжелые цензурные условия в России, приглашал русских литераторов и журналистов основать за границей особый журнал типа заграничных ежемесячников («Revue»). Эта заметка Герцена дала повод эмигрантам Н. И. Жуковскому и Л. И. Мечникову обратиться к Огареву с предложением издать совместно с редакцией «Колокола» в виде пробы сборник статей теоретического характера. К этому предложению присоединился и Утин. В комментируемом письме он в связи с изложенным поставил ряд вопросов программного характера. Расхождение по этим вопросам и было главной причиной, вследствие которой предложение Жуковского и Мечникова не осуществилось. Подробнее об этом см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 26 и след.

[2] Герценовское «Письмо к императору Александру II» по поводу смерти наследника было напечатано в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г., «Письмо» по поводу покушения Каракозова — в л. 221 от 1 июня 1866 г. В последнем из них Герцен, между прочим, писал: «... пусть меня называют сумасшедшим и слабым, я пишу к Вам — так трудно мне окончательно расстаться с мыслью, что Вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле Вас» (XVIII, 407).

[3] Утин имеет в виду третью часть статьи Герцена «Порядок торжествует», помещенную в л. 233-234 «Колокола» от 1 февраля 1867 г. Из нее и заимствованы Утиным слова «пуритане демагогии» (XIX, 125).

[4] Утин делает намек на старые либеральные промахи Герцена: в статье «Манифест!», написанной Герценом по поводу манифеста об отмене крепостного права, Герцен писал про царя: «Мы приветствуем его именем *Освободителя*!» (XI, 59), а в статье «Через три года», написанной по поводу царских рескриптов о началах работ по «улучшению быта» крепостных крестьян, Герцен обращается к царю со словами: «*Ты победил, Галилеянин*!» (IX, 126).

[5] Утин имеет в виду статью Герцена «Repetitio est mater studiorum», помещенную в л. 107 «Колокола» от 15 сентября 1861 г. и являвшуюся ответом на статью Чернышевского «О причинах падения Рима», в которой руководитель «Современника» подверг критике теорию «русского социализма» Герцена. Не называя имени Чернышевского, Герцен писал о намеренном искажении его мыслей «враждебной или желчевой критикой» (XI, 227).

[6] Утин приводит цитату из статьи Огарева «Разбор нового крепостного права», помещенной в лл. 101, 103, 104, 105, 106 «Колокола» за 1861 г. и посвященной критике манифеста об отмене крепостного права.

[7] Речь идет о полемике, которая была вызвана статьей Огарева «Продажа имений в Западном крае» в л. 229 «Колокола» от 1 ноября 1866 г., посвященной принудительной продаже русским правительством земель польских помещиков, принимавших участие в восстании 1863 г. Эта мера, направленная на насильственную руссификацию края, не вызвала протеста со стороны Огарева, готового считать, что мероприятие, проводимое русским правительством, противоречит «религии собственности». Огарев высказывал надежду на то, что русскому правительству придется пойти и на «ликвидацию сословий», и советовал правительству продавать конфискуемую у поляков землю не русским помещикам и чиновникам, а крестьянам. Помимо резких откликов в польской эмигрантской прессе, статья Огарева вызвала негодующий протест со стороны А. А. Серно-Соловьевича, издавшего на французском языке брошюру «Question polonaise. Protestation d'un Russe contre le „Kolokol"». Перевод этой брошюры на русский язык см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 113—115. В «пражской коллекции» сохранился русский текст выступления А. А. Серно-Соловьевича в авторской редакции. Документ этот публикуется в следующем томе «Лит. наследства».

См. также относящуюся к данному эпизоду листовку Герцена «Нашим польским братьям». Русский текст ее впервые опубликован в «Лит. наследстве», т. 61, стр. 136, по корректурному оттиску, сохранившемуся в «пражской коллекции».

[8] В своем «протесте» Серно-Соловьевич сообщал, что редакция «Колокола» отказалась не только поместить его «протест», но и напечатать его отдельной брошюрой в своей типографии, вследствие чего он и должен был прибегнуть к выступлению на французском языке.

[9] Некоторые из представителей «молодой эмиграции» возмущались статьей Герцена «Иркутск и Петербург» (XVIII, 374), в которой Каракозов был назван «фанатиком».

[10] Утин имеет в виду свои занятия историей Франции, результатом которых явился ряд его статей, напечатанных в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича. См. об этом в предисловии к настоящей публикации.

[11] Утин встретился с Герценом в Базеле в октябре 1866 г.

[12] О Н. Я. *Николадзе* см. в настоящем томе, во вступительной статье к публикации его писем к Герцену и Огареву.

[13] О А. Я. *Щербакове* см. на стр. 726—729 настоящего тома.

22
ОГАРЕВУ

Vevey. Rue d'Italie, 58
22 марта 1867

Виноват, уважаемый Николай Платонович, что замедлил ответом, так как, собственно, мне нечего было обдумывать мой ответ, простой и краткий. В своем последнем предложении вы свели речь совсем на другое дело. Между нами шли разговоры и переписка об издании *нового журнала*-обозрения по установленной, определенной сообща программе и совокупной редакции. В этом смысле было писано ваше первое письмо, где вы хотели разъяснить разные недоумения — для того, чтоб более определить направление нашего общего органа, и где, рядом с тем, вы согласились с нами, что два разные журнала под одной общей им только оберткой — не имеют основания.

Ваше второе и последнее письмо совершенно неожиданным образом состоит из следующих трех пунктов: 1) Вы не согласны со мной в *девяти десятых* высказанного в моем ответе касательно нашего направления и розни. 2) Вы утверждаете, что для «Полярной звезды» никакой программы не нужно и что вы поместите имеющиеся у вас статьи [1]. 3) Вы предлагаете *мне под вексель* тысячу франков и в таком случае печатаете наши статьи, кои могут подоспеть и после уж набора ваших.

На эти три пункта я должен ответить следующее. Что касается до «Полярной звезды» в таком виде, в каком она была, то, действительно, для нее не требуется никакой программы, так как до сих пор она всегда составлялась из случайно накопившихся статей. Но для нас имел бы значение не случайный сборник, а определенный целесообразный радикальный журнал. Теперь очевидно, что наше желание создать такой журнал вместе с вами — рушится. А затем, вы сами знаете, что давать статьи в сборник, редакция коего и вместе с тем главные участники не согласны со мною в девяти десятых направления, — я столько же не могу, сколько и вы не можете их принимать. Таким образом, ясно, что ваше предложенье мне о заключении долга *под вексель* в 1000 fr. — для напечатания «Полярной звезды» — я должен отклонить.

Я еще обращусь теперь к вам лично, уважаемый Николай Платонович, и так как вы решились задать вопрос о состоянии и богатстве и напомнить мне будто я *самый* богатый человек в эмиграции, ⟨разрешите⟩ напомнить вам следующее. Я лично, не входя в сравненье с некоторыми другими, вовсе не считаю себя богатым человеком [2]. Впоследствии, я могу стать богатым человеком, точно так же, как могу лишиться даже и тех средств, коими располагаю теперь. Если случится первое, то, конечно, не понадобится напоминать мне о богатстве, и я сумею приносить им пользу, сообразную с моими убежденьями и воззреньями на общее дело. Но так как очень — и даже вернее, чем первое, — может случиться второе, — то я, повторяю, не только не считаю себя богатым, но, наоборот, пользуюсь своими нынешними случайными средствами для того, чтобы быть готовым зарабатывать свою жизнь трудом. Вы, может, слышали, что я занимаюсь теперь сухой ученостью, но вы, вероятно, не слышали, что это делается для того, чтоб получить возможность обеспечения своего существования. Имея в виду такую перспективу, я не могу принимать на себя необдуманных обязательств и тем более таких, которые относятся к предприятиям, не сосредоточивающим в себе весь горячий интерес дела, как я его разумею.

Кончая, я очень сожалею, что совершенно напрасно еще раз и безрезультатно дал повод — своей готовностью участья в *общем* деле — к обмену таких писем, в коих принужден был высказать вам известную долю неприятных вещей, которая, конечно, только еще более заставит вас от-

далиться от меня. Мне это тем более грустно, что я не могу не сохранить к вам благодарности за ваше прежнее искреннее дружеское расположение.

Преданный вам
Н. Утин

[1] Во время переговоров между эмигрантами относительно издания нового журнала (см. предыдущее письмо) возник проект о возрождении «Полярной звезды», не выходившей с 1862 г.
[2] Когда писалось это письмо, отец Утина был еще жив.

23

ОГАРЕВУ

1867 г. 28 марта

Вчера вечером я дал вам, Николай Платонович, по настоянию Д. [1], заметку о запрещении «Невского сборника» и «Рефлексов головного мозга». Я писал ее, как вам известно, вслушиваясь в разговор, и потому не придал ей надлежащей формы. Теперь посылаю вам «в исправленном и дополненном» виде [2].

Преданный вам
Утин

[1] *Д.* — П. В. Долгоруков, участвовавший в 1867 г. в редактировании «Колокола».
[2] В л. 238 «Колокола» от 1 апреля 1867 г., в отделе «Смесь», были напечатаны коротенькие заметки Утина о конфискации русским правительством «Невского сборника», изданного В. С. Курочкиным, и о цензурном преследовании работы И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. И. УТИН — А. Д. ТРУСОВУ

(Кларан. Вторая половина мая — июнь 1869 г.) [1]

Друг Антон! Вместо моего визита в Женеву, я должен ограничиться письмом к тебе, так как жена моя продолжает страдать глазами с опасностью потерять их, и я не могу отлучиться в Женеву. Между тем я желал видеть Герцена, чтоб дать ему личный ответ на вопрос о типографии, предложенный мне в его записке и повторенный в разговорах с Щербаковым. Вопрос состоит, как тебе известно, в том, отчего мы задумали открывать особую типографию вместо соединения наших шрифтов с шрифтами лондонской типографии. Вопрос этот поднимался и прежде, когда мы окончательно отделились и от Бакунина, и от Элпидина. Ты знаешь, что никто из нас, ведущих теперь дела типографии и журнала, не может быть непосредственно ответственен за первоначальное устройство дела [2]. Мы давали деньги на покупку шрифтов, а Бакунин, восхищавшийся в то время бернскими либералами Лиги мира и свободы [3], желал, чтоб шрифты были закуплены для устройства русской типографии в Берне, полагаясь на скромность типографщиков Симена и Ридера. Мы искали этой скромности, потому что желали анонимности журнала, желали, чтоб он не явился личным органом кого бы то ни было. Но сам Бакунин помогал бернским либералам в болтовне и оповещал во всех письмах *официальных*, что *он* издает журнал, и таким образом его планы о Берне сами собою не достигали цели и, вместе с тем, уже ранее осуществления своего поглощали массу денег. Мы полагали, что можем довериться опытности Бакунина и его обещаниям об исправном ведении журнала, редакцию которого он удерживал на своей ответственности, но тотчас же за первым нумером мы должны были убедиться, что Бакунин не способен ни к какой выдержанной работе, что, увлекаясь

как тщеславный старый ребенок, он бросается с одного на другое и готов бросить журнал только потому, что не видел еще *кануна* революции в России и мечтал о наступлении революции в Женеве. Затем, достаточно было еще двух месяцев, чтоб убедиться в недобросовестности отношений к нам Элпидина, готового эксплуатировать все средства, добываемые нами и друзьями, для своих сумасбродных фантазий. Разойдясь с ними обоими, мы остались с закупленными на наши средства шрифтами и с бюджетом, врученным нам для первого года издания журнала. Тогда-то, при вопросе о новом заведении типографии, сводившемся, впрочем, только на заведение помещения и приискание наборщиков, поднят был и вопрос о соединении с Чернецким—при посредничестве Мрочковского [4]. К сожалению, условия, предложенные Чернецким, были для нас невозможны, потому что Чернецкий предлагал нам внести шрифты и присоединить еще 5000 fr. для покупки скоропечатной машины; этих пяти тысяч у нас не было, и, кроме того, потребовались бы еще средства для нового локаля * и т. д., и т. д. Затем мы должны были иметь в виду непременным условием — возможность дать работу нуждающимся людям из наших единомышленников, не принимая в соображение только коммерческих расчетов. Не к чему прибавлять здесь о том, что ты сказал в журнале уже от имени Редакционного совета, т. е. что мы должны были при устройстве иметь в виду обеспечение полной тайны посетителям типографии, — это, я думаю, могло бы быть достигнуто и при соединении с Чернецким, так как он известен своею скромностью и добросовестностью. Так не состоялось дело.

Теперь, Герцен спрашивает, почему не могли бы соединиться две типографии? Он прибавляет при этом, что Чернецкий имел бы право печатать всякую брань против него. Это, конечно, шутка, и ты можешь уверить А. И. Герцена, что мы никогда никакой брани и без того не позволим себе против него; мы ценим его семнадцатилетний труд, мы ценим ту выдержку, которой хватило у него и которой нехватает у других; мы можем идти теперь более резким путем, он сам сознает это, и он чрезвычайно честно и искренно уступает нам ведение пропаганды и высказывает сочувствие нашему делу, — такое отношение немногие умели сохранить к делу, и обыкновенно старые деятели относились озлобленно и насмешливо к молодым, — это озлобление мы встретили даже в Бакунине, несмотря на его fausse bonhomie **; но мы не встретили такого озлобления в Герцене, и это обстоятельство должно еще укреплять наше решение относиться к нему с тем уважением, которое заслуживает семнадцатилетний труд на пользу дела и свободы, хотя бы это дело, или, вернее, практический путь к совершению этого дела понимался им иначе, чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений. Я полагаю, что это воззрение, разделяемое всеми нами, — с тех пор как в нашей среде нет шалунов и канканеров в виде Бакунина и Элпидина, — это воззрение должно быть известно Герцену раз навсегда, и ты хорошо сделаешь, если, как секретарь журнала, сообщишь ему его; вообще мы не имеем ничего против прочтения даже всего этого письма Герцену, и мы готовы повторить все это в письме к нему, хотя твои слова должны иметь еще более значения, чем мое письмо, носящее частный характер.

А теперь я перехожу прямо к одному вопросу, который постоянно стоял преградою для добрых отношений между Герценом и мною, к вопросу, неразрешение которого не могло не колебать значительно моего уважения к нему. Я назову этот вопрос сегодня прямо по имени, потому что, с одной стороны, самый запрос Герцена наводит меня на мысль

---

* помещения (от нем. «Lokal»).

** притворное добродушие (франц.).

о его готовности разрешить вопрос о соединении типографий именно тем способом, который я укажу; с другой стороны, разная болтовня и хвастовство, уверения Бакунина о том, что у него есть средства для печатания брошюр и разных катехизисов и что ему теперь не надо более денег для пропаганды в России (эти уверения были деланы им в Баси) [5] и, кроме того, беседа моя с Нечаевым, о которой я здесь из скромности умолчу, но которую, если понадобится, я передам в точности, а пока довольно сказать, что беседа шла тоже о *типографиях*, — все это наводит на сильное подозрение и меня, и еще более других моих друзей, что вопрос поднят был Бакуниным и что Бакунин льстит себя надеждою получить в свое распоряжение двадцатипятитысячный капитал, врученный, как тебе известно, Герцену Бахметевым. Об этом капитале я не возобновлял с Герценом речи с 1864 г., когда он просил оставить пока это дело в стороне, и только раз в Базеле, в 1866 г. в августе, сказал мне, без всякого вызова с моей стороны, что капитал Бахметева помещен в типографию Чернецкого. Впоследствии, при схождении с Бакуниным, я говорил с ним об этом капитале, обязав его *честным словом* хранить полное молчание и не подымать ни в каком случае самому этого дела. Бакунин *не сдержал* слова, заговорил тотчас же с Чернецким, который сказал, что Герцен сказал мне так только, чтоб отделаться от моих *спросов* (?!), и, повидимому, Бакунин не сдержал и второй раз своего слова и теперь вздумал захватить весь капитал в свои руки.

Если б, паче чаяния, Герцен действительно ошибся бы настолько, — чего я не думаю, — чтоб доверить Бакунину ведение капиталом и употребление им, то нам, конечно, пришлось бы протестовать — мы легко разоблачили бы Бакунина и доказали бы, что он *самозванный* представитель молодой революционной партии и не имеет никаких серьезных связей в России; мы можем спокойно относиться к делу, зная, что капитал находится в руках Герцена и потому не подвержен растрате, но наш долг был бы указать и Герцену и обществу, что мы не признаем Бакунина способным вести общее дело и управлять общественными деньгами, и мы доказали бы *фактами* неспособность к тому Бакунина... Говорю так, потому что, как тебе известно, мы всегда считали этот капитал, так, как его считают и в России наши единомышленники, принадлежностью революционному делу. Другой вопрос в том, — *насколько* Герцен *доверяет* нашему представительству, *насколько* он считает нас продолжателями дела, начатого за границей им первым. В этом вопросе решение должно быть предоставлено ему самому и времени. Мы должны ждать, если Герцен хочет, того времени, когда своим журналом, распространением его в России, частыми корреспонденциями из России (которые ты начинаешь печатать уже в этом нумере), когда мы убедим его в своей состоятельности и умелости. Мы можем желать, в интересе самого дела, скорейшего наступления такого доверия, потому что именно при начале дела требуются большие средства, и если бы Герцен знал, что́ стоило устройство путей в России, которых до сих пор так тщетно добивались и которых мы, наконец, добились, если б он знал, что́ стоит завязание связей на всех пунктах в России и поддержка многих поистине полезных людей, то он увидел бы, как мы стеснены еще, несмотря на готовность отдать все свои средства, и как быстрее пошло бы дело на всех пунктах, если бы мы обладали теперь средствами бо́льшими, чем все наши.

На этом я останавливаюсь, не желая быть назойливым. Если Герцен захочет, мы будем продолжать этот вопрос письменно или лично, и от этого вопроса, от ответа и мнения Герцена, конечно, прежде всего будет зависеть соединение типографий и отдача в печатание Чернецкому всех брошюр, которые мы имеем в виду для печати.

Потрудись узнать у Герцена его адрес, чтоб мы могли послать ему в корректуре ту статейку, которая будет в журнале по поводу его статьи; для того, чтоб он мог сказать, не желает ли он какого-нибудь изменения или опущения нашей статейки [6].

До свидания. Весь твой
Н. Утин

Приписка Трусова:

С подлинным верно:
А. Трусов

Адрес Утина: A Clarens, M-r Outine—Maison Dupratz au Rasset

[1] Публикуемое письмо написано Утиным во второй половине мая или в июне 1869 г. Это видно из упоминания о разговоре с Нечаевым, приехавшим в Швейцарию весной 1869 г., а также из указания на то, что Герцен в то время находился в Женеве. Герцен был в Женеве с 10 мая до 30 июня (XX, 377 и 402).

Адресат публикуемого письма — Антон Данилович *Трусов* — участник польского восстания 1863 г., приговоренный к смертной казни, но бежавший за границу, был одним из наиболее близких Утину людей. Вместе с Утиным он входил в редакцию журнала «Народное дело», являлся секретарем этого журнала и ведал его типографией. Вместе с Утиным он был одним из организаторов созданной в 1870 г. Русской секции I Интернационала, поддерживавшей Маркса в его борьбе с дезорганизаторской деятельностью Бакунина, которая вела к разложению Интернационала.

Публикуемое письмо, адресованное на имя Трусова, в действительности предназначалось не столько для него, сколько для Герцена. Сообразно с этим Трусов по получении письма Утина снял с него копию и переслал ее Герцену. По этой копии, сохранившейся в «пражской коллекции», письмо Утина и печатается в настоящем издании (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 117а). Герцен ответил Утину письмом, опубликованным Лемке (XXI, 414—415) в качестве письма к неизвестному.

Утин, рассчитывая, что письмо его будет доведено до сведения Герцена, пытался внушить ему преувеличенное представление о связях редакции «Народного дела» с Россией. В действительности, вопреки тому, что утверждал Утин, никаких корреспондентов в России «Народное дело» не имело. Связи же Утина и его товарищей с революционными кругами в России были ничтожны. Правда, группе «Народное дело» удалось одно время связаться с кружком М. А. Натансона, но к соглашению с этим кружком она не пришла. Вопрос о слиянии герценовской типографии с типографией «Народного дела», которому посвящено настоящее письмо, не получил благоприятного разрешения. Герцен и на этот раз не мог сойтись с Утиным и его товарищами.

[2] В 1868 г. группа русских эмигрантов, в которую входили Бакунин, Утин и другие, приступила к изданию журнала «Народное дело». Журнал этот печатался в типографии Элпидина в Женеве. Первый номер его, вышедший осенью 1868 г., был написан почти исключительно Бакуниным и имел отчетливый анархистский характер. Выход этого номера привел к резким разногласиям в составе группы, закончившимся ее расколом. Бакунин и Н. И. Жуковский вышли из состава редакции. Оставшиеся продолжали издание журнала, со второго номера коренным образом изменившего свою программу и отмежевавшегося от бакунинского анархизма. Однако они встретились с большим затруднением, а именно — с отказом Элпидина печатать журнал в его типографии. Членам группы пришлось завести в Женеве собственную типографию, и это дало им возможность продолжать издание «Народного дела».

[3] В 1867—1868 гг. Бакунин принимал деятельное участие в буржуазной Лиге мира и свободы. На ее конгрессе в Берне в сентябре 1868 г., убедившись в нежелании большинства членов Лиги принять предложенную им анархистскую программу, Бакунин вместе со своими последователями заявил о выходе из Лиги.

[4] О Валериане *Мрочковском* см. ниже в разделе «Аннотации».

[5] С весны 1869 г. Бакунин совместно с Огаревым и Нечаевым начал выпускать ряд воззваний, листовок и брошюр (прокламация «Русские студенты» Огарева, «Студентам университета, академии и технологического института», подписанная Нечаевым, «Несколько слов к молодым братьям в России» Бакунина, «Постановка революционного вопроса» его же, и др.). Что же касается пресловутого «Катехизиса революционера», то он был написан летом 1869 г. и держался Бакуниным в секрете. Весьма любопытно, что Утин уже в июне 1869 г. знал о его существовании, как это выясняется из настоящего письма.

[6] О какой «статейке» идет речь, установить не удалось. Возможно она относилась к заметке Герцена по поводу «С.-Петербургских ведомостей». Заметка была написана Герценом специально для «Народного дела», набрана, но по каким-то причинам не появилась на страницах утинского журнала, чем Герцен был чрезвычайно оскорблен.

В. И. и Л. Д. ФИЛИППОВИЧИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Натальи Эфрос

К небольшому числу лиц, окружавших Герцена в Новгороде и скрашивавших ему тягостные годы ссылки (1841—1842), принадлежали супруги Филипповичи. В письме от 28 ноября 1841 г. Н. А. Герцен сообщала своей владимирской приятельнице Ю. Ф. Куруте: «...мы познакомились с Филипповичами; это — люди, поставленные образованием и чувствами много выше других; одна эта встреча выкупает для меня много новгородского холода и пустоты...» (II, 469). Встречи с Владимиром Ивановичем *Филипповичем* (1796 — 1862) — генералом, который «всего меньше был похож на генерала», и его женой, Ларисой Дмитриевной *Филиппович* (рожд. Гарденинной, ум. в 1868 г.), описаны Герценом в «Былом и думах», в хорошо известном рассказе «Новгородские споры с дамой». С большой теплотой и сочувствием вспоминает Герцен о Филипповичах, незадолго перед тем переживших тяжелое горе — потерю всех трех своих детей. «Осиротевшая мать, — пишет Герцен, — совершенно предалась мистицизму ⟨...⟩ Но как ум чрезвычайно деятельный, она вызывала на спор и знала свою силу ⟨...⟩ Нападки ее на мою философию были оригинальны ⟨...⟩ Я возражал, я спорил...» (XIII, 18, 19). Напомним, что в споре с Л. Д. Филиппович о религии, «в споре с дамой», зародился замысел первого большого философского труда Герцена «Дилетантизм в науке».

Дружба с Филипповичами не оборвалась и после отъезда Герцена из Новгорода. Летом 1843 г. они навестили его в Покровском. Их приезд был отмечен в дневнике Герцена как значительный факт. «Посещение Фил⟨ипповичей⟩; оно мне было дорого, сверх личных отношений, потому, что показывает жажду людей сообщаться, обновляться, передавать свое; сто верст скверной дороги и три дня — жертва, которую даром не делают, особенно люди, делающие это не от пустоты и скуки. Такие вещи иногда если не мирят, то укрощают мою нелюбовь к нашему обществу» (запись от 21 июня 1843 г. — III, 129).

Отношения поддерживались и перепиской. Из этой переписки в печати было известно до сих пор только одно письмо Л. Д. Филиппович, 1843 или 1844 г., ответ на герценовское (III, 483). Публикуемые ниже два письма свидетельствуют, что переписка с Филипповичами не прекращалась и в позднейшие годы, в заграничный период жизни Герцена. Наконец известно, что в 1865 г. Герцен встретился с Л. Д. Филиппович в Женеве: «Была здесь (и теперь здесь), — писал он сыну 18 мая 1865 г., — Филипповичева; ты помнишь по рассказам? Она очень желает вас видеть» (XVIII, 95).

О новгородских друзьях Герцена в литературе известно немного. Печатая «Былое и думы» еще при жизни Филипповичей, Герцен не раскрыл их фамилии. Это было сделано впервые Лемке, который, однако, допустил ошибку в имени Филипповича, назвав его не Владимиром, а Иваном (XIII, 17). Комментаторы последующих изданий «Былого и дум» исправили ошибку Лемке, но при этом допустили другую: о Филиппповиче периода общения с ним Герцена в Новгороде было сказано, что это «чиновник в отставке». И хотя такая справка противоречила герценовскому рассказу, она вошла почти во все комментарии послелемковских изданий «Былого и дум». В действительности Владимир Иванович Филиппович был кадровым военным, прошел длинный служебный путь и вышел в отставку лишь в 1862 г., незадолго до смерти. Внимание, которое проявил Герцен к Филипповичу,—ч в жизни и на страницах своих

знаменитых мемуаров,—побудило нас собрать основные биографические сведения об этом человеке, о котором мы до сих пор ничего не знали.

Филиппович был воспитанником Московского благородного пансиона, из которого он перешел в Московский университет. Службу в армии он начал в конце 1812 г. — шестнадцатилетним прапорщиком «из студентов». Получив назначение в третий пехотный полк Нижегородского ополчения, он принял участие в Отечественной войне, вместе со своим полком проделал боевые походы 1813—1815 гг. и провел свыше полугода во Франции. В 1816 г. он был переведен в 9-ю артиллерийскую бригаду, а в следующем году перешел на нестроевую службу по квартирмейстерской части, в 1829 г. зачислен в генеральный штаб. Польское восстание застало его обер-квартирмейстером 4-го пехотного корпуса, участвовавшего в военных операциях в Польше. В 1840 г., уже полковником, Филиппович перешел в корпус топографов, а затем в корпус флотских штурманов. Ко времени знакомства с Герценом он занимал должность начальника по выделу корабельных рощ в Балтийском округе; тогда же (19 апреля 1842 г.) он был произведен в генерал-майоры. Своим образованием и знаниями высококвалифицированного военного специалиста Филиппович резко отличался от обычного типа строевого генерала николаевской армии. Поэтому-то Герцен и писал о нем, что он не был похож на генерала.

Позднее, в 1852 г., Филиппович был назначен помощником начальника округов пáхотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губерний, а в 1857 г. — военным и гражданским губернатором Новгородской губернии и произведен в генерал-лейтенанты. На этой должности он оставался по 4 мая 1862 г., когда ушел в отставку (см. «Русский биографический словарь», т. Фабер—Цявловский, стр. 112; формулярный список В. И. Филипповича: ЦГИАЛ, ф. № 1284, оп. 41, д. 102, 1857, лл. 16—23; ЦГВИАЛ, ф. 395, оп. 54/578, 1 отд., III ст., св. 2, д. 384).

С. И. Носович, сталкивавшийся с Филипповичем в 1861—1862 гг., в связи с проведением в Новгородской губернии крестьянской реформы, и бывавший у него в доме, показывает нам его и жену его двадцать лет спустя после встреч с ними Герцена и примерно в то самое время, к которому относится первое из публикуемых писем. Носович отзывается о супругах Филипповичах, как о людях просвещенных, а о генерале — как о человеке умеренно либеральных воззрений, от природы хорошем, но слабовольном. «Мы ⟨...⟩,—рассказывает Носович,—провели вечер за чайным столом в истинно серьезных разговорах: о классицизме и романтизме, о живописи, о Костомарове, ожидаемом в Новгород, и о других предметах, в рассуждении которых старый губернатор выказал себя человеком, вполне интересующимся всем, воспитанным в Московском университетском пансионе, вообще хорошим человеком, хотя по личному характеру своему, выработавшемуся вследствие постоянной зависимости своей от службы и начальства, человеком крайне со слабым характером, девизом которого может служить ⟨...⟩ поговорка: „Все было бы хорошо, если бы только была тишь, да гладь, да божья благодать“» («Крестьянская реформа в Новгородской губернии». Записки С. И. Носовича. 1861—1863. СПб., 1899, стр. 8, 15).

* * *

Публикуемые письма не подписаны. Однако принадлежность их новгородской приятельнице Герцена бесспорна. Оба письма написаны женщиной, и авторство Л. Д. Филиппович, помимо содержания писем, подтверждается сделанным нами сравнением их почерка с почерком хранящегося также в «пражской коллекции» письма Л. Д. Филиппович к Герценам (1841), подписанного корреспонденткой.

В «Былом и думах» Герцен писал об «артистической ловкости диалектики» Л. Д. Филиппович и особо отметил ее любовь к чтению. Содержание и язык публикуемых писем соответствуют этой характеристике и свидетельствуют о незаурядном уме и начитанности их автора. Они представляют интерес и как материалы для биографии Герцена и как источник для комментария соответствующих мест «Былого и дум».

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5779, оп. 1, ед. хр. 126 и 129).

В. И. ФИЛИППОВИЧ (?)

Рисунок Х. Я. Рейхеля 1841 г. в альбоме, подаренном Огаревым Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

1

⟨Новгород 1858—1860⟩ [1]

Совершенно неожиданно представляется случай сказать вам несколько слов! Что сказать вам? Так много, много на душе! Не угоняться перу за летучей мыслию!

Может быть, я, однако, скоро напишу вам, *en mettant tous les points sur les i* *, насколько может это сделать женщина.

Мысли мои в таком разброде в настоящую минуту, что я принуждена для того, чтобы дать вам маленькую идею об своей жизни, послать вам письмо мое к одному приятелю, не горячему и не холодному, которому я, вследствие его наставлений, написала это письмо в минуту досуга [2]. Я упоминаю в нем о полученном мною письме от его *belle-soeur*, в котором она писала мне об вас. Это письмо пришло во время большой для нас невзгоды, невзгоды, продолжающейся и теперь, воздвигаемой злою деятельностью противников с утонченным лукавством,—одним словом, *гонение на честного человека*, мешающего жить и действовать по произволу негодяям.

Я совершенно пришла к убеждению, что у нас процветать могут только одни подлецы. Без покровительства нет возможности защититься безукоризненным поведением, потому что эта безукоризненность есть величайшая обида всем. Каждый смотрит на вас, как на упрек совести и, как говорит Шиллер, «Auch lieb'ich dich wie das Gewissen» ** [3]. Вот причина ненависти отовсюду: сверху, снизу, с боков и вокруг. Нет возможности противустоять этой отрицательной общественности, — другой у нас нет ***.

Главный grief **** против мужа моего — его простота и нежелание задавать тот тон, задорный и наглый, который принят за обязательный тон на его месте.

Скромный и несуетливый, он никогда не хвалится ни множеством дел, ни своею важностию, за это его презирают в здешнем обществе, и есть люди, умеющие как klein Zaches в сказке Гофмана [4], приписать себе все его заслуги.

Одним словом, здешний вице-губернатор — друг Гвоздева, а жандармский полковник — клеврет Тимашева [5].

Под этим двойным влиянием можете посудить, что делается. У нас никого и ничего нет, кроме доброго имени, честных, истинно добросовестных стремлений, которым на каждом шагу не только мешают, но стараются дать самое кривое толкование всему, что делается. Помещики ненавидят за взгляд на крестьянский вопрос [6]. Общество — за невозможность угощать обедами и балами. Высшие инстанции — за отсутствие благородного металла [7]. Все — за уклонение от общего направления.

Голос ваш может скорее повредить нам, нежели помочь [8]. Но дружба ваша нужна нам, как собственное сознание, и потому она останется в числе тех немногих сокровищ, которые потерять было бы душевное разорение.

Письмо мое несвязно, но я не имею времени переделать его. Вы поймете все, что нужно, — за остальное простите!

Я писала вам прошлого года, но не знаю даже, пошло́ ли мое письмо— так случилось, что и справиться нельзя было [9].

От вас трудно иметь известия, а если иногда и получаются, то нерегулярно.

---

* поставив все точки над *i* (франц.).

** «Я и люблю тебя, как совесть» (нем.).

*** Следующий далее текст письма (до слов «за остальное простите!») начинается в рукописи с новой страницы. Он был разъединен с основным текстом и обнаружен среди документов другой архивной папки. Является ли он прямым продолжением письма и не осталось ли в письме пропусков, утверждать нельзя. — *Ред.*

**** упрек (франц.).

Мы видели портрет ваш и сравнивали с тем, который был и есть у нас — какая перемена! [10]. Теперь сын ваш должен быть похож на тот портрет, который делал Р⟨ейхель⟩ [11].

Как много переменилось с тех пор, как мы не виделись! Целое поколение выросло и возмужало—а река наша все те же мутные воды несет туда же, как и прежде, все так же люди ловят рыбу в этой мутной воде! Все та же подлость и низость, все та же злоба и ложь, только мы не стоим уж, как прежде, в стороне от этих людей — напротив, теперь мы сделались целью, в которую метит каждый негодяй. Никто не заботится о благе общественном, а заботятся только о протекции, протекция дается или родным человечкам, или, как розовое масло, ценится на вес золота.

Беда тем людям, у которых нет на высоких местах родных человечков, беда тем людям, у которых не на что купить розового масла!

Вот причины, почему я думаю и надеюсь, что мы недолго будем смотреть, как удят рыбу в мутных волнах нашей реки, не будем наблюдать феноменальное явление, что когда рука руку моет, то обе *грязны* бывают.

Дай бог только сказать, как Франциск Первый после потерянной битвы etc. [12] Но об чести В⟨ладимира⟩ И⟨вановича⟩ даже враги его не сомневаются. Теперь стараются доказать, что все, что им делается, делается не им, а другими.

Если б вы увидели лично настоящий *случай*, он отчасти мог бы вам сообщить кое-что из собственных наблюдений [13].

Память о вас жива в душах наших, со всем тем счастием, которое досталось нам в удел.

Приписка рукою В. И. Филипповича:

Может быть, почерк этой руки [14] припомнит вам человека, который столько любил и уважал вас, когда вы были с нами, — верьте, что эти чувства не остыли от времени. Напротив, более, нежели когда-нибудь, он призывает на вас благословение божие, чтобы его могущая рука укрепила вас на святом пути, который вы себе избрали.

[1] Как показывает содержание письма, оно относится ко времени губернаторства В. И. Филипповича, т. е. к 1857—1862 гг. Точная датировка затруднительна, но возможно сужение рамок этой широкой датировки. По всей вероятности, письмо написано не ранее 1858 г., так как, жалуясь на трудное положение мужа, Филиппович говорит, что «помещики ненавидят его за взгляд на крестьянский вопрос». Такое отношение крепостников-помещиков к губернаторам стало особенно характерно в период после образования губернских комитетов в 1858 г. и наделения губернаторов полномочиями по подготовке и проведению крестьянской реформы. С другой стороны, встречающееся в тексте упоминание имени А. А. Гвоздева, умершего в конце 1860 г., не позволяет отнести письмо позднее этого срока. Таким образом, мы датируем письмо периодом 1858—1860 гг.

[2] Это письмо неизвестно, и кому оно было адресовано — не установлено.

[3] Перифраза строки из эпиграммы Шиллера «Der Aufpasser» («Соглядатай»), из цикла «Votivtafeln» («Памятки»).

[4] *Крошка Цахес*—герой одноименной повести Гофмана.

[5] *Здешний вице-губернатор* — Эдуард Васильевич *Лерхе*. — Александр Александрович *Гвоздев* (1810—1860), — по определению Герцена, «податель всех благ и мест по министерству внутренних дел» (IX, 280—281), — директор департамента общих дел этого министерства. *Жандармский полковник* — К. М. *Буцковский*. В делах III Отделения сохранились документы, подтверждающие правильность предположений, высказанных Л. Д. Филипповичем как на его счет, так и на счет Лерхе (см. ЦГИАМ, дело III Отделения, 1-й эксп., № 321, 1857 г.: «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Часть 33. По Вологодской и Новгородской губ. 28 октября 1860 г., лл. 2—6).

[6] По словам С. И. Носовича, которого губернатор Филиппович назначил членом от правительства мирового съезда трех уездов, — сам Филиппович, определяя свои взаимоотношения с крепостнически настроенным дворянством губернии, говорил, что «положение его как губернатора очень трудное и щекотливое в крестьянском вопросе, что он стоит между двумя огнями, что, с одной стороны, недовольное дворянство стре-

ляет через него в правительство, а с другой стороны, правительство действует чрез него на дворянство» (С. И. Носович. Цит. соч., стр. 9).

[7] В формулярном списке Филипповича, в графе об имущественном положении сказано, что ни он, ни его жена не имеют ни родового, ни благоприобретенного имения.

[8] Герцен, повидимому, намеревался воспользоваться информацией о крепостнических вожделениях новгородского дворянства для обличительной заметки в «Колоколе». Такая заметка в печати не появилась. Но, позднее, на страницы «Колокола» попало имя самого Филипповича, хотя и по ошибке. Оно было напечатано в черном списке губернаторов, назначивших в особое присутствие по крестьянским делам членами от правительства помещиков-крепостников. Филипповичу ставилась в вину посылка в присутствие бывшего эксперта Редакционной комиссии — Позена, «уволенного из оной за защиту крепостного права» («Колокол», л. 93, от 1 марта 1861 г.). Недоразумение вскоре разъяснилось. «Колокол» был неправильно информирован своим корреспондентом, перепутавшим двух братьев Позенов — новгородского помещика Ивана Павловича и полтавского — Михаила Павловича. Последний являлся автором одного из крепостнических проектов реформы и был действительно тем уволенным экспертом Редакционной комиссии, о котором писал «Колокол». Что касается Ивана Павловича, то он отношения к Редакционной комиссии не имел и к тому же не был назначен Филипповичем в присутствие, а был выбран туда от дворянства. Все это сообщалось в письме-опровержении в редакцию «Колокола», которое Герцен поспешил напечатать под заголовком «Филиппович и Позен» в л. 141 «Колокола» от 15 августа 1862 г.

[9] Письмо это неизвестно.

[10] Какой портрет Герцена был у Филипповичей — не установлено. В «пражской коллекции», в альбоме, подаренном Герцену Огаревым, сохранился карандашный портрет Герцена с подписью «Филиппович». Является ли эта подпись авторской, или принадлежит кому-то другому — неясно (см. воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 733). Портрет очень напоминает один из рисунков, сделанных Рейхелем с Герцена. Однако Н. А. Герцен (дочь) называет автором портрета Филипповича. Есть основание думать, что генерал был художником-любителем. В списках лиц, посещавших занятия Московского художественного класса в 1833—1834 гг., значится «полковник Филиппович» (см. А. А. Благовещенский. Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. «Русский художественный архив», 1894, вып. I, стр. 3). Хотя инициалы Филипповича в списке не обозначены, вполне возможно, что речь идет именно о Владимире Ивановиче — с 1832 г. полковнике, обер-квартирмейстере 4-го пехотного и 1-го Резервного корпуса, стоявшего в начале 1830-х годов в Москве.

[11] Карл-Христиан-Филипп Яковлевич *Рейхель* (1788 — конец 1857 или начало 1858 г.). Какой портрет Герцена работы Рейхеля имеет в виду Филиппович, неясно. Известно два портрета, сделанных художником с Герцена (см. воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 101, 105, 121). Оба представляют собой карандашные наброски, причем один дошел до нас в двух вариантах. Не исключено поэтому, что существовал и какой-то более законченный портрет Герцена работы Рейхеля (см. в следующем томе «Лит. наследства» наше сообщение о Рейхеле, забытом художнике и друге Герцена).

[12] Подразумеваются слова «все потеряно, кроме чести», приписываемые французскому королю Франциску I после поражения в битве под Павией (1525).

[13] *Настоящий случай* — так в целях конспирации Л. Д. Филиппович обозначает очевидно неизвестное нам лицо, с которым она послала к Герцену свое письмо.

[14] Хотя почерка В. И. Филипповича мы не знаем, однако приписка к письму его жены, написанному от лица их обоих и в значительной части посвященному его делам, едва ли могла принадлежать кому-нибудь, кроме него.

2

(Женева, 14 мая 1865 г.) [1]

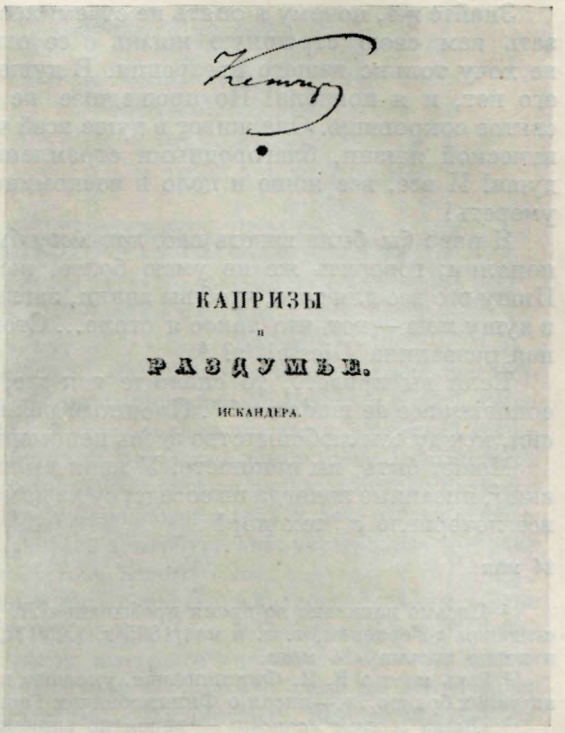
С тех пор, как я видела вас, я все хворала. Доктор велит мне ехать в Шинценал и прописал пить les eaux de Chalus три недели до отъезда. Уже неделя прошла с тех пор. Следовательно я, может быть, не увижу детей ваших. Пансион наш наполнен молодежью, праздными, пустыми личностями. Во время вашего посещения никого не было.

Тяжел сон моей настоящей жизни, и самая мысль похожа на бред. Мне кажется, что я куда-то выброшена кораблекрушением и не могу опомниться, не могу привыкнуть к своему совершенному отчуждению от всего живущего и чувствующего. Часто боль сердечная растет, растет каким-то мутным потоком и запружает стоячими водами провал, образовавшийся под ногами моими. Я гибну — мне некого любить. Безвыходное горе

«КАПРИЗЫ И РАЗДУМЬЕ» ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА Н. Х. КЕТЧЕРУ

Оттиск из «Петербургского сборника», 1846 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



КАПРИЗЫ
и
РАЗДУМЬЕ.
ИСКАНДЕРА.

затопляет каждое чувство, каждую мысль. Одно утешение, что не он, мой добрый друг [2], испытывает тоску, доставшуюся на мою долю — одинокой, безотрадной, бесприютной странницы.

Вы справедливо сказали, что я всегда что-нибудь делала в жизни. Особенно много возилась с детьми, но тогда мне было на что опереться. Я знала, что я не одна на свете, что есть возле меня сердце, преданное мне совершенно, ободрявшее меня на всякое доброе дело и стремившееся по-своему к добру, к науке, к бескорыстному полезному труду и находившее, в свою очередь, в моем участии, не всегда сознательном, но всегда горячем и искреннем, нравственную поддержку. Ему было бы еще тяжелее пережить меня, я это знаю, потому что когда я была отчаянно больна, он был невыразимо несчастлив,—но я осталась жива, и его не стало... Эти слова можно выговорить, можно написать, но понять их не могу, не умею.

Простите меня, что я *вам* жалуюсь! Это так глупо, так бесполезно. Но я не жаловалась никому, да и некому было — я молча перенесла свое нравственное распятие. Я не надеюсь, не рассчитываю на утешение, но оно мне нужно, оно мне необходимо, потому что я погибла... Недавно я встретила похороны и спросила девочку на улице, кого хоронят? «C'est la mère Morin, — отвечала она. — Son dernier enfant est mort et elle s'est noyée dans le lac de maladie noire»*. Я повернулась и пошла домой, но мысль об несчастной долго оставалась на душе моей, как что-то недоступное, но завидное. О вера, вера моя, где твое утешение? Я презираю себя. Есть люди, которые умирают от перелома сердца, как говорят англичане: broken-hearted, а я живу. Кровь моя превратилась в яд. Голова покрылась какой-то отвратительной сыпью — вся больна с головы до ног. Сердце изныло, но живу и ропщу и не умею умереть.

---

* «Тетушку Морен. У нее умер последний ребенок, и она с тоски утопилась в озере» (франц.).

Знайте же, почему я опять не стремилась увидеть вас. Я не боюсь показать вам свою страшную жизнь с ее отвратительными последствиями; не хочу только вашего презрения. В душе моей одно страшное сознание: его нет, и я погибла! Но прошедшее не изменилось. Память его — мое святое сокровище. Она живет в душе всей чистотой безукоризненной мученической жизни, благородными стремлениями; это прекрасная высокая душа! И все, все живо и цело в воспоминании, но силы нет ни жить, ни умереть!

Я рада бы была видеть вас, *как могу быть рада*, более нежели с горем пополам; говорить же не умею более, желать нечего, думать... об чем? Пишу это все для того, чтоб вы знали, заглянули бы в мою живую могилу, в душу мою — вот что такое я стала... Стоит ли вашего внимания несчастная развалина Diesseit's? *

Если вы придете, то скажите так же, как прошлый раз, une vieille connaissance de madame **. Прошлый раз никто не заметил, никто не спросил, между тем любопытство здесь непомерное, как у всех праздных людей.

Может быть, вы напишете. У меня привезены сюда ваши веселые записки [3], писанные некогда по соседству из дома в дом. Как все переменилось — все почернело с тех пор!

14 мая

[1] Письмо написано во время пребывания Л. Д. Филиппович в Швейцарии, после свидания с Герценом, т. е. в мае 1865 г. (XVIII, 95). Этому соответствует и помета в конце письма «14 мая».

[2] Речь идет о В. И. Филипповиче, умершем в 1862 г. «Мало я видел больше гармонических браков...»,—писал о Филипповичах Герцен в «Былом и думах» (XIII, 18).

[3] «*Ваши веселые записки*» — вероятно записки, писавшиеся Герценом к Л. Д. Филиппович во время их совместной жизни в Новгороде. Возможно, что Филиппович привезла их с собою в Швейцарию, чтобы вернуть Герцену. Судьба этих записок неизвестна.

В «пражской коллекции» сохранилось письмо Л. Д. Филиппович к Герценам, написанное «из дома в дом», 20 ноября 1841 г., вскоре после первого знакомства с ними. Приведем несколько выдержек из этого письма, не лишенного интереса как дополнение к «Новгородским спорам с дамой».

Возвращая взятые у Герценов книги, Филиппович говорит о себе, желая, очевидно, поближе познакомить с собою своих новых друзей: «С большой благодарностью возвращаю вам ваши книги ⟨...⟩ Я существо слабое, я ищу того, чего мне нехватает, — силы, убеждения и, в конечном итоге, — веры. В этом для меня апофеоз существования ⟨...⟩

В молодости я любила поэзию: она, как зеркало, отражала жизнь, исполненную мечтаний, надежд и любви; теперь для меня все изменилось — могила, где трижды была погребена самая дорогая моя привязанность, ограничивает мой земной путь. Не Wehmut***, не меланхолия, а отчаяние — болезнь неустойчивых сердец — держит меня в своих железных когтях. Куда бежать от этой страшной силы? Поэзия исчезает там, где сердце в агонии ⟨...⟩ Но она ⟨поэзия⟩ явилась для меня проводником к другой поэзии; она открыла мне то, чему служит ступенью, — религию.

Простите за столь длинное послание. Оно—доказательство того, что я дорожу мнением обоих таких людей, как вы и ваш муж. Я хочу, чтобы вы знали, как вам держать себя со мной, я не хочу казаться другой, чем я есть. Существо слабое, несчастное и любящее. Вы оба внушаете мне чувство какой-то материнской нежности. Я желаю вам всего самого лучшего ⟨...⟩

С своей стороны посылаю вам историю Ишимовой и воспоминания одного политического заключенного. Это несколько грустновато, но чего можно требовать от такой невеселой материи?

Пришлите, если можно, рисунки, которые вы как-то показывали нам ⟨...⟩

Посылаю вам несколько детских книг. Хотя они и далеки от совершенства, мне кажется, чтение их будет не без пользы. Впрочем, в этом вопросе г. Герцен гораздо лучше разберется и решит. Мне хотелось только показать, чем я занимала своих детей...» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226, лл. 25—26 об.—Подлинник на французском языке).

---

* этого мира (нем.).
** старый знакомый (франц.).
*** тоска (нем.).

Н. В. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация А. Н. Дубовикова

Николай Владимирович *Ханыков* (1822—1878) — известный русский ученый-востоковед, брат петрашевца Александра Владимировича Ханыкова. В 1837 г. он окончил Царскосельский лицей; в 1839—1840 гг. принял участие в Хивинской экспедиции, а затем был зачислен переводчиком в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. С 1845 г. Ханыков служил в дипломатической канцелярии Главного управления Закавказского края при М. С. Воронцове; в 1852 г. был избран членом-корреспондентом Академии Наук; в 1866 г. Петербургский университет присудил ему ученую степень доктора истории Востока honoris causa.

В 1860 г. Ханыков был направлен в заграничную командировку для обработки материалов, собранных им во время экспедиции в Иран и Среднюю Азию. Побывав в Германии, Англии и Франции, Ханыков ненадолго вернулся в Россию, а затем поселился в Париже, где остался и после ухода в отставку. Здесь он поддерживал отношения со многими русскими писателями — Тургеневым, Щедриным, Достоевским, Полонским, Боткиным, Анненковым и др. Среди его знакомых были и государственные деятели (П. Д. Киселев., Н. А. Милютин) и политические эмигранты (Н. И. Тургенев).

С Герценом Ханыков познакомился, повидимому, в 1860—1861 гг. в Лондоне. Первое упоминание о нем в переписке Герцена относится к 1862 г. (XV, 539). Лемке считает, что Ханыков был адресатом «Писем к путешественнику», опубликованных Герценом в 1865 г. (XVIII, 138).

Герцен охотно встречался с Ханыковым во время своих приездов в Париж, ценя в нем умного, интересного собеседника, отлично осведомленного в русских делах; сообщения Ханыкова служили для Герцена источником информации о текущих, в том числе и «закулисных», событиях общественной и литературной жизни в России (XVIII, 60). После смерти Герцена друзья начали собирать его письма. По инициативе Ханыкова, И. С. Тургенев, отправлявшийся в 1871 г. в Россию, должен был собрать письма у русских корреспондентов Герцена; список корреспондентов составил Ханыков.

Письма Герцена к Ханыкову пока не обнаружены; о их существовании упоминает Лемке (XVIII, 138).

23 сентября 1868 г. Герцен сообщал Огареву: «... получил премилое письмо от Ханыкова (у которого был в Париже и не застал)» (XXI, 93). Это и есть письмо, публикуемое ниже.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 118).

22 сентября 1868 г. Париж, 11, rue de Condé

Очень и очень сожалею, Александр Иванович, что вместо вас видел только вашу дружескую записку. Боткин [1] мне сказал, что вы, может быть, зайдете, и я оставался дома до $3^1/_2$ h. и вернулся только к 7 h., когда уже поздно было воспользоваться вашими указаниями об употреблении вашего вечера.

Надеюсь, что это письмо дойдет до вас и застанет вас в начале курса, который, несомненно, принесет вам пользу. При малейшей осторожности

с этим внутренним Runkel-Rüben-Zucker-fabrication's-Instituten * живут хорошо и подолгу; покойный Биот [2], умерший восьмидесяти двух или восьмидесяти трех лет, занимался этим сахароварением лет тридцать.

В августе я был в Бадене и видел общего нашего приятеля Ивана Сергеевича [3]. Он все более и более уязвлен Виардою, но страдает совсем не от этого, а от подагры, и, somme toute **, счастливейший человек в мире.

И. С. ТУРГЕНЕВ, Н. В. ХАНЫКОВ, Н. А. МИЛЮТИН, К. К. ГРОТ НА ДАЧЕ МИЛЮТИНА В БАДЕН-БАДЕНЕ (СТОИТ М. А. МИЛЮТИНА)

Фотография, конец 1860-х гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Правда, что он жизнь свою разменял, отчасти, на Gemeine Groschen ***, пишет оперетки и утешает ими досуги Садовского командора [4], но зато в пятьдесят лет он еще любит, как 18-тилетний юноша, и «не стыдится своих оков» [5].

С. П. Боткин мне сказывал, что вы собираетесь, наконец, печатать ваши портреты эмигрантов; чрезвычайно рад этому, так как стыдно скрывать от публики эту рембрандтовскую галлерею [6]. Не прибавите ли вы к ней портрета покойного князя Долгорукова? Под вашей магистральною кистью эта странная смесь желчи, вольнодумства, суеверия, любви, зла и отчасти смелости, переходившей, нередко, в меднолобие, выйдет поразительною и наставительною личностью. Вы, как мне сказывал баденский священник, видели умирающего незадолго до кончины, а в таких натурах

---

* свеклосахарным производством (то есть сахарной болезнью, диабетом) (нем.).
** короче говоря (франц.).
*** мелкую монету (нем.).

последние моменты особенно психологически любопытны, хотя вообще я уверен, что предсмертное настроение зависит, главным образом, от характера болезни, но все-таки и нормальные мозговые особенности довольно ярко проявляются в эти минуты [7].

Прощайте, желаю вам от души всего лучшего и остаюсь, как всегда, преданный вам

Н. Ханыков

[1] Сергей Петрович *Боткин* (1832—1889) — знаменитый врач-клиницист, медицинскими советами которого пользовался Герцен во время приездов Боткина за границу.

[2] *Биот*, правильнее — Био (Jean-Baptiste Biot, 1774—1862) — французский ученый, известный своими трудами в области математики, астрономии, физики и химии.

[3] Речь идет о И. С. Тургеневе, с которым Ханыков долгие годы находился в приятельских отношениях. Известно 47 писем Тургенева к Ханыкову, относящихся к 1862—1878 гг. (опубликованы в журнале «Ежемесячные сочинения», 1901, № 12, стр. 292—323).

[4] *Садовский командор* — так именует Ханыков прусского короля Вильгельма I, войска которого разбили австрийскую армию в битве при Садовой (1866). Вильгельм I и его семья, а также другие коронованные особы посещали любительские спектакли в доме Тургенева.

[5] В 1867—1868 гг. Тургенев написал либретто четырех оперетт, музыку к которым сочинила Полина Виардо. Летом 1868 г. одна из этих оперетт — «L'ogre» («Бирюк») — была поставлена в Баден-Бадене на вилле Тургенева, который сам исполнял главную роль. Герцен еще до получения письма Ханыкова иронически сообщал Тхоржевскому об этих великосветских развлечениях (XX, 379). В кавычках перефразирована строка из стихотворения Пушкина «О дева-роза, я в оковах, но не стыжусь своих оков».

[6] Речь идет об отдельных главах VII части «Былого и дум» («Русские тени»), впервые напечатанных в «Полярной звезде на 1868 год» (вышла в свет 30 ноября).

[7] П. В. Долгоруков (письма которого к Герцену см. выше, на стр. 126—132 наст. тома) умер 17 августа 1868 г. в Берне. Уступив настойчивой просьбе умирающего, Герцен в июле посетил его. Впечатление от этого свидания было крайне тяжелым; Герцен рассказал о нем в нескольких письмах (XXI, 13—17; «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 415—416).

Я. Н. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Среди писем «пражской коллекции», адресованных Герцену, находятся три неоконченных письма без подписи. Автор писем — революционно настроенный молодой человек, горячий почитатель Герцена, воспитанник Московского университета, недавно приехавший в Гейдельберг. Содержание одного из трех сохранившихся писем дает возможность установить имя его автора. В письме от 31 октября 1861 г. из Гейдельберга неизвестный корреспондент сообщил Герцену о своих переговорах с Людвигом Фейербахом по поводу перевода сочинений философа на русский язык и издания их в типографии Трюбнера. Среди писем Фейербаха есть письмо к Трюбнеру, от 31 октября 1861 г., в котором он предлагает Трюбнеру взять на себя издание его сочинений на русском языке, в переводе Якова Ханыкова, живущего в Гейдельберге и незадолго до того посетившего Фейербаха («Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner Philosophischen Charakterentwicklung dargestellt von Karl Grün». Zweiter Band. Leipzig—Heidelberg, 1874, S. 144—145).

Из сопоставления двух этих фактов с несомненностью следует, что автором публикуемых писем был Яков Ханыков. Лемке в примечаниях к одиннадцатому тому собрания сочинений Герцена (стр. 20) ошибочно принял этого Якова Ханыкова за другого Якова Ханыкова — известного деятеля Русского географического общества и оренбургского губернатора. Однако биография последнего совершенно не совпадает с фактами, сообщенными о себе автором публикуемых писем *.

Яков Николаевич *Ханыков* родился 23 февраля 1837 г. в Москве. Отец его был помещиком в Калужской губернии. Воспитание Ханыков получил в Первой московской гимназии, которую окончил в 1854 г. В том же году он поступил на юридический факультет Московского университета и окончил его в 1858 г. со званием первого кандидата юридического факультета. Этим исчерпываются основные сведения о Ханыкове, имеющиеся в университетском архиве (МОА, ф. 418, оп. 23, ед. хр. 112). В мае 1861 г. Ханыков покинул Россию и поселился вместе с женой в Гейдельберге.

Письма Ханыкова характеризуют его как деятельного участника общественно-политической жизни московского студенчества на рубеже пятидесятых — начала шестидесятых годов. Несмотря на то, что почти три года отделяли отъезд Ханыкова за границу от окончания университета, самыми близкими для него людьми продолжали оставаться товарищи-студенты. Так, свидетелями его венчания были четыре «студента-печатальщика» статей Герцена, как их называет Ханыков. В публикуемом письме от 31 октября 1861 г. Ханыков ссылается на свое знакомство, «еще по университету», с П. Н. Рыбниковым, в ту пору студентом, впоследствии — известным этнографом и собирателем былин. Это обстоятельство указывает на круг знакомств Ханыкова в университетские годы. Вокруг Рыбникова группировался, в 1855—1858 гг., кружок так наз. «вертепников». Члены кружка, разночинцы по происхождению, изучали материалистическую философию и утопический социализм, были увлеченными читателями Герцена. Есть основание думать, что Ханыков был связан, уже по окончании университета, и с другим революционным студенческим кружком, возглавлявшимся Заичневским и Аргиропуло. Возникновение этого кружка относится

* Как нам удалось установить по материалам Московского областного архива, Яков Владимирович Ханыков (1818—1862), на которого ссылается Лемке, был двоюродным братом автора публикуемых писем. В 1861 г. Я. В. Ханыков проживал в Уфе, где находилась тогда резиденция оренбургского губернатора.

к 1859 г. В этом году в Московском университете возникла тайная студенческая организация «Библиотека казанских студентов», в которую входили первоначально студенты — уроженцы Казани; позднее эта организация приобрела более широкий характер. В литературе нет сведений о деятельности этого кружка, известно только, что его участники организовали библиотеку из заграничных книг, и в целом их деятельность отличалась большой конспиративностью. Заичневский и Аргиропуло, вследствие разногласий по программным вопросам, вышли из кружка в начале 1861 г. и организовали свой кружок, в который, возможно, вошли и некоторые из бывших участников «Библиотеки казанских студентов». Одним из видов деятельности нового кружка было издание и распространение запрещенной литературы. Не имея вначале печатного станка, кружок Заичневского и Аргиропуло литографическим способом издавал сочинения Герцена и Огарева, а также переводы отдельных сочинений европейских философов-материалистов. Кружку принадлежит, в частности, первое издание в России произведений Л. Фейербаха. В 1861 г. кружок литографировал перевод «Лекций о сущности религии» и несколько позднее — «Сущность христианства».

Дружеские связи Ханыкова со «студентами-печатальщиками» статей Герцена, инициатива и энергия, проявленные им сразу же по приезде за границу в организации перевода и издания сочинений Фейербаха, приводят к выводу о близости Ханыкова к кружку Заичневского—Аргиропуло и делают возможным предположение об участии Ханыкова в первом русском переводе и издании «Лекций о сущности религии» Фейербаха. Не только эти внешние факты, но и весь характер деятельности Ханыкова за границей, как он намечал ее себе в публикуемых письмах к Герцену, свидетельствует о его тесной идейной связи с кружком Заичневского — Аргиропуло. Основным своим занятием за границей Ханыков намечал литературно-переводческую работу. Выбор авторов и произведений для переводов на русский язык он подчинял задаче организации политической пропаганды в России. В этом отношении он брал себе в пример литературную деятельность Чернышевского и, в частности, такую его работу, как «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Задаче пропаганды в России материалистической философии было подчинено и намерение Ханыкова осуществить в издании Трюбнера русский перевод собрания сочинений Л. Фейербаха. Глубоко идейные мотивы литературно-переводческой деятельности Ханыкова за границей иллюстрируются следующим красноречивым фактом. Несмотря на то, что он сам был в трудном материальном положении и литературный заработок, как можно судить по письмам, был для него основным источником существования, Ханыков, начиная с Герценом переговоры об издании сочинений Фейербаха, сразу же отказался от части литературного гонорара за перевод — в пользу Фейербаха, находившегося в глубокой нужде. Ханыков приступал к переводу, по его словам, «con amore»*.

Выходивший в это время в типографии Трюбнера русский перевод «Сущности христианства» (как видно из публикуемого письма от 31 октября 1861 г., он был выполнен П. Н. Рыбниковым, скрывшимся под псевдонимом «Филадельф Феомахов») должен был составить, по мысли Ханыкова, первый том задуманного им собрания сочинений Фейербаха. Однако замысел этого издания осуществлен не был. В ответ на предложение Фейербаха издать остальные его сочинения в переводе Якова Ханыкова Трюбнер писал, что этого вопроса он не решит до тех пор, пока не убедится в том, что русская публика так же горячо стремится читать Фейербаха, как сочинения Герцена («Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass...», цит. изд., стр. 145).

Таким образом, литературно-переводческая деятельность Ханыкова за границей продолжала одну из линий деятельности кружка Заичневского — Аргиропуло в России. Ханыкову не было чуждо и второе практическое направление деятельности кружка Заичневского — Аргиропуло, а именно—использование педагогической работы как средства революционной пропаганды. Известно, что кружок Заичневского — Аргиропуло принял самое деятельное участие в организации и работе воскресных школ, возникших в Москве в середине 1860 г. Только фактический разгром воскресных

---

* «с любовью» (итал.).

школ для народа в конце 1860 г. заставил членов кружка уйти из них. Их мечтой была организация широкого общества для распространения знаний в народе при помощи системы школ, совершенно независимой от правительства. Как видно из писем, педагогическая практика уже занимала какое-то место в жизни Ханыкова до его отъезда за границу. Служение делу свободы России он связывал с вопросом воспитания и образования народа. Этими двумя неразрывно связанными задачами обусловливается его намерение заняться переводами или же составлением исторических статей для русской печати. Перед нами ясно выраженная программа революционного просветительства. Что это просветительство было именно революционным, совершенно очевидно из политических взглядов автора, которые обнаруживаются по его отдельным замечаниям, разбросанным в письмах. Начало своего идейного развития, совпавшего по времени с общественным оживлением второй половины пятидесятых годов, Ханыков полностью связывает с именами Белинского и Герцена, с влиянием их произведений. Обобщая собственный опыт, Ханыков пишет Герцену: «Белинский нравственно воспитывает человека. За Белинским ваши статьи довершают развитие: человек становится на ноги, оглядывается, ему легко, и он идет бодро вперед». В Герцене он видит совесть молодого поколения, он для него высший нравственный авторитет. В то же время он учится у Чернышевского искусству революционной пропаганды в условиях царской цензуры. Расправа Александра II со студенческим движением 1861 г., прикрываемая ханжескими фразами, вызывает у Ханыкова гневное замечание о поучительном примере взятия народом Бастилии.

За границей Ханыков оказался сразу в кругу дел и тем, занимавших революционную эмиграцию. У него Герцен просил характеристику Ковалевского, незадолго до того приехавшего из России, где он был связан с революционными кругами. От имени какой-то группы — вероятно, революционно настроенного крыла русских студентов в Гейдельберге — Ханыков в публикуемом письме к Герцену просит поблагодарить Огарева — «нашего любимого поэта—вашего друга за его общение с нами» и сообщает о нетерпеливом ожидании выхода в свет прокламации Огарева «Что надо делать войску?». Вопрос об участии войска в предстоящей русской революции, повидимому, обсуждался в кружке, от имени которого пишет Ханыков, и решался, насколько об этом можно судить из отрывка, в том же духе, что и в прокламации Огарева. Ханыков и его друзья видели в войске «такую силу, которая может упрочить дело свободы».

Публикуемые письма знакомят нас с новым интересным представителем революционно-демократической молодежи шестидесятых годов. Мы не располагаем почти никакими сведениями о дальнейшей судьбе Ханыкова и эволюции его социально-политических взглядов. Известно лишь его позднейшее письмо к Н. А. Некрасову из Флоренции от 17 января 1874 г., в котором он предлагал свои критико-философские статьи для опубликования в «Отечественных записках» («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 544). Кроме того, опубликованные пять писем И. С. Тургенева к Я. Н. Ханыкову позволяют установить, что в 1878—79 гг. он находился в Париже. В письмах этих идет речь об установлении памятника на могиле Н. В. Ханыкова, двоюродным братом которого был адресат («Ежемесячные сочинения», 1901 г., № 12, стр. 320—323). О Н. В. Ханыкове см. в предыдущей публикации.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 118).

1

(Гейдельберг. Май — октябрь 1861 г.) [1]

Александр Иванович!

То, что я теперь делаю, взяв перо, чтобы писать вам,— исполнение моего давнего желания. Я все медлил, выжидал случая, который бы оправдал мой поступок. На начало знакомства с вами, личное или чрез переписку, я всегда смотрел, как на великое дело: это должно быть моим рукоположением. От вас, только от вас, я хочу принять его, чтобы с ним начать жизнь.

Я слишком живо сознаю эту потребность связи прошедшего с настоящим и настоящего с будущим, чтобы не ценить такого общения с людьми, имеющими мировое значение. Говорить вам то, что у меня теперь на языке, значило бы повторять, что вам тысячу раз было говорено другими и, может быть, даже лучше, чем я в состоянии это сделать, — скажу только, что мне вы сделали личное благодеяние, которого я никогда не забуду. «Полярная звезда» (именно 3-я и 4-я) попала мне в руки в критическую эпоху моей жизни. Я никогда не верил авторитетам, с детства мучили меня вопросы, и ничто меня не удовлетворяло. До университетской аудитории я был

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Фотография из альбома «Heidelberg und seine Umgebung», 1880-е гг.

лишен всякого почти пособия для развития. Я должен был заключиться в себе; смелость отрицания приводила меня до результатов, которые меня пугали... В университете я был в то время, когда похороны Кудрявцева [2] напомнили незаменимую потерю Грановского... Было пусто, дико — а кругом все начало пробуждаться.

Не стану рассказывать вам длинную повесть моей внутренней жизни, борьбы с семейными предрассудками, — я был в напряженном состоянии в то время, когда я после многих усилий достал «Полярную звезду» и «С того берега». Я был так счастлив, такое чистое наслаждение давала мне ваша мысль, которая так глубоко проникала в мое сознание! Я чувствовал, что понимаю вас так, как бы это вы сами желали, так, как надо вас понимать. Я со страстью бросился на все, что было написано вами. Благодаря полиции мне стоило долгих трудов отыскать в старых «Отечественных записках» ваши статьи — везде почти они были вырваны. Я их достал у мелких букинистов Москвы. Найти в вас такое ясное подтверждение *

---

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

[1] Судя по содержанию, это письмо написано ранее двух последующих — вероятно, вскоре после приезда Ханыкова в Гейдельберг, т. е. между маем и октябрем 1861 г.
[2] Петр Николаевич *Кудрявцев* (1816—1858) — профессор Московского университета, любимый ученик Грановского.

2

31 октября ⟨1861 г.⟩ Гейдельберг [1]

Несколько дней тому назад я писал вам, Александр Иванович, о моем намерении посетить Фейербаха [2]. Сегодня вернулся я от него, очарованный его ласковым приемом, его человечностью, которая проявляется в нем каждым словом, каждым приемом. Вас он знает; ему знакомы все почти ваши сочинения по немецким и французским переводам [3]. Он просил меня при случае заявить вам его глубокое уважение. Я ему подарил ваш портрет, чем он очень обрадован.

Я взялся за перевод его творений не с целью спекуляции. Я хотел только, чтобы гонорар переводчика сделался бы собственностью автора. Фейербаху более чем кому-либо нужна гарантия этих прав — это его кусок хлеба. Ему теперь надо еще иметь теплый угол для занятий. Состояние его расстроено. Преследования со стороны правительства, литературных врагов, педантов-профессоров, не дающих ему хода, — все это сильно потрясло, подломило, но не сломило его. Он борется с нуждой [4]. При самой безотрадной, неудобной обстановке он работает, и вскоре он будет печатать новые исследования по важным вопросам нравственной философии. Он стоит на настоящей точке зрения на природу. Он следит за всем, что есть нового в науке и литературе. Он обещал мне, в знак особенного сочувствия русскому движению, дать мне для перевода свою рукопись, прежде чем она ⟨будет⟩ напечатана, так что на русском языке трактат Фейербаха о «Свободе воли и материализме» будет читаться прежде, чем на немецком [5]. Вообще Фейербах зол на немцев, с которыми он ничего не имеет общего, кроме происхождения и пристрастия к пиву, что, однако, не делает его филистером. Он человек в высшей степени симпатичный.

Я ему указал на Трюбнера с тою целью, чтобы скорее и при соблюдении выгод обеих сторон можно было привести дело к концу. Фейербах предлагает Трюбнеру продолжать издание его сочинений в русском переводе, что будет, я думаю, приятно г. Трюбнеру. Он может и первый том издать под общим заглавием «Сочинений Фейербаха». Перевод «Сущности христианства», как я слышал, сделан Рыбниковым. Его имя ручается за достоинство перевода. Я лично знаю Рыбникова еще по университету [6].

Таким образом мне хотелось бы устроить, чтобы Фейербах получил бы долю выгоды из предполагаемого перевода. Что касается до меня, я приступаю к этому делу con amore *.

Что теперь делается в России? Вопрос этот так часто приходит мне в голову, и досада берет меня, когда я себе представляю, как нагло Александр Николаевич [7] будет после своего возвращения в столицу внушать студентам чувство законности, как высоко он будет ценить свою милость, что простит «виновных» после месячного морения голодом; да когда же кончится эта комедия? Не разрушить ли самый театр таких представлений? — взятием Бастилии народ показал свою **

[1] Год определяется по упоминающимся в конце письма событиям, связанным со студенческими волнениями в Петербургском и Московском университетах осенью 1861 г.

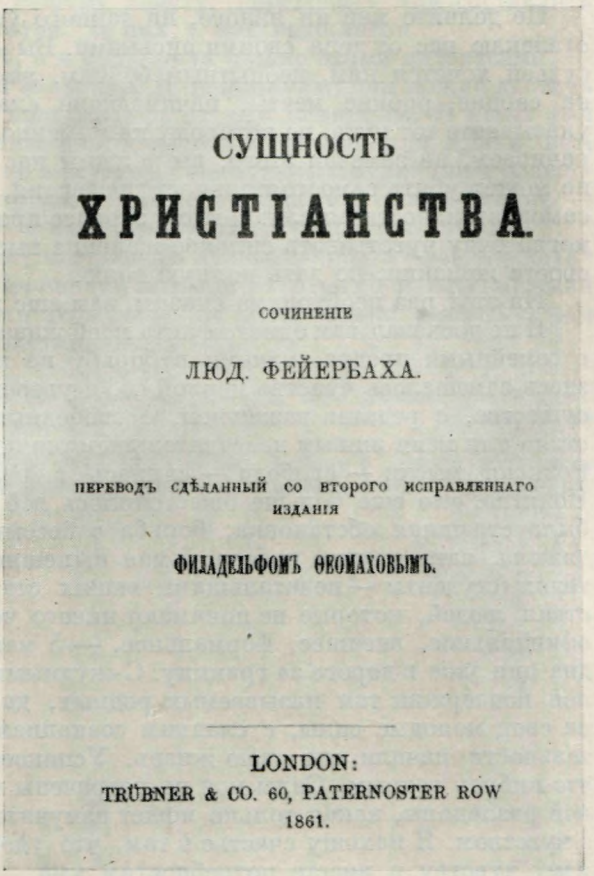
---

* с любовью (итал.),
** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

«СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА» Л. ФЕЙЕРБАХА. РУССКИЙ ПЕРЕВОД ФИЛАДЕЛЬФА ФЕОМАХОВА (П. Н. РЫБНИКОВА)

Издание Трюбнера, Лондон, 1861 г.

Титульный лист



СУЩНОСТЬ

ХРИСТІАНСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

ЛЮД. ФЕЙЕРБАХА.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАННЫЙ СО ВТОРОГО ИСПРАВЛЕННАГО ИЗДАНІЯ

ФИЛАДЕЛЬФОМЪ ѲЕОМАХОВЫМЪ.

LONDON:
TRÜBNER & CO. 60, PATERNOSTER ROW
1861.

[2] Это письмо Ханыкова неизвестно. Возможно, впрочем, что о своем намерении посетить Фейербаха Ханыков сообщил Герцену в несохранившейся части предыдущего письма.

[3] К этому времени в немецких и французских переводах вышло много работ Герцена, в том числе «С того берега» (Гамбург, 1850), «Письма из Франции и Италии» (Гамбург, 1850), «О развитии революционных идей в России» (Париж, 1851), «Прерванные рассказы» (Гамбург, 1858), начало «Былого и дум» (Гамбург, 1855; Париж, 1860).

[4] Имя Фейербаха стало ненавистно немецкой буржуазии сразу же по выходе в свет его первого крупного произведения «Мысли о смерти и бессмертии...» (1830). Все попытки Фейербаха получить профессорскую кафедру были безуспешны. Во время посещения его Ханыковым Фейербах переживал особенно острые материальные затруднения.

[5] Речь идет о сочинении Л. Фейербаха «Ueber Spiritualismus und Materialismus, besonders in Beziehung auf die Willensfreiheit»; на русский язык переведено не было.

[6] См. об этом в предисловии к настоящей публикации.

[7] Александр II.

3

1 ноября ⟨1861 г.⟩ Гейдельберг

Благодарить вас, Александр Иванович, я не могу. Все, что испытывает человек, имеющий живое, не разбитое еще сердце, когда получает знак сочувствия от дорогого, близкого, все наслаждение, которое дает удовлетворенное чувство, — все эти святые чувства пробудило во мне письмо ваше. Теперь я ваш, ваш навсегда! Вы поймете меня, если верите в мою искренность.

Не делайте мне ни явного, ни тайного упрека в том, что я так часто отвлекаю вас от дела своими письмами. Вы — *наша совесть*, перед таким судьей хочется нам, неопытным бойцам, высказать все, что у нас есть на сердце, робкие мечты, начинающие слагаться убеждения; вы нам указываете тот путь, по которому нам именно хочется идти, и если мы сворачиваем, не замечая этого, вы должны нас остановить. Ваш авторитет не может убить самостоятельности развития, потому что он держит знамя самодеятельности мысли. Потому заранее прошу вас позволить мне всегда, когда буду чувствовать сильное желание высказаться вам, не насиловать своего желания, но дать полную волю.

На этот раз необходимо сказать вам еще два-три слова о себе.

Я не досказал вам одного факта моей жизни, который превратил борьбу с семейными предрассудками в борьбу на жизнь и смерть, потому что здесь замешалось чувство первой (и, я уверен, последней) любви. Светлое существо, с редким развитием, с свободным сердцем, дерзкою мыслью стало для меня живым действительным олицетворением моих стремлений. Религия мысли — свобода — слилась с религией чувства — любовью. Понятно, что еще больше ожесточилось всё против нас. С обеих сторон была страшная обстановка; борьба с бессмысленными условиями была тяжела, зато сладка победа: 5 мая нынешнего года, при четырех свидетелях (студенты — печатальщики ваших статей), без тягостного присутствия людей, которые не понимают ничего человеческого, а только одно официальное, внешнее, формальное, — 5 мая мы были обвенчаны и чрез два дня уже в дороге за границу. С скудными средствами, без материальной поддержки так называемых родных, да зато с богатыми надеждами на свои молодые силы, с сладким сознанием независимости и самостоятельности начали мы свою жизнь. Успокоенный теперь, я могу быть на что-нибудь годным. Силы мои не потрачены на примирение самой страшной разладицы, какая только может измучить человека — борьбою мысли с чувством. Я нахожу счастье в том, что удовлетворяет моему нравственному чувству и вместе потребностям ума.

Теперь отвечу вам на ваше письмо. *Ковалевского* я не знаю лично, а Бакст [1] и другие, его знающие, отзываются о нем, как о благородном и хорошем человеке.

Что касается переводов, то, кроме Фейербаха, я непременно возьму на себя, по вашему совету, переводы по истории английской и французской революции [2]. Но скажите решительно: не лучше ли поработать над составлением эскизов да таких, которые могли бы быть пропущены цензурой? Чернышевский мастер в подобном деле. Его статья «Борьба партий во Франции» составлена была по Луи Блану и читалась с большим удовольствием лицами разного покроя. Воспитание — великий вопрос для нашей родины. *Как* воспитается поколение будущее, от этого зависит очень многое. Люди, которые себя посвящают на дело свободы России, должны преследовать эти две цели: воспитание с детского возраста на началах человечности и образование народа. Насчет первого я попытал мои силы, и я могу радоваться успеху: несколько молодых девиц и два мальчика проснулись и пошли работать дальше и идут к верной цели. Когда я встречаюсь с существом еще молодым, в переходную эпоху из детского возраста в юношеский, я стараюсь, прежде всего, будить в нем самосознание и толкаю его на определение себя относительно всего окружающего. Затем я с большими успехами давал всего Белинского. Его теплая душа так симпатично действует на молодое сердце. Он нравственно воспитывает человека. За Белинским ваши статьи довершают развитие: человек становится на ноги, оглядывается, ему легко, и он идет бодро вперед.

С таким умственно-нравственным развитием должно, конечно, идти и фактическое знакомство с природой и историей. Вот почему я почту

святым долгом последовать вашему совету: переводить или составлять популярные исторические статьи. В них у нас недостаток.

Вот и началась моя жизнь, и я буду жить только этими интересами, — другие для меня без смысла и значения. Я не понимаю, как можно достичь какого-нибудь успеха, если подчиняться разным влияниям. Я аскет для всего, что вне круга моих убеждений и чувств. Я не умер для жизни, нет, из нее хочу я черпать уроки, но я остаюсь равнодушен к будничным развлечениям, к тем явлениям, которые отнимают время, нарушают покой, — а он мне дорог, как условие ясного понимания и успешного труда.

Поблагодарите от лица всех нас нашего любимого поэта—вашего друга за его общение с нами. С нетерпением ждем его статьи [3]. В войске такая сила, которая может упрочить дело свободы. Надо только развить в нем не кровавые, а социальные инстинкты. Его *

[1] О В. О. *Ковалевском* и В. И. *Бакste* см. на стр. 259—272 настоящего тома.

[2] Были ли осуществлены Я. Н. Ханыковым эти переводы — установить не удалось.

[3] Речь идет о статье Огарева «Что надо делать войску?». Статья появилась в л. 111 «Колокола» от 8 ноября 1861 г. и затем была издана в виде листовки-прокламации.

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

А. А. ЧУМИКОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. Я. Полякова

Имя Александра Александровича *Чумикова* (1819—1902), педагога, литератора, издателя «Журнала для воспитания», связано с литературной деятельностью Добролюбова и Ушинского и давно известно их биографам. Однако напрасно мы стали бы искать в работах, посвященных названным деятелям, сколько-нибудь развернутой и углубленной характеристики Чумикова. О нем упоминают мимоходом, причем чаще всего уничижительно, как о человеке недалеком, а главное — лишенном какой-либо определенной общественной окраски. Подобного рода ошибочная трактовка деятельности Чумикова имеет хождение и в наши дни, причем опирается она всего только на один документ: на запись в дневнике юного Добролюбова о его первой, состоявшейся в 1857 г. встрече с издателем «Журнала для воспитания». Последующие же высказывания критика о Чумикове почему-то игнорируются.

В действительности Чумиков, чьи письма 1851 г. к Герцену мы публикуем, отнюдь не был ничтожеством или человеком без «направления». В конце сороковых и в начале пятидесятых годов он был приверженцем и пропагандистом идей Белинского, собеседником молодого Чернышевского, корреспондентом Герцена, т. е. характерным представителем разночинной молодежи, настроенной демократически и оппозиционно. В 1851 г. Герцен считал возможным звать Чумикова в эмиграцию, чтобы «работать вместе» (VI, 431).

Сын ревельского купца, Чумиков поступил в 1836 г. в Петербургский университет, на отделение восточной словесности. Кончил он курс в 1840 г. В университете Чумиков близко сошелся с некоторыми из будущих посетителей знаменитых «пятниц» Петрашевского. Особенно тесная дружба на почве идейной близости возникла у него с А. Н. Плещеевым, братьями А. Н. и В. Н. Майковыми и А. П. Милюковым. После окончания университета Чумиков уехал (в 1841 г.) за границу. Он побывал в Швеции (там он работал в архивах над материалами по русской истории), в Германии, в Англии, во Франции и других странах. В 1842 г. в Риме он познакомился с Огаревым, в Лондоне — с Редкиным, в Париже посещал вместе с Анненковым знаменитые лекции Адама Мицкевича по славянской литературе. На одной из лекций Чумиков послал Мицкевичу записку, упрекая его в крайне тенденциозном освещении событий русской истории, и на следующей лекции Мицкевич публично отвечал Чумикову.

В 1843 г. Чумиков вернулся в Россию. Он решил посвятить себя педагогике и был назначен помощником инспектора классов в Николаевском сиротском институте. В том же году он пытался вступить на литературное поприще. Лекции Мицкевича в изложении Чумикова приняты были в «Отечественные записки», но цензура не пропустила их («Русский архив», 1902, № 10, стр. 188—190; «Русская старина», 1899, № 9, стр. 617—618).

Важную роль в духовном развитии Чумикова после того, как он возвратился из-за границы, сыграл И. И. Введенский и его известный кружок. Сам Чумиков в своих воспоминаниях «Петербургский университет полвека назад» указывал, что идейная жизнь в кружке Введенского определялась теми оппозиционными настроениями, которыми «в большей или меньшей степени была заражена вся интеллигентная молодежь того времени, проникнутая тенденциями Белинского» («Русский архив», 1889, № 9, стр. 134). Для характеристики Чумикова существенный интерес предста-

вляет запись в «Дневнике» молодого Чернышевского (как известно, Чернышевский был одним из участников кружка). Вскоре после публичного объявления приговора петрашевцам Чернышевский встретил у Введенского Чумикова. 28 декабря 1849 г. он записал в дневнике: «Вечером был у Ир. Ив. Введенского. Разговор был о заговорщиках (петрашевцах. — *М. П.*). Когда я вошел, было уже человека четыре или пять, между прочим, Билярский и другой, как я после узнал, — Чумиков. Я сказал с ними по нескольку слов после. Чумиков умнее всех остальных говорил о заговорщиках (...) После говорили и о социализме и т. д. Чумиков решительный приверженец новых учений, и это меня радует, что есть такие люди и более, чем можно предполагать...» (Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 346).

Таким образом, Чернышевский в конце сороковых годов характеризует Чумикова как представителя русской передовой молодежи, увлеченной идеями утопического социализма, охваченной настроениями протеста против самодержавия и крепостного права. Запись Чернышевского свидетельствует также о том, что и после разгрома петрашевцев Чумиков не поколебался в своей «приверженности» к «новым учениям». Режим террора, наступивший в 1848—1849 гг., еще более усилил настроения политического протеста: вновь уехав за границу, Чумиков решил обратиться к Герцену. «Ратуйте, — пишет он, — на вас основаны все наши надежды».

В свете этих фактов становится очевидной неправильность тех характеристик Чумикова, в основу которых кладется отзыв о нем Добролюбова в дневнике от 12 января 1857 г. — отзыв, касающийся не политической физиономии, а только личных качеств Чумикова, его характера. Добролюбову Чумиков показался при первом знакомстве «простодушным, забитым человечком, несколько туповатым, скромным, имеющим притязание на честность, но, по глупости, вероятно не всегда честным» (Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. VI., М., 1939, стр. 448).

Давно уже следует внести коррективы в наше представление о том, как относился Добролюбов к Чумикову. Мнение о редакторе «Журнала для воспитания» молодой критик вскоре изменил. В своих печатных отзывах он постоянно давал положительную оценку не только «Журналу для воспитания» и статьям самого Чумикова, но и его личности. В «Заметках о журналах» Добролюбов подчеркивает добросовестность и серьезность издателя: «Это, — пишет он о журнале Чумикова, — предприятие серьезное и добросовестное, а не спекуляция, являющаяся под ученым покровом...» («Современник», 1857, кн. 4, стр. 346—350; ср. Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III. М., 1936, стр. 571).

«Журнал для воспитания», первый педагогический журнал в России, издавался Чумиковым с 1857 по 1860 г. в Петербурге, затем до 1863 г. в Москве. В журнале принимали участие Добролюбов, Ушинский, Редкин, А. Милюков, Лавров, Помяловский и др. Ушинский напечатал у Чумикова пять больших статей, в которых ставил проблему народности воспитания (см. К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. II. М., 1948, стр. 15—235 и 626—631).

Журнал сделался органом передовой педагогической мысли. В нем пропагандировалась необходимость обновления и демократизации образовательной системы, поднимались проблемы народности воспитания, ставились вопросы прогрессивной методики обучения, вопросы физического воспитания, вопросы коллегиального управления школой, велась борьба с реакционной педагогикой, с казенным патриотизмом. Сравнивая в сентябрьской книжке «Современника» за 1857 г. издание Чумикова с появившимся в том же году «Русским педагогическим вестником» Вышнеградского — органом, в котором «вялость и скука свили себе, кажется, прочное гнездо», Добролюбов писал, что «Журнал для воспитания» «заслуживает большего почтения. Статья самого редактора „Мысли об устройстве женских училищ в губернских городах“ умна по содержанию и хороша по изложению (...) Вообще „Журнал для воспитания“ г-на Чумикова по многим своим статьям заслуживает, чтоб на него обратила внимание публика. Пока это лучший из педагогических журналов» («Современник», 1857, кн. 9, отд. «Совр. обозрение», стр. 161; ср. Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III. М., 1936, стр. 665).

Сам Добролюбов был одним из наиболее активных сотрудников нового журнала: в течение двух лет (1857—1859) он напечатал там несколько десятков статей и рецензий, посвященных в основном детской и педагогической литературе. Принципиальные боевые выступления Добролюбова сообщали журналу новое направление: благодаря им журнал Чумикова и сделался одним из органов передовой общественной мысли (см. В. Ж д а н о в. Николай Александрович Добролюбов. М., 1951, стр. 314).

Однако, когда революционное движение шестидесятых годов пошло на убыль, Чумиков постепенно эволюционировал вправо и, прожив долгую жизнь, закончил свой общественный путь «благонамеренным» чиновником.

Впрочем, эти годы жизни Чумикова находятся далеко за пределами интересующего нас периода его биографии, той поры, когда он был настроен оппозиционно и участвовал в борьбе демократического лагеря против самодержавия и крепостного права.

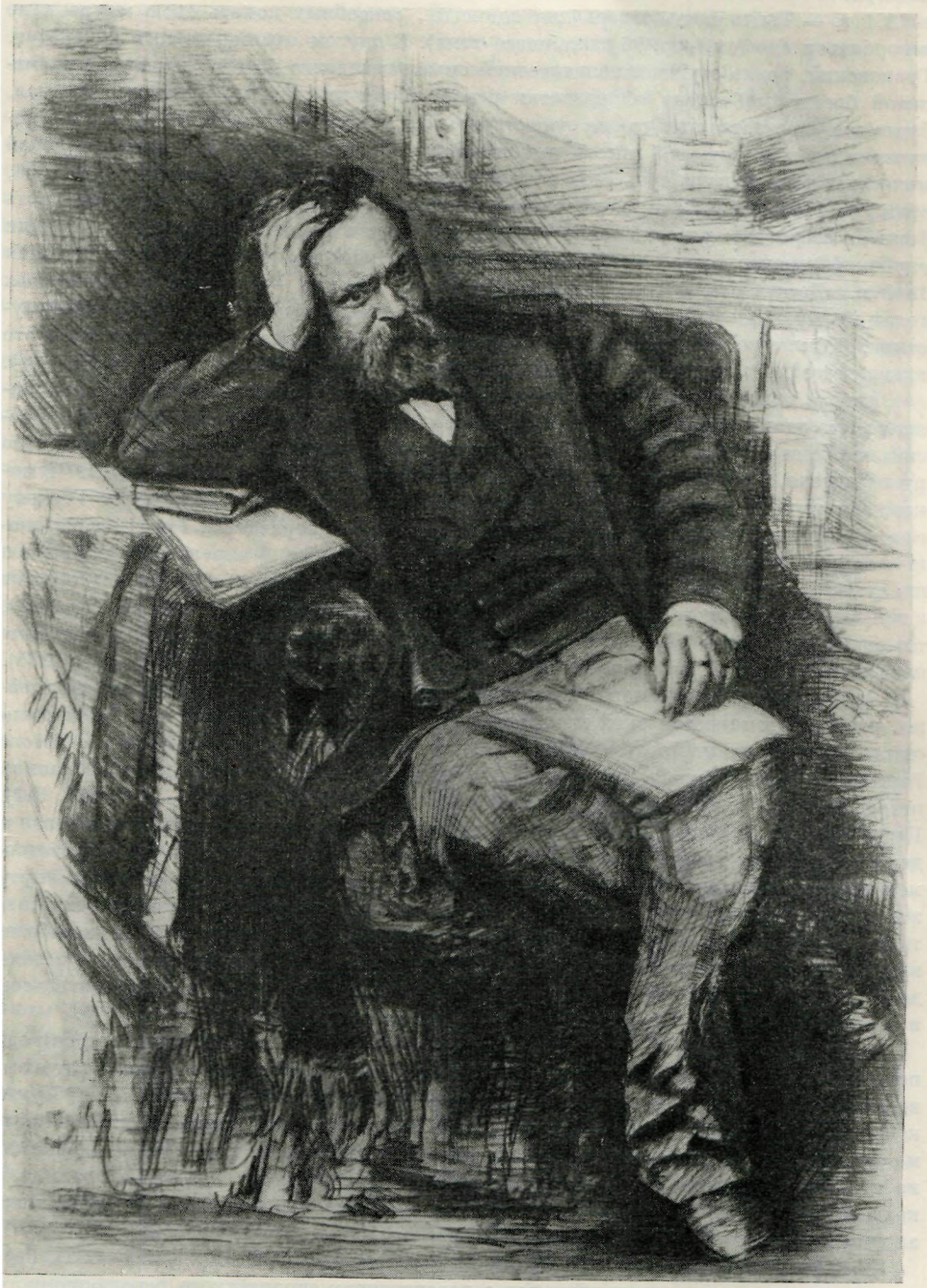
Наиболее важным эпизодом идейной биографии молодого Чумикова является, несомненно, его переписка с Герценом. До сих пор мы могли судить о ней на основании всего лишь одного письма Чумикова и трех писем Герцена, из которых одно было напечатано Герценом в «Колоколе» в виде полемической заметки (VI, 427—432; X, 52—53, 56—59; «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 234—236). Сохранившиеся в «пражской коллекции» три письма Чумикова (два из них в отрывках) позволяют осветить эту переписку с гораздо большей полнотой. Возникла она по инициативе Чумикова в самом начале пятидесятых годов, когда царское правительство объявило Герцена лишенным всех прав состояния и навсегда изгнанным из России. В это время Герцен уже предчувствовал неизбежный разрыв с большинством своих прежних московских друзей—либеральных «западников» и, вместе с тем, не имел еще почти никаких связей с представителями более молодого поколения демократической разночинной интеллигенции в России. Вот почему письма неизвестного русского молодого человека, который выражал восторженное преклонение перед авторитетом Герцена, заявлял о сочувствии его деятельности и снабжал его свежей политической информацией и материалами, были для Герцена настоящей радостью, живой поддержкой из России, тем более, что Чумиков выступал не только от своего лица, но и как представитель целой группы единомышленников.

22 июля 1851 г. Чумиков, находившийся тогда в Париже, написал Герцену в Ниццу. Это его первое письмо до нас не дошло. Судя по ответному письму Герцена, Чумиков горячо приветствовал начавшуюся заграничную литературную деятельность автора «С того берега» и предлагал в распоряжение Герцена важные «материалы», привезенные из России. Из публикуемых писем Чумикова мы узнаем, что этими «материалами» (или частью их) были: текст знаменитого «Письма Белинского к Гоголю» и какой-то «список» лиц, из которого Герцен мог усмотреть, что «либералы есть во всех слоях общества». Герцен немедленно откликнулся на письмо Чумикова: «Письмо Ваше от 22 июля * я получил, — писал Герцен 27 июля 1851 г., — и спешу искренно поблагодарить Вас за него. Мне так редко удается слышать симпатическое слово по-русски, хотя я и не сомневаюсь в некотором сочувствии к моим трудам. Не сомневаюсь я потому, что источник их — одна любовь к России, к народу *будущего*. Я никогда не чувствовал яснее, насколько я русский, как в последние годы. Благодарю Вас за предложение и принимаю его с радостью» (VI, 427—428).

Письмо Чумикова пришло в ту пору, когда начатая Герценом острая критика западноевропейской буржуазной демократии и первые опыты революционной агитации, предпринятые им, подверглись осуждению со стороны его ближайших друзей по московскому кружку. Начавшуюся борьбу либерального лагеря против революционных позиций Герцена идейно возглавлял Грановский. Поддерживаемый Боткиным, Коршем, Кетчером и другими московскими либералами, Грановский пытался внушить Герцену, что, перейдя на положение эмигранта, он оторвался от насущных вопросов русской жизни и что содержание его последних литературных работ не встречает

---

* У Лемке (VI, 427) опечатка: «22 июня».



ГЕРЦЕН
Офорт В. В. Матэ, около 1900 г.
Русский музей, Ленинград

поддержки в России. «Ты стоишь одиноко (...), — писал Грановский Герцену в 1851 г. — Ты пишешь теперь для немногих, способных понять твою мысль и не оскорбиться ею» (см. стр. 96 настоящего тома). В другом письме, от того же 1851 г. Грановский, резко осуждая политический смысл незадолго до того вышедшей знаменитой брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России», утверждал, будто эта «несчастная книга» не существует «для народа или публики», будто «ее получат и прочтут пять или шесть аристократов», будто любовь к Герцену русской молодежи должна погибнуть «под влиянием жалкой брошюры» («Звенья», VI, 1936, стр. 356—358). Эти упреки, за которыми скрывалось стремление либералов заставить Герцена свернуть с революционного пути, причиняли Герцену боль; они усложняли глубокий идеологический кризис, переживавшийся им после поражения революции 1848 г. «Десять раз, — вспоминал впоследствии Герцен, — говорил я о страшных годах между 1850—1855, об этом пятилетием безотрадном искусе в многолюдной пустыне. Я был совершенно одинок в толпе чужих и полузнакомых лиц... Русские в это время всего меньше ездили за границу и всего больше боялись меня» (XVI, 505).

Вполне понятно поэтому, что письма неизвестного русского друга, который заявлял, что он обращается к автору брошюры «О развитии революционных идей в России» от имени русской свободолюбивой молодежи, видящей в Герцене своего идейного руководителя, Герцен должен был воспринять с чувством глубокой радости. Чумиков, сам того не зная, полемизировал с Грановским; его письма помогли Герцену еще крепче поверить в молодые силы протестующей и борющейся России и установить связь с демократической молодежью. Два года спустя, 6 апреля 1853 г., Герцен писал М. К. Рейхель, имея в виду именно письма Чумикова: «Вся задача состоит в том, чтоб увлечь людей в постоянные сношения; кто эти люди, я не знаю, вероятно, тот молодой человек (Чумиков), который анонимно мне писал энергические письма по-русски в Ниццу, и другие, вроде Петраш(евского), Спеш(нева)» (VII, 205).

Письма Чумикова — новое доказательство огромного влияния Герцена на идейное развитие демократической молодежи сороковых годов. Упоминаемая Чумиковым статья «Петербург и Москва», написанная в 1842 г., «обошла, — по словам самого Герцена, — всю Россию в рукописных копиях» (III, 8); она читалась на собраниях петрашевцев («Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., 1951, стр. 248, 275—276, 281, 312). Петрашевец Н. С. Кашкин в своей речи о задачах общественных наук использовал и даже текстуально воспроизвел некоторые положения работы Герцена «О дилетантизме в науке». Обращаясь к Герцену, В. А. Энгельсон вспоминал, как в тяжелую минуту жизни попалась ему одна из «полных бодрости, дышащих силою статей „О дилетантизме в науке“, напечатанная в журнале, который редактировал наш незабвенный Белинский». «Я читал эту статью(...), — свидетельствует Энгельсон, — затаив дыхание, потому что здесь была для меня новая жизнь» («Владимир Энгельсон и его письма к А. И. Герцену».—«Всемирный вестник», 1907, № 1, стр. 67).

Устанавливая связь с Герценом, Чумиков совершил по тому времени своего рода подвиг. Позже к Герцену в Лондон русские посетители хлынули широким потоком, но в 1851 г. сношения с великим изгнанником требовали известного мужества; Чумиков знал, что французская полиция и русское посольство могут подвергнуть его письма перлюстрации; правда, Чумиков не всегда подписывался под своими письмами, но так как в эти годы лишь немногим русским удавалось вырваться за границу и каждый находился под особым наблюдением, — всякие сношения с Герценом, даже анонимная переписка, были делом рискованным.

В следующем своем письме к Чумикову, от 9 августа 1851 г. (VI, 428—432), Герцен поделился с ним своими мыслями о перспективах европейского революционного движения, назвав французских рабочих «истинными надеждами истории и человечества». Именно в этом письме Герцен написал замечательные слова, формулируя свои взгляды на коммунизм: «Коммунизма бояться нечего, он же неотвратим, это будет истинная ликвидация старого общества и введение во владение нового». Герцен сообщил Чумикову свой взгляд на русский народ, как на «*народ будущего*», — взгляд, который лег в основу русского утопического крестьянского социализма (VI, 430).

Герцен правильно определил, что полученные им письма исходят от человека, связанного с кругами петрашевцев. В «энергических письмах» обсуждались действительно те самые вопросы, которые стояли в центре внимания петрашевцев: как организовать пропаганду против крепостничества и самодержавия.

Существенный интерес представляет первое из публикуемых писем — от 5 августа 1851 г. Чумиков предлагает расширить пропаганду русских оппозиционных и революционных идей при помощи печатного станка за рубежом. Он советует «напечатать за границей все то, что ходит рукописно по России, начиная с Пушкина», и предлагает Герцену опубликовать знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю» (список он привез из Петербурга с собой). Кроме того, Чумиков намеревался и сам популяризировать этот документ, написав о нем для иностранных читателей специальную статью, что и было им вскоре выполнено. Статья была напечатана в штутгардтской газете «Das Ausland».

Передавая Герцену в 1851 г. список «Письма Белинского к Гоголю», Чумиков тем самым продолжал дело распространения этого выдающегося революционного документа, начатое в 1849 г. петрашевцами и оборвавшееся, когда кружок был разгромлен. (История первого сообщения о «Письме» в печати и первой его публикации подробно освещена в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 530—544, где приведено впервые обращение Чумикова к Герцену, а также в работе: Ю. Г. Оксман. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XXXI, 1952, стр. 160—166).

Одновременно Чумиков сообщал Герцену некоторые сведения о петрашевцах и о их следственном деле. Сведения эти, представляющие ценность и для современного историка, должны были, несомненно, заинтересовать Герцена. Нужно думать, что он просил Чумикова продолжить информацию о судьбах петрашевцев, привлеченных к следствию и суду. Во всяком случае, второе из публикуемых писем — письмо от 9 августа — содержит дополнительные сведения о деле Петрашевского и его общества. К сожалению, начало письма не сохранилось. Другая важная тема этого письма — полемика с несколькими положениями брошюры «О развитии революционных идей в России» (Герцен послал Чумикову брошюру в ответ на его первое письмо). Особенно резко Чумиков возражал против сделанной Герценом знаменитой ныне характеристики Пушкина и его поэзии. Герцен писал о Пушкине как о поэте глубоко национальном, подлинно народном, который не только «не был ни царедворцем, ни сторонником правительства», но, напротив, был голосом передовой России (VI, 353—359). Чумиков же считал, что Пушкин в последние годы жизни был приверженцем правительства, и сурово осуждал его. Это ошибочное восприятие общественной позиции Пушкина характерно для части разночинной интеллигенции того времени (см., например, знаменитое письмо «Русского человека» в «Колокол», юношеские рукописные газеты Добролюбова, статьи Писарева и др.).

Третье письмо Чумикова, как и второе, дошло до нас не в полном виде. Написано оно в половине августа 1851 г. (не ранее 12 числа) и является ответом на цитированное выше герценовское письмо из Ниццы от 9 августа 1851 г. В этом письме Чумиков ставит вопрос о более тесной связи русских передовых людей с Герценом и революционной пропаганде в России. «Неужели вы, эмиграция, не поможете нашему ретивому юношеству...», — пишет он. Та же тема проходит и через четвертое, дошедшее до нас письмо Чумикова, опубликованное в № 5 «Голоса минувшего» за 1913 г. Когда летом 1859 г. Чумиков снова оказался за рубежом, он в письме к Герцену из Любека от 28 июня 1859 г. резко писал о необходимости более широко и энергично поставить дело пропаганды герценовских изданий в России. Спор о способах распространения этих «апостольских посланий», — как выражается Чумиков, — продолжался и в той части их переписки, которая до нас не дошла, но о существовании которой свидетельствует следующее место из письма Чумикова к Герцену от 28 июня 1859 г.: «Несмотря на ваши оправдания в письме, полученном мною с благодарностью в Гамбурге, я продолжаю о том же предмете, т. е. о наружных средствах распространения апостольских посланий» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 234).

Предложения Чумикова, сделанные в «начальническом тоне» и к тому же непрактичные, на этот раз рассердили Герцена. Он ответил на поучения Чумикова письмом от 7 июля 1859 г. и специальною статьею в «Колоколе» — «Выговор по службе» (X, 52—53 и 56—59).

На этом обрывается дошедшая до нас переписка Герцена и Чумикова — одна из ранних попыток передовой разночинной молодежи России завязать непосредственную связь с Герценом.

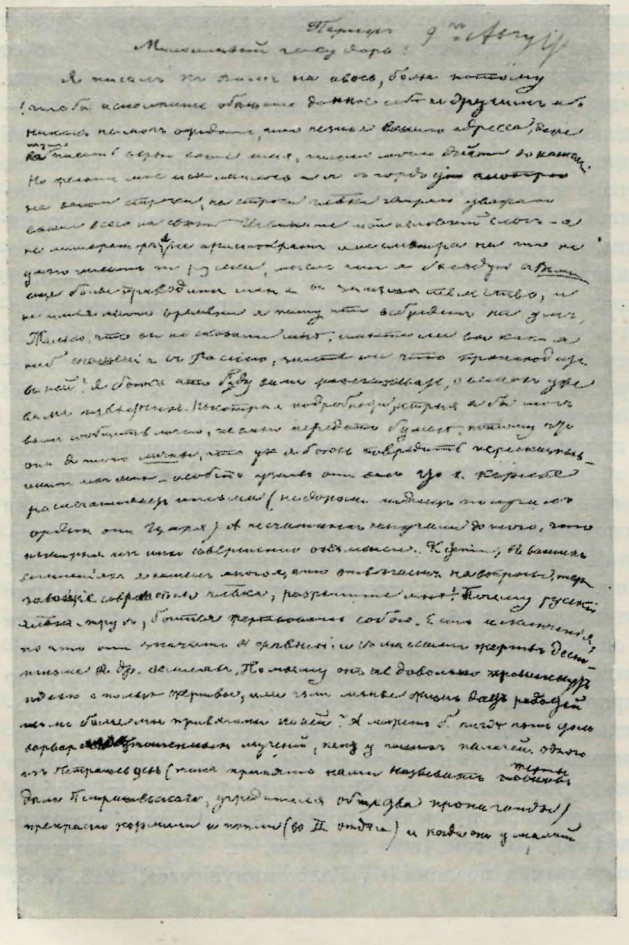
Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 132).

1

Париж. ⟨5 августа 1851 г.⟩[1]

Милостивый государь!

Я писал к вам на авось [2], более потому, чтобы исполнить обещание, данное себе и другим, ибо никак не мог ожидать, что, не зная вашего адреса, даже не умея писать верно ваше имя, письмо могло дойти до назначения. Но желание мое исполнилось, и я с гордостию смотрю на ваши строки, на строки человека, которого уважаю выше всего на свете. Извините мой неловкий слог — я не литератор, я не аристократ и, несмотря на то, не умею писать по-русски; мысль, что я беседую с *вами*, еще более приводит меня в замешательство, и, не имея много времени, я пишу, что взбредет на ум. Жалко, что вы не сказали мне, имеете ли вы какие-нибудь сношения с Россиею, знаете ли, что происходит в ней? Я боюсь, что буду вам расска-



АВТОГРАФ ПИСЬМА А. А. ЧУМИКОВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 5 АВГУСТА 1851 г.

Лист первый

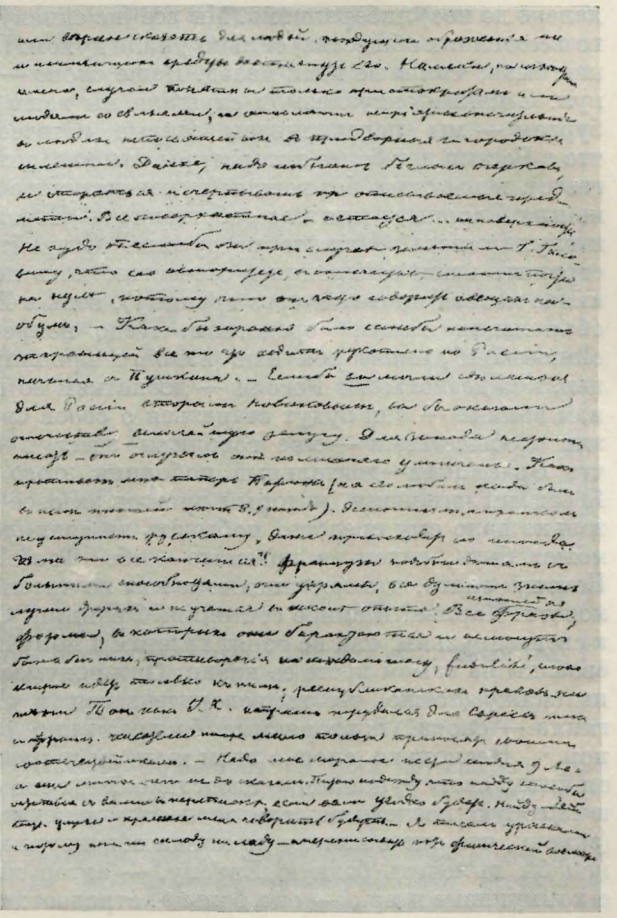
Сверху помета рукой Герцена: «9-го августа»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. А. ЧУМИКОВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 9 АВГУСТА 1851 г.

Лист последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва



зывать о вещах, уже вам известных. Некоторые подробности, которые я бы мог вам сообщить лично, не смею передать бумаге, потому что они до того *личны*, что я боюсь повредить пересказывавшим их мне, особенно узнав от вас, что г. Карлье [3] распечатывает письма (недаром подлец получил орден от царя). А несчастных напугали до того, что некоторые из них совершенно онемели. Кстати, в ваших сочинениях я нашел многое, что отвечает на вопросы, терзающие современного человека; разрешите мне: почему русский человек — трус, боится жертвовать собою? Есть исключения, но что они значат в сравнении с массами жертв деспотизма в других землях. По-моему, он не довольно проникнут идеею о пользе жертвы, или чем менее жизнь дает радостей, тем более мы привязаны к ней? А может быть, нигде нет столь варварски-утонченных мучений, как у наших палачей. Одного из петрашевцев (так принято нами называть жертв дела Петрашевского, учредителя общества пропаганды) прекрасно кормили и поили (в III Отделении *) и, когда он, усталый, сладко засыпал, будили вопросами, пытали — и таким образом не давали спать несколько суток кряду... Другого, поручика гвардии Момбелли, — horribile dictu, — нагого, по горло закапывали в сырой песок! [4] Скажите, что вы думаете об этом заговоре? Мог ли он к чему-нибудь повести? А общество существовало два года, и полиция не знала. Неосторожный Петрашевский набирал прозелитов без всякого разбора и тем погубил дело (не свободы,

* *В подлиннике описка*: во II отделении.

далеко до нее) либерализма. Мы все (по списку увидите, что либералы есть во всех слоях общества) сильно упали духом. Посоветуйте нам, что делать, как быть, чтобы не идти назад. Ваше слово — для нас закон, вы наш оракул. С каким энтузиазмом слушали мы ваше сравнение Москвы с Петербургом — мы перечитываем старые «Отечественные записки», потому что в России нет более литературы. Вы авторитет (а *нас* более, чем вы полагаете), и мы стадо без вождя: руководствуйте нами, пишите более, только не для Европы, а для нас собственно — Европа вас не поймет, она слепа и глуха теперь! Пишите по-русски. Старайтесь найти средство распространять ваши сочинения в отечестве, хоть посредством аэростатов (если иначе нельзя провезти чрез границу), ведь в Берлине уже разбрасывают объявления таким средством. Надо непременно организовать presse clandestine*, иначе сон наш надолго продлится. Заинтересуйте европейцев, ибо деспотизм в России — деспотизм во всей Европе; пусть помогут нам поляки — они будут стараться о своей свободе. Вы, вероятно, в связях с обществами — мне говорили здесь в «Propagande démocratique», что Браницкий—деятельный поборник этого святого дела [5]. Что же я? Я бедный чиновник, который дрожит за свое жалованье, потому что оно только дало ему средство побывать за границей, нашалить и чрез месяц, может быть, сидеть в каземате— ибо Teufel, deine Macht ist gross! ** Почему знать, что мое письмо к вам не читал здесь г. Киселев [6] при помощи г. Карлье? Жалкое состояние Франции! С какой вестью возвращусь я к своим друзьям; они не верят газетам и поручили мне узнать о положении свободы на самом месте ее казни. Они подумают, что я с ума сошел, когда им скажу (то же, что вы говорите в вашем «Vom andern Ufer»): Европа гнила — слова, повторяемые беспрестанно славянофилами или Бурачком [7]. Несколько слов о этом жалком дураке. Зимою, в одном обществе он читал свою рукопись — следствие бесед его с иезуитом Иннокентием [8] — и которую последний советовал ему напечатать на французском языке (замечу, что она с начала до конца нецензурна). Дело, видите, идет о том, как бы вылечить бедную Европу, — автор много читал, думал, говорит о коммунизме и пр., — она больна, страдает; советует принять ей греческую веру как единое спасение, и затем следует топография... *рая*!!! Ему заметили: знает ли он своего пациента, был ли он в Европе? — «Нет», был его ответ. А человек, право, неглупый и благородный и не ханжа. Замечательное явление — потому что характер! Не должно судить о славянофилах по Шевыреву, сочиняющему сонеты чудотворному образу богородицы; есть между ними люди со светлым взглядом, и я уверен, что, выкапывая из-под хлама и грязи славянщину, они не без задней мысли — именно действовать внизу, на народ, сблизиться с ним и для того, чтобы он не пугался их, — сбросить европейщину... Недаром правительство стало отказываться от *народ⟨ности⟩* *** [9]. Бояться их нечего — если esprit de parti **** и можете их ⟨...⟩ *** все-таки они дети века и не могут сбросить с себя ⟨...⟩ ***, т. е. человеческое образование. Не думайте, чтобы я был их партизан — я как утопающий, хватаюсь за всё!

Читали ли вы Милюкова «Очерк истории русской поэзии»? Это первый опыт истории оппозиции в России (напечатано в 1847 г.) или, если хотите, революционных идей. Он хвалит там только те произведения, в которых бичуют Россию. Он учитель — и за эту книгу в 1849 г. отставили его из гимназии и из кадетского корпуса (Ростовцев и Мусин-Пушкин). Она, впрочем, не что иное, как эссенция (свод) идей Белинского о русской литературе [10]. А известно ли вам письмо сего последнего к Гоголю?

---

* подпольную печать (франц.).
** дьявол, сила твоя велика! (нем.).
*** Оторван угол письма — *Ред.*
**** дух партии (франц.).

Вероятно, оно явится скоро в немецких и французских газетах, а если нет (до октября), то не худо бы вам его напечатать где-нибудь — оно имеет интерес уже потому, что за него пострадали Достоевский (в каторжную работу) и Плещеев (в солдаты). Я пошлю вам его, равно и еще кое-что, указанным вами путем [11]. Что касается до материалов, то я, не ожидая от вас ответа, составил для журнала «Ausland» маленькую статью, как бы введение к письму Белинского, и препровождаю вам ее. Более подробностей я не вправе сообщить, ибо они мне вверены по секрету, но я постараюсь вам переслать впоследствии еще что-нибудь, ибо один из ускользнувших участников общества намерен написать о нем. Им предлагали письменные вопросы (между прочим: «Читали ли вы Fourier? Зачем не читали?!») и требовали же таких ответов, в которых должно было содержаться полное profession de foi *. Ответы писались на пятидесяти и более листах! Все это сохранено, и легко узнать могут, что́ кем пересказано.

Скажите ваш постоянный адрес! Куда даже чрез полгода можно вам писать.

Отвечайте мне на эту посылку в Берлин poste restante [12]. Я уеду из Берлина 29 августа нового стиля.

[1] Дата письма определяется ответным письмом Герцена: 9 августа 1851 г. Герцен писал Чумикову: «Письмо Ваше от 5 получил я вчера» (VI, 428). На публикуемом письме карандашная помета Герцена: *9-го августа*.

[2] Речь идет о несохранившемся письме Чумикова к Герцену от 22 июля 1851 г., на которое Герцен ответил 27 июля 1851 г. (VI, 427—428).

[3] Пьер *Карлье* (1799—1858) — префект парижской полиции. Он находился в тесной связи с царским посольством в Париже и оказывал постоянную помощь III Отделению.

[4] О применении насилия и пыток при следствии по делу петрашевцев сообщается также в ранее неизвестной «Записке» Ф. Н. Львова и М. В. Буташевича-Петрашевского, публикуемой в т. 63 «Литературного наследства» по рукописи из «софийской коллекции».

В статье о Петрашевском В. Энгельсон писал: «Один из осужденных, лейтенант Момбелли, после мучений, которые он потерпел во время следствия, страдал от костоеды» (VI, 158). Кроме того, в той же статье Энгельсон сообщал, что после объявления приговора Момбелли на некоторое время был оставлен в госпитале (там же).

[5] К. В. *Браницкий* — бывший флигель-адъютант Н олая I (см. о нем выше, на стр. 62 наст. тома). В 1848 г. он уехал за границу. бладая большим состоянием, Браницкий материально поддерживал правое — а истократическое — крыло польского национального движения. В подлиннике письма фамилия Браницкого густо зачеркнута другими чернилами.

[6] Н. Д. *Киселев* (1800—1869) — русский посол во Франции.

[7] С. А. *Бурачек* (1800—1876) — редактор реакционного журнала «Маяк», посмешище прогрессивной печати.

[8] Повидимому речь идет об Иннокентии, архиепископе Херсонском.

[9] С усилением реакции правительство готово было видеть революционную опасность *даже в уваровском лозунге официальной народности. О том, что реакционные* чиновники Д. П. Бутурлин и С. Г. Строганов обвиняли Уварова в «демократизме», см. в *воспоминаниях П. В. Анненкова*, Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. — «Былое», 1922, № 18, стр. 8.

[10] В книге А. П. Милюкова (1817—1897) «Очерк истории русской поэзии» действительно использовано много мыслей и высказываний Белинского. Однако в целом «Очерк» не только не отражает историко-литературной концепции гениального критика, а наоборот уводит от его революционно-демократических взглядов в сторону либеральной идеологии, представителем которой являлся Милюков.

[11] Герцен рекомендовал Чумикову писать ему либо через известного парижского книгопродавца Франка, либо через банкира Ротшильда.

[12] По свидетельству Герцена Чумиков посылал ему свои письма анонимно (VII, 205). Однако, в настоящем письме, после указания на poste restante, была написана фамилия (подлинная или условная); угол листа с этой фамилией оторван, на краю обрыва сохранилась часть штрихов от зачеркивания.

---

* исповедание веры (франо.).

2

⟨Париж. 9 августа 1851 г.⟩ [1]

Вот еще некоторые черты:

Белецкий, учитель, бывший однажды на вечере у Петрашевского, был также схвачен и отвезен, равно как и все другие, на время в III Отделение*; там Орлов [2] за смелые ответы сказал, указывая на него: «Заприте эту *каналью*». Потом как не принимавший активного участия в обществе выпущен, но, к его несчастию, встретил Иуду-предателя Антонелли (чиновника Перовского, который записывал все, что происходило у Петрашевского) на улице и обругал его, при стечении публики, подлецом и пр. За это его опять взяли и отправили в Вологду; ему запрещено учить и служить, и казна дает всего пять рублей серебром на содержание — живи, как хочешь! [3] В Вологду же сослан тот замечательный помещик-коммунист (à la lettre **), разделивший свою землю между своими крестьянами. Сначала все шло хорошо, но дьячок того села стал подговаривать соседних крестьян, чтобы они требовали от своих помещиков *** того же... и т. д., и т. д. Посещавший собрания у Петрашевского чиновник 7-го класса Бело-Согло (или Соколов) разжалован в 14-й класс и сослан в Петрозаводск [4]. Он обязан быть на вечерах у губернатора сего града Писарева; если он на них молчит, то Писарев ругает его при всех (как ругает офицер солдата), если говорит — также худо! Самое ужасное, что эти люди пользуются мнимою свободою и терпят нищету и уничижение. Плещеев, поэт с дарованием, — некоторые его стихотворения (не печатанные) не уступают пушкинским запрещенным, — в солдатах в Оренбурге; мать его просилась туда ехать — не пустили. Мать Петрашевского в угодность царю проклинала своего сына и сказала, что проклинает тот час, в который родила его. Она рада, что сослали сына — ей достался дом, принадлежавший ему. Живущие в этом доме один чиновник-поляк и один уездный учитель были также схвачены. Хватали кого попало. Достоевских, братьев, одного из них продержали невинно в крепости три месяца и потом как в вознаграждение дали 200 р. с. [5], а ⟨у⟩ него трое детей и беременная жена были без куска хлеба; хорошо, что Краевский помогал им.

При вас ли было дело Афендина, сосланного солдатом на Кавказ?

Ведете ли вы переписку с Головиным? Я читал недавно его «Mémoires d'un prêtre russe» ****[6]. Как ему не стыдно так бессовестно лгать! Что страница, то ошибка.

Я был бы человек без мнений или бессовестный льстец, если бы сказал, что во всем с вами согласен (касательно вашей последней книги)[7]. Позвольте сделать несколько замечаний и рад буду, wenn Sie mich eines andern belehren wollen *****.

Pag. 59, lin. 4—12[8]. Ломоносов не был homme du monde ******, Кантемир и Сумароков (последний в свое время имел большой вес) и даже Державин—не салонные писатели и parfois ******* погрязнее худших немцев (которых вы, кажется, вообще худо жалуете).

Pag. 77, lin. 12. Пушкина никто теперь не читает. Доказательство, что не может состояться нового издания и старое не возвысилось в цене.

Pag. 79, lin. 13. Пушкин занимался русскою историею менее всякого школьника; и уже одно намерение написать историю Пугачевского бунта

---

* *В подлиннике описка*: во II Отделение
** буквально (франц.).
*** *В подлиннике описка*: крестьян
**** «Воспоминания русского священника» (франц.).
***** Если вы захотите меня поучить уму-разуму (нем.).
****** светским человеком (франц.).
******* иногда (франц.).

показывает, что соглашался коверкать факты; время ли теперь писать вообще какую-нибудь историю русскую?

— lin. 3 снизу. Никто не поверит! Одно заглавие «Клеветникам России» уже мерзко!

Pag. 80, lin. 2 снизу. Мог ли Онегин ждать политических или социальных перемен — это просто fat Невского проспекта.

Pag. 86, lin 3. Неужели это ваше мнение или вы не нашего поколения; мы полагаем, что он очень кстати убрался ad patres*, потому что забыл язык «пророка». Я был в то время в университете— люди с принципами сговорились не идти на похороны [9].

Pag. 105. Первые труды Полевого в Петербурге помещались в «Библиотеке для чтения» [10], там началось его падение.

Pag. 106. Сенковский никогда не был академиком.

Pag. 110. Как различны мнения! В нашем кругу так радовались статье Чаадаева; бывает боль, сопровождаемая каким-то сладострастным ощущением [11].

Pag. 133, lin. 10 снизу. Не знаю, все, кого я знал, приходили в восторг от статей Белинского, и «Отечественные записки» обязаны ему доброю половиною своих подписчиков. Противоречит с pag. 130, lin. 7 снизу [12].

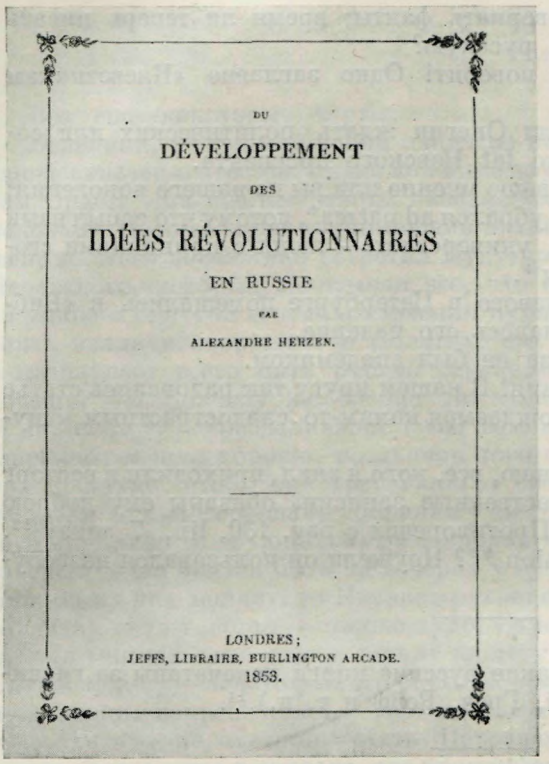
Pag. 149. Что значит exagération **? Неужели он пользовался незаслуженным удивлением? [13]

Мне бы желательно знать, какие русские книги напечатаны за границей (разумеется, не Жуковский, Греч, Рейф и т. п.) [14].

Все книги, писанные против русского правительства по-французски не французами, не читаются иностранцами, исключая разве немногих любознательных немцев, и потому, по-моему, надо иметь в виду только одних русских, и, если их писать для пользы отечества, надо назначать их для среднего класса или, вернее сказать, для людей, жаждущих образования, но и не имеющих средств достигнуть его. Намеки на известные имена, случаи понятны только аристократам или людям со связями и оставляют неприятное впечатление в людях, не посвященных в придворные и городские сплетни. Далее, надо избегать беглых очерков и стараться исчерпывать описываемые предметы. Все поверхностное остается... на поверхности. Не худо, если бы вы при случае заметили г. Головину, что его авторитет в отечестве стоит почти на нуле, потому что он часто говорит о вещах наобум.—Как бы хорошо было, если бы напечатать за границей все то, что ходит рукописно по России, начиная с Пушкина. Если бы *вы* могли сделаться для России вторым Новиковым, вы бы оказали отечеству величайшую услугу. Для Запада не стоит писать — он оглупел от излишнего умничанья. Как противен мне теперь Париж (а я его любил, когда был в нем юношей, лет восемь, девять назад); деспотизм и произвол не уступает русскому, даже превосходит его иногда. Чем это все кончится?! Французы подобны детям с большими способностями; они упрямы, всё думают знать лучше других и не учатся в школе опыта. Всё изношенные фразы, формы, в которых они барахтаются и не могут быть без них; противоречия на каждому шагу; futilité *** — слово, которое идет только к ним; республиканских нравов—ни тени. Так, как Иисус Христос

---

* к праотцам (лат.).
** преувеличение (франц.).
*** пустота (франц.).


DU

DÉVELOPPEMENT

DES

IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES

EN RUSSIE

PAR

ALEXANDRE HERZEN.

LONDRES;
JEFFS, LIBRAIRE, BURLINGTON ARCADE.
1853.

«DU DÉVELOPPEMENT DES IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES EN RUSSIE» («О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»)

Второе отдельное издание книги, Лондон, 1853 г.

Обложка

напрасно трудился для евреев, так и французские писатели мало пользы приносят своим соотечественникам.

Надо мое маранье нести—сегодня 9 августа,—и еще многое, чего недосказал. Питаю надежду, что найду способы остаться с вами в переписке, если вам угодно будет. Найду людей, которые умнее и красивее меня говорить будут. Я писал урывками, а потому нет ни складу, ни ладу, а переписывать нет физической возможности.

[1] Дата письма указана ниже самим Чумиковым: «Надо мое маранье нести — сегодня 9 августа».

[2] А. Ф. *Орлов* — начальник III Отделения и шеф жандармов.

[3] П. И. *Белецкий* (1819—?) — преподаватель истории в кадетских корпусах. У Петрашевского он не бывал, но его оговорил Антонелли. 9 июля 1849 г. Белецкий был освобожден с отдачей под надзор полиции и с запрещением преподавать; через две недели он нанес публичное оскорбление шпиону Антонелли и был за это выслан в Вологду. См. его письмо к П. С. Билярскому в работе В. М. Истрина: «Письма к академику П. С. Билярскому». («Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», XVI, Одесса, 1907, стр. 175—176).

[4] Судьба петрашевца А. П. *Баласогло*, освобожденного от суда 9 ноября 1849 г. и отправленного в Петрозаводск на службу с отдачей под секретный надзор полиции, могла быть хорошо известна в Петербурге: у Баласогло было немало знакомых литераторов и среди них друзья Белинского — И. И. Панаев, Н. Н. Тютчев, М. А. Языков. Педагогам он был известен как автор учебного пособия, выпущенного им под псевдонимом А. Белосоколово: «Буква ѣ. Руководство к употреблению этой буквы в письме» (СПб., 1847). П. В. Анненков вспоминал о «помещавшемся в крепости азбучнике Балас-Оглы» («Былое», 1922, № 18, стр. 6).

[5] Речь идет о брате Ф. М. Достоевского, литераторе Михаиле Михайловиче *Достоевском* (1820—1864), который находился в заключении с 6 мая по 24 июня 1849 г.

[6] Речь идет о книге И. Г. Головина «Mémoires d'un prêtre russe, ou La Russie religieuse», вышедшей в Париже в 1849 г.

[7] Чумиков имеет в виду брошюру Герцена «О развитии революционных идей в России», вышедшую первым изданием в Париже на французском языке в 1851 г.

[8] «Большое счастье, для нашей литературы, что наши первые писатели были светские люди» — писал Герцен (VI, 344).

[9] Чумиков имеет в виду следующие места брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России»: «Пушкин — в руках каждого цивилизованного русского, и он перечитывал его всю жизнь»; Пушкин «погружается в изучение русской истории»; «Пушкин не был ни царедворцем, ни сторонником правительства»; «Он ⟨Онегин⟩ всегда чего-то ожидал, как мы все, потому что у человека нет достаточно безумия, чтобы верить в продолжительность теперешнего положения в России»; Пушкин «пал в полном расцвете сил»; о Пушкине «весь Петербург плакал» (VI, 353, 355, 358, 359). Любопытно отметить, что в этом же письме сам Чумиков рекомендует Герцену напечатать за границей сочинения Пушкина, которые «ходят рукописно по России».

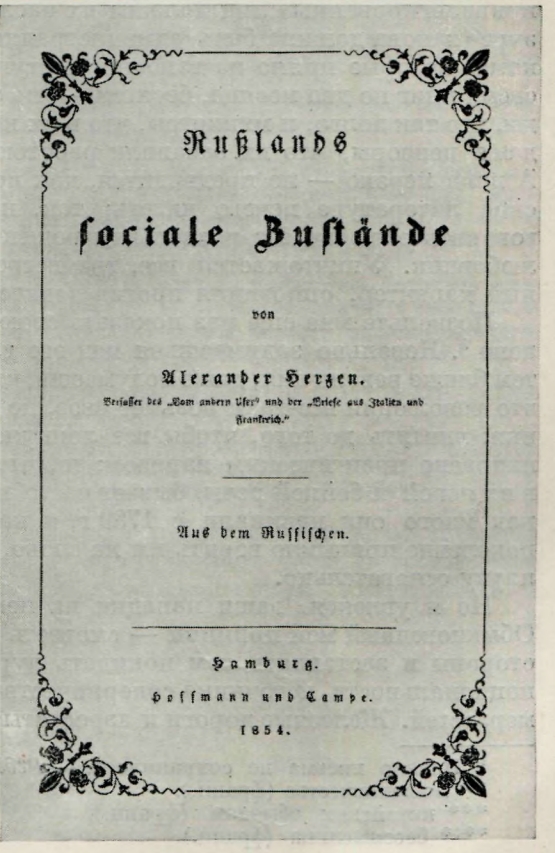
[10] В соответствующем месте брошюры Герцена нет ничего о «первых трудах Полевого в Петербурге» (они действительно появились в «Библиотеке для чтения»). Герцен писал, что «падение» Полевого началось в его новом журнале «Сын отечества», который стал выходить в Петербурге с 1838 г. (VI, 368—369).

[11] Герцен писал о «Философическом письме» Чаадаева: «Крик скорби и изумления встретил эту статью; она испугала, оскорбила даже разделявших мнения Чаадаева, и, однако, он только высказал то, что смутно волновало душу каждого из нас» (VI, 372).

[12] В брошюре Герцена читаем: «Современники мало его оценили; при жизни он задел слишком много самолюбий, оскорбил слишком много честолюбивых; после его смерти правительство запретило писать о нем...» (VI, 385). Чумиков нашел здесь противоречие со следующими словами: «Вскоре вся Россия воздала должное смелому таланту публициста...» (VI, 384).

[13] «А каково значение писаний Гоголя, которым славяне так чрезмерно восхищаются? Разве кто-нибудь приподнял выше, чем он, позорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?» — спрашивал Герцен в той же брошюре (VI, 394).

[14] Чумиков имеет в виду издания русской типографии, основанной в начале сороковых годов в Карлсруэ лексикографом Ф. И. Рейфом. В этой типографии печатались словари Рейфа, сочинения Греча, а в 1847 г. — сочинения В. А. Жуковского.


Rußlands
ſociale Zuſtände
von
Alexander Herzen.
Verfaſſer des „Vom andern Ufer“ und der „Briefe aus Italien und Frankreich.“
Aus dem Ruſſiſchen.
Hamburg.
Hoffmann und Campe.
1854.

«RUSSLANDS SOCIALE ZUSTÄNDE» («СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ В РОССИИ»)

Под таким смягченным для немецкой цензуры заглавием появилось третье отдельное издание книги «О развитии революционных идей в России». Гамбург, 1854 г.

Обложка

3

(Париж. Не ранее 12 августа 1851 г.) [1]

* святого дела! Любопытно было быть на процессе Cabet[2]; его, как вам, вероятно, известно, обвиняли в escroquerie **, надул колонистов. Он славно защищался (т. е. говорил часа четыре), хотя также не без фраз, и на главное обвинение, что распечатывал письма, вовсе не отвечал. У меня были споры с его обвинителями. Никто из них не хотел понять, что каждая новая идея требует жертв — все в обвинение приводили, что такой-то умер на пути, такой-то разорился.

Вы говор(ите) в вашем письме, что русская эмиграция полезна [3]. Но из богатых немного, кто оппонирует правительству, а бедному нечем жить за границей. Хорошие люди, впрочем, гораздо полезнее дома: образовать и просвещать общественное мнение, а оно уже начинает окрыляться. $^3/_4$ людей, оставляющих университеты, наверно совершенно понимают век. К несчастию, ограничено число студентов 300-ми, и дворяне на вступительном экзамене имеют преимущество. Трудно верить подобным chinoiseries***! Вот еще нечто в подобном роде. Число листов в ежемесячных журналах ограничено 30-ю, под предлогом, что цензорам не время прочитывать. Им не позволено нигде более служить (профессоры вышли еще до сего все в отставку) и возвысили жалованье до трех тысяч рублей серебром. Смешны также новые постановления по иностранной цензуре [4]. Все книги разделены на три категории: 1. Решительно запрещены для *всех* (?). 2. Книги, дозволенные только некоторым лицам. 3. С вырезками. Книги 2-й категории выдаются самою цензурою (а не книгопродавцами, как прежде), и, следовательно, их выписывается только известное цензуре количество и по смерти привилегированных лиц должны их наследниками быть возвращены цензуре (какова должна быть администрация!). Цензура загромождена ящиками, которые прямо из таможни поступают к ней; книгопродавцы ждут своих книг по два месяца, бесятся, — но это ничего — бесятся наши гранды, что так долго, и министры, что в их книгах даже вырезывают, бесятся даже цензоры, что их завалили работою — как-то размотается все это? А пока мерзко — не предвидится, как получать дельные книги. А в русской литературе нечего читать; так, например, в повестях запрещено говорить о любви без позволения родителей, о том, что у замужней есть любовник. Уничтожается все, где встречается самостоятельность, сильный характер, оппозиция против родителей и т. п.

Позвольте мне еще раз показать свою малую симпатию к книге Прудона [5]. Невольно задумаешься над его словами, что чем сильнее реакция, тем ближе революция, даже подумаешь, что не только не надо ничего делать, что революция все-таки возьмет свое, но даже что должно помогать реакции: винтить до того, чтобы все лопнуло. Право, французы слывут у нас напрасно практическим народом; то, что нам кажется, удобоисполнимым в их ясной и бойкой речи, бывает часто на деле non-sens****. Если взять, как много они начинали с 1789 г. и как мало окончили. Наше молодое поколение привыкло верить им на слово, повторять их фразы и не изучать науку основательно.

Но я увлекся, ваши нападки на немцев лишили меня равновесия. Обыкновенный мой принцип — смотреть в каждом народе только хорошие стороны и заставлять тем покидать дурные, стремиться к уничтожению национальности, источника соперничества, зависти, неприязни, войн и т. п. мерзостей. Железные дороги и аэростаты — вот ответы на вопросы о буду-

---

* Начало письма не сохранилось. — *Ред.*
** мошенничестве (франц.).
*** китайским обычаям (франц.).
**** бессмыслица (франц.).

щем. Горько только подумать, что оно не для нас! Я очень хорошо понимаю вашу мысль: народ будущего ⟨...⟩* вместе с покойным А. И. Тургеневым[6]. Да теперь-то что нам делать? — Неужели вы, эмиграция, не поможете нашему ретивому юношеству,— оно рвется почти на верную погибель. Надо непременно устроить распространение по всему отечеству полезных книг и долбить сначала одно (наши головы крепки): освобождение крестьян. Надо заинтересовать поляков — им лучше известны способы контрабандистов. Не Европа разрушит колосс, а он сокрушится внутренними язвами, а потому споспешествовать эмигрированию, по-моему, не очень полезно. Притом эмиграция наша отчуждается легко от всего отечественного — теряет точку опоры и делается непонятною для толпы (если притом начинает врать, как Головин и даже Н. Тургенев)[7]. A propos, интересно знать ваше мнение и вообще подробности о тех немногих русских эмигрантах, которые вам известны, например Сазонове[8] — мы ничего об нем не слыхали, а такие люди заслуживают известности и хотя современной славы.

Скоро ли я буду с вами опять беседовать — не знаю, постараюсь чрез какого-нибудь путешественника бросить к вам письмо в каком-нибудь немецком городе или рискну прямо на имя банкира! Во всяком случае, напишите мне ответ на мои послания; вы наверно найдете в них многое, требующее поправок или направок, и — клянусь вам — я вовсе не susceptible ** и могу проглотить порядочную порцию оскорбленного самолюбия, только потому я и других не щажу. Попробуйте написать на следующий адрес: ⟨...⟩*** рбурге лучше франкировать); я в последней уверен, как в самом себе. Прощайте, обнимаю вас мысленно по-братски. Еще раз: ратуйте — на вас основаны все наши надежды.

[1] Это письмо является ответом на письмо Герцена от 9 августа. Так как письмо Герцена не могло быть получено ранее 12 августа 1851 г., то и комментируемое письмо не могло быть написано ранее этого срока.

[2] Процесс против французского коммуниста-утописта Э. Кабэ был возбужден несколькими вернувшимися во Францию членами колонии-коммуны, основанной Кабэ в штате Иллинойс в 1848—1849 гг.

[3] В письме к Чумикову от 9 августа 1851 г. Герцен писал: «Эмиграция очень полезна теперь, но русских дельных очень мало; я могу назвать одного Сазонова, человека сильно даровитого и имеющего вес в европейском движении» (VI, 431). О Сазонове см. также во вступительной статье к письмам Сазонова к Герцену, публикуемым в настоящем томе.

[4] 23 февраля 1850 г. министр народного просвещения предписал Комитету иностранной цензуры разделять книги на два разряда: 1) «не заключающие в себе особой предосудительности», которые можно выдавать «известным лицам с распискою о хранении для собственного употребления», и 2) такие, которые можно выдавать лишь по «высочайшему повелению».

[5] Речь идет о книге Прудона «Confessions d'un révolutionnaire», 3 édit., 1851, которую рекомендовал Чумикову Герцен (VI, 431).

[6] Повидимому, Чумиков упомянул имя А. И. Тургенева в связи с тем, что в 1842 г., в Париже, он посещал вместе с Тургеневым лекции Мицкевича о славянских литературах (см. А. А. Чумиков. Мои цензурные мытарства. — «Русская старина», 1899, № 9, стр. 618).

[7] Речь идет о книге Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», вышедшей в Париже в 1847 г. См. выше в наст. томе публикацию писем Н. И. Тургенева к Герцену.

[8] См. примеч. 3 к настоящему письму.

---

* Далее вырезаны две строчки. — *Ред*

** обидчив (франц.).

*** Далее вырезаны две строчки. — *Ред.*

А. Я. ЩЕРБАКОВ — ОГАРЕВУ

Публикация С. И. Шкроба

В 1863 г. Казанская следственная комиссия начала дело «О замышлявшемся в Казани вооруженном восстании и о распространении возмутительных воззваний».

Одним из обвиняемых по этому делу оказался студент пятого курса медицинского факультета Казанского университета Алексей Яковлевич *Щербаков* (1842 — ?), сын есаула Астраханского казачьего войска. Преданный суду Сената, Щербаков был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы; однако 21 ноября 1866 г. он бежал из казанской тюрьмы вместе со своим товарищем С. Я. Жемановым, также приговоренным к каторге по делу о «казанском заговоре» (см. «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 220—228, и «Вестник Европы», 1905, № 12, стр. 598—599).

В декабре 1866 г. Щербаков находился уже в Швейцарии, в Берне, где вскоре стал студентом медицинского факультета (ср. ЦГИАМ, ф. III Отд., д. 1 эксп., 1863 г., № 23, ч. 85, л. 535). Как видно из первого письма настоящей публикации, Щербаков 21 декабря приезжал в Женеву — очевидно, со специальной целью: познакомиться с Герценом и Огаревым. Но Герцен находился в ту пору в Ницце, и Щербаков познакомился с ним позднее; свидание же с Огаревым состоялось.

Материальное положение Щербакова в Берне было весьма тяжелым, и Герцен дважды оказывал ему денежную помощь из средств бывшего в его распоряжении фонда и лично от себя (см. XIX, 341 и XX, 22). Ради заработка Щербаков вынужден был совмещать университетские занятия с работой в редакции журнала «Народное дело», основанного осенью 1868 г. группой эмигрантов во главе с Бакуниным. Этот журнал печатался в Женеве, в типографии М. К. Элпидина, также бежавшего из казанской тюрьмы — несколько ранее Щербакова и Жеманова; Элпидин и помог Щербакову получить работу в редакции «Народного дела». В связи с этим Щербакову приходилось часто приезжать из Берна в Женеву.

Герцен также старался найти подходящую работу для Щербакова. В письме к Огареву от 30 октября 1868 г. из Лиона Герцен спрашивал — не хочет ли Щербаков взяться за переводы (XXI, 144). А в скором времени Герцен договорился с Щербаковым о занятиях со своей дочерью Лизой и 22 декабря 1868 г. писал Огареву из Ниццы: «Сегодня Щербак⟨ов⟩ дает первый урок Лизе. I think * это пойдет хорошо. Он будет учить рус⟨скому⟩ языку и *саду*: он ловко понял мою мысль разговора о растениях, их различиях, зверях, камнях и пр. Он называется Шеранов» (XXI, 256). Однако занятия с Лизой продолжались всего около двух с половиной месяцев. 11 марта 1869 г. Щербаков уехал из Ниццы в Женеву и вновь вернулся к работе в «Народном деле». Журнал к этому времени изменил свое направление; он издавался теперь антибакунинской группой эмигрантов во главе с Н. И. Утиным. В 1872 г. Щербаков успешно окончил медицинский факультет Бернского университета. После этого он занимался медицинской практикой в Гейдельберге и Париже, а в 1875 г. поступил врачом на чилийский фрегат. От революционной деятельности он в эти годы полностью отошел и в 1880 г. получил разрешение вернуться на родину. Воспользовался ли Щербаков полученным разрешением и какова была его дальнейшая судьба, мы не знаем.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 171 и 182).

* Я думаю (англ.).

1

⟨Женева.⟩ 21-е декабря ⟨1866 г.⟩

Милостивый государь,

Присужденный Правительствующим сенатом к двенадцатилетней каторжной работе, я бежал из казанской тюрьмы, где содержался больше трех лет. Моя фамилия, вероятно, вам знакома из подробного описания нашего *казанского дела* в октябрьских⟨?⟩ номерах «Колокола» [1].

ТЮРЬМА ПРИ КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ

Отсюда 21 ноября 1866 г. бежали А. Я. Щербаков и С. Я. Жеманов, приговоренные к каторжным работам по делу о «казанском заговоре». Эта же тюрьма—место первого заключения В. И. Ленина в декабре 1887 г.

Фотография

Центральный музей В. И. Ленина, Москва

Желая увидеться с вами, прошу назначить часы и день. Сегодня вечером я зайду в шесть часов к вам, чтобы справиться об этом.

Алексей Щербаков

[1] Описание «казанского дела», или «казанского заговора», было помещено в «Колоколе», лл. 205 и 206 от 1 и 15 октября 1865 г.

2

21-е генваря ⟨1867 г.⟩, Берн

Милостивый государь,
Николай Платонович!

Браню себя за несносную рассеянность: я забыл дать вам адрес мой в Берне; за это, впрочем, достаточно наказан лишним расходом на инстру-

менты и книги. Благодарю вас за присланные книги; хорошо, что вы не прислали Meyer'a — «Anatomie des Menschen» и Samois «Anatomie descriptive» — я их приобрел; без анатомии нельзя было приступить к работе. С Адольфом Фогтом я не виделся, хотя писал ему по городской почте, — просил назначить час свидания, чтобы передать письмо Карла; письмо это попало к адвокату — Эмилю[1], который устроил все скоро: на днях получу позволение на жительство на годы. Не отвечал ли вам А. И. Герцен на письмо обо мне?

В день приезда в Берн я познакомился с Якоби, с которым в другое свидание разошелся, так что не бываю у него. Причина очень пустая, по моему мнению. Если вас интересует, я готов рассказать наш последний разговор.

Желаю вам здоровья. Примите уверение в моем искреннем уважении.

А. Щербаков

[1] Адольф *Фогт* — профессор гигиены в Бернском университете, брат Карла Фогта; он был в дружеских отношениях с Герценом и Огаревым. О Карле *Фогте* см. на стр. 272—273 настоящего тома. Эмиль *Фогт* — их брат.

3

Inkergasse 195, bei Zurfluch,
8 марта ⟨1867 г.⟩

Милостивый государь
Николай Платонович!

Объявление в предпоследнем номере «Колокола» о моем жительстве за границей может навести комиссию, производящую следствие по поводу побега, на мысль — поискать Жеманова внутри России, и поиски могут послужить к его поимке [1]. Мне пишут, что комиссия довольно тщательно расследывает обстоятельства побега, но до сих пор ничего не открыла. Моих товарищей сильно стеснили после побега: во избежание повторения моего *способа* на них надели халаты с тузами [2]. Подробностей стеснений не описывают. Нельзя ли в будущем номере «Колокола» поместить известие о прибытии за границу С. Я. Жеманова? Эта невинная ложь много поможет ему на время скрываться в России, а репутация «Колокола» нисколько не пострадает, если ложное известие обнаружится поимкой Жеманова, о которой никто не будет знать[3]. Мои товарищи по заключению просили послать Гагарину [4] письмо, в котором я обратил бы его внимание на ничтожность нашего дела. На днях я послал его из Базеля. В письме я выставил только крупные несообразности обвинительных пунктов с действительной виновностью. Я не думаю, чтоб письмо имело какое-нибудь действие, но написал потому, что просили об этом. Сидя в тюрьме, мы подали несколько прошений губернатору, два министру о разных мелочах, но ни на одно не получили ответа; подписывая прошения, мы были почти уверены в неудаче, но подавали для утешения... авось ответят.

Благодарю вас за присылаемый «Колокол». О своих занятиях ничего нового не могу сказать.

Желаю вам здоровья.

Уважающий вас
А. Щербаков

[1] После побега из казанской тюрьмы Щербаков сразу перебрался за границу. Жеманов же долго не решался на это и скрывался у кого-то из своих знакомых в Казани. 1 февраля 1867 г. в л. 233-234 «Колокола» была напечатана заметка Герцена «Наше правосудие», в которой сообщалось о приговорах Казанской уголовной палаты обвиняемым по казанскому делу, в том числе Жеманову и Щербакову (XIX, 200).

В этом же номере «Колокола», в отделе «Смесь», сообщалось, что Щербаков находится уже за границей.

[2] Щербаков и Жеманов вышли из тюрьмы под видом посетителей арестованных (И. Красноперов. Отрывки из воспоминаний. — «Вестник Европы», 1905, № 12, стр. 598—599).

[3] Заметка о прибытии С. Я. Жеманова за границу была напечатана в «Колоколе» (отд. «Смесь»), л. 237 от 15 марта 1867 г.

[4] Павел Павлович *Гагарин* (1789—1872) — председатель комитета министров и председатель верховного уголовного суда.

— *С. Я. Жемановъ*. Мы сей часъ получили свѣдѣніе, что преслѣдуемый правительствомъ за небывалыя политическія преступленія, С. Я. Жемановъ — благополучно прибылъ за границу.

— *Н. В. Альбертини* и *П. Л. Лавровъ* сосланы: первый въ Архангельскъ, второй въ Вятку. Безъ суда, въ тихомолку, такъ называемымъ административнымъ порядкомъ идутъ въ ссылку русскіе литераторы.

— Въ *Общій фондъ* изъ Италіи прислано 25 франковъ.

ПРОДАЮТСЯ
БЫЛОЕ И ДУМЫ, *ИСКАНДЕРА*, (1848—1852).
Томъ VI, Часть I^ая—6фр. Часть II^ая—3фр. Обѣ вмѣстѣ 8фр.
Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque, Genève.

СООБЩЕНИЕ В «КОЛОКОЛЕ» О «ПРИБЫТИИ» ЗА ГРАНИЦУ С. Я. ЖЕМАНОВА, БЕЖАВШЕГО ИЗ КАЗАНСКОЙ ТЮРЬМЫ

В действительности Жеманов находился еще в России. Напечатано с целью дезориентировать разыскивавшую его полицию

«Колокол», л. 237 от 15 марта 1867 г.

4

Rue Pradier, 7, ⟨1868?⟩ [1]
Суббота, 5 ч. вечера

Любезный Николай Платонович,

Только сегодня получил ответ от Жеманова на вашу просьбу относительно адреса Ауэрбаха и, к сожалению, ответ очень неблагоприятный. Жеманов не знает его адреса и советует обратиться к Долматову, хозяину пансиона «Ermitage» в Clarens, где жил Ауэрбах. Может быть, этим путем вам удастся достигнуть цели, так как Долматов пересылал им какие-то вещи в Россию.

Искренне уважающий вас
А. Щербаков

Будьте уверены, что перед отъездом я навещу вас еще не раз.

[1] Дата определяется предположительно, по упоминанию об Ауэрбахе, который жил в Швейцарии летом 1868 г. См. письмо Герцена к Огареву от 15 июля 1868 г., где также упоминается Ауэрбах, и комментарий к нему в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 415—416.

Н. Ф. ЩЕРБИНА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. В. Гиппиуса

11 июня 1861 г. поэт Николай Федорович *Щербина* (1821—1869), совершавший в это время заграничное путешествие, отметил в своем дневнике: «От А. И. Герцена получил письмо в Париже и теперь получаю о нем известия» («Путевые наброски русского ленивца и иппохондрика». — Полное собр. соч. Н. Ф. Щербины. СПб., 1873, стр. 374).

Упомянутое Щербиной письмо Герцена не сохранилось, так же как и ответное письмо Щербины. Но сохранилось другое письмо Герцена, от 15 апреля 1861 г., из которого видно, что Щербина поделился с Герценом планом издания в Лондоне сборника русских народных песен в целях ознакомления с ними Западной Европы. «Как вы хотите издавать народные песни, — осведомлялся у Щербины Герцен: — разумеется, текст и музыку? Я думаю, что это — дело возможное. Но не дороже ли будет в Лондоне, чем в России; на иностранный сбыт не надейтесь: для них это — ein Kuriosum *; Огар⟨ев⟩ и я, мы совершенно согласны с вашим мнением насчет русской народной песни. Русская песнь вызывает в степи живого человека, тоскует по нем, ждет его» (XI, 75).

В этом же письме Герцен приглашал Щербину приехать в Лондон.

Ниже публикуется ответное письмо Щербины. Оно почти целиком посвящено вопросу, живо занимавшему его в это время, — созданию «антологии» из русских песен для ознакомления европейцев «с русской *народной музыкой*, которая может дать им понятие о даровитости, нет, о *высокой даровитости* нашего народа, о его *богатых духовных средствах и внутренних данных*».

Изучению русского народного быта и фольклора Щербина целиком отдался с середины 1855 г. В следующие годы он совершил поездки по Московской, Тверской, Костромской и Владимирской губерниям, собирая образцы русского песенного фольклора. С этой же целью он отправился в 1860 г. на Волгу с композитором Балакиревым. Собранные Щербиной многочисленные материалы свидетельствуют о том, что на него оказали влияние фольклористические высказывания Чернышевского и Добролюбова. Он стремился охватить в своих наблюдениях все стороны народной жизни, в том числе замалчивавшиеся славянофильской апологетической фольклористикой отрицательные черты народного быта, «порожденные бедностью», изучать которые призывала редакционная статья «Современника» (написанная А. Н. Пыпиным) — «Как понимать этнографию?» (1865, № 2). Особый интерес Щербина проявил к выдвинутой Радищевым и декабристами теме социального протеста в народном творчестве, значение которой подчеркивали революционные демократы. Этот интерес нашел свое отражение в его записях песен о крепостном праве, а также песен разбойничьих, тюремных и бурлацких. Интересно, что первые свои записи русских песен Щербина сделал не в деревне, а на крепостной павловской фабрике (в Звенигородском уезде Московской губернии), от фабричной работницы.

Наметившееся на рубеже пятидесятых—шестидесятых годов сближение Щербины с демократическими кругами русской общественности, выразившееся, в частности, в его сотрудничестве в «Современнике» и в установлении связи с Герценом, оказалось весьма неглубоким и кратковременным. Обострение классовой борьбы в стране, страх

---

* курьез (нем.).

перед ожидавшимся революционным взрывом содействовали быстрому самоопределению Щербины в лагере реакции, вследствие чего и его фольклорная деятельность приобрела вскоре совсем иное содержание.

Второе сохранившееся письмо Герцена к Щербине написано 19 июля того же 1861 г. и представляет собой подробную инструкцию, как разыскать его в Лондоне. Щербина за несколько дней до того прибыл в Англию и поселился на острове Уайт, в городке Вентноре, в семье вице-президента Академии художеств, гр. Ф. П. Толстого (XI, 162—163).

Никаких сведений о встрече Щербины с Герценом до нас не дошло.

Знакомство их оказалось весьма непродолжительным. Возникло оно почти случайно, а дальнейшая политическая эволюция Щербины сделала вскоре невозможным какие-либо сношения с ним Герцена.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 123).

Париж. 1861 г. Апреля 16

Письмо ваше я получил, и спасибо вам за доброе ваше внимание [1]. Как искренно и спроста я отнесся к вам, так искренно и просто вы мне и отвечали. Татьяна Петровна [2] посоветовала мне написать вам, когда я хотел, да не решался, не желая попасть в ту тьму-тем русских *либеральных хлыщей*, которые, я думал, вас осаждают и лично, и письменно. Мне выпадал случай быть в Лондоне, но я, может быть, не возымел бы столько духу, чтоб побывать у вас, зная, что мне лакей скажет: дома нет хозяина, зная, что за пустые люди у нас путешествуют за границей и либеральничают на словах, из моды, в России; что теперь у нас сделалось чем-то вроде: «так принято». Более того, в литературе даже выгодно, *денежно* выгодно, страдать за угнетенных братий на словах.

Консерваторы наши «просто глупы, и слава богу» [3], либералы наши — тоже глупы, только не просто и не слава богу. Надобно пожить в литературных кружках Петербурга и Москвы (выключая, разумеется, «Русского вестника» и «Русской беседы»), чтоб видеть пустозвонство, мелочность, обскурантизм, узкое своекорыстие этих господ и их прихвостней — всех этих военных офицериков и разных титулярных советничков, все эти общие места, *вычитанную* любовь, модные фразы, героизм на словах и квартальничество в поступках, палерояльский или гейдельбергский взгляд на Пошехонье и тому подобное; но не в пределах письма подробно определить вам все это... Для этого нужна личная, искренняя беседа, чтобы говорить убедительно, а не голословно. Скажу только:

Хорош российский Геликон![4]

Не зависи, собственно, от себя в моем путешествии, я не могу сказать, буду ли я в Лондоне и увижусь ли с вами и с Николаем Платоновичем... На-днях уезжаю в Италию, где пел любовь Петрарка... кстати о любви, только не вроде петраркинской...

Я писал вам, что намереваюсь издать русские народные песни за границей. Нужно объяснить вам мое намерение определительнее, подробнее.

Я вывез с собою несколько печатных сборников русских народных песней [5]: все они более или менее хоть и неудовлетворительны, но все-таки из них думаю перепечатать небольшую «антологию» из русских песней, в видах ознакомления европейцев с русской *народной музыкой*, которая может дать им понятие о даровитости, нет, о *высокой даровитости* нашего народа, о его *богатых духовных средствах и внутренних данных*. Есть песни, которые в создании по плечу будут Генделю и Бетховену. Музыка этих песней несказанно выше слов: если музыка их, положим, Шекспир, то слова — Тредьяковский: стоит сравнить только слова и музыку, ну, хоть песни «Вниз по матушке по Волге...». Впрочем, есть и слова такие, что загоняют

всех немцев и французов, все так называемые великие нации. Вот вам у русской секомой девки выражение, достойное греческого артиста времен Перикла:

...моя русая *коса* —
Всему городу краса,
Молодцам — сухота,
Старым оханье,
Старым — оханье —
Девкам плаканье...[6]

(а не золотые маковки колоколен, как привыкли думать)

Или, вот вам что-то шекспировское *в свадебном «вопле»*[7] невесты к своей матери:

Ты, родимая моя матушка,
В *день* денна моя *печальница*,
В *ночь* ночная *богомольница*,
Векова моя *сухотница*,
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую
В последний раз, останешний.

} А музыка-то какая!

Какое всестороннее художественное и психологическое определение идеи матери.

А песня «О хмеле», а «Ванюша-Ключничек»[8], да этому *а*, если перечислять, и конца не будет... Спешу оговориться: я не сторонник «искусства для искусства», а я сторонник «искусства *для жизни*...». Общественная струна, как неумолкаемый вопль, более всего звучит в моем сердце и отравляет мою жизнь, которая была мне веригами с младенчества и воспитала в народе и с народом.

Иностранцы знают нас только с военной и политической стороны, а народ считают животными и не любят нас. Узнавши, хоть чрез распространение песен (я разумею музыку), какое *богатое содержание у русской души*, — они получат о нас иное, лучшее понятие, которое, может быть, будет нам со временем в пользу, в *житейскую* пользу. Немцы в Германии знают наших два *романса*, думая, что это *народные* песни, и поют их, «чувствительно» восхищаясь — это: «Тройку удалую» Федора Глинки да «Не шей ты мне, матушка...». Что же бы было, если б они узнали наши *чисто народные* песни, вроде, например, «Вниз по матушке по Волге», где в звуках — глубь и ширь бесконечные... Известно, чего нет в идее, в душе, того не может явиться в слове и звуке, а если душа народа шекспировская и бетховеновская, то и слово и звук такие же.

Я здесь, в Париже, дал разучить три-четыре наши песни одной учительнице пения — француженке; она их превосходно поняла и усвоила себе художническим тактом, поет их в здешних обществах и заставляет плакать и умиляться французов[9]... Они же заставляют ее повторять эти песни по нескольку раз, а произведения разных европейских композиторов выслушивают по одному разу... Отчего бы это?!.

Музыкальная соплеменница наша Богемия[10] приняла бы эти песни с радостию и распространила бы их, имея на это все средства, и они бы разошлись по Европе. Живущий в Дрездене немецкий литератор Вольфзон[11], будучи недавно в Петербурге, согласился со мною перевести их в немецкие стихи и напечатать в Лейпциге, где станет печатанье весьма дешево. На первый раз можно напечатать тетрадку нот песен в двенадцать, потом, через год, когда выйдет в свет лучший сборник русских народных песен *Балакирева*, и я отыщу сборник *Стаховича*[12], то можно будет сде-

Н. Ф. ЩЕРБИНА

Фотография с дарственной надписью: «Владимиру Вадимовичу Пассеку на память знакомства. Н. Щербина. Петербург. 1859 г. мая 5»

Исторический музей, Москва

лать выборку из этих двух изданий и напечатать наш выбор опять в Лейпциге, чрез посредство Вольфзона да к этому присоединить еще можно будет сборник песен *Вильбоа* [13], и тогда выйдет, возможно, лучшая *антология из русских песен для иностранцев.*

Если бы у издателя нот этих песен можно бы было выгородить себе сто экземпляров, то экземпляров по пять и по десять я послал бы в подарок в библиотеки всех музыкальных консерваторий и в библиотеки и музеи всех славянских земель; подобная мера распространила бы их тоже и приобрела бы нам горячие симпатии.

Таково мое *пред*положение: не знаю, исполнится ли оно?.. Мне постоянно нет ни в чем удачи [14]. Прочитайте в февральской книге *«Отечественных записок»* 1861 года мою статью: *«Опыт о книге для народа»*. Я думаю по этому моему *плану* издать книгу для народного чтения и образования[15], *если* что не помешает, — и для этого поспешу в июле «в Русь побывати»... Ну, уж хваленый Запад! Хорош, нечего сказать! Внешней цивилизации много, а внутренней (духовной) вовсе нет никакой! Грабители, наглые мошенники, дерзкие надувалы напускаются здесь на бедного иностранца возмутительно, — и все это торгующая и промышляющая буржуазия. Здесь всех торгашей смело можно сослать на галеры, все они уголовные преступники. Париж — Пантеон, столица хлыщей,—недаром Иван Панаев с таким чувством воспел его увеселения... [16] *По внутренней цивилизации* Париж для меня ничем не отличается от Хивы, Бухары и Кокана: такие здесь наглые грабители с их фразой: «s'il vous plaît...» *. «На виселицу,

---

* пожалуйста (франц.).

s'il vous plaît», они скажут, а коканцы прямо вздернут на виселицу,— вот только и вся разница. На днях еду в Италию.

Мой сердечный, искренний поклон Николаю Платоновичу. Прощайте, «да будет мир с вами».

Весь ваш
Н. Щ е р б и н а

[1] Речь идет о письме Герцена от 15 апреля 1861 г. (XI, 75).

[2] Т. П. Пассек лето 1861 г. провела в Париже, где встречалась со Щербиной.

[3] Перефразирован стих из эпиграммы Пушкина «Ты прав, несносен Фирс ученый...»: «Ты просто глуп, и слава богу».

[4] Стих из третьей главы «Евгения Онегина», не вошедший в основной текст.

[5] Авторы сборников русских народных песен, взятых Щербиной за границу, перечислены им в его заграничном дневнике. Это Бернард, Гурилев, Вильбоа, Воротников, Дюбюк, Балакирев и авторы сборников украинских песен: Едличка и Карпенко (две последние фамилии искажены в печатном тексте дневника: «Эдмяки» и «Корненко»). Сборник Балакирева был у поэта в рукописи, так как первым изданием он вышел в 1866 г. (см. Полное собр. соч. Н. Ф. Щербины, цит. изд., стр. 386).

[6] Двустишие «Моя русая коса | Всему городу краса» встречается в нескольких русских плясовых и хороводных песнях, но развивается обычно не так, как цитирует эту песню Щербина, а несколько иначе: «Молодчикам — сухота | Всем подружкам — честь-хвала». Вариант, цитируемый Щербиной, дословно не совпадает ни с одной из опубликованных песен с такими словами; он, вероятно, записан самим поэтом.

Подчеркнув в письме к Герцену второй стих цитируемого им отрывка песни «Моя русая коса | Всему городу краса», Щербина сопровождает его примечанием: «а не золотые маковки колоколен, как привыкли думать». Смысл этого примечания: русский народ говорит: город красит девичья честь (коса — символ девичьей чести), а не высказывает в своих песнях мыслей в духе славянофилов, вроде: город красят золотые маковки церквей.

[7] *«Свадебный вопль»* — не вполне точное название песни, цитируемой Щербиной; это отрывок (вторая половина текста) свадебной песни, начинающейся со слов «Ты река ль моя реченька», которую поют невесте-сироте хором всегда на один и тот же напев повсюду, где она бытует. Напев этот использован Глинкой в «Камаринской» (первая тема). Слова «Ты родима моя матушка», цитируемые Щербиной, зачинают песню в первой ее публикации — Вильбоа; в этом виде песня была ранее цитирована А. Н. Островским в пьесе «Бедность не порок». В письме к Герцену Щербина цитирует именно этот отрывок слов песни под впечатлением пьесы Островского.

[8] Один из вариантов песни «Ванюша-Ключник» был записан Щербиной в 1858 г. в Подольском уезде Московской губернии в селе Сергиевском (см. рукописи поэта. ЛБ. М. 3423, тетр. 8-я, стр. 7, № 22).

[9] См. об этом подробнее в Полном собр. соч. Н. Ф. Щербины, стр. 385—386.

[10] *Богемия* — немецкое название Чехии.

[11] О В. *Вольфзоне* см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 29—31.

[12] «Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым» вышел только в 1866 г., в изд. Иогансона. «Собрание русских народных песен», опубликованное в четырех тетрадях в 1851 —1854 гг. М. А. Стаховичем, явилось первой музыкальной публикацией записей, сделанных не в городах, а в деревнях от крестьян.

[13] Сборник, который имеет в виду Щербина: «100 русских песен, записанных с народного напева и аранжированных для одного голоса с аккомпанементом фортепьяно К. Вильбоа». Текст под редакцией А. Григорьева, изд. Стелловского. СПб., 1860. Фактически составителями этого сборника были А. Н. Островский и А. А. Григорьев. В состав этого сборника вошло тридцать пять песен, слова которых были записаны, а напевы усвоены на память А. Н. Островским, главным образом на Волге, в 1856 г., во время его совместной с Вильбоа собирательской поездки, организованной редакцией «Морского сборника». Вильбоа записал напевы этих песен с голоса Островского. Значительная часть песен, собранных Островским и опубликованных Вильбоа, цитирована в пьесах Островского и исполнялась в них с мелодиями, опубликованными в сборнике Вильбоа. Остальные песни сборника Вильбоа записаны им от Тертия Филиппова и других лиц, а частично перепечатаны без указания источника из сборников начала XIX века.

[14] Сборник не был издан.

[15] В статье «Опыт о книге для народа», написанной по поводу опубликованной в 1860 г. брошюры «Хрестоматия для народного чтения», Щербина изложил свою программу книги для народа — «Читальника». Программа эта имела умеренно либеральный характер.

[16] Очерк И. И. Панаева «Парижские увеселения» был напечатан в 1846 г. в «Петербургском сборнике» Некрасова.

АННОТАЦИИ

АННОТАЦИИ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

АННОТАЦИИ ПИСЕМ М. В. БЕЛИНСКОЙ, Л. П. БЛЮММЕРА, Ф. ВИХЕРСКОГО, ДЖ.-Б. ГАНДОЛЬФИ, А. ГОНЧАРЕНКО, А. ГУРОВСКОГО, В. ДОБРОВОЛЬСКОГО, М. И. ЖЕЛЕЗНОВА, Л. КОСТА, Ак. КРУПИТИНА (?), Л. МАСЛОВСКОГО и др., Н. А. МЕЛЬГУНОВА, Л. И. МЕЧНИКОВА, В. МРОЧКОВСКОГО, Г. МЮЛЛЕРА-СТРЮБИНГА, НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ, В. Ф. НЕФТЕЛЯ, В. М. ОЗЕРОВА, Н. и С. ПАВЛОВСКИХ, И. А. ПАШКОВА, А. П., В. С., С. Ф. и Ф. С. ПЛАУТИНЫХ, М. П. ПОГОДИНА, Н. В. ПОСТНИКОВА (К.-А. РОМАНА), Л. А. РЕНГАРТЕНА, Е. А. и Е. В. САЛИАСОВ, Н. М. САТИНА, С. И. СЕРЕБРЕННИКОВА, А. Е. СКВОРЦОВА, Н. СУМАРОКОВА, Эд. ТИБО-БРИНЬОЛЯ, О. ТОКАРЖЕВИЧА, С. ТХОРЖЕВСКОГО, А. С. УВАРОВА, С. А. УСОВА, В. ФЕНИНА, ЦЕХАНОВЕЦКОГО, С. ЧАРУШИНА, В. ШЕНШИНОЙ, П. Я. ШЮТЦА, М. К. ЭЛПИДИНА и Н. А. ЮРЕНЕВА

Составил Л. Р. Ланский

В настоящем разделе помещаются аннотации тех писем из «пражской коллекции», полная публикация которых не представляется целесообразной вследствие их второстепенного научного интереса.

Каждой аннотации (или группе аннотаций) предшествует краткая биографическая справка об авторе писем; затем приводятся дата, первые строки аннотируемого письма и самая аннотация, в которой процитированы или изложены наиболее существенные места; после аннотации дается перечень упоминаемых лиц и указание на номер архивной единицы хранения. Элементы шифра, общие для всех без исключения аннотируемых писем (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1), нами опускаются.

В следующем, 63-м, томе «Литературного наследства» будут опубликованы и проаннотированы все остальные письма корреспондентов Герцена и Огарева из «пражской коллекции», по разным причинам не включенные в настоящий том.

М. В. БЕЛИНСКАЯ — ОГАРЕВУ

Мария Васильевна *Белинская* (1812—1890) — вдова великого критика. См. о ней в «Лит. наследстве», т. 57, 1951, стр. 319—326.

‹Лондон.› 12/24 июня 1874 г.

«Очень жаль, что вы хвораете...».

Сообщает о своем намерении остаться недели на две в Лондоне и посещать Огарева; предлагает взять на себя доставку письма к М. А. Бакунину.

Упоминается М. А. Бакунин.

Ед. хр. 137.

Л. П. БЛЮММЕР — ГЕРЦЕНУ

Леонид Петрович *Блюммер* (1840—1888) — публицист и романист, эмигрировавший в 1861 г. из России; с 1862 г. издавал в Берлине журнал «Свободное слово», в «духе примирительно прогрессивном и независимом» (XV, 67). См. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 816.

‹Берлин. Конец февраля 1863 г.›

«Многоуважаемый Александр Иванович! Всех нас, печатающих за границею, не раз упрекали в том...».

О вызове его на дуэль эмигрантом П. В. Новицким, относительно которого он печатно высказался как о лице, подозреваемом в шпионаже в пользу русского правительства; о попытках Новицкого избежать дуэли.

Упоминаются: Марсолан де Мюдлер, П. В. Новицкий, Пель.

Без конца*.

Ед. хр. 126.

Ф. ВИХЕРСКИЙ — ОГАРЕВУ

Феликс *Вихерский* — польский политический эмигрант, автор брошюры «Письмо генералу Ф. Ф. Трепову». Большинство аннотируемых писем посвящено изданию и распространению этой брошюры. Л. Чернецкий писал 15 декабря 1868 г. Огареву, по поводу просьбы Вихерского — напечатать брошюру в принадлежащей Чернецкому типографии: «Факт произвола и гнусного деспотизма, обличенный Вихерским, — один из сотен, которые мне случалось читать в „Дневнике познанском". Тем не менее, если б у меня было сто пятьдесят франков, я бы его напечатал на свой счет, так он ясно и просто изложен. Но у меня их нет, и, признаюсь вам, для меня даже трудно дать ему трехмесячный кредит» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 139). Вследствие отказа Чернецкого, Вихерский обратился за содействием к Герцену, который решительно высказался за предоставление кредита и немедленное издание брошюры. «Письмо генералу Ф. Ф. Трепову» вскоре же было напечатано в типографии Чернецкого. Дополнительные подробности об этом и о самом Вихерском см. в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 496 и след. и в «Собр. соч. и писем Герцена», по указателю.

1

Брюссель. 20 декабря ‹1868 г.›

«Monsieur, je suis profondément touché de vos bontés...»

Благодарит за содействие, оказанное при издании брошюры; сообщает о своем обращении к «знаменитому собрату» Огарева, «старейшине русской эмиграции» — Герцену; соглашается на условия кредита, но просит отсрочить выплату до конца февраля; о своем желании напечатать польский сборник и прислать несколько своих стихотворений Огареву; о высылке Огареву бандеролью маленькой брошюры — своего «единственного политического греха времен последней польской революции»; объясняет причины, заставляющие его торопиться с изданием «Письма генералу Ф. Ф. Трепову».

Упоминаются: Бюффон, Герцен, Ф. Ф. Трепов, Л. и Э. Чернецкие.

На французском языке.

Ед. хр. 139.

2

Брюссель. 28 декабря ‹1868 г.›

«Cher monsieur Ogareff! Mille et mille remerciements...».

О получении от Огарева письма и номера «Колокола»; просит уверить Герцена, что не злоупотребит его добротой и постарается рассчитаться с Чернецким возможно скорее; посылает Огареву в подарок три книги (названия их он не приводит) и просит прислать ему мемуары П. В. Долгорукова; о вероятности своей поездки в Париж; выражает надежду, что успеет получить до отъезда несколько экземпляров своей брошюры для отправления ее в Петербург; просит Огарева сообщить, каким образом можно заплатить брошировщику и покрыть почтовые расходы по пересылке брошюры; подробности о подготавливаемом им польском сборнике.

Упоминаются: Герцен, П. В. Долгоруков, Л. Чернецкий.

На французском языке.

Там же.

---

* В том же «деле» «пражской коллекции» хранится и автограф письма П. В. Новицкого к Герцену от 27 октября 1862 г., напечатанного в л. 151 «Колокола» от 1 декабря 1862 г.

3

Брюссель. 12 января 1869 г.

«Cher monsieur Ogareff, j'ai reçu votre lettre de 8 courant et les „Mémoires de Dolgoroukow"...».

О своем намерении оставаться в Брюсселе до получения обещанных экземпляров брошюры, чтоб успеть отправить часть их в Петербург; о своем бедственном материальном положении. «Вы делаете мне много чести, дорогой г-н Огарев, обещая прислать мне ваши соображения по поводу моих нападок на Прудона; это меня осчастливит, и я принимаю их заранее, даже в том случае, если вы меня обвините в несправедливости по отношению к этому великому диалектику». Подробно излагает причины, толкнувшие его на составление и отправку Огареву брошюры, направленной против Прудона. Прилагает шуточную стихотворную «Эпитафию» Прудону на польском языке.

Упоминаются: Александр II, Вольтер, П. В. Долгоруков, Классен (книготорговец), Б. Паскаль, П.-Ж. Прудон, Л. Чернецкий.

На французском и русском языках.

Там же.

4

Брюссель. 25 января 1869 г.

«Многоуважаемый Николай Платонович, совершенно согласен с вами, что эпиграмма моя несправедлива...».

Полемические высказывания о Прудоне и его отношении к польскому вопросу; о конфискации и распределении земель русским правительством в Польше.

Упоминаются: Александр II, Анна Иоанновна, Екатерина II, М. Н. Катков, М. (племянница М. Н. Каткова), П.-Ж. Прудон, Ротшильды, Смоляк.

Там же.

5

Брюссель. 2 февраля ‹1869 г.›

«Многоуважаемый Николай Платонович, опоздал я с ответом, потому что занят был отправкою брошюры...».

Сообщает подробности об издании и продаже своей брошюры; о своих денежных делах и предстоящей поездке в Париж; советует печатать в «Полярной звезде» сатирические фельетоны; приводит свою эпиграмму об отношении Польши к России (на французском языке).

Упоминаются: Вольтер, Д. В. Каракозов, М. Н. Катков, Классен, Маккиавели, кн. Орлов, Э. Ренан, Ф. Ф. Трепов, Л. Чернецкий, Д.-Ф. Штраус, П. А. Шувалов.

На русском и французском языках.

Там же.

6

Париж. 5 февраля ‹1869 г.›

«Многоуважаемый Николай Платонович, спешу сообщить вам результаты моих переговоров с Франком...».

Сообщает о своих переговорах с книгопродавцем; просит отправить возможно скорее в Париж 200 экземпляров брошюры. «Представьте себе, что Франк начал было с того, что хотя, собственно, ничем и не рискует, разве маленькие хлопоты с цензурою, не хотел взяться за продажу, под предлогом, что теперь русские никаких решительно печатных произведений за границею вовсе не покупают — стало быть, читать не желают. Мы пустились с ним в длинную диссертацию, в которой я ему доказывал, что этот наружный индифферентизм непременно исчезнет и русские читатели вскоре начнут интересоваться, как прежде, заграничною русскою прессою. Этот чисто коммерческий эпизод доказывает, как местные органы успели завладеть общественною интеллигенциею. Мало кому приходит в голову, что под фанатичным

патриотизмом Каткова скрывается личное его честолюбие; что ратующий будто бы за русское дело „Голос" преследует единственную цель — интересы бюрократии».

Упоминаются: М. Н. Катков, А. Франк.

Там же.

7

Париж. 7 февраля ‹1869 г.›

«Вы не можете себе представить, какое удовольствие вы мне сделали вашей эпиграммой...»

Отклик на получение эпиграммы Огарева на Н. П. Поггенполя; сообщает текст своей собственной французской эпиграммы на того же Поггенполя; просит прислать ему «Полярную звезду».

Упоминаются: Классен, Н. П. Поггенполь, А. Франк.

Там же.

8

Париж. 17 февраля ‹1869 г.›

«Многоуважаемый Николай Платонович, только что получил ваше письмо с милым стишком: „На эту глупую луну, на этом глупом небосклоне..."».

Благодарит за присланную «Полярную звезду». «От вашей поэмы „Юмор" я просто в восхищении.

Наш нескончаемый прогресс,
И потому недостижимый,
Похож на путь чрез длинный лес,
Безвыездный, неизмеримый,
Разбоя полный и чудес...

Я уже вытвердил это наизусть. Это преисполнено глубоких мыслей. Мне вспоминается начало Дантовой „Комедии", представляющей людские страсти во образе чудовищ». Высказывает свои соображения о польском языке и просодии; сравнивает польский язык с русским.

Упоминаются: Данте, А. Мицкевич, А. Франк.

Там же.

9

Брюссель. 27 марта ‹1869 г.›

«Многоуважаемый Николай Платонович, прежде всего прошу извинить меня за долгое молчание...»

Об отсрочке платежа Чернецкому; отклик на сообщение «Биржевых ведомостей» о намерении Герцена возвратиться в Россию.

Упоминаются: А. А. и А. И. Герцены, Л. Чернецкий.

На русском и французском языках.

Там же.

10

Париж. 24 сентября ‹1869 г.›

«Многоуважаемый Николай Платонович, вот и последние числа сентября...».

О своих финансовых затруднениях и невозможности выплатить долг Чернецкому; о знакомстве с Герценом: «...на одной из последних трех недель я имел счастье познакомиться в Брюсселе с Александром Ивановичем, которого я нашел таким именно, каким его представлял себе в моем воображении. Александр Иванович уверил меня, что вы на меня вовсе не сердитесь, и поэтому я пишу к вам снова ‹...› Сейчас мне говорят, что видели на бульварах Александра Ивановича. Постараюсь отыскать его адрес и повидать его до выезда. В мае месяце я видел два раза Трепова во время его бытности в Париже — он привез мне резолюцию из III Отделения на мою брошюру. Александр Иванович расскажет вам подробности этого казуса, довольно

интересного». Жалуется на книгопродавца Франка, умышленно мешающего распространению его брошюры; осведомляется о готовящейся книжке «Полярной звезды».

Упоминаются: Герцен, Ф. Ф. Трепов, А. Франк.

Там же.

ДЖ.-Б. ГАНДОЛЬФИ — ОГАРЕВУ

Сведениями о Дж.-Б. *Гандольфи* мы не располагаем. Возможно, что это автор книги «Гражданский кодекс королевства Италии», изданной в Париже в 1868 г. Огарев по его предложению переводил свои стихи на французский язык, и с этого текста Гандольфи делал итальянские стихотворные переводы.

1

Женева. 19 ноября 1873 г.

«Monsieur Ogareff, je vous remercie beaucoup de la poésie que vous m'avez envoyée...».

Благодарит за посланное ему стихотворение; высказывает сожаление, что не может прочесть его в оригинале; посылает итальянский стихотворный перевод, сделанный им с французского прозаического перевода Огарева. Предлагает Огареву, в случае, если итальянский язык ему недостаточно знаком, послать этот перевод к А. А. Герцену во Флоренцию для сравнения его с оригиналом и определения, насколько он приближается к подлиннику. Берется перевести на итальянский язык лучшие стихотворения Огарева. Прилагает итальянский свободный перевод стихотворения Огарева «Раздумье» («Un dubbio»).

Упоминается А. А. Герцен.

На французском языке.

Ед. хр. 187.

2

Женева. 25 января 1874 г.

«Monsieur Ogareff, je vous remercie de votre magnifique poésie. La traduction est plus que suffisante...».

Благодарит за присланное ему начало «великолепного стихотворения»: «Оно полно фантазии и огня и носит на себе печать пессимистической философии, которая составляет характер литературы северных народов»; ожидает конца, чтобы составить себе полное представление о стихотворении; извещает о своем намерении перевести его двусложной стопой, наиболее приближающейся ритмически, по его мнению, к русским стихам; высказывается об особенностях итальянского стихосложения.

Упоминаются: Ариосто, Тассо.

На французском языке.

Там же.

А. ГОНЧАРЕНКО — ОГАРЕВУ

Агапий (Андрей) *Гончаренко* (1832—1916) — бывший дьякон посольской церкви в Афинах; в 1860—1861 гг. работал наборщиком в «Вольной русской типографии» в Лондоне. В середине шестидесятых годов переехал в Америку, где издавал ряд периодических изданий.

«Украйна» (близ Сан-Франциско), 26 сентября 1873 г.

«Дорогой Николай Платонович, письмо ваше от 25-го августа я получил...».

Сообщает о своем переезде из Сан-Франциско в предместье «Украйна», где приобрел большой участок земли и устраивает для приезжих русских нечто вроде монастыря — «не христианское учреждение, а социальное»; о своем намерении напечатать что-нибудь об этом учреждении в своем новом листке «Свобода»; утверждает, что его «сношения с Сибирью постоянные и могут идти даже очень дальше».

На обороте приписка его жены, Алины Гончаренко, на английском языке.

Ед. хр. 147.

А. ГУРОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Граф Адам *Гуровский* (1805—1866)—публицист, участник польского восстания 1830—1831 гг. После поражения восстания перешел в лагерь реакции и стал проповедовать объединение славян под покровительством русского царизма. В октябре 1858 г. опубликовал письмо к редактору нью-йоркского журнала «Evening Post» с клеветническими измышлениями о Герцене, на которые Герцен ответил письмом, адресованным в американские, английские и немецкие газеты, а также статьей «Клевета» (IX, 426—428).

Нью-Йорк. 28 декабря 1858 г.

«Pour couper court à l'insidieuse et officieuse ingérence...».

Отклик на статью Герцена «Клевета»; попытки оправдаться в обвинениях, предъявленных Герценом.

На французском языке.

Ед. хр. 127.

В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ — ОГАРЕВУ

Сведениями о В. *Добровольском* мы не располагаем. Весьма вероятно, что это псевдоним.

(Женева.) 26 января 1872 г.

«Многоуважаемый Николай Платонович! Спешу передать вам новость...».

Сообщает слышанную им от адвоката Амберти новость — что процесс С. И. Серебренникова (о котором см. ниже) против швейцарских властей проигран; предлагает Огареву присутствовать при чтении резолюции прокурором, которое должно состояться на следующий день.

Упоминаются: Амберти, С. И. Серебренников.

Ед. хр. 171.

М. И. ЖЕЛЕЗНОВ — ОГАРЕВУ

Михаил Иванович *Железнов* — художник, ученик Брюллова, переводчик известной книги Дж. Вазари «Жизнь известнейших художников, скульпторов и архитекторов», начатой изданием в Лейпциге и продолженной в типографии Чернецкого, в Женеве. См. о нем XVIII, по указателю.

Флоренция. 14 августа (1866 г.)

«Милостивый государь Николай Платонович! Несколько дней тому назад я узнал...».

Отклик на высказанное Огаревым согласие просматривать корректурные листы изданий Железнова; о своем намерении издать 6-ю часть сочинения Вазари прежде всех других.

Упоминаются: Дж. Вазари, Л. Чернецкий.

Ед. хр. 194.

Л. КОСТ — ГЕРЦЕНУ

Автором письма является французский врач Л. *Кост*, которого Герцен называл «милейшим из докторов Монпелье» (XX, 288). См. публикацию его письма к А. А. Герцену в следующем томе «Лит. наследства».

(Без даты)

«aurait pas être. Avez-vous essayé pour prévenir l'attaque...».

Даются медицинские советы.

Упоминаются: М. А. Бакунин, Броун-Секкар, Вульпиан, Н. П. Огарев, Спиридов, Ж.-М. Шарко, Шассэн.

На письме помета Герцена: *Вот рецепт Косты.*

На французском языке (отрывок).

Ед. хр. 293.

Ак. КРУПИТИН (?) — ГЕРЦЕНУ

Ак. *Крупитин* (?) — вятский знакомый Герцена. Сведениями о нем мы не располагаем. Подпись неразборчива и читается не с полной уверенностью.

(Вятка.) 25 января 1838 г.

«Милый Александр! Вот и от меня тебе дружеский поцелуй прямым трактом от сердца...».

Выражение сочувствия Герцену в связи с несогласием его отца на брак с Н. А. Захарьиной; о своем одиночестве и материальных затруднениях. «Да, я не стыжусь признаться тебе — тебе, Александр, я обязан и еще *великому Страдальцу* за силу, которая теперь меня поддерживает... Часто смотрю я на твою заветную звезду и создаю себе вид *ее*». О своих посещениях Витберга. «Тебе представит это письмо Масленников, я дал ему денег, чтоб прислать мне из Москвы на французском языке Историю древнюю, среднюю и новую. Ты должен назначить какие: я думаю, Древнюю — Нибура, Новую — Гизо и Среднюю — не знаю какую. Величко уже формально объявлен женихом, он хотел к тебе об этом писать (...) Не забудь твоего обещания выписать иногда хоть несколько строк из писем ее».

Упоминаются: Виличко, А. Л. Витберг, Ф. Гизо, Н. А. Захарьина, Масленников, Нибур, Платон, И. А. Яковлев.

Ед. хр. 107.

Л. МАСЛОВСКИЙ, О. ТОКАРЖЕВИЧ, О. БРЖЕЗИНСКИЙ, А. ТРУСС, И. ДАРАШКЕВИЧ и др. — ГЕРЦЕНУ

Письмо подписано группой польских эмигрантов, впоследствии сотрудничавших в журнале «Гмина» (см. воспроизведение этого письма на стр. 578 наст. тома).

Париж. 5 мая 1866 г.

«Милостивый государь Александр Иванович! Мы к вам с жалобой...».

Жалоба на молчание Огарева: «Два письма в пять месяцев (...) Долго ли придется нам ждать нового *продолжения*?». Просьба передать Огареву, чтоб он сделал им *сюрприз* в следующем листе «Колокола».

Упоминается Н. П. Огарев.

Ед. хр. 129.

Н. А. МЕЛЬГУНОВ — ГЕРЦЕНУ

О Николае Александровиче *Мельгунове* см. на стр. 308—322 настоящего тома

1

Париж. 24 марта (1857 г.)

«„Бей, но выслушай!“ Называй меня неугомонным, навязчивым, несносным...»

Излагает свои денежные затруднения; просит у Герцена поручительства перед Ротшильдом для получения кредита в 8—10 тысяч франков.

Упоминаются: Карцев, Д. Ротшильд, В. П. Титов, Штиглиц.

Ед. хр. 92.

2

(Париж.) 12 мая (1857 г.)

«Пишу на лету. Пожалуйста, не тревожься насчет своей ссуды...».

Заверяет Герцена, что возвратит ему долг; просит послать Грибовскому в Берлин триста двадцать прусских талеров; извещает о смерти Е. Б. Грановской; по просьбе Герцена, сообщает ему имя и отчество А. В. Головнина.

Упоминаются: А. В. Головнин, Е. Б. Грановская, П. М. Грибовский, В. В. Григорьев, М. Ф. Корш, Н. Ф. Павлов.

Там же.

3

Париж. 26 мая (1857 г.)

«У меня подкосились ноги, когда я прочел твое письмо...».

Сообщает об истечении срока уплаты Ротшильду шести тысяч франков, взятых под поручительство Герцена, и об отсутствии денег; оправдывается перед Герценом,

обвинившим его в мотовстве и упрекавшим за переезд на лето в Баден; сообщает о согласии Ротшильда ждать до конца сентября, если Герцен продлит поручительство. В постскриптуме Мельгунов пишет: «Скажи: последняя выноска в присланном предисловии насчет смирения и кротости касается также и статьй V («Ижицы»)? Какие это пять или шесть статей?».

Упоминаются: Антуанет, Зубков, Н. Ф. Павлов, Д. Ротшильд, Шомбург.

Там же.

4

(Париж.) 28 мая (1857 г.)

«Нужно ли сказывать, как существенно ты меня обязал?..».

Уезжая на лето в Гунценбах, выражает благодарность Герцену за его поручительство перед Ротшильдом. «Твои добрые советы и еще более — выражение твоей дружбы я принимаю с живым чувством благодарности. Многое в твоих заметках и основательно. Кто не делал в жизни глупостей, даже и за сорок лет?». Заверяет Герцена в своем желании жить экономно. О намерении М. Ф. Корш съездить к Герцену.

Упоминаются: А. Делаво, Зубков, М. Ф. Корш, Огарев, К. К. и Н. Ф. Павловы, Д. Ротшильд, И. С. Тургенев.

Там же.

Л. И. МЕЧНИКОВ — ГЕРЦЕНУ

О Льве Ильиче *Мечникове* см. на стр. 388—394 настоящего тома.

(Женева.) 14 октября (1865 г.)

«У меня Якобий. Он должен ехать непременно завтра в Берн...».

Сообщает о предстоящей поездке в Берн П. И. Якоби, имеющего намерение взять с собой А. А. Серно-Соловьевича для помещения его в психиатрическую лечебницу; осведомляется у Герцена, согласен ли он, как обещал, оплатить содержание Серно-Соловьевича в лечебнице за первый триместр.

Упоминаются: проф. Мунк, А. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, А. Фогт, проф. Шерер, П. И. Якоби.

Ед. хр. 156.

В. МРОЧКОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Валериан *Мрочковский* (1840—1889)—польский эмигрант, участник восстания 1863 г., активный деятель бакунинского «альянса».

Люцерн. 28 июня 1867 г.

«Многоуважаемый Александр Иванович! Несколько дней тому назад я получил...».

Сообщает о пересылке, по просьбе М. А. Бакунина, копии его письма к анархисту, члену итальянского парламента Джузеппе Фанелли, с опровержением провокационных слухов, распространявшихся префектом Неаполя об участии Бакунина в изготовлении фальшивых итальянских банкнотов.

Упоминаются: М. А. Бакунин, Д. Фанелли.

Ед. хр. 93.

Г. МЮЛЛЕР-СТРЮБИНГ — ОГАРЕВУ

Герман *Мюллер-Стрюбинг* (ок. 1810—1893) — берлинский литератор, приятель Огарева (см. его характеристику в «Былом и думах» — XIV, 314—322).

Берлин. 5 августа 1845 г.

«Aus der Überschrift schon wirst du sehen...».

Отклик на письмо Огарева из Парижа, датированное 14 июля 1845 г. (Огарев извещал в нем о своем скором отъезде в Брюссель); выражает удивление по поводу положительного отзыва Огарева о Гервеге и выраженной ему симпатии; дает подробную характеристику Гервега; сообщает о своей работе над «Эриком» и брошюрой об искусстве; усиленно приглашает Огарева приехать.

Упоминаются: М. А. Бакунин, Г. Гервег, Кирхенрат, Мюллер-Стрюбинг (отец).
На немецком языке.
Ед. хр. 194.

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — ГЕРЦЕНУ ИЛИ ОГАРЕВУ

(1830-е гг.)

«Друг, ты видал меня странным...».
О своих душевных переживаниях; рассуждения о любви.
Упоминается Сократ.
Без конца и без подписи.
Ед. хр. 132.

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — ГЕРЦЕНУ

(1858 г.)

«Милостивый государь Александр (отчество забыл, извините)».
Полемизирует с высказываниями Герцена в статье «Опыт бесед с молодыми людьми» из «Полярной звезды на 1858 год» (IX, 157—168).
Без подписи.
Ед. хр. 126.

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — ГЕРЦЕНУ

(Женева. 1865 г.)

«Я вам пишу как чадо Москвы, который вас знал с малолетства вашего...».
Просьба о возобновлении знакомства. Называет себя «крепко обиженным дворянином».
Упоминается А. А. Герцен.
Без подписи.
Ед. хр. 129.

В. Ф. НЕФТЕЛЬ — ОГАРЕВУ

О В. Ф. *Нефтеле* см. на стр. 399—401 настоящего тома.

1

Берлин. 28 мая 1867 г.

«Любезный Николай Платонович, хорошо ли, что вы живете таким отшельником?..».
Медицинские советы; обещание приехать.
Упоминаются: жена Нефтеля, Н. А. Тучкова-Огарева.
Ед. хр. 158.

2

Нью-Йорк. 27 июня 1869 г.

«Любезный Огарев. Давно уже собираюсь отвечать на ваше милое письмо...».
Ответ на недошедшее письмо Огарева, извещавшее о болезни Герцена и его детей и о переломе ноги Огарева; высылает книгу Броун-Секкара; выражает сожаление, что Огарев не поселился в Америке: «Вот бы, например, там где-нибудь образовать русскую колонию (и вас в том числе), и я уверен, в несколько лет она разовьется в цветущую и богатую общину».
Упоминаются Броун-Секкар, А. И. и Лиза Герцены, Н. А. Тучкова-Огарева.
Там же.

3

(Без даты)

«лежит, и мы, вероятно, уедем в Америку...».
Сообщает о получении письма от Огарева; восторженно отзывается о «Колоколе».
Без начала.
Там же.

В. М. ОЗЕРОВ — ОГАРЕВУ

О Владимире Михайловиче *Озерове* см. на стр. 433—462 настоящего тома.

1

20 октября (1875 г.)

«Какое огромное удовольствие сделал нам на днях Генри...».

О неожиданном приезде во Флоренцию Г. Сетерленда; подробности о нем; о получении письма от Огарева с описанием хлопот, связанных с подысканием работы для Озерова; о своих корреспонденциях в «Биржевых ведомостях».

Упоминаются: А. А. Герцен, А. Озерова, Г. и М. Сетерленды.

Ед. хр. 161.

2

(Флоренция. Конец октября 1875 г.)

«Вчера послал тебе письмо, а сегодня, получивши твое, спешу ответить и успокоить...».

О получении письма от Огарева, обеспокоенного приездом Г. Сетерленда во Флоренцию; объясняет причины его приезда. «Я думаю, что ни тебе, ни Мэри не следует беспокоиться об Генри; он уже теперь человек и понимает практическую жизнь. Не надо ему мешать, надо дать полную свободу ходить на своих ногах».

Упоминаются: А. А. Герцен, Г. и М. Сетерленды, Янковские.

Там же.

3

Флоренция. 2 ноября 1875 г.

«Вот тебе и подробности для успокоения твоего...».

О планах Г. Сетерленда, связанных с устройством школы на Украине; о его предстоящем отъезде.

Упоминаются: А. А. Герцен, Рагузин, Г. и М. Сетерленды, Янковские.

Там же.

4

(Флоренция. Конец ноября 1875 г.)

«Вот скоро две недели, как Henry уехал обратно на свое место...».

О получении от Огарева книг для Г. Сетерленда, уже уехавшего из Флоренции; об устройстве Г. Сетерлендом школы.

Упоминаются: А. А. Герцен, г-жа Гё, Рагузин, Г. и М. Сетерленды, Янковские.

Там же.

Н. ПАВЛОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Сведениями о Н. *Павловском* мы не располагаем.

(Без даты)

«поприще и выехал за границу...».

Об уголовных проделках некоего Мнохацкого во время польского восстания 1863 г. и о занятии им после подавления восстания «почетной должности шпиона при русской амбасаде в Париже» и его сотрудничестве в «правительственном офисе в Царстве Польском».

Упоминается Мнохацкий.

Без начала.

Ед. хр. 127.

С. ПАВЛОВСКИЙ — ОГАРЕВУ

Сведениями о С. *Павловском* мы не располагаем.

Турин. 4 сентября (1874?)

«Письмо от Родичева получено мной всего вчера...»

О получении письма от Ф. И. Родичева; указывает адрес для писем к Родичеву.
Упоминаются: В. М. Озеров, Ф. И. Родичев.
Ед. хр. 168.

И. А. ПАШКОВ — ОГАРЕВУ

Ипполит Александрович *Пашков* — литератор, был секретарем русского консульства в Яссах; племянник Т. П. Пассек. См. о нем на стр. 303 настоящего тома.

Яссы. 15/27 апреля 1873 г.

«Многоуважаемый Николай Платонович! Если вы еще не забыли меня...».
О своей продолжительной болезни; о предстоящей поездке в Вену. «Посылаю вам обещанный „Вестник Европы", это наш лучший журнал; обратите внимание на статью Пыпина „Характеристики". Хорошо написана, и многое верно, хотя я положительно расхожусь с ним. В этой статье вы встретите много знакомых вам образов (...) По возвращении в Яссы пришлю вам „Вестник Европы", следующее полугодие. Что ваши планы? Как ваши записки*, много ли они подвинулись? Работа-то трудная, но зато благодарная, я вам ручаюсь за будущий успех их в России, если продолжение будет подобно началу; жаль только, что теперь для России пришлось бы заменить точками многие строчки. .». Просит писать ему.
Упоминаются: О. А. Герцен, Герцены (семья), А. Н. Пыпин.
Ед. хр. 163.

С. Ф. ПЛАУТИН — ОГАРЕВУ

Сергей Федорович *Плаутин* — муж сестры Н. П. Огарева. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 695—696, 698—699.

(Петербург.) 5/17 марта 1872 г.

«Что, старый друг, увидимся ли мы с тобой или уже навеки расстались?..».
О чтении им стихотворений Огарева; отклик на улучшение состояния здоровья Огарева.
Приписка А. П. Плаутиной:
«Милый друг и брат! Муж начинает письмо, а я продолжаю...».
О получении письма от Огарева; семейные новости. «Твоя *биография* нехорошо тебя описывает; я бы иначе написала, но не смею».
Упоминаются: Е. Габбе, Н. А. Герцен, Плаутины, Леврие, Е. А. Сатина, М. Сетерленд.
Ед. хр. 164.

Ф. С. ПЛАУТИН — ОГАРЕВУ

Федор Сергеевич *Плаутин* — племянник Огарева, чиновник.

(Остенде.) 28 августа (186?...)

«Милый дядя. Ваши два письма я получил и по вашему желанию вам пишу перед отъездом...».
Выражает горячую любовь и преданность; высказывает надежду на свидание в будущем; посылает поклон Герцену, которого «уважает искренно».
Упоминаются: Герцен, А. П. Плаутина.
Ед. хр. 164.

А. П. ПЛАУТИНА — ОГАРЕВУ

Анна Платоновна *Плаутина* (1808—1886) — старшая сестра Огарева. См. о ней в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 606—610, и в «Звеньях», VI, 1936, стр. 404—407.

---

* Имеются в виду «Записки русского помещика», писавшиеся Огаревым для воспоминаний Т. П. Пассек.

1

‹Петербург.› 8/20 февраля 1866 г.

«Любезный брат! Я тебе писала два раза...».

Извещает, что не получила ответа на два своих предыдущих письма. «Говорила много о тебе и о твоих с одной женщиной, которая служила покойнице Комаровой; она не может без слез вспомнить твою и особливо жены твоей ласки и попечение ‹...› Аполлон тебе много о нас порасскажет. Здоровье твое меня беспокоит».

Упоминаются: Аполлон, Лиза Герцен, Комарова, М. Мейзенбуг, Плаутины.

Ед. хр. 164.

2

‹Петербург.› 30 января/11 февраля 1867 г.

«Милый друг и брат! Вот более года как я не писала тебе и еще долее не имела ни одной строчки от тебя...».

Объясняет причины своего продолжительного молчания; просит писать; сообщает семейные новости.

Упоминаются: С. П. Боткин, Лиза Герцен, Григорий Дмитриевич, А. Иоганнис, Плаутины, А. А. Панчулидзиев, Н. А. Тучкова-Огарева.

Там же.

3

2/14 августа 1869 г.

«Милый друг и брат! Письмо твое, пересланное ко мне Верой, очень меня обрадовало...».

Благодарит за ласковый прием, оказанный ее детям. «Я нечаянно дорбгой получила от одной спутницы *брошюрку*, в которой много твоих стихов, которых не читала, из новейших; они очень хороши, и мы все с большим удовольствием читали, и некоторые заставили смеяться, а некоторые тяжело вздохнуть ‹...› Ты пишешь, что видишь нас всех и что мое посещение у тебя в памяти; будь уверен, что мне наше свидание также дорого и задушевное желание еще раз тебя увидеть...». Сообщает подробности о своих дочерях.

Приписка С. Ф. Плаутина:

«Большое спасибо шлю тебе, любезный друг...».

Благодарит Огарева за письмо. «Уверяю тебя, что я никогда на тебя серьезно не сердился, да и не за что было — всегда любил за твое доброе сердце, а об убеждениях у меня на уме и помину не было; скорее бы ты мог сердиться на меня за мои желчные выходки, но тут моя печень виновата, а не что другое. Завидую тебе, что ты еще в силах работать, а я потерял все силы...».

Упоминаются Плаутины.

Там же.

4

‹Петербург.› 3/15 ноября 1869 г.

«Надеюсь, любезный друг, что письмецо это будет тебе переслано и верно дойдет до тебя...».

О своем возвращении в Петербург; семейные новости. «Часто вспоминаю твою комнату, твой садик, точно вчера была, и рада-рада, что видела тебя. Не оставляй меня без известия и люби нас, как мы все тебя любим ‹...› Всеволожская кланяется, она перебивается кое-как, но не унывает».

Упоминаются: П. Н. Всеволожская, Лиза Герцен, Плаутины, Н. А. Тучкова-Огарева.

Там же.

5

‹Петербург.› 6/18 декабря 1869 г.

«Милый друг и брат. В ноябре месяце я писала тебе в Женеву чрез наших *знакомых*. До сих пор нет ответа...».

Сообщает о своем времяпрепровождении, о семейных новостях; поздравляет с именинами.

Упоминаются: Всеволожский, Лиза Герцен, Плаутины.

Там же.

6

‹Петербург.› 7/19 января 1870 г.

«С новым годом, любезный друг и брат! Желаю счастья, а главное — здоровья...».

Благодарит за письма. Сообщает подробности о муже и дочерях.

«Kriwsky был в Пензе и рассказывал мне про наше *семейное гнездо*; говорят, в нем все хорошо, но дела des propriétaires du lieu* плохи, и я боюсь за твои доходы ‹...› Муж и все тебя обнимают и любят. Лиза особенно просит передать тебе, что она часто о тебе думает и жалеет, что не могла быть у тебя ‹...› Тебе напишет особенно в следующий раз. Твое письмо прямо и скоро дошло ко мне».

Упоминаются: Лиза Герцен, Кривский, Лиза Плаутина, Плаутины.

Там же.

7

‹Петербург.› 29 марта/10 апреля 1870 г.

«Милый друг и брат! Наконец-то получила твое письмо чрез добрую мою знакомую m-me L‹evrier›; спасибо ей, что и сама пишет, что тебя видела...».

Отклик на известие о нездоровье Огарева, перемене им квартиры, болезни Н. А. Герцен; семейные новости.

Упоминаются: П. Н. Всеволожская, Лиза Герцен, Н. А. Герцен (дочь), Герцены (семья), Леврие, Плаутины, М. Сетерленд, А. А. Тучков, Н. А. Тучкова-Огарева.

Там же.

8

‹Петербург.› 28 мая/9 июня 1871 г.

«Любезный брат! Надеюсь, что ты получил уже мое письмо...».

О поездке в Женеву дочери Вари; посылает свою фотографическую карточку.

Упоминается В. С. Плаутина.

Там же.

9

‹Петербург.› 16/28 января 1872 г.

«Так давно не имею ни строчки от тебя, любезный брат, что грустно и больно!».

Осведомляется о состоянии здоровья и о Лизе Герцен; сообщает подробности о себе и семейные новости. «Добрая m-me Levrier написала мне, что передала тебе фотографию; скажи, доволен ли ты ей? Лучше не могли сделать. Про твое *здоровье* пишет, что слышала — всё в одном положении. Уведомь меня хоть строчкой, любезный друг. Как ты поживаешь, где твои? Не могу понять, отчего Лиза твоя не с тобой? В семейные дела трудно *заглянуть*, боишься ошибиться, но все-таки непонятно, что редко видишь дочь и такую милую девочку; который ей теперь год? Извини, что так откровенно пишу».

Упоминаются: Лиза Герцен, Леврие, Плаутины.

Там же.

10

‹Петербург.› 29 апреля/11 мая 1872 г.

«Любезный друг и брат! Имею случай писать тебе с одной дамой, которая едет в Женеву...».

О получении письма от Огарева; семейные новости.

Упоминаются: Лиза Герцен, Плаутины.

Там же.

---

* местных землевладельцев (франц.).—Имеются в виду Сатины.

11

‹Петербург.› 9/21 декабря 1872 г.

«Любезный друг и брат! Я надеюсь, что письмо мое, посланное с нашим знакомым, тебе уже давно доставлено...».

Сообщает о посылке Огареву «маленькой суммы»; просит прислать фотографическую карточку; семейные новости. «У меня был твой молодой знакомый, которого ты мне прислал из Женевы; приходил, чтобы узнать о твоем здоровье, и просил очень тебе кланяться и молодому Sutterland».

Упоминаются: Плаутины, Г. и М. Сетерленды.

Там же.

12

‹Петербург.› 23 января/4 февраля 1873 г.

«Милый друг и брат! Письмо твое получила и сейчас занялась твоим делом. Зять мой адреса С. не знает...».

Сообщает адрес С‹атиных›, который просил узнать Огарев; семейные новости. «Sophie P. мне писала, что она была у тебя и опять будет в Женеве».

Упоминаются: Вельяшевы, Софья П., Варв. С. Плаутина, С‹атины›, М. Сетерленд.

Там же.

13

‹Петербург.› 22 сентября/4 октября 1873 г.

«Милый друг и брат! Ты просишь скорого ответа, и я пишу сейчас...».

Сообщает о получении записки от Огарева; просит прислать свой адрес; сообщает семейные новости. «Грустно, что ты все жалуешься на здоровье; ободрись, мой друг, еще рано стариться: ты на пять лет с половиной моложе меня...».

Упоминаются: Плаутины, М. Сетерленд.

Там же.

14

‹Петербург.› 13/25 марта 1874 г.

«Любезный брат! Сегодня получила твое письмо и завтра отправлю деньги 400 ф. на имя моей приятельницы, которая сейчас же доставит тебе деньги...».

О денежных делах Огарева. «Не знаю только, твое путешествие к С‹атиным›: будет ли с пользой? Не было бы напрасно. Я уже писала тебе, что дала поручение узнать в Пензе о делах твоих, но неужели, мой друг, ты не имеешь никакого документа на получаемую тобой ренту? Вероятно, имеешь, то это дело ясное, и ты можешь располагать и требовать то, что должны тебе выплачивать. Напиши мне, как скоро получишь деньги и что твое путешествие, будет ли с пользой. Я надеюсь еще летом тебе прислать, что могу. Не могу пересказать, как у меня болит сердце за тебя. Желаю, чтобы здоровье твое и силы поправились; доброй m-me Sutherland кланяюсь; вероятно, она с тобой поедет; уведомь, пожалуйста, когда съездишь...». Сообщает семейные новости.

Упоминаются: Плаутины, С‹атины›, М. Сетерленд.

Там же.

15

‹Петергоф.› 2/14 июня 1874 г.

«Получили твое письмо, любезный друг, чрез L‹evrier› и фотографию...».

Отклик на сообщение Огарева о его намерении покинуть Швейцарию; обещает прислать денег; возмущается недостойным поведением Сатиных, не возвращающих долга; семейные новости.

Упоминаются: L‹evrier›, Плаутины, С‹атины›, М. Сетерленд.

Там же.

16

20 января/1 февраля 1875 г.

«Любезный брат! Письмо твое я получила и рада, что ты устроился хорошо в Greenwich...».

О разговоре девицы Габбе с дочерью Н. М. Сатина по поводу долга Сатина Огареву. «Когда она спросила у г-жи С., посылает ли она тебе, что отец должен был делать, она очень сконфузилась и сказала, что она наверное не помнит, посылал ли что отец, однако же сказала: „Кажется, что я что-то слышала". На это ей Лиза отвечала: „Так как вы всем управляете, то все бумаги в ваших руках, и вы можете видеть по счетам, когда отец ваш посылал и сколько". Потом она опять приехала в Акшено, и та ей сказала, что она ничего не нашла в счетах, но вспомнила, что отец это не вписывал, чтобы себя не *компрометировать*. Это прекрасно, что долги не посылают, боясь себя компрометировать, а обсчитывать людей не боятся. Наконец в третий раз опять возобновили разговор, и *та* решительно сказала, что не может посылать, потому что их дела очень плохи. Но если, мой друг, у тебя есть какой-нибудь вексель или расписки, перешли мне, я буду хлопотать, неужели ты все потеряешь? Это меня бесит! В скором времени я должна получить немного денег и перешлю тебе, сколько могу — мое сердце все ноет за тебя». Сообщает семейные новости.

Упоминаются: Е. Габбе, Н. М. Сатин, Сатины, Плаутины.

Там же.

17

‹Петербург.› 7/19 мая ‹187...›

«Сейчас же отвечаю на письмо доброй мадам Mary и на твои строки. Рада душевно, что ты сколько-нибудь поправился, и мое послание было в пользу».

Обещание прислать еще денег летом; семейные новости.

Упоминаются: П. Н. Всеволожская, Плаутины, М. Сетерленд.

С припиской Плаутиной к М. Сетерленд (на англ. языке).

Там же.

18

20 августа/1 сентября ‹187...›

«Милый друг и брат! Пишу тебе несколько строк, только, чтобы уведомить тебя что я письма все твои получила...».

О своем намерении в сентябре выслать Огареву «малую лепту»; семейные новости.

Упоминаются: Грессер, Н. Д. Жемчужникова, Леврие, Варв. С. и С. Ф. Плаутины.

Там же.

В. С. ПЛАУТИНА — ОГАРЕВУ

Варвара Сергеевна *Плаутина* — племянница Огарева; в связи с болезнью несколько лет жила за границей. Письма к ней Огарева см. в «Звеньях», VI, 1936, стр. 399—404.

La Cava. 13 июня ‹1873 г.›

«Милый дядя. Давно уже не получала от вас известия, я вам из Sorrento писала...».

О своем здоровье; семейные новости.

Упоминаются: А. П. и В. С. Плаутины.

Ед. хр. 164.

М. П. ПОГОДИН — ГЕРЦЕНУ

О переписке Герцена с историком М. П. *Погодиным* (1800—1875) см. XIX, по указателю.

21 августа ‹1867 г.›

«Я получил ваше письмо от 13 августа и медлил извещением в ожидании второго, после прочтения „Русского"».

Сообщает об отправлении своего издания Герцену; выражает сожаление, что Герцен не прочел его «Карамзина»; о своем предстоящем возвращении в Париж. Заканчивает письмо словами: «До свидания — на том свете».

Упоминаются: издатели Георг, Курхбергер.

Ед. хр. 98.

Н. В. ПОСТНИКОВ (К.-А. РОМАН) — ОГАРЕВУ

Постников — псевдоним агента III Отделения Карла-Арвида *Романа*, выполнявшего за границей провокационные задания по захвату архива кн. П. В. Долгорукова и выслеживанию С. Г. Нечаева. См. о нем: Р. М. К а н т о р. В погоне за Нечаевым, изд. 2., Л., 1925.

1

Париж. 11 мая 1870 г.

«Многоуважаемый Николай Платонович! Из Рубе я послал в редакцию „Колокола“ начало моих записок о Милютине...».

Осведомляется о пригодности его записок для напечатания; дает отзыв о пятом листе «Колокола»; хвалит статью Огарева «Проект усиления губернаторской власти в России»; просит кланяться М. А. Бакунину.

Упоминаются: М. А. Бакунин, Д. А. Милютин.

Ед. хр. 166.

2

Париж. 20 мая 1870 г.

«Сегодня я отправил в редакцию „Колокола“ *продолжение...*».

Сообщает о высылке продолжения записок о Милютине; о компрометирующей П. В. Долгорукова копии письма его (1843), найденной Постниковым в его архиве; просит рекомендовать ему переводчика с русского языка на французский, заявляя, что Л. И. Мечников требует слишком высокого гонорара; посылает привет М. А. Бакунину.

Упоминаются: М. А. Бакунин, П. В. Долгоруков, Л. И. Мечников, Д. А. Милютин.

Там же.

3

Маис. 21 июля 1870 г.

«Ваше письмецо, мой дорогой Николай Платонович, я получил здесь сегодня...».

Сообщает о предстоящем отъезде в Женеву. «Благодарю вас за внимание к моему слабому труду; если вы находите, что ошибок нет, то потрудитесь передать Чернецкому *сводку* для печатания (...) Мне кажется, что вы ошибаетесь, говоря, что во время войны начинать не стоит *дела* — по-моему, напротив. Впрочем, вам и книги в руки!..». Посылает поклон М. А. Бакунину.

Упоминаются: М. А. Бакунин, Л. Чернецкий.

Там же.

4

Париж. 4 августа 1870 г.

«Сегодня, золотой мой, отправляюсь в 10 часов вечера...».

Сообщает о получении от Чернецкого корректуры и приписки с протестом против приостановки печатания записок П. В. Долгорукова; объясняет Огареву причины этой задержки. Посылает привет М. А. Бакунину. Извещает о получении телеграммы от Огарева.

Упоминаются: М. А. Бакунин, П. В. Долгоруков, Петр III, Л. Чернецкий, Я. Штелин.

Ед. хр. 194.

5

31 октября 1870 г.

«Любезный дружище! Через неделю Чернецкий обещал выпустить записки Долгорукова...».

Просит возвратить двести франков, взятых Огаревым взаймы в июле.

Упоминаются: П. В. Долгоруков, Л. Чернецкий.

Ед. хр. 166.

6

16 декабря 1870 г.

«Прошу тебя, любезный Николай Платонович, когда время и здоровие тебе позволят, заглянуть ко мне...».

Настаивает на возвращении взятых в долг ста семидесяти франков.

Упоминается Л. Чернецкий.

Там же.

7

(Декабрь 1870 г.)

«Согласно твоего обещания, я посылаю тебе эту записку...».

Просит возвратить взятые в долг сто семьдесят франков.

Там же.

8

(Без даты)

«Прошу вас не забыть адреса...».

Сообщает, что ждет письма в Париже, и, как обещал, без него «не отправляется *дальше*».

Там же.

Л. А. РЕНГАРТЕН — ГЕРЦЕНУ

Лев Андреевич *Ренгартен* (1841—?) — русский офицер (подпоручик), служивший в начале шестидесятых годов в Польше; член военно-революционной организации, возглавлявшейся Потебней; в июне 1862 г. бежал вместе с В. Фениным (о котором см. ниже) за границу, где оказался в чрезвычайно бедственном материальном положении. 12/24 октября 1868 г. добровольно возвратился в Россию и дал III Отделению подробные показания о своих революционных взглядах и обстоятельствах побега за границу (ЦГИАМ, д. III Отдел., 3 эксп., 1868, № 205). Вскоре у Ренгартена были обнаружены признаки расстройства умственных способностей, и он был отправлен в госпиталь. Весной 1869 г. Ренгартен был передан в распоряжение петербургского коменданта для пересылки в Варшаву, где он должен был предстать перед военным судом. Дальнейшая судьба Ренгартена остается невыясненной *.

(Женева.) 31 июля 1865 г.

«Милостивый государь Александр Иванович! Беру смелость беспокоить вас, с тем, чтобы просить прощения и суда в моем поведении...».

Жалуется на муки совести; ходатайствует о каком-либо занятии, могущем дать ему «насущный хлеб».

Письмо, несомненно, написано в период умственного расстройства.

Ед. хр. 129.

Е. А. САЛИАС — ГЕРЦЕНУ

Евгений Андреевич *Салиас* (1841—1902) — писатель, сын Е. В. Салиас де Турнемир (Евгении Тур).

Вевэ. 18 июня 1865 г.

«Давно уже собирался написать вам и объяснить свое исчезновенье...».

О переезде со своей подругой в деревушку Корсье, близ Вевэ. «Так как я подписался в Женеве на лекцию г. Свечина, то приеду на нее и буду у вас. Покамест, до личного свиданья, благодарю вас за надпись на вашей книге...».

Упоминаются: кн. Гагарин, д-р Curchad, д-р Mayor, Свечин.

Ед. хр. 105.

---

* Биографические сведения о Ренгартене, легшие в основу настоящей справки, а также справки о В. Фенине (см. ниже), предоставлены редакции «Лит. наследства» С. И. Шкробом.

Е. В. САЛИАС — ГЕРЦЕНУ

Елизавета Васильевна *Салиас де Турнемир* (Евгения Тур), писательница. См. о ней в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 797—844.

⟨Париж. Конец октября 1869 г.⟩

«Я узнала, почтеннейший Александр Иванович...».

Приглашает Герцена зайти; просит передать прилагаемое письмо кн. З. Оболенской; уверяет, что сохранит в секрете ее местопребывание.

Упоминается З. С. Оболенская.

Ед. хр. 105.

Н. М. САТИН — ОГАРЕВУ

5 ноября 1864 г.

Николай Михайлович *Сатин* (1814—1873)—друг юности Герцена и Огарева.

«Друг, старый друг! Благодарю тебя за несколько слов от 29 мая, которые я получил только третьего дня. Почему — не знаю...».

Выражает чувство горячей любви к Огареву и Герцену: «...для чего скрываться? Ведь не поставят же мне в преступление, что я люблю тебя и Г⟨ерцена⟩! Я никогда от вас не отрекался, и когда в 1861 г. мне предложили условие, что я не буду с вами видеться, я прямо сказал, *что я еду для того, чтоб с вами видеться*. В политических мнениях я могу с вами расходиться, и вы сами знаете, что я никогда не был ни вашим агентом, ни корреспондентом. Но любить вас не запретит мне ни 3-е ни 30-е Отделение...». Сообщает, что «упал физически и нравственно»; обещает высылать долг по мере возможности. В ответ на запрос, сообщает подробности о прежних друзьях (К⟨етчере?⟩, Пикулине) и семейные новости. «Обнимаю тебя и Г⟨ерцена⟩ так искренно, так тепло, как я некогда обнимал вас в моей первой юности. Чёрт возьми! Ведь я старик, а и теперь хочется плакать, как я иногда плакал на груди твоей».

Упоминаются: Алексей, Герцен, К⟨етчер?⟩, П. Л. Пикулин, Е. А. Сатина, А. А. Тучков.

Ед. хр. 170.

С. И. СЕРЕБРЕННИКОВ — ОГАРЕВУ

Семен Иванович *Серебренников* — революционер, эмигрант. 9 мая 1870 г. он был по ошибке арестован швейцарской полицией, принявшей его за С. Г. Нечаева; после двенадцатидневного заключения Серебренников был выпущен на свободу и по решению всех русских эмигрантов возбудил судебный процесс против швейцарских властей, обвиняя их в незаконном аресте. Процесс этот был Серебренниковым проигран. Впоследствии он возвратился в Россию, где и умер.

1

Цюрих. 28 июля 1870 г.

«Много виноват перед вами, Николай Платонович, что до сих пор не писал вам...».

Об ожидании известий о процессе, обещанных ему М. А. Бакуниным. «Говорили ли с адвокатом, переговорили ли между собой толком? На чем порешили? Ведь вы, Михаил Александрович и Веров были того мнения, что при настоящих условиях не следует вести процесс». О своем нежелании возвращаться в «поганую Женеву»; просит узнать у Г. Сетерленда, не продаст ли он ему гальваническую батарею, а также напомнить Н. И. Жуковскому о его обещании «выручить» из иностранного бюро женевской ратуши паспорт Серебренникова и выслать ему; о своей подготовке к вступительному экзамену в политехникум.

Упоминаются: М. А. Бакунин, Веров (вероятно, псевдоним—может быть, В. Озерова), Н. И. Жуковский, М. и Г. Сетерленды.

Ед. хр. 171.

2

Лондон. 26/14 февраля 1876 г.

«Многоуважаемый Николай Платонович! Я все еще жду у моря погоды!..».

О своем намерении зайти к Огареву в понедельник.

Упоминается М. Сетерленд.

Там же.

А. Е. СКВОРЦОВ — ГЕРЦЕНУ

Андрей Ефимович *Скворцов* — учитель Вятской гимназии, с которым Герцен сблизился в годы ссылки. Герцен писал о Скворцове: «От природы очень умный человек, он прозябал в провинциальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на материальные требования. Я бросил мысль и чувство в его душу, и она ответила. Я воротил его к ученым занятиям, и он как бы из благодарности привязался всем сердцем ко мне, влюбился в меня» (I, 354).

1

(Вятка. Начало 1838 г.)

«Друг Александр, не сердись, бога ради, что я давно не писал к тебе...».

Отклик на письмо Герцена к его вятскому знакомому В. Машковцеву, в котором он упрекал Машковцева в лени и утверждал, что Машковцев «не получил еще брачного права молчать, т. е. забывать»; горячо благодарит Герцена, оказавшего содействие знакомству Скворцова с его будущей женой. Восторженное выражение дружеских чувств: «Я столько блаженных часов провел с тобою, что, только боясь обвинить промысл, не говорю, для чего он не сблизил тебя с другом достойнейшим. Ты один, которого я могу назвать от сердца и головы другом (...) Жаль только, что Платон не долго был с тобою близок. Я читал письмо твое к Эрну, из которого, впрочем, не мог понять, как идут твои дела с Иваном Алексеевичем (по поводу женитьбы). Неужели нет никакой надежды, неужели твое счастье так тяжело для отца? Бог с ним, иди мимо. Тебя ничто не должно останавливать. Едва ли можно назвать преступлением поступок, который, с одной стороны, раздражит капризного, упрямого старика, который прихотям своим приносит в жертву счастие, все, чем живет сын его, а с другой — Она. Нет, вперед, вырви это твое из рук этих не людей, которые сосут кровь ее. Силы для этого у тебя достанет. Эрн говорил мне, что ты в последнем письме очень бранишь его ни за что. Это было в аптеке при Владимире (...) Владимиру скажи спасибо (...) Вот тебе еще жалоба на Эрна: прокурор и Рульковиус знают подробно о твоих делах, а узнать могли только чрез Эрна(...) Пожалуйста, друг, напиши о себе все подробно, не измеряй свои письма моими, я должен тебя слушать. Даю слово писать больше, лучше. А „Симпатию?“, а другое, что ты, вероятно, написал?..».

Упоминаются: А. В., А. Л. и В. А. Витберги, Н. А. Захарьина, В. Машковцев, Платон, Л. Рульковиус, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев.

Ед. хр. 107.

2

(Вятка. Конец мая 1838 г.)

«Письмо ваше получено. Оно так нас поразило...».

Отклик на письмо Герцена с припиской Н. А. Герцен, в котором содержалось известие о их женитьбе. «... в первые минуты мы не смели верить такому чудесному переходу от столь слабой надежды к совершенному исполнению, к торжеству. Приготовляясь услышать старые, знакомые звуки горя, я так был поражен торжественностию первых строк, что вначале не понял настоящего их смысла, боялся обмануться». Поздравляет Герцена; описывает радость друзей при известии о его женитьбе; просит сообщить все подробности и прислать портрет.

Упоминаются: А. В. Витберг, Н. Х. Кетчер, Л. Рульковиус, П. Скворцова.

Там же.

3

(Вятка. Декабрь 1838 г.)

«Поздравляю тебя, друг, с 23 ноября и от всей души молю бога да будет над тобою его всемогущая милосердная десница».

Вспоминает о праздновании с Герценом дня его именин (23 ноября) в 1836 и 1837 гг.; благодарит за подарки; высказывает намерение воздержаться от передачи подарка, присланного Герценом для Медведевой; отрицательный отзыв о ней; передает поздравления с именинами от своей матери.

С припиской П. Скворцовой (на немецком языке).

Упоминаются: П. П. Медведева, П. Скворцова, мать Е. А. Скворцова, Г. К. Эрн.

Там же.

4

(Вятка. Январь—февраль 1839 г.)

«Благодарю тебя, друг, что не строго исполняешь свое обещание...».

Благодарит Герцена за его письма «да еще с такими прекрасными прибавлениями, как Вико и твой Лициний», а также за поздравление и благословение новорожденной дочери Скворцова. Сообщает о болезни П. Скворцовой. «С жадностию принялся было за „Новую науку"—и кончил на шестой странице. Теперь кончил твоего „Лициния". Читать его для меня, наверное, было труднее, нежели тебе читать Виргилия в подлиннике, и потому частные красоты его ускользали от меня. А чтобы не потерять ничего, я привожу его в удобочитаемый вид, т. е. переписываю. Идея Лициния и Геспера—прекрасна. Времена апостольства были и прежде любимой мечтой твоей, они были предметом первого между нами дельного разговора (когда после встречи в саду Калош. я увидел тебя в соборе за всенощною). В первых сценах много Рима, а последняя, где является апостол, греет душу и разливает то отрадное чувство, которое ощущается после судорожного крика страдальца душою. Впрочем, я предоставляю себе составить определенное понятие об этом произведении и с тем вместе получить полное наслаждение, когда кончу истинно египетскую работу переписывать и обниму Геспера. Я, однако ж, слышал, что случилась неприятная помеха твоей работе. Правда ли, что Лев Алексеевич удалился ad patres (...) Он был добр к тебе и не делал зла никому (...) Не сердись, брат, что я давно не писал к тебе, будь добр и пиши ко мне побольше. Ты очень хорошо знаешь, что значат для меня твои письма. Ежели бы я совершенно мог погрязнуть в животной жизни (...), то твоя теплая дружба в состоянии возбудить душу к долгу. Последнее письмо твое так меня расшевелило, что я едва-едва укрепился...». Посылает поклон Н. А. Герцен.

Упоминаются: Д.-Б. Вико, Виргилий, Н. А. Герцен, П. Скворцова, Л. А. Яковлев.

5

(Вятка.) 25 марта (1839 г.)

«Благословляю тебя, как земледелец благословляет дождь, животворивший его неудобренную ниву, как благословляет страждущий глазами — врача, доставившего ему возможность наслаждаться прекрасным. Воспоминания роятся в голове, как яркие звезды на темном небе; настоящее обливает их кротким светом луны».

Сообщает о болезни жены. «Получил письмо твое, разделенное на части, именно: pars philosophica, pars subjectiva и pars branistica *. Последняя часть развита преимущественно пред другими, с силою, обличающею мастера. Ты не умеешь порядочно побраниться, а даешь такие толчки, что искры из глаз сыплются. Я знаю, что ты не так еще гневен, как показывают слова. Ну, не грешно ли говорить, например, такие вещи: „Есть, наконец, вещи, о которых говорить больно, и потому лучше не говорить" (а лучше бы сказать). И только. Дальше следует предлинная черта, как будто стена, разделяющая зачумленного от здорового, потом приписка к Аркадию, где тоже нашелся случай *так, между прочим,* кольнуть нашего брата... „Но что всего дороже, что этот привет не был *мимолетный* порыв, очень живой в настоящем и *вялый потóм,* ваш привет пережил разлуку в полтора года" и проч. Тяжело, брат, слушать подобные упреки человеку, который воображал, что об нем думают как о способном не только к мимолетному увлечению. Конечно, я не прав, отвечая неаккуратно на твои письма, но все-таки упреки эти слишком горьки, так что вполне отплачивают, даже с процентами, за так называемую холодность к обмену идей. Следовательно, я опять вправе ожидать письма от тебя. Ну дай же свою ручонку и кончим это, тем более, что меня призывает прекраснейшая часть твоего письма. Сбылось, наконец, твое желание — Огарев и она были у тебя. Воображаю, как сладко провел ты эти минуты, как тепла была молитва ваша. Мы еще не разучились считать себя родными вам и радовались

---

* часть философская, часть субъективная и часть бранная (лат.; последнее слово русское, но переделано на латинский лад).

чистою радостию сбывшимся надеждам, о которых так часто мечтал ты еще здесь(...) Тебе Эрн, вероятно, сказывал, что я принял на себя заведывание Публичною библиотекою (...) Ты спрашиваешь, хочу ли я перейти из Вятки? Разумеется, при первой возможности, а она не ближе июня будущего 1840 года (...) Александр Федорович Машковцев наврал тебе много, и ты напрасно бранишь Пушкина. С чего этот человек взял, что я получил неприятности?». Приводит отзыв попечителя учебного округа о ревизии гимназии. «„Лициния" кончил давно и даже в двух экземплярах, из которых один могу подарить Александру Лаврентьевичу, ежели он не имеет полного от тебя. Прощай, не поминай лихом и пришли грамотку». Сообщает о нападках на него попов и монахов за его высказывания о вотяках.

Упоминаются: А. Л. Витберг, А. Ф. и Арк. Машковцевы, М. Л. и Н. П. Огаревы, Пушкин (неустановленное лицо), П. Скворцова, К. Я. Тюфяев, Г. К. Эрн.

Это письмо Герцен процитировал (неточно) в «Былом и думах» (XII, 306).

Там же.

6

(Вятка. Осень 1839 г.)

«Не знаю, застанет ли мое письмо тебя во Владимире, но знаю, что где-нибудь да найдет...».

Поздравляет «со счастливой свободой» — окончанием ссылки; сообщает о смерти своей дочери; подробности об А. Л. Витберге и его семейной жизни. «30 августа в Вятке, в этом безбурном, стоячем болоте, было заметное волнение, сопровождаемое звоном колоколов и скрипом телег, по случаю заложения на площади храма во имя Александра Невского, по плану Витберга, который играл при этом главную роль. Я был тут и видел на лице его следы горьких воспоминаний прошедшего, когда он по тому же случаю в Москве, будучи предметом внимания всей Европы, торжествовал свое признание гением. Он плакал (...) Судьба хотела, кажется, этим еще более усилить горечь жизни его...».

Упоминаются: Александр Невский, А. В., А. Л. и В. А. Витберги, Н. А. Герцен, Иоанн III, Платон, П. Скворцова, Хомутов.

Там же.

7

(Вятка. Середина ноября 1839 г.)

«Эта грамотка, вероятно, дойдет до тебя в день или накануне 23 ноября...».

Передает поздравления от себя и жены; пишет о ее болезни. «Наш Зевес-Громовержец, как сказывал мне Витберг, сошел с Олимпа и, вместо Орла с громами в когтях, имеет при себе десятского с пучками розог для строптивых крестьян, т. е. оставя управление миром, начал управлять крестьянами Огарева». Сообщает слышанное им от А. В. Витберг содержание письма П. П. Медведевой к Витбергам, в котором она извещает, что по совету Герцена оставила дом Куруты, переехала в Москву, «где ты обещал ей и детям ее места, но вместо того видела тебя в Москве только два раза, ибо все время проводил ты со своими приятелями; наконец, при последнем свидании ты сказал ей, что не можешь ничего сделать ни для нее, ни для детей и предоставляешь ей самой заботиться о своей участи; что она теперь живет в пустом флигеле Огарева безо всяких средств при московской необыкновенной дороговизне и от этого *убежища* должна будет отказаться для какой-то ожидаемой в Москве родственницы Огарева». Оправдывается в высказанном Герценом упреке в безделье. «Досадно видеть в Полевом человека, каким ты его описываешь; я до сих пор не умею понимать хамелеонства души человека. Я читал его „Фелицу", и мое литературное мнение в его пользу. Вот человек — настоящее изображение своего времени: ничего великого много хорошего». О своей работе над составлением руководства к преподаванию истории русской литературы.

Упоминаются: Н. А. Герцен, Голубев, А. В. и В. А. Витберги, И. Э. Курута, П. П. Медведева, Огарев, Н. А. Полевой, П. Скворцова.

Там же.

8

(Вятка. 1840 г.)

«Оченно спасибо тебе за присылку номеров „Молвы" и „Литературных прибавлений" и за все хлопоты об этом. Умоляю об остальных номерах...».

Отклик на письмо Герцена и присылку журналов; осведомляется, почему письмо его показалось Герцену «египетски таинственным» и из каких слов он понял, что Скворцов будет в Петербурге. «А ты было и квартиру отвел мне с вонючим воздухом и Карлом Ивановичем Зонненбергом». Сообщает, что мечтает переехать в Петербург, но отсутствие средств препятствует этому. «Ты рекомендуешь мне статью Бакунина „О философии". Я уже читал ее и перечитывал. Славная статья (...) Жду с нетерпением второй статьи. Верно эта книжка „Отечественных записок" давно уже вышла, а у нас еще и слуха об ней нет. Ведь мы живем уж не по старому, а по старейшему стилю. К нам доходит все тогда уже, когда у вас начинают забывать. Кто в „Отечественных записках„ писал статью об истории русской литературы? Как предмет этот близок моему сердцу, то я прочитал ее с большим вниманьем, и в некоторых мыслях, довольно резких и, как мне кажется, основанных только на частных явлениях, я желал бы убедиться, не решаясь прямо отвергать их. Желая поверить себя, я хотел послать к тебе с этим письмом свои замечания на нее, из которых можно понять взгляд мой на тот же предмет, но не успел переписать да еще не совсем и кончил. Ты говоришь, что „Отечественные записки" стали хуже, чем же ты в них недоволен?» Описывает скандальную историю, происходящую в одной вятской семье; высказывает пожелание, чтобы Герцен уничтожил «одну часть своей статьи „I maestri" как ложную».

Упоминаются: М. А. Бакунин, К. И. Зонненберг.

Без конца.

Там же.

Н. СУМАРОКОВ — ОГАРЕВУ

Н. Сумароков — инженер по специальности. В донесении начальника Варшавского жандармского округа в III Отделение от 26 сентября 1872 г. Сумароков, он же Роберт Цехановский (Тихановский), он же австрийский обер-лейтенант Эразм Витковицкий, характеризуется как опасный эмиссар, распространявший революционные воззвания и листовки, в том числе «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, листовки Огарева: «Мужичкам и всем простым людям-работникам», «Мужичкам» (стихи), «Размышления русского унтер-офицера», «В память 14 декабря» и следующие листовки, к которым Огарев имел прямое отношение как издатель: «Лист до громады», «Права русского народа», «Несколько слов к молодежи...» (М. А. Бакунина) и др. В этом же донесении сообщалось о том, что Сумароков дважды перешел границу: 29 апреля 1872 г. (в Россию) и 13 июня, возвращаясь из России (ЦГИАМ, ф. 109, 3-я экспедиция 1872 г., д. 112).

В аннотируемом ниже письме М. К. Элпидина к Огареву (от 6 августа 1872 г.) Сумароков (Секира) назван агентом III Отделения, провокатором, ставящим своей целью впутать Огарева и Элпидина, чтобы их скомпрометировать, в дело о печатании фальшивых ассигнаций (см. также письмо Элпидина № 18). В архивных документах это высказывание подтверждения пока не находит.

1

29 ноября 1871 г.

«Многоуважаемый Николай Платонович! Поздравьте, во-первых, меня — только что возвратился сейчас из Мюнхенской политехники...».

Сообщает, что выдержал экзамен на архитектора; о предстоящем получении австрийского паспорта, с которым намерен отправиться в дорогу; просит выслать ему «рисунок какого-нибудь негра»; предлагает сообщить журналу разоблачительные материалы о губернаторстве князя Щербатова в Калишской губернии; осведомляется, где находится Маклаков.

Упоминаются: Маклаков, Тухолка, кн. Щербатов.

Ед. хр. 174.

2

8 февраля 1872 г.

«Николай Платонович, с поляками все разорвал; эти мерзавцы не только на мое, но и на ваше и Герцена честные имена посягнули...».

Сообщает, что «всей душой безраздельно отдается народу своему русскому» и будет «служить ему до последней капли крови». О своем отъезде через четыре дня в Россию; просит не поминать лихом, если его повесят; извещает, что уничтожил бланки Общества, и просит не верить, если кто-нибудь их представит.

Упоминается Герцен.

Ед. хр. 165.

3

Петербург. 17/29 ‹мая?› 1872 г.

«Дорогой человек, наконец-то я добрался до Петербурга...».

Сообщает конспиративные сведения: «Первым делом, занялся собиранием какихлибо средств для „Востока“ *, и хотя немного, но пришлю на днях; тогда старайтесь доставить сами к нам — я вам указал как и чрез кого ‹...› Не забудьте посылать в Цюрих по адресу, который я вам послал из Галиции. Был у доктора, но еще ничего не сделал, недавно приехал и был болен. Ну, прощайте, апатия ужасная тут царит, просто смотреть больно».

Упоминаются: Алек. Мих. ‹?›, доктор, Ог. ‹?›.

Ед. хр. 194.

4

Львов. 1 августа 1872 г.

«Дорогой Николай Платонович, вот уже два раза был в России и возвратился назад...».

Сообщает о своих поездках: «Первый ‹раз› — без успеха: занимался только господами; второй — удачнее: прошел пешком часть России, всю Литву и Польшу, был у магнатов, был и у мужичков, от последних бывал так принимаем, что дух радуется ‹...› Данную вами мне бумагу нужно мне было уничтожить, и надобность в ней опять имеется большущая, а потому будьте добры — напишите мне такую историю на языках *русском* и *французском*: „Поручаю всю революционно-социальную пропаганду и корреспонденцию графу *Николаю Секире* во всех славянских землях и прошу оказывать ему помощь, каковую потребуется, всех лиц ‹!›, желающих погибели государства российского“. После подписи приложите печать вашу. Сделайте милость — ответьте скорее, как возможно, я только прихвачу тут деньжонок и ту ж минуту назад. Теперь едва улизнул, чуть-чуть было не поймали, но зато достал все планы Литвы и Малороссии в Генеральном штабе. Без планов плохо ходить и действовать по лесам литовским и степям Малороссии ‹...› Какие слухи о докторе? Как сказали мне в Петербурге, что он шпион, то я уже с ним и не сносился больше, хотя сам в душе этому не верую: не может быть, чтобы человек, так сочувственно относящийся ко всему хорошему, мог быть подлецом. План мой такого рода подготовит крестьян во всех направлениях; для этого имею еще несколько душ, которые действуют, хотя и очень мало, всего трех, и так как положительно будет война России с Австрией, если не в следующем, то непременно ‹в› 74 году, то в то время поднимут топор и ну катать ‹...› Бумага ваша мне нужна между поляками; они хотя и страшно злы на вас за Литву, но все-таки высоко ценят ваше имя и, к стыду нашему, должен сказать, умеют ценить его лучше, чем русские. Стихи ваши к барскому ребенку произвели большой фурор ‹...› Писал два раза Элпидину о делаемом предложении; плохо, что отказался, были бы деньги, и хорошие, а без денег очень гадко». Жалуется на состояние здоровья; ожидает ответа от Огарева.

Упоминаются: доктор, М. К. Элпидин.

Там же.

---

* Название проектировавшегося Огаревым издания.

ЭД. ТИБО-БРИНЬОЛЬ — ГЕРЦЕНУ

Эд. *Тибо-Бриньоль* (1842 — ?) — молодой петербуржец, отправленный в детстве отцом за границу.

Лондон. 18 марта 1863 г.

«Monsieur, quoique Russe, je n'ai pas hésité...».

О своем вступлении в члены «Немецкого национального кобургского кружка» в Лондоне; о целях и задачах кружка; автобиографические подробности.

На французском языке.

Ед. хр. 126.

О. ТОКАРЖЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ

Об О. *Токаржевиче* см. на стр. 575—581 настоящего тома. См. также стр. 743.

Замок Борегар. 3 августа 1867 г.

«Милостивый государь Александр Иванович, написать это письмо решился я только на днях...».

Просит Герцена рекомендовать какому-нибудь швейцарскому или брюссельскому издателю его повесть — «пейзаж одного литовского уголка со времен 1863 года (...), на которой стоит особняком довольно мрачная и à peu près* грибоедовская фигура атея (что-то вроде нигилиста)».

Упоминаются: Байрон, А. С. Грибоедов.

Ед. хр. 108.

С. ТХОРЖЕВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Станислав *Тхоржевский* — польский эмигрант, помощник Герцена в его издательской деятельности.

1

Женева. 14 января 1869 г.

«Добрейший и почтеннейший Александр Иванович. Письмо, за которое очень вас благодарю...».

О получении письма от Герцена и об отправлении записки Огареву; жалуется на недоверие к нему Огарева; о своем намерении покинуть Женеву, а также поместить свои деньги у Герцена; посылает Герцену адрес часовщика.

Упоминаются: Огарев, Л. Чернецкий.

Ед. хр. 113.

2

Женева. 6 января 1870 г.

«Добрейший Александр Иванович. Пересылаю письмо для Наталии Алексеевны...».

Об уплате денег разным лицам по указанию Герцена; о выполнении других его поручений; о письме Постникова, осведомляющегося об адресе Герцена.

Упоминаются: Георг, М. Мейзенбуг, Н. В. Постников, Н. А. Тучкова-Огарева, Л. Чернецкий.

Там же.

3

Женева. 12 января 1870 г.

«Добрейший Александр Иванович. Письмо ваше получил в воскресенье...».

Ответ на предложение Герцена взять деньги у Тхоржевского под залог своего парижского дома; о нежелании оставаться в Женеве и намерении приехать в Париж; сообщает о недоверии к нему Огарева. «Я дальше этих дел вести не хочу — на меня больше не рассчитывайте и к 1 февраля много и много вас прошу сделать меня свободным. Для вас всегда к вашим услугам. Если мое дело захотите устроить, то я скоро должен к вам приехать и в это время все счеты привезу».

Упоминаются: Н. А. Герцен (дочь) и Огарев.

Там же.

---

* почти (франц.).

С. ТХОРЖЕВСКИЙ — ОГАРЕВУ

1

31 января 1865 г.

«Добрейший Николай Платонович. Письмо А. И. ⟨Герцена⟩ с 21 числа получил только сегодня...».

Пересылает Огареву, по поручению Герцена, вырезку из журнала, с просьбой сохранить ее; извещает о получении для Огарева денег по векселю.

Упоминается Герцен.

Ед. хр. 175.

2

Берн. 19 июня 1868 г.

«Добрейший Николай Платонович! В четверг вечером добрался до Interlaken...».

О своем посещении кн. П. В. Долгорукова и о состоянии его здоровья; о совершенном им с Долгоруковым переезде в Берн и предстоящей поездке в Женеву.

Упоминаются: П. В. Долгоруков, Н. А. Герцен, А. Фогт.

Там же.

3

Берн. 3 июля 1868 г.

«Добрейший Николай Платонович! Наталия Александровна приехала во вторник вечером...».

О приезде Н. А. Герцен. «От Александра Ивановича получил несколько писем, все там хорошо—будет несколько дней в Базеле, а после уедет в Люцерн, куда, верно, поеду с Наталией Александровной ⟨...⟩ Александр Иванович просит, чтоб „Голос" посылать регулярно под адресом его пребывания». Извещает о состоянии здоровья П. В. Долгорукова и предстоящем приезде к нему сына.

Упоминаются: А. И. и Н. А. Герцены, В. П. и П. В. Долгоруковы, А. и М. К. Рейхели, Г. и М. Сетерленды, Тутц.

Там же.

4

Флоренция. 1 мая 1869 г.

«Добрейший Николай Платонович! Вот я и во Флоренции шестой день...».

О своей предстоящей поездке в Женеву; о здоровье и занятиях детей Герцена; о ходе болезни Герцена: «По разложению урины Александра Ивановича Шифф определил, что сахар опять увеличивается и нужно непременно ехать на лечение в Vichy, об чем А. А. ⟨Герцен⟩ писал на днях к А. И. Я жду из Ниццы известий; кажется, 3-го мая хочет уехать из Ниццы и тоже около 10-го быть в Женеве, но это еще не решено, а впрочем, А. И. к вам писал».

Упоминаются: А. А., А. И., Н. А., О. А. и Тереза Герцены, Данич, М. Мейзенбуг, Панова, Тутц, М. Шифф, Л. Чернецкий.

Там же.

5

⟨Лион.⟩ 13 декабря 1869 г.

«Добрейший Николай Платонович! В пятницу вечером видел только Александра Ивановича, которого нашел в довольно хорошем здоровье и расположении духа».

О встрече с Герценом и Н. А. Герцен; о состоянии ее здоровья; о их предстоящей на следующий день или во вторник поездке в Париж.

Приписка Лизы Герцен (на французском языке):

«Мы здесь с Ольгой и Тхоржевским и отправляемся в Париж. Целую тебя. Л и з а.

Тата чувствует себя сегодня хорошо».

Упоминаются: А. А., А. И., Н. А., О. А. и Лиза Герцены, М. Мейзенбуг, Пенизи, Постников.

Там же.

А. С. УВАРОВ — ГЕРЦЕНУ

О гр. Алексее Сергеевиче *Уварове* см. на стр. 604 настоящего тома.

(1861 г.)

«Мы вас очень благодарим за вашу память...».

Приглашает Герцена к себе. Откликаясь, повидимому, на не дошедшее до нас письмо Герцена, Уваров пишет: «Действительно, Вильгельм Телль всегда делал и делает умные поступки».

Упоминается жена Уварова.

Ед. хр. 114.

С. А. УСОВ — ОГАРЕВУ

Степан Александрович *Усов* (1825—1890) — редактор «Артиллерийского журнала», педагог. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 21—22.

1

Вена. 19 августа (1873 г.)

«Многоуважаемый Николай Платонович! Вчера только прибыл я в Вену...».

Сообщает о своем приезде в Вену после поездки по Швейцарии и о предстоящем возвращении в Россию; просит прислать обещанные ему венские адреса. «Я глубоко рад, что пришлось еще раз с вами свидеться после стольких лет...».

Упоминаются: Н. А. Герцен, Н. А. Тучкова-Огарева.

Ед. хр. 177.

2

Вена. 29 августа (1873 г.)

«Многоуважаемый Николай Платонович! Письмо ваше от 23 августа я получил и был огорчен известием о вашем нездоровье...».

О своем отъезде на следующий день из Вены; отзыв о международной венской выставке. «От души желаю, чтобы вы как можно скорее поправились и чтобы хлопоты и дрязги, сопряженные с переменою квартиры, как можно скорее миновали бы для вас...».

Там же.

В. ФЕНИН — ГЕРЦЕНУ

Валериан *Фенин* (1840—1895) — офицер, участник революционного движения шестидесятых годов и польского восстания 1863 г., политический эмигрант. Пользовался материальной помощью Герцена. См. упом. о нем в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 64; ЦГВИАМ, Дело инспектора департамента военного министерства, часть обер-аудитора, № 290.

Женева. 31 мая 1865 г.

«Милостивый государь Александр Иванович! Извините меня, что я должен написать вам еще раз...».

Жалуется на грубость слуги, не допустившего его к Герцену.

Ед. хр. 129.

ЦЕХАНОВЕЦКИЙ — ОГАРЕВУ

Сведениями о личности *Цехановецкого* (Ciechanowiecki) мы не располагаем.

6 мая (1870 г.) Брюссель

«Милостивый государь! Мысль ваша воскресить „Колокол“ покойного и достойного Александра Ивановича — прекрасная; момент выбран также своевременный, ибо недовольных настоящим ходом дел в России много».

Характеризует политические настроения в России. «Существование „Колокола“ теряет всякий смысл и raison d'être *, если оный не будет придерживаться самой строгой, неопровержимой правды. Два, три отступления — и никто его читать не станет, а за корреспондентами, которые умышленно вам будут ложь сообщать, недостатку не будет ‹...›». Предупреждает о неправильных сообщениях, попавших в вышедшие четыре номера «Колокола» — по поводу убийства ксендза Оржеховича, о Левашове, Д. Милютине и др. Считает, что Чернецкий должен выбрать себе псевдоним, так как «имя его на русском органе очень некстати, портит дело страшно, всякого русского, читающего „Колокол“, сейчас пожалуют в полонофилы — значит, в государственного изменника».

Упоминаются: Ф. Ф. Берг, Герцен, П. А. Клейнмихель, С. С. Ланской, гр. Левашов, Д. А. Милютин, Николай I, Оржехович, Петр I, А. Л. Потапов, Ф. Ф. Трепов, Л. Чернецкий, П. А. Шувалов.

Ед. хр. 126.

С. ЧАРУШИН — ОГАРЕВУ

Сведениями о С. *Чарушине* мы не располагаем.

‹Без даты›

«М-г Огарев! Потрудитесь отдать посланному...».

Просит переслать ему карту Европы и сочинения Пушкарева.

Упоминается Пушкарев.

Ед. хр. 179.

В. ШЕНШИНА — ГЕРЦЕНУ

Викторина *Шеншина* — вдова парижского знакомого И. С. Тургенева. См. о ней: X, 432, 442, 444, 470—471 и «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 127—132.

Париж. Ноябрь ‹1860 г.›

«Милостивый государь Александр Иванович. Позвольте перелить вам всю мою скорбь...».

Жалоба на И. С. Тургенева, потребовавшего от Шеншиной, после смерти ее мужа, материального обеспечения незаконнорожденного сына А. Шеншина.

Приложено письмо Шеншиной к И. С. Тургеневу.

Упоминаются: Огарев, И. С. Тургенев, А. Шеншин.

Ед. хр. 122.

П. Я. ШЮТЦ — ГЕРЦЕНУ

Павел Яковлевич *Шютц* (умер в конце 1860 г.) — врач, автор работ по медицине и истории религии.

Иерусалим. 26 мая/7 июня 1860 г.

«Милостивый государь Александр Иванович! Воспитанники оба знаменитого, нам дорогого Московского университета...».

Автобиографические подробности; о своем путешествии по Востоку, пребывании в Иерусалиме и предпринятом археолого-топографическом изучении города. «Начиная с Константино-Еленовского гроба, Голгофы, обретения креста, Христова воскресения, рождения, всё — наглая, бессовестная выдумка этих мерзавцев-монахов. Образчик труда посылаю вам; прошу его напечатать в „Колоколе“; пусть русский крещеный мир вместе с Григорием и компанией прочтут эту как день ясную статью...». Излагает свои соображения по поводу издания русского перевода библии.

Упоминаются: Григорий, Иост, Сакиа, Огарев, Трюбнер, Цунц, Чермак.

Ед. хр. 126.

---

* основание (франц.).

М. К. ЭЛПИДИН — ОГАРЕВУ

Михаил Константинович *Элпидин* (1835—1908) — эмигрант, владелец русской типографии в Женеве. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 616.

1

‹Женева.› 16 февраля 1872 г.

«Завтра, в субботу 17 текущего месяца, я явлюсь к вашим услугам...».

Предлагает составить заранее программу разговора при завтрашней встрече.

Ед. хр. 183.

2

Сент-Сэрг. 27 июля 1872 г.

«Сердечный мой Огарев, вот уж шестой день, как дышу чистым горным воздухом...».

Описывает деревушку Сент-Сэрг, в которой отдыхает; приглашает приехать туда хоть на сутки.

Там же.

3

Сент-Сэрг. 6 августа 1872 г.

«Помилосердуй меня, сердечный мой Огарев, за то, что отвечаю за раз на два твои письма...».

Выражает сожаление, что Огарев и Мэри Сетерленд не могут приехать в С.-Сэрг; о своем намерении остаться там еще на неделю. «Ко мне сюда приехал один мой приятель, русский, живущий в Неметчине. Он будет у тебя тогда, когда я приеду, и сообща потолкуем о делах издания. Он тоже об них давно хлопочет. Граф Секира, что от тебя давно добивается ответа, без сомнения, есть не кто иной, как Роберт Тихановский (Robert Cziechanowsky), шпион русской полиции, который уполномочен III Отделением замешать тебя и меня в подделку фальшивых кредитных русских билетов. Помнишь, он тебе и мне писал о путешествиях по России и других глупостях. Ему нужно во что бы то ни стало твой или мой ответ какого бы то ни было содержания, лишь бы показать начальникам шпионов, что он, Robert Soumarokoff, или Тихановский, ловкий человек и вошел в сношения с революционерами. Я глубоко убежден, что ты все его письма будешь откладывать в сторону, с надписью („Шпионам не отвечают"), и хранить для сличения почерков, но отнюдь не будешь отвечать. Я, по крайней мере, не дам ему ни строчки своей руки. Они вечно хвалятся сношениями с нами и делают заговоры для ловли юношей». Высказывает надежду, что Озеров поживет в Женеве еще дней десять.

Упоминаются: В. М. Озеров, М. Сетерленд, Р. Тихановский (он же граф Секира, Н. Сумароков).

Там же.

4

‹Женева.› 19 ноября 1872 г.

«Прости меня, мой друг Огарев, за мое неглижорство к тебе».

Обещает придти к Огареву на следующий день.

Там же.

5

‹Женева.› 21 ноября 1872 г.

«Со слезами на глазах пишу тебе, мой милый и сердечный друг, настоящее письмо...».

Жалуется на Мэри и Генри Сетерлендов, пытающихся помешать сношениям его с Огаревым и обмену книгами между ними. «Мои частые приходы к тебе, как я начал замечать с некоторых пор, вызвали со стороны Henry и Мэри неблагоприятные взгляды. Во время наших разговоров, как я заметил, Henry приходил и старался меня отвлечь от тебя своими расспросо-вопросами. Для меня подобное поведение его было комичным,

но я на это не обращал внимания. Наконец, m-me Мэри, отпёрши мне дверь однажды, старалась меня убедить, чтоб я не видался с Огаревым от 11 до 12 часов, который, дескать, ⟨устает⟩ от разговоров и в особенности от чтений, от которых, по ее словам, ты не спишь по ночам и бываешь болен. В другой раз Непгу и опять Мэри советовали мне не начинать с тобой никакого журнала, которым ты бредишь, и стараться избегать этих вопросов. Все подобные махинации мне давали повод думать, что твое семейство тебя сильно любит и заботится о твоем телесно-физическом спокойствии. Теперь оказывается что же? Приходит ко мне сегодня Соколов и передает поручение m-me Мэри, *чтоб я принес и возвратил все книги, которые набрал у Огарева, а книг, дескать, набрал много, которые надо привести в порядок*. Что же это значит? Мэри говорит твоими устами? Но это ложь — у меня вовсе книг не *много*, а всего-навсего *два* тома „Колокола", что вчера дал мне для просмотра, и потом одна книга „Дела" за июнь 1872. Если бы ты действительно хотел устроить библиотеку, то сказал бы мне о возврате этой книги „Дела"; но ты, я убежден, не поручал никому подобной комиссии. Следовательно, практические англичане дошли *своим умом*, что я хочу захватить твои книги и лишить их *наследства*. Так, что ли, надо понимать? Если бы я знал по-английски, то разъяснил бы m-me Мэри, что если она постоянно видала меня уходившим от тебя с книгами, то с „Отечественными записками", которые к тебе регулярно приносил (приношу и назло иностранцам буду приносить), или же с учебниками, так как я захожу иногда прямо с урока. Итак, мой друг, постарайся успокоить твоих домашних, что я не имею тенденции разграбления своих друзей (что кандидаты на нищих) и в то же время устрой так, чтоб все чающие получить наследство заполучили шиш (или еловую шишку), чтоб, кроме долгов, в комнате ничего не было. Так кончали жизнь государственные мужи древней Греции. Книгу „Дела", что у меня находится, постараюсь возвратить тебе *по почте*, так чтоб домашние твои не могли делать намеки, что я твои книги придерживаю. Что же касается до будущих обменов книгами, то будем назначать свидания в café».

Упоминаются: Г. и М. Сетерленды, Н. В. Соколов.

Там же.

6

⟨Женева.⟩ 17 декабря 1872 г.

«Дорогой мой Ага, вероятно ты или забыл или затерял тот номер „Journal de Genève", 13 décembre, vendredi, в котором говорилось о Нечаеве».

Просит поискать номер газеты «Journal de Genève» и одолжить ему.

Упоминается С. Г. Нечаев.

Там же.

7

⟨Женева.⟩ 21 декабря 1872 г.

«Да, это я тебе послал брошюру с хорошим направлением и в дурно выраженной форме».

Осуждает автора брошюры, скрывающего свое имя и называющего себя «родственником поэта», за бесконечные поправки и переделки в брошюре; о нетерпеливом ожидании номера «Дела» со статьей Мордовцева. «Я слышал, что русское правительство уже выпустило своего деятеля Нечаева, а держит псевдонима — Серба и что Нечаев первый визит сделает Бакунину, с которым снова заварит катавасию». О процессе, проигранном Катковым «С.-Петербургским ведомостям».

Упоминаются: М. А. Бакунин, М. Н. Катков, Д. Л. Мордовцев, С. Г. Нечаев, Емельян Пугачев.

Там же.

8

⟨Женева.⟩ 5 января 1873 г.

«Адрес к Соколову следующий ⟨...⟩, а он может передать и Россу твой ответ».

Советует дать «этим глупым и неопытным революционерам» следующий ответ: «1) Вы хлопочете об устройстве русской типографии, но зачем? Ведь в Женеве есть три русских типографии. Почему не хотите войти с кем-нибудь в сделку и уэкономить революционную кассу?

2) С какой стати тратите время на *хлопоты* об издании брошюр, когда уже в Женеве занимается этим Александров с революционкой Крюковой? 3) Вы спрашиваете, могу ли я, захочу ли написать какую-нибудь брошюру, но потом спрашиваете или *просите сказать*, на какую тему буду писать брошюру? Прежде чем начинать писать, мне желательно знать обстоятельно *ваши собственные* программы и материалы. В выборе тем я не промахнусь, чему служить может десятилетняя служба русскому революционному делу. Вы меня поэтому знаете, а я вас мало, потому рекомендую выслать вашу собственную программу. Относительно же заведения *тайной типографии* замечу: 1) или вы просто от скуки шутки шутите, 2) или же кто-нибудь из вас в приятельских отношениях с agent-provocateur'ом *. 1) Заводят тайные типографии в Москве, Петербурге и других городах Российской империи для печатания маленьких прокламаций; те же, кто хочет вести пропаганду на широкую ногу, они покидают ту страну, которая не позволяет печатать, и едут в свободные страны — Америку, Англию, Бельгию, Голландию, Испанию и, наконец, в те кантоны Швейцарии, где русские типографии не запрещены. 2) Научают русских революционеров заводить тайные типографии только для того, чтоб иметь предлог придраться к революционерам и обвинить их в нарушении закона и изгнать их, а может быть, и еще худшее намерение советников — это обвинить в намерении печатать тайно русские фальшивые кредитные бумаги. Тут уж не отделаешься ничем...».

Упоминаются: В. М. Александров, Крюкова, А. Росс (М. П. Сажин), Н. В. Соколов.—Аннотируемое письмо является откликом на письмо к Огареву М. П. Сажина (см. стр. 520—521 настоящего тома).

Там же.

9

‹Женева.› 22 января 1873 г.

«Винюсь тебе, мой милый друг Огарев, что так давно к тебе не заглядывал...».

Обещает зайти к Огареву в субботу или воскресенье. «Ты, надеюсь, ‹знаешь›, что Шувалов-шпион ездил в Лондон сводничать царскую дочь за английского королевского сына. А по пути в Берлине предлагал *меры* против International'я. Значит, на все руки — *дипломат*, и *шпион*, и *сводня*. Напиши что-нибудь стихотворное на эту тему — что Шувалов — сводня-дипломат-шпион».

Упоминается П. А. Шувалов.

10

‹Женева.› 4 июля 1873 г.

«Ты что, брат, распространяешь обо мне ложные слухи, что будто я *умираю*?»

Упрекает Огарева, не выполнившего своего обещания придти к нему; сообщает, что выздоровел; просит навестить его.

Там же.

11

Маршерюз. 12 августа 1873 г.

«Я тебе писал, друг мой Огарев, и просил адресовать корреспонденцию в St. George».

О своем новом переезде — в Маршерюз; просит прислать «серьезное письмо», газеты и письмо Зайцева; осведомляется, продолжает ли надоедать Огареву генерал-майор Краевский».

Упоминаются: Зайцев, Краевский.

Там же.

12

Маршерюз. 21 августа 1873 г.

«Что это, мой дружище, ты вздумал прихворнуть? Или уж от скуки, что ни одна скотина, вроде генерала Краевского, тебе не надоедает?»

---

* провокатором (франц.).

Отклик на письмо Огарева: «Что касается смерти, намек на которую ты даешь в своем письме, то я тебе напомню, родной мой Огарев, что смерть — „старая лиса", которую никто из нас не перехитрит. А теперь пока поживешь и забудешь о разложении физическом». Напоминает о своей просьбе—прислать какие-нибудь женевские газеты, а также присланное Огареву для передачи Элпидину письмо; сообщает о своем намерении возвратиться в Женеву к 31 августа. Благодарит за присылку «Русской старины».

Упоминаются: Краевский, Г. и М. Сетерленды.

Там же.

13

‹Женева.› 28 августа 1873 г.

«Я тебя, мой милый друг Огарев, вовсе не браню, а еще менее сержусь...».

Убедительно просит разыскать адресованное Элпидину письмо («Ты в первом письме очень верно заметил, что письмо, по всей вероятности, должно быть очень серьезное») и найти подателя этого письма — Ильина, который необходим Элпидину «для передачи ему некоторых махинаций по сбору денег на журнал, нами затеваемый»; отклик на сообщение Огарева, что Генри Сетерленд получает работу, *и о недобросовестных действиях хозяина квартиры Огарева; о своем возвращении* в Женеву 31 августа.

Упоминаются: Ильин, Краевский, Г. и М. Сетерленды.

Там же.

14

9 февраля ‹187...›

«Ты хочешь меня удивить знанием, или, скорее, памятью церковных нелепостей, начав свое письмо: „Господи, владыко живота моего..."».

Сообщает, что номеров «Колокола», которые Огарев просит его возвратить, у него нет; о начавшемся в Польше процессе против поляков, участвовавших в восстании 1863 г., и о предполагаемой амнистии «всем жуликам и мошенникам из дворян и чиновников, а также и политическим преступникам, *не сосланным* в каторжную работу», в связи с замужеством вел. кн. Марии Александровны.

Упоминаются: в. кн. Мария Александровна, С. Тхоржевский.

Там же.

15

‹Без даты›

«Сердечный мой, так как вчера я не справлялся дома об корреспонденции, то ваше письмо получил только сегодня...».

Сообщает, что может придти только на следующий день.

Там же.

16

‹Без даты›

«Сердечный мой, в субботу я ходил смотреть на Дебрюкса, что желал тебя видеть».

Сообщает подробности о Дебрюксе, которого намерен привести в этот же день. «Это — молодой человек, студент Киевского университета, из второго курса переходит в 3-й ‹...› Он желает передать вам какой-то проект Тайного общества. В разговоре я не упоминал ни об одном имени из знакомых в России, и ты то же сделай».

Упоминается Дебрюкс.

Там же.

17

Суббота, ночью 2 ч. и 15 м. пополуночи. ‹Без даты›

«Такой поздний час дает мне полное право сказать, что я сегодня, ‹в› воскресенье, приду к вам...».

О своем намерении принести «одни стихи» и прочесть их Огареву: «Содержание их: Весна, Любовь и Вино — лица: Поэт, Редактор и Цензор».

Там же.

18

‹Без даты›

«Я заходил к тебе, чтоб предупредить о некоем господине, приехавшем от имени Тихановского по делу фальшивых ассигнаций...».

Сообщает, что приехавший поляк «ни с того ни с сего» просил уничтожить письма, адресованные Тихановским Огареву и Элпидину, и о своем отказе выполнить эту просьбу; советует Огареву сделать так же, если поляк придет и к нему.

Упоминается Тихановский.

Там же.

19

Четверг. ‹Без даты›

«На твой вопрос: что я делаю? — отвечаю...».

Рассказывает о своих занятиях; обещает зайти в воскресенье; благодарит за ноябрьскую книжку журнала «Дело».

Там же.

Н. А. ЮРЕНЕВ—ОГАРЕВУ

Нил Александрович *Юренев* (1841—после 1913) — экономист, один из издателей женевского журнала «Общее дело». См. о нем в «Лит. наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 552.

‹Женева.› 31 октября ‹187...›

«Николай Платонович, не могу оставить неудовлетворенным желание написать вам несколько строк...».

Напоминает, что его личное знакомство с Огаревым было очень кратковременным, «но, благодаря вашей деятельности, я узнал вас и привык любить и уважать чуть не с самого детства; наше свидание скрепило лишь эти давнишние узы любви и уважения— тем сильнее, что к ним присоединились еще интерес и сочувствие к предприятию, задуманному вами вместе с нашим общим другом Элпидиным. Вы знаете, Николай Платонович, что я по мере сил готов вам споспешествовать и что мне посчастливилось сделать кое-что в отношении денежного сбора (Элпидин сообщит вам подробности на этот счет). Впоследствии надеюсь сделать еще более, и для меня будет большим утешением мысль, что и я, хотя и косвенным образом, способствовал делу, в благодетельных результатах и успехе которого я вполне уверен».

Упоминается М. К. Элпидин.

Ед. хр. 184.

ОБЗОРЫ

КРИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(ПО АВТОГРАФАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»)

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА

Обзор Н. А. Р о с к и н о й

Письма М. А. Бакунина к Герцену и Огареву впервые вышли в свет в Женеве в 1896 г., с биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Сын Герцена — А. А. Герцен — предоставил редактору этого издания подлинники писем, которые в настоящее время хранятся в «пражской коллекции».

Второе издание писем Бакунина было осуществлено В. Врублевским в 1906 г. в Петербурге и явилось простой перепечаткой предыдущего; доступа к подлинникам Врублевский не имел и никаких добавлений к изданию Драгоманова не сделал. Ни одна ошибка Драгоманова исправлена не была, воспроизведены были даже явные опечатки. Больше того, Врублевский вынужден был сделать ряд важных цензурных купюр, значительно понизивших ценность его издания.

Письма Бакунина — подчас целые трактаты— являются материалом для суждения о тех глубоких идейных разногласиях, которые существовали между Герценом и Бакуниным, а также ценным источником сведений о жизни русской революционной эмиграции шестидесятых-семидесятых годов. Поэтому исследователи заинтересованы в полном и точном воспроизведении этих писем.

В «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 71 и 135) сохранились подлинники восьмидесяти пяти писем Бакунина, адресованных к Герцену, к Огареву и к ним обоим *. Все они напечатаны в издании Драгоманова. Только два письма из них были ранее опубликованы в № 7 «Русской мысли» за 1892 г. (от 20 апреля из Твери и от 11 октября 1840 г. из Берлина).

Из напечатанных Драгомановым писем к Герцену и Огареву в «пражской коллекции» отсутствуют подлинники писем от 15 января 1873 г. и без начала, без даты, относящееся к 1861 г. (напечатано на стр. 79—80).

Нами была проведена сверка печатных текстов писем издания Драгоманова с их автографами. Ниже излагаются результаты этой сверки.

Письмо от 31 марта 1863 г. (у Драгоманова опечатка: 1866 г.) и письмо от 9 апреля 1863 г. считаются двумя отдельными номерами. Между тем они написаны на одном листе бумаги и никак не могли быть отправлены отдельно; письмо от 9 апреля является прямым продолжением предыдущего письма, оборванного на полуслове.

А вот недатированное письмо, относящееся к июлю 1869 г., в действительности представляет собою две отдельные записки. Вторая часть — после подписи — напи-

---

* Кроме того, три письма сохранились в копиях: от 20 апреля 1867 г., 16 ноября 1869 г. (в этот день Бакунин написал Огареву два письма; в копии сохранилось то, которое напечатано у Драгоманова на стр. 239—240; письмо, напечатанное на стр. 240—242, сохранилось в подлиннике) и 16 декабря 1869 г. (копия не имеет конца). Есть также и разные другие рукописи Бакунина и копии с них: письма к русским друзьям (от 29 августа 1863 г.; Драгоманов опубликовал это письмо как письмо к Герцену и Огареву,— его ошибка была исправлена Лемке — XVI, 496), Невилю (С. Г. Нечаеву), А. Таландье, М. П. Сажину-Россу от 21 октября 1874 г. (опубликованное в ряду писем к Огареву), С. Тхоржевскому, В. Мрочковскому, жене, родственникам жены, неизвестным. Сохранились также многочисленные рукописи статей и обращений Бакунина. Все эти документы в настоящем обзоре не рассматриваются.

сана на клочке совсем другой бумаги. Хотя по содержанию записки и связаны, оснований присоединять этот отрывок к данному письму у Драгоманова не было.

На обороте второго письма — собственно, записки — рукою Огарева сделана помета — несколько слов на немецком языке. Они напечатаны Драгомановым без указания, что их написал Огарев.

На двух письмах — от 19 июля и 22 сентября 1866 г. — есть пометы, сделанные рукою Герцена. В письме от 19 июля 1866 г., констатируя упадок «Колокола», Бакунин призывает Герцена и Огарева обратиться к другой публике—к «ученикам Чернышевского и Добролюбова». На последней странице Герцен написал Огареву: «*Приготовь свою часть ответа и как-нибудь перешлем ему. Я буду отвечать искренно и серьезно. 12 августа*». На письме от 22 сентября 1866 г. Герцен отметил: «*Получил 29 сент(ября) утром*». Драгоманов воспроизвел эти надписи с ошибкой (пропустил слово «утром») и не указал, что они принадлежат Герцену.

Редактору женевского издания не приходилось, естественно, прибегать к купюрам цензурного характера. Поэтому издание Драгоманова выгодно отличается от издания Врублевского полнотою текстов. Укажем, однако, на другие купюры, сделанные по семейным соображениям — быть может, по просьбе родственников Герцена и Бакунина.

В письмах от 16 ноября (сохранилось в копии), 23 ноября и 17 декабря 1869 г. вычеркнуто все, что относится к психической болезни Таты Герцен. В соответствующих местах текста поставлены точки.

В письме от 17 декабря 1869 г. сделана большая купюра — удален подробный рассказ Бакунина об отношениях с женой, которая одно время была гражданской женой итальянского революционера Карло Гамбуцци. Впоследствии она вернулась к Бакунину, который усыновил и воспитывал двух ее мальчиков.

Наконец, из письма от 8 декабря 1860 г. изъят следующий текст, — часть заключительного абзаца, — который мог бы скомпрометировать в глазах царских властей упомянутых Бакуниным лиц:

«Вы, без сомнения, захотите ответить мне. В таком случае, прошу вас: пересылайте ваши письма через верных путешественников в Петербург — или на имя Николая Павловича Игнатьева или *на имя Волкова (Юрия Александровича — спросить в конторе Бенардаки), или, что может быть еще вернее, на имя двоюродной сестры моей Екатерины Михайловны Бакуниной, сестры-настоятельницы крестовоздвиженской общины в Петербурге*» (курсивом выделены пропущенные слова).

Перечисленными и приведенными текстами исчерпываются купюры, сделанные Драгомановым, но не исчерпываются пропуски. Оставляя в стороне невоспроизведенные приписки, пропущенные или, чаще всего, неразобранные слова, — там, где этот пропуск не искажает грубо смысл подлинника, — обратимся к наиболее существенным искажениям.

В письме от 11/23 октября 1840 г. (оно напечатано в предисловии Драгоманова, так как впервые было опубликовано в седьмой книжке «Русской мысли», 1892 г., стр. 92—95), на стр. XVI, фраза, начинающаяся словами: «Дух, знание стало в нем плотию...» — из-за нескольких пропущенных слов оказалась бессмысленной. Печатаем ее в исправленном виде:

«Дух, знание стало в нем плотию; в нем так много Gemütlichkeit *, не той болезненной и ограниченной Gemütlichkeit, которая, противуполагая себя разумному содержанию духа, выдает себя за истину, не той, которая болезненно противуполагается свободному течению духа, — но той, которая вытекает из живого, свободного единства знания и жизни, — той, которая обнаруживает, что знания человека — не мертвая буква, но плод религиозного, внутреннего стремления».

В письме от 7 ноября 1860 г. Нерчинск назван не «горно-заводским» городом, как сказано у Драгоманова (стр. 35), а «*горно-вороватым*».

В письме от 8 декабря 1860 г. напечатано (стр. 70): «Принципы вы мои знаете, я их не таил...»; в подлиннике: «я их *печатал*».

---

* душевности (нем.).

Письмо от 17 июля 1862 г. шутливо подписано фамилией царского генерала: «Твой *Дренякин* II». Эта подпись, очевидно, неразобранная, опущена и напечатано: «Твой Б.».

В письме от 3 октября 1862 г. напечатано (стр. 86): «Россия требует теперь практического руководства к практической цели. Даст его „Колокол" или нет?»; в подлиннике: «Даст его *Лондон* или нет?».

В письме от 10 ноября 1862 г. Бакунин выражает сомнение в том, «полезна ли будет посылка Жуковского и именно *его* на Восток?». Слово *его* пропущено Драгомановым (стр. 90), и это искажает смысл фразы. В этом же письме (стр. 92) речь идет не о «потребительном» капитале, а о *потребленном*, не о «приблизительной» доле писателей, а о *прибыльной*.

В письме от 24 февраля 1863 г. допущено искажение смысла — напечатано (стр. 110): «Рассчитывать мы можем только на один ум польский, если он не ослеплен страстью, но сознанием своих собственных интересов». Следует читать: «Рассчитывать мы можем только на один ум польский, если он не ослеплен страстью, *на сознание им* своих собственных интересов».

В письме от 31 марта — 9 апреля 1863 г., говоря о немногих преданных участниках экспедиции Лапинского, Бакунин имеет в виду не старшего машиниста (стр. 114), а, повидимому, старшего *матроса*: слово трудно читается, но читать «машинист» во всяком случае нельзя.

На стр. 117 Бакунин обращается к Герцену и Огареву: «Вы оба мои окончательные *совесть* (а не «совет», как напечатано) и крепость».

В письме от 1 августа 1863 г. напечатано (стр. 123): «(литература) в пьянстве ищет забвения, упивается, горя собою», надо: «упивается *с горя* собою». Признавая правоту Герцена и Огарева в польском вопросе, Бакунин пишет: «... мы должны были принять сторону жертвы, не обращая внимания на то, *благодарна* она или нет»; на стр. 124 напечатано: «благородна она или нет».

В текст чрезвычайно важного письма от 4 марта 1864 г. вносим два существенных исправления (стр. 152): 1) напечатано: «Получил ли ты, наконец, какие-нибудь новые доказательства существования и действительности общества?», надо: «существования и *деятельности* общества» (речь идет о «Земле и воле». —*Н. Р.*); 2) напечатано: «Все поляки ждут к концу нынешнего месяца нового взрыва...», надо: «нового *повсеместного* взрыва».

В письме от 8 октября 1865 г. напечатано (стр. 161): «Наших друзей губят, а черная русская изба, заключающая, по вашим словам, разрешение социальных вопросов, спит, как спала, мертвая и бесплодная в продолжении веков, потому что давит ее государство...». В заключительных словах — пропуск: «*потому что не веет в ней дух свободы*, потому что давит ее государство».

В письме от 23 марта 1866 г. на стр. 164 после слов: «Что ж касается твоего предложения писать в „Колокол", я его принимаю с радостью и с благодарностью» — должно следовать: «*Мы откроем дружескую и небесполезную переписку*». На стр. 165 напечатано: «Во всех итальянских провинциях против правительства оппозиция растет все сильнее»; надо: «*народная* оппозиция».

В обширном и значительном письме от 19 июля 1866 г. особенно много грубых ошибок. Так, на стр. 175 напечатано: «Как часто мы против него (речь идет о Лугинине. — *Н. Р.*) вместе отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытых семинаристов и нигилистов, эту единственную свежую силу вне народа». В подлиннике же говорится вовсе не о самостоятельности, а о *состоятельности* дворянства.

На стр. 178 напечатано: «Государь, государство кроме зла ничего народу не делали и сделать не могут»; надо: «*Правительство*, государь, государство...».

На стр. 179 в цитате из «Колокола» читаем: «Так как реакция бессмысленна, то она и должна утратить тот бессмысленный характер, в котором она является у нас»; надо: «... и должна *носить* тот бессмысленный характер...».

На стр. 182 Гарибальди назван не «бессловесным», а *обесславленным*.

На стр. 185—186 напечатано: «... всероссийское государство, кроме петербургских целей и средств, другими существовать не может». Вместо слова «петербургских» следует читать *петровских*.

На стр. 186 после слов: «Обращаясь к этому миру, вы только теряете драгоценное время и компрометируетесь по-пустому» — пропущено следующее: «*Пора вам также раз навсегда распроститься с вашею старою, изменившею вам публикою*». На той же странице напечатано: «Да, встаньте опять на кафедру и, отказавшись от мнимой и, право, бессмысленной тактичности, валяйте всё, что сами думаете, с плеча и не заботьтесь больше о том, сколькими шагами вы опередили свою публику». В подлиннике написано не «бессмысленной тактичности», а «*бессильной практичности*».

Письмо от «5 или вернее 6 августа ночью» ошибочно датировано у Драгоманова 1866 годом. Как явствует из содержания письма, оно было написано в 1869 г. (см. ниже). В этом письме, на стр. 188, о Нечаеве сказано: «Насчет средств писания к Бою, ведь он нам оставил целый букварь конспираторский». В подлиннике — не «нам», а *тебе*, т. е. Огареву.

В письме от 8 апреля 1867 г. вместо «а промежуточных ‹номеров „Колокола“› один» (стр. 191), надо: «а промежуточных *нет*».

В письме от 7 мая 1867 г., характеризуя свою деятельность, Бакунин называет ее не «социально-политическим противугосударственным направлением», как напечатано у Драгоманова (стр. 195), а «социально-*аналитическим* противугосударственным направлением».

В письме от 26 (у Драгоманова неверно: 28) октября 1869 г. напечатано (стр. 234): «Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохим политиком»; в подлиннике: «плохим политиком *и тактиком*».

В письме от 3 января 1870 г. пропущены слова, написанные Бакуниным на обороте: «*Письма Любавина сожги*».

В письме от 8 февраля 1870 г. читаем (стр. 257): «Вспомни, что мы и без того не слишком хорошо стоим во мнении буржуазной публики, которой мы подозрительны, ненавистны как социалисты». Пропущено продолжение фразы: «*да к тому ж как русские, беспардонные социалисты*». На той же странице Н. И. Утин назван не беспокойным, а *бестолковым*.

В письме от 21 февраля 1870 г. на стр. 261 напечатано: «Поздравляю с предстоящею отставкою Милютина и заменою его Васильчиковым князем в военном министерстве. Это для нас хорошо!» Надо: «*Очень 19 Fevrier это для нас хорошо*!»

В письме от 22 февраля 1870 г. (стр. 265) в перечне журналов пропущено: «Opinion national».

В письме от 2 августа 1870 г. (стр. 299) пропущен второй абзац:

«*Жду от тебя с нетерпением письма, чтоб узнать, кто именно уехал в Россию, и взял ли он мое письмо к братьям, и до какой степени взялся за мое дело? и какие инструкции ты ему дал и какие условия с ним заключил для осторожного ведения дела и для переписки?*» (очевидно, что это именно пропуск, а не купюра, сделанная из предосторожности, — ведь в предыдущем письме от 29 июля идет речь об этом же человеке: ниже выясняется, что им был тайный агент III Отделения Н. В. Постников).

В письме от 31 августа 1870 г. на стр. 304 читаем: «А надо как-нибудь вытащить Озерова из ада, чем он, бедняжка, заплетен?»; надо: «...чем он, бедняжка, *заплатит*?».

В недатированном отрывке (1870) напечатано (стр. 306): «... мы вскоре вместе с тобою поможем русскому делу составлением нового широкого фонда для русского революционного дела». Следует читать: «...составлением *здесь* широкого фонда...».

В письме от 5 апреля 1871 г. (стр. 318) о героях Парижской Коммуны сказано: «Вероятно они будут побеждены. Но вероятно то, что для Франции отныне не будет другого существования, кроме социальной революции». Следует читать: «Но *верно* то...».

В письме от 9 апреля 1871 г. речь идет об опыте Парижской Коммуны. Напечатано (стр. 318—319): «Французы, даже работники, не приняты еще достаточно, а, кажется, урок был ужасный. Но как было его мало». Следует читать: «Французы,

даже работники, не *приняты* еще достаточно, а, кажется, урок был ужасный. Но *им* было его мало».

В письме от 2-го (у Драгоманова неверно: 3-го) октября 1871 г. пропущена приписка: «*А математика дело отличное*».

Письмо без даты (1871 г.?) подписано в подлиннике не «Твой неизменный М. Б.» (стр. 324), а «Твой неизменный *и неисправимый* М. Б.».

В письме от 14 ноября 1871 г. напечатано (стр. 325): «... веду в Италии отчаянную и победоносную борьбу со всеми мацинистами и идеалистами. Ты находишь, что это не нужно». Следует читать: «Ты находишь, что это *напрасно*».

В письмо от 2 ноября 1872 г. вкралась опечатка: на стр. 341 нужно читать не «грозный клеветливый процесс», а «*грязный*».

Мы привели лишь наиболее существенные примеры искажения текста в драгомановском издании. К ним можно добавить еще бесчисленное количество менее существенных погрешностей: перестановки слов, пропуски, замены неразобранных слов другими — близкими по значению и т. д.

В петербургском издании 1906 г., выпущенном Врублевским, число таких искажений еще больше. Кроме того, и это главное, к новым механическим ошибкам (опечатки, пропуски и т. п.) в этом издании добавлены многочисленные цензурные купюры. Выброшены резкие замечания по адресу Николая I и Александра II, великого князя Константина Николаевича, удалены мысли о несовместимости царской власти с народным благом, о ненависти к империи и о сочувствии Каракозову и т. п.

Сверка писем с автографами позволяет восстановить имена собственные, в подлиннике написанные полностью или с некоторым сокращением, а в книге Драгоманова замененные инициалами или обозначенные условно.

Так, в письме Бакунина от 8 декабря 1860 г. редактор скрыл под пятью звездочками фамилию *Бодиско*, — вероятно Василия Константиновича Бодиско. В. К. Бодиско — двоюродный брат Грановского — был московским знакомым Герцена, Огарева и Бакунина (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 98).

В письме без даты, напечатанном на стр. 81—82 (среда (1862)), буква Л. означает *Лугинин*. В. Ф. Лугинин обозначен буквой Л. и в письмах от 19 июля 1866 г., 5 апреля и 14 ноября 1871 г.

В письмах от 16 декабря (копия) и 17 декабря 1869 г. и от 3 января 1870 г. фамилия *Любавин* заменена буквами «N. N.». Но в письме от 14 июня 1870 г. тот же Н. Н. Любавин обозначен буквой Л., уже закрепленной за Лугининым. Несомненно, что о Любавине же идет речь и в незаконченном письме от 7 января 1870 г., где он обозначен буквой Л. как в печатном тексте, так и в подлиннике.

В письме от 10 ноября 1862 г. под инициалом Б. скрыт В. И. *Бакст*; в письмах от 28 июня 1866 г., 7 мая 1867 г., 26 октября 1869 г. и 4 января 1870 г. под инициалом В.— Г. Н. *Вырубов*.

В письме от 23 марта 1866 г. (постскриптум) вместо «М—ского» следует читать *Малчинского*.

В письме от 22 сентября 1866 г., столь важном для реабилитации В. О. Ковалевского (см. публикацию писем Ковалевского в настоящем томе, стр. 269), фамилия И. И. *Мечникова* сокращена и пишется «М — в».

В письме от 16 ноября 1869 г., на стр. 242, пропущена фамилия сестры А. Жуковской — члена русской секции Интернационала О. С. *Левашовой*.

Во всех поздних письмах — конца шестидесятых и начала семидесятых годов — буквы С., С — в означают С. И. *Серебренников*; О., О — в — В. М. *Оверов*.

В письме, ошибочно датированном 20 мая 1870 г. (надо: 30 мая), первый абзац читается так (в подлиннике все фамилии, сокращенные Драгомановым, написаны полностью):

«Здравствуй, Ага, из Локарно. Эх, брат! Хорошо здесь! Тихо, мирно, — думай сколько хочешь и делай на свободе. Нет ни Утинской грязи, ни Мечниковского красноречия, ни *Жемановского* глубокомыслия, ни *Элпидинской* мудрости, ни сквозного ветра *Жуковского*».

В письме от 29 июля 1870 г. говорится о «человеке верном, П. или Б.»; оба ехали в Россию и готовы были выполнить поручение Бакунина. Оказывается, что речь идет о *«Постникове или Белоголовом»*. Об Н. В. Постникове говорится и в письме от 5 апреля 1871 г. — в той его части, которая относится к Жану (В. М. Озерову: как выясняется из публикуемых выше писем Озерова,—см. стр. 443,—«Жан» — его конспиративное имя): «Не знаешь ли чего о П—е?»

Надо думать, что Постников же фигурирует в недатированных письмах (1871 г.?),— напечатанных на стр. 323—324, — под именем «полковника».

В письме от 31 августа 1870 г. буква Т. стоит вместо написанного в подлиннике: *«Турка»*. Кого имел в виду Бакунин — не установлено.

Многие фамилии оказались попросту неразобранными или неверно прочтенными.

Так, в письме от 1 октября 1862 г. вместо *Милович* напечатано «Милов».

В письме от 19 августа 1863 г. вместо *Бланш* напечатано «Блант»; вместо *Штурценбекер* — «Штурценберг».

В письме от 4 марта 1864 г. (на стр. 154) читаем: «В Вевэ я встретился опять с Слепу...». Следует читать: «... с ⟨А. А.⟩ *Слепц⟨овым⟩*».

В письме от 23 мая 1867 г. фамилия *Ратаци* неверно прочтена как «Рангоди».

В письме от 4 января 1870 г. осталась непрочтенной фамилия Жана-Батиста *Boquet*: вместо нее стоит в скобках с вопросом «Badingué».

Фамилия *Robin* в некоторых письмах напечатана «Rolin», хотя в других письмах она напечатана правильно.

В письме от 8 февраля 1870 г. вместо несуществующего имени «Tabardin» следует читать *Talandier*.

В письмах от 19 сентября и 25 сентября 1870 г. опечатка в адресе: «Vittou» вместо *Vitton*.

Переходим к датировкам писем *.

В датировки писем необходимо внести следующие уточнения:

Письма от 1 октября 1862 г. и 10 ноября 1862 г. в подлиннике датированы только числом и месяцем. Год вставлен Драгомановым: в других подобных случаях он ставит дату в круглые скобки.

Письмо от 31 марта 1863 г., хотя и помещено среди других писем 1863 г., датировано 1666 г. (две опечатки).

Опечатка и в дате письма от 22 июня 1867 г. — напечатано: 32 ⟨!⟩ июня.

Письмо от 26 октября 1869 г. неверно напечатано под 28 октября.

Письмо от 30 мая 1870 г. ошибочно датировано 20 мая.

В письме от 11 августа 1870 г. год проставлен в подлиннике: редакторские скобки излишни.

Письмо от 17 октября 1870 г. ошибочно числится письмом от 16 октября.

Письмо от 2 октября 1871 г. у Драгоманова значится, как письмо от 3 октября 1871 г.

Таковы основные исправления, которые необходимо внести в печатные тексты изданных Драгомановым писем Бакунина в результате обращения к подлинникам этих писем.

---

* Некоторые из приводимых нами исправлений в датировках уже известны в литературе: они напечатаны в описании фотокопий писем Бакунина, полученных Гос. литературным музеем из Русского исторического архива в Праге (см. «Бюллетени Гос. литературного музея», № 5 — «Герцен, Огарев и их окружение». М., 1940, стр. 15 и 18). Там же (стр. 18) указано, что письмо от 5—6 августа следует датировать не 1866 годом, как это сделал Драгоманов, а 1869-м.

ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО

Обзор К. П. Богаевской

Из большого числа писем Белинского к Герцену за период с 1841 по 1846 г. сохранились только одно письмо 1845 г. (дошедшее до нас в копии А. Н. Пыпина) и девять писем за 1846 г.

Письма Белинского к Герцену 1846 г., хранящиеся ныне в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. № 5770, оп. 1, ед. хр. 72), впервые были опубликованы самим Герценом в «Полярной звезде на 1859 год» в виде приложения к отрывку из «Былого и дум» — «Старые письма» (стр. 201—213). Публикацию писем Герцен сопроводил примечанием: «Я должен предупредить, что я счел необходимым очень многое из писем Белинского и из писем Грановского не печатать» (стр. 199).

Действительно, Герцен напечатал восемь писем Белинского, сократив их, примерно, наполовину, а одно письмо — девятое (от 26 января) опустил совсем. Приготовляя письма к печати, Герцен выбрасывал из них то, что могло так или иначе задеть кого-нибудь из современников: почти все они в это время были еще живы. Особенно много строк сокращено в связи с упоминанием имени А. А. Краевского, а между тем разрыву с ним и уходу Белинского из «Отечественных записок» посвящены в этих письмах целые страницы.

Редакторская работа Герцена отразилась в автографах писем. Передавая подлинники, очевидно, прямо в типографию, Герцен отметил карандашом все строки, подлежащие набору, а кое-где даже внес изменения в текст. Например, в письме от 14 января в фразе «„О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩“ и петерб⟨ургский⟩ климат доканали меня» Герцен заменил слова «Отечественные записки» словами: «Журнальная работа». В письме Белинского от 6 февраля Герцен в фразе: «... после „Кто виноват?“ ты напишешь такую вещь, которая заставит всех сказать о тебе: „Прав, собака! Давно бы ему приняться за повести!“» — заменяет слова: «Прав, собака» словами: «Он прав...» и т. д. В письме от 4 июля Герцен убрал все резкие выражения по адресу Ю. Ф. Самарина и А. С. Хомякова, не отметив эти пропуски никакими обозначениями. Так же он поступал и с выпадами Белинского по адресу Краевского.

Имена современников (И. С. и К. С. Аксаковых, П. В. Анненкова, В. П. Боткина, К. Д. Кавелина, Е. Ф. Корша, Н. А. Мельгунова, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева, Ю. Ф. Самарина, Н. М. Сатина, В. А. Соллогуба, А. С. Хомякова, М. А. Языкова и др.), не исключенные Герценом из публикации «Полярной звезды», скрыты под первыми буквами. В письме от 6 февраля имена М. П. Погодина, С. П. Шевырева и К. С. Аксакова заменены латинскими буквами: «... *a* — вор, *b* — дурак, а *c* — плут» (стр. 203.— Кстати, в «Полярной звезде» — ошибка: в автографе не «плут», а *шут*).

Кроме сознательных изменений, в публикации Герцена часто встречаются ошибки, вызванные невнимательным чтением корректуры. Например, в письме от 20 марта, в приписке, адресованной Огареву, вместо: «Я был на тебя сердит и больно, братец» напечатано: «и больно бранил» и т. д.

* * *

После публикации Герцена письма Белинского много лет не были доступны широкому читателю в России. Полностью все девять писем Белинского к Герцену были опубликованы только в 1891 г. в «Русской мысли» (№ 1, стр. 1—24 — «Неизданные письма В. Г. Белинского к А. И. Герцену»).

Опубликованы письма в «Русской мысли» были крайне небрежно. Не говоря о мелких неточностях, пропусках года в дате (письма от 19 февраля и 6 апреля), пропуске подписи Белинского — *В. Б.* (письмо от 20 марта) и т. д., в текстах журнала при сравнении с автографами оказывается более сорока случаев неверно прочтенных слов и шестнадцать пропущенных строк и слов. Приводим из них наиболее существенные.

В письме от 2 января Белинский пишет: «Обыкновенно я *недели две* в месяц работаю с страшным, лихорадочным напряжением, до того, что пальцы деревенеют и отказываются держать перо». В «Русской мысли» напечатано: «неделю в месяц» и т. д. (стр. 2).

Далее: «Еще год назад тому он ⟨Краевский⟩ (узнал я недавно из *верного* источника) в интимном кругу приобретателей сказал: Б⟨елинский⟩ выписался и мне пора его прогнать»; напечатано — «(узнал я недавно из второго источника)» (стр. 3).

Некоторые искажения в печатном тексте придают совершенно противоположный смысл словам Белинского. В названном письме Белинский просит Герцена помочь ему в издании задуманного им альманаха «Левиафан»: «Если бы, сверх этого, *еще* ты дал что-нибудь *легонькое*, журнальное, юмористическое...». В «Русской мысли» напечатано: «Если бы, сверх этого, ты дал что-нибудь печальное, журнальное, юмористическое» (стр. 4).

В середине письма пропущены выделенные нами строки, посвященные уходу Белинского из журнала Краевского: «Мне, во что бы ни стало, надо упредить его. Не говоря уже о том, что с таким человеком мне нельзя иметь дела, *не хочется и дать ему над собою и внешнего торжества*, хочется дать ему заметить, что-де бог не выдаст, свинья не съест». В следующей за этим фразе: «В журнале его я играю теперь довольно *пошлую* роль...» вместо слова «пошлую» в «Русской мысли» напечатано: «последнюю» (стр. 3).

В письме от 14 января, рассуждая об участи «Кто виноват?» и уговаривая Герцена не отдавать вторую часть повести в «Отечественные записки», Белинский пишет: «Не могу спорить против того, чтобы ты действительно не имел своих причин не желать отказать Кузьме Рощину ⟨Краевскому⟩ в продолжении *и конце* твоей повести ⟨...⟩ Чтобы ты успел написать новую повесть — невероятно, даже невозможно. При том же, бр осивши продолжать и доканчивать старую, чтобы начать новую, ты испортишь *обе*». В «Русской мысли» пропущены слова: «и конце» и напечатано: «ты испортишь себе» (стр. 6).

Далее: «Вот и еще *приписка*, в которой еще раз прошу тебя и всех вас держать в тайне это дело, потому что *иначе* это может мне повредить». В «Русской мысли» напечатано: «приписочка» и пропущено слово «иначе» (стр. 8).

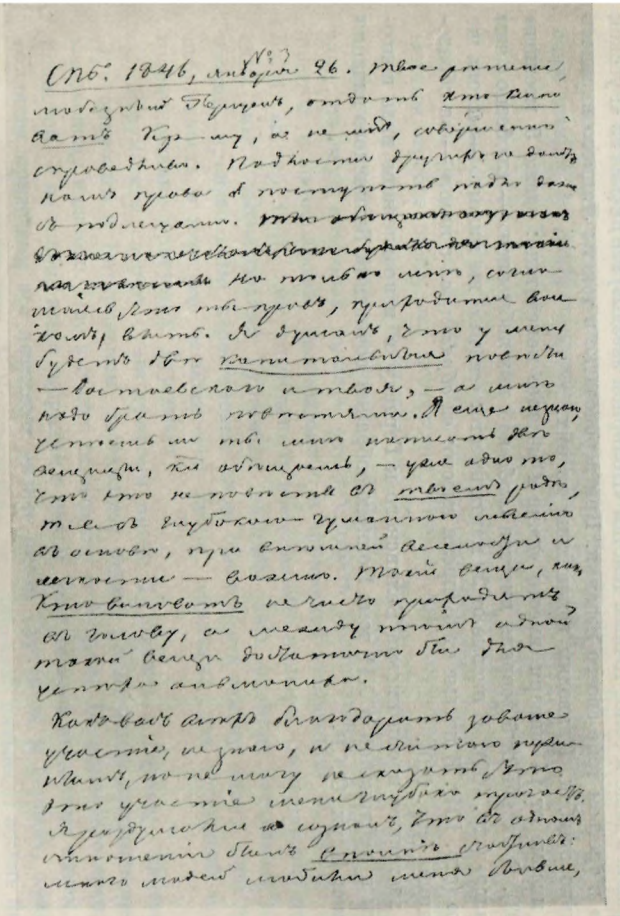
Говоря о портрете Герцена работы Горбунова, Белинский шутливо сожалеет, что около него не изображен Кетчер, «наливающий, подливающий, возливающий и осушающий (ревущий *не в зачет* — это само по себе)». В «Русской мысли» слова, заключенные в скобки, звучат бессмысленно: «ревущий лев зачем?» (стр. 9).

В письме от 26 января, благодаря друзей за желание помочь его альманаху, Белинский пишет: «Что К⟨е⟩тч⟨е⟩р говорил Галахову — ничего — если даст что порядочное, не мешает; я заплачу́ — *и дело* с концом». В «Русской мысли» последние слова читаются: «я заплачу́ — однако, с концом» (стр. 10).

В письме от 6 февраля Белинский пишет: «Чтобы мой альманах ⟨имел⟩ *успех*, после Петерб⟨ургского⟩ сборника, необходимо во что́ бы ни стало сделать его гораздо толще...». Белинский явно пропустил перед словом «успех» глагол «имел», а в «Русской мысли» напечатано: «чтобы мой альманах устоял» (стр. 11).

В конце этого письма Белинский пишет: «*Уведомь*, какой эффект произведет на славенофилов статья во 2 № О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩ „Голос в защиту от голоса Москвитянина“». В «Русской мысли» из-за одного неверно прочитанного слова фраза приобретает иной смысл — не вопрос, а утверждение: «Увидишь, какой эффект...» (стр. 13).

В письме от 19 февраля Белинский жалуется на тяжесть работы в «Отечественных записках»: «Ведь я тупею со дня на день. Памяти нет, в голове хаос от русских



СПБ. 1846, января 26. №3 Твое рѣшеніе, любезный Герценъ, отдать Кто виноватъ Кр-му, а не мнѣ, совершенно справедливо. Подлости другихъ не дадутъ намъ права поступать подло даже съ подлецами. ~~[illegible]~~ Но только мнѣ, согласіясь, что ты правъ, приходится вашимъ, взять. Я думалъ, что у меня будетъ двѣ капитальныя повѣсти — Достоевскаго и твоя, — а мнѣ надо брать повѣстями. Я еще не знаю, успѣешь ли ты мнѣ написать двѣ вещицы, кто обѣщаешь, — уже одно то, что это не повѣсть въ твоемъ родѣ, т. е. съ глубокою гуманною мыслію въ основѣ, при внѣшней веселости и легкости — важно. Такія вещи, какъ Кто виноватъ не часто приходятъ въ голову, а между тѣмъ одной такой вещи достаточно бы для успѣха альманаха.

Какъ васъ всѣхъ благодарить за ваше участіе, не знаю, и не считаю нужнымъ, но не могу не сказать, что это участіе меня глубоко трогаетъ. Я раздумался и сознаю, что въ одномъ отношеніи былъ [illegible] счастливъ: много людей любили меня больше,

чѣмъ, да и дорогую не ни съ чѣмъ; если онъ ѣдетъ осенью, я, м. б., и своихъ деньжонокъ прибавлю, да пожалуй еще и такъ, что чужихъ не нужно будетъ, а если и нужно, то немного. Все это важно.

Пока довольно. Скоро буду писать больше, по оказіи. Отрывокъ изъ Зап. М. С. — вещь драгоцѣнная, я вспрыгнулъ, какъ прочелъ, что онъ хочетъ дать. Это будетъ одинъ изъ перловъ альманаха. Что Кнуръ говорилъ Панаеву — ничего — если дадъ что порядочное, не мѣшаетъ; я заплачу — и дѣло съ концомъ. Объ обставленіи мною В. З. говорить еще не нужно. Мнѣ надо помедлить недѣлю, другую — не больше.

Прощай. Кланяйся всѣмъ, и скажи Сашѣ, что тебѣ молъ кланяется Бѣлинъ

Альманахъ Некрасова деревъ 2 экз. больше 200 экз. продано съ понедѣльника (21 января по пятницу 25е).

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО К ГЕРЦЕНУ ОТ 26 ЯНВАРЯ 1846 г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

книг, а в руке всегда готовые общие места и *казенная* манера писать обо всем». В «Русской мысли» напечатано: «низенькая манера писать обо всем» (стр. 14).

Далее: «А то ведь я давно уже не пишу (...) *Ты не знаешь этого положения*». В «Русской мысли» слова, выделенные нами, пропущены (стр. 14).

В фразе: «...а покупатели альманахов Тацита не купили бы, — *им* и от Илиады Гнедича сладко спится». В «Русской мысли» пропущено: «им» (стр. 15).

Далее, сообщая о смерти сына М. А. Языкова, Белинский восклицает: «Страшно подумать — смерть *двухлетнего* ребенка!» В «Русской мысли» напечатано: «двухмесячного ребенка» (стр. 16).

Точнее всех напечатано письмо от 20 марта. Но и в этой публикации допущены две серьезные ошибки: в фразе «...если ты будешь писать меньше тома в год, то будешь стоить быть повешенным за *ленивые* пальцы» пропущено слово «ленивые» (стр.17), а в конце письма, в обращении к Огареву: «...я хотел бы поскорей увидеть твою *воинственную* наружность» напечатано: «воинобранную наружность» (стр. 18).

В письме от 6 апреля в фразе: «*На лето мне и семейству денег станет*; м. б. станет их на месяц и по приезде в Питер» пропущены выделенные нами слова (стр. 19).

В письме от 4 июля вместо «*Я как-то свежее* и заметно крепче» напечатано: «Я, конечно, свеж и заметно крепче» (стр. 23). Вместо «*В. Белинский*» в подписи напечатано: «В. Б.».

В конце письма в «Русской мысли» внесено нелепое искажение. Строки: «*Прощай. Если не поленишься — напиши* что-нибудь» напечатаны: «Если не поклонишься, скажи им что-нибудь» (стр. 24).

В последнем письме от 6 сентября в первых строках пропущены выделенные нами слова: «Пишу к тебе из тридевятого царства, *тридесятого государства*...» (стр. 24).

Несомненно, что к публикации писем Белинского в «Полярной звезде» никто теперь не обращается да и «Русской мыслью» мало кто пользуется. Наиболее распространено единственное до сих пор собрание писем Белинского под редакцией Е. А. Ляцкого (в трех томах. СПб., 1914). Однако Ляцкий перепечатал без всяких изменений (не обращясь даже к более точным текстам «Полярной звезды») все письма из «Русской мысли» в третьем томе своего издания. При перепечатке в тексты Ляцкого вкралось несколько ошибок. Приводим важнейшие из них.

В письме от 14 января вместо «даже *4* месяца» напечатано: «даже 5 месяцев» (стр. 93). В письме от 6 февраля вместо: «*любовно* с ним лобызался» — «любезно с ним лобызался» (стр. 100). В письме от 20 марта вместо: «*столько* же милого» — «столь же милого» (стр. 104). В письме от 6 апреля вместо: «*я образовывал* с ними» — «я образовал с ними» (стр. 110).

В настоящее время письма Белинского к Герцену в исправленном виде подготовлены к публикации в XII томе Полного собрания сочинений Белинского издания Академии Наук СССР.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

Обзор А. М. Долотовой

Письма И. С. Тургенева Герцену — ценнейшие эпистолярные документы эпохи. Они многообразно освещают большой, чрезвычайно значительный период жизни Тургенева и Герцена—годы создания за границей вольной русской прессы, годы сотрудничества Тургенева в «Колоколе». Письма Тургенева к Герцену дают богатый материал для характеристики их общественных взглядов, их отношения к крестьянской реформе 1861 г. и к польскому восстанию 1863 г.; письма наглядно иллюстрируют глубокое различие между революционным мировоззрением Герцена и тургеневским либерализмом. Для биографа Тургенева письма к Герцену часто служат одним из основных документов (например, в вопросе о привлечении Тургенева к делу «32-х»). Эти письма служат также одним из главных источников сведений о сотрудниках «Колокола», о его читателях, о распространении изданий Герцена в России и за рубежом.

Многочисленные упоминания о тех или иных людях и событиях в письмах Тургенева помогают исследователям полнее очертить круг знакомств и деловых связей обоих писателей.

Богатство фактического материала, заключенного в письмах Тургенева к Герцену, было оценено еще дореволюционными исследователями. Эти письма были опубликованы дважды: М. П. Драгомановым в книге: «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснит. примеч. М. Драгоманова» (Женева, 1892) и В. П. Батуринским в книге: «А. И. Герцен, его друзья и знакомые» (СПб., изд. Г. Ф. Львовича, 1904). В советское время письма Тургенева к Герцену не переиздавались ни разу. Между тем ни одно из существующих изданий не отвечает современным требованиям; ни подготовка текста, ни сопроводительные комментарии уже не удовлетворяют исследователя. Пока новое издание не осуществлено, необходимо вкратце охарактеризовать недостатки обоих изданий и определить, какому из двух печатных текстов следует отдать предпочтение. Сличение печатных текстов с автографами, хранящимися в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 110), дает возможность восстановить купюры, искажающие политический смысл высказываний Тургенева, расшифровать фамилии, исправить неверные чтения, произвольные перестановки слов, обнаружить замену одних слов другими, небрежность в передаче особенностей языка, типичных для тогдашней эпохи или индивидуально присущих Тургеневу.

Результаты сверки с автографами писем Тургенева к Герцену, напечатанных Драгомановым и Батуринским, заставляют отдать решительное предпочтение драгомановскому изданию. Оно выгодно отличается от издания Батуринского прежде всего полнотой — не только всего собрания в целом, но и текстов отдельных писем. У Драгоманова приведены все пятьдесят девять писем Тургенева к Герцену, хранящиеся в «пражской коллекции». У Батуринского опубликовано пятьдесят восемь писем; отсутствует письмо от 30 мая 1858 г., очень существенное, в котором Тургенев сообщает Герцену о препятствиях, чинимых полицией распространению «Колокола». Письма, напечатанные Батуринским, обезображены купюрами, которые объясняются, повидимому, не только требованиями царской цензуры, но и стремлением самого Батуринского сгладить все высказывания Тургенева, не вполне лойяльные по отношению к царскому правительству. Удалены такие слова, как «революция»

и «революционный», все иронические замечания по адресу Николая I и Александра II, все намеки, могущие «скомпрометировать» лиц царской фамилии.

Так, Батуринский вычеркнул из письма Тургенева от 6 сентября 1860 г. целую фразу, свидетельствующую об отрицательном отношении Тургенева к сговору между русским и австрийским правительствами против Польши: «Я в Париже увижу последние номера „Колокола", *неужели ты не отхлестал нашего барина за эти гнусные австрийские обеды, напоминающие самую скверную эпоху николаевщины? Что за излияния такие?* И дело крестьянского освобождения тоже пошло скорой рысью назад».

Батуринский удалил сообщения Тургенева, «компрометирующие» лиц царской фамилии, — о том, что в придворных кругах читается «Колокол». Так, удалены из письма от 16 января 1857 г. следующие слова Тургенева: «Он ⟨Н. А. Орлов. — *А. Д.*⟩ *не только* все прочел, что ты написал, *но даже (ceci entre nous*) с месяц тому назад отвез все твои издания к в. к. Михаилу Николаевичу*». В публикации Батуринского вычеркнуты также все сочувственные, но, по мнению редактора, неприличные шутливостью тона отзывы Тургенева о царе и лицах царской фамилии. Так, в тексте письма от 7 января 1858 г. отсутствуют слова: «Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича, а то его и без того жестоко бранят в Петербурге все реаки — за что же его эдак с двух сторон тузить — эдак он, пожалуй, и дух потеряет». В письме Тургенева от 1 января 1861 г. сокращен и смягчен насмешливо-снисходительный отзыв о в. к. Константине. У Тургенева сказано: «Также просят тебя очень щадить вел. кн. Кон⟨стантина⟩ Ник⟨олаевича⟩ в твоем журнале, потому что, между прочим, он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле эмансипации против дворянской партии — и каждое твое немилостивое слово больно отзывается в его чувствительном сердце». У Батуринского эта фраза напечатана следующим образом: «Также просят тебя очень не писать ничего дурного в твоем журнале о великом князе Константине Николаевиче, потому что, между прочим, он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле эманципации против дворянской партии».

Батуринский настойчиво вычеркивает всякие упоминания о революционной борьбе: вместо «живой, *революционной* пропаганды» он ставит «живой пропаганды»; вместо «служи *революции*, европейским идеалам» — «служи европейским идеалам». Подобное изъятие сделано, например, в чрезвычайно важном месте письма от 8 ноября 1862 г., где Тургенев упрекает Герцена в том, что в угоду славянофильским симпатиям он, будто бы, «бьет по всему, что каждому европейцу, а потому и нам должно быть дорого: *по цивилизации, по законности, по самой революции, наконец*».

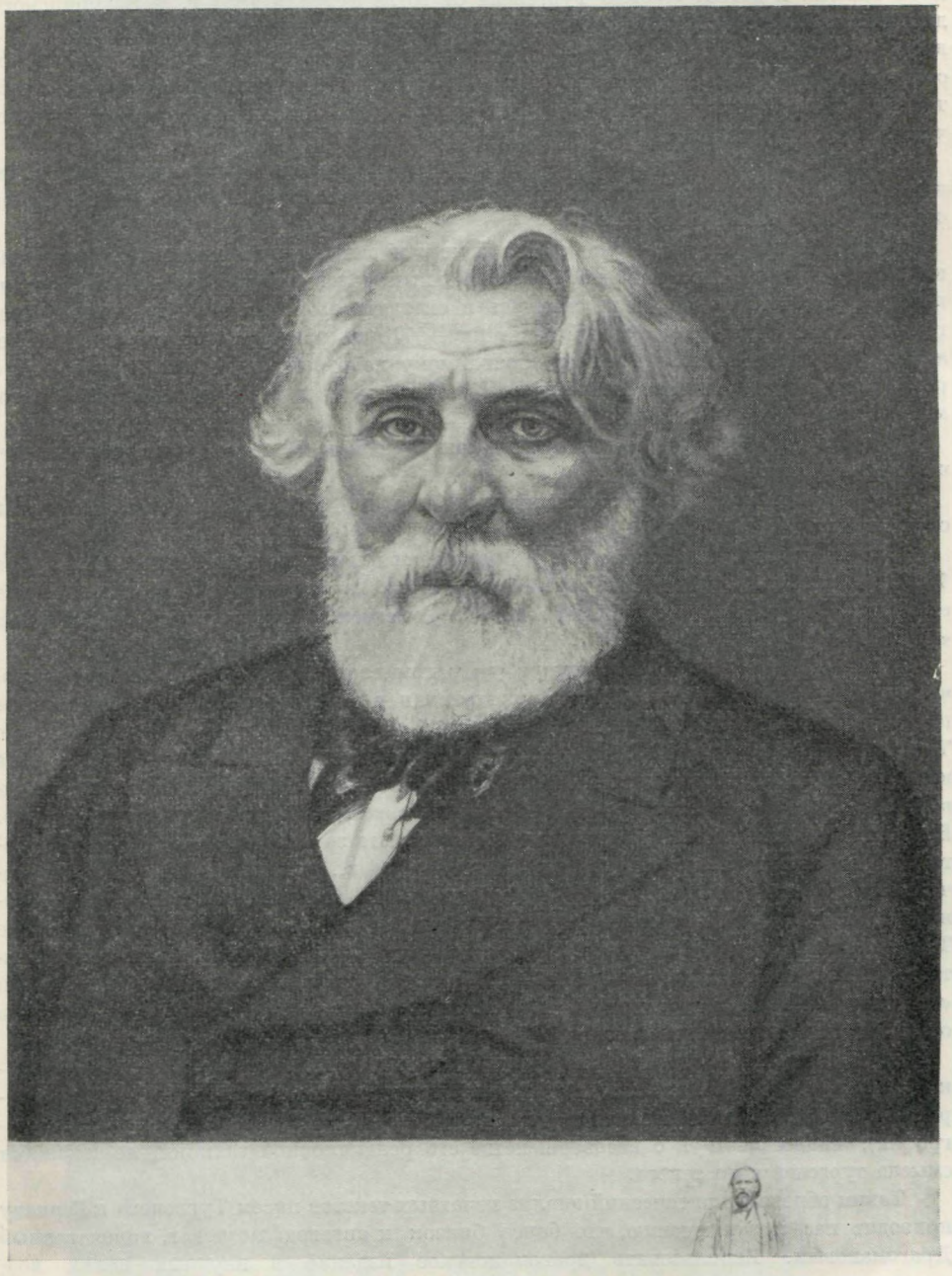
Купюрам подвергались также откровенные рассуждения Тургенева на медицинские темы (письма от 10 ноября 1856 г., от 9/21 декабря 1856 г., от 8 января 1857 г.)

Во многих случаях Батуринский прибегал не только к купюрам, но и к произвольным заменам, смягчающим резкость тона, а иногда искажающим смысл подлинника. Так, в тексте письма от 10 июня 1860 г. вместо стоящей в автографе саркастической фразы: «Прочти, ради бога, эту речь ⟨ганноверского короля. — *А. Д.*⟩: *этакого проникновения собственным достоинством даже и в Николае Павловиче не было заметно!*» Батуринский печатает: «Прочти, ради бога, эту речь. Она проникнута необыкновенным собственным достоинством». В письме от 9 марта 1861 г. не только сделаны купюры, но допущено прямое искажение текста: фраза «... но попробуй поляки завести речь о конституции, и увидят они, *какие выставятся кулаки*» имеет у Батуринского иную концовку: «...и увидят они, что произойдет!»

Приведенные примеры дают представление о характере наиболее значительных изменений, внесенных Батуринским в текст писем Тургенева к Герцену, но не о количестве этих изменений — оно огромно. В обращении с текстом Батуринский допускает

---

* это между нами (франц.).



И. С. ТУРГЕНЕВ

Офорт М. В. Рундальцева, 1905 г.

Лист с портретом Герцена на нижнем поле, в «заметке»

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

не только намеренные искажения, но и небрежность. Так, неоднократно встречаются ошибки в датах. Письмо Тургенева от 16/28 февраля 1857 г. у Батуринского датировано 23 февраля 1857 г., письмо от 17 июля 1857 г. датировано 18 июля 1857 г., письмо от 2/14 июня 1860 г. — 2 июля 1860 г. Во многих случаях вместо поставленной у Тургенева двойной даты — по старому и новому стилю — указана только одна. Случаи изменения порядка слов, произвольных сокращений — бесчисленны.

Батуринский развертывает, не оговаривая, сокращенные обращения: «Герцен» вместо «Г.», «Александр Иванович» вместо «А. И.». Не воспроизводятся в его издании особенности языка Тургенева.

Всех этих недостатков в значительной мере лишена публикация писем Тургенева к Герцену в книге Драгоманова. Не стесненный условиями царской цензуры и не преследовавший, очевидно, цели смягчить и сгладить высказывания Тургенева, Драгоманов обычно приводит полный текст писем. Лишь в нескольких случаях Драгоманов пропускает отдельные слова, повидимому не разобранные им. Сознательного искажения текста, изъятия политически острых мест или их переделки у Драгоманова нет.

Разночтений с автографами в публикации Драгоманова почти в три раза меньше, чем у Батуринского.

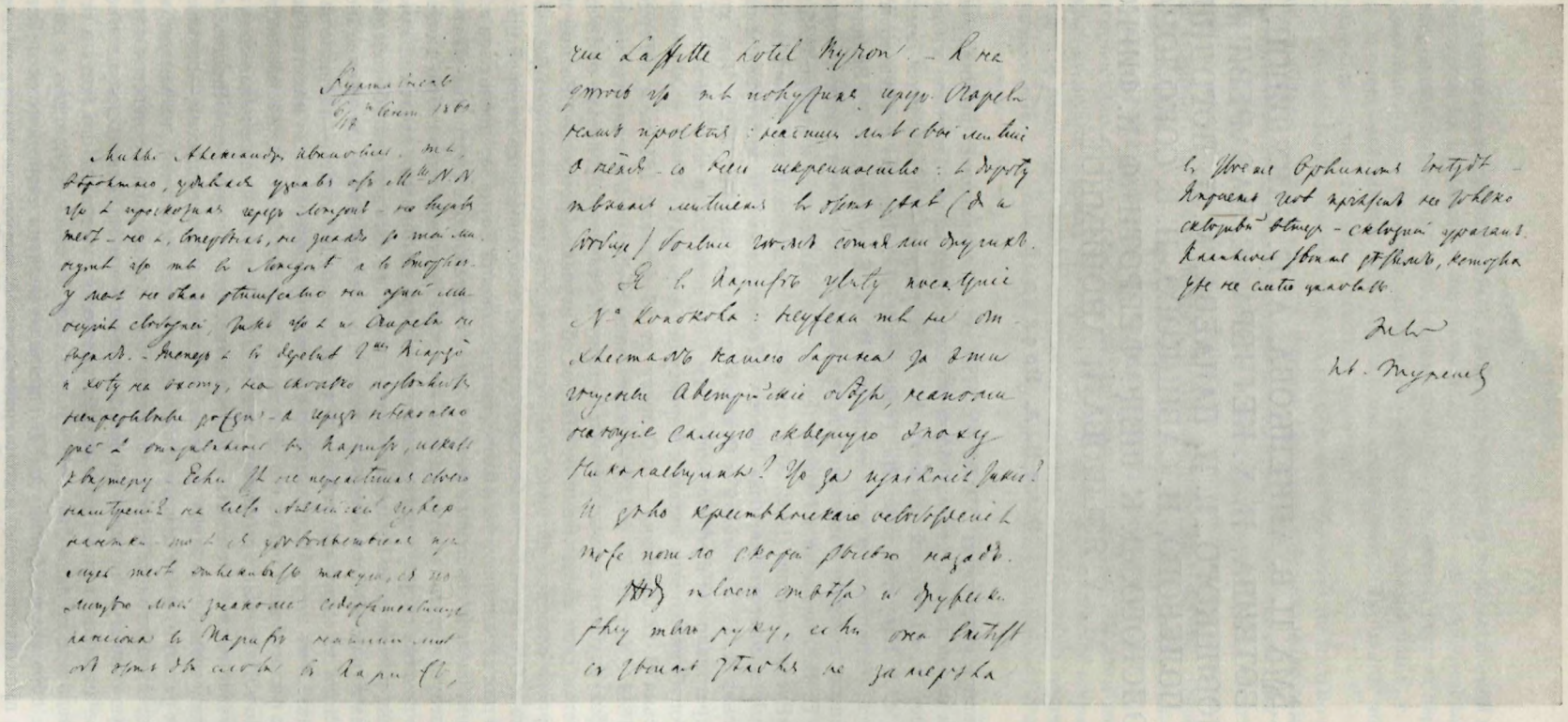
Перечислим наиболее существенные из ошибок Драгоманова. Они сводятся к следующему.

Письмо от 5/17 декабря 1856 г. у Драгоманова неверно датировано 3/17 декабря 1856 г. В письмах от 27 сентября 1860 г. имя М. А. *Маркович* (Тургенев называет ее также «Мария Александровна», «М. А.») заменено Драгомановым инициалами «N. M.».

В письме, условно датированном у Драгоманова мартом 1861 г., неверно прочитана как «Березин» неразборчиво написанная в автографе фамилия; содержание шестой книжки «Полярной звезды», о которой идет речь в письме, доказывает, что Тургенев имел в виду В. С. *Печерина*. В письмах от 24 октября, от 4 ноября и от 20 ноября 1860 г. фамилия А. А. *Шеншина* и его жены постоянно обозначается буквой Ш. В письме от 13 октября 1860 г. фамилия *Волкова* заменена инициалами «N. N.». В письме от 4 ноября 1860 г. фамилия *Пассек* скрыта за инициалом П. В письме, которое предположительно датируется 13 февраля 1861 г., фамилия Л. *Толстого* обозначена инициалами «М. Л.». В письме от 25 января 1862 г. фамилия *Солдатенкова* заменена буквой С. В письме от 11 февраля 1862 г. Драгоманов сокращает написанную Тургеневым полностью фамилию *Чичерина*: «Ч—рин». В письмах от 8 октября, от 16 октября 1862 г. и от 12 февраля 1863 г. фамилия *Лутинина* заменена инициалом «N» или «N.N.». В письме от 20 ноября 1860 г. фамилию *Агреньева* Драгоманов обозначает теми же инициалами «N.N.».

Этим исчерпываются наиболее существенные недостатки драгомановского издания. Остальные ошибки и неточности, допущенные Драгомановым (замена неразобранных слов словами, близкими к ним по смыслу, отступление от авторской орфографии), свидетельствуя о несовершенстве его редакционной техники, не искажают смысла тургеневского текста.

Таким образом, критический анализ печатных текстов писем Тургенева к Герцену приводит нас к заключению, что более близок к автографам текст, напечатанный Драгомановым. Использовать драгомановское издание в научных целях возможно; это, однако, не снимает необходимости подготовить новое издание писем Тургенева к Герцену — тщательно выверенное и научно прокомментированное, соответствующее требованиям современной текстологической и литературоведческой науки.



АВТОГРАФ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 6/18 СЕНТЯБРЯ 1860 г.
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА, А. К. БАКУНИНОЙ, В. П. БОТКИНА, Н. Х. КЕТЧЕРА, С. ЛАЗАРЕВИЧА, П. В. НОВИЦКОГО, И. И. ПАНАЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. А. ПОЛЕВОГО, И. САВИЦКОГО, Н. В. СОКОЛОВА, Л. Н. ТОЛСТОГО, Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИРКСА), М. А. ЯЗЫКОВА И АНОНИМНОЕ

Обзор Н. А. Роскиной

В «пражской коллекции» ЦГАОР (ф. 5770, оп. 1) сохранились подлинники некоторых писем из числа тех, которые были опубликованы ранее: Герценом и Огаревым в «Колоколе» и «Полярной звезде»; А. А. Герценом — в «Русской мысли» и в «Письмах М. А. Бакунина к Ал. Ив. Герцену и Н. Пл. Огареву» и в некоторых других изданиях. (Оставляем в стороне письма М. А. Бакунина, В. Г. Белинского и И. С. Тургенева, которым посвящены специальные, напечатанные выше обзоры.)

Письмо П. В. *Анненкова* к Герцену (ед. хр. 69), написанное в ноябре 1845 г., напечатано в «Русской мысли» (1892, № 7, стр. 98—100) с искаженным обращением («Достоуважаемый и многоуважаемый» вместо «*Достохвальный* и многоуважаемый»).

Два письма А. К. *Бакуниной* к Огареву от 9 и 18 февраля 1872 г. (ед. хр. 136) включены Драгомановым в его издание писем Бакунина (см. в настоящем томе «Библиографию опубликованных писем к Герцену и Огареву»).

Два письма В. П. *Боткина* — к Огареву от 17 февраля 1845 г. и к Герцену от 18 августа 1846 г. (ед. хр. 73 и 138) — напечатаны в «Русской мысли» (см. указанную «Библиографию опубликованных писем к Герцену и Огареву»). В письме от 18 августа 1846 г., излагая свои впечатления от «Писем об изучении природы», Боткин пишет, что язык Герцена слишком *фигурен*; в «Русской мысли» напечатано «*фигурален*».

В письме к Огареву имеется большая купюра, восстановление которой представляет интерес для характеристики философских воззрений Боткина; после слов «...цель ее ‹философии› сделать свободным не субъекта (и что важного в внутренне-абстрактной свободе?)» следует читать: «а гражданина—о, тогда Германия явит собою дивное зрелище. Такие пошлые споры, какие происходят теперь во Франции касательно религии и католицизма, рассмешат в Германии ученика гимназии. Все журналы боятся касаться религии; одна только «Réforme» кое-что сказала о лекциях Мишле да «Revue indépendente» похвалила его книгу «Du prêtre, de la famille et de la femme»,—а Мишле не более как протестант. Весь этот официальный мир проникнут поверхностно понятым вольтерианизмом, а философский орган его «Revue des Deux Mondes» с важностью вострубил renaissance du voltairianisme по случаю выхода книги Мишле. И везде какая-то тупость, ложь, отсутствие всякой прямоты и искренности. Эти bourgeois-gentilhommes понимают, что единственное средство сдержать движение низших классов,—осталась положительная религия, и вот почему боятся они прикасаться к ней, доказывая, между тем, бессознательно, что они в грош не ставят ее; и в то же время с ожесточением преследуя всякую открытую нападку на нее. С этой стороны Juif Errant получает важное общественное значение, волнуя вопрос и беспрестанно поставляя его (хоть и ограниченно). Но ведь только одна философия имеет силу бороться с религиею, а какое же философское образование французов! В Германии религия теоретически побеждена, во Франции практически, т. е. я хочу сказать, что французы, не разрушив ее теоре-

тически, никак не могут справиться с нею на практике, и, чуждые всякой католической религиозности на практике — никак не могут разогнать ее теоретического пугала, а сами же, создав выражение bête, comme un fait,—становятся втупик перед этим фактом. Только понявши религию, можно освободиться от нее, понявши, т. е. принявши в себя все ее содержание. Но ведь в этом отношении в Германии только с книги Фейербаха началось истинное понятие религии.

С Контом я во многом не согласен, он понимает человека несколько механически, желая не только обуздать его мистические стремления (совершенно законные, когда точкою отправления и целию достижения их есть его же собственная человеческая природа), но совершенно поработить их точными законами науки. Религию он вполне отвергает и заменяет ее кодексом общественной нравственности. Это мысль не новая, но мне кажется в ней много верного. В таком случае мистическою сферою будет идеальное совершенство человека. Конечно, религия до сих пор давала удовлетворительное разрешение на все вопросы о трагических судьбах мира и человека: разрешение фантасмагорическое, но под которое спокойно засыпал человек».—В этом же письме есть и другие пропуски: музыка «заставляет глубже чувствовать *величие и красоту свободы, братства и равенства*»; перед словами: «в чувствах были только желчь и сарказм» пропущено: «*Одна только ненависть не умирала в душе—ненависть к христианству и деспотизму*».

Шесть писем Н. Х. *Кетчера* к Герцену (они относятся также и к Н. А. Герцен) (ед. хр. 85) напечатаны в девятой книжке «Русской мысли» за 1892 г.: от 7 января ‹1844 г.›, 12 июня ‹1844 г.›, 24 декабря ‹1844 г.›, и три письма без даты: 1) «Ты, я думаю, удивился восклицаниями последнего письма...» (относится к концу декабря 1844 г. или началу 1845 г.), 2) «Две вещи всегда приводят меня в страшное недоумение...» (написано после 26 января 1845 г.) и 3) «Я рассержен на всех вас...» (Ю. Г. Оксман в подготавливаемой им к печати «Летописи жизни В. Г. Белинского» датирует это письмо серединой февраля 1845 г.).

В письме от 12 июня ‹1844 г.› есть абзац, посвященный Белинскому (там же, стр. 7); он в исправленном виде напечатан в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 170.

В письме от 24 декабря ‹1844 г.› — новогоднее пожелание: «Крылову — да неужели он в самом деле так серьезно болен?» В подлиннике — не Крылову, а *Крюкову*.

В письме, начинающемся словами: «Две вещи всегда приводят меня в страшное недоумение...» — читаем: «Хандра же Александрова — гниль» («Русская мысль», 1892, № 9, стр. 4). В подлиннике — «Хандра же Александрова — *гиль*».

В письме, начинающемся словами: «Я рассержен на всех вас жестоко...» (там же, стр. 10), напечатано: «Надобно сшибить Краежского». В подлиннике Кетчер пишет: «*подлеца* Краежского». Далее: «Свидание двух Николаев ‹Огарева и Сатина. — *Н. Р.*› за границей — решительное безумие». В подлиннике: «*Скитание* двух Николаев...».

Имеется и еще несколько искажений.

Письмо С. *Лазаревича* (ед. хр. 126) — капитана русского судна, на котором применялись телесные наказания, — включено без изменения в «Былое и думы» (XIV, 380—381), однако фамилию Лазаревича Герцен назвать не захотел. Опущена также и дата: 3/15 февраля 1860 г. Подлинник письма не сохранился, но имеется его копия, сделанная на шапирографе, и, повидимому, кем-то,—автором или адресатом,—предназначенная для распространения.

Письмо П. В. *Новицкого* (ед. хр. 126) от 27 октября 1862 г. в полном виде опубликовано в л. 151 «Колокола» от 1 декабря 1862 г. В «пражской коллекции» оно сохранилось неполностью, без внутреннего листа. На подлиннике рукою Герцена написано несколько слов. Герцен заключил в скобки фразу Новицкого: «...и смеюсь над ним ‹красным человеком. — *Н. Р.*› тем паче, когда он закалывает свой галстук топором» и против этих слов написал на полях: «может быть это знак, тогда пропустите».

В письме И. И. *Панаева* Герцену — с приписками М. А. Языкова и Н. Х. Кетчера — от 24 ноября 1843 г. (ед. хр. 96; напечатано в «Русской мысли», № 7, стр. 97—98) пропущено несколько слов, написанных рукою Панаева: «*Герцен, твой Вёдрин — удивителен. Продолжайте, ибо нам это приятно*».

Приписки, сделанные Кетчером, отнесены в «Русской мысли» к Панаеву, а приписка Панаева — к Кетчеру. Приписка Языкова («Не правда ли, что в Анненкове есть что-то давыдовское, фигневровское или вообще партизанское?») не отделена от предыдущего абзаца, написанного Кетчером.

М. П. *Погодин* сам издал свои письма к Герцену в «Заре» и «Русском» (кроме одного,—см. выше в наст. томе в разделе «Аннотации»). Все подлинники этих писем сохранились в «пражской коллекции» (ед. хр. 98). Сверка показывает, что опубликованные письма Погодина несколько отличаются от тех, которые в свое время были прочитаны Герценом. Готовя письма к печати, Погодин подверг их стилистической правке, уточняя смысл, раскрывая намеки или просто улучшая слог.

Например, в «Заре» (1870, февраль, отд. II, стр. 78) напечатано: «...Я попрежнему желаю, чтобы вы покачнулись больше и больше на правую, то есть на нашу, сторону». В подлиннике: «...чтобы вы покачнулись больше и больше, *но* на правую сторону».

Другой пример. Напечатано (там же): «Вспомнил я рукоплескания в университете: каким пошлостям они иногда раздавались! жалко и смешно!» В подлиннике: «Вспомнил я рукоплескания в университете *Василевскому и Редкину*. И жалко и смешно!» Число таких примеров можно было бы значительно умножить.

Письмо, которое в печатном варианте датировано «сентября (10)22», в подлиннике датировано «9 сент(ября 1865 г.)».

Письмо Н. А. *Полевого* Герцену от 25 февраля 1836 г. (ед. хр. 99) напечатано самим Герценом в «Полярной звезде на 1859 год». Письмо напечатано полностью (пропущено только обращение), но есть мелкие ошибки. Существенна одна. Напечатано: «...статья («Гофман») может навлечь на нас неприятности»; надо: на *вас*.

Письмо полковника И. *Савицкого* (Яна Стелла-Савицкого; ед. хр. 103) появилось в «Колоколе» (л. 235-236, стр. 1932). На подлиннике есть незначительная карандашная правка, сделанная, повидимому, перед набором. Кому она принадлежит — установить не удалось.

Письмо Н. В. *Соколова* Огареву от 2 января 1873 г. (ед. хр. 173) опубликовано в указанной выше книге Драгоманова.

Три письма Л. Н. *Толстого* Герцену (от 20 марта, 26 марта и 9 апреля 1861 г.; ед. хр. 109) воспроизведены в «Лит. наследстве» (т. 41-42, 1941, стр. 494—495, 496—497 и 498—503) по фотокопиям с подлинников, хранившихся тогда в Праге. Теперь мы располагаем подлинниками этих писем

В публикации имеются кое-какие погрешности. Так, в первом письме проставлены только число и месяц: год должен быть поставлен в редакторские скобки. В письме от 9 апреля (стр. 503) пропущено три слова: «Ежели захотите прислать мне что-нибудь *в скором времени*, то в Дрезден...»

Письма Д. К. *Шедо-Ферроти* Герцену от 19 августа (на французском языке) и 29 октября 1861 г. (ед. хр. 121) были напечатаны им самим в брошюрах, вышедших в Берлине в 1861—1862 гг. (см. о них в «Лит. наследстве», т. 61, стр. 261).

Письмо М. А. *Языкова* Огареву, без даты (конец апреля 1843 г.) (ед. хр. 124), напечатано в «Русской мысли», 1892, № 7, стр. 98. В публикации исключены приведенные Языковым два стихотворения Лермонтова: «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Выхожу один я на дорогу». Письмо шутливо подписано «*Кинаревич*» — именем одного из персонажей повести И. И. Панаева «Литературная тля». В «Русской мысли» эта подпись искажена. Напечатано: «Кинерович».

Сохранилось также *анонимное* письмо от 16/28 ноября (1869 г.) (ед. хр. 126). Оно адресовано Герцену и содержит угрозы убить его, если он не прекратит «писать дурного против России». Письмо было обнародовано Герценом во французском прибавлении к «Колоколу» от 15 февраля 1869 г. (XXI, 286) под заглавием: «Mon assassin futur et son calendrier». Оригинал письма — на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ДО 1955 г.

Составили: Л. С. Мандельштам, Р. С. Мандельштам и Е. М. Сабсович

Предлагаемая библиография охватывает письма к Герцену и Огареву, опубликованные в изданиях, выходивших на русском языке: отечественных — до 1955 г. и зарубежных — до 1905 г.

Не включены в библиографию письма Герцена к Огареву и Огарева к Герцену *, а также письма разных лиц, впервые публикуемые в настоящем томе.

Исключены также фальшивки, сфабрикованные III Отделением и посланные Герцену от имени Варшавского Центрального комитета (XVI, 284—285 и 371).

Библиография состоит из трех разделов: хронологического указателя писем к Герцену; хронологического указателя писем к Герцену и Огареву вместе; хронологического указателя писем к Огареву.

В описании писем указаны первые публикации и те из последующих, которые содержат уточнения и дополнения. Для писем, впервые опубликованных в малодоступных изданиях, указаны и перепечатки.

Основой для датировки писем, определения их авторов и места написания служили указания публикаторов. Уточнения, сделанные нами, заключены в угловые скобки. Вопросительные знаки в угловых скобках проставлены нами, в круглых скобках даны вопросительные знаки, имеющиеся в публикациях.

Описания писем содержат перечни упоминаемых лиц. Лица, о которых говорится в письме, приведены под их фамилиями и инициалами, независимо от обозначений, применяемых корреспондентами.

Уточнения фамилий и инициалов заключены в угловые скобки только в особо затруднительных для читателя случаях: когда составители расходятся с публикатором в определении упоминаемого лица, когда лицо только подразумевается, но никак не названо в тексте письма, и т. д.

В описания писем, опубликованных без точных дат, введены начальные слова текста письма.

---

* См. в 61-м томе «Лит. наследства» (1953) наши работы: «Неучтенные публикации писем Герцена» (стр. 455—456) и «Материалы для библиографии опубликованных писем Огарева» (стр. 910—923). Приводим необходимые дополнения.

В книге Л. П. Гроссмана «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского» (М., 1935, стр. 151) впервые опубликован конец письма Герцена к Ф. М. Достоевскому от 9/21 августа 1865 г.

В книге «Рукописи А. И. Герцена». Каталог (составили А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова. Под ред. Б. П. Козьмина. М., 1941, Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина) приведен полный текст ряда записок Герцена к разным лицам. Некоторые из этих записок опубликованы там впервые.

В 1950 г. текст нескольких коротких записок Герцена опубликован среди описаний его автографов в выпуске II «Бюллетеней Рукописного отдела» (Институт русской литературы Академии Наук СССР).

В №№ 6 и 7 журнала «Современник» за 1913 г. опубликованы приписки Огарева к письмам Герцена, адресованным И. С. Тургеневу.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архив Огаревых. — Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. О. Гершензон. М. — Л., Госиздат, 1930.

Б. д. — без даты.

Бакунин. Письма.—Письма Мих. Ал. Бакунина к Ал. Ив. Герцену и Н. Пл. Огареву. С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова Женева, 1896.

Бакунин. Собр. соч. и писем.— М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, тт. I—IV. М., 1934—1935.

Белинский. Письма. — Белинский. Письма. Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого, тт. I—III. СПб., 1914.

Братская помощь. — Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897.

Грановский и его переписка. — Т. Н. Грановский и его переписка, т. II. Переписка Т. Н. Грановского. М., 1897.

Лемке. — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке, тт. I — XXII. Пг., 1919—1925.

Новые пропилеи. — Новые пропилеи. Под ред. М. О. Гершензона. М. — Пг., т. I, 1923.

Описание рукописей Герцена. — Описание рукописей А. И. Герцена. Сост. А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова. Под ред. Б. П. Козьмина. Изд. 2 испр. и доп. М., 1950 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Описание рукописей Огарева. — Описание рукописей Н. П. Огарева. Сост. А. В. Аскарянц. Под ред. Я. З. Черняка. М., 1952 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Павленков. — А. И. Герцен. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной, тт. I—VII. СПб., изд. Павленкова, 1905.

Письма Кавелина и Тургенева. — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892.

Русские пропилеи. — Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. О. Гершензон, тт. 1—4. М., 1915—1917.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ

1828

1. Осень. «Не слишком ли ты...». Т. П. К у ч и н а. — Пассек Т. П. Из дальних лет, т. I. СПб., 1878, стр. 246 (отрывок). В изд. 1905 г. на стр. 223.

Из Корчевы. — Упом. Ж.-Ж. Руссо.

1832

2. Июнь. «Друг Александр, Рагозин...». Вад. В. П а с с е к. — Пассек Т. П. Из дальних лет, т. I. СПб., 1878, стр. 382—383. В изд. 1905 г., на стр. 341—342.

Из Харькова. — Упом.: Т. П. Кучина, И. Е. Рагозин.

1833

3. Сентябрь, конец. «Да, Саша! Много очень...». Л. В. П а с с е к. — Лемке, т. I, стр. 130—131.

Из Москвы. — Упом.: Л. И. Гааг, Вад. В., О. В. и Т. П. Пассеки.

1835

4. Май, 28. Н. А. З а х а р ь и н а. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 104—107; Павленков, т. VII, стр. 13—15.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, С. Оболенский, Петр Федорович, ⟨М. А. Хованская⟩.

5. Июнь, 3. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 107—108 (без конца); Павленков, т. VII, стр. 15—16.

Из Москвы. — Упом. Э. М. Аксберг.

6. ⟨Июнь, между 3 и 17⟩. «Qu'il est dur...». Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 110—112; Павленков, т. VII, стр. 17—18.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, А. Г. Клиентова.

7. Июнь, 17. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 112—113; Павленков, т. VII, стр. 18—19.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, ⟨Л. И. Гааг?⟩, И. А. Яковлев.

8. Июнь, 26. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 114—116; Павленков, т. VII, стр. 20—21.

Из Загорья. — Упом. Э. М. Аксберг.

9. Июнь, 28 — июль, 1. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 116—117; Павленков, т. VII, стр. 21—22.

Из Загорья. —Упом.: Э. М. Аксберг. Н. П. Огарев.

10. Июль, 12. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 117—118; Павленков, т. VII, стр. 22—23.

Из Загорья. — Упом. И. А. Яковлев.

11. Июль, 26. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 118—119; Павленков, т. VII, стр. 24—25.

Из Загорья. — Упом.: Л. И. Гааг, С. Л. Левицкий, Л. А. Яковлев.

12. Август, 1. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 121—122; Павленков, т. VII, стр. 25.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, И. А. Яковлев.

13. Август, 15—16. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 123—125; Павленков, т. VII, стр. 26—27.

Из Загорья. — Упом.: Е. И. Герцен, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

14. Август, 26. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 125—126; Павленков, т. VII, стр. 27—28.

Из Загорья. — Упом.: Е. И. Герцен, В. Гюго, Л. В. Пассек.

Сентябрь, 3—4. Н. А. Захарьина. — См. № 19.

Сентябрь, 7 (?). Н. А. Захарьина. — См. № 20.

15. Сентябрь, 8. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 128—130; Павленков, т. VII, стр. 31—32.

Из Загорья. — Упом. Э. М. Аксберг.

16. Сентябрь, 18. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 130—131; Павленков, т. VII, стр. 32—33.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, семья Боборыкиных, В. Гюго, ⟨Н. М. Сатин⟩.

17. Сентябрь, 23. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр.132—133; Павленков, т. VII, стр. 33—34.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина.

18. Сентябрь, 24—26. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 134—136; Павленков, т. VII, стр. 34—36.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, С. Л. Левицкий, М. С. Макашина, Наталия Константиновна, Н. П. Огарев, Т. П. Пассек (рожд. Кучина), И. А. и Л. А. Яковлевы.

19. ⟨Сентябрь, после 19 — октябрь, начало⟩. «Александр, ты избаловал меня...». Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 127; Павленков, т. VII, стр. 29 (обе публикации под датой 1835 г., сентябрь, 3—4).

Из Москвы.

В «Описании рукописей Герцена» (стр. 124) это письмо дано под датой 1835 г., сентябрь, 3—4. В примечании оговорено, что на письме есть помета Герцена: «Сентября 13, 1835». Из сличения содержания письма с другими письмами Н. А. и с ответом

Герцена (от 15 октября 1835 г.) ясно, что это письмо, как и последующее, не могло быть написано ранее 19 сентября 1835 г.

20. ‹Сентябрь, после 19 — октябрь, начало›. «Сердце мое истерзано...». Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 1, стр. 136—138 (под датой 9 сентября с примечанием, что дата, видимо, ошибочна); Павленков, т. VII, стр. 29—30 (под датой 1835 г., сентябрь 7 ?).

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина.

21. Октябрь, 15. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 201—203 (без конца); Павленков, т. VII, стр. 38—39.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. В. Пассек, Н. М. Сатин и семья Сатиных.

22. Октябрь, 22—24. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 203—204; Павленков, т. VII, стр. 40.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина и ее брат, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, И. А. Яковлев.

23. Октябрь, 27—29. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 204—206; Павленков, т. VII, стр. 40—42.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Н. П. Огарев.

24. Ноябрь, 12. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 206—207; Павленков, т. VII, стр. 42—43.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Н. М. Сатин.

25. Ноябрь, 18—20. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 209—210; Павленков, т. VII, стр. 44.

Из Москвы. — Упом. Э. М. Аксберг.

26. Ноябрь, 24—25. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 210—212; Павленков, т. VII, стр. 45—46.

Из Москвы.

27. Ноябрь, 26. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 213—215; Павленков, т. VII, стр. 46—48.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Е. И. Герцен, Наталия Константиновна, С. Оболенский.

28. Декабрь, 2—4. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 215—217; Павленков, т. VII, стр. 48—49.

Из Москвы. —Упом.: Э. М. Аксберг, А. С. ‹Бирюков?›, Л. И. Гааг.

29. Декабрь, 16—21. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 219—222; Павленков, т. VII, стр. 50—52.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Н. М. Сатин и Г. К. Эрн.

30. Декабрь, 22—25. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 222—224 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 52—53.

Из Москвы. — Упом.: Е. И. Герцен, К. И. Зонненберг, А. Б. Мещерская, Петр Федорович, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев.

1835—1836

31. Декабрь, 31 — январь, 1. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 225—227; Павленков, т. VII, стр. 54—55.

Из Москвы. —Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг.

1836

32. Январь, 2. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 3, стр. 227—238; Павленков, т. VII, стр. 56.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Г. К. Эрн.

33. Январь, 2—4. Н. А. Захарьина. —Русская мысль, 1893, № 3, стр. 228—230; Павленков, т. VII, стр. 56—58.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин, Г. К. и П. А. Эрны, ‹А. А. Яковлев›.

34. Январь, 16—17. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 76—78 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 59—60.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг.

35. Январь, 29 — февраль, 1. Н. А. Захарьина.—Русская мысль, 1893, № 4, стр. 79—82 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 61—62.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, П. П. Медведева.

36. Февраль, 3. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 82—83; Павленков, т. VII, стр. 63.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, П. П. Медведева.

37. Февраль, 7. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 84—85; Павленков, т. VII, стр. 64.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Н. М. Сатин.

38. Февраль, 15. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 86—88; Павленков, т. VII, стр. 66—67.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Иванов, ⟨А. А.⟩ Орлова.

39. Февраль, 22—24. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 88—90 (без последней приписки); Павленков, т. VII, стр. 67—68.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, П. П. Медведева, Н. М. Сатин.

40. Февраль, 25. Н. А. Полевой. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 196—198; Русская мысль, 1892, № 7, стр. 88—89.

Из Москвы. — Упом.: ⟨Е. И. Герцен⟩, Э.-Т.-В.-А. Гофман.

41. Февраль, 29—март, 1. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 91—95; Павленков, т. VII, стр. 70—72.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Н. П. Огарев, И. А. Яковлев.

42. Март, 3—6. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 95—96; Павленков, т. VII, стр. 72—73.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Е. В. Витберг, Л. И. Гааг, П. П. Медведева.

43. Март, 14—16. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 96—99; Павленков, т. VII, стр. 73—75.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. ⟨С.?⟩ Бирюков, Л. И. Гааг, Иванов, ⟨А. А. Орлова⟩.

44. Март, 27—31. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 4, стр. 103—105; Павленков, т. VII, стр. 77—78.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. ⟨С.?⟩ Бирюков, В. В. ⟨Боголепов?⟩, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Насакин, Н. П. Огарев, М. Л. Рославлева.

45. Апрель, 3—11. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 6, стр. 1—5; Павленков, т. VII, стр. 79—81.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, И. А. Яковлев.

46. Апрель, 14—15. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 6, стр. 7—9; Павленков, т. VII, стр. 82—84 (с разночтениями).

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. ⟨С.?⟩ Бирюков, А. А. Бочкарева ⟨?⟩, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, Насакины, Н. П. Огарев, М. Л. Рославлева, Н. М. Сатин, М. А. Хованская, ⟨А. А. Яковлев⟩.

47. Апрель, 23—28. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 6, стр. 10—14; Павленков, т. VII, стр. 84—87.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Е. И. Герцен, М. Корицко (?), г-жа Маттеи, С. Оболенский, Н. П. Огарев, М. А. Хованская, М. К. Эрн, И. А. Яковлев.

48. Май, 8—26. Н. А. Захарьина. —Русская мысль, 1893, № 6, стр. 17—22; Павленков, т. VII, стр. 89—92.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Г. Герц, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, П. П. Медведева, Н. П. Огарев.

49. Май, 18—24. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 6, стр. 23—27; Павленков, т. VII, стр. 93—95.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Е. А. и П. А. Захарьины, П. П. Медведева, Алексей Ал. и И. А. Яковлевы.

50. Июнь, 1—5. Н. А. Захарьина. —Русская мысль, 1893, № 6, стр. 30—32 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 97—99.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, И. А. Яковлев.

51. Июнь, 8—16. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 7, стр. 1—4; Павленков, т. VII, стр. 99—101.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Г. Герц, Е. И. Герцен, М. А. Хованская.

52. Июнь, 22—27. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 7, стр. 11—14; Павленков, т. VII, стр. 105—107.

Из Загорья. — Упом.: А. А. Бочкарева, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

53. Июнь, 28 — июль, 10. Н. А. Захарьина. —Русская мысль, 1893, № 7, стр. 14—20; Павленков, т. VII, стр. 107—111.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Бочкарева, Оболенские, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

54. Июль, 12—16. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 8, стр. 1—4; Павленков, т. VII, стр. 112—115.

Из Загорья. — Упом.: П. П. Медведева, П. Тромпетер.

55. Июль, 29 — август, 3. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, № 8, стр. 6—10; Павленков, т. VII, стр. 116—118.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, А. Г. Клиентова, С. Л. Левицкий, М. С. Макашина, П. Тромпетер, М. А. Хованская, Г. К. и М. К. Эрны, Л. А. Яковлев.

56. Август, 7—12. Н. А. Захарьина. —Русская мысль, 1893, № 8, стр. 12—15; № 11, стр. 1; Павленков, т. VII, стр. 120—122.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. ‹С.?› Бирюков, Воробьев, П. П. Медведева, Н. М. Сатин, П. Тромпетер.

57. Август, 23—29. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 11, стр. 5—10; Павленков, т. VII, стр. 124—128.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, О. Т. Водо, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, Насакины, митрополит Филарет, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

58. Август, 31 — сентябрь 7. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 11, стр. 12—21; Павленков, т. VII, стр. 130—135.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Г. Герц, Е. И. Герцен, В. Гюго, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Наталия Константиновна, Н. П. Огарев, Т. П. Пассек, Петр Федорович, Н. М. Сатин, П. Тромпетер, М. А. Хованская, Г. К., М. К. и П. А. Эрны, И. А. Яковлев.

59. Сентябрь, 7—12. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1893, № 11, стр. 21—23; Павленков, т. VII, стр. 135—137.

Из Загорья. — Упом.: А. Вырлина, Наталия Константиновна.

60. Сентябрь, 14—19. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 1, стр. 73—77; Павленков, т. VII, стр. 139—141.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, В. Гюго, И. А. Крылов, М. С. Макашина, Н. П. Огарев, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

61. Сентябрь, 19. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 1, стр. 77; Павленков, т. VII, стр. 142; Лемке, т. I, стр. 133.

Из Загорья.

62. Сентябрь, 21—27. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 1, стр. 77—82; Павленков, т. VII, стр. 142—145.

Из Загорья. — Упом.: А. Л. Витберг, Е. И. Герцен, В. Гюго, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Насакины, М. С. Хованская, И. А. Яковлев.

63. Сентябрь, 29—30. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 1, стр. 82—84; Павленков, т. VII, стр. 145—146.

Из Москвы. — Упом.: Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, Насакины, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

Оба публикатора дают это письмо как часть предыдущего. В «Описании рукописей Герцена» (стр. 129) оно рассматривается как самостоятельное.

64. Октябрь, 4—10. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 1, стр. 89—96; Павленков, т. VII, стр. 150—154.

Из Москвы.—Частью в стихах. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, О. Т. Водо, Л. И. Гааг, Данте, Литунов (?), М. С. Макашина, П. П. Медведева, Наталия Константиновна, Н. А. Полевой, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

65. Октябрь, 12—26. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 4, стр. 161—165, 172—181 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 154—157, 161—167.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Васильев, А. Л. Витберг, Воробьев, А. Вырлина и ее сестра, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, П. А. Захарьин, А. Г. Клиентова, П. С. Ключарев, С. Л. Левицкий, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин, ‹А. И. Фролова›, М. А. Хованская, Ф. Шиллер, М. К. Эрн, И. А. и Л. А. Яковлевы.

Оба публикатора делят это письмо на два (12—21 октября и 22—26 октября). В «Описании рукописей Герцена» (стр. 129) доказывается, что это письмо надо рассматривать как единое целое, и отмечается пропущенная приписка от 27 октября.

66. Октябрь, 31 — ноябрь, 4. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 4, стр. 181—184 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 167—169.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, А. Г. Клиентова, Насакины, Т. П. Пассек, Н. М. Сатин, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

67. Ноябрь, 7—16. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 4, стр. 189—190; № 8, стр. 112—117 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 173—177.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Н. П. Огарев, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

68. Ноябрь, 17—22. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 8, стр. 119—123 (не полностью); Павленков, т. VII, стр. 179—182.

Из Москвы. — Упом.: А. Вырлина, Л. И. Гааг, И. А. и Л. А. Яковлевы.

69. Ноябрь, 23—25. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 8, стр. 125—130; Павленков, т. VII, стр. 183—186.

Из Москвы.—Частью в стихах.— Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Немчинова, П. Тромпетер, С. Л. Левицкий, С. Л. Львова-Львицкая, И. А. и Л. А. Яковлевы.

70. Декабрь, 1. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 8, стр. 130—131; Павленков, т. VII, стр. 186.

Из Москвы. — Упом.: Т. И. Ключарева, М. С. Макашина, М. А. Хованская.

Это письмо дано в обеих публикациях как часть предыдущего. В «Описании рукописей Герцена» (стр. 129) оно рассматривается как самостоятельное.

71. Декабрь, 3—9. Н. А. Захарьина. — Русская мысль, 1894, № 8, стр. 133—134; Новое слово, 1896, № 4 (январь), стр. 108—112; Павленков, т. VII, стр. 188—192.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, Т. И. Ключарева, М. С. Макашина, Н. П. Огарев, А. Е. Скворцов, П. Тромпетер, М. А. Хованская, Г. К. Эрн.

72. Декабрь, 12—22. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 4 (январь), стр. 117—121; Павленков, т. VII, стр. 195—198.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, А. Б. Мещерская, Насакины, Н. П. Огарев, Вад. В. и Т. П. Пассеки семья Пассеков, И. Е. Рагозин, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

73. Декабрь, 22—31. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 4 (январь), стр. 123—133; Павленков, т. VII, стр. 199—205.

Из Москвы. — Упом.: А. ‹С.?› Бирюков, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Вырлина и ее сестра, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, В. Гюго, М. С. Макашина, Насакины, Н. П. Огарев, М. А. Хованская.

1837

74. Январь, 1—10. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 5 (февраль), стр. 146—149; Павленков, т. VII, стр. 208—211.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Боборыкины, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, Д. Обер, Вад. В. Пассек, певица Сонковская, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

75. Январь, 12—19. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 5 (февраль), стр. 154—158; Павленков, т. VII, стр. 214—217.

Из Москвы.— Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, М. С. Макашина, Марий, Наумовы, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

76. Январь, 22—27. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 5 (февраль), стр. 158—159; № 7 (апрель), стр. 123—127; Павленков, т. VII, стр. 217—221.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Веселовские, А. Л. Витберг, Э. Гебель, А. Г. Клиентова, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, Т. П. Пассек, П. Тромпетер, М. А. Хованская, Ф. Шиллер.

77. Январь, 29—февраль, 9. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 7 (апрель), стр. 127—129; Павленков, т. VII, стр. 221—222.

Из Москвы.—Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, Данте, Насакины, М. А. Хованская.

78. Февраль, 15—17. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 7 (апрель), стр. 134—136; Павленков, т. VII, стр. 226—227.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, миниатюрист Рафаэль, П. Тромпетер.

79. Февраль, 18—март, 3. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 7 (апрель), стр. 136—137; № 9 (июнь), стр. 118—123; Павленков, т. VII, стр. 228—232.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, О. Т. Водо, А. Вырлина и ее сестра, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Н. П. Огарев, Вад. В. Пассек, Соколов ‹А. Е. Скворцов›, П. Тромпетер, Ф. Шиллер, Г. К. Эрн.

80. Март, 4—6. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 9 (июнь), стр. 127—130; Павленков, т. VII, стр. 235—238.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Н. А. Полевой, Н. М. Сатин.

81. Март, 8—9. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 9 (июнь), стр. 132—134; Павленков, т. VII, стр. 239—240.

Из Москвы. — Упом.: слуга Альмок, дворовая Вера, А. Л. Витберг, А. Вырлина, М. С. Макашина, П. Тромпетер, И. А. Яковлев.

82. Март, 13—16. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 10 (июль), стр. 117—123; Павленков, т. VII, стр. 240—245.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, А. Дюфур, П. Тромпетер.

83. Март, до 24. «Wäre ich noch hübsch...». М. Л. Огарева. — Вестник Европы, 1883, № 4, стр. 503—504 (отрывки в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов»); Лемке, т. I, стр. 400—401 (отрывки).

Упом.: Н. П. и П. Б. Огаревы.

Первые слова письма приведены только у Анненкова, не всегда отличавшегося точностью при публикации документов.

84. Март, 17—24. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 10 (июль), стр. 123—127 (без середины); Павленков, т. VII, стр. 245—250.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Д. П. Голохвастов, М. С. Макашина, Н. М. Сатин, И. А. Яковлев.

85. Март, 25—апрель, 6. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 10 (июль), стр. 129—132; 1896, № 1 (октябрь), стр. 50—54; Павленков, т. VII, стр. 252—257.

Из Москвы.—Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, В. Гёте, М. Л. и Н. П. Огаревы, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

86. Апрель, 7—20. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1896, № 1 (октябрь), стр. 58—65; Павленков, т. VII, стр. 261—266.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, семья Боборыкиных, В. В. ‹Боголепов?›, Васильев, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, Наталия Константиновна, М. А. Хованская, М. К. Эрн.

87. Апрель, 20—28. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 4 (январь), стр. 125—132; Павленков, т. VII, стр. 270—277.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, В. В. ‹Боголепов?›, А. Л. и Е. В. Витберги, Е. И. Герцен, Н. П. Огарев, ‹К. Ф. Рылеев›, А. Е. Скворцов, П. Тромпетер, М. А. Хованская, В. Шекспир, Г. К. и П. А. Эрны.

88. Май, 2—11. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 5 (февраль) стр. 151—158 (без конца); Павленков, т. VII, стр. 281—288.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. А. Бочкарева, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Д. П. Голохвастов и его жена, В. Гюго, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Насакины, Наталия Константиновна, С. Оболенский, П. Тромпетер, М. А. Хованская, В. Шекспир, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев.

89. Май, 12—17. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 5 (февраль), стр. 158—161; Павленков, т. VII, стр. 288—291.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина, А. А. Бочкарева, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, дворовая Наталия, Н. П. Огарев, И. А. Яковлев.

90. Май, 19—июнь, 1. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 5 (февраль), стр. 162—166; Павленков, т. VII, стр. 292—295.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Богданов, А. А. Бочкарева, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, А. ‹Дюфур?›, В. А. Жуковский, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, С. Оболенский, ‹М. Л.› и Н. П. Огаревы, Н. М. Сатин.

91. Июнь, 3—9. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 6 (март), стр. 50—52; Павленков, т. VII, стр. 297—299.

Из Москвы.—Упом.: Л. И. Гааг, В. А. Жуковский, М. С. Макашина, И. А. Яковлев.

92. Июнь, 11—16. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 6 (март), стр. 54—56; Павленков, т. VII, стр. 300—302.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, Д. П. Голохвастов, Наполеон I, Н. П. Огарев, П. Тромпетер, И. А. Яковлев.

93. Июнь, 17—26. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 6 (март), стр. 56—58; Павленков, т. VII, стр. 302—304.

Из Загорья. — Упом.: А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

94. Июнь, 29 — июль, 18. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 6 (март), стр. 63—65; № 8 (май), стр. 103—106; Павленков, т. VII, стр. 308—312.

Из Загорья.—Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, М. С. Макашина, П. Тромпетер, М. А. Хованская, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев.

95. Июль, 20—27. Н. А. Захарьина. — Новое слово, 1897, № 8 (май), стр. 113—117; Павленков, т. VII, стр. 318—321.

Из Загорья.—Упом.: Э. М. Аксберг, Е. И. Герцен, П. П. Медведева, А. А. ‹Орлова›, М. А. Хованская, Алексей Ал. Яковлев.

96. Июль, 29. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 322—323.

Из Загорья.

97. Июль, 31—август, 12. Н. А. Захарьина.—Павленков, т. VII, стр. 323—326.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Л. Витберг, А. Е. Скворцов, П. Тромпетер.

98. Август, 15—16. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 328—331.

Из Загорья. — Упом.: А. ‹С.?› Бирюков, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, Петр Федорович, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

99. Август, 16—19. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 331—332.

Из Загорья. — Упом.: Васильев, Вера ‹?›, Л. И. Гааг, Н. И. Сазонов, П. Тромпетер, Г. К. и П. А. Эрны, И. А. Яковлев.

100. Август, 24—29. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 336—337.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, И. И. Козлов, А. Е. Скворцов, П. Тромпетер, Ф. Шиллер.

101. Сентябрь, 1—11. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 340—344.

Из Загорья. — Упом.: И. И. Дмитриев, А. И. Снаксарев, П. Тромпетер, Ф. Шиллер, Алексей Ал. Яковлев.

102. Сентябрь, 15—23. Н. А. Захарьина. —Павленков, т. VII, стр. 345—348.

Из Загорья. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, Дюве ‹?›, А. Е. Скворцов, А. И. Снаксарев, П. Тромпетер, Л. А. Яковлев.

103. Сентябрь, 26—октябрь, 3. Н. А. Захарьина. —Павленков, т. VII, стр. 352—356.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Л. Витберг, П. П. Медведева, Л. В. Пассек, Петр Федорович, П. А. Эрн.

У Павленкова это письмо дано как два самостоятельных: 26—27 сентября и ‹30 сентября—› 3 октября. В «Описании рукописей Герцена» (стр. 132) оно рассматривается как единое целое.

В этом письме есть несколько слов Л. И. Гааг на немецком языке.

104. Октябрь, 8—17. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 359—362.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, А. Г. Клиентова, М. С. Макашина, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, П. А. Эрн, И. А. и Л. А. Яковлевы.

105. Октябрь, ‹17?› «Heute habe ich...». Л. И. Гааг. — Павленков, т. VII, стр. 362 (в подстрочном примеч.).

Из Москвы. Приписка к письму Н. А. Захарьиной. — Упом. ‹художник?› Lichonoff и его жена.

106. Октябрь, 18—24. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 364—367.

Из Москвы.—Упом.: А. Л. Витберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Галушка, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, А. И. Снаксарев, П. Тромпетер, М. А. Хованская, М. К. Эрн, А. И. и Л. А. Яковлевы.

107. Октябрь, 25—31. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 368—371.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Вырлина, Насакины, Свечина, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

108. Ноябрь, 1—7. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 373—377.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Л. И. Гааг, А. Дюфур, М. С. Макашина, Насакины, М. Л. и Н. П. Огаревы, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, П. А. Эрн, Л. А. Яковлев.

109. Ноябрь, 12—14. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 379—381.

Из Москвы. — Упом. А. Вырлина.

110. Ноябрь, 17—21. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 382—385.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, И. А. Яковлев.

111. Ноябрь, 23—28. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 389—392.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина, ‹А. Вырлина ?›, М. Л. Огарева, А. Е. Скворцов, Г. К. Эрн.

112. Ноябрь, 30 — декабрь, 5. Н. А. Захарьина. —Павленков, т. VII, стр. 394—398.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, И. И. Козлов, Ж.-П. Рихтер, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, А. А. и И. А. Яковлевы.

113. Декабрь, 9 ‹?›—12. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 401—403.

Из Москвы. — Упом.: А. Л. Витберг, М. С. Макашина, П. П. Медведева, А. И. Снаксарев.

В «Описании рукописей Герцена» (стр. 133) первая дата —10 декабря. Начальные слова совпадают с письмом, датированным Павленковым 9 декабря.

114. Декабрь, 14—18. Н. А. Захарьина.—Павленков, т. VII, стр. 404—407.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Боборыкины, А. Л. Витберг, П. П. Медведева, Н. П. Огарев, А. Е. Скворцов, А. И. Снаксарев, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

115. ‹Декабрь, после 18›. «Vergesse nicht...». Л. И. Гааг. — Павленков, т. VII, стр. 407 (в подстрочном примеч.).

Приписка к письму Н. А. Захарьиной от 14—18 декабря. На немецком языке.

Упом.: К. И. Арсеньев, В. А. Жуковский.

116. Декабрь, 22—30. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 408—411.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. И. Снаксарев, А. И. Фролова, И. А. Яковлев.

1837—1838

117. Декабрь, 30— январь, 6. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 412—414.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, Насакины, И. А. Яковлев.

1838

118. Январь, 6—10. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 415—418.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. ‹С.?› Бирюков, А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, А. Дюфур, И. А. Яковлев.

119. Январь, 12—14. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 423—426.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина, А. Л. Витберг, Л. И. Гааг, П. С. Ключарев, П. П. Медведева, ‹Г. С.?› Найденов, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

120. ‹Январь›. «Брат, после жестокого...». П. П. Медведева. — Лемке, т. II, стр. 31—32 (отрывок; в письме Герцена к Н. А. Захарьиной от 23—25 января).

Из Вятки.

121. Январь, 14—16. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 426—429.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, ‹Г. С.?› Найденов, П. Тромпетер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

122. Январь, 17—19. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 429—430.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

123. Январь, 18. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 478—480.

Из Вятки. — Упом.: В. А. Витберг, ‹Е. П.?› Машковцев, П. П. Медведева, Г. К. Эрн.

124. Январь, 18. ‹Е. В. Витберг›. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 479.

Из Вятки. Приписка жены А. Л. Витберга к его письму. В примечании публикатора ошибочно сказано: «приписка дочери Витберга».

125. Январь, 20—21. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 433—434.

Из Москвы. — Упом.: А. А. Боборыкина, Л. И. Гааг, П. А. Эрн.

126. Январь, 22—25. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 434—438.

Из Москвы.— Упом.: А. М. и Э. М. Аксберг и их брат, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Л. И. Гааг, А. Дюфур, горничная Елена, В. А. Жуковский, А. Г. Клиентова, С. Л. Львова-Львицкая, Матвей Савельич, П. П. Медведева, Н. П. Огарев, П. Скворцова (рожд. Тромпетер), М. К. и П. А. Эрн, И. А. Яковлев.

127. Январь, 26. А. Е. Скворцов. — Лемке, т. XII, стр. 306 (отрывок; тут же фраза из письма неизвестного).

Из Вятки.

128. Январь, 26—28. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 439—440.

Из Москвы. — Упом.: Л. И. Гааг, П. П. Медведева, А. И. Снаксарев, И. А. Яковлев.

129. Январь, 29—февраль, 1. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 442—446.

Из Москвы. — Упом.: А. М. и Э. М. Аксберг, дворовые Аркадий и Василий, А. Вырлина, Л. И. Гааг, А. Г. Клиентова, М. С. Макашина, П. П. Медведева, Наталия Константиновна, Наумовы, Н. П. Огарев, ‹А. Е. и П. Скворцовы›, М. А. Хованская, А. А. и И. А. Яковлевы.

130. Февраль, 1—3. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 449—451.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Л. И. Гааг, С. Л. Львицкий, Матвей Савельич, г-жа Маттеи, М. А. Хованская, Ф. Шиллер, П. А. Эрн.

131. Февраль, 4—6. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 451—453.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Вырлина, П. Скворцова, А. И. Фролова, М. А. Хованская, Алексей Ал., И. А. и О. М. Яковлевы.

132. Февраль, 6—8. Н. А. Захарьина.—Павленков, т. VII, стр. 456—458.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Л. Витберг, А. Вырлина, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

133. Февраль, 8. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 480—481.

Из Вятки. — Упом.: ‹К. В.?› Беляев, В. А. и Е. В. Витберг, Н. А. Захарьина, Машковцева, П. П. Медведева, Семен Иванович ‹Величко?›, А. Е. Скворцов, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев, шурин А. Л. Витберга.

134. Февраль, 8—11. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 458—460.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Вырлина, В. Гюго, Н. Х. Кетчер, М. С. Макашина, Матвей Савельич, А. О. Миницкий, С. Оболенский, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, Ф. Шиллер.

135. Февраль, 12—13. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 467—468.

Из Москвы. — Упом.: Н. Х. Кетчер, П. С. Ключарев, И. А. Яковлев.

136. Февраль, 15. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 468.

Из Москвы.—Упом. А. О. Мо‹и?›ницкий.

137. Февраль, 16—18. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 468—470.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Вырлина, Н. Х. Кетчер, Матвей Савельич, Алексей Ал. и И. А. Яковлевы.

138. Февраль, 19—22. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 472—476.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, А. Дюфур, горничная (Елена?), Н. Х. Кетчер, Матвей Савельич, П. П. Медведева, Насакина, И. А. Яковлев.

139. Февраль, 23—25. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 479—481.

Из Москвы. — Упом.: И. И. Козлов, митрополит Михаил, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

140. Февраль, 26—27. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 483—486.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, Насакина, А. И. Снаксарев, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

141. Февраль, 28—март, 1. Н. А. Захарьина.—Павленков, т. VII, стр. 489—491.

Из Москвы.—Упом.: А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, П. Скворцова, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

142. Март (2?). «Боже мой, неужели это правда?..». Н. А. Захарьина.— Лемке, т. XII, стр. 466.

Из Москвы.

142а. Март, 3. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 492—493.

Из Москвы.

143. Март, 3—4. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 493—496.

Из Москвы. — Упом.: дворовый Аркадий, Е. И. Герцен, Матвей Савельич, П. П. Медведева, Наталия Константиновна, И. А. Яковлев.

144. Март, 4—5. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 496—498.

Из Москвы. — Упом. М. С. Макашина.

145. Март, 6—8. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 504—507.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, дворовый Аркадий, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Е. И. Герцен, А. Г. Клиентова.

146. Март, 10—11. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 510—513.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Д. П. Голохвастов, Наталия Константиновна, М. А. Хованская, П. А. Эрн, И. А. и Л. А. Яковлевы.

147. Март, 12—13. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 513—515.

Из Москвы. — Упом.: А. Вырлина, Л. И. Гааг, горничная Елена, Наталия Константиновна.

148. Март, 13—14. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 515—518.

Из Москвы.—Упом.: Э. М. Аксберг, А. Л. Витберг, Е. И. Герцен, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев, Т. П. Пассек, П. Скворцова, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

149. Март, 15. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 481—482.

Из Вятки. — Упом.: Н. А. Захарьина, Г. И. Ключарев, М. А. Хованская, И. А. Яковлев, шурин А. Л. Витберга.

150. Март, 17—19. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 523—527.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Н. Х. Кетчер, М. С. Макашина, г-жа Маттеи, Т. П. Пассек, Л. А. Яковлев.

151. Март, 19—22. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 527—530.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, дворовый Аркадий, Н. Веревкин (Рахманный), П. П. Медведева, Л. В. Пассек, А. Е. и П. Скворцовы, М. А. Хованская.

152. Март, 24—25. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 530—533.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Н. Х. Кетчер, П. П. Медведева, Ж. П. Рихтер, М. А. Хованская, А. А. Яковлев.

153. Март, 26—29. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 537—540.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. А. Боборыкина, Е. И. Герцен, Н. П. Огарев, Т. П. Пассек, А. А. Яковлев.

154. Март, 30—апрель, 2. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 542—548.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, А. С. (Бирюков?), А. А. Боборыкина, В. В. (Боголепов?), А. Вырлина, Е. И. Герцен, горничная Елена, А. Г. Клиентова, Левашева, М. С. Макашина, Матвей Савельич, П. П. Медведева, Л. В. и Т. П. Пассек, М. А. Хованская, А. А., Алексей Ал. и И. А. Яковлевы.

155. Апрель, 4—6. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 556—558.

Из Москвы. — Упом.: Алексей Серг. (Бирюков?), Л. И. Гааг, М. С. Макашина, А. О. Миницкий, Ж.-П. Рихтер, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

156. Апрель, 6—9. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 558—559.

Из Москвы. — Упом.: П. С. Ключарев, А. О. Миницкий, Ж.-П. Рихтер, М. А. Хованская.

157. Апрель, 9—11. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 563—567.

Из Москвы.—Упом.: Э. М. Аксберг, Алексей Серг. (Бирюков?), М. С. Макашина, А. О. Миницкий, М. А. Хованская, Алексей Ал., И. А. и Л. А. Яковлевы.

158. Апрель, 15. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 568—569.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, дворовый Аркадий, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Е. И. Герцен, М. С. Макашина, П. П. Медведева, А. О. Миницкий и его кузина, Н. П. Огарев, М. А. Хованская, Алексей Ал. и И. А. Яковлевы.

159. Апрель, 17. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 570.

Из Москвы. — Упом.: Матвей Савельич, М. А. Хованская, Алексей Ал., И. А. и Л. А. Яковлевы.

160. Апрель, 19. Н. А. Захарьина. —Павленков, т. VII, стр. 570—571.

Из Москвы. —Упом.: Астраковы, Алексей Ал. Яковлев.

161. Апрель, 19—20. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 571.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Н. И. и Т. А. Астраковы, Д. П. Голохвастов, П. П. Медведева, Насакины, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

162. Апрель, 20—21. Н. А. Захарьина.—Павленков, т. VII, стр. 571—574.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Т. А. Астракова, А. А. Боборыкина, А. Вырлина, Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, Д. Дидро, А. Г. Клиентова, П. П. Медведева, Ник. Ильич, Н. П. Огарев, М. А. Хованская, И. А. и Л. А. Яковлевы.

163. Апрель, 22. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 575—576.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Т. А. Астракова, Ж.-П. Рихтер.

164. Апрель, 26—27. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 578—579.

Из Москвы. — Упом. П. С. Ключарев.

165. Апрель, 27—30. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 579—582.

Из Москвы. — Упом.: А. М. и Э. М. Аксберг, Н. Х. Кетчер, П. П. Медведева, Ж.-П. Рихтер, М. А. Хованская, И. А. Яковлев.

Приложено письмо Н. А. Захарьиной к Полине (П. П. Медведевой?). В «Описании рукописей Герцена» (стр. 137) адресатом, видимо ошибочно, названа не П. П. Медведева, а П. Скворцова (рожд. Тромпетер).

166. Май, 1—2. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 584—585.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, П. А. Эрн, И. А. Яковлев.

167. Май, 3—4. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 585.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Матвей Савельич.

Павленков дает это письмо как часть предыдущего. В «Описании рукописей Герцена» (стр. 138) оно рассматривается как самостоятельное.

168. Май, 6—7. Н. А. Захарьина. — Павленков, т. VII, стр. 588.

Из Москвы. — Упом.: Э. М. Аксберг, Матвей Савельич.

169. Май, 24. А. Л. Витберг. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 483—484.

Из Вятки. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: (С. И.?) Величко, В. А. и Е. В. Витберг, А. А. и С. Д. Корниловы, Е. П. Машковцев, П. П. Медведева, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев.

170. Май, 24. Е. В. Витберг. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 483.

Приписка к письму А. Л. Витберга. — Упом. Виктор ‹Викт. А. Витберг?›.

171. Май, 24. В. А. Витберг. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 483—484.

Приписка к письму А. Л. Витберга.

172. Июль, 26. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 482—484.

Из Вятки. — Упом.: ‹С. И.?› Величко и его жена, Е. В. Витберг, Н. А. Герцен, В. Гогарт, А. И. Казимирская, Катан, А. А. Корнилов, П. П. Медведева, Николай Мартынович ‹?›, мать А. Е. Скворцова, митрополит Филарет.

173. Сентябрь, 13. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 484—486.

Из Вятки. — Упом.: В. А. и Е. В. Витберг, Н. А. Герцен, А. А. и С. Д. Корниловы, А. А. Машковцева, П. П. Медведева, Репина, П. Скворцова.

174. Сентябрь, 20. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 487.

Из Вятки. — Упом.: В. А., Викт. А., Е. В. и Лаврентий Витберги, А. А. Корнилов, П. П. Медведева.

175. Б. д. «Mon beau-père...». М. Л. Огарева. — Русская мысль, 1888, № 10, стр. 13; Описание рукописей Герцена, стр. 145.

Из Акшена. Приписка к письму Огарева. — Упом. П. Б. Огарев.

1839

176. Январь, 3. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 487—489.

Из Вятки. — Упом.: Александр I, В. А. и Е. В. Витберги, Н. А. Герцен, А. А. Корнилов, П. П. Медведева, Г. К. Эрн.

177. Январь, 21—24. Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 69—72.

Из Владимира. — Упом.: С. Ф. Каппель, И. Э. и Ю. Ф. Курута, В. Машковцев и его жена, Немешаев, Н. П. Огарев, И. А. и Л. А. Яковлевы.

178. Февраль — март. «Je ne puis aussi...». М. Л. Огарева. —Описание рукописей Герцена, стр. 146.

Из Пензы. Приписка к письму Огарева б. д.

179. Март, 11. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 489—491.

Из Вятки. — Упом.: С. И. Величко, Е. В. Витберг, П. А. Клейнмихель, В. И. Назимов, А. Е. Скворцов, Г. К. Эрн.

180. Июль, 11. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 491—492.

Из Вятки. — Упом.: А. Х. Бенкендорф, П. М. Волконский, А. А. и Н. А. Герцены, В. Машковцев, П. П. Медведева, ‹Н. П. Огарев›, И. П. Хомутов.

181. Август, 22. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 492—493.

Из Вятки. — Упом.: Н. А. Герцен, П. П. Медведева, К. Эккартгаузен.

182. Сентябрь, 5. А. Л. Витберг. — Русская старина, 1897, № 12, стр. 493—495.

Из Вятки. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: Александр I, Е. В. Витберг, Г. И. Ключарев, А. Р. Кошелев, ‹И. П. Хомутов?›, ‹Хомутова?›, шурин А. Л. Витберга.

183. Сентябрь, 23. Неизвестный (подпись: А.). — Звенья, VIII, 1950, стр. 56—58.

Из Владимира. — Упом.: Н. А. Герцен, В. Гёте, Д. В. Небаба, Н. П. Огарев, Б. Паскаль, А. С. Пушкин, Рагозина, Троицкий, А. И. Фролова.

184. Октябрь, 17. А. Л. Витберг. —Русская старина, 1897, № 12, стр. 495.

Из Вятки.—Упом.: Александр I, В. А. и Е. В. Витберги, И. Э. Курута, П. П. Медведева, ‹И. П. Хомутов?›, ‹Хомутова?›, И. А. Яковлев.

185. Декабрь, 6—9, Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 72—76.

Из Владимира. — Упом.: слуга Андрей, А. А. Боборыкина, А. А. Герцен, Ю. Н. Голицын, Е. А. Захарьина, С. Ф. Каппель, Кожина, Ю. Ф. Курута, А. М. Кунин, Матвей Савельич, Г. С. Найденов, доктор Немешаев, Ольга Ивановна ‹?›, Похвистневы, Шишков.

186. Декабрь, 10—11. Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 79—82.

Из Владимира. — Упом.: А. А. Герцен, Ю. Н. Голицын, Е. А. Захарьина, Каблуковы, А. Ф. Каппель, Н. Х. Кетчер, Кожина, Ю. Ф. Курута, Матвей Савельич, М. Л. и Н. П. Огаревы, Ольга Ив., Похвистневы, Г. К. Эрн, И. А. Яковлев.

187. Декабрь, 13—16. Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 84—87.

Из Владимира. — Упом.: слуга Андрей, Л. И. Гааг, А. А. Герцен, П. А. Захарьин, Н. Х. Кетчер, И. Э. Курута, Мария Федоровна ‹?›, А. Г. и Г. С. Найденовы, М. Л.и Н. П. Огаревы, Похвистневы, Н. М. Сатин, слуга Филипп, Ф. Шиллер, Шкун, И. А. Яковлев.

188. Декабрь, 17—19. Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 89—91.

Из Владимира. — Упом.: Т. А. Астракова, В. Г. Белинский, Л. И. Гааг, А. А. Герцен, И. Э. и Ю. Ф. Курута, П. Н. Похвистнева, слуга Филипп, Ф. Шиллер, И. А. Яковлев.

189. Декабрь, 21—23. Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 96—99.

Из Владимира. — Упом.: Э. М. Аксберг, слуга Андрей, В. А. Витберг, А. А. Герцен, Е. А. Захарьина, С. Ф. Каппель, Кожина, И. Э. и Ю. Ф. Курута, Матвей Савельич, А. Г. и Г. С. Найденовы, М. Л. и Н. П. Огаревы, А. А. ‹Орлова›, Похвистневы, слуга Филипп.

190. Декабрь, 27—30. Н. А. Герцен. — Братская помощь, стр. 100—102.

Из Владимира. — Упом.: А. Вырлина, А. А. Герцен, И. Э. и Ю. Ф. Курута, Матвей Савельич, Рафаэль.

191. Б. д. «Денег у меня теперь тоже нет...». Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1888, № 10, стр. 14—15.

Приписка к письму Огарева.—Упом.: А. А. и Н. А. Герцены.

1840

192. Апрель, 20. М. А. Бакунин. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 90—92; Бакунин. Письма, стр. VIII—X (не полностью); Бакунин. Собр. соч. и писем, т. II, стр. 421—422 (не полностью).

Из Твери. — Упом.: Беттина фон Арним, А. М. Бакунин и его семья, В. П. Боткин.

193. Август, 25. Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1889, № 1, стр. 16.

Из Москвы. Приписка к письму Огарева от 24 августа. Упом.: В. Г. Белинский, А. А. и Н. А. Герцены, ‹Э. И.?› Губер, Н. П. Огарев.

Дата приписки дана в кн.: Описание рукописей Герцена, стр. 142.

194. Октябрь, 11/23. М. А. Бакунин. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 92—95; Бакунин. Письма, стр. XV—XVIII (с опечатками); Бакунин. Собр. соч. и писем т. III, стр. 31—34.

Из Берлина. — Упом.: В. Г. Белинский, В. Ватке, К. Вердер, Ветлицкий ‹?›, Н. А. Герцен, Н. В. Гоголь, Г.-Г. Гото, А. Н. Дьяков, В. А. Дьякова, Н. Х. Кетчер, М. Ю. Лермонтов, Н. П. Огарев, И. И. Панаев, А. С. Пушкин, Н. М. Сатин, Н. В. Станкевич, Черняева, Л. Шефер, Д. Ф. Штраус, М. А. Языков.

195. Октябрь, 20. Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1889, № 4, стр. 7.

Из Москвы. Приписка к письму Огарева.—Упом.: М. А. Бакунин, А. А. и Н. А. Герцены, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин.

196. Октябрь, 20. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1889, № 4, стр. 7 (в подстрочном примечании; ошибочно приписано Огареву); Описание рукописей Герцена, стр. 140.

Из Москвы. Приписка к письму Огарева. — Упом.: (Н. Х. Кетчер), В. Шекспир.

197. Б. д. «Rp. Обо мне ни слуху...». Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1889, № 1, стр. 11—12.

Из Москвы. — Упом.: М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Г.-В.-Ф. Гегель, А. А. и Н. А. Герцены, ‹Э. И.?› Губер, И. Кант, И.-Г. Фихте, Цюриков‹?›.

1841

198. Июль, 9. А. Г. Строганов. — Звенья, VIII, 1950, стр. 77.

Из Петербурга. — Упом. Е. А. Зуров.

199. Б. д. «Чёрт знает, что...». Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1889, № 4, стр. 13.

Из Москвы. Шуточная приписка к письму Огарева. — Упом.: слуга Алеша, А. А. и Н. А. Герцены, В. Гёте, Н. П. Огарев.

200. Б. д. «Могу и я писать...». Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1889, № 4, стр. 14; Описание рукописей Герцена, стр. 148.

Из Москвы. Приписка к письму Огарева. — Упом.: А. А. и Н. А. Герцены.

1842

201. Январь, 19. К. К. фон Поль. — Звенья, VIII, 1950, стр. 79—80.

Из Петербурга. — Упом.: А. Х. Бенкендорф, Николай I, А. Г. Строганов.

202. Май, 28. В. П. Боткин. — Белинский. Письма, т. II, стр. 425 (отрывок); Лит. наследство, т. 56, 1950, стр. 166 (другой отрывок).

Из Павловска. — Упом.: в первом отрывке—Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, П. Леру, А. В. Никитенко, М. Робеспьер, М. А. Языков; во втором отрывке—В. Г. Белинский.

Между 1842—1847

203. Б. д. «Ne pourriez vous pas...». П. Я. Чаадаев. — Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. I. М., 1913, стр. 315 (на французском языке).

Упом. С. С. Уваров.

1843

204. Июль 9/21—16/28. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1890, № 4, стр. 5—7.

Из Крейцнаха. Приписка к письму Огарева к Герцену и Кетчеру. — Упом.: В. Г. Белинский, ‹С. М.?› Воробьев, Т. Н. Грановский, доктор ‹Н. В.?› Майер, А. Мицкевич (?), М. И. Мосенко, Н. П. Огарев, К. К. Павлова, ген. Раевский, Решетников, Н. И. Сазонов, сожительница Н. М. Сатина.

Первая дата ошибочно напечатана: 21 июля (3 августа). Уточнение дано в кн.: Описание рукописей Герцена, стр. 148.

205. Ноябрь, 24. И. И. Панаев. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 96—98.

Из Петербурга. — Упом.: П. В. Анненков, П. Виардо, А. А. и Н. А. Герцены Т. Н. Грановский, М. Н. Катков, Н. Х. и ‹Серафима› Кетчеры, П. Леру, Н. П. Огарев, М. П. Погодин, Жорж Санд, С. П. Шевырев, М. А. Языков.

206. Ноябрь, 24. Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 97.

Указания на ошибки в этой публикации см. на стр. 787 настоящего тома.

Из Петербурга. Приписка к письму И. И. Панаева. — Упом.: П. Виардо, М. А. Языков.

207. Ноябрь, 24. М. А. Языков. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 97.

Из Петербурга. Приписка к письму И. И. Панаева. — Упом.: П. Виардо, Н. А. Герцен, Е. Б. и Т. Н. Грановские, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев.

1843 (конец) или 1844 (начало)

208. Б. д. «Александру Ивановичу и Наталье Александровне сердечное приветствие. Надеюсь...». Л. Д. Филиппович. — Лемке, т. III, стр. 483—486.

Из Новгорода.—Упом.: Беттина фон Арним, ‹Р. Варнгаген фон Энзе›, А. А. Герцен, В. Гёте, К. Я. Рейхель, Жорж Санд, В. И. Филиппович.

1844

209. Январь, 7. Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 9, стр. 1—3 (с грубыми опечатками).

Из Петербурга. — Упом.: ⟨Л. И. Гааг⟩, А. А., Н. А. и Коля Герцены, Е. Б. и Т. Н. Грановские, И. И. Панаев, ⟨И. А. Яковлев⟩.

Уточнения см. в кн.: А. И. Герцен. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. М., 1927, стр. 99.

210. ⟨Май, до 17⟩. «Я жид по натуре...». В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 4, 1858, стр. 133; Лемке, т. XIII, стр. 149 (тот же отрывок).

Из Петербурга. — Упом. Т. Н. Грановский.

Время написания письма определяется записью в дневнике Герцена от 17 мая 1844 г. (Лемке, т. III, стр. 327—328).

211. Июнь, ⟨11 ?⟩. И. П. Галахов. — Русская мысль, 1890, № 9, стр. 6.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева от 11—13 июня. — Упом.: А. А. и Н. А. Герцены, М. П. Кени?⟩, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин.

212. Июнь, 12. Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 9, стр. 7—8.

Из Петербурга. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: С. И. и Т. А. Астраковы, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, А. А., Е. И. и Коля Герцены, Е. Б. и Т. Н. Грановские, Я. Я. Кетчер, Корши, А. А. Краевский, Д. Л. Крюков, М. Н. Муравьев, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин, ⟨Н. Н.?⟩ Тютчев.

213. Июнь, 13. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1890, № 9, стр. 10—13.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева. —Упом.: Беттина фон Арним, К. Вердер, И. П. Галахов, Н. А. Герцен, Гогенцоллерны, И.-Ф. Диффенбах, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев, Попов, Н. Г. Фролов, врач Шеплейн.

Конец приписки, судя по содержанию, не принадлежит Н. М. Сатину.

214. Июнь, 30/июль, 12. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1890, № 10, стр. 7—9.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева. — Упом.: В. П. Боткин, И. П. Галахов, А. А., Н. А. и Коля Герцены, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, Я. ⟨М.⟩ Неверов, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич, Н. И. Сазонов, Н. Г. Фролов.

215. Август, 6. В. П. Боткин. — Русская мысль, 1892, № 8, стр. 7; Лемке, т. XIII, стр. 278.

Из Москвы. Приписка в письме к Н. А. Герцен. Упом.: Петр I, Н. А. Полевой.

216. Август, 10/22. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1890, № 10, стр. 11—12.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева. — Упом.: Е. А. Баратынский, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев, ⟨В. Шекспир⟩.

217. Октябрь, 3. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 6, стр. 7.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева. — Упом.: И. П. Галахов, Г. Гейне, г-жа Керру ⟨М. П. Кени?⟩, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев, И. И. Панаев, Н. Г. Фролов.

218. ⟨Октябрь, 26⟩/ноябрь, 7. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 6, стр. 13.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева. — Упом. Н. П. Огарев.

219. Декабрь, 8/20. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 6, стр. 22.

Из Берлина. Приписка к письму Огарева. — Упом. Н. П. Огарев.

220. Декабрь, 24. Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 9, стр. 9—10.

⟨Из Петербурга?⟩. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: К. С. Аксаков, Т. А. Астракова, Богданов, Н. А. Герцен (дочь), ⟨К. К.?⟩ Гофман, Е. Б. и Т. Н. Грановские, Е. Ф., М. Ф. и С. К. Корши, ребенок Е. Ф. Корша, Крылов ⟨Д. Л. Крюков⟩, П. Г. Редкин, М. С. Щепкин.

221. Декабрь, 17—19/29—31. Н. М. Сатин.—Русская мысль, 1891, № 6, стр. 22; № 7, стр. 20—21.

⟨Из Берлина⟩. Приписка к письму Огарева. — Упом.: Н. А. Герцен, Н. П. Огарев.

1844 ‹после 13 декабря› или 1845

222. Б. д. «Ты я думаю...». Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 9, стр. 5—6.

Из Петербурга. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом. А. А. Герцен.

Публикатор ошибочно относит это письмо ко времени рождения второго сына Герценов. Видимо, он подразумевает Колю Герцена, родившегося 30 декабря 1843 г. Из содержания письма видно, что оно написано после рождения Н. А. (дочери; родилась 13 декабря 1844 г.). Об Н. А. сказано: «старшая Наташа».

1845

223. Январь, 26. В. Г. Белинский. — А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1908, стр. 486—488 (отрывки); Белинский. Письма, т. III, стр. 85—88.

Из Петербурга. — Упом.: К. С. Аксаков, М. В. Белинская, Арманс Боткина, королева Виктория, А.-Ф. Вильмен, К. К. Герц, Н. А. и Н. А. (дочь) Герцен, Т. Н. Грановский, Н. И. Греч, ‹П. Ф.?› Калайдович, Н. Х. Кетчер, Е. Ф., М. Ф., С. К. и Ф. Е. Корши, А. А. Краевский, ‹К. Маркс›, Н. А. Некрасов, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, М. С. Щепкин, Н. М. Языков.

Ранее Пыпин публиковал те же отрывки без указания фамилии адресата. См. Вестник Европы, 1875, № 4, стр. 128—130).

224. ‹После 26 января› «Две вещи...». Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 9, стр. 3—4.

Из Петербурга. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: А. А., Е. И., Н. А. (дочь) и Коля Герцены, Е. Б. и Т. Н. Грановские, Е. Ф. Корш, М. С. Щепкин.

Публикатор ошибочно относит это письмо ко времени рождения Коли Герцена. Оно, видимо, является ответом на письмо Герцена от 26 января 1845 г. (Лемке, т. III, стр. 455).

225. Январь, 29/февраль, 10. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 7, стр. 34—35.

Из Берлина. К А. И. и Н. А. Герценам. Приписка к письму Огарева. — Упом.: Беттина фон Арним, А. А., Коля и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, Жорж Санд.

226. ‹Конец февраля›. «Я рассержен на всех вас...». Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1892, № 9, стр. 10—11.

Из Петербурга. — Упом.: В. Г. Белинский, А. А. и Н. А. Герцены, А. А. Краевский, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин.

Ответ Герцена на это письмо датирован 3 марта 1845 г. (Лемке, т. III, стр. 461).

227. Август, 12/24. И. П. Галахов. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 95—96 (не полностью; тут же цитата из письма от 23 августа 1846 г.).

Из Туна. — Упом.: Л. Гай, Н. А. Герцен, Т. Н. Грановский, ‹М. П. Кени?›, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, Н. П. Огарев, Н. И. Сазонов, Н. М. Сатин.

228. Ноябрь. «Достоуважаемый и многоуважаемый Герцен. На днях...». П. В. Анненков. — Русская мысль, 1892, № 7, стр. 98—100.

Из Петербурга. — Упом.: В. Г. и М. В. Белинские, Н. А. Герцен, Н. В. Гоголь, К. А. Горбунов, Т. Н. Грановский, Ф. М. Достоевский, Н. Х. Кетчер и его брат, Е. Ф. Корш, А. А. Краевский, К. Нейман, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, Н. И. Сазонов, В. А. Соллогуб, И. С. Тургенев, Н. Г. Фролов, М. А. Языков.

229. Декабрь, 26. Н. М. Сатин. — Звенья, I, 1932, стр. 111—112.

Из Парижа. — Упом.: Н. А. Герцен, дети Герценов.

1846

230. Январь, 2. В. Г. Белинский.—Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 199—201; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 2—6; Белинский. Письма, т. III, стр. 88—92.

Из Петербурга. — Упом.: П. В. Анненков, Ф. В. Булгарин, А. Д. Галахов, К. К. Герц, Н. А. Герцен, Т. Н. Грановский, Ф. М. Достоевский, К. Д. Каве-

лин, Н. Х. Кетчер, А. В. Кольцов, Ф. А. Кони, Е. Ф. Корш, А. А. Краевский, А. И. Кронеберг, П. Н. Кудрявцев, А. Н. Майков, В. С. Межевич, Н. А. Некрасов, М. Д. Ольхин, И. И. Панаев, Вальтер Скотт, И. С. Тургенев, П. Р. Фурман.

231. Январь, 14. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 201—202; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 6—9; Белинский. Письма, т. III, стр. 92—96.

Из Петербурга. — Упом.: П. В. Анненков, М. В. и О. В. Белинские, В. П. Боткин, Ф. В. Булгарин, А. Д. Галахов, А. А. и Н. А. Герцены, К. А. Горбунов, Т. Н. Грановский, (И. И.) Давыдов, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, А. А. Краевский, Н. П. Огарев, О. И. Сенковский, И. С. Тургенев, М. С. Щепкин.

232. Январь, 26. В. Г. Белинский. — Русская мысль, 1891, № 1, стр. 9—10; Белинский. Письма, т. III, стр. 96—97.

Из Петербурга. — Упом.: А. Д. Галахов, А. А. Герцен, Т. Н. Грановский, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, А. А. Краевский, Н. А. Некрасов, С. М. Соловьев, А. В. Станкевич, М. С. Щепкин.

233. Февраль, 6. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, стр. 202—203; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 11—13; Белинский. Письма, т. III, стр. 97—100.

Из Петербурга. — Упом.: К. С. Аксаков, В. П. Боткин, Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановский, Ф. М. Достоевский, А. П. Ефремов, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, А. А. Краевский, Н. А. Мельгунов, Н. А. Некрасов, М. П. Погодин, Г. А. Потемкин, Соколов, С. М. Соловьев, В. А. Соллогуб, А. В. Станкевич, Д. И. Фонвизин, С. П. Шевырев, М. С. Щепкин.

234. Февраль, 19. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 203—205; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 14—17; Белинский. Письма, т. III, стр. 101—104.

Из Петербурга. — Упом.: О. В. Белинская, А. Д. Галахов, Н. И. Гнедич, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, А. А. Краевский, А. И. Кронеберг, Н. И. Надеждин, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, С. М. Соловьев, Тацит, В. Шекспир, М. С. Щепкин, П., М. А. и Саша Языковы.

235. Март, 20. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 205—206; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 17—18; Белинский. Письма, т. III, стр. 104—106.

Из Петербурга. В конце письма обращение к Огареву. — Упом.: М. В. Белинская, А.-К. Веллингтон, А. Д. Галахов, Т. Н. Грановский, Иван IV, К. Д. Кавелин, А. А. Краевский, М. И. Кутузов, Н. А. Мельгунов, Наполеон I, Н. А. Некрасов, К. Ф. Рулье, П. А. Румянцев-Задунайский, Н. М. Сатин, А. В. Суворов, М. С. Щепкин.

236. Апрель, 6. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 207—209; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 18—22; Белинский. Письма, т. III, стр. 107—111.

Из Петербурга.—Упом.: Ф.-М.-А. Вольтер, А. Д. Галахов, Г.-В.-Ф. Гегель, Н. В. Гоголь, И. Кант, Н. М. Карамзин, Е. Ф. Корш, А. А. Краевский, К. С. Милановский, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, А. С. Пушкин, А. А. Т(учков), М. С. Щепкин.

237. Июль, 4. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 209—211; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 22—24; Белинский. Письма, т. III, стр. 136—138.

Из Одессы.—Упом.: И. С. Аксаков, М. В. Белинская, Н. А. Герцен, Данте, Е. Ф. и М. Ф. Корши, Н. П. Огарев, Ю. Ф. Самарин, Н. М. Сатин, О. И. Сенковский, А. И. Соколов, В. А. Соллогуб, А. С. Хомяков, М. С. Щепкин, М. К. Эрн.

238. Август, 18. В. П. Боткин. — Русская мысль, 1892, № 8, стр. 8—11.

Из Виченцы. К Герцену, Т. Н. Грановскому и Н. Х. Кетчеру. — Упом.: П. В. Анненков, Боткины, Д. Верди, Н. А. Герцен, Е. В. и Т. Н. Грановские, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, Н. И. Крылов, Н. М. Сатин.

Август, 23. И. П. Галахов. — См. № 227.

239. Сентябрь, 6. В. Г. Белинский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 211—213; Русская мысль, 1891, № 1, стр. 24—25; Белинский. Письма, т. III, стр. 158—159.

Из Симферополя. — Упом.: Г. К. Ко⟨то⟩шихин, Н. М. Сатин, С. П. Шевырев, М. С. Щепкин.

240. Октябрь, 2. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 9, отд. II, стр. 158 (отрывок); Лемке, т. IV, стр. 419 (тот же отрывок).

Из Москвы.

241. Октябрь, 3. М. Ф. Корш. — Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 52 (отрывок); Лемке, т. IV, стр. 420 (тот же отрывок).

Из Москвы.

242. Октябрь, 3. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 9, отд. II, стр. 161—162 (отрывок); Лемке, т. IV, стр. 419—420 (без числа, тот же отрывок как часть ответного письма на письмо Герцена от 2 октября).

Из Москвы. Приписка к письму М. Ф. Корш.

243. Октябрь, 5. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 38, 42 (отрывки).

Из Москвы. — Упом.: А. А. и Н. А. (дочь) Герцены, И. И. Панаев.

244. ⟨Октябрь, 7 или 8⟩. «Наконец-то получила от тебя письмо...». Н. А. Герцен.—Русская мысль, 1904, № 9, отд. II, стр. 159 (отрывки); Лемке, т. IV, стр. 419 (отрывки).

Датировано по «Описанию рукописей Герцена», стр. 139. Е. С. Некрасова («Русская мысль») относит это письмо предположительно к 10 октября. Лемке дает без даты, как ответ на письмо Герцена от 2 октября.

245. Октябрь, 9. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 9, отд. II, стр. 158; № 10, отд. II, стр. 45 (отрывки).

Из Москвы. — Упом. Н. П. Огарев.

246. Октябрь, 10. М. Ф. Корш. — Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 52—53 (отрывок); Лемке, т. IV, стр. 420 (тот же отрывок).

Из Москвы. — Упом · Н. А. и дети Герцены, Н. П. Огарев, М. К. Эрн.

247. Октябрь, 10. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 37 и 57 (отрывки).

Из Москвы. — Упом.: А. А., Коля, Лика и Н. А. (дочь) Герцены, ⟨К. И. Зонненберг?⟩.

248. Октябрь, 10. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 51—52.

Из Москвы. Приписка к письму М. Ф. Корш.

249. Октябрь, 11. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 52 (отрывок).

Из Москвы.

250. Октябрь, 13. Н. А. Герцен. —Русская мысль, 1904, № 10, отд. II, стр. 43 и 51 (в подстрочном примеч. отрывки).

Из Москвы. — Упом.: В. Г. Белинский, Корши, Л. Ф. Крылова (рожд. Корш), Н. П. Огарев.

251. Б. д. «Я с вами примирился...». Алексей Ал. Яковлев. — Лемке, т. XII, стр. 107 (отрывок).

1847

252. Б. д. «Опять романтизм...». Т. Н. Грановский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 214—215; Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, стр. 445—446.

Из Москвы. — Упом.: Т. А. ⟨Астракова⟩, Ф.-М.-А. Вольтер, Н. А. Герцен, Е. Б. Грановская, Е. Ф. и М. Ф. Корши, В.-А. Моцарт.

1849

253. Весна. «Вчера мы получили...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 88—90.

Из Петербурга. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: Г. Гервег, А. А. и Н. А. дочь) Герцены, А. Ф. и К. Д. Кавелины, Н. П. Огарев, Л. Спини, А. А. и Е. А. Тучковы.

254. Весна. «Получили ваше письмо, друзья...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 87.

Из Петербурга. — К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: А. А. Герцен, К. Д. Кавелин, Е. А. Тучкова.

255. Июнь. «Кошелев берется доставить...». Т. Н. Грановский.— Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 215—217 (с купюрами; вместо фамилии «Кошелев» напечатано: Х.); Лемке, т. V, стр. 284 (отрывок); Лемке, т. XIII, стр. 117—118 (неточная цитата. Герцен ошибочно относит письмо к 1850 г.); Звенья, VI, 1936, стр. 359—362.

Из Москвы. — Упом.: В. Г. Белинский, Д. П. Голохвастов, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, А. И. Кошелев, Н. П. Огарев, Е. В. Салиас, Е. А. и Н. М. Сатины, С. Г. Строганов, А. А. и Н. А. Тучковы, Н. Г. Фролов.

256. Июнь. «Вот каково...». Е. Б. Грановская. — Звенья, VI, 1936, стр. 362.

⟨Из Москвы?⟩. К А. И. и Н. А. Герценам. Приписка к письму Т. Н. Грановского. — Упом.: Л. Бетховен, Н. А. Герцен, дети Герценов, Е. А. и Н. М. Сатины.

257. Июль, 12. Д. Фази.—Лемке, т. XIV, стр. 8.

258. Июль⟨13—30?⟩. «Вчера привезли нам известие...». Т. Н. Грановский.— Полярная звезда, кн. 4, 1858, стр. 123 (отрывок из этого письма присоединен к цитате из другого письма и ошибочно отнесен к 1850 г.); Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 217—218 (с купюрами); Грановский и его переписка, т. II, стр. 446 (с теми же купюрами); Лемке, т. XIII, стр. 118 (перепечатка из Полярной звезды, кн. 4); Звенья, VI, 1936, стр. 362—363.

Из Ильинского. — Упом.: И. П. Галахов, Е. И. и Н. А. Герцены, дети Герценов, Н. А. Некрасов, М. Л. и Н. П. Огаревы, Н. Ф. Павлов, Е. В. Салиас, Е. А. и Н. М. Сатины, Евд. В. Сухово-Кобылина, И. С. Тургенев, Н. А. Тучкова, Н. Г. Фролов, Н. С. Шаншиев.

259. Июль, 31. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 87—88; Лемке, т. V, стр. 296 (отрывок).

Из Парижа. — Упом.: Г. Гервег, Н. А. Герцен.

260. ⟨Июль—август⟩. «Пишу вам в день отъезда...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 90—91.

⟨Из Москвы?⟩. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: С. И. и Т. А. Астраковы, А. А. и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, Е. А. и Н. М. Сатины, И. С. Тургенев.

261. ⟨Середина года⟩. «Ждала от вас...». Н. А. Тучкова. —Русские пропилеи, т. 4, стр. 92—93.

Из Крыма. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: Г. и Э. Гервеги, А. А. и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, Е. А. и Н. М. Сатины, И. С. Тургенев, А. А. Тучков.

262. ⟨Середина года⟩. «Наконец я получила...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 98—99.

Из Крыма. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: С. И. и Т. А. Астраковы, М. Ф. Корш, Н. П. Огарев.

263. ⟨Август, начало⟩. «Вполне присоединяюсь...». П.-Ж. Прудон. — Былое, 1907, № 4, стр. 66—67; Лемке, т. V, стр. 293 (с некоторыми изменениями перевода).

Приписка к письму. Ш.-Э. Хоецкого. — Упом. Ш.-Э. Хоецкий.

264. Август, 13. П.-Ж. Прудон. — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 269 (на французском языке и перевод); факсимиле, стр. 271.

Из тюрьмы Консьержери. — Упом.: А. ⟨?⟩ Гильмен, Ш.-Э. Хоецкий.

265. ⟨Август, 23⟩. П.-Ж. Прудон. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 141 (под датой 29 августа); Лемке, т. XIII, стр. 454 (под датой 29 августа).

Дата уточнена Н. Д. Эфрос (Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 270, 286).

266. Август, 24. Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 99.

К А. И. и Н. А. Герценам. Приписка к письму Огарева.

267. Август, 25. Т. Н. Грановский. — Полярная звезда, кн. 4, 1858, стр. 117; Лемке, т. XIII, стр. 113.

Из Москвы. — Упом. Н. П. Огарев.

Август, 29. П.-Ж. Прудон. — См. № 265.

268. Сентябрь, 15. П.-Ж. Прудон. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 142—143; Лемке, т. XIII, стр. 455—456.

Из тюрьмы Консьержери.

269. Ноябрь. «Гражданин, у меня...». Д. Маццини. — Лемке, т. V, стр. 363—365.

Упом.: Г. Гервег, М. Квадрио, Л. Спини.

270. Декабрь. «Mon cher besson, la tête me tourne...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 34—35 (это и все последующие письма Г. Гервега опубликованы Лемке на французском языке с приложением перевода).

Из Женевы. — Упом.: Э. Гервег, М. К. Эрн.

271. Конец года. «От тебя письмо...». Н. А. Герцен. — Лемке, т. XIII, стр. 514.

Из Швейцарии. Тут же фраза из другого письма (того же времени) с упоминанием Г. Гервега.

1850

272. Январь, 4. Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 37—40.

Из Цюриха. — Упом.: Э. Гервег, В. Гёте.

273. Январь. «Mon cher Alexandre! Vous avez justement...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 40—43.

Из Цюриха. — Упом.: Л. И. Гааг, Э. Гервег, Н. А. Герцен.

274. Январь. «Mon cher Landry, Natalie...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 43—47.

Из Цюриха. — Упом.: Э. Гервег, Н. А. Герцен, П.-Ш. Карлье.

275. Январь. «C'en est fait...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 47—49.

Из Цюриха. — Упом. Э. Гервег.

276. Февраль. «Je vous écris...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 49—51.

Из Цюриха. — Упом. Э. Гервег.

277. Февраль. «Si vous êtes bourreaux...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 51—52.

Из Цюриха. — Упом. Э. Гервег.

278. Февраль. «Samedi. Mon cher, cher Alexandre! Je n'ai pas...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 53—56.

Из Цюриха. — Упом.: К.-Ф. Бастиа, Л. И. Гааг, Э. Гервег, Н. А. Герцен, издатель Кампе, Ф. Капп, П.-Ж. Прудон.

279. Февраль (?). «С великой радостью...». М. Гесс. — Лит. наследство, т. 7-8, 1933, стр. 74—79.

Упом.: А. Барбес, Л. Берне, А. Виллих, Г. Гейне, Г. Гервег, В. Гёте, Ж.-Б. Клоотс, М. Робеспьер, Ф. Шиллер.

280. Март (?). «Вы обращаете...». М. Гесс. — Лит. наследство, т. 7-8, 1933, стр. 81—84.

Упом.: Донозо Кортес, П.-Ж. Прудон.

281. Март. «Наконец-то, наконец...». М. Гесс. — Лит. наследство, т. 7-8, 1933, тр. 84—86.

Упом.: Р. Бэкон, Г. Гейне, издатель Гофман, Донозо Кортес, издатель Кампе, К. Маркс, П.-Ж. Прудон, Б. Спиноза, книгопродавец Франк.

282. Март. «Из беглых замечаний...». М. Гесс. — Лит. наследство, т. 7-8, 1933, стр. 86—88.

Упом.: Донозо Кортес, К. Маркс, П.-Ж. Прудон, Д. Рикардо.

283. Март. «События в наше время...». М. Гесс. — Лит. наследство, т. 7-8, 1933, стр. 88—89.

Упом. П.-Ж. Прудон.

284. Март. «Mercredi. Besson, bessonne, bessonière...». Г. Гервег.— Лемке, т. XIV, стр. 56—59.

Из Цюриха. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: М. А. Бакунин, А. Виллих, Л. И. Гааг, Горас и Э. Гервеги, Н. А. (дочь) Герцен, А. С. Пушкин, Я.-Ф. Фальмерайер, Л. Фейербах, М. К. Эрн.

285. Март. «Mon cher Alexandre! Il faut, que je me retrouve...». Г. Гервег.— Лемке, т. XIV, стр. 59—62.

Из Цюриха. — Упом.: Л. Блан, Э. Гервег, Н. А. Герцен, издатели Гофман и Кампе, Ф. Капп.

286. Март. «Tu t'écartes de la question...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 63—64.

Из Цюриха. — Упом.: ⟨Э. Гервег⟩, Н. А. Герцен, Кампе, Ф. Капп, М. К. Эрн.

287. Март. «Mon cher Alexandre! Oui, il faut...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 64—67.

Из Цюриха. — Упом.: Л. И. Гааг, Э. Гервег, Н. А. Герцен (дочь) и другие дети Герценов, ⟨Ж.-Ж. Руссо?⟩.

288. Апрель, 4. Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 67—71.

Из Цюриха. — Упом.: Э. Гервег, Н. А. Герцен.

289. Май, 21. Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 75—77.

Из Цюриха. — Упом.: Э. Гервег, Н. А. Герцен, Шодер.

290. Май, 31. Н. М. Сатин. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 113—114.

Упом.: Н. А. Герцен, дети Герценов, Н. А. Мельгунов (?), Н. Н. Сатина.

291. Май. «Et oui—oui—oui!..». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 71—74.

К А. И. и Н. А. Герценам.—Упом.: Э. Гервег, дети Гервегов, М. К. Эрн.

292. Май. «Mes chers bessons! J'ai tant...». Г. Гервег.—Лемке, т. XIV, стр. 77—80.

К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: Э. Гервег, П.-Ш. Карлье.

293. Июнь 10/22. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 89.

Из Парижа. — Упом.: Г. и Э. Гервеги, Н. А. Герцен, дети Герценов, Н. П. Огарев, Ротшильд, М. К. Эрн.

294. Июнь. «Cher Alexandre! Merci...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 80—85.

Из Швейцарии. — Упом.: Э. Гервег, Н. А. Герцен.

295. Июнь. «Mon cher Landry, je respire...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 85—87.

Из Цюриха. — Упом.: Д.-Г. Байрон, Э. Гервег, дети Гервегов, Н. А. Герцен, дети Герценов, А. Колачек, А. Рейхель, И. Шпильман.

Июнь. Т. Н. Грановский.— См. № 255.

296. Июль. «Si c'est une Suisse...». Г. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 87—89.

Из Цюриха. — Упом.: Л. И. Гааг, М. К. Эрн.

Июль. Т. Н. Грановский. — См. № 258.

297. Б. д. «Давно я получила...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 112.

Из Яхонтова. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: С. И. Астраков, А. А., Коля и Н. А. (дочь) Герцены, А. Рейхель, Е. А. Сатина, А. А. и Н. Ап. Тучковы.

1851

298. Весна. «Пользуюсь наскоро...». Т. Н. Грановский.—Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 218—219; Грановский и его переписка, т. II, стр. 446—447; Лемке, т. VI, стр. 412 (отрывок).

Из Москвы. — Упом.: П.-К. Гейнцен ⟨Гайнау⟩, Н. А. Герцен, Е. Б. Грановская, ⟨Н. А.?⟩ М⟨ельгунов?⟩.

299. ⟨Начало июня⟩. «Если тебе нельзя сюда...». Н. А. Герцен. — Лемке, т. VI, стр. 188.

300. Июнь, 19. Н. А. Герцен. — Звенья, VIII, 1950, стр. 39—40.

Из Ниццы. — Упом.: Л. Валерио, дети Горценов, И. Г. Головин, М. К. Рейхель рожд. Эрн), Сюйо, К. Фогт, И. Шпильман.

301. Июнь, 23. Н. А. Герцен. — Лемке, т. VI, стр. 412—413.

⟨Из Ниццы?⟩ — Упом.: А. А. и Коля Герцены, И. Г. Головин, К. Фогт, И. Шпильман.

302. Июль, 3. Н. А. Герцен. — Лемке, т. VI, стр. 421—422.

Из Ниццы. — Упом. дети Герценов.

303. Июль, 4. Н. А. Герцен. —Лемке, т. VI, стр. 422.

Из Ниццы. — Упом.: дети Герценов, Рокка, А. Х. Энгельсон.

304. Июль, 7. Н. А. Герцен. — Лемке, т. VI, стр. 422—423.

Из Ниццы. — Упом. Н. А. Герцен (дочь).

305. Июль, 26. П. Я. Чаадаев.—Полярная звезда, кн. 4, 1858, стр. 122 (под датой 20 июля, отрывок); Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 221; П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I. М., 1913, стр. 299—300; Лемке, т. VI, стр. 407—408.

Из Москвы. — Упом.: ⟨Т. Н. Грановский⟩, Г. К. Ко⟨то⟩шихин.

306. Октябрь, начало. «Я был счастлив...». Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 83—84 (не полностью); Лемке, т. VI, стр. 464—465.

Упом. М. А. Бакунин.

307. Октябрь, 21. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 84 (отрывок).

Упом. какое-то лицо, находящееся в заключении.

Указание на неточность комментария—см. Лемке, т. VI, стр. 466.

308. Ноябрь, 3. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 85 (отрывок); Лемке, т. VI, стр. 465—466 (тот же отрывок и фраза из письма от 7 ноября).

309. Ноябрь, 11. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 85; Лемке, т. VI, стр. 687 — 688 (с некоторыми изменениями перевода).

Упом.: М. А. Бакунин, ⟨?⟩ Ноэль.

В первой публикации Ноэль назван Леоном. Во второй — Эженом (без какой-либо мотивировки).

310. Ноябрь, 17. Ж. Мишле. — Лемке, т. VI, стр. 532 (отрывок).

Упом. Ноэль ⟨?⟩.

311. Ноябрь, 20. Ж. Мишле. — Лемке, т. VI, стр. 532 (отрывок).

Упом. М. А. Бакунин.

312. Ноябрь, 27. П.-Ж. Прудон. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 222—224; Лемке, т. VI, стр. 536—538.

Из тюрьмы Сен-Пелажи. — Упом.: М. А. Бакунин, Л. И. Гааг, Коля Герцен, Ж. Мишле, семья П.-Ж. Прудона, Ш.-Э. Хоецкий.

313. Ноябрь 29. М. К. Рейхель. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 307.

Из Парижа. К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом. Коля Герцен.

314. Ноябрь, 30. М. К. Рейхель. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 308—309.

Из Парижа. К А. И. и Н. А. Герценам. —Упом.: Л. И. Гааг, А. А. и Коля Герцены, А., М. и Саша Рейхели, И. Шпильман.

315. Ноябрь, 30. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 86.

Упом.: ⟨Л. И. Гааг⟩, ⟨Коля⟩ и Н. А. Герцены.

316. Декабрь, 6. М. К. Рейхель. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 313.

Из Парижа. К А. И. и Н. А. Герценам.—Упом.: Коля и другие дети Герцена, Н. А. Мельгунов и его жена, А. и Саша Рейхели.

317. Декабрь, 7. М. К. Рейхель. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 314.

Из Парижа. К А. И. и Н. А. Герценам. Упом.: Е. И. и Коля Герцены, Н. А. Мельгунов и его жена, А. и Саша Рейхели, Шомбург, И. Шпильман.

318. Б. д. «С тяжелым чувством...». Т. Н. Грановский.—Звенья, VI, 1936, стр. 356—358.

⟨Из Москвы⟩.—Упом.: В. Г. Белинский, Д. Н. Блудов, И. Г. Головин, К. Д. Кавелин, Наполеон I. С. П. Шевырев.

319. Б. д. «Lieber Herzen, мы остановились...». Э. Гервег. — Лемке, т. XIII, стр. 525.

Из Ментоны. — Упом.: Георг и Горас Гервеги.

1851 (конец) или 1852 (начало)

320. Б. д. «Ты жива, моя Натали...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 127—128.

К А. И. и Н. А. Герценам. — Упом.: Т. А. Астракова, А. А. и О. А. Герцены, м-ль Мишель, Н. П. Огарев, М. К. Рейхель, Трубецкие.

1852

321. Январь, 10. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 86; Лемке, т. VII, стр. 6.

Упом.: Н. А. Герцен, Наполеон III, доктор Разори (?).

322. Февраль, 3. Н. И. Сазонов. — Лемке, т. VII, стр. 14.

Упом.: Г. Гервег, Н. А. Герцен, дети Герценов, А. Рейхель.

323. Февраль, 11. Э. Гервег. — Лемке, т. XIV, стр. 92—93.

(Из Цюриха?) — Упом. Ф. Орсини (?).

324. Март, 10. Э. Гауг. — Лемке, т. VII, стр. 41—44 (на немецком языке и перевод).

Упом.: Л. И. Гааг, (Г. Гервег), Н. А. Герцен, Д. Мадцини, (Наполеон III).

325. (Между 2 мая и 4 августа). «Милый друг Саша...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 128; Лемке, т. XIV, стр. 126 (отрывок).

Упом.: Н. А. Герцен, дети Герценов, Н. П. Огарев, М. К. Рейхель.

326. Май, 27. Д. Мадцини. — Былое, 1907, № 5, стр. 214—215; Лемке, т. VII, стр. 59.

Упом.: Э. Гауг, Н. А. Герцен, дети Герценов.

327. Июнь, 4. К. Фогт. — Лемке, т. VII, стр. 55—58 (на французском языке и перевод).

Из Берна. — Упом.: Э. и Г. Гервеги, А. А. Герцен, Гофмейстер, А. Колачек, (г-жа Кох), Луи-Наполеон, Режис, Резэн, Рюстов, Д. Фази, сестра К. Фогта, (Ш.-Э. Хоецкий).

328. Июнь, 12. Ф. Орсини. — Лемке, т. VII, стр. 67—68 (на французском языке и перевод).

Из Ниццы. — Упом.: Г. Гервег, ребенок Герценов, Д. Медичи, жена и дочь Ф. Орсини, М.-Э. Тесье, В. А. Энгельсон.

329. Июнь, 29. А. Мордини. — Лемке, т. VII, стр. 70—71 (на итальянском языке и перевод).

Из Генуи. — Упом.: (Г. Гервег), А. А. Герцен, Д. Медичи, М.-Э. Тесье, Ш.-Э. Хоецкий, В. А. Энгельсон.

330. Июнь, 29. Д. Медичи. — Лемке, т. VII, стр. 68—70 (на французском языке и перевод).

Из Генуи. — Упом.: Э. Гауг, (Г. Гервег), М.-Э. Тесье, В. А. и А. Х. Энгельсоны.

331. Июнь, 30. Р. Вагнер. — Лемке, т. XIV, стр. 121—124 (на немецком языке и перевод).

Из Цюриха. — Упом.: Э. Гауг, Г. Гервег.

332. Июль, 2. К. Фогт. — Лемке, т. VII, стр. 86—89 (на французском языке и перевод).

Из Швейцарии. — Упом.: Г. и Э. Гервеги и их дети и родственники, (г-жа Кох), семья Фогтов, (Ш.-Э. Хоецкий).

333. Июль, 3. Ф. Орсини. — Лемке, т. XIV, стр. 104—105 (на французском языке и перевод).

Из Ниццы. — Упом.: Э. Гервег, М.-Э. Тесье.

334. Июль, 4. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 87 (датировано концом июня); Лемке, т. VII, стр. 109 (отрывки).

Из Нанта. — Упом.: (Н. А. Герцен), дети Ж. Мишле.

335. Июль, 7. Ф. В и л л е. — Лемке, т. XIV, стр. 119—121 (на немецком языке и перевод).

Из Майенфельда (у Цюрихского озера). — Упом.: Э. Гауг, Г. Гервег, В. А. Энгельсон.

336. Июль, 11. В. А. Э н г е л ь с о н. — Лемке, т. VII, стр. 72—74.

Из Альбаро. — Упом.: Бонфис, Георг, Горас и Эмма Гервеги, А. А. Герцен, И. Г. Головин, Дамет, Д. Медичи, А. Мордини, Ф. Орсини, Пачелли, ‹Ш.-Э. Хоецкий›.

337. Июль, 13. Ф. О р с и н и. — Лемке, т. VII, стр. 96—99 (на французском языке и перевод).

Из Ниццы. — Упом.: Э. Гауг, Г. и Э. Гервеги, Маркато, П.-А. Матье, М.-Э. Тесье, Ш.-Э. Хоецкий, В. А. Энгельсон.

338. Июль, 13. В. А. Э н г е л ь с о н. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 108—110 (не полностью); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 66—70 (не полностью).

Из Генуи. — Упом.: В. Г. Белинский, Л.-О. Бланки, А. Гакстгаузен, Геродот, Н. А. Герцен, Ж. Мишле, Петр I, М.-Э. Тесье, Romieu.

339. Июль, 24—30. В. А. Э н г е л ь с о н. — Лемке, т. VII, стр. 76—79.

Из Альбаро. — Упом.: К. Больдони, Бонфис, Э. Гауг, Г. и Э. Гервеги, Гзель, Дамет, Э. Козенц, Д. Медичи, А. Мордини, Ф. Орсини, г-жа Пачелли, М.-Э. Тесье.

340. Июль, 29. Ж. М и ш л е. — Былое, 1907, № 4, стр. 87—88 (отрывок); Лемке, т. VII, стр. 110.

Из Нанта. — Упом.: Л. Бетховен, А. Дюмениль и его жена (рожд. Мишле), Э. Кинэ, Рембрандт.

341. ‹Июль—август›. «Frère, vous nous avez choisi...». Н е и з в е с т н ы е. — Лемке, т. VII, стр. 80—81 (на французском языке и перевод).

Упом. ‹Г. Гервег›.

Лемке отмечает, что подписи выскоблены.

342. Август, 4. Н. А. Т у ч к о в а. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 129.

Упом.: Н. А. Герцен, дети Герценов, Н. П. Огарев.

343. Август, 7. П.-Ж. П р у д о н. — Вестник Европы, 1875, № 10, стр. 552—553 (отрывок); Лемке, т. VII, стр. 125 (отрывок).

Из Парижа.—Упом.: Дюшен, Пильс, Ш.-Э. Хоецкий.

344. Сентябрь, 22. В. А. Э н г е л ь с о н. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 110—111 (не полностью); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 70—72 (не полностью).

Из Женевы. — Упом.: К. П. Брюллов, А.-К. Веллингтон, П. М. Волконский, Вронченко, А. М. Гедеонов, Н. В. Гоголь, Л. В. Дубельт, Набоков, К. В. Нессельроде, А. Ф. Орлов.

345. Октябрь, 1. В. А. Э н г е л ь с о н. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 111—112 (не полностью); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 72—74 (не полностью); Лемке, т. VII, стр. 143—144 (отрывок).

Из Женевы. — Упом.: А. А. Герцен, Леве, прудонист Масальский, М.-Э. Тесье, К. Фогт, Ш.-Э. Хоецкий.

346. Октябрь, 18. М.-Э. Т е с ь е д ю-М о т э.—Лемке, т. VII, стр. 158—159 (на французском языке и перевод).

Из Женевы. — Упом.: ‹Г. Гервег›, дети Герценов.

347. Октябрь, 20. В. А. Э н г е л ь с о н. —Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 112—113 (не полностью); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 74—75 (не полностью).

Из Женевы. — Упом.: Д. Г. Бибиков, А. Гакстгаузен, Г.-В.-Ф. Гегель, А. А. Герцен, Дамет, Л. А. Перовский, В. А. Соллогуб, Т. ‹?›.

348. Ноябрь, 4. В. А. Э н г е л ь с о н. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 113—117 (под датой 11/4 ‹?› ноября); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 76—84 (под датой 11/4 ‹?› ноября).

Из Парижа. — Упом.: В. Г. Белинский, А. Гакстгаузен, Г.-В.-Ф. Гегель, Н. В. Гоголь, Э. Кабе, Карл Великий, М. Ю. Лермонтов, Лукиан, Людовик XIV, Д. Маццини, О.-Г. Мирабо, Ж. Мишле, летописец Нестор, Г. Пальмерстон, Питт, П.-Ж. Прудон, А. С. Пушкин, Л. Фейербах.

349. Ноябрь, 6. Д. Медичи. — Былое, 1907, № 5, стр. 221; Лемке, т. VII, стр. 60.

Из Генуи. — Упом.: Э. Козенц, Л. Меццокапо, К. Пизакане, М.-А. Саффи, В. А. Энгельсон.

350. Ноябрь, 15. К. Фогт. — Лемке, т. VII, стр. 160—163 (на французском языке и перевод).

Из Женевы. — Упом.: Георг, Горас и Эмма Гервеги, Ж. Мишле, Г.-В. Прессе, А. В. Станкевич, Ш.-Э. Хоецкий, Эргардт.

351. Ноябрь, 30. В. А. Энгельсон. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 117—121 (не полностью); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 85—91 (не полностью).

Из Парижа. — Упом.: Л. Блан, б. флигель-адъютант Браницкий, Д. Гарибальди (?), Г.-В.-Ф. Гегель, Л. В. Дубельт, вел. кн. Константин Николаевич, Л. Кошут, Ксенофонт, А.-О. Ледрю-Роллен, Луи-Филипп, Масальский, Д. Маццини, Д. Медичи, А. С. и В. А. Меншиковы, Наполеон III, И. Радецкий, Ж.-Ж. Руссо, Франц-Иосиф, А. Х. Энгельсон.

352. Декабрь, 8. В. А. Энгельсон. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 121—122; Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 92—95.

Из Парижа. — Упом.: Г. Бичер-Стоу, Ф. Гизо, И. Кант, Н. М. Карамзин, Л. Пилатт, Робертсон, Тацит, Туссенель, Штеффенс.

353. Конец года. «Любезный Герцен, я только, что...». Э.-Ж.-Т. Торэ. — Былое, 1907, № 5, стр. 225—227 (отрывки); Лемке, т. VI, стр. 672—675.

Из Лондона. — Упом. Бурбоны.

Б. д. «Ради бога, не думайте...». Ж. Мишле. — См. № 367.

Между 1852 и 1865 гг.

354. Б. д. «Cher citoyen, un proscrit de nos amis...». А.-О. Ледрю-Роллен. — Лемке, т. XIV, стр. 565 (на французском языке и перевод).

Упом. французский эмигрант.

1853

355. Начало года. «Есть надежда...». Н. А. Тучкова. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 129—131.

Упом.: Г. Гервег, Н. А. Герцен, дети Герценов, М. Л. и Н. П. Огаревы, М. К. Рейхель, Г. А. Римский-Корсаков, А. А. Тучков.

356. Февраль, 2. В. А. Энгельсон. — Лемке, т. XIII, стр. 609—611.

Из Парижа. — Упом.: В. Г. Белинский, Э. Гауг, (Г. Гервег), дети Герцена, Ф. Ларошфуко, М. К. Рейхель, (М.-Э.?) Т(есье?), г-жа Т(есье?), К. Фогт, Ш.-Э. Хоецкий.

357. Апрель, 11. В. С. Печерин. — Полярная звезда, кн. 6, 1861, стр. 264—265; Лемке, т. XIV, стр. 459.

Из Клапама.

Апрель, 13. Т. Карлейль. — См. № 396.

358. Апрель, 15. В. С. Печерин. — Полярная звезда, кн. 6, 1861, стр. 265—266; Лемке, т. XIV, стр. 459—460.

С острова Гернси. — Упом.: Екатерина II, Иосиф II, Фридрих II.

359. Май, 3. В. С. Печерин. — Полярная звезда, кн. 6, 1861, стр. 268—269; Лемке, т. XIV, стр. 462—463.

Из Клапама. — Упом. М. Шевалье.

360. Май, 14. К. Фогт. — Лемке, т. VII, стр. 226—228 (видимо, без конца).

Из Женевы. — Упом.: Г. и Э. Гервеги и их дети, г-жа Гогенемзер, Дамет, Маркато, П.-А. Матье, Э. Навиль, Д. Фази.

361. Июль, 11. Т. Карлейль. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 229 (на английском языке и перевод).

Из Лондона.

362. Август. «Сердце ноет при мысли...». Т. Н. Грановский. — Полярная звезда, кн. 4, 1858, стр. 123 (отрывок); Лемке, т. XIII, стр. 118 (тот же отрывок).

363. Август. «Стоическое равнодушие...». М. Мейзенбуг. — Мейзенбуг М. Мемуары идеалистки. СПб., 1905, стр. 156; Лемке, т. VII, стр. 319—320; Мейзенбуг М. Воспоминания идеалистки. М., 1933, стр. 248—250 (другой перевод).

⟨Из Бродстэр⟩. — Упом. Я. Молешотт.

364. Осень, не позднее 10 октября. «Неужели я 65 лет...». М. С. Щепкин. — Голос минувшего, 1913, № 8, стр. 213—215; Лемке, т. VII, стр. 333—336.

Из Парижа. — Упом. дети Герцена.

365. Осень, не позднее 10 октября. «Мне больно...». М. К. Рейхель. — Голос минувшего, 1913, № 8, стр. 216; Лемке, т. VII, стр. 336.

Из Парижа.—Приписка к письму М. С. Щепкина.

366. Ноябрь, 4. М.-А. Сафри. — Былое, 1907, № 5, стр. 223—224 (начало); Лемке, т. XIV, стр. 6—7.

Из Оксфорда. — Упом.: Э. Гауг, А. А. Герцен, И. Г. Головин, М. Мейзенбуг.

367. ⟨Осень до 9 ноября⟩. «Не подумайте, чтобы я...». Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 87 (б. д., помещено, видимо ошибочно, среди писем 1852 г. Без конца. В этом варианте перевода первые слова: «Ради бога, не думайте...»); Лемке, т. VII, стр. 393.

Упом.: М. А. Бакунин, М. В. Петрашевский, О. Прео, Ш. Рибейроль.

1854

368. Февраль, 16. А. Руге. — Лемке, т. VIII, стр. 20—21 (отрывки).

Из Лондона. — Упом. ⟨Г. Гервег⟩.

369. Март, 4. Л. Кошут.— Лемке, т. VIII, стр. 60.

Из Лондона. — Упом. оружейник Штегман.

370. Март, 13. Неизвестный.—Полярная звезда, кн. 1, 1855, стр. 213—214; Лемке, т. VIII, стр. 219—220.

Из Парижа. — Упом. Николай I.

371. Март, 14. Д. Гарибальди. — Былое, 1907, № 5, стр. 207; Лемке, т. VIII, стр. 59.

Из Лондона. — Упом.: А. А. Герцен, М. Мейзенбуг.

372. Март, 25. И. Г. Головин. — ⟨Письмо к А. И. Герцену⟩. Лондон, 1854. 1 стр.; Былое, 1907, № 5, стр. 8; Лемке, т. XIV, стр. 355.

Из Лондона. — Упом. В. А. Энгельсон.

373. Март, 26. Д. Гарибальди. — Былое, 1907, № 5, стр. 207; Лемке, т. VIII, стр. 59—60.

Из Нью-Кестля. — Упом.: А. А., Н. А. и О. А. Герцены, ⟨М. Мейзенбуг?⟩.

374. Весна. «Дорогой Герцен, Кошут пишет мне...». Д. Маццини. — Былое, 1907, № 5, стр. 215; Лемке, т. VIII, стр. 72.

Из Лондона. — Упом. Л. Кошут.

375. Весна. «Дорогой Герцен, Кошут вам напишет...». Д. Маццини. — Былое, 1907, № 5, стр. 215 (не полностью); Лемке, т. VIII, стр. 73.

Из Лондона. — Упом.: Э. Гауг, Л. Кошут.

376. Весна. «Дорогой Герцен, как вы знаете...». Д. Маццини. — Былое, 1907, № 5, стр. 215—216 (отрывок); Лемке, т. VIII, стр. 73.

Из Лондона. — Упом.: Вуд, «наш друг», ⟨Ф. Орсини?⟩.

377. Апрель, 26. И. Г. Головин. — Былое, 1907, № 5, стр. 10; Лемке, т. XIV, стр. 357.

Из Англии. — Упом.: М. А. Бакунин, Ф. И. Бруннов.

378. Май, 19. В. А. Энгельсон. — Лемке, т. XIV, стр. 150.

⟨Из Лондона?⟩—Упом. Е. И. Пугачев.

379. Май, 26. В. А. Энгельсон. — Лемке, т. XIV, стр. 150—151.

⟨Из Лондона?⟩. — Упом. М. Мейзенбуг.

380. Май, 27. Э. Кердеруа. — Лемке, т. XIV, стр. 212—218 (на французском языке и перевод).

Из Сантандера. — Упом.: А. В. Кольцов, М. Ю. Лермонтов, В. Линтон, Николай I, Петр I, А. С. Пушкин, Ф. Рабле, Л. Шарр.

381. Июль, 8. В. А. Энгельсон. —Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 106—107; Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 62—63; Лемке, т. XIV, стр. 151—152.

⟨Из Лондона⟩. — Упом.: Барагэ д'Илье, Наполеон III, Николай I, Е. И. Пугачев, Lowe.

382. Июль, 10. В. А. Энгельсон. — Освобождение, кн 1, 1903, стр. 107—108 (отрывок); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 65 (тот же отрывок); Лемке, т. XIV, стр. 153—154.

Из Лондона. — Упом.: Гаврилов, И. Г. Головин, Ж. Мишле, М. В. Петрашевский, Л. В. Тенгоборский.

383. ⟨Середина года⟩. «Раз вы избрали...». М. Мейзенбуг. — Лемке, т. VIII, стр. 101—104; Мейзенбуг М. Воспоминания идеалистки. М., 1933, стр. 289—294 (другой перевод).

Из Лондона. — Упом.: Н. А. (дочь) и О. А. Герцен, В. А. Энгельсон.

384. Август, 12. И. Г. Головин. — Лемке, т. XIV, стр. 359.

385. Август, 16. И. Г. Головин. — Былое, 1907, № 5, стр. 10—11; Лемке, т. XIV, стр. 358.

Упом. И. И. Савич.

386. ⟨Август⟩. «Ответ. Вы пишете: нет любви...». В. А. Энгельсон.— Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 105—106 (отрывок); Всемирный вестник, 1907, № 1 стр. 61—62 (тот же отрывок); Лемке, т. XIV, стр. 154—156.

⟨Из Лондона⟩. — Упом.: С. Ворцель, И. Г. Головин, Ж. Доманже, Кашкин, Э. Кердеруа, вел. кн. Константин Николаевич, Д. Маццини, Д. Медичи, А. С. Меншиков, Николай I, М. В. Петрашевский, Пианчани, А. Рейхель, Н. А. Спешнев, М.-Э. Тесье, Л. Чернецкий.

387. ⟨Сентябрь, 25⟩. «И еще будет статья об вас...». В. А. Энгельсон. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 104 (отрывок); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 57—58 (тот же отрывок).

⟨Из Лондона⟩. — Упом.: Боке, А. Делаво, М. В. Петрашевский, Сарра (?), Н. А. Спешнев, ⟨А. Х. Энгельсон⟩.

Дата указана в кн.: Описание рукописей Герцена, стр. 151.

388. Сентябрь, 28. В. А. Энгельсон. — Освобождение, кн. 1, 1903, стр. 104—105 (не полностью); Всемирный вестник, 1907, № 1, стр. 59—60 (не полностью); Лемке, т. XIV, стр. 156—158.

⟨Из Лондона⟩.—Частично в стихах. — Упом.: Д. Гарибальди (?), И. Г. Головин, Ж. Доманже (?), Наполеон III, Николай I.

389. Октябрь, 7. В. А. Энгельсон. — Лемке, т. XIV, стр. 158—160.

⟨Из Лондона⟩. — Упом.: В. Гёте, И. Г. Головин, М. П. Погодин, М. Штирнер, А. Х. Энгельсон и ее ребенок.

390. ⟨Конец года⟩. «Годы прошли...». Т. Н. Грановский. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 219—220; Грановский и его переписка, т. II, стр. 447—448; Лемке, т. VIII, стр. 78—79.

Из Москвы. — Упом.: Петр I, В. И. Соколовский.

391. Б. д. «Cher citoyen, j'ai perdu l'adresse...». Э. Бартелеми. — Лемке, т. XIV, стр. 551 (на французском языке и перевод).

Из Англии. — Упом. А. Виллих.

392. Б. д. «Дорогой друг, большое спасибо за вашу брошюру...». А. Руге. — Лемке, т. VI, стр. 677—678.

Упом.: Аристофан, М. А. Бакунин, Николай I, Плавт.

1855

393. Январь, 23. Ж. Мишле. — Лемке, т. VIII, стр. 134—135.

Из Парижа. — Упом. М. А. Бакунин.

394. Февраль, ⟨10⟩. «Принимаю, Герцен, и бриллианты...». В. А. Энгельсон. — Лемке, т. XIV, стр. 160—161 (под ошибочной датой 11 февраля).

⟨Из Лондона⟩. —Упом.: А. Рейхель, г-жа Фосс, Ш.-Э. Хоецкий.

Дата уточнена в кн.: Описание рукописей Герцена, стр. 152.

395. Март, 10. Э. Джонс. — Звенья, VIII, 1950, стр. 54—55.

Из Лондона.

396. Апрель, 13. Т. Карлейль. — Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 228—229; Лемке, т. VI, стр. 675—676 (ошибочно отнесено к 1853 г.).

Из Лондона. — Упом.: Зульцер ⟨?⟩, Фридрих II.

Ответ Герцена на это письмо (Полярная звезда, кн. 5, 1859, стр. 229—230) датирован 14 апреля 1855 г.

397. Май, 22. В. А. Энгельсон. — Лемке, т. XIV, стр. 161.

⟨Из Лондона⟩. — Упом.: А. А. и Н. А. (дочь) Герцены, М. Мейзенбуг.

398. Июнь, 14. К. Шурц. — Былое, 1907, № 5, стр. 224 (отрывок); Лемке, т. VIII, стр. 247.

Из Англии. — Упом. г-жа Шурц.

399. Июль, 1. Ж. Мишле. — Полярная звезда, кн. 1, 1855, стр. 209—211; Лемке, т. VIII, стр. 192—194.

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, Н. А. Герцен, Николай I, П. И. Пестель.

400. Июль, 13, А. Таландье. — Полярная звезда, кн. 1, 1855, стр. 218—222.

Из Лондона. — Упом.: имп. Адриан, имп. Александр (Север), юрисконсульт Гай, имп. Диоклетиан, имп. Каракалла, Каталина, Э. Кинэ, имп. Клавдий, имп. Коммод, имп. Константин, Марий, имп. Нерон, Николай I, юрисконсульт Папиан, имп. Тиберий, юрисконсульт Ульпиан, имп. Юстиниан.

401. Июль, 22. Д. Маццини. — Полярная звезда, кн. 1, 1855, стр. 229—230; Лемке, т. VIII, стр. 173—174.

Из Лондона. — Упом.: Ч. Менотти, П. И. Пестель.

402. Июль, 23. П.-Ж. Прудон. — Полярная звезда, кн. 1, 1855, стр. 237—238 (отдельные строки); кн. 5, 1859, стр. 224—227; Былое, 1907, № 4, стр. 78 (без начала); Лемке, т. VIII, стр. 198—199 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: Александр II, Бертран дю Гекслин, О. де Клиссон.

403. Июль, 25. В. Гюго. — Полярная звезда, кн. 1, 1855 (не полностью); Лемке, т. VIII, стр. 174; Лит. наследство, т. 31-32, 1937, стр. 828.

С острова Джерси.

404. Октябрь, 21. М.-А. Саффи. — Лемке, т. VIII, стр. 240—241.

Из Оксфорда. — Упом.: М. Гальтенгоф и ее сестра, ⟨В. Гюго?⟩, семья Саффи, немецкий профессор (друг Герцена).

405. Ноябрь, 12. М.-А. Саффи. — Лемке, т. VIII, стр. 241—243.

Из Манчестера. — Упом.: ⟨Т. Н. Грановский⟩, Э. Гокс, семья Скотт.

406. Б. д. «Милостивый государь, ваша Полярная звезда...». Неизвестный (подпись: ***). — Полярная звезда, кн. 2, 1856, стр. 243—246.

Упом.: Александр II, Василий Великий, Данте, Л. В. Дубельт, Н. В. Елагин, М. Н. Мусин-Пушкин, Николай I, Э. И. Тотлебен.

407. Б. д. «Милостивый государь, необыкновенные...», К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин (подпись: Русский либерал). — Голоса из России, ч. I, 1856, стр. 9—36; Лемке, т. VIII, стр. 322—324 (отрывки).

Упом.: Александр II, Л. Кошут, А.-О. Ледрю-Роллен, Д. Маццини, Наполеон III, Николай I, П.-Ж. Прудон.

Авторы указаны в кн.: Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 172.

408. Б. д. «Ваша Полярная звезда...». Неизвестный (подпись: *). — Полярная звезда, кн. 2, 1856, стр. 250—252.

Упом.: Александр I, Александр II, А. А. Бестужев, ⟨П. А. Вяземский⟩, М. А. Дмитриев, М. Ю. Лермонтов, Д. Маццини, Николай I, Петр I, А. И. Полежаев, П.-Ж. Прудон, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, П. Я. Чаадаев.

1855 (конец) или после 1855

409. Б. д. «„Полярная звезда“ читается...». И. Д. Якушкин. — Былое, 1906, № 4, стр. 188—189.

Из Сибири. — Упом.: Александр I, Д. Н. Бологовский, П. М. Волконский, Н. И. Греч, В. К. Кюхельбекер, Менщиков, Николай I, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, П. Я. Чаадаев, Шеппинг.

1856

410. Март, 21. Ж. Мишле. — Лемке, т. VIII, стр. 373—374.

Из Парижа. — Упом.: издатель Гашет, г-жа Мишле, издатель Шамро.

411. Апрель. «Легко жить нам, провинциалам!..». Неизвестный. — Голоса из России, ч. II, вып. 1, 1856, стр. 110—120.

Упом.: Н. В. Гоголь, М. А. Корф, А. Ф. и Н. А. Орловы, Н. В. Сушков.

412. Июнь, 23. К. Фогт. — Голос минувшего, 1913, № 1, стр. 189.

Упом. А. А. Герцен.

413. Сентябрь, 8. Ф. Орсини. — Былое, 1907, № 5, стр. 222—223; Лемке, т. VIII, стр. 333—334.

Из Лондона. — Упом.: Н. П. Огарев, М.-А. Саффи, В. А. Энгельсон.

414. Сентябрь, 9. Ж. Мишле. — Лемке, т. VIII, стр. 374—375.

Из Люцерна. — Упом.: М. А. Бакунин, г-жа Дежерандо, г-жа Телеки.

415. Сентябрь, 22. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 90; Лемке, т. VIII, стр. 341 (отрывок).

Из Куртавнеля. — Упом.: С. Т. Аксаков, Н. П. Огарев, А. А. Фет.

416. Октябрь, 18. Ж. Мишле. — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 276—277 (на французском языке и перевод); факсимиле, стр. 275.

Из Парижа. — Упом. г-жа Мишле.

417. Ноябрь, 10. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 90—92; Лемке, т. VIII, стр. 355—356 (отрывок).

Из Парижа. — Упом.: оружейник Англик (?), дети Герценов, Н. В. Гоголь, (Е. Я.?) Колбасин, оружейник Ленг, Н. А. Мельгунов, Н. А. и Н. П. Огаревы, (М.-А.?) Пинто, П(исаревский), М.-А. Саффи.

418. Ноябрь, 15. Ж. Мишле. — Лемке, т. VIII, стр. 375.

Упом.: А. Делаво, издатели М. Леви, Паггер (вдова и сын).

419. Декабрь, 6. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 92—93; Лемке, т. VIII, стр. 356, 362 и 378 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: дети Герценов, (Е. Я.?) Колбасин, Н. А. Мельгунов, Н. А. Некрасов, Н. А. и Н. П. Огаревы, А. С. Пушкин, Ротшильд, Саллюстий, Светоний, Тацит, Тит Ливий, Th. de Quincey.

420. Декабрь, 17. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 93—95.

Из Парижа. — Упом.: С. Т. Аксаков, Ф.-Т. Барнум, цензор Бекетов, М. Н. Мусин-Пушкин, Н. А. Некрасов, Н. А. и Н. П. Огаревы, И. И. Панаев, Н. П. (?) Погенполь, М. К. Рейхель.

421. Декабрь, 20. Ж. Мишле. — Лемке, т. VIII, стр. 380.

Упом.: Бартэс, А. Делаво, издатели М. Леви, Паггер, Шамро.

422. Декабрь, 9/21. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 95—96.

Из Парижа. — Упом.: П. Виардо, Грибовский, В. Н. Каншеров, Н. П. Огарев, А. и М. К. Рейхели, Я. И. Ростовцев, врач Josen de St. André.

1857

423. Январь, 8. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 96—97.

Из Парижа. — Упом.: г-жа д'Ари, Ф.-Т. Барнум, В. Г. Белинский, Грибовский, А. В. Дружинин, Н. А. Мельгунов, Ж. Мишле, Н. П. Огарев, книготорговец Паньер, М.-А. Пинто, врач Josen de St. André.

424. Январь, 16. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 104—106; Лемке, т. VIII, стр. 392—393 (не полностью).

Из Парижа. — Упом.: г-жа д'Ари, Н. А. Герцен, Н. Х. Кетчер, Н. А. Мельгунов, вел. кн. Михаил Николаевич, Н. А. Некрасов, Н. П. Огарев, Г.-Б. Оппенгейм, Н. А. Орлов, архиерей Парфений.

425. Февраль, 18. Л. Блан. — Былое, 1907, № 4, стр. 91 (отрывок); Лемке, т. VIII, стр. 506.

(Из Англии). — Упом. эмигрант Кадэ.

426. Февраль, 20. Л. Блан. — Былое, 1907, № 4, стр. 92 (отрывок); Лемке, т. VIII, стр. 506—507.

(Из Англии). — Упом.: С. Ворцель, (Кадэ).

427. Февраль, 28/16. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 106.

Из Парижа. — Упом.: Н. А. Мельгунов, Н. А. Некрасов, (К. Ф. Рылеев?), Л. Н. Толстой, С. П. Шевырев.

428. Март, 5. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 107—108; Лемке, т. VIII, стр. 400 (отрывок).

Из Парижа. — Упом.: (И. С.?) Аксаков, В. А. Бобринский, Е. Р. Дашкова, А. А. Закревский, Н. П. Огарев, Р. Пиль, Л. Н. Толстой, Чертковы, С. П. Шевырев.

429. Март, 15. В. Гюго. — Былое, 1907, № 4, стр. 90; Лемке, т. VIII, стр. 504; Лит. наследство, т. 31-32, 1937, стр. 828.

Упом. С. Ворцель.

430. Июнь, 15/27. Н. А. Некрасов. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 111—112; Лемке, т. VIII, стр. 550—551; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, стр. 342—343.

(Из Парижа). — Упом. И. С. Тургенев.

431. Июнь, 17 — ноябрь. И. П. Липранди. — Лемке, т. IX, стр. 598—605.

Упом.: В. Гюго, И. И. Давыдов, Н. В. Елагин, -ій-ъ (Н. П. Огарев?), М. Коссидьер, Л. Кошут, И. А. Крылов, А.-О. Ледрю-Роллен, доктор Лестби, Д. Маццини, М. Н. Мусин-Пушкин, Николай I, А. Ф. Орлов, Л. А. Перовский, М. В. Петрашевский, П.-Ж. Прудон, М. Сервантес.

Лемке воспроизводит надпись на письме, приписывающую псевдоним «-ій-ъ» А. А. Тучкову.

432. Июль, 17. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 108—109; Лемке, т. VIII, стр. 552—553 (отрывок).

Из Зинцига. — Упом.: А. Делаво, В. А. Долгоруков, оружейник Ленг, Н. А. Некрасов, Н. П. Огарев, А. Ф. Орлов, Сабуровы.

433. Июль, 20. Н. А. Некрасов. — Вестник Европы, 1903, № 12, стр. 628; Лемке, т. VIII, стр. 554—555; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, стр. 350.

Из Петербурга. — Упом. И. С. Тургенев.

434. Июль, 22. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 109—111; Лемке, т. VIII, стр. 553—554 (отрывки).

Из Зинцига. — Упом.: книгопродавец-издатель Базунов, семья Герцена, А. Делаво, А. В. Дружинин, вел. кн. Константин Николаевич, оружейник Ленг, Н. А. Некрасов, Н. А. и Н. П. Огаревы, Н. А. Орлов.

435. Июль, 26. Н. А. Некрасов. — Русская мысль, 1902, № 12, стр. 174 (предположительно адресатом письма назван Огарев); Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, стр. 352.

Из Петергофа. — Упом.: М. Ф. Корш, И. С. Тургенев.

436. Август, 1. А. А. Иванов. — Колокол, л. 22, 1858, стр. 178 (отрывки); Лемке, т. IX, стр. 311 (отрывки); Искусство, 1933, № 5, стр. 85—86 (с факсимиле).

Из Интерлакена. — Упом. Д. Маццини.

437. Август, 2. Н. А. Мельгунов. — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 8 (отрывок).

Из Гунценбаха. — Упом.: содержательницы книжного магазина Маркс, ‹Н.?› Трюбнер.

438. Август. «Дорогой друг! Десять лет прошло...». К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 3—8; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 29—30 (с купюрами).

Из Остенде ‹?›. — Упом. Пильчинский.

439. Август, 31. П. А. Бахметев. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 526.

Из Лондона. — Упом. Н. П. Огарев.

440. Сентябрь, 4. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 185—186; Лемке, т. IX, стр. 326—327 (без начала).

Из Манчестера. — Упом.: ‹Бенжамен Констан?›, дети Герцена, Н. П. Огарев.

441. Октябрь, 11. В. Гюго. — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 280; факсимиле, стр. 283.

С острова Гернси. — Упом. «неизвестный русский поэт» (П. Л. Лавров).

442. Октябрь, 16/28. И. С. Аксаков.—Вольное слово, № 60, 1883, стр. 4—5.

Из Москвы. — Упом.: К. С. Аксаков, Александр II, учитель Батистов (Баистов?), обер-полицмейстер Беринг, П. А. Вяземский, Н. Ф. Крузе, Людовик XIV, Николай I, Н. П. Огарев, Я. И. Ростовцев, Б. Н. Чичерин.

443. Ноябрь, 11. Н. А. Мельгунов. — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 8.

Из Бадена. — Упом.: И. К. Бабст, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, М. А. Корф, В. П. Титов.

444. ‹Ноябрь, 29?›. «Гражданин, не довольствуясь...». Поляки, собравшиеся для празднования годовщины революции 29 ноября 1830 года (23 подписи). — Лемке, т. VIII, стр. 505.

‹Из Лондона?›. — Упом. С. Ворцель.

445. Декабрь, 2. Н. А. Мельгунов. —Вольное слово, № 58, 1883, стр. 8—9; Лемке, т. IX, стр. 57 (отрывок).

Из Германии. — Упом.: Александр II, Баршев, оберполицмейстер Беринг, Н. В-кий, А. А. Закревский, А. Ф. Орлов.

446. Декабрь, 22. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 113—115; Современник, 1913, № 7, стр. 12—13 (без конца).

Из Рима. — Упом.: Александр II, Н. В. Гоголь, ‹И.› Зальцман, Л. В. Кочубей, В. Н. Панин.

447. В. д. «Поклон и привет русскому от русского...». ‹П. Л. Лавров› (без подписи). — Голоса из России, кн. 4, 1857, стр. 1—23.

Упом.: Александр II, А.-О. Барбье, Беляев, П.-Ж. Беранже, Г.-В.-Ф. Гегель, Ф. Гизо, И. Кеплер, Николай I, И. Ньютон, П.-Ж. Прудон, Б. Н. Чичерин.

Автор указан в статье «П. Л. Лавров о себе самом» (Вестник Европы, 1910, № 10, стр. 97).

448. Б. д. «Милостивый государь, весь город...». Неизвестный. — Колокол, л. 5, 1857, стр. 35—36.

Из Москвы. — Упом.: Александр II, Ф. И. Буслаев, Ф. И. Иноземцев, ‹Евгр. П. Ковалевский›.

449. Б. д. «Милостивый государь, вы часто...». Неизвестный. — Колокол, л. 5, 1857, стр. 36—38.

Из Москвы. — Упом.: Александр II, оберполицмейстер Беринг и ударивший его солдат, бранд-майор Воробьев, А. А. Закревский, П. А. Клейнмихель, оберполицмейстер Лужин, М. Лютер, Николай I, А. С. Норов, Разумовская, Э. И. Тотлебен, арестованный учитель.

Конец 1857 или начало 1858

450. Б. д. «М. г., нельзя не радоваться...». Неизвестный (подпись: Помещик Владимирской губернии). — Колокол, л. 16, 1858, стр. 125—126.

Упом.: Александр II, Н. П. Огарев.

1858

451. Начало года. «Пишу тебе под влиянием...». ⟨К. Д. Кавелин⟩. — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 9—10; Лемке, т. IX, стр. 243—244 (без начала и конца. Автором ошибочно назван Н. А. Мельгунов).

Упом.: Александр II, имп. Александра Федоровна, студент Ганусевич, В. А. Долгоруков, М. А. Корф, А. М. Курбский, С. С. Ланской, Николай I.

Автор указан в новой публикации в настоящем томе.

452. Начало года. «Вполне соглашаюсь со всем...». Н. А. Мельгунов. — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 9—10.

Приписка к письму ⟨К. Д. Кавелина⟩. — Упом. дети Герценов.

453. Начало года. «Но в одном из последних №№ „Молвы...“». И. С. Аксаков. — Вольное слово, № 60, 1883, стр. 5 (с примеч.: начало письма утеряно).

Из Москвы. — Упом.: К. С. Аксаков, Александр II, цензор Бессомыкин, Васильчиков, П. А. Вяземский, В. А. Долгоруков, Н. И. Крылов, Н. П. Огарев, П.-Ж. Прудон, С. М. Соловьев, Т. И. Филиппов, А. С. Хомяков, Б. Н. Чичерин, корреспондент И. С. Аксакова из Англии Z.

454. Январь, 7. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 115—117; Лемке, т. IX, стр. 76 (отрывок).

Из Рима. — Упом.: Александр II, Ахматов, обер-полицмейстер Беринг, В. П. Боткин, А. М. Гедеонов, А. А. Иванов, П. Н. Игнатьев, М. А. Корф, Николай I, Н. П. Огарев, М. С. Щепкин.

455. Январь, 8/20. Т. А. Астракова. — Вестник Европы, 1907, № 6, стр. 639—641 (автором письма предположительно называется Т. П. Пассек); Лемке, т. IX, стр. 59—62.

⟨Из Москвы?⟩. — Упом.: А. А. Герцен, Д. В. Григорович, Ч. Диккенс, Н. А. и Н. П. Огаревы, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Е. Тур.

456. Апрель, 13. В. Гюго. — Былое, 1907, № 4, стр. 90; Лемке, т. IX, стр. 221; Лит. наследство, т. 31-32, 1937, стр. 829.

457. Апрель, 21. Л. Блан. — Былое, 1907, № 4, стр. 92 (отрывок); Лемке, т. IX, стр. 221.

Из Англии. — Упом.: П.-Ж. Прудон и эмигрант, высланный из Брюсселя за содержание склада газеты «L'Homme».

458. Май, 9. Ю. Ф. Самарин. — Вольное слово, № 59, 1883, стр. 9—12; Лемке, т. IX, стр. 290—291 (отрывки).

Из Москвы. — Упом.: И. С. и К. С. Аксаковы, Александр II, В. Г. Белинский, Д. Г. Бибиков, И. П. Галахов, Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановский, Е. Р. Дашкова, Л. В. Дубельт, С. В. Ешевский, К. Д. Кавелин, И. В. и П. В. Киреевские, М. А. Корф, Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев, П. Леонтьев, Николай I, Н. П. Огарев, Петр I, Н. А. Полевой, А. С. Пушкин, Я. И. Ростовцев, С. М. Соловьев, С. Г. Строганов, А. С. Хомяков, Ф. В. Чижов, Б. Н. Чичерин, А.-Л. Шлецер.

459. Май, 30. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 117—118; Лемке, т. IX, стр. 242—243 (отрывок).

Из Парижа. — Упом.: Александр II, А.-Т. Гримм, К. Д. Кавелин, Евгр. П. Ковалевский, В. П. Титов, книгопродавец Франк, Г. А. Щербатов.

460. Май. «Милостивый государь, издания ваши у нас редки...». Неизвестный. — Колокол, л. 23-24, 1858, стр. 188—190.

Из Петербурга. — Упом.: Александр II, В. П. Бутков, А. А. Закревский, В. А. Долгоруков, К. Д. Кавелин, Николай I, Я. И. Ростовцев, И. О. Сухозанет, девица Янсон, арестованный на границе молодой человек.

461. Июнь, 6. Л. Блан. — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 284.

(Из Лондона?).

462. Июль, 1. Л. Блан. — Лемке, т. XIV, стр. 546—547.

(Из Англии).

463. Июль, 20. Д. Маццини. — Лемке, т. XIV, стр. 547.

(Из Англии). — Упом. Сантини.

464. Июль, 26. Неизвестный (подпись: V). — Звенья, VIII, 1950, стр. 59—60 (на французском языке и перевод).

Из Уикенбау, Миддльсекс. — Упом. С.-Ф. Бернар.

465. Июль. «У нас все идет так дурно...». Неизвестный. — Колокол, л. 25, 1858, стр. 201—207.

Упом.: Александр II, имп. Александра Федоровна, Безобразов, Бланк, Д. Н. Блудов, П. Ф. Брох, В. П. Бутков, Голицын, Гринвальд, Задаево-Кошанский, П. Н. Игнатьев, Исаков, Кисловский, С. С. Ланской, М. Н. Муравьев, Николай I, А. С. Норов, принц Ольденбургский, В. Н. Панин, Пантелеев, Е. И. Пугачев, Рашет, Я. И. Ростовцев, Б. Скуратов, Тиличеев, А. Е. Тимашев, г-жа Энгельгард.

466. Сентябрь, 21. Г. Клапка. — Лемке, т. IX, стр. 239.

Из Англии. — Упом. венгерский генерал-эмигрант I (?).

467. Октябрь, 11. (Б. Н. Чичерин) (подпись: Ч.). — Вольное слово, № 61-62, 1883, стр. 6; Лемке, т. IX, стр. 407 (отрывок).

Из Парижа. — Упом.: Александр II, Н. П. Огарев.

468. Ноябрь, 11. (Б. Н. Чичерин) (подпись: Ч.). — Вольное слово, № 61-62, 1883, стр. 6; Лемке, т. IX, стр. 407—408.

Из Парижа.

469. Ноябрь, 18. Ж. Мишле. — Лемке, т. IX, стр. 395—396.

Из Парижа. — Упом.: Ф.-М.-А. Вольтер, книгоиздатель Гашетт, Гильон, Людовик XIV, г-жа Мишле.

470. Ноябрь, 28. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 88—89 (отрывок); Лемке, т. IX, стр. 396—397.

Из Парижа. — Упом.: Екатерина II, Петр III, Понятовский.

471. Ноябрь, 30. (Б. Н. Чичерин) (подпись: Ч.). — Вольное слово, № 61-62, 1883, стр. 6—7; Лемке, т. IX, стр. 416—417.

Из Ниццы.

472. Б. д. «Милостивый государь, ваш Колокол часто...». Неизвестный. — Колокол, л. 22, 1858, стр. 181—182.

Из Петербурга. — Упом.: Александр II, А. А. Аракчеев, П. Дукчита-Дукчинский, Николай I, М. П. Позен.

473. Б. д. «Милостивый государь, в последнем листе...». (Б. Н. Чичерин) (подпись: Ч.). — Колокол, л. 29, 1858, стр. 236—239 (под заголовком: «Обвинительный акт»); Лемке, т. IX, стр. 409—415.

Из Парижа. — Упом.: Александр II, П. А. Вяземский, имп. Мария Александровна, М. Н. Муравьев, А. С. Норов, В. Н. Панин, Я. И. Ростовцев.

474. Б. д. «Милостивый государь, Александр Иванович! Я, Панаев...». — В. А. Панаев.—Русская старина, 1902, № 5, стр. 319.

Из Лондона. — Упом. И. И. Панаев.

475. Б. д. «В 31 листе...». Неизвестный. — Колокол, л. 32-33, 1859, стр. 271—272.

Упом.: Урусова, Черкасова.

476. Б. д. «Милостивый государь, в 29 листе Колокола напечатан „Обвинительный акт"...» (В. А. Панаев?). — Колокол, л. 30-31, 1858, стр. 253—254; Письма Кавелина и Тургенева, стр. 30—31 (опубликовано как письмо К. Д. Кавелина); Лемке, т. IX, стр. 440—441.

(Из Германии?). — Упом. Б. Н. Чичерин.

Указание М. К. Лемке (т. IX, стр. 441, 485) на то, что автором письма является В. А. Панаев, не может считаться вполне аргументированным. Оно осно-

рается на недостаточно ясное свидетельство в воспоминаниях В. А. Панаева (Русская старина, 1902, № 5).

477. Б. д. «М. г. В ту минуту, как я...». А. Спартанский. — Колокол, л. 32-33, 1859, стр. 264—265.

Упом.: З. Свентославский, Б. Н. Чичерин.

478. Б. д. «М. г. В 30 листе...». ⟨В. А. Панаев?⟩ (подпись: Русской). — Колокол, л. 32-33, 1859, стр. 260; Письма Кавелина и Тургенева, стр. 31 (опубликовано как письмо К. Д. Кавелина); Лемке, т. IX, стр. 484.

Из Брюсселя. — Упом. Б. Н. Чичерин.

Об авторе см. в примеч. к № 476.

1858 или 1859

479. Б. д. «Милостивый государь, идолопоклонство...». Неизвестный. — Колокол, л. 56, 1859, стр. 461—463.

Упом.: королева Виктория, М. Д. Горчаков, А. Дюма, Николай I.

1859

480. Январь, 17. В. Гюго. — Колокол, л. 35, 1859, стр. 290 (отрывок).

С острова Гернси. — Упом.: Н. И. Греч, маркиз де Кюстин.

481. Январь, 25. Ж. Мишле. — Лемке, т. IX, стр. 397—398.

Из Парижа. — Упом.: журналист Ганеско, А. Делаво, Екатерина II, Е. Пельтан, П. Я. Чаадаев, журналист Шапюи, Ш. Шассен.

482. Январь. «Милостивый государь Александр Иванович! Когда у нас...». А. П. Глинка. — Звенья, VIII, 1950, стр. 41—54.

Из Москвы. — Упом.: Василий Великий, Н. В. Гоголь, Григорий Богослов, Е. Р. Дашкова, Дмитрий Ростовский, богослов Иннокентий (И. А. Борисов), Иоанн Златоуст, Магомет, Матвей Савельич, Г. Орлов, Рафаэль, Сергий Радонежский, Тихон Задонский, В. Шекспир, Ф. Шиллер, И. А. Яковлев.

В составлении письма участвовали: В. Ф. Шаховская и П. И. Орлова-Савина.

483. Февраль, 13/25. ⟨Б. Н. Чичерин⟩. — Вольное слово, № 61-62, 1883, стр. 7; Лемке, т. IX, стр. 423—424.

Из Ниццы. — Упом.: И. К. Бабст, ⟨К. Д. Кавелин?⟩, Н. А. Мельгунов, Н. П. Огарев.

484. Февраль, 27. Л. Блан. — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 284.

Из Лондона. — Упом. Герен.

485. Май. «Любезный друг, обращаюсь...». Д. Маццини. — Былое, 1907, № 5, стр. 216; Лемке, т. IX, стр. 560.

⟨Из Лондона?⟩. — Упом. Н. Трюбнер.

486. Май, 28/июнь, 11 ⟨?⟩. ⟨А. И. Кошелев⟩ (подпись: NN). — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 10 (под заголовком: Письма NN, депутата Редакц. ком. по кр. делу).

Из Лондона. — Упом.: Я. И. Ростовцев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, Б. Н. Чичерин, X. Y. Z.

Автор указан: Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 596.

487. Июнь, 28. ⟨А. А. Чумиков⟩ (подпись: Ваш горячий почитатель). — Голос минувшего, 1913, № 5, стр. 234—236; Лемке, т. X, стр. 59—60 (отрывок).

Из Любека. — Упом.: Александр II, книгопродавец Гофман, Екатерина II, А. А. Закревский и его дочь, В. Н. Панин, Я. И. Ростовцев, С. Г. Строганов, Фридрих II, книгопродавцы-издатели ⟨Н.?⟩ Тр⟨юбнер?⟩, Франк и Шнейдер, историк Curd von Schlözer ⟨?⟩.

Автор указан: Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 615.

488. Июнь. «Письмо твое я получил...». К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 9—10; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 34—36.

⟨Из Бланкенберга?⟩. — Упом.: В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, Н. А. и Н. П. Огаревы, корреспондент Герцена.

489. ⟨Август, до 26⟩. «Английский Zopf требует...». К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 43—44; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 42—43.

Из Бланкенберга. — Упом.: Д—в, М. К. Рейхель, Б. Н. Чичерин.

490. Август, 30. ⟨А. И. Кошелев⟩ (подпись: NN). — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 10—11 (под заголовком: Письма NN, депутата Редакц. ком. по кр. делу).

Из Остенде. — Упом.: В. Ф. Адлерберг, Д. Н. Блудов, В. П. Бутков, Гагарин, С. П. Голицын, В. А. Долгоруков, А. Д. Желтухин, А. М. Княжевич, вел. кн. Константин Николаевич, С. С. Ланской, М. Н. Муравьев, А. Ф. Орлов, В. Н. Панин, М. П. Позен, Я. И. Ростовцев, Ю. Ф. Самарин, К. В. Чевкин, В. А. Черкасский.

Источник раскрытия автора—см. в аннотации к № 486.

491. Сентябрь, 16. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 118—119.

Из Парижа. — Упом.: А. И. Вегелин, С. Г. Волконский, ⟨Е. Я.?⟩ Колбасин, Н. А. и Н. П. Огаревы, Ростовцев (сын), Н. Г. Чернышевский, ⟨Ал. Ал.?⟩ Шеншин.

492. Декабрь, 11/⟨23⟩. С. С. Громека. — Вольное слово, № 57, 1883, стр. 6—7 (не полностью); Русский вестник, 1889, № 5, стр. 278 (с купюрами).

Из Одессы. — Упом.: Н. В. Елагин, М. Н. Жемчужников, П. Н. Игнатьев, Касьянов, И. Ф. Миницкий, А. Ф. Орлов, В. Н. Панин, И. Ф. Паскевич, Я. И. Ростовцев, А. Г. Строганов, А. Е. Тимашев, А. П. ⟨?⟩ и П. А. Шуваловы.

493. Декабрь, 17. В. Анастасьев. — Колокол, л. 60, 1860, стр. 498.

Упом.: генерал-майор Анастасьев, Д. Волохов, Метлин.

494. Б. д. «Милостивый государь. В 34 листе...». ⟨Н. И. Костомаров⟩. — Колокол, л. 61, 1860, стр. 499—503 (без указания автора); Лемке, т. IX, стр. 474—483.

Упом.: Александр II, Алексей Михайлович, П. Дорошенко, Л. В. Дубельт, Екатерина II, книгопродавец Завадский, саратовский губернатор Кожевников, пан Немирич, Николай I, студент Петров, Н. Г. Устрялов, Б. Хмельницкий, Т. Г. Шевченко, Ян Казимир.

495. Б. д. «Domine, ego sum Gallus...». Б. Фаржье. — Новые пропилеи, т. I, 1923, стр. 74 (на латинском языке и перевод).

Из Англии.

496. Б. д. «Искандер! Всем хорошо известно...», Неизвестная (подпись: Украинка). — Лемке, т. X, стр. 167—168.

Упом. ⟨А. П. Глинка⟩.

497. Б. д. «Во всех изданных вами...». Неизвестный. — Голоса из России, кн. VI, 1859, стр. 117—140.

Упом.: Александр I, Александр II, ⟨царевич Алексей?⟩, Анна Ивановна, Д. Е. Бенардаки, Бурбоны, ⟨Иван VI⟩, Карл I, П. А. Клейнмихель, А. М. Княжевич, В. А. Кокорев, вел. кн. Константин Павлович, Лобанов-Ростовский, Людовик XVI, Николай I, Павел I, В. Н. Панин, ⟨Петр III⟩, Жорж Санд, Стюарты, В. Теккерей, В. И. Шуйский.

498. Б. д. «Милост. государь, в № 49...». ⟨Н. А. Белоголовый?⟩ (без подписи). — Под суд!, л. 2, 1859, стр. 13—15.

Упом.: Анненков, Ф. Беклемишев, Буякович (Бич), К. К. Венцель, Висковатов, Гурьев, Извольский, М. С. Корсаков, Кукель, Молчанов, Н. Н. Муравьев, М. С. Неклюдов, Никитин, М. Е. Салтыков-Щедрин, ⟨И. О.?⟩ Сухозанет, Сухотин, Успенский.

1859—1860

499. Б. д. «Милостивый государь, на чужой стороне...». Неизвестный (подпись: Русский человек). — Колокол, л. 64, 1860, стр. 533—535; Лемке, т. X, стр. 224—229 (автором назван Н. Г. Чернышевский).

Упом.: Александр II, имп. Александра Федоровна, А. А. Аракчеев, В. Б. Бажанов, Габсбурги, митрополит Григорий, А. А. Закревский и его дочь, П. А. Клейнмихель, Н. Макиавелли, М. М. Мандт, имп. Мария Александровна, А. Мицкевич, Николай I, А. Ф. Орлов, В. Н. Панин, А. С. Пушкин, митрополит Филарет, Франц-Иосиф.

Ответ Герцена на это письмо датирован 25 февраля 1860 г. (Лемке, т. X, стр. 218—224).

Дискуссия об авторе в следующих статьях: Козьмин Б. П. Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену (Лит. наследство, т. 25-26, 1936, стр. 576—585); Нечкина М. В. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации (Исторические записки, 1941, кн. 10, стр. 28—39); Бушканец Е. Г. К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена (Известия Акад. Наук СССР, серия истории и философии, 1951, № 2, стр. 180—181).

Конец 1850-х — начало 1860-х годов

500. Б. д. «Любезный Герцен, я говорил с Ледрю...». Д. Маццини. — Былое, 1907, № 5, стр. 217—218.

Из Англии. — Упом.: В.-Э. Араго, А. Барбес, Л. Блан, В. Гюго, Э. Кинэ, А.-О. Ледрю-Роллен, Ф. Пиа, Шарра, В. Шельхер.

Кроме того, там же (стр. 216—217) есть отрывки из других недатированных писем, в которых упоминаются: Г. (?), М. Квадрио, Наполеон III, семья Стансфильдов.

1860

501. Февраль, 3/15. «М. г. Ал. Ив. Я получил...». (С. Лазаревич) (капитан парохода). — Колокол, л. 244-245, 1867, стр. 2001; Лемке, т. XIV, стр. 380—381 (здесь же, на стр. 375—377, напечатан еще ряд коротких отрывков из недатированных писем неизвестных лиц).

Из Блекволь.

Автор и дата указаны в настоящем томе, на стр. 787.

502. Март, 15. П.-Ж. Прудон. — Лемке, т. X, стр. 267—269.

Упом.: Александр II, Виктор-Эммануил, Л. Кошут, А.-О. Ледрю-Роллен, Д. Маццини, Наполеон III, К. В. Нессельроде, Николай I, митрополит Филарет.

503. Март, 30. П.-Ж. Прудон. — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 272—273 (на французском языке и перевод).

Из Иксель-Брюсселя. — Упом. Наполеон III.

504. Апрель, 16. И. С. Аксаков. — Вольное слово, № 60, 1883, стр. 5—6.

Из Мюнхена. — Упом.: К. С. Аксаков, Александр II, цензор Бессомыкин, Н. П. Гиляров-Платонов, А. Головачев, А. М. Горчаков, Драшусов, С. С. Ланской, Н. А. Милютин, Николай I, Н. П. Огарев, В. Н. Панин, цензор Прибиль, цензор Росковшенко, Ю. Ф. Самарин, А. Е. Тимашев, А. М. Унковский, В. А. Черкасский, П. А. Шувалов, М. П. Щербинин.

505. Май, 21. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 119.

Из Парижа. — Упом.: П. В. Анненков, Н. П. Огарев.

506. Июнь, 3. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 120; Современник, 1913, № 7, стр. 16—17 (без конца).

Из Парижа. — Упом.: П. В. Анненков, Н. М. Жемчужников, Н. А. и Н. П. Огаревы.

507. Июнь, 4. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 120—121; Современник, 1913, № 7, стр. 17 (без конца).

Из Парижа. — Упом.: П. В. Анненков, Н. М. Жемчужников.

508. Июнь, 10. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 121—122; Лемке, т. X, стр. 338.

Из Содена. — Упом.: П. В. Анненков, Баррис, В. П. Боткин, ганноверский король, Н. М. Жемчужников, А. А. Краевский, Николай I, Н. П. Огарев.

509. Июнь, 2/14. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 122—123.

Из Содена.—Упом.: (В. П.?) Б(откин?), (Н. М.?) Ж(емчужников?), Н. П. Огарев, А. Е. Тимашев, Т. (?).

510. Июнь, 15. В. Гюго. — Былое, 1907, № 4, стр. 90; Лемке, т. XIV, стр. 795—796; Лит. наследство, т. 31-32, 1937, стр. 830.

Июль—август. Н. А. Огарева. — См. № 722.

511. Сентябрь, 7. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 236—237; Лемке, т. X, стр. 460—462.

Упом.: Лиза и старшие дети Герцены, Н. П. Огарев.

512. Сентябрь, 12. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 237—239; Лемке, т. X, стр. 462—463 (не полностью).

Из Меца. — Упом.: Лиза Герцен, м-ль Мишель, Н. П. Огарев.

513. ‹Сентябрь›, 6/18. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 123—124; Лемке, т. X, стр. 393 (отрывок).

Из Куртавнеля. — Упом.: ‹Александр II›, П. Виардо, дети Герцена, Н. П. Огарев, г-жа NN.

514. Сентябрь, 13/25. И. С. Аксаков. — Вольное слово, № 60, 1883, стр. 6—7; Лемке, т. X, стр. 367 (отрывок).

Из Лейпцига. — Упом.: К. С. Аксаков, книгопродавец Вагнер, В. Ганка, М. Н. Лонгинов, Н. А. Милютин, Н. П. Огарев, И. И. Панаев, Н. Трюбнер, А. С. Хомяков.

515. Сентябрь, 27. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 124—125.

Из Куртавнеля. — Упом.: М. А. Бакунин, К. К. Гофман, А. Делаво, Ковалевский, ‹М. А. Маркович› и ее семья, Н. П. Огарев.

Октябрь, 13—14. И. С. Тургенев. — См. № 520.

516. Октябрь, 24. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 127—128; Лемке, т. X, стр. 424, 434 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: П. В. Анненков, ‹Н. А. Некрасов?›, ‹А. Ф.?› Орлов, Ал. Ал. Шеншин и его семья.

517. Октябрь, 31. Л. Блан. — Былое, 1907, № 4, стр. 92.

518. Осень. «Ты удивишься, увидав мой почерк...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 249—250; Лемке, т. X, стр. 458—459 (не полностью).

Из Франкфурта на Майне. — Упом.: Лиза Герцен, Н. П. Огарев, Е. А. и Н. М. Сатины, ‹Г. и М. Сетерленды›.

519. Ноябрь, 4. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 130; Современник, 1913, № 7, стр. 23 (не полностью, с погрешностями).

Из Парижа. — Упом.: Г. Бичер-Стоу, ‹М. А. Маркович›, ‹А. В.?› П‹ассек›, вдова и сын Ал. Ал. Шеншина.

Ноябрь, 7—15. М. А. Бакунин.—См. № 723.

520. ‹Ноябрь›, 13—14. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 125—127 (под датой 13—14 октября); Лемке, т. X, стр. 451—452 (отрывок).

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, ‹Н. П.?› Вагнер, ‹Волков›, А. А. и О. А. Герцены, П. В. Долгоруков, С. В. Ешевский, П. А. Захарьин, ‹М. А. Маркович› и ее сын, ‹А. В.?› П‹ассек›, Савонарола, П. И. Тургенева, Б. Н. Чичерин, сын Ал. Ал. Шеншина, М. Эссен.

Ответ на письма Герцена от 9 и 13 ноября 1860 г. (Лемке, т. X, стр. 443—445 и 451).

521. Ноябрь, 20. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 130—132; Лемке, т. X, стр. 471—472 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: Д. Гарибальди, О. А. Герцен, Козодоев, ‹Е. Я.?› Колбасин, ‹М. Мейзенбуг›, Н. П. Огарев, вдова Ал. Ал. Шеншина.

522. Декабрь, 3. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 261—262; Лемке, т. X, стр. 467 (отрывок).

‹Из Берна›. — Упом.: Лиза Герцен, Н. П. Огарев, Н. А. Серно-Соловьевич.

Декабрь, 8 н. с. М. А. Бакунин. — См. № 724.

523. Б. д. «Я не могу не отвечать тебе...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 239; Лемке, т. X, стр. 463—464.

Упом. Н. П. Огарев.

524. Б. д. «Прости меня, крик ужаса и отчаяния...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 240; Лемке, т. X, стр. 464.

Упом. Лиза Герцен.

525. Б. д. «Суббота. Ты знаешь, я хотела, чтоб меня совсем забыли...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 252—253; Лемке, т. X, стр. 464—465 (отрывки).

⟨Из Лозанны⟩. Упом.: А. А., Лиза, Н. А., Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, экономка Девиля, М. Мейзенбуг, Н. П. Огарев, Е. А. Сатина.

526. Б. д. «Суббота. Грозный опыт должен был...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 254—255; Лемке, т. X, стр. 465 (отрывки).

Упом.: А. А., Лиза, Н. А. и О. А. Герцены, Н. П. Огарев, г-жа Фогт.

527. Б. д. «Ты не доволен моим письмом...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 258—260.

Упом.: А. А., Лиза, Н. А. и Н. А. (дочь) Герцены, М. Мейзенбуг, Н. П. Огарев, Урихи.

528. Б. д. «Я думала всю ночь...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 260—261; Лемке, т. X, стр. 465—466.

Упом.: А. А. и Лиза Герцены, Н. П. Огарев, Н. А. Серно-Соловьевич.

529. Б. д. «Милостивый государь, с некоторого...». Неизвестный. — Под суд!, л. 6, 1860, стр. 60—64; л. 7, стр. 68—71.

⟨Из Иркутска⟩. — Упом.: Анненков, Ф. Беклемишев, ⟨Н. А. Белоголовый⟩, Буякович, К. К. Венцель, Гурьев, Деспот-Зенович, Извольский, Катин, М. С. Корсаков, Кочубей, есаул Лавров, Львов, Молчанов, Н. Н. Муравьев, М. С. Неклюдов, Ольдекоп, Панасевич, М. В. Петрашевский, В. Ф. Раевский, Руперт, Строгановы, Сухотин, Успенский, Хаминов.

Н. А. Белоголовый сообщает, что это письмо было переслано Герцену М. А. Бакуниным с просьбой опубликовать его (Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, стр. 533).

1860 или 1861 (до 1 апреля)

530. Б. д. «М. г. До вас...». Неизвестный. — Колокол, л. 95, 1861, стр. 802.

Упом. вел. кн. Константин Николаевич.

531. Б. д. «М. г. В последнем №...». Неизвестный. — Колокол, л. 95, 1861, стр. 803.

Упом. А. Л. Потапов.

1861

532. Январь, 1. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 132—133; Лемке, т. XI, стр. 7.

Из Парижа. — Упом.: О. А. Герцен, А. В. Головнин, в. к. Константин Николаевич, Р. Оуэн, ⟨А. Сниткин⟩, Н. И. Трубецкой.

533. Январь, 9. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 133—134; Лемке, т. XI, стр. 8 (отрывки).

Из Парижа. —Упом.: К. С. Аксаков, А. Бенни, О. А. Герцен, М. Н. Катков, Н. А. Некрасов, Н. П. Огарев, ⟨Н. И. Трубецкой⟩, Ф. М. Тургенев.

534. Февраль, 12. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 135—136.

Из Парижа. — Упом.: К. С. Аксаков, Г. А. и П. В. Анненковы, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Л. Виардо, ⟨П. В. Долгоруков⟩, ⟨врач?⟩ Райе, ⟨А. А. Слепцов⟩, Н. П. Трубецкой, д'Убри.

535. Февраль, ⟨13?⟩. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 136—137; Лемке, т. XI, стр. 30 (отрывок).

⟨Из Парижа?⟩. — Упом.: П. В. Анненков, В. П. Боткин, П. П. Гагарин, А. М. Горчаков, П. В. Долгоруков, Дубровин ⟨М. С. Бейдеман⟩, вел. кн. Елена Павловна, А. М. Княжевич, М. А. Маркович, герцог Мекленбургский, М. Н. Муравьев, ⟨Н. Н. Обручев?⟩, ⟨А. А.⟩ Слепцов, ⟨Л. Н. Толстой⟩, Н. П. Трубецкой, дядя И. С. Тургенева.

536. Март, 9. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 137—138; Лемке, т. XI, стр. 45 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: Ф. Гизо, А. Делаво, Э. П. Желиговский, А. Ламартин, А. В. Лохвицкий, Наполеон III, Ж.-Б. Расин, студент Страхов, П. И. Тургенева, Л. Тьер, NN.

537. Март, 20. Л. Н. Толстой. — Октябрь, 1940, № 11, стр. 151—152; Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 494—495.

⟨Из Брюсселя⟩. — Упом.: Александр II, В. Гёте, Ш. Гуно, М. А. Дондуков-Корсаков, ⟨М. Мейзенбуг⟩, Н. П. Огарев, П.-Ж. Прудон, М.-Э. Тесье, А. Е. Тимашев.

538. Март, 26. Л. Н. Толстой. — Октябрь, 1940, № 11, стр. 152—153; Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 496—497; факсимиле, стр. 499—502.

⟨Из Брюсселя⟩. — Упом.: Н. П. Огарев, Р. Оуэн, К. Ф. Рылеев, М.-Э. Тесье, И. С. Тургенев.

539. ⟨Март?⟩. «Милый А. И. Посылаю тебе копию...». И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 138—140; Лемке, т. XI, стр. 58 (отрывок).

⟨Из Парижа⟩. — Упом.: П. В. Анненков, Березин ⟨В. С. Печерин?⟩, Н. А. Бестужев, Бриден (проповедник времен Людовика XIV), С. Г. Волконский, ⟨Н. Ф.?⟩ Крузе, М. С. Лунин, П. А. Муханов, Р. Оуэн, Н. И. Тургенев, Т. Г. Шевченко.

540. ⟨Март?⟩. «Милый друг А. И. Вчера получены...». И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 140—141; Лемке, т. XI, стр. 52.

⟨Из Парижа⟩. — Упом.: Александр II, Д. Н. Блудов, Болтин ⟨Н. И. Бахтин?⟩, П. П. Гагарин, А. В. Головнин, вел. кн. Константин Николаевич, С. С. Ланской, митрополит Филарет, К. В. Чевкин.

541. Апрель, 9. Л. Н. Толстой. — Октябрь, 1940, № 11, стр. 154; Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 498, 503.

Из Франкфурта на Майне. — Упом.: Н. А. (дочь) Герцен, Киснен, И. Лелевель, Н. А. и Н. П. Огаревы, И. С. Тургенев.

542. Апрель, 11. П.-Ж. Прудон. — Лит. наследство, т. 15, 1934, стр. 284—285 (на французском языке и перевод).

Из Брюсселя. — Упом.: Александр II, М. А. Бакунин, А. Запасник (?), Наполеон III, Николай I, Н. А. Серно-Соловьевич, Л. Н. Толстой.

543. Апрель, 13. Д. Гарибальди. — Колокол, л. 97, 1861, стр. 813—814; Былое, 1907, № 5, стр. 208; Лемке, т. XI, стр. 85—86 (на французском языке и перевод).

Из Турина. — Упом. офицер Попов.

544. Апрель, 18. С. С. Громека. — Колокол, л. 98-99, 1861, стр. 821 (отрывок); Вольное слово, № 57, 1883, стр. 7—8; Русский вестник, 1889, май, стр. 294—296 (отрывки).

Из Петербурга. — Упом.: Александр I, Александр II, Э.-И. Бирон, Васильчиков, В. А. Долгоруков, Екатерина II, С. С. Ланской, Н. А. Милютин, М. Н. Муравьев, ⟨А. Петров?⟩, Н. И. Пирогов, ⟨А. Н. Савич⟩, А. Е. Тимашев, С. И. Шешковский, П. А. Шувалов, ⟨Н. М.⟩ Яфимович.

545. Апрель, 20. Генерал Рыбинский. — Лемке, т. XI, стр. 112—113.

Из Парижа. — Упом.: Александр II, Екатерина II, Иван IV, Николай I, Петр I.

546. Апрель, 21. П.-Ж. Прудон. — Лемке, т. XI, стр. 86—88.

Упом.: Александр II, П.-Ж. Барош, Бонапарты, Д. Гарибальди, Гольштейн-Готторпы, К. Кавур, Д. Маццини, П. А. Муханов, Наполеон III.

547. Май, 11. С. С. Громека. — Вольное слово, № 57, 1883, стр. 8 (с примеч.: «конец письма утерян»); Русский вестник, 1889, № 5, стр. 290—291 (с купюрами).

Из Петербурга. — Упом.: Александр II, С. Ф. Апраксин, В. А. Долгоруков, С. С. Ланской, Молоствов, В. И. Назимов, Р. Оуэн, Сакович, Скорняков, Тишкевич, П. А. Шувалов.

548. Май, 20/июнь, 1. С. С. Громека. — Вольное слово, № 57, 1883, стр. 9 (с примеч.: «конец утерян»); Русский вестник, 1889, № 5, стр. 291—293 (с небольшими купюрами).

Из Петербурга. — Упом.: Андрей Н**, Д. Гарибальди, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Н. И. Костомаров, Николай I, Н. Г. Чернышевский, А. П. Щапов.

549. Май, 30. С. Бринк. — Лемке, т. XI, стр. 113.

Из Ватана.

550. Май. «На поддержку польской школы (...) Милостивый государь, вас не затруднит просьба...». Неизвестный (подпись: Небогатый). — Лемке, т. XI, стр. 164—165.

Упом. (С. Ельжановский?).

551. Июнь, 2. Барон Дульфус. — Лемке, т. XI, стр. 165.

Из Генуи.

552. Июнь, 4. Ж. Мишле. — Былое, 1907, № 4, стр. 89 (отрывок); Лемке, т. XI, стр. 131.

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, Н. А. Герцен, Э. Кинэ.

553. Июнь, 7. И. С. Аксаков. — Вольное слово, № 60, 1883, стр. 7 (с примеч.: «конец письма утерян»).

(Из Москвы). — Упом.: К. С. Аксаков, Николай I, Н. П. Огарев, А. С. Хомяков.

554. Июнь, 30. Польские эмигранты (адрес, 44 подписи). — Лемке, т. XI, стр. 122—124.

Из Алжира. — Упом.: Бестужев, Муравьев, П. И. Пестель.

555. (Середина года). «М. г. Ваша газета...». Неизвестный. — Колокол, л. 122-123, 1862, стр. 1017—1019.

Из Казани. — Упом.: Апраксин, (И. Г.?) Бибиков, казанский губернатор Козлянинов, помещик Львов, адъютант казанского губернатора Половцев, А. П. Щапов.

556. Июль, 4. Польские эмигранты (адрес, подписи не приведены, но сказано, что подписались 397 человек). — Лемке, т. XI, стр. 124—126.

Из Франции.

557. Июль, 17. И. Окипинти и А. Томазио. — Лемке, т. XI, стр. 165—166.

Из Генуи. — Упом. Д. Гарибальди.

558. Июль, 23. А. Зенькович. — Лемке, т. XI, стр. 161.

Из Франции.

559. Июль, 28. С. Малиновский. — Лемке, т. XI, стр. 166—167.

Из Парижа. — Упом.: Бестужев, С. Кржижановский, В. Лукасинский, П. И. Пестель, Р. Солтык.

560. Июль, 31. И. Окипинти и А. Томазио. — Лемке, т. XI, стр. 166.

(Из Генуи). — Упом.: Д. Гарибальди, П. Давид.

561. Август, 4. С. Малиновский. — Лемке, т. XI, стр. 167.

Из Парижа.

562. Август, 8. А. Смоликовский. — Лемке, т. XI, стр. 167.

Из Парижа. — Упом. С. Ельжановский.

563. Август, 9. И. Окипинти и А. Томазио. — Лемке, т. XI, стр. 166.

(Из Генуи). — Упом. Д. Гарибальди.

564. Октябрь, 7. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 141; Лемке, т. XI, стр. 247—248 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: А. Бенни, П. В. Долгоруков, Н. А. и Н. П. Огаревы.

565. Октябрь, 29. Д. К. Шедо-Ферроти (псевдоним Ф. И. Фиркса). — Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти. Berlin, 1862, стр. 6—13 (русский и французский параллельные тексты); Лемке, т. XI, стр. 285—288.

Из Фонтенебло. — Упом.: Александр II, Ф. И. Бруннов, И. Г. Головин, Луи-Филипп, Наполеон I, Наполеон III.

Это — второе письмо Д. К. Шедо-Ферроти. Первое от 19 августа 1861 г. (см. стр. 788) опубликовано только на французском языке в виде брошюры: Lettre à monsieur Herzen, par D. K. Schedo-Ferroti. Berlin, 1861.

566. Декабрь, 8/20. Л. Блюммер. — Колокол, л. 119-120, 1862, стр. 996—997.

Из Берлина. — Упом.: С. И. Баршев, Ф. фон Берг, г-жа Блюммер, г-жа Богданова, М. А. Дмитриев, С. В. Ешевский, М. Н. Капустин, г-жа Корсини, Е. В. Путятин, С. М. Соловьев, студент Спасский, П. А. Тучков, В. Яворский.

567. Б. д. «М. г., п о л я к и, живущие во Франции...» (адрес, 430 подписей).— Лемке, т. XI, стр. 113—119.

Из Франции.

568. Б. д. «П о л ь с к и е э м и г р а н т ы, поселившиеся в...» (адрес, 18 подписей). — Лемке, т. XI, стр. 127.

Из Страсбурга.

1862

569. Январь, 25. И. С. Т у р г е н е в.—Письма Кавелина и Тургенева, стр. 142—144; Лемке, т. XV, стр. 15, 51 (отрывки).

‹Из Парижа›. — Упом.: Александр II, М. А. Бакунин и его брат, В. П. Боткин, А. А. Герцен, А. В. Головнин, ‹Н. А.?› Орлов, ‹К. Т.› С‹олдатенков›.

570. Февраль, 11. И. С. Т у р г е н е в. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 144—146; Лемке, т. XV, стр. 51—52 (не полностью).

Из Парижа. — Упом.: А. К. и М. А. Бакунины, В. П. Боткин, Воронцовы, А. В. Головнин, П. В. Долгоруков, К. Д. Кавелин, ‹М. Н. Катков›, Н. А. Некрасов, Садовский, Н. Трюбнер, Б. Н. Чичерин.

571. Апрель, 6/18. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 46—49; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 45—47 (с купюрами); Лемке, т. XV, стр. 105—107 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин и его братья, ‹О. М. Бодянский›, Н. А. Герцен (дочь), ‹С. В. Ешевский›, ‹П. М. Леонтьев›, Н. П. Огарев, Д. Н. Свербеев, ‹С. М. Соловьев›, ‹Б. Н. Чичерин›.

Фамилии Бодянского, Ешевского, Леонтьева, Соловьева и Чичерина не называются, но говорится о подписанной ими «Исторической записке ‹...› по поводу ‹...› беспорядков между студентами Московского университета...», напечатанной в листах 26 и 27 «Колокола».

572. Апрель, 17. Н. А. М е л ь г у н о в. — Вольное слово, № 58, 1883, стр. 10.

Из Москвы. — Упом.: ‹М. А. Бакунин?›, Н. П. Огарев, ‹Д. Н.?› Сверб‹еев?›.

573. Апрель, 28. И. С. Т у р г е н е в. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 146—148; Лемке, т. XV, стр. 110, 116 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: ‹В. Гёте›, М. Н. Катков, братья Колбасины, ‹В. Ф. Лугинин?›, Е. В. Салиас.

574. Апрель. «Месяц тому назад...». П. А. М а р т ь я н о в. — Колокол, л. 132, 1862, стр. 1093 (в подстрочном примеч.); Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 349—350.

Из Лондона. — Упом.: Александр II, А. Петров.

575. ‹Май, между 13 и 22›. «М. г., позвольте мне просить...». Л. Б л ю м м е р.— Колокол, л. 134, 1862, стр. 1115.

Из Берлина. — Упом.: Дарожинский, полицейский Колиньи, секретарь русского посольства в Берлине Петерсон, издатель Шнейдер.

576. Май, 17. И. С. Т у р г е н е в. — Колокол, л. 134, 1862, стр. 1115; Русские пропилеи, т. 3, стр. 156.

Из Лондона. — Упом.: П. В. Долгоруков, издатель Основский.

577. Май, 22/10. К. Д. К а в е л и н. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 50—52; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 47—49 (с купюрами); Лемке, т. XV, стр. 138—139 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: издатель Бэр, П. В. Долгоруков.

578. Май, 22. Ж. М и ш л е. — Лемке, т. XV, стр. 140—141.

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, Н. А. Герцен, А. Дюмениль, жена и внуки Ж. Мишле, Н. П. Огарев.

579. Июнь, 7. А. А. П о т е б н я. — Колокол, л. 162, 1863, стр. 1333 (в подстрочном примеч.); Лемке, т. XV, стр. 363.

Из Варшавы.

580. Май, 30/июнь, 11. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 54—62; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 51—57 (с купюрами); Лемке, т. XV, стр. 199—201 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: Т. Н. Грановский, Ш. Мазад, вел. кн. Михаил Николаевич, Наполеон I, Наполеон III, Николай I, А. Токвиль, Б. Н. Чичерин.

581. ‹Июнь, до 13›. «Одна из главнейших целей...». А. Ф. Писемский.— Колокол, л. 175, 1863, стр. 1443; Лемке, т. XVI, стр. 556—557; Звенья, VIII, 1950, стр. 104.

Из Лондона. — Упом. Н. П. Огарев.

Дата письма определяется на основе хронологической «Канвы биографии А. И. Герцена» (Лемке, т. XXII, стр. 322).

582. Июнь, 7/19. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 77—80; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 57—60 (с купюрами); Лемке, т. XV, стр. 212 (начало).

Из Парижа. — Упом.: А. Ф. и С. К. Кавелины, Петр I, Ю. Фрауенштедт, А. Шопенгауэр.

583. Июнь, 22. П. В. Долгоруков. — Колокол, л. 135, 1862, стр. 1148.

Из Спа. — Упом.: В. П. Бутков, книгопродавец В. Гергард, А. М. Горчаков, В. А. Долгоруков, русский консул в Лейпциге Томгаве.

584. Июль 16. Среда. «Любезный Герцен, сегодня я ни обедать...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 81—82 (без даты); Лемке, т. XV, стр. 365 (отрывки).

Из Англии. — Упом.: И. Высоцкий, Д. Гарибальди, В. Ф. Лугинин и его товарищ (поляк — гвардейский артиллерийский офицер), П. А. Мартьянов, Д. Маццини, Н. П. Огарев.

585. Июль, 17. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 82—83 (вместо подписи «Твой Дренякин II» напечатано: «Твой Б.»); Лемке, т. XV, стр. 365.

Из Англии. — Упом.: И. Высоцкий и рекомендованный им гвардейский артиллерийский офицер (друг В. Ф. Лугинина), Д. Маццини.

Подпись уточнена в обзоре Н. А. Роскиной, настоящ. том, стр. 773. Ранее (в кн.: Герцен, Огарев и их окружение. М., 1940, стр. 15) эта подпись была ошибочно напечатана: «Твой Дрентельн II».

586. Ию‹л›ь, 19. В. Гергард. — Колокол, л. 141, 1862, стр. 1171 (с опечатками).

Из Лейпцига. — Упом.: Александр II, князья В.‹?›, А. М. Горчаков, П. В. Долгоруков, ‹Томгаве?›.

587. Июль, 17/29. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 80; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 60 (с опечатками).

Из Парижа. — Упом.: Н. А. (дочь) и О. А. Герцены.

588. Август, 6. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 80—82; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 60—61 (с купюрами).

Упом.: М. А. Бакунин, А. В. Головнин, П. В. Долгоруков, И. Кант, Д. Локк, Николай I, Н. П. Огарев, Н. Ф. Павлов, А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, Н. Г. Чернышевский.

589. Август, 12. И. Рамлов. — Колокол, л. 143, 1862, стр. 1181.

Из Константинополя.

590. Август, 27. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 148—149; Лемке, т. XV, стр. 417 (отрывки).

Из Баден-Бадена. — Упом.: И. С. Аксаков, М. А. Бакунин, Д. Гарибальди, Н. В. Елагин, Г. А. Кушелев, Н. А. Некрасов, В. Шекспир.

591. Октябрь, 1. М. А. Бакунин. — Письма, стр. 83; Лемке, т. XV, стр. 509.

‹Из Англии›. Есть обращения к Герцену и Огареву вместе. — Упом.: ‹В.› Милов ич›, С. Падлевский.

592. Октябрь, ‹2?›. «Любезный Герцен. Ты решительно одарен...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 84 (без числа и месяца); Лемке, т. XV, стр. 509—510.

‹Из Англии›. — Упом.: П. Я. Мартьянов, С. Падлевский.

593. Октябрь, 3. М. А. Бакунин. Письма, стр. 85—86; Лемке, т. XV, стр. 510—511.

⟨Из Англии⟩. — Упом. Л. Мерославский.

594. Октябрь, 8. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 160—162; Лемке, т. XV, стр. 306—307 (без конца, под датой 18 октября); стр. 486 (постскриптум под датой 8 октября).

Из Баден-Бадена. — Упом.: Александр II, М. А. Бакунин, М. А. Безобразов, Н. В. Гоголь, К. Д. Кавелин, М. В. Ломоносов, ⟨В. Ф. Лугинин⟩, Ф. И. Паскевич, Петр I, А. П. Щапов.

595. Октябрь, 16. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 165—167; Лемке, т. XV, стр. 486—488 (без конца).

Из Гейдельберга. — Упом.: П. А. Валуев, В. Ф. Лугинин, Н. А. Милютин.

596. Октябрь, 27. П. Новицкий. — Колокол, л. 151, 1862, стр. 1255—1256.

Из Гейдельберга. — Упом.: Л. П. Блюммер, профессор В. ⟨?⟩, В. А. Долгоруков, Килевейн ⟨?⟩, И. П. Липранди, Н. Н. Муравьев, Назаревский, М. И. Семевский.

597. Ноябрь, 4, И. С. Тургенев.—Письма Кавелина и Тургенева, стр. 168—170; Лемке, т. XV, стр. 307—308 и 539—540 (отрывки).

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, В. П. Боткин, Г.-В.-Ф. Гегель, ⟨В. Гюго⟩, Н. П. Огарев, А. Н. Островский, Н. В. Ханыков, Ф.-В. Шеллинг, А. Шопенгауэр.

598. Ноябрь, 8. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 170—172; Лемке, т. XV, стр. 308—310 (без подписи и постскриптума).

Из Парижа. — Упом.: В. Н. Панин, К. В. Чевкин.

599. Ноябрь, 15—16. В. И. Касаткин. — Лемке, т. XV, стр. 542 (начало); Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 53—55.

Из Женевы. — Упом.: И. С. Аксаков, В. И. Бакст, П. А. Валуев, Н. В. Гербель, А. А. Герцен, Н. А. Григорьев, С. С. Громека, Б. Ф. Калиновский, В. И. Кельсиев, Кетлер, В. О. Ковалевский, Д. Е. Кожанчиков, А. А. Козлов, Н. Ф. Павлов, Г. Г. Перетц, А. Л. Потапов, А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, С. Тхоржевский, Д. Фази, П. И. Фелькнер, А. А. Черкесов, Н. Г. Чернышевский, Н. М. Щепкин, студент А. А. Яковлев.

600. Ноябрь, 25. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 174—175; Лемке, т. XV, стр. 550—551.

Из Парижа. — Упом. Н. П. Огарев.

601. Декабрь, 3. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 175—176; Лемке, т. XV, стр. 552—554.

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, Н. А. (дочь) и О. А. Герцен, Н. П. Огарев, А. Шопенгауэр.

602. Декабрь, 16. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 177—178; Лемке, т. XV, стр. 566—567.

Из Парижа. — Упом.: П. В. Анненков, Н. А. и О. А. Герцен, К. Д. Кавелин, М. Мейзенбуг, Н. П. Огарев, П. И. Тургенева, А. А. Фет, ⟨Б. Н. Чичерин⟩.

603. Декабрь, 17/5. А. А. Потебня. — Колокол, л. 162, 1863, стр. 1333 (в подстрочном примеч., отрывок); Лемке, т. XV, стр. 364 (тот же отрывок).

⟨Из Варшавы⟩.

604. Декабрь, 18. Общество офицеров *** полка. — Колокол, л. 155, 1863, стр. 1287; Лемке, т. XVI, стр. 28.

Из Польши. — Упом. вел. кн. Константин Николаевич.

1862 или 1863

605. Б. д. «М. г., в недавно вышедших...». Н. И. Тургенев. — Колокол, л. 155, 1863, стр. 1289—1291; Письмо Н. И. Тургенева к редактору «Колокола». Лондон, б. г. 8 стр.

Упом.: Александр I, И. Г. Бурцов, И. А. Долгорукий, С. С. Джунковский, П. И. Колошин, М. Н. и Н. М. Муравьевы, Е. П. Оболенский, М. Ф. Орлов, П. И. Пестель, С. П. Трубецкой, И. А. Фонвизин, И. Д. Якушкин.

1863

606. Февраль, 8. В. Г ю г о. — Былое, 1907, № 4, стр. 91; Лемке, т. XVI, стр. 64; Лит. наследство, т. 31-32, 1937, стр. 834.

С острова Гернси. — Упом. русский офицер.

607. Февраль, 12. И. С. Т у р г е н е в. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 178—179.

Из Парижа. — Упом.: Александр II, А. Бенни, А. Ф. Будберг, П. В. Долгоруков, Р. Ландау, В. Ф. Лугинин, А. И. Ничипоренко, Н. С. Тургенев.

608. Февраль, 21. В. И. К а с а т к и н. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 58—60.

Из Женевы. — Упом.: И. С. Аксаков, Александр II, В. В. Альбертини, М. А. Бакунин, И. Г. Борщов, А. А. Герцен, Гордон, П. В. Долгоруков, Игнатьев, М. Н. Катков, В. И. Кельсиев, Н. Х. Кетчер, А. А. Козлов, Л. Мерославский, А. И. Ничипоренко, Н. П. Огарев, А. Г. и А-й Г. Орфано, русский офицер Р-й, А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, П. П. Трубецкой, И. С. Тургенев, С. Тхоржевский, А. А. Черкесов, Н. М. Щепкин.

609. Март, 12. ‹А. А. С л е н ц о в?› (подпись: П.). — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 61—62.

Из Женевы. — Упом.: Д. Гарибальди, П. В. Долгоруков (?), В. И. Касаткин, М. Лангевич, Н. П. Огарев.

610. Март. В. С. П е ч е р и н. — Герцен, Огарев и их окружение. М., 1940, стр. 244 (нечеткое факсимиле 1-й страницы письма).

Год указан на стр. 250.

611. Апрель, 20. А. А. Ч е р к е с о в. — Лемке, т. XV, стр. 543.

Из Цюриха. — Упом.: Платер, профессор Фегели.

612. Май, 16. В. Г ю г о. — Былое, 1907, № 4, стр. 90—91 (ошибочно датировано 1864 г.); Лемке, т. XVI, стр. 204; Лит. наследство, т. 31-32, 1937, стр. 835—836.

613. ‹До 10 июня›. «Старик писал...». Н е и з в е с т н ы й. — Колокол, л. 165, 1863, стр. 1364; Лемке, т. XVI, стр. 307.

Упом.: Д. Н. Свербеев, С. П. Трубецкой.

614. Июль, 22. И. С. Т у р г е н е в. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 179—180 (под ошибочной датой — июнь, 22); Лемке, т. XVI, стр. 399 (без подписи и постскриптума).

Из Гейдельберга. — Упом. И. С. Аксаков.

615. Август, 8. Л. И. М е ч н и к о в. — Колокол, л. 170, 1863, стр. 1397; Лемке, т. XVI, стр. 472.

Из Флоренции.

616. ‹До 1 ноября›. «Милостивый государь, нижеподписавшиеся р у с с к и е, живущие в...». — Колокол, л. 172, 1863, стр. 1413 (подписи не приведены. Под заголовком: Протест).

Из Швейцарии. — Упом. М. Н. Муравьев.

617. Декабрь, 23. Д. Г а р и б а л ь д и. — Колокол, л. 178, 1864, стр. 1461; Былое, 1907, № 5, стр. 209 (отрывок); Лемке, т. XVII, стр. 33 и 38 (два варианта перевода).

С Капреры. — Упом.: Попов, И. Арнгольдт.

1864

618. ‹Март, начало›. «Я долгое время...». И. С. Т у р г е н е в. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 181—182 (под датой 2 апреля/21 марта); Лемке, т. XVII, стр. 127.

Из Парижа. — Упом.: Александр II, М. А. Бакунин, Николай I.

Ответ Герцена датирован 10 мартом 1864 (Лемке, т. XVII, стр. 125—126).

Май, 16. В. Г ю г о. — См. № 612.

619. Июль, 11. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 1, стр. 30—31; Лемке, т. XVII, стр. 290—291.

‹Из Лондона?›. — Упом.: ‹К. С. Аксаков?›, ‹Н. П. Огарев›, ‹А. С. Хомяков?›.

620. Июль, 12. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 1, стр. 32; Лемке, т. XVII, стр. 292—293 (не полностью).

‹Из Лондона?›. — Упом.: П. В. Долгоруков, Н. П. Огарев.

621. Август, 3. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 1, стр. 35—42; Лемке, т. XVII, стр. 319—327 (не полностью).

Из Рагаца. — Упом.: И. С. Аксаков, Александр II, А. А. Аракчеев, Ф. Ф. Берг, А. Велепольский и его секретарь, Т. Н. Грановский, Иван IV, П. А. Клейнмихель, ген. Корсаков, А. Н. Лидерс, П. А. Мартьянов, Д. Маццини, Л. Мерославский, Ш. Монталамбер, М. Н. Муравьев, Наполеон III, А. А. Суворов, Ф. Ф. Тренов.

622. Август, 8—10. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 2, стр. 24—26; Лемке, т. XVII, стр. 335—336 (отрывки).

Из Рагаца. — Упом.: вел. кн. Константин Павлович, А. Петров.

623. Сентябрь, 17. В. Щелкан. — Колокол, л. 197, 1865, стр. 1618—1619.

Из Александрии. — Упом.: ‹А. П.?› Бородин, П. А. Валуев, полтавский вице-губернатор Веселкин, врачи Бобровский, Величко, Зеленский, Калиновский, Синадский, Цитович.

624. Октябрь, 16/4. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 2, стр. 27—29; Лемке, т. XVII, стр. 367 (отрывки).

Из Брюсселя. — Упом.: офицер Иваницкий, П. Я. Мартьянов, Н. П. Огарев, П.-Ж. Прудон, С. Г. Строганов.

625. Октябрь, 21. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 2, стр. 29—30; Лемке, т. XVII, стр. 367—368 (отрывки).

Из Брюсселя. — Упом. П.-Ж. Прудон.

626. Ноябрь, 2. Ю. Ф. Самарин. — Русь, 1883, № 2, стр. 30.

Из Парижа. — Упом.: И. С. Аксаков, ‹офицер› Иваницкий, П.-Ж. Прудон.

627. Декабрь, 5. Ж. Мишле. — Лемке, т. XVII, стр. 426.

Упом.: герцог Бурбонский, Людовик XIV, Н. П. Огарев.

628. Декабрь, 16. Н. И. Утин. — Базилева З. П. «Колокол» Герцена. М., 1950, стр. 264 (отрывки).

Упом. Н. Г. Чернышевский.

629. Декабрь, 28. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 279—280; Лемке, т. XVII, стр. 431 (отрывок).

Из Монпелье. — Упом.: Алексей, Елена, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, дети Е. В. Салиас, К. Фогт, Gault (?).

630. Декабрь. «Мне страшно, Герцен, я не могу...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 278—279.

Упом.: Елена и другие дети Герцена, Грабе.

1865

631. Январь, 1. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 282—283.

‹Из Монпелье?›. — Упом.: Адольф (?), А. А. и Лиза Герцены, м-ль Дюпре, М. Мейзенбуг, Е. В. Салиас.

632. Январь, 4. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 283—284.

Из Монпелье. — Упом.: Алексей, Елена, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, С. Тхоржевский.

633. Февраль, 1. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 284—285.

Из Монпелье. — Упом.: Алексей, Елена, Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, М. Мейзенбуг, С. Тхоржевский.

634. Февраль, 5. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 285—286.

Из Монпелье. — Упом.: П.-Ж. Беранже, Алексей, Елена, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Голохвастов, ‹С. Л.?› Левицкий, Мартинс, Н. П. Огарев, ‹Н. М.› С‹атин›, «тёзка Виссариона» (?).

635. Июнь, 8. Ж. М и ш л е. — (Выдержка из «La Revue», 1907, XI). Лемке, т. XVIII, стр. 147 (отрывок).

‹Из Вейто›. — Упом.: Э. Кинэ, Н. А. и Н. П. Огаревы.

636. Август. «Я много думала о твоем письме...». Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 28.

Упом.: Лиза Герцен, Д. Маццини, Н. П. Огарев, ‹Е. А. Сатина›, М.-А. и Н. Саффи.

637. Сентябрь, 2. Н. А. О г а р е в а. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 289—292; Лемке, т. XVIII, стр. 183—185.

Из Буасьер. — Упом.: Алексей, Елена и Лиза Герцены, Н. П. Огарев, С. Тхоржевокий.

638. Сентябрь, 9/21. М. П. П о г о д и н. — Русский, 1867, л. 9-10, стр. 140; Заря, 1870, № 2, отд. II, стр. 86—87.

Из Монтре. — Упом. ‹Александр II›.

639. Сентябрь, 10/22. М. П. П о г о д и н. — Колокол, л. 209, 1865, стр. 1710 (без указания даты и автора, отрывки); Русский, 1867, л. 9-10, стр. 141—142; Заря, 1870, № 2, отд. II, стр. 87—90; Лемке, т. XVIII, стр. 226—227 и 263 (отрывки).

Из Монтре. — Упом.: Александр I, Архилох, В. Г. Белинский, Конрад Валленрод, Н. М. Карамзин, ‹А. Мицкевич›, жена, сестра и дочь М. П. Погодина, А. С. Пушкин, Тацит.

640. Сентябрь. «Пожалуйста, пришли мне письма М. ...». Н. А. О г а р е в а. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 293—294; Лемке, т. XVIII, стр. 223—224 (отрывок).

‹Из Швейцарии?›. — Упом.: Лиза, Н. А., Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, М. Мейзенбуг.

641. Октябрь, 7 н. с. М. П. П о г о д и н. — Русский, 1867, л. 9-10, стр. 143—145; Заря, 1870, № 2, отд. II, стр. 91—95.

‹Из Монтре?›. — Упом.: Александр II, А. Велепольский, Ф.-М.-А. Вольтер, Д. Гарибальди, Г.-В.-Ф. Гегель, И. К. Кайданов, Т. А. Каменецкий, Я. Б. Княжнин, И. А. Крылов, Ж.-Б. Мольер, Н. А. и Н. П. Огаревы, митрополит Платон, г-жа Погодина, Ж.-Ж. Руссо, И. С. Тургенев.

642. Октябрь, 15. Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 31—32.

‹Из Швейцарии?›. — Упом.: Алексей, Елена, Лиза и О. А. Герцены, Ида ‹?›, М. Мейзенбуг, Н. П. Огарев, Н. Саффи.

643. Ноябрь, 6. Н. А. Г е р ц е н (дочь). — Лит. наследство, т. 39-40, 1941, стр. 416.

Приписка к письму Н. П. Огарева.

644. Ноябрь. «Я имел случай...». Н. Я. Н и к о л а д з е. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 278.

Из Женевы. — Упом. И. А. Левицкий, польский эмигрант Ржонсницкий, Л. П. Шелгунова.

645. Декабрь, 25. Э. К и н э. — Лемке, т. XVIII, стр. 283.

Из Вейто. — Упом. ‹А. Мордвинов›.

Упоминаемое лицо установлено по письму Герцена к Э. Кинэ от 14 декабря 1865 г. (Лемке, т. XVIII, стр. 282).

1865 (декабрь) или 1866 (январь)

646. В. д. «Вчера Бакст так устал...». Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 34—35.

‹Из Швейцарии›. — Упом.: В. И. Бакст, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены.

1865 или 1866

647. Б. д. «Пера нет, а хочется написать тебе...». Н. А. О г а р е в а. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 292—293.

Упом.: Лиза, Н. А. и О. А. Герцены, м-ль Мишель, Н. П. Огарев, А. А. и Е. А. Тучковы.

1866

648. Январь, 4. Э. К и н э. — Былое, 1907, № 4, стр. 93 (отрывок); Лемке, т. XVIII, стр. 310.

Из Вейто.

Лемке отмечает неисправность французской публикации этого письма.

649. Январь, конец. «Мне жаль...». Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 37—38.

Упом.: В. И. Бакст, Лиза, Н. А. и Н. А. (дочь) Герцены, А. ⟨А?⟩ и Н. Д. Жемчужниковы, И. В. Лопухин, врач Маер, Н. П. Огарев.

650. Б. д. ⟨февраль?⟩. «Александр Иванович! Напоминаю я вам...». И. Г. Г о л о в и н. — Былое, 1907, № 5, стр. 17; Лемке, т. XIV, стр. 367.

Из Парижа. — Упом. ⟨М. Н. Катков⟩.

651. Апрель, 11. А. И. С к р е б и ц к и й. — Звенья, II, 1934, стр. 383—384.

⟨Из Бонна?⟩. — Упом.: А. Гакстгаузен, Я. И. Ростовцев.

652. Май, 31. А. И. С к р е б и ц к и й. — Звенья, II, 1934, стр. 384—385.

Из Бонна.

653. Июнь, 28. М. А. Б а к у н и н. — Бакунин. Письма, стр. 166—167; Лемке, т. XIX, стр. 145—146 (под датой 26 июня, отрывок).

Из Неаполя. — Упом.: Г. Н. Вырубов, Г.-В.-Ф. Гегель, Н. А. Герцен (дочь), О. Конт, Н. П. Огарев.

654. Сентябрь, 20. Я. Д о м б р о в с к и й. — Звенья, VI, стр. 396—397.

Из Парижа. — Упом.: жена Домбровского, Д. В. Каракозов, М. Н. Муравьев, Н. А. и Н. П. Огаревы, В. М. Озеров.

655. Сентябрь, 22. М. А. Б а к у н и н. — Бакунин, Письма, стр. 167—169; Лемке, т. XIX, стр. 146 (под датой 22 сентября 1866 г., конец), стр. 410—412 (под датой 28 сентября 1866 г., без начала и конца).

Из Кова близ Неаполя. — Упом.: ⟨А. О.?⟩, В. О. и С. В. Ковалевские, И. И. и Л. И. М⟨ечнико⟩вы, Оболенские, Н. И. Утин, ⟨П. И.?⟩ Якобий.

Последняя часть письма адресована Герцену и Огареву.

656. Б. д. «Письмо, полученное тобою, не ответ...». Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 39—40.

Упом.: В. И. Бакст, дети Герцена, Н. П. Огарев, мисс Т⟨орнер⟩.

1866 или 1867

657. Сентябрь, 3. «Когда мы вышли на улицу...». Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 40—41.

⟨Из Ниццы⟩. — Упом.: Лиза и Н. А. Герцены, Дел⟨ьпьер?⟩, Н. П. Огарев, семья Рокка.

1867

658. Январь, 17. Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 42.

Из Ниццы. — Упом.: В. И. Бакст (?), Лиза и старшие дети Герцена, Е. А. Сатина.

659. Январь, 17. Л и з а Г е р ц е н. — Архив Огаревых, стр. 42.

Из Ниццы.

Приписка к письму Н. А. Огаревой.

660. Январь, 25. Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 43.

Из Ниццы. — Упом.: Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Е. А. и Н. М. Сатины.

661. Январь, 30. Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 44.

Из Ниццы. — Упом.: Лиза Герцен, А. В. Голынский, Н. Саффи, ⟨Н. П. Трубецкой⟩.

662. Январь, 30. Л и з а Г е р ц е н. — Архив Огаревых, стр. 44.

Из Ниццы. Приписка к письму Н. А. Огаревой. — Упом. Н. А. Герцен (дочь).

663. Весна. «Пожалуйста, Герцен, оставь мысль...». Н. А. О г а р е в а. — Архив Огаревых, стр. 45.

‹Из Ниццы›. — Упом.: Водиняпина, Алексей, Елена, Лиза, Н. А. и Н. А. (дочь) Герцены, Л. И. Мечников, М. Мейзенбуг, Е. А. Сатина.

664. Весна. «Мне очень больно, что я и издали...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 45—46.

‹Из Ниццы?›. — Упом.: Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев.

665. Весна. Лиза Герцен. «Милый дядя песы мне...». — Архив Огаревых, стр. 45.

Из Ниццы. Приписка к письму Н. А. Огаревой.

666. Март, 4. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 46—47.

‹Из Флоренции?›. — Упом.: Д. Гарибальди, А. А., Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, вдова Рокка, Е. А. и Н. М. Сатины.

667. Март, 8. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 47—49.

Из Ниццы. — Упом.: С. И. и Т. А. Астраковы, Елена, Лиза, Н. А. и О. А. Герцены, ‹М. К. Рейхель?›, Е. А. и Н. Н. (дочь) Сатины, И. С. Тургенев.

668. ‹До 15 марта›. «М. г. Хотя на клеветы...». И. М. Савицкий. — Колокол, л. 235-236, 1867, стр. 1932.

Из Швейцарии.

669. Апрель, 4. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 189—190.

Из Неаполя. — Упом.: Александр II, Э. Клапаред, Николай I, Н. А. и Н. П. Огаревы.

670. Апрель, 8. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 190—191; Лемке, т. XIX, стр. 277 (отрывки).

Из Неаполя. — Упом.: В. И. Бакст, А. К. Бакунина, Лиза Герцен, Э. Клапаред, Н. А. и Н. П. Огаревы, С. Тхоржевский.

671. Апрель, 20. М. А. Бакунин. — Колокол, л. 241, 1867, стр. 1965—1966; Бакунин. Письма, стр. 197—200; Лемке, т. XIX, стр. 288—289 (с пропуском части текста).

Из Неаполя. — Упом.: И. С. Аксаков, Александр II, М. Н. Катков, А. А. Краевский, М. Н. Муравьев, В. Д. Скарятин.

672. Май, 10. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 49—50.

‹Из Ниццы?›. — Упом.: Бассо, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, г-жа Прогер, вдова Рокка, Fay.

673. Май, 17. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 190—191; Лемке, т. XIX, стр. 322.

Из Баден-Бадена. — Упом.: семья Герцена, П. В. Долгоруков, А. Ламартин.

674. Май, 22. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 191—193; Лемке, т. XIX, стр. 322—324.

Из Баден-Бадена. — Упом.: М. В. Авдеев, А. Ф. и И. С. Аксаковы, семья Герцена, Иосиф II, М. Н. Катков, В. Моцарт.

675. Май, 23. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 204—206; Лемке, т. XIX, стр. 319—320 (без начала и последних слов).

Из Искии. — Упом.: Д. Гарибальди, маркиз Гвалтерио, Н. Д. Киселев, Д. Маццини, В. Мрочковский, Н. П. Огарев, ‹Ратаци›, А. А. Серно-Соловьевич, Л. Чернецкий.

676. ‹Между 15 марта и 1 июня›. «Г. редактор, в издаваемой вами газете ‹...› в № 237...». И. А. Шахов. — Колокол, л. 242, 1867, стр. 1975.

‹Из Женевы?›. — Упом. чиновники Лещинский и Цветков.

677. Июнь, 4/май, 23. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 194—195; Лемке, т. XIX, стр. 327 (без конца).

Из Баден-Бадена. — Упом.: Г. Н. Вырубов, Н. А. Герцен (дочь), П. В. Долгоруков, ‹Э.?› Литтре, М. П. Погодин, митрополит Филарет.

678. Июнь, 5. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 50—51.

‹Из Ниццы?›. — Упом.: А. А. (Тутс), Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Ш. Гетсон, Чернецкие.

679. Июнь, 20. Э. Акола. — Вестник Акад. Наук СССР, 1945, № 1-2, стр. 25.

Упом. Ж. Барни.

680. Июнь, ‹22›. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 206—210 (под датой 32 (!) июня); Лемке, т. XIX, стр. 332—334, 352, 355 (под датой 23 июня, отрывки, с неоговоренными грубыми опечатками).

Из Искии. — Упом.: И. С. Аксаков, Александр II, Березовский, маркиз Гвальтерио, М. Н. Катков, В. Мрочковский, Наполеон I, Наполеон III, Н. П. Огарев, М. П. Погодин, Ж.-Ж. Руссо, А. А. Серно-Соловьевич, И. С. Тургенев, депутат Фанелли, митрополит Филарет, Л. Чернецкий, П. А. Шувалов.

681. ‹Июль—август›. «Не смотря на то...» А. Наке. — Вестник Акад. Наук СССР, 1945, № 1-2, стр. 24—25.

Упом. Ж. Барни.

682. Август, 7, н. с. М. П. Погодин. — Заря, 1870, № 2, отд. II, стр. 78—79; Лемке, т. XIX, стр. 432—433.

Из Эмса.—Упом.: священник русского посольства в Париже Васильев, Н. М. Карамзин, ‹А. А. Серно-Соловьевич›.

683. ‹После 7 августа›. «...В нюже меру мерите...». М. П. Погодин. — Заря, 1870, № 2, отд. II, стр. 80—83.

Из Эмса. — Упом.: Т. Н. Грановский, Н. В. Калачев, М. Н. Катков, А. С. Пушкин, А. А. Серно-Соловьевич.

Письмо осталось незаконченным.

684. Декабрь, 12. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 196; Лемке, т. XX, стр. 117—118.

Из Баден-Бадена. — Упом. семья Герцена.

685. Декабрь, 25/13. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 197—199; Лемке, т. XX, стр. 119—120 (без конца).

Из Баден-Бадена. — Упом.: И. С. Аксаков, М. А. Бакунин, А. А. Герцен, В. Гёте, П. В. Долгоруков, В. И. Кельсиев, Э. Скриб, Шульце-Делич.

686. Б. д. «Сообщение г. Александру Герцену в Женеве...». ‹В. П. Титов?›.— Лемке, т. XIX, стр. 362—363.

‹Из Петербурга?›. — Упом.: М. И. Ключарев, Н. А. Мельгунов, Ротшильд.

687. Б. д. «Г. Герцена, издателя ‹...› покорнейше просят...». Редакция «Страхопуд». — Лемке, т. XIX, стр. 358—359.

Из Вены.

1867 или 1868

688. Б. д. «Ты говоришь: пиши...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 53—54.

‹Из Ниццы?›. — Упом.: Лиза и другие дети Герцены, ‹Н. П. Огарев›.

1868

689. Январь, 27. Ж. Мишле. — Лемке, т. XX, стр. 158.

Из Гиера. — Упом.: К. Демулен, Т. Пэн, М. Серве, Франклин.

Лемке отмечает неисправность французской публикации этого письма.

690. ‹До 1 марта›. «Многоуважаемый Александр Иванович, препровождая...». Неизвестный (подпись: ***). — Колокол (Русское прибавление), 1868, № 3, стр. 11.

Упом.: М. Н. Катков, Н. П. Огарев.

691. Весна. «У меня голова, как свинец...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 54—55.

‹Из Ниццы?›. — Упом.: ‹учительница?› Влад., родственник Д. Гарибальди, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, г-жа Прогер, вдова Рокка, M-lle Outerleau.

692. Весна. «Ты хочешь ответа...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 55—56.

‹Из Ниццы?›. — Упом.: А. А., А. А. (Тутс), Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, дочь Рокка, М. Сетерленд, Чернецкая, M-lle Outerleau.

693. Ноябрь, 9. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 57—58.

Упом : Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев, Е. И. Тучкова, С. Тхоржевский.

694. Ноябрь, 9. Лиза Герцен. — Архив Огаревых, стр. 58—59.

Приписка к письму Н. А. Огаревой. — Упом.: Н. А. (дочь) Герцен, Н. П. Огарев, Тхоржевские (?), Чернецкие.

695. Ноябрь, 16. «Любезный Александр Иванович! Позвольте...». Г. Н. Выруб ов. — Вестник Европы, 1913, № 1, стр. 73—75 (без указания года); Лемке, т. XXI, стр. 293 (без даты).

Из Парижа. — Упом.: М. А. Бакунин, Ф.-М.-А. Вольтер, Г. Молинари.

Впервые опубликовано в «Kolokol» за 1868 г. (№ 14-15). Время публикации, а также содержание письма (Второй Конгресс мира в Берне) позволяют отнести его к 1868 г.

696. Ноябрь, 22. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 62.

(Из Ниццы?).—Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, горничная Елизавета.

697. Ноябрь, 27. Неизвестный (подпись: NN). — Лемке, т. XXI, стр. 285—286.

Из Рима.

Впервые было напечатано во французском переводе в «Supplement du Kolokol» от 15 февраля 1869 г.

698. Ноябрь, 29. М. Квадрио. — Былое, 1907, № 5, стр. 219 (не полностью); Лемке, т. XXI, стр. 518—519.

Из Лугано. Часть письма адресована к Герцену и Огареву. — Упом.: А. А. Герцен и его сестры, Д. Маццини, Н. П. Огарев.

699. Ноябрь, 29. Д. Маццини. — Лемке, т. XXI, стр. 519.

Из Лугано. Приписка к письму М. Квадрио. — Упом. Н. П. Огарев.

700. Б. д. «Мы думали, говорили с Татой...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 59.

Упом.: М. А. Бакунин, Нини и г-жа Гарибальди, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, горничная Елизавета, М. Мейзенбуг, Л. Чернецкий.

701. Б. д. «Принимаю, принимаю...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 60.

(Из Лозанны?). — Упом. Н. П. Огарев.

702. Б. д. «Теперь полночь, Лиза давно спит...». Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 60—61.

Упом.: А. А., Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Н. П. Огарев.

1869

703. Январь, 4. Э. Кинэ. — Былое, 1907, № 4, стр. 94 (не полностью); Лемке, т. XXI, стр. 390.

Из Вейто.

704. Январь, 14. Ж. Мишле. — Лемке, т. XXI, стр. 273—274.

705. Март, 2/февраль, 18. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 199—200; Лемке, т. XXI, стр. 316 (без конца).

Из Карлсруэ. — Упом.: В. Г. Белинский, В. П. Боткин, семья Виардо, дети Герцена, Н. А. Милютин, Николай I.

706. Март, 11. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 200—202; Лемке, т. XXI, стр. 322—324.

Из Карлсруэ. — Упом.: А. А. Герцен, М. Н. Катков, Н. П. Огарев, прусская королева, М. Ф. Раевский, дядя И. С. Тургенева.

707. Март, 16. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 202—203; Лемке, т. XXI, стр. 332 (под датой 23 марта, видимо ошибочной, отрывок).

Из Карлсруэ. — Упом.: имп. Александра Федоровна, М. А. Бакунин, А. А. Герцен, В. И. Кельсиев, М. П. Погодин, П. А. Шувалов.

Ответ Герцена (Лемке, т. XXI, стр. 331) датирован 23 марта.

708. Май, 9. М. Квадрио. — Былое, 1907, № 5, стр. 219—220; Лемке, т. XXI, стр. 519—520 (с исправлениями перевода).

Упом.: Виктор-Эммануил, семья Герцена, Д. Маццини, г-жа Натан, Н. П. Огарев, С. Тхоржевский.

709. Май. «Любезный друг, я получил...». Д. Маццини. — Былое, 1907, № 5, стр. 218—219 (датировано 1868 или 1869 г.); Лемке, т. XXI, стр. 520—521.

Из Лугано. — Упом.: Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Л. Мерославский, Наполеон I, Н. А. Огарева, Оссиан, М.-А. и Н. Саффи, Т. ⟨?⟩, ⟨А.-Ю.?⟩ Ч⟨арторыйский⟩, М. Чезаротти.

710. Июнь, 14. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 66—67.

Упом.: А. А., Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. П. Огарев.

711. Июнь, 16. Э. Кинэ. — Былое, 1907, № 4, стр. 94 (отрывок); Лемке, т. XXI, стр. 394.

Из Вейто. — Упом.: г-жа Кинэ, ⟨Л. Меркантини⟩.

712. Октябрь, 18. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 229—230; Лемке, т. XXI, стр. 495 (без последнего абзаца).

Из Женевы. — Упом.: Н. П. Огарев, В. М. Озеров, А. Рей, книгоиздатель Dentu, Robin.

713. Октябрь, ⟨26⟩. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 233—238 (под ошибочной датой 28 октября).

Из Женевы. — Упом.: В. П. Боткин, ⟨Г. Н. Вырубов⟩, Лиза Герцен, М. Гесс, К. Маркс, Н. А. и Н. П. Огаревы, А. Рей.

Дата уточнена в кн.: Герцен, Огарев и их окружение, 1940, стр. 15.

714. Октябрь, 28. А. А. Герцен. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 528.

Из Флоренции. Телеграмма. — Упом. Н. А. (дочь) Герцен.

715. Октябрь, 29. А. А. Герцен. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 528.

Из Флоренции. Телеграмма. — Упом. Н. А. (дочь) Герцен.

716. Ноябрь, 25. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 205—206.

Из Баден-Бадена. — Упом.: А. А. и Н. А. (дочь) Герцены.

1870

717. Январь, 4. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 252; Лемке, т. XXI, стр. 491 (отрывок).

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина и ее дети, Ж.-Б. Боке, ⟨Г. Н.⟩ В⟨ырубов⟩, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, О. Конт, К. Маркс, Н. А. и Н. П. Огаревы, П.-Ж. Прудон, В.-А. Рошфор.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

1858

718. Май, 30. П. В. Анненков. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 117—118.

Из Парижа. Приписка к письму И. С. Тургенева к Герцену. — Упом. И. С. Тургенев.

719. ⟨Лето⟩. «Я жив, я здоров...». М. А. Бакунин. — Голос минувшего, 1913, № 1, стр. 186; Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV, стр. 289.

Из Томска.

1859

720. Август, 21. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 11—16; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 36—41.

Из Бланкенберга. — Упом.: В. Г. Белинский, Г.-В.-Ф. Гегель, Д. ⟨?⟩, Н. А., Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Т. Н. Грановский, Н. Н. Муравьев, Николай I, Н. А. Огарева, ⟨Б. Н.⟩ Ч⟨ичерин⟩.

721. Ноябрь, 1. Неизвестный. — Колокол, л. 61, 1860, стр. 503.

⟨Из Сибири?⟩. — Упом.: М. К. Кюхельбекер и его семья.

1860

722. Июль—август. «Твое письмо меня...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 223—225; Лемке, т. X, стр. 459—460.

Из Гейдельберга. Письмо к Герцену с припиской к Огареву. — Упом.: Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, М. Мейзенбуг.

723. Ноябрь, 7—15. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 3—50 (с опечатками); Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV, стр. 303—347.

Из Иркутска и Красноярска. Начало письма адресовано только к Герцену. Далее обращения к Герцену и Огареву вместе. — Упом.: П. В. Анненков, Антонов (псевдоним Г. А. Вебера), Алексей А. и А. К. Бакунины, А. И. Барятинский, Н. В. Басаргин, Д. Е. Бенардаки, М. А. Бестужев, В. А. Бесчаснов (Бесчастный), Д. Н. Блудов, Г.-В.-Ф. Гегель, В. Гёте, И. Г. Головин, А. Гумбольт, шкипер Дефрис, В. А. Долгоруков, Ф. М. Достоевский, Д. И. и И. И. Завалишины, ген. Запольский, Карпов, П. Д. Киселев, М. С. Корсаков, И. Ф. Крузенштерн, В. К. Кюхельбекер, С. Р. Лепарский, Ф. Н. Львов, А. Д. Меншиков, Х. А. Миних, вел. кн. Михаил Павлович, А. Мицкевич, М. Н. Муравьев, Н. Н. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, Г. И. Невельский, К. В. Нессельроде, Николай I, А. Н. Облеухов, Н. П. Огарев, Д. В. Пассек, Л. А. Перовский, П. И. Пестель, Петр I, М. В. Петрашевский и его родные, А. В. Поджио, Е. В. Путятин, И. И. Пущин, Пущины, В. Ф. Раевский, А. Рейхель, И.-А. И. Розенталь, К. Ф. Рылеев, А.-К. Сен-Симон, В.-А. Сент Юрюж, А. Смит, М. М. Сперанский, Н. А. Спешнев, Р. де Тайяндье, А. Е. Тимашев, Ф. ⟨Э.⟩ Г. Толь, Б. Ф. Трентовский, П. И. Фаленберг, Ш. Фурье, Ш.-Э. Хоецкий, А. Цешковский, ⟨В.?⟩ Чарторыйский, К. В. Чевкин, А. И. Чернышев, В. Шекспир, Б. Эренберг, Е. П. Языкова и ее дочь.

724. Декабрь, 8 н. с. М. А. Бакунин. — Вольное слово, № 54, 1883, стр. 14—16; № 55, 1883, стр. 10—11; Бакунин. Письма, стр. 63—74; Лемке, т. X, стр. 402—411; Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV, стр. 359—369.

Из Иркутска. Начало письма адресовано только к Герцену. Далее обращения к Герцену и Огареву вместе. — Упом.: Александр II, А. К. Бакунина, Бакунины, В. Г. Белинский, Д. Е. Бенардаки, В. К. Бодиско, Г.-Х. Гасфорд, А. М. Горчаков, Т. Н. Грановский, Ж.-Б.-Л. Гро, В. А. Долгоруков, Н. П. Игнатьев, К. Д. Кавелин, К. В. Квятковский и его семья, вел. кн. Константин Николаевич, Е. Ф. Корш, Н. Н. Муравьев, Наполеон I, Николай I, А. Ф. Орлов, А. Рейхель, Н. В. Станкевич, А. Е. Тимашев, И. С. Тургенев, Д.-Б. Эльджин.

1860 или 1861

725. Б. д. «Саша надо мной смеется...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 262—263; Лемке, т. X, стр. 466—467.

⟨Из Берна⟩. — Упом.: А. А., Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, С. Тхоржевский, старики Фогты, Л. Чернецкий.

1861

726. Март, 30. Н. И. Тургенев. — Памяти декабристов. Сборн. материалов. Вып. III. Л., 1926, стр. 99—100.

Упом.: Александр II, С. Г. Волконский.

727. Лето. «Понедельник. Вечер. — Вот вам мой...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 269—271.

Упом.: А. А., Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Пульские.

728. Лето. «Вчера вечером...». А. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 271.

Приписка к письму Н. А. Огаревой. — Упом.: Н. А. Герцен (дочь), Пульские, Misses Drury.

729. Октябрь, 3/15. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 74—77; Лемке, т. XI, стр. 280—282.

Из Сан-Франциско. — Упом.: Л. Агассис, Александр II, А. К., Н. А. и другие Бакунины, А. Рейхель.

730. Октябрь, 22/ ноябрь, 3. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 77—78; Лемке, т. XI, стр. 282—283 (под датой 2 ноября, отрывок).

С Тихого океана. — Упом.: А. К. Бакунина, Бакунины, английский капитан (сын лондонского префекта).

731. Декабрь, 3. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 78—79.

Из Нью-Йорка. — Упом.: А. К., В. А. (мать) и другие Бакунины, Р. Зольгер, Ф. Капп.

1862

732. Май, до 20. «Идти против вас...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 79—80 (отрывок); Лемке, т. XV, стр. 195 (тот же отрывок без первых слов).

‹Из Англии›. — Упом.: ‹М. Л.› Налбандов.

733. Май, 20. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 81; Лемке, т. XV, стр. 195—196.

‹Из Англии›.

734. Лето. «Читала я...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 273—276.

С острова Уайта. — Упом.: Алексей, Елена, Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, М. Мейзенбуг, Чернецкая.

Опубликовано как письмо к Герцену. Содержит обращения к Огареву и к нему же с Герценом вместе.

735. Сентябрь, 8. Н. И. Жуковский. — Колокол, л. 144, 1862, стр. 1196; Былое, 1906, № 2, стр. 53; Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. Изд. 2. М.—Пг., 1923, стр. 572.

736. Сентябрь, 8/20. От Центрального народного польского комитета в Варшаве. — Колокол, л. 146, 1862, стр. 1205—1206; Лемке, т. XV, стр. 503—505.

Октябрь, 1. М. А. Бакунин. — См. № 591.

737. Ноябрь, 10. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 90—93; Лемке, т. XV, стр. 570—573 (не полностью).

‹Из Лондона?›. — Упом.: В. И. Бакст, Л. П. Блюммер, «мой друг Булгар», Н. И. Жуковский, В. И. и В. Т. Кельсиевы, ‹И.?› Кос‹с?›иловский, Сахновский.

738. Б. д. «Известно как правительство...». Н. Телетфор. — Колокол, л. 153, 1863, стр. 1276.

Упом.: полицмейстер Васильев, архиепископ Симашко, жандармский полковник Скворцов.

1863

739. Февраль, 21. М. А. Бакунин.—Бакунин. Письма, стр. 107—108.

Упом.: Д. Гарибальди, А. А. и Н. А. (дочь) Герцены.

740. Февраль, 24. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 108—110.

Из Киля. — Упом.: Гервард, Кард, Опанасенко, И. Цверцякевич.

741. Март 3. А. А. Потебня (подпись: А. П.). — Колокол, л. 162, 1863, стр. 1334. В статье Н. П. Огарева «Надгробное слово».

Из Песочной Скалы ‹?›. — Упом. М. Лангевич.

742. Март, 31—апрель, 9. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 110—119; Лемке, т. XVI, стр. 218—222, 226—228 (не полностью).

Из Гельсинборга. — Упом.: А. К. Бакунина, Бобчинский ‹?›, И. Демонтович, Кард, Ф. Лапинский, Л. Мазуркевич, Б. Паге, Рейнгард, Д. Россель, С. Тугендбольд (Полес), И. Цверцякевич, капитан R. Weatherly.

Н. А. Роскина (см. стр. 772 настоящ. тома) указывает, что письма от 31 марта и от 9 апреля являются частями одного письма. Ранее они рассматривались как два самостоятельных письма.

743. ⟨Весна?⟩. «...в России...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 122 (без начала).

⟨Из Швеции?⟩. — Упом.: А. К. Бакунина, А. А. Герцен, Н. А. Огарева, m-me Bilewski.

Время написания помогает приблизительно установить содержание письма — приезд А. К. Бакуниной в Лондон.

744. Август, 1. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 122—125; Лемке, т. XVI, стр. 371—372, 493 (отрывки).

Из Стокгольма. — Упом.: А. А. Герцен, И. Демонтович, Квантен, Кноббе, шведский министр Мандеринтролен ⟨?⟩, принц Оскар, Смелиниский, С. Тугендбольд (Полес).

745. Август, 19. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 126—131; Лемке, т. XVI, стр. 493 (отрывок).

⟨Из Стокгольма⟩. — Упом.: Влан⟨ш⟩, Буйницкий, Ветергоф, А. А. Герцен, Иерта, Квантен, Н. А. Огарева, С. Тхоржевский, Е. Штраубе, Штурцен⟨бекер⟩, Эмблож.

746. ⟨Сентябрь⟩. «Г. г. издатели, мы полагаем...». Неизвестный. — Колокол, л. 172, 1863, стр. 1444 (под заголовком: Из летописи за последние два года).

747. Б. д. «Милостивые государи. В № 161...». М. С. Хотинский. — Колокол, л. 165, 1863, стр. 1384; Лемке, т. XVI, стр. 305—306.

1864

748. Март, 4. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 150—157; Лемке, т. XVII, стр. 62—63, 142 (отрывки).

Из Флоренции. — Упом.: В. И. Бакст, Бертани, Д. Гарибальди, Иордан, В. Калинка, Квятковские, В. И. Кельсиев, Г. Клапка, ⟨Д. Маццини⟩, Л. И. Мечников, Наполеон III, Николай I, А. Ф. Погосский, Ф. Пульский и его жена, ⟨А. А. Слепцов⟩, С. Тхоржевский, Н. И. Утин, К. Фогт, А.-Ю. Чарторыйский, книготорговец Daeli.

749. Май. «Милостивые государи, Герцен, Огарев, Долгоруков, Тхоржевский...». Содомцев. — Лемке, т. XVII, стр. 19.

1865

Август. М. А. Бакунин.—См. № 754.

750. Октябрь, 8. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 159—162; Лемке, т. XVIII, стр. 277 (отрывок).

Из Неаполя. — Упом.: Александр II, А. К. Бакунина, Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Гумберт, Дейхман, Демидов, вел. кн. Мария Николаевна, М. Мейзенбуг, М. И. Михайлов, Н. Н. Муравьев, Николай I, Н. А. Огарева, Г. Н. Потанин, Э. Рив, Стюарт, С. Тхоржевский, Н. Г. Чернышевский, A. de Moller.

751. Ноябрь, 7. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 162—163.

Из Неаполя. — Упом.: А. К. Бакунина, Н. А. Герцен (дочь), медик Пинков, г-жа Швабе.

1866

752. Март, 23. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 163—165; Лемке, т. XVIII, стр. 362—363 (отрывок).

Из Неаполя. — Упом.: Д. Гарибальди, М⟨альчин⟩ский, Наполеон III, З. С. Оболенская, ⟨С. Тхоржевский⟩, Е. Штраубе.

753. Июль, 19—август, 12. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 169—187; Лемке, т. XIX, стр. 146—158 (под датой август 1866 г., без начала и конца).

Из Искии. — Упом.: И. С. Аксаков, Александр I, Александр II, В. Г. Белинский, Виктор-Эммануил, Д. Гарибальди, Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановский, Н. А. Добролюбов, П. В. Долгоруков, Кавур, Д. В. Каракозов, В. И. Касаткин, М. Н. Катков, Э. Кинэ, Комиссаров, В. Ф. Лугинин, П. А. Мартьянов, Д. Маццини, Н. А. Милютин,

М. И. Михайлов, М. Н. Муравьев, Наполеон III, Николай I, З. С. Оболенская и ее муж, П. И. Пестель, Петр I, А. Петров, Е. И. Пугачев, Ст. Разин, Ю. Ф. Самарин, В. Д. Скарятин, С. П. Сумароков, С. Тхоржевский, Утин (младший), К. Фогт, Л. Чернецкий, Н. Г. Чернышевский, И. Д. Якушкин.

754. Август. «...силы вместе...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 515—522 (датировано 1865 г., без начала); Лемке, т. XIX, стр. 158—163 (не полностью).

Упом.: ⟨Г. Н.⟩ В⟨ырубов⟩, В. Консидеран, П.-Ж. Прудон, Э. Рив.

Сентябрь, 22. М. А. Бакунин. — См. № 655.

1866 или 1867

755. Сентябрь, 3. Лиза Герцен. — Архив Огаревых, стр. 41.

⟨Из Ниццы⟩. Приписка к письму Н. А. Огаревой к Герцену. — Упом. Н. А. Огарева.

1867

756. Май, 3. М. А. Бакунин. — Колокол, л. 241, 1867, стр. 1966—1967; Бакунин. Письма, стр. 200—202; Лемке, т. XIX, стр. 289—291.

Упом.: И. С. и К. С. Аксаковы, Карташевский, М. Н. Катков, И. В. и П. В. Киреевские, М. Н. Муравьев, Н. В. Станкевич, А. С. Хомяков.

757. Май, 7. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 194—196; Лемке, т. XIX, стр. 317—318 (без конца).

Из Искии. — Упом.: И. С. Аксаков, Ф. Браунер, Г. Н. В⟨ырубов⟩, Д. Гарибальди, Д. Маццини, В. Мрочковский, Ф. Палацкий, Ф.-В. Ригер, Ю. Ф. Самарин, С. Тхоржевский, Л. Чернецкий.

1868

758. ⟨До 15 мая⟩. «Мм. гг. Не найдете ли вы возможным...». Неизвестный (подпись: П.). — Колокол (русское прибавление), № 5-6, 1868, стр. 23.

Упом.: М. Н. Катков, А. Л. Потапов, В. Д. Скарятин, А. Е. Тимашев, П. А. Шувалов.

Ноябрь, 29. М. Квадрио.—См. № 698.

1870

759. Январь, 12. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 255.

Упом.: А. К. Бакунина, Мохнацкий, В. Мрочковский, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩в, М. П. Погодин, Н. И. Утин, Л. Чернецкий.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ОГАРЕВУ

1833

760. Июль, 2. Н. М. Сатин. — Голос минувшего, 1919, № 1-4, стр. 67—68.

Из деревни Сергиево. — Упом.: Эмилия Гебель, А. И. Герцен, И. Оболенский, [illegible]. И. Почека.

1839

761. Март, 26. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1889, № 10, стр. 9—10.

Из Владимира. Приписка к письму Герцена от 21—25 марта. — Упом.: А. А. и А. И. Герцены, М. Л. Огарева.

762. Декабрь, 25—30. Н. А. Герцен. — Русская мысль, 1889, № 10, стр. 11—13.

Из Владимира. К Огареву, Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину.

Упом.: А. А. и А. И. Герцены.

763. Б. д. «Разрушенная душевная близость...». М. Л. Огарева. — М. А. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 376.

Из Москвы. Упом. П. Б. Огарев.

764. Б. д. «Я к вам пишу...». М. Н. Катков. — Бакунин. Письма, стр. XIII—XIV (в подстрочном примеч.); Лит. вестник, 1902, № 5, стр. 13—14.

Из Москвы.—Упом. М. Л. Огарева.

1839—1843?

765. Б. д. «Помните, как вы...». М. Л. Огарева.—М. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 377.

Из Москвы.—Упом. И. П. Галахов.

766. Б. д. «Ты разорвал мне...». М. Л. Огарева. — Там же, стр. 378—379.

Из Москвы.

1843

767. Март, 2. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1889, № 12, стр. 6—7 (отрывки).

Из Франкфурта. — Упом.: Анна Ал.〈?〉, М. Б. 〈?〉, А. И. Герцен, Н. Х. Кетчер, Нератов, 〈М. Л. Огарева〉.

768. Апрель, 18/30. В. П. Боткин, Н. А. Герцен, Е. Б. и Т. Н. Грановские, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, Д. Л. Крюков. — Русская мысль, 1890, № 3, стр. 2—3; Лемке, т. III, стр. 236—237 (часть текста Н. Х. Кетчера ошибочно присоединена к тексту Е. Ф. Корша); Описание рукописей Огарева, стр. 192—193 (полные тексты Е. Б. Грановской и Е. Ф. Корша).

Из Москвы. Коллективное письмо с участием Герцена. — Упом.: А. А. Герцен, Ф.-В.-И. Шеллинг, авторы письма.

769. Апрель, 23/май, 4 〈?〉. — В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер. — Русская мысль, 1890, № 3, стр. 3—4 (строки, написанные Н. Х. Кетчером, ошибочно приписаны Е. Ф. Коршу); Описание рукописей Огарева, стр. 192 (текст Т. Н. Грановского).

Из Москвы. Коллективное письмо с участием Герцена. — Упом.: Л. Бетховен, В. П. Боткин, Н. А. Герцен, Н. В. Гоголь, Данте, Н. Х. Кетчер, Н. М. Сатин, М. А. Языков.

770. Апрель, конец. «Сначала я мараюсь...». М. А. Языков (подпись: Кинерович. См. исправление на стр. 788 настоящ. тома).— Русская мысль, 1892, № 7, стр. 98 (отрывок).

〈Из Петербурга?〉. — Упом.: 〈В. П.〉 Боткин, М. Ю. Лермонтов.

1844

771. Март, 22—26. Н. И. Сазонов. — Звенья, VI, 1936, стр. 347—353.

Из Парижа. — Упом.: Л. Блан, В. Вейтлинг, Г. Гервег, А. Гумбольдт, Э. Кабе, А. Ламартин, К. Маркс, И. И. Панаев, П.-Ж. Прудон, А. Руге, Н. М. Сатин, А. Тьер, В. Шекспир.

772. Июль, 5. В. П. Боткин. — Звенья, VI, 1936, стр. 354—355.

Из Рима. — Упом.: художник Клыков, М. Л. Огарева, Н. М. Сатин, П. А. Ставассер.

1845

773. 〈Январь, 2—3〉. «Я не люблю писать...». Т. Н. Грановский. — Русская мысль, 1891, № 7, стр. 26 (отрывок); Гершензон М. История молодой России. 1923, стр. 235—236.

Из Москвы. Приписка к письму Герцена от 1—2 января. — Упом.: К. Вердер, А. И. Герцен, Е. Б. Грановская, Б. Спиноза, Н. В. Станкевич.

774. Январь, 22. Н. Г. Фролов. — Русская мысль, 1891, № 7, стр. 38—40.

Из Парижа. — Упом.: Г.-В.-Ф. Гегель, Э. Кинэ, О. Конт, Ж.-В. Кост, Ж. Мишле, Попов 〈?〉, Н. М. Сатин.

775. Февраль, 17. В. П. Боткин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 2—4.

Из Парижа. — Упом.: композитор Альфенслебен, В. Гёте, Д. Гризи, Ф. Давид, 〈художник?〉 Клыков, О. Конт, Э. Литтре, Н. А. Мельгунов, Н. М. Сатин, В. Шекспир.

776. Март, 3—5. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 4—7 (ошибочно датировано 1844 г.).

Из Парижа. — Упом.: В. П. Боткин, И.-Ф. Диффенбах, ⟨художник Клыков?⟩, О. Конт, ⟨Н. А. Мельгунов⟩, А. П. и М. И. Полуденские, Н. И. Сазонов, Столыпин⟨ы⟩, Тургеневы, Н. Г. Фролов.

777. Март, 8. Н. Г. Фролов. — Русская мысль, 1891, № 7, стр. 40—41.

Из Парижа. — Упом.: И. П. Галахов, ⟨художник Клыков?⟩, Н. М. Сатин, m-me May.

778. Апрель, 2. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 7—9.

Из Парижа. — Упом.: Е. А. Баратынский, Марихен ⟨?⟩, Н. А. Мельгунов, И. И. Панаев.

779. Август, 11—14. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 14—15.

Из Барежа. — Упом.: м-ль Авг. ⟨?⟩, В. П. Боткин, А. И. Герцен, Марихен ⟨?⟩, Мил. ⟨?⟩, Н. И. Сазонов, И. С. Тургенев, Н. Г. Фролов.

780. Август, 21—22. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 16—17.

Из Барежа. — Упом.: Бекер, Христофор Колумб.

781. Август, 28. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 17—18.

Из Барежа. — Упом. ⟨М. А.?⟩ Бак⟨унин?⟩.

782. Сентябрь, 11. Н. М. Сатин. — Русская мысль, 1891, № 8, стр. 18—19.

Из Байона.

1846

Март, 20. В. Г. Белинский. — См. № 235.

783. Июль, 30 ⟨н. с.⟩. М. Л. Огарева. — Черняк Я. З. Огарев, Некрасов Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. 1933, стр. 310—312; факсимиле между стр. 320 и 321.

Из Берлина. — Упом.: С. М. Воробьев, И.-Ф. Диффенбах, А. Я. Панаева, А. А. и М. А. Столыпины, слуга Е. Тихомолов.

784. Июль, 30. М. Л. Огарева. — Там же, стр. 312—313.

Из Петербурга. — Упом.: С. М. Воробьев, Гедеонов, И.-Ф. Диффенбах, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Майков, А. Я. Панаева, Л. А. Перовский, Ролли, Н. М. Сатин, Т. ⟨?⟩, Устинов, Ф. П. Фонтон, В. Штернберг, Эссингер.

785. Декабрь, 24. Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 239—240; Лемке, т. IV, стр. 440—441.

Из Москвы. — Упом.: А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, М. Ф. Корш.

1847

786. Январь (после 21). «Прощай, Саго!..». Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 240.

По дороге за границу. — Упом.: дети Герценов, М. Ф. Корш.

787. Январь. «Надеюсь, что сигары...». Т. Н. Грановский.— Грановский и его переписка, т. II, стр. 448—449.

Из Москвы. — Упом. Людвиг ⟨?⟩.

788. Июль, 2. М. Л. Огарева. — Вестник Европы, 1907, № 12, стр. 489—490.

Из Рима. — Упом.: мать М. Л. Огаревой, А. Я. Панаева, Е. В. Салиас, П. А. Ставассер, управляющий Огарева.

789. Август, 3. Н. А. Герцен. — Голос минувшего, 1913, № 7, стр. 195.

Из Парижа. Приписка к письму Герцена. — Упом.: А. А. Герцен, Т. Н. Грановский, М. Ф. и Ф. Е. Корши.

790. Август, 3. М. Ф. Корш. — Голос минувшего, 1913, № 7, стр. 195—196.

Из Парижа. Приписка к письму Герцена.

791. Октябрь, 6. И. И. Панаев. — Новые пропилеи, т. 1, стр. 17—18.

Из Петербурга. — Упом.: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Желтухин, Жорж, ст. сов. Киреев, м-ль Мари, А. Я. Панаева, Н. М. Сатин, М. А. Языков.

1848

792. Февраль, 6. И. И. Панаев. — Новые пропилеи, т. 1, стр. 18—19.

‹Из Петербурга›. — Упом.: Анна Петровна (служанка М. Л. ‹Огаревой), В. Г. Белинский, В. П. Боткин, М. Л. Огарева, м-ль Пешель, Н. М. Сатин, Э. Фрецолини, ‹М. А.?› Язык‹ов?›.

793. Февраль, 25. Е. Тихомолов. — Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. 1933, стр. 343—344.

Из Петербурга. Упом.: Анна Петровна (служанка М. Л. Огаревой), И. И. Панаев.

794. Июнь, 2. И. И. Панаев. — Новые пропилеи, т. 1, стр. 19.

Из Парголова. — Упом.: Анна Петровна (служанка М. Л. Огаревой), В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, М. Л. Огарева, А. Я. Панаева, портной Шармер, банкир Штиглиц.

795. Октябрь, 17. Н. А. Герцен. — А. И. Герцен. Новые материалы, стр. 64.

Из Парижа. Приписка к письму Герцена. — Упом. Е. А. Тучкова.

1849

796. Январь, 6/25 ‹—февраль›. М. Л. Огарева. — Вестник Европы, 1907, № 12, стр. 490—491; М. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 528—529.

Из Парижа. — Упом.: Габриель ‹?›, А. И. Герцен, племянник М. Л. Огаревой, Л. Я. Рославлев.

797. Февраль, 6. Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 263—264; Лемке, т. V, стр. 256 (отрывок).

Из Парижа. Н. А. Тучковой и Огареву. — Упом.: А. И. Герцен, М. Л. Огарева.

Первая часть письма (от 24 января — 1 февраля) адресована только к Н. А. Тучковой.

798. Февраль, 7. «Вы должны знать...». Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 264—265.

Из Парижа. К Н. А. Тучковой и Н. П. Огареву. — Упом.: А., Г. и Э. Гервеги, А. И. Герцен, ‹М. Л. Огарева›.

Дата уточнена в кн.: Описание рукописей Огарева, стр. 190.

799. Март, 3. М. Л. Огарева. — Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. 1933, стр. 366—367.

Из Парижа. — Упом.: Л. И. Гааг, m-me Stein ‹?›.

800. Март, 15 — апрель, 8. Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 265—268 (часть письма от 8 апреля ошибочно напечатана как самостоятельное письмо).

Из Парижа. К Н. А. Тучковой и Н. П. Огареву. — Упом.: Л. Бетховен, С. М. Воробьев, Э. Гервег, А. И. Герцен, М. Ф. Корш, М. Л. Огарева, И. С. Тургенев, А. А. и Е. А. Тучковы.

801. Апрель, 9. Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 268—269.

Из Парижа. К Н. А. Тучковой и Н. П. Огареву. — Упом.: Г. и Э. Гервеги, М. Л. Огарева.

802. Июнь, 6—9. Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 270—272.

Из Парижа. К Н. А. Тучковой и Н. П. Огареву. — Упом.: Л. И. Гааг, А. А., А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, И. Рейхель, И. С. Тургенев, Е. А. Тучкова.

803. Июнь—июль. «Хотелось бы, друг...». Н. А. Герцен. — Русские пропилеи, т. 1, стр. 273.

Из Парижа. — Упом. А. И. Герцен.

804. Ноябрь, 15. Н. И. Сазонов. — Лемке, т. XIV, стр. 134.

Из Парижа. — Упом. М. И. Полуденская ‹рожд. Сазонова›.

1849 или 1850

805. Б. д. «Несколько раз прочел твое письмо...». Т. Н. Грановский. — Грановский и его переписка, т. II, стр. 449—450; Лемке, т. VI, стр. 158 (отрывок).

Упом.: Г. ‹?›, М. Л. ‹Огарева›, ‹Евд. В. Сухово-Кобылина›, Н. А. Тучкова.

1852

806. Декабрь, 16. П. Л. Пикулин. — Русская мысль, 1902, № 12, стр. 178—179
Из Москвы. К Огареву и Н. М. Сатину. — Упом.: Т. Н. Грановский, Н. Х. и Серафима Кетчер, Е. Ф. Корш, Н. Ф. Павлов, И. С. Тургенев, Н. Г. Фролов, Н. М. Щепкин.

1853

807. Февраль, 27. С. И. Астраков. —Лит. наследство, т. 58, 1952, стр. 748 (отрывок).
Из Москвы. — Упом.: Н. В. Гоголь, М. П. Погодин, Д. И. Пожарский, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев.
808. Декабрь, 23. П. Л. Пикулин. — Русская мысль, 1902, № 12, стр. 181—182.
⟨Из Москвы⟩. К Огареву и Н. М. Сатину. — Упом.: Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, Н. Г. Фролов.

1854

809. Июль, 28. Н. М. Сатин. — Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. 1933, стр. 523—524.
Из Нижнего-Новгорода. — Упом.: Алексей Иванович ⟨?⟩, М. Л. Огарева, К. К. и Н. Ф. Павловы, А. А. Тучков, Н. С. Шаншиев.

1855

810. Июнь, 11. И. К. Бабст. — Звенья, VIII, 1950, стр. 808.
⟨Из Казани⟩.

1856

811. Март, 2. Неизвестный. — Научное слово, 1903, № 9, стр. 57; Гершензон М. История молодой России. М.—Пг., 1923, стр. 248.
⟨Из Москвы⟩. — Упом. Т. Н. Грановский.
812. Весна (?). «Любезный Огарев, что же вы мне...». И. С. Тургенев. — Русские пропилеи, т. 3, стр. 345—346; факсимиле на вкладном листе после стр. 346.
Из Петербурга.

1857

813. Январь, 12. И. Г. Головин. — Былое, 1907, № 5, стр. 14; Лемке, т. XIV, стр. 363—364.
⟨Из Лондона⟩. — Упом.: Брискорн, А. И. Герцен, Долгорукий.
814. Август, 20. И. Г. Головин. — Былое, 1907, № 5, стр. 15; Лемке, т. XIV, стр. 364.
Из Берлина. — Упом.: А. Ф. Будберг, А. И. Герцен.

1859

815. Июль, 2. Ф. И. Бруннов. — Колокол, л. 46, 1859, стр. 376.
Из Лондона. — Упом. ст. сов. Кремер.
816. Октябрь, 2. А. А. Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 188.
Из Брюсселя. Приписка к письму Герцена от 2 октября. — Упом. А. И. Герцен.
817. Ноябрь, 21. Н. А. Герцен (дочь). — Описание рукописей Огарева, стр. 190.
Из Лондона. Приписка к письму Герцена. — Упом.: О. А. Герцен, семья Кошут.

1860

818. Лето. «Решаюсь писать...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 234—235; Лемке, т. X, стр. 460 (отрывки).
Упом.: А. А., А. И., Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, м-ль Мишель, Е. А. и Н. М. Сатины.

819. Ноябрь, 19. Н. А. Серно-Соловьевич. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 533—536.

Из Аахена. — Упом.: Александр II, А. А. Герцен, имп. Мария Александровна, Н. А. Огарева, семья Фогт.

820. Ноябрь, 20. И. С. Тургенев. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 132.

Из Парижа. Приписка к письму к Герцену. —Упом.: ⟨Агреневы⟩, Л. Виардо, Кохановская (Н. С. Соханская), М. А. Маркович.

821. Ноябрь. «Не хотела тебе писать...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 251—252; Лемке, т. X, стр. 464 (отрывок).

Из Берна. — Упом.: А. А. и Лиза Герцены, Жон ⟨?⟩, Е. А. Сатина, Эмма Урих и ее мать, семья Фогт, композитор Эльбер.

822. Б. д. «Ничего не делается...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 255—256; Лемке, т. X, стр. 465 (отрывок).

Из Берна. — Упом.: композитор Вебер, А. А., Лиза, Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, Жон ⟨?⟩, Г. Сетерленд, Эмма Урих, семья Фогт.

823. Б. д. «Отчего ты мне давно...». Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 257—258.

Из Берна. — Упом.: П. В. Анненков, Лиза Герцен, Грековы, М. А. Маркович, М. К. Рейхель, Станкевичи, м-ль Фогт.

1862

Октябрь, 1. М. А. Бакунин. — См. № 591.

1863

824. Январь, 7. В. И. Касаткин.—Былое, 1906, № 11, стр. 211—212; Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 157—158.

⟨Из Швейцарии?⟩. — Упом.: Александр II, А. И. Герцен, имп. Мария Александровна, А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, Сечинский, А. А. Суворов, митрополит Филарет, Н. Г. Чернышевский, Б. Н. Чичерин, Н. М. Щепкин, московский городской голова, русский священник в Швейцарии.

825. Начало года. П. А. Мартьянов. — Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 353.

Из Лондона.

826. Март, 12. В. И. Касаткин. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 60—61

Упом.: В. И. Бакст, А. И. Герцен, Гордон, Н. И. Жуковский, Ellès.

827. Март, 13. В. С. Печерин. — Звенья, VI, 1936, стр. 383—384 (отрывок, в подстрочном примеч.).

828. Март, 22. В. И. Бакст. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 62—63.

Упом.: Альфред ⟨?⟩, М. А. Бакунин, А. И. Герцен, В. И. Касаткин, В. Ф. Лугинин, М. О. ⟨?⟩, Н. С. ⟨?⟩, Пиотровский, Я. В. Сабуров, Сахновский, А. А. Серно-Соловьевич, А. Ф. Стюарт, Е. И. Якушкин.

829. Апрель, 6. В. С. Печерин. — Звенья, VI, 1936, стр. 383—385.

Из Дублина. — Упом.: А. И. Герцен, Данте, Ф.-Р. Ламенне, М. Сервантес.

830. Апрель, 27—28. Н. А. Огарева. — Описание рукописей Огарева, стр. 195.

Из Лондона. Приписка к письму Герцена, б. д. — Упом.: А. И., Алексей, Елена и Лиза Герцены, Жемчужников, г-жа Тиссон.

831. Май, 31. К. Д. Кавелин. — Письма Кавелина и Тургенева, стр. 83—84; Всемирный вестник, 1903, № 8, стр. 62—63.

Из Бонна.

832. Август. «Ваше слово русскому юношеству...». ⟨А. А. Слепцов?⟩ (подпись: Один из многих). — Колокол, л. 171, 1863, стр. 1406 (в подстрочном примеч.).

Указание на А. А. Слепцова как на возможного автора письма имеется в кн.: Огарев Н. П. Избранные стихотворения и поэмы. Под ред. Я. З. Черняка. М., 1938, стр. 348.

833. Октябрь, ⟨8⟩. «А за хоругвь „Земли и воли“...». Н. И. Утин.—Базилева З. П. «Колокол» Герцена. М., 1950, стр. 262—263 (отрывок, без точной даты).

1864

834. Январь, 4. Е. В. Салиас. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 826—827.

Упом.: А. И. Герцен, А. В. Головнин, А. Замойский и его сын, Н. В. Мезенцев, А. Л. Потапов.

835. Март, 1. Н. А. Огарева. — Русские пропилеи, т. 4, стр. 276—278; Лемке, т. XVII, стр. 65 (не полностью).

Упом.: Александр II, А. И. и Н. А. (жена) Герцены, Д. Маццини, Н. ⟨?⟩, ⟨Д.?⟩ Станс⟨фильд?⟩, А. А. и П. А. Тучковы.

836. Март. «Милый папа Ага. Приедем...». Лиза Герцен. — Лемке, т. XVII, стр. 72, 435; Описание рукописей Огарева, стр. 190.

837. Апрель, 18. Н. И. Утин. — Герцен, Огарев и их окружение. М., 1940, стр. 378 (неразборчивое факсимиле 1-й страницы письма).

Дата указана на стр. 379.

838. Июнь, 2. Е. В. Салиас. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 831—832.

Из Версаля. — Упом.: Александр II, А. И. Герцен и его дети, Ш.-Ф. Монталамбер, М. Н. Муравьев, А. Ф. Погосский и его семья, Е. А. Салиас и семья Салиас.

839. Июнь, ⟨18⟩. «...Я с вами совершенно не согласен...». Н. И. Утин. — Лит. наследство, т. 41-42, 1941, стр. 18 (отрывок).

Дата установлена в новой публикации в настоящем томе.

840. Июль, 31. Е. В. Салиас. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 834—835.

Из Версаля. — Упом.: Барановский, А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, И. И. Кельсиев и его мать, Е. А. Салиас, Н. А. Серно-Соловьевич, С. А. Усов.

841. ⟨Август; 4⟩. М. С. Гулевич.—Базилева З. П. «Колокол» Герцена. М., 1950, стр. 263 (не полностью, без точной даты).

Приписка к письму Утина от 4 августа (опубликовано в настоящем томе).

842. Октябрь, 16. Е. В. Салиас. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 838—839.

Из Бельфонтена. — Упом.: Н. В. Альбертини, Ф. Ф. Берг, П. П. Гагарин, ⟨А. Ф. ?⟩ Голицын, М. Н. Муравьев, А. Л. Потапов, Е. А. Салиас, В. А. Черкасский.

843. Ноябрь, 22. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191.

Из Парижа. Приписка к письму Герцена.

844. Декабрь, 1. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191.

Из Парижа. Приписка к письму Герцена.

845. Декабрь, 4. Н. А. Огарева. — Описание рукописей Огарева, стр. 195.

Из Парижа. Приписка к письму Герцена. — Упом. дети Герцена.

846. Декабрь, 16. Н. А. Огарева. — Описание рукописей Огарева, стр. 195.

Из Монпелье. Приписка к письму Герцена. — Упом. Лиза Герцен.

1865

847. Январь, 7. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191.

Из Монпелье. Приписка к письму Герцена.

848. Январь, 8. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191.

Из Монпелье. Приписка к письму Герцена.

1865—1869

849. Б. д. «Дорогой Ник, пишу тебе прежде, чем...». М. Сетерленд. — Архив Огаревых, стр. 123—124.

Упом.: А. А. (Тутс) и А. И. Герцены, Г. Сетерленд, С. Тхоржевский.

850. Б. д. «Дорогой Ник, пишу тебе несколько слов...». М. Сетерленд. — Архив Огаревых, стр. 124—125.

Упом.: А. А. (Тутс), Н. А. (дочь), О. А. и Терезина Герцены, Г. Сетерленд, С. Тхоржевский.

851. Сентябрь, 1. «Сегодня первое сентября, мой Н....». М. Сетерленд. — Архив Огаревых, стр. 125—126.

Упом.: молодой Баделе, мисс Газон, А. А., А. А. (Тутс) и А. И. Герцены, ⟨П. В. Долгоруков?⟩, Г. Сетерленд, С. Тхоржевский.

852. Б. д. «Как ты поживаешь, мой Ник?..». М. Сетерленд. — Архив Огаревых, стр. 126—127.

Упом.: Баделе, А. А. (Тутс) и А. И. Герцены, г-жа Л. ⟨?⟩, Г. Сетерленд, мистер Сордей, С. Тхоржевский.

853. Ноябрь, 8. «Сегодня три недели, как ты уехал...». — М. Сетерленд.— Архив Огаревых, стр. 127—128.

Упом.: А. А. (Тутс) и О. А. Герцены, г-н и г-жа Л. ⟨?⟩, Г. Сетерленд, С. Тхоржевский.

1866

854. Июнь, 1. ⟨К. Е. Голубов⟩ (подпись: Мужик). — Истина, кн. 3. Иоганнисбург, 1868; то же, изд. 2. Псков, 1871, стр. 44—50.

Из Иоганнисбурга. — Упом.: Г. Бабеф, И. Кант, П.-Ж. Прудон, М. Робеспьер.

Автор (этого и трех последующих писем) вскрыт в статье: Субботин, Н. Русская старообрядская литература за границей.—Русский вестник, 1868, № 7, стр. 117.

Иоганнисбургское издание «Истины» нам не удалось видеть.

855. Июль, 12 ⟨К. Е. Голубов⟩ (подпись: Мужик). — Истина, кн. 3. Иоганнисбург, 1868; то же, изд. 2. Псков, 1871, стр. 51—60.

⟨Из Иоганнисбурга⟩. — Упом.: Г. Бабеф, И. Кант, А.-Н. Кондорсе, Г. ⟨?⟩ Монж, Р. Оуэн, П.-Ж. Прудон, М. Робеспьер, Ш. Фурье.

Август, ночь с 5 на 6. М. А. Бакунин.—См. № 867.

856. Август, 15. ⟨К. Е. Голубов⟩ (подпись: Мужик). — Истина, кн. 3. Иоганнисбург, 1868; то же, изд. 2. Псков, 1871, стр. 61—75.

⟨Из Иоганнисбурга⟩. — Упом.: А.-К. Сен-Симон, корреспондент — приятель Огарева ⟨?⟩.

857. Декабрь, 28. Лиза Герцен. — Описание рукописей Герцена, стр. 191 (тут же под той же датой приписка к письму Герцена: «Приезжай, Ага»).

Из Ниццы. — Упом.: А. И. Герцен, С. Тхоржевский.

1867

858. Январь, 13—14. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191 (на французском языке).

Из Ниццы. Приписка к письму Герцена. — Упом. А. И. Герцен.

859. Февраль, 14. Н. И. Утин.—Звенья, VIII, 1950, стр. 814 (отрывок, без точной даты).

Упом.: Александр II, А. И. Герцен, Д. В. Каракозов. Дата приведена в новой публикации в настоящем томе.

859а. Апрель, 8. Лиза Герцен.—Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 398.

Из Ниццы. Приписка к письму Герцена —Упом. А. И. Герцен.

860. Август, 14. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191.

Из Ниццы. Приписка к письму Герцена.

861. Сентябрь, 14. ⟨К. Е. Голубов⟩ (подпись: Мужик). — Истина, кн. 3. Иоганнисбург, 1868; то же, изд. 2. Псков, 1871, стр. 76—93.

⟨Из Иоганнисбурга⟩. — Упом. А. И. Герцен.

Ноябрь, 8. М. А. Бакунин. — См. № 863.

1868

862. Июнь, 14. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 215—217.

Из Кларана. — Упом.: А. И. Герцен, Н. И. Жуковский, Л. Мерославский, Н. А. Милютин, С. Тхоржевский, Л. Чернецкий.

863. Ноябрь, 8. «Любезный Огарев. Стужа...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 214—215 (под датой 8 ноября 1867 г.); Лемке, т. XXI, стр. 150 (под датой 8 ноября 1868 г., отрывок).

Из Женевы. — Упом.: А. И. Герцен, В. Гёте, В. Мрочковский, Л. Чернецкий.

Правильность отнесения этого письма к 1868 г. подтверждает сопоставление его с письмами Герцена к Огареву от 21 октября и к М. Мейзенбуг от 12 ноября 1868 г. (Лемке, т. XXI, стр. 138 и 149).

864. Декабрь, 5. Лиза Герцен. — Описание рукописей Огарева, стр. 191 (на французском языке).

Из Пиццы. Приписка к письму Герцена.

1869

865. Июль. «Мой милый друг. Прежде...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 227.

Адресат определяется предположительно. — Упом.: В. Мрочковский, ⟨З. С. Оболенская⟩.

866. Июль. «Мое мнение писать...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 227.

Адресат определяется предположительно.

М. П. Драгоманов опубликовал эту и предыдущую записку как один документ. Н. А. Роскина (см. стр. 771 настоящ. тома) рассматривает их как два самостоятельных документа.

867. Август, ночь с 5 на 6. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 188 (отнесено к 1866 г.).

Упом.: А. И. Герцен, Кан ⟨?⟩, В. И. Кельсиев, С. Г. Нечаев, К. Сумнер, К. Шурц, Ro⟨b⟩in.

Письмо написано, видимо, по поводу намерения Кельсиева уехать в Америку (1869 г.).

868. Октябрь, 2. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 228—229; Былое, 1907, № 5, стр. 220 (отрывок).

Из Локарно. — Упом.: А. А. (Тутс) и А. И. Герцены, М. Квадрио, О. Конт, Г. Сетерленд, A. Bettoli, Spreafico, Zamperini.

869. Ноябрь, 3. А. А. Герцен. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 435.

Из Флоренции. Приписка к письму Герцена. — Упом.: Н. А. Герцен (дочь), ⟨Пенизи⟩, М. Шиф.

870. Ноябрь, 6. М. Квадрио. — Былое, 1907, № 4, стр. 220 (отрывок); Лемке, т. XXI, стр. 521—522.

Из Лугано. — Упом.: М. А. Бакунин, А. И. Герцен, И. А. Крылов, А. А. Серно-Соловьевич.

Из сопоставления этого письма М. Квадрио с предыдущим письмом М. А. Бакунина ясно, что в одном из них неверно указана дата.

871. Ноябрь, 6. Н. А. Огарева. — Лит. наследство, т. 61, 1953, стр. 437.

Из Флоренции. — Приписка к письму Герцена. Упом.: А. А. и Н. А. (дочь) Герцены.

872. Ноябрь, 16. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 239—240.

Из Локарно. — Упом.: А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, Я. Домбровский, Моншаль, N ⟨Н. А. Огарева?⟩, ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩в, П⟨енизи⟩, Ш. Перрон, А. А. Потебня, A. Bettoli, Ro⟨b⟩in.

873. Ноябрь, 16. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 240—242.

Из Локарно. — Упом.: Н. И. Жуковский, О. Конт, А. и ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩вы, М. Сетерленд, Н. И. Утин.

874. Ноябрь, 23. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 243—246.

Из Локарно. — Упом.: В. Г. Белинский, К. Вердер, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Ж.-Ж. Дантон, Д. Дидро, А. и Н. И. Жуковские, Я. М. Неверов, Ш. Перрон, А. и М. К. Рейхели, Г. и М. Сетерленды, А. В. и Н. В. Станкевичи, С. Тхоржевский, Ко⟨b⟩in.

875. Декабрь, 16. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 246—248; Лемке, т. XXI, стр. 491 и 540 (отрывки).

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина и ее сын, А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, Ю. Н. Голицын, Н. И. Жуковский, ⟨М.⟩ Квадрио, О. Конт, ⟨Н. Н. Любавин⟩, К. Маркс, С. Г. Нечаев, Г. и М. Сетерленды, Н. И. Утин, Zamperini.

876. Декабрь, 17. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 249—250; Лемке, т. XXI, стр. 540 (отрывок).

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина, К. Гамбуци, А. А. (Тутс) и А. И. Герцены, А. и Н. И. Жуковские, ⟨Н. Н. Любавин⟩, К. Маркс, С. Г. Нечаев, Natalie ⟨Н. А. Огарева?⟩, ⟨В. М.⟩ О⟨зер⟩ов, Г. и М. Сетерленды, Н. И. Утин, Raizeff⟨?⟩.

1870

877. Январь, 3. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 250—251; Лемке, т. XXI, стр. 550 (отрывок, с грубой опечаткой).

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина и ее сын, А. И. Герцен, А. и Н. И. Жуковские, ⟨Н. Н. Любавин⟩, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зер⟩ов, Г. и М. Сетерленды, Н. И. Утин.

878. Январь, 7. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 253—254.

Упом.: А. К. Бакунина и ее сын, А. И. Герцен, Н. И. Жуковский, М. Квадрио, О. Конт, ⟨Н. Н.⟩ Л⟨юбавин?⟩, ⟨Д. Маццини?⟩, Ж. Мишле, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зер⟩ов, П.-Ж. Прудон, Н. И. Утин.

879. Январь, 9. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 254.

Упом.: А. А. Герцен (Тутс), Н. И. Жуковский, Г. и М. Сетерленды.

880. Январь, 23. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 256.

Упом.: А. И., Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Н. А. Огарева.

881. ⟨После января⟩. «Любезный Ага, по моему последнему...». А. А. Герцен. — Архив Огаревых, стр. 81.

Упом.: А. И. Герцен, Ж. Лафонтен, ⟨С. Г. Нечаев⟩, Николай I.

882. Февраль, 5. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 256.

Упом.: А. К. Бакунина и ее дети.

883. Февраль, 8. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 257—260.

Упом.: Апраксин, ⟨И.-Ф.?⟩ Бекер, ⟨П. А.?⟩ Вяземский, А. А. и Н. А. (дочь) Герцены, А. и Н. И. Жуковские, С. Г. Нечаев, З. С. Оболенская, Ш. Перрон, А. Петров, Э. Реклю, Степней, Н. И. Утин, Robin, Таландье.

884. Февраль, 21. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 260—261.

Упом.: Васильчиков, А. А., Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, М. Мейзенбуг, Д. А. Милютин, С. Г. Нечаев, Н. А. Огарева.

885. Февраль, 22. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 262—266.

Упом.: ⟨И.-Ф.?⟩ Бекер, А. А., А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, ⟨М. Мейзенбуг?⟩, С. Г. Нечаев, Н. А. Огарева, Ш. Перрон, А. Рей, Э. Реклю, Г. Сетерленд, А. Таландье, Robin.

В комментарии к этому письму (стр. 267) приведено обращение М. А. Бакунина к Огареву на оригинале стихотворения «Студент».

886. Февраль, 23. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 268—269.

Упом.: Боке, А. И. Герцен, Ш. Перрон, А. Рей, Э. Реклю, Robin.

887. Февраль, 29 ⟨?⟩. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 270.

⟨Из Локарно ?⟩. — Упом.: А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, Д. Маццини и его друг в Локарно, С. Г. Нечаев, Ш. Перрон.

888. Май, 2. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 271.

Из Локарно. — Упом.: Г. Сетерленд, Mistress Angel ⟨?⟩

889. Май, 3. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 271—272.

Из Локарно. — Упом.: А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, Н. И. Жуковский, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩в, ⟨С. И.⟩ С⟨еребреннико⟩в, М. Сетерленд, Л. Чернецкий.

890. Май, 4. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 273.

Из Локарно.—Упом.: А. К. Бакунина и ее дети, Ш. Перрон, Г. и М. Сетерленды.

891. Май, 9—10. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 273—275.

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина и ее дети, М. С. Гулевич, Л. И. Мечников, С. Г. Нечаев, Ш. Перрон, Г. Сетерленд, Н. И. Утин.

892. Май, 10—11. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 275—277.

⟨Из Локарно?⟩. — Упом.: А. К. Бакунина и ее дети, Н. А. Герцен (дочь), Н. И. Жуковский, Линдегер, С. Г. Нечаев, Г. Сетерленд.

Приписка (судя по изданию М. П. Драгоманова) от 11 мая рассматривается (без мотивировки), как самостоятельное письмо в кн.: Герцен, Огарев и их окружение. М., 1940, стр. 18.

893. ⟨До 30 мая⟩, четверг. Соборное послание. «Мои милые друзья. Вот вам результат...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 278—279.

Из Берна. К Огареву и Н. И. Жуковскому. — Упом.: Bundesrath Кнюзебек, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зер⟩ов, А. Рейхель, ⟨С. И.⟩ С⟨еребренников⟩, А., Г. и Э. Фогты.

894. Май, ⟨30⟩. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 280—281 (под ошибочной датой — 20 мая).

Из Локарно. — Упом.: Жеманов, А. и Н. И. Жуковские, Л. И. Мечников, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩в, ⟨С. И.⟩ Серебренников, М. Сетерленд, Н. И. Утин, А. Фогт, М. К. Элпидин.

895. Июнь, 14. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 281—283.

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина, Бакунины, ⟨Н. Н.⟩ Л⟨юбавин⟩, С. Г. Нечаев, «наш кривой друг».

896. Июнь, 19. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 283.

К Огареву, Н. И. Жуковскому, Загорскому и В. М. Озерову. — Упом.: Барни, С. Г. Нечаев.

Адресаты указаны в кн.: Герцен, Огарев и их окружение. М., 1940, стр. 18.

897. Июль, 28. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 284—285.

Из Локарно. — Упом.: Э. Дюпон, Н. И. Жуковский, В. Мрочковский, С. Г. Нечаев, С. ⟨И.⟩ С⟨еребренников⟩, Г. и М. Сетерленды, А. Таландье, Bradlaugh.

898. Июль, 29. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 295—296.

Из Локарно. — Упом.: братья Бакунины, ⟨Н. А.⟩ Б⟨елоголовый⟩, ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩в, ⟨Н. В.⟩ П⟨остников⟩, М. К. Рейхель.

899. Август, 2. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 299—300.

Из Локарно. — Упом.: А. И. и Н. А. (дочь) Герцены, Н. И. Жуковский, С. Г. Нечаев, ⟨В. М.⟩ О⟨зеро⟩в.

900. Август, 11. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 300.

Из Локарно. — Упом.: ⟨В. М.⟩ О⟨зер⟩ов, М. Сетерленд.

901. Август, 31. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 304.

Из Локарно. — Упом.: Ж. Гильом, ⟨В. М.⟩ О⟨зер⟩ов, М. Сетерленд, Т. ⟨?⟩.

902. Сентябрь, 19. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 304—305.

Из Лиона. — Упом.: А. К. Бакунина, Гавирати, Линдегер, ⟨С. Г. Нечаев?⟩, Паликс, Г. Сетерленд, кавалерийские ротмистр и генерал.

903. Сентябрь, 25. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 305—306.

Из Лиона. — Упом.: Ж. Гильом, Линдегер, Г. Сетерленд.

904. ⟨Сентябрь?⟩. «...От Центрального Комитета du Salut de la France...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 306 (без начала).

Адресат определяется предположительно.

Упом. Г. Сетерленд.

905. Октябрь, ⟨17⟩. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 313 (под ошибочной датой 16 октября).

Из окрестностей Лиона. Адресат определяется предположительно. — Упом.: Бастолика, Блак, Баланс, Котби, Паликс, Эскирос.

906. Ноябрь, 19. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 314—315.

Из Локарно. — Упом.: Л.-М. Гамбетта, Н. И. Жуковский, А. и В. М. О⟨зеров⟩ы, М. Сетерленд.

1871

907. Апрель, 5. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 317—318.

Из Локарно. — Приписка к письму к Жану. Упом.: Варлен, В. Ф. Лугинин, М. Сетерленд.

908. Апрель, 9. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 318—319.

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина, В. М. Озеров, ⟨М. П. Сажин⟩, М. Сетерленд, Л. Чернецкий, Адгемар Швицгебель.

909. Апрель, 16. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 320—322.

Из Локарно. — Упом.: Ж. Гильом, дю-Ляк, М. П. Сажин.

910. Октябрь, ⟨2⟩. М. А. Бакунин.—Бакунин. Письма, стр. 322—323 (под ошибочной датой 3 октября).

К Огареву и В. М. Озерову. — Упом.: Ольга ⟨Левашова?⟩, Б. Малон, Д. Маццини, Н. И. Утин.

911. Ноябрь, 14. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 324—326.

Из Локарно. — Упом.: А. К. Бакунина, А. А. и А. И. Герцены, В. А. Зайцев, Квятковские, ⟨В. Ф. Лугинин⟩, Д. Маццини, Н. А. Огарева, В. М. Озеров.

912. Ноябрь, 16. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 84—85.

Из Цюриха. — Упом.: М. А. Бакунин, А. А., Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, С. Г. Нечаев, А. и В. М. Озеровы, Н. М. Сатин, г-жа Фогт, Л. Чернецкий, m-me L. Condbich (рожд. Фогт), фотографы Lacombe et Lacroix.

913. Б. д. «...их до востребования...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 323 (без начала. Год определен предположительно).

Упом.: А. и В. М. Озеровы, Г. и М. Сетерленды, полковник ⟨?⟩.

914. Б. д. «Мой милый Ага, я все более...». М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 323—324 (год определен предположительно).

Упом.: Бакунины, А. И. Герцен, ⟨С. Г. Нечаев ?⟩, М. Сетерленд, полковник ⟨?⟩.

1872

915. Февраль, 8. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 86—87.

Из Цюриха. — Упом.: В. И. Бакст, М. А. Бакунин, учитель Бем, Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, А. Ламартин, В. Ф. Лугинин, Монахов, С. Г. Нечаев, Э. Реклю и его семья, С. И. Серебренников, С. Тхоржевский, Sax.

916. Февраль, 9. А. К. Бакунина. — Бакунин. Письма, стр. 327.

Из Локарно. — Упом.: М. А. Бакунин, дети А. К. Бакуниной, семья Квятковских.

917. Февраль, 18. А. К. Бакунина. — Бакунин. Письма, стр. 327—328.

Из Локарно. — Упом.: М. А. Бакунин, дети А. К. Бакуниной, семья Герцена.

918. Апрель, 18. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 88.

Упом.: В. И. Бакст, А. А., А. И., Лиза и Н. А. (дочь) Герцены, Жоз. ⟨?⟩, Э. Реклю, Розали ⟨?⟩, дети Н. М. Сатина, М. Сетерленд, А. А. Тучков, Чернецкие, «Коммунар» ⟨?⟩.

919. Ноябрь, 2. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 340—342; Лемке, т. XIV, стр. 642 (отрывок).

Из Локарно. — Упом.: К. Маркс, С. Г. Нечаев, Н. И. Утин.

920. Декабрь, 16. Н. А. Огарева. — Архив Огаревых, стр. 90—91.

Упом.: А. А., А. А. (Тутс), Н. А. (дочь) и О. А. Герцены, ⟨Г. Моно⟩, С. Г. Нечаев, К. Фогт.

921. Б. д. «Узнать у Фогта...». Л. Гольденберг. — Звенья, VI, 1936, стр. 408.

Женева. Запись в тетради Огарева. — Упом.: Д. Фази, Фогт.

1873

922. Январь, 2. Н. В. Соколов. — Бакунин. Письма, стр. 344.
Из Цюриха. — Упом.: М. А. Бакунин, В. А. Зайцев, П. Л. Лавров.
923. Январь, 15. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 346.
Из Локарно. — Упом. Д-ридзи.

1874

924. Сентябрь, 24. Н. А. Герцен (дочь). — Архив Огаревых, стр. 133—134.
Из Флоренции. — Упом.: А. А., Лиза и О. А. (внучка) Герцены, М. Мейзенбуг, М. Сетерленд.
925. Ноябрь, 11. М. А. Бакунин. — Бакунин. Письма, стр. 346—348.
Из Лугано. — Упом.: семья М. А. Бакунина, Герцены, Кафиеро, П. Л. Лавров, Д.-С. Милль, М. Сетерленд, А. Шопенгауэр, историк Kolb.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КОРРЕСПОНДЕНТОВ А. И. ГЕРЦЕНА и Н. П. ОГАРЕВА

А. (неизвестный из Владимира)—183.
Акола, Э.—679.
Аксаков, Иван Сергеевич—442, 453, 504, 514, 553.
Анастасьев, В.—493.
Анненков, Павел Васильевич—228, 718.
Астраков, Сергей Иванович—807.
Астракова, Татьяна Алексеевна—455.

Бабст, Иван Кондратьевич—810.
Бакст, Владимир Игнатьевич—828.
Бакунин, Михаил Александрович—192, 194, 584, 585, 591—593, 653, 655, 669—671, 675, 680, 712, 713, 717, 719, 723, 724, 729—733, 737, 739, 740, 742—745, 748, 750—754, 756, 757, 759, 862, 863, 865—868, 872—880, 882—911, 913, 914, 919, 923, 925.
Бакунина, Антонина Ксаверьевна—916, 917.
Бартелеми, Эмманюэль—391.
Бахметев, Павел Александрович—439.
Белинский, Виссарион Григорьевич—210, 223, 230—237, 239.
Белоголовый, Николай Андреевич (предположительно)—498.
Блан, Луи—425, 426, 457, 461, 462, 484, 517.
Блюммер, Леонид Петрович—566, 575.
Боткин, Василий Петрович—202, 215, 238, 768, 769, 772, 775.
Бринк, Сервиций—549.
Бруннов, Филипп Иванович—815.

Вагнер, Рихард—331.
Вилле, Франсуа—335.
Витберг, Александр Лаврентьевич—123, 133, 149, 169, 172—174, 176, 179—182, 184.
Витберг, Вера Александровна—171.
Витберг, Евдокия (Авдотья) Викторовна—124, 170.
Вырубов, Григорий Николаевич—695.

Гааг, Луиза Ивановна—105, 115.
Галахов, Иван Павлович—211, 227.
Гарибальди, Джузеппе—371, 373, 543, 617.
Гауг, Эрнст—324.
Гервег, Георг—270, 272—278, 284—289, 291, 292, 294—296.
Гервег, Эмма—319, 323.
Гергард, Вольфганг—586.
Герцен, Александр Александрович—714, 715, 728, 816, 869, 881.
Герцен, Лиза—659, 662, 665, 694, 755, 836, 843, 844, 847, 848, 857, 858, 859а, 860, 864.
Герцен, Наталья Александровна (рожд. Захарьина)—4—39, 41—82, 84—104, 106—114, 116—119, 121, 122, 125, 126, 128—132, 134—148, 150—168, 177, 185—190, 240, 242—245, 247—250, 271, 299—304, 761, 762, 768, 785, 786, 789, 795, 797, 798, 800—803.
Герцен, Наталья Александровна (дочь)—643, 817, 924.
Гесс, Моисей—279—283.
Глинка, Авдотья Павловна—482.
Головин, Иван Гаврилович—372, 377, 384, 385, 650, 813, 814.
Голубов, Константин Ефимович—854—856, 861.
Гольденберг, Л.—921.
Грановская, Елизавета Богдановна—256, 768.
Грановский, Тимофей Николаевич—252, 255, 258, 267, 298, 318, 362, 390, 768, 769, 773, 787, 805.
Громека, Степан Степанович—492, 544, 547, 548.
Гулевич, Михаил Семенович—841.
Гюго, Виктор—403, 429, 441, 456, 480, 510, 606, 612.

Депутат Ред. ком. по кр. делу—см. Кошелев А. И.
Джонс, Эрнст—395.
Долгоруков, Петр Владимирович—583.
Домбровский, Ярослав Викторович—654.
Дульфус, барон—551.

Жуковский, Николай Иванович—735.

Зенькович, А.—558.

Иванов, Александр Андреевич—436.

Кавелин, Константин Дмитриевич—407, 438, 451, 488, 489, 571, 577, 580, 582, 587, 588, 720, 831.
Капитан парохода—500.
Карлейль, Томас—361, 396.
Касаткин, Виктор Иванович—599, 608, 824, 826.
Катков, Михаил Никифорович—764.
Квадрио, Маурицио—698, 708 870.
Кердеруа, Эрнест—380.
Кетчер, Николай Христофорович—193, 195, 197, 199, 206, 209, 212, 220, 222, 224, 226, 768, 769.
Кинэ, Эдгар—645, 648, 703, 711.
Клапка, Георг—466.
Корш, Евгений Федорович—768.
Корш, Мария Федоровна—241, 246, 790.
Костомаров, Николай Иванович—494.
Кошелев, Александр Иванович—486, 490.
Кошут, Лайош—369.
Крюков, Дмитрий Львович—768.

Лавров, Петр Лаврович—447.
Лазаревич, С.—500.
Ледрю-Роллен, Александр-Огюст—354.
Липранди, Иван Петрович—431.

Малиновский, С.—559, 561.
Мартьянов, Петр Алексеевич—574, 825.
Маццини, Джузеппе—269, 326, 374—376, 401, 463, 485, 501, 699, 709.
Медведева, Прасковья Петровна—120.
Медичи, Джакомо—330, 349.
Мейзенбуг, Мальвида—363, 383.
Мельгунов, Николай Александрович—437, 443, 445, 452, 572.

Мечников, Лев Ильич—615.
Мишле, Жюль—306—311, 315, 321, 334, 340, 367, 393, 399, 410, 414, 416, 418, 421, 469, 470, 481, 552, 578, 627, 635, 689, 704.
Мордини, Антонио—329.

Наке, Альфред—681.
Небогатый—550.
Неизвестный из Владимира—183.
Некрасов, Николай Алексеевич—430, 433, 435.
Николадзе, Николай Яковлевич—644.
Новицкий, Петр Васильевич—596.

Общество офицеров XXX полка—604.
Огарева, Мария Львовна (рожд. Рославлева)—83, 175, 178, 763, 765, 766, 783, 784, 788, 796, 799.
Огарева, Наталья Алексеевна (рожд. Тучкова) — 253, 254, 260—262, 266, 297, 320, 325, 342, 355, 440, 511, 512, 518, 522—528, 629—634, 636, 637, 640, 642, 646, 647, 649, 656—658, 660, 661, 663, 664, 666, 667, 672, 678, 688, 691—693, 696, 700—702, 710, 722, 725, 727, 734, 818, 821—823, 830, 835, 845, 846, 871, 912, 915, 918, 920.
Один из многих (А. А. Слепцов?)—832.
Окипинти, Игнацио—557, 560, 563.
Орсини, Феличе—328, 333, 337, 413.

П.—758.
П. (А. А. Слепцов?)—609.
Панаев, Валериан Александрович—474, 476, 478.
Панаев, Иван Иванович—205, 791, 792, 794.
Пассек, Вадим Васильевич—2.
Пассек, Людмила Васильевна—3.
Пассек, Татьяна Петровна (рожд. Кучина)—1.
Печерин, Владимир Сергеевич—357—359, 610, 827, 829.
Никулин, Павел Лукич—806, 808.
Писемский, Алексей Феофилактович—581.
Погодин, Михаил Петрович—638, 639, 641, 682, 683.
Полевой, Николай Алексеевич—40.
Поль, фон—см. фон Поль.
Польские эмигранты—444, 554, 556, 567, 568.
Помещик Владимирской губернии—450.
Потебня, Андрей Афанасьевич—579, 603, 741.
Прудон, Пьер-Жозеф—263—265, 268, 312, 343, 402, 502, 503, 542, 546.

Рамлов, Иеладин—589.
Рейхель, Мария Каспаровна (рожд. Эрн)—313, 314, 316, 317, 365.
Руге, Арнольд—368, 392.
Русские, живущие в Швейцарии—616.
Русский либерал—407.
Русский человек—499.
Русской—478.
Рыбинский, генерал—545.

Савицкий, Иван Михайлович—668.
Сазонов, Николай Иванович—322, 771 804.
Салиас де Турнемир, Елизавета Васильевна (рожд. Сухово-Кобылина)—834,838,840, 842.
Самарин, Юрий Федорович—458, 619—622, 624—626.
Сатин, Николай Михайлович—191, 196, 200, 204, 213, 214, 216—219, 221, 225, 229, 290, 760, 767, 776, 778—782, 809.
Саффи, Марк-Аврелий—366, 404, 405.
Серно-Соловьевич, Николай Александрович—819.
Сетерленд, Мэри—849—853.
Скворцов, Андрей Ефимович—127.
Скребицкий, Александр Ильич—651, 652.
Слепцов, Александр Александрович (предположительно)—609,832.
Смоликовский, Андрей—562.
Содомцев—749.
Соколов, Николай Васильевич—922.
Спартанский, А.—477.
«Страхопуд» (редакция)—687.
Строганов, Александр Григорьевич—198.

Таландье, Альфред—400.
Телесфор, Н.—738.
Тесье дю Моте, Мари-Эдмон—346.
Титов, Владимир Павлович—686.
Тихомолов, Егор—793.
Толстой, Лев Николаевич—537, 538, 541.
Томазио, А.—557, 560, 563.
Торэ, Этьен-Жозеф-Теофиль—353.
Тургенев, Иван Сергеевич—259, 293, 415, 417, 419, 420, 422—424, 427, 428, 432, 434, 446, 454, 459, 491, 505—509, 513, 515, 516, 519—521, 532—536, 539, 540, 564, 569, 570, 573 576, 590, 594, 595, 597, 598, 600—602, 607, 614, 618, 673, 674, 677, 684, 685, 705—707, 716, 812, 820.
Тургенев, Николай Иванович—605, 726.

Украинка—496.
Утин, Николай Исаакович—628, 833, 837, 839, 859.

Фази, Джемс—257.
Фаржье, Б.—495.
Филиппович, Лариса Дмитриевна—208.
Фиркс, Федор Иванович—см. Шедо-Ферроти Д. К.
Фогт, Карл—327, 332, 350, 360, 412.
Фон-Поль, Карл Карлович—201.
Фролов, Николай Григорьевич—774, 777.

Хотинский, Матвей Степанович—747.

Центральный народный польский комитет 736.

Чаадаев, Петр Яковлевич—203, 305.
Черкесов, Александр Александрович—611.
Чичерин, Борис Николаевич—407, 467, 468, 471, 473, 483.
Чумиков, Александр Александрович—487.

Шахов, И. А.—676.
Шедо-Ферроти, Д. К. (псевд. Ф. И. Фиркса)—565.
Шурц, Карл—398.
Шелкан, В.—623.
Щепкин, Михаил Семенович—364.

Энгельсон, Владимир Аристович—336, 338, 339, 344, 345, 347, 348, 351, 352, 356, 378, 379, 381, 382, 384, 386—389, 394, 397.

Языков, Михаил Александрович—207, 770.
Яковлев, Алексей Александрович («Химик»)—251.
Якушкин, Иван Дмитриевич—409.

NN.—697.
V.—464.

Неустановленные лица — 183 (А. из Владимира), 550 (Небогатый), 832 (Один из многих. А. А. Слепцов?), 609 (П.—А. А. Слепцов?), 758 (П.), 450 (Помещик Владимирской губернии), 616 (Русские, живущие в Швейцарии), 499 (Русский человек), 496 (Украинка), 697 (NN.), 464 (V.), 127, 341, 370, 406, 408, 411, 448, 449, 460, 465, 472, 475, 479, 497, 529—531, 555, 613, 690, 721, 746, 811.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ ТОВАРИЩЕЙ

И. В. СЕРГИЕВСКИЙ

НЕКРОЛОГ

Во время подготовки к печати настоящего тома редакция «Литературного наследства» понесла тяжелую утрату. 20 ноября 1954 г. не стало Ивана Васильевича Сергиевского, талантливого деятеля советского литературоведения, члена Союза Советских писателей, одного из долголетних работников «Литературного наследства», нашего старинного товарища и верного друга.

И. В. Сергиевский родился 19 сентября 1905 г. в с. Пустошах Судогодского уезда Владимирской губернии, в семье сельского учителя. Среднюю школу он окончил в Загорске; с 1923 по 1926 г. он был студентом сначала Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова в Москве, а затем факультета языка и материальной культуры Ленинградского университета.

Литературно-научная деятельность И. В. Сергиевского началась еще на студенческой скамье. Его первое выступление, статья «Пушкин в изучении марксистов (журнал «Печать и революция»), относится к 1925 г. С тех пор изучение творчества Пушкина стало основным предметом его научных занятий. Пушкину, а также проблемам советского пушкиноведения И. В. Сергиевский посвятил около тридцати статей. Статьи эти были только ступенями к задуманной им монографии о великом русском поэте. И. В. Сергиевский мечтал написать о Пушкине большую книгу широкого исторического плана. Он хотел определить главнейшие ценности в огромном явлении русской жизни, каким был Пушкин, осмыслить эти ценности и уяснить их живое значение для нашей современности и нашего будущего. К сожалению, эта монография осталась ненаписанной. Но некоторые мысли были разработаны И. В. Сергиевским в его статьях и обобщены в трех отдельно изданных очерках жизни и творчества Пушкина. Последнее, самое полное издание очерка—«А. С. Пушкин»—вышло в свет в Гослитиздате в 1950 г. Эта книга, выпускаемая скоро новым, посмертным изданием, ярче других работ И. В. Сергиевского демонстрирует одно ценное свойство его дарования—способность писать интересно и просто о сложных вещах, умение создавать историко-литературные труды, обладающие высокой научной ценностью и вместе с тем доступные для самого широкого круга советских читателей.

Вклад И. В. Сергиевского в советское пушкиноведение не ограничивается его собственными статьями и книгами. На протяжении многих лет он являлся участником разнообразных научных, общественных и издательских начинаний, связанных с именем Пушкина. Самой крупной работой И. В. Сергиевского в этой области явилось издание под его редакцией, с его статьей и комментариями юбилейного трехтомника «Избранных сочинений» Пушкина (Детгиз, 1949).

Немаловажное значение имеют теоретические работы И. В. Сергиевского. Он принимал активное и плодотворное участие в борьбе за правильное развитие советского литературоведения, неизменно выступая против всяких уклонений от марксистско-ленинского метода, против вульгарного социологизма и схематизаторства. Этой борьбе посвящен ряд его боевых выступлений, начиная со статьи 1935 г. «Социологисты и проблема построения истории русской литературы» и кончая статьей «До конца преодолеть схематизм и вульгаризаторство», появившейся в «Литературной газете» уже после смерти автора.

Литературоведческая деятельность И. В. Сергиевского была сосредоточена главным образом на изучении русской литературы прошлого. Однако ему всегда был присущ живой интерес к литературной современности. Он выступал в печати по актуальным вопросам советской литературы, выступал всегда остро, публицистично и темпераментно, не уклоняясь от резких полемических схваток, не боясь брать на себя ответственность за прямоту и определенность впервые высказываемого суждения.

Большое место в деятельности И. В. Сергиевского занимала редакторская работа. Он редактировал многие труды по истории русской литературы, был редактором отдела литературоведения Гослитиздата, членом редколлегии «Библиотеки поэта», а в последние годы ответственным секретарем «Известий отделения литературы и языка АН СССР».

С первых же лет существования «Литературного наследства» И. В. Сергиевский являлся одним из руководящих работников издания. Значительная часть из 62 вышедших томов «Литературного наследства» создана при его непосредственном и активном участии. Особенно ценный вклад внесен И. В. Сергиевским в создание тематических томов, посвященных Гёте (т. 4-6), русской литературе XVIII века (т. 9-10), Пушкину (т. 16-18), русскому символизму (т. 27-28) и Лермонтову (т. 43-44 и 45-46). И. В. Сергиевский принимал участие в «Литературном наследстве» и как автор. Им напечатаны здесь следующие статьи: «Гёте в русской критике» (т. 4-6), «О некоторых вопросах изучения Пушкина» (т. 16-18), «Борьба за наследие Белинского» (т. 55), предисловие к публикации «Гоголь в неизданной переписке современников» (т. 58) и др.

Работа И. В. Сергиевского в «Литературном наследстве» была прервана Великой Отечественной войной. В октябре 1941 г. И. В. Сергиевский добровольцем вступил в ряды Красной Армии и находился в части, действовавшей на Брянском и Калининском фронтах. В 1944 г. он вступил в ряды Коммунистической партии.

В апреле 1943 г. И. В. Сергиевский был демобилизован и вернулся на прежнюю работу в «Литературное наследство». Через два года он был назначен членом редколлегии и заместителем главного редактора журнала «Советская книга». В 1946—1949 гг. И. В. Сергиевский работал в аппарате ЦК КПСС, а с 1950 г. и до своей смерти — в Академии Наук СССР, где занимал пост ученого секретаря Отделения литературы и языка и одновременно являлся старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. Горького.

Хотя в последние годы И. В. Сергиевский не принимал непосредственного участия в редактировании «Литературного наследства», его тесная дружеская связь с нашим изданием не прерывалась.

И. В. Сергиевский всегда отличался прямотой характера, трезвым, ироническим складом ума; ненавидя всяческую фальшь и лицемерие, всегда требовательный к людям, он обладал вместе с тем большой душевной чуткостью и сердечной отзывчивостью. Поэтому И. В. Сергиевский пользовался заслуженным уважением и любовью, особенно среди тех, кто общался с ним долгие годы. Он имел много искренних друзей, которые сохранят в своих сердцах память о нем и горькое сожаление о его преждевременном уходе.

Я. З. ЧЕРНЯК

НЕКРОЛОГ

21 февраля 1955 г. в Москве скончался Яков Захарович Черняк, член Союза Советских писателей, талантливый литератор и ученый, один из наиболее осведомленных специалистов в области истории русской общественной мысли и революционного движения второй половины XIX века.

Я. З. Черняк родился 2 июня 1898 г. в Витебске. Восемнадцатилетним юношей, находясь в Москве, он стал участником февральско-мартовских революционных событий 1917 г. и вступил в ряды народной милиции. В октябрьские дни большевистски настроенные курсанты послали Я. З. Черняка, учившегося тогда в Петергофской школе прапорщиков, делегатом в Смольный; в 1919 г. он вступил добровольцем в ряды Красной Армии, где вел политико-просветительную работу и участвовал в боях с петлюровскими и деникинскими войсками.

Первые литературные работы Я. З. Черняка появились в 1918 г. в студенческом журнале «Парус». С начала 1922 г. и до 1929 г. он работал в журнале «Печать и революция» в качестве ответственного секретаря редакции и одновременно заведовал отделами художественной литературы и истории русской литературы. На страницах этого журнала напечатан ряд его критических статей и рецензий. В дальнейшем статьи Я. З. Черняка публиковались в журналах «Новый мир», «Красная новь», «Октябрь» и в других периодических изданиях.

В те же годы Я. З. Черняк принял участие в подготовке к печати обширной серии документальных историко-литературных материалов, изданных в 1930 г. под названием «Из архива Н. А. и Н. П. Огаревых». С тех пор и до последних дней Я. З. Черняк продолжал исследование и собирание литературного наследия Огарева и материалов для его биографии. В 1933 г. вышла в свет книга Я. З. Черняка «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве», очерк из истории литературно-общественной борьбы сороковых-пятидесятых годов. В 1938 г. издательством «Художественная литература» были изданы под его редакцией «Избранные стихотворения и поэмы» Огарева.

Особенно много и энергично трудился Я. З. Черняк над собиранием публицистики Огарева, часто анонимной, рассеянной по страницам малодоступных изданий русской революционной заграничной печати. Важным итогом этих разысканий явилось составленное Я. З. Черняком «Библиографическое описание произведений Н. П. Огарева в русской заграничной печати» (всего около ста десяти статей, брошюр, воззваний и листовок, не считая многих мелких заметок). К сожалению, эта ценная работа, существенно облегчающая изучение литературного наследия Огарева, а также публицистики «Колокола», осталась в рукописи (5 листов).

К не менее ценным результатам привели Я. З. Черняка занятия над рукописным наследием Огарева. В 1952 г. под его редакцией вышел в свет серьезный археографический труд—«Описание рукописей Н. П. Огарева в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина». Этому труду предшествовал другой—«Обзор архива Н. П. Огарева», появившийся в вып. XII «Записок Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина».

Тогда же, в 1952 г., вышел в свет подготовленный Я. З. Черняком первый том «Избранных социально-политических и философских произведений» Огарева, издаваемых

в двух томах Госполитиздатом. Работа над вторым томом, в который включены произведения, не печатавшиеся при жизни Огарева или не входившие в издания его сочинений, была закончена Я. З. Черняком, и том этот выйдет в 1955 г.

Я. З. Черняку не удалось, к сожалению, осуществить два наиболее крупных воих замысла: написать книгу об Огареве и издать полное собрание его сочинений. Книга осталась ненаписанной—им были опубликованы лишь статьи и материалы, характеризующие отдельные стороны жизни и творчества Огарева, то есть проделана работа на подступах к книге. Что же касается полного собрания художественных социально-политических и философских произведений Огарева, то этот капитальный труд, рассчитанный на шесть томов, Я. З. Черняк успел в основном завершить.

Выдающийся знаток и талантливый исследователь Огарева, Я. З. Черняк работал также над темами, связанными с современностью. Помимо литературно-критических статей, он писал биографические очерки—например, для сборника «Люди и станки», выпущенного издательством «Московский рабочий» (1950). Несколько лет Я. З. Черняк проработал в качестве редактора в области советской кинематографии, деятельно участвуя в создании многих исторических фильмов и печатая статьи по вопросам кинодраматургии в журнале «Искусство кино».

В последние годы литературно-научная деятельность Я. З. Черняка была связана преимущественно с «Литературным наследством» Я. З. Черняк внес ценный вклад в создание трех «герцено-огаревских» томов «Литературного наследства» (тт. 61-63) и как автор и как редактор. Он подготовил к печати многие документы из «пражской» и «софийской» коллекций бумаг Герцена и Огарева. Бо́льшая часть этих публикаций напечатана в т. 61 и в настоящем т. 62 «Литературного наследства»; остальные появятся в т. 63 (некоторые публикации подписаны псевдонимом *Н. Н. Захарьин*).

Редакция «Литературного наследства» потеряла в лице Я. З. Черняка не только одного из наиболее активных, талантливых и ценных своих сотрудников, но и искреннего, отзывчивого, доброго друга.

Прощаясь на этих страницах с ушедшим товарищем, мы с благодарностью вспоминаем о примечательных чертах его личности. Мы вспоминаем его живое, страстное отношение к предмету исследования. Он не знал холодных, нейтральных сюжетов. Если же такие сюжеты встречались ему, то он либо отказывался от их разработки, либо, в конце концов, горячо увлекался ими и своим энтузиазмом увлекал других. Он никогда не шел в научном исследовании исхоженными тропами, он стремился всегда самостоятельно и на самостоятельно собранном новом материале решать вставшие перед ним вопросы, брать на себя риск их решения; он всегда был готов возвращаться к ним и вновь пересматривать сложившиеся взгляды в свете новых фактов и новых выводов науки. И, быть может, самым ценным свойством Якова Захаровича был постоянный живой интерес к трудам и мнениям товарищей по работе, всегдашняя готовность придти им на помощь советом и делом. Особенно внимательно относился он к молодежи. И в этом—залог того, что новое поколение исследователей сохранит о Якове Захаровиче Черняке благодарную память, так же, как и его старые, многолетние друзья.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Н. А. Роскина

А., подпись неустановленного лица из Владимира—805, 860-61.
А. О. (?)—840.
А. П.—см.:—Потебня, А. А.
Абихт, Генрих—180, 186.
Абр. Сем.—см. Утин, Н. И.
Авг. (?), м-ль—850.
Авдеев, Михаил Васильевич—841.
Авейде, Оскар—618.
Аверкиев, Дмитрий Васильевич— 165, 199, 223.
Авсеенко, Василий Григорьевич— 641.
Агассис, Луи—846.
Агреневы—853.
Агрентьев—784.
Адлерберг, Владимир Федорович—132, 146, 148, 151, 374, 400, 489, 828.
Адольф, неустановленное лицо—838.
Адриан, имп.—821.
Адт, К., гравер—423.
Азис-Хан, Султан-Абдул—191.
Акола, Э.—841, 860.
Аксаков, Иван Сергеевич—6, 106, 164, 183, 186, 319, 329, 358-59, 365, 367, 400, 777, 810, 823-25, 829-30, 833, 835-38, 841-42, 847-48, 860.
Аксаков, Константин Сергеевич—103, 310, 361, 777, 808-10, 824-25, 829-31, 833, 838, 848.
Аксаков, Сергей Тимофеевич—822.
Аксакова (рожд. Тютчева), Анна Федоровна—841.
Аксберг, Амалия Михайловна—802, 804.
Аксберг, Эмилия Михайловна—793-804, 806.
Аксберг, брат А. М. и Э. М. Аксберг—802.
Алабирдин—см.: Гарибальди, Дж.
Алек. Мих. (?)—759.
Александр I—116, 584, 805, 821-22, 828, 832, 836, 839, 847.
Александр II—23, 49, 57, 71, 75, 77, 105, 115-16, 118-20, 126, 138, 146-48, 152, 175-76, 180, 191, 195, 211, 214-16, 234, 244, 250, 264, 306, 319, 329, 358, 360, 366, 369-70, 372-74, 381-82, 385-87, 403-04, 410-12, 426, 504, 508-10, 512-14, 516-18, 544-45, 584, 586, 606, 617, 623, 626, 647, 679, 680, 684-85, 704, 706-07, 739, 775,782, 821, 824-30, 832-39, 841-42, 845-47, 853-55.
Александр III—512-13.
Александр Невский—757.
Александр (Север), имп.—821.
Александра Федоровна, имп.—376, 386-87, 825-26, 828, 843.
Александров, Василий Максимович—441, 766.
Александров, Диомид Александрович—287-88.
Александровская (рожд. Чирикова), Варвара Владимировна —610, 612-14.
Алексей (?)—754.
Алексей Иванович (?)—852.
Алексей Михайлович, царь—828.
Алексей Петрович, царевич—110, 114, 544-45, 828.
Алеон (Аливон), турецкий банкир—78.
Алеша, слуга—807.
Алимпий—см.: Олимпий.
Алхазов, Петр—125.
Альбертини, Николай Викентьевич—27, 29, 108, 130, 837, 854.
Альмок, слуга И. А. Яковлева—798.
Альфенслебен, композитор—849.
Альфред, агент по распространению изданий бёрнской типографии—853.
Амберти, адвокат—742.
Анастасьев, В.—828, 860.
Анастасьев, генерал-майор—828.
Англик, оружейник—822.
Андрей (?)—486, 489.
Андрей, слуга—806.
Андрущенко, Иван Алексеевич—124, 222
Андрущенко, братья—670.
Анна Ал. (?)—849.
Анна Иоанновна, имп.—739, 828.
Анна Петровна, служанка М. Л. Огаревой—850.
Анненков, Иван Васильевич—613.
Анненков, Павел Васильевич—6, 24, 29, 38-39, 41-42, 44-46, 65, 87, 149, 344, 699, 710, 719, 722, 777, 786, 788, 798, 807, 809-10, 829-32, 836, 844-45, 853, 860.
Анненков, Федор Александрович—828,831.
Анненкова (рожд. Ракович), Глафира Александровна—831.
Антон, конспиративное имя неизвестного лица—638, 640; см. также: Генерал.
Антонелли, Петр Дмитриевич—720, 722.
Антоний (Андрей Илларионович Шутов), епископ—169, 178, 184, 186, 248, 250.
Антонов, псевдоним Г. А. Вебера—845.
Антонович, Максим Алексеевич—613.
Антонский (Прокопович-Антонский), Антон Антонович—360.
Антуанет, знакомая Н. А. Мельгунова—744.
Анциферов, Николай Павлович—55-68, 571-74.
Аполлон, неустановленное лицо—748.
Аполлоний Тианский—608.

Апраксин, Степан Федорович—118-20, 833, 857.
Араго, Франсуа-Виктор-Эмманюэль—829.
Аракчеев, Алексей Андреевич—826, 828, 838.
Аргиропуло, Перикл Эммануилович—239, 243, 248, 250, 626, 702-03.
д'Ари, г-жа—822-23.
д'Арк, Жанна (Иоанна)—480.
Ариосто, Лудовико—741.
Аристофан—820.
Аркадий, дворовый М. А. Хованской—802-04.
Аркадий (Андрей Родионович Шапошников), епископ—198, 200, 228, 238.
Аргольдт, Иван Николаевич—837.
Арним, фон, Элизабет (псевдоним—Беттина Брентано)—350, 806-09.
Арсеньев, Константин Иванович—801.
Арсеньев, Юлий Константинович—262.
Архилох—839.
Аскарянц, Анна Вагановна—791-92.
Аскоченский, Виктор Ипатьевич—108.
Астафьев, Иван Александрович—313.
Астраков, Иван Васильевич—9.
Астраков, Николай Иванович—9-10, 16, 20, 804.
Астраков, Сергей Иванович—9-22, 40, 808, 812, 814, 841, 852, 860.
Астракова, Татьяна Алексеевна—9-22, 92, 94, 804, 806, 808, 811-12, 816, 825, 841, 860.
Астраковы—9, 19, 804.
Аугустынский, Франц—486.
Ауэрбах—729.
Афендин—720.
Ахматов—825.
Ашер, книгопродавец—650-51.

Б... (?)—639.
Бабёф, Гракх—855.
Бабст, Иван Кондратьевич—130, 248, 250, 329, 332-33, 346, 368, 372, 824, 827, 852, 860.
Баделе, знакомый Сетерлендов—855.
Бажанов, Василий Борисович—828.
Базилева, Зинаида Петровна—838, 854.
Базилевский (Богучарский), В., псевдоним В. Я. Яковлева—222.
Базилевский, Петр Андреевич—336-37.
Базунов, книгоиздатель—823.
Байрон, Джордж-Ноэль-Гордон—203, 362, 760, 814.
Бакст, Владимир Игнатьевич—27, 29, 161, 266, 268-70, 395, 616, 626, 628, 639, 646, 648, 650, 656, 669-70, 708-09, 775, 836, 839-41, 846-47, 853, 859-60.
Бакст, Николай Игнатьевич—269-70.
Бакст, Осип Игнатьевич—263, 269, 648.
Бакунин, Александр Александрович—513.
Бакунин, Александр Михайлович—806.
Бакунин, Алексей Александрович—513, 845.
Бакунин, Михаил Александрович—55, 69, 134, 151, 166, 173, 178-79, 249, 259, 266-67, 269, 283, 299, 326, 328, 344, 384-85, 389-90, 436-40, 442, 444, 449, 455, 457, 460, 462, 489, 513, 520, 581, 584, 605, 624-26, 630, 633-35, 639, 660, 687-90, 726, 737, 742, 744-45, 752, 754, 758, 765, 771-76, 786, 792, 806-07, 814-15, 819-22, 830-36, 839, 841-50, 853, 855-60.
Бакунин, Николай Александрович—513, 846.
Бакунин, Павел Александрович—513.
Бакунина (рожд. Квятковская), Антония Ксаверьевна—589, 626, 628, 771-72, 786, 834, 841, 844-48, 856, 858-60.
Бакунина (рожд. Муравьева), Варвара Александровна—846.
Бакунина, Екатерина Михайловна—772.
Бакунины—512, 774, 834, 845-46, 858.
Балакирев, Милий Алексеевич—730, 732, 734.
Баласогло, Александр Пантелеймонович (псевдоним—А. Белососолово)—720, 722.
Баллод, Петр Давидович—133, 395, 613-14.
Бальер, издатель—58, 60.
Бамбергер, Людвиг—496-97.
Барагэ д'Илье, Ашилль—820.
Барановская, Мария Юрьевна—86.
Барановский, участник польского восстания 1863 г.—854.
Барант, де, Амабль-Гильом-Проспер—348.
Баратынский, Евгений Абрамович—309, 808, 850.
Барбес, Арман—813, 829.
Барбье, Анри-Огюст—824.
Барни, Жюль—841-42, 858.
Барнум, Финеас-Тейлор—594, 822.
Барош, Пьер-Жюль—832.
Баррис, граф—829.
Барсуков, Николай Платонович—309, 311, 317, 327, 345, 363.
Бартелеми, Эмманюэль—820, 860.
Бартенев, Петр Иванович—587.
Бартенева, Екатерина Григорьевна—625.
Бартес, корреспондент Шамро—822.
Бартлетт, Вилиам-Генри—209, 213.
Бархаш, Исаак Меерович—399-400, 604.
Баршев, Сергей Иванович—369, 484, 824, 833.
Баршев, Яков Иванович—484.
Барятинский, Александр Иванович—551, 845.
Басаргин, Николай Васильевич—845.
Басистов (подпись—П. Б.), Павел Ефимович—364, 824.
Бассо, знакомый Герцена—841.
Бастиа, Клод-Фредерик—813.
Бастолика, участник лионского восстания—858.
Батистов (Басистов ?)—824.
Батто, братья—547.
Батуринский, В. П., издатель—781-82.
Бауман, Алексей Осипович—141-42, 145-46.
Бахметев, Алексей Николаевич—374.
Бахметев, Павел Александрович—621, 678-79, 689, 824, 860.
Бахметева (рожд. Толстая), жена А. Н. Бахметева—374.
Бахтин, Николай Иванович—832.
Безобразов, Владимир Павлович—110, 114, 379.
Безобразов, Михаил Александрович—836.
Безобразов, Николай Александрович—826.
Бейдеман, Михаил Степанович (конспиративное имя—Дубровин)—831.

Бекер, Иоганн-Филипп—857.
Бекер—850.
Бекетов, Владимир Николаевич—334, 822.
Беклемишев, Федор Андреевич—828, 831.
Бекман, Яков Николаевич—123.
Белецкий, Петр Иванович—720, 722.
Белинская (рожд. Орлова), Мария Васильевна—737, 809-10.
Белинская (в замуж. Бензи), Ольга Виссарионовна—810.
Белинский, Виссарион Григорьевич— 5, 37, 40, 42, 44-45, 86-88, 91, 102, 309-10, 315, 322, 326, 328, 332, 357, 571, 574, 591, 704, 708, 710-11, 712, 714-15, 718-19, 721-722, 737, 777-80, 786-87, 792, 806-12, 815, 817-18, 822, 825, 827, 831, 839, 843-45, 847, 850-51, 857, 860, 863.
Белоголовый, Николай Александрович—776, 828, 831, 858, 860, 863.
Белозерский, Олимпий Михайлович—161.
Белососолово, А.—см.: Баласогло, А. П.
Бельчиков, Николай Федорович—556.
Белявская, Ирина Михайловна—47, 397-98, 485-89, 575-81.
Беляев, Иван Дмитриевич—824.
Беляев, Кузьма Васильевич—802.
Бем, учитель—859.
Бенардаки, Дмитрий Егорович—772, 828, 845.
Бенда, книгопродавец—299.
Беневоленский, Петр Андреевич—567-68, 613.
Бенкендорф, Александр Христофорович—473-74, 805, 807.
Бенни, Артур—5-6, 23-36, 161, 236, 831, 833, 836.
Бенни, Карл—30, 33.
Бенни, отец А. и К. Бенни—34.
Беранже, Пьер-Жан—824, 838.
Берви, Вильгельм Вильгельмович (псевдоним—Флеровский)—507-08.
Берг, Федор Федорович—555, 763, 838, 854.
Берг, фон, Федор—833.
Березовский, Антон Иосифович—57, 142, 146-47, 581, 606, 842.
Беринг (Тимашев-Беринг), Алексей Алексеевич—369-70, 372, 824-25.
Берлиоз, Гектор—310.
Бернар, Симон-Франсуа—826.
Бернард, Матвей Иванович—734.
Бернард, книгоиздатель—154.
Бернацкий, Алоизий—541.
Берне, Людвиг—813.
Бертани, Агостино—546-47, 847.
Бессомыкин, Иван Иванович—825, 829.
Бестужев, Александр Александрович—821.
Бестужев, Михаил Александрович—845.
Бестужев, Николай Александрович—583, 590, 832.
Бестужев—833.
Бесчаснов (Бесчастный), Владимир Александрович—845.
Бетховен ван, Людвиг—362-63, 731-32, 812, 817, 849, 851.
Бианки (в замуж. Фабиан), Валентина—152-53.
Бибиков, Дмитрий Гаврилович—817, 825.
Бибиков, Иван Гаврилович—833.
Билярский, Петр Спиридонович—711, 722.
Био (Биот), Жан-Батист—700-01.
Биркенштейн—212.
Бирон, Эрнст-Иоганн—116, 832.
Бирюков, Александр Сергеевич—794-96, 798, 800-01, 804.
Бисмарк-Шенгаузен, фон, Отто-Эдуард-Леопольд—136, 214, 497, 623, 680.
Бичер Стоу, Гарриэт—818, 830.
Благовещенский, Александр Афанасьевич—696.
Благосветлов, Григорий Евлампиевич—287, 338, 388, 610, 616.
Блак, Гаспар—858.
Блан, Луи—495-96, 640-41, 708, 818, 823, 825-27, 829-30, 849, 860.
Блан, банкир—381.
Бланк, Григорий Борисович—826.
Бланки, Луи-Огюст—817.
Бланш—776, 847.
Бларамберг, Павел Иванович—574.
Блудов, Дмитрий Николаевич—355, 373-74, 590, 815, 826, 828, 832, 845.
Блудова, Антонина Дмитриевна—590.
Блюммер (в замуж. Кривцова), Антонина Петровна—610, 612, 833.
Блюммер, Леонид Петрович—184, 186, 373, 660, 737, 833-34, 836, 846, 860.
Боборыкина, Александра Александровна—793-804, 806.
Боборыкины—793, 798-99, 801.
Бобринский, Василий Алексеевич—346-47, 823.
Бобринский, Владимир Алексеевич—515.
Бобровский, врач—838.
Бобчинский, участник экспедиции Лапинского—846.
Богаевская, Ксения Петровна—777-80.
Богданов, знакомый Герцена—799, 808.
Богданова (в замуж. Быкова), Мария Арсеньевна—613, 833.
Боголепов, Василий Васильевич—795, 799, 804.
Боголюбов—513, 516.
Боград, Владимир Эммануилович—422.
Богучарский, Василий Яковлевич—см.: Базилевский, В.
Боденштедт, Фридрих—347.
Бодиско, Василий Константинович—775, 845.
Бодянский, Осип Максимович—834.
Бой—см.: Нечаев, С. Г.
Бокаччо, Джовани—352.
Боке, Жан-Батист—776, 820, 844, 857.
Бокль, Генри-Томас—208, 559, 561.
Боков, Петр Иванович—612.
Бологовский, Дмитрий Николаевич—822.
Болотников, приятель Е. И. Тимашева—382.
Болтин (Н. И. Бахтин?)—832.
Больдони, Камилло—817.
Бонапарты—832.
Бонфис, доктор—817.
Борейша—578.
Борель, Петр Федорович—77.
Борисов, Феофан Алексеевич—53-54.
Борк, полковник—563.
Бородин, Александр Порфирьевич—838.
Борх, Александр Михайлович—152.
Борщов, Илья Григорьевич—837.

Боткин, Василий Петрович—6, 14, 37-46, 87, 310-11, 350-51, 356, 361, 363, 366, 699, 712, 777, 786-87, 806-08, 810, 825, 829, 831, 834, 836, 843-44, 849-51, 860.
Боткин, Николай Петрович—40.
Боткин, Сергей Петрович—399, 510, 699-701, 748.
Боткина (рожд. Рульяр), Арманс Александровна—809.
Боткины—361, 810.
Боуэн (в замуж. Галахова), Элиза—65-68.
Бочкарева (в замуж. Оболенская), Александра Андреевна—795-96, 799.
Бранди, Леон—см.: Мечников, Л. И.
Браницкий, Владислав Ксаверьевич—818.
Браницкий, Ксаверий Владиславович—62, 538-39, 718-19.
Браун, Джон—596.
Браунер, Франц-Август—848.
Бржезинский, О., польский эмигрант—743.
Бриден, проповедник—832.
Бринк, Сервиций—833, 860.
Брискорн, Максим Максимович—353, 852.
Брок, Петр Федорович—373-74, 826.
Брокгауз, книгоиздатель—327, 576.
Броун-Секар, Чарльз-Эдуард—742, 745.
Бруннов, Филипп Иванович—819, 833, 852, 860.
Брут, Марк Юний—207, 375.
Брюллов, Карл Павлович—742, 817.
Будберг, Андрей Федорович—837, 852.
Буйницкий—847.
Буканан—см.: Бьюкенен.
Булавин, Кондратий—70.
Буланова-Трубникова, Ольга Константиновна—548.
Булгар (болгарин?), неустановленное лицо—846.
Булгарин, Фаддей Венедиктович—309, 358, 809-10.
Бунге, Николай Христианович—527.
Бурачек, Степан Анисимович—718-19.
Бурбонский, герцог—838.
Бурбоны—817, 828.
Буркова, Мина Ивановна—146, 148.
Бурцов, Иван Григорьевич—836.
Буслаев, Федор Иванович—824.
Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич—86, 358, 542-43, 607, 710-11, 715, 717, 719-20, 722, 819-20, 823, 831, 845.
Бутков, Владимир Петрович—358-59, 825, 828, 835.
Бутковский—см.: Грибовский, П. М.
Бутурлин, Дмитрий Петрович—719.
Буцковский, К. М., жандармский полковник—694-95.
Бушканец, Ефим Григорьевич—829.
Буякович (прозвище Бич), Георгий Владимирович—828, 831.
Бьюкенен (Буканан), Джордж—332-33.
Бэкон, Роджер—813.
Бэр, издатель—834.
Бюлоз, Франсуа—58, 60.
Бюргер, Георг-Август—143.
Бюффон, Жорж-Луи-Леклерк—738.
Бюхнер, Фридрих-Карл-Христиан—520.
Бюэлл (Buell), Дон Карлос—598.

В(?), князья—835.
В., профессор—836.
В. Б., подпись А. И. Герцена—338-39, 342, 351.
В. К.—см.: Кельсиев, В. И.
В-кий, Н. (Н. В. Всеволожский?)—824.
Вагнер, Николай Петрович—830.
Вагнер, Рихард—154, 156-57, 816, 860.
Вагнер, книгопродавец—830.
Вадим, псевдоним В. И. Кельсиева—160.
Вадим, псевдоним Е. А. Салиаса де Турнемир—647.
Вазари, Джорджо—742.
Вакенродер, Вильгельм-Генрих—309.
Валанс—см.: Ланкевич, В.
Валевский, Флориан-Александр—337.
Валерио, Лоренцо—151, 815.
Валленрод, Конрад—839.
Валуев, Петр Александрович—31, 33, 144, 453, 617, 836, 838.
Ванновский, Петр Семенович—297.
Варенцов, Виктор Гаврилович—641.
Варзар, Василий Егорович—289.
Варлен, Луи-Эжен—458, 859.
Варнгаген фон Энзе, Карл-Август—309, 311, 646-47.
Варнгаген фон Энзе (рожд. Левин-Маркус), Рашель—807.
Василевский, Дмитрий Ефимович—308, 788.
Василий Великий—821, 827.
Василий, дворовый—802.
Василий Семенович (?)—567-68.
Васильев, Иосиф Васильевич—544, 842.
Васильев, Михаил Семенович—200-04, 211.
Васильев, Семен Ильич—76, 78, 179, 186-87.
Васильев, караульный солдат в Крутицких казармах—797, 799-800.
Васильев, полицмейстер—846.
Васильевы—152-53.
Васильчиков, Виктор Илларионович—774, 857.
Васильчиков, Илларион Илларионович—115, 118, 832.
Васильчиков—825.
Васильчикова (рожд. Щербатова), Екатерина Васильевна—115.
Ватке, Иоганн-Карл-Вильгельм—806.
Вашингтон, Георг—592, 595.
Введенский, Иринарх Иванович—571, 710-11.
Вебер, Карл-Мария—853.
Вегелин, Александр Иванович—828.
Вейде, Михаил Карлович—616.
Вейс, знакомый В. И. Кельсиева—198.
Вейтлинг, Вильгельм—849.
Велепольский, Александр — 576, 578, 838-39.
Великов, Константин—85.
Величко, Семен Иванович—743, 802, 804-05.
Величко, жена С. И. Величко—805.
Величко, врач—838.
Веллингтон, Артур-Уэльслей-Коллей—810, 817.
Вёльо, Луи—605-06.
Вельяшевы—750.
Венгеров, Семен Афанасьевич—50.
Веневитинов, Алексей Владимирович—308.
Веневитинов, Дмитрий Владимирович—308.

Венцель, Карл Карлович—828, 831.
Веньери, знакомый Герцена—52, 54.
Вера, дворовая—798, 800.
Вергилий, Публий Марон—756.
Вердер, Карл—806, 808, 849, 857.
Верди, Джузеппе—156-57, 810.
Веревкин (Рахманный), Николай Николаевич—803.
Верецкий, И. М., польский эмигрант—486.
Верже (Вержес), священник—337-38, 341.
Вернадский, Иван Васильевич—362.
Вернет, Иван Филиппович—310.
Веров—см.: Озеров, В. М.
Веселицкий (Веселитский), Гавриил Сергеевич—268.
Веселкин, Михаил Александрович—838.
Веселовские—798.
Ветергоф—847.
Ветлицкий (?)—806.
Ветошников, Павел Александрович—161, 165, 554, 564.
Виардо, Луи—58, 60, 377, 831, 853.
Виардо (рожд. Гарсиа), Полина—60, 348, 700, 807, 822, 830.
Виардо, семья—843.
Вико, Джованни-Баттиста—756.
Виктор-Эммануил II—416, 418, 829, 844, 847.
Виктория, королева—185, 187, 809, 827.
Вилле, Франсуа—817, 860.
Виллих, Аугуст—815, 820.
Вильбоа, Константин Петрович—733-34.
Вильгельм I—700-01.
Вильконская, Паулина—47.
Вильконский, Август—47.
Вильмен, Абель-Франсуа—809.
Виницкий, Давид Элиевич—107.
Винценгероде, Фердинанд Фердинандович—118.
Висковатов, иркутский купец—828.
Виснявский, М., польский эмигрант—486.
Витберг, Александр Лаврентьевич—743, 755, 757, 795-805, 860.
Витберг (в замуж. Голубева), Вера Александровна—755, 757, 802,804-06, 860.
Витберг, Виктор Александрович—805.
Витберг (рожд. Пузыревская), Евдокия (Авдотья) Викторовна—755, 757, 795, 799, 801-02, 804-05, 860.
Витберг, Лаврентий—805.
Витковицкий, Эразм—см.: Сумароков, Н.
Вихерский, Феликс—737-41.
Влад. (?), учительница—842.
Владимир Андреевич—см.: Озеров, В. М
Владимир Иванович—см.: Озеров, В. М.
Владимиров, Николай Львович—268.
Владимиров, Николай Михайлович—28, 33, 161, 564.
Водиняпина, знакомая Н. А. Тучковой-Огаревой—841.
Водо, Октавий Тобиевич—796-98.
Воейков, жандарм—124.
Волгин, студент, доносчик—613-14.
Волков, Юрий Александрович—772.
Волков—см.: Сазонов, Н. И.
Волков (цензор?)—784, 830.
Волконская (рожд. Белосельская-Белозерская), Зинаида Александровна—373-74.
Волконский, Александр Никитич—373-74.
Волконский, Петр Михайлович—805, 817, 822.
Волконский, Сергей Михайлович—587.
Волконский, Сергей Григорьевич—583, 587, 590, 828, 832, 845.
Воловский, Раймонд-Луи—640-41, 673.
Володарский, Иосиф Борисович—424.
Волохов, Данила—828.
Волховский, Феликс Вадимович—276.
Вольтер (Аруэ), де, Франсуа-Мари—92-93, 211, 243, 739, 810-11, 826, 839, 843.
Вольфзон, Вильгельм—309, 311, 327, 732-34.
Вормс, Николай Александрович (псевдоним—«Один из сосланных под надзор полиции»)—5, 48-54.
Вормс, мать Н. А. Вормса—48.
Вормс, отец Н. А. Вормса—48.
Воробьев, Сократ Максимович—807, 850-51.
Воробьев, врач—796-97.
Воробьев, бранд-майор—824.
Воронкова, Юлия Александровна—50, 52.
Воронов, Михаил Алексеевич—612.
Воронцов, Михаил Семенович—699.
Воронцовы—834.
Воротников, Павел Максимович—734.
Ворцель, Станислав-Габриэль—360, 485-86, 581, 820, 823-24.
Воскобойников, Николай Николаевич—428.
Воскресенский, Дмитрий Алексеевич—276.
Врангель, Н., издатель—574.
Вронченко, Федор Павлович—358-59, 817.
Врублевский, В(ладислав Францевич?), издатель—771-72, 775.
Всеволодский—см.: Всеволожский, Н. В.
Всеволожская, П. Н.—748-51.
Всеволожский, Никита Всеволодович—366-67, 369-70; см. также: В-кий, Н.
Всеволожский—749.
Вуд—819.
Вульпиан, Эдм-Феликс-Альфред—742.
Вурцбах, Альфред—83.
Вырлина, Александра—790-804.
Вырлина, сестра А. Вырлиной—797-98, 806.
Вырубов, Григорий Николаевич—55-60, 130, 284, 286, 291, 775, 840-41, 843-44, 848, 860.
Высоцкий, Иосиф—188, 835.
Вышнеградский, Николай Алексеевич—711.
Вяземский, Петр Андреевич—333-34, 587, 821, 824-26, 857.

Г. (?)—829, 851, 855.
Гааг, Луиза (Генриетта-Вильгельмина-Луиза) Ивановна—14, 94, 96, 100, 492, 500, 502-03, 792-804, 806, 808, 813-16, 851,860.
Габбе, Елизавета—747, 751.
Габриель (?)—851.
Габсбурги—828.
Гавирати—858.
Гаврилов (И. Г. Головин?)—820.

Гагарин, Иван Сергеевич—61-63, 464, 468-69, 473-74.
Гагарин, Павел Павлович—374, 728-29, 828, 831-32, 854.
Гагарин—753.
Гагарина, домовладелица—94.
Газон, мисс—855.
Гай, Людевит—809.
Гай, древнеримский юрист—821.
Гайдебуров, Павел Александрович—611.
Гайнау, Юлий-Якоб—99-100, 814.
Гакстгаузен, Август—40-42, 817, 840.
Галахов, Алексей Дмитриевич—809-10.
Галахов, Иван Павлович—64-68, 355, 778, 808-10, 812, 825, 849-50, 860.
Галахова, Элиза—см.: Боуэн, Э.
Галушка—800.
Гальтенгоф, Мария—821.
Гальтенгоф, сестра М. Гальтенгоф—821.
Гамбетта, Леон-Мишель—858.
Гамбуцци, Карло—771, 857.
Гандольфи, Дж.-Б.—445, 737, 741.
Ганеско, Грегори—664-65, 827.
Ганка, Вячеслав—830.
Ганусевич, студент—387, 825.
Ганьчеров—см.: Гончаров, О. С.
Гарибальди, Джузеппе—24, 48, 121, 266, 388-89, 391, 416, 418, 546, 592, 604, 629, 631, 650-51, 660, 773, 818-20, 830, 832-35, 837, 839, 841-42, 846-48, 860.
Гарибальди, Нини—843.
Гарибальди, г-жа—843.
Гарибальдиец—см.: Мечников, Л. И.
Гасфорд, Густав Христианович—845.
Гауг, Эрнст—816-19, 860.
Гацискій, Александр Серафимович—139.
Гашет, издатель—822, 826.
Гвалтерио, неаполитанский префект—841-42.
Гвоздев, Александр Александрович—694-95.
Гё, г-жа—746.
Гебель, Эмилия—798, 848.
Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих—203, 220, 362, 364, 502-03, 581, 807, 810, 817-18, 824, 836, 839-40, 844-45, 849.
Гедеонов, Александр Михайлович—381-82, 817, 825.
Гедеонов, знакомый М. Л. Огаревой—850.
Гедерштерн, Александр Карлович—380.
Гедерштрем—см.: Гедерштерн, А. К.
Гейне, Генрих—40, 196, 198, 214, 354, 808, 813.
Гейнцен, Петер-Карл—100, 814.
Гекслин (Геклен), Бертран дю—821.
Ген, Константин Александрович—262.
Генау—см.: Гайнау.
Гендель, Георг-Фридрих—731.
Генерал, конспиративное имя неизвестного лица—638, 640; см. также: Антон.
Георг, книгопродавец—141, 286, 290-91, 572, 752, 760.
Герасимов, Василий Герасимович—287-88.
Гербель, Николай Васильевич—836.
Гервард, знакомый М. А. Бакунина—846.
Гервег (в замуж. Paula-Souza), Адда—818, 851.
Гервег, Георг—99-100, 323-24, 496-500, 523-24, 538, 541, 744-45, 811-14, 816-19, 849, 851, 860.
Гервег, Горас—814, 816-18.
Гервег, Эмма—323, 497, 499, 538, 812-18, 851, 860.
Гергард, Вольфганг, книгоиздатель—835, 860.
Герд, Александр Яковлевич—611.
Герен, французский эмигрант—827.
Геродот—817.
Герольд, книгопродавец—406, 410.
Гертслетт, Л.—26, 29.
Герц, Генрих—795-96.
Герц, Карл Карлович—809.
Герцен, Александр Александрович—14, 16, 18, 23, 26-29, 36, 55, 58, 77, 94, 104, 154, 176, 180, 195, 282, 306, 377, 393, 447-52, 455, 546, 559, 626, 628, 634-35, 659, 691, 695, 740-42, 745-46, 761, 771, 786, 805-12, 814-17, 819, 821-22, 825, 830-31, 834, 836-38, 841-53, 855-57, 859-60.
Герцен, Александр Александрович (Тутс)—761, 841-42, 854-57, 859.
Герцен, Алексей Александрович (Леля-бой)—152, 164, 673, 679, 838-39, 841, 846, 853.
Герцен, Егор Иванович—793-801, 803-04, 808-09, 812, 815.
Герцен, Елена Александровна (Леля-герл)—152, 164, 673, 679, 838-39, 841, 846, 853.
Герцен, Елизавета Александровна (Лиза)—154, 264, 380, 437, 448, 452, 726, 745, 748-49, 761, 830, 838-48, 852-57, 859-60.
Герцен, Елизавета Александровна (Лика)—811.
Герцен, Наталья Александровна (рожд. Захарьина)—9, 12, 14, 17-21, 40, 44-45, 56, 58, 60, 66-68, 93-94, 97, 99-100, 324, 340, 519, 523, 533, 538, 541, 691, 698, 743, 755-57, 786, 792-819, 821, 823, 831-34, 839-41, 848-51, 854, 860.
Герцен, Наталья Александровна (Тата)—между 4—5, 104, 154, 157, 164, 204, 259, 262-64, 268, 271-72, 392-93, 448, 452, 588, 659, 696, 747, 749, 760-62, 772, 808-09, 811-12, 814-15, 820-21, 831, 834-36, 838-47, 851-60.
Герцен, Нелли Юльевна—между 4—5.
Герцен, Николай Александрович—492, 500, 502-03, 808-09, 811, 814-15.
Герцен (в замуж. Моно), Ольга Александровна—154, 259, 262, 264, 266, 268, 292, 588, 747, 761, 816, 819-20, 830-31, 835-36, 839-41, 843-47, 852-53, 855, 857, 859.
Герцен, Ольга Александровна (внучка)—860.
Герцен (рожд. Феличе), Терезина—455, 761, 855.
Герценвич, неустановленное лицо—392.
Гершензон, Михаил Осипович—6, 283, 466, 792, 849, 851-52.
Гесс, Моисей—813, 844, 860.
Гессен, Сергей Яковлевич—609.
Гёте, Иоганн-Вольфганг—97, 207, 350, 799, 805, 807, 813, 820, 832, 834, 842, 845, 849, 856, 863.
Гётсон, Шарлотта—841.
Гзель, учитель итальянского языка—817.
Гиероглифов, Александр Степанович—610.
Гижицкий, Евгений Казимирович—203-04, 253, 658, 660.

Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом—321, 494-95, 743, 818, 824, 831.
Гиллер, Агатон—578.
Гильдич, знакомый Герцена—664-65.
Гильмен, А.—812.
Гильом, Джемс—436, 460, 462, 520, 858-59.
Гильон, московский чиновник—826.
Гиляров-Платонов, Никита Петрович—829.
Гинс, Эжен—460.
Гиппиус, Евгений Владимирович—730-34.
Гирс, Николай Карлович—209.
Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова), Авдотья Павловна—479-80, 827-28, 860.
Глинка, Михаил Иванович—149, 309, 346, 734.
Глинка, Федор Николаевич—732.
Гнедич, Николай Иванович—780, 810.
Гогарт, Вильям—805.
Гогель, Николай Васильевич—618.
Гогенемзер, г-жа—818.
Гогенцоллерны—808.
Гогоберидзе, Виссарион Левонович—125, 611, 613-15.
Гогоберидзе, Давид—125.
Гоголь, Николай Васильевич—86, 141, 150, 326, 712, 715, 718, 723, 806, 809-10, 817, 822, 824-25, 827, 836, 847, 849, 852, 863.
Гокс, Эмилия—307, 821.
Голицын, Александр Федорович—421, 854.
Голицын, Дмитрий Владимирович—381-82.
Голицын, Леонид Михайлович—66-68.
Голицын, Николай Николаевич—436.
Голицын, Сергей Михайлович—374-75.
Голицын, Сергей Павлович—826, 828.
Голицын, Юрий Николаевич—806, 857.
Голицына (рожд. Толстая), Анна Матвеевна—67.
Голицына (рожд. Зайцева, по второму мужу Якоби), Варвара Александровна—129, 412, 631.
Голицына, Татьяна Васильевна—381.
Головачев, А.—829.
Головин, Иван Гаврилович—149, 324-25, 532, 534, 538-40, 543, 720-22, 725, 815, 817, 819-20, 833, 840, 844, 852, 860.
Головнин, Александр Васильевич—273, 360, 743, 831-32, 834-35, 854.
Голохвастов, Дмитрий Павлович—42-43, 45, 352, 799, 803-04, 812.
Голохвастов, Николай Павлович—352.
Голохвастов—838.
Голохвастова (рожд. Новосильцева), Надежда Владимировна, жена Д. П. Голохвастова—799.
Голохвастовы—352.
Голубев (Голубов), Константин Ефимович (подпись—Мужик)—275-78, 855, 860.
Голубев, Яков Иванович—757.
Голубин, Антип—568.
Голубков, Ермолай Тимофеевич—567-68.
Голубов, Константин Ефимович—см.: Голубев, К. Е.
Голынский, Александр Викентьевич—539, 840.
Гольденберг-Гетройтман, Лазарь Борисович—69, 442, 859-60.
Гольштейн, Владимир Августович—69.
Гольштейн-Готторпы—832.
Гонсеровский, владелец типографии в Иоганнесбурге—275.
Гончар—см.: Гончаров, О. С.
Гончаренко, Агапий (Андрей)—217, 737, 741,
Гончаренко, Алина—741.
Гончаров (Гончар, Ганьчеров), Осип Семенович—70-78, 166-67, 169, 172-74, 176, 178, 188, 192, 195, 199, 202, 210, 229, 234, 237, 240-41, 244, 246, 638, 640.
Гончаров, Софрон Осипович—72, 74.
Горанда, Леон—см.: Мечников, Л. И.
Гораций Флакк, Квинт—479-80.
Горбунов, Кирилл Антонович—21, 778, 809-10.
Гордон—837, 853.
Горский, Симеон—79-85.
Горчаков, Александр Михайлович—216, 325, 598, 829, 831, 835, 845.
Горчаков, Михаил Дмитриевич—827.
Горчаков—130.
Гото, Генрих-Густав—806.
Готшальк, Андреас—496-97.
Гофман, Карл Карлович—808, 830.
Гофман, Эрнст-Теодор-Амадей—571, 694-95, 788, 795.
Гофман—22.
Гофман и Кампе, книготорговая фирма—496, 813-14, 827.
Гофмейстер, швейцарский офицер—816.
Грабе, знакомый Герцена—838.
Грановская (рожд. Мюльгаузен), Елизавета Богдановна—39, 92, 99, 101, 325, 338, 340, 350, 743, 807-12, 814, 849, 860.
Грановский, Николай Тимофеевич—39.
Грановский, Тимофей Николаевич—6, 12, 37, 39-42, 44-45, 64, 66, 86-104, 316, 322, 326-28, 338, 340-41, 348-51, 355, 357, 496, 705-06, 712, 714, 775, 777, 792, 807-15, 818, 820-21, 825, 827, 835, 838, 842, 844-45, 847, 849-52, 857, 860.
Грековы—853.
Грессер, кузина Огарева—751.
Греч, Николай Иванович—309, 721, 723, 809, 822, 827.
Грибовские—154.
Грибовский (ошибочно Бутковский), Петр Михайлович—154, 333-34, 336, 344, 346, 360, 365, 743, 822.
Грибоедов, Александр Сергеевич—760.
Григорий Богослов—827.
Григорий, митрополит—763, 828.
Григорий VII, папа римский—480.
Григорий XVI, папа римский—474.
Григорий Дмитриевич, неустановленное лицо—748.
Григорович, Дмитрий Васильевич—825.
Григорьев, Аполлон Александрович—734.
Григорьев, Василий Васильевич—348-50, 355, 357, 361, 363-64, 743.
Григорьев, Евгений Дмитриевич—602.
Григорьев, Николай Алексеевич—836.
Григорян, Арам Рубенович—552.
Гризи, Джулия—849.
Гримм, Август-Теодор—825.
Гринвальд, Родион Егорович—826.
Гро, Жан-Батист-Луи—845.

Громека, Степан Степанович—6, 105-22, 394, 828, 832, 836, 860.
Громека, жена С. С. Громеки—122.
Гроссман, Леонид Петрович—791.
Губер, Эдуард Иванович—806-07.
Губонин—515.
Гудович, Андрей Иванович—374.
Гулевич (Зрачков), Михаил Семенович—5, 123-25, 614, 657, 660, 664, 667-74, 684, 854, 858, 860.
Гулевич, мать М. С. Гулевича—123.
Гумберт, принц пьемонтский—847.
Гумбольт, Александр—845, 849.
Гуно, Шарль—832.
Гурилев, Александр Львович—734.
Гуровский, Адам—737, 742.
Гурский, член Комитета польского земледельческого общества—488.
Гурьев, Дмитрий Николаевич—828, 831.
Гурьев, домовладелец—97.
Гюго, Виктор—470, 793, 796-99, 808, 821, 823-25, 827, 829, 836-837, 860.

Д. (?)—844.
Д-в—828.
Д-ридзи—860.
Давид, П.; банкир—833.
Давид, Фелисьен—849.
Давиташвили, Лео Шиович—264.
Давыдов, Денис Васильевич—235, 788.
Давыдов, Иван Иванович—810, 823.
Даль, Владимир Иванович—332-33.
Дамет, Клод-Мари-Анри—817-18.
Данилевский, Григорий Петрович—544-45.
Данич, Юлиан—485—86.
Данте, Алигьери—199, 483, 740, 797-98, 810, 821, 849, 853.
Дантон, Жорж-Жак—681, 857.
Дарашкевич, И., польский эмигрант—743.
Дарвин, Чарльз—445, 455.
Даримон, Альфред—522, 526.
Дарожинский, неустановленное лицо—834.
Дашкова (рожд. Воронцова), Екатерина Романовна—349-50, 823, 825, 827.
Дебрюкс—767.
Девиль, врач—336-37.
Дежерандо, г-жа—822.
Дейхман, полковник—847.
Деказ, Эли—584.
Декарт, Рене—544.
Дексбах, Мария—633-34, 646.
Дексбах, Ольга—633-34, 646.
Делаво (Ляво), Анри (ошибочно—Ипполит)—324-25, 328-30, 334, 337-38, 348-49, 351-52, 358, 360, 377, 744, 820, 822-23, 827, 830, 832.
Делеклюз, Шарль-Луи—534.
Дельпьер, родственник Трюбнера—840.
Делянов, Иван Давидович—608.
Дембинская, домовладелица—505.
Демидов Сан-Донато, Анатолий Николаевич—847.
Демонтович, Иосиф—846-47.
Демосфен—321.
Демулен, Камилл—842.
Денегри, Эмиль—см.: Мечников, Л. И.
Державин, Гавриил Романович—720.
Деспот-Зенович, Александр Иванович—831.
Дефрис, шкипер—845.
Джонс, Эрнст—821, 860.
Джунковский, Степан Степанович—836.
Дидро, Дени—45, 804, 857.
Диккенс, Чарльз—571, 825.
Диоген—206-07.
Диоклетиан—821.
Диффенбах, Иоганн-Фридрих—808, 850.
Дмитриев, Иван Иванович—800.
Дмитриев, Михаил Александрович—821, 833.
Дмитриев, фактор типографии—43.
Дмитриева (Тумановская), Елизавета Лукинична—462, 625.
Дмитриев-Мамонов, Эммануил Александрович—323.
Дмитрий Ростовский—827.
Добровольский, В.—737, 742.
Добролюбов, Николай Александрович—55, 105, 108, 161, 325, 413-14, 416, 420, 431, 512, 545, 550, 571, 710-12, 715, 730, 771, 847.
Долгорукий, Илья Александрович—836.
Долгорукий—852.
Долгоруков, Василий Андреевич—106, 115, 118, 120, 374, 379, 385, 823, 825, 828, 832, 835-36, 845.
Долгоруков (de Naveau), Владимир Петрович—126-132, 761.
Долгоруков, Петр Владимирович—23-24, 35-36, 77-78, 126-32, 173, 178, 184, 216, 218, 411, 464, 528, 530, 543-45, 583, 590, 631-32, 651, 659-60, 687, 700-01, 738-39, 752-53, 761, 830-31, 833-35, 837-38, 841-42, 847, 855, 860.
Долин, Филипп, комиссионер—72-74.
Долматов, содержатель пансиона—729.
Долотова, Аполлинария Михайловна—281-82, 582, 781-84.
Доманже, Жозеф—820.
Домбровская, Пелагея—433-34, 840.
Домбровский, Ярослав—433-34, 436-37, 457-58, 460, 462, 840, 856, 860.
Домогальский, Михаил—485-86.
Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович—832.
Донозо-Кортес, Хуан-Франциско-Мария де ла Солуд—491, 813.
Дорошенко, Петр—828.
Достоевский, Михаил Михайлович—187, 720, 722.
Достоевский, Федор Михайлович—187, 607, 628, 630-31, 699, 719-20, 722, 791, 809-10, 845.
Драгоманов, Михаил Петрович—6, 109, 112, 318-19, 364, 369-70, 385, 771-76, 781, 784, 786, 788, 792, 856, 858.
Драшусов, Александр Николаевич—829.
Дрентельн, Александр Романович—835.
Дренякин, Александр Максимович—118, 422, 773, 835.
Дружинин, Александр Васильевич—350, 822-23.
Дружинин, Николай Михайлович—68, 362.
Дубельт, Леонтий Васильевич—312, 324-25, 380, 382, 817-18, 821, 825, 828.
Дубельт, жена Л. В. Дубельта—380.

Дубовиков, Алексей Николаевич—140-48, 517-19, 699-701.
Дубровин—см.: Бейдеман, М. С.
Дукельский, Владимир—125.
Дукшта-Дукшинский, Гавриил Рафаилович—826.
Дульфус, барон—833, 860.
Духинский, Франциск—576, 578, 580.
Дыбовский, А. Н.—485-86.
Дьяков, Александр Николаевич—806.
Дьяков, Вячеслав Михайлович—287-89.
Дьякова (рожд. Бакунина), Варвара Александровна—806.
Дюбюк, Александр Иванович—734.
Дюве (?)—800.
Дюма-отец, Александр—505, 827.
Дюмениль, Альфред—817, 834.
Дюмениль (рожд. Мишле), жена А. Дюмениля—817.
Дюпон, Эжен—858.
Дюпре, м-ль—838.
Дюфур, Александр—798-803.
Дюшень, Жорж—349, 817.

Евреинов, Дмитрий Павлович—614.
Евтушевский, Василий Адрианович—125.
Едличка, Алоиз Вячеславович—734.
Езерский, Степан Венедиктович—276, 278, 280.
Езерский, брат С. В. Езерского—278.
Екатерина II—116, 595, 739, 818, 826-28, 832.
Елагин, Николай Васильевич—110-11, 821, 823, 828, 835.
Елена, горничная Н. А. Захарьиной—802-04.
Елена Павловна, в. к.—831.
Елизавета, горничная Н. А. Тучковой-Огаревой—843.
Елисеев, Григорий Захарович—273, 613.
Еловицкий, польский эмигрант—576.
Елпатьевский, Сергей Яковлевич—433, 435.
Ельжановский, Северин—833.
Епифанов, Василий—317.
Ермолов, Петр Дмитриевич—51, 53.
Ефимович, генерал—508.
Ефремов, Александр Павлович—810.
Ешевский, Степан Васильевич—580, 825, 830, 833-34.

Жабицкий, Антон—200, 210-11, 486, 578.
Жан—см.: Озеров, В. М.
Жданов, Владимир Викторович—712.
Железнов, Михаил Иванович—737, 742.
Желиговский, Эдуард—832.
Желтухин, Алексей Дмитриевич—527, 828, 850.
Желудков—см.: Кельсиев, В. И.
Желудкова (в замуж. Кельсиева), мать В. И. и И. И. Кельсиевых—214, 854.
Жеманов, Семен Яковлевич—130, 726-29, 775, 858.
Жемчужников, Аполлон Аполлонович—840.
Жемчужников, Михаил Николаевич—110, 114, 828-29.
Жемчужников—853.
Жемчужникова, Надежда Дмитриевна—751, 840.
Жеребцов, Николай Арсеньевич—544-45.
Живко, польский эмигрант—441.
Жильбер—393.
Жирарден, де, Эмиль—524, 526, 537-38.
Жихарев, Михаил Иванович—63.
Жихарев, Степан Петрович—273, 290.
Жоз. (?)—859.
Жон. (?)—853.
Жорж—850.
Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван)—152, 352, 464, 479, 594, 807, 809, 828.
Жук, Александр Антонович—614.
Жуков, Илья Григорьевич—616-18.
Жуковская (рожд. Зиновьева), Ада Степановна—138-39, 775, 857-58.
Жуковский, Василий Андреевич—142-43, 479-80, 721, 723, 799, 801-02.
Жуковский, Николай Иванович—5, 133-39, 166, 254, 622, 674, 684-85, 690, 754, 773, 775, 846, 853, 856-60.
Жуковский, майор—78, 178, 180, 194, 200, 203, 211, 212, 238, 246-47, 253.
Жюль, слуга Герцена—635-36.

Забелло, Пармен Петрович—295.
Заблоцкий—441.
Заборовский, Константин—175, 179-80, 186, 188.
Завадский, книгопродавец—828.
Завалишин, Дмитрий Иринархович—845.
Завалишин, Ипполит Иринархович—845.
Загорский, Жан—141 (J. Zagorsky), 858.
Задаево-Кошанский, Иван Власьевич—826.
Заичневский, Петр Григорьевич—239, 247-48, 250, 614-15, 626, 702-03.
Зайцев, Варфоломей Александрович—551, 766, 859-60.
Зайцев, Трофим Ермолаевич—287-88.
Закревская, Лидия Арсеньевна—827-28.
Закревский, Арсений Андреевич—312, 346, 356, 369-70, 372, 374, 381, 823-24, 825, 827-28.
Зальцман, Игнаций—824.
Замойский, Андрей—172, 178, 854.
Замойский, Владислав—170, 174, 178.
Замойский, сын А. Замойского—854.
Запасник, Александр (?)—832.
Запольский, генерал—845.
Заславский, Давид Иосифович—591-603.
Застенкер, Наум Ефимович—522-45.
Захарьин, Григорий Антонович—69.
Захарьин, Н. Н.—см.: Черняк, Я. З.
Захарьин, Петр Александрович—796-97, 806, 830.
Захарьин (Якунин), Иван Николаевич—124.
Захарьина (в замуж. Селина), Екатерина Александровна—796, 806.
Захарьина, Наталья Александровна—см.: Герцен, Н. А.
Зверев, И.—253.
Звонарев, Семен Васильевич—612.
Зеленский, врач—838.
Зеленый, Александр Сергеевич—325.
Зенькович, А.—833, 860.
Зиновьев, (?) Степанович—136, 138-39.
Золотов, Василий Андреевич—240, 249.
Зольгер, Рейнгольд—846.

Зонненберг, Карл Иванович—478, 480, 758, 794, 811
Зотов, Владимир Рафаилович—6, 140-48.
Зрачков—см.: Гулевич, М. С.
Зубков—744.
Зубчанинов, А. И., художник—511.
Зульцер—821.
Зуров, Елпидифор Антиохович—807.

И. (I), венгерский генерал-эмигрант—826.
И. Ж.—см.: Кельсиев, В. И.
И., Изд., подписи А. И. Герцена—329.
И. Н.—см.: Утин, Н. И.
И. С.—см.: Тургенев, И. С.
И. Т.—см.: Тургенев, И. С.
Иван III—757.
Иван IV (Грозный)—277, 544, 810, 832, 838.
Иван Антонович (Иван VI)—828.
Иваницкий, Наполеон-Казимир—838.
Иванов, Александр Андреевич—155, 823, 825, 860.
Иванов, Дмитрий, старообрядец—246.
Иванов, Дмитрий Львович—51, 53.
Иванов, Федор Васильевич—568.
Иванов—215.
Иванов—533.
Иванов, знакомый Н. А. Герцен—795.
Иванов-Желудков—см.: Кельсиев, В. И.
Иванчин-Писарев, Александр Иванович—288, 292.
Ивашева, Вера Васильевна—см.: Черкесова, В. В.
Игнатьев, Николай Павлович—210-11, 772, 845.
Игнатьев, Павел Николаевич—106, 110, 114, 355-57, 372, 825-26, 828.
Игнатьев—837.
Ида (?)—839.
Иерта—847.
Ижица—см.: Мельгунов, Н. А.
Извольский, Петр Александрович—828, 831.
Издебский, Станислав Ромуальдович—635-36.
ий—ъ (подпись Н. П. Огарева?)—823.
Ильин—767.
Ильинский, Андрей—222.
Илья, священник—196.
Иннокентий, архиепископ херсонский—718-19.
Иннокентий Богослов (Иван Алексеевич Борисов)—827.
Иноземцев, Федор Иванович—824.
Иоанн Златоуст, архиепископ—827.
Иованович, Владимир—658, 660.
Иоганнис, Адриан—748.
Иогансон, издатель—734.
Иордан, Владислав—76, 170, 175-76, 178-79, 185, 187-88, 847.
Иордан, Сигизмунд—253.
Иосиф II—818, 841.
Иост, Исаак-Марк—763.
Иоффе, Марк Львович—671.
Исаков, Николай Васильевич—826.
Исарлов, Яков—125.
Истрин, Василий Михайлович—722.
Ишимова, Александра Осиповна—698.
Ишутин, Николай Андреевич—49, 51-52, 138, 276, 434.
К., ссыльный поляк—561, 564, 567.
К. Г.—см.: Голубев, К. Е.
К. О., корреспондент «Колокола»—114.
Кабе, Этьен—592, 724-25, 817-18, 849.
Каблуковы—806.
Кавелин, Константин Дмитриевич—6, 40, 41-44, 90, 93-94, 102, 108, 122, 308, 316-19, 328-29, 334, 355, 357-58, 367-68, 372, 376-77, 385-87, 528, 580, 587, 608, 763, 777, 781, 792, 809-12, 814-15, 821-37, 841-49, 852-53, 860.
Кавелина (рожд. Корш), Антонина Федоровна—41-42, 811, 835.
Кавелина, Софья Константиновна—835.
Кавеньяк, Годфруа—524.
Кавур, Камилло-Бензоди—48, 304, 544, 832, 847.
Кадэ, французский эмигрант—823.
Казакли—см.: Кельсиев, В. И.
Казимирская, Александра Ильинична—805.
Кайданов, Иван Кузьмич—839.
Калайдович, Петр Федорович—809.
Калачев, Николай Васильевич—842.
Калинка, Валериан—172, 178, 847.
Калиновский, Балтазар Фомич—836.
Калиновский, врач—838.
Каменецкий, Тит Алексеевич—839.
Каменский, Гавриил—451.
Кампе—см.: Гофман и Кампе, книготорговая фирма.
Кан, знакомый Герцена—856.
Канн-Новикова, Елизавета Исааковна—149-59.
Кант, Иммануил—807, 810, 818, 835, 855.
Кантемир, Антиох Дмитриевич—720.
Кантор, Рувим Моисеевич—69, 132, 440, 460, 752.
Капп, Фридрих—813-14, 846.
Каппель, Андрей Федорович—806.
Каппель, Софья Федоровна—805-06.
Капустин, Михаил Николаевич—370, 372, 833.
Капустина—513, 516.
Каразин, Василий Назарович—584.
Каракалла, имп.—821.
Каракозов, Дмитрий Владимирович—49, 51-52, 126, 130, 136, 214, 264-265, 274, 276, 286, 433-34, 520, 679, 682, 685, 739, 775, 840, 847, 855.
Карамзин, Николай Михайлович—350, 810, 818, 839, 842.
Кард, знакомый М. А. Бакунина—846.
Карл I—828.
Карл X—703.
Карл-Альберт—68.
Карл Великий—817.
Карлейль, Томас—470, 818, 820, 860.
Карлье, Пьер-Шарль—717-719, 813-14.
Карпенко, Степан Данилович—734.
Карпов, Василий Дмитриевич—845.
Карташевский, Александр Григорьевич—848.
Карцов—340, 344-45, 743.
Касаткин, Виктор Иванович—28, 128-29, 161, 395, 412, 548-51, 556, 657-60, 662, 664, 667-74, 678-79, 836-37, 847, 853, 860.
Касаткина, Елизавета Ал.—550.
Касинов (здесь Касьянов), Егор Александрович—112, 828.

Катан, чиновник—805.
Катилина, Луций Сервий—500, 502, 821.
Катков, Михаил Никифорович—6, 49, 106, 108, 120, 122, 157, 177, 180, 183, 211, 215-16, 228, 248, 250, 262, 361, 371-72, 388, 400, 404, 408-11, 632-34, 636, 641, 676, 739-40, 765, 807, 831-32, 834, 837, 840-43, 847-49, 860.
Каткова, М., родственница М. Н. Каткова—739.
Катон младший—649.
Кафиеро, Карло—860.
Кашин, Николай Иванович—831.
Кашкин, Николай Сергеевич—714, 820.
Кашперов, Андрей Владимирович—154.
Кашперов, Владимир Никитич—149-159, 333-34, 418, 428, 822.
Кашперова (рожд. Бекетова), Адель Николаевна—150-51, 154, 158.
Кашперова, Наталья Владимировна—150-51.
Квадрио, Маурицио—306, 813, 830, 843, 848, 856-57, 860.
Квантэн, Э.-Ф.—626, 628, 635-36, 639, 847.
Кветон—670, 673.
Квятковские—847, 859.
Квятковский, Ксаверий Васильевич—845.
Келли, книгопродавец—472.
Кельсиев, Василий Иванович (псевдонимы: В. К.; Вадим; И. Ж.; Желудков; Иванов-Желудков; Казакли; Приславлев; конспиративное имя—Василий Яни)—5, 23-30, 33, 35-36, 70-72, 75-78, 134, 136, 138, 142, 146, 159-220, 222-23, 226-29, 234-38, 248-56, 258-59, 268, 275, 554, 638, 650, 836-37, 842-43, 846-47, 856.
Кельсиев, Иван Васильевич—164, 206.
Кельсиев, Иван Иванович (конспиративное имя—Иван Яни)—5-6, 36, 78, 162, 164, 167-68, 178, 180, 186-88, 190, 192-93, 195-96, 201-04, 208, 219-58, 620, 626, 638, 640, 649-50, 655-56, 658, 660, 667, 854.
Кельсиева (рожд. Щербакова), Варвара Тимофеевна—27-29, 158, 162, 164, 167, 178, 186-87, 190, 192, 195-96, 200, 203-07, 217, 219, 222-23, 251, 253-58, 846.
Кельсиева, Мария Васильевна (Малуша)—162, 164, 187, 192-93, 195, 200, 204, 206, 223, 253-55.
Кеменова, Зинаида Васильевна—791-92.
Кени (рожд. Галахова), Мария Павловна—808-09.
Кёниг, Генрих-Иозеф—309, 319, 378.
Кеплер, Иоганн—824.
Кеппен, Петр Иванович—309.
Кератри, Эмиль—58, 60.
Кердеруа, Эрнест—819-20, 860.
Керн (рожд. Полторацкая, по второму мужу Маркова-Виноградская), Анна Петровна—123.
Керру, г-жа—808.
Кетлер, комиссионер—836.
Кетчер, Николай Христофорович—12, 19, 21, 87, 90, 98, 101, 104, 340-42, 368, 532, 697, 712, 754-55, 778, 786-88, 802-04, 806-10, 812, 823-24, 837, 848-49, 852, 860.
Кетчер, Серафима Николаевна—807. 852.
Кетчер, Яков Яковлевич—808.
Кетчер, брат Н. Х. Кетчера—809.
Килевейн (агент III Отделения?)—836.
Кинаревич (Кинерович)—см.: Языков, М. А.
Киндяков, Петр—52, 54.
Кинэ, Эдгар—817, 821, 823, 829, 839-40, 843-44, 847, 849, 860.
Кинэ, г-жа—844.
Киреев, Александр Алексеевич—513.
Киреев, статский советник—850.
Киреевский, Иван Васильевич—308, 474, 825, 848.
Киреевский, Петр Васильевич—308, 825, 848.
Кирилл (Киприан Тимофеев), архимандрит—161, 165, 169, 174, 178, 184-86, 216.
Кирпичников, Александр Иванович—308.
Кирхенрат—745.
Киселев, Василий Александрович—157.
Киселев, Николай Дмитриевич—718-19, 841.
Киселев, Петр Дмитриевич—326, 328-29, 361-62, 366, 699, 845.
Кисловский, чиновник министерства народного просвещения—826.
Киснен—832.
Клавдий, имп.—821.
Клапаред, Эдуард—841.
Клапка, Георг—826, 847, 860.
Классен, книгопродавец—739-40.
Клевенский, Митрофан Михайлович—30, 141, 165, 179, 216, 223, 402, 584, 640.
Клевенский, чиновник—381-82.
Клейнмихель, Петр Андреевич—763, 805, 824, 828, 838.
Клеман, Михаил Карлович—296.
Кленк, каррикатурист—455.
Клиентова (в замуж. Лаврова), Александра Григорьевна—793, 796-98, 800, 802-04.
Клиссон, де, Оливье—821.
Клоотс, Жан-Батист—813.
Клыков, художник—849-70.
Ключарев, Григорий Иванович—803, 805.
Ключарев, Михаил Иванович—842.
Ключарев, Павел Сергеевич—797, 801, 804.
Ключарева, Татьяна Ивановна—797.
Клюшников, Владимир Петрович—52.
Кноббе, агент III Отделения—847.
Кнюзебек, федеральный советник—858.
Княжевич, Александр Максимович—828, 831.
Княжнин, Яков Борисович—839.
Кобден, Ричард—174, 179, 660.
Ковалевская, Софья Васильевна—269, 840.
Ковалевский, Александр Онуфриевич—269.
Ковалевский, Владимир Онуфриевич—5, 27, 29, 33, 259-273, 632, 704, 708-09, 775, 836, 840.
Ковалевский, Евграф Петрович—824-25.
Ковалевский, Егор Петрович—590.
Ковалевский, Павел Михайлович—377, 830.
Ковалевский—265.
Ковалинский, Франц Ильич—125.
Ковальская (рожд. Солнцева), Елизавета Николаевна—445.

Ковальский, Яков Игнатьевич—444-45.
Кожанчиков, Дмитрий Ефимович—263, 273, 385, 836.
Кожевников, Матвей Львович—828.
Кожина, знакомая Герцена в Вятке—806.
Козенц, Энрико—817-18.
Козерадзский, прапорщик—175, 179.
Козлов, Алексей Александрович—836-37.
Козлов, Иван Иванович—22, 800-01, 803, 836.
Козловская, танцовщица—489.
Козлянинов, Петр Федорович—833.
Козниун, Адам—486.
Козодоев—830.
Козьмин, Борис Павлович—29, 48-54, 69, 123-25, 186, 220, 254, 262, 264, 388-96, 422, 520-22, 527, 548-51, 605-90, 791-92, 829.
Коковцев, Александр Николаевич—139.
Кокорев, Василий Александрович—372, 828.
Колачевский, Андрей Николаевич—52, 54.
Колачек, Адольф—814, 816.
Колбасин, Елисей Яковлевич—822, 828, 830.
Колбасины, братья—834.
Колиньи, полицейский—834.
Кологривов, Василий Алексеевич—152-53.
Колошин, Петр (?) Павел (?) Иванович—836.
Колумб, Христофор—850.
Кольб, историк—860.
Кольбран, певица—156.
Кольцов, Алексей Васильевич—326, 328, 810, 820.
Комаров—337-38.
Комарова—748.
Комиссаров, Осип Иванович—214, 847.
Коммод, имп.—821.
«Коммунар», неустановленное лицо—859.
Кондорсе, Антуан-Николя—855.
Кондратьев, Геннадий Петрович—152-53.
Коненков, Сергей Тимофеевич—251, 577.
Кони, Федор Алексеевич—810.
Консидеран, Виктор—137, 534, 848.
Констан, Бенжамен—824.
Константин, имп.—821.
Константин Николаевич, в. к.—130, 217, 373-74, 433, 456, 775, 782, 818, 820, 823, 828, 831-32, 836, 838, 845.
Константин Павлович, в. к.—828.
Конт, Огюст—57, 787, 840, 844, 849-50, 856-57.
Кораушев, М., старообрядец—186.
Коницко, Мария (?)—795.
Коркунова (в замуж. Манасеина), Мария Михайловна—613.
Корнев, Степан—см.: Озеров, В. М.
Корнель, Пьер—375.
Корнилов, Александр Алексеевич—804-05.
Корнилова (рожд. Толстая), Софья Дмитриевна—804-05.
Корсаков, Михаил Семенович—567, 828, 831, 845.
Корсаков, генерал—838.
Корсини, Наталья Иеронимовна—см.: Утина, Н. И.
Корф, Модест Андреевич—109-10, 112, 306, 355, 368-69, 374, 381, 385, 584, 667, 822, 824-25.
Корш, Валентин Федорович—40, 58, 60.
Корш, Евгений Федорович—12, 41-45, 87, 90, 92-94, 98, 346, 361, 370-73, 712, 777, 808-12, 825, 845, 849, 852, 860.
Корш, Мария Федоровна—12, 14, 40, 44-46, 67, 93-94, 98, 325, 362-63, 743-44, 808-12, 823, 850-51, 860.
Корш (рожд. Рейссиг), Софья Карловна—803-09.
Корш, Федор Евгеньевич—809, 850.
Корши—40, 808.
Коссидьер, Марк—823.
Коссиловский, Иосиф—172, 178, 846.
Коссовский, Владислав—618.
Кост, Жан-Виктор—849.
Кост, Л., врач—737, 742.
Костомаров, Всеволод Дмитриевич—51,53.
Костомаров, Николай Иванович—108, 122, 394, 580, 610, 614, 692, 828, 832, 860.
Кострова, Мария Ивановна—504-505.
Костюшко, Тадеуш-Андрей—484.
Котби, участник лионского восстания—858.
Котошихин, Григорий Карпович—811, 815.
Кох, знакомая Гервега—816.
Кохановская, псевдоним Н.С.Соханской—853.
Кочубей, Лев Викторович—824.
Кочубей—831.
Кошелев, Александр Иванович (подпись—N. N.)—6, 308, 321, 353, 356, 368, 382, 527, 812, 827-28, 860.
Кошелев, Андрей Родионович—805.
Кошут, Лайош—818-19, 821, 823, 829, 860.
Кошуты, семья—852.
Кравчинский, Сергей Михайлович (псевдоним—Степняк-Кравчинский)—292,457.
Краевский, Андрей Александрович—105-06, 140-42, 336-37, 350, 352, 361, 363-68, 538, 651, 720, 777-78, 787 (Краежский), 808-10, 829, 841.
Краевский, генерал-майор—766-67.
Красноперцев, Петр Иванович—164.
Красноперов, Иван Маркович—729.
Красовский, Юрий Александрович—61, 284.
Крашевский, Юзеф—576-77.
Крейц, Генрих Киприанович—257.
Кремер, статский советник—852.
Крестьянин Безродный, псевдоним неизвестного лица—657.
Кржижановский, Северин—833.
Кривский—749.
Криге, Герман—592, 594.
Криль, Александр Александрович—5, 138, 274-80.
Кронеберг, Андрей Иванович—810.
Кропоткин, Петр Алексеевич—289, 292, 435.
Крузе, Николай Федорович—385, 824, 832.
Крузенштерн, Иван Федорович—845.
Крупитин, Ак.—737, 743.
Крылов, Иван Андреевич—143, 550, 796, 823, 839, 856.
Крылов, Никита Иванович—14, 43-44, 93, 361, 363, 787, 808, 810, 825.
Крылова (рожд. Корш), Любовь Федоровна—811.

Крюков, Дмитрий Львович—786, 808, 849, 860.
Крюкова, цюрихская студентка—766.
Ксенофонт—818.
Кудрявцев, Петр Николаевич—341, 705-06, 810, 825.
Кудрявцев—202.
Кузен, Виктор—321.
Кузнецов, Петр Иванович—567-68.
Кукель, Болеслав Казимирович—828.
Кулиш, Пантелеймон Александрович—356, 384.
Курбский, Андрей Михайлович—386, 825.
Курочкин, Василий Степанович—615, 660, 687, 767.
Курочкин, Николай Степанович—516, 657, 660.
Курута, Иван Эммануилович—757, 805-06.
Курута, Юлия Федоровна—691, 805-06.
Курхбергер, издатель—752.
Кутузов, Михаил Илларионович—810.
Кучин, Алексей Михайлович—806.
Кучина, Татьяна Петровна—см.: Пассек, Т. П.
Кушелев, Григорий Александрович—835.
Кюстин, де, Адольф—827.
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович—822, 845.
Кюхельбекер, Михаил Карлович—844.

Л. (?)—855.
Л., г-жа—855.
Лабри, Рауль—526.
Лаврентьев, Леонид Иванович—281-82.
Лавров, Петр Лаврович—5, 29, 69, 130, 274, 283-96, 433, 436-37, 452-54, 456-62, 508, 514, 516, 520, 591, 610, 612, 620, 624, 711, 824, 860.
Лавров, есаул—831.
Лажечников, Иван Иванович—334.
Лазаревич, С., капитан парохода—786-87, 829, 860.
Лакруа, книгоиздатель—406, 651.
Ламанский, Сергей Иванович—266, 268-70, 611.
Ламартин, Альфонс—348, 832, 841, 849, 859.
Ламенне, Гюг-Фелисите-Робер—292, 464, 484, 853.
Ламлей (Lumley), Дж. С.—26, 29.
Лангевич, Мариан—837, 846.
Ландау, Рудольф—837.
Ланкевич, Валенс—458, 460, 858.
Ланский, Леонид Рафаилович—79-85, 273, 304-07, 737-68.
Ланской 2-й, Петр Петрович—436.
Ланской, Сергей Степанович—116, 118, 120, 217, 355, 357, 370, 373-74, 387, 763, 825-26, 828-29, 832.
Лапинский, Теофиль—187-88, 389, 635, 773, 846.
Лаский (Лаской?)—188.
Лафонтен, де, Жан—857.
Лебедь, Гавриил Васильевич—198-99.
Левандовский, полковник—562, 564-65, 567-68.
Левашева (рожд. Решетова), Екатерина Гавриловна—804.
Левашов, Василий Николаевич—138-39.
Левашов, граф—763.
Левашова (рожд. Зиновьева), Ольга Степановна—136, 138-39, 625, 775, 859.
Леве фон Кольбе—817.
Левестам—227, 240, 249, 253.
Леви, Мишель, издатель—822.
Левин, Шнеер Менделевич—283-96.
Левицкий, Иван Андреевич—839.
Левицкий, Сергей Львович—793, 796-97, 802, 838.
Леврие, г-жа—747, 749-51.
Ледрю-Роллен, Александр-Огюст—307, 534, 818, 821, 823, 829, 860.
Лейбниц, Готфрид-Вильгельм—544.
Лелевель, Иоахим—832.
Лемке, Михаил Константинович—28, 33, 36, 100, 102, 141, 161, 165, 168, 217, 264, 319, 338, 360, 375, 382, 406, 416, 420-24, 426-29, 522, 554-55, 561-62, 610, 613, 640, 690-91, 699, 702, 712, 771, 792, 796, 798, 801, 807-09, 811-54, 856-57, 859.
Ленг, оружейник—822-23.
Ленин, Владимир Ильич—38, 86, 148, 415, 420, 506, 530, 593-94, 647, 727.
Леонов (Шарпантье), Леон Иванович (Джонович)—152-53.
Леонтьев, Павел Михайлович—361, 825.
Леопарди, Джакомо—540.
Лепарский, Станислав Романович—845.
Лермонтов, Михаил Юрьевич—61-62, 150, 346-47, 453, 646, 788, 806, 817, 820-21, 849-50, 863.
Леру, Пьер—807, 818.
Лесков, Николай Семенович (псевдоним—Стебницкий)—52.
Лерхе, Эдуард Васильевич—694-95.
Лестби, доктор—823.
Летунов (Lichonoff), Иван Захарович—797, 800.
Лещинский, чиновник—841.
Либих, Юстус—377.
Либский, помещик—616.
Ливчак, Иосиф Николаевич—143, 148.
Лидерс, Александр Николаевич—838.
Линдберг, вахтмейстер выборгской тюрьмы—396.
Линдегер, знакомый Огарева и Бакунина—858.
Линдфорс, А.—506.
Линев, Александр Логинович—285-86.
Линкольн, Авраам—598.
Линтон, Вильям—325, 820.
Липперт, Карл-Роберт—363, 542-43.
Липранди, Иван Петрович—363, 823, 836, 860.
Литтре, Эмиль—55-57, 841, 849.
Литтре, отец—58.
Литунов, Иван Захарович—см.: Летунов, И. З.
Лобанов, Василий Васильевич—614.
Лобанов-Ростовский—828.
Лозинский, Мелентий Платонович—5, 297-99, 511-12.
Лозинский, Михаил Леонидович—483.
Локк, Джон—835.
Ломоносов, Михаил Васильевич—720, 836.
Лонгинов, Михаил Николаевич—830.
Лопатин, Герман Александрович—437, 454.

Лопухин, Иван Владимирович—114, 840.
Лордкипанидзе, Кирилл Бетанович—125.
Лохвицкий, Александр Владимирович—832.
Лугинин, Владимир Федорович—56-58, 606, 631, 773, 775, 784, 834-37, 847, 853, 859.
Лугинин, Федор Николаевич—56.
Лужин, Иван Дмитриевич—824.
Луи-Наполеон—см.: Наполеон III.
Луи-Филипп—94, 818, 833.
Лукасинский, Валериан—833.
Лукиан—817.
Лунин, Михаил Сергеевич—590, 632, 832.
Львов, Алексей Федорович—333-34.
Львов, Федор Николаевич—719, 831, 845.
Львов, помещик—833.
Львова-Львицкая (в замуж. Поленова), Софья Львовна—275, 797, 802.
Львович, Г. Ф., издатель—781.
Любавин, Николай Николаевич—774-75, 857-58.
Любатович (в замуж. Осташкина), Вера Спиридоновна—441.
Людвиг (?)—850.
Людовик XIV—817, 824, 826, 832, 838.
Людовик XVI—186, 684, 828.
Людовик XVIII—703.
Лютер, Мартин—824.
Лютославский, Франтишек—485.
Ляво—см.: Делаво, А.
Лядов, Анатолий Константинович—152.
Лядов, Константин Николаевич—152.
Ляк, дю—859.
Ларошфуко, де, Франсуа—818.
Лясковский, Николай Эрастович—12, 14.
Ляцкий, Евгений Александрович—780, 792.

М.—см.: Мечников, Л. И.
М. Б., знакомая Н. М. Сатина—849.
М. О. (?)—853.
М-ский, А.—см.: Малышинский, А. П.
Магомет—208, 518, 827.
Мадье де Монжо—532, 534.
Маевский, Павел Петрович—434.
Маер, врач—см.: Майер, Н. В.
Мазад, Шарль—835.
Мазон, Андрэ—см.: Mazon, A.
Мазуркевич, Леон—846.
Майер (Маер), Николай Васильевич—807, 840.
Майков, Аполлон Николаевич—607, 710, 810, 850.
Майков, Валериан Николаевич—710.
Макаров, Анатолий Н.—611.
Макаров, Николай Яковлевич—302.
Макашина, Мария Степановна—793, 795-804.
Макиавелли, Никколо—739, 828.
Маклаков—758.
Малинин, Орест Владимирович—50, 52.
Малиновская, родственница Е. Р. Дашковой—350.
Малиновский, С.—833, 860.
Малозевский, Андрей—486.
Мадон, Бенуа—859.
Мальчинский, Н.—450-51, 775, 847.
Мальшинский, Аркадий Павлович—109, 451.
Мандельштам, Лидия Сергеевна—791-861.
Мандельштам, Роза Семеновна—791-861.
Мандеринтролен (?), шведский министр—847.
Мандзони, Алессандро—352.
Мандт, Мартын Мартынович—828.
Марат, Жан-Поль—342.
Мари, неустановленное лицо—850.
Марий—798, 821.
Марихен, неустановленное лицо—850.
Мария Александровна, в. к.—509, 513, 767, 847.
Мария Александровна, имп.—826, 828, 853.
Маркато, швейцарский офицер—817-18.
Марко Вовчок—см.: Маркович, М. А.
Маркович (рожд. Вилинская), Мария Александровна (псевдоним—Марко Вовчок)—273, 300-03, 784, 830-31, 853.
Марковичи, семья М. А. Маркович—302, 830.
Маркс, Карл—437, 460, 462, 468, 497, 524, 527, 534, 592-96, 625, 690, 758, 809, 813, 844, 849, 857, 859.
Маркс, Максимилиан Осипович—434.
Маркс, сестры, книготорговая фирма—364-68, 824.
Мармье, Ксавье—346-48, 377.
Марраст, Арман—45-46.
Марсолан де Мюдлер—738.
Мартен, Бон-Луи-Анри—580-81.
Мартинс, знакомый Н. А. Тучковой-Огаревой—838.
Мартиньяк, Жан-Батист—584.
Мартьянов, Петр Алексеевич—134, 138, 171-72, 203, 400, 638-40, 680, 834-35, 838, 847, 853, 860.
Маршев, Иван Иванович—97-99.
Масальский, прудонист—817-18.
Масленников, Иван Михайлович—743.
Масловский, Л.—737, 743.
Матвей Савельевич, слуга Герцена—802-04, 806, 827.
Матильда, конспиративное имя неизвестного лица—638, 640.
Маттеи, учительница немецкого языка Н. А. Захарьиной—795, 798-99, 802-03.
Матье, Пьер-Анри—818.
Матэ, Василий Васильевич—713.
Матюшин, Иван Иванович—77.
Мадцини, Джузеппе—174, 178, 304-07, 491, 494, 496-97, 552, 561, 631, 651, 660, 813, 816-21, 823, 826-27, 829, 832, 835, 838-39, 841, 843-44, 847-48, 854, 857, 859-60.
Машковцев, Александр—639-40.
Машковцев, Александр Федорович—757.
Машковцев, Аркадий Петрович—756-57.
Машковцев, Владимир (Петрович?)—755, 805.
Машковцев, Егор Петрович—801, 804.
Машковцева, Анна Александровна—805.
Машковцева, жена В. Машковцева—805.
Машковцева—802.
Медведева, Прасковья Петровна—755, 757, 795-805, 860.
Медичи, Джакомо—816-18, 820, 860.
Межевич, Василий Степанович—810, 828.

Мезенцов, Николай Владимирович—136, 138, 607, 636, 854.
Мейербер, Джакомо—156-57.
Мейзенбуг, фон, Мальвида-Амалия—59, 130, 154, 156-57, 195, 204, 223, 264, 307, 328, 376, 546, 588, 659, 668, 748, 760-61, 819-21, 830-32, 836, 838-39, 841, 843, 845-47, 856-57, 860.
Мекленбургский, герцог—831.
Мельгунов, Николай Александрович (псевдоним—Ижица)—6, 99-100, 102, 308-87, 737, 743-44, 777, 810, 814-15, 822-25, 827, 834, 842, 849-50, 860.
Мельгунов, генерал при Петре III—362.
Мельгунов, купец—362.
Мельгунова (рожд. фон Коннерман-Броккузен), Софья—311, 815.
Мельников, Павел Иванович (псевдоним—Андрей Печерский)—217.
Мендельсон, Николай Михайлович—42, 808.
Менотти, Чиро—304, 821.
Меншиков, Александр Данилович—845.
Меншиков, Александр Сергеевич—146, 148, 355, 366, 820.
Меншиков, В. Александрович—822.
Менье—393.
Мериме, Проспер—309, 311, 352.
Меркантини, Луиджи—844.
Мерославский, Людвиг—391, 485-86, 489, 542, 576, 578, 836-38, 844, 856.
Метлин, Николай Федорович—828.
Мецдокапо, Луиджи—818.
Мечников, Илья Иванович—388.
Мечников, Илья Ильич—269-70, 388-89, 775, 840.
Мечников, Лев Ильич (псевдонимы: Гарибальдиец, Леон Бранди, Леон Горанда, Эмиль Денегри; подпись—М.)—5, 52, 54, 133, 388-94, 412, 622, 635, 657-58, 660, 674, 682, 684-85, 737, 744, 752, 775, 837, 840-41, 847, 858, 860.
Мечникова (рожд. Белокопытова), Ольга Николаевна—389-90.
Мещерская, Анна Борисовна—794, 798.
Миклошич, Франц—213-14.
Мил. (?)—850.
Милановский, Константин Соломонович—810.
Милковский, Сигизмунд—188, 202.
Милль, Джон-Стюарт—860.
Миловзоров, Авдей—см.: Олимпий, епископ.
Милович, Владимир—776, 835.
Мильн-Эдвардс, Анри—174, 179.
Милюков, Александр Петрович—710-11, 718-19.
Милютин, Дмитрий Алексеевич—148, 417, 513, 752, 763, 774, 857.
Милютин, Николай Алексеевич—108, 116, 118, 318, 699-700, 829-30, 832, 836, 843, 847, 856.
Милютина (рожд. Абаза, по второму мужу Стиль), Мария Агеевна—700.
Миних, Христофор Антонович—845.
Миницкий, Александр Осипович—802, 804.
Миницкий, Иван Федорович—112, 114, 828.
Минкин, Анатолий Самойлович—509.
Мирабо, Оноре-Габриэль—817.
Мирафиори—456.
Миттельштет—488.
Михаил, митрополит—802.
Михаил Иванович, неустановленное лицо—568.
Михаил Николаевич, в. к.—148, 345, 406, 782, 823, 835.
Михаил Павлович, в. к. —144, 845.
Михайлов, Александр Константинович—см.: Шеллер-Михайлов, А. К.
Михайлов, Владимир Михайлович—см.: Эберман, В. М.
Михайлов, Михаил Ларионович (Илларионович)—53, 268, 338, 412, 420-21, 424-28, 430-32, 561, 848.
Михайловская (Лейброк)—152-53.
Михайловский, ссыльный поляк—567.
Михаэлис, Евгений Петрович—262.
Мицкевич, Адам—538, 576, 710, 725, 740, 807, 828, 839, 845.
Мишель, Каролина—816, 830, 839, 852.
Мишле, Жюль—207, 328-29, 348-50, 470, 479, 484, 786, 815-22, 826-27, 833-34, 838-39, 842-43, 849, 857, 860.
Мишле, жена Ж. Мишле—822, 826.
Миятев, Петр—6.
Мнохацкий, агент III Отделения—746.
Мокар, Жан-Франсуа-Констан—544.
Молешотт, Якоб—819.
Молинари, Густав—843.
Молоствов, Вадим Владимирович—119-20, 832.
Молчанов, Мефодий Миронович—828, 831.
Мольер, Жан-Батист—465, 839.
Момбелли, Николай Александрович—717, 719.
Монахов, неустановленное лицо—859.
Монж, Гаспар—855.
Моно, Габриэль—57, 292-93, 435, 859.
Монталамбер, Шарль—94, 838, 854.
Монщаль, знакомый Ш. Перрона—856.
Моравский, Петр Фаддеевич—611.
Мордвинов, Александр—839.
Мордини, Антонио—816-17, 861.
Мордовцев, Даниил Лукич—765.
Моригеровский, Александр Никифорович—520.
Морозов, Николай Александрович—140.
Мосенко, Моисей Иванович—807.
Мосолов, Юрий Михайлович—615, 670.
Мотков, Осип Антонович—51, 53.
Мохнацкий, Маврикий—848.
Моцарт, Вольфганг-Амедей—92, 362-63, 811, 841.
Мошкалов, Павел Сергеевич—5, 395.
Мрочковский, Валериан—688, 690, 737, 744, 771, 841-42, 848, 856, 858.
Мужик—см.: Голубев, К. Е.
Мунк, профессор—744.
Муравский, Митрофан Данилович—123.
Муравьев, Михаил Николаевич («Вешатель»)—50, 116, 128, 262, 360, 362, 374, 410, 433-34, 436, 462, 555, 578, 618, 623, 681, 808, 826, 828, 831-32, 836-38, 840-41, 845, 848, 854.
Муравьев, Никита Михайлович—631-32, 836.
Муравьев—833.
Муравьев-Амурский, Николай Николаевич—828, 831, 844-45, 847.

Муравьев-Апостол, Сергей Иванович—845.
Мусин-Пушкин, Михаил Николаевич—718, 821-23.
Муханов, Павел Александрович—488-89, 832.
Мюллер-Стрюбинг, Герман—737, 744-45.
Мюллер-Стрюбинг, отец Г. Мюллер-Стрюбинга—745.
Мюнстер, Александр Эрнестович—470.

Н. (?)—854
Н., подпись Н. А. Серно-Соловьевича—567.
Н**., Андрей—см.: Ничипоренко, А. И.
Н. С. (?)—853.
Набоков, Иван Андреевич—817.
Навиль, Эрнст-Жюль—818.
Нагель, Владимир Францевич (Борисович)—396.
Нагель, Франц—396.
Надеждин, Николай Иванович—810.
Назаревский (агент III Отделения?)—836.
Назимов, Владимир Иванович—106, 119-20, 372, 805, 832.
Найденов, А. Гаврилович—806.
Найденов, Гавриил Семенович—801, 806.
Наке, Альфред—58, 60, 842, 861.
Налбандян, Михаил (Микаэл) Лазаревич—422-24, 846.
Нанни, адвокат—304.
Напир (Napier), Чарльз—26, 29.
Наполеон I—46, 329-30, 418, 799, 810, 815, 832, 835, 842, 844-45.
Наполеон III—94, 176, 180, 215-16, 360, 492, 524, 526, 540-41, 543, 576, 595, 606, 641, 665, 816, 818, 820-21, 829, 832-33, 835, 838, 842, 847-48.
Направник, Эдуард Францевич—153.
Насакин, родственник Яковлевых—795.
Насакина—803.
Насакины—795-801, 804.
Наталья, дворовая—799.
Наталья Константиновна, няня Герцена—793-94, 796-97, 799, 802-03.
Натан, знакомая Герцена—844.
Натансон, Марк Андреевич—690.
Наумовы—798, 802.
Небаба, Дмитрий Васильевич—805.
Небогатый, подпись неизвестного—833, 861.
Невельский, Геннадий Иванович—845.
Неверов, Януарий Михайлович—808, 857.
Невиль—см.: Нечаев, С. Г.
Неголевский, Владислав—397-98.
Неголевский, Сигизмунд—398.
Негрескул, Михаил Федорович—139.
Нейман, К., медик—809.
Неклюдов, Михаил Сергеевич—828, 831.
Неклюдов, Николай Адрианович—611-12
Некрасов, Игнат—195.
Некрасов, Николай Алексеевич—68, 108, 310, 334-45, 346, 366, 410, 416, 648, 704, 734, 777, 809-10, 812, 822-23, 830-31, 834-35, 850-52, 861, 865.
Некрасова, Екатерина Степановна—92, 423, 811.
Немешаев, доктор—805-06.
Немирич, пан—828.
Немчинова—797.
Нератов, знакомый Н. М. Ситана—849.
Нерон, Клавдий-Тиберий-Германик—821.
Нессельроде, Карл Васильевич—817, 829, 845.
Нестор, летописец—817.
Нефтель, Василий Федорович—399-400, 626, 737, 745.
Нефтель, жена В. Ф. Нефтеля—399, 745.
Неффтцер, Огюст—663, 665.
Нечаев, В. Н.—612.
Нечаев, Сергей Геннадиевич (конспиративные имена: Бой, Невиль)—54, 69, 132, 134, 139, 276, 440, 442, 460, 520, 625, 689-90, 752, 754, 765, 771, 774, 848, 856-59.
Нечкина, Милица Васильевна—422, 426, 829.
Нибур, Бартольд-Георг—743.
Ник. Ильич, неустановленное лицо—804.
Никитенко, Александр Васильевич—42, 807.
Никитин, Алексей Васильевич—240, 246, 250.
Никитин, Антип—567-68.
Никитин, крестьянин—424.
Никитин—828.
Николадзе, Николай Яковлевич (псевдоним—Рио-Нелли)—5, 125, 389, 402-12, 684-85, 839, 861.
Николадзе, Яков, отец Н. Я. Николадзе—405.
Николаев, Петр Федорович—51-52.
Николай I—9, 61, 88, 91, 103-04, 110, 121, 126, 140, 312, 314, 316-17, 346, 356, 358, 367, 381-82, 387, 433, 474, 514-15, 583, 667, 719, 763, 782, 807, 819-29, 832-33, 835, 837, 841, 843-45, 847-48, 857.
Николай Александрович, в. к., наследник—208, 211, 328-29, 367-68, 403, 410, 679.
Николай Мартынович, вятский знакомый Герцена—805.
Никольский, Федор Калинович—152-53.
Никотер, Джиованни—388.
Нионский, И., псевдоним А. И. Герцена—141.
Ничипоренко, Андрей Иванович (Андрей Н**.)—27, 30, 121-22, 554, 832, 837.
Новиков, Николай Иванович—504, 721.
Новикова, Нина Николаевна—413-19, 422.
Новицкий, Петр Васильевич—738, 786-87, 831, 861.
Новосельский, Феликс—486.
Новосильцев, Петр Петрович—352, 379.
Норов, Авраам Сергеевич—824, 826.
Носович, Сергей Иванович—692, 695-96.
Ноэль, Леон—815.
Ноэль, Эжен—815.
Ньютон, Исаак—544, 586, 824.

О.—271.
Обер, Даниэль-Франсуа-Эспри—798.
Облеухов, А. Н.—845.
Оболенская (рожд. Сумарокова), Зоя Сергеевна—139, 754, 847-48, 856-57.
Оболенские—267, 840.
Оболенские—796.
Оболенский, Евгений Петрович—836.
Оболенский, Иван Афанасьевич—848.
Оболенский, Леонид Егорович—48, 50.

Оболенский, Сергей, знакомый Н. А. Захарьиной—793-95, 799.
Оболенский, муж З. С. Оболенской—139, 848.
Оболенский—356.
Оболонский, Александр Александрович—384.
Обручев, Николай Николаевич—5, 413-32, 615, 831.
Ог. (?)—759.
Огарев, Платон Богданович—798, 805, 848.
Огарева (рожд. Рославлева), Мария Львовна—17-18, 96, 757, 795, 798-801, 805-06, 812, 818, 848-52, 861.
Огрызко, Иосафат Петрович—618.
Огурчиков, Н., псевдоним А. И. Герцена—131.
Один из многих, подпись А. А. Слепцова (?)—853, 861.
Один из сосланных под надзор полиции—см.: Вормс, Н. А.
Одинцов, Алексей Алексеевич—434.
Одоевский, Владимир Федорович—310.
Озеров, Владимир Михайлович (конспиративные имена: Альберт Шаховской; Веров (?); Владимир Андреевич; Владимир Иванович; Степан Корнев)—5-6, 69, 132, 290, 433-62, 506-09, 513-16, 737, 746-47, 764, 774-76, 840, 844, 848, 856-59.
Озеров, Михаил Никитович—433.
Озерова, Александра—433-62, 746, 856-57, 859.
Окипинти, Игнацио—833, 861.
Оксман, Юлиан Григорьевич—583-90, 715, 786.
Оливье, домовладелец—28.
Олизар (Густав Филиппович?)—276-77.
Олимпий (Алимпий; Авдей Миловзоров), епископ—234-35.
Ольга Ивановна—806.
Ольгердович, М.—см.: Трубецкой, Н. И.
Ольдекоп, Карл Карлович—831.
Ольденбургский, Петр Георгиевич—826.
Ольхин, Михаил Дмитриевич—810.
Опанасенко, знакомый Бакунина—846.
Оппенгейм, Генрих-Бернгард—823.
Оржехович, ксендз—763.
Орлов, Алексей Федорович—110, 312, 314, 329-30, 345, 369, 373-74, 720, 722, 817, 822-24, 828, 830, 845.
Орлов, Григорий Григорьевич—827.
Орлов, Михаил Федорович—583, 836.
Орлов, Николай Алексеевич—329-30, 345, 782, 822-23, 834.
Орлов, кн.—739.
Орлова (рожд. Захарьина), Анна Александровна—795, 799, 806.
Орлов-Давыдов—508.
Орлова-Савина, Прасковья Ивановна—827.
Орсини, Феличе—198, 816-17. 819, 822, 861.
Орсини, жена Ф. Орсини—816.
Орсини, дочь Ф. Орсини—816.
Орфано, Александр Герасимович—837.
Орфано, Алексей Герасимович—837.
Освальд, Николай Николаевич—567-68.
Осинский, Валерьян Андреевич—506.
Оскар, принц—847.
Основский, Нил Андреевич—352-53, 834.
Оссиан—844.
Островский, Александр Николаевич—53, 149-50, 154, 157, 273, 345, 354, 550, 734, 836.
Островский, Михаил Николаевич—345.
Островский, Михаил—616.
Островский, польский эмигрант—486.
Оуэн, Роберт—119-20, 591, 831-32, 855.

П., подпись неустановленного лица—848, 861.
П., подпись А. А. Слепцова (?)—837, 861.
П. Б.—см.: Басистов, П. Е.
П., Софья—750.
Павел I—142, 301, 828.
Павел Прусский (до монашества Петр Леднев)—161, 275-76.
Павленков, издатель—792-804.
Павлов, Ипполит Николаевич—361, 363, 365, 367.
Павлов, Николай Филиппович—9, 102, 180, 310, 312, 314, 321-22, 332, 340, 343-46, 348-51, 355, 357-59, 361, 363, 365, 367-68, 371-72, 374, 378-79, 381-83, 743-44, 812, 835-36, 852.
Павлов, Платон Васильевич—610, 612-13.
Павлова (рожд. Яниш), Каролина Карловна—356, 365, 373-74, 378-79, 381 384, 744, 807, 852.
Павловы—373-74.
Павловский, Н. —737, 746.
Павловский, С.—737, 746.
Паггер, издатели—822.
Паге, Б., английский посланник—846.
Падлевский, Сигизмунд—616, 835.
Палацкий, Франц—848.
Пален, Константин Иванович—290.
Паликс, участник лионского восстания—858.
Пальмерстон, Генри-Джон-Темпль—817.
Панаев, Валериан Александрович—826-27, 861.
Панаев, Иван Иванович—87, 310, 334-35, 354, 358, 722, 733-34, 786-88, 806-11, 822, 826, 830, 849-51, 861.
Панаева (рожд. Брянская, по второму мужу Головачева), Авдотья Яковлевна—346, 850-51.
Панасевич, поручик артиллерийской части в Иркутске—831.
Панин, Виктор Никитич—110, 373-74, 383-84, 387, 824, 826-29, 836.
Панова, певица—761.
Пантелеев, Лонгин Федорович—123, 562, 564, 567, 607-11, 613-14, 616-18, 662, 665.
Пантелеев, Василий Николаевич—826.
Панчулидзев, Александр Алексеевич—99, 748.
Паньер, книготорговец—822.
Папровский, Ц., польский эмигрант—486.
Парфений, архиерей—340, 823.
Паскаль, Блэз—739, 805.
Паскевич (Эриванский), Иван Федорович—106, 110, 828.
Паскевич, Федор Иванович—836.
Пассек, Александр Вадимович—301, 830.
Пассек, Вадим Васильевич—792, 798, 861.
Пассек, Владимир Вадимович—733.
Пассек, Диомид Васильевич—845.
Пассек, Людмила Васильевна—792-94, 800, 803-04, 861.

Пассек, Ольга Васильевна—792.
Пассек (рожд. Кучина), Татьяна Петровна—10, 300, 302-03, 442, 731, 734, 747, 784, 792-93, 796-98, 803-04, 825, 861.
Пассеки, сыновья Т. П. Пассек—302-03.
Пассеки—798.
Пафнутий, архиепископ—78.
Пафнутий (Поликарп Петрович Овчинников), епископ коломенский—174, 179, 210-11.
Пахомий Великий—206-07.
Пачелли, знакомый Герцена в Ницце—817.
Пачелли, г-жа—817.
Пашков, Ипполит Александрович—303, 737, 747.
Пель—738.
Пельтан, Евгений—827.
Пен (Пэн), Вильям—591.
Пен (Пэн), Томас—842.
Пенизи—761, 856.
Пеполи, Иохим-Наполеон—544.
Перетц, Григорий Григорьевич—836.
Перикл—732.
Перовский, Лев Алексеевич—720, 817, 823, 845, 850.
Перрон, Шарль—856-58.
Пестель, Павел Иванович—304, 306, 576, 821, 833, 836, 845, 848.
Петерсон, Николай Павлович—51, 53.
Петерсон, секретарь русского посольства в Берлине—834.
Петр I—89-90, 102-03, 114, 544-45, 763, 808, 817, 820-21, 825, 832, 834, 836, 841, 848.
Петр III—214, 362, 752, 826, 828.
Петр Федорович, слуга Герцена—793-94, 796, 800.
Петраркa, Франческо—731.
Петрашевская (рожд. Фалеева), Федора Дмитриевна, мать М. В. Буташевич-Петрашевского—720.
Петрашевский, Михаил Васильевич—см.: Буташевич-Петрашевский, М. В.
Петров, Антон—115-18, 120, 450-51, 506, 509, 832, 834, 838, 848, 857.
Петров, Осип Афанасьевич—152-53.
Петров, студент—828.
Петровский, Николай Федорович—161, 554.
Петрункевич, Иван Ильич—506.
Печаткин, Евгений Петрович—271, 611-13.
Печерин, Владимир Сергеевич—6, 61, 463-489, 784, 818, 832, 837, 853, 861.
Печерин, Сергей Пантелеевич—472.
Пешель, м-ль—851.
Пиа, Феликс—534, 829.
Пианчани—820.
Пизакане, Карло—304, 818.
Пий IX—341, 344, 474.
Пикулин, Павел Лукич—103-04, 326-27, 754, 852, 861.
Пилатт, Леон—818.
Пиль, Роберт—823.
Пильс, друг Прудона—817.
Пильчинский, издатель—824.
Пинкертон—504-05.
Пинков, медик—847.
Пинто, Микель-Анжело—324-25, 328-29, 349-50, 377, 380, 494, 496-97, 822.
Пиотровский, Игнатий Антонович—125.
Пиотровский, Руфин—853.
Пирогов, Николай Иванович—115, 118, 399, 832.
Писарев, Дмитрий Иванович—338, 420, 608, 624, 715.
Писарев, Николай Эварестович—720.
Писаревский, Николай Григорьевич—822.
Писемский, Алексей Феофилактович—614, 835, 861.
Питкевич, Иосиф—633-34.
Питт—817.
Плавт, Тит Макций—820.
Платер (Леонтий?)—837.
Платон—743, 755, 757.
Платон, митрополит—839.
Платонова (рожд. Гардер), Юлия Федоровна—152-53.
Платонова—635-36.
Плаутин, Сергей Федорович—737, 747-49, 751.
Плаутин, Федор Сергеевич—737, 747.
Плаутина (рожд. Огарева), Анна Платоновна—456, 737, 747-51.
Плаутина, Варвара Сергеевна—737, 749, 751.
Плаутина, Вера Сергеевна—748.
Плаутина, Елизавета—749.
Плаутины—747-51.
Плеханов, Георгий Валентинович—390, 435.
Плещеев, Алексей Николаевич—52-53, 710, 719, 720.
Плещеева, мать А. Н. Плещеева—720.
По, Эдгар—199.
Победоносцев, Константин Петрович—179, 216.
Поггенполь, Николай Петрович—332-35, 740, 822.
Погодин, Михаил Петрович—141, 309-11, 317-19, 324-27, 332-33, 345, 363, 376, 418, 582, 737, 751-52, 777, 786, 788, 807, 810, 820, 839, 841-43, 848, 852, 861.
Погодина (рожд. Сейсмонд, по первому мужу Бэль), Софья Ивановна—839.
Погодины, сестра и дочь М. П. Погодина—839.
Погосский, Александр Фомич—847, 854.
Поджио, Александр Викторович—845.
Пожарский, Дмитрий Иванович—852.
Поздняк (Позняк)—52-53.
Позен, Иван Павлович—696.
Позен, Михаил Павлович—696, 826, 828.
Покровский, Аполлинарий Палладиевич—614.
Покровский, Михаил Павлович—26, 29.
Полевой, Николай Алексеевич—309, 721, 757, 786, 788, 795, 797-98, 808, 825, 861.
Полежаев, Александр Иванович—513, 821.
Поленова, Софья Львовна—см.: Львова-Львицкая, С. Л.
Поликрат Самосский—470.
Половцев, Федор Александрович—833.
Полонский, Яков Петрович—699.
Полуденская (рожд. Сазонова), Мария Ивановна—357, 541, 850-51.
Полуденский, Александр Петрович—356-57, 850.
Полуденский, Михаил Петрович—357.
Полумордвинов, Аполлон Петрович—276.
Полунин, Алексей Иванович—69.

Поляков, Марк Яковлевич—710-25.
Помещик Владимирской губернии, подпись неустановленного лица—825.
Помяловский, Николай Герасимович—711.
Понятовский, Иван Васильевич—614.
Понятовский, Станислав-Август—826.
Попиан, юрисконсульт—821.
Попов—808, 849.
Попов, офицер—832, 837.
Постников, Николай Васильевич—см.: Роман, К.-А.
Постный, Г.—см.: Ткачев, П. Н.
Потанин, Григорий Николаевич—847.
Потапов, Александр Львович—31, 33-34, 448, 510, 763, 831, 836, 848, 854.
Потебня, Андрей Афанасьевич (подпись—А. П.)—47, 201-02, 260, 433, 630, 632, 834, 836, 846, 856, 861.
Потемкин, Григорий Александрович—810.
Похвистнева, Прасковья Николаевна—806.
Похвистневы—806.
Почека, Яков Иванович—848.
Поэрио, Карло—410.
Превлодский—см.: Пржевлоцкий, В.
Прево-Парадоль, Люсьен-Анатоль—663, 665.
Прео, Антуан-Огюстен—819.
Прессе, Генрих-Вениамин—818.
Пржевлоцкий, Валерий—187-88.
Пржездецкий, Александр—67-68.
Прибиль, Яков Иванович—829.
Прославлев—см.: Кельсиев, В. И.
Провансов—см.: Слепцов, А. А.
Прогер, содержательница школы в Женеве—841-42.
Протасьева, Мария Сергеевна—351, 355.
Прудон, Пьер-Жозеф—137, 348-49, 390, 490-508, 520, 522-24, 526, 532-34, 536-39, 576, 591, 658, 660, 724-25, 739, 812-13, 815, 817, 821, 823-25, 829, 832, 838, 844, 848-49, 855, 857, 861.
Пугачев, Емельян Иванович—114, 136, 178, 288-89, 394, 527, 542, 595, 720, 765, 819-20, 826, 848.
Пульская (рожд. Вальтер), Тереза—847.
Пульские—845.
Пульский, Ференц—847.
Путятин, Евфимий Васильевич—281, 833, 845.
Пушкарев—763.
Пушкин, Александр Сергеевич—61, 140, 148, 159, 304, 306, 308-09, 352, 442, 583-84, 587, 595, 701, 715, 720-21, 723, 734, 805-06, 810, 814, 817, 820-22, 825, 828, 839, 842, 862-63.
Пушкин, неустановленное лицо—757.
Пущин, Иван Иванович—590, 845.
Пущины—845.
Пынев (?)—322.
Пыпин, Александр Николаевич—425, 612, 730, 747, 777, 809.
Пыпин, Андрей Андреевич—508-09.
Пятковский, Александр Петрович—141.

Р., владелец магазина в Москве—634.
Р-й, русский офицер—837.
Рабле, Франсуа—820.
Рагозин, Виктор Иванович—138-39, 255.
Рагозин, Иван Егорович—792, 798.
Рагозин, Леонид Иванович—254-55.
Рагозина, домовладелица—805.
Рагузин—746.
Радецкий, Иосиф-Венцель—818.
Радзивилл, И., польский эмигрант—486
Радин, С. А.—23-36.
Радищев, Александр Николаевич—376, 504-05, 595, 730.
Радищев, Павел Александрович—504-05.
Раевский, Владимир Федосеевич—831, 845.
Раевский, Михаил Федорович—58, 843.
Раевский, генерал—807.
Разин, Степан Тимофеевич—136, 178, 394, 527, 848.
Разноцветов, Григорий Михайлович—174, 176, 179-80.
Разори, доктор—816.
Разумовская, графиня—824.
Райе (врач ?)—831.
Ралли, Земфир—69.
Ральстон, Вильям—26-30.
Рамлов, Иеладин—835, 861.
Расин, Жан-Батист—832.
Расковшенко, Иван Васильевич—829.
Ратаци, Урбано—776, 841.
Раупах—366-67.
Рафаэль, миниатюрист—798.
Рафаэль Санцио д'Урбино—806, 827.
Рахманный—см.: Веревкин, Н. Н.
Рачинский, Р.—542.
Рашет, Наталья Николаевна—29.
Рашет, чиновник—826.
Рашид-паша—191, 195, 199.
Регул, Атилий—375.
Редкин, Петр Григорьевич—13-14, 43, 45, 484, 710-11, 788, 808.
Режис, знакомый К. Фогта—816.
Резэн, знакомый К. Фогта—816.
Рей, Аристид—844, 857.
Рейнгард, участник экспедиции Лапинского—846.
Рейсер, Соломон Абрамович—29, 36.
Рейтерн, Михаил Христофорович—144, 146, 148.
Рейф, издатель—721, 723.
Рейхели—302, 329-30, 336, 380.
Рейхель, Адольф—16, 362, 380, 761, 814-16, 819-23, 845-46, 857, 859, 861.
Рейхель, Карл-Александр—815.
Рейхель, Ида—851.
Рейхель (рожд. Эрн), Мария Каспаровна—9, 14, 16, 18, 20-21, 28, 91, 94, 102, 112, 139, 300, 315-17, 320, 323-24, 329, 332, 336-38, 340, 348-54, 360, 362, 364, 379-80, 384, 541, 585, 592, 714, 761, 795-97, 799, 802, 810-11, 813-16, 818-19, 822, 828, 841, 853, 857-58, 861.
Рейхель, Христиан (Карл-Христиан-Филипп) Яковлевич—65, 98, 693, 695-96, 807.
Реклю, Жан-Жак-Элизе—388, 390, 442 (?), 665, 857, 859.
Реклю, Эли—442 (?), 663, 665.
Рембрандт ван Рейн—700, 817.
Ренан, Эрнест—739.
Ренгартен, Лев Андреевич—737, 753.
Репина, вятская знакомая Герцена—805.
Решетников—807.
Ржевусский, Адам Адамович—112.

Ржонсницкий, польский эмигрант—839.
Рибейроль, Шарль—819.
Рив, Эмилия—847-48.
Ригер, Франц-Владислав—848.
Ригер, издатель—264.
Ридер, владелец типографии—687.
Рикардо, Давид—813.
Рикасоли, Беттино—544.
Рикор, врач—354.
Римский-Корсаков, Григорий Александрович—818.
Рио-Нелли—см.: Николадзе, Н. Я.
Рихтер, Андрей Александрович—556.
Рихтер, Иоганн-Пауль-Фридрих (псевдоним—Жан-Поль)—801, 803-04.
Роберти де, Евгений Валентинович—55.
Робертсон, Вильям—818.
Робеспьер, Максимилиан —807, 813, 855.
Ровинский, Александр Павлович—337-38.
Ровинский, Павел Аполлонович—617.
Роде, доктор—400.
Родичев, Федор Измайлович—297-98, 448, 506-16, 746-47.
Рождественский, Иван—622, 659.
Розали (?)—859.
Розанов, Сергей Матвеевич—640.
Розанов (дьячок?)—638, 640.
Розенталь, Иосиф-Антон—845.
Розовский, Осип—297.
Рокка, Пьер-Паскаль—815.
Рокка, жена П. Рокка—841-42.
Рокка, дочь П. Рокка—842.
Рокка, семья—840.
Ролли, Габриэль—850.
Роман, Карл-Арвид Иоганнович (Николай Васильевич Постников), агент III Отделения—132, 737, 752-53, 760-61, 774, 776, 858.
Романовы—126, 244, 632.
Роскина, Наталья Александровна—771-76, 786-88, 835, 846, 856.
Рославлев, Лев Яковлевич—851.
Рославлева, мать М. Л. Огаревой—850.
Росс—см.: Сажин, М. П.
Россель, Джон—846.
Россини, Джоакомо-Антонио—156-57.
Ростовцев, Яков Иванович—110, 114, 374, 384, 528-29, 545, 718, 822, 824-28, 840.
Ростовцев, сын Я. И. Ростовцева—828.
Ростопчина (рожд. Сушкова), Евдокия Петровна—364, 375-76.
Ротшильд, банкир—329-30, 353, 357, 360, 364-67, 372, 380, 492, 495, 719, 739, 743-44, 814, 822, 842.
Рошфор, Виктор-Анри—844.
Рубинский—614.
Рубинштейн, Антон Григорьевич—152-53.
Руге, Арнольд—819-20, 849, 861.
Рудницкая, Евгения Львовна—9-22, 37-46, 105-22, 133-39, 274-80, 702-09.
Рулье, Карл Францевич—21, 810.
Рульковиус, Фердинанд—755.
Румянцев-Задунайский, Петр Александрович—810.
Рундальцев, Михаил Викторович—539, 783.
Руперт, Вильгельм Яковлевич—831.
Русский либерал, подпись К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина—821, 861.
Русский человек, подпись неустановленного лица—828, 861.
Русской (подпись В. А. Панаева ?)—827, 861.
Руссо, Жан-Жак—792, 814, 818, 839, 842.
Рустейко, Осип Федорович—588.
Рыбинский, генерал—832, 861.
Рыбников, Павел Николаевич (псевдоним—Филадельф Феомахов)—702-03, 706-07.
Рылеев, Кондратий Федорович—590, 799, 821-23, 832, 845.
Рымаренко, Сергей—614-15.
Рындзюнский, Павел Григорьевич—70-78, 159-258.
Рычков, Вениамин Иванович—613.
Рюмин, Г., издатель—527, 544-45.
Рюмин, откупщик—198.
Рюстов, швейцарский офицер—816.

Сабашниковы—283.
Сабри-паша—199, 203, 210.
Сабсович, Евгений Моисеевич—791-861.
Сабуров, Андрей Александрович—463-89.
Сабуров, Яков Васильевич—853.
Сабуров, К.—517-19.
Сабуровы—517, 823.
Савицкий, Иван Михайлович (псевдоним—Ян Стелла-Савицкий)—489, 786, 788, 841, 861.
Савич, Алексей Николаевич—118-19, 832.
Савич, Иван Иванович—635-36, 820.
Савич, Николай Иванович—636.
Савонарола, Джироламо—830.
Садовский, Пров Михайлович—53.
Садовский, неустановленное лицо—834.
Садык-паша—см.: Чайковский, М. И.
Сажин, Михаил Петрович (псевдоним—Арман Росс)—5, 441, 457-58, 460, 462, 520-21, 766, 771, 859.
Сажин, Петр, отец М. П. Сажина—520.
Сазонов, Николай Иванович—6, 311, 334-35, 357, 490, 496, 522-45, 584, 725, 800, 807-09, 816, 849-51, 861.
Сазонова, мать Н. И. Сазонова—532.
Сакиа-Муни (Будда)—763.
Сакович, Яков Иванович—119, 832.
Сакулин, Павел Никитич—527.
Салиас де Турнемир, Евгений Андреевич (псевдоним—Вадим)—10-11, 646-47, 737, 753, 854.
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина), Елизавета Васильевна (псевдоним—Евгения Тур)—34, 36, 45, 96-98, 204, 219-22, 253, 605-06, 631, 737, 753-54, 812, 825, 834, 838, 850, 854, 861.
Салис-Швабе—см.: Швабе.
Саллюстий—822.
Салтыков, Михаил Евграфович (псевдоним—Н. Щедрин)—230, 234, 332-33, 346, 379, 389, 699, 825, 828.
Самарин, Дмитрий Федорович—513, 516.
Самарин, Юрий Федорович—6, 40, 42, 106, 112, 317, 357, 361, 366, 410, 527, 672-73, 777, 810, 825, 827-29, 838, 848, 861.
Самарин, студент—610, 612.
Сантини—825.
Сапиро, Евгений Натанович—107.
Сарра, неустановленное лицо—820.

Сатин, Николай Михайлович—9, 12, 22, 45, 91, 97, 99, 322, 737, 751, 754, 777, 787, 793-99, 806-12, 814, 830, 838, 840-41, 848-52, 859, 861.
Сатина (рожд. Тучкова), Елена Алексеевна—92, 747, 754, 811-12, 814, 830-31, 839-41, 851-53.
Сатина, Наталья Николаевна—814, 841, 843.
Сатины—750-51, 794.
Саффи, Марк-Аврелий—353, 546-47, 651, 818-19, 821-22, 839, 844, 861.
Саффи, Нина—547, 839-40, 844.
Сахновский, польский эмигрант—846, 853.
Свентославский, Зено—827.
Свербеев, Дмитрий Николаевич—309, 356-57, 385, 837.
Сверчков, Николай Егорович—509.
Светоний—822.
Свечин—753.
Свечина, знакомая Н. А. Захарьиной—800.
Секира, Николай—см.: Сумароков, Н.
Селиванов, сосед Огарева—99.
Семевский, Михаил Иванович—836.
Семянников, заводчик—509.
Сенковский, Осип Иванович—309, 721, 810.
Сен-Симон, Анри-Клод—137, 591-92, 845, 855.
Сент-Юрюж, В. А.—845.
Сераковский, Сигизмунд Игнатьевич—178, 180.
Сервантес Сааведра, де, Мигель—199, 823, 853.
Серве, Мигуэль—842.
Сергиевский, Алексей Егорович—53-54, 276
Сергиевский, Иван Васильевич—862—64.
Сергий, архимандрит—178, 184, 186.
Сергий Радонежский—827.
Серебренников, Семен Иванович—456, 737, 742, 754, 858-59.
Серно-Соловьевич, Александр Александрович—5, 129, 134, 161, 262, 266-70, 280, 391-93, 424, 548-52, 556, 615, 674, 680-82, 685, 744, 835-37, 841-42, 853, 856.
Серно-Соловьевич, Владимир Александрович—556.
Серно-Соловьевич, Николай Александрович (подписи: Н.; Neros; 2S)—5-6, 31, 33, 129, 161, 280, 403, 413, 421-24, 426, 429-32, 548, 552-70, 610, 615, 830-32, 835-37, 853-54, 861.
Серов, Александр Николаевич—152.
Серяков, А. И.—см.: Сиряков, А. И.
Сетерленд, Генри—442, 444-50, 452-57, 508-09, 746, 750, 754, 761, 764-65, 767, 830, 853-59.
Сетерленд, Мэри—444-50, 452-57, 746-47, 749-51, 754, 761, 764-65, 767, 830, 842, 854-61.
Сеченов, Иван Михайлович—624, 687.
Сечинский, Иван Иванович—853.
Сибур, Мари-Доминик-Огюст—338, 341, 349.
Симашко, архиепископ—846.
Симен, типографщик—687.
Симонович, Аделаида Семеновна—666, 668.
Симонович, Яков Миронович—666, 668.
Синадский, врач—838.
Сиряков (Серяков), А. И. —287-88.
Скалон, Аркадий Владимирович—273, 571-74.
Скарятин, Владимир Дмитриевич—841, 848.
Скворцов, Андрей Ефимович—737, 755-58, 797, 799-803, 805, 861.
Скворцов, жандармский полковник—846.
Скворцова (рожд. Тромпетер), Полина—755-57, 796-805.
Скворцова, мать А. Е. Скворцова—755, 805.
Сковронек, польский эмигрант—486.
Скорняков, Яков Петрович—106, 119-20, 832.
Скотт, Вальтер—810.
Скотт, семья—821.
Скребицкий, Александр Ильич—840, 861.
Скриб, Огюст-Эжен—842.
Скуратов, Борис, юнкер—826.
Слепцов (конспиративное имя—Провансов), Александр Александрович—197, 421-24, 431, 504-05, 614-16, 629-30, 632, 634-35, 639, 658, 660, 662, 665, 672, 776, 831, 837, 847, 853-54, 861.
Слепцов, Василий Алексеевич—614.
Слепцова, Мария Николаевна—561.
Сливовские, братья—175, 179.
Сливовский—185, 187.
Смелинский—847.
Смирнов, Валериан Николаевич—69.
Смирнов-Сокольский, Николай Павлович—667.
Смит, Адам—845.
Смоликовский, Андрей—833, 861.
Смоляк—739.
Снаксарев, Афана́сий Иванович—800-03.
Сниткин, Алексей Павлович—831.
Соболевский, Сергей Александрович—308.
Содомцев—847, 861.
Соколов, Александр Иванович—798, 810.
Соколов, Николай Васильевич—441, 516, 521, 765-66, 786, 788, 860-61.
Соколовский, Владимир Игнатьевич—103-04, 820.
Сокольский—188.
Сократ—745.
Солдатенков, Козьма Терентьевич—328, 784, 834.
Соллогуб, Владимир Александрович—777, 809-10, 817.
Соловьев, Сергей Михайлович—130, 580, 810, 825, 833-34.
Солтык, Роман—833.
Сонковская, певица—798.
Сопелкин, Владимир Андреевич—171.
Сордей—855.
Сорокин А., русский консул в Тульче—209.
Сорокин, Иван Максимович—414.
Соханская, Надежда Степановна—см.: Кохановская, Н. С.
Спартанский, А.—827, 861.
Спасский, Петр Лукич—611, 613.
Спасский, студент—833.
Сперанский, Михаил Михайлович—845.
Спешнев, Николай Алексеевич—326, 328, 714, 820, 845.

Спини, Леопольд—494, 496-97, 811, 813.
Спиноза, Барух-Бенедикт—813, 849.
Спиридов, Петр Александрович—136, 138, 742 (?).
Спиридонов—382.
Ставассер, Петр Андреевич—849-50.
Станкевич, Александр Владимирович—302-03, 311, 810, 818, 857.
Станкевич (рожд. Бодиско), Елена Константиновна—302, 362.
Станкевич, Николай Владимирович—806, 808, 845. 848-49, 857.
Станкевичи—94, 302, 853.
Стансфильд, Джемс—174, 179, 854.
Стансфильд, Каролина—307.
Стансфильды—829.
Старчевский, Альберт Викентьевич—250.
Старый вождь, конспиративное имя Левандовского—567-68.
Стасюлевич (рожд. Утина), Любовь Исаковна—608, 617-18.
Стасюлевич, Михаил Матвеевич—580, 608, 614, 617-18, 624, 685.
Стахович, Михаил Александрович—732, 734.
Сташевский—175, 179.
Сташиц, Станислав—576, 578.
Стебницкий—см.: Лесков, Н. С.
Стейнлейн, Александр—435.
Стекль, русский посланник в Вашингтоне—598.
Стелла-Савицкий, Ян—см.: Савицкий, И.М.
Стелловский, издатель—734.
Степанов, Дмитрий Тимофеевич—616-18.
Степанов, Николай Александрович—335.
Степней, знакомый М. А. Бакунина—857.
Стерн, Лоренс—214.
Столыпин, Алексей Аркадьевич—62.
Столыпин, Афанасий Ал.—850.
Столыпин—850.
Столыпина, Мария Александровна—850.
Стоун, Люси—603.
Страхов, Николай Николаевич—187.
Страхов, студент—832.
Строганов, Александр Григорьевич—105, 110, 112, 114, 807, 828, 861.
Строганов, Сергей Григорьевич—718, 812, 825, 827, 838.
Строгановы—831.
Струве, Густав—598.
Стрыхи...(?), Ксаверий, польский эмигрант—486.
Стуарт (Стюарт), Александр Федорович—268, 270, 395, 633-34, 636, 638-39, 646, 658, 668-70, 673, 847, 853.
Стюарты, династия—828.
Субботин, Николай Иванович—179, 216, 636, 855.
Суворов, Александр Аркадьевич—356-57, 617-18, 635-36, 838, 852.
Суворов, Александр Васильевич—810.
Судакевич, Федор Степанович—616.
Суздальцев, Владимир—194-95.
Сулинский (Сулимский), Иосаф—567-68.
Сулук—540-41.
Сумароков, Александр Петрович—720.
Сумароков, Н. (Роберт Цехановский; Тихановский; Эразм Витковицкий; Николай Секира)—737, 758-60, 764, 768.
Сумароков, Сергей Павлович—848.
Сумнер, Карл—856.
Суслова (в замуж. Розанова), Аполлинария Прокофьевна—628-30.
Суслова (в замуж. Эрисман, по второму мужу Голубева), Надежда Прокофьевна—628, 631.
Сухово-Кобылина (в замуж. Петрово-Соловово), Евдокия Васильевна—96-98, 812, 851.
Сухозанет, Иван Онуфриевич—825, 828.
Сухозанет, Ипполит Ф.—356-57.
Сухотин, Михаил—828, 831.
Сушинский, издатель—262.
Сушков, Николай Васильевич—822.
Сюйо—815.

Т. (?)—817, 829, 844, 850, 858.
Тайяндье, де, Рене,—845.
Таландье, Альфред—664-65, 771, 821, 857-58, 861.
Таль, Н. А.—см.: Утина, Н. И.
Тальбот—580.
Тарасов, Ефим Иванович—584.
Тарасова, Вера Яковлевна—371, 375.
Тассо, Торквато—741.
Тацит, Публий Корнелий—780, 810, 818, 822, 839.
Тачановский, участник польского восстания 1863 г.—260.
Теккерей, Вильям—828.
Телеки, г-жа—822.
Телесфор, Н.—846, 861.
Теликовская, Софья Дмитриевна—136, 138.
Тенгоборский, Людвиг Валерианович—361-62, 820.
Теннер, Джон—595.
Теодор-Томаш Еж—см.: Милковский, С.
Тернер, Федор Густавович—641.
Тесье дю Моте, Мари-Эдмонд—816-18, 832, 861.
Тесье дю Моте, жена М.-Э. Тесье дю Моте—818, 820.
Тиберий, имп.—821.
Тибо-Бриньоль, Эд.—737, 760.
Тизенгаузен, Илиогабал—357.
Тик, Людвиг—309.
Тиличеев, Егор Сергеевич—826.
Тимашев, Александр Егорович—106, 110, 115-16, 118, 382, 543, 604, 694, 826, 829, 832, 845, 848.
Тимофеев, Киприан—см.: Кирилл.
Тиссон, г-жа—853.
Тит Ливий—822.
Титов, Владимир Павлович—308-09, 328-29, 344, 353, 367-68, 379-80, 743, 824-25, 842, 861.
Тихановский—см.: Сумароков, Н.
Тихомиров, Лев Александрович—289.
Тихомолов, Егор, слуга—850-51, 861.
Тихон Задонский, епископ—415, 418, 427-28, 827.
Тихонравов, Николай Саввич—486.
Тишкевич, Людвиг—119, 832.
Тишкевич, жена Л. Тишкевича—119.
Ткачев, Петр Никитич (псевдоним—Г. Постный)—284, 437, 442, 444, 451.
Токаржевич, Осип (Юзеф)—575-81, 737, 743, 760.
Токвиль, Алексис—835.
Толстов, генерал—543.

Толстой, Дмитрий Андреевич—144, 148, 514, 516.
Толстой, Иван Матвеевич—144, 148.
Толстой, Лев Николаевич—5, 346, 348, 351, 353-54, 363-64, 366, 377, 513, 516, 784, 786, 788, 823, 825, 831-32, 861.
Толстой, Федор Петрович—730-31.
Толстой, Феофил Матвеевич—152.
Толь, Феликс-Эммануил Густавович—845.
Томазио, А.—833, 861.
Томгаве, русский консул в Лейпциге—835.
Топильский, Михаил Иванович—544.
Торе, Теофиль—532, 534, 818, 861.
Торнер, знакомая Н. А. Тучковой-Огаревой—840.
Тотлебен, Эдуард Иванович—821, 824.
Траутман, Луи—364, 366.
Тредиаковский, Василий Кириллович—731.
Тренин, Владимир Владимирович—188.
Трентовский, Бронислав-Фердинанд—845.
Трепов, Федор Федорович—738-41, 763, 838.
Троицкий, владимирский знакомый Герцена—805.
Тромпетер, Полина—см.: Скворцова, П.
Тропинин, Василий Андреевич—9.
Троян, Екатерина Аркадьевна—571-73.
Трубачев, полицмейстер—382.
Трубецкие—816.
Трубецкой, Александр Васильевич—604.
Трубецкой, Николай Иванович (псевдоним—М. Ольгердович—Olgherdovitch)—582, 831.
Трубецкой, Николай Платонович—175, 179, 268, 831, 840.
Трубецкой, Павел Петрович—837.
Трубецкой, Сергей Петрович—588, 590, 836-37.
Трулье—462.
Трусов, Антон Данилович—448, 506, 607, 625, 687-90.
Трусс, А., польский эмигрант—743.
Трюбнер, Николай, издатель—26, 47, 160, 194, 214, 291, 296, 315, 328, 364, 376, 430, 453, 481-82, 505, 602, 702-03, 706, 763, 824, 827, 830, 834.
Тугендгольд, Стефан (Полес), агент III Отделения—846-47.
Туманова, Вера Александровна—300.
Тур, Альберт—486.
Тур, Евгения—см.: Салиас де Турнемир, Е. В.
Тургенев, Александр Иванович—373, 583-84, 587, 725.
Тургенев, Иван Сергеевич (подписи: И. С.; И. Т.)—5-6, 23-24, 29, 34-35, 44-45, 58, 60, 281-82, 296, 300, 315, 318-20, 328-29, 330, 332-34, 336-38, 340, 342, 344-60, 362-63, 366, 377, 385, 400, 410, 470, 517, 544-45, 587, 604, 607, 699-701, 704, 744, 763, 781-86, 791-92, 809-10, 812, 814, 822-37, 839, 841-45, 850-53, 861.
Тургенев, Николай Иванович—326, 328-29, 583-90, 699, 725, 832, 836, 845, 861.
Тургенев, Николай Сергеевич—837.
Тургенев, Сергей Иванович—587.
Тургенев, Федор Михайлович—831.
Тургенева (рожд. де Виарис), Клара Гастоновна, жена Н. И. Тургенева—588.
Тургенева (в замуж. Брюэр), Полина Ивановна—830, 832, 836.
Тургеневы—850.
Турка (турок?), неустановленное лицо—776.
Турчанинов (Турчин), Иван Васильевич—6, 591-603.
Турчанинова, жена И. В. Турчанинова—6, 591-603.
Турчин—см.: Турчанинов, И. В.
Туссенель, литератор—818.
Тухолка, действительный статский советник—758.
Тучков, Алексей Алексеевич—42, 67, 96, 99, 749, 754, 810-12, 814, 818, 823, 839, 851-52, 854, 859.
Тучков, Павел Алексеевич—833, 854.
Тучкова, Елена Алексеевна—см.: Сатина, Е. А.
Тучкова, Елизавета Ивановна—843.
Тучкова (рожд. Жемчужникова), Наталья Аполлоновна—814.
Тучкова-Огарева, Наталья Алексеевна—10-12, 17-20, 22, 58, 76-78, 92, 96-99, 128, 130, 150, 154, 156-57, 164, 204, 262, 264, 271, 300, 302, 306, 334, 380, 399, 413-14, 422-24, 438, 442, 626, 628-29, 631, 639, 660, 679, 745, 748-49, 760, 762, 792, 811-12, 814, 816-18, 822-25, 827-33, 838-48, 851-54, 856-57, 859, 861, 865.
Тхоржевские (?)—843.
Тхоржевский, Станислав—128, 132, 136, 138, 194-95, 200, 203, 210, 253, 366-67, 485-86, 620, 646, 667, 669, 701, 737, 760-61, 767, 771, 836-39, 841, 843-45, 847-48, 854-57, 859.
Тьер, Луи-Адольф—455, 462, 832, 849.
Тютчев, Николай Николаевич—722, 808.
Тютчев, Федор Иванович—61.
Тютчева, Анна Федоровна—см.: Аксакова, А. Ф.
Тюфяев, Кирилл Яковлевич—757.

Уайт, Уильям—29.
Убри, Павел Петрович—330, 831.
Уваров, Алексей Сергеевич—604, 737, 762.
Уваров, Сергей Семенович—43, 45, 543, 545, 604, 719, 807.
Уварова, жена А. С. Уварова—762.
Уклеин, Семен Матвеевич—250.
Украинка, подпись неизвестной—828, 861.
Улыбышев, Александр Дмитриевич—362-63.
Ульпиан, Домиций—821.
Унковский, Алексей Михайлович—829.
Урих, Эмма—853.
Урихи—831.
Урусов, Александр Иванович—514, 516.
Урусова—826.
Усов, Павел Степанович—28, 30.
Усов, Степан Александрович—737, 762, 854.
Успенский, Петр Николаевич—828, 831.
Устинов, знакомый М. Л. Огаревой—850.
Устрялов, Николай Герасимович—114, 545, 828.
Утин, Борис Исаакович—607.

Утин, Евгений Исаакович—403-05, 605-08, 626, 628, 659-60, 664, 848.
Утин, Исаак Осипович—607-08, 617-18, 687.
Утин, Николай Исаакович (псевдонимы: Абр. Сем.; И. Н.)—5, 123-24, 133-34, 219, 262, 266, 269-70, 405, 448, 552, 554, 605-90, 726, 744, 774-75, 838, 840, 847-48, 854-59, 861.
Утин, Яков Исаакович—607-08.
Утина (рожд. Корсини), Наталья Иеронимовна (псевдоним—Н. А. Таль)—629, 632-33, 638-39, 646, 650, 656, 664, 673, 687, 833.
Утины—617.
Ушинский, Константин Дмитриевич—710-11.

Фавр, Жюль—462.
Фадеев, Ростислав Андреевич—448.
Фази, Джемс—414-45, 519, 523-24, 534, 536, 538, 812, 816, 818, 836, 859, 861.
Фаленберг, Петр Иванович—845.
Фальмерайер, Яков-Филипп—814.
Фанелли, Джузеппе—744, 842.
Фаржье, Б.—828, 861.
Фарини (здесь Форини), Луиджи-Карло—544.
Фатуровский, Николай—125.
Фегели, профессор—837.
Федоров, Семен—241, 250.
Фейербах, Людвиг—702-03, 706-08, 787, 814, 817.
Фелькнер, Павел Иванович—836.
Фенин, Валериан—506, 508-09, 516, 737, 753, 762.
Феоктистов, Евгений Михайлович—372, 582.
Феомахов, Филадельф—см.: Рыбников П.Н.
Фердинанд II—68.
Фет (Шеншин), Афанасий Афанасьевич—240, 249, 822, 836.
Фигнер, Александр Самойлович—788.
Филарет, московский митрополит—796, 805, 828-29, 832, 841-42, 853.
Филарет (Филоредь) Захаро́вич, митрополит—78, 159, 169, 211, 216-18.
Филипп, слуга—806.
Филиппов, Иван Александрович—598.
Филиппов, Тертий Иванович—353, 734, 825.
Филиппович, Владимир Иванович—691-98, 807.
Филиппович (рожд. Гарденина), Лариса Дмитриевна—691-98, 807, 861.
Филоредь—см.: Филарет Захаро́вич.
Финк, Ксаверий—486.
Фиркс, Федор Иванович—см.: Шедо-Ферроти, Д. К.
Фихте, Иоганн-Готлиб—807.
Флеровский—см.: Берви, В. В.
Флокен, Федор Иванович—253.
Фогт, Адольф—132, 728, 744, 761, 858.
Фогт, Карл—259, 263-64, 271-72, 656, 664-65, 728, 815-18, 822, 838, 847-48, 858, 861.
Фогт, Эмиль—728, 858.
Фогт (рожд. Фоллен), мать А., К. и Э. Фогтов—831, 859.
Фогт, сестра А., К. и Э. Фогтов—816.
Фогты—816, 845, 853.
Фомин, Александр Александрович—587.
Фонвизин, Денис Иванович—810.
Фонвизин, Иван Александрович—836.
Фон-Поль, Карл Карлович—807, 861.
Фонтон, Феликс Петрович—378-81, 850.
Фонтэн, Леон—645, 647-48, 650-51, 656, 659.
Фосс, г-жа—821.
Фохт—342-43.
Франк, книгопродавец—326, 358, 360, 504, 538, 542, 719, 739-41, 813, 825.
Франк и Шнейдер, книгоиздательская фирма—373, 827, 834.
Франклин, Вениамин—595, 842.
Франковский, польский эмигрант—630, 632.
Франс, Анатоль—435.
Франц-Иосиф—818, 828.
Франциск I—695-96.
Фрауенфельд, содержатель пансиона—69.
Фрауенштедт—835.
Фребель, Юлиус—496-97.
Фрейденфельд, Ф.—548.
Фрейлиграт, Фердинанд—128.
Фрецполени, Э.—851.
Фридрих II—818, 821, 827.
Фридрих-Вильгельм IV—338, 376.
Фроассар, Жан—см.: Фруассар, Ж.
Фролов, Николай Григорьевич—12, 42, 44-45, 90, 96, 808-09, 812, 849-50, 852, 861.
Фролова, Аксинья Ивановна—797, 801, 802, 805.
Фруассар, Жан—630, 632.
Фуад-паша—144, 148.
Фурман, Петр Романович—810.
Фурье, Шарль,—137, 576, 591-92, 719, 845, 855.

Хаминов, Иван Степанович—831.
Ханыков, Александр Владимирович—699.
Ханыков, Николай Владимирович—699-701, 704, 836.
Ханыков, Яков Владимирович—702.
Ханыков, Яков Николаевич—5, 702-09.
Ханыкова, жена Я. Н. Ханыкова—702.
Харитон, протопоп—196.
Хмельницкий, Богдан—828.
Хованская (рожд. Яковлева), Мария Алексеевна—793, 795-804.
Ховрина, Мария Дмитриевна—64.
Хоецкий, Карл-Эдмунд (псевдоним—Шарль Эдмон)—491, 494, 496, 522-26, 532-39, 812, 815-18, 821, 845.
Хомутов, Иван Петрович—757, 805.
Хомутова—805.
Хомяков, Алексей Степанович—103, 338, 348, 350, 358, 777, 809-10, 825, 830, 833, 838, 848, 852.
Хорошевский, Владислав Юлианович—611.
Хорошхин, Михаил Павлович—148.
Хотинский, Матвей Степанович—847, 861.
Хоткевич—524, 536.
Худяков, Иван Александрович—50, 52.

Цаблер, Фр., польский эмигрант—486.
Цверцякевич, Иосиф—846.
Цветков, чиновник—841.
Ценкер, банкир—354.

Церетелли, Георгий—125.
Цехановецкий, А.—737, 762-63.
Цехановский, Роберт—см.: Сумароков, Н.
Цешковский, Август—845.
Цитович, врач—838.
Цунц, Леопольд—763.
Цюриков—807.

Ч.—см.: Чичерин, Б. Н.
Чаадаев, Петр Яковлевич—61-63, 309, 473-74, 542, 583, 721, 723, 807, 815, 821-22, 827, 861.
Чайковский (Садык-паша), Михаил Илларионович (Станиславович)—70, 75-77, 180, 186, 191, 210.
Чарницкий, польский эмигрант—486.
Чарторыйские (Чарторижские)—174, 188, 578.
Чарторыйский, Адам-Юрий—844, 847.
Чарторыйский, Витольд—170, 174, 178, 188.
Чарторыйский, Владислав—174, 178-79, 187, 485, 489, 576, 578, 845.
Чарушин, С.—737, 763.
Чахчиани—27, 30.
Чевкин, Константин Владимирович—11, 22, 374, 828, 832, 836, 845.
Чезаротти, Мелкиоре—844.
Челокаев, Авель—125.
Черевин, Павел Александрович—434.
Черкасова—826.
Черкасский, Владимир Александрович—827-29, 854.
Черкесов, Александр Александрович—129, 134, 276, 278, 280, 550-51, 659-60, 836-37, 861.
Черкесова (рожд. Ивашева), Вера Васильевна—561.
Чермак, содержатель пансиона—763.
Чернецкая, Марианна—842, 846.
Чернецкие—841, 843, 859.
Чернецкий, Людвиг—178, 195, 326, 485-86, 550-51, 581, 667, 669-71, 674, 678, 688-89, 738-40, 742, 752-53, 760-61, 763, 820, 841-43, 845, 847, 856, 858-59.
Чернецкий (Чарницкий?), Этьен—838.
Чернышев, Александр Иванович—845.
Чернышев, Павел Феоктистович—512-13.
Чернышевская (рожд. Васильева), Ольга Сократовна—613.
Чернышевский, Николай Гаврилович—53, 55, 88, 106, 108, 121, 180, 199, 203, 219, 224, 314, 321, 325, 332-33, 335, 338, 357, 363, 402, 410, 413-15, 420-22, 425-32, 510, 520, 527-28, 548, 552, 555-56, 561, 571, 574, 596, 607, 610, 612-13, 615, 623-24, 635-36, 638, 640, 642, 653, 657, 660-61, 663-65, 667, 669-70, 674, 677, 679-80, 685, 703-04, 708, 710-11, 730, 771, 828-29, 832, 835-36, 838, 847-48, 850-53, 865.
Черняев, знакомый М. А. Бакунина—806.
Черняк, Яков Захарович (псевдоним—Н. Н. Захарьин)—88-104, 274-80, 126-32, 297-99, 308-87, 402-12, 416, 420-32, 552, 665, 792, 850-53, 865-67.
Чертковы—823.
Чешер, фабрикант—288.
Чижов, Федор Васильевич—356-57, 464-67, 825.
Чичерин, Борис Николаевич—6, 90, 130, 316-19, 321-22, 329, 346, 361, 363, 372, 376, 384, 784, 821, 824-28, 830, 834, 836, 844, 852, 861.
Чичерин, Владимир Николаевич—317, 320.
Чуковский, Корней Иванович—152.
Чулков, Николай Петрович—587.
Чумиков, Александр Александрович—6, 710-25, 827, 861.
Чумиков, Александр, отец А. А. Чумикова—710.

Шайкоский, Северин—486.
Шамбор, Анри-Шарль—526.
Шамро, издатель—822.
Шаншиев, Николай Самойлович—812, 852.
Шапюи, журналист—827.
Шарко, Жан-Мартен—742.
Шарль-Функ, София—50, 52.
Шармер, портной—851.
Шаров, Иван—52-53.
Шарр, Людвиг—820, 829.
Шарра, Жан-Батист-Адольф—829.
Шассен, Шарль—742, 827.
Шатилов, Николай—615, 670.
Шахов, И. А.—841, 861.
Шаховская, Варвара Федоровна—827.
Шаховской, Альберт—см.: Озеров, В. М.
Шаховской, Иван Леонтьевич—355.
Швабе (Салис-Швабе), г-жа—174, 179, 847.
Швицгебель, Адгемар—444-45, 859.
Шевалье, Мишель—818.
Шевелев, Николай Александрович—154, 212.
Шевченко, Тарас Григорьевич—273, 641, 828, 832.
Шевырев, Степан Петрович—308-10, 346-47, 368, 382-83, 718, 777, 807, 809-11, 815, 823, 852.
Шедо-Ферроти, Д. К. (псевдоним Ф. И. Фиркса)—395, 632-34, 786, 788, 833, 861.
Шекспир, Вильям—731-32, 799, 806, 808, 810, 827, 835, 845, 849.
Шелгунов, Николай Васильевич—268, 421, 424-26, 430-32, 548, 556, 613.
Шелгунова (рожд. Михаэлис), Людмила Петровна—129, 270, 839.
Шелгуновы—27.
Шеллер-Михайлов, Александр Константинович—444.
Шеллинг, Фридрих-Вильгельм-Иосиф—61, 836, 849.
Шельхер, Виктор—829.
Шеншин, Александр Александрович—763, 784, 828, 830.
Шеншина, Викторина Ильинишна—737, 763, 784, 830.
Шеплейн, врач—808.
Шеппинг, (Оттон-Густав-Дмитрий Андреевич?)—822.
Шеранов—см.: Щербаков, А. Я.
Шерер, профессор—744.
Шерман, Вильям—598.
Шестакович, Болеслав—434.
Шефер, Леопольд—806.
Шешковский, Степан Иванович—116, 832
Шибаев, Иван Иванович—161.

Шиллер, Иоганн-Фридрих—18, 148, 203, 362, 474, 479-80, 694-95, 797-98, 800, 802, 806, 813, 827.
Шилль, Иосиф Николаевич—429.
Шильдер, Николай Карлович—148.
Шипов, Павел Александрович—186, 220, 255.
Шифф, Мориц—761, 856.
Шишков—806.
Шишманов, Иван—6.
Шкроб, Сергей Иванович—433-62, 506-16, 726-29, 753.
Шкун, крепостной И. А. Яковлева—806.
Шленкер—567.
Шлецер, Август-Людвиг—825.
Шлоссер, Фридрих-Христофор—550-51.
Шмит—515.
Шнейдер—см.: Франк и Шнейдер.
Шодер—814.
Шомбург, банковский служащий—16, 332, 744, 815.
Шопенгауэр, Артур—835-36, 860.
Шпильман, Иоганн—492, 500, 502-03, 814-15.
Шпренгель, Курт—347.
Шредер (в замуж. Направник), Ольга Эдуардовна—152-53.
Шредер—52, 54.
Штакеншнейдер, Елена Андреевна—617.
Штакеншнейдеры—617.
Штегман, оружейник—819.
Штелин, Яков—752.
Штернберг, Василий Иванович—850.
Штеффенс, историк—818.
Штиглиц, Александр Людвигович—366, 641, 743, 851.
Штирнер, Макс—820.
Штрайх, Соломон Яковлевич—259-72.
Штраубе, Е., книгопродавец—847.
Штраус, Давид-Фридрих—739, 806.
Штурценбекер—776, 847.
Шубинский, Сергей Николаевич—141.
Шувалов, Андрей Павлович—888, 848.
Шувалов, Петр Андреевич—105-06, 110, 112, 114-16, 118-20, 132, 165, 507, 739, 763, 766, 828-29, 832, 842-43.
Шуйский, Василий Иванович—828.
Шулунов, Николай Доржиевич—552.
Шультце, Карл—112.
Шульце-Делич, Герман—842.
Шурц, Карл—821, 856, 861.
Шурц, жена К. Шурца—821.
Шютц, Павел Яковлевич—737, 763.

Щапов, Афанасий Прокопьевич—122, 160, 421, 832-33, 836.
Щедрин, Н.—см.: Салтыков (Щедрин), М. Е.
Щелкан, Виктор—630, 632, 838, 861.
Щепкин, Дмитрий Михайлович—325, 350, 533-34.
Щепкин, Михаил Семенович—37, 44-45, 89, 100-02, 316, 325, 328, 350, 534, 808-11, 819, 825, 852-53, 861.
Щепкин, Николай Михайлович—350, 836-37.
Щербаков, Алексей Яковлевич (Шеранов)—5, 684-85, 687, 726-29.
Щербаков, Борис Валентинович—653.
Щербатов, Григорий Александрович—825.
Щербатов, Михаил Михайлович—376.
Щербатов, Александр Петрович—758.
Щербачев, Григорий—384.
Щербина, Николай Федорович—730-34.
Щербинин, Михаил Павлович—829.
Щукин, Петр Иванович—29.

Э. Г., гражданский чиновник, подпись неустановленного лица—112.
Э-ман—462.
Эберман, Владимир Михайлович—175, 179, 202, 227, 240, 249, 253.
Эдинбургский, принц—509.
Эдмон—см.: Хоецкий, К.-Э.
Эккартсгаузен, Карл—805.
Элпидин, Михаил Константинович—126, 450-51, 462, 521, 550-51, 682, 687-88, 690, 726, 737, 758-59, 764-68, 775, 858.
Эльбер, композитор—853.
Эльбиновский, Каз., польский эмигрант—486.
Эльджин, Джемс-Брюс—845.
Эльсниц, Александр Леонтьевич (Людвигович)—69.
Эмблож—847.
Энгельгард, помещица—826.
Энгельс, Фридрих—460, 462, 468, 497, 524, 527, 534, 592, 595-96, 758.
Энгельсон, Александра Христиановна—815-16, 818, 820.
Энгельсон, Владимир Аристович—542, 714, 719, 816-22, 861.
Эргардт, знакомый Г. Гервега и К. Фогта—818.
Эренберг, Густав—845.
Эриксон, изобретатель—20.
Эрн, Гавриил Каспарович—755, 757, 794, 796-802, 804-06.
Эрн, Мария Каспаровна—см.: Рейхель, М. К.
Эрн, Прасковья Андреевна—794, 796, 799-800, 802-04.
Эрострат (Герострат)—338.
Эскирос, Анри-Альфонс—858.
Эссен, М.—830.
Эссингер—850.
Эфрос, Наталья Давыдовна—490-503, 691-98, 812.

Юрасов, Дмитрий Алексеевич—136, 138.
Юренев, Нил Александрович—736, 763.
Юстиниан, имп.—821.
Юсупов—358-59.

Яворский, Владимир, студент—833.
Языков, Александр Михайлович—810.
Языков, Михаил Александрович (подпись—Кинаревич)—722, 777-80, 786-88, 806-07, 809-10, 849-51, 861.
Языков, Николай Михайлович—809.
Языкова (рожд. Ивашева), Елизавета Петровна—810, 845.
Языкова (?), дочь Е. П. Языковой—845.
Якоби, (Якобий), Павел Иванович—27, 29, 32-33, 129, 260, 266, 391-92, 396, 630, 632, 669-70, 674, 728, 744, 840.
Яковлев, Алексей Александрович—794-95, 799-804, 811, 861.
Яковлев, Алексей Андреевич—836.
Яковлев, Иван Алексеевич—92-93, 743, 755, 793-806, 808, 827.

Яковлев, Константин—188.
Яковлев, Лев Алексеевич—756, 793, 796-800, 803-05.
Яковлева, Олимпиада Максимовна—802.
Якубович (Николай Михайлович?)—268.
Якунин, Иван Николаевич—см.: Захарьин, И. Н.
Якушкин, Евгений Иванович—28, 853.
Якушкин, Иван Дмитриевич—583, 585-86, 588, 590, 822, 836, 848, 861.
Якушкин, Павел Иванович—249.
Ян-Казимир, король—828.
Яни, Василий—см.: Кельсиев, В. И.
Яни, Иван—см.: Кельсиев, И. И.
Яниш, Карл Андреевич, отец К. К. Павловой—356.
Янковская, помещица—442, 447, 450, 453.
Янковские—746.
Янсон, Юрий—287-88.
Янсон, девица—825.
Ярошенко, Николай Александрович—235.
Яфимович, Николай Матвеевич—115, 118, 832.

Abramovitz, Michel—212.
Andrejew, Georgi—218.
Angel, mistress—857.
Ayral—580.
Baum-Ritter—56-57.
Beattie, William—209, 213.
Bettoli, Angelo—856.
Bilewski, m-me—847.
Blanc, m-me—439-40.
Bucley—см.: Бокль, Г.-Т.
Bradlaugh—858.
Buloz, François—см.: Бюлоз, Ф.
Ciechanowiecki—см.: Цехановецкий, А.
Condbich (рожд. Фогт), L.—859.
Curchad, доктор—753.
Daeli, книгопродавец—847.
Dentu, книгопродавец—359-60, 844.
Drury, misses—845.
Ellès—853.
Fay, домовладелица—841.
Ferri de Pigny, журналист—544.
Fèvre, домовладелица—392.
Fleury, V.—538.
Gault (?)—838.
Gavirotti, Paolo—440.
Georg—см.: Георг, книгопродавец.
Gilbert—см.: Жильбер.
Grabski, W.—485, 489.
Hertslett, L., esq.—см.: Герслетт, Л.
Hinse (жена Э. Гинса)—460.
Jean—см.: Озеров, В. М.
Kèratry, Emile—см.: Кератри, Э.
Kopp, доктор—377.
Lacombe et Lacroix, фотографы—859.
Lerou, содержатель пансиона—507.
Levrier—см. Леврие.
Lichonoff, художник—см.: Летунов, И. З.
Lowe—820.
Lumley, J. S., esq.—см.: Ламлей, Дж. С.
Madier de Montjau—см.: Мадье де Монжо.
Madden, доктор—639.
Malchinsky, N.—см.: Мальчинский, Н.
Martin, H.—см.: Мартен, Б.-Л.-А.
May, m-me—850.
Mayor, доктор—753.
Mazon, André—29.
Meunier—см.: Менье.
Meyer—728.
Michele, Charles—26, 29.
Michell, Thomas—29.
Moller, de, A.,—847.
Morelli, доктор—196.
Morin—697.
Mucquardt, библиотекарь—650.
N., Natalie (Н. А. Огарева?)—856-57.
N. N.—см.: Кошелев, А. И.
N. N., подпись неустановленного лица—843, 861.
N. N.—412.
N. N., г-жа—830.
N. N.—832.
Napier, Charles—см.: Напир, Ч.
Natan, доктор—631.
Naveau, de—см.: Долгоруков, В. П.
Neros—см.: Серно-Соловьевич, Н. А.
Nefftzer, Auguste—см : Неффтцер, О.
Olgherdovitch, M.—см.: Трубецкой, Н. И.
Orgelbrand, S.—68.
Outerleau, m-lle, содержательница пансиона—842.
Prévost-Paradol, Lucien-Anatole—см.: Прево-Парадоль, Л.-А.
Quincey, de, Th.—822.
Raizeff, знакомый М. А. Бакунина—857.
Robin, Paul—776, 844, 856-57.
Romieu, Auguste—817.
Ross, Arman—см.: Сажин, М. П.
2S.—см.: Серно-Соловьевич, Н. А.
Samois, автор «Anatomie descriptive»—728.
Satow—27-28, 30.
Sax—859.
Schlözer, von, Curd, историк—827.
Smith, Joe—208.
Spreafico—856.
Stanislas—см.: Тхоржевский, С.
Strauss, David-Friedrich—479.
S. S. D. R.—см. Сазонов, Н. И.
St. Andre, de, Josen, врач—822.
Steifensand, X.—63.
Stein, m-me—851.
Stone, Lucy—см.: Стоун, Л.
Thoré, Théophile—см.: Торе, Т.
Toogood, доктор—639.
V., подпись неустановленного лица—826, 861.
Viardot, Louis—см.: Виардо, Л.
Vidil, барон—428.
Wahl, Hélène—378.
Weatherly, R., капитан парохода—846.
Wesendank, Margarete—100.
White, W. A.—26.
Wladár, V., August—218.
Wuletič—214.
X. Y. Z., неустановленное лицо—827.
Z.—корреспондент И. С. Аксакова—825.
Zamperini—856-57.
*, подпись неустановленного лица—821.
**, подпись неустановленного лица—842.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫ—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой 9

АРТУР БЕННИ—В. И. КЕЛЬСИЕВУ и ГЕРЦЕНУ
Публикация С. А. Радина 23

В. П. БОТКИН—ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой 37

ПАУЛИНА ВИЛЬКОНСКАЯ—ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской 47

Н. А. ВОРМС—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина 48

Г. Н. ВЫРУБОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова 55

И. С. ГАГАРИН—ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова 61

И. П. ГАЛАХОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова 64

В. А. ГОЛЬШТЕЙН и В. Н. СМИРНОВ—ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина 69

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. С. ГОНЧАРОВА с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ
Публикация П. Г. Рындзюнского 70

СИМЕОН ГОРСКИЙ—ОГАРЕВУ и ДРУГИМ ЭМИГРАНТАМ
Перевод Л. Р. Ланского 79

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Я. З. Черняка 86

С. С. ГРОМЕКА—ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой 105

М. С. ГУЛЕВИЧ—ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина 123

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. В. и В. П. ДОЛГОРУКОВЫХ с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ
Публикация Н. Н. Захарьина 126

Н. И. ЖУКОВСКИЙ—ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой 133

В. Р. ЗОТОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова 140

В. Н. КАШПЕРОВ—ОГАРЕВУ
Публикация Е. И. Канн-Новиковой 149

В. И. КЕЛЬСИЕВ—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Приложение: письма Филарета Захарóвича
Публикация П. Г. Рындзюнского 159

И. И. КЕЛЬСИЕВ—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Приложение: письма к В. Т. Кельсиевой
Публикация П. Г. Рындзюнского 219

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО с ГЕРЦЕНОМ и М. А. БАКУНИНЫМ
Приложение: письмо Карла Фогта к Герцену
Публикация С. Я. Штрайха 259

Д. Е. КОЖАНЧИКОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 273

А. А. КРИЛЬ—ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой и Я. З. Черняка 274

Л. И. ЛАВРЕНТЬЕВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация А. М. Долотовой 281

П. Л. ЛАВРОВ—ОГАРЕВУ
Публикация Ш. М. Левина 283

М. П. ЛОЗИНСКИЙ—ОГАРЕВУ
Публикация Я. З. Черняка 297

М. А. МАРКОВИЧ (МАРКО ВОВЧОК)—ГЕРЦЕНУ
Публикация В. А. Тумановой 300

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 304

Н. А. МЕЛЬГУНОВ—ГЕРЦЕНУ
Приложение: письмо К. Д. Кавелина к Герцену
Публикация Н. Н. Захарьина 308

Л. И. МЕЧНИКОВ ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина 388

П. С. МОШКАЛОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина 395

В. Ф. НАГЕЛЬ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина 396

ВЛАДИСЛАВ НЕГОЛЕВСКИЙ—ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской 397

В. Ф. НЕФТЕЛЬ—ОГАРЕВУ
Публикация И. М. Бархаша 399

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ—ОГАРЕВУ и ГЕРЦЕНУ
Публикация Я. З. Черняка 402

Н. Н. ОБРУЧЕВ—ОГАРЕВУ
Публикация Н. Н. Новиковой 413
Приложение: Я. З. Черняк. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского? 420

В. М. и А. ОЗЕРОВЫ—ОГАРЕВУ
Приложение: два письма П. Л. Лаврову о Парижской Коммуне
Публикация С. И. Шкроба 433

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. С. ПЕЧЕРИНА с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ
Публикация А. А. Сабурова 463

ПОЛЬСКИЕ ДЕЯТЕЛИ—ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской 485

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П.-Ж. ПРУДОНА с ГЕРЦЕНОМ
Публикация Натальи Эфрос 490

П. А. РАДИЩЕВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Костровой 504

Ф. И. РОДИЧЕВ—ОГАРЕВУ
Приложение: письмо к В. М. Озерову
Публикация С. И. Шкроба 506

К. САБУРОВА (?)—ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова 517

М. П. САЖИН—ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина 520

Н. И. САЗОНОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. Е. Застенкера 522

МАРК-АВРЕЛИЙ САФФИ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 546

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ—ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина 548

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Приложение: четыре документа о подготовке вооруженного восстания в Сибири
От редакции 552

А. В. СКАЛОН—ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова 571

О. ТОКАРЖЕВИЧ—ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской 575

Н. И. ТРУБЕЦКОЙ—ГЕРЦЕНУ
Публикация А. М. Долотовой 582

Н. И. ТУРГЕНЕВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Ю. Г. Оксмана 583

И. В. ТУРЧАНИНОВ и ЕГО ЖЕНА—ГЕРЦЕНУ
Публикация Д. И. Заславского 591

А. С. УВАРОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Бархаша 604

Е. И. УТИН—ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина 605

Н. И. УТИН—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ
Приложение: письмо к А. Д. Трусову
Публикация Б. П. Козьмина 607

В. И. и Л. Д. ФИЛИППОВИЧИ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Натальи Эфрос 691

Н. В. ХАНЫКОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова 699

Я. Н. ХАНЫКОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой 702

А. А. ЧУМИКОВ—ГЕРЦЕНУ
Публикация М. Я. Полякова 710

А. Я. ЩЕРБАКОВ—ОГАРЕВУ
Публикация С. И. Шкроба 726

Н. Ф. ЩЕРБИНА—ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. В. Гиппиуса 730

АННОТАЦИИ

АННОТАЦИИ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

ПИСЬМА М. В. БЕЛИНСКОЙ, Л. П. БЛЮММЕРА, Ф. ВИХЕРСКОГО, ДЖ.-Б. ГАНДОЛЬФИ, А. ГОНЧАРЕНКО, А. ГУРОВСКОГО, В. ДОБРОВОЛЬСКОГО, М. И. ЖЕЛЕЗНОВА, Л. КОСТА, Ак. КРУПИТИНА (?), Л. МАСЛОВСКОГО и др., Н. А. МЕЛЬГУНОВА, Л. И. МЕЧНИКОВА, В. МРОЧКОВСКОГО, Г. МЮЛЛЕРА-СТРЮВИНГА, НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ, В. Ф. НЕФТЕЛЯ, В. М. ОЗЕРОВА, Н. и С. ПАВЛОВСКИХ, И. А. ПАШКОВА, А. П., В. С., С. Ф. и Ф. С. ПЛАУТИНЫХ, М. П. ПОГОДИНА, Н. В. ПОСТНИКОВА (К.-А. РОМАНА), Л. А. РЕНГАРТЕНА, Е. А. и Е. В. САЛИАСОВ, Н. М. САТИНА, С. И. СЕРЕБРЕННИКОВА, А. Е. СКВОРЦОВА, Н. СУМАРОКОВА, ЭД. ТИБО-БРИНЬОЛЯ, О. ТОКАРЖЕВИЧА, С. ТХОРЖЕВСКОГО, А. С. УВАРОВА, С. А. УСОВА, В. ФЕНИНА, А. ЦЕХАНОВЕЦКОГО, С. ЧАРУШИНА, В. ШЕНШИНОЙ, П. Я. ШЮТЦА, М. К. ЭЛПИДИНА и Н. А. ЮРЕНЕВА

Составил Л. Р. Ланский 737

ОБЗОРЫ

КРИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
(ПО АВТОГРАФАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»)

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА
Обзор Н. А. Роскиной 771

ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО
Обзор К. П. Богаевской 777

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

Обзор А. М. Долотовой 781

ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА, А. К. БАКУНИНОЙ, В. П. БОТКИНА, Н. Х. КЕТЧЕРА, С. ЛАЗАРЕВИЧА, П. В. НОВИЦКОГО, И. И. ПАНАЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. А. ПОЛЕВОГО, И. САВИЦКОГО, Н. В. СОКОЛОВА, Л. Н. ТОЛСТОГО, Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИРКСА), М. А. ЯЗЫКОВА И АНОНИМНОГ

Обзор Н. А. Роскиной 786

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ к ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ, ОПУБЛИКОВАННЫХ до 1955 г.

Составили Л. С. Мандельштам, Р. С. Мандельштам и Е. М. Сабсович 791

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ к ГЕРЦЕНУ 792

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ к ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ 844

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ к ОГАРЕВУ 848

ПАМЯТИ УШЕДШИХ ТОВАРИЩЕЙ

И. В. Сергиевский

Некролог 862

Я. З. Черняк

Некролог 865

Именной указатель

Составила Н. А. Роскина 868

В ТОМЕ 236 ИЛЛЮСТРАЦИЙ и 1 ВКЛЕЙКА

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии Наук СССР

*

Редакторы издательства *Н. И. Игнатова* и *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 88 В. Т-01506. Издат. № 1446.
Тип. заказ № 293. Сдано в набор 11/V 1954 г.
Подп. к печ. 8/I 1955 г. Формат бум. 70×108 1/16.
Печ. л. 56 1/4 = 77,06+1 вклейка. Уч.-издат.
1=84,1+1 вкл. Тираж 9000.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18
Телефон Г 5-29-66

Цена 52 руб. 60 коп.

Издательство Академии Наук СССР,
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

16-тип. Главполиграфпрома Министерства культуры СССР
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.